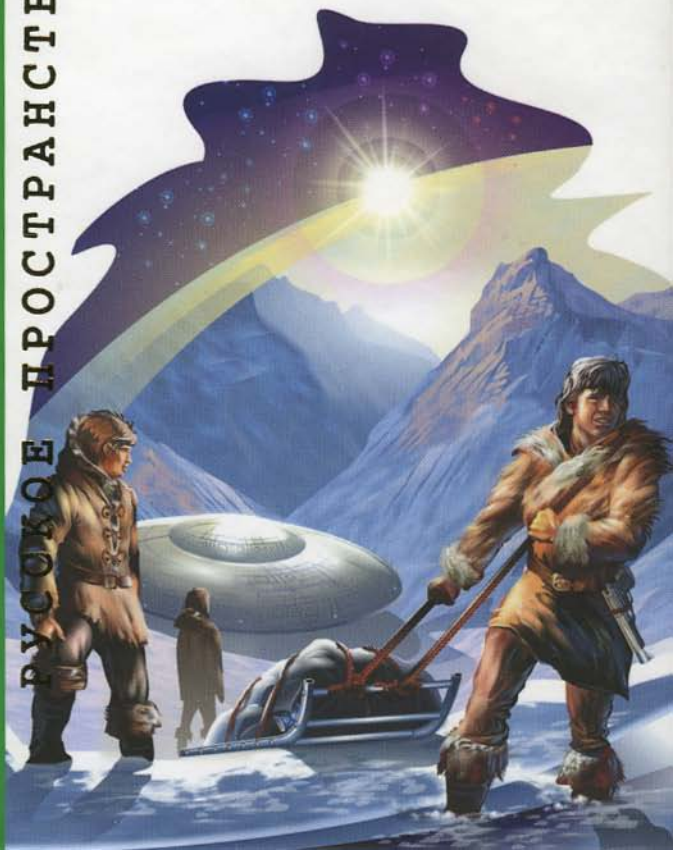
Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК

Москва
ЭКСМО
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.
Б 90 Поселок: Повести. — М.: Изд-во Эксмо, 2006.— 896 с.— (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-12484-5

Знаменитый писатель Кир Булычев (1934 — 2003), произведения которого экранизированы и переведены на многие языки мира, является одной из самых заметных фигур в российской фантастике. Его учениками считают себя наиболее известные современные фантасты нашей страны, его книги не устаревают со временем, находя все новых и новых поклонников в каждом поколении читателей.

В этот том собрания сочинений писателя включены фантастические повести из цикла о докторе Павлыше, а также повесть «Город Наверху».

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-12484-5

© Булычев К., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ ПУТИ

1

Сто шесть лет назад корабль «Антей» покинул Землю.

И как ни велика его скорость, как ни ничтожно сопротивление космического вакуума гигантской пуле, траектория полета которой соединяет уже неразличимую даже в самый мощный телескоп Землю и альфу Лебедя, путь займет в общей сложности сто девятнадцать земных лет.

Сто шесть лет миновало на Земле с того дня, как семьдесят шесть космонавтов, в последний раз взглянув на голубое небо, на пух облаков и зелень деревьев, вошли в планетарные катера, и те взмыли вверх, где на высоте полутора тысяч километров, на постоянной орбите их ждал «Антей».

Подлетая, они могли оглядеть этот дом издали. Одному космический корабль казался неуклюжим насекомым, другому напоминал сломанную детскую игрушку. «Антею» никогда не придется снижаться на Землю или на другую планету. Ему суждено было родиться в космосе, где его собрали, и умереть там. Поэтому конструкторы создавали его без оглядки на сопротивление среды. Непривычному глазу он представлялся нелогичным совмещением колец, труб, шаров, антенн и кубов.

Пока корабль набирал скорость — а разгон его занял месяцы, — экипаж «Антея» мог видеть Землю. Сначала она занимала половину неба, но постепенно превращалась в тускнеющую точку среди миллионов подобных ей и более ярких точек...

Так начался путь. Прошло сто шесть лет.

Еще через тринадцать лет «Антей» достигнет цели.

2

Павлыш миновал двадцать четвертый резервный коридор и остановился перед дверью в оранжерею. Оранжерея была заброшена лет пятьдесят назад, и, кроме механиков, сюда никто не заходил.

Дверь сдвинулась не сразу. Словно ее механизм забыл, как открываться.

Когда Станцо рассказывал о заброшенной оранжерее, Пав-

лыш представлял, что увидит пышные джунгли, заросли лиан и странные цветы, свисающие с крон.

Оранжерея была тайной, открытием. Путешествие к ней — более часа ходьбы по пустым коридорам и залам корабля — подготавливало к тайне.

Путь оказался обыденным.

Где-то на полдороге он встретил робота-уборщика, а в шаре «Д» попал в область использованных складов — они были слабо освещены, пустые коробки и контейнеры громоздились в гулких залах.

Здесь царило запустение. Краска стен, теоретически вечная, поблекла, листы пластиковой обшивки кое-где отстали. Пахло теплой пылью.

Павлыш никак не мог отделаться от ощущения, что пустота следит за ним. Что у нее есть глаза.

Корабль был населен памятью.

Он был самым старым кораблем Земли. Ему было более века.

За эти годы на Земле изобрели новые сплавы и источники освещения, даже коробки и контейнеры были бы иными, если бы «Антей» отправился в путь на сто лет позже. Все было бы иным.

Корабль был не дряхлым, но очень старым. Он был рассчитан на то, что проведет в космосе многие десятилетия. И все равно состарился.

И постепенно пустел.

Один за другим освобождались его склады, закрывались дальние помещения и коридоры — в них уже не было нужды. В тот день, когда Павлыш отправился разыскивать заброшенную оранжерею, на борту было вдвое меньше людей, чем сто шесть лет назад. Жилая, действующая часть корабля с каждым годом съеживалась. Так пустеющую деревню осаждает лес, занимая уже ненужные поля и покосы.

Павлыш открыл дверь в оранжерею и был разочарован, потому что никаких буйных джунглей там не оказалось.

Длинные сухие грядки.

Среди высохших стеблей — колючие кусты. Бурая трава у ног, плети выродившегося гороха ползут по стенам, кое-где на пыльных лабораторных столах остались колбы и пробирки — много лет назад кто-то ставил здесь опыты. Теперь же хватает оранжереи в шаре «В».

Стебли зашуршали, вздрогнули.

Что-то серое метнулось в дальний конец оранжереи. Павлыш отпрянул назад. Никого не могло быть на корабле. Никого лишнего.

Он отскочил за дверь и нажал кнопку. Сначала надо изолировать помещение. Затем вызвать помощь. Все, что неизвестно, непонятно, — может быть опасно. Не только для Павлыша — для всего корабля.

Дверь нехотя задвинулась. Павлыш стоял один в очень тихом коридоре. Ровно светился потолок.

Он был на корабле, куда ничто не могло проникнуть снаружи.

Тому, что он видел, должно быть реальное объяснение.

Хорош он будет, если прибежит к Станцо и скажет, будто видел что-то в заброшенной оранжерее. А что? Что-то.

Тогда Павлыш снова открыл дверь.

Закрыл ее за собой. Чтобы это Непонятное не смогло выбраться наружу. Затем осторожно пошел вперед.

Он старался не наступать на грядки. Керамические плитки пола похрустывали под ногами. Некоторые легко выпадали. В оранжерее стоял неприятный тухлый запах.

В двух шагах от того места, откуда выскочило нечто, Павлыш замер.

Метрах в десяти была округлая стена — конец оранжереи.

И тогда он увидел.

Там, в сплетении ветвей, сидели две серые кошки.

Они смотрели на него в упор, разумно и настороженно. В полумраке — здесь освещение было куда слабее, чем у входа, — их глаза горели желтым злым огнем.

— Еще чего не хватало, — сказал Павлыш вслух. Надо было догадаться с самого начала.

Когда-то кто-то решил, что на «Антее» нужны животные. Домашние. Такие, что не будут много есть, но скрасят одиночество людей.

И на корабле появилась кошачья семья.

И хоть за ней следили, старались контролировать численность этого племени, уже не в первый раз в отдаленных уголках корабля обнаруживались нелегальные, неучтенные кошки.

Кошкам надо чем-то питаться. Значит, они освоили вентиляционные ходы, и оранжерея не была так изолирована, как казалось.

— Живите, — разрешил кошкам Павлыш.

Он нагнулся, вытащил из земли бледный, почти белый стебелек.

Какая-то жизнь все же теплилась. Надо будет сказать Христе, пускай сюда заглянет.

Больше никаких привидений в оранжерее не было.

Привидения — часть корабельного фольклора. За сто с лишним лет на корабле обязательно должен возникнуть фольклор.

В глубине души Павлышу хотелось увидеть привидение. Это

не означает, что он верил в подобную чепуху. Но когда корабль так стар и бесконечен, должно же в нем таиться что-нибудь необыкновенное.

3

Павлышу не хотелось возвращаться в жилую часть корабля.

Там сразу найдутся дела. А когда еще удастся повторить это неспешное путешествие?

Павлыш пошел от оранжереи к соединительному туннелю, по которому можно выйти во Внешний сад. И через него уж вернуться обратно.

По дороге он заглянул в бывшую библиотеку. Когда-то часть жилых кают находилась в этом секторе корабля, и филиал библиотеки размещался поблизости от них.

В библиотеке стоял другой запах — запах пленки. Ячейки для микрофильмов и видеолент были раскрыты. В некоторых остались ленты.

Павлыш знал — почему. Когда библиотеку перевозили, те кассеты, что дублировались в главной, брать не стали.

Павлыш понимал, что и здесь его не ждут открытия, но все же потратил несколько минут, читая надписи на кассетах.

И не зря.

В одном из ящичков он нашел восьмую, шестнадцатую и двадцатую серии «Подводного мира», которых в главной библиотеке не было.

Потом отыскал несколько кассет без этикеток. Их он тоже захватил с собой.

Минут через двадцать он достиг соединительного туннеля и остановился перед лифтом.

Здесь было светлее, сюда иногда заходили.

Лифт поднял Павлыша на несколько ярусов вверх, что было условным понятием, так как низ — всегда центр корабля, верх — его внешние помещения. Гравитационное поле, создаваемое двигателями, таилось в центральном шаре.

Зал отдыха перед входом во Внешний сад тоже был пуст.

В бассейне голубоватым зеркалом застыла вода. Настолько ровная и неподвижная, что Павлышу захотелось нарушить эту неподвижность. Он сунул руку в карман. В карманах у Павлыша всегда есть что-нибудь лишнее. Пальцы нащупали металлический шарик. Павлыш швырнул его в бассейн. Зеркало вздрогнуло, плеснуло столбиком воды и разбежалось кругами, облизывая борта бассейна.

Вот так-то лучше.

Низкие мягкие диваны скобками тянулись вокруг бассейна. Павлыш с размаху прыгнул на диван, неудобно сел на сумку с кассетами, что тащил из библиотеки. Диван ожил, стараясь примериться к телу Павлыша.

Павлыш представил, что он на «Наутилусе». В нем, где-то в недрах, живет последний его обитатель, старый капитан Немо.

А может быть, это «Мария Целеста»? Неожиданная беда обрушилась на шхуну. Почему-то все покинули корабль, все до последнего человека. И кастрюля на плите еще теплая.

Нет, он на необитаемом острове. Вот он, темный лес, за стеклянной стеной. Высоко справа в стене серый круг. Заплата.

Когда Павлыша еще не было на свете, во Внешний сад «Антея» угодил метеорит. Это бывает с кораблями. Хоть над метеоритной защитой «Антея» думали лучшие умы Земли — ни одна крошка материи не должна была дотронуться до корабля: слишком высока цена, — все же шестьдесят лет назад «Антей» попал в мощный метеоритный поток. Настолько мощный, что один из камней достиг корабля.

Метеорит пронзил внешнюю прозрачную тонкую стенку сада.

Затем пробил вторую стенку, отделяющую сад от Зала отдыха.

Затем миновал еще три перегородки и вылетел наружу.

Происшествие стоило жизни двум космонавтам, которые в тот момент были в Зале отдыха. Павлышу рассказывали, что они играли в шахматы.

И Внешний сад погиб. Он погиб так быстро, что не успел измениться.

Павлыш подошел к стеклянной стене.

Когда-то сад любовно собирали, создавали на Земле как то место, где космонавты в невероятной дали от дома могут ощутить и летнюю ночь, и запахи земного леса.

Под прозрачным высоким куполом толпились березы и ели, кусты роз и орешника, а дальше, где поддерживалась температура повыше, возвышались пальмы.

После ремонта тогдашний капитан «Антея» решил не подключать сад к системе отопления. Иначе бы, отогревшись, деревья и кусты сгнили. А так они остались стоять замерзшими памятниками деревьям и цветам. Если не знаешь, что случилось здесь шестьдесят лет назад, может показаться, что за стеклом начинается настоящий лес.

4

И Павлыш представил себе бесконечный ночной лес. Теплый влажный воздух, в котором покачиваются пряные тяжелые запахи, где шуршание падающих листьев так же осторожно и почти беззвучно, как шаги волка. Лишь иногда треснет сухой сук или смело ступит на груду валежника ничего не боящийся медведь.

Громкий плеск, удар, почти грохот обрушился на тишину зала.

Взрыв?

Павлыш резко всем телом обернулся, прижавшись при этом спиной к прозрачной стене. Сила тяжести на корабле мала, вдвое меньше земной, и оттого даже самые резкие движения замедленнее. Мозг уже закончил поворот тела, а оно все еще не может остановиться.

Брызги воды вылетели на пол зала.

Длинная зеленая тень, словно тень крупной рыбы, скользила под взбаламученной голубой водой.

Коротко остриженная девичья голова пробила воду, девушка раскрыла глаза, смахнула рукой воду с ресниц.

— Испугались? — крикнула она. — Я нарочно тихо разделась и потом — как прыгну!

Павлышу стало неловко, что девушка могла увидеть его испуг. Но нет, когда он обернулся, она была еще под водой.

Девушка перевернулась на спину. На ней был зеленый купальник.

Вода в бассейне успокаивалась медленно и солидно, словно бассейн был наполнен маслом.

— Вода здесь удивительная! — сказала девушка. — Я каждый день купаюсь. Вы не пробовали?

— Еще нет.

Он не видел эту девушку раньше. Вчера был такой сумасшедший день. А сегодня он отправился в путешествие по кораблю.

Девушка подплыла к бортику.

— Я тоже иногда прихожу сюда специально, чтобы поглядеть на этот лес. Но я всегда знаю, что он мертвый. Видно, у меня плохо развито воображение.

Павлыш вернулся к диванам и сел.

— Я вас вчера не видел.

— Когда вы прилетели, я была на вахте. Меня зовут Гражиной.

— Я кошек видел. В пустой оранжерее.

— Вот где никогда не была, — сказала Гражина. — Я не романтик.

В голосе ее прозвучала снисходительность к новичку.

Девушка снова нырнула, быстрее, чем Павлыш успел придумать достойный ситуации ответ.

Когда она вновь появилась на поверхности, Павлыш спросил:

— Вы биолог?

— Гравитация, — ответила Гражина.

— А как вас называть, если коротко?

— Гражина мне нравится, — сказала она. — Короче не надо.

— Длинно.

— Ничего, не успеете утомиться. Я завтра улетаю.

Гражина подплыла вновь к бортику. Павлыш увидел, какие у нее длинные пальцы. Просто удивительные длинные пальцы. А ногти обрезаны коротко.

На щеке, под левым глазом, тонкий шрам. Губы мягкие и подвижные. Уголки их все время вздрагивают.

Глаза Павлыша выхватывали детали лица, фигуры — кусочки мозаики строились в портрет, который, если бы они остались на корабле еще надолго, не имел бы почти ничего общего с первым впечатлением.

— Этот год, — сказала Гражина, — пролетел мгновенно. Честное слово. Где-то в середине стало тоскливо — все-таки мы очень оторваны. А сейчас — вы не представляете, как не хочется улетать.

— А если бы вам предложили — оставайтесь еще на срок?

— Нет, не осталась бы, — ответила Гражина.

Тут Павлыш понял, что у нее зеленые глаза. Темные мокрые ресницы затеняли их, и потому они сначала показались Павлышу куда темнее.

— Жаль, — сказал Павлыш. — Чем больше народу, тем интереснее.

— И без меня достаточно, — возразила Гражина. — Сколько в вашей смене?

— Тридцать два.

— В нашей было тридцать шесть. Но мне не повезло.

— Ага, — Павлыш сразу сообразил, что она имела в виду.

Еще тринадцать лет «Антею» лететь до звезды. Еще тринадцать смен. Тринадцатая будет самой счастливой. Именно тем космонавтам будет суждено спуститься на планету, завершить труд тысяч людей и полутораста лет.

— Ничего, — сказал Павлыш. — Мы с вами будем еще не очень старыми. Мы там обязательно побываем.

— Там нам нечего делать, — сказала Гражина. — На планете нужны совсем другие специалисты.

— Почему? Двигатели будут нужны. И кабины будут нужны.

— Вы кабинщик?

— Медик-кабинщик.

— Редкое сочетание. Какой курс?

— Четвертый. А вы?

Гражина вылезла из воды.

— Дайте полотенце, — сказала она.

Полотенце лежало рядом с Павлышом.

Тот быстро поднялся, протянул полотенце. Она начала вытирать волосы, и Павлыш понял, что глаза у нее не просто зеленые, а очень зеленые.

— Я уже старуха. Я в аспирантуре. Мне двадцать три года.

— Ну и что? Разница в три года. Несущественно, — ответил Павлыш.

Гражина засмеялась. Она так сильно смеялась, что руки с полотенцем опустились, и Павлыш увидел, как изменилось ее лицо. Мокрые волосы, что прижимались к голове, сейчас, подсушенные полотенцем, превратились в пышную гриву. И лицо стало меньше. Только глаза не уменьшились.

Она бросила полотенце на диван, взяла оттуда халатик, накинула его, сунула ноги в туфли.

— К обеду не опаздывайте! — сказала она. — Сегодня прощальный обед.

— Ну что вы!

— Не забудьте сумку. Что там у вас?

Гражина была бесцеремонна, но Павлыш не обижался.

Ее бесцеремонность была личной связью между ними.

Только человек, который тебе не чужой, может спросить, что у тебя в сумке.

— Я был в пустой библиотеке, — признался Павлыш, — и взял там кассеты.

— Я тоже раньше туда ходила. Все наши ходили. Я подозреваю, что когда-то там нарочно оставили массу интересных кассет, чтобы устроить нам дополнительное приключение. Что вы взяли?

Павлыш пожалел, что не взял ни одной книги Достоевского или Маркеса.

— Так, — сказал он, — приключения.

— «Звездный рейс»?

— «Подводный мир». Я пропустил несколько серий.

— Не смущайтесь, курсант. Я не спросила, как вас зовут.

— Слава. Слава Павлыш.

— Вот видите, Гражина вам не нравится, а Слава мне нравится. Так вот, Славик, я должна вам признаться, что сама еще два месяца назад вытащила из той библиотеки третью и четвертую

серии «Подводного мира», несмотря на мой почтенный возраст и солидность.

— Вы не производите солидного впечатления.

— Я стараюсь.

5

Они спустились на лифте к центральному шару, потом Гражина побежала к себе в каюту переодеваться.

Павлыш прошел к кабинам.

Обычный корабль имеет два центра: пульт управления и двигательный отсек.

На «Антее» было три центра. Помимо двух обычных там были «кабины».

В обыденности этого слова была извечная попытка причастных к грандиозному делу снизить пафос причастности.

В космическом институте, который имел счастье заканчивать Павлыш, шла давнишняя и безнадежная война между профессорами, для которых уважение к правильной терминологии означало уважение к предмету изучения, и курсантами, которые даже на экзаменах не могли одолеть простых слов «телепортационные ретрансляторы».

К таким курсантам относился и Павлыш, который был хорошим, в меру старательным и в меру способным студентом, достаточно хорошим, чтобы попасть на «Антей» — предмет мечтаний многих поколений студентов.

По законам изящной словесности автор, дабы не привлекать к себе внимания читателей, должен на этом этапе рассказа заставить своего героя — Павлыша — по пути к «кабинам» продумать все, что положено знать читателю.

К сожалению, в данный момент ничто на свете не могло бы заставить Павлыша думать о проблемах, истории и перспективах телепортации, так как он с каждым шагом все больше проваливался в сладкую пропасть влюбленности, притом влюбленности, обреченной на разлуку, что всегда усиливает чувство.

За невозможностью использовать монолог Павлыша, автор вынужден сам поведать о предмете беседы.

К сожалению, для физиков и пилотов даже к двадцать третьему веку путешествие со скоростью большей, чем скорость света, оказалось прерогативой фантастов. Прыжки сквозь изогнутое пространство и подобные изобретения мечтателей пока не стали реальностью. Законы природы обмануть не удалось. Следовательно, за освоением планет Солнечной системы наступила пауза,

которая грозила затянуться навечно. Звезды были недостижимы, так как путь к ним требовал сотен лет полета. Технически возможно было построить корабли, которые выдержали бы столь долгое путешествие, но нельзя было придумать бессмертного человека. Разумеется, мечта о выходе к звездам, к иным цивилизациям, существование которых оставалось лишь теоретическим допущением, продолжала бередить воображение. Проекты, разработанные мечтателями еще в двадцатом веке, рассматривались и обсчитывались, но не осуществлялись. Можно было построить гигантский корабль, снабдить всем необходимым, чтобы экипаж существовал в нем многие десятилетия. Чтобы космонавты рождались, росли, учились и умирали на борту корабля. Сто, двести, триста лет в пути...

Добровольцам, идущим на это, предлагалась пожизненная тюрьма, причем тюрьма, доведенная до абсурда, — тюрьма не только для них самих, но и для их детей и внуков. К тому же можно было вычислить, что в подобном путешествии экипаж, как бы ни был к этому подготовлен и готов жертвовать собой и своим потомством, неизбежно деградирует, как деградирует любое человеческое сообщество, оторванное от остального человечества. Цель не оправдывала жертв.

Теоретически и даже практически был возможен и другой вариант. После отлета с Земли экипаж корабля погружался в анабиоз, из которого выходил к моменту высадки у дальней звезды. То же делалось и на обратном пути.

Таким образом тюрьма оставалась тюрьмой, однако заключенному давали возможность проспать бесконечно длинный срок и даже выйти на свободу.

Но жертвы, которые приносил экипаж, все равно оставались слишком большими. Ведь космонавты должны возвратиться домой через триста лет. То есть они никогда не увидят Землю такой, какой она была при их жизни, никогда не смогут по-настоящему найти своего места в этом мире, как не смог бы найти его современник Ньютона или Наполеона.

Но открытие телепортации, которое произошло, когда люди научились пользоваться гравитационными законами, изменило ситуацию и позволило вернуться к этой проблеме.

Сначала смогли передать грамм вещества на расстояние в десять сантиметров. Затем белая мышь — вечный мученик научного прогресса — была разложена на атомы и собрана вновь в соседнем городе, после чего она облизнулась и принялась глодать кусочек сахара. Наконец 4 августа 2198 года Бисер Симонян вошел в кабину телепортационного центра в Пловдиве и вышел — живой и здоровый — из такой же кабины в Бомбее.

Так как в телепортации используются гравитационные волны, распространяющиеся буквально мгновенно, ограничения в переброске объектов обусловливались лишь энергетическими мощностями и максимальной емкостью кабины.

В течение пятидесяти ближайших лет кабины были установлены по всей Земле и на планетах Солнечной системы[1]. Космические корабли, разумеется, остались, так как на их долю выпали перевозки крупных грузов, руд, сырья. Кабины не только невелики. Они так и не стали и вряд ли станут дешевым удовольствием.

Кабины открыли путь к межзвездным путешествиям. Если отправить в бесконечно длинный полет космический корабль, но снабдить его при этом кабиной для телепортации, то экипажу нет нужды оставаться на борту сто лет. Через определенный срок экипаж можно сменить.

Так появился «Антей».

Первый его экипаж после года работы вернулся на Землю, уступив место другим космонавтам. Причем в течение того же года кабины несколько раз вступали в действие. На корабль прилетала комиссия из ООН, дважды вывозили больных, к тому же туда доставляли некоторые продукты, почту и приборы.

Итак, за сто шесть лет полета на борту «Антея» сменилось сто экипажей.

Правда, с каждым годом связь с кораблем становилась все труднее. К этому были готовы, и это даже предусматривалось при создании корабля.

Ведь хотя гравитационные волны распространяются бесконечно, потребление энергии с расстоянием растет.

Наука продолжала развиваться, появились новые источники энергии, и возможности Земли также увеличивались. Правда, приходилось ради экономии энергии и припасов на борту «Антея» постоянно уменьшать экипаж, и к тому дню, когда курсант Слава Павлыш попал на «Антей», там оставалось лишь тридцать человек. К звезде долетит и того меньше. Очевидно, окончательное число членов экспедиции окажется немногим более десяти.

[1]Возможность мгновенно переправиться в любую точку Земного шара и парадокс, заключающийся в том, что стало быстрее добраться от Парижа до Рио-де-Жанейро, чем от центра Парижа до Версаля, изменили не только скорость сообщений, но и сам порядок жизни. Если ты можешь жить в Москве, а работать на Марсе, ты психологически коренным образом отличаешься от человека двадцатого века.

И среди них уже не будет курсантов. «Антею» же суждено кончить свои дни на орбите у далекой планеты. Постепенно, если там образуется человеческая колония, его разберут, использовав на постройки.

За сто с лишним лет путешествия «Антей» стал частью земной истории. Павлыш, еще находясь на Земле, знал и о кошках, которые расплодились в пустых складах, и о заброшенной библиотеке, и о бассейне с голубой водой. Он тысячу раз видел корабль в фильмах и изучал его на специальных занятиях, как делали это и его учителя, и учителя его учителей, которые работали на «Антее».

Но все его обитатели в конце концов возвращались домой. Как моряки из дальнего, но не бесконечно дальнего плавания. Кроме тех, кто умер или погиб в пути. Их было немного, шесть человек.

6

Очевидно, зал телепортации, если из него вытащить всю начинку, был бы грандиозен. Но за последние сто лет никто не видел его стен.

Кабины на Земле были куда скромнее — в конце концов, всегда можно было вызвать ремонтников. Здесь же все системы были дублированы и передублированы, и запас надежности был в несколько раз выше теоретического. В сущности, этот центр был главной причиной существования «Антея».

Павлыш легко прошел сквозь путаницу коридорчиков, проложенных между молчащих, но живых машин. Улицы и закоулки этого зала были известны Павлышу наизусть: ночью разбуди, вели проверить 50-й блок — с закрытыми глазами найдет дорогу.

Ясно почему: в институте стоит тренажер — точная копия и в таком точно зале. Тренажеру столько же лет, сколько оригиналу.

Студенту положено знать тренажер как свои пять пальцев. Если повезет, то он увидит когда-нибудь кабины «Антея».

Помимо долга, отличное знание студентами этого дремучего зала объяснялось иной традицией: зал был самым укромным местом в институте, его лесом, его парком, его лабиринтом. И никому не сосчитать, сколько судеб было изменено, погублено или спасено в его полутемных закоулках, сколько здесь произошло решительных объяснений, задушевных разговоров, случайных встреч, драматических расставаний. Да и сам Павлыш всего месяц назад услышал решительное «нет» в тесном отсеке между блоком 8-Е и макетом энергонакопителя. После этого Павлыш прогулял два дня, несмотря на то что решалась его судьба — лететь или не лететь. Когда вернулся, выслушал справедливый выговор декана и в наказание все воскресенье пылесосил зал. Декан, сам бывший антеевец (тридцать лет назад он провел на нем тринадцать месяцев), полагал, что самое полезное для студента — это познавательное наказание. Разумеется, декан не говорил студентам, что его жена, сама генный конструктор, ныне солидная дама, сказала ему «может быть» именно у блока 8-Е.

Макеты блоков в институте были немы. Блок на «Антее», если приложить ухо к его теплому матовому боку, низко жужжал, как далекий шмель.

И Павлыш понял, что институт так далек, словно он, Павлыш, летит на «Антее» уже сто седьмой год.

Доктор Варгези сидел на неудобном высоком вертящемся стуле у стойки с пробирками. Он контролировал плотность и состояние раствора.

За его спиной находилась ванна — свинцового цвета шар. От нее тянулась к Земле незримая нить. Там, на другом ее конце, дежурный проверит, плотно ли прилегает к тебе одежда, нет ли в карманах металлических вещей, затем впустит тебя в раскрытое чрево кабины, напоминающей вспоротый кокон — как будто ты куколка. Студенты назвали кабину «испанской вдовой». Это доказывало, что кто-то из них читал историю инквизиции. «Испанская вдова» — изощренное орудие пытки. Она напоминает поставленный на попа саркофаг, утыканный гвоздями — остриями внутрь. Когда человека ставили внутрь, а затем закрывали половинки «вдовы», острия гвоздей вонзались в тело несчастного.

Здесь гвоздей не было. Но были захваты.

Отправляемый объект следовало очень четко зафиксировать.

Информация о его габаритах, массе и весе уходила на приемную кабину заранее — за несколько сотых долей секунды до переброса.

Когда ты через мгновение — субъективно оно могло показаться вечностью — оказывался, допустим, в Антарктиде, то «испанская вдова», в которой ты приходил в себя, так же туго сжимала тебя в гибких, упругих захватах. От этого всегда возникало ощущение того, что никакого перелета не было.

На «Антее» кабина выглядела иначе. Здесь во избежание ошибок, опасность которых резко увеличивалась с расстоянием между передающей и приемной кабинами, человек должен был погрузиться в ванну с тягучим киселеобразным раствором — ни о какой одежде и речи не было. Вещи неорганические шли через вторую кабину, грузовую, в небольших контейнерах. Размеры кабин ограничивали возможности снабжения корабля. За сто лет

на Земле научились сооружать более крупные кабины, но на «Антее» оставалось, естественно, старое оборудование.

Доктор Варгези, прямой начальник и руководитель практики Павлыша, проверял плотность раствора — его состав должен абсолютно соответствовать составу в земном Центре. А после каждого запуска неизбежно происходили микроизменения от контакта с человеческим телом.

— Ты чего пришел? — спросил доктор. — Тебе еще рано.

— Я себя хорошо чувствую, — ответил Павлыш. — Я был в старой библиотеке и в пустой оранжерее. И в бассейне.

— Зря мне об этом рассказываешь, — сказал доктор. — После космического переноса следует отдыхать в течение суток.

— Я, честное слово, себя хорошо чувствую. А когда Макис прилетит?

Макис был сокурсником. Их двоих отобрали с курса для стажировки на «Антее».

— Ты же знаешь, — Варгези поправил белую шапочку, которую, как утверждали, он не снимал даже ночью, скрывая лысину, — у них, как всегда, неразбериха. Я жду Макиса, а перед сеансом идет информация — ждите биолога До До Ки, который оказывается бирманской женщиной средних лет. А я вообще ее не встречал в списках. Ты же знаешь.

Павлыш не стал спорить, хотя знал, что Варгези преувеличивает.

— Я диких кошек видел, — сказал Павлыш.

— Я бы не удивился, если бы здесь водились удавы, крокодилы и летучие мыши. Ископаемое чудище, а не корабль. Если он доберется до цели, это будет такая развалина, что стыдно показаться на люди.

— Вы думаете, что «Антей» развалится?

— Курсант, ваши шутки неуместны. С «Антеем» ничего не случится. Хотя, конечно, надо было еще пятьдесят лет назад вернуть его на Землю.

— Почему?

— Современные корабли передвигаются вдвое быстрее.

— Так это современные. — Павлыш поймал Варгези на логической ошибке и обрадовался.

Остроносый Варгези ему не нравился. Он умел находить дурное в любой светлой вещи. Конечно, психологически — психологию Павлыш проходил — в большом коллективе желательно разнообразие эмоциональных типов. Вернее всего, Варгези попал сюда именно для разнообразия. Но он надоел Павлышу уже в Центре подготовки на Земле, где они оказались в одной комнате.

— А кабины? — Варгези никогда не сдавался в спорах. — Это же прошлый век!

— В них многое заменено.

— В такой кабине я бы не рискнул отправиться к маме в Милан.

— Но отправился сюда.

— Они работают на пределе. Я не удивлюсь, если кабина откажет. И ты понимаешь, что это значит?

— Вряд ли нас отправили бы сюда, если это так опасно.

— Речь идет о тщеславии целой планеты. — Варгези почесал переносицу. Когда он сердился — всегда почесывал переносицу.

«А что я делаю, когда сержусь?» — подумал Павлыш. Никогда не приходило в голову.

— Тщеславию человека можно поставить предел. Всегда есть кто-то над ним. Общество, государство. Но жертвой тщеславия целой планеты может стать не только дряхлый корабль — целый континент. «Антей» давно уже не корабль, а символ. Символ нашего всесилия, символ нашей гордыни. Мы, видите ли, бросили вызов Галактике! Нам не страшны расстояния! А разум молчит! Зачем нам этот «Антей» и это путешествие, которое потеряло смысл задолго до его завершения?

— Вы же знаете, что это не так.

— Докажи, юноша. — Движения Варгези оставались размеренными и сдержанными. Он зафиксировал результаты анализа, слил пробирки, отнес их к мойке, потом снял халат, тщательно сложил его. — Докажи мне, что мы с тобой не жертвы тщеславия очень многих людей, каждый из которых бессилен, однако представляющих вместе эфемерную субстанцию — мнение планеты!

— Но сколько сделано за эти годы. — Павлыш вдруг почувствовал себя на экзамене. — Сколько опытов, открытий. Сколько еще будет сделано! В конце концов, даже если корабль не долетит, само путешествие — это уже великое событие! Вы же знаете, что мы долетим. И установим там, на планете, кабину.

— А планета будет пустая!

— Пустых планет не бывает! Эта кабина будет первой станцией в Галактике — мы сможем переноситься за миллиарды километров так, словно остаемся на Земле.

— Пустая кабина на пустой планете!

Павлыш развел руками.

Станцо, который вошел в отсек и, видно, стоял все это время неподвижно, вмешался в спор.

— Джованни, — сказал он физиологу, — не смущай молодежь.

— Пускай закаляется.

— Что тебя ест?

Станцо — шеф телепортационного центра. Он раньше работал вместе с Варгези. Станцо — редкое исключение на корабле. Он здесь второй раз. Он уже отбыл одну вахту шесть лет назад.

— Энергетический предел, — ответил Варгези. — Ты же знаешь.

— Об этом думают люди, которые умнее нас с тобой.

— Умнее нас с тобой никого нет, — возразил Варгези. — И я утверждаю, что весь этот эксперимент полетит к чертовой бабушке.

— Ладно, не будем об этом.

И Павлышу показалось, что Станцо не хочет вести этот разговор при студенте. Как бы подтверждая подозрения Павлыша, Станцо сказал:

— Если ты не устал, отправляйся в кают-компанию. Там нужны молодые крепкие руки.

— Зачем?

— Вернее всего — резать салат.

7

За сто лет «Антей» оброс традициями, как днище парусника ракушками.

Одной из традиций, хранимой свято, был Двойной Обед.

Пересменка на «Антее» проходила в течение недели. По мере того как на корабль прилетали новые члены экипажа, «старики» уходили на Землю. Наступал момент, когда примерно половина «стариков» уже возвратилась на Землю, а половина «новичков» оказывалась на корабле. И в этот день, третий день пересменки, происходил Двойной Обед.

Двойной, потому что он проходил одновременно на Земле, в Центре управления, и на корабле. На Земле половина новичков угощала тех, кто вернулся с «Антея». На «Антее» старожилы чествовали тех новичков, которые туда перебрались. Обеды начинались одновременно.

Никто, кроме двух экипажей, на обеде не мог присутствовать.

Качество угощения было делом чести.

К обеду готовились загодя, неделями.

О некоторых, наиболее удачных обедах слагались легенды.

Десять лет назад смена на «Антее» умудрилась вывести устриц.

Это был выдающийся биологический эксперимент.

Устрицы выводились в искусственной морской воде и должны были вырасти до нужных габаритов за несколько месяцев.

Устрицы подавались тогда на закуску. Мало кто их ел, но поражены были все.

На этот раз обед был шикарным, но не невероятным.

Павлыш пришел в кают-компанию скорее в надежде увидеть Гражину, чем обуреваемый желанием помочь по хозяйству. Но Гражины он не нашел: оказывается, она сдавала дела сменщику. Вскоре из кают-компании Павлыша выгнали — его присутствие там было нарушением традиции.

Тогда Павлыш пошел на нарушение дисциплины. Небольшое нарушение, но тем не менее недопустимое. Он отправился в гравитационный отсек.

Путь туда занял довольно много времени. Хоть расположение помещений корабля Павлышу было известно, в действительности все выглядит совершенно иначе, чем на снимках или планах. Павлыш представил себе положение гравитационных отсеков относительно кают-компании, но дверь, которая должна соединять их, была закрыта. Павлыш решил пройти через пульт управления, но, спутав коридор, попал в полутемный компьютерный зал, где в низких креслах сидели два навигатора.

Павлыш замер на пороге.

Разумеется, можно было войти и спросить, как пройти в гравитацию. Но не хотелось оказаться в положении заблудившегося мальчика.

Павлыш стоял в дверях, стараясь сообразить, куда двигаться дальше.

— Подтверждения не было, — сказал один из навигаторов.

— Если отменили, то и не будет подтверждения.

— Почему?

— Что-то случилось. А если так, то и гравиграммы не проходят.

— Ты думаешь, авария?

— Немыслимо. Всегда есть возможность перебросить энергию с антарктического щита.

Зажужжал зуммер.

Навигатор протянул руку, провел над пультом ладонью, принимая вызов.

Павлыш видел, как на экране видеофона обрисовалось лицо капитана-1. То есть капитана старой смены. Сейчас на борту были оба капитана, но новый капитан официально примет командование в последний день. Капитан-1, Железный Лех, спросил с экрана видеофона:

— Флуктуаций курса нет?

— Не надейся, капитан, — сказал навигатор. — Все проверено.

— Чего они молчат? — спросил второй навигатор.

Капитан-1 ничего не ответил. Отключился.

Павлыш счел за лучшее уйти. Он понял только — что-то случилось. Вернее всего, со связью. Те трое были встревожены.

Не хватало еще, чтобы начали сбываться пророчества Варгези.

Павлыш задумался, но не настолько, чтобы забыть о цели своих поисков.

В лифтовой шахте послышалось шуршание — кто-то поднимался. Павлыш остановился. Крыша лифта всплыла в шахте, показалась открытая кабина. В ней стояли Гражина и другая девушка. Невысокая, полногрудая, кареглазая брюнетка.

Девушки увидели Павлыша.

— Поехали, — сказала Гражина. — Знакомься, это Армине. Мы вместе работаем.

Павлыш ступил в медленно поднимающийся лифт.

— Ты чего здесь делаешь? — спросила Гражина.

— Вас искал.

— Почему здесь? — разговаривая, Гражина смотрела в упор.

— Я зашел на пульт управления.

— Навигаторы не любят посторонних.

— Я не входил.

— Нет логики. Зачем же заходил, если не входил?

— Навигаторы говорили, я не стал мешать.

— Ты чем-то встревожен?

— Мы без связи с Землей.

Сначала он решил было никому не говорить о том, что подслушал. Но язык сказал это за него. Человек с новостью всегда интереснее женщине, чем человек просто так.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Гражина. — Этого никогда не было. Ты что-то не так понял.

8

За обедом, который, как уже говорилось, был изумительным, но не сенсационным, оказалось, что Павлыш прав.

После первых тостов и речей, ритуал которых был разработан много лет назад, подошла очередь говорить капитану-1.

Капитан-1 сказал, как и положено, что он передает корабль

капитану-2 и его новой команде, надеясь, что с их стороны не будет претензии к предыдущему экипажу.

Затем он должен был сказать о том, как будет приятно встретиться через год на Земле. Но капитан-1 вдруг замолк. И сказал совсем другим голосом:

— Сегодня мы получили с Земли гравиграмму.

Павлыш сидел как раз напротив капитана-1. Он долго не садился, пока все рассаживались, делая вид, что любуется пирамидой салата, потому что хотел увидеть, куда сядет Гражина. Он уже начал считать минуты до момента разлуки и представлять, как будет пуст корабль без Гражины. Но получилось так, что Гражина заговорилась с незнакомыми Павлышу гравитационщиками из старой смены и совсем забыла о нем. И села между ними. Так что Павлышу пришлось садиться далеко от нее, почти в торце стола, напротив капитана-1.

— Что случилось? — спросил Варгези. Спросил мрачно, как будто не спрашивал, а произносил: «Я же предупреждал».

Гравиграммы — редкие гости на корабле.

Для того чтобы отправить послание за столько световых лет, требуется огромное количество энергии. Внеплановых гравиграмм быть не должно. Потому что через час будет переброска следующего человека из новой смены и все новости он принесет с собой. А раз на Земле не стали ждать переброса, значит, что-то случилось.

— Гравиграмма неполная, — сказал капитан-1.

Он был невысокого роста и потому стоял, опершись ладонями о стол.

Маленький, сухой, жилистый человек. Несколько лет назад он установил кабину на Плутоне.

— Гравиграмма неполная, — повторил капитан-1. — Содержание ее таково: «Переброс откладывается...»

— Не может быть! — тихо произнес кто-то в дальнем конце стола.

9

В семнадцать двадцать по корабельному времени Павлыш был у кабины.

Здесь он был не туристом. Он работал.

Вернее, ждал — придется ли работать? Его деятельность как медика начиналась в тот момент, когда в ванной материализовывался астронавт. До того момента он дублировал Станцо.

Больше с Земли не поступало никаких известий. Ясно было, что переброса не будет.

Тем не менее на «Антее» все вели себя так, словно ничего не случилось. Это решили капитаны. В семнадцать двадцать сотрудники центра телепортации были на своих местах, готовые к приему.

В отличие от нормальной процедуры на этот раз в отсеке были и оба капитана.

За сто шесть лет полета еще не было случая отмены переброса.

За столом, когда строились гипотезы, высказывались умные и не очень умные соображения по поводу того, что могло случиться, вспомнили, что однажды вместо одного космонавта приняли другого. Первый внезапно заболел.

Поэтому на «Антее» решено было вести себя так, как будто гравиграммы и не было.

В семнадцать двадцать шесть Павлыш включил свою установку — дубль-контроль.

Установка выдала на дисплее параметры системы. Павлыш ждал слов Станцо.

— Параметры нормальные, — сказал Станцо. Он находился у основной установки. — К приему готов.

Павлыш взглянул на индикатор Станцо, перевел взгляд на свой индикатор. Идентично.

— Дубль-установка к приему готова, — подтвердил он.

Было семнадцать двадцать семь.

— Раствор нормальный, — произнес Варгези.

Дальше все делала автоматика.

Это были самые длительные минуты в жизни Павлыша.

— Время, — сказал техник Джонсон.

— Время, — повторил Станцо.

Приемная кабина была мертва.

Они подождали еще семь минут. Они разговаривали, в этом оказалось даже облегчение. Потому что в те минуты перед сроком была неизвестность.

Прогноз подтвердился — переноса не будет.

И больше было нечего ждать.

Капитаны ушли. Жилистый капитан-1, так и не сдавший команды, и капитан-2, высокий, худой, очень молодой — даже слишком молодой, с точки зрения Павлыша.

А еще через пять минут капитан-1 по внутренней связи оповестил все отсеки о том, что вызывает экипажи в кают-компанию.

На постах остаются только дежурные.

У кабин остался Станцо.

10

Со стола уже успели убрать.

Только скатерть осталась на длинном столе. И стулья вдоль стола.

Кок принес кофе.

Павлыш сел рядом с Гражиной.

Варгези молчал. Павлыш ожидал, что он будет разглагольствовать, но тот молчал.

Капитан-1 сказал:

— Мы все же не отказались от попытки приема. Но кабина не работала. Больше гравиграмм мы не получали. Мы не знаем, сколько продлится эта ситуация, и не знаем, чем она вызвана. Еще вчера все было нормально.

Павлыш кивнул, хотя никто его кивка не увидел, — он хотел сказать, что сам прилетел именно вчера, последним из экипажа. И ничего особенного на Земле не было. Шел дождь. Когда Павлыш бежал от центра к пусковой базе, он успел промокнуть. У кабины его ждала Светлана Павловна, оператор. Она протянула ему махровое полотенце и сказала: «Вытри волосы. Неприлично мокрым появляться в другом конце Галактики». Павлыш так волновался, что не заметил, как прошел к раздевалке, чтобы сдать вещи в контейнер, с полотенцем в руках, и Светлане Павловне пришлось бежать за ним.

— Пока у нас нет никаких данных о природе этого... — капитан попытался подобрать правильное слово, — инцидента. Поэтому мы временно считаем наш смешанный экипаж — постоянным экипажем корабля и приступаем к нормальной работе. Как только будут получены новости, мы сообщим экипажу.

Все поднимались молча.

— Я рад, — сказал Павлыш, когда они подошли к двери.

— Чему? — спросила Гражина.

— Ты теперь не улетишь.

— Улечу. Первым же рейсом.

— Они на Земле услышали мои молитвы, — сказал Павлыш.

— Я не разделяю твоих молитв. — Гражина смотрела в упор.

— У тебя друг на Земле? Он ждет?

— Ты умеешь быть нетактичным!

К ним подошла Армине.

— Мне страшно, — сказала она.

— Еще чего не хватало! Нам ничего не угрожает, — возразила Гражина, сразу забыв о Павлыше.

У Армине была очень белая кожа и пушок на верхней губе, как у подростка. «Странно, — подумал Павлыш, — чего тут страшного?»

11

Павлыш вернулся к кабине.

Он думал, что застанет около нее только Станцо, а там уже были и Джонсон, и Варгези. И еще два кабинщика из прошлой смены.

Станцо сказал, что Павлыш правильно сделал, что пришел. Надо прозвонить все контакты. Даже при тройном дубляже могло произойти что-то экстраординарное.

И они начали работать. Работа была скучной, понятной и ненужной, потому что самим фактом своим она отрицала существование последней гравиграммы с Земли.

Сначала работали молча, разделенные перегородками и телами блоков. Потом стали разговаривать. Человеку свойственно строить предположения. Но главного предположения, которое давно крутилось у всех на уме, почему-то долго никто не высказывал. Первым заговорил об этом Павлыш.

Как самый молодой. Так на старых кораблях — в кают-компании — первое слово на военном совете предоставлялось самому молодому мичману, а последним всегда говорил капитан.

— Я читал статью Домбровского, — произнес Павлыш.

Стало тихо. Все услышали.

Потом Павлыш услышал голос Станцо.

— Контраргументация была убедительной.

— Над ним просто смеялись, — раздраженно прозвучал из-за другой стенки голос Варгези. — А ведь он не мальчишка, он же тоже просчитал все варианты.

— Но нельзя забывать, — это говорил Джонсон, — что, по его расчетам, предел переброски должен был наступить уже шесть или семь лет назад.

— Шесть лет, — сказал Павлыш. — Критическую точку «Антей» уже миновал.

Статья, о которой шла речь, была обречена остаться достоянием узкого круга специалистов, так как ее напечатали в Сообщениях Вроцлавского института космической связи, да и сам Домбровский не был кабинщиком. Но она попалась на глаза журналисту-популяризатору, который смог понять, о чем в ней шла речь.

Домбровский рассматривал теоретическую модель гравитационной связи. И по его условным и весьма неортодоксальным выкладкам выходило, что гравитационные волны — носители телепортации — в Галактике имели определенный энергетический предел. Он утверждал, что конструкторы корабля допустили ошибки в расчетах. И что связь с «Антеем» неизбежно прервется.

Статья была опубликована около десяти лет назад.

Журналист, откопавший статью, добрался до Домбровского, который рассказал на понятном языке, что имел в виду. Затем он поговорил с оппонентами Домбровского, которые указали на три очевидных ошибки в расчетах Домбровского. И эту дискуссию журналист опубликовал.

И хоть аргументы оппонентов Домбровского были куда внушительней, чем его расчеты, именно выступление журнала вызвало к жизни споры, которые формально завершились поражением Домбровского. Правда, сильные математики признавали, что в расчетах Домбровского что-то есть. В пользу его выкладок говорило и то, что расход энергии на связь и телепортацию рос быстрее, чем предполагалось вначале.

Вновь о статье вспомнили через четыре года, когда, если верить Домбровскому, связь должна была оборваться.

Связь не оборвалась, но произошел новый скачок в потреблении энергии. Оппоненты Домбровского облегченно вздохнули, но и его сторонники не умолкли.

Прошло еще шесть лет.

— Даже если это не так, — сказал Варгези, — полет уже сейчас — пустая трата энергии. Каждая переброска стоит столько же, сколько возведение вавилонской башни.

— К счастью, вавилонская башня нам не требуется, — заметил Станцо.

— А может так случиться, — спросил Павлыш, — что теперь мы останемся одни? Ну, если Домбровский в чем-то прав?

Никто ему не ответил.

— А что тогда делать? — спросил Павлыш после долгой паузы.

— Ясно что, — сказал Варгези.

И опять же остальные промолчали.

Но так как для Павлыша ясности не было, он повторил вопрос.

— Возвращаться, — сказал Станцо.

12

На ужин все свободные от вахт собрались в кают-компании. Ужин был из породы «сухих именин» — представлял собой остатки обеденного пиршества. Павлыш прибежал одним из первых и крутил головой, ожидая, когда войдет Гражина. Пришла Армине, очень грустная, и сказала, садясь рядом с Павлышом:

— Гражина не придет.

— Устала?

— Злится.

— Почему?

— Ты же знаешь, — сказала Армине. — Мы разговаривали с нашими навигаторами. Представляешь, сколько займет разворот корабля?

— Не задумывался.

Они разговаривали тихо, думая, что их никто не слышит. Но услышал биолог, сидевший напротив.

— Два месяца, — сказал он. — Как минимум два месяца. Навигаторы сейчас разрабатывают программу.

— Наверное, больше, чем два месяца. И неизвестно, сколько лететь потом, прежде чем восстановится связь. Предел Домбровского довольно неопределенный.

Павлыш удивился. Ему казалось, что лишь в их отсеке подумали о связи событий с теорией Домбровского. Оказывается, везде на корабле думали одинаково.

— Ну и ничего страшного, — сказал Павлыш. — Два-три месяца полетаем вместе.

— А мы рассчитывали, что завтра будем дома.

— Что за спешка?

Легкомыслие иногда нападало на Павлыша, как болезнь. Он потом сам себе удивлялся — почему вдруг серьезные мысли пропадают куда-то?

Армине положила ему на тарелку салат.

— Ты хочешь сказать, что ты рад?

Павлыш понял, что ведет себя глупо. Оснований для радости не было. Он оказался в той, несчастливой смене, которая, возможно, присутствовала при конце полета — громадного, векового порыва человечества, провалившегося в нескольких шагах от цели.

— Проклятый Домбровский, — сказал Павлыш.

— Не знаю, когда ты притворяешься — сейчас или раньше, — вздохнула Армине. — Но в самом деле это трагедия. Я всегда думала, что побываю на звездах. Я думала, что буду еще не старая, когда выйду из кабины на планете другого мира. Представляешь — сколько лет и усилий! И все впустую.

— Не впустую! — сказал Павлыш. — К тому же меня можно понять. Я фаталист.

— То есть?

— Если я бессилен, то не буду биться лбом о стену. Я думаю о том, что в моей власти.

— А что в твоей власти?

— Надо искать утешение. Да, полет прекратится, но ведь мы будем все вместе, все вместе полетим обратно. А потом, когда восстановится связь, может, окажется, что тревога была ложной, и корабль снова полетит к звездам.

— Нет, — сказала Армине.

— Почему?

— Мы уже посчитали, что торможение, разворот и переход на обратный курс съест все ресурсы корабля. Ведь «Антей» рассчитан на один полет. Через какое-то время придется его остановить.

Павлыш кивнул и принялся за чай.

Не мог же он признаться Армине, черные брови которой трагически сломались над переносицей, что не ощущает трагедии. Главное, что Гражина остается на «Антее». Два месяца, три месяца... там видно будет.

— Что-нибудь придумаем, — сказал Павлыш, к удивлению Армине. — Жаль только, Макис не прилетел. Мы с ним с первого курса дружим.

13

На следующий день жизнь корабля текла обычно, как освящено традициями.

Помощник капитана-2 вызвал к себе Павлыша, Джонсона, еще одного стажера-биоэлектроника.

Павлыш знал зачем.

Помощник, человек молчаливый, даже мрачный, провел их в каптерку. Выдал по пульверизатору с клеем. Губки. Баллоны. Щупы.

Роботов на корабле было мало, и каждая смена начиналась с косметического ремонта. Пластиковые покрытия кое-где состарились. Их надо было подклеивать, чистить, если нужно, заменять. Можно рассчитать на сто лет пути корпус корабля, двигатели, переборки, но всех мелочей не предусмотришь. Старела посуда, мебель, ткани... К тому же на корабле была пыль.

Павлышу достался спортивный зал.

Когда он уходил, помощник капитана сказал:

— Береги клей. И пену.

— Почему?

— А вы мне можете сказать, когда будет следующая доставка? — Как положено хозяйственнику, помощник капитана был перестраховщиком. Но в его словах отражалось то чувство неизвестности, что постепенно овладевало экипажем корабля.

В спортивном зале на матах боролись два механика, а Армине старалась сделать сальто назад на бревне. Каждый раз она не удерживалась и соскальзывала на мат. Павлыш медленно пошел вдоль стены, глядя, не отстал ли где пластик. На корабле существует главное правило — если можешь не мешать человеку, не мешай.

Когда ты собираешься провести год в железной банке с тридцатью другими людьми, деликатность — лучшее оружие против конфликтов.

Стена справа от входа — особая стена. Здесь расписываются все, кто побывал на борту «Антея». Кто-то очень давно рассчитал, сколько места потребуется для всех, и потому подписи первых лет находились высоко, под потолком. Но тот, кто это считал, не учел, что на корабле с каждым разом будет все меньше людей. Так что последние подписи оказались на высоте груди. До пола ковер подписей так никогда и не дотянется.

Павлыш остановился у стены подписей.

Без стремянки не разберешь имен самых первых космонавтов.

Зато подпись Гражины Тышкевич прямо перед глазами.

Армине Налбандян рядом.

— Ты сегодня ремонтник? — спросила Армине.

— А когда расписываться? — ответил вопросом Павлыш. — В начале или в конце смены?

— Ты имеешь право расписаться уже сейчас, — сказала Армине. — Но обычно перед отлетом.

— Я подожду, — решил Павлыш. — Но я хочу, чтобы мое имя стояло рядом с именем Гражины.

— Ты сентиментальный студент.

— А ты?

— Мое сердце далеко отсюда, — призналась Армине. Она помолчала, глядя себе под ноги, потом добавила: — Так я и не научилась делать сальто.

— Вся жизнь впереди, — успокоил Павлыш. — К тому же, пока будем разворачиваться, потренируешься.

— Я чувствую, что не переживу, — сказала Армине. — Я уже мысленно на Земле. Как будто все, что здесь, мне только снится. Такой вот неприятный сон.

— И я — кошмарное чудовище.

— Ты неплохой парень, — сказала Армине. — Иначе бы я с тобой не разговаривала.

— Гражина тоже так думает?

— Я никогда не знаю, что же на самом деле думает Гражина. Она очень боится, что ее сочтут слабой.

— А ты?

— Я боюсь растолстеть. Кому я буду нужна такая толстая? — Полные губы улыбнулись, а карие глаза были печальными.

— Ты не толстая, ты... крепкая, — сказал Павлыш.

— Это совсем не комплимент. Работай, я не буду мешать. Я еще немного попрыгаю.

Армине ушла к бревну, а Павлыш начал водить щупом по стенам, проверяя, не отстала ли облицовка.

Потом снова остановился.

Перед Черным ящиком. Или копилкой — любое название годилось.

Ящик стоял в углу.

В нем была щель, как будто для монеток, только для очень больших монеток, размером с тарелку. Да и сама копилка была по пояс Павлышу.

Сюда каждый мог перед уходом с «Антея» кинуть что-то на память о рейсе, какую-нибудь вещь, которую хотел послать к альфе Лебедя. Одни оставляли записку, другие — значок или кассету с любимой песней. Или носовой платок. Или вырезанную из дерева фигурку, или свою фотографию.

Когда «Антей» долетит до той планеты, Черный ящик вынесут и закопают там. И пусть никто не узнает, что за привет послал тот или иной его пассажир. Главное, чтобы приветы добрались до цели.

14

— Сейчас не время рассуждать, чья в том вина, — сказал капитан-2. — Но мы за ночь провели инвентаризацию корабельного хозяйства. Иногда это полезно сделать. Если запасов пищи, с учетом оранжереи и гидропоники, нам хватит надолго, вода в замкнутом цикле также не проблема, то многие нужные припасы на «Антее» подходят к концу.

— Что, например? — спросил Джонсон.

— Например, мыло, — сказал капитан-2.

Это было так неожиданно, что Джонсон хихикнул.

— Сгущенное молоко, — сказал капитан-1, — нижнее белье.

— И многое другое, — заключил фразу капитан-2.

— Пришлют, — прошептал Павлыш Армине.

Армине сама села рядом с ним, Павлышу казалось, что он давно ее знает. С ней было легко, не то что с Гражиной. Гражина сидела в стороне и не замечала Павлыша.

— Когда пришлют? — прошептала в ответ Армине. — Мы же не знаем.

— Мы хотим сообщить вам еще кое-что о состоянии систем корабля. Оснований для тревоги нет, но основания для беспокойства имеются.

Капитан-2 достал желтый лист и начал зачитывать длинный список наличности припасов и запасных частей к приборам.

Павлыш поглядывал на Гражину, надеясь, что она взглянет в его сторону.

Когда капитан-2 кончил зачитывать список, слово взял капитан-1.

— Мы познакомили вас с положением дел, — сказал он, — потому что мы стоим перед дилеммой. Решение первое: мы начинаем торможение и разворот корабля. Эта операция займет примерно шестьдесят восемь дней, после чего мы сможем двигаться обратно к Земле, придя еще через двадцать шесть суток к той точке, где мы получили последнюю гравиграмму с Земли.

— Три месяца, — подсчитал Павлыш.

Конечно, можно обвинять Павлыша в легкомыслии, в том, что он недостаточно глубокая натура и судьба великого дела не волновала его должным образом, зато волновали зеленые глаза Гражины, но факт остается фактом: только услышав, как капитан холодным и бесстрастным голосом подсчитывает сроки разворота и подчеркивает нужду в экономии, потому что неизвестно, когда восстановится связь, Павлыш вдруг не умом, а внутренне, для самого себя, понял, что и в самом деле «Антей» никогда уже не долетит до альфы Лебедя, и все поэмы об этом полете, все книги и воспоминания о нем, все картины и фильмы — все это напрасно, и усилия тех людей, которые собираются ежегодно на встречу «антеевцев», тоже напрасны, вернее, почти напрасны. Нет, никто не будет отрицать научной ценности полета. Но было в свое время немало экспедиций к Северному полюсу. И к Южному полюсу. Они не доходили до цели, хотя результаты их подвигов и достижений были велики. А запомнили Амундсена и Скотта — тех, кто дошел. Потому что если ты объявил Северный полюс целью своего похода, то уж, пожалуйста, добирайся до него.

— Есть альтернатива. — Павлыш задумался и не сразу понял, что это говорит Гражина.

Гражина сказала эти слова напряженно, будто решилась открыть тайну, которую нельзя было произнести вслух.

— Знаю, — сказал спокойно капитан-2. — И эту альтернативу мы тоже рассматривали и хотим обсудить.

«Мы полетим дальше, — вдруг подумал Павлыш, хотя еще секундой раньше такой мысли у него не было. — Мы полетим в надежде на то, что произошла ошибка, авария. И через сколько-то дней или даже месяцев связь восстановится».

— Существует инструкция, — продолжал капитан-2, — на случай прекращения связи. Она предусматривает один выход — повернуть назад. Но... — капитан-2 поглядел на Павлыша, словно обращался только к нему, — инструкция не учитывает, что это могло случиться так близко от цели.

— Относительно близко, — сказал Варгези.

— Относительно близко, — согласился капитан-2, — и все же настолько близко, что есть возможность продолжить полет.

Станцо, сидевший неподалеку, вздохнул. И Павлышу показалось, что с облегчением. Неужели он тоже думал о таком решении?

— Мы допускаем, — продолжал капитан-2, — что через несколько дней или недель связь будет восстановлена. При условии, что обрыв ее — случайность. Но мы обязаны учитывать и другой вариант. Допустим, что Домбровский был прав.

Капитан-2 замолчал, взял со стола стакан, налил воды, выпил. И было очень тихо. И в этой тишине доктор Варгези спросил:

— И где же предел этого ожидания? Сколько мы будем лететь, испытывая научную компетентность физика Домбровского? Месяц? Год? Сколько мы будем ждать? Или пока не выпьем последнюю банку сгущенного молока?

— Очевидно, — капитан-2 осторожно поставил стакан на стол, будто боясь разбить его и тем уменьшить количество посуды на корабле, — мы не должны в таком случае ставить временной предел. Мы должны предположить, что предел — звездная система альфы Лебедя.

— То есть? — Голос Варгези повысился, будто он требовал от капитана признания вины. — Скажите, сколько лет?

— Тринадцать лет, — сказал капитан.

— Нет, — громко проговорил Варгези. — Двадцать шесть. Двадцать шесть лет. Мы должны рассматривать худший вариант: полет до цели, установку никому не нужной кабины и возвращение к пределу Домбровского.

И та и другая цифры были для Павлыша абстракциями. Год — это много. Год. А двадцать шесть... двадцать шесть лет назад, как говорил отец, его еще не было в проекте.

Павлыш подумал, что сейчас все будут горячо спорить, кто-то испугается, кто-то обрадуется. Гражина закричит: «Нет!» А сам Павлыш? Он был сторонним наблюдателем. Он смотрел на эту сцену откуда-то издали, и даже голос капитана, который продолжал звучать в полной тишине, долетал, как сквозь вату.

— Вариант, который мы сейчас рассматриваем, — говорил он, — возник не сразу. Сначала мы просчитали лишь естественное решение...

Тут Павлыш поймал себя на том, что, продолжая оставаться посторонним наблюдателем, он начал считать. Он смотрел на Станцо и считал: Станцо сорок три года. Сорок три плюс двадцать шесть — шестьдесят девять. Это не очень большой возраст, но известно, что в замкнутом пространстве «Антея» (а тут ставились эксперименты по этой части) старение организма идет бы-

стрее, чем на Земле. А каким будет Станцо в семьдесят лет? С белой бородой?

«Капитану-2, — думал Павлыш, — куда меньше сорока. Может, поэтому говорит он, а не капитан Лех, которому около пятидесяти. Он даже может умереть и никогда не вернуться на Землю. Они будут лететь и лететь, а капитан-1 умрет уже от старости...»

— Сто шесть лет назад, — сказал капитан-2, — на Земле произошло очень важное событие, может, одно из самых важных в ее истории. Был отправлен первый звездолет. Все знали, сколько лет ему предстоит лететь. Те, кто строил и отправлял его, знали, что никогда не увидят своей победы. Они это делали для нас с вами. Много тысяч людей летели на нем. И мы думали, что скоро установим кабину в созвездии Лебедя и Земля сделает невероятный скачок вперед — человечество в самом деле станет галактическим.

Капитан говорил медленно, внятно, словно вспоминал выученный текст.

— Несколько поколений людей на Земле росло со знанием того, что этот шаг будет совершен. Я, наверное, не очень хорошо объясняю, потому что речи — не моя специальность. И вот сейчас несколько миллиардов человек ждет этого свершения. Но где-то произошла ошибка. Вернее всего, ошибка. Не может же все идти гладко, но ошибка не трагическая. Не трагическая для отдельных людей, но трагическая для человечества.

— Человечество живо и будет жить еще довольно много лет, — возражал Варгези.

— Да, я знаю, и знаю даже, что современные корабли летают почти вдвое быстрее «Антея», что можно построить новый корабль. Но давайте сосчитаем вместе с вами. Строительство «Антея» заняло шестнадцать лет. Допустим даже, что строительство нового корабля займет вдвое меньше времени, втрое меньше. Это пять лет. Сам полет — полвека.

— Больше, — сказал механик из старой смены. — Практически это семьдесят лет. Я уже думал об этом.

— Более семидесяти лет никто из людей не сможет вновь увидеть вблизи звезду.

— Это не трагедия.

— Наверное, нет, доктор Варгези, — кивнул капитан. — Назовем это разочарованием. Назовем разочарованием и те средства, которые Земля вложила в наш полет. В некоторые годы это до четверти энергии Земли. Земля жертвовала многим ради «Антея».

— Тщеславие планеты хуже тщеславия отдельного человека, — произнес Варгези.

Павлыш вспомнил, что Варгези это уже говорил недавно. Но тогда слова звучали иначе.

— Назовем мечту тщеславием, ничего от этого не изменится, — сказал капитан. — Но есть миллионы и миллионы людей, которые ждут.

— А мы? — вдруг сказала Гражина. — Мы же тоже ждем. Мы, может, ждем больше, чем другие.

— Правильно, — сказал капитан-2. — Я, например, очень жду. В значительной степени «Антей» определил не только мою профессию, но и мою жизнь. Поэтому сам я — за второй вариант.

— Двадцать шесть лет, — сказал Варгези.

«А он, наверное, доживет, — подумал Павлыш. — Ему и сорока нет. Представить смешно: нас снимут с корабля — и не будет ни одного молодого. Даже Гражина. И я. Все немолодые».

И вот тогда Павлыш понял, что все, что здесь творится, касается его. В первую очередь его. Это он проведет здесь всю свою жизнь, а двадцать шесть лет — это вся жизнь.

— Вы все знаете, — продолжал капитан-2, что работы по усовершенствованию гравитационной связи продолжаются. Я надеюсь, что наша робинзонада продлится куда меньше тринадцати лет.

— А если предел связи окончателен? — донеслись чьи-то слова.

— У нас хватает энергии на один разворот. Мы все же долетим и вернемся.

— Корабль стар, — тихо произнес Варгези. — Это — развалина. Мы не знаем, что будет с ним дальше.

— Двигатели и корпус рассчитаны на двести лет. Вы же знаете. Правда, придется экономить. Все. От питания до мелочей.

И вдруг заплакала Армине.

— Мы должны решить это все вместе, — сказал капитан-2. — А это сразу не решишь.

15

Все разошлись, почти не разговаривая.

Павлыш даже понимал почему. Если бы решение было менее важным, если бы это была не собственная жизнь, люди, наверное, задержались бы в кают-компании, спорили, обсуждали.

А тут все на какое-то время стали друг другу чужими.

И расходились тихо.

И Павлыш понял, что он не хочет подходить к Гражине и не

хочет слышать Армине, которая плакала тихо, отвернувшись к стене. Ей бы уйти к себе в каюту.

Павлыш пошел по коридору. Совершенно один.

Он шел долго.

Потом оказался в пустой оранжерее. Это было ненамеренно. Просто его подсознание вспомнило о вчерашнем путешествии.

Сейчас оранжерея показалась еще более жалкой.

Кошка, застигнутая Павлышом у двери, сиганула в сухие кусты, послышался треск ветвей. Павлыш поскользнулся на лишайнике, выросшем между гряд. Потом сел на грядку. Как будто был на Земле и вышел в огород, в маленький огород, который пестовала его бабушка в Скнятино, под Кимрами.

Павлыш не думал о том, что ждет его. Это было еще слишком невероятно. Он думал о том, чего не успел сделать на Земле и что отложил до своего возвращения. Симона — она окончила институт три года назад — звала на подводную станцию на Гавайях. Он очень хотел туда слетать. Потом ему стало жалко бабушку. Потому что он ее не увидит. А если увидит Симону, то она будет старой. С Жеребиловым они строили катер. Давно строили, третий год. Жеребилов сказал перед отлетом: «Шпангоуты я за год одолею, а обшивка на твоей совести». А почему он не отдал книгу Володину? Догадается Володин взять ее? Она на второй полке у самой двери. Там же кассеты старого диксиленда. У бабушки в деревне он посадил три яблони. Эти яблони тоже будут старыми. Бабушка стала слаба, яблони могут вымерзнуть, если наступят сильные морозы... Все это были ничего не решающие мысли.

И Павлыш понял, что он думает обо всем этом так, словно уже решил лететь дальше на «Антее». Потому что примеривается к потерям.

И примиряется с потерями.

Он вспомнил, что ему как-то попался фантастический роман. Из тех старых романов, которые появились еще до отлета «Антея». Там люди жили на космическом корабле поколение за поколением, рождались, умирали на борту и даже забывали постепенно, куда и зачем они летят. А если у них с Гражиной будут дети, то те вырастут к возвращению на Землю и совершенно не будут представлять себе жизнь на Земле. Да и они сами тоже не будут это представлять. Возвращение со звезд в мир, который ушел далеко вперед и забыл о тебе. К другому поколению. Ископаемый герой В. Павлыш! Где ему место? В заповеднике?

Так когда-то люди осваивали Землю.

Уходили в море полинезийские рыбаки, их несло штормом. Или течение. Многие погибали. Но одна пирога из тысячи добиралась до нового атолла или даже архипелага. Люди выходили на берег, строили дома, и только в легендах оставалась память о других землях.

И потом этот остров открывал капитан Кук. Хотя полинезийцы не знали, что их открывают. Может быть, это закон распространения человечества, который еще не сформулирован наукой?

А что, если мы никогда не вернемся на Землю?

Связь так и не восстановится, и почему-то — мало ли почему — «Антей» останется у альфы Лебедя. Он же старый корабль...

Вдруг Павлышу показалось, что в оранжерее холодно и неуютно.

Кошка сидела неподалеку, смотрела на него, склонив голову. Может, вспоминала о том, что люди кормят кошек?

— Ничего у меня нет, — сказал Павлыш вслух.

Кошка метнулась серой тенью к кустам и исчезла.

Павлыш пошел прочь.

Ему вдруг захотелось, чтобы рядом были какие-то люди, нормальные люди, которые знают больше тебя.

И он пошел к кабинам.

16

Там были уже все.

Витийствовал Варгези. Павлышу было ясно, что он — главная оппозиция на корабле.

— Гуси спасли Рим, — говорил Варгези, глядя на Павлыша пронзительными черными глазами. — Но никто не задумывается об их дальнейшей судьбе. А ведь гуси попали в суп. В спасенном же Риме. Так что на их судьбе факт спасения Рима никак не отразился. Представляете, что говорили их потомки: наш дедушка спас Рим, а потом его съели.

Варгези сделал вид, что улыбается, но улыбки не получилось.

— Мы не гуси, — возразил Павлыш.

— Пришло молодое поколение, готовое к подвигам, — съязвил Варгези.

— Формально Варгези прав. Но дело не в том, гуси мы или нет, — сказал Станцо. — Главная ошибка нашего доктора заключается в том, что домашние гуси функционально предназначены, чтобы их съели. Спасение Рима — для них случайность.

— Я все равно в принципе возражаю против героизации, — сказал Варгези. — Чего только человек не натворил в состоянии аффекта. Муций Сцевола даже отрубил себе руку. В тот момент

он не представлял себе ни болевых ощущений, на которые он обречен, ни того, как он обойдется без руки.

— Так можно опошлить что угодно, — не выдержал Павлыш.

— Слава, не перебивайте старших, — сказал Варгези. — Я понимаю, что мои слова вызывают в вас гнев. Но научитесь слушать правду, и вообще научитесь слушать. Мы покоряем космос, а уважать окружающих так и не научились.

— Меня все это касается больше, чем вас. — Павлышом овладело упрямство.

— Любопытно, почему же больше?

— Вы уже все прожили, — сказал Павлыш. — А я только начинаю.

— Вы что же, думаете, что мне надоела жизнь?

— Нет, не надоела, но вы многое уже видели. Вам будет что вспоминать. А мне мало что можно вспомнить.

— Аргумент неожиданный, — сказал Станцо, — но очень весомый.

— Значит, вы за то, чтобы повернуть обратно? — спросил Варгези.

— Не надейтесь, я вам не союзник, — отрезал Павлыш. — Если все решат, я согласен лететь дальше.

— Почему, юнга?

— Потому что не верю в то, что подвигов не бывает.

— Значит, вам хочется славы? Хоть через тринадцать лет, но славы? И вы не уверены, что вам удастся ее нажить без помощи аварии, которая приключилась с нами?

— Я не думал о подвиге, — сказал Павлыш убежденно. — Но мне будет стыдно. Мы вернемся, и нас спросят: как же вы испугались? И все будут говорить: «На вашем месте мы бы полетели дальше».

— Такая опасность есть, — произнес Джонсон. — В воображении каждый полетит дальше.

— В воображении очень легко идти на жертвы! — почти закричал Варгези. — В воображении я могу отрубить себе обе руки. Им, которые так будут говорить, ничего не грозит. Они не запаковывают себя на четверть века в ржавой банке, которую закинули в небо.

— Жалко, — сказал Станцо.

— Что жалко?

Станцо говорил очень тихо, будто не был уверен, стоит ли делиться своими мыслями с окружающими.

— Жалко, что мы не долетим.

И в слове «мы» умещалось очень много людей. Как будто

Станцо вдруг представил себе всю Землю, которая не долетит до цели.

— Жалко было бы в случае, — опять закричал Варгези, — если бы мы знали, что от нашего полета зависит судьба, жизнь, благо Земли! Но поймите же — ни один человек не заметит, долетели мы или нет. А вот если мы не вернемся, нашим близким будет плохо. Только в фантастических романах и бравых песнях космонавты навечно покидают родной дом. Ради Прогресса с громадной буквы.

Павлыш не заметил, как вошел капитан-1. Может, он стоял давно, его никто не видел.

— Простите, — сказал он. — Можно я не соглашусь?

— Разумеется, — проговорил Варгези воинственно. — Мне будет интересно узнать, в чем моя ошибка.

— Не ошибка. Перекос. Вы сказали, что никого не трогает, долетим мы или нет.

— Конечно, «Антей» — давно лишь символ.

— Вы говорите, что этот полет не отразится на судьбе Земли.

— А вы можете возразить и на это?

— Если суммировать ту энергию и труд, которые вкладывались сто лет в этот корабль, то станет понятным, что это делалось за счет отказа от прогресса на других направлениях. Можно предположить, что некоторые люди, отдавшие свои силы кораблю и полету, смогли бы немало сделать в иных областях знаний. Можно предположить, что за счет энергии, которая пошла на полет и телепортацию, можно было бы создать на Луне искусственную атмосферу и превратить ее в сад.

— Преувеличение, — сказал Станцо.

— Может, и преувеличение. Но «Антей» оказался прожорливым младенцем.

— С другой стороны, — добавил Джонсон, — само строительство корабля, опыт его полета — немаловажны.

— Правильно. Но делалось все ради конечной цели. Солнечная система тесна для человечества. В наших руках судьба шага в иное измерение человеческой цивилизации.

— Планета может оказаться пустой.

— Кабина на ней станет окном в центр Галактики. Горные вершины пусты. Но они вершины.

— Аналогия с альпинизмом здесь поверхностна, — сказал Варгези.

«Сейчас я его задушу, — подумал Павлыш. — Задушу, и на корабле сразу станет легче дышать».

— Люди стремятся на Эверест, — сказал капитан-1, — хоть там холодно и не дают пива. Люди идут к Северному полюсу.

А там ничего, кроме льда. Да и вас, Варгези, никто не тянул в космос. Сколько раз вы проходили медкомиссию, прежде чем вас выпустили?

— Вот это лишнее, — ответил Варгези. — Ведь я ее в конце концов прошел.

17

Если бы кто-то попытался поговорить с участниками рейса о том, что они передумали и пережили за те два дня, когда принималось решение, оказалось бы, что почти все ощущали подавленность, глубокую грусть по тем, кто остался дома. Но, за немногими исключениями, тридцать четыре человека, что были тогда на борту «Антея», не терзались перед неразрешимой дилеммой.

Возможно, это объяснялось тем, что большинство членов экипажа были профессиональными космонавтами. Механики гравитации, навигаторы, даже биологи и кабинщики не впервые выходили в космос. В сущности, разница между полетом корабля среди звезд и в пределах Солнечной системы не так уж велика. Тот же распорядок жизни, те же месяцы отрезанности от мира, которые становятся нормой существования. Спутники капитана Кука, уходя на три года в море, считали эту эпопею обычной работой.

Разумеется, двадцать шесть лет и год-два — это большая разница.

К тому же поворот событий был неожиданным.

Профессионализм предусматривает чувство долга. Они летели к звезде, и обстоятельства сложились так, что ради завершения полета им приходилось идти на жертвы. Торможение и разворот корабля лишали смысла столетний полет. «Антей» станет путешественником, повернувшим обратно в нескольких днях пути от полюса или от вершины, потому что путь слишком труден. Не невозможен, а труден. И в этом была принципиальная разница.

Поэтому гравиграмма, отправленная на следующий день к Земле, сухая и даже обыденная, отвечала действительному положению дел.

«После обсуждения создавшейся ситуации экипаж корабля «Антей» принял решение продолжать полет по направлению к альфе Лебедя, выполняя полетное задание...»

Правда, не было уверенности, что послание достигнет цели.

18

Гравиграмма не дает деталей.

Детали все же были.

Ночью Павлыш, не в силах заснуть, бродил по кораблю — его угнетала неподвижность сна — и вышел к зимнему Внешнему саду. Он пожалел, что не взял плавок, чтобы искупаться, но решил, что все равно искупается, потому что вряд ли кому еще придет в голову идти сюда ночью. И только он начал раздеваться, как увидел, что к бассейну, с полотенцем через плечо, подходит Гражина.

— Еще минута, — заявил он, — и я бы нырнул в бассейн в чем мать родила.

Он почувствовал, что улыбается от щенячьей радости при виде Гражины. Если бы у него был хвост, он бы им отчаянно крутил.

— Если я мешаю, то уйду.

— Знаешь ведь, что я рад, — сказал Павлыш.

— Не знаю, — ответила Гражина.

И тут же остановила жестом узкой руки попытку признания.

Гражина сбросила халатик и положила на диван. На этот раз на ней был красный купальник.

— Сколько их у тебя? — спросил Павлыш.

— Ты о чем? — Гражина остановилась на кромке бассейна.

— Разрешено брать три килограмма личных вещей — ты привезла контейнер купальников?

— Удивительная прозорливость. Я их сшила здесь.

— Ты еще и шить умеешь?

— Играю на арфе и вышиваю гладью, — ответила Гражина. — Можешь проверить.

И прыгнула в воду. Брызги долетели до Павлыша.

Когда голова ее показалась над водой, Павлыш крикнул:

— А мне сошьешь? Я не догадался взять плавки.

— Не успею, — ответила Гражина. — Я отсюда хоть пешком уйду — только бы с тобой не оставаться. Самовлюбленный павиан.

— Ты первая, кто нашел во мне сходство с этим животным.

Пришлось еще подождать, потому что Гражина под водой переплывала бассейн до дальнего берега. Павлыш любовался тем, как движется в воде тонкое тело.

Когда она вынырнула, он спросил:

— А если ты так хотела на Землю, почему ты первой сказала о втором варианте?

— О том, чтобы лететь дальше?

— Ты сказала раньше капитана.

— И ты решил, что из-за тебя? Чтобы остаться с тобой на ближайшие четверть века?

— Нет, не подумал.

— И то спасибо. Я сказала об этом, потому что это было естественно. Не сказала бы я, сказал бы кто-то другой.

— А если завтра спросят?..

— Я скажу, что согласна.

Гражина цепко схватилась за бортик, подтянулась и села, свесив ноги в воду.

— Тогда скажи почему?

— Сначала я тебе отвечу на другой твой вопрос, который ты еще не задал: спешу ли я к кому-то на Земле? Меня ждет мама. Наверное, отец, но он очень занят. Он не так часто вспоминает, что у него есть взрослая дочь. Есть мужчина, который думает, что меня ждет... Мы что-то друг другу обещали. Обещали друг друга. Как будто должны вернуть взаимный долг. Он старше меня. Я чувствую себя обязанной вернуться к нему, потому что он ждет. И честно говоря, мне его очень не хватает. Он интересный человек. Мне никогда не бывает с ним скучно...

— Ладно, — не очень вежливо перебил ее Павлыш. — Ты себя уговорила. Я осознал. Я проникся. Я начинаю рыдать.

— Тогда считай, что мы обо всем поговорили.

— Нет, не поговорили. Ты не ответила на главный вопрос.

— На вопрос, почему я согласна остаться здесь? Да потому, что у меня нет другого выхода.

— Есть. У каждого из нас — есть. Я думаю, если хоть один человек скажет, что он не согласен, мы вернемся обратно.

— И ты хотел бы, чтобы я была тем самым человеком, из-за которого это случится?

— У каждого своя жизнь. Только одна.

— И ты хотел бы быть таким человеком? Или, может, ты уже решил стать таким человеком?

— Я подожду, пускай кто-то скажет первым.

— Это еще подлее. Ты, оказывается, и трус?

— Трус потому, что хотел бы вернуться?

— Трус потому, что не смеешь в этом признаться.

— Дура! — в сердцах закричал Павлыш. — Я не буду проситься обратно. Я знаю, что не буду проситься!

— Скажи — почему?

— Ты рассердишься!

— Из-за меня!

— Да.

— Глупо.

— Я тебе противен?

— Дурак. Ты самый обыкновенный. И, наверное, не хуже других. Я еще очень мало тебя знаю. Но любой женщине... любому человеку это приятно. Лестно.

— Спасибо, и все же не сказала о себе. Почему нет выхода?

— Потому что я выбрала такую профессию, которая несет в себе риск не вернуться домой. Не все корабли возвращаются на Землю. Это было и это будет.

— Я понимаю, когда так говорит капитан-1. Он космический волк.

— Не надо меня недооценивать, — сказала Гражина, — если тебе нравится форма моих бровей или ног. Я — не слабый пол.

— Не пугай меня. Мне не хотелось бы, чтобы у моей будущей жены был характер потверже моего.

— Твое счастье, что я не буду твоей женой. К тому же я старше тебя.

Потом Павлыш проводил Гражину до ее каюты. Они говорили о Ялте. Оказалось, что оба жили недавно на Чайной Горке, в маленьком пансионате.

Дверь в каюту Гражины была приоткрыта. Горел свет.

На кровати Гражины лежала, свернувшись калачиком, Армине.

Она сразу вскочила, услышав шаги в коридоре.

— Прости, — сказала она Гражине. — Мне страшно одной в каюте. Я уйду.

— Спокойной ночи, Слава, — сразу попрощалась Гражина.

19

Торжественность последнего собрания в кают-компании объяснялась, видно, тем, что все присутствующие старались показать подсознательно или сознательно, что ничего экстраординарного не происходит. Собрались для обсуждения важного вопроса. Разумеется, важного. Но не более. И готовы вернуться к своим делам и обязанностям, как только обсуждение завершится.

Павлыш сел сзади, на диван у шахматного столика.

Он подумал, что воздух здесь мертвый, наверное, потому, что никогда не оплодотворялся запахами живого мира. Павлышу захотелось открыть окно. Именно потому, что этого нельзя сделать. Год еще можно протерпеть в закрытой комнате, в которой нельзя открыть окно, но как же жить в этой комнате много лет? Нет, надо думать о чем-то другом, смотреть на лица, чтобы угадать заранее, кто и что скажет.

И он понимал, что, если капитан-1, весь сегодня какой-то выглаженный, вымытый, дистиллированный, обратится к нему, — он, Павлыш, скажет: «Да». Но Павлыш ничего не мог поделать с

червяком, сидевшим внутри и надеявшимся на то, что другие, например мрачный Варгези, или Армине, складывавшая на коленях влажный платочек, или не проронивший за последний день ни слова Джонсон, скажут: «Нет».

И он поймал себя на том, что внушает Варгези, чтобы тот поднялся и сказал: это немыслимо, чтобы все мы, включая таких молодых людей, как Павлыш, которые очень спешат домой, отказывались от всех прелестей жизни среди людей ради абстрактной цели... И Павлышу стало стыдно, так стыдно, что он испугался — не покраснел ли, он легко краснел. И он боялся встретиться взглядом с Гражиной, для которой все ясно и которая все решила. А почему она должна решать за него, за Павлыша?

— Павлыш, — сказал капитан-1, — вы самый молодой на борту. Вы должны сказать первым.

Павлыш вдруг чуть не закричал: не я! Не надо меня первым!

Это как на уроке — смотришь за пальцем учителя, который опускается по строчкам журнала. Вот миновал букву «б», и твой сосед Бородулин облегченно вздохнул, вот его палец подбирается к твоей фамилии, и ты просишь его: ну проскочи, минуй меня, там еще есть другие люди, которые сегодня наверняка выучили это уравнение или решили эту задачу.

Павлыш поднялся и, не глядя вокруг, ощутил, что взгляды всех остальных буквально сжали его.

В голове была абсолютная первозданная пустота. Точно так же, как тогда, в школе, только нельзя смотреть в окно, где на ветке сидят два воробья, и думать: какой из них первым взлетит? А что касается уравнения, то никаких уравнений не существует...

Павлышу казалось, что он молчит очень давно, может быть, целый час.

Но все терпели, все ждали — ждали двадцать секунд, пока он молчал.

— Да, — произнес Павлыш.

— Простите, — сказал капитан-1. — Под словом «да» что вы имеете в виду? Лететь или возвращаться?

— Надо лететь дальше.

— Спасибо. — И капитан-1 повернулся к молодому навигатору, стажеру, который прилетел вместе с Павлышом.

Тот поднялся быстро, словно отличник, ожидавший вызова к доске.

— Лететь дальше, — сказал он.

Павлышу стало легко. Как будто совершил очень трудное и неприятное дело. А теперь стало легко. И он уже видел всех обыкновенными глазами. И вообще первые слова словно разбудили кают-компанию. Кто-то откашлялся, кто-то уселся поудобнее...

Люди вставали и говорили «да».

И говорили куда проще и спокойней, чем представлял себе Павлыш.

Десятым или одиннадцатым встал Варгези.

Павлыш понял, что наступает критический момент. И видно, это поняли многие. Снова стало очень тихо.

— Лететь дальше, — просто сказал Варгези.

Павлышу показалось, что все облегченно вздохнули.

А может, кто-то был так же слаб, как Павлыш? И вздохнул не только без облегчения, а наоборот? Словно закрывалась дверь?

Но Варгези не сел. Ему хотелось говорить еще. И никто его не прерывал.

— Когда ты молод, — продолжал Варгези, — жизнь не кажется ценностью, потому что впереди еще слишком много всего. Так много, что богатство неисчерпаемо. Мне было бы легче решить, если бы я был так же молод, как Слава Павлыш. В конце концов, пройдет несколько лет, и я буду первым человеком, который ступит на планету у другой звезды. То есть я стану великим человеком. При всей относительности величия. Наверное, я на месте Славы завидовал бы тому, кто должен был... кому выпал жребий быть в последней смене. А жребий пал на нас. Только с поправкой на тринадцать лет. Повезло ли нам? Повезло. Повезло ли мне лично? Не знаю. Потому что я уже прошел половину жизни и научился ее ценить. Научился считать дни, потому что они бегут слишком быстро. Но ведь они будут так же бежать и на Земле. И я буду все эти годы — тринадцать лет — мысленно лететь к звезде и каждый день жалеть о том, что отказался от этого полета. Ведь тринадцать лет — это совсем не так много. Я знаю. Я трижды прожил этот срок.

И он сел.

Павлыш подумал, что Варгези немного слукавил. Он говорил лишь о тринадцати годах. А не о двадцати шести. Хотя, наверное, он прав. Не может быть, чтобы за эти годы на Земле не сделали бы так, чтобы достичь «Антея».

И Павлыш попытался представить себя через тринадцать лет. Мне тридцать три. Я молод. Я открываю люк посадочного катера. Я опускаюсь на холодную траву планеты, которую еще никто не видел. Я иду по ней...

— Армине, — произнес капитан-1.

Армине вскочила быстро, как распрямившаяся пружинка.

— Я как все, — сказала она. — Я не могу быть против всех.

— Но ты против? — спросил капитан.

— Нет, я как все.

Она пошла к выходу.

Гражина вскочила следом.

— Ничего, — сказала она, — вы не беспокойтесь. Я сейчас вернусь.

— А ты сама? — спросил капитан-1.

— Я за то, чтобы лететь. Конечно, чтобы лететь, неужели не ясно?

И Гражина выбежала вслед за Армине.

Ни один человек из тридцати четырех членов экипажа не сказал, что хочет вернуться.

«Наверное, — думал Павлыш, — многие хотели бы вернуться. И я хотел бы. Но не хотел бы жить на Земле и через тринадцать лет спохватиться: вот сегодня я ступил бы на ту планету».

— В конце концов, — сказал механик из старой смены, один из последних, — у меня и здесь до черта работы.

20

Павлыш отправился к Гражине.

Теперь он не робел перед ее дверью. Теперь они уже никогда не будут чужими. Какой бы ни была их дальнейшая жизнь — она общая, одна.

— Ну и что там? Чем кончилось? — спросила Гражина.

Перед ней лежала открытая книжка в синем переплете.

— Я веду дневник, — пояснила Гражина, заметив, что Павлыш смотрит на книжку.

— Капитан-1 советовал отложить решение еще на один день.

— Из-за Армине?

— Конечно. И из-за того, чтобы некоторые получили возможность подумать еще. И сказал, что те, у кого сомнения, пускай приходят прямо к нему. Бывает, когда вокруг люди, труднее сказать что думаешь.

— И что?

Павлыш оглядывал маленькую каюту. Здесь Гражина жила уже год.

Ни одной картинки, ни одного украшения. Только маленькая фотография красивой женщины. Наверное, матери. Может, уже собралась и готовилась улететь?

— Я уже собралась, — ответила на его мысль Гражина. — А вообще я большая аккуратистка. Что решили?

— Единогласно. Решили — значит, решили. И послали грависграмму.

— Которая не дойдет.

— Может, и не дойдет. А может, дойдет. Ведь не это важно.

— «Антей» продолжает полет?

— Да. А как Армине?

— Она ушла к себе.

— Она не хочет лететь?

— Она полетит, как все, — сказала Гражина. — Она понимает, что ее желание не может стать на пути желаний всех нас. И всех тех, кто остался дома. Это и есть демократия.

Павлыш стоял в дверях, Гражина не пригласила его сесть.

— Мне трудно спорить, — произнес Павлыш. — Я не знаю, как спорить. Но, может, ей очень нужно домой?

— Что такое — очень нужно? Больше, чем тебе? Больше, чем мне?

— Каждый понимает это по-своему. И я сомневаюсь, имеем ли мы право, даже если нас больше, навязывать волю другому.

— Глупые и пустые слова! — Гражина буквально взорвалась. — Если все единогласны, прогресса быть не может! Чаще всего в истории человечества меньшинство навязывало свою волю большинству. И еще как навязывало. А непокорных — к стенке! Читал об этом?

— Это не имеет к нам отношения.

Павлыш понял, что у Гражины глаза пантеры. Это не значит, что Павлыш видел много пантер на своем веку и заглядывал к ним в глаза. Но такие вот светлые холодные зеленые глаза должны быть у пантеры. Наверное, смотреть в них боязно. Но парадокс влюбленности как раз в том, что явления, в обычной жизни вызывающие протест, в объекте любви пленяют. Любовь кончается тогда, когда человек начинает тебя раздражать. Мелочами, деталями, голосом, жестами. А Павлыш подумал: какие красивые глаза у пантер.

— К счастью, не имеет, — согласилась Гражина. — Но к нам имеет отношение принцип демократии. Армине не сказала против.

— Но она подумала?

— Она влюблена. И тот мальчик ждет ее. — Гражина отмахнулась от той, чужой влюбленности. Даже в слове «мальчик» звучало презрение.

— Я думал, что Армине — твоя подруга.

— Она моя подруга. И для нее я сделаю все, что в силах человека. Но я всегда говорю правду. И если бы даже три, четыре человека высказались за то, чтобы вернуться, я бы кричала, дралась, доказывала, что мы должны лететь дальше. Потому что тех, кто думает правильно, — большинство.

— Не знаю, — вздохнул Павлыш.

— Ты никогда не станешь великим человеком. Ты не умеешь принимать решений.

— Я не хочу стать великим человеком.

— Жалко. Ты и сейчас втайне надеешься, что связь восстановится и ты вернешься в срок. Ты перепуган, но тебе стыдно в

этом признаться. Я тебе нравлюсь, и ты даже придумал романтическую историю о том, как мы с тобой поженимся и будем вечерами смотреть на звезды во Внешнем саду. А на самом деле ты очень хочешь домой.

— Хорошо, что ты не капитан. Ты бы всегда принимала решения за других.

— Именно для этого и назначают капитанов. Я могу понять положение на «Антее». Здесь сразу два капитана, здесь необычная ситуация, не предусмотренная ни в одном справочнике. Ни одно из решений не грозит немедленной опасностью кораблю и экипажу. И капитаны, обыкновенные люди, растерялись.

— Я этого не почувствовал.

— Я знаю одного мужчину. Он уже третий год не может принять решения — он измучил и меня и другую женщину, а больше всех себя. Это трусость и глупость. Прими он решение сразу — три недели бы кое-кто помучился, а потом бы все вздохнули с облегчением. Люди, не способные принять решение, — преступники. Ты не согласен?

Павлыш понял, что его ответа не требуется. И потому сказал:

— Ты была отличницей?

— Это не так сложно, Слава. Нужно только вовремя делать уроки. Не откладывать их на завтра.

— А дневник ведешь каждый день?

— Разумеется. К счастью, в твоем голосе звучит разочарование. Ты создал себе образ красавицы — за неимением других. Выстроил меня в воображении такой, какой тебе хотелось представить свою возлюбленную. А я отказываюсь играть по твоим правилам. И ты разочарован. Вторая неожиданность за двое суток...

— Хватит, я тебе не верю. Когда человек уверен, ему не надо кричать и злиться.

— Уходи, — сказала Гражина. — Уходи, чтобы я тебя больше не видела! Ты жалок!

Павлыш пожал плечами. Он не обиделся. Он понимал, что Гражина разговаривала сейчас не с ним, а с тем, кто остался на Земле.

Какой удивительный человечек — Гражина... Павлыш перекатывал во рту это слово, как горошинку, — Гражина, Гражинка...

Он тихо закрыл за собой дверь.

«Проблемы, — подумал он, — проблемы... У всех проблемы, а корабль летит к звезде. И совершенно непонятно, что и когда важнее...»

Все же важнее, чтобы летел корабль.

21

Ночь на корабле, который всегда летит в вечной ночи.

Ты — часть громадного мира, каким бы ничтожным он ни казался в пространстве.

Чуть светят огни в коридорах, чуть ниже температура воздуха, чуть поскрипывает под ногами упругий пластик пола — днем он молчит. Люди, встретившиеся ночью в коридоре, говорят вполголоса, хотя услышать голоса из каюты нельзя.

Павлышу, как и в прошлую ночь, не хотелось спать.

Честь космонавту, который всегда спит вовремя, — это первое правило. Павлыш его нарушил уже дважды.

Он остановился у двери Армине.

Он не хотел входить. Он представил себе, как Армине заснула, наплакавшись. Если Гражина права, то ведь страшно представить себе возвращение к любимому через четверть века. Даже если он будет верен и будет ждать — это уже не тот человек. Может, лучше, чтобы он не ждал?

Из каюты пробивался свет.

Павлыш понял, что дверь закрыта неплотно.

— Армине, — тихо позвал он, приложив губы к щели.

Если она не спит, он войдет. Потому что сейчас она куда ближе и понятнее ему, чем стальная Гражина. Хоть Павлыш и не до конца верил в непоколебимость и самоуверенность Гражины. У каждого своя маска. Армине — человек без маски.

Нечаянно, а может, и нет, он толкнул дверь, и она открылась.

Каюта была пуста. Кровать смята. Он не стал заходить, это было как подглядывать.

Он вдруг подумал, что Армине сейчас — у Внешнего сада, у бассейна. Там видишь лес и воду.

Там одиночество не столь безлико. И нельзя его нарушать.

А может, надо нарушить?

Павлыш прикрыл дверь и пошел по коридору дальше.

Он очень удивился, увидев, что из навигационной появился капитан-2, высокий, смуглый человек, будто только что спустившийся с высокой горы и обожженный тем, высокогорным солнцем.

— Не спится? — спросил он.

— Сейчас пойду спать, — сказал Павлыш.

— Спите. Вам с утра на вахту. Сейчас от вашего внимания, от точности работы многое может зависеть.

Павлышу не хотелось бы, чтобы капитан стал узнавать, какое у него настроение или как он себя чувствует. Капитан, к счастью, ничего не спросил. Они стояли, как люди, столкнувшиеся на ули-

це после долгой разлуки, которым неловко расставаться, но нечего друг другу сказать.

— Если хотите, — добавил вдруг капитан-2, — я вам завтра покажу портреты моих сыновей. Одному шесть, другому девять. Крепкие ребята. Показать?

— Спасибо.

— Ну ладно, спокойной ночи.

И капитан-2 беззвучно пошел по коридору к своей каюте.

А Павлыш двинулся дальше, к Внешнему саду.

22

Дверь в отсек бассейна была закрыта.

Странно, кто и зачем закрыл ее?

На корабле вообще не закрывались двери. В случае аварии автоматика все равно сработает быстрее и надежнее.

Мало ли что могло случиться — ремонт, профилактика, просто сломался запор. И если бы не заплата в прозрачной стене, Павлыш бы вернулся обратно.

А тут он сделал иначе.

Его тревога была необоснованной и, вернее всего, смешной. Наивной.

Но он побежал к нише.

Ниша была на другом уровне, в двух минутах, если бежать.

Павлыш распахнул дверь в нишу и надел скафандр.

Это заняло еще две минуты.

Он выбежал в коридор и побежал обратно.

Бассейн и Внешний сад были отсеком. Одним из двадцати трех отсеков «Антея». Между отсеками на случай аварии были переходники. Ввести в действие переходник можно было, отключив автоматику.

Павлыш отключил автоматику, потом повернул тяжелый рычаг.

Тогда внешняя дверь отъехала в сторону.

Павлыш вошел в шлюзовую камеру. Убедился, что герметизация работает. Включил внутреннюю дверь.

Приборы на пульте показали, что в бассейновой — нормальное давление. Значит, успел.

Дверь за его спиной закрылась. Затем очень медленно открылась внутренняя.

Павлыш вбежал в бассейновую.

Армине сидела в кресле у бассейна и смотрела на воду.

Очень спокойно. Она так глубоко задумалась, что и не заметила, как Павлыш вошел в зал.

А Павлыш в полной растерянности замер у двери.

Последние несколько минут были наполнены действием, гонкой — дышать некогда, — одним всепоглощающим желанием: успеть — и страхом опоздать... А секунды в переходнике, пока закрывались и открывались двери, дали возможность воображению отчетливо и убедительно нарисовать распахнутую дверь во Внешний сад и стеклянное, подобное стеклянным деревьям, тело Армине.

А Армине сидела у бассейна.

Павлыш страшно испугался. Вот-вот она повернет голову и спросит, подняв густые прямые брови: «Ты что здесь делаешь в скафандре?» И что ответить? «Я решил, что ты покончила с собой, и побежал надевать скафандр, чтобы, не рискуя собственной драгоценной жизнью, вынести твое тело из Внешнего сада».

Павлыш, стараясь не произвести ни малейшего шума, начал отступать в переходник — чтобы уйти незамеченным.

И это обратное движение оказалось почти роковым.

Армине услышала.

Вернее всего, она в тот момент собралась с духом и решила подняться, поэтому шорох шагов Павлыша донесся до нее.

Она резко обернулась — не как человек, а как испуганное маленькое животное. И, как испуганное животное, стремительно вскочила и кинулась к перегородке Внешнего сада.

Павлыш не понял смысла движения — он уже отказался от мысли, что Армине может покончить с собой. Поэтому он остановился и сказал ей вслед:

— Не бойся, это я, Слава.

И тут понял, что Армине набирает код на двери во Внешний сад.

Он мысленно считал — и оставался нем и неподвижен — число единиц кода. Их должно быть семь. Щелкнула первая цифра. Вторая, третья, четвертая... Она же сейчас откроет дверь!

— Армине! — завопил Павлыш. — Стой, Армине! Пожалуйста!

Пятая, шестая...

— Смотри, что я сделал! Смотри на меня!

Он обеими руками откинул крепления шлема и рванул его назад. Шлем сорвался, оцарапав лоб, и покатился по полу.

Может быть, от этого неожиданного звука Армине обернулась.

И увидела, что Павлыш стоит без шлема.

— Ты что? — сразу поняла она. — Нельзя. Там вакуум!

— Я знаю, знаю!

— Ты же погибнешь.

— Да.

— Но тебе нельзя! Это только я. Я так хочу! Надень шлем!

— Не надену.

— Я все равно открою дверь! Мне надо уйти!

— Открывай.

Павлыш не успел испугаться в тот момент, когда срывал шлем, и не боялся смерти. Он уже понимал, что Армине не сможет открыть дверь, зная, что Павлыш погибнет тоже.

Армине кинулась к Павлышу. Нет, не к Павлышу, она побежала к шлему, что медленно катился к бассейну, и Павлыш вместо того, чтобы перехватить девушку, как зачарованный смотрел на шлем. Шлем подкатился к кромке бассейна, и было интересно — кто первый? Успеет ли шлем упасть в воду? Или Армине схватит его? Как будто на стадионе, Павлыш болел за шлем.

Армине успела первой. Она подхватила шлем, когда он уже скатывался в воду, прижала к груди и тут же побежала к Павлышу. Наверное, со стороны это выглядело смешно — Армине старалась нахлобучить шлем на Павлыша. Она словно лишилась рассудка. Ведь невозможно надеть шлем на мужчину, который этого не хочет.

Павлышу не стоило труда схватить девушку за руки — ее запястья оказались совсем тонкими — и отвести к дивану. Армине шла послушно, даже не пыталась вырваться, так замирает в руках маленькая птица.

— Садись, — сказал Павлыш. Сел рядом. Но рук Армине не отпустил.

— Мне больно, — сказала Армине.

— А ты не убежишь? — Павлыш отпустил ее руки.

— Мне больно. Мне больно... — Она повторяла как заклинание: — Мне больно. — И уже плакала. Она плакала так сильно, что упала на диван. Она била кулаками по мягкой обшивке, и глупый диван никак не мог сообразить, как лучше прогнуться, чтобы Армине было удобно.— Мне так больно...

Надо бы принести воды, но где тут найдешь стакан?

Павлыш вел себя так, словно наблюдал все со стороны. Он поднялся, прошел к двери во Внешний сад, набрал новый код, заперев дверь. Потом вернулся к Армине. Она плакала тихо, волосы разбежались по плечам и веером — по сиденью дивана.

— Ты меня чуть не провела, — сказал Павлыш. — Я чуть-чуть не попался. Когда я увидел тебя, то решил, что ты и не собираешься... идти во Внешний сад. И подумал: вот я дурак.

— Ну зачем ты пришел? — Армине спросила тихо, словно в самом деле ее интересовал ответ.

— Тебя в каюте не было, — ответил Павлыш. — И меня что-то сюда повело. А когда я узнал, что переходник закрыт, я сразу понял.

— А разве человек не имеет права убить себя? — спросила Армине.

Она села, убрала тыльной стороной руки волосы с глаз. Глаза были красными.

— Зачем? — спросил Павлыш.

— Чтобы вам не мешать, — сказала Армине.

— Ты никому не мешаешь.

В скафандре было жарко. Павлыш включил охлаждение.

— Я бы ушла, и все хорошо кончилось, — сказала Армине. — Вы бы летели дальше. Вы все хотите лететь дальше, чтобы стать героями.

— Чепуха. Никто не хочет специально стать героем. И когда на Земле починят кабину, мы все улетим обратно.

— Ты в это хоть немножечко веришь? Ну хоть чуть-чуть?

— На шестьдесят процентов, — ответил Павлыш, который в тот момент был совершенно искренен.

— Врешь, — сказала Армине.

— То, что ты придумала, — это ужасное предательство.

— Ты не понимаешь.

— Чего же такого непонятного?

Армине подтянула коленки к подбородку. Диван даже вздохнул от невозможности решить задачу. Она уперла подбородок в колени. Подбородок был маленький и круглый. Армине шмыгнула носом. Странно, подумал Павлыш, если бы не случайность, то она лежала бы там, в ледяном лесу. И представить это уже было невероятно.

— Когда я узнала, что обратно нельзя, — сказала Армине, — я ведь уже как будто была опять на Земле. Я знала с самого начала, что мне здесь надо пробыть год. Все за меня радовались. Говорили, что мне повезло. Только мама плакала. У нас свадьба через месяц. Так решили. А в последние месяцы гравиграмм из дома не было. Ты же знаешь, если все в порядке — гравиграммы из дома не идут. А я вдруг испугалась. Я вот работала, все делала, смеялась, я была обыкновенная, а на самом деле я буквально дрожала. Меня так давно нет на Земле, что Саркис уже забыл. С каждым днем все страшнее. А Гражине этого не скажешь. Я сначала пыталась, а потом вижу, что ей это непонятно. Я все время считала дни. Первые одиннадцать месяцев были в сто раз короче, чем последний. Я выйду из Центра в Москве, а меня ждет только мама. И мне страшно спросить — где Саркис. Конечно, это психоз...

— Типичный психоз, — подтвердил Павлыш. — Ты чего с врачом не поговорила?

— Ты еще мальчик...

Павлыш пожал плечами.

— А потом мне сказали, что домой нельзя. Много лет нельзя.

И все кончилось. Потому что нет смысла. Зачем лететь? Куда лететь? Зачем мне нужна эта звезда? И я испугалась, что не выдержу. Что из-за меня придется поворачивать всем.

— Все равно теперь придется, — сказал Павлыш.

— Почему? — Армине смотрела на него в упор. Глаза ее были велики, темные, но прозрачные, можно заглянуть глубоко.

— Я доложу капитану, и он сразу прикажет поворачивать.

— Ты ничего не скажешь капитану.

— Чтобы завтра ты сюда пошла снова?

— Зачем? — Армине вдруг улыбнулась. — Я же знаю, что ты набрал новый код затвора. И никто, кроме тебя, его не знает. Только это нарушение правил.

— Ты заметила?

— Я догадалась.

Армине смотрела на Внешний сад.

— Я могла там быть, — сказала она.

— Глупо, правда? — спросил Павлыш.

— Нет, не глупо. Но не нужно, — сказала Армине. — Оттого, что я это почти сделала, все прошло.

— Ты поняла?

— Гражина смогла бы говорить со мной куда убедительней тебя. Она бы сказала, что я возлагаю свою судьбу на совесть остальных.

— Он тебя обязательно дождется, — сказал Павлыш. — Неужели ты выбрала такого мерзавца, который не дождется?

— Это было очень давно. В другой жизни.

— А твоя мама? Она тебя ждет?

— Не говори об этом.

— Тебе стыдно?

— Сейчас нет.

— Потом будет стыдно.

— Наверное.

— Пошли к капитану.

— Ты никуда не пойдешь.

— Я тебя не понимаю. Ты не хочешь вернуться домой?

— Я себе этого никогда не прощу.

— Если я не скажу капитану, мы полетим дальше.

— Правильно.

— Армине, я ничего не понимаю. Если я пойду к капитану, то полет прекратится, и мы все вернемся. Ты же этого так хочешь, что чуть было... не ушла.

— Если бы я ушла, то я бы никогда не вернулась домой, — сказала Армине. — А я теперь хочу вернуться. Пускай через много лет.

— Я обязан сообщить капитану.

— Я прошу, я умоляю тебя. Если ты это сделаешь, ты меня убьешь. Ты меня спас сегодня, пожалуйста, не убивай. Я не вынесу такого возвращения...

Армине схватила Павлыша за руки. Ее пальцы так сжались, что ногти впились в кожу Павлыша. Но он ничего не сказал. Вытерпел.

— Пошли, — сказал Павлыш, — мне надо спрятать скафандр, чтобы никто не заметил.

Армине быстро вскочила. Она была рада. Когда Павлыш поднялся, она поцеловала его в щеку.

— Ты обещаешь? — спросил Павлыш.

— Ты же знаешь. Я никогда не обманываю.

23

«Антей» летел к альфе Лебедя.

Честно признаться, у Павлыша тогда возник соблазн — как маленький зверек заскребся под ложечкой: если выполнить долг и доложить капитану о случае с Армине, тот отдаст приказ возвращаться. И вроде бы ты не виноват, сам хотел лететь дальше, но обстоятельства выше тебя. Существование такого хитрого зверька Павлыша испугало. Но и хранить тайну было тяжело. Когда-то один брадобрей поведал о тайне царя Мидаса безмолвному тростнику, а тростник, став дудочкой, проговорился. Надо было отыскать тростник, который будет держать язык за зубами. На эту роль была лишь одна кандидатура — Гражина.

Это не означает, что Павлыш тут же отправился к Гражине делиться с ней страшной тайной. Он до вечера дебатировал с собой вопрос: если Армине просила сохранить событие в тайне, означает ли это, что просьба распространяется и на Гражину?

К ужину Гражина не вышла. Армине тоже.

Ужин был скучный, деловой, почти молчаливый. И Павлыш вдруг подумал, что именно таким будут тысячи ужинов, что предстоят им в пути. К тому же ужин был куда более скудным, чем обычно, — на корабле уже начал действовать режим экономии.

Поев, Павлыш сразу же отправился в каюту к Армине. Он нес за нее ответственность. Если с ней что-то произойдет — виноват будет только Павлыш.

Он постучал к Армине.

Та откликнулась. Она уже лежала в кровати.

— Не проверяй меня. Я же обещала. А сейчас я хочу спать. Я устала.

— Я только про ужин, — соврал Павлыш. — Я думал, может, тебе принести?

— Нет, спасибо.

Армине отвернулась к стене.

Павлыш ушел. Следующий визит был к Гражине.

Гражина не спала. Но лежала на койке, укрытая до подбородка пледом.

— Что ты? — спросил Павлыш. — Плохо себя чувствуешь?

— Простудилась.

— Так не бывает, — сказал Павлыш. — Здесь нет сквозняков.

— Ты привез с Земли и меня заразил, — сказала Гражина почти серьезно.

— Хочешь, я тебе ужин принесу?

— Нет.

— Позвать доктора?

— Не надо. Ничего серьезного.

Павлыш оглядел каюту — ничего со вчерашнего дня в ней не изменилось. И что могло измениться? Мелочи, крупицы быта остались запакованными — вряд ли они сразу могут вернуться на свои места.

— А я у Армине был, — сказал Павлыш. — Она тоже не ужинала.

— Знаю, — ответила Гражина.

— Я за нее немного переживаю. — Что было говорить дальше, неясно. Может, прямо сказать: «Сегодня она хотела покончить с собой»?

— Армине мне рассказала, — неожиданно помогла Павлышу Гражина.

— Что рассказала?

— Как ты ее у Внешнего сада нашел.

— В самом деле? Я рад. А то, понимаешь, если я один знаю...

— Не бойся. Ничего с ней не случится. Такое бывает один раз. Потом становится стыдно.

— Ты рассуждаешь абстрактно. Вот если бы ты видела своими глазами...

— Я рассуждаю конкретно, — сказала Гражина.

Тогда Павлыш понял, что лучше дальше не спрашивать.

— Ты тоже будешь за ней приглядывать? — спросил Павлыш.

— Ты правильно сделал, что никому не сказал. Привидениям лучше оставаться в шкафу — это английская поговорка.

Павлыш никогда не слышал такой поговорки.

Настроение было неплохим. Поступки лучше совершать тогда, когда есть кому оценить их благородство.

24

Гражина недомогала больше трех недель. Варгези сказал, что характер заболевания Гражины — нервный. В истоке — стресс, который нарушил иммунные функции организма. Ничего страшного, но лучше отдохнуть.

Армине была молчалива, исполнительна и старалась казаться незаметной. С Павлышом она почти не разговаривала. Впрочем, сделать это было нетрудно — работали они в дальних отсеках и встречались только в кают-компании. Павлыш своего общества не навязывал. Он понимал, что для Армине он часть дурного воспоминания. Если будешь навязываться, ей станет еще хуже.

Как-то Павлыш понес Гражине обед.

Гражина читала. Павлыш увидел — шестой выпуск «Подводного мира». Она отказывалась есть суп, и Павлыш спросил:

— Где же твоя железная воля?

— У меня ее никогда не было.

Наверное, Павлышу надо было уйти, но уходить не хотелось.

— Я разговаривал с механиками. Они думают, что можно поднять предел мощности переброски. По крайней мере, теоретически.

Гражина махнула рукой, как бы отгоняя слова Павлыша.

— Самообман, — сказала она. — Теоретически можно долететь за пять минут.

Павлыш воспользовался жестом, чтобы вложить ей в руку ложку. Подвинул тарелку поближе.

Гражина съела две ложки супа.

Отложила ложку.

— Честное слово, не хочется.

— Я подожду. Я упрямый.

— Жди.

— Ты читаешь шестую часть «Подводного мира»?

— Так, просматривала...

— Только не кисни. — Павлыш взял ложку и протянул ее Гражине.

Гражина неожиданно положила ладонь на кисть Павлыша.

Он замер.

— У меня никого нет, кроме тебя, — сказала Гражина.

— Нас здесь тридцать человек... И Армине.

— Ты один, Славик, — сказала Гражина. — Армине теперь совсем чужая.

— Ты серьезно?

— Я вообще без чувства юмора. Ты же знаешь.

Ее рука ушла в сторону. Павлыш снова дал ей ложку, потому что ничего умнее придумать не мог.

— Скажи, только честно, а то обижусь. Ты с самого первого взгляда меня полюбил?

— Любовь бывает только с первого взгляда, — сказал Павлыш. — Иначе какой в ней смысл? Зачем приглядываться полгода? Чего нового увидишь?

— Это правда?

— Со мной всегда случается только так.

— Как — так? — Гражина даже села на кровати. Ее зеленые глаза загорелись пантерным яростным светом. — Немедленно уходи. Значит, ты всем так говоришь? У тебя со всеми так случается?

— Вот доешь суп, тогда уйду. Не раньше. Я могу ждать. Хоть двадцать лет.

— Спасибо, Славик. Только ты сейчас уйди, хорошо?

— Ладно.

— Ты завтра придешь?

— Подумаю, — сказал Павлыш, поднимаясь.

— Я тебя ненавижу, — сказала Гражина, — потому что ты всегда шутишь.

— Это я от растерянности.

У двери его догнал ее голос:

— И с самого первого взгляда?

— Честное слово.

— А раньше так не было?

— Никогда.

— Спокойной ночи.

25

В ту ночь Павлыш заснул почти мгновенно. Добрался до своей каюты и лег, чтобы думать о Гражине.

Но заснул.

А утром проснулся от ощущения счастья.

И само ощущение счастья было настолько приятным, ласковым и спокойным, что он даже не старался вспомнить: а что же произошло? Потом вспомнил.

И понял, что жутко соскучился без Гражины.

А вдруг у нее поднялась температура?

Зазвонили к завтраку. Оказывается, он проспал. Этого еще не хватало!

Павлыш вскочил, наскоро вымылся, оделся и поспешил в кают-компанию.

Сейчас он возьмет ее завтрак и отнесет к ней в каюту. И даже

если Варгези снова будет язвить, не станет обижаться. Пускай Варгези язвит, у него просто такой характер.

Гражина сидела в кают-компании.

На лице Павлыша отразилось такое разочарование, что кто-то засмеялся.

— Что случилось? — спросил Джонсон.

Но Павлыш не успел ответить. Он смотрел в зеленые глаза, а в зеленых глазах был вопрос.

— Он готовился бежать с завтраком к больной, — сказал Варгези, — а больная лишила его этого удовольствия.

— Мы решили пожениться, — признался Павлыш. Секунду назад и в мыслях не было такого. Слова вылетели неожиданно.

— Правда? — спросил капитан-2. Но спросил не Павлыша, а Гражину. Уголки его губ дрогнули, будто он старался не улыбнуться.

Впервые Павлыш увидел, как Гражина краснеет. Она молчала.

— Не сердись, — сказал Павлыш.

— Я не сержусь, — зло, но спокойно ответила Гражина.

— Извини, мне надо было тебя спросить.

— Мы об этом даже не говорили!

Сцена, наверное, выглядела смешной, но засмеяться никто не посмел.

— Я так понял. — Павлышу захотелось уйти.

— Это шутка, — сказала Гражина, обращаясь ко всем. — Ты чего стоишь? Завтрак кончается. Опоздаешь на вахту.

Павлыш послушно сел. Он боялся, что на него будут смотреть, но все сразу заговорили о других делах. Только Армине поглядела на него и сразу отвела взгляд.

Вот мы и квиты, подумал Павлыш.

26

— Можно было бы меня сначала спросить, — сказала Гражина, когда они вышли из кают-компании.

— Я не успел. Я увидел тебя и подумал, что ты не будешь сердиться.

— Какой-то детский сад.

Они остановились у ее двери.

Гражина поднялась на цыпочки и поцеловала Павлыша в угол губ.

— Ты спал ночью? — спросила она.

— Еще как!

— Жалко. А я не спала. Иди.

Когда Павлыш подошел к центру кабинного отсека, там уже собрались все его коллеги. Свои. Им можно было обсуждать.

— Намечается самый странный брак во Вселенной, — сказал Варгези. — Следствие психологического стресса.

— Ничего особенного, — сказал Джонсон. — Это случается и на Земле.

— Ну и свадьбу мы устроим, — сказал Станцо. — Я давно не гулял на настоящей свадьбе.

И тогда загорелся сигнал готовности на пульте приема.

Он мигнул. Загорелся вновь, и сначала никто не понял, что происходит.

За прошедшие дни все привыкли, что сигнал гореть не может.

Сигнал горел стабильно.

Станцо поднялся, задействовал основной пульт.

Джонсон сообщил на пульт управления, что есть связь с Землей.

Еще через двадцать две минуты с Земли пришла гравиграмма. Краткая.

«Ждите переброску». И все необходимые данные — точное время, масса, спецификация.

27

Гражина, единственная на корабле, не знала, что произошло.

Она была в каюте, и внутренняя связь у нее была отключена.

Павлыш, как только смог, побежал к ней.

С момента приема гравиграммы прошло лишь пять минут, и потому все были так заняты в телепортации, что никто толком не успел задуматься о смысле случившегося. Но, конечно, обрадовались. И ждали, что будет.

— Гражина! — вбежал Павлыш. — Знаешь, что случилось?

— Связь, да? — Голос Гражины звучал испуганно.

То, что Гражина сразу догадалась о самом невероятном, было даже обидно.

— Как ты догадалась?

— Я думала об этом, — ответила Гражина. — Как раз сейчас я думала об этом.

— Ты ждала этого? — И тут Павлыш понял, что ничего хорошего не случилось. Что жизнь, которая недавно началась так сложно и драматично, настоящая необычная жизнь, кончается. Словно видеопленка.

— Я боялась этого, — сказала Гражина.

— Но мы с тобой останемся, ведь у нас все по-прежнему? Да?

— У нас с тобой — наверное. Только вокруг все иначе.

— Подожди! Мы же не знаем. Может, связь временная! Может, ничего еще не будет.

— Ты смешной человек, Павлыш. — Гражина подняла руки и сильно схватилась пальцами за его плечи. — А я боюсь.

— Но мы можем сказать, что уже решили остаться на борту до конца...

Павлыш осекся. Зачем говорить чепуху?

Чрезвычайные обстоятельства прекратились, началась обыкновенная жизнь, к которой надо привыкать. И это тоже не очень просто.

28

Первая переброска произошла на следующий день.

Милев, из второго экипажа, пройдя обследование после перелета, перешел в кают-компанию. Он сказал, что экипаж «Антея» на Земле уже называют «зимовщиками». Как древних полярников.

Оказалось, что Домбровский был прав. Но лишь частично.

Энергетический порог переброски существовал. Но это был не предел телепортации, а лишь порог.

Обрыв связи случился неожиданно. И земному Центру понадобилось несколько дней, чтобы установить новые гравироторы.

В первые дни все ждали вестей о возвращении «Антея».

Это было крушением давней мечты, крушением образа жизни.

Потом стало ясно, что «Антей» продолжает путь к альфе Лебедя.

— Ну, ребята, — сказал Милев, — приготовьтесь возвратиться героями. Вы бы почитали, что о вас пишут, послушали, что говорят. Я вчера еще был самым популярным типом на планете. Я летел к тем самым. Которые Пожертвовали Собой Ради Человечества! Ну, ребята... — Милев был возбужден, он чувствовал себя гонцом добрых вестей.

Его слушали смущенно. Ведь, честно, никто не был героем.

— Желающие из новой смены, из моей смены, могут вернуться до срока. Конечно, это влетит Земле в копеечку, но мы все понимаем — нервное напряжение почище, чем у первого космонавта...

Он засмеялся, и некоторые вежливо улыбнулись.

Павлыш понимал, что никуда он сейчас не улетит. Ему осталось десять месяцев практики, и он их проведет на «Антее». Только без Гражины. И все десять месяцев будет думать: а что она сейчас делает? И ему будет страшно вернуться.

Гражина положила ладонь на руку Павлышу.

— Ничего, — сказал Павлыш очень тихо, чтобы не перебивать монолога Милева. — Мы потерпим.

Гражина убрала руку.

29

Гражина улетела через день. Первой, потому что все еще была нездорова.

— Ты дождешься меня? — спросил Павлыш.

— Не знаю, — сказала Гражина. — Я ничего не знаю.

До альфы Лебедя «Антею» оставалось лететь двенадцать лет и десять месяцев.

ВЕЛИКИЙ ДУХ И БЕГЛЕЦЫ

Глава 1

ИЗБУШКА

Павлыш проверил анабиозный отсек, там все было в порядке. Странно, еще недавно он спорил с Бауэром, доказывал ему, что этот отсек — анахронизм, и если уж переоборудовать корабль на гравитационный двигатель, то можно заодно и ликвидировать отсек — лишнее место, лишний вес... И Бауэр сказал тогда: «Но может же так случиться...» Хотя оба понимали, что случиться так не может. И случилось.

Уже месяц, как «Компас» падал. Он падал, и неизвестно было, чем кончится это падение. «Компас» проваливался в пространство, в бесконечность. Уже месяц, как он был объявлен пропавшим без вести, его разыскивали все станции и корабли сектора и не могли найти.

Находят в конце концов путешественников, пропавших без вести в пустыне, находят самолеты, разбившиеся в горах, находят флаер, унесенный ураганом, находят затонувшую субмарину. Потому что место, область их исчезновения конечны, ограничены дном моря, горной долиной, пределами пустыни. Космический корабль, пропавший без вести, найти нельзя. Тем более если он не выходит на связь.

Надежность корабля, доведенная до совершенства, таит в себе риск. Гравитационный отражатель надежен, связь, которую поддерживает корабль на гравитационных волнах, также надежна, но если система отказывает в одной точке, возникает опасность цепной реакции. И если не уловленный приборами во время прыжка метеорит из антивещества коснулся гравитационного отражателя и, исчезнув сам, уничтожил отражатель «Компаса», то он уничтожил и космосвязь, потому что отражатель — одновременно антенна для гравитационных волн. И корабль, прервавший прыжок в точке, установить которую удалось не сразу и с недостаточной степенью точности, оказывается неуправляем, безгласен и слеп.

«Компас» был жив, но не подавал признаков жизни. Он будет жить еще несколько дней или несколько лет, потому что он — высокоорганизованный кусок металла, напичканный изысканной, но ненужной теперь техникой. Ибо он — корабль, и цель его — перевозить людей и грузы между портами Галактики. Как только он лишается возможности делать это — он становится

лишь железной банкой с муравьишками внутри. И железная банка падает в бездонное пространство...

Павлыш остановился перед дверью на мостик. Капитан просил его проверить, как дела в анабиозном отсеке. В анабиозном отсеке все было отлично. Павлыш увидел свою руку, лежащую на ручке двери, и подумал о том, что он сам, доктор Павлыш, молодой, красивый, умный, не может умереть. Собственная смерть — беда, которая не может с тобой приключиться. А так как это теоретическое размышление не могло изменить действительной сути явлений, то Павлыш оторвал взгляд от своей руки и вошел на мостик.

Капитан был один. Капитан постарел за месяц, прошедший со дня катастрофы. Капитан был более одинок, чем Павлыш, потому что он разделял одиночество и беспомощность своего корабля.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да.

Павлыш подошел к штурманскому столу с расстеленной на нем картой сектора. На ней были проложены пути «Компаса». Путь, по которому ему следовало идти; вычисленный путь, который «Компас» должен был пролететь во время прыжка; приблизительная точка, в которой корабль прекратил прыжок, и еще более приблизительный путь с того момента и до сегодняшнего дня. Прыжок должен был перенести его через весь сектор. Авария же бросила его в центре сектора, на периферии пылевого мешка, не позволившего ориентироваться визуальными методами. И путь отсюда был проложен условно, пунктиром...

— Слушайте, доктор, — сказал капитан. — Есть шанс, правда, небольшой...

Несчастье случилось с «Компасом» в районе малоизученном, но не пустынном. Это давало шансы на спасение и уменьшало их. Можно было надеяться сесть на планету — тормозные двигатели остались целы. Но, с другой стороны, «Компас» мог стать пленником звезды, притяжения которой был бы не в силах преодолеть. Есть надежда, что «Компас» пронзит сектор и окажется в районе обжитых путей системы Второго Союза. Надежда была реальна. Но с одним условием: достижение Второго Союза при постоянной скорости займет восемь с половиной лет... И когда осознание этого пришло к космонавтам после недели расчетов, споров, сомнений и ложных прозрений, решено было использовать анабиозные ванны, те самые, само существование которых казалось Павлышу анахронизмом.

Почти весь экипаж «Компаса» должен был уйти в сон. Почти весь — кроме капитана, дежурного механика и врача. И было уговорено, что через год, если все пойдет благополучно, механика и

Павлыша сменят. Капитана менять никто не будет. Это приказ и воля капитана.

За месяц, прошедший с того дня, Павлыш восстановил забытый испанский язык, выиграл у механика сто сорок партий в шахматы и несколько меньше проиграл капитану. Он прибавил полтора килограмма в весе и порой подумывал о том, что лучше аннигилировал бы весь корабль, чем ждать неизвестно чего восемь, десять... сколько лет?

Шесть дней назад внезапно появилась возможность, что путешествие скоро закончится. Впереди возникла небольшая желтая звезда с одинокой планетой. Звезда была почти на пути «Компаса», и корабль несся к ней со скоростью чуть более ста тысяч километров в секунду. Шесть дней назад капитан сказал своему экипажу — Павлышу и механику, — что есть один шанс из десяти опуститься на планету. Даже если она необитаема и непригодна для жизни, на ней, вернее всего, действует автоматический маяк, и можно будет дать о себе знать. Все зависело от того, как близко пройдет «Компас» от планеты. Если достаточно близко, то мощности тормозных двигателей хватит на посадку, если далеко, то топливо будет истрачено на коррекцию и садиться будет не на чем.

— Так что же, капитан? Мы попытаемся сесть или летим дальше?

— А вы бы что сделали, Павлыш?

— Даже если у нас мало...

— Ты молод, Павлыш, и потому годы кажутся тебе длинными и невосполнимыми.

— Я не так молод, но где гарантия, что после всех этих лет в нашей жестянке мы не погибнем от голода или аварии, которую не сможем ликвидировать, не провалимся в какую-нибудь дыру и не пролетим мимо торгового пути, чтобы снова углубиться в пустоту?

— Гарантии нет. Но дело вот в чем: для того чтобы выйти к планете, мы должны истратить почти половину мощности тормозных двигателей. Из-за гибели отражателя изменена конфигурация корабля, и по расчетам получается, что остальное пойдет на компенсацию эксцентрического вращения. На чем будем садиться, не представляю...

— А что за планета?

— Если я не ошибаюсь, планета хорошая, нормальная, земного типа. Наша беда, что ее открыли недавно и на ней нет ни станции, ни базы. Хотя должен быть маяк.

— Вы уверены?

— Я могу предполагать, что это система 16-АПР8. Погляди по справочнику.

Под этим индексом значилась система желтой звезды с одной планетой и двумя астероидными поясами. Планета была земного типа. Ей присвоили название Форпост. После ее краткого описания шло примечание: «Закрыта для исследований».

И все. Это могло значить что угодно — от наличия там разумной жизни до болезнетворных бактерий, опасных для человека. За справкой шла сноска на последний том общего атласа, который на «Компасе» не успели получить.

— Через три часа начинаю эволюцию, — сказал капитан. — Механик мне нужен. Ты — нет.

— Но мы не успеем разбудить штурмана и второго механика. На это потребуется часов восемь. Почему вы не сказали раньше?

— Мы обойдемся вдвоем.

Капитан уже четверо суток не спал, и инъекции переставали оказывать действие. Он устал.

— Дай мне еще шарик.

— Опасно.

— Потом вылечишь, если что. Сейчас мне нужна ясная голова.

Павлыш был готов к этой просьбе. Шарики находились в кармане. Он прижал один из них к кисти капитана, лежавшей на пульте. Содержимое всосалось под кожу.

— Я принял решение раньше, но не стал тебя ставить в известность, потому что возражения лишь отняли бы время на дискуссии. А сейчас нам некогда дискутировать.

— Но все-таки?

— Все-таки заключается в том, что посадка будет трудной. Не знаю, останется ли что-нибудь от «Компаса».

Голос капитана звучал равнодушно и холодно. Уже много дней капитан говорил так: он не мог побороть в себе глубокого и безнадежного отчаяния. Он не был виноват, но его корабль разбит. Право судить себя капитан оставил за собой.

— Чем больше людей мы сейчас поднимем, тем больше людей мы подвергнем опасности. Анабиозные камеры — самое защищенное место корабля. Анабиозные ванны — самое защищенное место в камере. Больше всего шансов выжить у тех, кто находится в ваннах.

— Я могу быть штурманом. Вы знаете, что я подготовлен к этому.

— Не нужен мне сейчас штурман! Зачем мне штурман? Чтобы бросить, как ты выразился, жестяную банку на пустую планету?

— Да.

— Слушай меня, Павлыш. Ты судовой врач. Ты отвечаешь, в пределах своих возможностей, за здоровье и жизнь команды. По-

этому при посадке твое место будет вместе с экипажем. В анабиозном отсеке.

— Вы тоже относитесь к команде. И механик. Моя помощь может понадобиться и вам.

— Правильно. Но в таком случае мне нужен живой врач. Если надо будет собирать нас по частям, для этого ты должен уцелеть. Приказываю тебе отправиться в анабиозный отсек. Я, конечно, хотел бы загнать тебя самого в ванну, но боюсь, что это превышает мою власть над тобой.

— Вы правы. И я, возражая вам, руководствуюсь теми же соображениями интересов экипажа. Мои услуги могут понадобиться сразу после посадки. Кроме того, вывод людей из анабиоза также труден без участия врача...

— Ладно, я ведь не спорю. Так что прошу тебя через два часа отправиться в анабиозный отсек, я сам спущусь туда и проверю, надежно ли ты пристегнут. И будь разумен, не пытайся прибежать на мостик и принять участие в наших скучных делах. Ты будешь мне мешать...

— Хорошо, — согласился Павлыш.

— А сейчас займись-ка, пожалуйста, обедом. Накорми нас как следует. Нет никакой гарантии, что мы доживем до следующего обеда.

— Надо будет дожить. Мы отвечаем за тех, кто спит...

— Не надо меня учить, — сказал капитан. Он очень устал. — И не теряй времени даром.

* * *

...Тень «Компаса» добралась до Павлыша. Тень была длинной и росла с каждой минутой. Целый день солнце ползло невысоко над горизонтом и вот решилось наконец уйти на покой.

Павлыша удручала предопределенность. Правда, она протягивалась всего на несколько дней в будущее, но этого достаточно для возникновения неприязни к серому берегу и махине покореженного металла, именуемой по инерции кораблем «Компас».

Страшная тварь вылетела из колючих зарослей, подступавших к пляжу, и уселась в тени корабля. Тварь была ростом с собаку, но хрупка и членистa. Она пристально смотрела на Павлыша печальными стрекозиными глазами. Мошкара смерчиком замельтешила над ней. Тварь наконец приняла решение, подпрыгнула и принялась биться об обгоревший бок корабля, словно комар об оконное стекло.

Можно было написать письмо. Вчера Павлыш написал уже одно. Склеил конверт из чистого листа бумаги и даже нарисовал на нем серый берег, зеленое море с полосами барашков, синие

колючие кусты. И написал на марке: «Авиапочта. Планета Форпост». Все как в старые добрые времена. А вместо почтового ящика использовал остатки мусоропровода.

Павлыш поднялся, стряхнул с колен песок и ракушки и побрел к люку. Четыре дня назад он открывал его больше часа, думал, что никогда не сможет этого сделать. Тогда казалось, что открытый люк — спасение. На самом деле это ничего не решало.

Тварь стукнулась о шлем, толчок был вял, и Павлыш, отмахнувшись, сломал ее пополам. Туча мошкары сразу скрыла останки твари. Павлыш закрыл люк, припер его изнутри стальным стержнем. Мошкара боялась тени, внутрь не залетала. Но с наступлением вечера мог появиться какой-нибудь гость покрупнее. Павлыш ощупью разделся, повесил скафандр в нишу.

Аварийное освещение в коридоре работало из рук вон плохо. Свет мерцал, терялся в углах. Его все равно придется отключить. И это прискорбно — будет темно. Павлыш решил изобрести светильник на сливочном масле. Или спиртовку. Представил себя пишущим очередное письмо при свете самодельного светильника и тут же ударился об торчащий из стены обломок трубы.

Корабль был разбит. Это никуда не годилось. Корабль создан для того, чтобы никогда не разбиваться. Если уж случается несчастье — он взрывается, исчезает бесследно. Но корабль, разбитый, как автомобиль о столб, — это невероятно. Налетевший с моря ветер качал развалину, на пол посыпался сор, и в перекореженных недрах судна что-то заскрипело, заныло.

Не было энергии. Не было связи. Если бы капитан остался жив или кто-нибудь из механиков — может, они что-то и придумали бы. Хотя вряд ли. Корабельный врач Павлыш придумать ничего пока не смог. Чтобы не раскисать, он запускал зонды, методично обыскивал трюмы, привел в относительный порядок мостик и вел корабельный журнал.

Было еще одно дело. Главное и печальное. Анабиозные ванны. У них автономный блок питания. Температура поддерживалась на нормальном уровне. Так будет, подсчитал Павлыш, еще два месяца. На самом экономном режиме. И все. Павлыш останется последним человеком на этой планете. Потом умрет тоже. Может быть, скоро, если не приспособится к местному воздуху. Может быть, проживет до старости.

Павлыш представил себя старичком в рваном измызганном скафандре. Старичок выходит на лесенку перед вросшим в серый песок кораблем и кормит с ладони членистых тварей. Они толкаются, мешают друг дружке и глядят на него внимательно и строго. Потом старичок возвращается в чистенькую, ветхую кабинку, убранную сухими веточками, и, подслеповато щурясь, раскрывает дневник...

Был, правда, еще один вариант. Отключить анабиозные ванны. Ни один из спящих не заметит перехода к смерти. Энергию блока можно переключить тогда на один из отсеков и прожить в безопасности несколько лет. От такой возможности стало еще паскудней. Павлыш заглянул в реанимационную камеру, бывшую реанимационную камеру. Он каждый день заглядывал туда, пытаясь настроиться на возможность чуда. За дверью его встречала та же безнадежная путаница проводов и осколки приборов. И сколько ни приглядывайся, ни один провод не вернется на место. Нет, разбудить экипаж он не сможет.

И все-таки они были еще живы. И он был не один. И пока оставалась забота о живых, оставалась цель.

Павлыш вошел в отсек анабиоза. Отсек был спрятан в центре корабля, охвачен надежными объятиями амортизаторов и почти не пострадал. Здесь было холодней, чем в коридоре. Под матовыми колпаками ванн угадывались человеческие фигуры.

— Бывают же случайности, — сказал Павлыш термометру. — Сегодня мы сюда попали. Завтра еще кто-нибудь. Возьмет и попадет.

Павлыш знал, что никто сюда не попадет. Незачем. Когда-то, несколько лет назад, планету посетила разведгруппа, провела здесь две недели, составила карты, взяла образцы флоры и фауны, выяснила, что день здесь равен четырем земным дням, а ночь четырем земным ночам, установила, что планета пока интереса для людей не представляет. И улетела. А может, даже и группы не было. Пролетел автомат-разведчик, покружил...

Павлыш щелкнул пальцем по матовому куполу ванны, будто хотел разбудить лежавшего там Глеба Бауэра, усмехнулся и вышел.

Солнце, по расчетам, должно опуститься уже к самой воде. Момент этот мог представить интерес для будущих исследователей. Так что перед ужином имело смысл снова выбраться на пляж и заснять смену дня и ночи. Кроме всего, это могло быть красиво...

* * *

Это было красиво. Солнце, беспрестанно увеличиваясь и краснея, ползло по касательной к ярко-зеленой линии горизонта. Солнце было полосатым — по лиловым штрихам бежали, вспыхивали белые искры. Небо, ярко-бирюзовое в той стороне, где солнце, становилось над головой изумрудным, глубоким и густым, а за спиной уже стояла черно-зеленая ночь, и серые облака, зарождаясь где-то на суше, ползли к морю, прикрывая в тумане яркие звезды. Кустарник на дюнах превратился в черный часто-

кол, сплошной и монолитный, оттуда шли шипение, треск и бормотание, настолько чужие и угрожающие, что Павлыш предпочел не отходить от корабля. Он снимал закат ручной любительской камерой — единственной сохранившейся на борту — и слушал шорохи за спиной. Ему хотелось, чтобы скорей кончилась пленка, чтобы скорей солнце расплылось в оранжевое пятно, провалилось в зелень воды. Но пленка не кончалась, оставалось ее минут на пять, да и солнце не спешило уйти на покой.

Мошкара пропала, и это было непривычным — Павлыш за четверо суток привык к ее деловитому кружению, к ее явной безобидности. Ночь грозила чем-то новым, незнакомым, злым, ибо планета была еще молода и жизнь на ней погружена в беспощадную борьбу за существование, где побежденного не обращали в рабство, не перевоспитывали, а пожирали.

Наконец солнце, до половины погрузившись в воду, распластавшись по ней чечевицей, уползло направо, туда, где вдоль горизонта тянулась черная полоска суши, окружающая залив, на берегу которого упал «Компас».

— Ну что же, — сказал себе Павлыш. — Доснимем и начнем первую полярную зимовку. Четыре дня сплошной ночи.

Собственный голос был приглушен и почти незнаком. Кусты отозвались на него вспышкой шумной активности. Павлыш не смог заставить себя дождаться полного заката. Палец сам нажал на кнопку «стоп». Ноги сами сделали шаг к люку — надежному входу в пещеру, столь нужную любому троглодиту.

И тут Павлыш увидел огонек.

Огонек вспыхнул на самом конце мыса — черной полоски по горизонту, невдалеке от которой спускалось в воду солнце. Сначала Павлыш подумал, что солнце отразилось от скалы или волны. Подумал, что обманывают уставшие глаза.

Через двадцать секунд огонек вспыхнул снова, в той же точке. И больше вспышек Павлыш не увидел — солнце подкатилось к мысу, било в лицо, и собственные его вспышки мельтешили и обманывали. Павлыш не мог более ждать. Он вскарабкался в люк; не снимая скафандра и шлема, пробежал, чертыхаясь и спотыкаясь об острые края предметов, на резервный пульт управления. Основной мостик, где при неудачной посадке находились капитан и механик, был размозжен.

Чуть фосфоресцировал в темноте экран телеглаза. На нем Павлыш собирался посмотреть отснятую пленку. Может быть, камера, не отрываясь глядевшая на горизонт, заметила огонек раньше, чем Павлыш.

Был снова закат. Снова солнце по касательной ползло вдоль зеленой гряды, разбрасывая слишком яркие краски, снова по нему бежали лилово-сизые полосы и вспыхивали искры. Глаз камеры последовал за солнцем. У Павлыша устали руки. Они немного дрожали, и оттого волновалась и покачивалась на импровизированном экране изумрудная вода.

— Смотри, — предупредил себя Павлыш: в правой стороне кадра обнаружилась оконечность мыса. И тут же в этом месте, безусловно и объективно увиденный камерой, вспыхнул огонек.

Экран погас. Павлыш оказался в полной темноте. Лишь перед глазами мелькали багровые и зеленые пятна. Он ощупью отмотал пленку обратно и остановил тот кадр, где вспыхнул огонек. На экране застыло, остановилось солнце, застыла и белая точка у правой кромки экрана: огонек.

Огонек должен был оказаться оптическим обманом, галлюцинацией. Видно, Павлыш подсознательно боялся поверить — оттого убеждал себя в нереальности огонька. Если убедить себя, что это мираж... Но огонек не был миражем. Камера тоже увидела его.

— А почему бы и нет? — спросил Павлыш.

Корабль ничего не ответил. Он надеялся на Павлыша.

Чего же я здесь стою? Солнце уже спряталось и не мешает смотреть на мыс. А вдруг огонька уже нет?

Павлыш подумал, что если где-то неподалеку есть разумные существа, по крайней мере, разумные настолько, что обладают сильным источником света, то ни к чему беречь аварийные аккумуляторы. Он на ощупь отыскал кнопку, врубил на полную мощность освещение, и корабль ожил, в нем стало теплее, раздвинулись стены, и коварные предметы — обломки труб, петли проводов, заусеницы обшивки — спрятались по углам и не мешали Павлышу пробежать коридором к люку, к вечеру, переставшему быть страшным и враждебным.

Солнце и в самом деле село. Осталось лишь глухое малиновое пятно, и облака, добравшиеся до него, образовали в нем темно-серые провалы. Павлыш оперся руками о края люка, высунулся по пояс наружу и считал: один, два, три, пять... Вспышка!

Огонек продержался секунду, и Павлыш успел усесться поудобнее на край люка, свесить вниз ноги в тяжелых башмаках, прежде чем он вспыхнул снова. У огонька был чрезвычайно приятный цвет. Какой? Чрезвычайно приятный белый цвет. А может быть, желтый?

Когда разгладилось и посинело пятно, остававшееся от солнца, огонек перестал мигать. Он загорелся ровно, будто кто-то, долго шутивший с выключателем, уверился наконец в приходе ночи и, включив свет на полную мощность, уселся за стол ужинать. И ждать гостей.

Из темноты к Павлышу бросилось нечто большое. Павлыш не успел подобрать ног и укрыться в корабль. Лишь вытянул вперед

руку. Нечто оказалось уже знакомой тварью. Тварь опутала сухими тонкими ножками руку Павлыша, и стрекозиные глаза укоризненно сверкнули, отразив свет, падавший из люка. Павлыш стряхнул тварь, как стряхивают в кошмаре страшного паука, и та шлепнулась о песок.

Закружилась голова. Тут только он понял, что забыл опустить забрало шлема и дышит воздухом планеты. А с осознанием этого пришла дурнота. Павлыш закрыл люк и уселся прямо на пол шлюза. Опустил забрало и увеличил подачу кислорода, чтобы отдышаться.

Теперь надо дать сигнал, думал Павлыш: пустить ракету, зажечь прожектор. Надо позвать на помощь.

Но ракет не было. А если были, поиски их займут еще несколько суток. Прожекторы разбиты. Есть фонарь, даже два фонаря, но оба довольно слабые, шлемовые. Ну что же, начнем со шлемовых фонарей.

Павлыш довольно долго стоял у открытого люка, закрывая и открывая ладонью свет и свободной рукой отмахиваясь от тварей, лезущих на свет, как мотыльки. Огонек не реагировал — светил так же ярко и ровно. Хозяева его явно не догадывались о том, что кто-то неподалеку потерпел бедствие. Потом, хоть это уже вряд ли бы помогло, Павлыш вытащил из корабля множество предметов, которые могли гореть, и поджег их. Костер был вялым — в воздухе слишком мало кислорода, да и твари, слетевшиеся словно на праздник, бросались в огонь и обугливались, шипели, как мокрые дрова. Павлыш перевел весь свой запас спирта и после десяти минут борьбы с тварями бросил эту затею.

Он отошел к люку и глядел на огонек. Он не мог к нему привыкнуть. Огонек был из сказки: окошком в домике лесника, костром охотников... А может быть, пламенем под котлом людоеда?

— Ладно, — сказал Павлыш тварям, шевелившимся живой кучей над теплыми еще, обуглившимися дверцами шкафчиков, книгами и тряпками. — Я пошел.

Ему бы прислушаться к внутреннему голосу, который по долгу службы должен объяснить, что путешествие разумнее начать через четверо земных суток, когда рассветет и неизвестные ночные твари улягутся спать. Но внутренний голос молчал — видно, и ему казалось невыносимым столь долгое бездействие.

* * *

Хорошо, когда есть решение, которое можно принять. Раньше и этого не было. Решение требовало действий, многочисленных, разнообразных и спешных. Чем-то это было похоже на отъезд в отпуск — надо прибрать в квартире, оставить корм рыбкам в

аквариуме, договориться с соседкой, чтобы поливала цветы, позвонить друзьям, позаботиться о билете...

Во-первых, Павлыш отправился в анабиозную камеру. Поход к огоньку мог продлиться часа три, и за это время ничто не должно было нарушить спокойный сон экипажа. Если что-нибудь с ними произойдет — пропал весь смысл похода. Павлыш обесточил корабль и подключил к блоку питания камеры уже порядком севшие аварийные аккумуляторы. Проверил стабильность температуры в ваннах, контрольную аппаратуру. Насколько Павлыш мог судить — камере ничто не угрожало. Даже если Павлыш будет отсутствовать целый месяц. Правда, человеку, идущему в трехчасовую прогулку по берегу моря, ни к чему планировать на месяц вперед, но прогулка предполагалась несколько необычная. Павлыш не без оснований думал, что станет первым человеком, путешествующим ночью по берегу здешнего моря.

Затем следовало позаботиться о собственном снаряжении, запасе воды и пищи, оружия (на корабле удалось разыскать пистолет). Наконец, надо было задраить сломанный люк так, чтобы даже слон (если по ночам здесь бродят слоны) не смог бы его отворить.

Закончив дела, Павлыш выбрался наружу и неожиданно почувствовал почти элегическую грусть. Затянувшиеся сумерки — а им, видно, и конца не будет — окрасили негостеприимный мир во множество разновидностей черного и серого цвета, и единственной родной вещью в этом царстве был искалеченный «Компас», печально гудящий под порывами ветра, одинокий и беспомощный.

— Ну-ну, не расстраивайся, — сказал кораблю Павлыш и погладил корпус, изъязвленный аварийной посадкой. — Я скоро вернусь. Дойду по бережку до избушки и обратно.

Огонек горел ровно, ждал. Павлыш в последний раз проверил поступление кислорода — его хватит на шесть часов, в крайнем случае можно дышать и воздухом планеты. Хоть это неприятно и весьма вредно. Павлыш вытащил пистолет, прицелился в камень на берегу и выстрелил. Луч полоснул по камню, распилил его пополам, и половинки засветились багрово и жарко. Пора было идти.

Павлыш разгреб башмаком кучу обгоревших тварей — костер давно уже погас и остыл. Павлыш перепрыгнул через него — не из молодечества: хотел узнать, достаточно ли надежно все приторочено.

Удобнее идти было по самой кромке пляжа. Здесь волны, забегавшие длинными языками на берег, оставляя после себя вялую пену, спрессовали песок, и он стал упругим и твердым. Фонарь был пока не нужен — и так видно все, что нужно видеть: бес-

конечную полосу песка, темную воду слева, черный кустарник на дюнах справа. И так до бесконечности, до огонька.

Павлыш прошел несколько десятков шагов, остановился, оглянулся на корабль. Тот был велик, непроницаем и страшно одинок. Несколько раз Павлыш оглядывался — корабль все уменьшался, мутнел, сливался с небом, и где-то в конце первого километра пути Павлыш вдруг понял, как сам он мал, беззащитен и чужд морю. И ему стало страшно, и захотелось убежать к кораблю, скрыться в люке. Он вдруг понадеялся, что забыл нечто очень важное для пути, ради чего, хочешь не хочешь, придется возвращаться. Но пока придумывал, обеспокоилось чувство долга, зашевелился стыд, заскребла под ложечкой совесть — возвращаться никак было нельзя, и тогда Павлыш попытался представить себя женой Лота, уверить, что обернись он — превратится в соляной столп. И к утру его слижут жадные до кристаллической соли обитатели кустов.

Павлыш решил петь. Пел он плохо. И после второго куплета кустарник замолк, затаился, прислушиваясь. Кустарнику пение не нравилось. Песок разматывался под ногами ровной лентой, порой язык дополз до ноги путника, и Павлыш сворачивал чуть выше, обходя пену. Один раз его испугало белое пятно впереди. Пятно было неподвижным и зловещим. Павлыш замедлил шаги, нащупал рукоять пистолета. Пятно росло, и видно было, как нечто черное, многопалое высунулось из него, готовясь схватить пришельца. Но Павлыш все-таки шел, выставив вперед пистолет, и ждал, чтобы пятно решилось на нападение. Павлыш был здесь новичком, а для новичка самое неразумное первым начинать пальбу.

Пятно оказалось большой раковиной, а может, и панцирем какого-то морского жителя. Несколько тварей ползали по нему, вытаскивая тонкими лапками остатки внутренностей. Они и показались Павлышу издали щупальцами пятна.

— Кыш, несчастные! — сказал Павлыш тварям, и те послушно снялись, улетели к кустам, видно, приняв Павлыша за крупного хищника, любителя морской падали. Из-под раковины прыснула жадная мелочь, зарываясь в песок, удирая к воде. В темноте не разобрать ни форм, ни повадок — некоторые тонули, растворяясь в пене, другие фосфоресцировали и светящимися точками суетились у берега.

Почему-то после случая с раковиной Павлыш почувствовал себя уверенней — обитатели моря и кустов были заняты своими делами и на Павлыша нападать не собирались. Павлыш понимал, что уверенность его зиждется на заблуждении; ведь если существуют раковины — есть твари, которые этими раковинами

питаются. А если есть твари, то кто-то пожирает их. И еще кто-то пожирает тех, кто питается тварями. И так далее.

Прошел уже час с тех пор, как Павлыш покинул корабль, позади по крайней мере пять километров пути. Единственное, что всерьез беспокоило сейчас Павлыша, — то, что огонек не приближался. Так же далек был черный мыс, так же ровна полоса песка. Правда, это не могло продолжаться вечно. Хоть диаметр Форпоста больше земного, но планета все равно круглая, и достаточно отдаленные предметы, хочешь того или нет, скрываются за горизонтом...

И тут Павлыш увидел реку.

Вначале был шум. Он примешивался к однообразному ритму прибоя и насторожил Павлыша. Вливаясь в море, река разбилась на множество рукавов, мелких и быстрых. Берег здесь, окаймленный речным песком, выдавался в море небольшим полуостровом. Между рукавами и с обеих сторон дельты земля была покрыта темными пятнами лишайника, травой, какие-то растения, схожие с трезубцами, гнездились прямо в воде. Переход вроде бы не представлял трудностей, но когда в нескольких метрах от воды нога Павлыша вдруг провалилась по щиколотку, он понял, что от реки можно ждать каверзы.

Уже следующий шаг дался труднее. Песок стал податливым, вялым, он с хлюпаньем затягивал ногу и с сожалением отпускал ее.

«В конце концов, — подумал Павлыш, — мне ничего не грозит. Я в скафандре и, даже если провалюсь где-нибудь поглубже, не промочу ног».

И не успела эта мысль покинуть голову, как Павлыш потерял опору под ногами и окунулся по пояс. И это было еще не все, попытка двинуться из этой ловушки вперед заставила погрузиться еще на несколько сантиметров. Скафандр был мягким, и жижа, поймавшая в плен Павлыша, давила на грудь, подбираясь к плечам. Павлыш вспомнил, что в подобных случаях охотникам, угодившим в болото, всегда попадается под руку сук или хотя бы куст. Сука поблизости не было, но куст рос впереди, метрах в трех. Павлыш рассудил, что возле куста должно быть тверже, и прыгнул вперед.

Наверно, со стороны прыжок его выглядел странно: существо, ушедшее по грудь в песок, делает судорожное движение, вырывает несколько сантиметров тела из плена, продвигается на полметра вперед и тут же почти полностью пропадает из вида.

Прыжок был ошибкой, объяснимой лишь тем, что Павлышу никогда раньше ни с болотами, ни с зыбучими песками сталкиваться не приходилось. Теперь над поверхностью, чуть колышащейся, вздыбливающейся пузырями, виднелась лишь верхняя

половина шлема и кисти рук. Павлыш скосил глаза и увидел, что черная граница песка медленно, но ощутимо поднимается по прозрачному забралу. Павлыш пока не беспокоился — все произошло так быстро и внезапно, что он просто не успел толком обеспокоиться. Стараясь не делать лишних движений, потому что каждое движение лишь погружало его глубже, Павлыш повернул голову к дальнему мысу. Огонек светил. Ждал. Пришлось задрать голову, над песком оставалась лишь верхушка шлема с ненужной антенной, настроенной на корабль, в котором никто не услышит. И еще через несколько секунд огонек пропал. И все пропало. Было темно, страшно тесно и совершенно непонятно, что же делать дальше.

Страх пришел с темнотой. Павлыш понял, что дышит часто и неглубоко, не хватало воздуха, хоть это и было неправдой — баллоны добросовестно выдавали ровно столько воздуха, сколько положено. Шлем был достаточно тверд, так что угроза погибнуть от удушья не возникала. Погибнуть... И как только это слово промелькнуло в мыслях, то зацепилось за что-то в мозгу и осталось там. Погибнуть. А ведь в этой яме можно в два счета погибнуть. Ведь останься здесь — и погибнешь. Как рыба, выкинутая на берег, как мышь в мышеловке. Погибнуть...

Слово имело какую-то магическую силу. Это было отвратительное слово, мерзкое, злое. Павлыш понимал, что оно не может к нему относиться потому, что его ждут Глеб Бауэр и штурман Батуринский — без Павлыша они тоже погибнут. И если когда-нибудь придет сюда корабль, а он обязательно придет, то будет поздно; если придет сюда корабль, они найдут людей в анабиозных ваннах, найдут тела погибших, уложенные им, Павлышом, в морозильник, поймут, что кто-то остался на корабле и потом исчез. И будут его искать — и конечно, никогда не найдут. Даже если планету заселят, множество людей будет жить на ней — все равно никто никогда не найдет доктора Павлыша, шатена, рост 183, глаза голубые...

— А ну хватит, — приказал себе Павлыш. — Так можно думать до рассвета.

Надо было выбираться. Павлыш понял, что совсем не хочет погибать в этой проклятой яме. Следовало отыскать выход из ловушки. Вот и все.

Твердый песок — за спиной. Больше рисковать нельзя. Никаких движений вперед — только назад, к берегу.

Павлыш попробовал поднять руки. Это можно было сделать, но с трудом, песок был тугим и тяжелым. Павлыш попытался подгребать руками перед собой, но лишь глубже ушел в жижу, и пришлось снова замереть, чтобы побороть вспышку паники, сжавшую мозг. Паника была иррациональна — тело, ощутившее

опасность, начало метаться. Бился в голове мозг, и сердце колотилось морзянкой.

Павлыш переждал панику на борту. Он уже знал, что сильнее ее, он оставался на капитанском мостике — бунтари же бесцельно бегали по палубе и размахивали руками. И тут — неожиданно — ноги ощутили твердую почву.

— Великолепно, — произнес Павлыш, успокаивая бунтарей и трусов, гнездившихся в его теле. — Я же вам всегда говорил, что эта трясина не бездонная. Обычная яма. Мы стоим на дне и теперь пойдем обратно.

Сказать было легче, чем сделать. Песок не хотел отпускать Павлыша и тянул его вниз, в глубину, дно было скользким и ненадежным. Но Павлыш все-таки сделал шаг вверх по склону ямы и, сделав его, понял, что он чертовски устал, особенно мешал груз жижи, напор ее, тиски. Почему-то представился водолаз, медленно идущий в глубине...

— Стойте, — воскликнул Павлыш. — Мы догадались.

Через минуту правая рука пробилась сквозь песок и нащупала кнопку подачи воздуха. Павлыш выжал ее до отказа и не отпускал, пока воздух, сдавливавший горло, грозящий выжать из орбит глаза, останавливающий сердце, не наполнил скафандр настолько, что следующий шаг наверх дался значительно легче...

Павлыш отпустил кнопку подачи воздуха лишь тогда, когда вылез по пояс из зыбучего песка и, стерев свободной рукой грязь со шлема, увидел огонек. Тот горел.

Павлыш долго сидел на берегу, вытянув ноги и позволяя волнам накатываться на них. Он улыбался, не мог не улыбаться, и несколько раз поднимал руки, чтобы убедиться, как легко и свободно живется на воздухе.

Река текла в море, так же спокойно, как и раньше, и совершенно невозможно было угадать место недавнего заточения. Песок разгладился, смирился с потерей пленника — ждал новых жертв.

Но главная задача так и не была решена. Река преграждала дорогу, и реку следовало перейти, чтобы продолжить путь по ровному берегу, начинавшемуся снова в каких-то ста метрах от Павлыша.

Отдышавшись, Павлыш поднялся и пошел по песку к кустам. Раковинки хрустели под башмаками, и шорохи впереди, треск ветвей, писк приближались, становились все явственней. Павлыш остановился, вспомнил, что в пистолет мог набиться песок. Вытащил, провел рукой по стволу. Ствол был чист.

Павлыш шел, держась подальше от щебечущей, безобидной на вид речки, взобрался на невысокий холм и остановился перед стеной кустов. Кусты протянули навстречу колючие сухие ветви,

они стояли тесно, словно воины, встречавшие врага. Павлыш попытался раздвинуть кусты, но ветви цеплялись колючками друг за друга, пришлось пожалеть, что не надел перчаток.

Провозившись несколько минут у стены кустов, тщетно стараясь отыскать в них лазейку, Павлыш с отчаяния полоснул по ним лучом пистолета. Луч прорезал в кустарнике узкую щель, поднялся белый столб дыма, и кусты настороженно затихли. Павлыш включил шлемовый фонарь и увидел, как кустарник — единое целое — залечивал рану, как тянулись через щель пальцы ветвей, когти колючек, осыпались на землю мертвые сучки и на их месте вырастали свежие побеги.

Луч фонаря привлек тварей, и Павлыш впервые увидел, как вылетают они из кустарника, сквозь возникающие в непроницаемой стене отверстия, которые исчезают вновь, будто захлопывается дверь.

Павлыш выключил фонарь и отступил, отмахиваясь от тварей, которые стучали прозрачными крыльями по шлему и заглядывали в глаза.

Он вернулся к берегу. Прямой путь через реку не годился. Сквозь кусты не пробиться и не добраться до такого места выше по течению, где нет зыбучих песков. Возвращаться нельзя. Оставался третий путь — по морскому дну. Он не сулил удовольствий, но выбора не было. Павлыш ступил в воду.

Дно понижалось полого, волны стучали по ногам, отталкивали к берегу и чуть светились, очерчивая силуэт любого предмета, попавшего в воду. Павлыш медленно переступал по твердому дну, стараясь держаться у края дельты. Вскоре пришлось зайти по грудь, движения стали плавными и неловкими, словно во сне. Шагах в пятидесяти от берега дно неожиданно ушло из-под ног, и Павлыш был вынужден погрузиться в воду с головой. Плыть он не мог — скафандр тяжел, хотя, к сожалению, не настолько, чтобы подошвы надежно припечатывались ко дну. При каждом шаге Павлыш терял равновесие, его тянуло кверху, и, как назло, не попадалось под башмаками никакого камня, чтобы взять в руку.

Фосфоресцирующая живность прыскала в стороны от неуклюжего человека. Под водой было совсем темно, и Павлыш включил фонарь, чтобы не сбиться с пути. Справа был песчаный откос, уходивший вверх к краю дельты, слева дно опускалось ступеньками. Течение речки ощущалось здесь явственно — вода давила в бок, гнала в глубину, и видно было, как по дну передвигались струйки песка, уносимые течением.

Спустившись еще глубже, Павлыш попал в джунгли водорослей, мягких и податливых. Никто не мешал Павлышу идти по дну моря, никто не встретился ему, но это не вселяло спокойствия,

потому что Павлыш не мог отделаться от ощущения, что за ним следят, пытаются угадать, насколько он силен и опасен.

...Морда глядела на него из водорослей единственным узким глазом. Свет шлемового фонаря отразился в глазу, и глаз еще более сузился, силясь, видно, разобрать, что же скрывается за пятном света.

Павлыш замер и от резкой остановки потерял равновесие, течение подхватило его, приподняло и повалило вперед, к морде. Павлыш взмахнул руками, чтобы удержаться на месте, и задрал голову, опасаясь потерять морду из луча света. Он был беспомощен и даже не мог достать пистолета, так как для этого сначала надо было вернуть руки к телу.

Глаз закрылся, но вместо него появился разинутый рот — пасть, усеянная иглами. Павлыш отлично мог бы уместиться в пасти, и воображение мгновенно достроило к морде соответствующее тело и хвост с шипами на конце. Морда закрыла рот и вновь открыла глаз. Чудовище, возможно, было удивлено странным поведением пришельца — чуть касаясь конечностями дна, пришелец поводил в воде руками, качался, поворачивался и при этом приближался к морде.

Чудовище не выдержало жуткого зрелища. Чудовище, видно, решило, что Павлыш хочет его съесть. Морда вдруг развернулась и бросилась наутек. У морды не было тела, не было хвоста с шипами — лишь нечто вроде скошенного затылка, снабженного плавниками.

Стебли водорослей завертелись в водовороте, поднятом мордой.

Павлыш наконец встал на ноги. Перед тем как продолжить путь, он постоял с минуту, отдышался, достал пистолет и решил не выпускать его из руки, пока не выберется наружу.

И через несколько шагов обнаружил, что был прав, приняв такую меру предосторожности. Хотя спасло его не это — а та самая морда, которая, убегая от него, первой попала в ловушку.

Паутина, вернее не паутина, а ловушка, напоминающая чем-то паутину, почти невидимая среди водорослей, была слабо натянута и колебалась вместе с растениями, окружавшими ее. Испуганная морда без туловища влетела в нее с размаху, оказалась в зеленом мешке, мгновенно скрывшем ее, опутавшем зелеными стеблями. И теперь билась в мешке, а по поверхности его, шустро перебирая лапками, сбегались многоножки с тяжелыми светящимися жвалами и впивались в морду, рвали ее, не обращая внимания на яркий луч фонаря, и вода мутнела от крови, и движения жертвы становились все более вялыми, судорожными.

Павлыш стоял, смотрел на гибель морды, и им овладела нерешительность — воображение немедленно населило подводные

джунгли сотнями зеленых мешков, и казалось, первый же шаг приведет в ловушку. И когда Павлыш все-таки двинулся, он пошел назад, по уже пройденному, известному пути, потом, выбравшись из водорослей, спустился глубже, чтобы обойти джунгли по краю: у многоножек были сильные и острые жвала — скафандр не приспособлен для защиты от таких хищников.

В глубине мешало идти течение. Оно было подобно сильному ветру. Павлыш все-таки разыскал длинный, похожий на обломанный палец камень и взял его в свободную руку, чтобы не всплывать при каждом шаге. Стена водорослей покачивалась совсем рядом, и Павлышу показалось, что в одном месте, в прогалине между растениями, он увидел еще одну паутину, у основания которой дежурили многоножки. А может быть, показалось.

Павлыш взглянул на циферблат. Уже прошло два часа с тех пор, как он покинул корабль, прогулка затянулась. Заросли поредели — видно, им лучше жилось в том месте, где пресная вода реки смешивалась с морской. Значит, можно понемногу забирать к берегу. Скоро путешествие по морскому дну закончится. Павлыш начал взбираться по пологим ступенькам вверх и, закинув голову, увидел, что над головой сквозь тонкий слой воды видны звезды и полоски пены на верхушках волн.

И тут его сильно ударили в спину. Он качнулся вперед, ударился лбом о забрало и попытался обернуться — злость брала, как медленно приходилось поворачиваться, чтобы встретить лицом следующий удар.

Сзади никого не было.

Павлыш постоял с минуту, вглядываясь в темноту, поводя фонарем, и снова почувствовал удар в спину. Словно некто быстрый и веселый заигрывал с ним.

— Ах, так, — проговорил Павлыш. — Как хотите. Я пошел на берег.

Он снова совершил полуоборот вокруг своей оси, но тут же резко обернулся и столкнулся нос к носу с тупорылым существом, подобным громадному червю. Существо, увидев, что обнаружено, мгновенно взвилось вверх, выскочило, подняв столб брызг, из воды и исчезло.

— Так и не познакомились, — кинул ему вслед Павлыш. — Хоть вы крайне милы.

Он сделал еще шаг и почувствовал, что вода расступилась. Павлыш стоял по горло в воде. Берег был пуст и уходил вдаль, к огоньку (его Павлыш увидел сразу) ровной полосой. Река шумела сзади, бессильная остановить его. Павлыш уронил камень, выключил фонарь и поднял ногу, чтобы выйти из воды. И тут же кто-то его схватил за другую ногу и сильно рванул вглубь.

Вода взбурлила. Павлыш потерял ориентировку и понимал

только, что его тащат вглубь, чего ему никак не хотелось. Он старался выдернуть ногу, включить фонарь, выстрелить в того, кто тащит его, — все это одновременно.

Наконец фонарь вспыхнул, но в замутненной воде Павлыш никак не мог разглядеть своего врага, и тогда он, достав все-таки пистолет, выстрелил в ту сторону. Луч пистолета был ослепительно ярок, хватка ослабла, Павлыш сел на дно и понял, что его старался увлечь вглубь игривый червь. Теперь же он извивался, рассеченный лучом надвое. Павлыш пожалел червя и подумал, что тому просто не хотелось расставаться с человеком, к которому он почувствовал симпатию. Вот и вел познакомиться с семьей — ведь не знал же, бедняга, за какую конечность люди водят друг друга в гости.

Павлыш уже хотел было выходить на берег, как из глубины выскочила стая узких, похожих на веретено рыб, привлеченных, видно, запахом крови червя. Веретена раздваивались, словно щипцы, впивались в червя, их было много, очень много, и зрелище схватки половинок червя с хищниками было настолько страшно, буйно, первобытно, что Павлыш не мог оторваться от него. Стоял и смотрел. И лишь когда одно из веретен метнулось к нему, проверяя, кто светится так ярко, Павлыш понял, что задерживаться никак не следует, и поспешил к берегу, выключив фонарь и надеясь, что червяк — более аппетитная пища, чем его скафандр.

К сожалению, веретено думало иначе. Оно впилось в бок и рвало ткань, как злая собака. Павлышу пришлось разрезать хищника лучом. Тут же, будто услышав крик о помощи, несколько веретен покинули червя и бросились вдогонку за Павлышом. Павлыш отступал к берегу, разя лучом по ловким, быстрым телам хищников, но казалось, что на место погибшего тут же приплывает другой, да еще двое или трое принимаются пожирать разрезанного лучом собрата. Раза два хищники добирались до скафандра, но ткань не поддавалась зубам, и они продолжали дергать и клевать скафандр, будто его упрямство прибавляло им силы.

Одному из хищников удалось все-таки прокусить скафандр. И ногу. Павлыш, рыча от боли, чувствуя, как вода через отверстие льется в скафандр и смешивается с кровью, как все новые и новые веретена впиваются в ноги, с отчаянием рвался к берегу, полосуя по воде слабеющим лучом, и вода кипела вокруг, и фейерверком разлетались искры и клубы пара.

Павлыш выбрался на песок, вытащил вцепившихся бульдожьей хваткой хищников — вернее, части их, ибо все они были мертвы, разрезаны лучом. Павлыш присел на песок и отдирал их от скафандра. Одна из штанин по колено была полна воды, и, ос-

вободившись от веретен, раскидав их головы по песку (сразу из кустов прилетели членистые твари и засуетились, замельтешили лапками, благодаря за угощение), Павлыш обхватил щиколотку двумя руками, провел ими по ноге, чтобы вода вылилась из скафандра через дырку.

В месте разрыва ногу саднило — зубы веретен вонзились в икру, — но остановить кровь было нечем. Павлыш совершил непростительную для врача ошибку — не взял с собой даже пластыря.

— Гнать надо таких, — сказал Павлыш себе. — Ожидал провести приятный вечерок. Совершить прогулку под луной.

Он почувствовал, что страшно устал, что хочет лечь и никуда больше не ходить. И даже не возвращаться к кораблю, потому что идти надо снова по морскому дну, а такие путешествия можно совершать только раз в жизни. Просто закопайся в песок и спи, подсказывало усталое тело. Никто тебя не тронет. Отдохнешь часок-другой и потом пойдешь дальше. Немного мутило, и было трудно дышать.

Конечно же, понял Павлыш. Сквозь дыру идет здешний воздух. Вот неудача. Павлыш отмотал кусок шнура, висевшего аксельбантом через плечо, — захватил на случай, если понадобится веревка, отрезал лучом пистолета кусок с полметра и наложил пониже колена жгут. Это было не очень разумно — нога затечет и идти будет труднее, — но на смеси своего и местного воздуха тоже долго не протянешь.

Отрезав шнур, Павлыш заметил, что пистолет дает совсем слабый луч: то ли слишком часто стрелял, то ли энергия утекла раньше, еще на корабле. Павлыш спрятал пистолет. Оставался нож, но вряд ли его можно считать надежным оружием.

Затем Павлыш сделал еще одно неприятное открытие — в битве на дне каким-то образом раскрылся ранец и запасы пищи достались рыбам. На дне ранца обнаружился лишь тюбик с соком. И Павлыш выпил половину, тщательно закрутив крышку и спрятав остатки понадежнее.

Разумность требовала возвратиться на корабль. Может, удастся подзарядить пистолет и, главное, возобновить запасы воды, сменить скафандр. Дальше идти безрассудно. С каждым шагом возвращение становилось все более проблематичным, тем более неизвестно, что ждет впереди и что скрывается за огоньком. Может, это просто действующий вулкан?

Чтобы больше не рассуждать, Павлыш поднялся — нога болела — и быстро пошел по песку к огоньку, не оглядываясь назад.

Хотелось пить. Когда знаешь, что осталось на два глотка, всегда хочется пить. Чтобы отвлечься, Павлыш сконцентрировал внимание на боли в ноге, хоть, впрочем, уже шагов через двести

не надо было делать это специально — нога онемела и ныла, словно зуб. Еще не хватало, чтобы они были ядовитыми, подумал Павлыш. И что стоило сразу побежать к берегу, как только их увидел. А ведь стоял и смотрел, потеряв целую минуту.

Упрямства хватило еще на полкилометра. Потом пришлось присесть и распустить шнур, усилить приток кислорода, чтобы не стало дурно. Но все равно было дурно. «Пожалуй, я потерял много крови», — думал Павлыш.

Он снова затянул шнур — все равно отдых не помог, лишь кислород зазря уходил в небо — и доковылял до кустов. Кусты изменились, они были здесь выше, не такие колючие, больше похожи на деревья. Даже удалось высмотреть себе палку, и Павлыш сначала хотел срезать ее ножом, но руки не слушались, пришлось опять достать пистолет и отпилить ее лучом.

Дальше Павлыш шел, опираясь на палку и подтягивая больную ногу, и был он, наверно, похож на умирающего путника в пустыне или на полярного исследователя давних времен, из последних сил стремящегося к полюсу. И если за полярным путешественником положено бежать верному псу, то и у Павлыша были спутники, не столь приятные, как псы, но верные — несколько тварей прыгали по песку, взлетали, поднимались над головой и вновь опускались на песок. Они были неназойливы, даже вежливы. Но им очень хотелось, чтобы двуногое существо скорее упало и подохло.

А когда-нибудь здесь будут жить люди, думал Павлыш. Построят дома и дороги, может быть, назовут какую-нибудь из улиц именем «Компаса». Длинными вечерами станут приходить на берег моря по тропинкам, проложенным в кустарнике, любоваться полосатым солнцем, зеленой водой, и прирученные твари будут присматривать за детьми или восседать на хозяйских плечах. Люди ведь быстро умудряются ставить все с ног на голову. Может быть, даже начнут собирать зеленую паутину с водорослей и изготовлять из нее изящные шали, вечные, переливчатые, легкие. А пока он, Павлыш, ковыляет по песку и его преследуют совершенно неприрученные твари, не ведающие, что человек — царь природы, они полагают, что он всего-навсего потенциальная падаль. Совершенно один...

Но кто зажег огонек? Кто ждет путника за отворенными ставнями? Приветлив ли? Удивится? Встретит выстрелом, испугавшись незнакомца? Ведь если разумные существа появились здесь сравнительно недавно, то они могут оказаться недостаточно разумными, чтобы спешить на помощь каким-то космонавтам.

Но главное — дойти. Неважно сейчас, враг там ждет или друг, вулкан это или светящийся куст. Если начать рассуждения, дать

сомнениям одолеть тебя, силы кончатся. Упадешь и доставишь незаслуженную радость членистым тварям.

А огонек между тем приблизился... Берег довольно круто загибался к мысу, в конце которого — невероятно далеко, но куда ближе, чем раньше, — горел огонек. Кусты отступили от берега, разорванные невысокой скалистой грядой, хребтом мыса. Включив на минуту фонарь, Павлыш разглядел поблескивающие черные скалы, однообразно зубчатые, как старая крепостная стена. Потом пришлось фонарь выключить снова — твари самоотверженно бросались на него, и, если раньше их удары казались легкими, теперь каждое столкновение отзывалось вспышкой боли, доползшей уже к бедру, и приступом тошноты.

Стало еще темнее: облака превратились в сплошную пелену и принесли дождик — частый, мелкий, стекавший по забралу ветвистыми струйками. Павлышу вдруг захотелось, чтобы дождь охладил лицо — он ведь должен быть свежим, живым... Павлыш поднял забрало шлема и наклонил голову вперед. Капли, падавшие на лоб, были теплыми, и удивительно — дождь пах, он нес странные, дурманящие запахи земли, скрывающейся за кустами, запахи дремучих лесов, сочных степей, громадных, распластанных по земле хищных цветов, ущелий, наполненных лавой, ледников, поросших голубыми лишайниками, гниющих пней, из которых ночами вылетают разноцветные искры...

Отчаянным усилием, теряя уже сознание, одурманенный видениями, которые принес теплый дождь, Павлыш опустил забрало. Пришлось сесть на песок и гнать видения. Дышать глубоко и ровно и бороться с неодолимым желанием заснуть и забыться. И Павлыш старался разозлиться. Он ругал себя, смеялся над собой, издевался, он кричал что-то обидное тварям, рассевшимся в кружок на песке, терпеливым тварям...

Потом он снова шел. И ему казалось, что за ним следует слон. Большой белый слон с упругим хоботом и вислыми ушами. Слон топал по песку и подгонял Павлыша. Слон был видением. Твари тоже были видением. Огонек был видением. Ничего в самом деле не существовало — только песок и вода. Вода была зеленая и добрая. В ней мягко лежать. Она понесет обратно, к кораблю, положит у люка, и Глеб Бауэр, сам, своей волей вышедший из анабиоза, подойдет, возьмет Павлыша на руки, отнесет в каюту и скажет: ты молодец, Слава, ты далеко ушел.

Потом было просветление. Боль. Сизое небо. Жесткий песок. Скалы, нависшие над узкой песчаной полоской, скрывающие огонек. И тогда, борясь с болью и благодаря ее за то, что вернула разум, Павлыш прислонился к скале, достал тюбик с соком, допил его. И стало еще муторней, но голова просветлела. И Павлыш заспешил вперед, боясь снова потерять сознание, сойти с ума, поверить в ласковость волн и покой.

Но слон все шел и шел сзади. Он остался от видений. И шаги его были реальны, тяжелы, казалось, что песок вздрагивает и прогибается под ним.

Беспокоило отсутствие огонька. Вдруг пройдешь мимо, но нет никаких сил повернуть, взобраться на скалу, осмотреться. Павлыш не был в состоянии сообразить, сколько времени прошло с тех пор, как он свернул на мыс. Провалы в сознании могли быть мгновенными, а могли продолжаться долго.

А слон совсем близко. Дышит в спину. Павлышу всего-то нужно — повернуть голову, и видение исчезнет. Но никак не мог заставить себя это сделать. Он устал не только физически. Устало все: и разум, и воображение, и чувства, — мозг отказывался впитывать новые образы, реагировать на них, пугаться или игнорировать. Было, в общем, все равно — идет ли сзади слон или он плод воображения, остаток бреда.

И все-таки Павлыш оглянулся. Он надеялся, что никого там нет, кроме тварей.

Но слон был. Нет, не слон, никакой не слон. Просто аморфная громада непонятным образом покачивалась сзади, соизмеряя движение со скоростью человека, даже припадая на одну сторону, будто приволакивая ногу. У нее не было ни глаз, ни хобота. Только в самых неожиданных местах вдруг вспучивалась светлая оболочка, образуя короткие щупальца.

Павлыш включил фонарь. И тут же пропала боль: пришла злость, которую так безуспешно старался вызвать в себе Павлыш. Ведь несколько десятков метров, несколько шагов осталось до цели, до огонька. Так нельзя. Это нечестно. Это просто нечестно со стороны планеты.

Громада не отступила. Лишь в том месте, куда уперся луч фонаря, образовалась впадина, словно свет ощутимо давил на оболочку. Павлыш провел лучом по телу громады, и та с неожиданной легкостью ушла из-под луча, разделившись на две формы, став похожей на песочные часы.

Павлыш выхватил пистолет, нажал гашетку, но луч пистолета протянулся тонкой полоской, нежаркой и нестрашной, и оборвался у громады. Павлыш выкинул пистолет. Он был тяжел, он оттягивал руку и был совершенно не нужен.

Павлыш и громада стояли друг перед другом. Павлыш выключил фонарь. Громада расширилась в середине и снова стала кулем картошки размером с избу. Одна из тварей неосторожно подлетела близко к громаде, и вытянувшиеся из оболочки щупальца подхватили ее и упрятали в тело. И нет твари.

— К черту! — сказал Павлыш, и громада качнулась, услышав голос. — Я все равно дойду.

Он повернулся к громаде спиной, потому что ничего иного не оставалось. И пошел. Дождь слишком громко стучал по шлему, и звенело в ушах. Но надо было идти и не оборачиваться.

Громада была ближе. Он чувствовал это и не оглядывался.

Скалы расступились. Мыс кончался. Одна скала, выше других, с плоской вершиной, стояла на самой оконечности мыса. И на ней горел огонек. Не огонек — ослепительно яркий фонарь. Фонарь находился на столбе. Вокруг фонаря вертелись твари, и земля возле столба была усеяна их трупами. До площадки, на которой горел фонарь, было рукой подать. Черный кубик, метра в два высотой, умещался на этой площадке рядом с фонарем. Там, верно, находилась силовая установка, питающая фонарь. И все.

Не было ни домика с открытыми окнами, ни пещеры, в которой горел огонь, не было даже действующего вулкана. Был автоматический маяк, установленный кем-то, кто живет далеко и вряд ли наведывается сюда.

И путешествие потеряло смысл. Павлыш вполз на скалу — с одной стороны она была пологой. Но этот последний отрезок пути отнял все силы — да их и неоткуда было брать: ты можешь пройти почти все и вынести почти все, если впереди есть цель. А если ее нет...

Громада тоже ползла на скалу — чуть быстрее, чем Павлыш. Когда он дотронулся наконец до столба, металлического, блестящего под дождем, гладкого, громада выпустила щупальца.

Павлыш выхватил нож, полоснул им по первому из взобравшихся на площадку щупальцев, оно сразу исчезло, спряталось, но на место его взобралось новое. Павлыш помогал себе лучом фонаря, заставлявшим щупальца замирать, но их было много, и уже со всех сторон они лезли на маленькую площадку, поднимаясь над краем, как лепестки хризантемы.

Павлыш отступил к черному кубу энергоблока. В нем виднелся люк. Люк был заперт, и Павлыш шарил по гладкой поверхности, надеясь отыскать кнопку или ручку, и не смел повернуться к кубу лицом, потому что надо было полосовать ножом по упрямым лепесткам хризантемы, мотать головой, задерживая их лучом. А лепестки, загибаясь, сползали к центру, к ногам Павлыша. Люк открылся внезапно, и Павлыш, падая внутрь, потерял сознание.

* * *

Павлыш открыл глаза. Ровно горел свет.

Он лежал в неудобной позе, упираясь головой в угол куба.

Павлыш приподнялся на локте. За открытым люком поблескивали капли дождя, освещенные лучами маяка, и капли чуть вздрагивали на лету, как вздрагивает все, если смотреть сквозь силовую защиту.

Павлыш сел. Огляделся. Голова болела так, что хотелось отвинтить ее и пожить хоть немного без головы. Ноги не было. Вернее, Павлыш ее не чувствовал. Черный снаружи, куб изнутри оказался светлым, белым и оттого выглядел больше размером. Во всю боковую стену тянулся пульт. И над ним была небольшая картина, обычная стереокартинка, которые посылают люди друг другу на Новый год: березовая роща, солнечные блики по листьям, мягкая трава и облака на очень голубом небе. Космонавты вдалеке от Земли становятся сентиментальными. И если где-то в пути, на Сатурне ли, на Марсе, их догонит почта, они хранят эти открытки. И вешают их на стены кают.

Все остальное было понятно и просто: пульт дальней связи, запасной скафандр на случай, если потерпевший бедствие космонавт доберется до автоматического маяка, оставленного разведчиками на безлюдной планете, шкафчик с водой, лекарствами, едой, оружие, переносной энергоблок...

Когда-то давно люди в тайге, уходя из затерянной в глуши избушки, оставляли в ней запас соли, спички, патроны — они могли пригодиться заблудившемуся путнику. И эти радиомаяки по традиции так и звались избушками. Неизвестно, кто и когда придумал это название, — привилось.

Шуршали приборы — и в Центр непрерывно шла информация о температуре воздуха, влажности, сейсмике планеты. Планета, по сути, еще была не открыта. Но избушка стояла. И ждала человека. И даже прикрыла его силовым полем, когда настигал преследователь, и даже открыла ему дверь, потому что могла отличить человека от любого другого существа.

Сначала Павлыш забрался в аптечку, разыскал антисептик, тонизирующие таблетки, стащил с себя скафандр, сочувственно покачал головой, увидев, во что превратилась нога. К нему вернулось чувство юмора, и он даже пожалел, что в избушке нет камеры, чтобы запечатлеть это сизое бревно, столь недавно бывшее ногой судового врача Павлыша. Потом потратил несколько минут, стараясь вернуть себе подобие человеческого вида.

Затем проковылял к пульту связи, переключив рацию на ручное управление, и отбил SOS по космическим каналам. Вне очереди. И знал, слышал, как замирает связь в Галактике, как прерывают работу станции планет и кораблей, как прислушиваются радисты к слабым, далеким призывам, как в Космическом центре загораются сигналы тревоги и антенны вертятся, настраиваясь на избушку номер такой-то, и вот неизвестный еще Павлышу

корабль, находящийся в секторе 12, получает приказ срочно изменить курс...

Когда пришло подтверждение связи, Павлыш даже узнал название спасательного корабля. И будет он здесь через неделю. Или чуть-чуть раньше.

А потом Павлыш спал. Он спал часов шесть и проснулся от ощущения неловкости, необходимости что-то предпринять, сделать, куда-то спешить. И понял, что дальше сидеть и отдыхать в этом уютном кубике никак нельзя. Просто неприлично. Особенно когда нога почти прошла (хоть и побаливает), а в карманах запасного скафандра умещаются сразу два пистолета.

И Павлыш сообщил в Центр, что возвращается на корабль. Там ответили: «Добро», потому что не знали, что до корабля десять километров пешком, — да и что десять километров для диспетчера Центра, мерявшего расстояния только парсеками?

Павлыш вышел из избушки. Было совсем темно. Сумерки кончились. Твари бились, как мотыльки, о стекла маяка.

Павлыш представил, как противно ему будет лезть в воду, когда будет он обходить предательскую речку, поморщился, подумав, что слон может придти не один, а с товарищами. Но, в конце концов, все это были пустяки. Спасательный корабль в любом случае через неделю или чуть-чуть раньше приземлится на берегу.

И Павлыш, прихрамывая, пошел по плотному песку, у самой зеленой воды. Волны приносили на гребнях светлую фосфоресцирующую пену и старались лизнуть башмаки. И шел мелкий дождь, несущий видения о лесах, степях и хищных цветах.

Глава 2

ЖЕЛТАЯ СТРЕЛА

Жало выбрался наконец на ровную площадку, прислонил к скале копье и присел на корточки. Он устал. Если воины Старшего заметили, что его нет в деревне, они уже бегут вдогонку, пригнувшись, касаясь земли наконечниками копий, чтобы не упустить след.

С площадки не видно пещер и Цветочной поляны. Осыпь у ледника пуста, и лишь две большие мухи дерутся над камнями, не могут поделить какого-то зверька. Их крылья отражают синь ледникового обрыва. Если погоня близка, то воины должны пройти по осыпи. Другого пути нет. Они будут осторожны, потому что знают, как ловок Жало со своей пращой.

Солнце уже согнало ночной иней со скал. Длинные сизые об-

лака уползали к Синим горам. Колючие заросли раскрыли навстречу солнцу узкие листья. Там, в тени, прячется Белая смерть, которая стережет долину. Мимо зарослей не пробраться. И никто не знает, где на скале нарисована желтая стрела. О ней рассказал перед смертью Немой Ураган.

Немой Ураган знал, что утром за ним придут воины Старшего. Боги не оставят его жить. Он нарушил закон и пытался уйти из долины к морю, где пасутся стада долгоногов и бродят дикие люди. Море — бесконечная зеленая вода. Ураган разводил руками, чтобы показать, как много воды. Ураган до самой смерти так и не научился хорошо говорить. Он помогал себе руками, но только Жало и Речка понимали его. Он всегда хотел уйти из долины, и Старший однажды пытался убить его, но боги не согласились, не дали знака. Боги бывают милостивы, но когда Урагана, изуродованного Белой смертью, нашли на Цветочной поляне, Старший ушел в храм. Это было ночью, и Ураган успел рассказать Жало о желтой стреле в скалах. А утром Старший вернулся из храма, где молился всю ночь. И сказал, что боги берут Урагана к себе. Ураган не мог идти. Воины принесли его к храму. И там Ураган перестал жить.

Белая смерть стерегла выход из долины. Те охотники, кто не успевал придти в деревню до темноты, редко возвращались обратно. Ночью Белая смерть подходила к самой деревне и топталась у возделанных полей. Старший говорил, что она стережет поля от ночных мух и долгоногов. Ночью нельзя было выходить из пещер и хижин.

Жало дождался рассвета и ушел, когда небо стало серым. С рассветом Белая смерть прячется в заросли за Цветочной поляной. Если подняться по скалам, следуя за желтой стрелой, то можно выйти из долины. Там страна Диких. И море.

Погони не было. Жало подобрал копье и начал спускаться по склону, поросшему редкими деревьями. Иглы деревьев были опутаны розовой паутиной. Паутину таскали за собой многоножки, накрывая ею цветы, и, не опасаясь мух, высасывали сок. Со склона заросли кустов, в которых таилась Белая смерть, казались ровными, как болото. Когда налетал ветер, по кустам проходили серебряные волны — листья переворачивались обратной стороной. Внутри была тайна. Лишь большие мухи и Звери, Живущие в Темноте, знали путь сквозь колючки. Раньше, рассказывали охотники, жители деревни поджигали кустарник, и сонные, перепуганные твари выскакивали на солнце. Тогда было много мяса. С тех пор как в кустах поселилась Белая смерть, охотники обходили их стороной.

Жало был еще молод, и охотники не брали его с собой. Он рыхлил суком землю, в которую женщины кидали семена. Так

велели боги. Через одну зиму Жало станет настоящим мужчиной. Тогда боги, может быть, разрешат ему стать охотником. А Старший выберет ему жену. Жало лучше всех в деревне умел метать камни из пращи и попадать копьем с двадцати шагов в шкуру долгонога. Но шкура была старая. Долгоноги редко приходили в долину. Старший сказал: если боги решат, что Жало будет охотником, он даст ему хорошую жену. Может быть, даже свою дочь. Это была большая честь, но Жало не хотел жениться на Светлой Заре. Он хотел увидеть море — большое, как небо, зеленое и глубокое, о котором рассказал Ураган.

Мухи, заметив Жало, перелетели с осыпи и завертелись над головой. Жало кинул в них камнем, чтобы отпугнуть. Воины Старшего увидят, где вьются мухи, и поймут, что здесь человек.

Скоро будет поворот к Мокрой скале. Жало остановился и прислушался. Сзади покатился камень. Кто-то шел по его следам. Жало бросился в тень дерева, и многоножки, сматывая паутинные мешочки, спрятались в глубь ветвей. Жало положил в пращу круглый камень и поднял руку. Из-за скалы вышла девушка и остановилась в нерешительности. Солнце светило ей в спину, но Жало сразу догадался, что это Речка. Он опустил руку.

— Жало, — позвала Речка. — Ты здесь?

Жало еще глубже отошел в тень и принюхался — не идут ли за девушкой воины. Но запах был только один. Тогда он, подождав, пока Речка поравняется с деревом, прыгнул на нее сзади и схватил за волосы. Речка извивалась в его руках, кусалась и царапалась. Жало удерживал ее за плечи, смеялся и повторял:

— Разве так ходят по долине, глупая? Тебя сожрет любая тварь.

— Я знала, что ты здесь, — сказала Речка, высвободившись из его рук. — Я шла по следам. Здесь нет никого, кроме тебя.

— Я оставил след?

— До ручья. Потом ты шел по ручью и вышел у крутого камня. Но я знала, куда ты идешь. Ты идешь к перевалу. Я нашла твой след на Цветочной поляне. Не бойся. Солнце поднялось высоко, и наши следы унесет ветер.

— Ты зачем пришла? — спросил Жало, прислонясь спиной к стволу дерева. Многоножки проторили дорогу по его голой груди и, пофыркивая, тащили в норы розовые мешочки с нектаром.

Речка протянула руку, набрала горсть многоножек и принялась отрывать мешочки со сладким нектаром. Она ела сама и угостила Жало.

— Я спросила у матери, — произнесла Речка. — Ты еще спал. Ночью. Я спросила, будешь ли ты работать в поле. Она сказала, что ты с утра пойдешь к ручью, за рыбой. Ты обманул мать, но я догадалась. Возьми меня с собой.

— Нельзя, — ответил Жало. — Там Белая смерть.

— Я все равно уйду из деревни. Старший сказал, что после одной ночи отдаст меня в жены Скале. У Скалы уже три жены. Он страшный.

— Скала — великий охотник, — проговорил Жало.

— Я не хочу быть женой Скалы. Возьми меня с собой.

— Я иду по дороге Немого Урагана. Я иду один. Никто еще не прошел этой дорогой.

— Немой Ураган был моим отцом.

— Ты женщина. Ты слабая. Ты не умеешь метать копье.

— Я буду твоей женой.

Жало ничего не ответил. Он хотел, чтобы Речка стала его женой. Но Старший сказал — нельзя. Немой Ураган овдовел и взял в жены мать Жало, когда его отец не вернулся ночью с охоты. Хоть у Жало и Речки были разные отцы и матери, их считали братом и сестрой. Старший сказал, что отдаст Речку Скале. Жало был зол на Старшего, но не сказал тогда ничего. Потому что нельзя идти против воли богов.

— Ты не боишься богов? — спросил Жало.

— Но мы с тобой уйдем из долины. За перевалом другие боги. Так говорил отец.

— Если Белая смерть возьмет меня, Старший прикажет тебя убить.

— Я не боюсь. Я — дочь Немого Урагана. — Речка села на землю и вытянула ноги. — Я три часа бежала по твоим следам, — сказала она. — И нашла тебя. Я могу стать охотником.

Жало рассмеялся.

— Женщины кидают в землю зерна и варят мясо. Охотники — мужчины.

— Ты сам копаешь землю, — напомнила Речка.

Она погладила его ногу. Жало посмотрел сверху вниз. Волосы девушки, сбритые в храме в день совершеннолетия, уже отросли до плеч. У нее была высокая грудь, веселые глаза и крепкие, красиво татуированные руки.

— Я хотел взять тебя в жены. Но нельзя нарушать волю богов.

— За перевалом другие боги. Наши боги туда не ходят!

— Погоди. — Жало подтянулся на суке дерева, вспрыгнул на него, чтобы сверху посмотреть на тропу. — Ты так громко говоришь, что воины услышат тебя.

— Они еще спят. Дверь в их дом закрыта.

— Старший все слышит. Он никогда не спит. Помнишь, как мы с тобой украли ногу подземного зверя? И спрятались в маленькой пещере. Никто нас не видел.

— Толстый Жук нас видел. Он рассказал Старшему.

— Нет, Толстый Жук не знал, где наша пещера. А Старший

пришел туда. — Жало переступил с ноги на ногу, и многоножки посыпались на землю.

— А потом, — засмеялась Речка, — он вел нас по деревне, останавливался у каждого дома, вызывал всех на улицу и говорил: «Эти дети украли мясо».

— «Они украли мясо, которого мало».

— Правильно. «Они украли мясо, которого так мало». И бил нас палкой. Но ты не плакал.

— Я не плакал. А он сказал, что мы теперь не увидим мяса до самого лета. Так велят боги. И будем работать в поле с утра до ночи. А мне хотелось мяса.

— Но отец давал нам мяса, разве ты забыл? Он давал нам от своей доли. Он объяснял, что не хочет, чтобы мы умерли с голоду.

Речка поднялась на ноги, потянулась, подобрала с земли копье Жало и спросила:

— Мы пойдем к перевалу? Или ты забыл?

Жало спрыгнул с сука. Он обиделся. Речка не должна была напоминать мужчине, что ему следует делать. Но она была права. Что толку сидеть на суку и болтать ногами.

Утро кончилось. Тени стали короче, и ветер стих. От темной массы кустов поднимался легкий пар — растения отдавали воду, накопленную за длинную ночь. Запахи земли, животных, растений стали гуще, многочисленнее, и следы, оставленные зверьми и людьми, пропадали в испарениях долины. Лучшие часы охоты — от рассвета до жары — прошли. Жало потянул легонько Речку за кольцо в носу.

— Будь покорна, жена, — сказал он слова, которые можно было произносить лишь Старшему.

— Пусти, мне больно.

Они шли вдоль кустарника, но ни разу не ступили в его тень. Жало вспугнул красную змею, метнул в нее камнем из пращи, змея взвизгнула, завертелась в траве и рассыпалась на десяток змеенышей. Между кустарниками и скалами оставался узкий проход, пропадающий шагов через сто. Но Жало смело шел вперед. Так велел Ураган. Речка ступала ему вслед и дышала в затылок. Иногда она протягивала вперед руку и касалась пальцами спины юноши. Жало дергал плечом, сбрасывал руку. Ему тоже было страшно. Если из кустов кто-нибудь выскочит, бежать некуда. Три шага — и скала.

Потом осталось два шага. Потом настал момент, когда можно было развести руками и правая упрется в иглы кустарника, а левая коснется холодной мокрой скалы. По скале стекали тонкие струйки воды, и брызги попадали на кожу. Здесь было холоднее,

чем у деревьев. Жало замер. Впереди, в нескольких шагах, кустарник сливался со скалой, прижимался к ней.

— Здесь, — сказал Жало тихо, чтобы не разбудить тварей, спящих в кустах.

— Дороги нет, — шепнула Речка. — Ты не ошибся?

— Ураган сказал: «Где кусты и скала станут вместе, беги вперед».

— Никто еще не ходил здесь.

— Твой отец ходил. Он был великий охотник.

Жало ткнул копьем в кусты. Ветка шевельнулась, словно живая, и подобрала иглы. Жало отвел копьем ветку от скалы и шагнул вперед. Речка держалась за его набедренную повязку. Жало копьем отодвигал ветки и протискивался между ними и скалой. Ветви смыкались сзади, стало темнее, и кто-то зашевелился совсем рядом.

Речка вскрикнула от испуга, Жало кинулся вперед, кусты хватали его крючками иголок, рвали кожу, и обеспокоенные обитатели темноты ворчали, пищали и шипели вслед.

Жало бежал, зажмурив глаза, и не он, а Речка первой поняла, что они ушли из долины. Кусты расступились, и беглецы оказались в широкой расщелине, дно которой устилали мелкие камни, а скалы по сторонам, темные, покрытые лишайником, сходились над головой.

Жало перевел дух. Речка сорвала пук травы и вытирала кровь с лица и груди. Жало поторопил ее.

— Если мы разбудили Белую смерть, она нас здесь легко догонит. Мы пойдем до желтой стрелы.

— Мне больно.

— Тогда оставайся. Или иди в деревню.

— Я не могу. Меня отдадут богам.

Жало не стал больше тратить время на разговоры с девушкой. Он быстро пошел вперед, не сводя глаз с левой скалы. На ней должна быть желтая стрела.

Речка плелась за спиной, всхлипывая, и ругала спутника.

Сзади раздался свист.

— Белая смерть! — крикнул Жало. — Мы разбудили ее. Не оборачивайся!

Речка все-таки оглянулась. Кусты шевелились, колыхались, будто старались выплюнуть что-то большое. Среди ветвей мелькали светлые пятна, и никак нельзя было разобрать ни формы, ни размеров Белой смерти.

Жало бежал впереди, и расщелина все не кончалась. Перед глазами маячил все тот же кусок неба и полосы облаков на нем. Вдруг скалы раздались в стороны, и беглецы оказались на краю обрыва. Обрыв уходил отвесно вниз к зеленому полю, посреди

которого извивалась медленная река. Она терялась в тумане, за которым было море.

Заунывный свист и пощелкивание приближались. Белая смерть настигала их, и на этот раз обернулся Жало. У Белой смерти не было глаз, рта и ног. Она переливалась, как тесто, выпуская короткие отростки, тянула их к беглецам.

— Стрела! — крикнула Речка.

Небольшая желтая стрелка косо указывала вверх, на карниз, узкий и почти незаметный со дна расщелины.

Жало не стал тратить времени на разговоры. Он сгреб Речку в охапку и подсадил ее к карнизу. Речка вцепилась в камень, подтянулась и исчезла за скалой. И тут же протянула руку, чтобы помочь юноше взобраться. Жало оперся о копье, пальцы босых ног вцепились в шершавый камень. Речка, не выпуская руки, отступила дальше вдоль стены.

Один из белых отростков потянулся к карнизу. Жало ткнул в него копьем, и отросток сразу исчез.

Они стояли, прижавшись спинами к скале, и молчали. Они были первыми, кто встретил Белую смерть и остался в живых. Боги сжалились над ними.

Карниз постепенно расширялся и спускался вниз, к реке. Ветер, прилетевший с моря, упруго бил в лицо, будто боялся, что, ослабевшие после страшной встречи, они сорвутся с карниза и упадут вниз.

Они прошли немного по карнизу, а когда он расширился, присели. Жало протянул руки и показал Речке, как они дрожат.

— А у меня нет ног, — сказала Речка.

Туман рассеивался, и казалось, что небо, такое большое с высоты, загибается книзу, темнеет и по нему идут белые полоски. В небо вливалась река, разбившись на множество узких протоков.

— Море, — сказал Жало. — Ураган говорил, что море — сестра неба. Теперь нас никто не догонит.

Карниз вел к речной долине, к розовым сладким деревьям. Стадо долгоногов паслось около одного из них. Жало никогда не видел столько долгоногов сразу.

— Мясо, — проговорил он. — Много мяса.

Пощелкивание Белой смерти, словно дурной сон, возникло совсем рядом. Чудовище, распластавшись по стене, забралось на карниз и медленно ползло вперед. Жало пошел было ему навстречу, но Речка вцепилась ему в руку.

— Не смей! — кричала она. — Мы убежим от него. Белую смерть нельзя убить.

Жало отступил.

— Бежим!

Они бежали вниз, хватаясь за выступающие камни, перепрыгивая через трещины. Откуда-то взялись большие мухи. Их привлекал пот. Мухи вились над головами и старались остановить беглецов. Белая смерть отстала. Она струилась по карнизу, меняя форму. Она двигалась медленно, но упорно, потому что знала, что людям не убежать от нее. Белой смерти не нужен отдых. Она никогда не спит.

Карниз превратился в осыпь. Между обломками скал росли кустики и желтые свистящие цветы. Долгоноги заметили людей и бросились наутек, высоко подбрасывая толстые зады. С осыпи видна была скала, с которой они спустились. Она тянулась в обе стороны, от моря до синих гор, и расщелина, по которой вышли Жало с Речкой, казалась отсюда черной трещинкой — словно кто-то всадил в скалу острый нож. На середине скалы виднелось белое пятно. Пятно уверенно ползло вниз.

— Мы дойдем до реки, — сказал Жало, — и войдем в воду. Белая смерть не умеет плавать.

— Ты откуда знаешь?

— Так говорил Немой Ураган. Когда он был в другом племени, они спасались от ночных зверей тем, что входили в воду. Потом мы найдем то место, где можно перейти реку пешком. Ураган говорил, что такое место есть, но забыл, где оно. И придем в племя Урагана.

— Я не умею плавать.

— Я тоже. Никто в нашем племени не умеет плавать. Но мы ушли, и никто не смог нас поймать. Даже Белая смерть. Я — настоящий охотник. Я возьму тебя в жены и потом, с новым племенем, вернусь в деревню и убью Старшего.

— Ты настоящий охотник, Жало, — согласилась Речка. — Но пойдем скорее к воде. Смотри, Белая смерть уже близко.

Белая смерть, добравшись до широкой части карниза, поползла куда быстрее. По осыпи она покатилась, словно шар, выставляя вперед, чтобы удержаться, короткие толстые отростки.

Но беглецы не успели сделать и нескольких шагов к реке, как пришлось остановиться. Вдоль воды шли люди.

— Это охотники, — сказал Жало. — Поспешим к ним. Это охотники из племени Урагана. Я знаю знак племени. Они нас не тронут.

— Стой, — ответила Речка. — Ложись в траву, пока они нас не заметили. Ты видишь, какие у них копья?

Жало послушно нырнул в траву и осторожно выглянул из-за камня. У людей, шедших вдоль реки, копья были раздвоены на концах, чтобы рвать мясо и чтобы рана была глубокой и смертельной. Таким копьем трудно убить зверя. Даже долгоног может спастись от такого удара. Таким копьем охотятся только на человека. Это были воины Старшего.

Жало катался по земле, кусал свои руки, бил кулаками по камням. От ярости и страха он ничего не видел.

— Это духи! — кричал он. — Это духи воинов! Они не могли выйти из долины!

— Тише, — умоляла его Речка. — Тише, они услышат.

Но Жало уже вскочил во весь рост и кинулся навстречу воинам, потому что им овладело бешенство, в которое впадает всякий мужчина племени, если чувствует, что близка его смерть.

Речка попыталась остановить его. Она бежала, спотыкаясь, за Жало, кричала, плакала. А сзади, все ближе, все слышнее, раздавалось пощелкивание Белой смерти.

Воины увидели юношу. Они рассыпались полукругом, чтобы ему некуда было уйти, и ждали, пока он приблизится, чтобы бить наверняка. Один из них развернул небольшую сеть, связанную из стеблей голубого тростника. И Речка поняла, что они хотят взять Жало живьем. Это было еще хуже. Значит, они принесут его в жертву богам, как принесли в жертву Немого Урагана.

Захваченная зрелищем, Речка не заметила, как на нее упала тень, и лишь ожог отростка Белой смерти заставил ее прыгнуть вперед и закричать.

Крик ее донесся до бегущего юноши и остановил его. До охотников оставалось несколько десятков шагов.

Жало увидел, что Речка бежит к нему, а громада Белой смерти преследует ее по пятам и отростки чуть не касаются ее спины.

И что-то странное случилось с Жало. Он вдруг забыл о воинах. Безумие покинуло его. Голова стала ясной, и ноги налились силой. Он кинулся наперерез Речке, вдоль цепи воинов, так, чтобы пробежать перед ней. Это ему удалось. Жало схватил девушку за руку и потащил за собой. Воины замешкались от неожиданности, а Белая смерть не успела изменить направление и проскочила вперед.

Через минуту все изменилось. Воины поняли, что добыча может ускользнуть, и последовали за Жало, держась ближе к берегу, чтобы не натолкнуться на Белую смерть, а чудовище вобрало в себя отростки и покатилось вслед за беглецами. В конце концов кто-то из преследователей обязательно настиг бы беглецов, которые оказались между двух огней.

Белая смерть оказалась проворнее. Она догнала их у небольшого крутого пригорка, куда Жало втащил изнемогающую Речку. И тут же белый шар расплылся по траве, стал жидким и со всех сторон окружил собой пригорок. Белая жижа стала стягиваться кверху, и воины остановились в отдалении, глядя, как уменьшается зеленая площадка под ногами юноши и девушки, как беспорядочно и отчаянно Жало тычет копьем в отростки Белой смерти.

И в этот момент из-за большого дерева вышел еще один свидетель этой сцены. Он не принадлежал ни к одному из племен. Он был выше ростом и тоньше. У него была блестящая большая голова, перепончатый хобот, горб за спиной и странные блестящие одежды. Он поднял руку с блестящей короткой палкой, и из палки вылетела струя белого ослепляющего огня. Струя достигла белого кольца, и кольцо чернело, съеживалось, пряча щупальца. И этот человек или бог продолжал жечь Белую смерть, пока остатки ее, обгоревшие, мертвые, не сползли с пригорка и не рассыпались пеплом по траве.

Тогда Жало отпустил Речку, она упала на траву, а юноша встал на колени и закрыл ладонями глаза.

Глава 3

ПЕЩЕРЫ

Тишина преследовала Павлыша до самого корабля. Казалось, с торжеством ночи все твари затаились в норах или залегли в беспробудный сон. Даже под водой ему никто не встретился. А может, до них донесся слух, что этот одинокий человек чувствует себя сильным, непобедимым и неуязвимым. А причиной тому не только новый скафандр, в котором можно не беспокоиться о нехватке кислорода или когтях морских жителей, но и сознание победы. А оттого недавнее путешествие к огоньку стало чем-то вроде воспоминания о миновавшей зубной боли, которую можно представить, но нельзя вернуть.

Но еще было беспокойство о корабле. Оно росло с каждым шагом, и треск ракушек под подошвами башмаков отсчитывал секунды, с каждой из которых явственней была картина, где неизвестное чудище спокойно разбирает доморощенную баррикаду, оставленную Павлышом у люка «Компаса».

Тишина казалась зловещей. Невысокие ленивые волны приподнимали головы над черной маслянистой поверхностью океана и искристой пленкой растекались по песку. Воспоминанием о длинном дне осталась лишь узкая зеленая полоса над горизонтом, но свет, позволяющий разглядеть ленту пляжа и стену кустов на дюнах, исходил не от догорающего заката и не от светящегося моря — из-за дюн поднялась медная луна и залила ночь отблеском далекого пожара.

Огонек остался далеко сзади. Он подмигивал равномерно и надежно. Он внушал уверенность в будущем. В отдаленном будущем, которое никак уже не зависело от Павлыша. Но от него за-

висела безопасность корабля в ближайшие дни, безопасность от случайностей, которыми столь богата эта планета.

Звезды отражались в лужицах, оставшихся после прилива, и светлая полоса пены отделяла песок от моря. Идти было легко. Слежавшийся песок пружинил под ногами.

Наконец черным провалом в звездном небе впереди обозначился «Компас». Павлыш включил на полную мощность шлемовый фонарь, и круглое пятно света уперлось в покореженный металл корпуса. Павлыш обошел груду деревяшек и обгорелых тварей — остатки неудачного костра. Казалось, что все это случилось очень давно, много лет назад: и первые вспышки маяка, и отчаянные попытки привлечь внимание жителей далекой избушки.

Хитрые затворы люка, придуманные Павлышом, были не тронуты. Никто не пытался проникнуть в корабль в отсутствие его сторожа.

Из шлюзовой камеры Павлыш включил аварийное освещение и воздушные насосы. Спасательный корабль придет через неделю, и можно позволить себе роскошь — жить со светом и без скафандра.

Павлыш задраил дверь в шлюзовую камеру и прислушался к свисту воздуха, который весело врывался в отсек, будто соскучился в темноте резервуаров. Можно было снять нагубник. Привычные запахи корабля, которые пережили крушение и которые останутся в корабле еще долго после того, как последний человек покинет его, окружили доктора, словно теплые кошки, радующиеся возвращению хозяина.

Душ не работал. Павлыш сбросил скафандр и вышел в коридор.

Плафоны в коридоре горели вполнакала, и, случись это месяц назад, Павлышу показалось бы здесь темно и неуютно, но после долгого путешествия в темноте коридор представился Павлышу сверкающим веселыми и яркими огнями. Все было в порядке. Сейчас откроется дверь и выйдет капитан. Он спросит: «Почему вас так долго не было, доктор?»

Но капитан не вышел. Капитан был мертв. Павлыш дошел до конца коридора и, перед тем как заглянуть в анабиозные камеры, обернулся, пытаясь вновь вызвать в себе приятный обман, ощущение, что ты не один.

Какой-то человек выглянул из-за угла и, заметив Павлыша, спрятался. Несколько секунд Павлыш продолжал оставаться в блаженном состоянии — он воспринял этого человека как продолжение игры в живой корабль. Но тут же сработала внутренняя система предупреждения. Павлыш, ты один на корабле. Здесь не может больше никого быть. Это галлюцинация.

— Это галлюцинация, — сказал вслух Павлыш, чтобы развеять видение.

Стереть память о нем. Надо держать себя в руках. Но что такое странное было в облике человека, нырнувшего за угол? Он не принадлежал к экипажу корабля — ни к живым, ни к мертвым. Он не был образом кого-то из земных знакомых Павлыша. Это был чужой человек. Высок ли он, низок, мужчина он или женщина — этого разглядеть Павлыш не успел. Но он был уверен, что никогда не видел этого человека раньше.

Галлюцинация галлюцинацией, но надо проверить. Павлыш вдруг пожалел, что оставил пистолет в скафандре. Он возвращался по коридору медленно, готовый прижаться к стене или нырнуть в одну из кают. Ему вдруг стало страшно — может, потому, что самое трудное было уже позади и новая опасность, возникшая столь неожиданно, застигла его врасплох. Крадучись по коридору, Павлыш поймал себя на том, что уговаривает человека оказаться игрой воображения.

За углом никого не было. Люк в шлюзовую камеру был задраен, и плафон под потолком чуть мерцал, будто издевался над Павлышом. Если человек скрывается где-то здесь, то Павлыш должен услышать его дыхание — тишина мертвого корабля была почти невыносимой, тяжелой и гулкой.

Простояв с минуту неподвижно, Павлыш уверился в том, что он на корабле один. Подвели нервы. И все-таки надо было убедиться в этом до конца. Павлыш взял из шкафчика нагубник, накинул на спину баллон и вошел в шлюзовую камеру. Здесь тоже было пусто. Павлыш откинул сломанный люк. Его встретили темнота и шуршание моря. И уж совсем на всякий случай Павлыш взял ручной фонарь и провел его лучом по песку — там было пусто, по морю — море было пустынным. И к кустам. Тут луч света поймал фигуру человека, бегущего по рыхлому песку. Фигура задержалась на мгновение, метнулась в сторону, чтобы уйти от светлого круга, и исчезла в колючках. Кусты не помешали гостю скрыться в их чаще.

Значит, это была не галлюцинация. Гость существовал, обитал на этой планете, был любопытен и осторожен.

Павлыш подержал еще немного свет на той части кустов, где скрылся гость, потом потушил фонарь и вернулся на корабль. Его вновь охватило беспокойство. Ночной житель планеты мог добраться до анабиозных камер.

Павлыш ворвался в анабиозный отсек, забыв снять нагубник и положить фонарь на место. Дверь туда была задраена, но Павлыш все равно не успокоился, пока не оказался внутри и не увидел показания приборов. Приборы работали нормально. Ночной гость сюда не добрался.

Павлыш обошел весь корабль, заглядывая в отсеки и трюмы, пробираясь среди разбитого оборудования и искореженных переборок. Ему вдруг показалось, что открылся грузовой люк, и он потратил минут двадцать, прежде чем убедился, что люк заклинило так надежно, что без лазера его не вскроешь. И все-таки он не мог успокоиться. Вернулся в шлюзовую, надел скафандр, взял пистолет и выбрался наружу. Он медленно повторил путь гостя, стараясь разглядеть его следы. Он дошел, увязая в песке, до самых кустов. Но ни следов, ни просвета в кустах, где мог бы скрыться человек, он не обнаружил. История получилась странная, не очень правдоподобная, и захотелось, чтобы поскорее прилетел спасательный корабль.

Перед тем как лечь спать, Павлыш забаррикадировал люк и прибавил света. Есть расхотелось, и он долго не мог заснуть, прислушиваясь к звукам за притворенной дверью. Звуков не было. Пистолет он положил под подушку. Так и заснул, держа под подушкой руку...

Снились утомительные кошмары, в которых Павлыш вновь и вновь шел по берегу, тонул, и перед ним, оглядываясь и маня рукой, шел ночной гость. Заманивая к черной бездне.

Павлыш проспал двенадцать часов и проснулся в деловом, трезвом настроении. В конце концов, нет ничего удивительного, что на планете живут ее хозяева. Возможно, что они еще не делают орудий и не строят домов, так что при разведполете их не обнаружили. Разумные они или стремятся к такому состоянию — в любом случае они любопытны, за что их никак нельзя корить.

Он лежал и прислушивался к шорохам. Потом вздохнул, сказал сам себе: «Доброе утро». Ему осталось провести здесь шесть суток в полном одиночестве. Когда ясно виден предел твоей робинзонаде, общие цели в жизни претерпевают метаморфозу. Проблемы выживания, спасения товарищей, перспектива медленной смерти — все это пропало. Но шесть дней — совсем не малый срок, и глупо провести их, лежа на койке и читая в очередной раз пятый том Ключевского. Потом знакомые будут спрашивать: а что ты, Слава, делал, когда вернулся на корабль? Можно ответить им — залег в спячку. Знакомые улыбнутся, ничего не скажут и подумают: вот дурак. Попасть на новую планету — и проспать на ней шесть дней подряд.

Если верить справочнику, через трое суток наступит утро. Тогда надо будет пойти по берегу в обратную от маяка сторону. Где-то там должен быть просвет в бесконечных кустах, и можно будет заглянуть внутрь, посмотреть, где и как обитает ночной гость.

Придя к такому удачному решению, Павлыш, чтобы не тратить времени даром, выбрался наружу, отыскал в груде щепок более или менее сохранившиеся тела летучих тварей и перетащил

их в лабораторию. Дверь в анабиозный отсек он задраил намертво, так что если сам доктор заразится какой-нибудь местной дрянью, ни один вирус к ваннам не проникнет.

В лаборатории пришлось повозиться, пока в куче обломков удалось отыскать и привести в рабочее состояние кое-какие инструменты. Павлышу со школьных лет не приходилось препарировать без помощи микроскопа, под тусклой желтой лампочкой, пользуясь вместо предметных стекол донышком от колб и стаканов. Павлыш, с наслаждением ругая первобытные условия своего существования, разделал несколько тварей, увлекся, выловил в море на свет фонаря трех мелких морских жителей, отыскал в трюме контейнер со спиртом, перетащил из камбуза гнутые кастрюли, сковородки, превратил лабораторию в весьма неряшливую кунсткамеру, нажил мозоль и несколько водяных пузырей на ладонях и к исходу третьего дня стал первым в Галактике специалистом по биологии планеты. Правда, по биологии низших форм ее жизни, строение которых давало все основания полагать, что эволюция здесь зашла довольно далеко и утром на свету можно будет весьма расширить свои знания.

Самый интересный сюрприз таили в себе кусты. Они оказались не только растениями, но и животными — сложным и любопытным симбиозом между растениями с полыми стеблями и простейшими организмами, населявшими внутренность стеблей. Организмы эти были общественными — сродни муравьям, — именно они заставляли ветви сопротивляться попыткам чужаков проникнуть внутрь кустарника, где кишела разнообразная жизнь, связанная — от летучих тварей до микробов — в единую систему.

Павлыш долго бился над задачей, как притвориться своим, заставить кусты расступиться перед ним, но пришлось отказаться от этой затеи — на горизонте появилась голубая полоса. Надвигался рассвет, и пора было готовиться к большой экспедиции под кодовым названием «Робинзон идет по острову».

Если у тебя несколько дней безбедной жизни, если тебе ничто не угрожает, то сидеть в корабле, пить чай и препарировать мошек — занятие не для цивилизованного человека. Цивилизованный человек хочет открыть новый материк и назвать неведомую реку именем любимой женщины — скажем, мамы. Так что зуд любознательности, одолевший Павлыша, был естествен для прирожденного землепроходца.

На этот раз Павлыш проявил великолепную изобретательность, которой позавидовал бы неандерталец, уходящий из пещеры на трехмесячную охоту и оставляющий там, по соседству с хищными зверьми, любимую жену и детей. Когда он наконец запер входной люк и вспомнил, что забыл нож, лежащий на полке в шлюзовой камере, то справиться с запором ему удалось лишь

через полчаса, и то лишь после того, как, придя в полное отчаяние, в упор выстрелил в него из пистолета. Потом пришлось мастерить новый запор. В результате Павлыш покинул стоянку корабля, когда солнце уже поднялось над границей воды и песка, продираясь сквозь сизые полосы облаков. Вновь, как и вечером, пришлось идти навстречу солнцу, только в противоположную сторону.

Павлыш экипировался основательно, так что ему были не страшны ни звери, ни стихийные бедствия. За спиной висели запасные баллоны — кислорода на трое суток. Сбоку сверкал пистолет, на другом бедре хороший охотничий нож, кустарным образом переделанный из кухонного. Поверх баллонов горбился рюкзак с запасом пищи и воды и даже надувным спальным мешком — вдруг придется остановиться на отдых.

Часа через три, когда солнце растопило иней на кустах, когда поднялся ветер и переворачивал, серебрил узкие листья кустов, Павлыш наконец увидел то, что искал. Широкая река вливалась в море, прерывая монотонную линию кустарника. Берег реки был болотистым, но пружинил под ногами и держал Павлыша. Короткие острые стебли травы с синими венчиками колючек цеплялись за башмаки, и с них в разные стороны прыскала летучая мелочь. Из кустов встревоженно выскочили спугнутые твари, покрутились над Павлышом и спрятались обратно. Берег стал выше, суше, кусты расступились, и Павлыш очутился у края широкой долины.

С одной стороны долина была ограничена морем, отороченным полосой кустарника, с другой упиралась в отвесный, без разрывов, скалистый обрыв. Река поворачивала километрах в трех от устья и текла вдоль долины, деля ее на две длинные зеленые полосы.

Павлыш дошел до поворота реки. Здесь течение было быстрым, и в чистой воде виднелись обкатанные камни и длинные нити водорослей. Короткие оранжевые черви дергались, словно прыгали друг за дружкой между водорослей, и, прежде чем войти в воду, Павлыш кинул в них камнем, отгоняя от брода.

Быстрое течение мешало идти, вода вздыбливалась у ног, всплескивала, урча, и дневной мир этой планеты пришелся Павлышу по душе. Большая птица с длинным гибким хвостом сделала круг над Павлышом, ринулась вниз и тяжело поднялась с воды, держа в желтых зубах небольшое водяное животное.

В самом глубоком месте вода оказалась Павлышу до пояса, и поток чуть не снес его в глубину, но тут же берег пошел вверх, и Павлыш, отряхиваясь, словно пес, выбрался на траву к большому дереву, покрытому розовой листвой. Вблизи оказалось, что это не листва, а паутинные мешочки, которые таскали за собой

страшные гусеницы, перебираясь с ветки на ветку. Гусеницы при виде Павлыша поднимали головы и пугали его — шевелили передними ножками. Гусеницы Павлышу не понравились, и он отошел от дерева.

Неподалеку бродило стадо каких-то животных. Животные были весьма странного вида. Несколько пар длинных тонких лап несли тело, схожее с бурдюком. Вместо головы из бурдюка торчали хоботки. Сверху бурдюк был украшен острыми шипами. Животные шустро рвали хоботками траву и совали себе под живот — видно, там пряталась пасть. Павлыш достал камеру и несколько минут снимал подробный и неспешный фильм о жизни долины и даже заставил себя вновь приблизиться к розовому дереву с отвратительными гусеницами, которые весьма разозлились, увидев, как он возвращается, и делали вид, что вот-вот прыгнут ему в лицо.

Напоследок Павлыш отснял панораму скалистой стены. Нечто светлое и округлое двигалось по обрыву. Павлыш дал максимальное увеличение, и в видоискателе обнаружилась белая бесформенная туша, ползущая по узкому карнизу. Павлыш тушу узнал. Это был тот белый слон, что чуть не погубил его ночью, у маяка. Надо быть осторожным. Оказывается, эти гады выползают из своих нор и днем.

Камера скользнула дальше, вниз, и в объектив ее попали еще два существа. Эти существа значительно уступали слону в размерах и явно передвигались на двух ногах. Они пробирались по тому же карнизу, что и слон, и не надо быть гением, чтобы догадаться: слон их преследует.

— Здравствуйте, — сказал Павлыш вслух. — Вот мы и встретились, ночные гости. В случае чего можете рассчитывать на нашу помощь.

Павлыш переместился к вершине небольшого холма, где росло дерево без паутины и гусениц на нем. Это был отличный наблюдательный пост. Оставалось только ждать, как развернутся события дальше. В любом случае пока что белый слон не настигал двуногих. У них были еще шансы скрыться. А если им удастся сделать это без его помощи — тем лучше. Всегда предпочтительнее не вмешиваться в чужие дела. Где гарантия, что господствующая, разумная форма жизни на этой планете — не белые слоны? И за Павлышом тогда гнался какой-нибудь береговой сторож или любитель лунного света, принявший Павлыша за сувенир или за двуногую обезьяну, представляющую собой изысканное лакомство в слоновьих зажиточных слоях?

Беглецы спустились к долине, задержались на осыпи, видимо, совещаясь. В руке одного из них Павлыш углядел длинную палку или копье. Это говорило в пользу разумности двуногих и

было приятным открытием. Как-то естественнее завести дружбу с себе подобными, чем с пятнадцатиногими пауками — хотя среди них встречается немало милейших и умнейших особей.

Двуногие направились к реке. Они шли не спеша, уверенные, что слону их не догнать, и не видели, как слон, миновав узкий карниз, вобрал в себя щупальца и покатился вниз по осыпи, словно мягкий мяч. С каждой секундой он сокращал расстояние между собой и двуногими. Рука Павлыша сама потянулась к пистолету.

Но тут одно из существ заметило приближение слона и предупреждающе крикнуло. Двуногие припустили к реке. Потом остановились. Что-то новое привлекло их внимание.

Павлыш опустил пистолет — сигналить беглецам не надо, — посмотрел в направлении их взгляда и увидел, что вдоль берега идут другие двуногие. Тех, новых, было шестеро. Все они вооружены копьями, похожими на огромные вилки.

Переведя взгляд обратно к первым двум, Павлыш увидел, как они нырнули в траву.

Ага, сказал он себе. Враждующие племена. И наших меньше. Положение обостряется. Сзади слон, спереди соперники. Что будем делать?

Один из двуногих (Павлыш невольно, как болельщик на стадионе, разделил присутствующих на команды и выбрал ту, за которую намерен болеть) катался в ярости по траве и бил кулаками по камням. Он вопил, как будто его резали живьем. Другой его спутник суетился рядом, пытался образумить товарища. Из этой попытки ничего не вышло. Первый вскочил на ноги, подобрал копье и бросился на шестерых врагов.

Как древний викинг, впавший в боевое безумие, комментировал Павлыш. Ему было очень жалко парня, который шел навстречу бессмысленной смерти. Второй бежал вслед за викингом и все пытался удержать его от сражения.

Шестеро у реки тоже увидели нападающего. Они без излишней спешки рассыпались в цепь и начали сходиться так, чтобы захватить парня в полукольцо. Один из них развернул небольшую сеть.

Будут брать живьем, подумал Павлыш. А может, и нет — как гладиаторы, накинут сеть и прибьют копьями. Выйти бы сейчас и заявить: я ваш новый бог, прекратите кровопролитие.

Но Павлыш не успел выполнить своих намерений. Второй из беглецов, остановившийся в нерешительности, не заметил, как к нему бесшумно подкрался белый слон. Слон протянул вперед щупальца; почувствовав их прикосновение, беглец рванулся вперед. Крик о помощи достиг его спутника, что бежал навстречу

врагам. И тот замер на месте. Затем, поняв, что товарищ в опасности, повернул обратно, словно забыл о шестерых врагах.

Теперь следствию ясно, кто из вас разумен, а кто нет — констатировал Павлыш. Копья и сети сами по себе аргумент, но то, что ты бежишь на помощь, когда тебе так хочется подраться с врагами, очень располагает в твою пользу.

Первый беглец подхватил товарища и оттащил его с пути белого слона. Чудовище потопталось на месте и вновь пустилось вдогонку. Шестеро врагов остановились, не решаясь приблизиться.

Беглецы взобрались на крутой пригорок, совсем неподалеку от Павлыша. Белый слон настиг их, но, вместо того чтобы ползти вверх, избрал иную тактику. Он решил действовать наверняка. Расплывшись в кисель, он охватил кольцом подножие пригорка и, стягиваясь, как резиновое кольцо, пополз вверх, оставляя все меньше и меньше свободного пространства вокруг беглецов. Один из них колол копьем приближавшиеся щупальца, поддерживая потерявшего сознание товарища.

И когда уже казалось, что все погибло и спасения нет, а шестеро здоровых мужиков, вместо того чтобы прийти на помощь, стоят мирно в стороне и деловито обсуждают происходящее, Павлыш нажал курок, и раскаленный луч, вырвавшись из дула пистолета, распорол кольцо белой хищной массы. И Павлыш не отпускал курка, пока белая плоть чудовища не превратилась в серый пепел.

Теперь скрываться было поздно. Тем более что своих двуногих нельзя оставлять на произвол судьбы. Уйдешь, и те шестеро, опомнившись, чего доброго пристукнут их.

Павлыш, памятуя о необходимой эффектности появления, сошел с холма и медленно направился к участникам и зрителям только что закончившегося боя.

* * *

Павлыш показался Жало горбатым великаном в блестящей одежде, с большой прозрачной головой, внутри которой, как зародыш в икринке, виднелась другая, белая с голубыми глазами, в них темнел странный зрачок — словно кто-то уронил в голубую лужу черное семечко. В руке у великана была короткая блестящая трубка, из которой только что вырвался луч света, убивший Белую смерть. Жало не знал, убьет великан его, как и Белую смерть, или помилует. И Жало опустился на колени и бросил копье, чтобы показать, что он безоружен.

Павлыш тоже рассмотрел наконец Жало. Это было странное существо, схожее на первый взгляд с человеком, но в то же время

никак не человек. Его темная синеватая кожа была покрыта редкой бурой шерстью, более плотной на голове и груди. Бедра были обмотаны повязкой, с которой свисала связанная в кольцо веревка. Кривые короткие ноги заканчивались расплющенными ступнями, и длинные когти на руках, казалось, росли прямо из ладони. Но более всего Павлыша удивили глаза. Желтые, они были разрезаны вертикальным зрачком, словно у кошки. Черная полоска сужалась и расширялась, чутко реагируя на малейшую перемену освещения.

У ног спасенного лежало второе существо, оно было меньше размером и оказалось самкой.

Шестеро врагов подошли ближе и остановились за спиной Павлыша. Жало, взглянув в сторону своего спасителя, быстрым движением подобрал копье и затараторил, обнажая редкие клыки.

Павлыш вспомнил и настроил черную коробочку «лингвиста» на прием информации. Пусть послушает, наберется грамматики и лексики. Тогда можно будет объясниться. А пока Павлыш сказал, стараясь, чтобы слова его звучали убедительно:

— Не волнуйся, дружище. При мне они тебя не тронут.

Потом обернулся к воинам Старшего:

— Попрошу без кровопролития.

И показал им пистолет.

Воины посовещались, потом тот, кто постарше, густо обросший лежалой клочковатой шерстью, поморгал кошачьими глазами и произнес небольшую речь, указывая копьем на каменную стену, солнце и различные предметы вокруг. Речи Павлыш не понял. Переводчик тихо жужжал на груди, но из его черной коробочки не выходило ни единого членораздельного слова. Все-таки Павлыш предположил, что общий смысл речи сводится к тому, что они рады бы подчиниться, да долг не велит им отпускать беглецов на волю.

Павлыш вновь оказался перед дилеммой. Не исключено, что его двуногие натворили что-нибудь дома. Съели, к примеру, свою бабушку, и теперь им грозит общественное порицание. Разгонишь карательную экспедицию — поможешь росту преступности на этой планете. Хотя возможны и другие варианты.

Так что Павлыш просто пожал плечами и дал возможность событиям идти своим чередом.

Старший шестерых обратился теперь с речью к беглецу. Тот сначала возражал, и оратор повысил тон. Наконец Жало (это было первое слово, которое удалось понять лингвисту) понурил голову, подхватил совсем ослабевшую девушку и поплелся к стене. Уходя, он обернулся и, если Павлыш правильно истолковал его взгляд, попытался внушить ему: «Идем с нами! Мне так страшно!»

И Павлыш последовал в хвосте небольшой процессии.

Ему представлялась соблазнительная возможность увидеть, как живут двуногие. Вряд ли путь очень далек: обе партии — и преследователи, и беглецы — шли налегке. Кислород есть. Вернуться обратно никогда не поздно. И в крайнем случае можно прийти на помощь желтоглазому беглецу. Разум здесь в младенчестве. И вряд ли жизнь особи ценится высоко.

Заметив, что Павлыш следует сзади, главный воин остановился и сказал что-то.

Лингвист вздохнул и перевел неуверенно: «Уходи, сильный дух».

Павлыш погладил черную коробочку и сказал лингвисту: «Молодец!»

Лингвист тут же (неизвестно, насколько правильно) передал слова Павлыша на языке аборигенов, и воин даже споткнулся от удивления. Больше он не сказал ни слова, повернулся и бросился догонять остальных.

Павлыш шел за ним след в след. Воин был ниже его на голову. Сквозь редкую пегую шерсть на затылке просвечивала синеватая кожа. На спине шерсть светлела, дыбясь гребешком вдоль позвоночника. В шерсти возились букашки.

Воины вели пленников не к карнизу, а прямо к обрыву, значительно правее расщелины. У скалы остановились. Один из воинов быстро вскарабкался на дерево и оглядел с него долину.

— Никого нет! — крикнул он. — Никто не видит.

Основание стены было в этом месте засыпано глыбами, сорвавшимися сверху. Воины отвалили одну из глыб, и за ней обнаружился черный лаз.

— Вы здесь живете? — спросил Павлыш.

Воины посмотрели на Павлыша как на идиота. Пришлый дух сказал глупость. Кто может жить в черной пещере?

— Мы живем в деревне, — ответил Жало.

— Ага, — согласился Павлыш. В будущем надо избегать наивных вопросов. Вполне возможно, что его безопасность в какой-то степени зависит от его репутации как духа. Покажись он воинам безвредным, они могут проткнуть его копьем, дабы не вмешивался в чужие дела.

Пока воины растаскивали камни, чтобы пройти внутрь, Павлыш глядел на них и думал, что они не похожи на ночного гостя на корабле. Коридор был тогда достаточно освещен, и гость показался Павлышу более похожим на человека. И потом, Павлыш вспомнил, как гость бежал по песку и кустам. Бежал он, не сгибая спины, да и руки его были куда тоньше и короче, чем у аборигенов. Впрочем, здесь может оказаться несколько племен. Жили же на Земле одновременно кроманьонцы и неандертальцы.

Воины сложили камни у входа в пещеру таким образом, что

можно было вытащить нижний и остальные засыпали бы вход в нее снова. Снаружи и не догадаешься о его существовании. Павлыш отдал должное их сообразительности. Затем двое забрались внутрь, повозились, выбивая искры из камней, и засветили заготовленные факелы.

Перед тем как войти в черную дыру, Жало вновь обернулся и спросил Павлыша, словно угадав, что у того появились сомнения, стоит ли соваться в темноту:

— Ты идешь, дух?

Павлышу стало совестно перед парнем, которого вроде бы обязался защищать. И он ответил по возможности тверже:

— Не бойся, иди.

Послушно защебетал лингвист.

Один из воинов задержался у входа, нагнулся, вырвал нижний камень, и глыбы обрушились, отрезав солнечный свет и звуки утренней долины. Остался лишь мрак, отступающий шаг за шагом перед зыбким мерцанием факелов.

* * *

Путь по пещере был долог, однообразен и утомителен. Павлыш не включал фонаря. Впереди покачивались оранжевые пятна факельных огней. Клочья дыма, схожие по цвету со стенами, отрезали порой Павлыша от согнутой спины воина, шедшего впереди. И тогда рождалось странное ощущение: будто бы замурован в горе и следующий шаг приведет к стене. Павлыш даже протягивал вперед руку, чтобы пальцы, проникая сквозь податливый дым, изгнали из мозга ложный образ.

Воины находили нужные повороты, отыскивали ответвления пещеры по лишь им заметным и понятным признакам, и Павлыш, который некоторое время старался запомнить путь, вскоре понял, что, если ему придется возвращаться одному, он все равно заблудится.

Запомнился лишь обширный зал. Мокрые стены уходили вверх, в темноту, искрились сталагмиты, и где-то, невидимый, шумел ручей. Павлыш решил сфотографировать зал, дал вспышку, и спутники его пали ниц. Может, решили, что разверзлось небо. Пришлось подождать, пока они придут в себя, подберут упавшие факелы.

— Ничего страшного, — бросил Павлыш. — Можно идти.

— Мы ничем не обидели тебя, дух, — сказал укоризненно главный воин.

— И я вас, — улыбнулся Павлыш. Но улыбки никто не увидел, а эмоций лингвист передавать не умел.

Подземный ход перешел в лестницу. Ступени были выбиты

неровно, приходилось нащупывать следующую башмаком и держаться за стену.

Передние остановились. Путь закончился. Впереди была деревянная дверь. Первый воин постучал в нее древком копья.

— Кто пришел? — донесся голос с той стороны.

— Слуги богов, — ответил воин.

— С добром ли пришли?

— С удачей. Боги будут довольны.

Дверь отворилась со скрипом, и в расширяющуюся щель проник желтый свет. Когда Павлыш вошел внутрь, воин, шедший последним, запер дверь на щеколду. А тот, кто впустил их, отступил к стене и спросил:

— Я позову Старшего?

— Да. И скажи ему, что с беглецами пришел незнакомый дух.

— Где? — спросил воин, разыскивая взглядом Павлыша. Помещение было освещено плошками с жиром, стоявшими вдоль стен. Он увидел Павлыша и произнес: — Откуда этот дух?

— Он пришел сам. Мы не приглашали его. Так скажи Старшему.

— Я его позову.

Жало и Речка стояли посреди комнаты, будто отделенные от остальных невидимым барьером.

Павлыш достал камеру, но воин заметил движение, понял его и сказал:

— Не ослепляй нас, дух. Подожди, пока придет Старший.

Человек, вошедший в комнату, остановился на пороге. Неровный свет плошек и дым от погашенных факелов мешали Павлышу разглядеть его как следует. Он либо вождь, либо жрец племени. Голос его был высок и резок. Лингвист перевел слова:

— Беглецов закройте. Мы подумаем, что с ними сделать. Боги скажут.

Старший был мал ростом, зябко кутался в толстую грубую ткань.

Жало обернулся к Павлышу:

— Защити меня, дух.

Павлыш сделал шаг вперед, и воины расступились, чтобы пропустить его.

— Здравствуй, Великий дух, — сказал Старший. — Ты знаешь, что мы не можем отпустить их, боги накажут.

— Жизнь в руках богов, — проговорил один из воинов.

— Жизнь в руках богов, — забормотали, словно заклинание, остальные.

— Ты пойдешь со мной, дух? — спросил Старший.

— Да, — ответил Павлыш. — Я хочу, чтобы им не было причинено вреда.

— Идем. — Старший, не двигаясь с места, ожидал, пока Павлыш приблизится к нему.

Павлыш ожидал увидеть старика, мудреца, хитрого старейшину племени. Старший оказался не стар, стоял, чуть наклонившись вперед, настороженно и крепко. Нижняя челюсть его была скошена, и темное лицо покрыто желтой шерстью. Глаза спрятались под нависшими надбровными дугами, и взгляд упирался в грудь Павлышу.

— Идем, — сказал Старший. Он повернулся и миновал дверь, уверенный, что дух последует за ним. Уши Старшего были прижаты к затылку. Они были странной формы, не такие, как у прочих — длинные, заостренные.

Следующая комната была мала, полутемна, и Старший быстро прошел ее. Он чуть припадал на правую ногу. Сзади доносились голоса, споры.

— Жало боится, — сказал Старший, не оборачиваясь. — Он нарушил закон.

— Что он сделал? — спросил Павлыш.

Старший толкнул еще одну дверь. Он вел Павлыша по длинному коридору. Плошки с жиром покачивались под потолком.

— Он нарушил закон, — уронил Старший. Он не хотел уточнять.

— В чем его проступок? — настаивал Павлыш.

— Дух знает, — ответил Старший. — Дух знает дела смертных.

— Я пришел в долину, когда твои воины уже настигли его.

— Ты знаешь, — повторил Старший.

В конце коридора появилось светлое яркое пятно. Дневной свет. Старший взмахнул рукой, спугнув со стены спящих, прицепившихся ножками к потолку тварей. Твари засуетились, замельтешили прозрачными крыльями, пропали в светлом прямоугольнике. Павлыш зажмурился. На глазах выступили слезы. Павлыш приподнял забрало и приостановился, чтобы их вытереть. Старший обернулся. Он стоял у входа, опершись о стену, и довольно спокойно наблюдал за действиями Павлыша. Жители Форпоста были нелюбопытны.

Они вышли на небольшую площадку. Кроме отверстия, которое вело к подземелью, на площадку выходило еще три черных отверстия. Четвертое было прикрыто деревянной дверью из тонких бревнышек, связанных веревками.

С площадки открывался вид на голую долину, огражденную отвесными скалами. Здесь, в верхней части, долина была узкой. Противоположный склон глядел на Павлыша черными дырами других пещер. На дне долины сгрудились хижины, сложенные из камня и покрытые листьями и прутьями. Рядом протекал голубой ручей, который ниже, там, где долина расширялась, впадал в

небольшое озеро, окруженное деревьями. Еще дальше в долину вонзился язык ледника, отороченный каменной осыпью, откуда брал начало еще один ручей, также стремившийся к озеру. Язык ледника создавал перемычку, за которой, еле различимые в дымке, виднелись заросли деревьев и кустарник, тянувшиеся до самого откоса. Откос запирал долину. Выхода из нее не было видно.

— Пойдем, — позвал Старший.

Он направился к закрытой двери. Теперь, при дневном свете, Старший показался Павлышу менее похожим на разумное существо, чем Жало и Речка, даже чем воины. Хотя Павлыш мог ошибаться. Нельзя мерить чужую жизнь по своим меркам и строить ее по своему образу и подобию. Не исключено, что местный гений куда больше похож на орангутанга, чем деревенский дурачок, который может оказаться двойником Павлыша.

— Опять в пещеру? — спросил Павлыш, проявляя явное нежелание расставаться с солнечным светом.

— Это мой дом. Ты не знаешь?

— Не приходилось бывать, — ответил Павлыш.

Возможно, духам в долине положено быть всезнающими, и Павлыш подрывал этими словами свою репутацию.

— Ты пойдешь в храм? — поинтересовался Старший. — Ты спешишь?

— Как сказать. А впрочем, все равно, — признался Павлыш. — Зайдем к тебе.

Один из воинов вышел на площадку и присел на корточки у стены, греясь на солнце. Старший не обратил на него внимания.

— Тогда пойдем ко мне.

Старший раскрыл дверь и вошел первым.

Павлыш последовал за ним. В распахнутую дверь проникал свет, и ветерок шевелил вытертый светлый мех на шкурах, которыми был покрыт пол. Посреди комнаты лежал большой плоский камень, на нем стояла глиняная плошка с каким-то варевом. Павлыш вспомнил, что проголодался. В углу помещались прислоненные к стене копья, громоздились глиняные горшки и плошки, рога, сучья — все вместе казалось бутафорской прогоревшего театра.

— Я знал, что ты придешь, — сказал Старший, усаживаясь на шкуру.

— Откуда? — спросил Павлыш.

— Я знал.

У Старшего была странная привычка повторять фразы, вместо того чтобы ответить на вопрос, на который почему-то отвечать не хотелось. При этом он взглядывал на Павлыша, узкие зрачки сходились в черную ниточку, и казалось, он ведет игру,

правила которой известны и ему, и духу, столь обыденно появившемуся в долине.

Пауза несколько затянулась. Старший ждал, что скажет Павлыш. А Павлыш не знал, то ли начать задавать вопросы о племени, то ли уйти отсюда, спуститься вниз, к хижинам. Если бы на его месте был специалист по контактам, все было бы проще — у разведчиков есть решения на все случаи жизни. Или почти на все.

— Что вы хотите сделать с теми? — спросил наконец Павлыш.

— Отведем их в храм, — ответил Старший, будто это само собой разумелось. Возможно, и так. Возможно, за все проступки положено было отводить людей в храм.

— Они останутся живы?

Старший не ответил. Поднес ко рту плошку и отхлебнул из нее. Павлышу не предложил. Тогда Павлыш, которому захотелось пить, достал из кармана скафандра тюбик с соком, откинул забрало шлема и утолил жажду. Потом положил пустой тюбик на стол, рядом с плошкой.

Старший смотрел на него заинтересованно, не более того. И лишь когда тюбик покатился по столу и звякнул о плошку, Старший изумился. Он отпрянул от стола, поглядел на Павлыша, как на сумасшедшего. Протянул длинную волосатую руку и осторожно дотронулся до тюбика, словно ожидал, что тюбик исчезнет. Тюбик не исчез. Старший поднес его к носу, обнюхал и положил на место. Покачал головой.

— Ты удивлен? — спросил Павлыш.

— Духам позволено многое, — уклонился Старший.

— Я хотел бы спуститься в деревню, — сказал Павлыш.

— Вниз?

— Да.

— Тебе плохо здесь?

— Нет, хорошо. Но я хочу взглянуть на деревню.

— Ты не пойдешь в храм? — спросил Старший.

— Пойду. Мне интересно сходить в храм.

Старший опять удивился.

— Интересно? — Низкий лоб наморщился. Старший решал какую-то задачу. — Ты пойдешь в храм, — заключил он наконец. — И будешь там ждать.

— Ну ладно, — согласился Павлыш. — И долго я там буду ждать?

— Нет.

Тюбик интриговал Старшего. Рука все время возвращалась к нему, длинные когти переворачивали желтую игрушку.

— Ты убил Белую смерть, — произнес Старший. — Зачем ты убил ее?

— Белую смерть? — переспросил Павлыш. — Я не знаю ее.

— Там, у реки. Воины сказали мне, что ты убил Белую смерть.

Павлыш догадался, что так называют здесь слона, который хотел сожрать Жало и Речку.

— Да, — подтвердил он. — Белая смерть угрожала людям.

— Но они нарушили закон.

— А разве Белую смерть нельзя убивать?

— Жало нарушил закон.

Господи, подумал Павлыш, разберись с ними. Беседа зашла в тупик. И Старший и Павлыш не понимали друг друга. Нечто совершенно очевидное ускользало от понимания Павлыша. И он чувствовал, что Старший знает больше, чем Павлыш. Но что?

— Кто-то из твоих людей ходил в мой дом? — спросил Павлыш.

— Где твой дом?

— На берегу моря. За рекой.

— Твой дом?

— Ну да, конечно. Я прилетел с неба. И мой дом на берегу моря. Потом я улечу обратно.

— Конечно, — согласился Старший.

— Кто-нибудь ходил туда?

— Никто не выходил из долины, — произнес Старший.

— Неправда, — сказал Павлыш.

— Никто не выходит из долины. Если он выходит, он нарушает закон. И его убьет Белая смерть.

— Твои воины вышли из долины, — напомнил Павлыш.

— Мои воины шли по следам того, кто нарушил закон.

Заколдованный круг. Никому нельзя, но воинам можно, потому что никому нельзя.

— Пойдем, — предложил Старший. — Пойдем в храм.

Они вышли на площадку. Воин все так же сидел у стены, дремал. Длинная серая туча проходила краем над дальним концом долины, и там шел дождь. У одной из хижин возились в пыли дети. Ветер поднимал пыль и крутил ее смерчиком у обрыва. Планета была мирной, доброй, и даже захотелось снять шлем и глубоко вдохнуть свежего горного воздуха. Которого не было.

— Нам далеко идти? — спросил Павлыш.

— Ты знаешь.

— Ага, — согласился Павлыш. Духу положено знать, где стоит храм.

Старший подошел к краю площадки, и там обнаружилась тропа, идущая вдоль обрыва. Шагов через десять Старший остановился, поглядел на Павлыша и затем неожиданно присел, вытянул руки и прыгнул вперед. Павлыш посмотрел под ноги. Под тонким слоем гравия и песка проглядывали сучья. Похоже было, что они таят под собой ловушку. Павлыш примерился и прыгнул

вперед так, чтобы встать рядом со Старшим. Это сделать было нелегко — мешали вещи, притороченные к скафандру. Но Павлышу не хотелось терять лицо. Если абориген прыгает — духу тем более положено. Прыжок оказался неудачным. До Старшего оставалось еще около метра. Под башмаками хрустнуло, и земля ушла из-под ног. Павлыш умудрился упасть вперед, и руки его оказались на тропе. Вниз, в глубокую расщелину, летели сучья и камни. Стук стихал где-то далеко внизу.

Павлыш даже не успел испугаться. Ноги скользили по обрыву, никак не удавалось упереться носками башмаков, чтобы вылезти на тропу.

— Помоги, — сказал Павлыш как можно спокойнее Старшему. Тот не двинулся с места. Он думал. Дух, видно, не выдержал испытаний, и Старший переваривал в мозгу окрепшие сомнения.

Башмак наконец отыскал уступчик. Павлыш уперся локтями в край тропы и подтянулся вперед. Вдруг его охватило нехорошее предчувствие. Он поглядел вверх. Старший сделал неуверенный шаг вперед, но встретился взглядом с глазами Павлыша и остановился.

— Отойди, — велел Павлыш.

Говорить было трудно. Камень, на который опиралась нога, улетел вниз, за своими собратьями, но, к счастью, Павлыш уже по пояс вылез наверх. Рывком он вытащил на тропу колено и поднялся, стараясь не повредить баллоны.

Старший стоял, прислонившись спиной к обрыву, почесывая живот, блаженно сощурив глаза, будто начисто забыл о существовании духа.

Павлыш поднялся на ноги, отряхнул пыль со скафандра и позволил себе обернуться. Ложный мостик перекрывал расщелину. Павлышу захотелось обидеть коварного хозяина.

— Ты боишься, что по тропе поднимутся люди снизу?

— Я ничего не боюсь, — ответил Старший. — Мы идем в храм?

— Да, — сказал Павлыш. В конце концов, он сам был виноват. В следующий раз надо быть осторожнее. Форпост не любит, когда гости здесь расслабляются.

Павлыш ступал вслед за Старшим. Старший остерегался опасности снизу. Своих соплеменников? Белую смерть? Соседей из другого племени?

Храм был вырублен в скале, как и дом Старшего. Может, использовали старую пещеру. Похоже, что гора здесь изъедена пещерами. От широкой площадки ко входу храма вела лестница, сложенная из грубо обтесанных ступеней. Сам вход был невелик, сужался кверху, по сторонам возвышались две невысокие колон-

ны, на каждой вытесан глаз, разделенный пополам узким зрачком. И все.

— Иди туда, — сказал Старший.

— А ты?

— Я пойду обратно.

Что еще за трюк задумал его спутник? Павлыш решил, что, вернее всего, на голову ему свалится каменная балка. И это его не устраивало.

— Ты пойдешь первым, — решил он.

— Почему? — удивился Старший. Гребень шерсти на голове у него приподнялся.

— Я пойду вниз, в деревню.

— Нельзя, — произнес Старший.

— Старший! — раздался крик снизу.

— Что?

По тропе большими прыжками приближался воин. Старший сделал шаг ему навстречу, и воин, сообразив, видно, что новости, которые он несет, не предназначаются для духов, наклонился к уху Старшего и прошептал что-то.

Новости Старшему пришлись не по душе.

Шерсть на загривке стала торчком, перекатились под волосами мышцы плеч, согнулись в коленях ноги, словно для прыжка.

— Х-хе! — крикнул он.

Рванулся вперед, когтями вцепился в лицо воина, тот выпустил копье, упал на колени и пытался оторвать от лица когти. Старший пинал его ногами, потом неуловимым движением подхватил с земли копье и метнул в воина. Тот успел отскочить, и наконечник разбился о камень, брызнув осколками.

Старший уже бежал вниз по тропе, забыв о корчащемся в пыли воине, о Павлыше, отпрянувшем в сторону.

Рычание Старшего исчезло за поворотом, будто проглоченное скалой. Павлыш подошел к воину. Тот оскалился, угрожая.

— Ну и черт с вами, — решил Павлыш. — Мы воспитывались в разных колледжах.

Отправиться в храм? Этого хотел Старший. Старшему Павлыш не верил. Лучше спуститься к деревне. Черт его знает, что еще придумает Старший, когда вспомнит о Павлыше. Воин зализывал разодранную руку.

Павлыш пошел вниз, но не по тропе, а через широкую осыпь, к хижинам.

Площадка перед ними была пуста, утоптана, пыльна. От кучи отбросов к Павлышу бросились насекомые, засуетились над шлемом. Ребенок с обглоданной костью в лапке выполз на солнце и при виде человека замер в ужасе. Шерсть на ребенке была редкой, светлой, личико пряталось под выпуклым лбом, посреди

которого можно было разглядеть третий глаз. Ребенок был хвостат — хвост закручен крючком, и в нем торчала еще одна кость. Длинные руки высунулись из хижины и втащили ребенка за хвост внутрь. Оттуда сразу донесся визг. Дверь в другую хижину была задвинута большим камнем. Павлыш нагнулся к камню, прислушался. Кто-то часто и неровно дышал.

Павлыш пошел дальше. Хижины были похожи одна на другую, даже не хижины, а примитивные убежища, кое-как перекрытые сучьями и сухими листьями.

Павлыш отошел к берегу и оттуда снял панорамный вид деревни. Потом оглянулся, поглядел наверх. Вход в пещеру, через которую он проник в долину, не был виден. На площадке у храма темнело пятно — воин так и остался лежать у ступеней.

Павлышом вдруг овладело беспокойство. Что могло так разозлить Старшего? Может быть, воины сделали что-нибудь дурное с пленниками? Может быть, Жало с девушкой убежали? Как он не подумал об этом раньше?

Павлыш повернул обратно к осыпи и у ручья столкнулся со старой женщиной. Она спускалась вдоль ручья и, видно, не знала еще о появлении в деревне страшного духа. Женщина удивила Павлыша тем, что сильно отличалась от прочих виденных им аборигенов. Она шла, касаясь земли кончиками пальцев, и руки ее были так длинны, что ей не приходилось для этого нагибаться. Неровно слепленный большой горшок покачивался на плоской голове, казалось, что старуха придерживает его бровями — лба у нее совсем не было. Глаза, скрытые в глубоких глазницах, горели желтым светом. Старуха присела, словно ее не держали ноги, и забормотала невнятно, подняв трясущиеся руки к лицу.

— Не бойся, — сказал Павлыш, — я не сделаю тебе дурного.

— Дух, дух, Великий дух... — бормотала старуха. Лингвист потрескивал, силясь перевести ее слова. — Дай... мясо... дай... пощади.

Старуха свалилась на камни, локоть попал в ручей, вода с журчанием обтекала мокрую шерсть.

— Можно подумать, что встреча со мной хоть и страшна, но не неожиданна, — произнес Павлыш вслух, отходя от старухи и направляясь к храму.

Воин поднялся, увидев Павлыша. Песок вокруг него потемнел от крови.

— Иди домой, — приказал ему Павлыш. — А то истечешь кровью.

Воин как будто не понял его, хоть лингвист внятно прощебетал перевод. Павлыш поглядел на вход в храм, возникло желание заглянуть туда на минутку, но он решил отложить визит.

Провал, ловушка, в которую чуть было не угодил Павлыш,

разрезала тропу. На этот раз Павлыш, разбежался так, чтобы с запасом перепрыгнуть его. Звякнули за спиной баллоны.

На площадке перед пещерой и жилищем Старшего не было ни души.

— Эй, хозяева, — позвал Павлыш. — Куда вы запропастились?

Никто не откликнулся. Лишь, испуганная криком, выскочила из темного лаза летучая мышь и исчезла, подхваченная порывом ветра.

Павлыш включил шлемовый фонарь и осторожно двинулся в темный коридор, ведущий к комнатам перед подземным ходом. Он ступал медленно, но песчинки хрустели под подошвами, и оттого тишина была еще более гулкой и глубокой. Павлыш обошел все помещения, но и воины, и их пленники словно сквозь землю провалились. Дверь в подземелье была приоткрыта, но, как ни вслушивался Павлыш в темноту, ни шороха, ни звука не донеслось до него.

Глава 4

ЮНОША

Могучий дух ушел за Старшим. Жало понял, что погиб. Смерть была непостижима, но реальна в его мире, и обитатели долины редко доживали до зрелых лет. Смерть таилась в болезнях, подстерегала на охоте и в поле, она могла обернуться лавиной, ядовитой гусеницей, сухим кашлем, немилостью Старшего. Но в любом случае Старший прикажет взять тело умершего в храм, за крепкую дверь. И воины, внесшие труп, вернутся к порогу и будут на ступенях петь страшные песни о смерти, из которой нет пути обратно. И лишь Старший останется в храме. А потом воины вновь войдут в храм и вынесут тело, разрезанное, чтобы выпустить злых демонов, что прячутся в мертвых и больных. И тело сожгут. Еще недавно, деды помнят, мертвых съедали, и лучшие куски доставались воинам. Но это было в дикие времена.

Жало знал о смерти, видел ее, но это была чужая смерть. Своя смерть далека, своя смерть должна уйти, как уходит утренний дождь. Она уйдет обратно, в тот мир духов, в бесплотный мир, в котором нет долгоногов, яркого солнца и чистой воды.

— Теперь ты больше не убежишь, — сказал сизый воин, которого звали Тучей и которого Старший взял мальчишкой из деревни. Туча толкнул Жало в спину, к темноте, и засмеялся.

— Туча, — подала голос Речка, — ты помнишь, что у нас с тобой одна бабушка?

— Я воин храма, — произнес Туча, — у меня нет матери и отца.

— Так было раньше, — ответил Жало. — Теперь у каждого есть мать и отец. Так говорил Немой Ураган.

— Ты чего с ними разговариваешь? — прикрикнул на Тучу главный воин, косой Иней.

... От толчка Жало упал на каменный пол. Дверь заскрипела. Слышно было, как Туча устраивается у двери, с той стороны, стеречь пленников.

— Я пошел, — бросил Иней. — Не спи.

— Иди, — ответил Туча.

Стало тихо.

В темноте Жало отыскал руку Речки и уселся рядом, прижался, чтобы было теплее. Стены нависали, сходясь к низкому потолку. Жало чувствовал их.

— Туча, — позвал он, — наш дух вернется за нами. Он накажет тебя.

— Не знаю, — произнес Туча. — Старший пошел с ним в храм. Старший знает пути богов.

Речка вскрикнула — скользкая змейка скользнула по ступням.

— Не бойся, — сказал Жало.

Туча запел песню о великой тайне, о дороге к Темному ручью. Желтый лучик света, проникавший в щель двери, переместился. Туча подвинул поближе светильник, потому что, как и все люди долины, боялся темноты.

Речка когтем впилась в ладонь.

— Что ты? — прошептал Жало.

— Тише. Здесь кто-то есть.

— Здесь только змеи.

— Здесь есть кто-то большой. Он следит за нами.

Речка втиснулась в угол, к сырой стене, шерсть на спине вздыбилась.

Теперь и Жало почувствовал жуткое присутствие. Чуткие уши не доносили ни звука. Не было запаха. Не было ничего. Было присутствие. Кто-то стоял в углу пещеры и разглядывал пленников.

— Уйди, дух, — попросил Жало. — Уйди, если ты не хочешь нам помочь.

— Может, это наш дух? — предположила Речка.

— О чем вы там разговариваете? — спросил Туча из-за двери.

Оттуда, из угла пещеры, где стояло что-то, раздался короткий смешок.

Туча распахнул дверь и сунул внутрь руку со светильником.

— Что здесь? — крикнул он.

Светильник на секунду вырвал из темноты человеческую фи-

гуру, неясную, смутную, уходящую в стену, растворяющуюся в ней.

— Это не наш дух, — сказала Речка.

Но Жало думал о другом. Рука воина держала светильник. Рука была близка. Жало рванул Тучу за руку, и тот, ударившись о косяк, влетел в камеру, охнул, упал на каменный пол. Жало ударил его еще раз, подобрал копье и, не оглядываясь, побежал в глубь пещеры, по пути, который недавно они прошли все вместе — воины, их пленники и добрый дух с блестящей головой. В долине, на свету, их поймают сразу же. Воины едят мясо и хорошо бегают. Только в темной пещере можно было скрыться и отыскать потом дорогу на волю. Речка бежала сзади. Память привела к деревянной двери. Страж возле нее приподнялся испуганно, услышав глухой топот, выставил копье, щурясь в темноту, и Жало, выскочивший из-за угла, опрокинул его, навалился плечом на дверь. Та треснула и поддалась. Жало чуть не упал на каменной лестнице — Речка едва успела поддержать его. Слабый отблеск света падал сверху, впереди ждала Большая Тьма, надежда была на слух, обоняние и память, цепкую память первобытного существа, сохранившую повороты, спуски, подъемы долгого пути от реки.

Сзади были крики, рассерженный вой воинов и стук окостеневших подошв. Жало бежал, вытянув вперед руку с копьем, угадывая нависший камень или трещину, и иногда, не поворачивая головы, говорил о них Речке, потому что Речка была слабее и бежала, доверяясь ему.

Преследователи не отставали. Они тоже знали эту пещеру, знали ее куда лучше беглецов, они были рассержены и должны были догнать, потому что в ином случае их ждал гнев Старшего. И они боялись его гнева.

Был большой зал с камнями, вылезающими из пола, и камнями, подобно сосулькам свисающими сверху. Воины настигали беглецов.

— Скоро мы выйдем? — спросила Речка. — Я устала. Я скоро упаду.

Жало понял, что не добежать. Догонят. Он свернул в сторону, в неизвестную темноту, забежал за большую глыбу и упал навзничь. Речка опустилась рядом.

— Мы отдохнем?

— Теперь молчи, — прошептал Жало. — Совсем молчи. Не дыши.

Топот и крики были так близко, что Жало с трудом удерживал себя, чтобы не метнуться дальше, вглубь, куда угодно, лишь бы подальше от смерти, от страшных воинов. Он прижался к земле и

придавил рукой Речку, которая вздрагивала, задыхалась и пыталась вскочить.

— Тише, — молил он беззвучно. — Тише.

Шаги пронеслись совсем близко, прерывистое дыхание, хрип и крики, несущие смерть.

Потом стало тише.

— Мы будем ждать? — спросила Речка, приподняв голову.

— Немного, — ответил Жало. — Они вернутся и будут искать нас.

— А мы?

— Мы отдохнем и будем ползти к выходу. Но не главным путем, а здесь, среди камней. Ты помнишь, сколько бежало воинов?

— Нет. Много.

— Может, шесть. Может, семь. Надо знать. Мы будем бежать потом узкой пещерой. Если не все вернутся, мы попадем между ними.

— Ты убьешь их, Жало?

— Если один — может быть, убью. Если два — они убьют меня.

Жало устал, ему хотелось прижаться к Речке и заснуть.

— Ты великий охотник, Жало, — сказала Речка.

В отдаленных, глухих криках была растерянность.

— Жало, — произнесла Речка. — А может, мы побежим обратно, пока они там? И спрячемся в деревне.

— Нельзя, — ответил Жало. — Там Старший. И другие воины.

— Тогда не будем ждать. Они вынюхают нас. Ты слышишь, течет вода? Пойдем по воде. Она смоет следы.

— А если вода глубокая?

— Нельзя ждать.

— Погоди. Сейчас они пробегут назад, и тогда мы пойдем.

Они говорили тихо, совсем тихо. Но пещера разносила даже шепот, и Старший, бежавший по следам воинов, бежавший молча, потому что по крикам впереди уже понял, что воины потеряли след, заглядывавший в закоулки и трещины, крадущийся на цыпочках, — Старший услышал шепот и подобрался совсем близко, прежде чем Жало учуял его запах. Слишком близко...

— Стой, — сказал Старший тихо. — Ты не знаешь пути в темноте. Тебе некуда бежать.

Старший мог бы позвать воинов. Вместо этого говорил тихо. Он был осторожен. Стоял в десятке шагов от беглецов, за камнем. Он точно знал, где они, — их выдавал запах и тепло тел. Никто в племени не чувствовал так тепло живых тел, как Старший. Он мог бы стать великим охотником.

Копье ударилось о камень, сломалось, и Старший, выйдя вперед, наступил на древко.

— Жало, ты больше ничего не сможешь сделать. Иди сюда. И пусть Речка идет впереди. Духи злы.

— Не ходи, Жало, — сказала Речка.

— Но духи и великодушны, — продолжал Старший, будто не слышал слов Речки. — Они могут простить тебя. Я не знаю.

Голоса воинов приближались. Они шли обратно, заглядывая в ответвления пещеры, перекликаясь.

— Если ты пойдешь сам, — предложил Старший, — я проведу тебя обратно и запру. И вы будете ждать решения духов. Если придут воины, они тебя убьют. Они злы, и я не смогу остановить их. Ты знаешь. Иди.

— Не ходи, Жало, — молила Речка.

Жало змеей, на животе, пополз навстречу размеренному тихому голосу Старшего. Еще немного, и можно будет прыгнуть и...

Старший услышал, почуял, отступил на шаг в сторону, и Жало не смог ударить его, как хотел. Он упал рядом, вцепившись в жесткую шерсть Старшего, и с минуту было слышно лишь дыхание врагов, скрип зубов и шуршание подошв по камням. Речка бросилась на помощь, но никак не могла разобрать в темноте, где же горло Старшего. И тут Старший закричал, хрипло, как зверь, и крик его, путаясь в камнях среди скал, заполнил всю пещеру.

Воины были уже близко. Когда они навалились на беглецов, то не решились пустить в ход копья, чтобы не ранить Старшего — казалось, что громадный мохнатый зверь обхватил их тысячью лап и когтей. Жало отпустил Старшего, разбросал лапы воинов и прыгнул на сталагмит. Он остановился на мгновение — сзади копошились тела, визжала Речка. Жало колебался — что делать. И Речка угадала его мысли.

— Беги, — крикнула она. — Беги! Скорее беги к реке!

И Жало послушно побежал вдоль пещеры, и его подгонял крик Речки.

Крик стих, лишь отдаленное рычание воинов и невнятные слова Старшего неслись по пещере...

* * *

Павлыш снова вышел на площадку перед пещерой. Куда провалились все воины? Снова ушли в подземелье? Может быть, другое племя напало на них? Нет, вернее всего, что-то неладное с пленниками. Но соваться самому в черную пещеру, где воины, наверное, знают все закоулки...

Павлыш заглянул в комнату Старшего. Надо же попасть в столь нелепое положение. В конце концов, логика требует, чтобы ты, Слава, оставил в покое этих существ. Если заняться спасением окружающих, можно добиться прямо противоположных

результатов. Не вернуться ли тебе, судовой лекарь, к исполнению своих обязанностей? Но ребят жалко — парня с девушкой. Иногда так хочется руководствоваться своими ненадежными симпатиями и антипатиями!

Павлыш вошел в комнату Старшего и уселся на шкуру. Здесь было совсем тихо и не донимали мухи — огромные зеленокрылые насекомые, с разлету бившиеся о забрало шлема.

Сидеть в пещере вождя или главного жреца — кто их здесь разберет! — было нелепо. Конкистадору пристало преодолевать пустыни и джунгли, забираться в крайнем случае в горы или что-то переплывать. Но сидеть в чужой пустой пещере и ждать, когда о тебе вспомнят, для конкистадора невыносимо.

В объемистых справочниках по проблемам контакта, где предусмотрено абсолютно все, есть ли параграф: что делать, если о тебе забыли дикие хозяева, которые должны трепетать перед тобой либо выказывать гневное недоверие?

Может, сходить на «Компас», справиться у компьютера, а потом вернуться — к этому времени Старший как раз придет домой и спросит: «А ты что здесь делаешь, грозный пришелец?»

Павлыш улыбнулся своим мыслям.

Он поднял голову.

Напротив него, на шкуре, там, где так недавно восседал Старший, уютно устроился большеглазый юноша. Прижал колени к подбородку, подложив под него ладони. Смотрел на Павлыша в упор, глаза его были велики, прозрачны, и зрачок занимал весь глаз. У юноши была длинная шея, и голова вытянута вверх, сжата с боков, словно природа, создавая его, старалась подчеркнуть птичье изящество этого существа. Юноша был в костюме, облегающем его плотно, без швов и складок. Но без шлема. И руки его были пусты.

— Здравствуйте, — сказал Павлыш и только тогда удивился: — Вы как сюда попали?

— Я был здесь, — ответил юноша. Глаза его медленно пульсировали.

Мозг Павлыша усиленно работал, перебирая варианты: откуда это существо, этот юноша? Он знает русский язык. Он здесь без шлема, без скафандра, одет легко — то есть живет здесь, привычен к этому миру.

— Вы были в «Компасе»? — спросил Павлыш.

— Был. Вы спугнули меня.

— Почему вы ушли?

— Вы не спрашиваете, почему я пришел?

— Это почти одно и то же.

— Я не желал зла. Мне было любопытно. Я не хотел, чтобы вы меня видели. Зачем? Вы спокойно улетели бы обратно. Как только дождались помощи. Но когда я понял, что вы меня увидели, у меня возникло подозрение, что вас тоже охватит любопытство. И я не ошибся.

— Вы не хотели этого?

— Нет. И я, к сожалению, недооценил вас. Я не думал, что вам удастся проникнуть в долину.

— Откуда вы знаете мой язык? — спросил Павлыш.

— Знаю. — Юноша не стал развивать эту тему. Заговорил о другом: — Простите, что вам пришлось подвергнуться стольким неприятностям из-за аварии. Но, к сожалению, меня не было в те дни в долине. Я не мог прийти к вам на помощь. Потом Старший сказал мне, что его люди видели падающую звезду. И я заинтересовался. Сначала я решил, что корабль погиб. А вы добрались до маяка, не так ли?

— Так, — ответил Павлыш. — Робот опускался здесь несколько лет назад?

— Несколько десятилетий, — поправил его юноша.

— И не обнаружил здесь следов разумной цивилизации.

— Роботы могут ошибаться. Следы, которые доступны их суждению, должны быть весьма очевидны.

— Вы говорите по-русски почти без акцента. — Павлыш настойчиво и безнадежно пытался удовлетворить любопытство.

— Спасибо за комплимент.

— Ни Старший, ни воины не были особо поражены моим появлением. Меня это удивило с самого начала.

— Вот видите, вы наблюдательны. — Юноша остановил жестом Павлыша, намеревающегося продолжать. — Теперь выслушайте меня внимательно. Я обещаю, что завтра же приду к вам на корабль. И тогда все расскажу. И о себе, и о вас, и о том, почему я знаю ваш язык. Тут нет никакой тайны. Однако сейчас у нас очень мало времени. В любую минуту сюда могут войти.

С этими словами юноша легко вскочил, он оказался высок и хрупок.

— Да, кстати, — спросил Павлыш, — где Старший? Неужели мои пленники сбежали?

— Какие пленники? Вставайте.

— Жало и Речка. — Павлыш поднялся и посторонился, пропуская юношу. Ему показалось вдруг, что, толкни он его, — юноша переломится.

— Вы уже познакомились?

— И при очень драматических обстоятельствах...

— Жало и Речка сидят в отведенной для них камере. Ничего с ними не сделается. Я там был несколько минут назад. — Юноша задержался в двери темным силуэтом, тонкие руки замерли в воздухе. — Я вас прошу, и это весьма серьезно, — произнес юно-

ша, — не вмешивайтесь в дела этой долины. Я сейчас уведу вас отсюда лишь мне известным путем. Потом постараюсь распутать то, что вы натворили.

— Я ничего такого не натворил.

— Не перебивайте меня. Вы будете ждать меня на корабле. Я приду. Может, даже не завтра, а сегодня же, через несколько часов. Я даю слово, что все расскажу. Ясно? А сейчас следуйте за мной. И чем быстрее забудут о вас в этой деревне, тем лучше. Опасны не ваши действия, а сам факт вашего появления.

Над площадкой вились твари, суетились над входом в пещеру. Разогнав их взмахом руки, навстречу шел Старший. Он опустил руку, отер когти о шерсть на бедре, наклонил набок голову и что-то проворчал про себя.

Юноша замер на месте, и Павлыш чуть было не налетел на него.

— Поздно, — сказал юноша по-русски. — Опоздали. Молчите. Говорить буду я.

И тут же заверещал лингвист, потому что юноша перешел на местный язык.

— Ты где пропадал? — спросил он. Голос его был высок и отрывист.

Два воина, шедшие из пещеры вслед за Старшим, остановились, попятились назад, в темноту.

— Великий дух! — воскликнул Старший, сгибаясь к земле и запрокидывая при этом голову вверх, чтобы не упустить глазами взгляда юноши. — Повелитель духов, я виноват перед тобой. Но я думал, что он лживый дух, подосланный Великой Тьмой.

— Иди за мной, — приказал юноша, обходя Павлыша и отступая к комнате Старшего. — Не дело разговаривать под открытым небом. Нас могут увидеть. А видеть меня нельзя.

— Ты прав, Великий дух, — согласился, касаясь когтями земли, Старший. — Пусть стены закроют нас от чужих глаз.

Павлыш мог поклясться, что на лапах Старшего была кровь.

* * *

— Говори, — разрешил юноша, обращаясь к Старшему. Руки его все время были в движении, казалось, что они живут независимо от тела. — Говори, что произошло.

— Они опять сбежали, — ответил Старший. — Я не знаю как.

— В чем их грех? — спросил юноша. — Я видел их в пещере. Но не знаю, в чем их грех. Говори быстро.

— Мы поймали их, — объяснил Старший. — Они бежали, но мы поймали их.

— Говори с начала.

— Ты не знаешь? — Старший поднял голову, и Павлыш увидел кровоточащие порезы на его шее — наверно, следы когтей.

— Не спрашивай духа. — Рука юноши взлетела вверх, и длинный палец на секунду замер у лица Старшего. — Ты знаешь, что нельзя спрашивать духа. Если я сказал, что хочу знать, — рассказывай.

Тыльной стороной лапы Старший вытер кровь с шеи.

— Речка плохая, — начал он. — Ты помнишь, дух, что отец ее пришел с гор. Мы хотели убить его, но ты сказал — пусть живет.

— Ее отца звали Немой Ураган? — спросил юноша.

— Да. Немой Ураган. Потом он хотел уйти из долины. Его пришлось унести в храм. Ты помнишь.

— Я помню. И у него осталась дочь?

— Речка. И еще был один молодой. Жало. Он тоже наслушался речей Немого Урагана. Он хотел уйти. Речка ушла с ним.

— Как он узнал дорогу?

— Наверно, Немой Ураган рассказал ему о пути в скалах.

— Я же велел найти путь, по которому прошел Немой Ураган, и завалить камнями.

— Путь берегла Белая смерть. Путь мог пригодиться.

Юноша забыл о присутствии Павлыша. Пальцы его пробежали по груди, засуетились у плеч.

— Ты хочешь сказать, что они ушли к реке?

— Да. Они ушли к реке. На рассвете. Когда я узнал, я послал вдогонку воинов. Через пещеру. Воины догнали их. И Белая смерть тоже.

— Они ушли от Белой смерти?

— Они не ушли. Но твой брат убил Белую смерть.

— Мой брат? — удивился юноша.

Старший мотнул головой в сторону Павлыша.

Юноша только тогда вспомнил о существовании Павлыша.

— Вы?

— Тут я и появляюсь на сцене, — признался Павлыш. Чувствовал он себя неловко. Будто залез в чужой огород и попался сторожу.

— Виноват я сам, — быстро сказал юноша по-русски. — Не надо было мне отлучаться.

— Они вернулись вместе, — произнес Старший, не глядя на Павлыша. — Воины не смели спорить с духом.

— Хорошо, что вы не продолжали творить суд и расправу, — бросил юноша Павлышу.

— Я не агрессивен, — возразил Павлыш, подходя к копьям, сваленным в углу, и пробуя пальцем каменное острие. — Скорее я зевака. Я готов неделями наблюдать, как ползет кузнечик по

листу лопуха или как убирают снег на улицах. Между прочим, удивительное зрелище.

Юноша поморщился, словно ему было больно.

— Не время шутить, — ответил он и обернулся к Старшему, приглашая продолжать.

— Великий дух вчера сказал, что может прийти его брат. Но глаза мои обманули меня. Я старый человек и не достоин быть Старшим. Боги наградили твоего брата плотью.

— Боги всемогущи, — проговорил юноша назидательно.

— Твой брат чуть не погиб, провалившись в ловушку на тропе. Я решил, что меня обманули духи тьмы. Ты же оставил меня в неведении.

— А что с Речкой и Жало? — спросил Павлыш.

Старший не ответил. Он молча смотрел на юношу, словно ждал разрешения говорить.

— Говори, — сказал юноша.

— Мы настигли их.

— Они в темнице?

— Его скоро поймают. Воины гонятся за ним.

— Так. — Юноша наклонился вперед, чуть не касаясь Старшего кончиками вытянутых, дрожащих, как струны, пальцев. — Так.

— Не гневайся, Великий дух. Его поймают.

— А Речка где? Что с девушкой? — спросил Павлыш.

— Ее догнали. Она дралась, как дикий зверь.

— Что с ней?

— Она умерла.

— Как? — Юноша еще качнулся вперед.

— Я не мог остановить воинов. Она дралась. Воины были злы.

— Без моего разрешения? — Юноша взмахнул рукой, будто хотел ударить ею по камню.

«Ушибется», — мелькнула мысль у Павлыша.

Рука свободно прошла сквозь камень, и, заметив это, юноша тут же подтянул ее к груди, кинул взгляд на Павлыша и проговорил быстро, словно ничего не произошло:

— Ты совершил плохое дело, Старший. Ты ослушался богов, ибо сказано, что нельзя убивать, не получив слова.

— Я виноват, Великий дух.

Старший был и в самом деле напуган. Его даже не удивило происшествие с рукой Великого духа. Он склонил голову, спрятал ее в шерсти плеч, острые локти торчали под углом к вздыбившемуся хребту.

— Ты убил девушку. Ты упустил Жало. Куда он побежал?

— К долине, к реке. Но его настигнут у завала. Я бы добежал с воинами, но я стар и не могу бегать быстро.

Юноша на мгновение приоткрыл глаза, думал. Посмотрел на Павлыша, сказал по-русски:

— Прошу вас, не волнуйтесь, посидите здесь. Никуда не отлучайтесь. Если бы не вы, девушка была бы жива.

— Хорошо, — ответил Павлыш растерянно.

Юноша обернулся к Старшему:

— Иди за воинами. Ты вернулся, потому что боялся Жало. Ты не хочешь умереть. Иди за воинами. Я пойду вперед и увижу, куда побежал Жало. Я укажу тебе путь. Иди же.

Старший, пятясь, выполз из пещеры, зашлепал подошвами.

— Я скоро вернусь, — продолжал юноша. — Я — напрямик.

Он встал и направился к дальнему углу пещеры.

— Ждите.

Он вошел в стену, словно канул в густой туман.

* * *

Жало добежал до завала. Тонкие лучики света прорывались в щели между камнями, и вдоль каждого лучика струился теплый живой воздух.

Речки не было слышно. Сейчас Жало не думал о ней. Он видел лишь камни, черные камни и свет, пробивающийся сквозь них. Он толкнул глыбу, она чуть шевельнулась, но не сдвинулась с места. Теперь уже были слышны шаги и крики, совсем недалеко — а может, еще далеко: звук по пещере летит не так, как на земле.

Жало навалился на камень плечом; отпрыгнул в сторону, когда камень все-таки не поддался, отбежал на несколько шагов, снова бросился на глыбу, и снова неудача. Было бы время, он не спеша расшатал бы камни, нашел тот, который держит на себе завал.

Шаги сзади на мгновение затихли. Воины слушали.

— Он там! — Это был голос Инея.

Жало толкнул самый верхний камень, тот отвалился и покатился навстречу яркому солнцу, и лучи солнца ослепили беглеца.

— Вот он! — Голос был совсем рядом.

Жало нырнул в отверстие и, обдирая шерсть на боках, рвался наружу, как червяк, зажатый в пальцах. Он тянул себя руками, перебирая ими по откосу, подтягиваясь к острым краям скал. В последний момент в пятку ударило копье, брошенное подбежавшим ближе других воином... Но Жало уже катился по камням и траве, не чувствуя боли; вскочил на четвереньки и побежал громадными скачками вперед, к реке, поджимая раненую ногу.

Его спасло именно то, что он не сумел разобрать завал у входа в пещеру. Отверстие, сквозь которое он выскользнул, было узко

даже для него. Не подгоняй его ужас, он никогда бы не протиснулся в эту дыру. Первый же воин, устремившийся за ним, плечами заклинился в камнях, и прошло несколько минут, прежде чем улеглась свалка у завала — распаленные погоней, запахом крови, воины мешали друг другу. А когда они, раскатив камни, выбежали в долину, Жало был уже у самой реки.

Он приостановился на мгновение. Глаза привыкли к свету, страх, только что державший в когтях все тело, отступил куда-то к спине, затаился в позвоночнике, ждал, что копье вонзится в хребет, пригвоздит к земле. Жало метнулся за дерево, обернулся. Воины, суетившиеся у входа в пещеру, казались маленькими, почти не страшными. Жало услышал собственный хрип, дыхание металось в горле, руки были пусты: ни палки рядом, ни камня. Река бурлила на перекате, и Жало знал, что идти надо дальше, на ту сторону, к низким холмам.

Он ступил в воду. Вода была теплее, чем в ручье, что протекал у деревни. Но в ручье вода лишь чуть покрывала камни на дне, а здесь впереди она становилась темной, и не видна была земля, которая скрывается под водой. Но Жало не думал об этом. Воины заметили его и бежали вслед. Из-под разрезанной копьем ступни протянулась красная струйка, смешиваясь с водой, и мелкие черви уже сплывались, чтобы полакомиться кровью.

Жало сделал шаг вперед, и нога провалилась по колено в мягкий ил. Вода подталкивала беглеца к следующему шагу. Он зашел по пояс. Тот берег был еще далеко. Почти так же далеко, как будто он и не вступал в воду. Жало показалось, что воины уже догоняют его. И он, не прекращая идти вперед, оглянулся. Нет, воины отстали... Нога потеряла опору, дна не было, Жало с головой ухнул в воду, река подхватила его и понесла, крутя, затягивая вглубь, не давая вдохнуть...

Жало рванулся вверх, к воздуху, мелко дергая руками и ногами... Может быть, он бы и выплыл: инстинкт щенка, брошенного в воду, память о тех отдаленных временах, когда предки его жили в воде, существовала где-то в теле, но река была быстра. Она не давала плыть, крутила в водоворотах, но она же и выбросила его на недалекий перекат, ударила о гальку, и, не сознавая, что делает, Жало выпрыгнул из воды, как выпрыгивает испуганная рыба.

Здесь было мелко.

Жало стоял, покачиваясь, широко расставив ноги, не решаясь сделать ни шага, чтобы река вновь не подхватила его. В ушах, заполненных водой, стоял ровный шум. Но где преследователи?

Жало посмотрел назад. Вода, стекавшая по лицу, заливала глаза. Жало отер ее — и было больно дотрагиваться до лица. Воины уже подбежали к реке и столпились там, где его подхватила и

потащила река. Жало увидел, как один из воинов поднял руку с копьем.

Когда копье шлепнулось в воду, чуть-чуть не долетев до беглеца, Жало схватил его и побежал дальше. В одном месте он снова провалился по пояс, но тут же дно поднялось — он побежал теперь по мелкому, прозрачному, прогретому солнцем песку, а воины кричали что-то непонятное вслед — все еще шумела в ушах вода, — но не решались войти в реку, потому что боялись большой воды.

Жало забился в кустарник, упал, пополз вглубь, забыв о зверях, что таятся в колючках, оставляя широкий след — клочья шерсти и пятна крови. Кусты, пошептавшись, вновь смыкали листья и ветви, и Жало полз и полз, даже когда уже потерял сознание.

Очнулся он, может, через несколько дыханий, а может, через половину дня — он не мог сказать. Рядом кто-то беззвучно шел сквозь кустарник. Жало не тронули ни звери, ни ползучие птицы, ни мокрые змеи, скользившие рядом, чтобы посмотреть, кто осмелился забраться в чащу. Но в непостижимом, бесплотном, беззвучном присутствии кого-то была беда, опасность. Жало замер, заставив себя прервать неровное дыхание. Он смотрел между воздушных корней.

Там через прогалину быстро шел дух — нет, не тот, утренний, добрый, а настоящий Великий дух, которого Жало видел, когда его и других мальчиков Старший привел в храм, где они должны были пройти Первое испытание. Тогда этот дух сидел на троне в храме, одетый в золотой плащ, окруженный ярким сиянием. Тогда дух был милостив и спрашивал о разном. И велел делать нечто, о чем и Жало, и другие мальчики забыли, потому что Великий дух приказал им об этом забыть.

Дух шел прямо, кусты перекрывали ему путь колючими ветвями, но дух не останавливался, не разводил ветви — колючки входили в его грудь и пронзали ноги, корявые стволы исчезали в нем и выходили вновь из спины, когда дух проходил дальше. Для духа не было преград. Дух искал его, Жало, ничтожного беглеца, убежавшего от смерти, песчинку, нарушившую закон долины. И Жало вспомнил — а это дозволено было запомнить в храме, — что он должен всегда и во всем слушаться Старшего, потому что Старший выполняет волю богов. И горе тому, кто осмелится этого не сделать.

Дух был один. Воины, видно, остались у реки.

Дух остановился, будто в нерешительности. Наверно, почуял беглеца. Дух смотрел в ту сторону, где укрылся Жало.

— Выходи, — проговорил он громко. — Выходи и будь послушен. Я вижу тебя.

Руки оперлись о траву, подчиняясь приказу, дрогнули ноги, стараясь послушаться. Но Жало был слишком слаб, и слабость эта, вопреки старанию победить израненное тело, задержала его, не позволила даже открыть рот, чтобы откликнуться, отдать себя во власть всемогущему, всевидящему духу.

И эта задержка привела к странному. Дух двинулся в другую сторону, отвернулся от тянущегося к нему беглеца и громко сказал:

— Выходи, я вижу тебя!

Но теперь он не мог видеть Жало. Он смотрел не на него. И Жало вдруг понял, что дух не всемогущ. Что дух не увидел его, говорил просто так, пугал, надеялся на то, что Жало сам придет к нему.

Дух уже пошел дальше, удаляясь, проходя сквозь кусты, сквозь стволы низких деревьев, бесплотный, но схожий с человеком. Кусты не шевелились, и не было слышно шагов.

* * *

— Логическая неувязка, — произнес Павлыш вслух.

Он вновь уселся на шкуру. Он был растерян и обижен. Больше обижен. Он ни при чем в смерти Речки. Если ее убили воины, они это сделали без него. Наоборот, он же спас ребят от Белой смерти. Юноша боялся Павлыша. Нет, не самого Павлыша — что ему Павлыш, если он может проходить сквозь стены? Он боялся присутствия чужого человека в долине. Этим как-то нарушались его планы. И убежали Жало с Речкой, во второй раз убежали, без всякой помощи Павлыша. Он был тогда там, у храма. Да, а как же юноша проходит сквозь стены? Значит ли это, что на Форпосте обитает раса «юношей», столь далеко ушедшая вперед, что добилась проницаемости материи? Значит, тут цивилизация древняя, высокоразвитая и в то же время не технологическая — без городов, машин... Где же она прячется? Под землей? В океане? И посылает миссионеров к отсталым племенам? Космос велик и неразгадан — люди коснулись лишь самых краев его, разгадали лишь первые тайны... И уж совсем сказочный образ возник в мозгу — раса существ бесплотных, полупрозрачных, живущих в воздухе, в облаках, повелевающая приземленными грубыми дикарями... Чепуха. Юноша был вполне телесен, никуда не взлетал и, если ему надо было, убегал на ногах. А камень? Как рука прошла сквозь камень? Движение было нечаянным — проницаемость юноши не была сознательным действием. А почему тогда он не провалился в землю?

Павлыш постучал пальцем по плоскому камню-столу. Камень был прохладен, безнадежно тверд. Над проницаемостью бились ученые на Земле и у Корон. Но пока без практических результатов. Павлыш подошел к стене, к тому месту, в которое ушел юноша. Никакой потайной двери, никакой щели. Все происходило без фокусов. И вряд ли можно говорить об оптических иллюзиях.

Невнятные голоса донеслись снаружи. Зашуршал лингвист, но не смог разобрать, о чем говорят.

Павлыш подошел к выходу. В долине потемнело: скрылось солнце, рваная туча прилетела с моря, шла низко, касаясь вершин скал. Два воина спускались по тропе, волоча за собой человеческое тело. Тело Речки. Остановились перед трещиной, куда чуть не провалился Павлыш, совещаясь, как перетащить тело вниз. А на дне долины, у хижин, тоже возникло движение, словно только сейчас туда докатилась весть о чем-то неладном, происходящем в пещере. Горстка темных фигурок неуверенно и бестолково продвигалась к ручью и замирала на берегу, будто ручей был рубежом, который невозможно перейти.

Роль наблюдателя, зеваки хороша и интересна лишь тогда, когда тебя не мучает желание вмешаться, пока не начинает грызть ощущение того, что ты, оставаясь наблюдателем, теряешь нечто важное, что не ускользнуло бы от тебя, будь ты участником событий. А бывает и так, что может понадобиться твоя помощь.

Черт с ним, с обещанием сидеть в пещере. Павлыш быстро пошел вниз, к воинам, стараясь не выпускать их из виду.

Один из воинов легко перескочил через трещину. Второй перекинул ему конец веревки, обмотанный вокруг тела девушки. Затем последовал за ним. Вдвоем они потянули тело к себе, оно сползло в трещину и глухо, влажно ударилось о стену. Воины выволокли его наверх и пошли дальше, вниз, не оглядываясь. Желтая пыль поднималась от их шагов, клубилась над Речкой.

Павлыш догнал их у храма. Один из воинов услышал шаги, взглянул, не испугался, решил, что так и надо, раз дух следит за их действиями. Они втащили Речку в темный проем, но сами в храме не остались. Вышли и присели на ступеньках.

Дверь медленно закрывалась.

Павлыш прошел мимо отводивших глаза воинов, толкнул дверь, мягко подавшуюся от толчка. За дверью обнаружился небольшой круглый зал; слабо, но ровно светился сглаженный купол потолка.

Помещение было пустым.

Павлыш стоял спиной к полуоткрытой двери, глядел на пол, где должно было лежать тело девушки, и чувствовал физическую усталость от нелепых загадок планеты. Воины не могли унести Речку далеко от порога. Для этого просто не хватило бы времени. Подходя к храму, Павлыш отлично видел, что они были внутри меньше минуты — ровно столько, сколько требовалось, чтобы

втащить тело, оставить его в зале и вернуться ко входу. Никакого люка на полу не было. Камень — выровненный, правда, но самый настоящий камень. Значит, если отвергнуть мистику, кто-то ждал воинов в храме и взял у них тело. Отнес куда-то дальше, во внутренние помещения. Возможно, другие воины или служители храма. Должна быть еще одна дверь. Значит, сейчас Павлыш стоит в «прихожей».

* * *

Свет, падавший прямоугольником от входа, чуть-чуть не достигал дальней стены, и по освещенному полу от башмаков Павлыша протянулись две темные полосы — тень ног. Дверь в следующий зал находилась в том же направлении, спрятанная за каменной плитой, стоявшей торчком у дальней стены. Поэтому Павлыш ее и не заметил сразу. Там, впереди, было шуршание, легкий стук, возня. Павлыш достал пистолет, взвесил на ладони и положил обратно. Как сказал юноша, он уже достаточно натворил дел в долине. Да и вряд ли воины осмелятся тронуть духа. Если на то нет специального указания Старшего. Сзади прилетел порыв мокрого ветра — двигался дождь.

Павлыш обогнул плиту. За ней обнаружился ровно вытесанный проем, и, прежде чем ступить в темноту очередного за сегодняшний день коридора, Павлыш включил шлемовый фонарь, запрокинул голову, посмотрел наверх. В каменном косяке была щель — дверь опускалась сверху.

Будь что будет. Павлыш быстро шагнул за порог.

— Есть кто живой? — спросил Павлыш. Повел головой — конус света уперся в стену, метнулся, рассеялся в темноте...

И тут же зажегся свет. Он возник сверху, расширяясь, разгораясь, обозначая сперва темные формы окружающих предметов, потом заползая в углы, выстраивая вещи, давая им цвет и фактуру.

Тело девушки лежало на низком ложе, покрытом светлой блестящей тканью. Голова была повернута набок, губы приоткрыты, желтеет полоска зубов, руки приподняты к груди, словно в попытке защититься, судорожно сжаты темные кулачки. За ложем — длинный серый пульт. Кнопки, индикаторы, экранчики — глаза. Щупальца, руки, лапы, выросшие из серого металла, повисли безжизненно, замерли под странными углами. Две машины — тоже со щупальцами, множество ножек поддерживает их над полом, наверное, это роботы, — застыли неподалеку, перемигиваются огоньками. Свет ярок в громадном зале, там дальше ящики, шкуры животных, банки и сосуды с внутренними органами, образцами растений. Странный музей, лаборатория-жилище миссионера.

А может, и он гость здесь, пришла мысль. Не смог улететь, застрял, коротает век, командуя диким племенем?

Павлыш думал так, а сам склонился над девушкой. Нельзя ли что-нибудь сделать? Вдруг она еще жива?

Девушка была жива.

Формально жива. Раз, другой сократилось умирающее сердце. Пропал, снова возник пульс. Павлыш достал диагноста. Диагност был мал, умещался в ранце, взял его Павлыш на всякий случай, скорее по профессиональной привычке. Диагност зажужжал, впился в грудь девушки тонкой иглой, протянул стрекало ко лбу, заглянул под веко. Был, наверно, доволен, разумная машинка, соскучившаяся по работе. Роботы подъехали поближе, Павлыш сказал им:

— Не мешайте.

Один из роботов отстучал непонятное. Зацокал.

Лингвист молчал — не понял.

Проводки, тончайшие гибкие кабельки протянулись от диагноста к ногам и рукам девушки. Потом защелкал морзянкой огонек на макушке. Работая, диагност готовил шприц. Присоски обхватили горло, под давлением вгоняя под кожу стимуляторы. Диагност мог оказать первую помощь, не советуясь с Павлышом. Если помощь нужна срочно. Откинулась крышка, выскочила пластиковая карточка. Павлыш прочел предварительный диагноз: перелом ребер, ссадины, ушибы, повреждения внутренних органов, кровоизлияния. Он не хотел бы оказаться на месте Речки.

Оставил диагноста на месте, пусть сигнализирует, если что случится. Сам открыл карман-аптечку. «Возможен летальный исход», — повторил заключительную фразу доклада диагноста.

Работать было приятно. Павлыш понимал чувства диагноста, не отказывал машине в праве на них — сам соскучился по работе. Предоставлялась возможность — спасти жизнь. Диагност выкинул вторую карточку — результаты анализов. Без них нельзя было продолжать лечение. Состав крови, антитела, температура. Кое-что можно будет сделать и своими силами. Нужна вода. Местная вода.

— Послушай, — обратился Павлыш к роботу, пользуясь лингвистом, настроенным на местный язык. — Сбегай за водой к ручью.

Робот не двинулся с места.

— Не понимаешь, когда с тобой разговаривают?

Робот молчал.

— Придется самому сходить. Только предупреждаю... — Пав-

лыш старался казаться строгим. — Чтобы до девушки не дотрагиваться. Ясно?

Потом диагносту:

— Останешься здесь, лапушка. Чуть что — сигнализируй.

Павлыш настроил внутреннюю связь на диагноста. В ушах неровно застучало сердце Речки, со всхлипом тянулся воздух в легкие.

Павлыш побежал к выходу, за водой.

Роботы стояли неподвижно.

* * *

У входа были шум, свалка. Воины пытались задержать растрепанную женщину. Та рвалась к ступеням, бормотала, вскрикивала невнятно. Несколько других женщин стояли поодаль, не вмешивались, лишь подбадривали нападавшую, ругали воинов.

Щелкнув, включился лингвист.

— Убийцы! Звери, подземные черви! Убийцы! — Лингвист пытался перевести речи всех женщин одновременно, торопился, сбивался, сам себя перебивал:

— Отойди! Узнает Старший, ты не будешь жить! Не кусайся!

Это слова воинов. И снова:

— Убийцы! Где мои дети? Где Жало? Я видела снизу! Мы видели снизу, как вы тащили Речку! За что ее убили? Звери!

Воины не решались пустить в ход копья, опасаясь женщин — может быть, их собственных матерей, теток, сестер. Лишь отталкивали их, огрызаясь, рычали.

Первым Павлыша увидели женщины, стоявшие в стороне.

— Дух! — закричала одна из них.

Женщины отпрянули, спрятали лица от взора духа. Замерли воины. Лишь одна, не слыша ничего, пыталась пробраться к храму.

— Остановитесь, — произнес Павлыш.

Женщина услышала, заметила его. К удивлению Павлыша, она не склонилась, как остальные, — казалось, ее ярость удвоилась.

— Ты убил ее!

Воины скрестили копья, она повисла на них, размахивая когтями.

— Ты ее мать? — спросил Павлыш.

— Убийца!

— Она мать Жало, — ответил воин.

— И Речка — ее дочь, — крикнула из толпы старуха. — Речку привел к ней Немой Ураган.

— Мои дети! Где мои дети?

Женщина укусила одного из воинов в плечо, и тот выпустил копье, прижал ладонь к шерсти.

— Ты жестокий дух! Духи — убийцы! Они убили моих детей!

Женщины говорили: «Да, да», но тихо, прикрывая лица руками.

— Спокойно, — сказал Павлыш. — Я пока никого не убил.

— Вот придет Старший, он узнает о твоих словах, женщина, — пригрозил воин, вцепившись здоровой рукой в ее волосы.

— Где Речка? Где Жало? — кричала женщина. — Они были красивые, смелые, добрые. Лучше всех в деревне! За что ты убил Речку? Я видела, как вы тащили ее, чтобы духи вынули из нее сердце.

Женщины вторили ей, словно хор в греческой трагедии.

— Сколько же нужно повторять! — закричал тогда Павлыш, чтобы перекрыть гам. — Речка жива. Она только больна, ранена.

В ушах — передавал диагност — слабо билось сердце Речки.

— Пусти меня к ней!

— С удовольствием. Только сначала нужна вода. Кувшин с водой. Пусть мне принесут.

— Вода?

— Да, для Речки. Она хочет пить, разве не понятно?

— Сейчас, — сообразила девушка из хора и замелькала черными пятками по тропинке вниз, к ручью.

— Дух просит воды! — в священном восторге подхватили другие женщины.

Еще две или три из них бросились вслед за девушкой.

«Ну вот, вроде намечается прогресс, — подумал Павлыш. — Юноша опять будет недоволен, хотя я, кажется, укрепляю его репутацию среди женщин долины».

— А где Речка? Я хочу ее видеть, — настаивала мать Жало.

— Погоди. Принесут воды, вместе пойдем.

— Ей больно?

— Она выздоровеет, — вежливо заверил женщину Павлыш. — Через полчаса или через час вы сможете взять ее домой.

Воины успокоились, уселись на ступеньки у ног Павлыша.

Мать стояла, сгорбившись, глядела в землю. Ждала. Она непочтительно говорила с духом, она вышла из себя и заслужила кару.

Первые капли дождя взбили пыльные фонтанчики на площадке. Стемнело.

— Будет большой дождь, — произнесла старуха, вроде бы та, что встретилась недавно Павлышу у ручья. Она осталась стоять на краю площадки.

— Старуха знает травы, — сообщил доверительно воин, запрокинув к духу голову, отчего обнажились его клыки.

— Это хорошо, — согласился Павлыш. — Она пойдет со мной в храм.

— Людям нельзя в храм, — ответил воин. — Только когда Великий дух призовет их.

— Я не пойду, — отказалась старуха. — Если Старший отдаст Речку матери, я приду в ее дом. Я знаю травы.

Две девушки, запыхавшись, волокли грубо слепленный кувшин. Вода выплескивалась на землю.

— Давайте возьму, — предложил Павлыш.

Девушки не посмели приблизиться к нему, опустили кувшин на землю. Павлыш поднял его и, всходя по ступенькам, предложил матери:

— Можете идти со мной.

Потом воинам, хотевшим было воспротивиться:

— А вас я позову потом. Вы мне можете пригодиться.

Женщина мелко семенила за Павлышом, не оглядываясь, не отставая. Роботы, завидя ее, двинулись было навстречу. Павлыш остановил их:

— Без вас обойдемся. А то обесточу.

Роботы не поняли. Они, тихо жужжа, подбирались к женщине. Усики на их головах шевелились, вспыхивали. Женщина стояла рядом, она даже не увидела Речку: зажмурилась на ярком свету при виде машин.

Павлыш опустил кувшин около ложа; выставляя руки вперед, решительно отпихнул роботов. Те остановились.

— Ага, прямых действий вы побаиваетесь. — Павлыш обернулся к женщине: — Гляди на свою Речку, только не мешай мне. Машины тебя не тронут.

Женщина опустилась на корточки в ногах Речки так, чтобы не выпускать роботов из виду, косилась на них опасливо. И шептала: «Что они сделали с тобой, маленькая? Что они с тобой сделали?»

Диагност уже заготовил целую кипу карточек — докладов о состоянии больной. Павлыш забрал карточки, быстро просмотрел их. Женщина разглядела диагноста и спросила снизу, не отрывая от него глаз:

— Что он там делает?

— Это мой друг, — ответил Павлыш, — маленький дух. Он лечит.

Женщина протянула вперед руку, гладила ступни девушки.

Не было кружки, чашки. Павлыш забыл попросить принести что-нибудь поменьше. Пришлось отвинтить колпачок с фонарика диагноста. В воде Павлыш растворил лекарства, дал их попробовать своему маленькому духу. Тот сверил состав со своими данными, дал добро. Павлыш влил содержимое колпачка в рот

Речке. Другой рукой держал кисть — пульс был ровным: диагност не терял времени даром. Через минуту, длинную, прошедшую в молчании, диагност засуетился вновь. Лекарства оказывали должный эффект. Речка застонала, приподняла руку, словно защищаясь, открыла глаза. Павлыш думал, что она испугается, но она сразу узнала его.

— Ты здесь? — прошептала она чуть слышно. — А где Жало?

— Он убежал от них.

— А где ты был раньше? Почему не пришел?

— Я не знал.

— Плохо, — сказала девушка. — Они меня били.

— Все, — заверил Павлыш. — Больше это не повторится.

Он не был уверен, что говорил правду, — сегодня он уйдет отсюда и оставит их беззащитными. Кто же этот юноша?

— Не уходи от нас, — произнесла Речка.

Если она и удивилась, увидев его утром у реки, то теперь уже воспринимала его присутствие как нечто естественное. Он был ее дух, добрый дух, потому что она верила в духов и хотела в них верить, ибо миром, даже таким бедным, люди управлять не в состоянии. Могучие силы неба и подземелий поступают как хотят с маленькими людьми.

— Не уходи, — прошептала мать.

* * *

Жало очень устал и хотел бы поспать. Он даже присел на корточки под большим деревом и подумал: я посплю, а потом проснусь и побегу быстро. Это была очень хитрая и удобная мысль — глаза сразу стали закрываться и голова клониться на грудь.

Но тут Жало вспомнил о Речке. Может, она живая?

Вдруг ее еще не убили? Он не может оставить ее кровь не отомщенной — так нельзя делать. А если он будет спать, Старший отнесет Речку в храм к Великому духу, и там ее разрежут...

Стало страшно, что Речку разрежут. Жало завыл, так ему было страшно. Даже себя он так не жалел.

От страха Жало вскочил — сразу сон ушел. Он поднял копье с раздвоенным наконечником, которое кинул в него воин, и начал переступать с ноги на ногу в такт движениям, превращая вой в песню — как поют старухи в день мертвых.

Он знал, что надо делать. Надо бежать.

Надо бежать до сломанного дерева с разбитым молнией стволом.

Надо бежать до скалы, похожей на три сомкнутых пальца.

Надо бежать до ямы, на дне которой растут колючие кусты.

Надо бежать до того места, где в речку впадает ручей с желтой водой.

Надо бежать вверх по этому ручью...

Это было как песня. И песню Жало выучил, потому что Немой Ураган заставлял петь ее каждый вечер тихо, чтобы не услышали в соседней пещере. Немой Ураган не мог говорить, но Жало знал язык его пальцев.

Он бежал мимо сломанного дерева, мимо скалы Трех пальцев, мимо ямы, вверх по желтому ручью — он ухал и громко пел, чтобы другие звери разбежались, а люди услышали. Когда люди услышат, они не будут кидать дротики. Творящий зло всегда беззвучен. Тот, кто предупреждает топотом и криком, — не враг.

Жало устал — такой тяжелый день, — и ноги бежали еле-еле...

Он не добежал до конца песни, которой его научил Немой Ураган.

Путь ему преградили воины — они вышли из-за скал и замерли, подняв копья. Такие копья, которых в долине нет. Совсем странные копья, похожие на ладонь с выпрямленными пальцами.

Воины были в шкурах — таких шкур тоже нет в долине, кто видел шкуры цвета песка с черными пятнами?

Жало не знал, те ли это люди, к которым он бежал.

Если не те, они сейчас ударят его копьями и прекратят его жизнь.

Он знал, как это произойдет: он упадет на траву, и в горле его будет торчать древко дротика, а вокруг головы на песке или на земле будет красная кровь.

Жало остановился и опустил копье.

Копье звякнуло о камень.

Воины молчали.

Волосы у них были длинные, падали на плечи. В долине мужчины обрезают волосы на уровне ушей. А эти люди не обрезают. Старший сказал бы, что они совсем дикие. Как звери. Но у Немого Урагана волосы всегда были длиннее, чем у остальных жителей горной долины.

Жало поднял руки к глазам и, сузив большие и указательные пальцы, провел ими под глазами и потом выше, к вискам.

Это удивило встречных воинов.

Жало не знал, почему это их удивило. Немой Ураган, научив его такому жесту, не сказал, что он — табу. Что его можно совершать лишь тому, кто вождь или сын вождя. И если этот жест сделает простой воин или человек другой крови, то с неба упадет камень и убьет его. Никто никогда не пробовал проверить это табу. Всем хотелось жить.

Небо не разверзлось и не упало на святотатца.

И тогда воины расступились и жестами и скупыми звуками стали объяснять гостю, что готовы отнести его в становище.

Благодаря Немому Урагану Жало понимал все движения их пальцев и некоторые из звуков — и отвечал им на их языке.

До становища было недалеко. Воины шли сзади, охватив его полукольцом, — он ведь мог быть злым духом, которого послало к ним черное Подземелье, чтобы обмануть и потом пожрать всех мужчин.

Но когда они пришли в становище и старшие люди собрались и стали говорить с гостем Короткие Волосы, то все поняли, что это не посланник Подземелья, а самый настоящий сын великого вождя Немого Урагана, который исчез много зим назад... и никто уже не помнил, почему исчез, куда исчез — память племени уходила в прошлое лишь на десять зим. Только потому, что Немой Ураган был великим вождем и о нем пели песни, память о его подвигах оказалась длиннее.

Жало знал запретные знаки вождей.

Жало сказал, что его знаки требуют, чтобы воины племени пошли в горную долину и убили его врагов.

Это было справедливо, и Жало имел право требовать этого — он был сыном Урагана и знал запретные для смертных знаки.

Только воины не спешили идти за ним — они готовились к охоте. Они не хотели воевать.

Но старые люди, пошептавшись, сказали:

— Надо идти с сыном Урагана. Надо делать, как велят узы крови. Но лучше спуститься к долине по реке, на лодке...

Некоторые воины рычали от недовольства.

Но нельзя не слушаться богов и стариков. И набрали целую лодку воинов. И поплыли... Жало хотел спать, но не мог показать такой слабости. Он стоял посреди лодки и держал копье.

Он чувствовал себя великим вождем...

* * *

— Вы с ума сошли, Павлыш, — резко произнес голос от входа. — Я же просил, умолял вас оставаться у Старшего. И вы обещали больше не вмешиваться в дела долины.

Юноша отмахнулся от жалобно загудевших роботов, подошел ближе.

При виде его мать упала ниц. Он был настоящим хозяином долины.

— Девушка жива? — удивился юноша. — Старший сказал мне, что ее убили.

— Она умерла бы, если бы я не пришел сюда, — сказал Павлыш.

Резкость в голосе Павлыша заставила юношу метнуть к нему тонкие пальцы, словно умоляя о чем-то. Руки тут же взвились вверх, к пульсирующим глазам.

— Не думайте, что я изверг, — сказал юноша. — И не воображайте, Павлыш, что попали в какой-то притон убийц. Я вам искренне благодарен, что вы спасли девушку. Это у вас диагност? Очень любопытно. Смерть девушки никак не входила в мои планы. Но поймите, мы имеем дело с примитивной цивилизацией, даже не цивилизацией, со стаей. Жестокости присущи разумным существам на этой стадии развития. Если бы не ваше вмешательство, девушка все равно была бы мертва — так уж написано ей на роду.

— Почему же? — спросил Павлыш, все еще раздраженно. — Кто предписывает ей умереть?

— Не я, — заверил юноша. — Ее собственная жизнь, ее поступки, которыми я стараюсь руководить, клянусь вам, руководить к лучшему. Она по своей воле убежала на рассвете из долины. И без вашего участия погибла бы, убитая Белой смертью. Меня здесь не было. Я не знал об этом. Я не могу читать мысли. Вы ее спасли. Очень хорошо. Но не прошло и часа, как она убежала снова. И я поверил Старшему, что она мертва. Поверил, в этом моя ошибка, но я не застрахован от ошибок.

— Хорошо, — согласился Павлыш. — Я не спорю. Я не знаю ничего о вас — вы обо мне знаете много.

— Я обещал рассказать и расскажу, как только вы вернетесь на корабль.

— Я не уверен, что смогу ждать.

— Почему?

— Как вам объяснить? Когда вмешиваешься...

— Кто вас просил об этом? Неужели вас не научили на Земле, что недопустимо вмешиваться в чужие дела?

— А вы?

— Я? Я знаю, что делаю, — вы же действуете вслепую. В этом разница между нами. — Великий дух приблизился к женщине. — Раз девушка жива, ее, очевидно, можно убрать отсюда? Ваше мнение?

— Наверно, ей не хуже будет дома. Жизни ее ничего, пожалуй, не угрожает.

— Отлично. — Юноша не скрывал, что доволен таким оборотом дела.

Он сказал что-то роботам, и те подкатились к ложу. Женщина приподнялась, оскалилась, защищая Речку.

— Не бойся, — успокоил ее Великий дух. — Они только унесут твою дочь к выходу.

Речка попыталась вырваться из цепких щупалец роботов, но тут же силы оставили ее.

— Погодите, — сказал Павлыш. — Отгоните своих церберов.

— Кого?

Павлыш уже подхватил девушку на руки и пошел к выходу. Мать семенила рядом, поддерживая ноги Речки.

Юноша последовал за ними. Он молчал.

У выхода, на ступеньках, Павлыш остановился и, не оборачиваясь, предложил Великому духу:

— Пусть ее отнесут воины.

— Я как раз собирался это сказать.

А когда они, проводив взглядом воинов, послушно и на этот раз осторожно несших девушку к деревне, возвратились в храм, Павлыш спросил:

— Надеюсь, Старший не будет преследовать ее?

— Я ему скажу, — согласился юноша, указывая Павлышу на ложе, еще теплое от тела девушки.

Павлыш подобрал с пола забытого диагноста, уселся. Юноша прошел к пульту, взглянув на показания приборов.

— Надвигается большая гроза, — объявил он.

— Это вас беспокоит?

— Старший с частью воинов остался у реки. Ищут Жало.

— Они убьют его?

— Я приказал доставить его живым.

— Если он дастся живым им в руки, — заметил Павлыш. — И если они совладают с желанием убивать.

— Они должны уже вернуться. Они ищут вдоль скал. На том берегу его нет.

— Вы сами смотрели?

— Да, сам. Воины сказали мне, что он перебрался через реку. Боюсь, что это — только их воображение. Они просто боятся остаться у реки. Там дикие племена. Меня беспокоит, что Жало может найти общий язык с дикарями.

— Ну и пусть находит. Или вы предпочли бы, чтобы он был убит, раз не воинами, то дикарями?

— Лучше бы он умер, — проговорил юноша сухо.

— Да почему же? Я устал от загадок.

Юноша в волнении прошел сквозь ложе, и Павлыш чуть было не сказал ему: «Осторожнее, ударитесь о край». Но не успел — ноги юноши вошли в ложе, будто их отрезало по колени. И через шаг юноша снова восстановился полностью, не заметив даже, что столь свободно проник сквозь очевидное плотное вещество.

— Я продолжаю настаивать, чтобы вы ушли, — произнес юноша. — Я не могу вас удалить отсюда силой.

Павлыш был не в состоянии одолеть охватившее его упрямст-

во. Он подозревал, что, уйди он сейчас отсюда, никогда не узнает, что же все-таки здесь происходит.

— Я боюсь промокнуть, — улыбнулся он.

— Вы же в скафандре, — не оценил юмора юноша.

— Все равно боюсь. Давайте пойдем на компромисс: вы мне вкратце рассказываете, чем вы здесь занимаетесь, — все равно уж обещали. Я тут же покидаю вашу вотчину.

— Вотчина? Не знаю этого слова.

— Ваши владения.

— Точнее, нашу лабораторию. Тогда подождите минуту. Одну минуту.

И юноша исчез. Растворился в воздухе. Замельтешили стрелки приборов и застыли. Роботы стояли неподвижно, будто привыкли, что их хозяин умеет проваливаться сквозь землю. Павлыш невольно оглянулся — не возник ли юноша за спиной у него. Но юноши не было.

Глава 5

ЭКСПЕРИМЕНТ

Юноша появился на том же месте.

— Вы не утомились?

— Почему?

— Я отсутствовал три минуты.

Павлыш вздохнул:

— Я уже привыкаю к тайнам. Может, вы сядете?

— Нет, мне удобнее говорить с вами так.

— А где вы были?

— Я? Выключился. Мне пришлось покинуть лабораторию. Кстати, мне сказали, что «Сегежа» вышла из большого прыжка в этой системе. Так что ждите гостей.

— Спасибо, — кивнул Павлыш. — Вы хорошо информированы.

— В том-то и дело, что недостаточно. Иначе бы не произошло неудачи с обнаружением вас. Я получил разрешение рассказать вам обо всем. Чтобы избежать дальнейших недоразумений.

Наконец-то, подумал Павлыш. Слушать юношу было трудно — он бегал по комнате, взмахивал руками, возникал то перед Павлышом, то сзади, и Павлышу приходилось вертеть головой, чтобы уследить за собеседником.

— Меня здесь нет, — сказал юноша. — Не знаю, поняли вы это уже или нет. Я нахожусь далеко отсюда, на другой планете.

В лаборатории, у себя дома. То, что вы видите, — трехмерное изображение, управляемое мною. Мое изображение. Копия.

— А я решил, что вы способны проникать сквозь стены.

— К сожалению, нет. Зато оптической иллюзии это доступно.

Юноша быстро подошел к Павлышу, прошел сквозь него, и Павлыш постарался отвести голову — инстинктивно: тело успело среагировать на возможный надвигающийся удар, а мозг не успел дать телу приказ оставаться недвижным. Юноша слился на мгновение с Павлышом и тут же оказался позади него, и оттуда донесся насмешливый голос:

— Потускнел ли свет, когда ваши глаза находились внутри меня?

— Честно говоря, не видел, — признался Павлыш. — Я зажмурился. И двойник повторяет все ваши движения?

— Нет, это сложно. Мне бы пришлось бегать часами по лаборатории. Это непрактично. Чаще всего, если не надо покидать храм, я воспроизвожу движения, которые повторяет моя копия. Как сейчас, например. Лаборатория напоминает это помещение храма. Лишь в исключительных случаях моя копия покидает храм. Тогда управление ею усложняется.

— А обычно в этом не возникает нужды?

— Я нахожусь в храме. Старший приходит ко мне за советом и приказами. Отсюда же я могу наблюдать за всем, что происходит в деревне. Поглядите.

Юноша сказал что-то роботу, и тот подкатился к пульту. Один из экранов зажегся, превратился в овальное окно в долину, прорубленное в скале, неподалеку от крайней хижины. Отсюда была видна дорожка вдоль ручья. Перед второй с краю хижиной стояли оба воина, беседовали о чем-то, не спешили возвращаться наверх. Неподалеку, собравшись кучкой, судачили женщины. Порой одна из них забегала в хижину.

По приказу юноши робот увеличивал изображение до тех пор, пока лицо младшего воина не заняло весь экран, так что можно было разглядеть каждую шерстинку на лице, клык, прикусивший нижнюю губу. Воин оглянулся, посмотрел на Павлыша.

— Он не видит экрана, — уверил юноша. — Приемное устройство хорошо замаскировано в скале. У меня здесь еще несколько экранов. Они контролируют различные части долины. Мы установили их во время экспедиции.

— Вы здесь — нечто вроде этнографической экспедиции?

— Не совсем так. Мы в самом деле Великие духи долины, повелители этих существ.

Дождь, сыпавший до того времени редкими крупными каплями, обрушился на деревню, в несколько секунд загнал воинов и женщин в хижины.

— Жалко, что у нас нет мониторов в хижинах. Но это невозможно, пока они не научатся делать каменные дома. В пещеры переселить их не удалось. Там слишком сыро.

Дождь хлестал по улице, вода буравила канавки, стекала к ручью, распухавшему на глазах. Грохот грома донесся до Павлыша — проник сквозь камень стен. Павлыш ждал.

— Планета эта обнаружена нами около ста лет назад. Мы нашли здесь племена, стаи дикарей, разум в которых лишь пробуждался. Это было необыкновенное везение. Не так ли?

— Так, — согласился Павлыш.

— Мы вышли в космос раньше Земли, — сказал юноша. — Мы видели больше, знаем больше. Но лишь здесь нам удалось застать редчайший, коренной момент в создании разумного существа — рождение цивилизации, ее зарю. Мы могли бы устроить здесь базу, столь далеко от дома, в атмосфере, которая непригодна для дыхания, на земле, которая не может родить нашей пищи. Мы могли изменить планету, приспособить ее для себя. Но мы не пошли на это. Мы оставили все как есть. Мы решили следить за ней, за тем, как развивается жизнь — поколение за поколением, ждать, пока они изобретут колесо, научатся разводить огонь, взлетят в небо. И на это, мы знали, потребуется много тысячелетий.

Робот по знаку юноши подкатился вновь к пульту — включил еще один экран. Долина реки терялась в тумане ливня.

— Ничего здесь не увидишь, — огорчился юноша. — Куда же девались воины?

— И мы на Земле не знали, что эта планета уже открыта?

— Ничего удивительного, — ответил юноша. — Планет миллионы. Я, например, впервые узнал о Земле вчера, увидев ваш корабль. Хотя Земля давно вышла в космос.

Ручей превратился в широкий поток, и желтая вода приближалась уже к хижинам, покрывала тропинку, обтекала, вздыбливаясь, забытый на тропинке кувшин.

— Мы установили мониторы в некоторых точках планеты, чтобы наблюдать за жизнью ее обитателей. Но этого было недостаточно. Мы ученые, и для нас возможность поставить эксперимент слишком соблазнительна, чтобы от нее отказаться. И вот лет семьдесят назад — я считаю по земным нормам — мы, группа ученых, добились разрешения провести на планете опыт. Направленный на благо этой планеты. Мы нашли эту долину — достаточно обособленную и легко контролируемую. Здесь обитало небольшое племя. Мы прилетели сюда, остановились в горах. Первым делом взорвали, завалили единственный естественный выход из долины — по крайней мере, тогда мы полагали, что он единственный. Затем приспособили одну из пещер под наблюдательный центр, установили оборудование для связи и контроля, экраны для слежения за повседневной жизнью племени. Затем экспедиция покинула планету, предоставив жителей долины самим себе. И мой предшественник занял место здесь, где сейчас нахожусь я, у пульта в нашей лаборатории. Его оптический двойник вошел в пещеру. Так пещера стала храмом, а он — Великим духом.

— Вы решили управлять развитием жителей долины?

— Да. Мы решили ускорить эволюцию общества. Причем, повторяю, не в масштабе всей планеты — пусть развивается, как ей положено, — мы поставили новый и по-своему грандиозный опыт над небольшим социумом... Вам не кажется, что и большая река выходит из берегов? Я такого ливня просто не помню. Как бы вам не пришлось остаться здесь, пока не схлынет вода.

— Похоже, что так, — произнес Павлыш равнодушно. Сейчас все его внимание было приковано к рассказу юноши. Кончится дождь — вода спадет. Не будет же ливень продолжаться вечно.

— Мы не могли ждать тысячу лет, пока они научатся разводить огонь, и десять тысяч лет, пока они придумают колесо. Но мы могли научить группу людей разводить огонь... Пятьдесят пять лет за этим пультом провел мой предшественник. Пятнадцать лет здесь работаю я.

— Сколько вам лет?

— Много, — улыбнулся юноша. Он спешил. — Каждого ребенка, родившегося в деревне, относят в храм. Воины оставляют его во внешнем помещении, далее ребенок попадает в руки к роботам — они тщательно исследуют его, затем вся генетическая информация передается в лабораторию. Если существуют доступные исправлению генетические изъяны — они исправляются. Если ребенок непригоден для дальнейшего воспроизведения потомства, мы принимаем меры, чтобы потомства у него не было. Иногда приходится идти на ликвидацию особей. Долина невелика, и приходится тщательно контролировать количество едоков.

— Вы их убиваете?

— Для блага остальных. Не будь этого — долина была бы уже перенаселена, а мы не можем привозить сюда пищу или загонять в долину долгоногов. Не смотрите на меня укоризненно — вы забываете, Павлыш, что мы проводим эксперимент. Цель его — ускорение эволюции на планете, то есть благо для планеты. Не уничтожь мы никуда не годного ребенка, из которого вырастет идиот или бесплодный мутант, он умрет сам по себе, но предварительно отнимет у достойных пищу.

— Но почему не дать части племени покинуть долину?

— Потому что эксперимент — а вы как ученый должны знать это — может проводиться лишь в чистой обстановке. Внешние

факторы слишком сложны, чтобы их учесть. Остальная планета для нас — контрольный полигон. Только тщательно изолировав долину, мы можем понять сравнительный ход эволюции. На чем я остановился? Да, мы внимательно наблюдаем за каждым ребенком в племени, мы должны выяснить, на что он способен, должны подыскать ему потенциальную пару — ведь то, что природа совершает, перебрав множество ошибочных вариантов, вслепую, мы должны делать безошибочно. Наконец, в один прекрасный день мы вызываем подростков в храм, где вновь обследуем их, подвергаем влиянию направленной радиации для того, чтобы в их потомстве вызвать благоприятные мутации. А волю нашу — кто на ком должен жениться, кому чем заниматься, где жить, — сообщает Старший. Уходя из храма, подростки забывают, что здесь было, — лишь помнят сияние Великого духа и знают, что воля его нерушима.

— И у вас никогда не бывает срывов?

— Никто не гарантирован от этого. Мы не волшебники, а ученые. Мы — повитухи новой разумной цивилизации. Может быть, со стороны наша работа иногда кажется недостаточно гуманной, — кивок в сторону Павлыша. — Но есть старая русская поговорка: «Лес рубят — щепки летят».

— Вы замечательно выучили язык. Когда и как?

— Не напоминайте. Пока я мучился с языком, вы успели проникнуть в долину.

— Так на планете у вас есть хранилище языковой информации?

— Да, в том числе все основные языки Земли. Информационный раствор вводится прямо в мозг. Это ускоряет дело, но если бы вы знали, насколько это неприятно! Инфорастворы незаменимы и здесь. На других планетах обучение земледелию длится сотни поколений. В долине это заняло полчаса. Выйдя из храма, обработанные туземцы знали о пахоте, севе и уборке все, что им положено было знать. Разумное существо не должно тратить столетия на освоение простых навыков.

Павлыш поднялся с ложа, подошел к юноше и остановился в двух шагах. Неприятно было сознавать, что можно протянуть руку и пронзить собеседника пальцем.

— Была другая поговорка, вернее, девиз иезуитов: «Цель оправдывает средства». Девиз сомнительный.

— Когда вы помещаете животное в зоопарк, вы также проявляете к нему жестокость. Вы заставляете его трудиться в цирке или таскать повозки. Вы режете обезьян, прививаете им мучительные болезни.

— Но мы делаем это для людей. Разница между нами и животными — разум.

— Где начинается разум? Только ли инстинктами руководствуется обезьяна? Вы сказали, что, производя опыты над животными, руководствуетесь благом разумных существ, царей природы. Мы не пошли бы на то, чтобы вмешиваться в жизнь существ, добившихся права называться разумными. Жители этой планеты лишь делают первые шаги к разуму. Им нужен ментор, учитель, ибо путь к разуму мучителен и долог. Ментор может облегчить этот путь. В конце концов, укорачивая этот путь, мы оберегаем их от излишних жертв. Вами же сейчас руководят чувства. Настоящий ученый обязан отказаться от чувств. Чувства приводят к трагедиям.

— Да, — согласился Павлыш. — Мной руководят чувства, но... Я говорил с вашими подопытными кроликами, со Старшим...

— Старший — умница, великолепная мутация, гордость моего предшественника...

— Вот видите. А мне он неприятен...

— Опять эмоции. Он помощник богов. Когда-нибудь ему поставят памятник в этой долине. Его благодарные потомки.

— Но я говорил и с Жало, и с Речкой. Думали ли вы, что заставило их, с таким риском для жизни, убежать из долины? Инстинкт?

— Не совсем так. Жало попал под влияние Немого Урагана. Немой Ураган был чужим в этой долине. Он попал в нее случайно, через неизвестный нам ход в скалах. Мы позволили ему остаться здесь, так как думали, что влияние его будет ничтожным. Даже интересно было подключить свежую генетическую струю в нашу группу. Мы ошиблись. Его пришлось со временем ликвидировать.

— Почему?

— Он не прижился в долине: привык к большим просторам. Он охотник. Кроме того, организован куда ниже, чем наши подопечные. Даже речевой аппарат у него был недостаточно развит. Мы бы с удовольствием отпустили его на волю. Я уже намеревался стереть у него память о долине и приказать воинам унести его к реке. Но он убежал раньше, чем я успел привести свой план в исполнение. Вернули его в безнадежном состоянии. Он все равно бы умер. Излишняя мягкость привела к неприятностям.

— Вы очень легко это говорите.

— Мне лично искренне жалко этих существ. Как жалко любое живое существо, будь оно разумным или нет. Но в долине, должен признаться, мы не единственные хозяева. Старший также обладает определенной властью. И власть эта зиждется на обычаях, выработанных не только нами — коллективный разум племени тоже фактор, с которым мы считаемся. За семьдесят лет роди-

лась и оформилась мифология племени, традиции и порядки, тем более и это входит в эксперимент. Так вот, племя приносит в жертву богам больных и раненых. Они мешают жить племени — живому социальному организму. Организм от них избавляется. Когда мы столкнулись с туземцами — они просто-напросто пожирали друг друга. Теперь они убивают их в храме и оставляют нам для исследований. Без нас результат был бы тот же самый — с той только разницей, что они продолжали бы пожирать своих ближних. Ураган был принесен в жертву. Но он успел внести смуту в жизнь нашего племени. Он внушил молодым пустые мечты...

— Вы противоречите себе. Мечта — понятие, свойственное лишь разумным существам.

— Хорошо, я неправильно выразился. Не мечту — возбудил в них желание вырваться из долины к реке, на широкие просторы, где много пищи. То есть действовал верным путем — через желудок. Приятнее питаться мясом, чем зерном. Мы же научили туземцев сельскому хозяйству и сократили, частично сознательно, частично по необходимости, мясной рацион. Жало — молодой энергичный представитель племени. Присмотритесь к нему внимательнее — волосяной покров на нем реже, он выше других туземцев и держится прямее. Если мы его потеряем, я буду искренне расстроен — я возлагал на него большие надежды как на производителя. Я хотел поглядеть, какое получится потомство от него и дочери Старшего. Крайне любопытно. Может быть, именно здесь мы совершим скачок вперед, сэкономим несколько десятилетий. И я не теряю надежды, что Жало найдется.

— А Речка?

— У Речки плохая наследственность. Она не стабильна, слишком эмоциональна. Мне вообще бы не хотелось, чтобы у нее были дети.

И тут Павлыш вдруг почувствовал, что его перестает интересовать разговор. Даже не мог понять почему. Как будто он уже слышал когда-то раньше, что скажет увлекшийся юноша, и знал, что на каждое возражение Павлыша у него будет разумный ответ, и знал даже, что ему никогда не поколебать глубокой уверенности экспериментатора в правильности и нужности всего сделанного в этой долине. Когда-то греки верили в судьбу, в предопределенность. В трагедиях люди поднимались против рока и терпели неизбежное поражение, ибо судьба их была заранее решена. В действительности дела у греков обстояли не так уж плохо — трагедии чаще всего оставались трагедиями на сцене. Люди, восставшие против рока, порой добивались успеха. Потому что богов на самом деле не было. Жизнь долины показалась Павлышу осуществленной греческой трагедией. Люди в ней не только верили в предопределенность судьбы, в существование духов, расписавших наперед каждый шаг, но они при этом не ошибались. Духи правили ими и на самом деле. Стоило родиться младенцу, как вся жизнь его была уже рассчитана наперед умными и неподкупными автоматами: известно и когда он женится, и сколько у него будет детей, и чем он станет заниматься. И если кто-нибудь восставал против судьбы, то его наказывали, жестоко и неумолимо. Великие духи и их слуги на планете — воины Старшего.

И вот тогда Павлыш, продолжая вполуха слушать бесконечную вязь слов увлекшегося экспериментатора, понял, что если раньше он сочувствовал Речке и Жало, поскольку спас их от смерти (частично запланированной духами, потому что именно они поставили Белую смерть стеречь проход в скалах, открытый Ураганом) и этим выделил их из безликой пока толпы жителей долины, то теперь вдруг увидел в беглецах героев греческой трагедии, восставших против судьбы, неумолимой и бесстрастной. Шансов победить у них не было. И все-таки, как и положено героям трагедии — жаль, что ни Жало, ни Речка никогда не смогут прочесть Эсхила или Софокла, — отступать они не хотели.

— Вы можете мне возразить, — донесся откуда-то издалека ровный голос юноши, — не руководило ли Речкой чувство, называемое у людей любовью? Отвечу: может быть. Допустимо назвать любовью и отношения у собак: самка следует за самцом. Но с моей точки зрения, Жало не осознавал, что именно генетическая неустойчивость Речки, первобытная дикость, заложенная в нее отцом, лишь недавно преодоленная жителями долины, разбудила в нем атавистические чувства — чувства хищника, стремящегося вонзить клыки в теплый бок долгоногов...

— Смотрите, кто-то пришел, — перебил его Павлыш.

* * *

Роботы, как по команде, повернулись ко входу. Оттуда донесся стук.

— Старший, — произнес с облегчением юноша. — Это стучит он. Он не имеет права войти сюда. Хотя, подозреваю, заглядывал. Старшему свойственно любопытство.

Юноша быстро прошел к двери.

Павлыш остался стоять. Роботы глядели на него сердито, а может, это Павлышу показалось. Неужели они поймали Жало? Нет, они не убьют его. Он слишком ценный генетический материал. Он нужен. Но уже никогда он не увидит больше широкой равнины. И никогда Речка не будет бежать рядом с ним, потому что Жало должен способствовать успеху большого опыта.

Павлыш подошел к экрану, смотревшему на реку. Ливень продолжался. Река широко разлилась по равнине, подступила к

самым скалам, вершины деревьев выступали темными холмами над бурлящей водой. Нет, сейчас до корабля не добраться.

— Я отпустил его. — Юноша возвратился в комнату. — Жало они не поймали, и я имею все основания полагать, что он погиб в наводнении.

Юноша тоже подошел к экрану и вгляделся в бешенство воды.

— Нет, ему не выжить.

Он вздохнул печально.

— Это был замечательный самец. Со временем он стал бы вождем племени.

— Мне тоже жалко его, — сказал Павлыш. — Но иначе. Не из-за эксперимента.

— Знаю, — горько улыбнулся юноша и развел в стороны длинные нервные руки. — Но что делать? Разум предусматривает терпимое отношение друг к другу. Устал я сегодня. Пора отдохнуть.

Юноша еще раз взглянул на экран, потом обратился к Павлышу:

— Вам сейчас рискованно выбираться обратно. Оставайтесь здесь. Поспите. Вас здесь никто не побеспокоит. Эти ливни кончаются через несколько часов. Вскоре спадет и вода в реке. Спите, вы тоже сегодня устали.

— Спасибо, — ответил Павлыш. — Я воспользуюсь вашим приглашением. Надеюсь, Жало жив.

— Вы забываете, как мало ценится жизнь в первобытном обществе. Через несколько дней все, включая саму Речку, позабудут об этом молодом существе. Они по-своему дети — тупые, неразвитые дети.

— Да, кстати, — спросил Павлыш, — если вы изолировали небольшое племя, не приведет ли это к вырождению?

— Это важная проблема. Мы влияем на генетическую структуру, пробуем различные типы мутаций. Иногда получаем любопытные результаты — даже появляется соблазн вывести новые расы — трехглазых, двухвостых существ и так далее. У нас поговаривают, что на планете, на другом ее континенте, будет со временем создана вторая лаборатория — там станут прослеживать возможные варианты физической эволюции. Постараемся конкурировать с природой. Это пока не решено.

— Спокойной ночи, — попрощался Павлыш.

— У вас с собой есть пища?

— Да, — сказал Павлыш. — Я и не голоден. Устал.

— Я ухожу. Эта работа порой утомляет. Хочется уехать на год-два отдохнуть, подытожить сделанное.

— А что вам мешает?

— Чувство ответственности, — ответил юноша. — Я не могу

бросить долину на произвол судьбы. Каждый день чреват неожиданностями. Я ментор, и мой долг находиться рядом. Никто, кроме меня, не знает в лицо каждого обитателя долины, не знает их привычек и наклонностей. Трудно быть божеством...

— Вы подвижник, — признал Павлыш.

— Да, — согласился юноша, и он был похож в этот момент на молодого, полного энтузиазма миссионера, готового пойти на плаху в еретическом государстве и гордого тем, что именно ему предоставлена такая возможность. — Но представляете себе, как прекрасен будет тот день — и я надеюсь дожить до него, — когда я смогу сказать уверенно: «Вы разумны, мои дети. Учитель вам больше не потребуется».

— Наступит ли он? — с сомнением произнес Павлыш.

* * *

Когда юноша снова растворился в воздухе, погасли экраны, отодвинулись к двери роботы и дверь опустилась сверху, беззвучно скользнув в пазах, Павлыш понял, что безумно хочет спать. Если бы он не так измотался за короткий день, то, может, подумал бы, что оказался в тюрьме. Если, скажем, миссионеру придет в голову временно изолировать незваного гостя. А впрочем, все равно. Утро вечера мудренее. Правда, когда проснешься, никакого утра не будет — только-только разгорится день, начавшийся много часов назад.

Павлыш аккуратно разложил баллоны, скафандр, припасы на полу рядом с ложем, оставил лишь нагубник. А ночью, неловко повернувшись, выпустил его изо рта, но не заметил этого — юноша, оказывается, приказал роботам повысить содержание кислорода в помещении. Павлыш спал долго, иногда проскальзывали сны, смутные, незапоминающиеся, злые. Приходилось убегать от кого-то, и бегство прерывалось желтыми мутными потоками, что-то бормотал обиженно Старший, и возвращались минуты крушения «Компаса».

Когда Павлыш проснулся, юноши все еще не было — то ли он спит дольше, то ли вызвали к начальству или на совещание, то ли сидит в своей лаборатории, думает, как избавиться от Павлыша и убрать неожиданные поправки, внесенные в продуманный эксперимент беспокойным землянином.

Зубы почистить нечем — забыл захватить пасту, — не было и воды умыться. Павлыш встал на голову, поболтал ногами, чтобы разогнать кровь в жилах, роботы от изумления придвинулись ближе, включили какие-то приборы на пульте — видно, регистрировали необычную позу, полагали ее частью эксперимента.

Позавтракал Павлыш не спеша, потому что надо было решить — то ли сразу, как придет копия юноши, уходить на корабль, нельзя же громить чужую лабораторию из-за того, что ты, Павлыш, по своим земным меркам решил судить чужую цивилизацию, то ли потянуть время, остаться еще на день, узнать побольше о жителях долины и заодно о миссионере, чтобы вернуться к спору с ним, имея в руках не только эмоции, но и факты.

Решив придерживаться второго варианта, Павлыш подошел к пульту и, дожевывая бутерброд, попытался разобраться, как включаются экраны обзора. Встревоженный робот подкатил поближе, желая сохранить приборы от чужого, но Павлыш успел нажать нужную кнопку.

Экран, глядевший в деревню, показал стихший, измельчавший дождь, воду вровень с полом хижин и безлюдье. Деревня и даль долины за ней были окутаны серым серебристым светом — поднявшееся высоко солнце пробивалось сквозь облака. Дождь кончался.

Второй экран, направленный в сторону реки, также оказался окном в серебристый день, подобный последнему дню потопа, когда бог уже устал поливать мир водой, но не собрался еще разогнать тучи. С возвращением придется подождать.

Сидеть взаперти также не входило в планы Павлыша.

Он дожевал бутерброд, выпил кофе, оделся. Оставалось лишь защелкнуть забрало шлема, и он готов покинуть скучный храм. Юноша не появлялся.

В последующие полчаса Павлыш перезарядил камеры, детально ознакомился со своей тюрьмой, пытаясь найти способ связаться с лабораторией, чтобы поторопить или разбудить юношу. Решил было нажимать все кнопки подряд, пока хозяева не прибегут остановить нахала, и лишь природная воспитанность удерживала Павлыша от этого решительного шага. Наконец, не выдержав, он занес уже ладонь над первым рядом кнопок, как движение на экране заставило ладонь замереть в воздухе.

Мерно шлепая по воде и грязи, к деревне приближались воины, которые кого-то несли. Павлыш пригляделся. Это была Речка. Старший семенил сзади, порой широко разевая пасть, видно, приказывал, подгонял. Деревня молчала, никто не вышел навстречу, не выглянул из хижин.

Рядом, на втором экране, который глядел за пределы долины, мелькнуло что-то черное.

Павлыш кинул взгляд туда. По реке, еле отличаясь от плывущих стволов, неслась длинная долбленая лодка. Люди в ней казались вертикальными черточками. Лодка приближалась. Павлыш увеличил изображение, а сам снова посмотрел на первый экран.

Мать Речки метнулась к воинам, вцепилась в шерсть Старшему. Тот рванулся вперед, оскалился, присел, испугался.

Лодка приближалась. У людей в ней были копья.

Старший крикнул что-то. Воин обернулся и занес копье над женщиной.

Лодка разворачивалась, приближалась к обрыву, она шла прямо на камеру. Павлыш не был уверен, что на носу стоит Жало. Надо было подождать еще несколько минут.

Женщина упала на тропинку, забилась в воде, лужа темнела от ее крови. Воины продолжали свой неторопливый шаг. Старший догнал их. Люди из хижин подходили к лежащей женщине. Молчали.

Лодка приближалась к обрыву.

— Что случилось, Павлыш? Вы решили разрушить лабораторию? Этого еще не хватало. Я готов проклясть день...

Павлыш не мог объяснить себе, почему он выключил второй экран. Он не хотел, чтобы юноша увидел лодку. Он надеялся, что на носу ее стоит Жало — погибший при наводнении, упрямый Жало.

— Они убили женщину, — сказал Павлыш. — Посмотрите. Это тоже входит в эксперимент?

— Да, прискорбно, — произнес юноша.

Он дал еще большее увеличение, но экран показывал лишь спины, сомкнувшиеся вокруг убитой женщины. Волосатые, согнутые спины.

— Как это случилось?

— Откройте дверь, — попросил Павлыш. — Я не смог. Они волокут Речку наверх. Старший берет власть в свои руки.

— Не может быть. Успокойтесь, Павлыш. На ранних этапах развития общества власть вождя безгранична.

— Вы сами уверяли меня, что контролируете всю жизнь долины. Или Речка и в самом деле не устраивает вас как нестабильный тип?

Павлыш увидел, что дверь поднимается кверху.

— Подождите здесь, — сказал юноша. — Поверьте, я справлюсь без вас. Мы не имеем права подрывать авторитет Старшего. Он нам нужнее, чем половина деревни.

Павлыш не послушался. Он выбежал вслед за юношей в полутемный круглый зал, последовал дальше, к выходу, к серебристому дождю, шуму капель, крикам воинов, стону Речки, резким приказам Старшего. Процессия приближалась к храму.

— Остановитесь! — Голос юноши разнесся далеко по долине.

Интересно, подумал Павлыш, как они решили проблему передачи звука?

Воины остановились, бросили Речку на землю.

— Старший, вступи в храм, — приказал юноша.

— Слушаюсь, Великий дух, — ответил Старший, склоняясь к земле. Он поднялся по каменным ступеням, остановился перед духом. — Речка не будет жить, — произнес Старший просто.

— Я не говорил тебе этого.

— Речка не будет жить. Если она будет жить, завтра два, три, четыре других убегут из долины. Они скажут: Старший не велик. Духи оставили его.

— Ты убил ее мать.

— Она подняла руку на меня. Она хотела меня убить. Мои воины оказались быстрее.

Юноша развел руками, сказал Павлышу по-русски:

— Вы же видите, он логичен.

— И вы согласны с ним?

— Он думает не о себе. Он думает о судьбе общины.

— Удобное оправдание.

— Вы неразумный собеседник.

— А вы жалеете, что я здесь. Вы не уверены в абсолютной правильности ваших поступков. События выходят из-под контроля, но вы продолжаете цепляться за иллюзию чистого эксперимента. Не будь меня, вы бы тут же санкционировали казнь девушки. Тем более что она представляет для вас интерес как объект патологоанатомического вскрытия.

— Вы правы, — ответил сухо юноша.

Старший ждал. Он был уверен в своей правоте.

— Я не могу вмешиваться в их решения, — объяснил юноша Павлышу.

Павлыш ничего не ответил. Он знал, что не отдаст им Речку, что бы ни делали воины, Старший и бесплотный миссионер. И еще он мысленно пошел по пещере вместе с теми, кто находился в лодке. Если там был Жало. И он не хотел говорить юноше о лодке. Лодку он приберегал как неотразимый аргумент в их споре.

— Что ты будешь делать с Речкой? — спросил юноша.

— Исполню волю духов, — произнес Старший, и Павлышу показалось, что он чуть улыбнулся. Боги всемогущи, но богам можно польстить, богов иногда можно и обмануть — пусть думают, что Старший подчиняется им беспрекословно.

— Тогда отпусти ее, — вмешался Павлыш.

Старший удивился. Ответил не Павлышу, ответил юноше:

— Духи говорят: Старший наказывает виновных и кормит людей. Старший не наказывает виноватых — Старшего убьют. Некому будет кормить людей.

— Отдайте Речку мне, — предложил Павлыш по-русски.

— Что вы с ней будете делать? Возьмете на Землю? Поместите в зоопарк?

— Нет, она будет жить на этой планете. Но я помогу ей найти племя ее отца.

— Пусть она будет жертвой Великому духу, — настаивал тихо Старший. — Великий дух любит жертвы.

— Делай как знаешь, — разрешил юноша.

— Мы отдаем тебе ее тело, — продолжал Старший, вновь склоняясь перед юношей. — И тело ее матери. Ты будешь смотреть внутрь них и читать знаки судьбы.

Речка очнулась. Приподнялась на локте, узнав Павлыша.

— Дух, — сказала она, — мне больно. Где Жало?

— Не беспокойся, — ответил Павлыш. — Жало придет.

— Не говорите глупостей, — прервал юноша.

Он спустился по ступеням, подошел к Речке.

Воины и Старший смотрели на него.

Павлыш взглянул вверх. По его расчетам, те, другие, должны были появиться у входа в пещеру.

Ему показалось, что темная фигура мелькнула на краю обрыва и скрылась.

Внизу, у ручья, стояли, не расходились, жители деревни.

Дождь почти перестал, и ветер разгонял облака, рвал их на части.

— Вы можете сказать, что Речка нужна вам в храме, — крикнул Павлыш юноше, оттягивая время.

— Законы, по которым живут эти существа, выше наших с вами желаний, Павлыш.

— Законы созданы вами.

Наверху были люди. Павлыш старался смотреть туда, не поворачивая головы, не выдавая движением своей заинтересованности в происходящем там, у пещеры.

— Веди ее, — велел юноша.

Потом поглядел на Павлыша. Голос его был грустен.

— Вы чужой здесь, не знающий ни психологии, ни судьбы этих существ, стараетесь сломать их жизнь, ввергнуть их вновь в пучину дикости. Что руководит вами?

Воины по знаку Старшего подхватили Речку под мышки.

— Дух, — крикнула Речка Павлышу, — меня не убьют?

— Нет, — ответил Павлыш громко. Он хотел обратить на себя внимание. Они вот-вот появятся из-за поворота. — Я говорю тебе...

И не успел договорить.

Жало стоял на тропе у поворота, в нескольких метрах выше.

Он размахивал пращой и показался Павлышу схожим с юным Давидом.

Камень ударил Старшего в плечо, тот пошатнулся, попытался повернуться в сторону, откуда прилетел камень, но не успел, потому что второй человек, вставший рядом с Жало, пригвоздил его к земле дротиком.

Воины, рыча, бросились вверх, забыв о духах и о Речке.

Только двое из них успели добежать до Жало — дротики охотников поражали их на бегу. Наверху завязалась драка, и Жало, вырвавшись оттуда, громадными прыжками бросился вниз, к Речке.

* * *

Солнце уже начало клониться к горизонту, хотя до заката оставалось много часов, когда Павлыш вышел из пещеры и остановился у груды камней.

Жало стоял сзади. Он проводил Павлыша до выхода. В руке у него было раздвоенное копье воина. Копье было велико и тяжело, и Жало прислонил его к скале.

— Ты вернешься, дух? — спросил он.

— Постараюсь, — ответил Павлыш. — Но не обещаю.

— Я скажу в деревне, что вернешься, — сказал Жало уверенно.

— Ладно уж, — улыбнулся Павлыш.

— Дай мне свет, — попросил Жало.

— Какой свет?

Жало показал на запасной фонарь Павлыша.

— Зачем тебе?

— Ночью я пойду по долине. Там есть разные звери.

Жало очень хотелось получить фонарь, приобщиться к великому колдовству.

— Я мог взять сам, — добавил Жало. — Ты не видел. Я не взял. Дай.

— Ваше благородство, молодой человек, переходит всякие границы, — произнес Павлыш по-русски, выключив лингвиста.

Жало не понял, протянул руку. Павлыш отстегнул фонарь. Когти твердо сомкнулись вокруг трубки, Жало нажал кнопку. Свет фонаря днем был слаб, и Жало направил его в глубь пещеры.

— Хороший свет, — заключил он. — Я пошел. Люди Немого Урагана начнут пир без меня. Это плохо.

— Это и в самом деле плохо, — согласился Павлыш. — Они все съедят.

— Нет, все не съедят, — серьезно ответил Жало. — Я великий охотник и великий воин. Мне оставят пищу.

— Ладно, иди, нахал. Смотри, чтобы Речка лежала, и пусть старуха дает ей травы.

— Я знаю, — сказал Жало.

И ушел. Повернулся и ушел. В долине еще не научились прощаться. Кроме того, Жало, хоть и считал себя великим охотником, не был уверен, что ему оставят мяса.

У реки Павлыш задержался. Вода спала, но река все еще была мутной, бурной, быстрой. Придется забираться под воду, и может снести. Павлыш проверил, хорошо ли приторочены камеры.

— Вы ушли, когда меня не было, — прозвучали слова юноши.

Юноша подошел беззвучно, как и подобает духам.

— Я бежал за вами от самого храма, Павлыш. На это уходит много энергии.

— Мы с вами обо всем поговорили.

— Да. Почти обо всем. Я хотел задать еще один вопрос.

— Какой?

— Вы включали второй экран?

— Да.

— И видели, как дикари подбирались к долине?

— Вы сами предостерегали меня от вмешательства в жизнь планеты.

— Но не будь вас, Жало никогда бы не добрался до племени Немого Урагана.

— Оставайтесь при своем мнении, — ответил Павлыш, делая шаг вперед. Вода вздыбилась, обтекая башмак. — Я могу дать слово, что, не случись истории с Жало сегодня, через месяц, через год все равно бы что-нибудь случилось. Так всегда бывает, когда ставят эксперимент над разумными существами, основываясь лишь на их инстинктах и не желая увидеть остального. Вы хотели превратить неразумных существ в разумных и потому отказали им в праве на разум. Я, честно говоря, доволен, что так вышло. У меня с самого начала сложилось о Жало и Речке особое мнение. И, чтобы убедить в этом вас, потребовались драматические события.

— Кое в чем вы правы, — признался юноша, догоняя Павлыша и шагая по воде, чуть касаясь ее ступнями. — Ошибки бывают в любом деле.

— Если выберете нового вождя, не останавливайте свой выбор на Жало. Он склонен к хвастовству.

— Я думал об этом.

— А хвастовство — типично человеческое качество.

— Прощайте, — сказал юноша. — Лучше было бы, если бы вы не пришли сюда.

— Прощайте, — ответил Павлыш. — Я не жалею, что пришел.

По крайней мере, теперь вам долину не закрыть снова. У людей будет много мяса, и мир их станет шире.

— Да, эксперимент придется модифицировать. Но мы его не прекратим. Слишком много вложено сил.

— Я и не сомневался, — произнес Павлыш.

Вода уже добралась до пояса, пошатывала его, влекла в глубину, и бредущий по воде юноша говорил сверху, почти с неба.

Павлыш шагнул вперед и ушел в воду по грудь, потом с головой.

Когда он выбрался на другой берег, юноши уже не было.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Глава 1

С ОПОЗДАНИЕМ НА ГОД

1

СУДОВАЯ РОЛЬ К/К[1] «СЕГЕЖА», ПОРТ ПРИПИСКИ — ЗЕМЛЯ-14, Г/П 304089[2]

Капитан корабля — Загребин Геннадий Сергеевич.
Старший штурман (старпом) — Баков Алексей Иванович.
Старший механик — Лещук Александр Александрович.
Второй штурман — Бауэр Глеб Андреевич.
Второй механик — Антипин Иван Филиппович.
Третий штурман — Кудараускас Зенонас.
Третий механик — Ткаченко Кира Сергеевна.
Врач — Павлыш Владислав Владимирович.
Радист — Цыганков Юрий Петрович[3].
Повар — Ионесян Эмилия Кареновна.
Практиканты — Райков Христо, Панова Снежина[4].
Пассажиры — корона Аро, корона Вас.

2

СРОЧНО Г/П 304089 КАПИТАНУ ЗАГРЕБИНУ ПО ДОГОВОРЕННОСТИ С ГАЛАКТИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ ВАМ ПРЕДПИСЫВАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРЕРВАТЬ ПОЛЕТ В СЕКТОРЕ 31-6487 ОЖИДАТЬ К/К КОРОНА КЕНШ Г/П 312 ПРИНЯТЬ НА БОРТ ПАССАЖИРОВ И ГРУЗ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ ШАХТ ТИТАНА ПЕРЕГРУЗИТЬ НА К/К КОРОНА КЕНШ ПРОДОЛЖАТЬ ПОЛЕТ СОГЛАСНО УКАЗАНИЯМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕНТРА ЖЕЛАЕМ УСПЕХА ЗЕМЛЯ-14 КОЛЛИ

Малыш подписал бланк, поставил время: 8 часов 40 минут. Время судовое. Сеанс связи с Землей должен начаться только через два часа.

Малыш включил экран внутренней связи. На мостике капи-

---

[1]К/к — космический корабль.
[2]Г/п 304089 — галактические позывные к/к «Сегежа».
[3]Более известен под прозвищем Малыш.
[4]Стажеры Софийского института космических исследований.

тан был не один. Он стоял, наклонившись над столом с картами, большими ладонями придавив края, и оба стажера — Снежина и Христо — заглядывали через его плечи, слушали.

«Лучше поднимусь сам, передам мастеру, — подумал Малыш. — Радиограмма персональная, срочная».

Малыш подтвердил прием и выключил передатчик. Сигнал подтверждения, помчавшийся к Земле-14, представился ему в виде зримого тела, пропадающего из глаз, несущегося между потоками метеоров и космических лучей туда, где за много миллионов километров ждет его Агнесса Колли. Нет, она не ждет. Она знает, что сигналу добираться почти полчаса. Она оборачивается к напарнику, рыжему Ахмеду, просит его сбегать за кофе. И Ахмед бежит. А Агнесса, пользуясь минутой одиночества, достает спрятанное в журнале метеоритных сводок письмо от Юры Цыганкова, которого она никогда не называет Малышом и не любит, если называют другие. Письмо уже потерлось на сгибах — кончается вторая неделя, как «Сегежа» стартовала к Титану. Ахмед возвращается с чашкой кофе, Агнесса незаметно прячет письмо. Ахмед улыбается и говорит, что у него есть два билета...

Часы над головой прозвенели четвертушку часа. Восемь сорок пять. У Малыша испортилось настроение. Почему он решил, что Агнесса перечитывает его письмо? Она могла выбросить его, не распечатывая. Малыш включил авторадиста, вышел в коридор.

Коридор был наполнен негромким, многозвучным гулом. В нем сливались далекие голоса, шорох воздуха в кондиционерах, пришептывающие шаги роботов, звон посуды в буфетной — и все эти звуки растворялись, перемешивались и тонули в монотонном, утробном говоре двигателей.

Малыш остановился, с удовольствием прислушиваясь к голосам корабля, одернул куртку, пришлепнул ладонью волосы. И увидел доктора Павлыша. Доктор вышел из своего кабинета. Он нес рулон белой бумаги, подгребал им, как веслом. Доктор был более других на «Сегеже» похож на идеального космонавта. В порту, на Земле, он облачался в голубой мундир космонавта дальнего плавания; глаза его принимали тогда цвет горного озера, а серебряная змея, обернувшись вокруг чаши над верхним карманом, почему-то производила впечатление штурманского штурвала. Девушки называли его «капитаном». Павлыш улыбался чуть загадочно.

Малыш не устоял перед искушением. Он вспомнил, что доктор все уши прожужжал Снежине об аметистах Титана, хотя сам на Титан не ходил.

— Послушай, Слава, — сказал Малыш. — На Титан не идем.

— Что случилось? — спросил доктор.

— Срочная с Земли, — сказал Малыш, показывая ему издали бланк, и хотел проследовать дальше.

— Стой. — Слава преградил путь рулоном бумаги. — Не веди себя как женщина.

— А как? — спросил Малыш.

— Знаешь, они говорят: «Ах, что я знаю, но тебе не скажу».

— Чудак. Видишь же: лично капитану. Выходим на рандеву с «Короной Кенш». Знаешь такой? Г/п 312?

— Еще бы! Это же Галактический центр. Пойду скажу Снежине.

«Ну вот, — подумал Малыш, оставшись в одиночестве. — Почему это не я скажу Снежине?»

— Как дети малые, — пробурчал он сам себе, открывая дверь в рубку. — Скажу, не скажу...

— Ты кому? — спросил Глеб Бауэр, вахтенный штурман.

— Себе.

— Что за депеша?

— Мастеру, — ответил Малыш строго.

— А почему не вовремя? — спросил Бауэр. Он сидел на диванчике в штурманском закутке и читал лоцию сектора. — Что-нибудь серьезное?

Малыш молча прошел в рубку. Загребин стоял у большого экрана, рассказывал какую-то байку практикантам; те хлопали глазами от восторга и по наивности верили каждому слову. Малыш не спеша подошел к ним и встал лицом к мастеру. Рядом с Христо. Сделано это было с намерением — Христо невелик ростом, а Снежина значительно превосходила Малыша, и тот не любил стоять с нею рядом.

— Геннадий Сергеевич, — сказал Малыш, — вам срочная с Земли.

Загребин погасил сигарету о пепельницу, прикрепленную к ободу большого экрана, прочел телеграмму медленно и обстоятельно, даже чуть шевелил губами.

Малыш посмотрел на Снежину и обрадовался, что Павлыш не успел ей ничего сказать.

— Что там? — шепнул Христо, толкнув Малыша локтем. Загребин протянул вдоль пульта большую, мягкую, покрытую веснушками кисть, включил внутреннюю связь.

— Старшего помощника прошу подняться на мостик, — сказал он.

Потом обернулся к Малышу и спросил добрым — обманчиво добрым — голосом:

— Команда уже оповещена?

— Я сюда прямо из рубки, — ответил Малыш. — Разве не понимаю?

— Между приемом и вашим появлением здесь прошло десять минут. Издалека шли?

Дверь отъехала в сторону. Старпом Баков возник на мостике. Скорость, с которой он преодолел расстояние от своей каюты до мостика, была фантастической, но при том Баков сохранял спокойствие и делал вид, что не спешит.

— Учись, — сказал капитан Малышу. — Алексей Иванович, прочтите, — продолжал он.

Малыш отступил на несколько шагов, натолкнулся спиной на Глеба Бауэра. Тот уже поднял с диванчика два метра своих костей и сухожилий. Малыш задрал голову и сказал тихо:

— На Титан не идем. Срочная с Земли-14.

— Шутишь, дуся, — сказал Глеб.

— Глебушка, — позвал капитан. — Брось ты эти вторичные источники информации. Разыщи сектор три-один-шесть-четыре-восемь-семь. Запомнишь? Или повторить?

Через сорок три минуты «Сегежа» начала торможение. К этому времени содержание телеграммы было знакомо всему экипажу.

3

Некоторые особо деликатные операции Эмилия Кареновна никому не доверяла, тем более роботам. К их числу относилось мытье и вытирание голубого сервиза. Как-то, еще в прошлом рейсе, она поручила достать его из шкафа Гришке, кухонному роботу. Тот одну чашку тут же разбил. Не хватало и еще одной чашки: ее уронил Зенонас Кудараускас — поставил мимо стола.

Иногда, если накатывало плохое настроение и надо было успокоиться, отвлечься, тетя Миля осторожно извлекала тонкие фарфоровые чашки из гнезд в шкафу, обдавала их теплой водой и насухо протирала чистым махровым полотенцем.

За полуоткрытой дверью трепетали голоса; приглушенный, доносился грохот из трюмов. Тетя Миля перетирала голубые чашки.

— В первом же порту расчет, — говорила она, глядя в белую стену буфетной. — В первом же порту.

Крупная слеза сорвалась с ее ресницы и гулко щелкнула по тонкому фарфору. Тетя Миля подставила чашку под кран, смыла слезу.

В коридоре заверещали роботы, и Глеб Бауэр прикрикнул на них, чтобы не портили обшивку.

Снежина заглянула в буфетную, хотела напиться, увидела,

что тетя Миля перетирает чашки, заподозрила неладное, взмахнула большими красивыми руками:

— Что-то случилось? Кто вас обидел, Эмилия Кареновна?

— Никто, — сказала тетя Миля. — Никто не обидел. Чего тебе, Снежка?

Снежина поправила волосы, самые пышные и самые черные волосы в Космическом флоте, и села на вертящийся табурет. Она была дотошна и обстоятельна. Она любила ясность.

— Я не верю. Рассказывайте.

Тетя Миля прижала чашку к груди. Поняла, что рассказывать придется. Да и хотелось.

— Я их ждала, — начала она. — Как ждала! Вся команда свидетель. Торт сделала со словами «Добро пожаловать» по самой середине... В холодильнике стоит. Каравай был, ты сама видела. Соль на верхушке. Ты же знаешь, я перегрузок совершенно не выношу, а пока тормозили, из камбуза не вылезала фактически, даже Гришку моего отключила. Все сама. Правда, Кирочка Ткаченко немного помогала, она это любит. Потом вышла к тамбуру, а как увидела — каравай Кирочке, а сама сюда. Плохо мне, просто не могу. Такое впечатление, словно в детстве снились, в кошмаре.

— А вы их разве на Земле не видали? — удивилась Снежина.

— Там у нас, на базе, другие были, двигатели монтировали. Милые такие, с тремя ногами, аккуратные, глазастые. А этих я как увидела — каравай Кирочке сунула и бежать. Даже стыдно, но ничего с собой поделать не смогла. Ой, идет...

Тетя Миля непроизвольно зажмурилась. Вцепилась пальцами в край стола — даже суставы побелели.

Снежина обернулась. Мимо открытой двери прошла хвостатая жаба. У жабы были длинные тонкие руки. Она жестикулировала ими, объясняя что-то семенившему рядом Малышу.

— Ты иди, — произнесла тетя Миля тихо, не открывая глаз. — Мне самой стыдно, ты не думай. Только пирожок сверху возьми, из белой кастрюли. С рисом и яйцами.

Снежина вздохнула, мотнула головой, рассыпав по плечам чудесные волосы, открыла шкаф и взяла из белой кастрюли пирожок.

— Это очень крупные ученые, — сказала она.

— Я знаю, — согласилась тетя Миля. — Во мне животный атавизм пробудился.

— Вы к ним обязательно привыкнете, — утешила ее Снежина. — Можно еще один пирожок?

— Возьми. Только один. Скоро обед.

В буфетную заглянул Христо.

— Извините, — сказал он. — Снежина за схемой пошла, а я

жду. Извините. — У Христо печальные карие глаза и подвижные брови, движущиеся в такт губам. — Извините, — повторил он еще раз.

— Мы пошли. — Снежина отломила практиканту половинку пирожка. — Все будет хорошо.

В коридоре Снежина вспомнила, что хотела пить, но возвращаться не стала.

4

В два тридцать громыхнул гонг. Загребин купил его в Рангуне, когда был в отпуске. Такого гонга не было больше ни на одном корабле. С боков его поддерживали хоботами слоны из тикового дерева. В гонг любили бить роботы. Даже чаще, чем нужно.

Снежина подошла к зеркалу. Зеркало у нее в каюте было похоже на грушу или на голову императора Франции Луи-Филиппа, каким его рисовал Домье. Зеркало придумал какой-то умник из Института интерьеров. Снежина предпочла бы самое обычное, круглое или четырехугольное.

Снежина поглядела в зеркало и понравилась себе. Она не была самовлюбленной. Просто Снежина настолько красива, что даже сама это признавала. Причесываясь, она вдруг улыбнулась. «А ведь и мы им не нравимся, — подумала она. — И я тоже для них уродлива».

Вошла Кирочка Ткаченко. Кирочка ниже Снежины на две головы, беленькая и почти прозрачная. На медкомиссии она тратит втрое больше времени, чем любой космонавт. Врачи не могут поверить, что она здорова, настолько здорова, чтобы работать третьим механиком на «Сегеже».

— Идешь обедать, Снежка? — спросила она.

— Иду. Сейчас. Заколоть волосы или так?

— Так, — сказала Кирочка. — А я одна боюсь в кают-компанию идти. Вдруг они уже все за столом сидят, я вхожу, а мастер скажет: «Вот наш третий механик, вы не думайте, что она у нас такая маленькая и тоненькая...» Ну, знаешь, как он всегда гостям говорит.

— Чепуха, — сказала Снежина, закалывая волосы на затылке. — Он тебя очень уважает.

— Я не об этом. Это же не обыкновенные гости. С тобой спокойнее.

— Тетя Миля кончила расстраиваться?

— А что?

— Испугалась корон.

— По-моему, ничего особенного.

— Ну а как теперь? — Снежина обернулась к Кирочке.

— Я же говорю: ты как ни причешешься...

— А мне они сначала тоже страшными показались, — призналась Снежина. — Мир полон неожиданностей.

— Пошли, и в самом деле сегодня опаздывать не стоит.

Девушки спустились по трапу. У экспериментального номера стенгазеты, полностью сделанного роботами, стоял доктор Павлыш.

— Жуткое зрелище, — сказал он. — Все правильно.

Даже есть анонимное письмо в редакцию: «Долго ли гонг будет звенеть в неположенное время?»

Доктор Павлыш церемонно предложил дамам обе руки, и двери в кают-компанию раскрылись.

— С вашего разрешения, — кивнул Павлыш старшему штурману.

— Пожалуйста, — ответил Баков.

Его казачий чуб и усы были тщательно расчесаны. Старпом был в парадной форме. Знак космонавта дальнего плаванья вбирал в себя свет люстры и разбрасывал его зайчиками по углам кают-компании.

Все свободные от вахт члены экипажа уже сидели за столом. Снежина прошла на свое место между Павлышом и Кудараускасом.

Кухонный робот Гришка в кокетливом белом передничке (тетя Миля сшила для уюта) раскладывал приборы.

— А где тетя Миля? — спросил Малыш.

— Эмилия Кареновна, — позвал Баков. — Мы вас ждем.

— И праздничный торт тоже, — вставил Малыш.

— Эмилия Кареновна не придет, — быстро сказала Снежина. — Она себя плохо чувствует.

— Как так? — Старпом строго посмотрел на Павлыша.

Павлыш густо покраснел — румянец мгновенно разбежался по щекам, подобрался к голубым глазам и даже залил лоб.

— Она ко мне не обращалась, Алексей Иванович.

— Ничего особенного, — сказала Снежина. — Медицинская помощь не требуется.

Как-то все одновременно замолчали, и затянувшаяся пауза заставила всех обернуться к двери. «Сейчас они войдут, — подумала Снежина. — Может быть, им тоже немножко не по себе. Они войдут, увидят длинный стол: на одном конце место капитана, на другом — старшего помощника. Нам этот стол уже настолько знаком, что мы его и не замечаем. А их может удивить. Допустим, у них вовсе столов нет. А там дальше, за полураздвинутой зеленой портьерой, полукругом диван, перед ним шахматный столик, одной пешки не хватает; нарды: в них играют Ма-

лыш с доктором. На стене по обе стороны от двери — картины. *Одна — чайный клипер, срывающий в стремительном полете* верхушки волн, другая — лесное озеро...»

Капитан Загребин открыл дверь, чтобы пропустить гостей. Сначала корону Аро, потом корону Вас, а может, и наоборот. Загребин вошел за ними.

— Добрый вечер, — сказал он.

Загребин был официален и несколько торжествен. Светлые волосы зачесаны назад, на макушке хохолок.

— Разрешите представить, — произнес он, — наших гостей. С сегодняшнего дня — членов экипажа.

Гости заняли все свободное место между столом и дверью. Они были на голову ниже Загребина, но куда тяжелее и массивнее. Хвосты они закинули на плечи, чтобы не задеть мебель. Концы хвостов, роговые, раздвоенные, чуть шевелились. Гостям было тесно и неуютно. Они волновались.

— Добрый вечер, — сказал один из гостей.

На груди у него висела черная коробочка лингвиста.

Члены экипажа по очереди подходили к гостям, чтобы представиться. Все отлично понимали, что этого не следует делать — церемония затянулась, каждому приходилось огибать стол, протискиваться между стульями, потом возвращаться на свое место. Загребин не догадался сказать: сидите, но ошибку исправлять не стал, а отступил на шаг, в дверной проем.

Когда дошла очередь до Снежины, она протянула руку, и рука короны, тонкая, шершавая, как газетный лист, легко сомкнулась вокруг ее кисти. Снежина посмотрела в глаза гостю, отклонив голову подальше от страшноватого рога на хвосте. Глаз было несколько. Они протянулись цепочкой поперек головы.

— Корона Аро, — сказал гость.

Чешуйчатая зеленая кожа на его теле оказалась тонким комбинезоном.

— К сожалению, — добавил Загребин после того, как Малыш, последний из членов экипажа, вернулся на свое место, — наши гости не могут обедать с нами в кают-компании. У них есть запас питания, которое отличается от нашего...

Снежине показалось, что со стороны буфетной донесся вздох облегчения.

Корона Аро — он был в более темном комбинезоне — потрогал концами соединенных перепонками пальцев сиденье кресла. Руки его были такими длинными, что ему даже не пришлось нагибаться. Загребин указал короне Вас кресло по другую руку от себя. Сам не сел — ждал, когда усядутся гости.

— Рискните, — сказал Павлыш.

— Разумеется. — Аро как-то сжался с боков, вытянулся, мягко вошел в круг сиденья, охваченного подлокотниками, и замер, будто ждал, не упадет ли кресло.

— Очень удобно, — сказал он.

— Интересно, сколько они весят? — спросила шепотом Снежина у Павлыша.

За столом наступила секундная тишина, и все услышали шепот Снежины.

За Павлыша ответил Аро:

— Около ста тридцати килограммов.

Баков посмотрел на Снежину укоризненно. Он умел укоризненно смотреть на практикантов. Снежина не поднимала глаз, но чувствовала его взгляд.

— А я — сорок шесть, — сказала Кирочка Ткаченко, чтобы разрядить неловкую паузу.

— Спасибо, — ответил Аро.

Гришка в белом передничке заглянул в кают-компанию и спросил:

— Суп подавать?

— Пожалуйста, — кивнул Баков.

— И не забудь наших гостей, — сказал Загребин. — Ты знаешь?

— Да, я помню, — ответил робот.

Гришка поставил на стол супницу с борщом и принес коронам поднос с желеобразными кубиками.

— Передайте мне, пожалуйста, хлеб, — попросил Кирочку Малыш, краем глаза наблюдая за тем, как короны перекладывают кубики желе себе в тарелки. Они делали это ложками, посмотрев предварительно, как пользуются ложками люди.

5

— Слава, — спросила Кирочка Павлыша, — чем можно объяснить — такая древняя раса, а хвосты не атрофировались?

— Может, у них есть полезные функции, — ответил рассеянно Павлыш. — Надо будет поинтересоваться.

— Тебе хочется их исследовать? Взять анализ крови? — спросила Снежина, затягиваясь. На первом курсе ее чуть не исключили из института за курение.

— Бессмысленно. — Павлыш посмотрел в зеркало, похожее на Луи-Филиппа, и пригладил тугие кудри. — Все равно что шимпанзе захочет взять анализ крови у меня. Я сейчас о другом думаю: почему капитан до сих пор не рассказал нам, куда и зачем мы летим?

— Может, он сам не все знает? — предположила Кирочка.

— Они пошли на мостик, — сказала Снежина.

— Кто — они?

— Мастер, старпом и короны.

— А почему они все короны? — спросила Кирочка. — Бросила бы ты, Снежка, курить. Дышать нечем. Слава как доктор мог бы тебе сказать, что это вредно.

— Знаю без него. — Снежина погасила сигарету. — Хронический кашель курильщика, потом искусственные легкие и скучная старость в санатории.

— Может, и обойдется, — сказал Павлыш. — Чем мы можем быть полезны коронам? Я понимаю: если их надо куда-то подвезти, а собственный корабль далеко. Но ведь они же летели на своем.

— Вот что, Слава, — сказала Кирочка, — хочешь поспорим, что через полчаса ты все будешь знать?

— Капитан просит свободных от вахт членов экипажа собраться в кают-компании, — раздался голос Бакова по внутренней связи.

— За тобою, Слава, торт ленинградского «Метрополя», — улыбнулась Кирочка.

— И, кажется, уже восьмой, — заметила Снежина.

— А я и не спорил, — сказал Павлыш. — Кстати, тортов всего пять.

6

Короны сели рядышком на диван. «Я к ним еще привыкну», — подумала Снежина. Она успела забежать к тете Миле. Тетя Миля уже знала, что короны не будут питаться в кают-компании, и относилась к ним куда мягче. Она даже сказала: «Правильно, что привезли с собой продукты. Чего мучиться на нашем рационе? Чуть ли не все — консервы. Луку всего килограммов пять осталось».

Загребин оглядел кают-компанию: все ли удобно устроились?

— Цыганков, — обратился он к Малышу, — в ногах правды нет. Разговор может получиться долгим. Эмилия Кареновна, вы не заняты?

— Иду, — отозвалась из буфетной тетя Миля. Капитана она не посмела ослушаться. Тетя Миля села за спиной Бауэра, подальше от корон.

— Сначала, — сказал Загребин, — я прочту перевод одного донесения. Этот перевод только что закончил Мозг. Поэтому я не рассказал все сразу после обеда. Я понимаю, на вашем месте я бы тоже удивился: чего это мастер таится?

— А мы нет, — сказал уверенно Малыш.

— Не верю, — отрезал Загребин и развернул лист бумаги. Потом с секунду подумал, свернул его и снова продолжил: — Перед тем как прочесть, скажу в двух словах предысторию этого документа. Как вы знаете, Галактический центр в последние годы ведет большую работу, чтобы исследовать звезды, и в первую очередь планетные системы нашей Галактики. Работа эта долгая, трудная, и Галактический центр привлекает к ней всех, кто может быть полезен. Не исключено, что после окончания нашего рейса «Сегежа» тоже уйдет в дальний поиск. Почему я называю «Сегежу», вы, надеюсь, понимаете. Пока на Земле кораблей этого класса три. Двигатели для них монтировали с помощью специалистов Центра. Мы можем прыгать сквозь пространство. Без этого Галактику не освоишь. Так вот... — Загребин посмотрел на корон, которые сидели неподвижно, то ли опасаясь сломать диван, то ли внимательно слушали. В присутствии гостей Загребин немного стеснялся. Вроде бы стесняться нечего: корабль как корабль и команда хорошая, а все-таки... — Так вот, — повторил Загребин, — в ходе этих исследований... Шестнадцать лет назад Галактический центр встретился с нами. То, что он встретился с нами случайно, хотя мы уже самостоятельно вышли в космос, говорит, как трудны эти поиски. Могли бы не встретиться еще десять лет. К настоящему времени исследовано семь процентов планетных систем Галактики. Еще процентов тридцать планет находится под наблюдением. Среди них существует несколько пригодных для жизни. Одна из таких планет названа условно Синяя. Туда мы и летим.

Стало очень тихо.

— Расстояние? — вдруг спросил Иван Филиппович Антипин, второй механик.

— Девяносто три световых года отсюда, — сказал корона Аро. — Большой прыжок.

Снова пауза. Тогда капитан пригладил хохол на затылке и продолжил:

— Возникают вопросы. Несколько вопросов. Они возникли у меня, значит, и у вас тоже. Первый вопрос: почему мы туда летим? Второй: почему именно мы? Третий: зачем? Правильно?

— Правильно, — подтвердил Антипин. У него эти вопросы тоже возникли.

— Сначала ответим на первый. Для чего я и прочту донесение. Это длинный и очень подробный документ. Он будет лежать здесь, на столе, и каждый может прочесть его целиком, не торопясь. Я тут подчеркнул некоторые места. На них и остановлюсь...

Загребин снова развернул мелко отпечатанный лист перевода.

— Начинается он обращением: «Галактическому центру. Доклад автоматического разведдиска Г/п 31-4576. Цель полета —

исследование планеты Синяя, на которой отмечен ряд взрывов большой мощности, очевидно, ядерного происхождения. Определение характера взрывов (сигнальный, конфликтный, нападение извне) и дальнейших мер».

— Ну и ну, — сказал тихо Павлыш.

— У меня у самого вопрос к нашим гостям, — произнес капитан.

— Пожалуйста, — ответил корона Аро.

— Откуда шло наблюдение за Синей планетой? Из Галактического центра? Визуально? Ведь расстояние — несколько парсеков.

— Другими словами, вы хотите спросить, когда произошли взрывы? Немногим более года назад, — сказал корона Аро. — Наблюдение велось не с нашей планеты, а с наблюдательной станции того сектора Галактики. А оттуда сигнал шел по каналу Галактического центра. Практически немедленно. Через три месяца после взрывов к планете ушел разведочный диск. Я правильно ответил на вопрос?

— Спасибо, — кивнул капитан. — Продолжим чтение: «При подлете к Синей планете уточнены ее физические характеристики. Диаметр по экватору — 13000 километров, расстояние до светила...» Ну, тут идет целый ряд данных... ага, вот что нас интересует: «Температура на поверхности в пределах от плюс до минус тридцати градусов по Цельсию; состав атмосферы: кислород — двадцать восемь процентов, углекислый газ, азот, инертные газы; семьдесят процентов площади планеты покрыты водой...» Ну, и так далее. Теперь самое главное: «При первом облете планеты на высоте 100 километров обнаружены многочисленные следы разумной деятельности населяющих ее существ. А именно города, гидротехнические сооружения, дороги, открытые выработки и так далее. Живых существ на планете нет. После перехода на более низкую орбиту стало возможным с уверенностью утверждать, что цивилизация на Синей планете достигла технологического уровня раннеатомной эпохи. Периода конфликтов. Очевидно, один из таких конфликтов стал для планеты гибельным»...

Корона Аро медленно повернул голову, вглядываясь в лица членов экипажа. Все молчали. Ждали.

— ...«Радиация на планете достигает такого уровня, что биологическая жизнь того типа, который обитал на планете до возникновения конфликта, невозможна. Предполагаем, что даже если кто-то из обитателей Синей планеты смог спрятаться во время катастрофы в подземном укрытии, к настоящему времени он уже погиб. Уровень радиации опускается крайне медленно. Во время конфликта на планету враждующими сторонами было сброшено несколько сот крупных ядерных устройств и уничтожено большинство населенных пунктов». — Загребин аккуратно сложил листок и разгладил его. — Вопросы есть? Ясно теперь, куда мы направляемся?

— Боже мой! — вздохнула тетя Миля. — Всю свою землю погубили?

— Да, — сказал корона Аро. — Не осталось даже животных, даже птиц. Там совершенно пусто.

— А как возник конфликт? — спросил Кудараускас.

— Мы еще не знаем.

— И наша задача узнать как можно больше о погибшей цивилизации?

— И это тоже, — подтвердил Аро.

Капитан Загребин сел рядом с гостями на диванчик. Предоставил им возможность отвечать на вопросы.

— Почему именно мы? — спросил Павлыш. — Наш капитан сам задал этот вопрос несколько минут назад.

— Я отвечу? — обернулся к капитану корона Аро.

— Конечно, — сказал капитан. — Вы лучше меня знаете.

Капитан положил на столик лист с переводом донесения, и тут же Антипин протянул руку и взял его со стола. Снежина заглянула Антипину через плечо. Донесение было напечатано на знакомом аппарате: еще вчера Снежина получала у Мозга консультацию по хранению запасных стержней; консультация была выполнена на такой же бумаге и этим же шрифтом.

— В документе, который взял механик Антипин, — сказал корона Аро (Антипин поднял голову, удивился, что корона уже запомнил его имя), — есть этому объяснение. Разведдиск совершил посадку в одном из городов, взял пробы воздуха, почвы, нашел кое-какие предметы, изготовленные обитателями Синей планеты. Среди них оказалось и вот это. — Аро оттянул зеленую чешуйчатую кожу на боку — обнаружился карман — и осторожно вытащил фотографию. На ней был изображен человек. Человек стоял на берегу озера, в тени остролистого дерева. Человек улыбался.

7

Последней фотографию рассмотрела Эмилия Кареновна. Она отдала ее обратно и громко всхлипнула. Малыш обернулся, хотел сказать что-то, но не сказал. Корона Вас подкрутил настройку лингвиста — видно, принял всхлипывание за непонятное и не переведенное лингвистом слово.

— Вот так, — сказал Загребин. — Туда мы и летим.

— На кладбище, — добавил Бауэр.

— Что же раньше-то не видели? — спросила тетя Миля.

— Знаете же, — сказала Кирочка, — увидели взрывы. И было поздно.

— Такое могло случиться и с нами, — заметил Кудараускас. — Но мы справились.

— Вы справились, — сказал корона Вас. — И мы тоже.

Голос его звучал очень ровно, нивелированный динамиком лингвиста.

Фотография человека на берегу озера легла на стол.

— Странное чувство, — произнесла Снежина. — Если бы я знала, что он просто умер, была бы фотография как фотография. А я знаю, что не только он умер — умерли все они. Представляете, все. Они строили дома, ездили друг к другу в гости. Думали, что их дети тоже будут строить дома и ездить в гости. И теперь нет никого — ни детей, ни домов. И некуда ездить в гости. И мы опоздали. На один год. И, наверное, когда последние из них умирали, они знали уже, что больше ничего не будет. Так значительно страшнее умирать, когда знаешь, что больше ничего не будет...

— А почему все-таки мы? — спросил Бауэр. — Почему вы не полетели сами, на своем корабле?

— Это ясно, — ответил Малыш быстрее, чем успел сделать это корона. — Те были такие же или почти такие же, как мы. И мы лучше поймем все, что у них было. Лучше.

— Да, вы правы, — сказал корона Аро. — Вам ближе все, что создано на той планете. Когда мы получили донесение, то нас просто поразило совпадение. Природа редко повторяется. Вернее, совсем она не повторяется. Но так случилось, что Синяя планета очень похожа на Землю. И эволюция на ней проходила по похожим на земные путям. Конечно, бывшие обитатели ее — не совсем люди. Мы покажем вам материалы разведки. Они отличаются от вас. Но во всей Вселенной они существа наиболее близкие вам. И я понимаю ваши чувства. Очень прискорбно узнать, что во Вселенной у вас были братья и ваши братья погибли. Но если бы вопрос шел только о сборе материалов, мы не стали бы просить Землю, чтобы был выделен корабль для полета на Синюю планету...

Наступила пауза. Тишина. Малыш приоткрыл рот, чтобы сказать свое «я знаю», но промолчал. То был редкий случай, когда даже Малыш не знал, что сказать.

— Пожалуй, здесь трудно будет объяснить, — произнес капитан.

— Да, — согласился корона Аро. — Мы прибыли к вам не с пустыми руками.

Снежина поймала себя на том, что внимательно смотрит на тонкопалые руки короны, будто надеется что-то увидеть в них,

нечто таинственное и значимое, ради чего «Сегежа» была снята с рейса и получила такое необычное задание.

— Не могли бы сейчас все пройти в нашу лабораторию? — попросил корона Аро. — Мы оборудовали ее в шестом грузовом отсеке. Там мы вам все покажем и объясним.

Оба гостя одновременно поднялись с диванчика и направились к выходу. В дверях корона Аро приостановился, чтобы пропустить Снежину вперед. Хвост он спрятал за спину.

Снежина сказала ему:

— Вы быстро усваиваете информацию.

— Я надеюсь в ближайшее время говорить с вами без помощи лингвиста, — ответил Аро, — у меня хорошая память.

Тетя Миля подождала, пока все вышли, чтобы все-таки быть подальше от корон. Но в лабораторию пошла. Тете Миле было очень жалко людей. Или почти людей, которые загубили себя. Она догнала в коридорчике Кирочку и сказала ей:

— Кира, вы уж спросите у этих, может, не они сами, может, кто к ним прилетел?

— Ну кто может прилететь?

— Галактика большая, — произнесла тетя Миля.

Павлыш услышал разговор и сам спросил:

— Скажите, корона Аро, а не могло так случиться, что жители планеты подверглись нападению извне?

— Очень маловероятно, — ответил, не оборачиваясь, корона. — Но на месте мы все узнаем.

8

Корона Аро подошел к зеленому пульту, занимавшему половину дальней стены. Робот обслуживания тихо откатился в сторону, чтобы не мешать ему. Корона Вас остановился у похожего на операционный стол аппарата, покрытого сверху прозрачным колпаком и соединенного шлангами и проводами со вторым, небольшим пультом у изголовья.

— Это опытная аппаратура, — сказал Вас. Если в кают-компании говорил в основном Аро, то здесь Вас был более уверен и разговорчив. — Мы закончили ее разработку несколько месяцев назад. В Галактике она пока неизвестна. И долго не была бы известна, не случись несчастья с Синей планетой. Назначение ее — оживлять погибшие или умершие живые существа.

Павлыш как зачарованный подошел к столу.

— Если в теле сохранились наследственные клетки, можно восстановить по ним весь организм, — продолжал Вас. — В любом живом организме наследственные клетки хранят информа-

цию, включающую его строение, функции, способ воспроизводства. Не только у нас — и на вашей планете давно уже научились читать эту информацию, вносить коррективы в нее, борясь с генетическими заболеваниями и пороками. И вы и мы много десятилетий назад научились искусственно выращивать зародыши. Следующий шаг — клетка.

— Браун в Массачусетсе работает с мышами, — сказал Павлыш. — Я читал. Но пока...

— Неудивительно, — ответил корона Аро. — Мы начали опыты значительно раньше. И у нас тоже долго не получалось. Проблема была в том, как прочесть информацию, заключенную в мертвой клетке.

— И сколько же времени после смерти клетка хранит информацию? — спросил Павлыш.

— Это зависит от условий, в которых она находилась.

— Но если вы воссоздадите организм по клетке, будет ли возвращена ему память? Вспомнит ли ваше существо о приобретенном опыте? Этого же нет в обычной клетке.

— Вы правы, доктор, — согласился Вас, нетерпеливо постукивая по полу кончиком хвоста. — Нам подходит не каждая клетка.

— Прошел год, — сказала Снежина.

— И все же мы не теряем надежды, — ответил Аро.

— Нам уже удавалось оживлять подопытных животных через несколько месяцев после их гибели, — дополнил Вас, — и сейчас мы продемонстрируем вам наше знание. К сожалению, в нашем распоряжении нет ни одного живого существа, которое можно было бы умертвить. Скажите, на вашем судне есть какие-нибудь животные?

Баков обернулся почему-то к Эмилии Кареновне.

— Эмилия Кареновна? — спросил он строго.

— У меня мышей нет, — сказала тетя Миля. — И быть не может.

— Говорила вам, возьмем кота, — напомнила Кирочка. — На «Кейптауне» ведь восемь котят. Любого отдавали.

— Мы этого опасались, — сказал корона Вас и обернулся к Аро. Он отключил лингвиста.

Разговор корон казался похожим на настройку симфонического оркестра — невозможно было уловить одну последовательную линию в разнотонных музыкальных звуках.

— Простите, — опять включился корона Аро. — Мы обсуждали возможность временно убить одного из нас. Но оставшемуся вряд ли удастся справиться с аппаратурой.

— Ну что вы, — успокоил его Загребин. — Мы что-нибудь придумаем, вы уж не волнуйтесь.

— Я к вашим услугам, — сказал Малыш.

— Не сходи с ума! — остановила его Кирочка.

— А почему бы и нет? Буду по крайней мере первым искусственно оживленным человеком. Повесть потом напишу. «Полчаса на том свете».

— Нет-нет, — отказался Вас. — Мы не согласны. Так нельзя рисковать.

Тетя Миля вдруг спросила:

— А если мороженую курицу?

— Курицу?

— Это такая птица, — разъяснил Бауэр. — Мы ее употребляем в пищу.

— Только она потрошеная, — сказала тетя Миля.

— Очень хорошо, — сказал корона Вас.

Тетя Миля поспешила в кладовую.

— Придется подождать, пока она согреется, — сказал корона Вас. — Это недолго.

— Мы подождем, — ответил Баков, и концы его пшеничных усов приподнялись.

Баков впервые летел старпомом и был подчеркнутым патриотом «Сегежи». Придирчиво следил за чистотой, здоровьем, образцовым состоянием экипажа и корабля. За это Павлыш порой ворчал на старпома. «Завтра начнет ставить пятерки и двойки за чистоту в каютах, — жаловался он Снежине. — Или считать калории в супе». Тетя Миля называла его «наш с усами», она не любила, когда посторонние распоряжались на камбузе или в буфетной.

— Мы подождем, — повторил Баков.

Все было в порядке. Мертвое животное на корабле нашлось, потому что на образцовом корабле должно быть все. Неизвестно, что может понадобиться на планете «Х».

Тетя Миля держала курицу за ноги, связанные тесьмой. Кожа курицы была покрыта инеем, переливалась фиолетовыми и желтыми пятнами. Когти растопырены, длинная шея замерзла, закоченел приоткрытый клюв.

— Я выбрала с головой, с мозгами, — сказала тетя Миля.

Вас взял курицу, положил на столик у пульта. Тельце гулко стукнулось о поверхность столика. Аро подкатил от стены зеленый блестящий ящик. Ящик послушно остановился. Вас откинул крышку, положил курицу внутрь. Корона Аро между тем привел в действие пульт, дрогнули стрелки, побежали по экранам пики.

— Минуты через три-четыре поднимем температуру до нужного уровня, — пояснил корона Вас.

— И вы собираетесь так оживлять людей там? — спросил Бауэр.

— Это зависит от того, найдем ли мы останки достаточной сохранности, которая позволит произвести эксперимент удачно. И

вам понятно теперь, почему мы просили снять с маршрута именно земной корабль?

— Да, — произнесла Эмилия Кареновна.

Все повернулись к ней. Тетя Миля густо покраснела и выставила, как бы защищаясь, ладонь перед грудью.

— Я ничего не хотела сказать.

Губы короны Аро загнулись в подобие улыбки.

— Правильно, — сказал он. — Извините, но для нас не секрет: наш внешний вид несколько смущает Эмилию Кареновну. Он ей неприятен. Не так ли?

— Нет, что вы, — быстро проговорила тетя Миля. — Я уже привыкаю.

— Но еще не привыкли. А ведь вы были предупреждены о нашем прилете. Вы знаете, что Галактический центр объединяет существа очень разного типа. Может, даже видели наши изображения. Вы не пережили гибели своей цивилизации. Верно?

— Не пережила, — подтвердила тетя Миля.

— Мы решили, что если оживим хотя бы одного жителя Синей, он должен очнуться среди существ, близких ему.

— Можно начинать, — заметил Вас, который, казалось, не слушал своего товарища.

Снежина шагнула поближе к операционному столу. Остальные тоже.

— Операция займет несколько минут.

Корона Вас положил обмякшую, мокрую курицу под сдвинувшийся колпак. Колпак тут же вернулся на свое место.

— Начинаем. — Аро нажал несколько клавишей на пульте.

Поверхность стола ожила. Из нее выросли зажимы, щупы, иглы, и через несколько секунд курица была крепко опутана и почти скрыта под их слоем. Аппарат тихо заурчал. Снежина достала сигарету, но закурить не решалась.

Она смяла ее пальцами, и табак рассыпался по полу. Баков заметил и сердито зашевелил усами, но ничего не сказал. «Потом скажет», — подумала Снежина.

— В течение первой минуты мы анализируем состав тела, структуру клеток, — сказал Вас.

Павлыш отошел к пульту и старался угадать логику в показаниях приборов.

— Мы просим вас помочь нам, — обратился к нему Аро. — Это несложно.

Минуты тянулись страшно медленно. Секундные стрелки двигались вдесятеро ленивей, чем положено...

Павлыша вдруг охватило холодное чувство надвигающейся неудачи, провала. Сейчас пройдет еще несколько минут, корона Вас засуетится растерянно у приборов, Аро взмахнет вежливо

хвостом, скажет: «Простите, но аппаратура экспериментальная...» Однако короны молчали.

— Смотрите, — сказал Христо. — Перо.

Кожа курицы дрогнула. Тонкие стружки молоденьких перьев просверливали ее и росли, как белые былинки.

— Правильно? — спросил Вас. — Я не видел раньше курицу.

Чуть шевельнулся, наливаясь кровью, гребешок, и дрогнула нога, подтягивая когти.

«Ой, — подумала Снежина, — сколько нам еще работать, пока мы станем как они. Человек — венец создания. Показать бы средневековым людям кого-нибудь из корон. Человек — венец создания. Чьего? Вот настоящие создатели. Наверное, Павлыш им завидует даже больше, чем я. Он специалист».

Веки курицы дрогнули, она приоткрыла клюв и издала короткий, хриплый звук. Ей хотелось встать, но, крепко связанная, она могла только озираться.

Аро отключил аппаратуру. Вас приоткрыл колпак. Щупы и ленты спрятались в стол. Курица забила крылом, встала неловко, будто обучаясь, сделала шаг, торжествующе заклекотала и, замахав крыльями так, что в лаборатории поднялся ветер, слетела по широкой дуге на пол.

Все стояли, будто примерзнув к полу, глядели на курицу, а та как ни в чем не бывало подошла к рассыпанному Снежиной табаку и попробовала склевать крошку.

— Ну как? — спросил корона Вас.

— Убедительно, — кивнул Павлыш.

— И вся эта операция заняла двадцать восемь минут, — сказал Антипин.

— Дура эта птица, — произнесла Снежина. — Хоть бы что — гуляет.

— Что ж, я полагаю, что демонстрация окончена. — Загребин посмотрел на часы. — У нас очень много дел. И, по-моему, куда больше оснований спешить к Синей планете, чем раньше. Я думаю, что лучше всего мы выразим восхищение работой наших коллег, если сможем провести подготовку к большому прыжку и выход в точку прыжка за сорок часов. На вахты идут все. Мы со старшим штурманом и стармехом поднимемся на мостик. Остальных попрошу начать подготовку. Еще раз спасибо.

Последнее относилось к коронам.

Капитан вышел из лаборатории. За ним поспешил Баков.

Расходились не сразу. Павлыш расспрашивал корон об аппаратуре. Бауэр помог тете Миле поймать курицу.

Малыш посмотрел на них и вдруг хихикнул.

— Ты что? — спросила Кирочка Малыша.

— Я подумал: паровое мясо нам обеспечено. В морозильнике

должны быть коровьи туши. Скоро крупный рогатый скот примется расхаживать по кораблю.

— Ты с ума сошел, Малыш, — сказала Кирочка. — Я ужасно боюсь быков и коров. Они бросаются на красное, а я — рыжеватая блондинка.

9

— Сначала я себя чувствовал очень неловко, — сказал корона Вас. — Мы вторглись в ваш мир, даже перепугали Эмилию Кареновну.

— Нам тоже было не по себе, — проговорила Снежина. — Вы бы садились.

— Если не возражаете, на пол. У нас нет стульев в вашем понимании.

— Садитесь. Вам налить соку?

— Апельсинового, — попросил корона Вас. — Опять у Аро кончается белок, а синтезатор никак не наладим.

— А вот нам вы помогли, — сказала Снежина, открывая банку с соком. — Вы знаете, тетя Миля соорудила птицам загон и ждет, когда они начнут нестись.

— Нестись?

— Ну, яйца нести, зародышей. Мы их тоже едим.

— Прискорбно, что наши братья по разуму — отъявленные хищники, — сказал Вас.

— Сегодня входим в большой прыжок, — перевела разговор Снежина. — Придется лезть в гермованну. Опять всю прическу испорчу.

Вас был абсолютно лыс. Он не мог понять соображений об испорченной прическе.

— Хороший сок, — заметил он. — Немного кислый.

Он приоткрыл один из карманов, достал какой-то пакетик, насыпал в стакан порошка. Сок вскипел и потемнел.

— Теперь совсем хорошо, — сказал корона Вас. — Я последние полгода не выходил из лаборатории. Когда близко решение большой задачи, остальное отступает на задний план. И однажды мы включили наш аппарат и вложили туда высушенную труку — это такое насекомое. И вдруг он подпрыгнул.

Воспоминание было таким ярким, что Вас закрыл все глаза и застыл с поднятым стаканом в перепончатой руке.

— Мы бы еще долго испытывали. И вдруг это известие. Тогда к нам прилетел Координатор и спросил, сможем ли мы немедленно вылететь к Синей планете. Это большая честь. И я чувствую себя великим ученым.

— Вы не страдаете излишней скромностью, — улыбнулась Снежина.

— А разве я не прав? Чье изобретение было применено для того, чтобы спасти целую планету?

— Вниманию пассажиров и членов экипажа, — вдруг произнес динамик в углу. — Через двадцать минут объявляется готовность номер один к прыжку через пространство. Просим всех членов экипажа проверить состояние кают и служебных помещений. Для пассажиров подготовлены ванны второго резервного отсека. Повторяю, второго резервного отсека.

— У нас еще есть несколько минут, — сказал корона Вас. — Я немного опасался, что различия во внешнем облике, в привычках помешают нам работать вместе. Но, по-моему, прошедшие пять дней...

— Тетя Миля вчера сама к вам в лабораторию ходила. Одна, — напомнила Снежина.

— И, пока ждала, рассказывала Аро, что на Земле есть небольшие земноводные, похожие на нас. И она с детства их не любит.

— Они называются жабами, — добавила Снежина. — Они крайне низко организованы.

10

Когда роботы задраивают колпаки ванн, в которых членам экипажа придется перенести ничтожно малое и в то же время бесконечно долгое время большого прыжка, люди начинают думать быстрее, чем обычно. Вся эта процедура чем-то похожа на собственные похороны. Правда, сравнение это бродит только среди курсантов и журналистов. Космонавты стараются делать вид, что дематериализация во время прыжка — обычная и несложная процедура, проще, чем перегрузки торможения. И все-таки...

Двигатели того типа, что стоят на «Сегеже», появились на Земле меньше десяти лет назад. Через несколько лет после того, как в ее жизнь вошел Галактический центр. Вошел он без фанфар и барабанного боя. На лунную базу опустился диск. Из него появились незнакомые существа и на хорошем французском языке (база была французской) сказали, что по договоренности с экипажем корабля «Антарктида», с которым встретились на одной из недалеких (сравнительно) систем, они привезли с собой почту «Антарктиды». Ведь она вернется на Луну через четыре года, так что почта, наверное, представляет интерес для родных и близких...

Двигатель, установленный на корабле Галактического центра, позволял перемещаться через нуль-пространство так называемыми прыжками. Так что сам полет состоял из вылета в открытый космос, набора крейсерской скорости, подготовки к прыжку и затем снова торможения у нужной точки пространства. Полет на Плутон и полет на окраину Галактики занимал примерно одно и то же время — три-четыре недели. Столько требовали процедуры разгона и торможения.

«Сегежа» была одним из первых кораблей, построенных с галактическим двигателем. Она была диском около ста пятидесяти метров в поперечнике — издали ее трудно было отличить от других галактических кораблей. Полет на Титан, с которого ее сняли для участия в спасательной экспедиции на Синюю планету, был ее вторым путешествием. До этого в прошлом году «Сегежа» участвовала в экспедиции к Сириусу. Так что для большинства членов экипажа прыжок был уже не в новинку. И капитан, и Бауэр, и Кудараускас были знакомы с ощущением медленного, не очень приятного погружения в сон и еще более неприятного пробуждения после выхода из прыжка.

Болгарские практиканты и Баков летели на таком корабле впервые. Они, правда, провели несколько сеансов в тренажных ваннах Памирского института. Но там прыжок был условен. Когда просыпаешься, видишь все тот же пик Маяковского и то же стадо яков, которое успело за время, пока ты был без сознания, опуститься на несколько сот метров с перевала.

На этот раз между началом и концом сна протянутся мириады километров, число которых доступно математике, но не разуму.

Роботы задраивали крышки ванн. Движения их были спокойны и неспешны. Для них не играло роли, людей они запаковывают или посуду.

Антипин, вахтенный механик, который войдет в ванну последним, когда убедится, что остальные заснули и корабль готов к прыжку, проверял герметичность ванн и креплений, улыбался запеленатым, будто мумии, товарищам, переходил к следующей ванне.

...В эти минуты люди начинают думать быстрее, чем обычно. Баков поймал себя на мыслях о Черном море, о теплой гальке пляжа, о пене, взлетающей над набережной Алушты, о солнечных бликах на волнах. Отогнал настойчивое видение, представил, что идет по кораблю: нет ли забытых, неукрепленных, брошенных вещей? У Павлыша в медкабинете? В буфетной? Запаковала ли Эмилия Кареновна голубой сервиз? Баков из чужих рассказов знал, что при выходе из большого прыжка обязательно обнаруживается недостача различных вещей: на большом корабле всего не учтешь, каким бы старательным старпомом ты ни был. Уж

очень силен толчок. Но даже зная это, Баков всем существом противился подобной неизбежности. Такое могло случиться на любом корабле, но «Сегежа» не должна подвести...

Снежина представила себе разрушенную мертвую планету. Ветер, дующий между островами домов. То ли старый кинофильм, то ли прочитанная и давно забытая страшная книга придала видению конкретность вплоть до деталей: повисшего на остатках балок балкона, остановившихся круглых часов на столбе, детской куклы, брошенной посреди мостовой...

Корона Вас думал о том, что после прыжка опять будет болеть голова, вернутся короткие обмороки, неожиданные и унизительные. Потом почему-то подумал, что эволюция обделила людей, дав им только два глаза, сильно ограничив им поле видимости. Сам же он отлично видел и голубой потолок отсека, и дно ванны, блестящее и мягкое, охватившее тело снизу...

Агнесса Колли, сильно приукрашенная воображением Малыша, заглядывала ему в глаза и шептала о том, что обязательно дождется. Последняя радиограмма, подписанная ею, пришла перед самым прыжком. Земля-14 давала «добро». Ближайшие несколько недель, а то и месяцев разделят радистов так надежно, что, захоти Агнесса наконец сказать Малышу «да», новость эта затеряется где-то на полпути к «Сегеже», пропадет, иссякнет.

Антипин убедился, что все в порядке. Включил газ. Он стоял на мостике один, смотрел, как стрелка тянется к красной черте. Он знал, что сейчас мысли пассажиров и космонавтов путаются, превращаются в сны, пропадают. Голубой газ медленно заполняет ванны, охлаждая тела, закутывая их надежно и плотно.

— Что ж, пора и нам, — сказал себе Антипин. Включил сирену «готовность-ноль».

Роботы послушно бросились к амортизаторам. Лишь последний, которому предстоит задраить ванну механика Антипина, шел сзади, пришлепывая ступнями по упругому пластику.

Корабль был мертв. Спал, заколдованный. И Антипин, словно принц, разыскивающий спящую красавицу, медленно шел по его дремучему лесу. Спешить некуда. До прыжка еще девятнадцать минут.

...За тридцать секунд до прыжка «Сегежа» проверила себя: все ли механизмы готовы, все ли живые существа надежно спрятаны, все ли роботы догадались закрепиться. Приборы доложили: все в норме.

Корабль содрогнулся — никто из людей уже не почувствовал этого — и, растворившись в космосе, субматериальной волной ринулся к точке, отстоявшей на девяносто три световых года от Земли и на два миллиона километров от Синей планеты.

Глава 2

ЗДРАВСТВУЙ, АДАМ!

1

Хуже всего перенес прыжок корона Аро. Павлыш приказал роботам перенести его в госпиталь. Аро терял сознание и в бреду старался сорвать коробочку лингвиста. Вас приплелся в госпиталь, чуть только пришел в себя, у него оказался с собой целый ящик лекарств.

С мостика позвонил капитан. Спросил у короны Вас, как торможение может отразиться на здоровье Аро. Вас не знал. Договорились отложить торможение на десять часов. «Сегежа» на крейсерской скорости пошла по большой дуге вокруг Синей планеты.

Баков, расчесав казацкий чуб, обходил корабль. Настроение было плохое: «Сегежа» подвела. Роботы занимались ремонтом приборов, пострадавших при толчке. Тетя Миля спрятала разбившуюся чашку, уже третью, в шкаф. Потом попросит Кирочку склеить — у нее золотые руки.

Вынужденная пауза нарушила размеренное течение жизни «Сегежи». Свободные от вахт собрались в кают-компании, в десятый раз читали отчет разведчика, разглядывали фотографии. Малыш пытался убедить Кудараускаса в том, что жители Синей планеты — потомки атлантов. Кудараускас, человек трезвый и сухой, обстоятельно доказал Малышу невозможность подобного допущения, чем укрепил Малыша в решимости разрабатывать эту гипотезу.

Баков поднялся на мостик со списком повреждений и убытков, нанесенных большим прыжком. Вид у него был виноватый, и кончики усов обвисли. Капитан список читать отказался, спросил только, не попало ли в него что-нибудь незаменимое.

— Как вам сказать... — начал Баков.

Капитан понял, хмыкнул и произнес:

— Я ведь тоже старпомом летал. Недавно еще. Переживал. Мы как-то в метеоритную бурю попали. Не в поток — в самую настоящую бурю. Бьются метеориты о корпус, мебель гнется; куда ни поглядишь, летят осколки корабельного имущества. А надо вам сказать, Алексей Иванович, судно наше было каботажником: Луна, ближние планеты — и домой. Так капитан наш, Паплиян — не слышали о таком? — он сейчас на Земле, во Втором управлении...

Павлыш сказал по внутренней связи:

— Корона Аро хочет поговорить с вами, капитан.

— Слушаю, — обернулся к видеофону капитан.

Аро лежал на подвесной койке, до подбородка закрытый простыней. Веки его набрякли и почернели.

— Мне уже лучше, Геннадий Сергеевич, — проговорил Аро. — Я хотел извиниться за задержку, вызванную моей слабостью.

Загребин постучал сигаретой о край пепельницы, улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, вам скоро будет еще лучше.

— Мне уже лучше. Я думаю, можно начать маневр.

— Это мы сейчас увидим, — сказал капитан. — Павлыш, как ваше мнение?

— Рано еще, Геннадий Сергеевич. — Павлыш приблизил лицо к экрану видеофона. — И корона Вас со мной согласен. Я думаю, корона Аро несколько возбужден...

— Ясно, — решил Загребин, — отдыхайте. Время у нас есть. Они ждали год, подождут еще несколько часов. — Он отключил видеофон и сказал вошедшему Бауэру: — Прискорбная задержка. Я все отлично понимаю, а вот хочется сразу рвануть туда. И собственными глазами посмотреть.

— Да, странное чувство, — согласился Бауэр. — Как будто можем опоздать.

— И все-таки нам повезло, — сказал Загребин, — что мы шли на Титан. А если бы «Агра» оказалась на нашем месте?

Потом Геннадий Сергеевич завел длинный разговор о том, что делать на корабле после посадки.

— Уровень радиации смертелен. Работать будем в скафандрах высокой защиты. Подготовить дополнительные шлюзы на выходах. Будем жить в состоянии постоянного радиационного аврала. И объявим его сейчас, чтобы не терять даром времени.

2

«Сегежа» вышла на ближайшую орбиту через неделю после прыжка. Синяя планета медленно поворачивалась в двухстах километрах внизу, последовательно показывая материки, океаны, острова. Жизнь корабля полностью нарушилась. Отстояв вахту, штурманы не уходили с мостика. Да и остальные члены экипажа предпочитали под всяческими предлогами, а то и вовсе без предлогов держаться поближе к экрану внешнего обзора.

Капитан много курил — робот едва успевал чистить пепельницу, — поглядывал на посторонних, чье пребывание на мостике ничем нельзя было оправдать, но молчал. Баков, единственный, кто покидал мостик сразу после конца вахты, хотя ему хотелось побыть у экрана никак не меньше прочих, указал как-то За-

гребину на нарушение внутреннего распорядка. Загребин только вздохнул:

— Это любознательность. Та самая, которая движет прогрессом и свойственна не только людям.

— Если бы прогулка... — сказал Баков.

— А я не рассказывал про того старика, который у нас в училище вел навигацию? Он всегда говорил: если будете перевозить слонов, обязательно запирайте клетки. Как почистите, так и запирайте. Мы, говорит, везли однажды на Марс двух слонов и забыли клетку запереть. Один слон был пожилой, умный и нелюбознательный. Он остался. Другой, молодой, вышел и отправился на мостик. В результате пришлось на два дня задержать торможение. Ловили слона.

Бауэр хихикнул. В прошлый раз притча о слонах была рассказана совсем с другой моралью.

— Не совсем понимаю, — сказал Баков, и усы его дрогнули.

— Я сам не сразу понял. Во-первых, зачем слоны на Марсе? Во-вторых, зачем слонам любознательность?

Загребин прикурил от недокуренной сигареты новую и спросил Бауэра:

— Посмотри, Глеб, у полярных шапок радиация не меньше?

Первые снимки, сделанные за миллионы километров, показывали спокойный мир, чем-то схожий с Землей. Так же облака закрывали клочьями океаны и материки, так же зелеными пятнами проглядывали долины и белыми — ледяные шапки у полюсов. Правда, облаков было больше, чем на Земле, и они быстрее двигались над планетой — видно, чаще дули ветры. Корона Аро предположил, что эти возмущения — следствие ядерных взрывов. На планете нарушен климатический баланс.

Зонды послушно отправлялись в полеты к поверхности, сообщали о составе воздуха, уровне радиации, температуре и составе биосферы. Биосфера была крайне бедной, куда беднее, чем положено иметь планете такого типа.

Увеличенные снимки участков планеты, принесенные разведдисками, грудами лежали на навигационных столах и в кают-компании, а после тридцатого витка объем собранной информации вырос настолько, что переработать его можно было бы, только переключив на это Большой Мозг. Однако основное было ясно и без обработки информации: планета мертва. Раньше, совсем недавно, здесь обитали люди, сотни миллионов, миллиарды людей. Но год назад после атомной катастрофы они погибли. Все до единого. Кто спасся от ядерных взрывов — умер от радиации. Заражено все — и воздух, и вода, и почва. Пройдет еще много лет, прежде чем планета снова станет пригодной для жизни.

Причин катастрофы, ее продолжительности зонды и съемочные камеры выяснить, естественно, не смогли — это придется делать людям.

Пора было спускаться.

Совещание на мостике, посвященное этой проблеме, было длительным и бурным. За последние дни каждый из членов экипажа рассматривал карты, каждому приглянулось то или иное место на планете и каждый считал, что именно в его точке больше всего шансов найти «материал» для аппарата короны Вас.

Загребин всех выслушал, никого не перебивая, потом сказал:

— Я поддерживаю вариант короны Аро, который предлагает совершить посадку у города в южном полушарии, где климат довольно суров и в течение девяти месяцев температура ниже нуля. Город сравнительно мало поврежден. По крайней мере, меньше многих других городов. Он лежит в низине, на берегу моря и с трех сторон защищен от ветров. Речка, протекающая через город, берет начало неподалеку в горах, из ключей. Возможно, уровень радиации в ее воде ниже, чем в воде других источников. Вот вроде и все.

Снимок города, который капитан выбрал для высадки, прикрепили к стене. Сверху, с высоты тридцати километров, город казался коротконогим осьминогом, подобравшим половину щупалец. Он обнимал двумя из них полукруглую бухту, упрятав тело между высокими холмами. Часть зданий в городе сохранилась, и улицы, извилистые и узкие, проглядывали кое-где светлыми полосками. В некоторых местах они прерывались, засыпанные обрушившимися домами. Бомбы взорвались, видимо, на его восточной окраине, а западные районы, за центральным холмом, увенчанным руинами какого-то большого здания, остались целы. Правда, после взрывов в городе бушевали пожары — черные полосы гари широкой кистью были нанесены на карту.

За городом вдоль дороги к горам встречались отдельные домики и группы домиков.

Большего при первом осмотре нельзя было узнать. Но все равно космонавты подолгу стояли у снимка, вглядываясь в извилины улиц и зелень холмов (в городе была поздняя весна). Пройдет день, и город из не очень четкого снимка превратится в пейзаж, в камень и дерево, в проблемы и споры. Он приобретет имя, вернее, вернет себе свое старое имя. И еще долго члены экипажа «Сегежи» будут говорить, встречаясь: «А помнишь, как мы жили в ...». Может быть, если удастся эксперимент, этот город войдет в учебники истории Галактики как место, где было начато возрождение Синей планеты. И в книгах будут писать: «Космический корабль «Сегежа» г/п 304089 опустился в районе города...».

3

Диск «Сегежи» опустился на планету в районе города...

Некоторое время на корабле царила зыбкая тишина встречи с землей, тишина не беззвучная, а полная гудения механизмов, суетни очнувшихся роботов, мерцания аварийных ламп и шелеста креплений.

Загребин протянул руку к раме экрана, достал сигарету и, не отрывая глаз от экрана, закурил. Баков демонстративно откашлялся в соседнем кресле и спросил:

— Включить внутреннюю связь?

— Включайте, — сказал капитан.

Он знал: старший помощник хотел, чтобы капитан, как и положено по инструкции, поздравил экипаж с благополучным прибытием на новую планету. Но следовать инструкции не хотелось. Уж очень было тревожно.

И тогда Баков включил внутреннюю связь и спросил:

— Корона Аро, корона Вас, как перенесли посадку?

— Хорошо, — ответили короны по очереди.

Тут Загребин посмотрел на экран и сказал:

— Мы прилетели. Пришли. За работу. С настоящего момента входит в силу наземное расписание номер три. Для чрезвычайно сложных условий. Начать подготовку механизмов для разведки.

Баков нахмурился. Поздравления не было, а слова о расписании положено говорить старшему помощнику.

Капитан смотрел, не отрываясь, на экран и старался угадать, что принесет завтрашний день и все те дни, что придется провести на этой погибшей планете.

Экран вобрал в себя окружающий мир. С одной стороны совсем близко подступали крутые склоны холма, кое-где затянутого пятнами зелени. По другую, за пустырем, поломанным рядом тянулись небольшие дома, незнакомые, непонятные, но в то же время приспособленные для того, чтобы в них жили именно люди. Стекла в домах были выбиты, и окна зияли черными провалами.

Загребин включил звук, и в корабль ворвался заунывный шум ветра.

4

В коридоре стало тесно. Роботы под наблюдением Антипина соорудили дополнительный антирадиационный тамбур. Тамбур был тесен. Это не играло роли, когда вы выходите наружу, но задерживало возвращение на корабль.

Первыми в тамбур втиснулись Баков, Бауэр и Снежина. Снежина сказала — правда, не очень искренне, — что следовало бы вместо нее выпустить в первой партии Кирочку: она, по крайней мере, втрое меньше.

Бауэр ничего не ответил. Он стоял, прижавшись к стенке, ожидая, когда отодвинется люк в основной шлюз корабля, и думал о чем-то очень далеком и невеселом.

Это было не только с Бауэром.

Многим из членов экипажа уже приходилось ступать на камни или лед новых планет или астероидов. Многим приходилось проводить часы перед высадкой в ожидании, пока автоматы принесут последние сведения, и видеть в нескольких метрах недоступную еще поверхность планеты. И всегда это было связано с томлением, но томлением скорее сладостным, томлением мореплавателя, который должен ждать прилива, чтобы спустить шлюпку и преодолеть последние метры до неведомой земли, до ее золотого песка и пышных пальм...

Люк в основной тамбур отошел в сторону, и Баков пропустил вперед Снежину. Здесь было свободнее. Зашуршал входящий в тамбур воздух. Он будто шептал о чем-то, и Снежине показалось — предупреждал, запрещал.

Баков смотрел, как медленно отходил люк. Это было похоже на солнечное затмение. Тень луны уходит с солнечного диска. Только это был не солнечный диск. На планете было дождливо, серо и ветрено.

Легкий туман клочьями пролетал мимо корабля, и за завесой дождя скрылись недалекие дома города. Снежина включила отопление скафандра. Было градусов пять тепла.

Баков первым спрыгнул на поверхность планеты. Он постарался спрыгнуть легко и даже изящно, потому что всегда помнил о впечатлении, которое должен производить на окружающих. Он знал, что на мостике у экрана стоят его товарищи и каждое движение старшего штурмана видно им во всех деталях. Баков обернулся и помог выйти Снежине. Бауэр шел последним.

Несколько секунд они стояли, глядя, как на люк снова наползает крышка. Потом Бауэр поднял руку для тех, кто остался на мостике. В наушниках прозвучал голос Загребина:

— Не увлекайтесь.

Загребин откашлялся, и Бауэр представил, как он постукивает сигаретой о край пепельницы.

Бауэр прислушался. На планете все было тихо. Вдруг сзади что-то лязгнуло. Снежина вздрогнула и обернулась.

— Это «Еж», — успокоил Баков. — Он будет нас сопровождать.

— Может, все-таки поедете на нем? — спросил Загребин.

— Нет, Геннадий Сергеевич, мы так пойдем. А в случае чего заберемся в «Ежа», — ответил Баков.

— Ну, давай, — сказал Загребин. Он сам предложил, чтобы вездеход шел за группой. На всякий случай.

Бауэр посмотрел на шкалу счетчика радиации. Стрелка дрожала далеко за красной чертой.

«Еж», скорее напоминающий жука с длиннющими передними ножками, остановился в двух шагах от разведчиков.

— Пошли, — сказал Баков. — Все в порядке!

Он сделал шаг по мелким камням, усеивающим продрогшую влажную землю. Его прямые широкие плечи, обтянутые скафандром, были напряжены. Баков был очень серьезен и не собирался рисковать.

5

Видно, здесь, за последними домами города, никогда ничего не строили. Пустырь пересекали тропинки, заросшие плесенью и мхом. Вчера роботы притащили их образцы, и Павлыш засел на ночь в лаборатории. Потом к нему присоединился Вас. Биологи решили, что плесень — мутация, приспособившаяся к жизни на мертвой планете. Вернее всего, она недавно покрыла этот пустырь. Раньше здесь росли трава и кусты.

Снежина подобрала высохшую ветку и протянула ее «Ежу». Тот взял ветку длинной рукой и спрятал в свой «горб». Павлыш потом разберется.

Мелкие капли дождя били по шлему и стекали струйками к плечам. Приходилось время от времени вытирать забрало перчаткой. Но все равно через минуту мир снова начинал дрожать и расплываться, искаженный струйками воды.

Баков увидел тропинку и свернул на нее, отклонившись от прямого пути к домам. Шагов через двадцать тропинка раздвоилась.

Мощенная камнем дорожка вела к дому. У закрытой растрескавшейся двери стояло дерево. На надломанной ветви сохранились бурые, скрючившиеся листья.

— Подождите здесь, — сказал Баков Снежине и Бауэру. И для сведения Загребина добавил: — Сейчас войду в помещение.

Снежина рассматривала дом. Закрытая дверь, краска облупилась, и между ее розовыми пятнами проглядывает серое дерево. Несколько окон — шесть или семь по фасаду. Окна, высокие и узкие, сужаются кверху. Некоторые закрыты ставнями. Раньше в окнах были стекла, но стекла вылетели, и осколки валяются на

дорожке. Некоторые из осколков белые — на окна были наклеены полосы бумаги. Плоская крыша выступает далеко над стеной.

Тем временем Баков подошел к двери и потянул ее на себя. Дверь скрипнула и отворилась.

Баков включил фонарь на шлеме и медленно повернул голову, обшаривая лучом комнату.

— Пусто, — решил он наконец. — Пойдемте.

«Еж» подвинулся по дорожке к самому входу, и Снежина знаком приказала ему ждать.

Первая комната была пуста, только на дальней стене висела картина без рамы и прибор с циферблатом, похожий на часы.

Лучи фонарей метались по комнате, играя тенями на стенах.

Дверь в следующую комнату была открыта. Баков сделал шаг к ней, но вдруг остановился, прислушался. Снежина тоже услышала тихое постукивание, быстрое и ровное, будто кто-то на цыпочках пробежал через ту комнату.

— Прибавь мощности, — шепнул Бауэр.

Баков переключил фонарь на шлеме, и тот кинул ослепительный поток света. И тут же постукивание пропало, будто налетев на препятствие.

— Что-нибудь случилось? — спросил в шлемах голос Загребина.

— Тише, — прошептала Снежина.

Баков сделал шаг вперед, в дверной проем.

— Вот она, — сказал он.

Снежина заглянула ему через плечо. Пойманное в ловушку яркого луча, ослепленное, в углу комнаты сидело рыжее животное, похожее на крысу, только без хвоста, с большими острыми ушами. Услышав голос Бакова, крыса, будто очнувшись, бросилась к высокой кровати, занимавшей чуть ли не половину комнаты, и исчезла под ней.

— Обнаружили животное, похожее на крысу, — доложил обыденным голосом Баков. — Поймать пока не удалось.

— Интересно, — сказал Загребин.

Баков, задумавшись о чем-то, кивнул.

— Может, отодвинем кровать? — спросил Бауэр. — Эта дуся могла построить себе гнездышко.

Баков ничего не ответил, но потянул на себя кровать, аккуратно застланную истлевшим, ветхим покрывалом.

Снежина ахнула. За кроватью обнаружилось большое гнездо, из которого к щелям между стеной и полом кинулись крысята. Бауэр открыл ставни, и в комнату вошел серый дождливый день.

Потом осмотрели остальные помещения. Снежина удивилась несхожести таких знакомых вещей, как плита, кастрюли, стулья, будто изобретатель долго ломал голову, чтобы сделать их не таки-

ми, какими положено им быть в Москве или Париже. На Синей планете вся мебель — столы, стулья, кровати — почему-то была на трех, пяти или даже более ногах, с треугольными и пятиугольными поверхностями...

6

Они сошли по ступенькам вниз и свернули направо, к другим зданиям. Бауэр нес в руке пачку отпечатанных листов, вернее всего, газету. Он осторожно передал их ожившему при приближении людей «Ежу».

Второй дом выплыл из тумана, похожий на первый провалами выбитых окон и безнадежным запустением. Разведчики прошли мимо, приостановившись на секунду. Большая устоявшаяся лужа перекрывала дорожку дальше, и пришлось обогнуть ее по камням пустыря. Никому не хотелось входить в черную воду — было такое чувство, будто промочишь ноги.

Третий дом был побольше других. Угол его обвалился. Сквозь дыру виднелись треугольный стол, шкаф и какой-то небольшой ящик, блестящий с одной стороны. «Еж» задержался, сунул лапу в дом и уложил ящик к себе в багажник. «Еж» был похож на старьевщика, который умудрился превратить в мешок самого себя. Третий дом стоял уже на углу настоящей улицы, с мостовой и тротуарами по сторонам. По обе стороны вдаль уходили вереницы одинаковых зданий. Улица вела к центру. Вчера ее осмотрели роботы-разведчики. Маршрут группы дальше вел по ней.

— Почему дома кажутся старше, чем они есть на самом деле? — спросил сам себя Бауэр.

— Старше?

— Ведь всего год, как люди ушли отсюда.

И как бы в ответ на его вопрос дождь внезапно усилился, и со стороны моря на улицу ворвался ветер. Ветер бил струями дождя по потрескавшимся облезлым стенам, старался сорвать кровлю и выбить остатки стекол. Идти вперед стало труднее. В десяти шагах впереди Баков казался Бауэру туманным привидением.

Остановились. Ветер все крепчал и, казалось, хотел загнать космонавтов обратно на корабль.

— Возвращайтесь, — приказал Загребин. — Слишком сильный ветер.

Снежина оглянулась, стараясь разглядеть такой близкий и совершенно еще незнакомый город. Что-то круглое катилось посреди улицы к разведчикам. Баков отступил в сторону. Бауэр нагнулся и поднял ржавую каску с поперечным невысоким гребнем. Каска была пробита сбоку, и в круглое отверстие можно

было просунуть палец. Бауэр так и влез в «Ежа» с каской в руках. Он был похож на пожарника или солдата, отдыхающего после трудного дела.

Крыша кабины «Ежа» задвинулась, и вездеход развернулся к кораблю. Он шел медленно, обходя выбоины на мостовой, и дождь бил по куполу кабины...

7

Погода до вечера не улучшилась. Шторм старался раскачать диск «Сегежи» и заткнуть его в расщелину между холмами. Экран на мостике почти ослеп, и сквозь разрывы в ливневой стене иногда мелькала блестящая спина дежурного робота, кружившего, не обращая внимания на непогоду, вокруг корабля. Экраны локаторов показывали, что вокруг все спокойно: зеленые точки и полосы улиц были неподвижны.

Корона Аро поднялся на мостик и сел подальше от капитана, чтобы не задохнуться от табачного дыма.

— Странная привычка, — сказал он. — Попали бы вы на нашу планету лет тысячу назад, вас бы сочли за колдуна и уничтожили.

— У нас было тоже нечто подобное. — Загребин погасил сигарету. — Колумб, великий путешественник, привез табак из Америки. Некоторые думали, что это колдовство... Что вы можете сказать о сегодняшнем дне?

— Я им недоволен, — ответил корона Аро.

Кудараускас, сидевший у локатора, покосился на корону, потом подумал, что вмешиваться в разговор ему не следует, и снова повернулся к локатору.

— Два фактора, не учтенных разведэкспедицией, меня очень смущают.

— Я их назову за вас сам, — сказал Загребин. — Это погода и крысы.

— Да, погода и крысы, — согласился корона Аро. — Я сейчас был у Павлыша. Он увеличил снимки. Крысы всеядные, и я не исключаю, что их много. Они как-то приспособились к радиации.

Робот Гришка, в белом переднике, принес поднос со стаканами чая и бисквитами. Загребин подвинул один из стаканов Аро. Кудараускас отставил свой в сторону — пусть остынет.

— Чай очень возбуждает, — заметил Аро. — Два-три глотка — и я уже всю ночь не сплю. Но это неважно. Я могу не спать несколько ночей без вреда для себя. Как биолог, я знаю, что чай мне пить не следует.

— Посмотрите! — воскликнул Кудараускас.

На экране локатора одна из зеленых точек сдвинулась с места

и медленно поползла по направлению к кораблю. Потом остановилась.

— Где это? — спросил капитан.

— Расстояние... расстояние три километра. Размеры объекта примерно десять квадратных метров.

— Крышу сорвало ветром, — уронил корона Аро, прихлебывая чай. — Крышу.

— Правильно, — сказал капитан. И добавил: — Поглядывай в тот сектор, Зенонас.

— Извините, Геннадий Сергеевич, — произнес вдруг Кудараускас. — Можно я задам вопрос?

— Почему так официально?

— Вопрос серьезный. Имеем ли мы право вмешиваться в их жизнь?

— Не понимаю, — ответил капитан, но, видно, все понял, потому что вынул из пачки новую сигарету, закурил, забыв, что Аро, возможно, неприятен дым.

— Я слышал все аргументы в пользу попытки оживить здешних людей. С научной точки зрения, очень интересная попытка. А нужна ли она?

— Я удивлен, — сказал корона Аро. Хвост его неожиданно вздрогнул, и коготь на конце хвоста три раза стукнул об пол.

— В развитии каждой цивилизации, — продолжал Зенонас, — есть своя логика, своя целесообразность. Изобретения, которые становятся доступны этой цивилизации, — одновременно испытание ее на прочность.

Зенонас встал и подошел поближе к капитану и короне. Он говорил медленно и внятно. Человеку, который не знал Зенонаса, могло бы показаться, что этот худой некрасивый блондин холоден и равнодушен. В самом деле, за подчеркнутой флегматичностью, за внешней размеренностью всего, что делал и говорил Зенонас, скрывалась сумятица мыслей и чувств и неуверенность в себе, которая заставила Зенонаса три года поступать и три года подряд проваливаться на труднейшем конкурсе факультета астронавигации, и все-таки поступить на четвертый год и стать лучшим из молодых навигаторов Земли.

— Могло так случиться, — развивал свою мысль Зенонас, — что мы на Земле не справились бы с атомом. И мы тоже погибли бы, как и люди на Синей планете. Теперь вопрос: стоило бы нас тогда спасать, стоило бы возрождать цивилизацию, которая, по сути дела, кончила жизнь самоубийством? Ведь если она убила себя, значит, в ее структуре, в ее судьбе был какой-то серьезный, скажем, генетический изъян, который предопределил ее гибель.

Загребин не любил отвечать сразу на сложные вопросы. Он в таких случаях тщательно составлял в уме ответ или решение,

проверял его до запятой и только потом говорил. Но говорил уже окончательно.

Ответил корона Аро:

— У нас на планете была биологическая война... Сегодня мы можем с высоты сотен лет смотреть на нее как на болезнь роста. Не как на генетическую болезнь — как на болезнь роста. Тогда же она была страшной трагедией. И, может быть, мы не пережили бы ее, если бы к нам не пришла помощь сферид. Их диски опустились в разгар войны в нескольких стратегических пунктах нашей планеты.

— Нас с вами трудно сравнивать.

— Почему?

— Люди воевали не потому, что им этого хотелось, — вступил наконец Загребин. — Людям никогда не хотелось воевать. Но некоторым, всегда меньшинству, войны были выгодны. В любой войне страдали не те, кому войны были выгодны, — они обычно выпутывались. Страдали и умирали те, кто войны не хотел. И я не удивлюсь, если мы найдем на этой планете солидные бомбоубежища, в которых еще несколько недель, а может, и месяцы после катастрофы существовали виновники войны. И умерли они одними из последних. Они планировали эту войну, планировали убийства, убийства всех, кроме себя. Другое дело, они недооценили силу джинна, которого выпустили из бутылки. Так вот, жители Синей планеты не виноваты в своей смерти, как не виноваты в своей смерти заключенные концлагерей и жители Хиросимы. В них не было никаких генетических изъянов. И если мы можем вернуть их к жизни, наш долг сделать все, чтобы вернуть их. Если бы тебе, Зенонас, сказали, что ты можешь оживить хотя бы десять человек, погибших в Хиросиме, неужели ты отказался бы делать это, потому что их гибель была предопределена природой, роком или еще чем бы то ни было?

— Вы меня не совсем правильно поняли, — Зенонас покраснел, и оттого его прямые волосы казались еще светлее. — Я не хочу, чтобы меня принимали за человеконенавистника. Если бы я мог оживить жертву Хиросимы или еврея, задушенного в Освенциме, я бы это сделал не раздумывая. Но на Земле мы смогли не допустить гибели цивилизации. Значит, мы миновали пору детства. На планете корон также еще не известно, погибла бы цивилизация, не приди на помощь сферид. Может быть, и нет. Может, она была бы сейчас еще выше. На Синей планете не нашлось сил, способных остановить войну. И если мы оживим их, возникнет дилемма. Или мы оставим их в покое, и тогда через полвека они с таким же успехом снова перебьют друг друга. Или мы будем контролировать их действия, как няньки, и тогда это уже

будет не их цивилизация, а наша, галактическая. То есть мы ничего не возродим, а построим свое, новое.

— А галактическая цивилизация — это пока самое интересное, чего добилась эволюция во Вселенной, — сказал корона Аро.

— Есть третий путь, — заметил капитан. — Даже и без нашего контроля жители планеты, знающие, что с ними произошло, справятся со своими проблемами. Почему вы отказываете им в разуме?

— Вы знаете почему. Они однажды не проявили его.

На контрольном пункте замигали россыпью зеленые огоньки. Метеоприборы сообщили, что ветер стихает.

— Вот что, — сказал капитан. — Мы еще поговорим на эту тему. Пора готовиться к экспедиции. Затишье ненадолго.

8

Члены экспедиции собрались у «Великана» — основного вездехода «Сегежи». Корона Аро в своем скафандре казался злодеем из старинного фильма космических ужасов. Возможно, что он думал то же самое о людях, потому что подошел к Антипину и сказал:

— Как вы только обходитесь без хвоста?

И, чтобы показать, как удобно обладать такой частью тела, он поднял под скафандром хвост, лежащий концом на плече, и почесал роговым концом один из своих многочисленных глаз.

Снежина засмеялась, а Антипин сокрушенно покачал головой и поклялся сделать себе хвост, какой коронам и не снился.

Дождь почти перестал, и у горизонта, в просвете между облаками, поблескивало синее небо.

Последним из корабля вышел Загребин.

— Где Павлыш? — спросил он.

— Я здесь. — Павлыш высунулся по пояс из верхнего люка вездехода.

— Тогда прошу всех по местам, — приказал Загребин.

Антипин перевел вездеход на ручное управление и тронул с места. Павлыш с короной Аро спустились на нижний отсек, чтобы еще раз проверить рефрижератор. Снежина с Загребиным уселись за спиной Антипина.

Вездеход медленно проехал мимо дома с крысами, миновал следующие два дома и повернул на улицу, ведущую к центру.

— Мы с Баковым до сих пор дошли, — сказала Снежина. — Здесь нашли каску.

— Интересно, как они последний день прожили? — сказал Антипин.

— А что?

— Вот, например, магазин. Всякую одежду продавали. Видите? Наверно, еще в последний день кто-нибудь платье примерял.

Вездеход объехал кучу камней — остатки разбитого взрывом или ураганом дома. За камнями пришлось задержаться. «Великан» перекинул через глубокую воронку мост из собственных рук и перетащил себя, подобно Мюнхгаузену, на другую сторону, на небольшую площадь, с трех сторон окруженную домами. С четвертой стояло пирамидальное здание с изображением диска с волнистыми лучами. Сделанный из какого-то блестящего металла диск покосился, и некоторые лучи отломились.

Аро, который к тому времени уже вылез из рефрижератора, сказал, показывая на пирамиду:

— Культовое здание.

— Может быть, какое-нибудь учреждение.

— На верхушке изображение солнца.

— Подъедём поближе, — сказал Антипину Загребин. — Там что-то...

— Человек? — Снежина даже привстала на сиденье.

— Где?

— Там, у входа в храм!

Треугольный проем входа в храм был черен. Поперек него лежало что-то напоминающее человеческую фигуру.

Вездеход развернулся к храму быстрее, чем двигался обычно. Антипин наклонился вперед, стараясь разглядеть дальний край площади. Храм в несколько секунд вырос перед вездеходом — серый, каменный, видно, очень старый: камни были выщерблены. Ветрам, даже таким сильным, как здесь, понадобилось бы на это много лет.

Поперек входа лежал скелет человека. Несколько обрывков одежды цеплялось за белые кости. Рядом, откатившись к косяку, валялась каска.

Загребин вылез из вездехода и нагнулся над скелетом. Он обошел его, стараясь не задеть, потом обернулся к подошедшему короне Аро и спросил:

— Очевидно, безнадежный случай?

— Тут мы ничего сделать не можем, — ответил Аро. — Ничего.

Загребин засветил фонарь на шлеме и заглянул внутрь храма. Луч рассеялся и утонул в пустоте большого зала.

— Здесь больше никого не было, — сказал Загребин.

Зал был пуст — ни украшений, ни скамей, — только в конце его несколько ступеней вели к алтарю, украшенному мерцающим в темноте изображением солнца.

Голос Загребина разлетелся по залу и вернулся удесятеренным.

— Есьь ольшее иимо не было...

Когда Загребин вышел из храма, скелет у дверей исчез: Павлыш приказал «Великану» взять его с собой. Павлыш был прежде всего биологом, и неизвестно, найдут ли они сегодня останки других жителей планеты.

— Теперь куда? — спросил Антипин.

— Направо. Улица ведет к центру, — сказал Загребин.

9

Через несколько десятков метров вездеход снова остановился. Антипин взглянул на капитана, и тот кивнул. У тротуара стоял экипаж. Три пары колес несли длинное обтекаемое тело машины. Машина казалась совершенно новой, только вчера оставленной здесь владельцем. Лишь проржавела приоткрытая дверца.

— Я загляну в двигатель, — сказал Антипин.

— Давай, — согласился Загребин. — Снежина останется со мной в вездеходе. Павлыш и корона Аро, можете выйти, размяться. Вон там что-то вроде большого магазина. Только не пропадайте из виду.

Снежина немного расстроилась, что ей придется сидеть в «Великане», но отогнала обиду и, включив камеру, принялась снимать улицу. Загребин постучал себя по бедрам, рассеянно нащупывая карманы. Но карманы скафандра были не совсем там, где карманы костюма. И в них не было сигарет.

— Все равно бы не закурили, — засмеялась Снежина. — Шлем.

Капитан ничего не ответил, взял карандаш и стал крутить и разминать его в пальцах.

Корона Аро шел в двух шагах сзади Павлыша, предоставляя доктору полную свободу действий. Павлыш остановился перед разбитой витриной. По груде истлевших и проржавевших вещей трудно было угадать, что же они представляли собой раньше. Ветер влетал в широкое окно и блуждал между полок с рулонами тканей, вешалок с костюмами, домашней утварью и прочим добром.

Павлыш взглянул вдоль улицы, перед тем как вступить в магазин. Антипин, раскрыв капот машины, увлеченно копался в двигателе и напевал: «Как мы с вами проржавели...»

— Обратили внимание, — сказал корона Аро Павлышу, — что на улицах не видно останков людей?

— Да.

— И в домах, по крайней мере в тех, куда мы заглядывали, тоже людей нет.

— И что же вы думаете? — спросил Павлыш, осторожно перебираясь через холм кастрюль и сковородок.

— Я думаю, что в этом городе жители были предупреждены об опасности. И успели спрятаться. В укрытия.

— Я тоже об этом подумал, — раздался голос капитана, который слышал этот разговор. — И одно из таких укрытий может быть под магазином. Это большой магазин. Поищите.

— Я буду смотреть на указатели, — сказал Аро. — Должны же быть указатели. Вот поглядите, Павлыш. Синие стрелы.

Они пошли, следуя указаниям синих стрел, нарисованных на стенах магазина. Миновали большой зал нижнего этажа. Стрела показывала на комнату в конце зала. Комната была уставлена стульями и длинными низкими столами.

— Столовая, — сказал Павлыш.

— Попробуйте поискать пути вниз, — предложил Загребин.

— Тут много дверей, — ответил Павлыш.

Следующие пять минут корона Аро и Павлыш, разделившись, обошли зал вокруг, открывая все двери. За двумя или тремя из них обнаружились ступени вниз. Но в одном случае они привели в склад, населенный крысами, которые разбежались, стуча когтями, когда в помещение вошел Аро; другая дверь скрывала пустую комнату, неизвестно для чего предназначенную. Комната была оклеена листовками и яркими плакатами, изображающими разъяренных мужчин с оружием в руках.

Аро и Павлыш встретились посередине зала. Рассказывать Загребину о неудаче не было смысла — тот знал о каждом шаге разведчиков.

— И все-таки люди где-то были. Куда-то убежали, спрятались, — продолжал настаивать корона Аро.

— Убежище, возможно, было на улице. К тому же город мог погибнуть ночью, — предположил Павлыш. — Когда магазины закрыты.

— В общем, все ясно, — вмешался в разговор Антипин. — Двигатель внутреннего сгорания. Кое-что интересно. А вот еще...

Голос Антипина оборвался.

Загребин посмотрел в сторону машины. Антипина там не было.

— Иван, — произнес он негромко, — что у тебя? Ты куда делся?

А сам уже смотрел в сторону дверей магазина — он знал, что Павлыш и Аро все слышали и должны вот-вот выбежать. Павлыш появился на улице даже быстрее, чем Загребин ожидал, и в два прыжка был у машины.

— Тут люк, — оповестил он.

— Что случилось? Нужна помощь? — В шлемах зазвучал голос Бакова, который дежурил на мостике «Сегежи».

— Я немного ушибся, — сказал вдруг Антипин. — Не спеши, Слава. Тут метра три и крутая лестница. Сейчас я зажгу фонарь.

Снежина спросила:

— Можно я к ним?

Загребин кивнул.

Снежина выпрыгнула из вездехода. Корона Аро зашел за машину. Загребин понимал, что они все нагнулись над люком, в который провалился Антипин, поэтому их не видно, но именно это раздражало — казалось, что он один на улице. Загребин развернул вездеход и осторожно подогнал его к тротуару так, чтобы с места водителя видеть люк.

— Сейчас, — бормотал Антипин. — Сейчас. Что-то заело. Видно, повредил. Это ты, Павлыш?

Павлыш спускался по зыбкой металлической лестнице, которая вела в подвал. Он наклонил голову, чтобы свет фонаря упал на Антипина, и увидел, что тот сидит на неровном полу. Павлыш повернул голову, чтобы осветить подвал, и понял, что они случайно нашли то, чего не могли отыскать в магазине, — убежище.

10

Пожалуй, за всю свою тридцатилетнюю жизнь Павлыш не видел ничего более страшного, чем это убежище на Синей планете.

Половина подвала — сводчатого длинного туннеля, уходящего вдаль, высотой метра три и шириной в пять-шесть метров, — была завалена скелетами. Среди скелетов лежало мало вещей. Видно, люди прибегали сюда, схватив самое необходимое, надеясь выбраться вскоре отсюда. Неизвестно, что погубило людей: то ли они погибли сразу от теплового или радиационного удара, от газовой атаки, то ли умирали постепенно, задыхаясь от недостатка воздуха или мучаясь в скоротечной лучевой болезни... Павлыш на секунду зажмурил глаза.

— Почему молчите? — спросил Загребин.

Павлыш не смог ответить. Ответил Антипин.

— Мы нашли их, — сказал он.

...Распугивая нахальных и быстроногих крыс, космонавты шли по темному туннелю. Казалось, он никогда не кончится и никогда не кончится галерея смерти.

— Крысы там побывали? — спросил капитан.

Аро ответил:

— Да. Если они завладели всей планетой, мы ничего не сможем сделать. Крысы — хорошие санитары.

Перед возвращением на корабль вездеход сделал круг по городу, уже нигде не останавливаясь. Проехали по главной улице, с

трудом протиснувшись между запрудившими ее машинами и повозками, поднялись по пологой дороге к руинам громадного замка, оттуда были видны бухта и скалы, запирающие ее. Над портом поднимались голенастыми птицами подъемные краны, и между ними, выброшенный на причал, лежал на боку небольшой корабль. Труба его откатилась в сторону.

Раза три космонавты натыкались на скелеты людей, в основном военных, лежащие на улицах. Но теперь этому уже не удивлялись и этой пустоте тоже не удивлялись: под улицами, под домами пролегали туннели бомбоубежищ. То, что осталось от жителей города, находилось там.

Возвращение к «Сегеже» было невеселым. Говорить не хотелось, и участники экспедиции только изредка обменивались словами. Равнодушно стрекотали камеры, запечатляя улицы и дома, и вездеход время от времени тормозил, чтобы объехать груду камней или машину, вставшую поперек дороги.

В этот вечер тетя Миля впервые вышла к ужину, хотя знала, что короны будут в кают-компании. Она заварила специально для корон очень слабый чай, а то спать не будут.

— Завтра в город отправляется группа: Бауэр, Кудараускас, Цыганков, — объявил после ужина Загребин. — Старший — Бауэр.

И все разошлись по каютам.

11

Первое тело человека привезла на корабль именно группа Бауэра. Находка была совершенно случайной. Разведчики попали в портовые склады и уже собирались уходить оттуда, как их внимание привлекла запертая дверь. Дверь была не только заперта, но и забаррикадирована изнутри. Уже это заставило космонавтов не жалеть усилий для того, чтобы ее открыть. За дверью оказался холодильник, давно отключившийся, но заваленный плитами нерастаявшего льда. На глыбе льда лежал полуразложившийся труп человека.

Узнав о находке, корона Вас сразу начал готовить аппаратуру, не ожидая, пока вернутся разведчики. И когда вездеход покатил к кораблю, все было готово.

С курами дело ясное — с ними машина работала. Но что получится с человеком?

— И бог создал Адама, — сказал Малышу Бауэр.

— Бог, как ты теперь знаешь, понятие коллективное, — ответил Малыш. — Один из богов включает рубильник, второй будет следить за температурой, а еще один, поменьше рангом — это

я, — будет в это время на вахте. И потому пропустит исторический момент.

Ожил динамик внутренней связи, и подчеркнуто сухим голосом Баков произнес:

— Вниманию членов экипажа. Желающие наблюдать ход операции могут подняться на мостик. Мы переключаем на лабораторию большой экран. В лаборатории находятся только участники эксперимента и доктор Павлыш. Повторяю...

Экран показывал внутренность лаборатории — Аро у пульта, Павлыш и Вас у приборов рядом с колпаком операционного стола. Колпак был чуть матовым, и человек, лежащий на столе, опутанный проводами и шлангами, казался бесплотным. Лицо его было закрыто широкой белой повязкой.

Вошла Снежина, и Бауэр подвинулся, освобождая половину стула.

— Готово, — сказал в лаборатории Аро, повернувшись к операционному столу. Он включил пульт.

Действия Павлыша и короны Вас были уверенными, но казалось, что уже прошло полчаса, а они все так же наклоняются над пультами, подходят по очереди к операционному столу, снова возвращаются к приборам, делают массу неспешных и не очень нужных движений, которые никак не отражаются на состоянии прикованного к операционному столу тела.

Иногда биологи обменивались короткими фразами или словами, чаще даже цифрами, понятными только им.

В один момент получилась заминка: по приказанию Аро засуетились роботы, подключая дополнительные линии питания. Павлыш выпрямился, пользуясь минутой, чтобы отдохнуть, и объяснил для тех, кто был на мостике:

— Еще минут пять, и начнем поднимать температуру.

— Пока все нормально? — спросил Загребин.

— Трудно сказать. Идет регенерация клеток на молекулярном уровне.

— Доктор Павлыш, — прервал его Вас, — проверьте содержание белка.

И Павлыш тут же забыл обо всем остальном.

Бауэр встал и прошелся, чтобы размять затекшие ноги. Пять минут тянулись часами...

— Ой, смотрите! — сказала вдруг Снежина.

Даже под слоем креплений и шлангов видно было, как тело человека меняет цвет, розовеет, наполняется жизнью.

— Температуру не поднимать выше тридцати градусов, — приказал корона Вас.

...Когда первый человек Синей планеты очнулся, он лежал на кровати в госпитале доктора Павлыша; над кроватью был натянут прозрачный звукопроницаемый купол, защищающий человека от вирусов, от могущего оказаться для него смертельным, несмотря на принятые меры, воздуха корабля.

Это случилось в восемь вечера. Через три с половиной часа после начала эксперимента, на пятый день после спуска корабля «Сегежа» на Синюю планету.

Глава 3

РАНМАКАН В ЧУЖОМ МИРЕ

1

Пробуждение было мучительным. Жесткая сильная рука тянула вниз, хватала за горло, запрокидывала голову, чтобы Ранмакан не мог вырвать ее наружу из черной воды и вдохнуть. Один раз вдохнуть воздуха, и тогда он снова будет в состоянии бороться. И вдруг рука пропала. Ранмакану показалось — а может, это он потом придумал, — что даже увидел ее, волосатую, костлявую и покрытую блестящим инеем.

Потом стало тихо, и Ранмакан заснул. Он давно не спал так спокойно и сладко, с того дня, как началась война, сперва далекая, не затрагивающая обыденности существования пятидесяти тысяч жителей Манве, но уже неизбежная, подкрадывающаяся с каждым днем все ближе известиями о гибели других городов.

В сладкой дремоте мирно думалось. Все миновало. И даже воздушные тревоги, с каждым днем все более настойчивые и реальные, и патрули на темных улицах, и бомбоубежища. Война пронеслась мимо и пощадила Манве. И теперь можно спокойно спать. Не открывая глаз. Долго-долго не открывая глаз.

Ранмакан ощупал пальцами кровать — простыни были мягкими и свежими. Значит, он в госпитале. Наверно, в госпитале. Ведь тогда... Когда это было? Вчера? А может, уже несколько дней назад? Тогда он бросился к первому попавшемуся убежищу — убежищем оказалась дверь в какой-то подвал, склад. Это был... что же это было? Да, какой-то ледник. Он захлопнул за собой дверь. Потом были удары, тяжелые удары, будто кто-то могучий и безжалостный раскачивал землю. И вдруг удушье, рука, тянущая его вниз... и вот эта постель. Открыть глаза? Лень. Еще немного.

Ранмакан услышал голоса. Женский, высокий, встревоженный, и мужской, тихий, уверенный. Ранмакан прислушался, но не понял, о чем они говорят. Он не понял ни единого слова. Ста-

ло еще страшнее. Может быть, город оккупировали пьи? И он в плену?

Голоса звучали совсем рядом, в той же комнате. Это Кирочка Ткаченко говорила Павлышу:

— Смотрите, он двигает рукой. Может, ему плохо?

— Нет, все в порядке. Сейчас он откроет глаза. Где лингвист?

— Сейчас Бауэр принесет. Где же Глеб? Давно пора прийти. Может, человека усыпить пока?

— Нет, не надо. Вдруг это ему повредит? Включи внутреннюю связь. Бауэр? Это ты, Глеб? Куда ты запропастился? Человек приходит в себя, а у нас нет лингвиста. Мы же должны ему объяснить.

— Одну минуту, — сказал Бауэр. — Бегу. Вы что думаете, нам с Мозгом легко было за несколько часов выучить язык?

Выучил язык и вложил его в черную коробочку лингвиста корабельный Мозг. Бауэр тут был почти ни при чем. Он только «накормил» Мозг газетами и книгами Синей планеты.

— Скорее, — повторил Павлыш, отключаясь.

Ранмакан слышал весь этот разговор. Он мог бы открыть глаза, но предпочел этого не делать. Если ты в плену, то пускай враги думают, что ты еще не пришел в себя.

— Он уже очнулся, — сказал Павлыш Кирочке. — Только не хочет открывать глаза. Он волнуется.

Ранмакан старался не шевелиться. Но чувствовал, что грудь выдает его, в такт участившемуся дыханию приподнимая простыню. «Они могут оставить меня для опытов. Я читал, что пьи делают опыты над живыми людьми».

Кто-то вошел в комнату. Ранмакан пытался угадать по шагам кто. Если шаги тяжелые, громкие — солдат, военный; если мягче — штатский. Шаги были почти неслышными. Третий голос присоединился к двум прежним. Бауэр передал Павлышу коробочку лингвиста.

— Вот, — сказал он. — Язык Синей планеты. Правда, пока без тонкостей.

Ранмакан постарался представить себе, о чем они говорят. Может быть, этот, вновь вошедший, спрашивает, готов ли пленный к опытам? К пыткам? И те, прежние, отвечают, что вполне готов?

Бауэр подключил тонкие провода лингвиста к пульту у постели человека.

— Включать? — спросил он.

— Включай.

Бауэр нажал кнопку лингвиста. Ранмакан вдруг услышал:

— Можете открыть глаза. Вы находитесь среди друзей.

2

Голос был невыразительным, ровным, механическим. В голосе таился подвох. Что они еще скажут?

— Вы можете открыть глаза, вам ничего не угрожает, — повторил механический голос. — Как вы себя чувствуете?

Ранмакан открыл глаза.

За прозрачным пологом, нависшим над кроватью, стояли три человека. Это не были пьи, враги страны, враги Ранмакана. Он даже не знал, откуда эти люди. Может, с дальнего севера? И они странно одеты.

— Вы среди друзей, — повторил механический голос. Он принадлежал высокому человеку с курчавыми темными волосами и очень яркими голубыми глазами. Человек был весь в белом, даже перчатки, скрывающие его руки, были белыми. Человек держал в руках черную блестящую коробочку.

«Может, это микрофон? — подумал Ранмакан. — Если этот полог не пропускает звука, то это микрофон. Но почему тогда я слышал, как они говорили между собой?»

— Как вы себя чувствуете? — спросил человек с черной коробочкой в руке.

Ранмакан ответил:

— Хорошо.

И удивился, услышав, как тоненькая желтоволосая женщина, стоявшая рядом с тем человеком, громко ахнула и засмеялась.

— Поднимите руку, — сказал человек в белых перчатках. — Медленно.

Ранмакан поднял руку. Он понял, что человек в белых перчатках тут главный.

— Другую руку, — сказал человек в белых перчатках.

Ранмакан подчинился.

— Вам не трудно?

— Нет. Я могу встать?

— Вам придется некоторое время полежать. Вы должны отдохнуть и окрепнуть.

Ранмакан оглядел комнату, в которой лежал. Это была странная комната. Стены и потолок окрашены в светло-зеленый цвет, матовые, гладкие, без единого украшения. Непонятно, откуда в комнату попадает свет, хотя освещена она ярко. В комнате было много приборов. Они стояли на длинном столе за спинами людей, на столике в изголовье кровати и составляли одно целое — непонятное переплетение светящихся дисков, шкал, трубок, шлангов и проводов. Некоторые из них тянулись к кровати, и, проследив их, Ранмакан понял, что они должны оканчиваться у

его тела. Худшие его подозрения оправдались. Он подопытный. Ранмакан снова поднял руку и обнаружил, что к кисти прикреплен один из проводов.

— Зачем это? — спросил он, стараясь не выдать волнения.

— Приборы следят за вашим здоровьем, — ответил человек в белых перчатках. — Когда вы выздоровеете, мы их снимем.

— Когда?

— Может быть, сегодня, — сказал человек.

И Ранмакан ему не поверил, хотя не стал этого показывать. Он должен обязательно перехитрить своих тюремщиков.

Маленькая женщина наклонилась к черной коробочке и спросила:

— Вы не голодны?

Коробочка не отличалась богатством интонаций: она произнесла эти слова тем же мужским голосом. Ранмакан понял, что коробочка — что-то вроде переводчика. И еще он подумал, что эти люди наверняка связаны с военными: ни такого оборудования, ни таких переводчиков в коробочке ему еще встречать не приходилось. Наверное, он на секретной базе.

— Нет, спасибо, я не голоден, — отказался Ранмакан и тут же пожалел о своих словах.

Лучше есть, пока дают. В Манве было плохо с продуктами. Ранмакан питался плохо и скудно. Наверно, у военных на базе по этой части куда лучше, чем в городе.

— Где я? — спросил Ранмакан.

— Мы вам все объясним, — пообещал человек в белых перчатках.

Что-то неладно у того с руками... В чем же дело? Ну конечно, как же раньше не догадался! Так и есть: и у человека в белых перчатках, и у женщины, и у того, третьего, на руках больше пальцев, чем положено иметь человеку. По пять пальцев. У Ранмакана — четыре. Отдельный, длинный, средний и маленький.

Четыре. У них — пять. Этого быть не может. Так не бывает. *У людей так не бывает.*

— Где я? — спросил он снова. Ему стало страшно, и он заметил, как замельтешили огоньки у кровати.

— Я вас прошу, не волнуйтесь. Мы вам все объясним, как только вы окрепнете.

— Нет! — крикнул Ранмакан. — Нет! Кто вы?

И он уже видел, что у его тюремщиков по-иному, чем должно быть, прорезаны глаза, по-иному лежат волосы, по-иному намечены скулы...

3

— Откуда вы?

— Мы издалека, — сказал человек в белых перчатках.

Павлыш понял, что сыграло роль, — пальцы. Больной, может быть, и не заметил бы этого, надень они перчатки с четырьмя пальцами, и тогда объяснение можно было бы отложить на некоторое время. Павлыш краем глаза поглядывал на приборы. Он знал, что в лаборатории за стеной корона Вас сидит у пульта и не упустит опасного для жизни человека момента. И все-таки с тревогой следил за приборами.

— Вы сильно пострадали во время войны. Сильно пострадал весь город. Мы стараемся вам помочь. Постарайтесь мне поверить. А теперь вам принесут пищу. Вам надо подкрепиться. Кирочка, — обратился человек в белых перчатках к женщине, — возьми поднос сама. Понимаешь?

— Одну секунду. — Женщина вышла из комнаты.

Ранмакан поглядел ей вслед, стараясь увидеть, что там за дверью, но увидел только часть такой же зеленой стены коридора.

В коридоре Кирочку ждала тетя Миля. Она не выдержала и прибежала к двери госпиталя, и стояла здесь, слушая по внутренней связи происходящее, и надеялась, что ее помощь может понадобиться. Она стояла рядом с кухонным Гришкой и смотрела, чтобы тот по услужливости не открыл колпака, под которым стоял куриный бульон и сухарики, — не дай бог, микробы пролезут.

— Ну как он? — спросила она у Кирочки, которая взяла поднос из рук Гришки. — Оживает?

— Вы же слышали, тетя Миля. — Кирочка показала подбородком в сторону динамика, в котором успокаивающе журчал голос Павлыша.

Ранмакан не отвечал доктору. Тот уже представился: доктор Павлыш. Непонятное, странное имя. Его и не произнесешь. Ранмакан старался привести в порядок мысли, но они никак не хотели приходить в порядок. Ранмакан только понимал, что случилось нечто очень страшное и необычное, если в городе распоряжаются уроды с пятью пальцами. Вошла женщина с желтыми волосами. Она несла поднос, накрытый прозрачным колпаком. На подносе стояла чашка с чем-то дымящимся. Чашка была знакомой (Бауэр настоял, чтобы посуду для кормления пациента принесли из города). Ранмакан понял, что голоден.

Женщина подошла к куполу, покрывающему его кровать, и приставила колпак с подносом к прозрачной стене. Странным образом колпаки объединились, как объединяются мыльные пузыри, если их осторожно приблизить друг к другу. Ранмакан ощу-

тил, как подушка и верхняя часть кровати медленно поднимаются, заставляя его сесть, а сбоку, из стены, вдруг вылез столик и повис у него перед грудью. Поднос, не разорвав пленки купола, проник в замкнутый мир Ранмакана и лег на столик.

— Если вам неудобно есть при нас, — сказал Павлыш, — мы можем уйти.

— Нет уж, — ответил Ранмакан. — Я тут не хозяин.

Он решил пока не задавать вопросов. Вспышка собственного страха была ему неприятна и снижала его шансы обмануть тюремщиков, убежать, скрыться от них. Надо держать себя в руках, будь они хоть злые драконы.

Павлыш уселся в кресло пульта.

Ему за последние дни пришлось пройти три сеанса гипноза, пока он разобрался в принципе действия этих приборов. Теперь все в порядке. Павлыш не смотрел в упор на первого человека планеты, но краем глаза видел его и отлично знал, что творится у того внутри: и как работает сердце, и насколько напряжены нервы. На минутку он отключил лингвиста и спросил по внутренней связи корону Вас, не стоит ли ввести успокаивающее. Тот ответил, что не надо: организм отлично справляется с нагрузкой.

Ранмакан подозрительно взглянул на Павлыша. Тот снова говорил на непонятном языке, таился — значит, замышлял что-то. Ранмакан по натуре был недоверчив. Недоверчивость — одно из основных качеств бедного человека в большом городе. Ранмакан мало кому верил.

Ранмакан допил бульон, взял последний сухарь и, хрупая им, присматривался к Павлышу.

Павлыш убрал посуду. Наступило неловкое молчание. Ранмакан ждал, что скажет доктор. Доктор глядел на Ранмакана, думал, как это сделать лучше, легче, безболезненней. Перед ним сидел, опершись на подушку, человек с очень бледным, голубоватым лицом и с иссиня-черными прямыми волосами. Кожа на скулах, казалось, оттягивала книзу углы его черных глаз, делая выражение лица скорбным. Туго сомкнутые губы также были опущены уголками вниз. Щеки и подбородок гладкие.

«Волосы на лице не растут», — подумал Павлыш.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Ранмакан из Манве.

— Манве — это город, в котором вы живете?

— Да, это город. Чего спрашивать? Вы и без меня знаете.

— Нет еще, — ответил доктор, и по всему видно — сказал правду. — Сколько вам лет?

— Тридцать.

«Значит, тридцать четыре по нашему счету, — подумала Кирочка. — У них год длиннее».

— У вас есть семья, родственники?

— Никого у меня нет. — Ранмакану допрос не нравился. — Возьмите мои документы и посмотрите.

— Документов ваших у нас нет.

— А зачем вам все про меня знать?

Ранмакан думал, что на такой наглый вопрос последует вспышка гнева тюремщика. Но тот сделал вид, что не обратил внимания на вызывающее поведение пленника.

— Мы очень мало знаем о вас, — объяснил Павлыш. — И нам, очевидно, в будущем придется работать вместе. Вот и хочется познакомиться.

— Так не знакомятся, — ответил Ранмакан. — Вы все у меня хотите узнать, а про себя — ни слова.

— В свое время сами расскажем. Хорошо, что у вас нет семьи.

— Почему?

— Потому что она погибла бы.

— Как так?

— Погибла бы в той войне, жертвой которой стали и вы.

— Ну, меня не сильно повредило. А что, большие жертвы?

— Да, большие.

— А вы — санитарный отряд, благотворители?

— В какой-то мере, мы — санитарный отряд.

— Тогда развяжите меня и отпустите. Я здоров.

— Вы не связаны. Скоро вам принесут одежду, и тогда сможете встать с постели. Но вряд ли вам удастся сейчас уйти отсюда.

— Ага, так я и знал. Я у вас в плену.

— Нет, Ранмакан из Манве, — сказал доктор. — Вы в плену у себя. У своего города, у своего мира.

Ранмакан посмотрел на женщину с желтыми волосами. Та сидела не шевелясь и перебирала пальцами — как у них много пальцев — край белой одежды. Волнуется. Ранмакан чувствовал приближение чего-то страшного, не направленного против него лично, но тем не менее очень страшного; он хотел бы оттянуть это страшное, которое таилось в ответах на его же вопросы, а тогда надо бы замолчать и ничего не спрашивать, но Ранмакан не мог остановиться.

— Что случилось с городом? — спросил он.

Он не хотел, чтобы ему отвечали, он уже знал ответ.

— Ваш город погиб, — ответил доктор.

Ранмакан почувствовал, что он, маленький, одинокий, голый и беззащитный, как насекомое, приколотое к листу бумаги, виден всем и подвластен всем бедам.

— Так, — сказал Ранмакан, и веря и не веря доктору. — Город погиб. А люди?

— Люди погибли тоже.

— И что же, я один живой остался?
— Да, вы один.
— Как же?
— Вы разрешите, я отвечу на этот вопрос позже? — спросил доктор. — Это довольно опасно.
— Нет, — возразил с неожиданной яростью Ранмакан. — Вы мне ответите сейчас. Сейчас же!
— Хорошо. Но правда будет горькой.
— Все же лучше, чем вранье. Мы проиграли войну?
— Никто войну не выиграл.
— Мир?
— Обе стороны проиграли войну, — сказал доктор. — Никто не выиграл. Все погибли.
— А вы?
— Нас тогда не было на вашей планете.
— Так... А где же были? По небу летали?
— Мы жили у себя дома, на других планетах.
— Вы что же, не с Муны?
— Если Муна — название вашей планеты, то тогда мы не с Муны. Мы даже не из вашей звездной системы.
— А что вы тут делаете?

Ранмакан задавал вопросы быстро, не успевая осмыслить ответы на них, еще не до конца понимая, что же произошло, и не вполне веря своим ушам и своим глазам. Хотя все это не было сном, реальность оказалась непонятной, хуже любого сна.

— Мы прилетели, чтобы помочь вам.
— Мне?
— Всем вам, кто жил на Муне.
— А много осталось?
— Никого.
— А у них, у пьи?
— Это ваши враги? Тоже никого. Ваши бомбы уничтожили всех людей на планете.
— Этого не может быть!
— Это случилось. Мы узнали об этом слишком поздно. И когда прилетели, никого не застали в живых.
— И я один...
— И вы тоже погибли.
— Так я на Дальнем свете?
— Нет, вы живы. Мы, если можно сказать, воскресили вас.
— Я был мертв?
— Да.
— И сколько времени?
— Больше года.
— Но я только вчера...

Ранмакан осекся. Они говорили правду. Они, конечно, говорили правду, просто такую невероятную правду, что в нее нельзя поверить. И вот он один, и, может, это даже не он, не настоящий он...

— Мы надеемся, что вы будете не одиноки. Так же, как мы вернули к жизни вас, мы постараемся вернуть к жизни других людей.
— Ему надо отдохнуть, — напомнила Кирочка.
— Отдыхайте. Мы потом придем, — решил Павлыш.

Ранмакан не возражал. Он не хотел спать, но ему было лучше остаться одному.

Павлыш и Кирочка вышли из комнаты. Перед уходом Павлыш включил автоматику. Если человек станет буйствовать, автомат усыпит его.

Но Ранмакан не собирался буйствовать. Он закрыл глаза и лежал неподвижно. Только приборы продолжали отмерять биение его пульса и дрожь его нервов.

4

На следующий день Ранмакан вместе с Павлышом поднялся на мостик. Загребин включил для него экран, и Ранмакан долго стоял, вглядываясь в расплывчатый за сеткой дождя город, в разрушенные дома и пустые улицы.

Он был единственным человеком на планете. Он не знал, можно ли верить пришельцам, обещавшим найти и вернуть к жизни других людей. Ранмакан находился во власти тупого длительного шока; он мог есть, спать, наконец, говорить, пользуясь черной коробочкой; он старался верить в то, что кроме него не осталось на планете ни одного живого человека, что воздух планеты смертелен для людей, что уже год, как нет в живых ни продавщицы в магазине порта, ни его начальника — впрочем, чего его жалеть? — ни полицейских в синих шлемах, ни соседского парнишки, который построил из фанеры автомобиль.

Ранмакан старался верить, но все-таки не верил. Он знал, хотя этой уверенностью не желал делиться с пришельцами, что где-то — или далеко на севере, или в горах Ракуны — живут еще люди. Представить себе гибель своей планеты — выше возможностей мелкого таможенного чиновника, которому, в сущности, никогда не приходило в голову, что война сможет подойти к тихому Манве.

Ранмакан вспомнил, как был незадолго до войны в визоре — смотрел ленту, в которой показывали, что после войны все погибнут. Но в той ленте двое остались в живых — девушка и па-

рень. И они долго шли по опустевшей планете и в конце концов нашли других людей. Конечно же, нашли. Ранмакан вспомнил, ему говорил кто-то, что картину скоро запретили. Страна готовилась к войне, и нельзя было подрывать боевой дух.

Город лежал перед ним на громадном овальном экране, знакомый и совершенно чужой. Ранмакану хотелось уйти туда, и снова войти в магазин, и спросить у пухленькой продавщицы, нет ли у нее жвачки. Ранмакан знал, что продавщица сначала скажет, мол, жвачки нет и он, видно, хочет, чтобы пришла секретная полиция, потому что жвачка уже три года запрещена, а потом она обязательно достанет из-под прилавка пакетик, и пакетик этот будет стоить всю недельную зарплату, но неважно — жвачки хватает надолго, дня на три, и продавщица тоже согласится пожевать кусочек: ему не жалко поделиться с такой продавщицей.

Большой светловолосый человек с широкими кистями рук стоял в стороне и пускал изо рта дым. Ранмакан боялся этого человека больше, чем доктора Павлыша. Он понимал, что этот человек, хоть и смотрит на него без злости, опасен и чужд. Может, это они, пришельцы, и разбомбили Манве?

Пожалуй, надо бы воздержаться от курения в присутствии Ранмакана, размышлял Загребин. Кто знает, что тот может подумать о людях: здесь, судя по всему, табака не знали, здесь жевали какую-то гадость.

— Возвращаемся, — произнес динамик. Это докладывала группа Антипина. — В большом замке никого нет.

— Что было в большом замке на холме? — спросил Загребин Ранмакана, который с недоверием прислушивался к словам, раздававшимся со стороны экрана.

— Дворец губернатора, — ответил Ранмакан. Между домами на экране появился вездеход. Он медленно полз к кораблю. — Что это? — спросил Ранмакан.

— Наша машина. Искали других людей.

— И не нашли, — добавил уверенно Ранмакан. Они и не хотят искать. Но ничего. Он убежит. Он обязательно убежит отсюда. Ведь, в конце концов, почему он должен верить им, что воздух смертелен? Тысячи поколений жили на планете, и он не был смертельным. А тут стал смертельным.

— Не нашли пока. — Загребин посмотрел на Павлыша: — Не пора ли кормить Адама? — Так называли Ранмакана на корабле, хотя он был слишком худ и мрачен для первого человека.

— Он неразговорчив, — сказал Кудараускас Загребину, когда доктор с пациентом вышли.

— А вы бы на его месте?

— Я не мог оказаться на его месте, — отрезал Кудараускас. —

Я до сих пор уверен, что из нашего эксперимента ничего не выйдет. Потому что он порочен.

— Ладно уж, — сказал Загребин; ему не хотелось спорить. — Вы включили шлюзы?

— Да.

— Не забудьте удвоить время промывки вездехода. Они ведь сегодня побывали в эпицентре взрыва.

Кудараускас знал, где они были. Он внимательно смотрел, как вездеход разворачивается, останавливаясь у корабля, как из люка тяжело выскакивают похожие на головастых муравьев Антипин и Цыганков, нагруженные трофеями мертвого города.

Кудараускас включил шлюз, и космонавты, сказав что-то вездеходу, пошли к открывающемуся люку.

На мостик заглянул Христо Райков.

— У меня идея, Геннадий Сергеевич.

— Добро пожаловать. Надеюсь, оптимистическая?

— Почему?

— Да вот у Зенонаса тоже все время идеи, только довольно мрачные.

— Не знаю, — ответил Христо. — Наверное, оптимистическая. Я думал: мы все ищем и ищем людей. А если они на улице погибли или в убежище, то их давно крысы погубили. Совсем погубили. А ведь есть место, куда крысы не добрались. В каждом городе есть.

— Я об этом уже думал, — улыбнулся капитан. — Дня два назад подумал. Даже с коронами поговорил. Не получается.

— Да вы же не дослушали.

— Зато понял. Ты имеешь в виду кладбище?

— Конечно. Правильно! Они ведь прятали мертвых в землю. И если земля сухая, песчаная, то тело могло частично сохраниться... Вы ведь знаете: я геологией интересуюсь. Вот и взял образцы почв. На окраине. Где кладбище. Там песок... Представляете, мы идем по кладбищу и видим: «Здесь похоронен великий физик». Или: «Здесь похоронен известный писатель». И мы уже знаем, кого оживлять. Мы самых лучших, самых умных людей планеты оживим.

— Все правильно, Христо, — согласился Загребин. — Есть два «но». Каждого из них достаточно. Первое: на Муне обычно сжигали мертвых. Под могильными памятниками, которые ты видел на кладбище, лежат урны с пеплом. Это проверено. Достаточно? Или нужно второе «но»?

— Достаточно, — сказал упавшим голосом Христо. — И разве не было исключений?

— Были. Особенно в стороне от больших городов. Но мы еще

так мало знаем о Муне! Может быть, когда-нибудь мы вернемся к твоей идее. Сейчас будем искать более простые пути. Согласен?

— Согласен.

Когда практикант ушел, Кудараускас, продолжая следить за разгрузкой и дезактивацией привезенного из города, спросил:

— А что вы имели в виду под вторым «но»?

— Это лучше объяснит корона Вас. Дело в том, что аппарат не делает людей бессмертными. Если человек умер от старости, то он возродится таким же старым, каким умер. И умрет, возможно, снова через несколько дней.

— А соблазнительно все-таки найти и вернуть к жизни лучшие умы планеты.

— Соблазнительно. Но пока придется действовать наугад.

5

Тете Миле очень хотелось, чтобы Ранмакану понравились котлеты, весьма неплохие котлеты из филе кур. Таких на корабле давно не ели. Корона Вас обещал делать из каждой курицы десяток — но, видно, забыл в суматохе, а напоминать было неловко.

Ранмакан ел не спеша, о чем-то думал. «Хоть бы улыбнулся разок, — подумала тетя Миля. — Это, конечно, горько, когда ты один-одинешенек остался на своей земле, но ведь не пропадешь теперь — мы же прилетели. И других найдем. Как тебя нашли, так и других найдем, девушку тебе подберем. Дети пойдут...»

Ранмакан не спешил доедать обед. Он знал, что его в покое не оставят. Конечно, секретов он не знал, военных тайн тоже, он понимал: придется держаться настороже — неизвестно, что им от него нужно в самом деле и когда наступит такой момент, что его выкинут, а может, и переделают в такие вот котлеты... Может, это и есть котлеты из его предшественника? Того допросили и уничтожили... Вот сидит женщина напротив. Толстая, кудрявая. Хорошо бы она помогла бежать отсюда. Но как она может оказаться другом? Ведь ей приказали его, Ранмакана, откормить как следует...

Вошел Павлыш. С ним еще одна девушка, которую Ранмакан раньше не видел. Высокого роста, не ниже Павлыша. У нее были очень пышные и длинные черные волосы, небрежно собранные на затылке, крупные губы и огромные, спрятавшиеся за длинными ресницами глаза.

— Снежина Панова, — представил женщину доктор.

Ранмакан кивнул головой. «Как в зверинце, — подумал он. — Ходят смотреть».

— Я буду занят в ближайший день, — сказал Павлыш. — Сегодня ночью мы улетаем к полюсу. Так что Снежина будет вам помогать.

— Мне можно ходить, куда хочу? — спросил Ранмакан.

— Конечно. Вы же себя хорошо чувствуете.

«Ладно, — подумал Ранмакан. — Буду послушным и добрым. Хорошо, что со мной остается женщина. Ее легко провести. Только бы сбежать с корабля — и потом в горы, к перевалам. Там должны быть свои».

Снежина сказала:

— Я сейчас уйду, не буду мешать. Вы найдете меня в моей комнате. В крайнем случае, чтобы не искать, видите кнопки вызова? Мой номер один четыре.

— Хорошо, — ответил Ранмакан.

— Вы не хотите добавки? — спросила тетя Миля.

— Нет, я сыт.

— Погодите, я компотом вас угощу. Из настоящих вишен. Небось не ели никогда?

Ранмакан невольно улыбнулся.

— Я даже такого слова не слыхал.

Тете Миле хотелось поговорить со спасенным. Ведь минутки не найдешь — все доктора да капитан с ним беседуют. Может, ему чего-нибудь такого хочется, а они и не догадаются? Вон глаза как бегают!

Тетя Миля принесла большую пол-литровую чашку компота из вишен.

Ранмакан попробовал.

— Не кисло? — спросила тетя Миля.

— Нет.

С сахаром в городе в последние месяцы было очень плохо. Ранмакан уже и не помнил, когда ел сладкое.

— Спасибо, — сказал он тете Миле.

К человеку, который вкусно поел, приходят добрые мысли. И Ранмакану стала более симпатична эта толстуха.

— Как уж вы это натворили? — спросила тетя Миля. Она не хотела быть нетактичной, но сказала и испугалась: вдруг обидела человека?

— Что натворили?

Последние ложки компота шли уже через силу.

— Ну, перебили друг друга. Войну такую устроили.

— Это не мы виноваты, — ответил Ранмакан. — Это наши враги, пьи. Они на нас злодейски напали.

— За что же это?

— Пьи — враги свободы и враги нашего государства.

Ранмакан поймал себя на том, что говорит языком предвоенных передач. Но до тех пор пока эти передачи не начались, он

своего мнения по военным вопросам не имел. Знал, правда, что пьи пытаются захватить плодородные колонии лигонской державы и из-за них нерегулярно поступает и все дорожает жвачка. Вот вроде и все. Какое ему было дело до пьи?

— Враги, враги... — проговорила тетя Миля. — Эти слова давно забыть бы надо. Чего ты-то с ними не поделил?

— Это так сразу не объяснишь, — сказал Ранмакан. — Это проблема сложная.

6

Павлыш дремал у иллюминатора. Внизу покачивался расположованный белыми барашками океан. Океан покачивался уже третий час, и все так же висело над горизонтом солнце. Катер «Аист» догонял утро.

Экспедиция летела на остров в океане. Остров лежал неподалеку от Южного полюса планеты, и там, по сведениям первого разведчика, были замечены какие-то постройки. Остров был окружен льдами, и группа строений на нем казалась неповрежденной. Туда могли не добраться крысы. Поэтому капитан дал согласие на полет, хоть это и должно было занять целый день и ради этого приходилось прерывать исследование города.

Но и в этом были свои плюсы. Накопилось довольно много материалов — книг, газет, вещей. Если не привести все это в порядок, утонешь в информации. Не распутаешься. На остров полетели Павлыш с Аро и Антипин с Малышом. Снежина занималась с Ранмаканом. Корона Вас вносил кое-какие усовершенствования в свой аппарат. Баков и Лещук, старший механик, стояли ночную вахту, потом по распорядку шли отдыхать. Остальные занялись разбором материалов. Когда катер был готов к полету, Павлыш заглянул в сектор Мозга. Там трудились самодеятельные археологи, искусствоведы, историки...

Павлыш даже позавидовал тем, кто остается. Кроме того, он беспокоился о Ранмакане. Как бы там Снежина чего не напутала, не наговорила лишнего. Корона Вас обещал не спускать с них глаз, однако...

Все тот же океан. Все те же барашки.

— Их цивилизация примерно чему соответствует? — спросил Малыш. — По нашей хронологии?

— Наверно, середине двадцатого века. Тогда тоже создавались запасы ядерного оружия и была опасность всеобщей войны.

На горизонте показалась белая линия льдов. Где-то там, недалеко от кромки, находилась цель полета — маленький гористый остров.

— А Ранмакан что думает?

— С ним будет трудно, — сказал корона Аро. — Уровень интеллекта невысок, очень подозрителен, не верит, что разумные существа могут помогать друг другу. Привык видеть во всех людях врагов.

Белые льдины утихомирили океан, и он темно-синими реками и озерами улегся между белых полей.

— Вот он, остров, — произнес Антипин.

Остров был неуютен, мрачен. Черные зубцы скал прорезали лед и снег, и нигде не видно следов жизни. Катер облетел остров вокруг — никаких домов или других строений, только снег между зубцами скал.

— Может быть, ошибка? — спросил Антипин. — Другого острова по соседству нет?

— Нет, это тот остров, — сказал корона Аро. — Все совпадает. Под большой скалой должно быть несколько домиков.

Катер опустился на ровную площадку у скалы и ушел в снег метра на три.

— Все ясно, — сказал Павлыш. — Дома занесло снегом. Так бывает у нас в Арктике.

— А что делать дальше? — спросил Малыш. — Мы же потонем в снегу.

— Утонуть не утонем, но найти их нелегко. Включи-ка локатор.

Зеленым прямоугольником на экране обозначился дом.

Через четверть часа Павлыш и Антипин стояли по колено в снегу на наклонной крыше дома. Павлыш разгреб снег, и серая обледенелая поверхность крыши появилась на свет.

— Жаль, что двигатель гравитационный, — сказал Павлыш. — А то бы растопили снег отработанными газами, и дело с концом.

— Да. — Антипин подошел к краю крыши и ощупал ногой карниз.

Карниз не выдержал его веса и обломился. Взмахнув руками, Антипин пропал в снегу.

— Ну вот, — сказал из корабля Малыш. — Второй раз на этой планете проваливается. Что за развлечение себе придумал?

— Ты как там? — спросил Павлыш, осторожно подходя к краю крыши.

— Тут, по-моему, дверь, — ответил Антипин. — Только ее никак не откроешь. Примерзла.

Шлем Антипина покачивался в осыпающихся краях дыры, пробитой им в насте.

— Погодите, — сказал Малыш. — Я, кажется, могу помочь. Здесь в инструментах должен быть тепловой резак. Ага, вот он. Я луч расфокусирую, получится конус. Слава, поднимись сюда.

Павлыш не сумел поймать брошенный резак, и тот исчез в снегу.

— Не потеряй! — крикнул Малыш. — Второго нету. И лопату не взяли.

— Что такое лопата? — поинтересовался Аро.

— Очень простой инструмент, — объяснил Малыш. — С его помощью построены все великие памятники земной цивилизации. Прадедушка экскаватора.

— Понятно, — ответил Аро.

И не было ясно, действительно ли ему понятно или он думает, что Малыш шутит.

Антипин разыскал резак, включил его сначала на малую мощность, потом, когда снег стал съеживаться, открывая сумеречное небо и низкое, у самой земли, солнце, перевел на полный ход и уверенно двинулся вокруг дома, стараясь не задеть его тепловым конусом и слушая, как журчит вода, прокладывая путь в снежном матраце.

Оттаявшая дверь сама приоткрылась, и свежий воздух ворвался в хижину. Павлыш постучал пальцем по стеклу узкого, похожего на бойницу окна.

— Даже стекла не разбились, — сказал Антипин. — Удивительно: дом засыпан, а окна целы.

— Ты рассуждаешь как старожил. — Павлыш потянул дверь на себя и включил фонарь на шлеме.

За небольшим тамбуром была комната с плитой — или печью — в углу и треугольным столом посередине. На плите стояла кастрюля, наполненная льдом. Ледяные сталактиты свисали с потолка, низкого и черного. Позади стола виднелась широкая лежанка, на которую была навалена куча окаменевшего тряпья. Свет чуть-чуть пробивался сквозь бойницы окошек, одинокая табуретка упала когда-то и вмерзла в слой льда, покрывающий пол. Людей нигде не было.

— Рыбаки, что ли, здесь жили? — спросил Антипин.

— Похоже, что дом покинут.

— Зря летели? — огорчился Малыш, который прислушивался к разговору.

Диссонансом обстановке комнаты была повисшая на одном гвозде полка с книгами. Некоторые из них упали на пол и утонули во льду, другие чудом держались на полке, скрепленные морозом.

— Может, здесь жил благородный и бедный отшельник?

— Не мешало бы найти его. А то наш Ранмакан даже книг, по-моему, не читал. Я его спрашивал, а он как-то увиливает от ответа, — сказал Павлыш.

— Где же остальные дома? Разведдиск два месяца назад видел несколько домов, — напомнил Малыш.

— Добраться до них будет труднее, — ответил корона Аро. — Боюсь, те дома попали под лавину. Чтобы к ним пробиться, надо пройти завал льда и снега потолще того, что уже одолели.

— Интересно, такое ощущение, будто в комнате затхлый воздух. А ведь запахов я в скафандре не чувствую.

Антипин передал книгу перегнувшемуся из люка Малышу, а сам обернулся к доктору.

— Ты что?

— Хочу растопить лед у входа. Тут ступеньки. На них что-то вмерзло в лед.

Павлыш отошел на шаг в сторону, утонув по пояс в снегу, и направил луч резака вниз. Через несколько секунд лед поддался тепловому лучу и пополз по сторонам, освобождая широкую воронку. На дне воронки лежала овальная миска с замерзшей кашей.

— Только и всего, — усмехнулся Антипин.

Доктор снова включил резак, поводя им, чтобы растопить лед на большей площади. Через минуту сквозь слой льда уже можно было различить человеческую руку, тянувшуюся к миске.

— Вот он, — сказал Павлыш. — Вот он, наш отшельник.

7

Только успели погрузить тело «отшельника», как на остров налетела метель. Она за одну минуту снова засыпала хижину и протоптанную вокруг нее дорожку, и следов не осталось.

Катер поднимался в шипучей и яростной толкотне снега и ветра, и пришлось уйти на семнадцать километров вверх, прежде чем фронт облаков поредел и остался внизу мохнатыми шапками снеговых туч. Связь прервалась, но Малыш успел сообщить на «Сегежу», чтобы Вас готовил аппаратуру. Операция «Человек» продолжалась.

Путешествие обратно было ничем не примечательным. Антипин с Малышом занимались исследованием верхних слоев атмосферы, Павлыш пытался разобраться в слипшихся грудах бумаг, бывших когда-то книгами, корона Аро дремал или думал — кто его поймет?

Спускались вслепую. Локатор показал скопище домов внизу: город и диск «Сегежи» рядом с ним.

Облака расступились только у самой земли, «Аист» вошел в луч пеленгатора и мягко подплыл к грузовому люку — полозья выдвинулись навстречу ему из тела «Сегежи», и в узком ангаре

пришлось задержаться, пока струи дезактиваторов тщательно промывали катер.

— Ну, как у вас дела? — включил внутреннюю связь Антипин. — Все в порядке?

На мостике был только Кудараускас. Светлые глаза его не выражали никаких эмоций.

— А как у вас? — ответил он вопросом.

— Вроде неплохо. Корона Вас приготовил аппаратуру?

— Вам придется подождать, — ровным голосом сказал Кудараускас. — Аппарат в действии. Он занят.

— Как занят? Вы нашли еще кого-нибудь?

— Нет, не нашли. По окончании обработки корону Аро просят немедленно прийти в лабораторию. Павлыша тоже.

— Чепуха какая-то, Зенонас, — сказал Малыш. — Послушай, что случилось?

— Ничего хорошего. Поскорее выходите из ракеты. Вы нужны здесь.

Кудараускас отключился.

Космонавты выскочили из ракеты, поворачиваясь под струями дезактиватора. Раздеваясь в следующем тамбуре, Малыш размышлял:

— Капитана на мостике нет, а вроде бы его вахта. И Зенонас ничего толком не объяснил...

— Может, что-нибудь случилось с Ранмаканом?

— Вряд ли с ним могло что-нибудь случиться, — произнес корона Аро мрачно. — По всем данным, он типичный представитель здешней цивилизации. Мы даже убрали у него начинающуюся язву желудка. Он о ней и не знал.

— Но все-таки, — настаивал Малыш. — Представьте себе какой-нибудь наш безвредный вирус. А для него — смерть. Или тетя Миля чем-нибудь его по доброте сердечной накормила.

— Малыш, брось свои бредовые идеи, — проговорил Павлыш несколько резче, чем следовало. Ему также не понравился Кудараускас с его таинственностью.

— Вы готовы? — спросил Аро.

— Готовы.

Павлыш выключил очистительные установки и открыл дверь в корабль.

У двери уже стояла Снежина. Снежина была бледной, на белом лице горели полные губы, и глаза казались еще больше и чернее, чем всегда.

— Снежина, здравствуй. Что у вас происходит? — спросил Малыш.

— Я слышала, как вы говорили с Зенонасом. И я побежала, чтобы вас встретить. На корабле несчастье. И я во всем виновата.

— Что случилось? — Павлыш взял ее за руку. — Не беспокойся. Что же случилось?

— Загребин убит, — сказала Снежина. — И я в этом виновата.

8

Кроме нее самой, Снежину никто не винил. Виновато во всем было несколько беззаботное отношение всех космонавтов к проблемам, которые возникли на Синей планете. Корабль прилетел сюда для возвышенной миссии, и уверенность в том, что люди, которым помогли, должны испытывать в первую очередь чувство благодарности к «Сегеже», настраивала всех на добродушие.

Члены экипажа были увлечены борьбой за одушевление погибшей планеты, и появление первого живого человека, лишь только прошла сенсационность первых часов, было воспринято как вполне естественная вещь. Когда все убедились, что аппарат корон действует и в состоянии на самом деле помогать спасению планеты, корабль охватило деловое возбуждение. Надо было как можно скорее найти и оживить людей, обследовать и изучить как можно большую часть планеты. На смену подавленности первых дней наконец-то пришла настоящая работа, и теперь следовало выполнить ее побыстрее и получше. И радиограмма с катера о том, что найден еще один человек, только укрепила эту уверенность.

Покинутая на произвол судьбы планета с каждым днем приходила в большее запустение; каждый день где-то гибли шедевры живописи и литературы, созданные тысячелетиями; каждый день крысы-мутанты пожирали все, до чего могли дотянуться их мелкие и острые зубы.

И потому Снежину нельзя обвинить в том, что она не уделяла Ранмакану столько внимания, сколько нужно было бы, если знать его намерения.

В одном Снежина действительно провинилась — между ней и Ранмаканом произошел такой разговор.

— А как же вы прилетели к нам безоружными? — спросил Ранмакан. — А вдруг бы вас встретили враги? А вдруг кто-то из пьи остался в живых?

— Вряд ли это реально, — рассеянно ответила Снежина, которой очень хотелось убежать в лабораторию, где, если верить Христо, Мозг расшифровал важные документы.

Снежина, как и другие космонавты, предполагала, что Ранмакан не принадлежал к числу лучших умов планеты. Разговор с Ранмаканом был скучен, и его стандартные рассуждения о воин-

ственности пьи и отсутствии жвачки на борту «Сегежи» быстро надоели.

— Ну ладно, а если трезар?

Снежина уже знала, что трезар — крупный хищник, что-то вроде тигра, который обитал на планете до войны.

— Для этого на корабле есть оружие.

— Ага, так я и думал. — Голубые тонкие губы Ранмакана сжались в ниточку. — Без оружия вы никуда, хоть и говорите о дружбе.

— Знаете что, давайте поговорим о другом, — предложила Снежина. — Мало ли тем для разговора?

— Опять допрос? — вздохнул Ранмакан.

— Ну хорошо, спрашивайте вы.

— Не хочу. Пойду спать. А у вас пистолет есть?

— В оружейном есть и на мостике у капитана. На всякий случай.

Ранмакан ушел. Снежина не беспокоилась за него. В лаборатории остается корона Вас, который в любую минуту может узнать, где находится Ранмакан.

Виноват был и корона Вас. Вместо того чтобы хоть изредка поглядывать, где же бродит Ранмакан, он принялся оживлять кур.

Эта проблема его интересовала не только с точки зрения услуги, которую он мог оказать тете Миле, но и как чисто научный эксперимент.

Виноват был и Кудараускас. Его подвела любовь к абстрактным психологическим исследованиям. Когда на мостик поднялся Ранмакан и принялся бродить по длинному помещению, поглядывая на экран внешнего обзора, Кудараускас начал задавать ему вопросы. Само существование Ранмакана давало ему, полагал Зенонас, определенные преимущества в споре с оппонентами. Позиции его были бы слабее, если бы первым человеком на «Сегеже» оказалось существо, вызывающее всеобщее уважение и любовь. Ранмакан не стремился ни к тому, ни к другому. Он даже не проявлял большой благодарности за то, что его вернули к жизни. И Кудараускасу хотелось найти в нем, в его мировоззрении черты, приведшие к гибели целую планету.

Поэтому Кудараускас, как только Ранмакан появился на мостике, всем своим видом показывая, что не собирается покидать его, принялся задавать Ранмакану вопросы, невинные на вид, но с двойным дном.

Ранмакан, с недоверчивостью относившийся к любым вопросам, не хотел раздражать отказом беловолосого штурмана и поэтому коротко и сухо отвечал на них, сам тоже спрашивал что-то

малозначащее и тоже имеющее другое значение. Спросил он и об оружии. Этот вопрос Кудараускаса заинтересовал.

Он повторил то же, что говорила Ранмакану Снежина, и Ранмакан не поверил Кудараускасу так же, как не поверил Снежине. Однако про себя удивился сговору пришельцев.

— И сильно бьет? — спросил Ранмакан.

— Лучевой пистолет? Метров на сто, это же средство защиты.

— У нас есть пистолеты и пулеметы, бьющие без промаха на три километра.

Ранмакан употребил в разговоре другую меру длины, но лингвист у него на груди перевел меру в земные понятия. Лингвист передавал местное звучание слов только в тех случаях, когда понятию не было эквивалента в земных языках.

— Но я же повторяю, — сказал спокойно Кудараускас, — это оружие чисто оборонительного типа. И оно еще не употреблялось за все время моей работы на «Сегеже».

— А какая точность выстрелов? — спросил Ранмакан.

В это время капитан зачем-то отлучился с мостика, и Кудараускас остался наедине с Ранмаканом. Он встал, подошел к стене и открыл небольшую дверцу в ней. В нише, на полке, лежал лучевой пистолет.

— Сейчас посмотрим, — ответил Кудараускас, — хотя это не имеет значения. Рассеивание... Точность попадания... Видите, как прост в обращении?

Ранмакан внимательно осмотрел пистолет, но тут Кудараускаса кольнуло какое-то неприятное предчувствие. По крайней мере, он сам так говорил потом Бауэру. Зенонас положил обратно пистолет, захлопнул шкафчик и внимательно поглядел на Ранмакана. Но тот как будто потерял уже к пистолету всякий интерес. Он снова подошел к экрану и стал смотреть на застланный мглой дождя город.

— Сегодня никто туда не поедет? — спросил он.

Он находился в странном состоянии: с одной стороны, его план неожиданно облегчался тем, что тюремщики даже не запирали шкафчик с оружием, но вдруг это ловушка? Страх, охвативший его в тот момент, когда он раскрыл глаза в госпитале «Сегежи», не отпускал. Он руководил всеми его действиями.

— В город? Сам Загребин собирался съездить туда на «Еже» с Бауэром. На самую окраину. Там, в начале улицы, здание редакции. Вы знаете?

— Я этот район плохо знаю, — сказал Ранмакан. — Когда они поедут?

— Скоро, через полчаса. Ага, вот и Загребин. Геннадий Сергеевич, вы когда собираетесь в город?

— Вахту сдам Бакову, и поедем. А вы что, Ранмакан, хотите с нами?

— Я там еще не был... после войны, — оживился Ранмакан.

— Тогда вместе поедем. Вы нам поможете.

Загребин вызвал по внутренней связи корону Вас. Тот очнулся от блаженных дум и ответил, что не имеет ничего против, если Ранмакан съездит в город.

Тут уже был виноват Загребин. Он должен был осторожнее относиться к Ранмакану. И корона Вас тоже. Но и тот и другой упустили из виду, что Ранмакан — представитель цивилизации, отставшей на несколько сотен лет от Земли и Короны. С другими мыслями, с другими рефлексами и совсем другим отношением к людям.

9

Вынуть пистолет из шкафчика и спрятать его в кармане оказалось нетрудно. Капитан вышел вниз подготовить «Ежа» к поездке, а Кудараускас углубился в какие-то свои расчеты.

Дальнейшее было еще проще. Управление скафандром оказалось автоматическим. Ранмакан прошелся в скафандре по коридору и сказал капитану, что чувствует себя хорошо.

В скафандре было слышно все, что говорили другие люди, также одетые в скафандры. Кроме того, можно было поддерживать связь с кораблем.

— Будете нашим гидом по городу, хорошо? — предложил капитан, забираясь в вездеход.

— Хорошо, — Ранмакан улыбнулся.

— Я даже и не надеялся, что вы захотите с нами поехать, — заметил Загребин. — С местным жителем куда удобнее. Я боялся, что вам будет тяжело...

— Ничего, — ответил Ранмакан. — Поехали. — Он спешил. В любой момент Кудараускас или Баков могли обнаружить пропажу пистолета, и тогда все погибло.

В кабине «Ежа», устроившись сзади Бауэра и Загребина, Ранмакан незаметно расстегнул скафандр сбоку и вынул из кармана пистолет. Кабина вездехода была слабо защищена от радиации. Но Ранмакан не верил тому, что доза радиации, прорвавшейся к его телу в эти секунды, была опасной для жизни.

У одного из первых домов улицы, ведущей к центру — она называлась улицей Торжества, — вездеход остановился.

— Мы тут немного задержимся, — сказал Загребин. — Не возражаете?

Ранмакан не возражал. Он подождал, пока Бауэр и Загребин

скрылись в узкой двери одного из домов, и бросился бежать вдоль улицы, надеясь спрятаться в подъезде.

Движимый каким-то шестым чувством, интуицией много повидавшего человека, капитан, входя в дом, обернулся. И увидел, что Ранмакан убегает.

— Ранмакан! Стойте! Что вы делаете?

Капитан бросился за Ранмаканом. Он понимал, что человек без корабля, без защиты скоро погибнет в этом мире.

Ранмакан этого не понимал. Он обернулся, выхватил пистолет и в упор, с пяти шагов, всадил в лицо и грудь капитану половину мощности пистолета.

Такого удара не выдержал даже скафандр высокой защиты. Прозрачная броня его почернела, обуглилась, и, высоко подняв от немыслимой боли толстопалые руки, капитан упал на мокрую, выщербленную ветрами мостовую.

Бауэр уже стоял в дверях. Второй выстрел был направлен ему в лицо, но штурман за какую-то долю секунды успел нырнуть в проем двери, и синий дым тут же скрыл Глеба от следующего выстрела.

Ранмакан остановился. Что делать? Теперь он беглец, он враг могучего корабля и могучих пришельцев. Правда, у Бауэра оружия нет...

Ранмакан выстрелил в гусеницу «Ежа». «Еж», движимый инстинктом самосохранения робота, отпрянул в сторону, но его настиг следующий выстрел. Гусеница оплавилась, и «Еж» завертелся на месте.

— Что случилось? — кричал Баков, и голос его бился в ушах Ранмакана, как неумолимый преследователь. — Что случилось? Загребин! Бауэр!

Ранмакан побежал вдоль улицы, петляя, будто его могли увидеть с корабля, свернул в проходной двор и через узкие переулки направился к холмам. Город они могут сжечь, мстя Ранмакану. В холмах его не найдут.

— Ранмакан напал на капитана, — наконец услышал он голос Бауэра в шлеме. — Капитан ранен или убит. «Еж» поврежден. Срочно нужна помощь.

— Оставайтесь на месте! — приказал Баков. — Окажите помощь капитану. Откуда у Ранмакана оружие?

— У него наш лучевой пистолет. Что он сделал с мастером? Скорее!

— Спускаем «Великана»!

Ранмакан плутал по проходным дворам и переулкам, ища выхода к холмам. Он не мог поверить, что о нем в этот момент забыли, что его никто не преследует. Скафандр не успевал подавать достаточно воздуха для бешено сжимающихся легких. Ранмакан

задыхался. Ему не хотелось снимать шлем: сняв его, он будет лишен возможности слушать разговоры по внешней связи. Но шлем с каждым шагом все тяжелее давил на голову...

Спрятавшись за углом крайнего дома, Ранмакан отвинтил шлем и бросил его на мостовую; прозрачным мячом шлем покатился к луже, занимавшей середину мостовой, и поплыл по ней, подгоняемый поднимающимся ветром. Надвигался ураган. Снег с дождем били Ранмакану в лицо, словно пытались остановить. Но тот был доволен, что погода испортилась: теперь его труднее будет найти.

Начался подъем на холм. Ранмакан убавил шаги — все равно он уже не мог бежать. С пистолетом он не расставался. Дальше от корабля, дальше от мести пришельцев...

Ранмакан был обречен на скорую и мучительную смерть. Спасти Ранмакана мог только аппарат короны Вас. Но Ранмакан бежал от него.

Скалы сомкнулись над тропинкой. Ранмакан присел, чтобы перевести дух. Ветер сюда не долетал. Ранмакан спрятал пистолет в карман. Он чувствовал себя здоровым и сильным. Теперь главное — найти своих и рассказать им о пришельцах. Должен же где-то существовать свой привычный мир, мир порядка и закона.

А тем временем Бауэр тащил к кораблю обугленное тело капитана, тяжелое и неповоротливое в скафандре высокой защиты. Он не обходил луж и камней. Он задыхался, спешил.

У последнего дома его встретил вездеход «Великан».

Ураган разыгрался к тому времени, и Бауэр увидел вездеход только тогда, когда спрыгнувший с него механик Лещук крикнул ему:

— Давай помогу!

Глава 4

ВТОРАЯ НЕУДАЧА

1

В лаборатории — некому было запретить — собралась большая часть экипажа. Корона Вас не начинал работы до появления Аро и Павлыша. Без них он не мог справиться с аппаратурой. Вас понимал, что теперь, когда тело капитана, охлажденное и готовое к оживлению, находилось на операционном столе, время перестало играть решающую роль в спасении капитана. Корона Вас объяснил это Бакову, принявшему командование кораблем, и

Снежине, но те все равно отсчитывали минуты до возвращения катера, и им, несмотря ни на что, казалось, будто с каждой минутой уменьшаются шансы на то, что Загребин вернется на мостик, постучит сигаретой о край пепельницы и скажет вахтенному: «А вот у нас в училище был такой случай...»

Когда Кудараускас сообщил в лабораторию, что катер снизился, Баков приказал Зенонасу не торопить их с дезактивацией. Все должно идти по плану. Если поторопишься, в лабораторию могут попасть вирусы или радиация. Это решение далось Бакову нелегко, но он теперь был капитаном корабля, и первой его обязанностью было вернуть к жизни мастера. Сформулировав так свою задачу, Баков принялся проводить ее в жизнь. Правда, освободить лабораторию от заинтересованных лиц он не решился.

Снежина встала у дверей рядом с Бауэром. Павлыш и Аро прошли к приборам. Лицо и грудь капитана были прикрыты тканью, и из сплетения приборов и креплений виднелись только усыпанные веснушками кисти рук.

— Все будет в порядке, — сказал Бауэр Снежине. Он очень хотел, чтобы все было в порядке.

— Прошу лишних уйти, — произнес Павлыш. — Пожалуйста, уйдите. Помощи от вас никакой, а разговариваете.

— Мы не будем разговаривать, — заверила Снежина.

— Пойдем, — предложил ей Бауэр. — На мостике есть экран. Павлыш тоже волнуется.

А когда они поднимались на мостик, он сказал Снежине:

— Я ведь тоже мог оказаться на этом столе. Мое счастье, что Ранмакан плохо управлялся с пистолетом.

— Вполне достаточно, чтобы убивать, — съязвила Снежина.

Бауэр открыл дверь на мостик и вдруг улыбнулся.

— Чего ты? — удивилась Снежина.

— Как быстро люди приспосабливаются к новым условиям жизни! Еще месяц назад, случись такое, корабль был бы во власти безнадежного горя. Погиб капитан. А теперь: как бы еще чего не случилось? То есть говоришь о мастере как о пострадавшем в катастрофе, но абсолютно живом человеке.

— Не мели чепухи, — обиделась Снежина. Ей сейчас не хотелось философствовать. — Конечно, капитан будет жить.

Кудараускас включил экран лаборатории и, пока члены экипажа рассаживались, спросил:

— А где Ранмакан?

— Кто знает? — сказал Бауэр.

— Надо будет догнать его. Он погибнет.

— Я бы его снова не оживляла. Должно же быть наказание, — сказала Снежина.

— Постарайтесь понять, — возразил Павлыш. — Он просто нам не поверил. Решил: мы враги.

— А вдруг он сумасшедший? — спросил Кудараускас. — Не в нашем смысле, а сумасшедший, как и все другие жители планеты. Охваченный стремлением убивать.

— Мы привезли еще одного человека, — вспомнил Бауэр. — С дальнего острова. Завтра-послезавтра увидишь, что и здесь люди бывают разные.

— Ты уже уверен?

— Я давно уверен.

Биологи включили аппаратуру. С мостика экран показывал их сверху, как показывают операции в хирургическом театре для студентов. Все замолчали.

Открылась дверь, и тихонько вошла тетя Миля.

— Я с вами посижу, — шепотом сказала она. — Одной нехорошо.

— Садитесь, конечно. — Зенонас подвинул ей кресло.

По внутренней связи раздался голос Лещука из двигательного отсека.

— Зенонас, подключи нас к лаборатории. Ничего не слышим.

— Там пока слышать нечего, все идет как надо, — заметил Зенонас. — Включаю.

Еще через десять минут Вас склонился над колпаком операционного стола и сказал Павлышу:

— Кожные покровы начинают восстанавливаться.

— Ну вот, — сказал Бауэр.

— Сердце, — проговорил Аро. — Пульс семьдесят, наполнение нормальное.

— Будет жить, — произнес Павлыш громче, чем следовало говорить в операционной.

— Подождите, — остановил его Вас. — Не надо шуметь раньше времени. Я полагаю, что экран можно отключить. Через несколько минут операция будет закончена, и еще через два часа мы разбудим капитана Загребина в госпитале. Вы сможете его навестить.

Корона Вас отключил экран.

...Через два часа капитан, смущенно улыбаясь, лежал в госпитале на той самой койке, которую так недавно занимал его убийца, и принимал импровизированный парад экипажа. У изголовья его стоял корона Вас и похлопывал от удовольствия губами широкого рта. Он радовался не только тому, что капитан жив, здоров и ничем не отличается от прежнего Загребина, но и тому, что пришедшая одной из первых тетя Миля пожала короне руку.

— Спасибо вам, доктор. Без вас мы бы осиротели.

Малыш, когда подошла его очередь, приблизился к Вас и спросил у него шепотом, придерживая карман:

— Курить мастеру можно?

— Конечно. Если Павлыш разрешит. Он же здесь хозяин.

Павлыш благодушно кивнул головой. Малыш вытащил из кармана любимую пепельницу мастера и пачку сигарет.

— Вам можно, — поставил он пепельницу на тумбочку у кровати.

Загребин посмотрел на сигареты, вспоминая, зачем они могли ему понадобиться, потом вспомнил и ответил:

— Спасибо, как-то не хочется.

Малыш даже вздрогнул. Такого с капитаном «Сегежи» просто быть не могло. Малыш подозрительно посмотрел на обоих биологов. Во взгляде его ясно читалось: «Что вы сделали с мастером?»

— Когда восстанавливали легкие, очистили их от никотина, — объяснил корона Вас. — Возможно, поэтому.

Но Малыш продолжал смотреть на Вас в упор, и тогда тот, догадавшись, добавил:

— Нет, больше никаких расхождений со старым Загребиным не будет. Не должно быть.

— Может, все-таки закурить? — спросил Загребин. — Нет, не хочется.

Корона Вас был прав. Во всем остальном капитан остался таким же, как прежде. Только бросил курить. И Снежине, которая вечно забывала сигареты, не у кого было их просить на мостике в вахту Загребина.

Павлыш потом как-то говорил Снежине, что он не заметил, чтобы Вас специально очищал легкие капитана от никотина. Тем более если учесть, что курение — наркотическая привычка и закрепляется она в мозгу, а не в легких. Просто-напросто корона Вас не выносит табачного дыма, уверял Павлыш, и при этом он очень деликатное создание и никогда вслух своих претензий не высказывает. Вот и отключил потихоньку клетки, ведающие у капитана страстью к курению.

2

На поиски Ранмакана «Еж» вышел на следующее утро. Кудараускас уговаривал Бауэра взять с собой оружие, но тот отказался. Кудараускас даже поспорил с ним.

— Ты пойми, — говорил он. — Пойми меня правильно. В крайнем, самом крайнем случае, если ты убьешь его — мы оживим снова. А так ты рискуешь и своей жизнью, и жизнью Малыша, который едет с тобой.

— Антипин соорудит силовое поле на вездеходе. Это первое. А второе — тебе приходилось умирать? Хоть полраза, хоть четверть раза? Ты думаешь, это просто: умер, и все? А впрочем, не веришь мне, поговори с Загребиным.

Кудараускас представил лицо капитана и ответил:

— Я не спорю. Если силовое поле будет, пожалуйста...

Отъезд «Ежа» задерживался. Антипин с роботами мастерил установку. Бауэр углубился в карты, чтобы выяснить возможный маршрут Ранмакана. Решили сначала осмотреть порт и склады — родные места Ранмакана. Если там его не найдут, придется перенести поиски на холмы.

— Меня что волнует... — говорил Малыш Бауэру, когда они спускались к машине. — Ведь он же должен есть и пить. Никаких запасов такого рода в скафандре нет. Значит, он, чтобы съесть что-нибудь, снимет шлем и получит смертельную дозу.

— Надеюсь, он не найдет ничего съестного на этой чертовой планете, — ответил Бауэр.

Ему совсем не хотелось ехать на поиски убийцы, но он сам вызвался в них участвовать, потому что считал себя (как, впрочем, и большинство членов экипажа) виноватым в случившемся. Бауэру намного интереснее было бы присутствовать при оживлении «отшельника».

Больше всего надежд возлагалось на пластилитовый детектор. Он мог за несколько сот метров обнаружить следы вещества, из которого был сделан скафандр.

Баков стоял у экрана, смотрел, как растворяется в струях дождя машина, и, когда она скрылась за домами, сказал:

— Осторожнее. Может, включите поле сейчас же? Он ведь может подстерегать вас.

— Мы его раньше учуем, — ответил Бауэр. — Работает детектор.

Баков включил второй экран. В лаборатории проходило новое оживление. Баков думал, что это чудо становится уже будничным делом.

Баков вызвал госпиталь и спросил у тети Мили, как себя чувствует Загребин.

Тот услышал вопрос и ответил сам:

— Даю врачам еще час — самое большее, пусть тогда выпускают, а то сам сбегу.

Баков сдержанно улыбнулся и пригладил усы. В том, что капитан так хорошо себя чувствует, он признавал и свою скромную заслугу. Во время вынужденного отсутствия главы корабля все хозяйство работало нормально. Так что он обеспечил капитану покой.

— Отдыхайте, Геннадий Сергеевич: Бауэр и Цыганков выехали на поиски Ранмакана. В лаборатории успешно идет оживление привезенного Павлышом человека.

— Пора подумать, Алексей Иванович, о том, чтобы построить купол над частью города. Будем переносить работу наружу. Нас, оживленных, с каждым днем будет все больше.

— Ну, вы не в счет, — ответил Баков. — Насчет купола я скажу Антипину. Он у нас главный конструктор.

— Хорошо, я отключаюсь, — решил Загребин, — и сейчас начну уговаривать Эмилию Кареновну, чтобы она помогла мне добраться до моей каюты. А вы об этом никому ни слова. Ясно? Это приказ.

— Слушаюсь. — Баков улыбнулся.

Капитан выздоравливал от смерти.

3

Когда «отшельник» открыл глаза, Павлыш сидел у его кровати и силился одолеть первую страницу романа, найденного в хижине на острове. Из этого следует, что Павлыш делал уже некоторые успехи в освоении языка, которым пользовался «отшельник» (тот же язык был и в городе Манве). Последние полчаса Павлыш провел в секторе Мозга, впитывая под гипнозом сложнейшие окончания двадцати трех падежей.

«Отшельник» лежал не двигаясь, не говоря ни слова. Глаза его были больше и светлее, чем у Ранмакана.

Павлыш медленно отложил книгу, так чтобы «отшельник» увидел ее название, и включил лингвиста.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Спасибо, — ответил «отшельник». — Я долго был без сознания?

— Да, — сказал Павлыш.

Человек наморщил лоб, стараясь вспомнить что-то. Потом провел рукой по черным волосам.

— Они у меня перед смертью выпали, — произнес он.

— Да, — согласился Павлыш, не зная, как объяснить это человеку.

Он опасался враждебной реакции, шока. Он понял, что надо быть предельно осторожным. Павлыш покосился на пульт. Пульс «отшельника» был нормальным.

— Я умирал от лучевой болезни, — сказал «отшельник». — От острой формы. До нас не дошел газ.

— Газ? — спросил Павлыш.

— Да. Вы не знаете? Пьи пустили газ, который убил на мате-

рике тех, кто мог спастись от радиации. Так погибли люди в бомбоубежищах. А я умирал от лучевой болезни. Кто вы такие?

— Мы ваши друзья, — ответил Павлыш. — Уверяю вас, мы ваши друзья.

— Мне хотелось бы верить вам, — проговорил «отшельник». — Друзей осталось мало. Как вам удалось спастись? Последняя подземная радиостанция кончила работать за неделю до того, как я... Я потерял сознание?

— Да.

— Вы недоговариваете. Вы принадлежите к расе, которую мне не приходилось встречать.

— Почему вы так думаете?

Павлыш был в варежках.

— Это можно сказать и по разрезу глаз, и по... Вы пользуетесь механическим переводческим устройством? — «Отшельник» показал на черную коробочку лингвиста.

— Вы же видите, я читаю ваши книги.

— С трудом. Книга была открыта на первой странице. Я подумал даже, что вы вообще не можете читать, а этот шаг предприняли, чтобы успокоить меня. Неприятно очутиться в незнакомой обстановке. Меня зовут Девкали из Лигона.

— Доктор Павлыш, — представился Слава. — Лигона мы еще не знаем. Это где?

— Вы выдали себя, — сказал спокойно «отшельник». — Вы плохой конспиратор. Я бы вам дал сто очков вперед. Лигон — столица нашей империи. Вы не с Муны. Вы пришли из космоса. А может, вышли из-под земли. Были и такие легенды о государстве, ушедшем под землю.

— Вы правы, мы пришли из космоса.

— И опоздали?

— И опоздали.

Павлыш чувствовал растущую симпатию к этому человеку. Объяснить ему все?

— Вы хотите сказать... — начал человек. И замолчал. Приборы отметили усиление нервного напряжения в организме. — Вы хотите...

— Да, — сказал Павлыш. — Планета убила себя.

— Все?

— Все погибли.

Павлыш почувствовал себя виноватым. Это было нелепое чувство. Его испытывает человек, который должен прийти и сказать чьей-то матери, что сын ее попал в катастрофу. Такое испытывает почтальон, приносящий похоронную с войны...

— Тогда еще один вопрос, — произнес человек медленно. — Когда это произошло?

— Немногим более года назад.

— Более года назад? И я был мертв более года?

— Да.

— Ваша цивилизация может побороть смерть...

— Вопрос несколько сложнее. Существует Галактический центр. Наша планета вошла в контакт с Галактическим центром недавно, всего несколько лет назад. Прибор, который возвратил вас к жизни, изобретен на одной из планет Галактического центра. И изобретатели его, совсем не похожие на людей, находятся на нашем земном корабле.

— Расскажите все по порядку, — попросил Девкали. — Не беспокойтесь, я себя хорошо чувствую.

— Может быть, вы хотите подкрепиться?

— Потом, — сказал Девкали.

4

— Мне очень трудно поверить в то, что вы рассказываете, — проговорил наконец Девкали.

— Ранмакан не поверил.

— Это неудивительно. Я просто более подготовлен к этой встрече. Он погибнет?

— За Ранмаканом пошел наш вездеход. Часа два назад. Я не знаю, нашли ли они его. Я был занят с вами. Вы с ним поговорите, когда он вернется.

— Если не считать Ранмакана, я единственный человек на планете?

— Да. Но мы уверены: придут другие.

— Откуда в вас такая уверенность? Ведь в городе вы вряд ли найдете достаточно сохранившиеся тела, чтобы их можно было вернуть к жизни.

— Есть много других городов.

— Спасибо за такую уверенность. Я хочу задать еще один вопрос. Личного характера.

— Вы можете спрашивать, что захочется и сколько захочется. И не только у меня — у всех членов экипажа.

— Почему вы привезли с острова именно меня? Почему не взяли других моих товарищей? И еще: когда вы их привезете?

— К сожалению, мы этого сделать не сможем. После вашей смерти лавина накрыла остальные дома. Это случилось в промежуток времени между прилетом разведдиска и нашей экспедицией. Масса льда и камней раздавила остальные дома и, возможно, даже снесла их в океан. Ваш дом единственный, который хоть и был засыпан снегом, но сохранился.

— Вы хотите сказать, что от всего поселка...

— Да.

— Оставьте меня, пожалуйста, — прошептал Девкали.

— Я уйду. Но почему мой ответ вас так взволновал? Там были близкие вам люди?

— Когда-то, года четыре назад, на этот остров попало, правда, не по своей воле, пятнадцать близких мне людей. Перед войной их оставалось четверо. В том числе моя жена, Пирра. Пирра была для меня все, без нее я вряд ли прожил бы эти годы на острове. Тех, кто умирал, мы вывозили на санях к проруби и хоронили их в океане. Мы голодали и болели снежной лихорадкой. Я не умер потому, что рядом со мной была Пирра. Я не мог умереть потому, что она должна была жить. Вы меня понимаете? Может быть, то, что я говорю, для вас пустой звук? Может быть, в вашей совершенной цивилизации, — Девкали усмехнулся, — подобные чувства уже устарели?

— Нет, — ответил Павлыш. — Не устарели.

— После взрывов и радиоактивных облаков мы заболели. Мы знали, что это, но мы надеялись тогда: вдруг кто-то остался жив на планете и мы, в стороне от путей и больших материков, переболев, останемся в живых. И вернемся. Пирра лежала в хижине, под самой скалой. Я еще мог передвигаться. Было холодно. Мы топили печь кусками опустевших домов, но с каждым днем все труднее было нарубить дров. Одного из оставшихся четверых я смог похоронить в море, другой остался лежать в своей хижине. Я знал, что если останусь жив, то останусь жить вместе с Пиррой и благодаря ей. Она ни разу не пожаловалась... Простите.

— Говорите дальше. Может, вам станет легче.

— Это сейчас уже не играет роли. Я пошел, вернее, я пополз в ту хижину, около которой вы меня нашли. Там еще оставалась каша. И я должен был накормить Пирру. Тогда я почему-то решил, что, если это сделать, мы останемся живы. Я знаю, что такое лучевая болезнь, и все-таки тогда, на острове, я должен был принести ей эту миску... И я ее не принес.

— Наверно, слова покажутся банальными, — заметил Павлыш. — Но ваше горе — только часть горя вашей планеты. И ваш долг вместе с нами вернуть ее к жизни.

— Вы правы. Конечно, вы правы...

— Вам надо отдохнуть. В случае чего нажмите эту кнопку. Спите.

Павлыш вышел в коридор. Там стояла Снежина.

— Я слышала разговор, — сказала она. — Я все слышала. Я больше не могу. Я хочу тихо водить ракеты на Титан и возвращаться домой. Я не могу...

— Прекрати истерику, Снежка, — остановил ее Павлыш, —

это нервы. Впрочем, знаешь что, отнеси ему бульон. Может, отвлечется — новое лицо...

Снежина взяла поднос у дежурившего у двери робота. Через две минуты она вышла.

— Я поставила бульон около постели. Он ничего не хочет.

— Он еще что-нибудь сказал?

— Он сказал, что у нее были такие же волосы! — Снежина, ссутулясь, быстро пошла к своей каюте.

— Ну вот, — пробурчал Павлыш себе под нос и отправился к капитану.

С капитаном состоялся очень короткий разговор.

— Попытка — не пытка, — решил Загребин.

Потом капитан соединился с Баковым, и тот, выслушав его, отдал приказание автоматам готовить к пуску «Аиста». Он вызвал Антипина, чтоб тот повел катер. Антипин погрузил в катер взрывчатку, смонтировал мощный лазер.

Перед отлетом Павлыш заглянул на минутку в госпиталь. Девкали лежал, отвернувшись к стене. Приборы показывали, что он не спит.

Павлыш прошел в тамбур. Через пять минут «Аист» отделился от корабля и взял курс на остров. У Павлыша был один шанс из тысячи, но он хотел его использовать.

Примерно через час Девкали нажал кнопку звонка и попросил дать возможность кое-что записать. Снежина принесла ему бумагу и ручку и не стала задавать вопросов. Еще через час Девкали попросил выключить свет, и корона Вас, препоручив наблюдение за его здоровьем автоматам, вышел из лаборатории, чтобы встретить Бауэра и Малыша, измученных бесплодными поисками Ранмакана. Вас принес им прямо к тамбуру свои стимуляторы.

Когда он вернулся в лабораторию, приборы перемигивались тревожными огоньками. Сердце Девкали перестало биться. Он был мертв.

В госпитале, включив свет, Вас увидел, что Девкали повесился. Рядом лежала записка. Пока корона Вас обследовал Девкали, Мозг перевел записку:

«Простите за все. За неоправданные надежды, за предательство, которое я совершаю по отношению к собственной планете. Но бывает, когда один человек становится тебе дороже многих. Очень давно я обещал Пирре, что не буду жить без нее. Она улыбнулась: тогда мы не думали, что когда-нибудь умрем. Еще раз простите. И, надеюсь, вы выполните мою последнюю просьбу — не оживлять меня снова. Я не хочу жить. Я верю, что вы еще найдете многих людей, которых сможете оживить. И моя планета бу-

дет вам благодарна. Я же заранее говорю спасибо за то, что вы дали мне умереть. Девкали из Лигона».

— Корона Вас, — произнес Загребин, прочитав записку, — у меня к вам просьба. Вы уже собираетесь готовить лабораторию?

— Да, — кивнул Вас, прочтя записку. — Это ужасно. Разрешите я уйду к себе. Разумеется, я не буду...

Кудараускас, стоявший рядом, ничего не сказал. Загребин посмотрел на него, ожидая фразу о том, что цивилизация... Но Кудараускас не думал об этом. Он только вспомнил, как на космодром приехала жена Антипина. Маленькая робкая женщина с пепельными гладкими волосами. Она сказала: «Я тебя буду ждать. Хоть всю жизнь. Я не могу жить без тебя».

Антипин тогда смущенно хмыкнул: «Ну что может со мной случиться? В космосе безопасней, чем на людной улице».

5

Шансов было мало. Так мало, что Павлыщ и не очень рассчитывал на успех. И все-таки оставалась возможность, что домик, в котором лежала Пирра, не был свален в море лавиной.

Павлыш не стал говорить о своем полете Девкали, чтобы не возбуждать ложную надежду и затем загубить ее через несколько часов.

Остров был таким же, точно таким же, как и три дня назад. Так же торчали из снега черные пальцы скал, и ровный снежный покров долинки у моря уходил вверх откосом лавины. Катер утоптал площадку в стороне от хода лавины, затем Антипин с Павлышом выгрузили тепловое оборудование и очистили от снега долину с хижиной, у которой нашли Девкали. Широкий ручей пробил себе дорогу к океану и разливался по льду, снег с которого сдуло ураганом. Было не очень холодно. Вода замерзала не сразу и покрывала лед у берега блестящей пленкой. Выглянувшее желтое солнце отразилось в пленке воды, и та засверкала вечерними красками горного озера.

Потом началась самая трудная часть работы. Слежавшаяся гора снега, льда и обломков скал была крепче камня. Павлыш с Антипиным попытались выяснить положение засыпанных хижин, пользуясь мелкой и плохо различимой съемкой разведдиска, — всю гору растапливать и резать было бессмысленно. Для этого требовался ядерный взрыв. Но Антипин рассудил, что лавина, прошедшая совсем рядом с уцелевшей хижиной, сдернула остальные дома ближе к морю, у которого язык лавины заканчивался невысоким обрывом. Именно у океана, со стороны лавины, обращенной к долинке, Антипин и начал бурение.

Бур ломался. Он ломался раз шесть за четыре часа, и Павлыш несколько раз предлагал:

— Давай, Иван, положим заряд, взорвем этот край.

Антипин отмалчивался.

Наконец они добрались до бревна. Такого же, как и те, из которых была сложена хижина. Бревно было ободрано льдом.

— Хороший знак, — сказал Павлыш. Он устал, приходилось работать обычной киркой и даже оттаскивать глыбы руками, как в каменном веке.

— Перекусим, — предложил Антипин и полез обратно в ракету. — После обеда работается веселей.

Пока обед грелся, Антипин связался с «Сегежей». Загребин — он уже вышел на вахту — спросил их, как успехи. Павлыш поведал про бревно и про то, что часа два-три они еще поработали бы. Хоть надежды немного.

Загребин сказал:

— Вот что, Павлыш. Вы уж лучше не спешите. Переночуйте и с утра еще покопайтесь в этой горе. Ваше присутствие на корабле пока не требуется. Понятно?

— Понятно-то понятно, — ответил Павлыш. — Но если часа через три ничего не появится, отправимся обратно.

— Не спешите, — повторил Загребин. — Было бы неплохо, если бы нашли. Да, если что надо — еду ли, энергию, — пришлю резервный диск. Если людей нужно, тоже пришлю.

— Что-нибудь случилось с Девкали? — спросил Павлыш, почуяв неладное. Резервный диск не должен покидать корабль, за исключением случаев чрезвычайных.

— Ищите, — велел капитан. — Это очень важно.

— Ну, и что скажешь? — спросил Павлыш Антипина.

— Ясное дело, случилось что-то, — решил Антипин. — Сворачивай обед, пошли в тамбур. Где твой шлем?

— Может, мне выйти на связь еще раз?

— Ага, вот твой шлем. — Больше механик ничего не добавил: он вообще был не очень разговорчив.

В темноте работали при помощи прожекторов «Аиста». Спать не хотелось. Нашли еще несколько разбитых и растрепанных бревен, кастрюлю, расплющенную в лепешку, какие-то тряпки. Каждая находка была как птица, как плывущий по волнам кокосовый орех или пальмовый лист, указывающие, что берег где-то неподалеку. Но где?

Потом эти знаки исчезли. С час работали, не находя ничего. Громадная полость образовалась в теле лавины.

К утру вернулись в ракету и снова вышли на связь. Загребин не спал. Павлыш доложил:

— Мы, Геннадий Сергеевич, сделали дырку до центра планеты. И ничего нет. Будем возвращаться. Не возражаете?

— Возвращайтесь. — Загребин помолчал немного и добавил: — Вот что, я все понимаю, наверно, вам надо вернуться. Девкали умер. Повесился. И вот такую записку оставил... — Капитан прочел записку Девкали. — Я на прошлой связи не хотел вам говорить. Тогда вы только начинали работу. Теперь, судя по вашему сообщению, надежды не осталось. Возвращайтесь, что делать...

— До связи, — ответил Павлыш и посмотрел на сумрачного, заросшего суточной щетиной Антипина.

Антипин кивнул:

— Мы еще поработаем.

Солнце выползло на край горизонта и снова пропало за облаками, когда за бревнами они нашли изломанное лавиной тело женщины.

И тогда они, перетащив его на катер, улеглись спать, с трудом заставив себя задраить двери и потратить пять минут на дезактивацию. Они спали до вечера и не отвечали на запросы «Сегежи».

— Павлыш, Антипин! Павлыш, Антипин! Что с вами? Высылаем спасательный диск, — повторял Баков.

— Верните свой диск спать, — пробурчал Павлыш, не открывая глаз. — Хочется спать. Всем хочется спать.

6

Снова было пробуждение. Еще борясь с черной водой смерти, Девкали почувствовал его приближение. Организм боролся за жизнь, но сознание упорно цеплялось за спокойствие, за сон, за ровную бесконечность. Уже почти очнувшись, он услышал голос Пирры, которая звала его обратно к жизни, но он сопротивлялся и этому голосу, понимая, что голос — только иллюзия.

— Девкали, очнись, я здесь, — слышал он голос Пирры.

Потом слова Павлыша:

— Это труднее, чем в прошлый раз. Он не хочет жить. — Павлыш говорил на лигонском языке.

— Девкали, — снова позвала Пирра.

Голос ее был очень похож на настоящий голос Пирры.

Потом откуда-то издали прозвучал механический голос:

— Введите стимулятор. Я оставил его на пульте, слева.

Девкали почувствовал укол и почти немедленно понял, что совершенно жив и здоров и может открыть глаза. Не поднимая век, он произнес:

— Я все равно уйду. Сколько раз...

— Девкали, — произнесла Пирра. — Не будь ребенком.

Это могла сказать только сама Пирра. И Девкали, не смея поверить голосу, открыл глаза.

Пирра смотрела на него золотыми влажными глазами, улыбалась и сердилась одновременно. Так с ней было, когда у них делали последний обыск и сыщик достал из-под шкафа много месяцев назад забытый там мяч для игры в продо и приложил его к уху — проверить, не бомба ли это замедленного действия. «Бомба, — согласилась тогда Пирра, — сейчас взорвется».

— Ну вот, — сказал Павлыш. — Я пойду, у меня дела в лаборатории. Срочные дела.

7

Тело Ранмакана нашли на восьмой день после убийства капитана. В тридцати с лишним километрах от «Сегежи», среди холмов. По следам удалось узнать, что в последние два дня он брел обратно к кораблю, но заблудился, потерял силы.

Ранмакан был без скафандра и без пистолета. И то и другое он, видно, выбросил в пути. Также он потерял и коробочку лингвиста. Правда, сам Ранмакан этого не помнил.

Когда его во второй раз вернули к жизни и он стал вторым в Галактике дважды воскресшим человеком, он уверил Бакова, что ни с пистолетом, ни со скафандром не расставался.

За вторичным оживлением Ранмакана никто не наблюдал, никто не волновался, удастся ли опыт с ним. И, увидев его на следующий день опасливо бредущим по коридору, Кирочка Ткаченко громко сказала Глебу Бауэру:

— Будь моя воля...

— Понял, дуся, — ответил Глеб. — Сегодня он треть населения планеты. Правда, худшая треть. Может, его еще удастся сделать человеком.

Глава 5

КУПОЛ НА ОКРАИНЕ МАНВЕ

1

Капитан Загребин не любил сумерек. Длинных весенних сумерек, полных глубоких синих теней и особенно напряженной тишины. Он не любил их даже на Земле. Здесь же, на Муне, лишенной птичьего гомона и шелеста листьев, сумерки казались

ему особенно удручающими. В последние дни ему снова хотелось курить, и в сумерках он часто подходил к прикрепленной под экраном пепельнице и рассеянно постукивал по ней ногтем указательного пальца. Кудараускас, который поспорил с Павлышом, что капитан вернется к старой привычке, незаметно улыбался, слыша этот стук.

Чтобы разогнать сумеречное настроение, капитан отходил от экрана, поворачивался — руки в карманах — к главному пульту и, глядя в затылок трудолюбивому Кудараускасу, начинал:

— Зенонас, кстати, я вам не рассказывал, как у нас на третьем курсе?..

Если даже Кудараускас и слышал уже эту историю, он не говорил об этом, предпочитая ее выслушивать снова. Он считал рассказы мастера простительной слабостью, лишась которой тот придумал бы себе другую, может быть, опаснее для окружающих. Например, начал бы собирать камни, как Фукс с «Нептуна». Потом в одном оказались бактерии, которые слопали весь урожай мандаринов на Земле и обошлись в год работы нескольким сотням биологов, а капитану Фуксу это стоило диплома капитана дальнего плавания. Капитан отвечает за груз своего корабля.

Корона Аро любил сумерки: сумерки напоминали его планету, далекую от звезд, спрятавшуюся, чтобы не замерзнуть, под толстым слоем облаков. Аро приходил на мостик, спрашивал разрешения капитана и садился на пол у локатора, обернув хвост вокруг себя. Аро смотрел на серое небо большого экрана с искренним удовольствием и слушал истории, происходившие с капитаном в богатом событиями космическом училище. Корона Аро был неразговорчив, но неразговорчивость эта проистекала от скромности. Он стеснялся своей громоздкости, стеснялся того, что приходится пользоваться лингвистом, отчего он упускал «душу» рассказа. Аро предпочитал слушать.

На пустыре за городом машины расплавили почву на круге диаметром в полкилометра и над гладким непроницаемым полом возвели прозрачный купол. Девкали с Малышом ездили несколько раз на «Еже» в город и привезли множество необходимых для жизни предметов. Предметы росли горой у купола и ждали очереди на дезактивацию.

Строительством первого дома ведали два пьи. Пьи уступали жителям Манве в росте, и кожа их при свете фонарей казалась чуть зеленоватой. Оба пьи были охотниками. Война застала их высоко в горах, и они укрылись от взрывов в пещере, где и умерли от лучевой болезни. Пещеру случайно нашел Антипин во время разведочного полета к столице пьи, за четыре тысячи километров от Манве. У членов экспедиции появилась уже привычка, условный рефлекс — заглядывать на всякий случай в самые невероятные места: каждый новый житель планеты Муна доставался после долгих трудов, поисков и неудач. Иногда казалось, уже не найти больше никого, и все-таки обязательно наступал день, когда, возвращаясь из очередного полета, разведчики радировали:

— Передайте Вас, пусть готовит аппаратуру.

И наступал праздник.

Уже шел третий месяц, как «Сегежа» приземлилась у Манве, но праздничных дней было всего шесть.

О том, чтобы очистить планету от радиации, не приходилось пока думать. Эта задача не под силу «Сегеже» и даже самой природе — пройдет еще много лет, прежде чем люди смогут снова ходить куда хотят и когда хотят по улицам и холмам планеты Муна.

— Мы наблюдаем с вами рождение совершенно новой цивилизации, — сказал корона Аро. — Был Адам, но неудачный, потом появились еще двое — они-то уже были больше похожи на настоящих Адама с Евой, — теперь люди будут плодиться и умножаться. Я правильно цитирую Библию?

— Я сначала опасался, что могут быть какие-нибудь раздоры между лигонцами и пьи. Все-таки враждующие народы, — произнес капитан.

— Они уже не враждующие народы, — ответил Аро. — Они не народы.

— Они должны стать одним народом.

— Ранмакан откуда-то достал жвачку, — уронил Кудараускас, который теперь с особым вниманием следил за жизнью Адама планеты.

Ранмакан отталкивал его чем-то, и в то же время характер его гипнотизировал Зенонаса. Зенонас обязательно должен был знать, где тот находится и что делает.

— Это ему Девкали привез из города, — сказал Аро.

— Она не вредна? — спросил Кудараускас.

— Не вреднее курения. Легкое наркотическое средство.

— И все-таки, может, не стоило завозить ее в купол? — спросил Загребин. — Поговорить с Девкали? Курение — очень вредная привычка.

— Не надо, — возразил Аро. Он поднялся и подошел поближе к экрану. Хвост вяло волочился за ним по полу. — Это не наше дело.

— Не наше? — спросил несколько агрессивно Кудараускас. — Неужели мы дадим им вернуться к прежнему?

— Пока нет ничего, что указывало бы на такую опасность. — Аро глядел, как на экране маленькие фигуры людей суетились вокруг роботов, втаскивавших балки перекрытий на строящийся дом.

— Сначала жвачка, старая привычная жвачка, потом другие

не менее привычные наркотики и поступки. Потом нас попросят удалиться, потому что мы уже сделали свое дело. И все начнется снова.

— Вы удобный оппонент, Зенонас, — произнес Аро. — На вас можно проверять сомнения. Вы не правы хотя бы потому, что на ближайшие годы люди планеты зависят от нашей помощи. Они не смогут покинуть купол.

— Я не говорю о завтрашнем дне, — ответил Кудараускас. — Я стараюсь смотреть в будущее.

— Мы туда заглянуть не сможем. Пока, — сказал Зенонас. — Но, по-моему, нет оснований для пессимизма. Самое трудное позади. Самое трудное было вернуть к жизни первых людей. Теперь они сами заботятся о себе и, насколько понимаю, не собираются быть нашими нахлебниками. Поговорите с Девкали.

— Девкали — особый случай. Он и до войны был исключением, — напомнил Кудараускас.

— Ну, не таким уж исключением...

— И все-таки таких, как он, которых боялись настолько, что ссылали на далекий остров, — таких было немного.

Вошел Малыш:

— Через пять минут отправляем капсулу по галактическому каналу связи. Дополнений не будет?

— Совсем забыл, — спохватился Аро. — В аппарате выгорели кристаллы настройки. Если их не пришлют на грузовом корабле в ближайший месяц, мы пропали.

2

Пирра кормила пса. Это был пес охотников-пьи: его Малыш нашел в той же пещере. Пса переселили под купол первым, раньше людей. Псу под куполом не нравилось — было скучно и ничем не пахло. Он подбегал к стене, чуть матовой у основания, и вглядывался в дождливый мир снаружи. Псы на Манве, длиннохвостые, длинноногие (кстати, не хищники, а грызуны), не лают. Пес попискивал и царапал лапой стенку купола. Когда утром в купол приходили на работу люди, пес встречал их у тамбура, катаясь от радости по гладкому стекловидному полу. Пирра приносила ему из кухни объедки, и пес подолгу копался в них, отыскивая для себя экзотические и соблазнительные кушанья.

— Ешь, пес, — говорила Пирра. — Малыш найдет тебе компанию. Малыш обещал.

Пес не знал, что такое компания, но все равно вежливо мотал головой, продолжая копаться в объедках.

— Здравствуй, Пирра, — сказала Кирочка Ткаченко, незаметно подойдя сзади.

В руках у Кирочки был пакет с удобрениями, а сзади стоял понурый робот, переданный для огородных работ. Может быть, робот и не был понурым, но это сказал о нем корона Вас, и все поверили и с тех пор говорили, будто робот опечален, потому что ему не хочется копаться в маленькой грядке, насыпанной в дальней стороне купола.

За огород отвечала Пирра. Когда-то, до ареста, Пирра была агрономом. Теперь она сама нашла и принесла на «Сегежу» семена и ветви растений. Вас оживил их.

Девкали и Пирра уже были знакомы с коронами. Они сами попросили об этом. Корона Аро, менее занятый в лаборатории, нередко разговаривал с Девкали, хотя все равно лучшим другом того оставался Слава Павлыш. У них вообще были отношения особого рода. Девкали считал Павлыша своим дважды спасителем. А Павлыш втайне гордился тем, что они с Антипиным не вернулись на «Сегежу», когда уже не осталось никаких надежд...

Кирочка с Пиррой подошли к огороду, окруженному невысоким забором, чтобы пес не забрался на плантации. Пес бежал за ними и делал вид, что его плантации совершенно не интересуют. Это была явная неправда, и потому женщины захлопнули дверь перед его носом. Пес раза два пискнул и тут же, забыв о Пирре, побежал к строителям.

Первый дом был уже почти готов. Дом был одноэтажный, длинный, с покатой крышей. Он был разделен на две половины: на одной жили Девкали с Пиррой, на другой было несколько комнат, которые занимали пьи, Ранмакан и сутулая пожилая прачка из пригорода Манве. Прачка тосковала по своей большой семье, погибшей в один миг во время взрыва, и по ночам стонала во сне, несмотря на лекарства, которые ей давал Павлыш.

Девкали с одним из охотников-пьи красил дом. Стремянку держал Малыш. Он ждал очереди покрасить. Окраска домов и заборов, как известно, еще со времен Марка Твена вызывает в наблюдателях желание включиться в этот процесс. Малыш от таких наблюдателей ничем не отличался. Он пришел под купол с полчаса назад, чтобы проследить, как роботы монтируют связь, но, на его счастье, робот сломался, и Антипин, углубившись в машинное чрево, уверял, что раньше, чем к обеду, связиста в строй не вернет.

Второй охотник-пьи — настолько маленький, что ростом уступал Малышу, — сколачивал разобранный при перевозке стол. Работа охотнику нравилась. Он мурлыкал какую-то заунывную песню, набрав, совсем как плотник на Земле, полный рот гвоздей с треугольными шляпками.

Только Ранмакан не участвовал в строительных работах. И тому были причины. Ранмакан широкими шагами мерил соединительный туннель между «Сегежей» и куполом и думал. Кудараускас неосторожно намекнул ему, что каждое слово, написанное первым восставшим из мертвых жителем Муны, представляет неоспоримый интерес для Галактики. И Ранмакан обдумывал свои мемуары. Лучшим местом для этого оказался длинный соединительный туннель. Туннель был прозрачным, и Ранмакану представлялось, что он гуляет по открытому полю. Кроме того, в туннеле лучше слышался стук дождевых капель, и это организовывало мысли. Для творческого процесса полезно было смотреть на дальние холмы, хотя с ними у Ранмакана связаны очень тяжелые воспоминания — именно там он бродил, разуверившись, что может встретить хоть кого-нибудь. Однажды ему почудилось, что он увидел человека в скафандре; он бросился к нему по осыпи, сбрасывая вниз камни, но человек оказался бредовым видением. Когда Ранмакан добежал до скалы, там уже никого не было...

3

Ранмакан принес первую часть своих мемуаров в каюту к Кудараускасу. Мемуары были написаны от руки, ровным канцелярским почерком, и, когда Ранмакан ушел, Зенонас прошел в сектор Мозга и уговорил вахтенного механика Кирочку Ткаченко отдать ему ровно пять минут времени Мозга, чтобы тот перевел мемуары. За это Зенонас пообещал дать их почитать Кире, конечно, с разрешения автора. Ранмакан уже намекнул, что собирается писать продолжение, и, может быть, даже роман о последних днях жизни планеты Муна.

Машина расшифровывала текст минут десять. Текст был не длинным, но Мозг еще плохо разбирался в индивидуальных почерках. Кирочка поглядывала на часы, а Кудараускас делал вид, что ничего не замечает, и рассказывал, как он завоевал первенство Вильнюса по эспадрону.

Вернувшись к себе в каюту, Кудараускас восемь раз выжал шестидесятикилограммовую штангу, потом позанимался десять минут с гантелями. Ему очень хотелось немедленно усесться за рукопись, но именно поэтому он не пропустил ни одного упражнения. Затем возникло желание лечь с мемуарами на диван. Это тоже было слабостью. Кудараускас сел на жесткий стул, включил настольную лампу и начал читать: «Мемуары-воспоминания Ранмакана из Манве, бывшего таможенного чиновника, а ныне первого человека, возрожденного к жизни с благородной и бескорыстной помощью пришельцев, представителей Галактического центра, а также планет Земля и Корона.

Часть первая, посвященная моей первой жизни.

Я родился тридцать лет назад в городе Манве, в семье таможенного чиновника и имел трех братьев, с которыми потерял связь, потому что один ушел в армию, второй умер от весенней горячки, а третий уехал искать работу в Лигон. Мои отец и мать тоже умерли в положенное им время. Их участь была счастлива, потому что им не пришлось уйти в дом стариков.

Я кончил обязательные три класса, положенные для детей чиновников восьмого разряда, и был определен на таможню в ученики писаря. Я не участвовал в волнениях и не был замечен в связях с врагами нашего государства.

Я все время жил в Манве и только один раз ездил в город Лигон, где расположена столица нашего государства и где живет наше правительство Разумных. Там я видел много интересного, а также наблюдал, как Разумные выходят из сенатского дома при звуках оркестра. Теперь я должен рассказать об удивительном приключении, имевшем место во время моего пребывания в Лигоне.

Однажды, когда я возвращался ночью в гостиницу и был в хорошем расположении духа, на меня напал грабитель и отнял у меня пальто и витой браслет. Я заявил об этом в полицию, но, к сожалению, вещи не были возвращены, а я был вынужден заплатить за переписку жалобы по форме на гербовой бумаге.

После окончания этого приключения я вернулся в Манве, наш мирный город, лежащий на берегу моря. Мне приходилось видеть во время моей работы различных людей, особенно моряков, которые приезжали в наш город. Я записывал вещи, отобранные у них при осмотре старшими таможенными чиновниками. Так я впервые увидел настоящих пьи, которые в то время еще не были нашими смертельными врагами, а были союзниками в борьбе против колмаев. Однако уже тогда мне не понравились пьи за их небольшой рост, цвет кожи и ограниченность.

Вечером я ходил в визор, смотрел картины, особенно если там были шпионы пьи или колмаи и их били и побеждали наши во имя Свободы и Разумности.

Среди моих друзей были состоятельные люди и даже сын стражника. Его звали Бессмертным, потому что отец давал ему в детстве пить настойку белого корня. Бессмертный входил в Отряд и имел форму с кантами. Если бы я не был сыном таможенного чиновника, я бы тоже входил в Отряд. Когда били бунтарей на площади у замка, я ходил смотреть и тоже кидал в них камнями...»

На этом месте Кудараускас прервал чтение. Он аккуратно

подчеркнул строку, в которой говорилось о белом корне — надо узнать подробнее. Потом подчеркнул и фразу о бунтарях.

Кудараускас знал по справочнику, сделанному Мозгом на основе прессы, книг и расспросов людей, что Лигонское государство управлялось по сложным и древним законам. В республике сохранялось множество наследственных каст. Кастовая система была подточена развитием общества, все более отвергавшего привилегии патрициев. Идеи равенства по рождению постепенно распространялись в стране, и тогда, чтобы спасти косную систему, патриции передали власть генералам. С каким удовольствием получившие власть генералы запретили не только свободы и споры, но и превратили Лигон в большую, славно организованную казарму!

Нельзя сказать, что никто не сопротивлялся генералам — оппозиция исходила из школ и научных центров, фабрик и книжных собраний. Неуправляемых сопротивленцев наказывали, убивали, сдавали в армию. Девкали и Пирру давно бы казнили, если бы не патрицианское их происхождение. Патриция казнить нельзя, но можно послать на бесплодный ледяной остров, чтобы он там умер от голода.

Но ссылки и процессы в конечном счете спасти генералов не могли. И тогда оставалось главное и самое надежное средство — война. А когда страна готовится к войне, то оппозицию можно уничтожать раньше, чем она откроет рот.

«Я вспоминаю, — продолжал свои мемуары Ранмакан, — как однажды ко мне пришел Бессмертный и сказал, что я хороший чиновник и, когда я проработаю еще несколько лет, мне разрешат жениться на девушке из седьмого чиновничьего разряда и наши дети тоже перейдут в седьмой разряд. Я был очень благодарен, а Бессмертный сказал, что мои услуги нужны стране, которой угрожают новые заговорщики. Он мне велел пойти к учителю Паону и сказать, что я люблю читать книги, и потом брать их и читать. А если учитель скажет, что я могу быть полезным, то вопросов лишних не задавать, а сказать при случае, что я недоволен правительством и моим заработком. Я очень испугался и сказал, что я всем доволен. Бессмертный сказал, что я дурак — это метод борьбы с врагами. И я согласился, но, когда я возвратил учителю первую книгу, он спросил меня, о чем она, и я сказал, что против правительства, я ведь ее не читал. А учитель засмеялся, потому что это была хрестоматия для отрядов Охраны. И он добавил, что из меня никогда не получится провокатор. Потом я рассказал об этом Бессмертному, и тот на меня разозлился и ответил, что таким, как я, не место в седьмом разряде чиновников. А учителя все равно потом арестовали и сделали ему операцию. И он, конечно, пропал.

Потом начались угрозы со стороны пьи. Они наши враги. Я их встречал и видел в порту. Они производят неприятное впечатление. Они молятся живому богу, что является гнусным суеверием, и еще они приносят в жертву живому огню пленных и детей. У них нет атомных бомб, а те, которые есть, не взорвутся. Я слышал, как говорили на улице, что пора всех зеленых варваров прижать к ногтю. И я тоже согласился, и мы пошли жечь их Дом послов. Мы сожгли Дом, и в газетах писали про то, что мы — благородные патриоты.

Перед войной были еще непорядки на военном заводе в нашем Манве из-за того, что рабочих перестали выпускать домой. Тогда нескольких рабочих сожгли на нефтяных кострах, а еще нескольких отправили в отряды смертников. Но и оставшиеся все равно не хотели работать. Тогда их куда-то увезли, наверно, на урановые рудники, а вместо них привезли крестьян с гор. Крестьяне работали плохо, и меня и еще других чиновников восьмого и седьмого разрядов мобилизовали работать на заводе после окончания рабочего дня. Мы очень уставали и тоже работали плохо. Мы боялись, когда объявляли тревогу, но убежище было далеко от нашего цеха, и мы редко бегали туда. Потом говорили, что пьи изобрели смертельный газ, которого достаточно, чтобы уничтожить все живое, но у нас были такие бомбы, что мы тоже могли уничтожить все живое. Затем началась война, начались настоящие тревоги. Однажды, когда загудели ревуны, я побежал в склад, где меня спустя долгое время нашли благородные пришельцы.

Во второй части я расскажу о том, как попал на корабль пришельцев и стал самым первым человеком на нашей планете».

Кудараускас отложил рукопись и лег спать. Вахта начнется в шесть, и надо успеть хорошо выспаться.

Во сне Кудараускас видел, как Ранмакан забрасывает камнями бунтарей на площади и среди бунтарей почему-то оказался он, Кудараускас.

4

— А я знаю этого Бессмертного, то есть знал, — сказал Девкали. — Тогда он был еще совсем молоденьким негодяем. Лет двадцати. Нас привезли в Управление секретной полиции. И пытали.

— Разве вас можно было пытать? — удивился Павлыш. — Ведь тело патриция неприкосновенно.

— Вы не дали договорить, Слава. Пытали Торпа, учителя Свемаи, то есть тех, кто из низших каст. Но пытали их в нашем при-

сутствии. Представьте подвал, надвое разгороженный решеткой. По одну сторону мы — четырнадцать отделенцев, предателей своей касты, по другую — негодные бунтари, простолюдины. Их пытали. Мы смотрели. Знаете, порой лучше, когда пытают тебя самого. Еще три дня назад ты сидел с ними — я имею в виду учителя Свемаи — и отчаянно спорил: выпускать заложников или нет? Я настоял. Заложников выпустили. Заложники потом провели солдат через тайный перевал. Так вот, три дня назад это был Свемаи, и ты никогда не думал, что он может так кричать... Бессмертный был одним из добровольцев-палачей. Я запомнил его имя. Я думал, что когда-нибудь с ним встречусь.

— Вы знали, что будет война? — спросила Снежина.

Она вела «Великан». Рядом с ней сидела Пирра, остриженная и изящная в пришедшемся ей впору скафандре Малыша.

— Мы надеялись, что ее все-таки не будет. Не будет большой войны. Страх окажется сильнее жажды разрушать. Но в мире накопилось столько оружия, что началась цепная реакция бешенства. На наш остров не заходили суда — он был помечен на картах как запретная зона. Зона испытаний ядерного оружия. Хорошо еще, что ни одна ракета не приземлилась нам на голову. Но у нас был приемник. Мы нашли его сломанным в хижине: раньше здесь жили промышленники, охотники за морскими драконами. Среди нас был один инженер. Он умер дня за три до войны. Он починил кое-как приемник. Приемник иногда...

— ...если ему хотелось, — вставила Пирра.

— ...если у него было хорошее настроение, доносил до нас отрывки последних известий или музыкальные передачи. В последнее время передавали в основном боевые марши. Мы по тону передач понимали, что в любой момент может начаться война — в эфире копилась умело разжигаемая ненависть. Мы не могли даже рассчитывать на то, что сами доплывем до земли.

Вездеход дрожал, карабкаясь по каменной россыпи к седловине. «Сегежа» осталась далеко позади, и вокруг теснились холмы, кое-где покрытые плесенью, мхом и мертвыми стволами деревьев.

— Деревья погибли от газа, — объяснила Пирра. — Пьи прибегли к нему, когда поняли, что терпят поражение.

«На Земле Пирру приняли бы за учительницу алгебры — она суховата, размеренна и как-то подчеркнуто интеллектуальна. Ей бы пошли очки в тонкой оправе, — думал Павлыш. — И рядом Снежина — вся преувеличенная: слишком пышные волосы, слишком мягкие губы, слишком большие глаза и вообще слишком красивая...»

— Вчера Лещук еще одно бомбоубежище нашел. На окраине, за портом, — сказала Снежина.

— Наверно, построили перед самой войной. Раньше в том районе был ипподром — собачьи бега, — произнес Девкали.

— Да, перед самой войной. Ранмакан с Лещуком ездил на «Еже» и показал место.

— Ну и что?

— Там устроили подземную площадку для ракет. Ракеты были выпущены. А под базой, на глубине метров сорока, находился бункер со всем необходимым для жизни и даже запасами жидкого воздуха.

— Не может быть! Неужели все-таки нашли их? — Пирра прижала ко рту сухой кулачок. — И они погибли?

— Они умерли не сразу — бомбоубежище не пропустило газ и защитило их от взрывов. Они умерли позже. Радиация снаружи не спадала, воздух истощался. Им, наверное, стало страшно. Они дрались между собой. Там была жуткая битва. Несколько человек пережили ее — они умерли позже, когда радиация все-таки проникла в бункер. А может, когда кончился воздух. Еды у них было достаточно... Представляете... — проговорила Снежина, не оборачиваясь: вездеход осторожно крался по краю обрыва. — Уже всех на планете убили, а сами живут.

— И вы будете их оживлять? — спросил Девкали. В голосе его звучало сомнение в необходимости такого шага.

— Там были крысы, — отозвался Павлыш. — Очень много крыс. Ведь продовольственный склад.

— Я, конечно, не могу указывать вам, кого возвращать к жизни, кого нет, — сказал Девкали. — Тем более что нас очень мало. Но мне хотелось бы, чтобы наша планета жила в будущем хорошо. Вы меня понимаете?

Пирра протянула руку, и Девкали накрыл ее ладонью.

— Я согласен, — ответил Павлыш. — И наверно, если бы дело дошло до оживления, капитан бы поговорил с вами.

— А я не согласна, — возразила Снежина. — Я думаю, что на всей планете наберется едва ли сотни три-четыре людей, которые не имеют права жить. Другие, хоть и были преступниками, убийцами, — когда родятся вновь, волей-неволей станут другими людьми. Ведь раньше вся их жизнь, все воспитание толкало к таким поступкам.

Никто не ответил. И непонятно было, соглашаются с ней или нет.

— Долго еще? — поинтересовалась Снежина, чтобы нарушить молчание.

— Нет, километров пять осталось, — ответила Пирра. — Жалко, дорога так разрушена, мы бы уже были там.

— Ранмакан сказал мне как-то, — заговорил снова Пав-

лыш, — что не знает, можно ли ему жить с вами в одном доме. Все-таки разница в кастах.

— И вы рассмеялись?

— Улыбнулся, а что?

— А ведь он до сих пор свои вещи — правда, их пока немного — не перенес с корабля. Для него жить в одном доме с патрициями — второе крушение мира, причем он должен принять в этом крушении активное участие. Войну за него придумали. Переехать в один дом с патрициями он должен сам, своими руками совершить тяжкий грех. А вдруг вернется старая власть? Что тогда?

— Ну, не так уж он глуп, чтобы не понимать, что старая власть не вернется. Тем более после визита в бункер.

Вездеход снова въехал на прилично сохранившийся отрезок дороги и мягко побежал по брусчатке.

— Сейчас будет поворот. За ним ворота, — сказала Пирра. — Когда-то эти холмы были очень красивы. Зеленые, веселые, птицы поют.

— Ну, у вас в саду под куполом тоже птицы есть.

— Только одна птица. Корона Вас восстанавливал ее по скелету и перьям, и она не умеет петь.

За поворотом дороги обнаружилась ветхая, серая от дождей и ветров арка. На ней надпись на лигонском языке. Павлыш и Снежина уже могли прочесть ее:

«Горный ботанический сад».

5

Поездка в Горный ботанический сад была нужна всем обитателям купола. Очистка воздуха требовала много энергии, которая необходима и для других дел. А кроме того, «Сегеже» не вечно сидеть на планете. Она улетит. Люди останутся жить. Значит, нужно, чтобы купол сам себя снабжал чистым, незараженным воздухом, по крайней мере до тех пор, пока сюда не прибудут стационарные дезактиваторы.

На совещании у капитана, посвященном этой проблеме, Пирра вспомнила, что когда-то проходила практику в Горном ботаническом саду. И там работал старик биолог: выращивал кустарник с повышенной активностью жизненного цикла; кустарник активно поглощал углекислоту и вырабатывал кислород. Старик предполагал использовать его в шахтах и в цехах с плохой вентиляцией — выделение кислорода растением прекращалось только в полной темноте. Достаточно было слабого источника света, и маленькая кислородная фабрика начинала работу. Тогда, до войны, растение ученого никому не понадобилось — в шахтах трудились и умирали рабочие самых низших каст, а их в Лигонской республике было много. Пирра сказала, что помнит дорогу к Горному ботаническому саду, помнит, где должны находиться делянки с тем кустарником. Если их, конечно, не выкорчевали за годы, что прошли с ее ареста.

Выехали затемно и до ботанического сада добрались к одиннадцати часам — дорога была плохая, да и сад находился сравнительно далеко от города. Он располагался в глубокой, защищенной от ветров долине, в которой, по словам Пирры, сохранилось несколько реликтовых видов растений. Это и определило выбор такого отдаленного места для ботанического сада.

— Здесь жили энтузиасты, — проговорила Пирра, когда вездеход остановился у небольшого белого дома с выбитыми стеклами. — Тут было интересно.

За домом начинался густой зимний лес. Вернее, это был мертвый лес, но Снежине он показался зимним, только сбросившим листья и готовым снова распуститься, как только пройдут холода. На некоторых деревьях еще сохранились привязанные проволокой таблички с их названиями, и забытая лесенка у одного из них как бы напоминала: хозяева здесь люди и они должны вернуться.

— Я сначала загляну в дом, — сказала Пирра.

— Я с тобой, — добавила Снежина.

Женщины вошли в дом. Снежина уже привыкла к тишине и гулкой пустоте домов планеты. Но этот дом показался ей не таким мертвым, как дома в городе. В одной из комнат у стены стояло два длинных стола, уставленных пробирками и банками с семенами. На стене висели застекленные рамы с гербарными листьями; срезы стволов в углу были еще свежими, но посеревшими от времени.

Пирра подняла с полу толстую тетрадь, развернула ее.

— Тетрадь наблюдений, — прочитала она. — Это его тетрадь, того старика. Как же его звали? Вот удивительная вещь — почерк его запомнила, а имени не помню. Последняя запись... — Пирра перелистывала тетрадь. — Последняя запись... Она уже сделана не им. И последние страницы заполнены другим почерком. Наверно, с ним что-то случилось еще до войны. Может быть, он умер. Или уехал. Хотя это все равно. Тетрадь нам пригодится. По крайней мере, мы теперь знаем, что они работали над этим кустарником до последнего дня. Старика здесь любили. Вздорный был старик, но очень добрый и мудрый.

— Что нового? — спросил, подходя к узкой дыре окна, Павлыш.

— Сейчас идем, — ответила Пирра. Она раскрыла гербарную

папку. — Так и думала. Вот этот лист — видишь, узкие, раздвоенные на концах листочки — то, что нам нужно. Даже если мы не найдем самой делянки, корона Вас сможет восстановить растение?

— Сможет, — заверила Снежина. — Корона Вас — волшебник. И умница.

— Только очень страшный, — созналась Пирра. — Я сначала его боялась.

Они шли по узкой аллее. Иногда Пирра останавливалась и надламывала сучок; сучки были сухие и с треском поддавались пальцам. Пирра бросала сучки на землю.

Над аллеей массой ветвей навис лесной великан; вокруг него земля на несколько сантиметров была покрыта длинными сухими иглами. Пирра подобрала несколько шишек и проверила, сохранились ли в них семена. Положила шишки в карман скафандра и потом сказала Девкали:

— Напомни на обратном пути взять банки с семенами из лаборатории.

— Хорошо вам, ботаникам, — проговорил Павлыш. — Раньше: сажай зернышко в землю и жди неделями, пока оно вырастет, если прорастет. А с помощью корон: сдал семена в лабораторию — через полчаса заходи за саженцами.

— Как раз у нас основная работа все равно останется неизменной, — возразила Пирра. — Саженец мы получим, а остальное — наше дело. Пока из него вырастишь дерево, все равно годы пройдут. Да и одним деревом не обойдешься — у нас впереди знаешь сколько работы. Это вам, врачам, теперь делать будет нечего.

Деревья расступились. Впереди, поделенное на ровные четырехугольники, лежало большое поле, ограниченное крутыми склонами долины. Некоторые из делянок щетинились сучьями кустов, другие стояли голыми или чуть прикрытыми сухой травой.

— Ой! — раздался сзади голос Снежины. Она отстала и еще не вышла из тени деревьев.

Павлыш резко обернулся.

Снежина сидела на корточках у большого ствола и махала рукой остальным, чтобы спешили к ней.

Спрятавшись между толстых корней мертвого дерева, из сухого песка долины тянулся тонкий стебелек с белой головкой цветка.

— Живой, — прошептала Пирра.

— Совершенно и абсолютно живой, — засмеялась Снежина. — Я подула на него, и он на секунду сложил лепестки.

— Лесной висан, — сказала тихо Пирра. — Я сейчас заплачу. Не срывай его. Пусть растет.

— Конечно, пусть растет. Я только подула на него. Он сложил лепестки, а потом опять расправил, будто поздоровался со мной.

— А планета хочет помочь нам, — произнес Девкали. — Она не совсем мертва. Помнишь, Пирра, как я первый раз принес тебе букет лесных висанов?

— Летом будет больше цветов, — добавил Павлыш.

6

С делянки возвращались не спеша. Может, оттого, что видели живой цветок, оттого, что так легко и быстро нашли нужный кустарник, настроение у всех было хорошее. Девкали тащил ворох сухих сучьев и корней и допрашивал Павлыша, пишут ли на Земле стихи, а если пишут, то пользуются ли рифмой. Пирра тихонько напевала что-то, и Снежина подумала, что еще не видела Пирру смеющейся, а наверно, когда она засмеется, то станет очень красивой. Хотела было сказать об этом Пирре, но та вдруг остановилась и сказала:

— Если пойти по этой аллее, мы придем на кладбище. Здесь было маленькое кладбище. Ботаники предпочитали и жить и умирать здесь. Здесь не было крематориев, как в городах. Подождете меня секунду? Я загляну, не похоронен ли здесь старик. Я никак не могу вспомнить, как его звали. А это очень нужно. Правда?

Пирра повернула в боковую аллею. Остальные последовали за ней. Кладбище открылось через сто шагов — это небольшая поляна, окруженная высокими деревьями. На поляне несколько могильных холмиков, над каждым камень или диск с лучами. Пирра прошла мимо ряда холмиков. Остановилась у крайнего.

— Конечно, — вспомнила она. — Его звали Кори, учитель Кори из Лигона. Он умер перед самой войной.

— Это хорошо, — заметил Девкали, — что он не дожил до нее.

До лаборатории было уже недалеко. Пирра провела к ней по узкой тропинке, мимо хозяйственных построек.

— Здесь песок? — спросил вдруг Павлыш.

— Да, песчаные почвы. Не все растения могли здесь жить. Приходилось ходить в соседнюю долину за перегноем. Очень тяжелые корзины были, как сейчас помню.

Павлыш отстал и отошел немного в сторону. Разгреб листья под деревом и посмотрел, сухой ли там песок. Под листьями был перегной сантиметра три, потом песок.

Женщины и Девкали ушли вперед. Павлыш распрямился, отряхнул ладони и хотел идти дальше, но неожиданно увидел человеческие следы.

Первой его мыслью было удивление — как они могли сохра-

ниться больше года? В тех местах, где землю покрывали листья, следы можно различить с трудом. Но чуть дальше на прогалине след отпечатался четко и глубоко. Это был свежий след.

Павлыш осторожно огляделся. Все тихо. Только уже довольно далеко, у здания лаборатории, слышны голоса женщин.

Недавно здесь был человек: ведь ночью шел дождь. Может быть, он даже видел их. Нет, это невероятно. Совершенно невероятно. Павлыш хотел позвать Девкали, но вдруг почувствовал, что ему страшно. Страшно крикнуть, потому что Он может услышать; страшно за своих товарищей: ведь они не знают, что кто-то, не боящийся смертельной радиации, ходит по мертвой планете. Кто это? Друг? Может, какие-то люди смогли приспособиться к радиации, обладают иммунитетом к ней? Нет, этого случиться не может. И потом... потом, не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться: человек был здесь совсем недавно. Возможно, видел людей и не подошел.

Павлыш решил никому не говорить о своем страшном открытии. Лучше быстро уехать отсюда, не рисковать — они не вооружены, с ними две женщины. Сначала надо посоветоваться с капитаном.

Павлыш еще раз оглянулся и быстро пошел по тропинке к лаборатории.

Его уже ждали. Пирра укладывала в вездеход банки с семенами и листы гербария. Снежина подавала ей их из окна лаборатории.

— Куда ты запропастился? — спросила она, увидев Павлыша. — Мы уж думали, ты попал в лапы к духу леса. Есть, оказывается, легенда, Пирра рассказала, что здесь живет привидение.

«Ну вот, еще не хватало», — подумал Павлыш.

— Кстати, Слава, ты почему спрашивал про песок?

— А, ты об этом, — ответил Павлыш, довольный, что разговор отошел от опасной темы. — Я думал, что песок хорошо сохраняет ткани. Мумифицирует их. Значит, если старик умер всего год назад, была надежда его вернуть к жизни. Ну ладно, поехали.

— Постой, постой, ты ведешь себя уж так нелогично, дальше некуда! — возмутилась Снежина. — Так это же светлая мысль, надо немедленно проверить. Девкали, знаешь, где лежат носилки? В нижнем багажнике. Достань.

— Нет, нет, — остановил их Павлыш. — Надо возвращаться. Уже поздно.

— Почему? Только первый час. Мы вполне успеем до темноты вернуться. Нашел, Девкали?

— Да, — сказал тот, выбрасывая из вездехода носилки.

И Павлыш понял, что он не в состоянии придумать никакой причины, которая бы оправдала немедленный отъезд. Открыть

правду? Но что-то удержало его от этого. Может быть, то, что ему не поверят, не примут всерьез. Может, потому, что тогда Снежина — а с нее станет — решит немедленно пойти туда и исследовать следы.

Когда раскапывали могилу, Павлыш старался не становиться спиной к лесу, и волнение его было столь очевидно, что Снежина даже спросила:

— Что, жутковато стало?

— Нет, — ответил Павлыш. — Просто я думаю, что песок может быть влажным.

— Сейчас все узнаем.

Догадка Павлыша была правильной. От этого ему стало еще хуже. Носилки с маленьким высохшим телом старика нес он с Девкали, а женщины, несмотря на уговоры Павлыша, все время отставали. И руки были заняты. Павлыш все оборачивался, и Снежина, смеясь, говорила:

— Не бойся, не потеряемся.

— Кстати, крупных хищников на планете сейчас нет, — добавила Пирра. — Хотя мы их разведем снова.

Ничего не случилось. Так же в тишине вернулись в вездеход. И без приключений добрались до «Сегежи».

Павлыш шутил, слушал, как Снежина рассуждает о том, будут ли на обед взбитые сливки, а сам, чуть отвлекаясь на секунду, снова видел глубоко отпечатанный в почве след, такой свежий, что края его не оплыли и виден каждый рубец подошвы.

7

— А теперь, Павлыш, успокойся и подумай. Первое: не показалось ли тебе все это?

— Нет, Геннадий Сергеевич, не показалось.

— Вторая возможность, — продолжал Загребин. — Например, эти следы были оставлены в прошлом году, а над ними нависают ветви?

— Нет. И вообще не стоит тратить время на придумывание причин, почему этих следов не было. Я знаю, что они были. Свежие следы.

— Вы не правы, Павлыш, — возразил Баков. — Мы обязаны рассмотреть все варианты. Абсолютно все. То, что вы рассказали нам сейчас, очень странно.

— Я знаю, что странно. — Павлыш прошелся по каюте, остановился около модели каравеллы над письменным столом и провел пальцем по бушприту. — Я отлично понимаю, что на вашем

месте я бы также старался перебрать все варианты. Но поймите, я их уже перебрал.

— Хорошо, Слава, — сказал Загребин. — Мы вам верим. Что из этого следует? Честно говоря, не знаю. Объяснить этого пока не могу.

— Объяснить можно, — вмешался корона Аро. — И вы это объяснение знаете не хуже меня, капитан. На планете, которую мы считаем мертвой, есть люди, которые пережили конфликт. Вопрос не в этом — важнее узнать, кто они, войти с ними в контакт.

— А почему они не хотят вступить с нами в контакт? — спросил Баков.

— Ну, этому найдется множество объяснений. Они могут, во-первых, и не подозревать о нашем присутствии. Горный сад находится в ста километрах от Манве. Во-вторых, они могут бояться нас. Кто мы такие? Пришельцы из космоса? Враги, пьи, выжившие в войне и пытающиеся оккупировать их страну? Или какие-нибудь другие загадочные существа, опять же, вероятнее всего, враги?

— Значит, — развил мысль капитан, — из этого следует, что, считая нас врагами, они могут предпринять враждебные действия?

— Могут, — ответил корона Аро.

В каюте было тихо. Только Павлыш быстро шагал по каюте из угла в угол по одной и той же прямой, и пластик чуть поскрипывал под каблуками. Из-за полуоткрытой двери доносились далекие голоса. Загребин, который знал обо всем, что происходит на борту, легко распутывал клубок голосов и шумов корабля: высокий гортанный голос принадлежит Ранмакану — он научился играть в нарды и опять спорит с Малышом, своим постоянным партнером. Вот вспыхнула скороговорка тети Мили — она отчитывает робота. Бухнула штанга — Кудараускас закончил серию физических упражнений...

— Значит, так, — сказал Загребин. — Вы, Алексей Иванович, с Антипиным посмотрите, что можно сделать для обеспечения полной безопасности корабля и купола. На гравитационное поле энергии не хватит?

— Нет, мы не можем включить главный двигатель.

— Ну, подумайте. Рисковать нельзя. А после ужина соберем экипаж и, я полагаю, жителей планеты. И поговорим. А пока я считаю разговор законченным.

Павлыш попрощался и сразу ушел. Он считал, что капитан слишком спокойно отнесся к новости. Даже не приказал немедленно снарядить разведдиск, который попробует выяснить, куда же ведут следы.

Корона Аро поинтересовался:

— А тот кустарник, о котором говорила Пирра, привезли?

— Да, привезли. И еще привезли его автора. Совсем забыл вам сказать: корона Вас ждет в лаборатории.

Корона Аро закинул хвост на плечо и молча последовал за Павлышом.

— Ну и как? — спросил Баков, оставшись вдвоем с капитаном. — Может быть, послать диск в ботанический сад?

— Я уже думал, — сказал Загребин. — У вас нет сигареты?

— Я не курю.

— Да, забыл, извините. Я уже думал, но сейчас пятый час. Через час стемнеет. Не хочется начинать поиски в темноте.

— Хорошо, пойду поговорю с Антипиным.

И Баков покинул каюту. Капитан Загребин постоял посреди комнаты, размышляя, не могла бы заваляться пачка сигарет где-нибудь в нижнем ящике письменного стола. Но потом вспомнил, что сам приказал роботу выбросить все, что может напомнить табак. И робот проделал эту операцию очень тщательно. Капитан вздохнул и пошел все-таки к Снежине, надеясь, что ее нет в каюте. Он знал, что сигареты лежат у нее под зеркалом, похожим на Луи-Филиппа. Лучше взять сигаретку потихоньку. Может быть, желание курить пройдет и насмешникам не будет повода злословить над слабой волей капитана Загребина.

8

После ужина в кают-компании собрались члены экипажа и жители купола.

Наверно, в последний раз они смогли все уместиться в этой небольшой комнате. «Пройдет еще сколько-то времени, и не только кают-компании, но и всей «Сегеже» не вместить жителей этой планеты, — подумал Загребин. — А может быть, уже и сейчас где-то под землей или под водой живут тысячи людей, которые не хотят никакой помощи извне?»

Неожиданное собрание нарушило привычную жизнь экипажа. Беспокойство усилилось еще и потому, что все видели, как Антипин с Баковым объехали на вездеходе купол, о чем-то посоещались, и потом наружу вылезли роботы, которые установили на некотором расстоянии от купола сигнальные башенки, зажигавшиеся, как только что-нибудь или кто-нибудь приближался к кругу, образуемому ими. Внутри круга уместились купол и «Сегежа».

— Сегодня, как вы знаете, — начал Загребин, когда все уселись, — наши товарищи ездили в Горный сад...

Загребин поведал о том, что видел Павлыш, потом сказал о

мерах безопасности, принятых им. После него говорил Павлыш. Он повторил рассказ о следах и предложил послать к Горному саду разведдиск.

Бауэр не поверил Павлышу: все-таки следы могли сохраниться с прошлого года; Кудараускас предположил, что эти следы оставлены роботом: какой-нибудь из роботов-разведчиков побывал уже в саду. Кудараускаса подняли на смех: следы роботов не были похожи на человеческие. Павлыш их спутать не мог.

Пирра сказала, что если следы — реальность, то они принадлежат военным. Только у них были тайные бомбоубежища, где можно спрятаться от радиации. При словах Пирры Ранмакан побледнел. Он ничего не сказал, но подумал, что все-таки к власти снова могут прийти настоящие хозяева Лигона. Нельзя сказать, что он хотел этого возвращения. При новой власти, которую для него олицетворяли капитан Загребин и Девкали, жилось лучше и никто не напоминал Ранмакану, что он низшая каста и должен не делать того-то и того-то, но уважение и почтение к военной машине было в Ранмакане настолько глубоким, что он всерьез испугался, как бы его не наказали настоящие хозяева, когда вернутся к власти. Бывшая прачка огорчилась: она не любила военных, и если бы ей один из них попался в руки, она бы его, наверно, задушила. Она не могла простить им смерти своих близких. И прачка беззвучно молилась Солнцу, чтобы молодому доктору изменило зрение и чтобы это были вовсе не следы, а случайные ямки. Охотники-пьи мало разбирались в политике и не хотели в ней разбираться. Они ждали того дня, когда воздух снова станет чистым. Снежина вспомнила, как было в том саду, и в душе поблагодарила Славу за то, что он тогда ничего не сказал.

Наутро диск слетал в сад, но следов не нашел. Ночью в горах прошел дождь.

В ближайшие две недели ничего не произошло, и все, кроме Павлыша, стали понемногу забывать о следах в Горном саду. Но Павлыш видел их, стоило ему закрыть глаза. Он знал, что они были.

Глава 6

ПОХИЩЕНИЕ

1

Профессор Кори из Лигона оказался сухим ехидным стариком с длинным носом и белым венчиком вокруг желтой лысины. Профессор за два дня вошел в курс дела, с удовлетворением от-

метил присутствие на корабле своей ученицы, поблагодарил ее за спасение кустарника, что он оценивал куда выше, чем спасение своей персоны, и взял в собственные руки озеленение купола.

Знание того, что он полтора года провел в могиле, нисколько не обескуражило профессора.

— Я деловой человек, — говорил он. — Я столкнулся с двумя фактами: первый — весьма прискорбный — эти идиоты все-таки добились своего и устроили бойню. Я всегда думал, что наши петиции их не удержат. Они устроили бойню и уничтожили все, что другие люди строили пять тысяч лет. Другой факт, с которым я столкнулся, — отрадный. А именно: к счастью, нас заметили раньше, чем пропали всякие следы нашей работы. Заметили и пришли нам на помощь. Мое воскрешение — частность, хотя приятная. Мне обидно было умирать, не окончив опытов со своими детишками. Кстати, если бы наши идиоты не загубили планету, никто не стал бы возиться с моим оживлением. Сколько мне осталось жить?

— Не знаю, — отвечал корона Вас. — Наверное, с нашей помощью вы проживете еще лет сорок. Мы в состоянии спасти человека, но не можем подарить ему бессмертие.

— Замечательно, коллега, на бессмертие я не претендую. Дорогой мой, вы не откажетесь помочь мне пересадить рассаду на клумбу? Я этого не могу доверить вашим железным роботам.

Корона Вас с удовольствием шел возиться с рассадой. Его пребывание под куполом было узаконено. Как-то Девкали собрал всех своих единомышленников и рассказал им о том, что на корабле живут не только люди, но и существа, на людей не похожие. Девкали опасался отрицательной реакции со стороны охотников или прачки. Но те восприняли новость спокойно. За последние недели с ними случилось столько невероятных вещей, что новостью больше или меньше уже не играло решающей роли. Первое время короны старались поменьше встречаться с жителями Муны, потом, когда обе стороны друг к другу привыкли, Вас, более общительный, почти совсем переселился под купол, отлучаясь только поговорить о жизни с тетей Милей и вырастить новую порцию рассады для опытов Кори.

Но эта спокойная и почти идиллическая жизнь продолжалась всего несколько дней, видимое однообразие которых было нарушено прилетом грузовой ракеты из Галактического центра, она доставила запасные части к аппаратам, почту и первую очистительную установку для воздуха. Кроме того, с ракеты сгрузили материал для второго, большого купола, сооружение которого должно было начаться, как только появится достаточное количество людей. Ракета улетела. И дня через два после ее отлета экспедиция, работавшая в развалинах Лигона, обнаружила заваленное наглухо бомбоубежище, в которое крысы не нашли доступа.

2

Снежина проснулась оттого, что услышала детский смех. Какой-то мальчишка кричал по-лигонски:

— Отдай мой мяч, или я проткну тебя мечом!

Потом он, видно, все-таки проткнул кого-то мечом, потому что жертва его страшным басом начала молить о пощаде. Мальчишка заливался смехом и топал ногами, потом голос его утонул в суетливом шуме людей, которые, если Снежина правильно поняла, давали советы плотникам, как вставлять раму.

Снежина лежала некоторое время, прислушиваясь к голосам, стараясь угадать за ними знакомые лица. Открывать глаза не хотелось. Как только откроешь их — значит, проснулась, значит, пора вставать, а Снежина считала, что каждый человек имеет право на десять минут между сном и явью, когда можно не спеша досмотреть сны и закончить их, как хотелось бы. Откуда могли идти голоса? Ну, конечно, из динамика внутренней связи. Кто сейчас на вахте? Кажется, Кудараускас. Значит, он включил шум купола вместо будильника.

Десять минут еще не истекли. Снежина подумала о том, что еще две недели назад Кудараускас, включив купол, донес бы до корабля только шаги роботов и тихий голос Ранмакана. Снежине тогда жители планеты Муны чем-то напоминали бронтозавров — живых, но в то же время чужих на своей планете. Уж очень они сегодня одиноки среди бесконечности разрушенных городов, пустых полей и тоскливости радиоактивных дождей. Кучка людей, спасенных за недели поисков, ошибок, разочарований, была ничтожно мала. И вдруг — сразу шестьдесят человек!

Старики и старухи; шестеро детей — скоро надо будет школу открывать; два молоденьких солдата — бывшие охранники бомбоубежища; патриций, случайно погибший в компании простолюдинов; два брата-старика. Эти люди проходили в момент оживления трагедию знакомства с собственным, уже чужим миром, пытались понять, что же делать дальше, как приспособиться к этой жизни.

Правда, теперь это шло проще и спокойней, чем вначале. С одной стороны, в бомбоубежище люди прятались семьями, семьями они и вернулись к жизни, с другой, их встречали Пирра и Девкали, Ранмакан и Кори — соотечественники, уже прошедшие через все, что ждало «новеньких», и готовые помочь.

И все-таки... Снежина вспомнила «голодный бунт».

3

Этот бунт произошел на второй или третий день после начала оживления людей из Лигона. Тогда под куполом набралось человек двадцать новичков, встретившихся как после долгой разлуки, еще не осознавших целиком, что же случилось, но вместе с тем полных недоверия ко всему миру, включая друг друга. К тому же эти люди были давно и привычно голодны.

Если до этого обед готовили Ранмакан с Пиррой — они справлялись (с помощью тети Мили и кухонного робота), не тратя много времени, — то на этот раз, пока кухня под куполом не была оборудована, обед, приготовленный на корабле в двух больших котлах, выкатили роботы. Образовалась нестройная очередь военных времен, заранее уверенная, что последним пищи может не хватить и, вернее всего, не хватит. Здоровый черный парень, бывший солдат, первым пробился к столу, схватил полную тарелку, присев за край длинного временного стола, в несколько глотков уничтожил суп и бросился снова к котлу, где произошла какая-то заминка. Нервная очередь сбилась в кучу вокруг робота, и Пирра тщетно пыталась успокоить растрепанную женщину с двухлетним малышом на руках. Малыш плакал, женщина кричала, вокруг раздавались несмелые, злые возгласы. И в этот момент солдат с пустой тарелкой врезался в толпу, как таран.

Супа было больше чем достаточно, но парень нарушил закон голодной очереди, и очередь моментально сплотилась против него. Пирра, отброшенная от бака, спряталась за спину робота — люди дрались за котлом, который покачивался, грозя вылить горячую жидкость. Патриций, не желавший драться, но тоже решивший, что супа не хватит, схватил со столика охапку ломтей хлеба и бросился бежать к дому. За ним погнался другой мужчина...

Бауэр, увидевший эту сцену с мостика, растерялся. Он никогда еще не видел, как люди дерутся из-за пищи. Он испугался, что кто-нибудь задавит ребенка. Глеб метнулся от экрана к пульту, но спокойные ряды кнопок не подсказали ему никакого решения. Тогда он нажал сигнал тревоги и подключился к каюте спящего Загребина.

Капитан вскочил с постели, как подброшенный батутом, и сонными глазами уставился на Бауэра. Глаза постепенно наполнялись мыслью, капитан хрипло спросил:

— Что?

И пока Бауэр, торопясь, объяснял, в чем дело, Загребин уже совсем пришел в себя и, не дав штурману закончить, оборвал:

— Дай сирену.

Повернулся на другой бок и заснул. Капитан не спал всю

ночь — перед этим была его вахта, и как раз монтировали очиститель воздуха.

«Странно, — подумал Бауэр, — мастер никогда не сталкивался с голодными бунтами. Не больше меня знает о них. И все-таки совершенно спокойно и быстро нашел единственное решение. И, главное, заснул снова».

Бауэр включил ревун.

Низкий гул заполнил купол, повис над городом — страшный крик громадного зверя, крик войны и приближающейся воздушной смерти. И в тот же момент застыли люди у котла и инстинктивно подняли головы. Только суп, льющийся из наклоненной тарелки, отбивал струйкой зигзаги на земле да с легким мягким стуком рассыпались по земле оброненные патрицием ломти хлеба.

Бауэр опустил ручку сирены. Все в порядке.

Бунт не повторился. Но на следующий день, когда людей стало еще на восемь человек больше, случилась новая беда. Очередь, пришедшую за обедом, охватил другой вид массового психоза, причина которому была та же — страх. Кто-то взял вторую порцию супа, потом вторую порцию мяса. Его примеру последовал сосед, и вот уже началась оргия. Люди жадно хватали хлеб и мясо, глотали бульон, матери засовывали кусочки в рот плачущим детям. Эту оргию никто не останавливал и не мог бы остановить. Внешне все выглядело почти благопристойно — люди ели.

Вечером Павлышу пришлось покинуть лабораторию. Он переключился на слабительное и болеутоляющие капли. Девкали между тем уверял пострадавших, что пришельцы и в мыслях не имели их травить. Виной всему их собственная жадность. Ему не верили.

На мостике капитан разговаривал с короной Аро о том, как снять с людей эту смесь подавленной истеричности и апатии — настроение переселенческого лагеря, вокзала, с которого не уходят поезда. Аро советовал ждать и положиться на человеческую натуру. Он говорил, что с уверенностью в завтрашнем дне придет и спокойствие.

Вошел профессор Кори.

— Если я и помешал, — агрессивно начал он, — то все равно вам придется меня выслушать.

— Садитесь, — сказал Загребин, указывая на кресло. — Вы пришли вовремя.

— Я хотел бы поговорить сейчас не с вами, а с моими соотечественниками, — сказал Кори. — И со всеми сразу. Я не могу бегать, как Девкали, из комнаты в комнату. Да это и не поможет. Включите внешнюю связь.

Кори напыжился, и венчик седых волос вздыбился нимбом вокруг блестящей лысины. Не очень удачно перешитый прачкой

костюм Малыша топорщился у него на груди и кособочился у ворота.

Загребин подошел к пульту, включил внешнюю связь и протянул профессору микрофон:

— Пожалуйста.

Кори взял микрофон и, набрав в легкие побольше воздуха, быстро заговорил высоким голосом:

— Люди, с вами говорит профессор Кори из Лигона. Вы меня видели, вы меня знаете. Мне стыдно за вас и за нашу планету. Мало того, что вы разрешили своим правителям убить себя, вы показываете сегодня людям, пришедшим нам на помощь, что вы не достойны этой помощи. Я, профессор Кори из Лигона, говорю: с завтрашнего дня мы начинаем новую жизнь. Мы вспомним, что наши предки были гордыми людьми и не дрались из-за куска хлеба. И пусть завтра кто-нибудь посмеет броситься на еду, как паршивая собака. Я ударю его по лицу. Все... Извините меня, — сказал Кори капитану, дождавшись, пока тот выключил внешнюю связь. — Я люблю своих соотечественников, вы должны простить их.

И, не дожидаясь ответа, Кори выбежал из помещения, только щелкнула дверь, и каблуки профессора, удаляясь, отстучали что-то сердитое по ступенькам трапа.

Нельзя сказать, что с этого дня обитатели купола резко изменили свое поведение. Этого никто и не ожидал. Но когда дня через два один из вновь прибывших слишком быстро принялся хлебать суп, то несколько пар глаз обернулось к нему. И когда он украдкой просеменил на цыпочках к котлу, патриций, проявивший неожиданную склонность к демократии, остановил его.

— Не спеши, — произнес он. — А если будешь брать еще суп, то не больше половника. Организм у тебя новый, может не выдержать, лопнешь.

Бежавший огрызнулся, но шаги замедлил. Он, не оборачиваясь, прислушался, что скажут остальные. Остальные молчали. Молчание это было сочувственным к словам патриция, и новенький ощутил это...

Снежина открыла глаза. В самом деле, пора вставать. Загребин освободил ее от вахт — она входила в группу купола. И там ее ждали проблемы — всякие проблемы, большие и маленькие, ожидаемые и совсем неожиданные. К ожидаемым относились проблемы еды и одежды. Корабельных запасов уже не хватает, и скоро придется выкручиваться собственными силами. Были маленькие: у единственной кормящей матери кончилось молоко, и надо было нажать на Павлыша, чтобы он заготовил побольше питательной смеси для малыша. Таких проблем Снежина могла насчитать десятки; разрешить их было совсем не легко.

Снежина зажмурилась, чтобы сконцентрировать волю в одном действии, и сбросила ноги с кровати. Пятки ударились о мягкий ковер. Теперь надо поднять голову. И Снежина подняла голову, показала язык своему изображению в зеркале и включила дистанционное управление душем — пусть греется, пока она доберется до кабинки.

4

Робот, который тащил за собой толстую змею запасного тормозного парашюта, задел клумбу у швейной мастерской — первого промышленного предприятия Муны. Кори увидел это безобразие, догнал робота, который затаскивал парашют в дверь, и принялся честить его на двух языках. Робот покорно слушал; швеи сгрудились у окна, чтобы не пропустить это уникальное зрелище, а Ранмакан, который сам вызвался руководить швейной мастерской, вышел к дверям и молча водил в воздухе руками, заклиная прекратить ссору. Ранмакан отъелся, стал солиднее и осторожнее.

Робот был простой рабочий, но он догадался, что игнорировать гнев старика невозможно. Он отпустил конец парашюта и пошел пересаживать цветы. Профессор обогнал его и велел отправляться обратно в корабль. Потом стал восстанавливать клумбу сам. Ранмакан стоял над ним и наблюдал за его уверенными, точными действиями.

— Вам хорошо, — сказал наконец Ранмакан, — у вас есть специальность. А я таможенный писарь.

— И таможенные чиновники пригодятся, — успокоил его Кори. — Да притом вы пока тоже неплохо устроились.

— Да, это пост шестой или даже пятой касты, — сказал Ранмакан. — Но меня могут его лишить.

— Это еще почему?

— Будут более достойные люди.

— А вы работайте лучше, и не будет более достойных. Вместо того чтобы стоять надо мной и разговаривать, могли бы втащить парашют — женщинам не справиться.

— Я начальник, — ответил Ранмакан просто.

— Ах, так! — воскликнул Кори. Он быстро переходил из одного настроения в другое. — Ах, так! — Кори поднялся и быстро прошел к двери, перед которой лежал толщиной в туловище человека червяк парашюта.

Кори перебрался через него и исчез в темноте прихожей. Ранмакан неуверенно последовал за ним и остановился, увидев, как червяк зашевелился и начал вползать в темную щель. Профессор

громко кряхтел — в парашюте было килограммов пятьдесят весу. Одна из женщин, наблюдавших эту сцену из окошка, всплеснула руками, сказала что-то своим подругам и побежала на помощь профессору. Остальные последовали за ней. Червяк пополз резвее и скрылся в доме. Ранмакан все еще раздумывал, что бы ему предпринять. Ситуация была сложной и неправдоподобной. Профессор принадлежал ко второй касте, и заниматься такой плебейской работой, как перетаскивание тяжестей, ему было абсолютно воспрещено тысячелетними традициями. Когда Ранмакан пробовал понять взаимоотношения людей на «Сегеже», он пришел к выводу, что все они там, за исключением, может быть, тети Мили, принадлежат к высшим кастам своей планеты. Вместо низших каст они взяли с собой роботов, никакие разубеждения Кудараускаса не могли поколебать Ранмакана. Они были ему не нужны. Когда мир можно объяснить удобной схемой, очень не хочется отказываться от нее и искать какие-то сложные и ненужные в повседневной жизни решения.

Поэтому то, что робот тащил парашют, было понятно. То, что этим занимался профессор Кори, было абсолютно непонятно. Ранмакан признал формально, что под куполом все равны и каст нет, но в душе он делил человечество на касты и относил себя к одной из низших, хотя не к той, к которой принадлежал до войны, а к следующей на пути вверх. Он беспокоился, что его могут лишить права заведовать мастерской, и с подозрением поглядывал на новичков: нет ли среди них патрициев, способных и желающих занять его место?

Пока все было в порядке, новых патрициев не было. Старые — Девкали, Пирра и Кори — занимали уже хоть и неопределенные, но все-таки явно руководящие места, а единственный патриций, спасенный в Лигоне, предпочитал ничего не делать и рассуждать о возможностях демократии. Ранмакан подошел к профессору для того, чтобы развеять свои опасения, и в результате еще больше запутался и решил, что недовольный им Кори может сообщить пришельцам о недостойном поведении Ранмакана. Но Ранмакан — первый человек на Муне, Адам, как называют его пришельцы, и он не может сидеть вместе с женщинами, шить или подносить им иголки с нитками. Нет, этого не будет. Женщины, конечно, согласны с демократией: они принадлежали к самой низшей из каст, да и мужья их тоже, и дети. Им нечего терять. Ранмакан же был чиновником, каким-никаким, но чиновником, представителем того слоя, который, с завистью глядя на вышестоящих, судорожно цепляется за свои маленькие привилегии, поднимающие его над другими, не имеющими привилегий вообще.

Профессор Кори, тяжело дыша, вышел из мастерской.

— Вместо того чтобы здесь стоять, — заметил он Ранмакану, — помогли бы разрезать шелк на большие куски. Не кроить же из целого парашюта...

— Я позвоню на корабль, пусть пришлют второго робота, — упрямо сказал Ранмакан. Он продолжал цепляться за свои привилегии. — Робот сделает это лучше меня. А сам я должен писать мемуары.

— Ах да, — ехидно улыбнулся Кори. — Мемуары. Сам Кризинзи из Плонги склонился бы перед вашими талантами.

— Штурман Кудараускас высоко оценивает мою работу.

— Тьма с вами, с писателем и со штурманом. Но я бы на вашем месте подумал о том, что мы обязаны работать. Ра-бо-тать. Понимаете? Пусть «Сегежа» улетает — у нее свои дела. А мы будем править планетой. Мы останемся одни — вам это приходило в голову?

— Куда они улетят? — спросил Ранмакан. — Зачем им улетать?

Ранмакана устраивало присутствие людей. Он опасался, что, как только «Сегежа» поднимется над планетой, ему снова придется опуститься на свое место и, может, еще и сесть в тюрьму за сотрудничество с чужими.

— Им нельзя улетать.

— Это еще почему? — удивился профессор Кори. — Как только они смогут обеспечить работу очистительных аппаратов, а мы наладим снабжение пищей, мы останемся одни. Мы обязаны остаться одни.

— Что вы бормочете одно и то же: «Одни, одни»! — разозлился Ранмакан. — Кто вас обязывал оставаться в одиночестве? Я? Эти женщины?

— Недавно вы протестовали против прихода людей.

— Это мое личное дело. Тогда я был один. Еще неизвестно, как бы вы себя повели на моем месте!

Кори хотел ответить, но передумал, махнул сухой ручкой и ушел — к своим цветам и деревьям, с помощью стимуляторов вымахавшим метра на три в высоту. Кори подумал, что пора бы возродить кое-каких насекомых; надо поговорить с короной Вас. Кори подошел к своему столу, спрятавшемуся в самой гуще кустарника, раздвинул срезы, бумаги, приборы, сел. Сердце работало неважно. К сожалению, корона Вас вернул ему старое сердце. Снова умирать очень не хотелось. Не стоило возиться с парашютом. Хотя он сделал правильно. По крайней мере, женщины в мастерской поняли правильно. Они говорили ему: «Учитель, отойди, без тебя справимся» — и не рассуждали, патриций он или простолюдин. А Ранмакана еще учить и учить. А может, он и умрет, в глубине души мечтая перейти в четвертую или даже вторую касту. Нет, на вторую у него не хватит воображения. Надо поехать в Горный сад — посмотреть, не распустились ли еще кое-какие растения. Ведь перед войной шли работы, связанные с влиянием радиации на рост растений.

Ранмакан тоже вернулся к себе в швейную мастерскую. В домике было два стола. Один большой, общий — за ним работали пять женщин. И стол в углу поменьше, за ним сидел Ранмакан. Он, когда нужно было, выходил на связь с мостиком или большим домом; он вел переговоры с роботами, когда те перетаскивали что-нибудь с корабля; он должен был вести бухгалтерию, планировать, когда и что понадобится мастерской.

Ранмакан сел за стол, отодвинул в сторону бумаги и задумался. Он ощущал взгляды женщин и их шепот, содержащий какие-то, возможно, нелестные для него высказывания. Но он был выше этого. Он смотрел вперед. Раздумывал, сказать ли капитану о том, что вчера ночью, когда все уже спали, он видел чужого человека в защитной одежде. На человека упал луч прожектора, и тот, ослепленный им, задержался на секунду, перед тем как нырнуть в темноту. В запале разговора с Кори он чуть не проговорился, что на планете есть и другие люди и что Павлыш был прав. Но не сказал, удержался. Могло так случиться, что те люди — законная власть. Вдруг они окажутся сильнее корабля? А если так, то знание того, что другие уже подошли близко к «Сегеже», могло пригодиться Ранмакану.

5

Загребину не хотелось отпускать Кори в Горный сад. Существование неразгаданной тайны смущало капитана. «Тем более, — рассуждал он, — если бы те, неизвестные, хотели встретиться с нами, они бы давно могли это сделать». Согласившись с профессором, что тому необходимо побывать в Горном саду, капитан послал за день в Горный сад разведдиск с металлоискателями и биолокаторами на борту. Диск не обнаружил ничего подозрительного.

— Вот что, — сказал Загребин Антипину, который уезжал в сад вместе с Кори и Снежиной. — Из «Ежа» по пути не выходить. Доедете туда, вездеход остановишь не у домика, как в прошлый раз, а прямо в саду, у делянок. В машине обязательно кто-то останется, для того чтобы держать остальных в поле видимости. На вездеходе лазер в боевой готовности. Если увидишь опасность, не стрелять; немедленно сообщайте нам и бегите оттуда со всех ног. Ясно?

— Ясно, Геннадий Сергеевич, — ответил Антипин. — Куда уж яснее. Второй купол завтра начнем надувать?

— Завтра. Вернешься, выспишься, и начнем.

Роботы поставили на «Ежа» защитные козырьки. Теперь вряд ли его можно пробить даже прямым попаданием снаряда или лучевым зарядом.

Перед отъездом Снежина нашла Павлыша и повела его в купол. Там заболел один из ребятишек. Павлыш осмотрел его, приказал роботу притащить лечебный излучатель — мальчику не хватало солнечного света. Снежина ждала доктора, разговаривая с охотником-пьи о строительстве амбулатории. Потом, когда доктор кончил облучение и робот уехал, Снежина попросила Павлыша зайти еще раз к ребенку вечером.

— Ладно, зайду. Что-то сад сильно разрастается. Скоро будет не купол, а джунгли.

— Кори и Вас этого, по-моему, и добиваются.

— Жалко, что нет живности в нашем саду.

— Тут есть одна птица. Смотри, вот она.

Птичка с длинным голубым хвостом и двумя парами крыльев, расположенных, как у бабочки, одни за другими, мелькнула между деревьями.

— Послушай, Снежка, — произнес Павлыш. — Ты в самом деле будь осторожнее. Я же видел там следы.

— Ну, знаю, знаю, сама с тобой была и никаких следов не видела. Ты не показал. Не волнуйся, мы будем осторожны.

— Серьезно, — сказал Павлыш. — Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

— Это как понимать? Не так, как к остальным?

— Нет.

— Значит, хуже, — уверенно проговорила Снежина.

И тогда Павлыш, чувствуя, что краснеет, попытался ей что-то объяснить. Она вдруг сделала большие глаза, и Павлыш почувствовал, что он в них уместился целиком. Сейчас Снежина хлопнет ресницами, и он там останется навсегда. Снежина хлопнула ресницами, и Павлыш, зажмурившись, протянул руку вперед, чтобы нащупать границы тюрьмы, в которой он очутился. Рука его натолкнулась на пальцы Снежины. И Павлыш хотел еще что-то добавить, но не всегда придумаешь что. И он сказал:

— Я зайду вечером к мальчику.

Снежина улыбнулась одними глазами.

И тут подошел Девкали с толстым патрицием и одним из новеньких и сказал:

— Здравствуйте, Слава. Снежина, мы сейчас собрались и официально запретили войну. Ведь мы имеем на это право?

— Вы имеете право на все, — объяснила Снежина. — Вы хозяева своей планеты.

— Нет, не на все, — ответил патриций, который оказался в общем славным человеком. — Мы не будем больше воевать. Мы запретили войны. Декретом. Удивительно, правда? Никогда не думал, что придет день, когда я буду отменять войны декретами.

— Теперь у вас есть правительство? — спросил Слава.

— Как вам сказать, — ответил Девкали. — Вот Ренци из Плоци, он раньше был шахтером...

Новенький наклонил голову. Это был коренастый человек с большими руками и ступнями и шишкастой головой. Маленькие глаза спрятались под очень густыми рыжими бровями. Глаза были очень светлыми и яркими.

— Потом, Пирра, профессор Кори и Ус-са-ян-ка — один из охотников-пьи. Что-то вроде Совета.

Из корабля выбрался на землю «Еж», и Антипин, разглядев Снежину под куполом, дал сигнал.

— Ой, — воскликнула Снежина, — я опоздала! Мне же еще скафандр надевать!

И она побежала вперед к кораблю, оставив Павлыша в одиночестве, совсем позабыв о нем, будто три минуты назад не протянула руку ему навстречу.

Но, стоя у выходного люка, пожалела, что в тамбуре нет зеркала.

Вездеход развернулся и шустро пополз к холмам.

На мостике капитан, проверяя связь, спросил:

— Как себя чувствуете?

Снежина ответила раньше Антипина:

— Мы себя отлично чувствуем.

— Ну-ну, — сказал капитан. — Чуть что — сообщайте. Канал свободен.

Снежина поинтересовалась:

— Делегация уже приходила?

— Какая делегация?

— Значит, сейчас придет. Представители правительства планеты Муна.

Капитан повернулся к двери. Именно в этот момент она открылась, и делегация вошла на мостик.

— Добрый день, садитесь, пожалуйста, — пригласил капитан. — Где нам лучше разговаривать?

— Если вы не заняты, лучше в кают-компании, мы здесь будем мешать, — сказал Девкали.

Капитан спустился вниз и, когда вернулся через час на мостик, спросил у вахтенного штурмана, все ли в порядке с «Ежом». Тот ответил, что Антипин только что выходил на связь.

Потом Антипин сообщил, что вездеход достиг заповедника. Остановились на делянках и даже нашли целую колонию цветов. Еще через пятнадцать минут связь с «Ежом» прервалась.

6

Капитан был на мостике, когда Бауэр сказал:

— Молчат... Видно, со связью что-то не в порядке.

Но и Бауэр, и капитан знали, что со связью все в порядке. Что-то случилось с людьми в вездеходе.

— Диск, — произнес капитан.

Бауэр, ходивший с Загребиным и раньше, предугадал слова капитана, его рука уже тянулась к кнопке запуска.

Корабль чуть вздрогнул. В открывшийся люк вылетел «глаз» корабля — диск с телевизионной камерой на борту, налетавший к тому времени много тысяч километров над планетой. Бауэр включил небольшой экран слежения. По нему проплывали серые с зелеными подпалинами вершины холмов и оловянные ленточки ручьев в долинах. Разведдиск шел быстро, и Бауэр с трудом угадывал прерывистую полосу дороги. По экрану побежали серые неровные полосы.

— Опустите его пониже, вошел в облака, — велел капитан.

Бауэр перевел диск в бреющий полет и предупредил:

— Придется здесь его вести медленнее, как бы на вершинку не налететь.

— Две минуты вряд ли играют роль, — сказал капитан. — Они могут сейчас быть и не в заповеднике, а где-то ближе, на дороге. Проверим весь путь.

Бауэр кивнул головой. Вошел Баков.

— Что-то случилось? — спросил он, заметив светящийся экран.

— Нет связи, — отозвался Загребин. — Разведдиск пошел.

— Я этого боялся, — произнес Баков, хотя этого и не следовало говорить.

На экране промелькнула арка у входа в заповедник. Бауэр снял скорость, и, снизившись к самой крыше лаборатории, диск повернул к серой путанице ветвей — к лесопитомнику.

На краю поляны стоял вездеход. Крышка люка была открыта настежь. Бауэр опустил диск еще ниже, и тот завис над открытым люком. Вездеход был пуст.

Около «Ежа» не было следов. Трава стояла прямо, будто люди покинули его по воздуху. Каждая травинка была видна на экране ясно, словно под лупой.

Нет, кроме отпечатков гусениц самого вездехода, никакие другие следы к машине не вели.

— Мистика какая-то, — вздохнул Бауэр, когда диск завершил второй круг над вездеходом.

— Никакой мистики, — ответил капитан, — пройдись диском по следам гусениц.

Цепочка следов, оставленных рубчатыми подошвами, различалась кое-где поверх отпечатков гусениц.

— Все ясно, — сказал капитан. — Смотрите, как стоит машина. Она уткнулась в кусты. Дальше откос, хода нет. Раньше она стояла посреди поляны. Потом что-то случилось со Снежиной и Кори — видно, уже в кустах... Тогда Антипин подвел машину к кустам, выскочил, пробежал несколько шагов обратно по гусеничным следам и тоже свернул в кустарник. Все это произошло так быстро, что он не успел или не счел нужным выйти на связь. Теперь проверим. Ага, видите, следы ведут к кустам.

Диск сначала летел над прогалиной в кустах, и отпечатки подошв были видны сверху. Потом кусты сомкнулись. Сквозь голые ветви капитан разглядел маленькую колонию голубых цветов. Некоторые ветви вокруг были обломаны.

— Ясно. Они с поляны увидели цветы и пошли к ним.

— А Антипин наблюдал за ними с вездехода.

Диск снова поплыл над переплетением ветвей. Свежие обломы указывали путь биолога и Снежины; они вышли к маленькой поляне, на которой тоже росли цветы. Правда, здесь цветы были вытоптаны и следов великое множество. Они вели к расщелине среди скал.

— Вызови Павлыша, — приказал капитан Бакову.

Павлыш прибежал на мостик через полминуты. Можно было подумать, что он ждал вызова у самой двери.

— Слава, — сказал капитан, — приглядитесь к следам. Похожи на те?

— Да, — ответил Павлыш, — это они.

— Готовим большой катер, — решил капитан. — Командир катера Баков, команда: Павлыш, Цыганков, Лещук, Райков, корона Аро. Из местных жителей — Девкали. За вооружение и защиту корабля отвечает Баков. За ходовую часть — Лещук. Подготовка и сборы — пятнадцать минут.

Когда Баков ушел, капитан велел Бауэру:

— Глеб, подними диск повыше, на полкилометра или еще повыше. Может, наши увидят.

— А вы уверены, что похитители — жители этой планеты? — спросил Бауэр, глядя, как уходит вниз и уменьшается домик лаборатории на экране.

— Вот это новая идея. Уверен. А что?

— Уж очень невероятно: живые люди здесь, после всего, что произошло.

— Нельзя спрятать на планете звездный корабль, — отверг Загребин версию Бауэра. — После тебя на вахту выйдет Кудараускас. Вместо Бакова.

— Я не устал, Геннадий Сергеевич.

— Мы не знаем, сколько продлятся поиски.

— Надеюсь, с ними ничего плохого не случилось?

— Не знаю, — ответил капитан. — Не знаю! Кто может знать? Такая тихая планета! Ни одной живой души!

7

Катер выкатился до половины из распахнувшегося грузового люка.

— Что-то сегодня наши друзья очень активны, — произнес патриций.

— Да. И взяли с собой Девкали, — ответил Ранмакан, который давно уже почувствовал неладное.

Не сходить ли ему, пользуясь давним знакомством, к Кудараускасу? У других спрашивать не хотелось. Ранмакан был немного обижен на своих соотечественников за то, что они не избрали его в Совет. Он имел на это все права — он был первым человеком на планете. Вернее всего, это интриги капитана и особенно Бауэра. Бауэр простить ему не может тот выстрел. А сам капитан? Может ли он простить?

— Ранмакан, — проговорил шахтер Ренци, из новых начальников, принадлежавший к самой низкой касте.

Еще совсем недавно он ни за что не осмелился бы обратиться к Ранмакану вот так. Он должен был сказать: почтенный Ранмакан. Все-таки две касты разницы. Но теперь он — власть.

— Что? — спросил Ранмакан как можно равнодушнее.

— Сегодня твоя очередь идти в город с грузовым роботом. Ты помнишь, надо взять из хозяйственного магазина госпожи, как ее там звали...

— Госпожи Вапрас, «Торговля привозным товаром».

— Да, ты должен взять все по списку. Список у тебя?

— Может, сегодня и не надо будет идти?

— Как так не надо? — Шахтер сложил на груди сильные большие руки. — Ты же сам вызвался. Нам нужна посуда и нужна большая плита. Там должна быть.

— Может, они не захотят, чтобы я ехал. — Ранмакан кивнул головой в сторону «Сегежи».

— Почему? Договорились еще вчера. Робот ждет.

— Все-таки сходили бы на мостик и спросили.

— Мне незачем из-за всякого пустяка ходить на мостик. Я не имею привычки зря крутиться на корабле.

Последнее содержало в себе намек на визиты Ранмакана к Кудараускасу, которыми тот оправдывал свои частые отлучки.

— Скафандр в тамбуре. Знаешь где. — Ренци отошел.

— Придется ехать, — произнес всегда готовый улыбнуться и, если надо, посочувствовать патриций. — Хотите, я составлю вам компанию?

— На тебя ни один скафандр не налезет, — отрезал Ранмакан. Этого патриция он и за патриция не считал. Ранмакан решил все-таки зайти в большой дом и оттуда связаться с мостиком — можно ли ехать?

Капитан взял в каюте у Снежины пачку сигарет. Он курил, и чувствовал, как кружится с непривычки голова, и злился на себя, что оказался слабее, чем сам предполагал и чем предполагали члены экипажа.

— Ранмакан на связи, — сообщил Бауэр. — Спрашивает, не отменен ли визит в город за какой-то плитой.

— А что, договаривались?

— Да, вы еще вчера для этого выделили грузового робота-тележку.

— Пускай едет. Это ведь недалеко? Мы никого ему не можем дать в сопровождение?

— Больше нет свободных скафандров. Осталось только по одному на членов экипажа.

Ранмакан выслушал все переговоры, кликнул грузового робота-тележку, снабженную тремя парами членистых рук и чем-то вроде головы спереди, и пошел к выходу из купола. Тележка послушно покатилась в трех шагах сзади. Она остановилась перед тамбуром. Ранмакан открыл люк в кладовку со скафандрами и тут вспомнил, что робот в тамбур не пролезет.

— Чего стоишь? — спросил он его. — Разве не знаешь, что тебе в грузовой тамбур надо? Первый раз, что ли?

Тележка ничего не ответила. Она вообще не могла говорить. Кроме того, она привыкла получать приказы, а приказа пока не было.

— Ах ты, тьма тебя раздери! — возмутился Ранмакан. — Отправляйся к грузовому люку, выезжай наружу и жди меня там.

Тележка дала задний ход. Ранмакан закрыл за собой крышку люка. У выхода из купола он вскарабкался на тележку, к ней он привык и пешком ходить не желал.

Ранмакан любил собирать трофеи и таскать их в купол. Ему казалось, пока он искал и выуживал из домов и магазинов когда-то ценные, а теперь никому не принадлежащие вещи, что он бе-

рет их себе. Правда, после дезактивации их приходилось сдавать Пирре, главной хозяйке, но и там оставалась возможность удовлетворить гордыню. Иногда Пирра говорила: «Ранмакан, вы гений. Где вы только могли это достать?»

И тогда Ранмакан скромно улыбался и отвечал: «Стоит поискать, и всегда найдешь».

Сейчас Ранмакан ехал на тележке, и настроение у него было совсем не такое боевое, как обычно. Что-то случилось. И это происшествие было связано с поездкой в Горный сад, где когда-то Павлыш нашел следы. Два и два сложить легче легкого. Это Ранмакан делать умел. Не иначе, как профессор встретился там со своими. Но что было дальше? Ничего хорошего. Если бы все было нормально, зачем посылать туда большой катер?

Ранмакан привычно переводил рычаг робота, и тот полз по улицам. Ранмакан уже привык к виду мертвого Манве. Он по нему не единожды ездил, ходил и даже убегал. Тут ему в голову пришла светлая мысль: теперь же не будет убийств? Как можно судить человека за убийство, если убить невозможно. Хотя, может, оживляющий аппарат заберут себе патриции и никому не будут его давать? А есть еще и другой выход — не просто убивать, а сжигать людей, чтобы и следа не осталось.

Ранмакан остановил робота перед магазином привозных товаров госпожи Вапрас. Витрина магазина была выбита, но в глубине комнаты виднелась большая плита, которую Ранмакан заметил во время последнего визита.

Ранмакан приказал роботу:

— Подожди меня здесь, — и вошел в магазин.

Там вроде ничего не изменилось. Тихо. Так же стоят столбиками вложенные одна в другую миски, так же громоздятся кастрюли... Крыса испуганно метнулась через комнату. В тишине магазина Ранмакану почудилось что-то угрожающее. Ему захотелось убежать к роботу, спрятаться под защиту его длинных рук. Может, включить рацию и связаться с кораблем? И что сказать?

Ранмакан нажал головой на кнопку вызова и произнес:

— «Сегежа»? Я Ранмакан. У меня все в порядке.

— Кто-кто? — спросил резко Бауэр.

— Ранмакан. Я в городе.

— Ах да, совсем из головы вылетело. И как у вас дела?

— Хорошо, — ответил Ранмакан и отключился.

Он не знал, что как раз в этот момент вышел на связь катер и Баков докладывал о ходе поисков.

Ранмакан обиделся на Бауэра. Ну и злопамятный — даже разговаривать не хочет! Ранмакан оглянулся. Тихо. И все-таки тревожное, сосущее чувство в области желудка не оставляло. Ранмакан вдруг подумал: «Черт с ней, с плитой, найду другую» —

и, только повернулся, чтобы выйти из магазина, как услышал голос:

— Здравствуй, Ранмакан. Не бойся, не вызывай корабль. Посмотри налево.

Ранмакан обернулся налево, отступая к выходу. Из-за груды кастрюль вышел Бессмертный собственной персоной. Бессмертный, старый друг, сильно изменился — похудел, постарел, поредели длинные жирные волосы, но то же круглое лицо и те же ясные голубые глаза над приплюснутым носиком и толстыми яркими губами. Те же мальчишеские веснушки на носу и на щеках и та же вечная простоватая улыбка.

— Ты узнал меня, Ранмакан? — спросил Бессмертный, подходя ближе. — Приятно встретиться после разлуки.

— Здравствуй, — ответил Ранмакан. — Здравствуйте, господин Бессмертный.

— Только помни, дружище: как только ты нажмешь кнопку связи, я тебя прикончу. — Бессмертный широко ухмыльнулся. — Не бойся, мы же с тобой старые друзья.

Только тут Ранмакан понял, что Бессмертный тоже, как и он, одет в скафандр. Правда, скафандр не облегал его, а болтался широкими прозрачными складками и был похож на старый водолазный костюм. Сходство с водолазом дополняли тяжелые башмаки. Через плечо висел автомат.

— Нам надо поговорить. — Бессмертный жестом радушного хозяина указал Ранмакану на стул. Сам сел на ящик так, чтобы наблюдать одновременно за Ранмаканом и за улицей.

8

Катер Бакова осторожно опустился на поляну, рядом с пустым «Ежом». Некоторое время никто из катера не выходил. Локаторы обследовали окрестные склоны холмов в поисках подозрительных объектов, биощупы проверили, нет ли поблизости людей, и, только когда Баков полностью убедился, что высадка безопасна, Малыш и Райков перебежали к покинутому вездеходу. Лазер катера повернулся вслед за космонавтами, прикрывая их.

Малыш и Христо Райков взобрались в вездеход. Все там было на местах. Будто покинули его минуту назад.

— Может, какой-нибудь знак, записка? — без особой уверенности спросил Баков.

— Ясное дело, нет.

Решено было поднять катер и перелететь на площадку на склоне холма, двигаясь в том направлении, куда вели следы. По-

ка катер будет медленно перемещаться по воздуху, под ним по следам пойдут Малыш и Райков.

— Тут они нашли эти цветочки, — говорил Малыш, медленно пробираясь сквозь кустарник. — Христо, будь другом, сделай два шага в ту сторону и посмотри, нет ли параллельных следов. Нет? Идем дальше. Вот поляна. Ну, как у тебя, Христо?

Баков обернулся к Лещуку.

— Почему не слышен Христо?

— Одну минутку.

Голос Христо раздался в кабине.

— Они здесь ждали, — говорил Райков. — Несколько человек. А потом побежали в твою сторону. Видишь?

— Вижу, — ответил Малыш. — Следы глубокие.

— Отсюда, из кустов, вездеход виден? — спросил Баков.

— Сейчас посмотрю. Нет, не виден.

— Ага, они надеялись, что Антипин не заметит. Потом они оттащили Кори и Снежину в кусты и ждали Антипина. Видно, услышали, что он бежит. Так попасться!

— Он никогда не воевал, — заметил Девкали.

— Все равно, ему же говорили... Следуйте дальше.

Сверху было видно, как две фигуры в скафандрах появились из кустов и начали взбираться на холм.

— Хуже видно, — сообщил Малыш. — Но видно.

Фигурки вступили на светлую полосу каменной осыпи. Катер чуть обогнал их и спустился на площадку, в стороне от их пути. Обе головы показались над краем площадки. Разведчики поравнялись с катером. Малыш поднял руку и помахал ею.

— Может, вас сменить? — спросил Баков.

— Зачем? Вот только следы потеряли на осыпи.

Христо, который обогнал Малыша, сказал:

— Посмотри-ка, здесь мох, и снова видно.

Малыш подошел к нему поближе.

— Правильно идем. Только бы дождь не начался. Нам бы собаку.

— Под куполом есть одна, — напомнил Христо.

— Она без скафандра подохнет.

Разведчики поднимались все дальше и удалялись от катера. Вот их заслонил большой камень, потом они появились снова. Баков не хотел выпускать их из виду.

— Подними корабль, — велел он Лещуку. — Поищем другую точку для посадки.

Катер взмыл вверх, и разведчики опять стали хорошо видны.

— Следов нет, — констатировал Малыш. — Камни пошли.

Разведчики остановились перед узкой ложбиной.

Сверху было видно, как ложбина сужалась, превращалась в расщелину, терялась среди обломков скал.

— Нам тут за ними будет трудно наблюдать, — сказал Баков.

— Другого выхода нет, — заметил корона Аро.

— Идите, — разрешил Баков Малышу. — Только очень осторожно. Кто-нибудь может прятаться за скалами.

Разведчики поднимались медленно. Сверху казалось, что они топчутся на месте — подъем был довольно крут и в скафандрах идти нелегко.

Малыш и Райков забрались в верхнюю часть расщелины, где стенки почти смыкались у них над головами, и Баков уже приготовился спуститься еще ниже, чтобы зажечь прожектор, как Малыш проговорил:

— Пещера.

— Не входите туда.

— А мы и не входим. Что делать дальше?

— Возвращайтесь назад, — приказал Баков после паузы.

— Зачем? — спросил Малыш. — Все равно придется идти в пещеру.

— Но не вдвоем. Пойдет еще доктор...

— И я, — вызвался Девкали. — Я могу пригодиться.

— И Девкали, — подтвердил Баков. — Готовьте прожектор.

Обратный путь по расщелине занял куда меньше времени. Минут через десять Малыш с Райковым, запыхавшиеся, забрались обратно в катер, а тем временем Баков связался с «Сегежей» и рассказал о событиях.

На самой «Сегеже» ничего не произошло. Лишь Ранмакан вернулся с большой плитой, чем привел в восторг женщин.

9

Малыш, доктор, Девкали и Райков поднялись ко входу в пещеру. За ними шел робот, тащивший большой прожектор и стационарный геологический лазер. Катер снова взмыл в воздух и повис над ложбиной.

Вход в пещеру был почти круглым, и его можно было заметить, только подойдя вплотную: дыру прикрывала скала. Малыш включил фонарь на шлеме и посветил внутрь. Луч ушел в темноту и рассеялся там.

Малыш наклонился и осветил нижнюю кромку лаза. Кромка исцарапана. Некоторые из царапин были совсем свежими.

Малыш, пригнувшись, нырнул в лаз. Как только темнота охватила его, он прижался к стене — лаз сразу за входом расширялся. Малыш прислушался. Ничего подозрительного. Горизон-

тальный столб света врывался в пещеру и растворялся в темноте. Через несколько секунд свет пропал — что-то темное заслонило вход: Павлыш толкнул Малыша и встал рядом. Он быстро дышал и спросил шепотом:

— Ничего не заметил?

— Все в порядке. Дурачье мы. Если бы они хотели, то перестреляли нас, как цыплят. Я пойду чуть вперед.

Малыш, нащупывая стенку перед собой, сделал несколько шагов в глубь пещеры. Когда отверстие лаза уменьшилось и стало белым глазом в громадном мире тишины и темноты, Малыш остановился и включил фонарь. Луч скользнул по неровной стене, оторвался от нее, выхватил где-то вдали скалу, пробежал, как палка по забору, по зубцам сталагмитов и уперся в противоположную стену. Второй луч — фонаря Павлыша — совершил такое же путешествие и также уперся в стену.

— Райков, — крикнул Павлыш, — заносите с Девкали прожектор.

Белый глаз входа исчез — Райков с Девкали помогали роботу втаскивать тяжелый прожектор.

— Включать? — спросил наконец Христо.

— Да. Дайте максимальное рассеивание.

На месте белого пятна появился красный свет, он ширился и разгорался, белел и с каждой секундой захватывал все большую часть пещеры, расцвечивал сталагмиты и сталактиты, отразился в черной воде озерка в глубине зала и, наконец, добрался до дальней, метрах в трехстах, стены.

Пещера была пустой.

Девкали с Райковым остались у прожектора. Малыш и доктор вышли на середину. Пещера была невысока — метров десять — и показалась Павлышу похожей на чердак в старом доме, захламленный сундуками, поломанными кроватями, лыжами, не нужными до зимы, — чердак, таящий в себе загадки и находки, невиданные, пока глаза не привыкнут к пыли и полутьме, вечно царящей там.

Вернувшись к прожектору, разведчики разделились: Павлыш пошел вдоль левой стены пещеры. Цыганков — вдоль правой. Путешествие было долгим и трудным: у стен громоздились камни, сталактиты тянули к разведчикам длинные ломкие щербатые зубы, и приходилось останавливаться у каждой трещины, у каждой впадины, чтобы не пропустить вход в следующий зал пещеры.

Тишину нарушали только резкие возгласы разведчиков. Малыш приговаривал время от времени: «А вот такого кристаллика я еще не видел». Или: «Ты мне не грози, я тебя обломаю». Малыш вообще любил разговаривать с предметами неодушевленными — привычка эта выработалась у него за долгие годы общения с приборами в рубке связи. Павлыш молчал. Райков иногда переговаривался с Баковым: он коротко сообщал, что все в порядке, ничего подозрительного не найдено.

Минут через десять доктор встретился с Малышом у дальнего края зала. Пещера была замкнутой — выхода из нее не было.

Глава 7

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

1

Баков ошибся. Антипин никуда не выходил из вездехода, не предупредив об этом «Сегежу». Все было куда проще.

Когда Снежина с профессором увидели с делянок цветы в кустарнике и полезли по склону холма, чтобы разглядеть их, Антипин ни на секунду не упускал их из виду и даже поддерживал со Снежиной разговор.

Потом, когда Снежина и Кори отошли поглубже в кустарник и скрылись среди ветвей, Антипин подогнал вездеход к кромке кустарника, откуда начинался путь на холм. Ему пришлось для этого отвернуться от своих товарищей, но это его не очень беспокоило, потому что он слышал, как Снежина разговаривала с профессором.

Люк вездехода был открыт, и, остановив машину, Антипин высунулся по пояс наружу, чтобы сверху получше разглядеть, насколько далеко отошли товарищи от вездехода. Он увидел, как поблескивают их скафандры, и хотел было спуститься обратно, но ему показалось, что кусты за спиной профессора шевелятся. Они могли шевелиться и от ветра, но Антипин обеспокоился и, опершись руками о края верхнего люка, подтянулся повыше.

И в этот момент человек, неслышно взобравшийся на гусеницу вездехода, схватил Антипина сзади за шею и сильно рванул на себя. Не ожидавший нападения Антипин потерял равновесие и вывалился из люка. Он попытался дотянуться ногой до кнопки тревоги, но промахнулся. Антипин терял сознание — сильные руки перехватили мягкую ткань скафандра у горла, и он захрипел... Последнее, что услышал, был голос Снежины:

— Что с вами, Иван Филиппыч?

В ту же секунду еще трое выскочили из кустов и накинулись на Снежину и профессора, повалили их на землю и скрутили.

Напавшие велели пленникам подняться. Снежина встала и тут только разглядела, что это лигонцы, одетые в антирадиаци-

онные скафандры с большими прозрачными шлемами, похожими на те, что надевали когда-то водолазы. Из-под скафандров виднелись военные мундиры. Нападающие были вооружены автоматами и короткими мечами на портупеях.

— Кто вы? — спросила Снежина по-лигонски.

— Молчи, — оборвал солдат. Голос его звучал глухо и неразборчиво. Их шлемы не были приспособлены для ближней связи.

Профессор Кори не мог встать — сильно ударили по спине, когда он попытался сопротивляться. Он сидел, закрыв глаза, и часто, хрипло дышал.

Один из солдат достал из кустов зеленый ящик — походную рацию, — вытянул антенну, поднес микрофон к самому шлему и начал говорить по-лигонски.

Кусты зашуршали, и показались еще два солдата — они тащили за ноги Антипина. Шлем механика подпрыгивал, ударяясь о камни, и голова с закрытыми глазами моталась внутри шлема безжизненно и вяло.

— Что с ним?

Снежина рванулась к Антипину, но один из солдат толкнул ее, и она упала. Вновь пришедшие бросили Антипина рядом со Снежиной и заговорили между собой.

— Не беспокойтесь, он жив, — тихо сказал профессор.

— Слушаюсь, — произнес в микрофон солдат, и нападающие заторопились.

Двое потащили Антипина, один взвалил на плечи легонького старика. Снежине велели подняться, и четвертый солдат шел сзади, подталкивая ее в спину дулом автомата. Пятый замыкал процессию. Он нес рацию.

Уже поднимаясь по каменистой расщелине, Снежина обернулась и увидела в небе блестящую точку — точка снижалась над Горным садом. «Разведдиск», — подумала она и подняла руку. Солдат больно ударил ее автоматом между лопаток и выругался. Нет, диск их не заметил.

Солдат приказал повернуть вправо, и Снежина заметила лаз в пещеру. Солдаты втащили туда Антипина и Кори, Снежина вошла сама.

— Вперед, вперед, — глухо сказал солдат.

2

Солдаты привычно шли в полной темноте — видно, дорога была им хорошо знакома. Снежина старалась считать шаги, но скоро сбилась. В полной темноте быстро теряешь ощущение реальности. Темнота скапливалась вокруг, давила, и Снежина ни-

как не могла отделаться от ощущения, что сейчас она ударится обо что-то головой. Она шла, нащупывая ногой пол, и солдат все время ругался сзади и толкал в спину дулом автомата. Наконец остановились.

Внизу что-то загудело, потом в полу показалась узкая освещенная полоса. Она ширилась и превратилась в люк входа, крутыми ступенями уходящего вниз. Пленников втащили внутрь, и Снежина, подняв голову, увидела, как каменная плита вернулась на свое место, наглухо отрезав их от пещеры.

Вперед уходил длинный, тускло освещенный коридор. Теперь солдаты не спешили: они были дома.

Они разговаривали громче, смеялись и вспоминали, как ловко удалось провести операцию.

Остановились перед стальной дверью. Солдат нажал кнопку, и дверь медленно отъехала в сторону. За ней обнаружился большой тамбур. Как только закрылась внешняя дверь, сверху ударили струи душа. «Так, — подумала Снежина, — они предохраняют себя от радиации». Душ прекратился. Солдаты снимали скафандры и, скользя по каменному полу, развешивали их в нишах.

— Раздевайтесь, — приказал один из них Снежине.

Снежина подчинилась. Кори не мог справиться со скафандром сам, и Снежина пришла ему на помощь. Потом помогла солдатам раздеть Антипина.

Открылась внутренняя дверь, и за ней обнаружился такой же коридор, только чуть лучше освещенный. За столом у входа в коридор сидел еще один военный. Автомат висел над ним на крюке.

По одну сторону коридора шли одинаковые серые двери. Другая была глухой. Солдаты доставили пленников к третьей двери по счету. Внутри была вырубленная в скале комната с гладким цементным полом. На полу лежала груда тряпья.

Дверь захлопнулась, и ржаво заскрипел засов. Под потолком светилась вполнакала лампочка. Горела она неровно, видно, барахлил движок.

Снежина подошла к двери и ударила по ней кулаком.

Дверь отозвалась гулко и протяжно.

По каменному полу коридора зацокали шаги. Остановились перед дверью. «Глазок» отодвинулся, и тот военный, что сидел за столом в коридоре, спросил:

— Что надо?

— Воды, — сказала Снежина. — И поскорее.

— Не умрете, — ответил равнодушно военный и ушел.

Снежина слышала, как чиркнули по полу ножки отодвигаемого стула. Военный снова устроился на своем посту.

«Ах, так! — подумала Снежина. — Ну, ты от меня просто не отделаешься». Она ударила кулаком по двери и прислушалась,

как колокольным звоном звук удара понесся по коридору. Военный не реагировал. Снежина ритмично ударяла по двери так, чтобы звук удара накладывался на умирающий звон предыдущего, потом сменила темп и выстучала пулеметную очередь.

С другой стороны коридора кто-то подошел.

— Что случилось? — спросил новый голос у дежурного.

Тот сказал:

— Воды просят.

— Чего же не дал?

— Не умрут.

— Принеси воды, полковник будет ругаться. Они ему нужны. Я за тебя посижу.

Военный выругался, но ушел. Через пять минут дверь приоткрылась, и военный сунул Снежине квадратную консервную банку. Банка протекала.

— Пей.

Снежина напоила Антипина. Тот открыл на секунду глаза, хотел сказать что-то, но снова потерял сознание. Снежина нагнулась над профессором:

— Вам плохо?

— Ничего, скоро пройдет, — успокоил профессор. — Механику лучше?

— Да.

— Это я во всем виноват. Проклятая старческая память. Еще до моей смерти в этих горах что-то начали строить. Только не на этом склоне — за перевалом. Я забыл. Надо было предупредить капитана.

— Я думаю, у них там должен быть другой выход, — сказала Снежина. — Если это военная база, то нас провели через секретный вход, запасной.

— Вы правы, — проговорил Кори, морщась от боли. — Это военные. Они предусмотрели такую возможность. И все-таки полтора года просидеть в этой норе...

Антипин застонал и повернулся на бок. Он пытался встать.

— Лежите, Ваня.

— Мы попали... в засаду?

— В капкан, — заметил профессор. — Очень глупо попались в капкан.

— Черт возьми! Голова разламывается. Как они нас взяли? Я, помню, высунулся, чтобы посмотреть, и потом меня кто-то начал душить.

— Этого достаточно. Единственное утешение, — сказал Кори, — они нас не убили сразу.

— И вообще положение не так уже плохо, — произнесла с

наигранным оптимизмом Снежина. — Теперь мы знаем, где они скрываются, и войдем с ними в контакт.

— Тише, — остановил Кори. — Идут.

По коридору стучали сапоги.

Дверь открылась. В коридоре стоял высокий военный в мундире, украшенном золотым шитьем с блестящими знаками на правом плече.

— Вы можете пройти ко мне? — спросил военный. — Здесь нам будет неудобно разговаривать.

Снежина хотела ответить, но Антипин перебил ее:

— Если мне помогут, то я доберусь. Далеко идти?

3

— Я бы не стал вас беспокоить, если бы не срочность, — начал высокий военный, когда пленники устроились в потертых кожаных креслах его кабинета.

Кабинет, как и камера, был вырублен в скале, но строители постарались придать ему некоторую видимость уюта. Стены до высоты груди были закрыты деревянными панелями, а пол устлан пластиковым ковром.

— Я приношу извинения за некоторую грубость, которую позволили по отношению к вам мои подчиненные. Но поймите правильно: в их распоряжении были минуты, и операцию они провели быстро и точно.

Снежина наконец разглядела военного как следует. Он был чем-то похож на борзую во время линьки — так же поджар, быстр и чуть неопрятен. Однако нелады с внешним видом — неаккуратно заштопанный рукав мундира, неровно подстриженные виски, чернота под ногтями — не сразу бросались в глаза. На груди у военного висела черная коробочка. Обычного стандартного лингвиста с «Сегежи».

— Зачем было нас хватать и тащить? — спросил Антипин. — Мы бы и сами пришли к вам. Мы давно ищем с вами встречи.

— Вы хотите сказать, что подозревали о нашем существовании?

— Да. Несколько недель назад наша группа обнаружила свежие следы в Горном саду.

— Ну вот, теперь все хорошо кончилось, и мы встретились, — сказал военный. — Разрешите представиться, генерал Вапрас из Манве. Может быть, слышали? Скажите мне: зачем вы нас искали?

— Как так — зачем? Надо же встретиться, — удивилась Снежина. — Ведь мы всю планету перерыли в поисках живых людей.

— Не все сразу, — остановил ее генерал. Он пригладил сравнительно ровный пробор и повторил задумчиво: — Не все сразу. Сначала я буду задавать вопросы. Это моя специальность. До войны я был шефом разведки.

— Ах да, как же, теперь я вспомнил, — проговорил профессор Кори. — Вы приказали сжечь живьем восьмерых студентов. Тогда была демонстрация в университете, и вы объявили зачинщиков шпионами пьи.

— Возможно, они и были шпионами, — так же задумчиво сказал генерал. — В любом случае приближалась война, и мы не могли допустить демонстраций. А откуда вы обо мне знаете? Вы лигонец?

— Да, — сказал профессор. — Кори из Лигона. Ботаник.

— Конечно, я должен был сразу догадаться. Вы отличаетесь от них... А откуда вы прилетели к нам? — обратился он к Снежине и Антипину.

Сразу как-то никто не ответил. Снежина посмотрела на Кори. Кори на Антипина. Не оттого, что отвечать не хотели, просто в каждой группе всегда находится один, который отвечает на вопросы и принимает решения.

Генерал воспринял эту заминку как нежелание отвечать. Он чуть наклонил влево голову. Ждал. В генерале боролись разноречивые чувства. С одной стороны, надо было обращаться с пришельцами порезче — взять их на испуг. Время не ждало: каждую секунду их товарищи могли найти пещеру, а там и, если им повезет, подземный ход на базу. Но генерал не знал еще силы пришельцев. Его не оставляла, в общем, не достойная генерала мысль о том, что эта черноволосая женщина может протянуть к нему указательный палец и из пальца вырвется струя смертельного огня. В каком-то боевике довоенных времен генерал читал об этом. Там были пришельцы, спускающиеся на Муну, и нашелся генерал, который возглавил борьбу против пришельцев и чуть не погиб, когда один из них выстрелил в него из пальца. Правда, в том романе пришельцы были не похожи на людей. У них было по четыре руки, и морды их были подобны драконьим.

В комнату вошел, постучавшись, солдат и прошептал на ухо генералу, что над расщелиной крутится корабль, который высадил на землю двоих в скафандрах.

— Ничего не предпринимать. Снять посты, — приказал генерал. Потом посмотрел сухо на пленников и повторил вопрос: — Откуда вы к нам прилетели?

— Мы прилетели из Галактического центра, — ответил Антипин.

— Для чего?

— Наблюдатели в центре заметили, что на вашей планете прошла атомная война.

— Что такое Галактический центр?

— Трудно объяснить. — Антипин поморщился: голова прямо разламывалась.

— Выпейте воды. — Генерал протянул Антипину стакан.

— Галактический центр, — продолжал Антипин, отпив холодной воды, — это содружество цивилизаций, планет, которые достигли определенного уровня развития.

— А если не достигли?

— Тогда они не знают о существовании Галактического центра. Каждая цивилизация проходит в своем развитии опасный этап, когда средства разрушения, средства войны уже достигли такого уровня, что с их помощью можно вообще уничтожить жизнь на планете. Обычно разумные существа сами преодолевают этот опасный момент.

— А если нет?

— Если нет, тогда случается то, что было с вами. В истории Галактики зарегистрирован еще один такой же случай. Но на ту планету экспедиция центра прилетела через несколько сот лет после ее гибели. Большинство же галактических цивилизаций уже перешагнуло через барьер самоуничтожительных войн.

— Почему?

Вопросы генерала были отрывочны и коротки. Ему хотелось добраться до сути дела, но его задерживало собственное любопытство. Ответы Антипина не разъясняли еще ни силы прилетевших на Муну пришельцев, ни возможностей их в военном отношении, однако отказаться от общей информации генерал не мог. Необъятность космоса скрывалась за словами Антипина, пугающая необъятность космоса, в котором не находилось места лигонскому генералу.

Антипин вздохнул. Он был не мастер говорить, хотя старался делать это так же, как на его месте капитан или Павлыш, — обстоятельно и доступно.

— Галактика, где мы живем, родилась, по космическим масштабам, недавно. Те звездные системы, в которых могла образоваться жизнь, развивались почти одновременно. Разница в столетиях. Например, мы...

— Кто это «мы»?

— Наша планета, с которой мы родом, Земля. Мы вступили в Галактический центр несколько лет назад.

— У вас есть атомное оружие?

— Нет.

— Почему? Не изобрели? Не смогли?

— Наивный вопрос. Атомное оружие — наше прошлое. Оно было. Его уничтожили, когда поняли наконец, что обладание им приведет в конце концов к всеобщей гибели.

— Сами догадались?

Генерал не верил Антипину. Снежина поняла это по тому, как сузились его светлые фарфоровые глаза.

— Конечно, сами. Галактический центр тогда еще о нас не знал.

— И у вас была атомная война?

— Была большая война, в которой употребили две атомные бомбы. Потом их еще много лет взрывали на испытаниях, и армии накапливали оружие.

— Итак, — подытожил генерал, — вы узнали, что где-то идет война, и поспешили, чтобы помешать ей. Я вас правильно понял?

— Почти. Мы знали, что война кончилась. Что люди погибли. Но мы надеялись спасти хотя бы часть людей.

— Зачем?

— Чтобы они жили. Чтобы жила ваша планета.

— А вы спросили нашего разрешения?

— Чьего?

— Разрешения законного правительства Лигона.

— Его не существовало.

— Мы существовали — я тому наглядный пример.

Антипин даже не смог сдержать улыбки.

— Что же это за правительство, — спросил он, — которое прячется в пещере после того, как допустило, чтобы планета погибла? И как мы могли узнать, что вы живы? Вы тщательно скрывались.

— Не мы виноваты в том, что планета погибла. Смертельный газ пустили пьи. Наши враги. Варвары.

— А вы взорвали все их города. Еще до того, как они применили газ.

— Пьи — звери и убийцы, — настаивал генерал, и Снежине показалось, что он в тот момент верил своим словам. — Пьи придумали себе живого бога, и поклонялись ему, и приносили в жертву людей. Вы об этом не знали? А впрочем, сейчас разговор не о том. Вы уверяете, что пришли к нам, чтобы помочь планете. А потом?

— Зачем вам это? — Антипин устал, но нельзя было показать свою слабость. Он понимал, что генерал проявление любой слабости воспримет как собственную силу. Но еще оставалась возможность договориться, как-то понять друг друга. И пренебрегать этой возможностью было нельзя.

— Я еще не знаю зачем. Я недостаточно знаком с вами. Но не пытайтесь меня уверить в том, что вы филантропы.

— Ладно. — Генерал встал. — Меня теперь интересуют некоторые конкретные детали. Они мне нужны не ради любопытства, и я хотел бы, чтобы вы отвечали на мои вопросы искренне, коротко и быстро. Время не ждет.

Если бы генерал не сделал этого предупреждения, Антипин продолжал бы откровенно отвечать на все вопросы. Но по тому, как изменился тон генерала, по тому, как он встал и прошелся по кабинету, Антипин понял, что общий разговор закончен. Или перенесен на будущее. Начинался допрос. И допрос вел начальник разведки, который уже давно на этом специализировался.

— Я все время отвечаю искренне, — пожал плечами Антипин.

— Хорошо. Вопрос первый: сколько вас на корабле?

Антипин открыл было рот, чтобы ответить, но Снежина, не скрываясь, наступила ему на ногу. Антипин посмотрел на нее.

— Не отвечай, — сказала Снежина, увидев, что генерал заметил ее движение.

Генерал улыбнулся и нажал кнопку на столе. Он уже понял, что пришельцы не умеют стрелять из пальца.

— Уведите женщину, — приказал генерал вошедшему солдату. — И этого старика. И посадите их раздельно, чтобы не переговаривались.

Когда тех увели, генерал снова обратился к Антипину:

— Надеюсь, с вами мы договоримся. Ваши спутники не могут отвечать за свои действия и не могут понять всей серьезности ситуации, в которой они оказались. Если вы говорили правду, то вы давно не воевали. А военное дело, как и дело разведчика, требует профессионализма. Если в нем не упражняться, то можешь проиграть битву слабому противнику. Вы не профессионалы. Я профессионал. Значит, вам придется подчиниться.

— Я согласен отвечать на вопросы, — сказал Антипин. — Но я тоже буду задавать вопросы. И сначала самый главный: зачем вам все это нужно?

— Что?

— Зачем вам нужно было нас похитить? Зачем нужно было тащить сюда? Зачем допрашивать и грозить, зачем хвалиться профессионализмом? Ведь, в конце концов, мы никогда не старались скрыться от вас, не отказывались от переговоров и не отказываемся теперь.

— Откуда мы знаем, что вы говорите правду? Поставьте себя на мое место. — В голосе генерала прозвучала застарелая тоска. — Мы уже много месяцев живем в подземелье. Мы на это не рассчитывали. Еще хорошо, что найденная нами пещера надежно предохранила нас от радиации, а подземное озеро в пещере

оказалось достаточным источником воды. Я уверен, что нигде больше на Муне таких условий не найти.

— Да, больше людей нет, — согласился Антипин. — По крайней мере, мы не обнаружили их следов.

— Для того чтобы выжить, пришлось избавиться от лишних ртов, — медленно произнес генерал.

— Вы убили своих же?

— Сначала в пещере было втрое больше людей. И даже несколько политиков — патриции, министры. Их мы ликвидировали. Это суровая необходимость. Если бы не победили сильнейшие, умерли бы все. И тут мы узнали, что к нам прилетели гости. Мы следили за вами. Несколько недель. Теперь решили действовать.

— Почему таким образом? Не лучше ли связаться с нашим кораблем? Поговорите с капитаном или представителями Галактического центра.

— Мы предпочитаем разговаривать, диктуя свои условия. Мы вам не верим и никогда не поверим в этот сладкий бред о помощи погибшей планете. Давайте будем честны: вас интересуют наши шахты? Наши города? Наши произведения искусства? Наши поля? Что?

— Все нас интересует, — сказал Антипин (как голова болит!), — и города, и поля, и люди, но для вас же самих.

— Чепуха, — отрезал генерал убежденно. — Даже меня не интересуют судьбы этих людей. Но я не могу выжить один. Поэтому живем вместе. Как видите, я откровенен и надеюсь, что вы будете откровенны в ответ. И потому я спрашиваю: сколько у вас людей на корабле?

— А сколько у вас здесь?

— Это не ответ. Предупреждаю, у меня в запасе есть меры воздействия, о которых вы и не подозреваете. Как вооружен корабль?

4

Антипина втащили в камеру два солдата и бросили на пол. Половину его лица покрывал большой кровоподтек. Антипин громко скрежетал зубами, так громко, что Снежине показалось, будто зубы крошатся.

— Не подходить, — сказал один из солдат Снежине, кинувшейся было к механику. — Иди. Твоя очередь.

И он потянул Снежину к двери.

Входя в кабинет, Снежина внутренне сжалась. Шутки кончились. Незнакомцы оказались врагами. Но если они враги, то и

кораблю и куполу грозит опасность. Гибель. Снежина не слышала, что говорил генерал Антипину о профессионалах, но понимала, что находится в руках людей, чья профессия — убийство.

— Ну вот и вы. — Генерал почти радушно поднялся из-за стола. — Надеюсь, вы успели взглянуть, до чего довело вашего спутника упрямство. Для начала я хочу сказать, что ваше положение безнадежно. Совершенно безнадежно. Ваши товарищи пытались вас найти, но ничего из этого не вышло. Больше того, только сейчас я узнал, что они находятся в переднем зале пещеры и оттуда вряд ли выйдут. Хотите полюбоваться?

Генерал раздвинул шторы рядом со столом, и там обнаружился маленький экран телевизора. Генерал включил его. На экране появилось нечеткое черно-белое изображение большого темного помещения, освещаемого одним прожектором. Посреди него стояла кучка людей в скафандрах. Снежина подошла к экрану. Скафандры были знакомы.

— Ваши товарищи, — повторил генерал, — находятся в той пещере, сквозь которую вас провели сюда. Они еще раз показали, что их нельзя назвать профессионалами. Они в ловушке. А как это делается, я вам сейчас покажу.

Генерал нажал кнопку, и Снежина увидела, что фигурки на экране повернули головы в сторону прожектора. Что-то случилось там, в пещере. Вот они бегут в тот конец пещеры...

— Небольшой обвал, — произнес спокойно генерал. — Вход, через который они прошли, обрушился. Им не выйти. — Генерал выключил экран. — Дальнейшее зависит от вас, милая девушка. Вы отлично понимаете, что мы можем контролировать каждый шаг четырех человек, находящихся в пещере. Мы можем убить их, если понадобится. И ничто на свете не вернет их к жизни.

Снежина молчала. Очевидно, генерал еще не знает об аппаратуре короны Вас. Наверное, не знает. Да и вообще они не могут знать многого. Видеть корабль они видели. Генерал все время употребляет это слово. Очевидно, видели и купол, но подобраться ближе не смогли. Так что же им, в конце концов, надо? Голос генерала был ровен и бесстрастен. Может, виной тому был лингвист, который не умел передавать интонации? И снова вопрос:

— Сколько вас на корабле? Чем он вооружен?

Удивительно ограниченны мысли этого человека. Он воспринимает корабль как противника и только как противника. Он хочет с ним воевать. Он хочет победить его.

— Вы полагаете, что война с вами безнадежна? — говорит генерал. — Вы полагаете, что за вами стоит могучая цивилизация, которая придет на помощь? Ну, допустим, мы переоценили свои силы, допустим, помощь придет. Но вам-то что до нее? Вас к тому времени не будет.

— Мы не собираемся ни с кем воевать, — отвечает Снежина. — Мы не собираемся никого уничтожать. Неужели вы не понимаете, что мир может быть ступенью выше, чем тот, в котором вы живете? Да, мы мощнее вас, очевидно, мы могли бы уничтожить и вас, и вашу планету...

— Вот это уже разговор, — кивнул генерал. — Не прошло и часа, как и вы, миролюбивые и кроткие, заговорили об уничтожении. Это заложено в каждом человеке, надо только поглубже копнуть.

— Опять вы не дали мне договорить и перетолковали все как хотели, — сказала Снежина. — Да, мы могли бы это сделать. Но этого не случится. Это немыслимо, вы понимаете: немыслимо.

— Каждое живое тело, каждый организм обладает инстинктом самосохранения, — возразил генерал. — Это я учил еще в школе. Организм, лишенный инстинкта, погибает.

— Война — не обязательная часть этого инстинкта.

— А если на вас напали? Если на вашу планету опускаются враги? Вы их кормите сладкими булочками?

— Мы будем защищаться. Но повторяю, что эти враги не могут быть разумными. По крайней мере, такого еще не было.

— Я разумен. И я сейчас скорее ваш враг, чем друг.

— Вы уничтожили себя раньше, чем научились строить межзвездные корабли.

— Мы себя не уничтожили. Мы уничтожили остальных. Итак, в ваших руках судьба ваших товарищей. Они сейчас сидят в пещере и не могут выйти. Я подозреваю, что за последний день ваш капитан недосчитался лучшей части своего экипажа. Ваш корабль вооружен?

— Да.

Снежина говорила правду. Корабль был оборудован средствами защиты от сил природы, от неожиданностей дальних планет. Значит, если нужно, он мог защитить себя и от врагов.

— Уже лучше. Расскажите, какое это оружие.

— Честно говоря, я не специалист. Я прохожу практику на нашем корабле.

Снежина говорила не спеша. Главное сейчас — время. На «Сегеже» найдут возможность освободить людей из пещеры. Каждая минута была чистым проигрышем для генерала в войне, которую Снежина вела здесь, под землей, в первой и последней войне, в которой ей приходилось принимать участие.

— Существует ли пароль, с помощью которого можно проникнуть на корабль? Я не сомневаюсь, что он существует. Не делайте удивленных глаз.

Генерал включил экран телевизора. Маленькие фигуры в скафандрах столпились у прожектора и старались что-то сделать с камнями, завалившими вход.

— Еще минута — и их не будет в живых. Мне нечего терять. Вам их должно быть жалко. Все-таки вы же филантропы.

— Да я вам честно говорю, поверьте раз в жизни! — возмутилась Снежина. — У нас нет никаких паролей...

Она в самом деле говорила искренне. И не ее вина, что генерал не мог понять. Они говорили на разных языках, хотя и пользовались формально одним. Каждый человек судит других по тем меркам, в которых сам воспитан, и оценивает их поступки по себе. Возможно, разговаривай Снежина с представителем куда более высокой, чем земная, цивилизации, с представителем цивилизации послетехнической, мысли ее и стремления показались бы собеседнику примитивными и не всегда объяснимыми. Может быть, и Снежина не поверила бы ему в чем-то, как не верил ей генерал Вапрас. Снежина не была наивной и не знающей прошлого девушкой, как изображают порой людей будущего в фантастических романах. Она отлично знала историю Земли и ясно представляла, что говорили и что делали со своими жертвами инквизиторы или гестаповцы. Но когда сталкиваешься лицом к лицу с далеким прошлым, даже отчасти знакомым, чувства отказываются воспринимать реальность. Все происходящее представляется нереальным, кошмарным, но с этим надо бороться. Потому что если не бороться с прошлым, оно может победить. На время, на каком-то ограниченном участке мира, но может. И потом, исправлять ошибки куда сложнее, чем совершать их.

— Если бы я знала, что вам нужно, — сказала Снежина с отчаянием. — Если бы я знала! Но вы ведь задаете вопросы, не объясняя ничего. Вы хотите воевать с нами? Это же нелепо, вы сами понимаете.

— Может быть, я со временем объясню вам, чего я хочу, но прежде вам придется все-таки рассказать, как попасть на ваш корабль. И когда будете отвечать, смотрите на экран. В вашем распоряжении три минуты.

В этот момент в комнату вошел солдат и, наклонившись к генералу, тихо проговорил:

— Бессмертный вернулся. Важные новости.

Бессмертный, Бессмертный... Где же Снежина слышала это имя? От Кудараускаса? От Девкали?

— Та-ак. Уведите женщину.

Когда Снежина шла по коридору в свою камеру, она вдруг подумала: «А откуда у генерала лингвист? Генерал был на корабле? Или кто-то из его людей? Может, он и сейчас там? Тогда для чего все эти вопросы?»

5

На мостике «Сегежи» все собрались у экрана.

— Время добродушных шуток кончилось, — сказал корона Аро. Он первым произнес эти слова, которые рано или поздно кто-то должен был сказать. — Завал произошел не случайно. Все мы это знаем. Связь с теми, кто остался в пещере, прервана. Я предлагаю немедленно погрузить в корабль всех, кто живет в куполе. В корабле безопаснее. В случае, если наши товарищи погибли, лететь обратно. Без совета с Галактическим центром мы ничего предпринимать не можем.

Бауэр обратил внимание на то, как хорошо научился говорить корона по-русски. Мысль не имела никакого отношения к делу, и Бауэр попытался отогнать ее. Бауэр был не согласен с короной Аро. Вроде бы все слова на месте, но в то же время согласиться никак нельзя.

— Может, обвал был естественным? — спросил он.

— Все равно пробиваться час-два, — проговорил Кудараускас.

— Что вы скажете? — обратился капитан к шахтеру Ренци, который до сих пор сидел в углу и мрачно молчал.

— Я думаю, — начал Ренци медленно, — ваши люди и Кори попали в руки к военным. Как те остались живы, не понимаю. Наверно, была ракетная база в скалах. Надо бы найти документы. Обыскать министерство войны в Лигоне. Там могут быть ее планы. Вряд ли пещера — единственный вход. Он слишком маленький.

— Некогда, — напомнил корона Аро. — Надо пробиваться в пещеру. Если наши товарищи погибли, немедленно эвакуировать всех, кто захочет с нами лететь. Решать будет Галактический центр.

— Пожалуй, Ренци прав, — решил капитан. — У нас есть спасательный катер. Полет на нем в министерство войны займет меньше часа.

— Я могу полететь, — предложил шахтер. — Так что нужен будет только один из вас, который поведет машину.

— Я полечу, — сказал Бауэр. — Останется Кудараускас.

— Я согласен с Ренци, — произнес капитан, — придется срочно поднять архивы министерства войны. Бауэр, распорядитесь, чтобы на ракету погрузили малый Мозг. Без него вам не управиться.

— Да, — коротко ответил Бауэр и, включив внутреннюю связь, отдал распоряжение роботам.

— «Сегежа», «Сегежа», я катер, — раздался на мостике голос

Бакова. — Режем лазером скалу. Работы еще часа на два. Связи с Павлышом нет.

Капитан пошел было к двери вслед за Бауэром и Ренци, но остановился, поглядел на корону Аро и добавил шахтеру:

— Ренци, перед тем как уедете, скажите вашим, чтобы были готовы к посадке на корабль. На всякий случай. Осторожно скажите, без паники. Сможете?

— Смогу. — Ренци печально усмехнулся. — Мы привыкли убегать в бомбоубежища.

6

Прожектор работал. Это был автономный аппарат, не связанный с роботом. Малыш и Девкали откатили его подальше от входа.

— Попали в ловушку, — произнес Малыш. — Как детишки, попали. Не нужно быть разумным существом, чтобы закрыть эту дырку. Муравьи и те бы нас завалили. Чтобы потом съесть. С потрохами.

— Не паникуй, Цыганков, — остановил его Павлыш. — Пока еще ничего не случилось. Мы сейчас ближе к нашим, чем были раньше. Завал нам самим не пробить?

— Нет, — отозвался Райков. — Не пробить.

Темнота и тяжесть пещеры действовали на него подавляюще. Он говорил тихо, почти шепотом.

— Громче, — подбодрил Павлыш. — Не поддавайся печали. Мне один рассказывал, что он сидел на Камчатке в пещере три дня, и что бы ты думал?

— Что?

— Вылез.

— Мне кажется, за нами наблюдают, — произнес Девкали. — Оттуда. — Он показал рукой в сторону.

— Основательно нас завалило, — прошептал Христо Райков.

— А если попробовать идти к ним навстречу? — спросил Девкали. — У вас же два лучевых пистолета.

— Не поможет. Только истратим заряд. А он еще может пригодиться, — ответил Павлыш. — Вот что, пока мы тут сидим взаперти, не будем тратить времени даром. Вернее всего, нас здесь изолировали, потому что мы слишком близко подобрались к их убежищу. И вход должен быть где-то рядом. Стены мы обыскали. Остались еще пол и потолок. Пол вероятнее. Сделаем так: ты, Райков, и ты, Девкали, останетесь здесь, в тени за прожектором. Мы с Малышом, как более опытные, по-

стараемся побродить по залу. Может, найдем что-нибудь интересное.

Первым плиту, прикрывающую вход в подземелье, обнаружил доктор. Он не сразу поверил своим глазам — плита была тщательно подогнана, и только случайно скользнувший луч фонаря обнаружил тонкую, слишком прямую, чтобы быть естественной, трещину в полу пещеры. Павлыш провел лучом фонаря по трещине до ее конца и увидел, как она изламывается под прямым углом.

— Малыш, — позвал он, — подойди-ка сюда.

— Нашел что-то? — спросил Малыш, подходя. — А... и в самом деле...

— Ни с места, — сказал по-русски спокойный холодный голос. Голос донесся откуда-то сверху, отразился от стен пещеры и эхом повторил: «Еста!» — Бросить оружие! При попытке сопротивления вы будете уничтожены! — так же спокойно продолжал голос.

Ни Малыш, ни доктор не были приучены поднимать руки и бросать оружие. Оба они, не сговариваясь, бросились в лес сталактитов.

Зазвенели, отшибая обломки камней, пулеметные очереди.

— Ох, черт! — выругался Малыш. — Меня, кажется, задело.

— Ползи сюда, — сказал Павлыш. И крикнул изо всей силы: — Христо, вырубай прожектор!

На пещеру навалилась темнота.

Так война снова пришла на планету Муна.

Глава 8

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

1

Профессор Кори сидел отдельно от Снежины и Антипина. Он ничего не знал об их судьбе, только мог догадываться, что если его пока не трогают, значит, военные заняты с остальными космонавтами. Кори смотрел трезвее, чем Снежина, на поведение генерала. Без иллюзий. Он генерала знал давно. По приукрашенным портретам в журналах, по отчетам о процессах и путчах. Он знал и других генералов и подозревал, что не один Вапрас нашел себе убежище в подземелье.

Он поднялся с кучи тряпья. Очень болело сердце. Кори не знал, умеют ли регенерировать новые сердца на «Сегеже». «Если

вернусь, — подумал он, — надо попросить доктора Павлыша». Кори не мог догадаться, что Павлыш находится совсем рядом, в верхнем зале пещеры.

Неужели Снежина и Антипин будут настолько наивны, что расскажут генералу все, что он хочет узнать? Неужели они не понимают, что генерал не собирается подчиниться новому порядку на планете? Опасность грозит и кораблю, и куполу. Куполу и всем его обитателям, которые думают, что пережили последнюю войну. А война может вот-вот начаться снова. И тогда уже никто не переживет ее. Кроме генералов в подземелье.

Кори костяшками пальцев простучал стены. Две из них были сплошными, вырубленными в скале. Одна, выходившая в коридор, была, очевидно, стальной. Кори больше всего заинтересовала четвертая стена. Наверху в ней находилось окошко, вернее, широкая щель, соединяющая камеру с соседним помещением. В нем было темно. Если бы добраться туда...

Кори мог достать руками до края щели — камера была низкой и вряд ли предназначалась для того, чтобы держать в ней пленников. Вернее всего, решил профессор, в таких камерах жили солдаты. И жили не очень комфортабельно. Складные койки — их две — были откинуты и прикованы к стене цепями. Никто не догадался откинуть хотя бы одну для пленника. Может, не было указаний, а сами солдаты не догадались. А может быть, профессора не собирались долго держать в этом помещении. Если они еще будут разговаривать с пришельцами, то вряд ли станут тратить время на старика.

Кори попытался подтянуться на руках к щели, но это оказалось безнадежно. Слабые руки не смогли поднять тело даже на сантиметр от пола.

Профессор обессиленно прислонился к стене.

Дверь звякнула. В проеме стоял военный. Генерал. Другой генерал. Мундир его был помят и потрепан. Сальное пятно красовалось на брючине чуть выше колена. Генерал густо оброс жесткой колючей бородой. У него было странное лицо: будто кто-то нарочно приставил к нормальной по размерам голове слишком большие нос и уши — за ними терялись другие черты лица.

— Профессор Кори, — произнес генерал. — Мы рады приветствовать вас.

— Откуда вы меня знаете? — спросил Кори.

— Тише-тише, это проще простого. Я заглянул в кабинет Вапраса. Незаметно, конечно. Я узнал вас. Когда-то, лет пять назад, я был в комиссии по поводу ваших опытов. Вы меня забыли. Но я-то вас помню. У меня хорошая память на лица. Вы разрешите поговорить с вами?

— Пожалуйста, — ответил Кори, лихорадочно стараясь припомнить, где он видел этого генерала. Может, на каком-нибудь совещании — а их было много.

Генерал достал из кармана большой ключ, отомкнул одну из цепей, держащих кровать, и, откинув ее от стены, пригласил профессора сесть.

— Я к вам по секрету. Так сказать, конфиденциально. Надеюсь, вы патриот?

— Да. Своего рода.

— А мне казалось, — проговорил генерал, — что вы покинули этот свет еще до начала войны. Или я запамятовал?

— Я умер, — ответил Кори. — Я умер, очевидно, месяца за три до войны. И хорошо сделал.

— Это как прикажете понимать? В переносном смысле?

— Нет, в самом прямом. Я умер, но пришельцы воскресили меня.

— Постойте, постойте... — Изумление генерала было вполне искренним. — Человека оживить нельзя.

— Мы этого не можем, но, слава солнцу, нами не исчерпывается Вселенная. Есть и другие миры, лучше нашего. Там могут уже делать и это.

— М-да. И это для них просто?

— А почему вас это интересует?

— Я буду совершенно откровенен. — Генерал сделал значительную паузу. — Я говорю с тобой как с патрицием. Ты ведь из второй касты?

— Было такое, очень давно. Теперь это не важно.

— Разумеется, не важно. Кто будет заботиться о кастах в мире, где осталось двадцать человек, и притом все они живут под землей? Но если ты из высшей касты, ты благороден не только по происхождению, но и в поступках. Я правильно говорю?

— Весьма сомнительно, — не без иронии произнес профессор. — История этого не подтвердила.

— Ладно, профессор, я не буду с тобой спорить. У меня нет на это времени. Я буду краток и откровенен. Надеюсь на взаимность. Я человек простой, хоть и патриций. Мне под землей сидеть надоело. У меня все волосы повылезли. Скоро умру, как полковник Смирти. Все помрем. Никого не останется. Я хочу тебе помочь. И ты мне за это поможешь. Мне надо встретиться с твоими пришельцами. Я тебе за это помогу бежать. А?

— Вы говорите от своего имени?

— От своего. У меня есть два солдата. Верных. И все. У нас у всех по два солдата. У Вапраса больше. Три. Вода уже портится в озере. Ничего не поделаешь. Нечистоты просачиваются. Ты сидел год в норе? Под землей? Это только Вапрас может выдержать. Бездушная кукла. Сам из четвертой касты. Почти простолюдин. Ему что, он машина. Он диктатор. Он король планеты. Я тебе помогу бежать и сам убегу.

Голос генерала поднялся почти до крика. Уши колыхались, малиновые на просвет, и нос вздрагивал в такт словам.

«Он ненормален, — подумал Кори. — Он ненормален, и это естественно».

— Чего вы хотите от корабля, от пришельцев? — спросил Кори.

— Я их не боюсь. Я старый вояка... — Генерал задохнулся и замолчал, переводя дыхание.

— Хорошо, генерал, — перебил его профессор. — Надеюсь, вы не замышляете подвоха?

— Подвоха? Какой может быт подвох? Что я выбираю — дыру и смерть через месяц? Я же знаю, что они не победят. Вапраса ваши вздернут на суку. Он будет делать вид, что хочет переговоров, будет требовать, чтобы корабль ушел с планеты и оставил аппарат для оживления.

— Стойте, генерал. Откуда вы знаете, что они хотят оставить себе аппарат? Вы же только что делали вид, что не слышали об оживлении людей.

— Врал, все врал, — хихикнул генерал, и лицо его стало как мятая подушка. — Вас проверял. И этого проверял. Бессмертного. Любимчика Вапраса. Он из разведки вернулся, встретился там с одним человеком, припугнул его. Тот все рассказал: и про купол, и про аппарат. Еще обещал помочь, когда нужно.

— Как зовут этого человека?

— Не важно, не знаю, не обратил внимания. У простолюдинов имена такие непонятные... Вапрас прямо подпрыгнул. Такая возможность. Тут мы подыхаем, а есть аппарат. Мы корабль пока требовать не будем.

— Мне все понятно, — сказал Кори. — Как мы отсюда выберемся, генерал?

— Через главный вход. У запасного завал — ваших накрыли. Четверых. Полезли сами в капкан вас выручать. У главного входа мой человек стоит. Я ему обещал, что с собой возьму.

— Здесь мои друзья, — произнес Кори, дав генералу переварить военную тайну. — Они должны уйти с нами.

— И не думайте, — ответил генерал. — И не думайте, так никто не дойдет. Их все равно не пристукнут. Вапрас понимает: это его козырь. А тебя пристукнут. Ты не козырь, хоть и патриций. Тебя пристукнут. И меня пристукнут, если узнают...

Генералу стало жалко себя. Он опустил голову на ладони и

всхлипнул. Профессор уловил в камере запах сладкой травы, туманящей сознание. Видно, генерал принял понюшку перед тем, как решился пробраться в камеру к Кори. Теперь наркотик начинал действовать. Бежать надо было срочно, если вообще удастся убежать с таким союзником. Сведения, которые получил Кори, были очень важны.

— Пошли быстро, — сказал он генералу.

— Куда? Ах да, мы убегаем. — Генерал повертел носом и со свистом втянул воздух: — Пошли. Как выйдешь, сразу беги за угол, налево. Там дверь будет приоткрыта. Если что — ныряй. Нет, лучше я сам вперед пойду. А то убежишь один.

Генерал встал, пошатываясь. Сознание покидало его. Генерал оттолкнул Кори в глубь камеры и первым вышел в коридор. Кори не успел покинуть камеру, как услышал тихий, вкрадчивый голос Вапраса. Видно, Вапрас поджидал предателя в коридоре.

— Вы навещали заключенного, генерал?

— Я? — спросил тот. — Да я и не думал. Я так, гуляю, воздухом дышу. Не смейте ко мне обращаться без титула!

— А я как раз иду за вашим другом. Много успели ему рассказать? Союз предлагали? Дружбу? Бежать собирались?

Кори отскочил от двери, но потом понял, что скрыться негде. Он захлопнул дверь. К счастью, изнутри она закрывалась тяжелым засовом. Кори задвинул засов и почувствовал, как сердце отказывается работать. Сейчас... Сейчас... что-то надо еще сделать?

В коридоре гудел голос генерала-бунтовщика. Голос был жалок и сбивчив. Генерал хотел жить, но сладкая трава лишала его остатков сообразительности.

Кори достал карандаш. Зачем ему нужен карандаш?

Кори собрал всю волю, чтобы отогнать черную воду, заливавшую мозг. В камеру приведут других. Своих... В коридоре раздался выстрел. Голос генерала прервался, перешел в короткий крик и захлебнулся хрипом.

— Открой дверь, Кори, — произнес тихо Вапрас. — Лучше открой, и останешься жив.

Кори не отвечал. Он должен был успеть...

— Солдат, дай очередь по двери, — приказал Вапрас.

Пули застучали по тонкой стали, продавливая в ней одинаковые вмятины. Кори только бросил взгляд на дверь и отвернулся. Больше он не смотрел в ту сторону. Еще очередь из автомата. Еще одна.

— Кучнее, — велел Вапрас. — В засов.

Через две минуты Бессмертный, толкнув ногой дверь, вбежал

в камеру. Он прошил старика очередью, и тот, дергаясь от пуль, вонзавшихся в тело, мягко упал на каменный пол. Последним движением успев выкинуть в угол, в кучу тряпья, уже ненужный карандаш.

2

— Сдавайтесь. Мы не причиним вам вреда, — гремел в пещере голос. — Нам нужно поговорить с вами.

— Тогда зачем стрелять? — спросил Павлыш, надежно укрывшись за сталагмитами.

— Прекратите сопротивление.

— И не подумаем, — отрезал Малыш. — Слава, нога кровоточит. Всю пещеру измажу.

— Плохо дело, тут радиация, — напомнил Павлыш. — И перевязать нечем.

— Считаю до трех, — сказал голос. — Бросайте оружие и выходите на центр зала.

— Считай. — Павлыш пустил струю из пистолета по направлению голоса.

Огненный луч ударился в потолок, рассыпался искрами, и капли расплавленной породы застучали по полу пещеры.

Наступила тишина.

Павлыш воспользовался паузой, чтобы подползти поближе к Малышу.

— Ну, где тебя? Ах ты, какая несуразица.

Сзади, с той стороны, где оставались Христо и Девкали, послышался шум борьбы.

— На помощь! — крикнул Христо. — На по...

Павлыш, не раздумывая, бросился туда, и на пути его поднялась из-за камня темная фигура. Человек ударил его кулаком в мягкий живот скафандра.

...Связанных космонавтов вели по коридору, по которому так недавно проходила Снежина.

Посторонний наблюдатель заметил бы, что их вели те же солдаты, которые устраивали засаду утром, что солдаты эти были усталые, грязные и злые. Но посторонних наблюдателей в пещере не было.

Навстречу космонавтам по коридору веснушчатый человек тащил за ноги тело. Лысая голова в венчике седого пуха билась о камень пола. Человек отдернул труп, чтобы пропустить новых пленников.

— Профессор Кори! — ахнул Девкали.

— Проходите, не задерживайтесь, — подтолкнул его в спину солдат. — Сюда.

Стальная дверь, изрешеченная пулями, захлопнулась за ними.

— Этого не может быть, — произнес Христо. — Этого просто не бывает.

Он стоял, прислонившись к стене и закрыв глаза.

— Как видишь, все бывает, — ответил Павлыш. — И если Кори с ними воевал, то нам сам бог велел.

— Его убили, — сказал Девкали. — Вас они, может, и не убьют. Своих они жалеть не будут.

— Знаешь что... — Малыш поморщился от боли. Он с трудом надорвал прочную ткань комбинезона и попытался соорудить что-то вроде бинта. — Знаешь что, Девкали, сейчас не время делиться на наших и ваших.

— Может, тряпкой замотать? — спросил Христо, указывая в угол. Он подошел к куче тряпья и попытался найти тряпку почище. — На них кровь.

— Тряпок не надо, — Девкали наклонился над Малышом. — Неизвестно, сколько они здесь валялись! Больно?

— Очень, — сказал Малыш. — Но терпеть можно.

— Даже промыть нечем.

Павлыш перевязал кое-как Малыша и подошел к Христо, все так же неподвижно стоявшему у стенки. Даже при свете единственной тусклой лампочки было видно, как он бледен.

— Ты чего задумался, Христо? — спросил Павлыш.

— Я — ничего. Со мной все в порядке, — ответил практикант. — Они, когда скафандр с меня снимали, меня били. Понимаете, ногами били. Наверное, синяки остались.

— Хочешь, посмотрю, что там с тобой?

— Нет. Мне не больно. Обидно просто.

— Тебе лекцию прочитать? — спросил Павлыш. — Лекцию о том, что Галактика — не сплошной праздник и радость открытия?

— Я все понимаю.

— Ты подумай, что Снежина, девушка, уже несколько часов где-то здесь. И ее, возможно, тоже били. Я не могу тебя успокаивать.

— Я понимаю.

— Постой-ка, что это на стене?

Павлыш увидел какие-то буквы, полускрытые спиной Христо.

Христо отпрянул от стены.

— Где?

— Эх, фонаря нету, — огорчился Павлыш, наклоняясь к надписи. — Плохо видно.

Малыш, ковыляя на одной ноге, подобрался поближе. Подошел и Девкали. Он вынул из кармана маленькую зажигалку.

— Вот. Мне Баков подарил. Охотничья.

— «Не верьте им, — прочитал Девкали. — Их двадцать человек. Они хотят захватить корабль. Уничтожить всех. Есть другой выход. По коридору налево и дальше. Снежина, Антипин в другой камере, предупредите корабль. Генерала убили, сейчас убьют меня...»

— Кори, — сказал Павлыш. — Он успел.

— Через час или два наши взорвут вход в пещеру, — произнес Малыш.

— Это плохо, — ответил доктор. — Нашим нельзя входить в пещеру. Надо выбираться самим.

— Как? — спросил Христо. Теперь, когда появилась необходимость действовать, апатия пропала.

Христо достал руками до края щели и подтянулся до тех пор, пока голова его не оказалась вровень с ней.

— Что видишь? — прошептал снизу Павлыш.

— Темно.

— Пролезть сможешь?

— Надо разобрать несколько камней. Тебе не тяжело?

— Нет.

— Тогда терпи. Буду расшатывать.

— Скорее, могут войти.

Девкали подошел поближе, чтобы принять камень из рук Христо.

— Кто-то идет, — прошептал Малыш.

Христо спрыгнул на пол, и Девкали спрятал камень в угол, под тряпье. Дверь чуть приоткрылась, и солдат осторожно заглянул внутрь, выставив вперед автомат.

— Чего шумите? — спросил он. — Жить надоело?

Он оглядел пленников. Они сидели на полу, на вид безучастные ко всему. Солдат успокоился, захлопнул дверь и снова ушел на свой пост.

Павлыш, не теряя времени, опустился на четвереньки, и Христо сразу поднялся к щели.

— Малыш с Девкали останутся здесь, — велел Павлыш. — Разговаривайте, ведите себя непринужденно.

Христо передал Девкали еще один камень.

— Теперь можно пролезть, — сказал он.

3

Министерство войны возвышалось над Лигоном громадным серым кубом, увенчанным множеством острых шпилей, что придавало ему странное сходство со сказочным готическим замком. Его пощадили бомбы, или, может, они не справились с толщей министерского бетона. Спасательный катер остановился у главного входа; непропорционально маленькие двери прятались в тяжелых громадных порталах. Двери были распахнуты настежь, и за небольшим низким холлом начинались бесконечные коридоры, усыпанные бумагами и полные шорохов — ветер врывался в разбитые узкие окна-бойницы и нес бумаги по коридорам к радости расплодившихся здесь крысят.

Бауэр шел первым, гоня перед собой быстроногого робота, малый мозг-робот, голова на ножках, умница и любитель извлекать немыслимые корни, вертел головой, запоминая надписи на дверях.

— Мы здесь как-то были, — сказал Бауэр Ренци. — Архивы в подвалах, вывезти их не успели.

Некоторые двери были распахнуты настежь, другие прикрыты. Люди бежали отсюда так быстро, что не успели даже запереть сейфов. Но мало кто добрался до бомбоубежищ. Бауэр в прошлый прилет в Лигон видел этот «коридор скелетов», ведущий к основному бомбоубежищу.

На полу лежала стальная толстая дверь.

— В прошлый раз пришлось ее снять, — объяснил Бауэр.

Шахтер не ответил. Ему казалось, что Бауэр слишком спокоен. Надо бы бежать, а он прогуливается по коридору и даже заглядывает в некоторые кабинеты. Шахтер не знал, что Бауэр полностью полагается на робота.

За стальной дверью начиналась лестница. Она спускалась вниз сужающимися маршами и упиралась в коридор. В обе стороны указывали стрелки с одной и той же надписью: «Архив».

Бауэр остановился. Головастый робот метнулся по коридору в одну сторону, в другую. Потом присвистнул в правом коридоре.

— Нам туда, — сказал Бауэр. — Он нас зовет.

Робот стоял перед стальной дверью, не отличающейся от других таких же, одинаково темнеющих в белой стене подвала.

— Надо помочь мальчишке, — Бауэр достал из кармана скафандра резак. Металл у замка покраснел, потом стал белым. — Отойди-ка, — кинул Бауэр шахтеру. — Капли могут попасть.

Робот, чтобы не тратить времени даром, успел сбегать в дальний конец коридора и вернулся обратно.

— Подождем теперь, пока остынет.

— Некогда. — Шахтер ударил плечом в дверь.

Дверь отошла внутрь. Робот проскочил в щель и посвистывал, носясь между рядами сейфов. Он остановился у одного из сейфов, запустив тонкий щуп в отверстие замка.

— Выжги, — сказал Ренци.

— Не надо. Видно, сам знает, как открыть.

Робот жестом опытного взломщика осторожно поворачивал щуп в замке, прислушиваясь к еле заметному щелканью. Вдруг он отскочил и замер в двух шагах от сейфа. Дверь мягко отворилась.

Бауэр заглянул внутрь, увидел длинные, уходящие вглубь полки и сказал роботу:

— Тут без тебя не найти. Сможешь туда забраться, чтобы поискать папки, которые нас интересуют?

Робот ничего не ответил, но вытянул свой щуп и постучал по краю полки.

— Ага, спасибо.

Бауэр вытянул с полки три папки и отнес их к столу.

— Теперь помоги мне, — обратился он к шахтеру. — Я в лигонском не силен.

Шахтер, шевеля губами — он был не слишком грамотен, — прочел наклеенные на папки этикетки.

— Вот эта, — сказал он, — наверно, эта. «Округ Манве. Объект ракетных войск управления безопасности. Совершенно секретно».

Бауэр развязал тесемки, скрепляющие папку, и вынул карту.

— Эта самая. Ты только посмотри, где у них главный вход!

4

— Катер? Я «Сегежа», — произнес капитан. — К вам идет Бауэр с картой подземной базы. Будет у вас через семь минут. Какие новости?

— Вас понял, вас понял, — ответил Баков. — Следов второго выхода не обнаружили. В пещере стреляли. На стук никто не отвечает.

— Ясно. Долго вам еще туда пробиваться?

— Полчаса.

— Может, все-таки взрывчатку применить?

— За ней дольше лететь на базу.

Баков переключился на катер Бауэра.

— Глеб! Это Баков говорит. Нашли?

— Нашли. Иначе не вернулись бы так быстро. Головастику благодарность — ни разу не ошибся.

— Есть второй ход?

— Есть, и совсем не там, где мы искали. Ближе к городу. Это была резервная ракетная база. Если верить карте, восемь ракет с ядерными боеголовками. В общем, через три минуты буду у вас. Готовь переходник.

5

На этот раз в кабинет к генералу Вапрасу вызвали обоих — Антипина и Снежину.

Генерал приказал солдату выйти. Потом светски улыбнулся:

— Я приношу мои искренние извинения господину... Антипину? Антипину. И госпоже Пановой. Мы допустили ошибку, более жестоко, чем требовалось, допрашивали вас. Но поймите меня правильно, обстоятельства военного времени не позволяют порой терять ни минуты. Тогда мы не располагали достаточными данными. Теперь мы ими располагаем. Больше того, мы убедились в том, что вы не старались сознательно ввести нас в заблуждение во время первого допроса. Но кто мог знать...

Генерал слишком длинными и не очень чистыми ногтями вытащил из коробочки на столе щепотку жвачки. Потом подумал и протянул коробочку Антипину.

— Простите, я забыл. Но вы, наверно, не жуете? Отвратительная привычка.

— Мы пускаем ртом дым, — мрачно произнес Антипин.

Ссадина на его щеке подсохла и саднила. На голове можно было прощупать основательную шишку — это когда его саданули головой об шкаф.

— Ртом дым — это очень остроумно, — согласился генерал. — И не сгораете? Весь огонь остается в вас?

Снежина представила себе капитана, у которого вместе с дымом изо рта вылетает огонь. Объяснять, что такое курение, никто генералу не стал.

— Итак... — Генерал поиграл коробочкой. — Наши разведчики проникли к вам в лагерь. Все узнали. Вернулись благополучно домой. Нам известны и ваши силы, и ваши возможности. Мы знаем теперь, что в военном отношении мы вас превосходим. В техническом — вы превосходите нас. Однако вы — наши гости. Может, и непрошеные и нежеланные, но гости. С гостями можно разговаривать и в случае необходимости можно просить их отправиться домой. Итак, я хочу поговорить с вашим начальником, капитаном... Загребиным и другим начальником, господином короной Аро. Я правильно произношу имена? Переговоры — лучший путь к взаимопониманию. Мы цивилизованные нации, и

инциденты, которые произошли в недавнем прошлом, надеюсь, не повторятся.

— Как вы собираетесь вести переговоры? — спросил Антипин. Он генералу не доверял.

— Мы выпустим наружу госпожу Панову, и она обо всем договорится с вашим начальством.

— А я? А профессор Кори?

— Вы останетесь пока здесь. Осторожность необходима даже в общении с лучшим другом. Вы будете в качестве заложника. Так же, как и ваши остальные друзья.

Снежина вспомнила о маленьких фигурках в пещере.

— Они живы?

— Живы, здоровы и не испытывают никаких неудобств.

— Мы бы хотели их увидеть.

— К сожалению, это невозможно. Опять же из соображений безопасности. Так вы согласны? Если не согласитесь вы, я обращусь к вашим товарищам. Надеюсь, они будут сговорчивее. Вы же сами неоднократно указывали, что давно хотели встретиться с нами. Теперь мы сами предлагаем эту встречу.

— Соглашайтесь, Снежка, — решил Антипин.

— С одним условием, — сказала Снежина. — Если вы опасаетесь объединить нас с нашими товарищами, поместите Антипина вместе с профессором Кори. Он старый человек и плохо себя чувствует.

— Обязательно. Я вам торжественно обещаю это сделать. Как только Антипин вернется в свою комнату, к нему приведут старика.

Вапрас говорил серьезно и убедительно.

Снежина поднялась.

— Тогда не будем терять времени даром. Я готова.

6

Павлыш и Христо стояли в темной, заваленной хламом каморке. Света в ней не было, и только неровным прямоугольником виднелась щель, через которую они туда попали.

— Девкали, — позвал тихо Павлыш. — Девкали, кинь свою зажигалку.

— Держи. Что там?

— Пока не знаем.

Зажигалка стукнулась об пол рядом с Павлышом. Он нашарил ее рукой и, подняв с пола, зажег.

Неровный свет язычка пламени выхватывал из темноты тряпье, пустые ящики, свертки, коробки — это был какой-то склад.

Павлыш запустил руку в два или три ящика, надеясь найти там оружие, но оружия в них не оказалось. Зато Павлыш нашел в углу комнаты два металлических стержня, которые могли при случае пригодиться.

Павлыш дал один из стержней Христо. Стержень был тяжелым и надежно оттягивал руку.

— Ты с ним поосторожнее. Можно и голову проломить.

Христо пробрался к двери. Попробовал ее открыть. Дверь была заперта снаружи.

— Ну что? — спросил Малыш из соседней камеры.

— Та же клетка, — ответил Павлыш.

— Ш-ш-щ, — прошептал Христо, — там за стеной, слышишь?

За стеной разговаривали по-лигонски. Можно было даже разобрать слова.

— Ну-ка, Девкали, быстро перебирайся к нам сюда, — прошептал Павлыш. — Давай я тебе помогу.

Через минуту Девкали, чуть не опрокинув громоздкий ящик, свалился на руки Павлышу. Тот провел его к стене. Девкали приложил к ней ухо. За стеной шел спор.

— Вот что, — говорил высокий сухой голос. — Я отпускаю сейчас эту женщину и считаю, что мы можем полностью на нее положиться. Она ничего не подозревает.

— Не поздно ли вы решили, Вапрас? — перебил его густой, будто задыхающийся бас.

— Почему поздно?

— Они уже нашли наш главный вход. Не знаю, как это им удалось, но они его нашли. Они кружатся над ним, и пройдет всего несколько минут, прежде чем они его заметят. Они знают, где вход.

— Ну и что это меняет?

— Многое. Как только они нас запрут с двух сторон, мы попались в мышеловку.

— Они будут осторожны. Пришельцы уже потеряли половину экипажа. А на бывших мертвецов они положиться не смогут. Мертвецы перейдут на нашу сторону.

— И в этом я не уверен, генерал, — произнес сомневающийся бас.

— Я не люблю, когда мне возражают. Даже вы.

— Нас немного осталось, возражающих.

— Через день в наших руках будут дезактивирующие установки и шестьдесят простолюдинов. И корабль. Мы не только вернем себе планету, но и выйдем в космос.

— Хорошая идея, генерал, но рискованная.

— Мы уже привыкли рисковать. И терять нам нечего.

— Есть другой вариант, Вапрас.

— Какой?

— Договориться с пришельцами. Согласиться на их помощь. Перейти в купол. А потом, когда они улетят...

— Во-первых, они могут вообще не улететь. Во-вторых, в куполе у нас отберут оружие и поставят над нами простолюдинов. Не исключено, что вообще нас уберут. Я бы на их месте это сделал. Мы слишком опасны. Мы волки в стаде ягнят, которое они вырастили. Нет, компромиссов быть не может. Или мы, или они — на планете и тем и другим места нет. Слава солнцу!

— Слава солнцу! — нестройно поддержали три или четыре голоса.

За стеной все смолкло. Девкали уже было выпрямился и повернулся к Павлышу, чтобы передать ему содержание разговора, как незнакомый голос сказал:

— И зачем вы отпускаете женщину?

— Без вас знаю, — резко возразил сухой голос Вапраса. — С женщиной легче справиться. Группу для переговоров на корабле поведете вы, генерал.

— Слушаюсь, — ответил бас, который сомневался.

— Бессмертный возглавит боевой отряд для взятия купола. С ним я отправляю восемь солдат. Этого достаточно. Одеть их в те скафандры, которые захвачены у противника. Всем не хватит. Ну, уж как придется. Один скафандр останется здесь. Для меня.

— Почему один?

— Так я сказал. Я остаюсь здесь. Со мной три солдата и, разумеется, оба механика. К сожалению, вчера пришлось убрать нашего старого товарища. Но вы понимаете, другого выхода у нас не было. Он струсил. В составе посольства на корабль идете вы, генерал и пять солдат. Оденьтесь из неприкосновенного запаса. Полковник, где ваши новые сапоги? Итак, на корабль проходят семь человек. Остальные незаметно двигаются к куполу, где их встречает наш человек. Наш человек в куполе — Бессмертный знает его хорошо — должен организовать помощь. Он же постарается вывести из строя сигнальные устройства. Никого без необходимости не убивать. Когда мы захватим корабль, может последовать карательная экспедиция. В случае карательной экспедиции нам нужны будут ценные заложники, которыми мы откупимся. Тогда они оставят нас в покое. Мы даже можем выторговать себе какую-нибудь помощь. Но это дело будущего. Генерал, собирайтесь. Вы знаете, что надо им говорить. Главное — затяните переговоры. С солнцем!

— С солнцем!

7

Генерал с плоским, скучным лицом и большой головой, которая казалась пустой, так густо резонировал в ней его басистый голос, неуклюже подсадил Снежину на дрезину. Сзади взобрались солдаты.

Черный ящик лингвиста перекочевал от Вапраса на грудь плосколицему генералу.

Когда дрезина, дребезжа, поехала по ржавым рельсам, Снежина спросила:

— Откуда у вас лингвист?

— Вы имеете в виду это? Когда-то давно. Еще раньше. Нашли в холмах мертвеца. Из ваших, но с четырьмя пальцами. Взяли у него пистолет и эту штуку.

Снежина вспомнила, как ушел Ранмакан.

Километра через три-четыре дрезина остановилась перед стальными дверьми. Один из солдат повернул колесо, и двери со скрежетом разошлись.

— Скафандр ваш здесь, — показал генерал. — Познакомьтесь, отрядник Мокли из Прапве.

Худой офицер переломился в поклоне.

— Где они? — спросил генерал у офицера. Он не знал, что Снежина немного понимала по-лигонски.

— Уже здесь. Недавно приземлились.

— Пошли.

Делегация пещеры быстро напялила примитивные антирадиационные костюмы. Дрезина зацокала по рельсам, убегая обратно в глубь туннеля. Открылись вторые ворота. За ними — снова туннель. По середине туннеля также бежали рельсы, но они покрылись густой ржавчиной — видно, никто их не использовал. Генерал торопил Снежину. Он шел быстро, тяжело дыша. Что-то случилось там, у входа, отчего делегация должна была поторопиться. Солдат, тащивший рацию, все время спотыкался и отставал. Генерал обернулся и, не замедляя рысцы, прикрикнул на него. Солдат, прихрамывая, догнал генерала.

Влево от туннеля отходил широкий ход, и рельсы сворачивали туда. Снежина на ходу заглянула в него, но генерал подтолкнул ее в спину.

— Секрет, — сказал он. — Наш секрет.

Впереди показалась каменная стена, перекрывающая туннель. В центре ее одна из плит отошла в сторону, как только обогнавший генерала солдат перевел рычаг на пульте.

В квадрат входа ворвались северный ветер и мелкие капли дождя. Генерал высунул голову наружу. Пробормотал что-то себе под нос и обернулся к Снежине:

— Проходите.

Снежина переступила через высокий каменный порог и оказалась на свободе.

Выход из туннеля находился на усыпанном камнями склоне холма. Впереди были холмы поменьше. Они мягкими увалами спускались к далекому сумеречному морю и кучке домов на его берегу, за которыми, маленький отсюда, возвышался диск «Сегежи». Перед ними был Манве.

— Посмотрите направо, — велел генерал.

Снежина повернула голову. Совсем недалеко, метрах в пятидесяти, на земле лежал катер с «Сегежи» и рядом с ним, чуть приподнявшись над землей, висела спасательная лодка.

Снежина подняла руку, и тут же включилась связь в ее скафандре.

Хриплый усталый голос Бакова произнес:

— Снежка Панова, это ты?

8

— У них народу немного осталось, — сказал Павлыш. Он тщетно старался расшатать концом стержня стальную дверь.

— А нам от этого легче? — спросил Христо.

— Ага. — Павлыш бросил на пол стержень. — Надеюсь, что легче. Для этого надо забраться обратно. В камеру.

— Что ты задумал? — спросил из щели Малыш.

— Попробуем постучать в дверь. Посильнее. Вряд ли у них осталось много часовых. Кори писал, что их всего человек двадцать. А это значит, что, кроме Вапраса и двух-трех солдат, все ушли.

— Если будем стучать, одного хватит, чтобы всех нас перестрелять, — проговорил Девкали.

— А почему он должен стрелять? Мы попросим воды. Теперь у нас есть оружие. — Павлыш поднял стержень с пола и подкинул его. — Есть другие предложения? Я с удовольствием выслушаю.

И в тот же момент, будто кто-то подслушал Павлыша, по коридору прокатился гул.

— Слышите? — спросил Малыш из соседней камеры. — Колотят, как будто услышали, что мы говорим.

— Кто-то из наших, — решил Павлыш. — Снежина или Антипин. Как бы узнать, какая это камера?

— Не узнаешь, — ответил Малыш.

— Стой! — Павлыш схватил за руку Христо, который уже под-

нял кулак, чтобы ударить по двери. — Я же объяснил, надо сначала вернуться в нашу камеру. Как мы могли здесь очутиться?

Стук прекратился. Через минуту снова отдаленно бабахнул стальной гул, потом опять утих.

Павлыш подошел к щели, подтянулся и с помощью Малыша перебрался в свою старую камеру. Потом втянул Девкали и Христо.

— Все в сборе? — спросил он. — Начинаем. Оружие спрятать. Как там?

— Молчат, — сказал Малыш. — Ну, сейчас мы как дадим по двери — сразу отзовутся.

Он первым пропрыгал к двери на одной ноге и ударил по ней кулаком.

...Когда Снежину увели, Антипин подождал еще несколько минут, приведут ли в камеру Кори — Вапрас обещал. Но в коридоре было тихо, будто все покинули подземелье. Антипин подошел к двери и постучал. Долго никто не шел. Наконец дверь со скрежетом приотворилась, и охранник, стоя в коридоре, кинул:

— Чего тебе?

— Где профессор Кори? Мой друг? Где он?

— Какой еще Кори? Позвоню генералу. Погоди.

Вслед стражнику неслись удары в дверь.

Он позвонил генералу. Генерал был у себя.

— Господин Вапрас, — сказал стражник, — тут один из заключенных требует какого-то Кори. Что делать?

— Делай что хочешь. Надоест — заткни глотку.

Стражник вернулся на пост к столику возле тамбура, присел. Хотелось спать. Солдату последнее время всегда хотелось спать. Стук в дверь, гулко носившийся по пустому коридору, раздражал и мешал сну. Солдат поглубже опустил на уши каску, но и это не помогало. Солдат не хотел затыкать глотку пленному. Воевать с ними — дело генералов. А то потом тебе же будет хуже. Но стук мешал спать. Стук бил по голове, и от него мозги становились еще жиже. Стук надо было прекратить. Так с ума можно сойти. Солдат встал и пошел к беспокойной камере.

— Ну, замолчал бы, — произнес солдат, надеясь еще как-то договориться с пленником. — Я ж тебя предупредил. Голова раскалывается.

Пленник выслушал слова солдата и снова начал говорить про своего Кори.

— Ну, тьма с тобой!

Солдат открыл дверь, вошел в камеру. Пленник с большим кровоподтеком на щеке говорил какие-то угрожающие слова, обижался. Солдат посмотрел на него с некоторым сочувствием,

хотел было даже уйти и оставить его в покое, но тут представил, как снова понесется по коридору назойливый стук, и неуловимым профессиональным движением ударил пленника по голове загнутой рукоятью автомата. Пленник только успел приподнять руки и мягким мешком упал на пол. Солдат нагнулся, приподнял веко — жив. Солдат сходил на пост, принес оттуда веревки, связал пленнику руки и ноги, сунул в рот кляп. Делал он это быстро и привычно, вернее, он даже и не замечал собственных действий: руки сами связали пленного. Уж столько раз приходилось до войны это делать.

Выключил свет в камере — пусть спит.

Солдат выпрямился. Теперь можно вернуться на свой пост и чуть подремать. Неизвестно, что случится через полчаса. Может, ночью и выспаться не удастся.

И тут же, будто кто-то издевался над ним, солдат услышал, как в другом конце коридора раздался гул. Там тоже били по двери кулаком.

«Ах, так!» — разозлился солдат.

Он подхватил автомат и, не запирая камеры — куда денется пленный? — побежал, топая тяжелыми башмаками, к другой двери. Он им сейчас покажет! Они у него все замолчат. Солдат держал автомат за дуло и размахивал прикладом. Сейчас он им даст!

Солдат забыл, что в той камере был не один заключенный, а четверо. Солдат безопасности никогда не должен выпускать из виду таких вещей. Никогда. Это может плохо кончиться. Но голова так болела и злость была настолько безудержной, что он распахнул с разбегу дверь в камеру, ворвался внутрь и только хотел опустить автомат на вставшего перед ним пришельца, как кто-то ударил его по голове.

Солдат попытался обернуться, чтобы увидеть нападавшего, все еще не понимая, откуда тот мог взяться, как второй удар железным стержнем лишил его сознания.

Автомат выскочил из руки и, задев Павлыша, отлетел в угол.

— Я, кажется, убил его, — произнес Девкали тихо. — Я его, кажется, убил.

Девкали опустился на колени и дотронулся до головы солдата.

— Малыш с Девкали останутся здесь, — распорядился Павлыш. — Малышу лучше отдохнуть. И заодно посмотрите, что там с солдатом.

Павлыш подобрал автомат.

— Как он стреляет? — спросил он Девкали. — Я еще с такими штуками не сталкивался.

Девкали, не вставая с колен, принял автомат из рук Павлыша и повернул узорчатую рукоять предохранителя.

— Здесь нажмешь. Должно быть семьдесят патронов. Солдат, кажется, живой. Сердце бьется.

— Ну и хорошо. Ты не расстраивайся, Девкали. Если бы ты его не ударил, он бы из моего лица сделал лепешку. Не пожалел бы.

— Да, я понимаю, — ответил Девкали. — Я это всегда понимал. Но я еще ни разу не ударил человека.

— Вот вас и били, — бросил Павлыш, выходя в коридор.

— Вы изменились, доктор, — сказал рассудительный Христо, догоняя Павлыша.

Павлыш поморщился и ничего не ответил. Он шел, осторожно наступая на пятки и прижимаясь к стене. Автомат непривычно давил на руку.

9

Правая стена коридора была пуста. Левая тянулась бесконечной вереницей дверей. Кое-где от коридора отходили отростки, в которых тоже прятались двери, и там тоже было тихо.

В конце коридора виднелась дверь в шлюзовую камеру. У двери стоял столик, на нем лампа, полевой телефон.

— В случае чего выбираться будем через пещеру, — сказал Павлыш.

— Она же засыпана.

— Но, может, наши уж прошли туда.

Донеслось тихое дребезжание. Звонил телефон.

— Бежим обратно, — прошептал Христо. — Сейчас они придут проверять пост.

— Нет, этим мы ничего не добьемся. Идем дальше.

Павлыш постучал в дверь третьей камеры.

Телефон не переставал звонить.

— Христо, сбегай за Девкали, пусть подойдет к телефону. Быстро.

Христо застучал ботинками по коридору. Телефон замолчал. Павлышу показалось, что прошло минут пять. На самом деле не прошло и минуты, как появился Девкали.

— Что так долго?

— Я сразу, — удивился Девкали. — Что-нибудь случилось? Христо влетел и говорит: «Скорее к доктору».

— Я хотел, чтобы ты подошел к телефону.

— Опасно, — сказал Девкали. — Они здесь наверняка друг друга по голосам знают.

— А где Христо? Остался с Малышом?

— Да.

Павлыш постучал ногтем по следующей двери и прислушался, чуть наклонив голову.

— Пока все камеры простучишь, солдаты сбегутся.

— Молчи. Кто-то идет.

За поворотом коридора — он угадывался по пятну желтого света, падавшего на пол главного туннеля, — шлепали осторожные шаги. Человек, приближавшийся к коридору, не хотел, чтобы его обнаружили. И если бы не мертвая тишина подземелья, где слышно было бы, как летит муха (правда, мух здесь давно уже не было), пленники ничего бы не ощутили.

И тут, заглушив шаги, снова задребезжал телефон.

— Подойти? — спросил Девкали.

Павлыш отрицательно покачал головой. Путь к телефону лежал через светлое пятно бокового коридора, в котором был некто.

— Если один из них, — прошептал Павлыш, прижав губы к самому уху Девкали, — он подойдет к телефону.

В светлом пятне на полу показалась тень человека. Тень на секунду замерла, потом закрыла собой пятно света — человек входил в главный туннель. Павлыш и Девкали прижались к стене, стараясь врасти в нее.

Человек шагнул в главный туннель и прошел к телефону. Поднял трубку и произнес:

— Слушаю.

Это был не солдат. Даже в слабом свете туннеля было видно, что он одет в измазанный жирными пятнами, кое-как заштопанный, ветхий комбинезон. На спине светлела большая квадратная заплата. Человек горбился и при ходьбе приволакивал ногу.

— Да, — сказал человек, — все в порядке. — Он повесил трубку и обернулся. — Опустите автомат. Я вас вижу. У меня нет оружия.

10

Человек подошел поближе. Павлыш не опускал автомат, но человек не замечал направленного на него дула. Он шел, опустив руки, и они безжизненно болтались при каждом шаге. Не доходя нескольких метров до пленников, он остановился, потому что его охватил приступ кашля. Человек зажимал рот ладонью, чтобы кашель не так громко разносился по туннелям, и страшно было смотреть, как сотрясалось его тело от воздуха, рвущегося из легких.

Человек сплюнул на пол сгусток крови и, опершись о стену, тяжело дышал. Отдышавшись, он хрипло сказал:

— Здесь плохой климат. Здесь все скоро умрут.

— Кто вы? — спросил Девкали.

— Зачем вам мое имя? Я — простолюдин, механик. Кому-то нужно чистить нужники и водить дрезину. Раньше нас было много, таких, как я. Нам обещали жизнь. Осталось двое. Всего двое. Я пришел вам помочь. Мы давно думали взорвать все, чтобы не осталось ни их, ни нас. А теперь я знаю. Я видел, что появились ваши. Я пришел говорить. Вапрас хочет убить ваших. Я слышал. — Простолюдин вытащил из кармана пистолет. — У меня есть патрон. Я хочу наверх.

— Но тут еще есть наши. И мы должны сначала найти их.

— Нет, — ответил механик. — Их нет. Женщина уехала наверх. Они взяли ее с собой. Еще одного убили.

— Но мужчин было двое.

— Может, убили двух. Больше никого нет.

— Он ошибается, — не поверил Павлыш. — Зачем им было убивать?

Механик попытался улыбнуться, и губы его разъехались в стороны, приоткрыв беззубые десны.

— Они даже своих убивают. Как звери в яме. И ваших тоже. Им никого не жалко. Сегодня Вапрас убил генерала. Генерал хотел, как и я, бежать.

— Кто-то стучал, — сказал Девкали механику.

— Нельзя ждать, — продолжал настаивать механик. — Сейчас звонил Вапрас. Я сказал, что все в порядке. Вапрас проверит еще раз и пришлет солдата или сам придет.

— Много еще осталось солдат?

— Один у главного входа, один стережет пещеру наверху в пулеметном гнезде. Но он больной. И мой товарищ на дрезине. Он тоже совсем больной. Но Вапрас здоровый. Если он узнает, он всех убьет.

— Вот что, — решил Павлыш. — Вы идите к нашим и попытайтесь соорудить какие-нибудь носилки для Малыша. Я пройду еще вдоль дверей. Антипин должен быть где-то здесь. Ведь стучали же.

Павлыш, проводив глазами Девкали и плетущегося за ним механика с пистолетом в повисшей руке, прошел до конца коридора, стуча в двери костяшками пальцев. Если дверь была не заперта, он приоткрывал ее и заглядывал внутрь. Но не особенно вглядывался, потому что искал запертую дверь. Дверь, в которую стучал Антипин. Павлыш дошел до камеры, где лежал на полу связанный старший механик. Дверь в нее была приоткрыта. Он

на всякий случай заглянул внутрь. В камере было темно, и Павлыш прикрыл дверь снова.

Он дошел до последней двери в коридоре, когда услышал шум в другом конце туннеля. Из камеры вышли Девкали и Христо. Малыш прыгал между ними, обняв их за шеи. Сзади шел механик с пистолетом.

Снежина, по словам простолюдина, уехала на «Сегежу». Снежина в безопасности. Кори убит. Антипина нигде нет, но, возможно, он тоже погиб. Больше в подземелье делать нечего. Скорее на корабль! И все-таки Павлыша не оставляло неприятное чувство. Может быть, Антипин находится в какой-нибудь дальней камере?

— А другой наш человек не мог уехать вместе с женщиной? — спросил Павлыш.

— Нет. Я вез ее на дрезине до самого главного входа.

Механик подошел к столу и нажал на нем кнопку.

— Что он делает?

— Отключаю сигнализацию, — ответил механик. — Если не отключить, то, когда тамбур будет открываться, начнется тревога. Я давно здесь. Я все знаю. Я больше года не видел солнца. У солдат и генералов есть антирадиационные костюмы. У нас нет.

Механик опустил вниз крайний рубильник. Двери тамбура разошлись. Механик вошел первым и включил свет. Снова зазвонил телефон. Механик хотел было вернуться, но Павлыш остановил его.

— Некогда. Скажи ему, Девкали, что, если он снова подойдет к телефону, Вапрас все поймет.

Механик с этим согласился.

Девкали подошел к стенному шкафу, открыл его. В нем висело два лигонских антирадиационных костюма. И все.

— Они спрятали наши скафандры, — сказал Христо. — Нам не уйти.

— Уйдем, — сказал Павлыш, снимая один из лигонских скафандров и протягивая его Девкали. — Наденешь этот. Второй отдадим нашему проводнику.

— А как же мы? — спросил Христо.

— Так доберемся. Придется поболеть.

— Уровень же радиации смертельный.

— Я врач — накормлю тебя лекарствами, поваляешься с недельку в госпитале, и все пройдет. А если не хочешь — убьем тебя и снова оживим. Уже без лучевой болезни. Я шучу... в любом случае путешествие неприятно, но не смертельно. Вылечить можно. Другое дело — наши хозяева здесь. Их надо защитить.

— Возьмите мой скафандр, — предложил Девкали. — Я не боюсь смерти.

— Еще чего не хватало, — обиделся Христо.

Механик держал скафандр в руках, далеко отставив от себя, будто тот был заразным.

— Я пойду просто так, — решил он. — Я уже больной. Мне все равно. Я хочу только увидеть солнце.

Девкали подошел к Малышу.

— Наденьте, — сказал он. — Вы раненый, вам это особенно опасно.

Малыш отрицательно покачал головой.

— Девкали прав, — подтвердил Павлыш. — Вообще-то костюм больше нужен тебе. Я не мог этого сказать, но Девкали прав.

Малыш улыбнулся:

— Я и так никуда не гожусь. А кроме того, я хочу, чтобы меня освободили от вахт и я лежал в госпитале и читал книги. Вот так. Пошли?

— В госпитале ты и так належишься, — пообещал Павлыш. — Это я тебе гарантирую. И хватит разговоров. Костюмы надевают больные — Малыш и наш друг.

— Внимание, — послышался голос, сухой голос Вапраса. — Тревога. Совершена попытка к бегству. Приказываю задержать и в случае сопротивления уничтожить...

Механик уже открыл внешнюю дверь тамбура — впереди был туннель, который вел в пещеру.

Павлыш и Христо подхватили Малыша и побежали по туннелю. Сзади, догоняя, грозя, выла сирена.

— Ничего, — бормотал Малыш, прыгая на одной ноге, чтобы Павлышу и Христо было легче нести его, — это все блеф. У него нет людей. Ничего он нам не сделает.

Не доходя до последних дверей, механик вдруг открыл незаметный люк в стене и, приказав жестом остальным оставаться на месте, исчез в нем.

— Что это? — удивился Малыш. — Неужели струсил?

— Нет, — сказал Павлыш, прислоняясь к стене, чтобы отдышаться. — Кажется, я догадываюсь, в чем дело. Там должен быть пулеметчик, который держит под прицелом пещеру. Нам все равно не пройти, если его не убрать. Ждите.

Ждать пришлось недолго. Раздался легкий треск, будто разорвали материю. Потом люк снова открылся, и из него тяжело, ногами вперед, выкарабкался механик. В одной руке у него был пистолет, в другой — легкий пулемет. Он передал его Девкали и, не говоря ни слова, подошел к рубильникам последних ворот.

— Опять война, — произнес Девкали в отчаянии. — Нас же

всего несколько человек на планете! И опять война, опять мы убиваем друг друга.

Рубильник подался, и створки двери начали медленно разъезжаться в стороны.

За ними виднелась черная щель последней камеры. Лестница. Над ней плита. Механик включил второй рубильник. Плита дрогнула, приподнялась и вдруг застыла.

Погас свет. Вапрас отключил энергию пещеры.

В абсолютной темноте, сдавленные тесной лестницей, беглецы оказались в ловушке.

Слышно было только, как тяжело дышат люди, как звякнул о камень автомат...

11

— Что же теперь? — прошептал Малыш. — Обратно? Как ты думаешь, Слава?

— Погоди, — ответил доктор. — Девкали, спроси у него: наши были в пещере?

— Да, — ответил механик. — Они взорвали завал, но внутрь не заходили.

— Пропустите-ка меня. Я хочу добраться до люка.

Павлыш нащупал пальцами щель и, наклонив голову так, чтобы рот оказался выше уровня пола, крикнул:

— Эй, кто живой? На помощь!

Пещера молчала.

Павлыш сказал вниз, в дышащую тесную темноту:

— Дайте мне автомат.

Он просунул в щель дуло и дал очередь. Пули гулко и звонко застучали, разбивая сталактиты.

Люди под плитой затаили дыхание. Звякнуло у входа в пещеру, и тяжелые шаги — один, другой, третий — забухали по камням. Кто-то тяжелый и осторожный шел к плите. Луч света скользнул по полу и задел приподнявшийся камень. Павлыш зажмурился. Шаги остановились рядом. Два металлических пальца захватили край плиты и медленно оторвали ее от земли.

Камень гулко упал на пол. Луч фары обшарил узкое, забитое людьми пространство, и двупалая рука опустилась вниз, чтобы помочь им выбраться наружу.

— Не бойся. — Христо, к которому вдруг вернулось обычное хорошее расположение духа, похлопал по плечу сжавшегося в комок механика. — Рабочий робот. Его, видно, оставили здесь.

Христо был прав. Робота, который освобождал от завала вход в пещеру, Баков не стал брать обратно на корабль. Он его оста-

вил здесь на всякий случай. Баков был, как всегда, предусмотрителен.

В холмы уже пришла ночь, мрачная, дождливая ночь, и ветер скатывался вниз по ложбине, к Горному саду.

Христо поднял воротник комбинезона, чтобы меньше капель попадало на него, и прикрыл руками голову. Малыша нес робот. Механик шел рядом с Девкали и повторял:

— Я больше года не видел моей земли. Больше года. Здесь идет дождь.

Механик спотыкался, и Девкали пришлось взять его за руку, чтобы тот не упал.

Внизу на поляне в Горном саду стоял вездеход.

— Придется тебе, старик, остаться здесь, — сказал Павлыш роботу. — Боливар шестерых не вывезет.

Робот ничего не ответил. Он не читал книг. Робот остался стоять среди делянок, и задние огни уходящего вездехода отразились на мокром металлическом теле.

Глава 9

ДА БУДЕТ МИР!

1

— Едут, — известил Загребин. — Полномочная делегация. И Снежка.

— А остальные? — спросил корона Аро. Он отлично знал, что остальные остались в пещере, и задал этот вопрос специально, чтобы напомнить капитану, что до счастливого конца далеко. — Я пойду к себе, — сказал корона Аро. — Не стоит им показываться. Напугать их мной особенно не напугаешь. А если даже и напугаешь, будет еще хуже. С вами они будут говорить как равные. Главное — никаких конфликтов. Что мы знаем об этой планете? Ничего. Ровным счетом ничего. Это их мир. Впрочем, за корабль отвечаете вы, и я не вмешиваюсь. Только, пожалуйста, помните...

— Помню, — ответил капитан несколько резче, чем ему хотелось бы. Он волновался за своих никак не меньше короны и, соглашаясь с представителем Галактического центра, оставался при особом мнении.

В дверях Аро задержался. Он пропустил вошедшего шахтера Ренци. За шахтером шел потускневший за последние часы патриций с большим листом бумаги в руке. Корона Аро остался стоять у двери.

— Капитан, — начал шахтер, — мы пришли просить оружие.

— Погоди, — дернул шахтера за рукав патриций. — Разрешите я. Мы, как представители правительства планеты Муна, решившие раз и навсегда запретить войны, просим у вас оружие. «Почему?» — спросите вы, и вопрос будет закономерен. Закономерен будет и наш ответ. Мы просим оружие, чтобы не было войны — у нас здесь дети. Я зачитаю обращение нашего Совета к кораблю пришельцев «Сегеже» и представителям Галактического центра.

— Ладно, — сказал шахтер Ренци. — Он у нас законник. Он вам бумагу оставит. Мы узнали тут, что сюда летит их делегация.

— Да, — подтвердил капитан. — Небольшая делегация. Пять человек или семь. Они будут вести с нами переговоры о возвращении наших пленных.

— Если бы об этом только, то тогда отпустили бы, и все. Или вообще в плен не брали. Значит, не о пленных будет разговор. Им из пещеры выбраться нужно. И желательно господами. Мы им не верим.

— Мы им абсолютно не доверяем, — кивнул патриций. — Об этом я написал в обращении.

— Я не могу дать оружие, — ответил капитан. — По двум причинам. Во-первых, я не вижу опасности для корабля и купола. Во-вторых, оружия на корабле просто нет. Мы не военный корабль.

— Значит, не хотите? — убежденно произнес Ренци. — А сколько вас здесь осталось? Кто в плену, кто на вахте, и оружия нет. Да вы понимаете, что они будут разговаривать с вами только до тех пор, пока будут думать, что вы сильнее? Пошли, патриций.

Ренци повернулся и вышел из комнаты. Патриций положил на стол петицию.

— Ну вот, — заговорил Кудараускас, который до этого молча сидел у экрана, на связи с катером Бакова, — сначала Совет принимает постановление об отмене всех войн, а потом требует оружие для войны.

— Они правы. И они лучше нас знают, с кем мы имеем дело.

— Капитан, — сказал все еще стоящий у двери корона Аро, — вы дали горячности увлечь себя. Нельзя решать космические проблемы со своей человеческой точки зрения. Вы чувствуете симпатию именно к той группе людей, в спасении которых вы принимали участие. Люди, находящиеся в подземелье, не меньше спасенных вами заслуживают жизни. Основное требование галактических экспедиций — не вмешиваться, никогда не вмешиваться во внутренние дела других миров. Любое вмешательство чревато нарушением естественного хода развития цивилиза-

ции. Вы это знаете, и я это знаю, и Кудараускас это знает, но когда мы доходим до дела, оказывается, что личные сомнения и склонности перевешивают. А если бы жители Муны не были так похожи на людей? Если бы были отвратительны вам, как мы, например, стали бы вы так же волноваться об их судьбе?

— Да, — решительно произнес капитан, — вы знаете, что стал бы. Кстати, вы мне не отвратительны.

— Я тоже погорячился. Извините меня, капитан, — сказал Аро и покинул мостик.

— Они на подлете, — предупредил Кудараускас.

На небольшом экране появился повисший над «Сегежей» диск катера.

— Ну, как там у вас, Баков? — спросил капитан.

— Встретьте нас у входа.

— Хорошо.

Загребин обернулся к Кудараускасу.

— Останешься здесь, Зенонас. Мы будем разговаривать с ними в кают-компании. Со мной будут Бауэр и Баков. Включи внутреннюю связь, чтобы быть в курсе всех разговоров. Посматривай на купол. Система сигнализации в порядке?

— Угу. Только что проверял.

— Ну, я пошел. В самом деле, встречу их у люка.

2

Встреча была похожа на официальную встречу глав дружественных (или недружественных) держав, как их изображали в учебниках истории.

Загребин занял свое место за обеденным столом, во главе его. По правую руку от него сел Баков, по левую — шахтер Ренци и Пирра. За Баковым сидел Бауэр.

Басистый генерал, глава делегации подземелья, сидел на другом конце, рядом с ним был отрядник в поношенной форме. В дальнем конце кают-компании на диванчике устроились патриций и солдат из генеральской свиты при рации, которую он поставил на шахматный столик.

Снежина, у входа поздоровавшись с капитаном, попросила разрешения привести себя в порядок. В каюте ее уже ждали тетя Миля и корона Вас со снадобьями и пилюлями, до которых он был большой охотник.

Снежине не хотелось выгонять из каюты друзей, и она разделась в душевой за матовой занавеской. Раздеваясь, выкидывала в каюту вещи и все не могла остановить улыбку, согнать ее с лица: она была дома, и звон стакана, в котором толстый корона Вас

размешивал свои снадобья, и громкие вздохи тети Мили были замечательным доказательством тому, что на самом деле никакого подземелья не существовало, что землистые лица обитателей пещеры только померещились ей.

— Тетя Миля, — попросила Снежина, — будьте добры, достаньте белье из верхнего ящика и брюки, форменные брюки, они где-то внизу лежат, точно я не помню.

Горячие струи воды приятно впивались в тело, и было мирно и приятно, и из тела уходила бесконечная пещерная усталость. И Снежина поняла вдруг и ясно увидела, как Антипин и Кори сидят на холодном каменном полу камеры и ждут, когда их освободят.

Снежина схватила повешенные тетей Милей за занавеску вещи, выключила воду, оделась и, на ходу проглотив — зачем обижать корону Вас? — неприятное на вкус снадобье, побежала в кают-компанию.

Процедура взаимного представления и рассаживания по местам заняла несколько минут, и поэтому, когда Снежина вошла в кают-компанию, переговоры еще только начинались.

— Садись сюда, — пригласил Загребин, показывая на свободное место на нейтральной территории между двумя делегациями.

Снежина села между офицером-отрядником и Бауэром и вспомнила почему-то, как недавно в этой же кают-компании происходило представление других инопланетных гостей. И те были куда более чужими и незнакомыми, чем эти. А сейчас корона Аро сидит наверняка на мостике рядом со своим всегдашним оппонентом Кудараускасом, и они слушают, не пропуская ни слова, все, что говорится в кают-компании, а корона Вас поплелся в буфетную вслед за тетей Милей, чтобы помочь ей приготовить чай для гостей. А здесь они сидят друг напротив друга, и напряжение людей, которые не знают, попали они в гости или в ловушку, ясно читается на их бледных, землистых лицах.

— Мы хотели бы узнать о судьбе наших товарищей, которые попали к вам в плен, — говорит капитан ровным голосом, и Снежина возвращается к реальности.

Черная коробочка на груди генерала вздрагивает. У генерала объемистый живот, множество знаков и значков на мундире и плоское лицо того неестественного синеватого цвета, которое принимают бледные лица под люминесцентной лампой.

— Вы не правы, — отвечает генерал. — Они не в плену. Они заложники. Мы не знаем, можем ли верить вам. Как только мы убедимся в том, что верить можно, мы выпустим ваших людей. Они находятся в безопасности. Женщина, сидящая за этим столом, может подтвердить мои слова.

Снежина кивнула. Потом спохватилась.

— Антипина били. Где остальные, я не знаю.

— Он сам ударился об стол, — возразил генерал. — Мы никого не бьем.

— Ложь это, — говорит зло шахтер Ренци. — Меня самого не раз били.

— Мы согласились терпеть ваше присутствие в комнате, потому что это было условием переговоров, которое поставил нам капитан Загребин. Однако в переговоры с простолюдинами мы не вступаем. — Генерал сжал кулаки.

— За этим столом, — произносит капитан тем же ровным голосом, — все имеют право говорить.

— Тогда буду молчать я, — настаивает генерал.

— Ладно, я уйду, — решает Ренци. — Мне здесь делать нечего. Пусть останутся Пирра и патриций.

И, не слушая возражений капитана, Ренци покидает кают-компанию.

Патриций занимает место шахтера за столом и разворачивает перед собой бумаги, исписанные его ровным, красивым, с завитушками, почерком.

— Со мной говорить можно, — заявляет он. — Я по происхождению патриций, хотя мы это и отменили.

— Посмотрим. — Генерал смотрит на патриция тяжелым долгим взглядом, будто запечатлевает его портрет.

Теперь патрицию никуда не скрыться от генерала. Патриций понимает это, осторожно касается локтем Пирры. Так надежнее. Патриций выбрал союзников.

— Простите. — Генерал смотрит на часы. — Мне нужно выйти на связь с моим центром.

Он встает, подходит к рации и отбивает условный знак. Снежина ясно видит Вапраса, сидящего в своем кабинете.

— Итак, — генерал возвращается на свое место, — мы хотим узнать, зачем вы к нам прилетели и чего хотите.

Загребин говорит вкратце о существовании Галактического центра, о вспышках, засеченных астрономами, о разведдиске и о том, как «Сегежа» попала на Муну. Он говорит и об аппарате Вас. Он ничего не скрывает. Он даже говорит о том, что на планете, под куполом, создан свой Совет, который и управляет Муной.

— А дальше? — спрашивает генерал.

— Дальше? В скором будущем — я думаю, через несколько дней — сюда прибудет другой корабль.

— Такой же, как ваш?

— Нет, автоматический, без людей. Он привезет дополни-

тельные дезактиваторы. К этому времени люди смогут кое в чем себя обеспечить.

— Это все интересно, — говорит генерал. — А дальше? Что будет с вами?

— Мы улетим отсюда. Мы улетим, как только нам представится возможность. Но мы будем прилетать, когда это понадобится жителям Муны. Мы хотим помочь вам уничтожить следы войны, мы должны установить здесь хотя бы еще один аппарат по оживлению людей.

— Теперь мы подошли к самому главному, — произносит генерал. — К тому, зачем я сюда пришел. До того как вы прилетели сюда, на планете существовало правительство.

— Мы плохо служили народу, — неожиданно для самого себя вмешался патриций. — Мы погубили планету.

— Это не наша вина, и не нам сейчас ее обсуждать, — оборвал генерал. — Всем ясно, что такое больше не повторится, раз мы уничтожили наших врагов.

— Разрешите справку... — сказала Пирра. Она молчала до сих пор, не в силах побороть унизительного чувства страха при виде этой формы, этих уверенных в себе людей — хозяев планеты. Она не могла избавиться от страха, животного, бессмысленного страха, рожденного воображением, которое показывало ей будущее, где генералы снова станут господами Муны. — Разрешите справку... — Пирра обращалась к капитану, и тот кивнул. — Под куполом живут два человека, по национальности пьи. Мы найдем и других... Один из пьи — член Совета планеты.

Пирра замолчала. В конце концов, то, что она сказала, не играет особой роли. Особенно сейчас, когда там у них Девкали.

— Та-ак, — отозвался генерал. — Тем хуже. Я продолжу. — Генерал сфотографировал взглядом Пирру. Она тоже теперь навсегда осталась в его памяти, ей тоже подписан приговор. — Законное правительство, о котором я говорил, существует и сейчас. И я его представитель. Если вы сомневаетесь в наших полномочиях, вы можете поднять документы министерства войны: я заместитель министра войны; генерал Вапрас, находящийся сейчас на базе, — глава разведки. Мы — правительство Муны — можем вам предложить следующее: вы немедленно покидаете планету, оставив нам купол и очистители воздуха. В будущем ведете переговоры только с нами и через нас.

— Вы кончили? — осведомился вежливо Загребин. — Тогда скажу я. Во-первых, я не считаю вас законным правительством Муны. Сколько вам осталось жить в вашей норе? Год? Полгода? Вы же мертвецы, закопавшиеся под землю и умершие много месяцев назад.

«Что с капитаном? — подумала Снежина. — Он никогда еще не повышал голоса».

Она ожидала, что он будет куда осторожней и спокойней, но раз он потерял сдержанность, тем лучше. На его месте Снежина говорила бы еще резче.

— Второе, — продолжал капитан, игнорируя возмущенный жест генерала. — У меня тоже есть встречное предложение. Вы все покидаете пещеру и переходите в купол. Без оружия. Ни у кого из обитателей купола его нет. В куполе вы живете, лечитесь — вас всех надо срочно лечить — и вместе с теми, кто уже живет там, решаете, улететь нам или нет.

— Это вмешательство в дела нашей планеты!

— Да, — сказал Загребин тихо. — И теперь я хотел бы выслушать присутствующих здесь членов Совета купола.

Загребин обернулся к Пирре.

— Нет, — возразил генерал. — Мы этого Совета не признаем. Я хочу задать вам вопрос: признаете ли вы силу?

— В каком смысле?

— А вот в каком. На нашей базе, недоступные для вашего оружия, спрятаны ракеты с ядерными боеголовками. В любой момент они могут быть выпущены по вашему кораблю. От вас останется мокрое место. От вас и от вашего купола. Кроме того, у нас заложники, несколько человек с вашего корабля. Подумайте об их судьбе. Я предлагаю объявить перерыв. Мне надо выйти на связь с базой и рассказать о ходе переговоров. И не пытайтесь меня остановить. Я старый солдат. За каждый волос, упавший с моей головы, упадет голова вашего человека. Надеюсь, мы понимаем друг друга.

Генерал снова посмотрел на часы и прошел к шахматному столику, на котором стояла рация.

— Принесите чаю, — попросил устало Загребин и тяжело прошел к выходу. Он шел посоветоваться с короной Аро.

Бауэр вышел вслед за ним.

3

Ренци медленно брел по куполу. У большого дома под ярким фонарем сидели женщины. Они сидели, как сидят в бомбоубежище в ожидании разрыва бомбы. Ренци не стал подходить к ним. Он обошел дом сзади; там в зарослях вокруг стола профессора Кори стояли мужчины, восемнадцать человек — армия купола. Они были плохо вооружены. Они, можно сказать, не были вооружены совсем, если не считать оружием нескольких плохо заточенных кухонных ножей и пик — ножей на длинной палке.

— Как дела? — спросил один из охотников-пьи на ломаном лигонском.

— Они разговаривают, — ответил Ренци. — Они все разговаривают.

— Ты видел солдат?

— Да. Двое сидят в коридоре. Их пустили в корабль. Один даже в самой комнате. У него рация.

— Неужели они поверят солдатам?

— Могут поверить. Когда я сегодня просил у капитана оружие, он сказал, что оружия нет. Он не хочет ввязываться в наши дела. Где Ранмакан?

— У себя. У него болит живот.

— У него всегда болит живот, — засмеялся кто-то из мужчин, — когда надо работать или воевать.

— Я пойду проведаю его, — сказал Ренци, — он больше нас знает о пришельцах. Если они оставят нас, все пойдет по-старому, и мы снова станем рабами. Надо строить баррикаду у входа в купол.

— А если солдаты согласятся войти в купол?

— Как — войти?

— Как мы, без оружия?

— Кто тебе сказал такую чепуху?

— Ранмакан. Он сказал, что солдаты тоже хотят жить. И их можно понять.

— Я все-таки пойду поговорю с Ранмаканом.

Ренци попрощался с мужчинами и пошел к большому дому. Женщины увидели его издали, встали, но никто не осмелился задать ему вопроса.

Ранмакана в комнате не было.

Ренци вышел снова на крыльцо, спросил у женщин, где Ранмакан.

— Он ушел. С полчаса, как ушел.

— Куда?

— Вроде бы на корабль.

— Нет, его там нет, я сам там был.

Перед тем как возвращаться на корабль, Ренци обошел купол вокруг. Потом вернулся к кораблю и спросил стоявшего у входа Бауэра:

— Ранмакан не проходил?

— Нет, а что?

— Ничего. — Ренци сразу ушел. Он был зол на всех пришельцев.

Бауэр вздохнул и вернулся в шлюзовую камеру. Под прозрач-

ным темным потолком коридора было неуютно, и он чувствовал себя беззащитным.

Ренци мог бы объявить тревогу и разослать на поиски Ранмакана мужчин, но ему не хотелось поднимать шум раньше времени. Ранмакан вполне мог прятаться под кустом — такой человек.

Ренци шел по самому краю купола и время от времени всматривался в ночь. Там, на пустыре, успокоительно перемигивались башенки сигнализации. Ренци дошел уже до второго шлюза, выходящего из купола на улицу, и остановился у кучи досок и ящиков, сложенных еще вечером; если придется воевать, то основная линия обороны пройдет у шлюза. Ренци заглянул в шлюз. Там должен висеть скафандр. На всякий случай скафандр висит в каждом шлюзе.

Скафандра не было.

Значит, Ранмакан убежал.

В распоряжении Ренци было немного возможных ответов на вопрос, куда исчез скафандр, но он не стал искать второго или третьего ответа — для него было совершенно ясно, что скафандр мог взять только Ранмакан.

Ренци подошел к стене купола и стал вглядываться в темноту. В свете сигнальных башенок многого не увидишь. Ренци хотел бы выйти наружу и посмотреть, не осталось ли следов Ранмакана, но второго скафандра не было, а бежать на корабль три минуты — этого времени в распоряжении Ренци нет.

Прожектор «Сегежи» прошел широким светлым кругом по земле за сигнальными башенками. Ренци следил за его движением, но в полосе ничего не оказалось. Или Ранмакан убежал подальше, или он прячется здесь, где-то у купола.

Ренци взглянул вдаль. Ему показалось, что со стороны гор мелькнул огонек. И тут же совсем неподалеку от купола по направлению к сигнальным башенкам ринулась человеческая фигура.

Ранмакан!

Шахтер распахнул люк в шлюз и, задвинув его — без этого не откроешь следующий, — рванул внешний люк. Люк открылся. Ренци не думал о радиации. Он ясно видел, как к кабелю, соединяющему сигнальные башенки, бежит человек.

Ренци догнал Ранмакана у одной из башенок, когда тот перерубал кабель топором. Ранмакан, оглохший от лихорадочного стука сердца, не услышал, как к нему подбежал Ренци.

— Ах ты, слизняк! — крикнул шахтер.

Кабель был уже перерублен, и сигнальные вышки, хоть и продолжали перемигиваться, перестали быть единым целым — теперь сквозь их цепь можно было пройти к кораблю, не подняв тревоги.

— Ах ты, слизняк! — кричал Ренци, схватив Ранмакана за горло.

Тот отчаянно извивался в его руках, стараясь достать пистолет. Армейский пистолет, который ему дал на прощание Бессмертный. Страх смерти — смерти, так часто настигавшей его за последнее время, — придавал ему силы, и он все-таки умудрился выхватить этот пистолет, и мутнеющий рассудок заставил его нажимать и нажимать курок, всаживая пули в тело шахтера, который, и умирая, не отпускал его горла.

4

Механик, примостившись на коленях Райкова, указывал путь к главному входу. Группа Бессмертного, которая должна была во время переговоров незаметно подкрасться к кораблю и захватить его и купол с помощью предателя, ушла в Манве оттуда. Они ехали на военном грузовике, и, возможно, удастся догнать их по пути.

От главного входа повернули вниз, в долину. Ехать было легко. Дорога прилично сохранилась, да и лучик прожектора «Сегежи», видный за много километров, служил хорошим ориентиром.

Павлыш старался выжать из вездехода все возможное: с каждой секундой пассажиры «Ежа» принимали все большие дозы радиации, и с каждой минутой увеличивалась опасность для корабля.

В кабине молчали. У Малыша кровоточила рана, и он прижимал к ней мокрую от крови ладонь, морщась от каждого толчка. Райков прислушивался к биению собственного пульса. Он был храбрым парнем и в других случаях не струсил бы, но невидимость и неумолимость врага, закравшегося в его тело, настолько пугала, что он, незаметно для окружающих, прижал лицо к спине сидевшего у него на коленях механика, чтобы защититься от радиации. Хоть это было и бессмысленно.

Механик о радиации не думал. Он свыкся с близостью смерти. Он хотел только дожить до утра, чтобы увидеть солнце, он хотел, чтобы убили генералов и солдат — всех. Он держал в руке пистолет, готовый стрелять в любой момент. Он сам собирался вершить правосудие.

Девкали и Павлыш думали об одном и том же — о женщинах, оставшихся на корабле, о женщинах, которым грозила опасность. Но если Девкали сейчас не мог думать ни о чем, кроме судьбы Пирры, то Павлыш еще думал и об Антипине, о его таинственном исчезновении. Ему все время хотелось вернуться об-

ратно, как человеку, который вспомнил в последний момент перед отходом поезда, что забыл попрощаться с кем-то из родных, да уже поздно: поезд тронулся...

Грузовик они настигли неподалеку от города. Что-то случилось с мотором, и один из солдат копался в нем. Остальные столпились рядом, странно знакомые в скафандрах космонавтов.

— Их можно принять за нас, — сказал Павлыш.

— На это и рассчитывают, — подтвердил Малыш.

— Приготовиться к бою, — скомандовал Павлыш. Он затормозил метрах в пятидесяти от грузовика, за крутой скалой. — Я буду здесь, у лазерной установки. Девкали, Райков, с автоматами быстро выскакивайте и ложитесь за камни.

Эта операция заняла меньше минуты. Механик с пистолетом в руке тоже выскочил из вездехода и, перебежав дорогу, вскарабкался на склон холма и залег там.

Павлыш включил усилитель и подсоединил к нему кабинного лингвиста. Он не следил, как и куда исчезли его товарищи. Надо было использовать неожиданность.

— Сдавайтесь! — крикнул он, включив усилитель на полную мощность. — Вы окружены! Сдавайтесь!

Группа солдат в скафандрах, стоящая до этого в растерянности — они не могли разобрать, что за машина догнала их: слишком ярко били в глаза фары, — тут же рассыпалась по кустам. Только шофер присел за капот грузовика, и ноги его были хорошо видны Павлышу.

— Приказываю немедленно выйти из укрытия и бросить оружие, — продолжал Павлыш. — Сопротивление бесполезно!

В ответ автоматная очередь простучала пулями по прозрачному куполу вездехода.

— Не пробьют? — спросил Малыш.

— Не думаю, — ответил доктор. — Если у них нет гранат...

Затрещали очереди из-за камней вокруг вездехода. С той стороны начался на высокой ноте и оборвался крик.

Павлыш развернул лазерную установку и дал лучом по задним колесам грузовика. Грузовик осел на дорогу, и над ним поднялась туча светлого, видного в ночи дыма. Шофер выскочил из своего укрытия и метнулся к скалам. Сухой пистолетный выстрел оборвал его бег. Механик сводил счеты.

— По крайней мере, мы их задержали, — сказал Павлыш. — До корабля они не доберутся.

Он еще раз нажал на гашетку и превратил грузовик в пылающую кучу металла и дерева.

В свете пламени за одним из камней блеснул шлем.

— Сдавайтесь! — еще раз крикнул Павлыш.

Снова треснул пистолетный выстрел. Шлем за камнем исчез. Автоматы Христо и Девкали молчали.

— Не стрелять! — приказал Павлыш. Он опасался, что механик не сможет удержаться, видя перед собой цель.

Человек в скафандре поднялся во весь рост, держа над головой автомат, и осторожно вышел на освещенную фарами дорогу. Как будто выжидавшие, что будет с их товарищем, остальные солдаты тоже покинули укрытия. Они воевали не потому, что хотели этого, — они боялись смерти. И если бы Вапрас подслушал их тихие разговоры на деревянных койках подземной казармы, он бы всерьез усомнился, стоит ли начинать войну.

Автоматы звонко брякнули о камни дороги. Девкали поднялся из-за своего укрытия и пошел по дороге к сбившимся в кучку солдатам. Райков стоял на месте, прикрывая его на всякий случай, если солдаты замыслили военную хитрость. Он знал о военных хитростях только из книг.

Неожиданно из-за камня блеснул огонь. Автоматная очередь. Девкали схватился за бок и медленно осел на землю. Быстрее всех отреагировали солдаты. Они расхватали брошенные автоматы и засыпали пулями Бессмертного, укрывшегося за камнем и ведшего свою личную войну с Девкали. Солдаты хотели жить. Они хотели показать, что полностью и безоговорочно перешли на сторону новой власти...

Тело Бессмертного, прошитое чуть ли не сотней пуль, брать с собой не стали. В вездеход уложили раненого Девкали — его удалось кое-как перевязать.

Солдаты шли впереди ползущего вездехода. Их охраняли, хотя всем уже было ясно, что это лишнее. Павлыш вел вездеход.

Процессия медленно спускалась на равнину, к близкому уже диску «Сегежи» и освещенному букетами ламп куполу.

5

Генерал долго не отходил от рации. Он еще стоял над ней, когда вернулся Загребин после тяжелого разговора с Аро, который считал, что следует согласиться на требования генерала, однако, улетая, взять с собой тех из жителей Муны, которые не захотят оставаться здесь. Аро был уверен, что генералы, такие агрессивные сейчас, вскоре растворятся в новом обществе и их присутствие под куполом ничего не изменит. Тем более ведь оставался риск, что генералы все-таки осуществят свою угрозу и запустят ракеты в Манве, погубив поселение и корабль.

Загребин не мог бы даже объяснить, что руководит им, одна-

ко он лучше знал генералов, чем мудрый Аро: генералы были сравнительно недавним прошлым Земли.

Загребин прошел на свое место за столом и сел.

— Чего он? — спросил капитан тихо у Бакова.

— Инструкции получает.

— На мостике все спокойно?

— Да, я сейчас связывался с Кудараускасом.

— Геннадий Сергеевич, скорее поднимитесь ко мне, — произнес в этот момент динамик голосом Зенонаса.

— Ну вот, все-таки что-то случилось.

— Взгляните, — сказал Кудараускас вбежавшему на мостик капитану.

На большом экране был виден купол, в нескольких десятках метров от него стояла толпа, окружив два тела, лежащие на земле. Сноп прожектора, падавший на них сверху, освещал мокрые от дождя напряженные лица.

— Ранмакан разрезал кабель сигнальной сети. Ренци увидел и выбежал без скафандра наружу, чтобы остановить его. Ранмакан убил Ренци. Я заметил, что происходит, только когда услышал по внешней связи выстрелы.

Корона Аро, стоявший у экрана, проговорил:

— Если Ранмакан сделал это — а он трус, — значит, ждал, что кто-то постарается проникнуть к нам снаружи.

— И генералы врали, — добавил Загребин специально для Аро.

Тот прикрыл несколько глаз и произнес:

— Возможно.

— Скажи Вас, — обернулся капитан к Кудараускасу, — чтобы вышел в купол. И пусть захватит антирадиационные средства. Передай: несколько человек оказались снаружи без скафандров. Корона Вас, наверно, в буфетной. Или в лаборатории. И приготовь большой лазер.

Кудараускас обернулся к переговорному устройству, и капитан собрался было уходить, но Аро остановил его:

— Прислушайтесь.

В динамике внешней связи глухо звучали голоса стоящих вокруг Ранмакана и Ренци людей. Потом к этим голосам примешался далекий треск. Будто радиопомехи.

— Что бы это могло быть? — спросил Аро.

Услышали треск и люди снаружи. Они обернулись к холмам, нависшим над городом.

— Странно, — сказал капитан. — Мне это не нравится. Включи-ка внутреннюю связь. Включил? Баков? Что делает ваш генерал? Говорит еще? Сколько можно! Спроси его: скоро начнем заседание?

Баков известил после короткой паузы:

— Сейчас вбежал солдат, который оставался снаружи, и что-то говорит генералу. Там у вас все в порядке?

— Почти все. Потом расскажу.

Генерал наконец соблаговолил сесть за стол.

— Продолжим переговоры, — предложил он. — К какому вы пришли решению?

В кают-компанию вбежал солдат. Второй из тех, что оставались под присмотром Бауэра снаружи. Он нагнулся к уху генерала и прошептал что-то.

— Как? — переспросил генерал. — Идиоты! С зажженными фарами!

Ожил динамик внутренней связи.

— Капитан, — доложил Кудараускас, — с холмов спускаются люди. За ними идет наш вездеход. Что делать?

— Вездеход оставался в Горном саду, — напомнил Баков.

Генерал встал и вынул из кармана пистолет.

— Вы арестованы, — бросил он.

И отступил на шаг, чтобы радист, также извлекший пистолет, прикрывал его сзади. Тот солдат, что шептал генералу на ухо, отскочил к двери. В руках его был автомат. Только офицер-отрядник остался сидеть за столом. Он улыбался и делал вид, что он совершенно ни при чем.

— К кораблю приближаются наши войска, — продолжал генерал. — Сдавайтесь. А то я стреляю. Вы передаете нам корабль и переходите в подземелье.

— Когда я тебе скажу, вырубишь свет, — сказал по-английски капитан. Он знал, что Кудараускас слышит каждое слово. Капитан закурил и пустил струю дыма в сторону опешившего от такого зрелища генерала.

Кудараускас тем временем наблюдал, как разбегались и падали на землю мужчины, окружившие Ренци и Ранмакана.

Вездеход был отлично виден, он уже подошел к испорченной сигнальной линии. Выглядел отряд странно. Впереди шагал с автоматом в руках Христо Райков. Христо был без шлема и скафандра и прикрывал свободной рукой голову. За ним шествовали незнакомые люди в скафандрах с поднятыми вверх руками. Сзади еще один — хромой, в защитном костюме. У него в руке был пистолет. Направив луч света на купол вездехода, Зенонас увидел за рулем Павлыша. Доктор помахал Кудараускасу рукой. Зенонас снял палец с кнопки лазера.

«Кажется, мы все-таки победили, — подумал Кудараускас. — Осталась еще проблема с кают-компанией. Но тут можно что-то придумать».

Кудараускас отключил звук кают-компании, оставив остальные помещения.

— Бауэр, Эмилия Кареновна, Кирочка, переговоры у нас временно прерваны — опять идет война. Незаметно впустите в корабль экипаж вездехода.

Защитники купола уже разглядели, в чем дело: они бежали навстречу вездеходу, и Райков кричал им что-то, размахивая автоматом. Пленные солдаты сжались в кучку при виде орущей толпы, но после нескольких слов человека, который шел сзади, успокоились. Мужчины из купола раскрыли крышку вездехода и вынесли оттуда Девкали. Другие помогли выбраться Малышу. Остальные вооружились автоматами и побежали к кораблю. Они слышали слова Кудараускаса.

Павлыш взобрался в тамбур и сказал Глебу:

— У нас рация не работала. Эти бандиты ее поломали, еще когда Антипина вытаскивали. Но до ходовой части не добрались.

В дверях тамбура стояла толпа автоматчиков.

— Куда идти? — спросил один из лигонцев.

— Сейчас Кудараускас скажет, — ответил Павлыш. — Кудараускас в курсе дела.

Кудараускас и в самом деле был в курсе дела. Он включил кают-компанию и сообщил капитану по-английски:

— Здесь все в порядке. Они у нас в руках. Не озлобляйте этих. Через минуту все кончится.

— Свет вырубать не нужно будет?

— Обойдемся, Геннадий Сергеевич, — заверил Кудараускас. Он знал, что Павлыш и его спутники уже у дверей.

Генерал с пистолетом в руке прислушался к приближающимся шагам за дверью. Он кивнул солдату:

— Скажи им, чтобы вошли.

Солдат открыл дверь и выглянул в коридор.

— Входите.

Чьи-то сильные руки рванули солдата в коридор, он исчез, и на его месте в широко распахнувшихся дверях показались Павлыш с Бауэром. За их спинами стояли другие люди. Павлыш уверенно, будто никогда в жизни не расставался с ним, держал автомат.

— Сдайте оружие, генерал! — приказал он.

За спиной генерала звякнул пистолет солдата. Тот бросил его в то же мгновение, когда Павлыш открыл рот.

Генерал обернулся. Пистолет дрогнул в его руке. Он зажмурился и выстрелил себе в голову.

6

Антипин попытался пошевелиться. В камере было темно. Темно и в коридоре. Правда, в коридор откуда-то попадает слабый свет, потому что видно, что дверь в камеру приоткрыта. Антипин попробовал шевельнуть ногами. Ноги тоже были связаны. Антипин вытолкнул языком кляп изо рта — солдат заткнул ему рот кое-как. Плоская ножка солдатской койки была совсем рядом. Антипин подполз к ней и стал пилить веревку об острый металл. Солдат связал его профессионально. Непрофессиональной была только веревка. Она подгнила, а другой не было. Через несколько минут она лопнула. Антипин сел и долго растирал онемевшие руки. В подземелье было тихо. «Странно, — подумал он, — что дверь оставили открытой». Антипину казалось, что, когда он был без сознания, кто-то звал его, за дверью стучали шаги, но это могло быть плодом воображения. Антипину хотелось, чтобы его звали и искали. В подземелье было даже глуше, чем обычно. Казалось, что все ушли оттуда навсегда. Антипин развязал ноги. Но сразу встать не смог. Ноги отказывались держать его.

Наконец Антипин выбрался в коридор. Свет в коридоре не горел, и лишь сзади, из бокового прохода, пробивался слабый луч.

Туда Антипин и поплелся, опираясь на стену. Он был настолько измучен и избит, что шел не таясь, не слыша собственных шагов и не заботясь о том, услышит ли его кто-нибудь. Саднила шишка на голове — солдат основательно ударил его автоматом, кровь на лице ссохлась сухой коркой и стянула кожу.

Антипин свернул в освещенный коридор, не зная еще, куда идти, кого искать. Снежина уехала, но остальные? Где остальные? Он чувствовал, что подземелье пусто, что никого в нем не осталось. Но чувствам не всегда можно верить, особенно если с тобой грубо обращались и били по голове. «Теперь меня ребята не узнают», — Антипин хотел улыбнуться, но улыбки не получилось.

Перед одной из дверей Антипин остановился. Из-за нее доносился голос. Сухой, знакомый голос Вапраса. «Сейчас все узнаем... Только надо казаться сильным...» Он нажал плечом на дверь, и та легко открылась.

Вапрас, кричавший что-то в телефонную трубку, обернулся при скрипе двери. В руке у него был пистолет.

— Кто там?

«Ну, у Вапраса вид похуже моего, — подумал Антипин. — Вот-вот помрет».

— Это всего-навсего я, — ответил Антипин. — А вы ждете, когда за вами придут?

— Бессмертный! — кричал в трубку Вапрас. — Бессмертный!

Он бросил трубку. Сунул в рот комок жвачки. Взял со стола отобранную у Кори коробочку лингвиста и гостеприимно указал рукой на кресло, делая над собой усилие и на минуту превращаясь снова в прежнего генерала.

— Садитесь. Значит, вас забыли?

— Кто забыл?

— Ваши, когда бежали отсюда. Ну ничего, здесь вы будете в надежных руках. У ваших все равно нет скафандров. Они умрут, пока доберутся до корабля. Да и к тому же будет поздно.

— Почему? — полюбопытствовал Антипин. То, что Павлыш и остальные убежали, было хорошей новостью.

— Да потому, что сейчас мой отряд подходит к «Сегеже». И на ее борту находятся мои люди. С минуты на минуту «Сегежа» перестанет быть вашей. Она станет моей. Моей!

— Значит, пока еще не стала? — спросил Антипин.

— Погодите.

Загорелась лампочка вызова на рации.

— Кто говорит? Бессмертный? Что?

Антипину был слышен голос в рации. Это был очень знакомый ему голос Павлыша.

— Вапрас, — говорил Павлыш, — генерал ваш только что кончил жизнь самоубийством. Отряд в плену у нас. Какие будут дальнейшие указания?

— Кончайте безобразие! — возмутился Вапрас. — Дайте трубку кому-нибудь из моих людей!

Вапрас говорил с офицером-отрядником, кричал что-то, угрожал, потом бросил трубку на стол и обхватил голову худыми жилистыми руками. Трубка еще продолжала говорить, увещевать Вапраса. Вапрас поднял голову. Он был уже спокоен безразличным спокойствием мертвеца. Осторожно положил трубку на рычаг. И тут заметил Антипина.

— Ну и что? — спросил тот.

— Они предлагают мне сдаться. Они сейчас выезжают сюда, чтобы забрать вас и меня. И больных солдат в госпитале.

— Ну что ж, надо сдаться, — ответил Антипин. — Я вас обижать не буду и обещаю забыть, как вы умеете драться.

— Я бы на вашем месте не шутил. Ваши предложения неприемлемы. Я хочу показать вам кое-что. Вы можете идти?

— Могу.

— Жаль совершать последнее дело в жизни без свидетелей.

А вы удобный свидетель, который умрет вместе со мной, — сказал Вапрас, когда они шли по коридору.

— Тогда вам придется долго жить.

— Да, кстати, не подумайте, что можете со мной справиться. У меня пистолет, а у вас его нет. Еще час назад я был господином этой планеты. Я надеюсь и умереть им. Я не собираюсь принимать, как собака, пищу из рук доброго хозяина. Надеюсь, после того, что мы с вами сейчас сделаем, на нашу тихую мертвую планету больше не будут прилетать милостивые пришельцы.

Вапрас включил дрезину и даже помог Антипину взобраться на нее.

— Приходится вести дрезину самому, — сказал Вапрас, — последний здоровый простолюдин удрал вместе с вашими. Мне надо было догадаться, что он может на это пойти. Откровенно говоря, я наделал массу ошибок. Мне, конечно, следовало бы договориться с вами. А уж потом, когда вы улетите...

Дрезина завернула в боковой туннель, такой же высокий, как и главный, и через несколько сот метров остановилась перед очередной стальной дверью.

Вапрас соскочил с дрезины и подошел к пульту у дверей. Двери медленно раздвинулись.

За ними обнаружился обширный зал с длинным низким пультом у одной из стен. Посреди зала стояли три ракеты, до половины погруженные в колодцы.

— Как видите, — тоном любезного хозяина говорил Вапрас, — здесь у нас сохранились три тактические ракеты с атомными зарядами. Ну и, кроме того, чтобы уж вы все знали, в крайнем закрытом колодце лежат две запасные боеголовки, то есть две атомные бомбы. И все это хозяйство можно оживить немедленно. Следуйте за мной. Вот телефон. Сейчас мы позвоним на корабль и честно предупредим, что жить осталось им совсем немного. Вам плохо? Да, вы очень ослабли. Ничего, через несколько минут это не будет играть для вас ровным счетом никакой роли. Мы с вами останемся единственными, не считая больных, людьми на этой планете. И тогда вся наша аптека к вашим услугам. Вы научитесь жевать жвачку...

Генерал Вапрас поднял трубку телефона и вызвал «Сегежу». Ему доставляло удовольствие глядеть в это время на Антипина. Когда тот хотел подойти поближе, Вапрас почти игриво погрозил ему пистолетом: сиди, мол.

— «Сегежа»? — спросил Вапрас. — Говорит хозяин Муны, генерал Вапрас. Соедините меня с капитаном...

Вот видите, как хорошо, — обернулся Вапрас к Антипину. — Они даже не отключили рацию. Они хотят со мной договориться.

Они боятся меня... Капитан Загребин? Я не имею чести знать вас лично, но я хочу вас предупредить, что через минуту, а может, две, а может, пять — как мне захочется, — я выпущу в вас ракету с атомной начинкой. Нет, зачем же разговаривать? Уже все ясно. Я проиграл последнюю войну. Вы ее выиграли. И я хочу взять реванш. Нет, поздно. У меня тут сидит ваш друг Антипин, но я его к телефону не подпущу: телефон стоит на пульте, и Антипин может мне помешать. Хотя он и не в таком состоянии, чтобы быть серьезной помехой. Ну, прощайте, до встречи на том свете. Я к вам присоединюсь через несколько лет. У нас под землей плохой климат.

Вапрас повесил трубку, не обращая внимания на тут же загоревшийся огонек вызова.

— Я даже разрешу вам подойти поближе, — сказал Вапрас. — Мне хочется, чтобы вы наблюдали за процессом запуска ракет. У вас на Земле это происходило несколько иначе. И давно. Смотрите! Нет, ближе не надо. Оттуда вам все хорошо видно. Курс на Манве мне известен. Он рассчитан заранее. Эта таблица позволит мне навести ракету с предельной точностью не только на Манве, но именно на купол и корабль. Что мы и делаем.

Вапрас, краем глаза следя за Антипиным, начал набирать комбинацию кнопок на пульте.

Антипин рассчитывал, сможет ли он достать Вапраса в один прыжок. Нет, придется сделать еще один шаг.

— Надо нажать три последовательные кнопки. Кнопка первая — готовность базы. Ну, база готова...

Антипин поднял ногу для шага. Вапрас не заметил. Он был увлечен войной, своей личной, собственной войной. Антипин опустил ногу.

— Теперь вторая кнопка, — продолжал Вапрас. — Ракета готова к пуску, отодвигается крышка...

Вапрас нажал кнопку и поднял на секунду голову, чтобы проверить, отодвигается ли крышка в самом деле. Громадная каменная плита отъехала в сторону, и легкий дождь заморосил по пыльному пульту.

— Теперь третья...

Но Вапрас не успел нажать на третью кнопку. Антипин прыгнул головой вперед, руками оторвал Вапраса от пульта и упал вместе с ним на пол. Вапрас пытался вырваться, но пистолет отлетел в сторону, когда Антипин сшиб генерала, а без пистолета Вапрас был не противником даже для израненного и избитого Антипина. Антипин отодрал от себя ослабевшие руки генерала, оттолкнул его ногой подальше от пульта и нажал зеленую кнопку

под второй красной. Логика механика не обманула его. Каменная крышка медленно вернулась на свое место.

— Ну, что будем делать, генерал? — спросил Антипин и подумал: «Черт возьми, опять кровь из щеки идет. Еще шрам останется». И добавил вслух почти весело: — Я обид не помню.

Вапрас приподнялся с пола, оперся о пульт, достаточно далеко от Антипина, так что тот не заподозрил ничего неладного.

— Мы будем еще воевать, — сказал генерал и нажал красную кнопку на дальнем конце пульта. Кнопку, которая должна была детонировать атомные бомбы.

И вспыхнул ответ...

7

Когда трубка замолчала и сухой торжествующий голос Вапраса растворился в воздухе, капитан сказал солдату-радисту:

— Соедините меня с ним снова. — И без перерыва, той же фразой закончил: — Немедленно начать эвакуацию купола! Все на корабль. Подъем через пять минут. Приготовиться!

Тут же капитан оказался на мостике.

Этой минуты ждали и боялись все. И солдаты Вапраса, знавшие о ракетах, и жители купола, и члены экипажа. За те минуты, что прошли между подавлением «мятежа генералов» и разговором с Вапрасом, жители купола уже подошли поближе к кораблю, Лещук загнал и поставил на место катер и вездеход, а Кирочка проверила и перевела в готовность «один» планетарные двигатели.

И все-таки в пять минут уложиться не успели. Стараясь не толкаться, но толкаясь, люди еще лезли в люк, и Бауэр подсаживал их, помогая пройти дальше, где тетя Миля и Снежина вели женщин в кают-компанию и рассаживали в креслах, чтобы легче перенести момент отрыва; еще стояла на земле слишком медленно таявшая очередь мужчин, которые боялись, что их оставят на планете, оставят погибать под последними ракетами, как в стороне от базы вспыхнул яркий свет.

Кто-то закричал, и крик этот подхватили женщины, и дети, и мужчины... Люди снова пережили свою смерть. Яркое пятно разрослось в невыносимо светлый шар, и, темнея, шар начал расти в небо черным, таким знакомым всем жителям Муны грибом.

И над паникой и криком людей, ожидающих смерти, раздался голос капитана Загребина.

— Тревога отменяется, — говорил он. — Все могут возвращаться к своим делам. Повторяю, тревога отменяется.

И люди, только что рвавшиеся в спасательные двери тамбура,

останавливались и прислушивались к нарастающему грохоту далекого взрыва...

— Там был Антипин, — сказала Снежина. — Там был Ваня Антипин. Сам Вапрас говорил об этом. Антипин успел помешать.

Но как бы то ни было, когда потом, уже на Земле, тетя Миля рассказывала кому-нибудь о путешествии на планету Муна, она говорила: «И вот наш Ваня Антипин — пока тот, генерал, направлял в нас ракету — успел нажать на другую кнопку. Сам взорвался и генерала взорвал».

Это не совсем соответствовало правде, но мало чем от нее отличалось.

8

...Когда «Сегежа», улетая, сделала круг над еще мертвой планетой, все собрались на мостике, глядя, как по экрану проплывают точки куполов. Куполов было уже два. На Муну наконец пришло лето, дождей стало меньше, и кое-где виднелись зеленые пятна травы. Она пробивалась сквозь камни и плесень.

Рядом с куполами можно было различить маленький диск корабля Галактического центра. Корабль привез новое оборудование, продукты и еще один аппарат для Вас. Вас остался на Муне. Еще на год. Он с удовольствием согласился на это, потому что любил свою работу.

Потом планета заволоклась тучами — под кораблем шел океан.

Понемногу все покинули мостик. Малыш спустился в буфетную к тете Миле. Он еще хромал, ходил с палочкой, но аппетит у него был зверский.

В буфетной сидел патриций. Он летел на Землю как представитель Муны. Он уже за две недели до отлета начал бомбардировать капитана и Пирру прошениями в письменной форме, и они сдались перед лавиной бумаг. Патриций задумчиво глядел на портрет Вас, висевший над столом, и рассуждал о многообразии природы. Тетя Миля внимательно слушала его. Она уже выплакалась, прощаясь с друзьями в куполах, и обещала вернуться к ним. Теперь она с удовольствием слушала рассуждения умного человека.

— Тетя Миля, не помешал? — спросил Малыш.

— Здравствуйте, — сказал патриций, который уже раза два или три здоровался с Малышом. — Мне говорили, что доктор Павлыш выпускает стенную газету? Это правда?

— Доктор Павлыш в настоящее время не выпускает стенную

газету, а в тысячный раз в завуалированной форме объясняется в любви Снежине Пановой. Вы можете это проверить, соединившись с ее каютой по внутренней связи. Но соединяться не советую. Павлыш очень сильный и вспыльчивый человек.

— О да, я знаю! — искренне воскликнул патриций. — Он же разгромил отряд Бессмертного. Это войдет в историю. Я ее пишу.

— Не забудьте про меня, я тоже громил отряд Бессмертного — в основном в качестве наблюдателя.

— Ни одно имя не будет забыто, — заверил его патриций.

— Кстати, был тут один, писал историю...

— Вы не знаете, где первая часть мемуаров Ранмакана? Они представляют историческую ценность.

— У Кудараускаса.

— Не могу я согласиться, до сих пор не согласна, — вмешалась в разговор тетя Миля. — Ну почему его не оживили? Я понимаю — Бессмертный, генерал...

— А чем Ранмакан лучше их?

— Слабый он был человек, неуверенный. А так в нем и хорошее было.

— А я тоже голосовал за то, чтобы не оживлять Ранмакана, — сказал патриций. — Я понимаю, это жестоко — убивать людей. Вернее, лишать их права на жизнь, даже если они это право потеряли, умерев. То есть умерли и этим лишились... Другими словами, после насильственной смерти, вызванной...

Патриций замолчал, стараясь привести в порядок мысли.

— Понятно, чего уж там, — заключил Малыш. — Ранмакан — не Феникс. То — птица благородная.

— Феникс?

— Мифологическая птица. Она возрождается в огне.

— Да-да. Возрождается. И Ранмакана мы бы возродили. И этим предали бы память о профессоре Кори и о механике Антипине. Ведь смерть для них окончательна. Ни одной клетки, ни одной капли крови от них не осталось.

— Ваше дело, — сказала тетя Миля. — Но, по-моему, каждого человека перевоспитать можно.

— Это на планете корон можно, — не согласился Малыш. — И у нас, на Земле, скоро можно будет. Здесь еще нельзя. Здесь людям еще хочется найти себе хозяина, здесь слишком много значит понятие силы — прошлое так близко, что, впусти его палец в щель, оно войдет и усядется посреди комнаты. А рядом с силой присядет и предательство — слабость, которая ради того, чтобы примазаться к силе, готова топтать ногами еще более слабых. Ранмакан опаснее генералов. Генералы видны издали — они откровенны. Ты сразу знаешь, чего от таких ждать, а Ранмакан

играл со мной в шашки и в нарды. И заведовал мастерской. И был один из нас... Что-то я разговорился.

— Ну, собирайтесь, молодые люди, — напомнила тетя Миля. — Сейчас объявят о готовности. Большой прыжок.

— Всем членам экипажа. Начинается первый разгон, — сказал капитан Загребин по внутренней связи. — Разгон начнется через сорок четыре минуты. Перегрузки — три-четыре g. Пассажиров просят занять амортизационные ванны. После окончания разгона — ужин. В кают-компании начнется розыгрыш первенства «Сегежи» по шахматам.

Динамик щелкнул и отключился.

ЗАКОН ДЛЯ ДРАКОНА

...Вся Африка наполнена слонами, львами, барсами, верблюдами, обезьянами, змиями, драконами, страусами, казуриями и многими другими лютыми зверями, которые не только проезжим, но и жителям самим наскучили.

Иван Стафенгенден. «География», С.-Петербург, 1753 год

1

Павлыш проснулся за десять секунд до того, как по внутренней связи его вызвали на мостик. Проснулся, потому что работали вспомогательные двигатели. Если не жить долгие месяцы внутри громадного волчка, который стремительно ввинчивается в пустоту, почти неуловимый гул вспомогательных двигателей не вызовет тревоги. Но еще не зная, что произошло, Павлыш сел на койке и, не открывая глаз, прислушался. А через десять секунд щелкнул динамик, и голос капитана произнес:

— Павлыш, поднимитесь ко мне.

Капитан сказал это сухо, быстро, словно был занят чем-то совсем иным, когда рука протянулась к кнопке вызова. Капитан оторвался от своих дел ровно на столько, чтобы сказать четыре слова.

Снова щелчок. Тихо. Лишь настырно, тревожно, как еле слышная пожарная сирена, гудят вспомогательные двигатели — корабль меняет курс.

В штурманском углу мостика горел свет. Глеб Бауэр рассматривал на экране звездный атлас. Капитан стоял у пульта и курил, слушая по связи старшего механика. Потом ответил:

— Надо сделать так, чтобы хватило. Мы не можем задерживаться.

— Привет, доктор, — сказал Глеб.

Павлыш увидел на экране перед Бауэром объемный снимок планеты. Сквозь завихрения циклонов проглядывали зеленые и голубые пятна.

— Что случилось? — спросил он тихо, чтобы не отвлекать капитана.

— Берем больного. Срочный вызов, — ответил Бауэр.

Капитан набирал на пульте данные, которые передали механики.

— Должно получиться, — решил он наконец.

Он отошел от пульта и показал Павлышу на потертое «капи-

танское» кресло, в котором сам никогда не сидел, но как хозяин непременно предлагал посетителям. «Попасть в кресло» означало серьезный и не всегда приятный разговор.

— Садитесь и прочтите, что мы от них получили. Немного, правда, но вы поймете.

Павлыш уселся в кресло и повернулся к экрану, где возникли голубые буквы гравиграмм.

«БАЗА-14 КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ «СЕГЕЖА». СРОЧНО. СТАНЦИЯ НА КЛЕРЕНЕ ЗАПРАШИВАЕТ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ. КРОМЕ ВАС, В СЕКТОРЕ НИКОГО НЕТ. СООБЩИТЕ ВОЗМОЖНОСТИ».

Вторая гравиграмма:

«БАЗА-14 КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ «СЕГЕЖА». СРОЧНО. ВАШ ЗАПРОС СООБЩАЕМ. СВЯЗЬ С КЛЕРЕНОЙ НЕУСТОЙЧИВА. ПОДРОБНОСТИ НЕИЗВЕСТНЫ. ДАЕМ ПОЗЫВНЫЕ СТАНЦИИ. ЕСЛИ НЕ СМОЖЕТЕ ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ СВОИМИ СИЛАМИ, ИНФОРМИРУЙТЕ БАЗУ».

Третьей шла гравиграмма с Клерены.

«РАДЫ, ЧТО ВЫШЛИ НА СВЯЗЬ. ЕСТЬ ПОСТРАДАВШИЕ. ВРАЧ ТЯЖЕЛОМ СОСТОЯНИИ. ЖЕЛАТЕЛЬНА ЭВАКУАЦИЯ. НА СТАНЦИИ СПАСАТЕЛЬНЫЙ КАТЕР. МОЖЕМ ВСТРЕТИТЬ ОРБИТЕ».

В следующей гравиграмме Клерена сообщала данные для корабля о месте и времени встречи, затем возник текст, имевший прямое отношение к Павлышу:

«...ВАШ ЗАПРОС СОСТОЯНИИ ОСТАЛЬНЫХ ПОСТРАДАВШИХ СООБЩАЕМ: СПРАВИМСЯ СВОИМИ СИЛАМИ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИСЛАТЬ ВРАЧА ПРИНИМАЕМ БЛАГОДАРНОСТЬЮ. РАБОТАЕМ СЛОЖНОЙ ОБСТАНОВКЕ. ДОКЛАД ПРИШЛЕМ КАТЕРОМ».

Капитан увидел, что Павлыш дочитывает последнюю гравиграмму.

— Извини, — сказал он, — что не разбудил сразу. Решили, что не откажешься. Подарили полчаса сна — царский подарок.

Павлыш кивнул.

— Но, впрочем, отказаться не поздно...

— Если сомневаешься, — вмешался Бауэр, — я с удовольствием тебя заменю. Я даже больше похож на доктора. Для этой роли ты выглядишь слишком легкомысленно.

— Когда рандеву с катером? — спросил Павлыш.

— Сегодня вечером. В двадцать двадцать.

— А характер ранений доктора... и что там за сложности?

— Через полчаса снова выйдем на связь. Милош справится здесь без тебя?

— Он летом проходил переподготовку. К тому же у нас хорошая аппаратура и связь с базой — всегда можно получить консультацию.

— Я так и думал, — сказал капитан с облегчением.

— Сколько я там пробуду? — спросил Павлыш.

— Месяца два, — предположил капитан. — Если будет плохо, придется сворачивать станцию.

2

Как только сообщили, что катер поднялся с планеты, Павлыш поспешил к переходнику. На то, чтобы выгрузить раненого и взять Павлыша, было отведено шесть минут. Бауэр шел сзади, катил контейнер с медикаментами и вещами, нужными на станции, и вслух завидовал. Следом вышагивал Милош и повторял, как урок: «Второй ящик слева, в правом углу...» Он не столько опасался, что забыл, как лечить, страшнее забыть, где что лежит.

— Он тебе поможет, если что, — успокоил Павлыш, не оборачиваясь.

— Кто?

— Твой пациент. Он же медик.

...Когда люк отошел в сторону и два человека в потертых, голубых когда-то комбинезонах вкатили носилки, Павлыш с первого взгляда понял, что этот пациент еще не скоро начнет подсказывать Милошу, как его лечить.

В белой массе бинтов была широкая щель — глаза — и узкая — рот. Глаза были открыты и застыли, будто в испуге. Павлыш провел над ними ладонью — показалось, что человек мертв. Но веки среди бинтов дрогнули, человек заметил жест Павлыша.

— Ничего, — произнес он тихо, — ничего...

Капитан наблюдал эту сцену с мостика, по телесвязи. Он понял, что Павлышу трудно ступить в проход к катеру и оставить больного...

— Иди, Слава, — велел капитан. — Если надо, вызовем базу.

Носилки стояли в проходе. Люди, вкатившие их, ждали.

— Там... — начал доктор с Клерены. Он был в сознании, но говорить ему было больно, а удерживаться в сознании невероятно трудно. Он будто цеплялся за край действительности, висел на нем, держась кончиками пальцев, хотел сказать что-то важное...

— Пошли, — поторопил один из людей с планеты. Он был очень велик ростом. — А то не успеем.

— Тут письмо. — Второй человек, пониже и, видно, очень ху-

дой — комбинезон на нем висел, — протянул Милошу большой синий конверт. — Мы только это успели подготовить. Здесь отчет и данные наблюдений.

Милош взял конверт, но вряд ли сообразил, что делает. Бауэр отобрал конверт у него.

Павлыш положил руку на плечо Милошу.

— Приступай, — сказал он.

Раненый был без сознания.

3

«Наверно, эти люди сильно устали, — размышлял Павлыш. — Или я им не понравился». Катер вошел в высокие облака. Громоздкий человек управлял машиной. Он был сказочно грязен. И хоть второй человек, худой, тоже был сказочно грязен, все-таки, если устраивать между ними соревнование, выиграл бы пилот. Павлыш подумал, что не иначе как у пилота на планете есть коварный враг, который утром окунул его в болото. А может быть, у них нет воды и притом разбились все зеркала.

Словно догадавшись, о чем размышляет новый доктор, пилот обернулся.

— Дикое зрелище, правда? — Голубые глаза на буром лице казались фарфоровыми.

Павлыш не посмел оспаривать его мнение.

— Мы не познакомились. Я Джим, — представился громоздкий пилот.

— Лескин, — отозвался другой. Он полулежал в кресле, закрыв глаза.

— Владислав Павлыш, Слава. — И тут же Павлыш подумал, что поспешил приглашать собеседников к интимности в общении.

— Доктор Павлыш, — произнес Лескин. — Что ж, очень приятно.

— Что с больными? — спросил Павлыш.

— Разное, — ответил пилот Джим. Лескин снова закрыл глаза. — У Леопольда сломана нога. У Татьяны-большой лихорадка. У остальных — что придется. На вкус, на цвет товарища нет.

— А у вас? — сразу перешел к делу Павлыш.

— У меня? — Пилот в затруднении повернулся к Лескину, но поддержки не получил. Тогда он опустил штурвал и закатал выше локтя рукав. Там обнаружился глубокий, еще не заживший шрам, словно по руке ударили топором. — А лихорадкой я уже два раза болел, — поспешил он успокоить Павлыша.

— Джим, не запугивай доктора, — сказал Лескин. Голос у него был высокий и чуть капризный.

— Как спустимся, я вами займусь, — пообещал Павлыш. — Через два дня и следов не останется.

При этих словах Лескин окончательно проснулся и проговорил назидательно:

— Вы нетактичны, молодой человек. Стрешний — замечательный врач.

— Я не хотел поставить под сомнение...

— А я повторяю, что Стрешний — отличный врач и делал все, что было в человеческих силах. Вы же, не зная наших условий...

Павлыш хотел было огрызнуться, потому что считал себя тоже неплохим врачом, но сдержался. Лескин, вернее всего, ревновал. Стрешний был его другом. А Павлыш выступал в роли безусого лейтенанта, которого прислали во взвод, где вчера ранили любимого командира.

У Лескина было длинное мятое лицо с мягким, обвислым носом, но большего никак не разберешь: лицо разрисовано грязью, словно у индейца, вышедшего на тропу войны.

— Рация у нас слабенькая, — провел отвлекающий маневр пилот Джим, который явно был человеком миролюбивым, что вообще свойственно гигантам. — Экспедиционная, второй вариант. Мы уж так обрадовались, что вы к нам идете. Очень боялись, что доктор не выдержит. А этот юноша вместо вас — толковый?

— Он третий механик, — объяснил Павлыш. — По второй специальности — хирург.

Павлыш не стал делиться с новыми знакомыми своими сомнениями и тревогами.

4

Катер замер. Кресло снова прижалось к спине. Павлыш нащупал на груди пряжку. Лескин протянул руку в серой перчатке, чтобы помочь. Пилот Джим уже поднялся и опустил штору на пульт.

— С приездом, — произнес он. — К счастью, моросит...

Рядом с ним Павлыш чувствовал себя недомерком.

Лескин подобрал сумку Павлыша.

— Не спешите, — сказал он, — нас встретят.

В дверь постучали. Три раза. Джим пробрался назад, чтобы открыть грузовой люк. Лескин поторопил:

— Не задерживайтесь.

Павлыш шагнул через порожек, и Лескин, поддерживая его под локоть, настойчиво, словно хотел посекретничать, потащил к вездеходу, стоявшему в трех шагах от катера. Люк вездехода был распахнут, перед ним стоял мальчишка, измазанный, как и

остальные, глядел на небо и не обратил на Павлыша никакого внимания. Джим вытаскивал контейнер, Павлыш хотел было ему помочь, но здесь это было не положено — Лескин втолкнул его в вездеход, в обычный экспедиционный вездеход, обжитой, словно дом.

Джим и мальчишка вталкивали в люк громоздкий контейнер, и это было непросто. Они спешили. Лескин уселся у открытого верхнего люка, глядел наружу и молчал.

Когда погрузка окончилась, маленький водитель обернулся к Павлышу и сказал глубоким, красивым голосом:

— Здравствуйте, доктор. Я Татьяна-маленькая.

Павлыш представился, еле удержавшись от желания сообщить, что никогда еще не видел столь грязной женской физиономии.

Татьяна-маленькая уверенно уселась на место водителя и рванула так, что Павлыш чуть было не врезался головой в контейнер. Он подумал, что не успел даже заметить, какая здесь погода. Вездеход подкидывало на ухабах. Они не удосужились сделать дорогу.

5

Вездеход проехал ровную площадку и резко остановился. Свет за иллюминаторами изменился. Стал теплым, желтым.

— Вот и приехали, — обрадовала Татьяна.

Павлыш отметил, что его спутники сразу расслабились, словно напряжение, владевшее ими, исчезло.

— Помогите подхватить контейнер, — сказал Джим. — Обидно будет разбить что-нибудь, когда мы уже приехали домой.

— Там, кстати, селедка, — сообщил Павлыш. — И черный хлеб.

— Селедка, — сладострастно произнес Джим. — Я сам понесу ящик, как скупой рыцарь свой любимый сундучок.

Татьяна открыла люк, и никто не мешал Павлышу выйти первым.

Вездеход стоял в гараже, сооруженном надежно, как крепостной бастион. Двери были закрыты. Гараж освещен ярко, и с первого взгляда видно, что он удобен и даже уютен, как бывают уютны рабочие кабинеты или мастерские, хозяева которых не заботятся о впечатлении на окружающих, а просто живут здесь и трудятся.

Перед вездеходом стояла тонкая женщина с короткими, легкими, вьющимися темными волосами, которые опускались челкой на лоб. У нее было маленькое лицо с острым подбородком и

большими глазами, с губами полными и чуть загнутыми кверху в уголках. Она гляделась принципиальной чистюлей — ни на комбинезоне, ни на лице, ни на узких ладонях не было ни пятнышка грязи. С водой здесь в порядке, отметил Павлыш.

— Доктор Павлыш? — спросила она, но не стала ждать ответа. — Здравствуйте. Меня зовут Нина Равва. Я начальник станции. Вы будете жить в комнате, где раньше жил Стрешний. Отдохните, потом пообедаете с нами.

— Спасибо, — ответил Павлыш, поборов соблазн подчеркнуть, как приятно встретить чистого человека.

Что-то загрохотало по крыше, словно на нее рухнул камнепад. Задрожали лампы. Одна из них лопнула, и посыпались осколки.

Все замерли, ждали. Камнепад продолжался.

— Что это? — спросил Павлыш, но никто не услышал.

— Пошли! — крикнул Джим. — Он теперь не скоро угомонится.

— Сколько раз я говорил, — напомнил Лескин, — чтобы покрасить крышу в зеленый цвет.

— Надо бы... — начала Татьяна-маленькая, но Нина ее перебила:

— И не думай. — Они друг друга отлично понимали.

Павлыш обратил внимание на широкую полосу пластыря на лбу Татьяны и, когда та провожала его до комнаты, предложил ей:

— Если у вас царапина, загляните ко мне, а то загноится.

— У меня почти зажило, — ответила Таня, но Павлыш не поверил.— И вообще, шрам украшает разведчика. Совершенно не понимаю Нину, которая даже челку отпустила, чтобы никто не видел, как ей дракон по лбу полоснул. Хорошо еще, что глаз цел.

Они остановились перед дверью.

— Заходите, — сказала Таня. — Здесь жил Стрешний. Только ничего не перекладывайте на столе. Доктор вам этого не простит. Он аккуратный.

6

— Обед через полчаса, — известила Татьяна. — Мы проходили мимо столовой. Третья дверь от вас. Запомните?

— Спасибо, а где госпиталь?

— Вам все Нина расскажет. Вы за больных не беспокойтесь. Если бы дело только в них, мы бы вас не звали. Будут другие, — закончила она убежденно и тут же переменила тему: — В шкафу

вещи Стрешнего. Вы можете пользоваться. Он не обидится. Там накомарник и так далее.

Татьяна исчезла.

Оставшись один, Павлыш решил переодеться. Он прибыл в синем повседневном мундире Дальней Службы и походил на попугая среди воробьев. Он распаковал сумку, достал мыло, щетку. По раковине суетливо бегали маленькие насекомые, похожие на черных муравьишек. Павлыш смыл их струей воды, умылся, потом подошел к окну. Сквозь решетку был виден склон холма, на вершине которого и стояла станция. По склону, убегавшему вниз, к лесу, рос мелкий кустарник, среди которого поднимались редкие коренастые деревья. А дальше, до горизонта, тянулась скучная серо-зеленая равнина. Далеко, в дымке, можно было разглядеть еще один холм. Километрах в трех по равнине текла река, отражавшая светлые сизые облака, полупрозрачные, пропускавшие солнечный свет, отчего все предметы отбрасывали легкие расплывчатые тени, а сами оставались бесплотными и невесомыми. Площадка перед станцией была пуста, лишь у края ее, над столбом с каким-то прибором, вился рой насекомых.

В келье оставались следы пребывания Стрешнего. На столе лежали книги, разрозненные листки, кассеты. В углу валялся свернутый грязный комбинезон. Но койка была аккуратно застелена.

Среди бумаг на столе лежала толстая книга в зеленом переплете. Павлыш открыл ее. Доктор оказался консерватором. Он не только вел дневник, но вел его от руки. Почерк доктора показался Павлышу легким для чтения, буквы округлые, каждая отдельно.

Глаза помимо воли побежали по первым строчкам: «Мой дневник не может представлять ни научной, ни литературной ценности. Скорее это средство организовать собственные мысли...»

Павлыш захлопнул дневник. Никто ему не давал права читать его.

Тут Павлыш понял, что уже прошло сорок минут. Нехорошо. Все, наверное, собрались в столовой, новый человек на далекой станции — событие, придется отвечать на обязательные вопросы, а ведь далеко не всегда знаешь, что нового в Большом театре и закончена ли шахта на Луне. Павлыш взглянул в зеркало. Доктор должен подавать пример окружающим — подтянут, выбрит, аккуратен. И тут раздался взрыв.

Станция содрогнулась. Кто-то побежал по коридору. И стало тихо.

7

Столовая была пуста. Люди покинули ее в спешке — чистые тарелки стояли на столе, из-под крышки кастрюли поднимался пар, стулья отодвинуты, один из них упал, и никто не удосужился его поднять...

— Ох уж эти тайны, — в сердцах пробурчал Павлыш, ставя стул на место. — Загадки, тайны и летучие голландцы. Сейчас окажется, что я здесь один. Остальные исчезли в неизвестном направлении.

Собственный голос прозвучал неестественно, и Павлыш осекся. Он постоял несколько секунд, прислушался, потом покинул столовую и пошел по коридору к выходу, к гаражу.

Станция была невелика, но казалась обширной из-за множества дверей, закоулков и тупичков, лабораторий, складов и комнатушек неизвестного назначения. Потыкавшись в двери, Павлыш остановился перед дверью побольше других, которая, как ему показалось, вела в гараж. Дверь была закрыта изнутри на основательный самодельный засов. Павлыш с трудом отодвинул его. Ошибка: оказалось, что дверь вела прямо на улицу. В лицо Павлышу пахнуло теплым влажным воздухом, наполненным жужжанием насекомых. Павлыш сделал шаг наружу, и тут его грубо схватили за плечо и рванули назад.

Лескин закрыл засов.

— Вы с ума сошли? — спросил он бесцеремонно.

— Извините, — ответил Павлыш, — я еще не освоился с обычаями.

— Если будете так осваиваться, недолго здесь проживете, — сообщил Лескин.

К удивлению Павлыша, он был умыт и оказался вполне респектабельным человеком лет пятидесяти, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, словно природа использовала для их изготовления не резец, а стамеску.

— В лучшем случае напустили бы полную станцию комаров, — продолжал Лескин. — Перезаразили бы всех лихорадкой. Себя в первую очередь. И не обижайтесь. Привыкнете. Тоже при виде открытой двери будете впадать в ужас. Вы столовую искали?

— Нет, — ответил Павлыш. — Обедающих.

— Обедающие в гараже. Обед задерживается. А я вас искал.

Дверь в гараж оказалась совсем рядом.

— Заходите, — сказал Лескин уже мирно. — Сейчас они вернутся.

Гараж был пуст. Вездеход исчез. Лескин прислушался и поспешил к рубильнику у ворот гаража.

— Не пугайтесь, доктор, — предупредил он.

Павлыш не знал, чего ему следует пугаться, и на всякий случай сделал шаг к стене.

В расступившихся вратах гаража показался тупой лоб вездехода. Вездеход полз медленно, с достоинством, как лесоруб, возвращающийся домой с добрым бревном. Так же торжественно вездеход пересек гараж и замер, уткнувшись в дальнюю стенку. На буксире он приволок громадную серую тушу, с которой свисали два черных лоскута, каждый с парус фрегата.

На фоне белого прямоугольника ворот прыгали две человеческие фигурки. Они вели себя как куклы в театре теней, размахивали ручками, суетились. Нечто большое и темное застило на мгновение свет, и тут же затрещали выстрелы. Кто-то поднял рубильник, дверь закрылась и словно отрезала шум и суматоху.

— Все здесь? — спросила Нина. Лицо ее было закрыто чем-то вроде чадры. Она держала в руке пистолет.

— Все, — ответил Джим, спрыгивая с вездехода. — Я пересчитал.

Татьяна-маленькая подошла к серой туше, поставила на нее ногу.

— Магараджа Хайдерабада и убитый им тигр-людоед. Где фотограф?

— Не паясничай, Татьяна, — сказал Лескин. — Может, он еще живой.

— Ни один тигр не уходил живым от выстрела молодого магараджи, — возразила Татьяна.

Татьяна где-то потеряла пластырь. Весь лоб у нее был в крови. Павлыш отметил это, но в тот же момент ноги поднесли его к чудищу, распластанному на полу. Это оказался дракон. По крайней мере, другого слова Павлыш не смог подобрать. Голова была не меньше метра в длину, поблескивали желтые зубы, стеклянные глаза угрожающе пучились, а черные паруса оказались крыльями.

Так вот кто виновник бед и несчастий, поверженный и побежденный.

— Вот такая птичка-невеличка, — произнес Джим, подходя к Павлышу. — Не приходилось раньше встречать? Размах крыльев — пятнадцать метров.

— Не дай бог, — ответил Павлыш. — Я не стремлюсь к таким знакомствам.

Рядом с Павлышом стоял невысокий лысеющий человек с полным добрым лицом.

— Это он вас преследовал? — спросил Павлыш.

— Преследовал? — Сосед Павлыша мягко улыбнулся. Словно ему понравилось, как звучит это слово. — Преследовал. Как мягко сказано. Будто девушку преследовал настойчивый поклонник. Нет, он на нас охотился. — Человек неловко опирался на палку.

— Значит, вас можно поздравить?

— Да, это первый, — сказала Нина, откидывая чадру. — Познакомьтесь: Леопольд. Наш геофизик, сейсмолог.

— Поглядите. — Татьяна подняла край крыла. — Это я вчера стреляла. В крыло попала.

— А как же смертельный выстрел магараджи? — спросил Леопольд. Он поморщился. Стоять ему было больно. Он держал ногу на весу.

Под крылом обнаружилась лапа, которая заканчивалась загнутыми когтями, похожими на ятаганы.

— Кинжал бы сделать, — произнес Джим. — Цены ему на Земле не будет. У коллекционеров.

— Еще наберешь себе кинжалов, — ответила Нина, — этого мы разрежем на мелкие кусочки, чтобы узнать, как он устроен.

Она посмотрела на Павлыша, как бы давая понять, что это уж его задача.

— Так он не единственный? — спросил Павлыш.

Вопрос развеселил разведчиков.

— А с кем же мы воевали, пока вездеход в гараж заезжал? — удивилась Татьяна. — Там его родственники. Они будут жестоко мстить.

И, как бы в подтверждение ее слов, вновь загрохотало по крыше. Гремело так, что объясняться приходилось знаками. Плотно скроенный гараж раскачивался, и Павлышу захотелось поскорее убраться в открытую дверь, что вела внутрь станции. Джим погрозил потолку массивным кулаком, но этот жест никакого действия на хулиганов не оказал. Лескин вытащил пистолет и направил его вверх. Нина схватила его за руку. Все стояли, запрокинув головы, и ждали — и тут крыша не выдержала. В отверстие, показавшееся в лопнувшем металле, хлынул белый свет, и Павлыш разглядел желтые ятаганы, рвущие металл, словно картон.

8

От недолгого, но шумного и яростного боя с драконом, который обязательно желал отомстить за смерть своего родственника, у Павлыша остались сбивчивые, отрывочные воспоминания — так человек, который хочет представить себе по порядку, как проходила семейная ссора, не может понять, с чего же она началась. Он помнил, что Лескин стрелял вверх, помнил, что дракон протискивался в дыру и одна из его лап болталась в воздухе, норовя схватить кого-нибудь из людей, отступивших к стене, помнил, что Джим подключил пожарный шланг и струя воды, попавшая в раскрытую пасть, заставила чудовище отпрянуть, но

что сам он делал в эти две-три минуты, так и не вспомнил, хоть и надеялся, что не проявил особой трусости.

— Вот и все, — сказала Нина, глядя в широкое с рваными краями отверстие, над которым низко летели облака. — Придется сегодня ночью чинить крышу. Добровольцы есть?

— Я сделаю, — вызвался Джим. — Вы мне не помощники.

— А я? — спросил Павлыш.

— Вам придется возиться с этим. — Нина показала на дракона.

— Не вздумайте от него чем-нибудь заразиться, — предупредил Лескин.

— А теперь вернемся в столовую, — предложила Нина, — и продолжим прерванную трапезу. Леопольд, отправляйся в лазарет, доктор зайдет к вам после обеда.

Павлыш наскоро обработал рану Татьяны-маленькой, которая с одинаковым стоицизмом переносила боль и укоры Павлыша и даже успела поведать, как удалось убить дракона.

— Это еще доктор Стрешний придумал. Ведь их ничего не берет. Можно даже пулей в голову попасть, но мозг такой малюсенький, что только добро переводить. Стрешний догадался сделать чучело человека и подсоединить к заряду взрывчатки. Три дня они приманку не брали. Может, только на движущуюся цель реагируют...

— Их много? Потерпите, сейчас заканчиваю.

— Ничего, я терпеливая. Сразу много не бывает. Я их уже различать научилась. Этот, которого взорвали, довольно маленький. А есть мамаша — она просто застилает солнце. Это она, по-моему, к нам сейчас лезла. Драконы кружат в небе, точно коршуны, — и совсем не страшно. А пикируют, как камень. Секунда — и он здесь. Если ты в черном или зеленом, еще может обойтись, а любое светлое пятно для них — словно для быка красная тряпка. Вы, может, заметили, что мы даже лица грязью мажем?

— Заметил.

— Это не патология, а необходимость.

— А как-нибудь без грязи нельзя?

— Что еще придумаешь? Грима у нас нет. Скафандры — светлые, в них и вовсе не выходи. Можно обернуться платком. Нина так и делает. Но в здешней жаре только она и может в нем работать. Грязь удобнее.

9

— Садитесь, доктор, — пригласила Нина. — Пора вводить вас в курс дела.

Павлыш послушно сел. Татьяна убежала в госпиталь кормить больных.

— Мы вас как будто специально пугаем. Не планета, а кошмар какой-то, — посочувствовала Нина. — Фантастический роман. Срочный вызов с далекой станции. Там какая-то неведомая угроза уносит жизнь за жизнью. Затем появление незнакомцев, носилки, загадочное путешествие над страшной планетой.

Джим принес кастрюлю с супом и разлил по тарелкам. Половник в его руке казался чайной ложкой. И тарелка у него была особая, видно, возил с собой — в нее умещалось литра три.

— Разгадка таилась в страшном чудовище, которое преследовало мирных ученых, — сказала Нина.

— И его кормили молоденькими научными сотрудницами, — поддержал Джим.

Лескин не участвовал в игре. Он принялся за суп, ел методично и как-то скучно, словно взрослый, случайно попавший на детский праздник.

Татьяна вернулась из лазарета, села.

— Как же получилось, что о драконах не было известно раньше? — спросил Павлыш.

— Сами удивляемся, — ответила Нина. — Почему-то первая экспедиция о них ни словом не упомянула. Я думаю, потому, что их лагерь был далеко отсюда, на берегу моря, там свои проблемы и своя фауна.

— Тоже не всегда приятная, — добавила Татьяна.

— Да. А когда они искали место для постоянной станции, то им приглянулся наш холм. Тогда шли дожди. Проливные дожди, с утра до вечера. А в дожди эти твари не летают. Отсиживаются в гнездах.

— Это мы сейчас ходим головы задрав, — сказала Татьяна. — А тогда было как на курорте. Только-только дожди кончились, потеплело. Мы с Ниной куда-то ехать собрались; я в вездеход села, она прибор несла. Как она среагировала, уму непостижимо — я сижу, и вдруг Нина влетает в люк, прибор где-то потеряла, люк захлопнула. А он ка-ак бабахнет по крышке. Я ничего не понимаю... Помнишь, Нина?

Нина кивнула. А Павлыш позволил себе усомниться, что Нина когда-нибудь гуляла по этой планете, как по курорту.

— Ну ладно, — произнесла Нина, дождавшись, когда Татьяна закончит рассказ. — Все ясно. Павлыш уже видел дракона. У нас есть и другие проблемы. И лучше с ними познакомиться сразу. Проблема номер два — комары. Это не комары, а изверги, для меня лично хуже драконов. Жало в сантиметр длиной, пробивают любую ткань. Они выходят на охоту за нами, как только зайдет солнце. Если искусают, заболеешь лихорадкой. Сейчас Татьяна-большая в госпитале лежит. Вот так и живем — днем драконы, ночью комары, а нам приборы круглосуточно проверять...

— Вы не подумайте, — сказал Лескин, покончив с супом, — что мы жалуемся на жизнь. Везде свои трудности.

— Я и не думал...

— Погодите. С другой стороны, вы можете недооценить наши проблемы в силу той легкости, с которой у нас, к сожалению, обычно говорят о серьезных вещах. Если не принять мер, то трудно представить, чем это кончится. Вы ешьте, суп остынет.

— Он не может, — ответила за него Татьяна, — он придумывает, как избавиться от дракона. Мы все через это прошли, доктор.

Лазарет оказался кельей чуть побольше других. На одной половине стояло две кровати. Ближняя к двери была застелена, на второй лежал Леопольд. За ширмой, на другой половине, тоже была кровать. На ней спала темнокожая курчавая женщина.

— Таня, ты спишь? — спросил Леопольд, когда Павлыш кончил осматривать его ногу.

— Нет. Я проснулась. Доктор, я хочу с вами познакомиться. — Голос был слабым.

У Татьяны-большой был жар, лоб влажный, глаза блестят... Губы казались светло-голубыми на шоколадном лице.

— Через час начнется последний припадок, — сказала Татьяна. — Я уже знаю. Третий раз болею. При этой лихорадке все как по часам. Зато я драконов не боюсь. Они на черных не бросаются.

— А на той неделе кто на тебя бросался? Медведь?

— Это был дракон-дальтоник, — ответила Татьяна.

Она поглядела на Павлыша не без кокетства. Павлыш ей понравился.

— Там на полке должна стоять тетрадь доктора Стрешнего, — сказал Леопольд. — На ней написано «Комариная лихорадка». В ней же история болезни Татьяны.

Павлыш достал тетрадку. Знакомый почерк. Словно Павлыш принял дежурство в клинике.

Когда Павлыш добрался до гаража, дракон уже был разложен на полу — перепончатые крылья расправлены, когтистые лапы прижаты к брюху, оскаленная пасть запрокинута. Дракон стал почти похож на бабочку на булавке под стеклом.

Джим стоял на крыше вездехода и снимал дракона сверху. Остальные ждали, пока он кончит съемку, и мешали ему советами. Особенно Лескин, который считал, что Джим все делает неправильно. Он был астрономом и считал фотографирование своей епархией.

Дракон был страшен. Нетрудно представить себе, каков он в рабочем состоянии — управляемый снаряд в полтонны весом.

— И за что он нас так не любит? — задумчиво проговорила Таня-маленькая.

— Плохо то, — сказала Нина, увидев вошедшего Павлыша, —

что мы не можем до окончания срока бегать от драконов. В конце концов они нас поодиночке перережут.

— Вы не устали, Павлыш? — спросила Нина. — Тогда будете руководить вскрытием.

Павлыш вдруг понял, что пора знакомства прошла. Никто больше не будет сравнивать его со Стрешним, заранее уверенный в том, что прежний доктор был лучше. Начинается работа. Павлыш вышел на дежурство, и теперь он должен придумать, как отделаться от драконов.

...К полуночи Павлыш измотался так, словно весь день таскал камни. Главное было позади — расчлененный дракон по частям рассован по холодильникам и сосудам. Примитивная, но удачно скроенная боевая машина где-то на уровне птеродактиля. Его очень трудно убить. Наверное, мина-ловушка была оптимальным средством борьбы с ним. Еще лучше обзавестись зенитной пушкой. Правда, Павлыш понимал, что любой запрос такого рода на базу привел бы к тому, что на станцию вместо пушки прислали бы психиатра.

— Ну что ж, — сказал в ответ на эту информацию Джим, который никогда не унывал. — Будем закладывать мины. Где наша не пропадала...

— Отнеси сердце в холодильник, — велел ему Павлыш. — Потом займемся желудком. И на сегодня все.

Павлыш освоился и даже начал помыкать разведчиками. Джим послушно поволок на склад пластиковый мешок с десятикилограммовым сердцем дракона.

В половине второго, обнаружив, что желудок дракона почти пуст, если не считать дюжины камешков, Павлыш объявил конец рабочего дня, довольно длинного первого дня на незнакомой планете (еще утром он был в нескольких тысячах километров от этого райского уголка). Они с Джимом долго мылись под душем, стараясь, довольно безуспешно, стереть с себя запах дракона.

— Выяснил, доктор, кого жрут драконы? — спросил Джим, вытираясь.

— Никого они не жрут, — ответил Павлыш. — Я не шучу.

Уже засыпая, Павлыш добрался до каюты и провалился в сон, как в бездонную яму.

10

— Доброе утро, доктор, — сказал Джим. Он стоял над кроватью Павлыша, наклонив голову, потому что ему везде приходилось нагибаться. — Я тебя не разбудил?

Вопрос был лишним. Джим разбудил Павлыша.

— Сколько я проспал?

— Недолго, — ответил Джим. — Семь часов. После вчерашних дел можно проспать и больше. Но мы с Таней-маленькой собрались в лес, и я подумал, что тебе может быть интересно. Заодно вывезем останки дракона. А то он очень плохо пахнет. Кстати, Татьяна-большая уже встала и дежурит на кухне. И даже поставила чай в расчете на то, что ты по утрам завтракаешь. Опасайся! Татьяна — женщина тропическая и очень эмоциональная. Ну хорошо, я пойду грузить мясо.

Сначала Павлыш заглянул в лазарет. Леопольд читал. Нога его не беспокоила. Павлыш присел на край койки, и они проговорили с Леопольдом о пустяках. Доктора любят на утреннем обходе поговорить о пустяках с выздоравливающими. Кроме того, Павлышу и Леопольду было приятно поговорить друг с другом, поскольку они испытывали взаимную симпатию.

Татьяну-большую Павлыш нашел в столовой. От вчерашнего приступа и следа не осталось. Она обрадовалась, увидев доктора, и Павлыш подумал, что она вообще-то очень здоровый и энергичный человек и ей весело и интересно жить на свете. Пятнистый комбинезон сидел на ней элегантно, как парадный мундир капитана звездного лайнера.

— А, знаменитый драконоборец, здравствуйте! — приветствовала его Татьяна. Она уплыла на кухню, гремела там кофейником. Потом крикнула оттуда: — Когда перебьете всех драконов, оставьте мне одного маленького.

— Зачем?

— У нас в деревне он будет пользоваться большим успехом. Старики говорят, что раньше в наших краях было много драконов. Потом перевелись. Некоторые до сих пор в эти сказки верят. Раньше вообще было много разных зверей.

— А теперь?

— Теперь некоторых не осталось.

— В чем усматриваете причину?

— Трудно сказать... Кстати, вы смотрели записки Стрешнего? От него должен остаться дневник. Он может вам оказаться полезным.

— Я видел этот дневник. Но не могу же без разрешения его читать.

— Стрешний бы не обиделся. А вы там отыщете что-нибудь полезное, у него были некоторые соображения, может быть, они натолкнут вас на разгадку.

Когда Татьяна принесла кофе, вошел Джим.

— Пора ехать, — сказал он.

11

Джим прицепил тележку с останками дракона к вездеходу, и они отвезли груз вниз, к мусорной яме. Других драконов не было. Шел мелкий, частый дождь, а драконы такой погоды не любят.

Потом вездеход отправился вниз, к реке, где у Джима была работа: как геолог, он давно собирался осмотреть там обнажения, но все руки не доходили.

Павлыш сидел рядом с Таней-маленькой, которая вела машину.

— Здесь много зверья? — спросил Павлыш.

— Мало, — ответила Таня. Она закусила нижнюю губу, темная прядь упала на бинт. Таня показалась Павлышу похожей на маленького ковбоя, которому на родео попался особенно вредный мустанг.

Пологие берега ручья, поросшие кустами и колючей травой, становились все круче, ручей, пополнявшийся ключами и дождевой водой, превращался в настоящую реку. По полосе гнилой травы и обломков ветвей можно было догадаться, как высоко поднималась вода в половодье. Вездеход перевалил через толстый поваленный ствол и замер у невысокого обрыва, где река подточила склон холма.

Джим вылез первым. Он задержался у люка, вглядываясь в небо.

— Я займусь делами, — сказал Джим, — а вы, если хотите, погуляйте вокруг. Только осторожно.

Павлыш с Таней прошли несколько метров вниз по течению и остановились над прозрачной быстриной, где играли синие мальки.

— А комары здесь есть?

— Не знаю, — ответила Татьяна, поднимая капюшон, потому что дождь неожиданно усилился и капли, взбивая мыльные пузыри, застучали по воде.

Павлыш увидел на земле клочок белой шерсти. Он поднял его.

— Вы говорили, что здесь мало зверей...

— Это сурок пострадал. Наверное, сурок. — Татьяна подошла. — А вы мне сначала показались снобом. Знаете, такие прилетают иногда, из Дальнего флота. Все на них блестит, как на древнем генерале. И смотрят они на нас, болезных, с презрением: ах, какие вы грязные и неухоженные, какие вы обыкновенные!

— Вы изменили свое мнение к лучшему?

— Дракона вы славно распотрошили. Будто всю жизнь этим занимались.

Разговаривая, они прошли дальше, в лес. Впереди, на полян-

ке, Павлыш услышал какую-то возню. Он схватил Таню за руку, и она, на мгновение позже Павлыша поняв, в чем дело, замерла.

Поверх кустов полянка казалась пустой и безжизненной. Шуршание, чавканье доносилось снизу.

Они осторожно приблизились к прогалине.

Две небольшие птицы дрались над полуобглоданным скелетом какого-то крупного животного. Не обращая на них внимания, здоровая многоножка вгрызалась в череп, сбрасывая ножками белые пушинки шерсти.

— Татьяна! Павлыш! — кричал Джим. — Вы куда подевались?

— Пошли, — сказала Таня. — Это всего-навсего сурок.

— Сурок? Я думал, что они маленькие.

— Большие, но безобидные. Мы их иногда встречаем в лесу.

Джим стоял у вездехода. Дождь перестал.

— Скорей! — крикнул он. — Дракон прилетел!

Павлыш поднял голову. Под самой тучей медленно кружил дракон. Павлыш подтолкнул Татьяну, чтобы она первой забиралась в люк. Опуская крышку люка, Павлыш еще раз взглянул вверх. Дракон все так же кружил над ними, на вид мирный и безопасный.

12

Когда вездеход добрался до холма, небо совсем просветлело. Облака неслись быстро, будто спешили куда-то в другой район, где срочно требовался дождь. Начало парить.

Павлыш не стал дожидаться, пока вездеход подойдет к дверям гаража. Откинул люк и выскочил на упругую вытоптанную землю у здания станции.

— Я открою дверь! — крикнул он Джиму.

— Назад! — гаркнул Джим.

И тут же Павлыш почувствовал острый укол. И еще один... Нападение комаров было неожиданным и предательским: ведь им положено дожидаться ночи. Павлыш остановился, отмахиваясь от них.

Джим что-то кричал.

Павлыш понял, что единственное спасение — скорее скрыться в гараже. Он побежал к двери и взялся за широкую рукоять, чтобы отвести дверь в сторону. Двигатель вездехода взревел, будто машина тоже кричала на Павлыша, и тут Павлыш непроизвольно взглянул вверх.

Дракон падал на него, как камень.

Павлыш не мог оторвать глаз от увеличивающегося, словно в мультипликационном фильме, чудовища. Он даже различал зубы

в открытой пасти. И в то же время не мог заставить себя побежать, скрыться, спрятаться — это было нереально, это не могло к нему относиться... Ведь он мирно открывал двери гаража и никогда не обижал драконов...

На самом деле Павлышу только казалось, что он стоит неподвижно. Он успел метнуться в сторону и упасть вдоль стены, а дракон, вытянув когти, щелкнул ими, словно кастаньетами, в метре от земли, и пока он соображал, почему в когтях нет такого тепленького и вкусненького человечка, вездеход, чуть не раздавив Павлыша, подпрыгнул к стене, и дракону волей-неволей пришлось подниматься вверх, проклиная людскую солидарность.

Дверь гаража открылась, и Лескин, выскочив оттуда, помог Павлышу укрыться в здании. Вездеход вполз следом, и дракону ничего не оставалось, как долбить клювом многострадальные ворота гаража.

— Ну, теперь до ночи носа не высунешь, — сказал осуждающе Лескин. — Дождь кончился, драконы взбесились, а некоторым из нас доставляет удовольствие изображать из себя гуляющую мишень.

— Поздравляю с боевым крещением, — произнесла подошедшая Нина Равва.

Начальница, как ей и полагалось, была спокойна и доброжелательна.

— Обидно как, — сокрушалась Татьяна-маленькая. — Теперь и в самом деле не выйдешь. А я хотела новую мину заложить.

— И почему это драконы не любят врачей? — спросил задумчиво Джим, ни к кому не обращаясь. — Нарочно за ними гоняются!

— Драконы знают, что когда-нибудь у нас появится врач, который отгадает, почему драконы хотят нас съесть, — ответила Нина.

— И это не я? — спросил Павлыш.

— А вы уже напали на след?

Павлыш подумал, что опасность, которая нависает постоянно, становится частью быта. Пройдет еще несколько недель такой жизни, и драконы сравняются с комарами. Люди научатся стрелять в драконов из рогатки, морить их дустом, отпугивать чем-нибудь. И будут работать. Нельзя же останавливать работу только потому, что за тобой охотятся неуязвимые драконы.

— Павлыш, — сказала Нина. — Вам следует посетить свой кабинет в качестве пациента. У вас щека разодрана. И вообще вы грязны как смертный грех. А врач должен всем подавать пример.

Так Павлыш вступил в кровное братство.

13

Умывшись и заклеив щеку пластырем, Павлыш присел у стола, чтобы перевести дух. Им овладела предательская слабость. Даже при умеренном воображении нетрудно было себе представить, каково пришлось бы Павлышу, протяни дракон свои когти на полметра дальше. А у Павлыша воображение было развито отлично.

Он взял в руки дневник доктора, открыл его, захлопнул снова. Надо поговорить с Ниной. Дневник и в самом деле может пригодиться.

И тут же, словно подслушав его мысли, вошла Нина.

— Я вам не помешала? Пластырь придает вам боевой вид.

— Спасибо. Хоть я к этому не стремился.

— Читаете записки Стрешнего?

— Хотел бы, но не решаюсь. Вряд ли он предназначал их для посторонних.

— В этом вы ошибаетесь. У доктора есть слабость — может, в роду у него был графоман: он не только любил читать вслух отрывки из дневника, но и подсовывал его всем, кто пытался избежать этого развлечения под предлогом того, что не воспринимает чтения на слух.

— Это относилось к вам?

— Ко мне. Так что читайте спокойно. Стрешний будет рад.

— Джим сказал, что драконы не любят врачей. А как все случилось со Стрешним?

— Он занимался комарами. Устроился на склоне в кустах, а когда шел обратно, задумался, забыл взглянуть на небо... Это еще что за шутки?

Нина смотрела на пол. По полу черной ниточкой бежали муравьишки.

— Я их уже вчера видел, но не придал значения.

— Нет, это что-то новое. Если еще и они кусаются...

Павлыш проследил за направлением муравьиной ниточки — она поднималась к умывальнику и возвращалась обратно, скрываясь под койкой.

— Они спешат на водопой, — сказал Павлыш. — На нас, как я понимаю, внимания не обращают.

— Хорошо бы...

Нина стойко несла бремя ответственности. Она — начальник станции, с нее спрос. Павлыш подумал, что молодой женщине надо обладать особыми данными, чтобы занять место, которое обычно занимают матерые волки, разведчики, прошедшие по двадцать планет.

Уже потом, через несколько дней, Павлыш узнал, что Нина

относилась именно к этой породе матерых. Это была ее шестая планета, и никто в центре не сомневался, что она справится с работой не хуже других. Она была из тех мягких на вид, всегда ровных и вежливых стальных человечков, которые без видимых усилий везде становятся первыми — и в школе, и в институте, и в науке. Она несла на себе бремя ответственности за станцию, и ни у кого не возникало вопроса, почему этот жребий пал на нее. Но чтобы это понять, Павлышу пришлось прожить на станции не один день.

— Я пришла, потому что подумала, что новый человек должен взглянуть на наши беды иначе — у нас уже выработались стереотипы, они мешают.

— Может, вы все-таки чем-то прогневили драконов?

Нина смотрела на муравьиную дорожку.

— Надо будет проверить, как они пробрались в станцию. Займетесь, Павлыш?.. Как мы могли прогневить драконов?

— Беспричинной агрессивности в животном мире не бывает.

— Мы на них не нападали. И готовы к компромиссам. Но они ведь доступны только разумным существам.

— Вы могли не заметить. На кого еще нападают драконы?

— Вы вчера исследовали его желудок.

— Нина, ты здесь?

В дверях показалась Таня-маленькая. Ее комбинезон был украшен ожерельем из зубов дракона. Зрелище было жуткое.

— Тебя Лескин всюду разыскивает. Он уверен, что магнитное поле ведет себя неподобающим образом.

— Ну и что?

— Как всегда. Он уверен, что добром это не кончится.

— Я пошла, — сказала Нина. — Лескин — пессимист. В каждой экспедиции положено иметь пессимиста. У меня подозрение, что психологи нарочно подсунули его нам, чтобы уравновесить безудержный оптимизм Тани.

Оставшись один, Павлыш снова открыл дневник доктора Стрешнего.

Доктор и в самом деле любил писать подробно и обстоятельно. Павлыш представил себе, как, наклонив голову, доктор любуется завершенной конструкцией фразы, стройностью длинных абзацев и видом редких старинных слов. Первые страницы были заняты описанием холма, строительства станции, посвящены быту, характеристикам спутников доктора, характеристикам длинным, подробным, однако осторожным — он рассматривал свой дневник как литературное произведение и никого не хотел обидеть. На пятой странице дневника Павлышу встретилось первое рассуждение, относящееся к теперешним событиям.

«Дожди скоро сойдут на нет. Начнется весна. Планета должна

обладать умеренно богатой фауной, нынешнюю скудность я склонен объяснять неблагоприятным временем года. Я могу представить, как, с повышением температуры и появлением солнца, из нор, из гнезд и берлог выползут, выбегут, вылетят различные твари, и некоторые из них могут быть настолько сообразительны, что захотят вступить с нами в какие-то отношения. Я не имею в виду разум. Мой опыт подсказывает мне, что для развития разума эта планета еще не созрела. Однако очень немного шансов за то, что нас обойдут вниманием, — уж очень мы очевидны и шумны, непривычны и по-своему бессознательно агрессивны. Сегодня утром у меня возник небольшой конфликт с Татьяной-большой, которая наблюдала за стройботом, сооружившим «выгребную яму» станции — ведь от части отходов мы избавиться не сможем и должны их как-то спрятать. Именно спрятать. Не нарушая обычной жизни нашего окружения. Со свойственным этой милейшей женщине легкомыслием она удовлетворилась тем, что стройбот выкопал глубокую яму. «Где же герметическая крышка для нее?» — задал я закономерный в моем положении вопрос...»

Прошло несколько дней, и ожидания доктора Стрешнего начали сбываться.

«Сегодня меня укусил комар. Скорее всего, это не комар, а насекомое, функции которого по отношению к нам, людям, схожи с функциями комара на Земле — он мал, тихонько жужжит и, главное, кусается. Поэтому, дабы не отягощать нашу фантазию придумыванием новых названий, будем называть этого мучителя комаром. Я тут же предупредил Нину, что нам следует принять меры против засилия комаров. Именно засилия, подчеркнул я, ибо значительно больше шансов за то, что этот кровопийца не случайный экзотический гость на нашем холме. За ним последуют иные любители моей крови...»

Через три дня заболел лихорадкой Леопольд. Его трепало три дня, и три дня доктор Стрешний боролся с врагом невидимым, неизвестным, но, к счастью, не настолько упорным, чтобы погубить свою жертву. На третий день лихорадка отступила. Сочетание опыта и некоторого везения позволило доктору связать лихорадку с комарами, и потому в течение недели, за которую почти все сотрудники станции успели переболеть (включая самого Стрешнего), дневник был полностью посвящен комарам. В этих записках Павлыша заинтересовали фразы, которые он подчеркнул, чтобы не потерять.

«Комары гнездятся где-то по соседству с нами. Вылетают после захода солнца и, видно, хорошо реагируют на тепло. Я до сих пор не знаю двух очень важных вещей: кто, помимо нас, является объектом нападения комаров и, второе, каков их жизненный

цикл. В первую же свободную минуту отправлюсь на поиски их убежища».

Сделать этого доктор не успел, потому что появились драконы. Беда пострашнее комаров. В дневнике подробно описывались все случаи нападения драконов на людей. Доктор старался найти в них какую-то логику, связь. Он сам поставил восклицательный знак на полях страницы, где было написано: «Дракон не оставил мысли настичь Леопольда, даже когда тот скрылся в здании. Он старался проникнуть в дверь, вытащить его наружу».

Павлыш не заметил, как вошла Татьяна-маленькая. Дверь была открыта, и углубившийся в чтение Павлыш понял, что она, заглядывая через плечо, читает вместе с ним дневник, только когда у него над ухом звякнули зубы дракона — Татьянино ожерелье.

— Я не хотела вам мешать, доктор, — сказала она. — Но я вам сегодня почти спасла жизнь, и вы не имеете права меня выгнать. Тем более что у меня тоже есть своя теория.

— Выкладывайте, — велел Павлыш, закрывая дневник.

— Конечно, драконы людей не любят. И знаете почему? Когда-то, лет десять назад, сюда прилетала звездная экспедиция. Не наша, чья-то еще. И они тоже по происхождению от антропоидов. Пока эти люди здесь жили, они жутко невзлюбили драконов. Гонялись за ними, искали их гнезда, разбивали молотками драконьи яйца и убивали птенцов. А у драконов замечательная память. Вот они и решили, что их враги вернулись. Убедительно?

— А что вы предлагаете? — ушел от прямого ответа Павлыш.

— Я? Пока что ходить на четвереньках, а в свободное от этого время искать остатки базы тех, кто был раньше нас.

— Почему на четвереньках?

— Чтобы они нас за людей не принимали.

— Чепуха, конечно, — заключил Павлыш, решив, что Татьяна шутит. И тут же подумал, что в шутке скрывается любопытное наблюдение. — А ведь правда, когда дракон на меня пикировал, он щелкнул когтями слишком высоко.

— Ага, — обрадовалась Таня, — ведь это основание для эксперимента. Правда?

Павлыш улыбнулся, ничего не ответил. Таня тут же испарилась. Павлыш снова открыл дневник Стрешнего. Наугад.

«Я полагаю, что популяция холма стабильна и ограничена в пространстве, а дальность полета комаров невелика. Надо проверить, пометив несколько особей...»

Павлыш перевернул страницу.

«...Когда наступает ночь и тебе не спится, ибо ничто не отгоняет сон надежнее, нежели неразрешимая проблема, стоящая перед тобой, то воображение, не скованное дневными реалиями, разрывает рамки логики и подсказывает решения, которые днем

показались бы нелепыми, детскими, наивными... Я пишу именно ночью, сейчас третий час, станция спит — хотя нет, не спит Джим, у него приступ лихорадки, я недавно заглядывал к нему. Меня окружают образы, рожденные прошлым этой планеты, где нет места человеку, в которое человек не вписывается и, возможно, не сможет вписаться в настоящее. Мы привыкли наделять окружающий мир разумом — это остаток тех далеких эпох, когда и лес, и горы, и море, и солнце были живыми, большей частью злыми и коварными, редко добрыми существами, которым было дело до любого слова, мысли, сомнения первобытного человека. Мир, еще не подвластный людям, враждебный им, был населен чуждым разумом, направлявшим на людей дожди и снега, ветры, засухи и свирепых хищников... А здесь? Не скрывается ли за целенаправленной озлобленностью драконов и комаров воля, враждебный разум, для которого наши конкретные, кусающие враги — не более как орудия мести, а может, проще — лейкоциты, изгоняющие из организма чуждое начало. За решеткой окна сыплет мелкий дождь, планета выжидает... Нет, пора спать».

На этом записи обрывались. Доктору не удалось вернуться к дневнику.

14

Посреди столовой стояла Таня-маленькая. Разлохмаченная, глаза горят, драконьи зубы сверкают на груди. Над ней возвышался мрачный Лескин. Нина сидела за столом и старалась не улыбаться.

— Если бы ты погибла, — разъяснял Лескин Тане, — то нам пришлось бы сворачивать станцию. Неужели ты полагаешь, что кто-нибудь разрешит экспедицию, в которой собрались разведчики, отдающие себя на растерзание разным тварям?

— Нет, — сказала Таня-маленькая. — Я так не думаю.

— Ага. — Лескин увидел Павлыша. — У меня есть подозрения, что доктор причастен к этой выходке.

— Я не причастен, — поспешил с ответом Павлыш. — Потому что не знаю, что произошло.

— Танечка, — сказала Нина ласковым голосом. — Посвяти Павлыша в курс дела.

— Клянусь, что доктор здесь ни при чем! — воскликнула Татьяна. — Он даже и не подозревал. В общем, я выгнала на площадку вездеход, накинула на себя одеяло, выползла через нижний люк и отправилась через открытое пространство.

— Джигит не боится рогов и копыт, — загадочно процитировал Джим. Осуждения в его голосе не было.

— Я поползла, а драконы надо мной летали.

— Не летали, а пикировали, — поправил Лескин.

— И пока Лескин, который наблюдал за этим из окна обсерватории, пробирался сквозь решетку, забыв, где дверь, — продолжала Таня, — я приползла обратно. А он расстроен, что не успел меня спасти.

— Ясно, — ответил Павлыш. — Вы хотели убедиться, нападают ли драконы на ползучих тварей. И изображали такую тварь.

— Вы очень сообразительный, — согласилась Татьяна.

— И они кинулись, — добавил Джим. — И хорошо, что опыт не удался. А то пришлось бы нам ползать. Представляете меня ползучим?

Татьяна-большая крикнула из кухни:

— Я несу бульон, и перестаньте рассказывать ужасы, а то у вас пропадет аппетит!

Павлыш сел на свое место рядом с Ниной. Та спросила его негромко:

— Вы обратили внимание, что Татьяна отползла на несколько метров и успела вернуться? И драконы щелкали когтями у нее над головой, но промахивались?

— Вот именно! — кинула, услышав эти слова, Таня-маленькая.

— Мужчины имеют право падать на колени только у моих ног, — подытожила дискуссию Татьяна-большая. — К женщинам это не относится. Учтите это, доктор. Не смейте унижаться перед драконами.

— Учту, — сказал Павлыш.

— И все-таки я не могу справиться с возмущением, — вмешался Лескин. — Нельзя же, в конце концов, регулярно сводить к шутке трагический аспект нашего пребывания на этой планете. Вы смеетесь, забыв не только о грубейшем нарушении дисциплины, совершенном Татьяной, но и забываете при этом, что наше поведение приведет к тому, что драконы нас всех перебьют.

15

Вечером, когда солнце село и наступил тот благословенный час, когда драконы убираются восвояси, а комары еще толком не принялись за свое черное дело, станция опустела. У каждого накопилось множество неотложных дел, все выбились из графика и спешили наверстать часы вынужденного безделья.

Павлыш догнал Джима у выхода.

— Ты очень спешишь?

— Нет, не очень.

Вежливость и отзывчивость были сильными сторонами Джи-

ма. Наверное, в школе он давал списывать нерадивым ученикам. Все кому не лень эксплуатировали Джима. Павлыш знал, что Джим спешит, ведь кроме своей работы ему надо было обойти датчики Леопольда. Но что делать — Павлыш был не лучше других.

— Джим, покажи мне норы.

— Какие норы?

— Доктор Стрешний наблюдал, как комары вылетают из нор.

— Наверное, они везде вылетают. Пойдем, покажу тебе норы.

Джим шел впереди. Он был закутан в одеяло с подшитыми на кистях рук резиновыми манжетами. На голове высилось пластиковое сооружение, схожее со шлемом старинного водолаза. Большие очки и повязка придавали ему вид полярника, из последних сил стремящегося к полюсу. Павлыш понимал, что мало чем от него отличается. Свою спецодежду он позаимствовал у Стрешнего, а Леопольд, мастер на все руки, этот костюм подогнал и усовершенствовал.

— Смотри, — сказал Джим, остановившись у откоса. — Норы.

Откос был усеян пещерками сантиметров в тридцать в диаметре.

— Кто здесь кроме комаров живет?

— Стрешний думал, что сурки. Они в дождь живут в норах, а в сухой период откочевывают в лес.

— А они кусаются?

— Что ты, они безобидные. У них не рот, а пустая формальность. Хоботок. Они им в земле роются, насекомых выискивают.

— Какие же они сурки?

— Кто-то первый их так назвал. Назвали бы муравьедами, были бы они муравьедами. Хоть груздем, только не клади в корзину. Я пойду, ладно?

Павлыш решил подождать и устроился у норы. Моросил дождь, драконов не ожидалось. Комары резвились вокруг, но их было мало. Под защитным костюмом в двойных перчатках было жарко. Норы казались глазами чудовища. Ниточки, ведущие к разгадке, пересекались где-то рядом. Но пока Павлыш не мог их разглядеть.

Словно струя пара протянулась из черной дыры. Она изгибалась кверху, распыляясь веером по ветру. Павлыш пригляделся. Мама родная! Это же комары! Десятки тысяч насекомых покидали свое жилье, отправляясь на охоту. Доктор был прав. Они гнездились в норах.

Комары реагировали на тепло. Они сворачивали с курса, чтобы полакомиться кровью Павлыша, не только из ближайшей норы, но и из дальних, ниже по склону...

Через две минуты нервы Павлыша не выдержали, и он припустил наверх. Он добежал до станции, увешанный комарами,

как елка инеем, и долго смывал их горячим душем. Зато придумал более или менее приемлемый метод борьбы с комарами: поставить у нор что-нибудь теплое — и готова ловушка.

Трех комаров Павлыш сохранил. Принес их в коробочке к себе в келью. Раздевшись, выдвинул сантиметров на пять ящик стола, положил туда коробочку, приоткрыл и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Комары, как истребители-перехватчики, вырвались из щели ящика и, ни разу не сбившись с курса, вцепились в протянутую им навстречу руку. Павлыш вытерпел уколы и с некоторой жалостью к себе смотрел, как набухали его кровью тела кровопийц. Наконец изверги насосались и удовлетворенно, один за другим, поднялись с руки и отправились искать укромное место, чтобы отдохнуть от трудов праведных. Такое место нашлось в простенке между койкой и умывальником.

Павлыш листал дневник Стрешнего и поглядывал на комаров. Те мирно дремали на стене. Может быть, на них не распространяется... И тут один из комаров неловко взмахнул крылышками, попытался взлететь, но не мог и упал на пол. И замер. Через несколько секунд его примеру последовал второй комар. И третий.

Павлыш присел на корточки. Комары лежали на полу лапками кверху. Можно было не проводить дальнейших анализов. Комары отравились кровью Павлыша. Может быть, закон взаимной несъедобности (что за открытие в биологии и антропофагии!) был на этой планете универсальным? И отношения людей с местной фауной никогда не станут гастрономическими? А комаров влекло только тепло...

16

— Как бы взглянуть на сурка? — обращаясь к Нине, спросил за ужином Павлыш.

— Я их вблизи и не видела, — ответила Нина. — Только мельком. Они очень пугливые и осторожные.

— Они на пингвинов похожи, — добавила Татьяна-большая.

— Я добуду для вас, — пообещала Таня-маленькая. — Я видела одну жилую нору внизу.

Сурок был нужен Павлышу. Комары жили в сурочьих норах.

Сурка Татьяна приволокла на следующее утро.

— Доктор, — объявила она, заглядывая в лазарет, где Павлыш занимался с Леопольдом лечебной гимнастикой. — Ваше задание выполнено. Пленный доставлен.

Павлыш сразу догадался, в чем дело.

— Допрашивать буду я сам. Где его разместили?

— Лежит связанный в танке.

— Он не сопротивлялся?

— Нет. Я хотела его на станцию занести, а Нина запрещает.

— А почему? — спросил Павлыш, спеша за Таней по коридору. — Ведь на улице водятся драконы.

— Она думает, что он заразный. Разве ее переспоришь?

— Конечно, она права... А дождь идет?

— Драконов не видно. Не бойтесь.

— Я не боюсь драконов. Кто в наши дни боится драконов!

Вездеход стоял у приоткрытых дверей гаража. Рядом ждала Нина, которая сегодня была дневальной и потому получила в наследство фартук с оборками. Однако он не превратил начальника в домашнее существо. Даже челка, которая должна была закрывать шрам на лбу и притом отлично гармонировала с фартучком, не спасала положения. Словно разгадав взгляд Павлыша, Нина сказала:

— Я отлично готовлю. Вы в этом сами убедитесь сегодня. — И тут же продолжала другим тоном: — Павлыш, если вам это животное абсолютно необходимо, возитесь с ним сами. Я не позволю никому до него дотрагиваться. Он совершенно дохлый, чумной какой-то.

— А ты откуда знаешь? — возмутилась Таня. — Он же в вездеходе лежит. Его никто, кроме меня, не видел. Он душечка, очень милый.

— Я заглядывала внутрь. Я тоже любопытная... Татьяна!

Татьяна уже была возле вездехода. Она распахнула люк и, прежде чем Павлыш успел помочь, выволокла связанного сурка наружу.

— Я его уже трогала руками, — сообщила она.

Павлыш нагнулся над сурком. Тот лежал на боку и мелко дышал. Размером он был со среднюю собаку. У него было округлое, продолговатое тело с короткими лапами, и если поставить его столбиком у норы, то можно принять за настоящего сурка. На этом сходство кончалось — достаточно было взглянуть на переходящую в хоботок белую морду. Сурок дергался, стараясь освободиться от пут, но делал это как-то формально, будто хотел продемонстрировать, что не настолько уж он смирился с судьбой, как кажется.

— Только не развязывайте, — предупредила Татьяна, — а то сбежит. Где я еще такого поймаю? Сурки на дороге не валяются.

Сурок вздохнул. Он-то валялся на дороге.

Несколько комаров вились над сурком. В любой момент мог появиться и дракон. Павлыш, отстранив Таню, подхватил сурка на руки — он оказался легким и горячим — и понес его внутрь.

Сурок умер через два часа. Он был истощен, болен всеми своими болезнями (Нина, как всегда, оказалась права), спасти его Павлыш не мог, зато исследовал его кровь, содержимое желудка — сурок все-таки сослужил свою службу науке.

Картина складывалась довольно логичная, не хватало последнего штриха.

Когда Павлыш возился со своей жертвой, в лабораторию заглянула Нина и задала несколько вопросов. И Павлыш понял, что ей ясен путь его рассуждений.

17

Павлыш в столовой играл в шахматы с милейшим Леопольдом, вел мирную беседу об искусстве — оба ставили Боттичелли выше Рафаэля и несколько гордились собственной смелостью. Вдруг в комнату ворвалась Татьяна-большая в защитной одежде, страшная, как марсианин со старинной картинки, и, срывая маску, воскликнула:

— Больше в этом аду работать не буду! Отправьте меня на Юпитер или Меркурий, пусть там не будет воздуха, ничего не будет!

— Что случилось? — вскочил Павлыш.

— Нина вас зовет, доктор. Она считает, что это интересно. Она какой-то моральный урод. Она даже мышей не боится. Это уж слишком. Да куда же вы! Оденьтесь сначала! Там комары. А тебя, Поль, я никуда не пущу. Без ноги остался, теперь без головы хочешь?.. Я буду играть с тобой в шахматы.

Разумеется, Леопольд ее не послушался. Он догнал Павлыша у переходника. Одет он был странно — Павлыш не сразу догадался, что он успел стянуть с Татьяны защитный плащ. Павлыш поддержал Леопольда, и тот на одной ноге допрыгал до выхода. За дверью в глаза ударил свет прожектора, и голос Джима остановил их:

— Замрите! Кто сделает шаг — погибнет.

Павлышу не ясно было, шутит ли геолог или неточно цитирует очередного классика. Но он послушно замер. Голос Джима доносился сверху, из темноты за лучом прожектора.

— Они на куполе обсерватории, — сказал Леопольд.

Павлыш огляделся. Ничего. Потом взгляд его упал вниз.

Вся площадка была покрыта черным текущим ковром. Словно земля раскрыла все поры и выпустила наружу мириады муравьишек. Казалось, что стоишь на берегу нефтяной реки.

— Доктор, вы такое видели? — спросила Нина сверху.

— Нет, не приходилось, — ответил Павлыш, отмахиваясь от комаров.

— Если это будет продолжаться, — произнес Лескин, — придется эвакуировать станцию.

Муравьи текли за порогом, в полуметре от башмаков Павлыша. В их бессмысленном на первый взгляд копошении чувствовалась система, стремление. И хоть каждый муравей бежал в свою сторону, все море постепенно перемещалось вправо, к краю холма.

— Они пришли откуда-нибудь? — спросил Павлыш. — Кто видел, как это началось?

Голос Татьяны-маленькой внезапно раздался с крыши над головой Павлыша, будто с одной из вышедших специально, чтобы осветить эту сцену, лун.

— Я пошла на склад за запчастями к рации, смотрю — муравьи бегают. Я тогда позвала Нину, она с Лескиным в обсерватории была. И Джим пришел. Все так быстро произошло, что я отступила на крышу, а они — на купол. Интересно, это навсегда или временно?

— Временно, — произнес Павлыш, делая шаг вперед. — Муравьи не кусаются. — Он разгреб ногой муравьиный поток, который, все ускоряя движение, водопадом скатывался за пределы освещенного круга.

К тому времени, когда остальные слезли со станционных вершин, лишь арьергард муравьиной армии проходил по площадке. Земля была взрыхлена, словно кто-то прошел по ней граблями.

— Значит, они вылезли прямо из-под земли?

— Да, я видела, — отозвалась Татьяна-маленькая.

— Знаете, это напоминает мне переселение леммингов, — сказала Нина.

Павлыш кивнул. Он был согласен с Ниной. Нина думала о том же, что и он сам. Потому Павлыш был на девяносто процентов уверен, что с драконами можно справиться и он знает как, хотя десять процентов риска заставляли его воздерживаться от оглашения своих рецептов. До завтра.

18

Утром Нина спросила:

— Павлыш, вам понадобится вездеход?

— Я только что хотел его попросить у вас.

— Что, у Ньютона упало яблоко? — спросил Джим.

— Упало, — согласился Павлыш. — Осталось подобрать.

— Татьяна, проверь аккумуляторы, — велела Нина. — В оба конца километров двадцать пять. А дороги никакой.

— Нина! — воскликнул Павлыш. — Вы гений.

— Не ручаюсь, — ответила Нина. — Надо было раньше догадаться.

— Нина у нас во всем первая, — поддержала Павлыша Таня-маленькая. — Даже в биологии. Куда мы едем, доктор?

Павлыш обернулся к Нине.

— Не кокетничайте, Слава, — улыбнулась Нина. — Вы знаете лучше меня. К соседнему холму. Правильно?

— Правильно.

— А с доктором поедут Таня-маленькая и Джим, остальные — здесь.

— В конце концов, — подал голос Лескин, — я совершенно свободен...

Дорога через лес оказалась трудной, вездеход в твердых, но не всегда благоразумных руках Тани-маленькой прыгал, как кузнечик. Просто чудо, что пассажиры не поломали себе руки и ноги.

— Мы, как я понимаю, — произнес Лескин, когда вездеход замедлил ход, пробираясь сквозь кустарник, — едем посмотреть, где живут драконы. Если верить рассуждениям нашего начальника и Павлыша, они прилетают с соседнего холма. Что ж, логично...

Он замолчал, давая возможность Павлышу продолжить.

— Мы нанесем им удар прямо в логове?

Павлыш только тут заметил, что Лескин взял с собой пистолет. Джим тоже заметил это.

— Только не твоей пушкой, Лескин.

— Я не просил брать с собой оружие, — сказал Павлыш.

— А я, доктор, лишен вашего альтруизма. Вы не можете знать, что нас ждет. Мой опыт подсказывает...

Татьяна нахмурилась и заставила вездеход перепрыгнуть через неширокий овражек. Пассажиры вездехода посыпались друг на друга, и беседа на время прервалась. Когда машина снова выбралась на ровное место, Татьяна сказала:

— Павлыш — гуманист, а мы, разведчики, жестокие люди. Павлыш не позволит нам обижать безобидных крошек. У них же есть дети. Пусть Лескин попробует выйти к ним с пальмовой ветвью... Правильно, что Нина разрешила ему поехать. Без астронома станция, в конце концов, обойдется.

— Вы действительно полагаете, доктор, — спросил Лескин, не обращая внимания на речь Тани, — что драконов надо щадить?

— И не я один. Нина тоже так думает. И Таня, по-моему...

— Я от них без ума, — кивнула Татьяна и бросила машину вперед.

Уцепившись за ремень над сиденьем, Павлыш произнес монолог.

— Человечество, — начал он с чувством, — величайший из преступников, и лишь долгим раскаянием оно может замолить свои грехи. Кто-то умный сказал: «Где появляется человек, природа превращается в окружающую среду». Мы тщательно изменили эту среду в своих интересах, не думая о природе. Мы уничтожили массу живых существ, некоторых — начисто.

— И ты бросаешь обвинение в наш адрес, — сказал Джим, — что мы подняли руку на природу этой планеты исключительно ради того, чтобы драконы нас не сожрали.

— Мы рады их не трогать, — объяснила Татьяна. — Но они нас все равно трогают. Держитесь, сейчас прыгнем.

Машина снова прыгнула. Павлыш потерял счет прыжкам и ухабам. Вездеход вилял по девственному лесу, перебираясь через ручьи и овраги.

— Мы мыслим и действуем по древним стереотипам, — продолжал Павлыш. — Вот все здесь люди образованные, слушали лекции о невмешательстве и так далее. И готовы следовать заповедям, которые с таким трудом дались человечеству. Но стоит вас задеть, как взыграл охотник. «Убей дракона!» — вот какой вы придумали лозунг.

— Павлыш, не обобщайте, — остановила его Таня. — Охотник взыграл только в Лескине. Он не верит в дружбу с хищниками.

— Не верю, — произнес Лескин твердо.

Павлыш понял, что его монолог не оказал на окружающих большого влияния. Они обо всем этом знали не хуже Павлыша. Хорошо рассуждать в вездеходе, куда хуже, если тебе надо снимать показания с приборов, а над тобой кружит дракон и ничего не знает об экологии и гуманизме.

Вездеход пересек по дну широкую реку, выполз на дальний берег и начал медленно взбираться по склону, огибая большие деревья.

— На холм подниматься? — спросила Татьяна.

— Уже приехали? — удивился Павлыш. — Тогда лучше въехать повыше и найти открытое место, но так, чтобы не привлекать внимания.

— Придется кружить, — предупредила Татьяна. — И мы в результате поднимем больше шума, чем въезжая на холм прямиком.

— Ну, как знаешь.

Машина заурчала, продираясь сквозь кусты. Стало светлее. Потом вездеход нырнул носом и оказался на ровной террасе. За иллюминатором тянулся обрывчик, усеянный сурочьими норами. Машина остановилась.

— Чуть на сурка не наехала, — сказала Татьяна. — Выскочил, растяпа, перед носом. Правил уличного движения не знает.

Павлыш увидел в боковой иллюминатор, как из норы, метрах в пяти от вездехода, высунулась узкая белая морда с вытянутым, словно для поцелуя, рыльцем. Маленькие черные глаза смотрели на машину с обидой. Хоботок был черным от облепивших его муравьев. Сурку помешали обедать.

— Глядите, — воскликнула Татьяна, — маленьких гонят!

По поляне спешил, переваливаясь, сурок, передние лапы болтались у живота, он подгонял ими к норе двух детенышей, которые сопротивлялись и норовили улизнуть, чтобы вблизи взглянуть на невиданного гостя. Наконец родителю удалось загнать чад в нору и заткнуть ее телом так, что наружу торчал лишь округлый белый зад.

— Поедем дальше? — спросила Таня.

— Да, они нас не боятся. Выберемся на плоскую вершину.

Казалось, что сурков там сотни. При виде вездехода они бросали свои неспешные дела, замирали столбиками, затем либо улепетывали, либо уходили не спеша, соблюдая достоинство. Над сурками вились стайки комаров, но те не обращали на них внимания.

Вездеход перевалил через пригорок и замер на краю обширной голой площадки, где росло громадное, изогнутое ветрами дерево.

19

Площадка была пуста, но обжита — кое-где валялись завядшие ветки и шары драконьего помета. Она была вытоптана. «Жаль, — подумал Павлыш, — что экспедиция попала сюда впервые в разгар дождей, которые смыли с нашего холма все эти очевидные следы чужого жилища».

— Логово, — произнес Лескин со значением.

— Спрятали бы пистолет, — сказал ему Павлыш.

— Я не буду стрелять без нужды. — В голосе Лескина звучало предостережение, словно Павлыш хотел отдать его товарищей на растерзание драконам, а Лескин был их единственным защитником.

— А как же гуманизм? — спросила Таня.

— Всему есть разумные пределы, — ответил Лескин без улыбки.

Павлыш откинул боковой люк.

— Комары налетят, — предупредил Джим.

— Вряд ли.

— Поглядите, — сказала Татьяна. — Там, под деревом.

Между корнями, в углублении, выстланном ветками, лежали три круглых яйца, каждое с полметра в диаметре.

— Татьяна, подгони туда вездеход, — приказал Лескин.

— Вы что задумали?

— Не вмешивайтесь, доктор! — взорвался Лескин. — Хватит с нас правильных слов и разумных действий. Ваши любимчики — злобные хищники и всегда будут угрозой для людей. Если есть возможность уменьшить число этих гаденышей, мы должны это сделать!

— Это похоже на истерику! — Павлыш старался говорить спокойно. — Вы стараетесь поставить себя на одну доску с местными зверьми и наводить справедливость в их мире с позиции силы.

— Не в их мире! В нашем мире! Этот мир уже никогда не будет таким, каким был до прихода человека. Мы должны сделать его удобным и безопасным.

Павлыш взглянул на Джима и Таню. На чьей они стороне?

— Лескин, ты этим ничего не добьешься, — предупредил Джим.

Астроном опустил пистолет. Вспышка миновала. У всех осталось тягостное чувство ненужной размолвки. Татьяна, разряжая паузу, сказала:

— Возьмем одно яйцо? Самое крупное во вселенной. Музеи не простят, если мы этого не сделаем.

— Может, в следующий раз? — спросил Павлыш, но не стал спорить.

Вездеход подъехал к дереву. Павлыш обернулся к Лескину. Тот сидел спокойно, но избегал встретиться с доктором взглядом. Высунувшись из люка, Павлыш посмотрел вверх. Никого.

— Не беспокойтесь, — сказал Лескин, — я прикрою в случае чего.

Павлыш спрыгнул на вытоптанную землю. Лескин вылез вторым и остановился, прижавшись спиной к борту машины. Вроде бы смирился, но Павлыша не оставляло предчувствие, что он ждет любого предлога, чтобы открыть пальбу. «Ну, ничего, — подумал Павлыш, — сейчас уедем». Он поднял ближайшее яйцо. Оно было тяжелым и скользким. Павлыш передал его Джиму.

— Смотрите, какая кроха! — Татьяна по пояс вылезла из верхнего люка.

По площадке к вездеходу не спеша топал сурчонок, вытянув хоботок, расставив лапки и являя собой высшую степень любопытства.

— Захватим его тоже! — крикнула Татьяна.

Павлыш шагнул к сурку и замер...

Вслед за сурчонком к дереву мирно брел серый дракон. Он лениво переставлял лапы, крылья вяло волочились по земле. Со

стороны можно подумать, что это мудрец, размышляющий о бренности жизни. Дракон был здесь хозяином и отлично об этом знал. Он равнодушно взглянул на вездеход...

— В машину! — крикнул Павлыш Лескину, полагая, что тот стоит за его спиной.

Павлыш подхватил сурка, как ребенка, которому угрожает злой пес, метнулся к вездеходу и пропустил тот момент, когда Лескин начал палить в морду приближающемуся дракону.

И в решающий момент получилось так, что некому было его остановить. Павлыш метнулся к машине с сурчонком на руках, кинул его Татьяне, не успевшей спрятаться в люк. Джим стоял внутри вездехода, укладывая, чтобы не разбилось, драконье яйцо... И последующая минута состояла из более или менее длительных отрывков, не связанных вместе.

Павлыш нырнул в люк, чтобы успеть к рычагам вездехода — ведь Тане с сурчонком в руках на это потребовалось бы лишнее время... Притом Павлыш успел краем глаза заметить, как остановился, осел на хвост пораженный дракон, как он раскрывает желтую пасть и расправляет напрягшиеся крылья... Лескин продолжает с остервенением палить в дракона и идет ему навстречу... А сверху, камнем, валится другой дракон...

Павлыш рванул машину так, чтобы отрезать дракона от Лескина, и перед ним, как в неумелом любительском фильме, мелькали тучи, ствол дерева, завалившаяся набок земля, черные крылья... Только бы не задеть Лескина... Крики, грохот... Ударив Павлыша в плечо, в боковой люк выскочил Джим... Татьяна помогает ему втащить в вездеход тело астронома, а когти драконов барабанят по броне вездехода...

Потом наступила тишина, как звон в ушах... Сквозь звон пробивались гул невыключенного двигателя и хриплый стон.

— Я должен был, — твердым спокойным голосом сказал вдруг Лескин, — защитить Павлыша... Я хотел... — И голос оборвался.

Павлыш заставил себя отпустить рычаги управления. Сделать это было нелегко, потому что пальцы словно вмерзли в металл. Лескин лежал на полу кабины. Татьяна разрезала окровавленный комбинезон. Сурчонок сжался в комок в углу, зажмурился.

20

Спасательный катер вызвать они не могли — негде сесть. Везти Лескина на вездеходе до станции было опасно. Он потерял много крови. Павлыш, как мог, перевязал его и дал обезболивающее.

— Спустимся к реке, — решил он: теперь некому было оспаривать его власть.

Джим сел на место водителя. Павлыш с Таней поддерживали Лескина, оберегая его от ударов. Джим вел машину осторожно, но все равно вездеход подкидывало. Может, даже лучше, что Лескин потерял сознание.

Выйдя к реке, вездеход вошел в воду и километра четыре плыл вниз по течению. У низкого пологого берега, метрах в ста от которого начинался невысокий прозрачный лес, Павлыш попросил Джима вывести вездеход на берег и остановиться у первых деревьев. Лескина вынесли на траву. Доктор с Таней остались с ним, а Джим должен был гнать машину за медикаментами и спасательной капсулой, в которой без риска можно доставить раненого на станцию.

— Опасно все-таки, — засомневался Джим, возвращаясь в машину. — А вдруг прилетят?

— Не беспокойся, — сказал Павлыш. — Драконов не будет.

— Ты уверен, доктор?

Павлыш с Татьяной смотрели, как вездеход пересекает реку и, проламываясь сквозь кустарник, поднимается по дальнему склону. Он исчез, но некоторое время до них доносился треск ветвей и рев машины. Потом стало тихо. Иногда постанывал Лескин. День был облачный, сухой.

— Не сердитесь на него, Слава. — Таня сидела рядом с Павлышом, обхватив коленки руками. Павлыш поднял кисть Лескина, проверяя пульс. — Он думает, что защищал вас.

— Я не сержусь.

— А яйцо дракона разбилось.

— Я и не заметил. А как сурчонок?

— Остался в кабине. И не знает, что все случилось из-за него.

Ветер перебежал через реку, взрябил воду.

— Знаете, Таня, — проговорил Павлыш, — может быть, скоро наша станция будет стоять здесь.

— На берегу? Хорошо бы. — Таня совсем не удивилась.

— Вам нравится?

— Вода рядом, купаться можно. Летом жарко будет. А почему?

— Я расскажу небольшую детективную историю. Ведь каждый детектив должен кончаться сольным выступлением сыщика, который сознается в своих заблуждениях и делится прозрениями, приведшими к выводу, кто же подсыпал яд в любимую чашку старой графини.

— Рассказывайте, сыщик, — сказала Татьяна. Она устала, беспокоилась за Лескина и поддерживала игру без обычного энтузиазма.

— Что я застал, прибыв на станцию? — продолжал Павлыш. —

Драконов, которые нападают на людей. И затравленную экспедицию.

— Это преувеличение.

— Разумеется. Вся литература строится на преувеличениях. А какие были версии? Что на планете живут троглодиты и драконы приняли нас за них. Вряд ли. Уровень эволюции не тот. Вторая версия твоя: прилетали сюда когда-то пришельцы и разозлили драконов, у которых хорошая память.

— Я понимаю, это так, чепуха, а не версия.

— Эта версия не хуже любой другой. В конце концов все сводится к двум вариантам: либо мы помешали драконам, либо они нас за кого-то принимают. Мне повезло. В день, когда я приехал, вы поймали дракона. Я его исследовал. И что же обнаруживается? Метаболизм драконов не позволяет им питаться людьми. Больше того, тут же я узнаю, что комары, которые с ожесточением нападают на людей, также не могут пить нашу кровь. Они от нее погибают. Получается все равно как если бы люди собирали только поганки и нарочно питались ими, умирая в мучениях. И главное, те и другие буйствуют лишь в районе нашего холма. В лесу их уже нет.

— И тогда появилась новая версия.

— Конечно. Назовем ее версией трагической ошибки. Мы заняли их дом, не заметив этого. Комары летят на тепло — тепло сурков. Откуда им знать, что наше — это не то тепло? А драконы принимают нас за других, за свою обычную добычу.

— Почему же, когда дракон вас хотел схватить, он щелкнул когтями на высоте метра от земли? Или я устроила эксперимент с ползаньем, и дракон также промахнулся, сжав когти в метре от земли? И почему они бросаются на светлое?

— Их подводит инстинкт. Они привыкли охотиться именно так.

— Но ведь сурков на нашем холме нет!

— Это нас и сбивало с толку. Иначе трудно было бы не догадаться, в чем дело. И именно это заставило нас занять место сурков в рационе комаров.

— А где же... — начала Таня, но Павлыш перебил ее:

— Значит, существует экологическая ниша. Каждый холм — стойкое сообщество. Комары живут в норах сурков и пьют их кровь. И, вернее всего, сами они тоже чем-то нужны суркам, может быть, те едят их личинки. Сурки питаются муравьями и тоже контролируют их численность... Драконы не без пользы соседствуют с этим сообществом. Но строго следят, чтобы была неприкосновенна их территория. И поедают слабых, нерасторопных.

— А я сидела на крыше, — вспомнила Татьяна.

— Нашествие расплодившихся сверх меры муравьев и стало

для меня последним штрихом в картине этого мира, — сказал Павлыш. — Ладно, пойдем дальше. Что же получается? Мы прилетаем, высаживаемся на холме. В период проливных дождей, когда жизнь на планете замирает, мы начинаем строить, заваливаем норы, сурки гибнут или убегают в лес. Там нет их привычной пищи, и они постепенно вымирают. Помнишь сурка, которого ты привезла? Он был больным и полудохлым. Комары в процессе эволюции привыкли обходиться «своими» сурками. Улететь они не могут. Сурков нет, комары летят на тепло, кусают нас и дохнут. А драконы лишаются крова родного. Они рады бы сменить холм, но у каждого холма, вернее всего, есть свой род властителей, и другие драконьи роды не пустят к себе на холм чужаков...

— А если здесь тоже будет что-то похожее? — Татьяна обернулась, прислушиваясь к звукам леса.

— Все зависит от нас. Перед тем как переселяться, поглядим, не мешаем ли мы кому-нибудь.

— Согласна, — ответила Татьяна. — Мне тут нравится.

ЭПИЛОГ

«Сегежа» вышла на орбиту планеты через десять недель после того, как Павлыша обменяли на доктора Стрешнего. Она должна была спустить свой катер с грузами для станции. Нина с Павлышом отправились к посадочной площадке пешком, потому что Татьяна-маленькая с Джимом чинили вездеход — безотказный работяга забастовал именно тогда, когда надо было показать гостям, что они прибыли на образцовую станцию.

Нина и Павлыш укрылись от жгучего солнца под навесом, рядом со станционным спасательным катером. По скользкому блестящему боку катера шествовала длинная вереница оранжевых пауков. Впереди самый большой, командир, за ним остальные по росту. Пауки не удерживались на металле, порой кто-нибудь из них падал на пластиковый пол, остальные тут же смыкали строй.

— Гнездо отыскали, — решил Павлыш.

Пауки любили птичьи яйца и всегда шныряли по соседству.

— Грабители, — сказала Нина. — И, как положено, трусливы.

Она накрыла ладонью паука-разведчика, бегавшего перед строем. Паук притворился мертвым. Нина выкинула его в кусты. Остальные пауки забегали, рассыпали строй, не зная, куда идти.

— Пускай суетятся. Может, попугай успеет перепрятать яйца.

Цицерон, который не отставал от Нины, решил, что Нина бросила паука, чтобы он притащил его обратно, и поспешил в кустарник.

— Далеко не отходи! — крикнула ему Нина.

С ветки слетел большой попугай. Он высмотрел блестящую пуговицу на мундире Павлыша и решил взять ее на память. Павлыш отмахнулся:

— Лучше бы гнездо как следует прятал. Не видишь, что пауки идут?

— Тебе хочется улететь? — спросила Нина.

— Нет.

— И мне не хочется. Тем более что работы здесь хватит надолго. Может, останешься?

— Стрешний возвращается.

— Вы с ним сработаетесь.

— Ты же знаешь, что я все равно улечу.

Попугай сделал еще один заход, целясь в пуговицу.

— Мы постепенно вживаемся в эту не очень дружную семью.

— Спасибо. Не будь меня, результат был бы тот же.

— Не знаю. Всегда остается опасность эскалации вражды. И с каждым шагом все труднее обернуться назад и отыскать мгновение первой ошибки. Ведь могло случиться, что станцию бы сняли, а планету закрыли для исследований, пока не найдется «действенных методов борьбы с враждебной фауной».

Из-за поворота показался исцарапанный лоб вездехода. Машина замерла у ангара. Таня выпрыгнула из люка. За ней вывалился Наполеон.

— Нина, — сказала Татьяна, — мы заказывали открытые тележки. Их привезли?

— Сейчас узнаешь. Потерпи. Наполеон, ты куда?

Татьяна догнала Наполеона, щелкнула по белому хоботку, тот обиделся и сел на выгоревшую траву.

Катер с «Сегежи», сверкая под солнцем, медленно опускался на поляну. Цицерон, перепугавшись, примчался из кустов и уткнулся мордой Нине в живот. Он забыл о пауке и сжимал его в кулачке, как конфету.

Люк катера откинулся, и к земле протянулся пандус. Жмурясь от яркого света, появился Глеб Бауэр. Он разглядел Павлыша, вышедшего из тени, и крикнул:

— Слава, ты загорел, как на курорте!

Доктор Стрешний, показавшийся вслед за Бауэром, сразу посмотрел на небо. Нина заметила:

— Это не сразу проходит.

Сурок Цицерон осмелел и направился через поляну к Глебу, протягивая лапу, словно за подаянием. Его страшно избаловали.

— Присматривай за сурками, Таня, — произнес Павлыш. — У Клеопатры не сегодня завтра появится потомство.

— Не страдай, Слава, — сказала Нина. — Я присмотрю. Как же ты теперь будешь жить без своей Клеопатры?

Глеб умилился, глядя на Цицерона.

— Что за чудо! Как зовут тебя, пингвин?

Цицерон понял, что к нему обращаются, и склонил голову набок, размышляя, чем поживиться от нового человека.

— Это сурки? — спросил Стрешний, поздоровавшись. — Так и не удалось поглядеть на них вблизи.

— Нельзя попрошайничать, — сказала Нина Цицерону. — А то прилетит дракон и тебя возьмет.

Не испугавшийся угрозы Наполеон вскочил и тоже засеменил к людям, как жадный кладоискатель, который опоздал к дележу приисков на Клондайке.

Высоко-высоко в ослепительном солнечном небе кружил дракон, не обращая на людей и сурков никакого внимания.

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ЗОЛУШКИ

Глава 1

О НЕКРАСИВОМ БИОФОРМЕ

Ну вот и все. Драч снял последние показания приборов, задраил кожух и отправил стройботов в капсулу. Потом заглянул в пещеру, где прожил два месяца, и ему захотелось апельсинового сока. Так, что голова закружилась. Это реакция на слишком долгое перенапряжение. Но почему именно апельсиновый сок?.. Черт его знает почему... Но чтобы сок журчал ручейком по покатому полу пещеры — вот он, весь твой, нагнись и лакай из ручья.

Будет тебе апельсиновый сок, сказал Драч. И песни будут. Память его знала, как поются песни, только уверенности в том, что она правильно зафиксировала этот процесс, не было. И будут тихие вечера над озером — он выберет самое глубокое озеро в мире, чтобы обязательно на обрыве над водой росли разлапистые сосны, а из слоя игл в прозрачном, без подлеска лесу выглядывали крепкие боровики.

Драч выбрался к капсуле и, прежде чем войти в нее, в последний раз взглянул на холмистую равнину, на бурлящее лавой озеро у горизонта и черные облака.

Ну, все. Драч нажал сигнал готовности... Померк свет, отлетел, остался на планете ненужный больше пандус.

В корабле, дежурившем на орбите, вспыхнул белый огонек.

— Готовьтесь встречать гостя, — сказал капитан.

Через полтора часа Драч перешел по соединительному туннелю на корабль. Невесомость мешала ему координировать движения, хотя не причиняла особых неудобств. Ему вообще мало что причиняло неудобства. Тем более что команда вела себя тактично и шуток, которых он опасался, потому что очень устал, не было. Время перегрузок он провел на капитанском мостике и с любопытством разглядывал сменную вахту в амортизационных ваннах. Перегрузки продолжались довольно долго, и Драч выполнял обязанности добровольного сторожа. Он не всегда доверял автоматам, потому что за последние месяцы не раз обнаруживал, что сам надежнее, чем они. Драч ревниво следил за пультом и даже в глубине души ждал повода, чтобы вмешаться, но повода не представилось.

* * *

Об апельсиновом соке он мечтал до самой Земли. Как назло, апельсиновый сок всегда стоял на столе в кают-компании, и потому Драч не заходил туда, чтобы не видеть графина с пронзительно желтой жидкостью.

Драч был единственным пациентом доктора Домби, если вообще Драча можно назвать пациентом.

— Чувствую неполноценность, — жаловался доктору Драч, — из-за этого проклятого сока.

— Не в соке дело, — возразил Домби. — Твой мозг мог бы придумать другой пунктик. Например, мечту о мягкой подушке.

— Но мне хочется апельсинового сока. Вам этого не понять.

— Хорошо еще, что ты говоришь и слышишь, — сказал Домби. — Грунин обходился без этого.

— Относительное утешение, — ответил Драч. — Я не нуждался в этом несколько месяцев.

Домби был встревожен. Три планеты, восемь месяцев дьявольского труда. Драч на пределе. Надо было сократить программу. Но Драч и слышать об этом не хотел.

Аппаратура корабельной лаборатории Домби не годилась, чтобы серьезно обследовать Драча. Оставалась интуиция, а она била во все колокола. И хотя ей нельзя целиком доверяться, на первом же сеансе связи доктор отправил в центр многословный отчет. Геворкян хмурился, читая его. Он любил краткость.

А у Драча до самой Земли было паршивое настроение. Ему хотелось спать, и короткие наплывы забытья не освежали, а лишь пугали настойчивыми кошмарами.

* * *

Мобиль института биоформирования подали вплотную к люку. Домби пообещал на прощание:

— Я вас навещу. Мне хотелось бы сойтись с вами поближе.

— Считайте, что я улыбнулся, — ответил Драч, — вы приглашены на берег голубого озера.

В мобиле Драча сопровождал молодой сотрудник, которого он не знал. Сотрудник чувствовал себя неловко, ему, верно, было неприятно соседство Драча. Отвечая на вопросы, он глядел в окно. Драч подумал, что биоформиста из парня не получится. Драч перешел вперед, где сидел институтский шофер Полачек. Полачек был Драчу рад.

— Не думал, что ты выберешься, — сказал он с подкупающей откровенностью. — Грунин был не глупей тебя.

— Все-таки обошлось, — ответил Драч. — Устал только.

— Это самое опасное. Я знаю. Кажется, что все в порядке, а мозг отказывает.

У Полачека были тонкие кисти музыканта, а панель пульта казалась клавиатурой рояля. Мобиль шел под низкими облаками, и Драч смотрел вбок, на город, стараясь угадать, что там изменилось.

Геворкян встретил Драча у ворот. Грузный, носатый старик с голубыми глазами сидел на лавочке под вывеской «Институт биоформирования Академии наук». Для Драча, да и не только для Драча, Геворкян давно перестал быть человеком, а превратился в понятие, символ института.

— Ну вот, — произнес Геворкян. — Ты совсем не изменился. Ты отлично выглядишь. Почти все кончилось. Я говорю «почти», потому что теперь главные заботы касаются меня. А ты будешь гулять, отдыхать и готовиться.

— К чему?

— Чтобы пить этот самый апельсиновый сок.

— Значит, доктор Домби донес об этом и дела мои совсем плохи?

— Ты дурак, Драч. И всегда был дураком. Чего же мы здесь разговариваем? Это не лучшее место.

Окно в ближайшем корпусе распахнулось, и оттуда выглянули сразу три головы. По дорожке от второй лаборатории бежал, по рассеянности захватив с собой пробирку с синей жидкостью, Дима Димов.

— А я не знал, — оправдывался он, — мне только сейчас сказали.

И Драча охватило блаженное состояние блудного сына, который знает, что на кухне трещат дрова и пахнет жареным тельцом.

— Как же можно? — нападал на Геворкяна Димов. — Меня должны были поставить в известность. Вы лично.

— Какие уж тут тайны, — отвечал Геворкян, будто оправдываясь.

Драч понял, почему Геворкян решил обставить его возвращение без помпы. Геворкян не знал, каким он вернется, а послание Домби его встревожило.

— Ты отлично выглядишь, — сказал Димов.

Кто-то хихикнул. Геворкян цыкнул на зевак, но никто не ушел. Над дорожкой нависали кусты цветущей сирени, и Драч представил себе, какой у нее чудесный запах. Майские жуки проносились, как тяжелые пули, и солнце садилось за старинным особняком, в котором размещалась институтская гостиница.

Они вошли в холл и на минуту остановились у портрета Грунина. Люди на других портретах улыбались. Грунин не улыбался.

Он всегда был серьезен. Драчу стало грустно. Грунин был единственным, кто видел, знал, ощущал пустоту и раскаленную обнаженность того мира, откуда он сейчас вернулся.

* * *

Драч уже второй час торчал на испытательном стенде. Датчики облепили его, как мухи. Провода тянулись во все углы. Димов колдовал у приборов. Геворкян восседал в стороне, разглядывая экраны и косясь на информационные таблицы.

— Ты где будешь ночевать? — спросил Геворкян.

— Хотел бы у себя. Мою комнату не трогали?

— Все, как ты оставил.

— Тогда у себя.

— Не рекомендую, — посоветовал Геворкян. — Тебе лучше отдохнуть в барокамере.

— И все-таки.

— Настаивать не буду. Хочешь спать в маске, ради бога...

Геворкян замолчал. Кривые ему не нравились, но он не хотел, чтобы Драч это заметил.

— Что вас смутило? — спросил Драч.

— Не вертись, — остановил его Димов. — Мешаешь.

— Ты слишком долго пробыл в полевых условиях. Домби должен был отозвать тебя еще два месяца назад.

— Из-за двух месяцев пришлось бы все начинать сначала.

— Ну-ну. — Непонятно было, одобряет Геворкян Драча или осуждает.

— Когда вы думаете начать? — поинтересовался Драч.

— Хоть завтра утром. Но я тебя очень прошу, спи в барокамере. Это в твоих интересах.

— Если только в моих интересах... Я зайду к себе.

— Пожалуйста. Ты вообще нам больше не нужен.

«Плохи мои дела, — подумал Драч, направляясь к двери. — Старик сердится».

Драч не спеша пошел к боковому выходу мимо одинаковых белых дверей. Рабочий день давно кончился, но институт, как всегда, не замер и не заснул. Он и прежде напоминал Драчу обширную клинику с дежурными сестрами, ночными авралами и срочными операциями. Маленький жилой корпус для кандидатов и для тех, кто вернулся, был позади лабораторий, за бейсбольной площадкой. Тонкие колонны особняка казались голубыми в лунном сиянии. Одно или два окошка в доме светились, и Драч тщетно пытался вспомнить, какое из окошек принадлежало ему. Сколько он прожил здесь? Чуть ли не полгода.

Сколько раз он возвращался вечерами в этот домик с колоннами и, поднимаясь на второй этаж, мысленно подсчитывал дни... Драч вдруг остановился. Он понял, что не хочет входить в этот дом и узнавать вешалку в прихожей, щербинки на ступеньках лестницы и царапины на перилах. Не хочет видеть коврика перед своей дверью...

Что он увидит в своей комнате? Следы жизни другого Драча, книги и вещи, оставшиеся в прошлом...

Драч отправился назад в испытательный корпус. Геворкян прав — ночь надо провести в барокамере. Без маски. Она надоела на корабле и еще более надоест в ближайшие недели. Драч пошел напрямик через кусты и спугнул какую-то парочку. Влюбленные целовались на спрятанной в сирени лавочке, и их белые халаты светились издали, как предупредительные огни. Драчу бы их заметить, но не заметил. Он позволил себе расслабиться и этого тоже не заметил. Там, на планете, такого случиться не могло. Мгновение расслабленности означало бы смерть. Не больше и не меньше.

— Это я, Драч, — сказал он влюбленным.

Девушка рассмеялась.

— Я жутко перепугалась, здесь темно.

— Вы были там, где погиб Грунин? — спросил парень очень серьезно. Ему хотелось поговорить с Драчом, запомнить эту ночь и неожиданную встречу.

— Да, там, — ответил Драч, но задерживаться не стал, пошел дальше, к огонькам лаборатории.

Чтобы добраться до своей лаборатории, Драчу предстояло пройти коридором мимо нескольких рабочих залов. Он заглянул в первый из них. Зал был разделен прозрачной перегородкой. Даже казалось, будто перегородки нет и зеленоватая вода необъяснимым образом не обрушивается на контрольный стол и двух одинаковых тоненьких девушек за ним.

— Можно войти? — спросил Драч.

Одна из девушек обернулась.

— Ох! Вы меня напугали. Вы Драч? Вы дублер Грунина, да?

— Правильно. А у вас тут кто?

— Вы его не знаете, — проговорила другая девушка. — Он уже после вас в институт приехал. Фере, Станислав Фере.

— Почему же, — ответил Драч. — Мы с ним учились. Он был на курс меня младше.

Драч стоял в нерешительности перед стеклом, стараясь угадать в сплетении водорослей фигуру Фере.

— Вы побудьте у нас, — пригласили девушки. — Нам тоже скучно.

— Спасибо.

— Я бы вас вафлями угостила...

— Спасибо, я не люблю вафель. Я ем гвозди.

Девушки засмеялись.

— Вы веселый. А другие переживают. Стасик тоже переживает.

Наконец Драч разглядел Станислава. Он казался бурым холмиком.

— Но это только сначала, правда? — спросила девушка.

— Нет, неправда, — ответил Драч. — Я вот и сейчас переживаю.

— Не надо, — сказала вторая девушка. — Геворкян все сделает. Он же гений. Вы боитесь, что слишком долго там были?

— *Немножко боюсь. Хотя был предупрежден заранее.*

* * *

Конечно, его предупредили заранее, неоднократно предупреждали. Тогда вообще скептически относились к работе Геворкяна. Бессмысленно идти на риск, если есть автоматика. Но институт все-таки существовал, и, конечно, биоформы были нужны. Признание скептиков пришло, когда биоформы Селвин и Скавронский спустились к батискафу Балтонена, который лежал, потеряв кабель и плавучесть, на глубине шести километров. Роботов, которые не только бы спустились в трещину, но и догадались, как освободить батискаф и спасти исследователей, не нашлось. А биоформы сделали все, что надо.

— В принципе, — говорил Геворкян на одной пресс-конференции, и это глубоко запало в упрямую голову Драча, — наша работа предугадана сотнями писателей-сказочников в таких подробностях, что не оставляет места для воображения. Мы перестраиваем биологическую структуру человека по заказу, для исполнения какой-то конкретной работы, оставляя за собой возможность раскрутить закрученное. Однако самая сложная часть всего дела — это возвращение к исходной точке. Биотрансформация должна быть подобна одежде, защитному скафандру, который мы можем снять, как только в нем пройдет нужда. Да мы и не собираемся соперничать с конструкторами скафандров. Мы, биоформисты, подхватываем эстафету там, где они бессильны. Скафандр для работы на глубине в десять километров слишком громоздок, чтобы существо, заключенное в нем, могло исполнять ту же работу, что и на поверхности земли. Но на той же глубине отлично себя чувствуют некоторые рыбы и моллюски. Принципиально возможно перестроить организм человека так, чтобы он функционировал по тем же законам, что и организм глубоководной рыбы. Но если мы этого достигнем, возникает иная проблема. Я не верю в то, что человек, знающий, что он обречен навечно находиться на громадной глубине в среде моллюсков, останется полноценным. А если мы действительно окажемся способны вернуть человека в исходное состояние, в общество ему подобных, то биоформия имеет право на существование и может пригодиться человеку.

Тогда проводились первые опыты. На Земле и на Марсе. И желающих было более чем достаточно. Гляциологи и спелеологи, вулканологи и археологи нуждались в дополнительных руках, глазах, коже, легких, жабрах... В институте новичкам говорили, что не все хотели потом с ними расставаться. Рассказывали легенду о спелеологе, снабженном жабрами и громадными, видящими в темноте глазами, который умудрился сбежать с операционного стола, когда его собирались привести в божеский вид. Он, мол, с тех пор скрывается в залитых ледяной водой бездонных пещерах Китано-Роо, чувствует себя отлично и два раза в месяц отправляет в «Вестник спелеологии» обстоятельные статьи о своих новых открытиях, выцарапанные кремнем на отшлифованных пластинках графита.

Когда Драч появился в институте, у него на счету было пять лет космических полетов, достаточный опыт работы со стройботами и несколько статей по эпиграфике монов. Грунина уже готовили к биоформации, и Драч стал его дублером.

Работать предстояло на громадных раскаленных планетах, где бушевали огненные бури и смерчи, на планетах с невероятным давлением и температурами в шестьсот-восемьсот градусов. Осваивать эти планеты надо было все равно — они были кладовыми ценных металлов и могли стать незаменимыми лабораториями для физиков.

Грунин погиб на третий месяц работы. И если бы не его, Драча, упрямство, Геворкяну, самому Геворкяну, не преодолеть бы оппозиции. Для Драча же — Геворкян и Димов знали об этом — труднее всего было трансформироваться. Просыпаться утром и понимать, что ты сегодня менее человек, чем был вчера, а завтра в тебе останется еще меньше от прежнего...

Нет, ты ко всему готов, Геворкян и Димов обсуждали с тобой твои же конструкционные особенности, эксперты приносили на утверждение образцы твоей кожи и объемные модели твоих будущих глаз. Это было любопытно, и это было важно. Но осознать, что оно касается именно тебя, до конца невозможно.

Драч видел Грунина перед отлетом. Во многом он должен был стать похожим на Грунина, вернее, сам он как модель был дальнейшим развитием того, что формально называлось Груниным, но не имело ничего общего с портретом, висящим в холле Центральной лаборатории. В дневнике Грунина, написанном сухо и деловито, были слова: «Чертовски тоскливо жить без языка. Не дай бог тебе пережить это, Драч». Поэтому Геворкян пошел на

все, чтобы Драч мог говорить, хоть это и усложнило биоформирование и для Драча было чревато несколькими лишними часами на операционном столе и в горячих биованнах, где наращивалась новая плоть. Так вот, хуже всего было наблюдать за собственной трансформацией и все время подавлять иррациональный страх. Страх остаться таким навсегда.

* * *

Драч прекрасно понимал нынешнее состояние Станислава Фере. Фере должен был работать в ядовитых бездонных болотах Сиены. У Драча было явное преимущество перед Фере. Он мог писать, рисовать, находиться среди людей, мог топтать зеленые лужайки института и подходить к домику с белыми колоннами. Фере до конца экспедиции, пока ему не вернут человеческий облик, был обречен знать, что между ним и всеми остальными людьми — по меньшей мере прозрачная преграда. Фере знал, на что идет, и приложил немало сил, чтобы получить право на эту пытку. Но сейчас ему было несладко.

Драч постучал по перегородке.

— Не будите его, — сказала одна из девушек.

Бурый холмик взметнулся в туче ила, и могучий, стального цвета скат бросился к стеклу. Драч инстинктивно отпрянул. Скат замер в сантиметре от перегородки. Тяжелый настойчивый взгляд гипнотизировал.

— Они жутко хищные, — сказала девушка, и Драч внутренне усмехнулся. Слова ее относились к другим, настоящим скатам, но это не значило, что Фере менее хищен, чем остальные. Скат осторожно ткнулся мордой в перегородку, разглядывая Драча.

Фере его не узнал.

— Приезжай ко мне на голубое озеро, — пригласил Драч.

Маленький тамбур следующего зала был набит молодыми людьми, которые отталкивали друг друга от толстых иллюминаторов и, вырывая друг у друга микрофон, наперебой давали кому-то противоречивые советы.

Драч остановился за спинами советчиков. Сквозь иллюминатор он различил вверху, в легком тумане, окутавшем зал, странную фигуру. Некто голубой и неуклюжий реял в воздухе посреди зала, судорожно взмывая кверху, пропадая из поля зрения и появляясь вновь в стекле иллюминатора совсем не с той стороны, откуда можно было его ожидать.

— Шире, шире! Лапы подожми! — кричал в микрофон рыжий негр, но тут же девичья рука вырвала у него микрофон.

— Не слушай его, не слушай... Он совершенно не способен перевоплотиться. Представь себе...

Но Драч так и не узнал, что должен был себе представить тот, кто находился в зале. Существо за иллюминатором исчезло. Тут же в динамике раздался глухой удар, и девушка спросила деловито:

— Ты сильно ушибся?

Ответа не последовало.

— Раскройте люк, — велела рубенсовская женщина с косой вокруг головы.

Рыжий негр нажал кнопку, и невидимый раньше люк отошел в сторону. Из люка пахнуло пронизывающим холодом. Минус двенадцать, отметил Драч. Холодный воздух рванулся из зала, и люк заволокло густым паром. В облаке пара материализовался биоформ. Негр протянул ему маску:

— Здесь слишком много кислорода.

Люк закрылся.

Биоформ неловко, одно за другим, стараясь никого не задеть, сложил за спиной покрытые пухом крылья. Шарообразная грудь его трепетала от частого дыхания. Слишком тонкие руки и ноги дрожали.

— Устал? — спросила рубенсовская женщина.

Человек-птица кивнул.

— Надо увеличить площадь крыльев, — сказал рыжий негр.

Драч потихоньку отступил в коридор. Им овладела бесконечная усталость. Только бы добраться до барокамеры, снять маску и забыться.

* * *

Утром Геворкян ворчал на лаборантов. Все ему было не ладно, не так. Драча он встретил, словно тот ему вчера сильно насолил, а когда Драч спросил: «Со мной что-то не так?» — отвечать не стал.

— Ничего страшного, — успокоил Димов, который, видно, не спал ночью ни минуты. — Мы этого ожидали.

— Ожидали? — взревел Геворкян. — Ни черта мы не ожидали. Господь бог создал людей, а мы их перекраиваем. А потом удивляемся, если что не так.

— Ну и что со мной?

— Не трясись.

— Я физически к этому не приспособлен.

— А я не верю, не трясись. Склеим мы тебя обратно. Просто это займет больше времени, чем мы рассчитывали.

Драч промолчал.

— Ты слишком долго был в своем нынешнем теле. Ты сейчас физически новый вид, род, семейство, отряд разумных существ.

У каждого вида есть свои беды и болезни. А ты, вместо того чтобы следить за реакциями и беречь себя, изображал испытателя, будто хотел выяснить, при каких же нагрузках твоя оболочка треснет и разлетится ко всем чертям.

— Если бы я этого не делал, то не выполнил бы того, что от меня ожидали.

— Герой, — фыркнул Геворкян. — Твое нынешнее тело болеет. Да, болеет своей, еще не встречавшейся в медицине болезнью. И мы должны будем ремонтировать тебя по мере трансформации. И при этом быть уверенными, что ты не станешь уродом. Или киборгом. В общем, это наша забота. Надо будет тебя пообследовать, а пока можешь отправляться на все четыре стороны.

* * *

Драчу не следовало бы этого делать, но он вышел за ворота института и направился вниз, к реке, по узкой аллее парка, просверленного солнечными лучами. Он смотрел на свою короткую тень и думал, что если уж помирать, то все-таки лучше в обычном, человеческом облике. И тут он увидел девушку. Девушка поднималась по аллее, через каждые пять-шесть шагов она останавливалась и, наклоняя голову, прижимала ладонь к уху. Ее длинные волосы были темными от воды. Она шла босиком и смешно поднимала пальцы ног, чтобы не уколоться об острые камешки. Драч хотел сойти с дорожки и спрятаться за куст, чтобы не смущать девушку своим видом, но не успел. Девушка его увидела.

Девушка увидела свинцового цвета черепаху, на панцире которой, словно черепашка поменьше, располагалась полушарием голова с одним выпуклым циклопическим глазом, разделенным на множество ячеек, словно стрекозиным. Черепаха доставала ей до пояса и передвигалась на коротких толстых лапках, которые выдвигались из-под панциря. И казалось, что их много, может, больше десятка. На крутом переднем скосе панциря было несколько отверстий, и из четырех высовывались кончики щупалец. Панцирь был поцарапан, кое-где по нему шли неглубокие трещины, они расходились звездочками, будто кто-то молотил по черепахе острой стамеской или стрелял в нее бронебойными пулями. В черепахе было нечто зловещее, словно она была первобытной боевой машиной. Она была не отсюда.

Девушка замерла, забыв отнять ладонь от уха. Ей хотелось убежать или закричать, но она не посмела сделать ни того, ни другого.

«Вот дурак, — выругал себя Драч. — Теряешь реакцию».

— Извините, — произнесла черепаха.

Голос ровный и механический, он исходил из-под металлической маски, прикрывавшей голову до самого глаза. Глаз шевелился, словно перегородочки в нем были мягкими.

— Извините, я вас напугал. Я не хотел этого.

— Вы... робот? — спросила девушка.

— Нет, биоформ.

— Вы готовитесь на какую-то планету?

Девушке хотелось уйти, но уйти — значило показать, что она боится. Она стояла и, наверно, считала про себя до ста, чтобы взять себя в руки.

— Я уже прилетел, — ответил Драч. — Вы идите дальше, не смотрите на меня.

— Спасибо, — вырвалось у девушки, и она на цыпочках, забыв о колючих камешках, обежала Драча. Она крикнула вслед ему, обернувшись: — До свидания.

Шаги растворились в шорохе листвы и суетливых майских звуках прозрачного теплого леса. Драч вышел к реке и остановился на невысоком обрыве, рядом со скамейкой. Он представил, что садится на скамейку, и от этого стало совсем тошно. Хорошо бы сейчас сигануть с обрыва — и конец. Это была одна из самых глупых мыслей, которые посещали Драча за последние месяцы. Он мог с таким же успехом прыгнуть в Ниагарский водопад, и ничего бы с ним не случилось. Ровным счетом ничего. Он побывал в куда худших переделках.

Девушка вернулась. Она подошла тихо, села на скамейку и смотрела перед собой, положив узкие ладони на колени.

— Я сначала решила, что вы какая-то машина. Вы очень тяжелый?

— Да. Я тяжелый.

— Знаете, я так неудачно нырнула, что до сих пор не могу вытрясти воду из уха. С вами так бывало?

— Бывало.

— Меня зовут Кристиной, — представилась девушка. — Я тут недалеко живу, в гостях. У бабушки. Я как дура испугалась и убежала. И, наверно, вас обидела.

— Ни в коем случае. Я на вашем месте убежал бы сразу.

— Я только отошла и вспомнила. Вы же были на тех планетах, где и Грунин. Вам, наверное, досталось?..

— Это уже прошлое. А если все будет в порядке, через месяц вы меня не узнаете.

— Конечно, не узнаю.

Волосы Кристины быстро высыхали на ветру.

— Вы знаете, — сказала Кристина, — вы мой первый знакомый космонавт.

— Вам повезло. Вы учитесь?

— Я живу в Таллине. Там и учусь. Может, мне и повезло. На свете есть много простых космонавтов. И совсем мало таких...

— Наверное, человек двадцать.

— А потом, когда отдохнете, снова поменяете тело? Станете рыбой или птицей?

— Этого еще не делали. Даже одной перестройки много для одного человека.

— Жаль.

— Почему?

— Это очень интересно — все испытать.

— Достаточно одного раза.

— Вы чем-то расстроены? Вы устали?

— Да, — ответил Драч.

Девушка осторожно протянула руку и дотронулась до панциря.

— Вы что-нибудь чувствуете?

— По мне надо ударить молотом, чтобы я почувствовал.

— Обидно. Я вас погладила.

— Хотите пожалеть меня?

— Хочу. А что?

«...Вот и пожалела, — подумал Драч. — Как в сказке: красавица полюбит чудище, а чудище превратится в доброго молодца. У Геворкяна проблемы, датчики, графики, а она пожалела — и никаких проблем. Ну, разве только высмотреть поблизости аленький цветочек, чтобы все как по писаному...»

— Когда выздоровеете, приезжайте ко мне. Я живу под Таллином, в поселке, на берегу моря. А вокруг сосны. Вам приятно будет там отдохнуть.

— Спасибо за приглашение, — поблагодарил Драч. — Мне пора идти. А то хватятся.

— Я провожу вас, если вы не возражаете.

Они пошли обратно медленно, потому что Кристина считала, что Драчу трудно идти быстро, а Драч, который мог обогнать любого бегуна на Земле, не спешил. Он послушно рассказывал ей о вещах, которые нельзя описать словами. Кристине казалось, что она все видит, хотя представляла она себе совсем не так, как было на самом деле.

— Я завтра приду к той скамейке, — тихо проговорила Кристина. — Только не знаю, во сколько.

— Завтра я, наверное, буду занят, — сказал Драч, потому что подозревал, что его жалеют.

— Ну, как получится, — отозвалась Кристина. — Как получится...

* * *

Драч спросил у Полачека, который копался в моторе мобиля, где Геворкян. Полачек ответил, что у себя в кабинете. К нему прилетели какие-то вулканологи, наверное, будут готовить нового биоформа.

Драч прошел в главный корпус. В предбаннике перед кабинетом Геворкяна было пусто. Драч приподнялся на задних лапках и снял со стола Марины Антоновны чистый лист бумаги и карандаш. Он положил лист на пол и, взяв карандаш, попытался нарисовать профиль Кристины. Дверь в кабинет Геворкяна была прикрыта неплотно, и Драч различал густой рокот его голоса. Потом другой голос, повыше, сказал:

— Мы все понимаем и, если бы не обстоятельства, никогда бы не настаивали.

— Ну никого, ровным счетом никого, — гудел Геворкян.

— За исключением Драча.

Драч сделал два шага к двери. Теперь он слышал каждое слово.

— Мы не говорим о самом Драче, — настаивал вулканолог. — Но должны же быть подобные биоформы.

— У нас не было заказов в последнее время. А Саразини будет готов к работе только через месяц. Кроме того, он не совсем приспособлен...

— Но послушайте. Вся работа займет час, от силы два. Драч провел несколько месяцев в значительно более трудной обстановке...

— Вот именно поэтому я не могу рисковать.

Геворкян щелкнул тумблером, и Драч представил, как он отвернулся от вулканологов к дисплею.

— Я не представляю, как мы вытянем его и без такой поездки. Его организм работал на пределе, вернее, за пределом. Мы начнем трансформацию со всей возможной осторожностью. И никаких нагрузок. Никаких... Если он полетит с вами...

— Ну простите. Пока ваш Саразини будет готов...

Драч толкнул дверь, не рассчитав удара, и дверь отлетела, словно в нее попало пушечное ядро.

Последовала немая сцена. Три лица, обращенные к громадной черепахе. Один из вулканологов оказался розовым толстяком.

— Я Драч, — обратился Драч к толстяку, чтобы сразу рассеять недоумение. — Вы обо мне говорили.

— Я тебя не приглашал, — перебил его Геворкян.

— Рассказывайте, — сказал Драч толстому вулканологу.

Тот закашлялся, глядя на Геворкяна.

— Так вот, — вмешался второй вулканолог, высохший и будто обугленный. — Возможно извержение Осенней сопки на Кам-

чатке. Мы полагаем, то есть мы уверены, что, если не прочистить основной, забитый породой канал, лава прорвется на западный склон. На западном склоне сейсмическая станция. Ниже, в долине, поселок и завод...

— И эвакуировать некогда?

— Эвакуация идет. Но мы не можем демонтировать завод и станцию. Нам для этого надо три дня. Кроме того, в четырех километрах за заводом начинается Куваевск. Мы запускали к кратеру мобиль со взрывчаткой. Его просто отбросило. И хорошо, что не на станцию...

Геворкян стукнул кулаком по столу:

— Драч, я не позволю. Там температуры на пределе. На самом пределе. Это самоубийство!

— Позволите.

— Идиот, — вспылил Геворкян. — Извержения может и не быть.

— Будет, — грустно подтвердил толстяк.

Драч направился к двери. Высохший вулканолог последовал за ним. Толстяк остался, пожал плечами, сказал Геворкяну:

— Мы примем все меры. Все возможные меры.

— Ничего подобного, — не соглашался Геворкян. — Я лечу с вами.

Он включил видеоселектор и вызвал Димова.

— Это просто великолепно, — кивнул толстяк. — Ну просто великолепно.

Проходя через предбанник, Драч подхватил щупальцем с пола листок с профилем Кристины — смял его в тугой комок и выбросил в корзину. Движения щупалец были так быстры, что вулканолог, шедший на шаг сзади, ничего не разглядел.

* * *

Над Осенней сопкой поднимался широкий столб черного дыма, он сливался с низкими облаками, окрашивая их в бурый цвет. На посадочной площадке неподалеку от подножия сопки стояло несколько мобилей, в стороне роботы под надзором техников собирали бур, похожий на веретено. Под тентом, спасавшим от мелкого грязного дождя, но не защищавшим от ветра и холода, на низком столике лежали, придавленные камнями, схемы и диаграммы. Драч задержался, разглядывая верхнюю диаграмму. Лава не могла пробиться сквозь старый, миллион лет назад забитый породой канал. Лишь газы прорывались сквозь трещины в базальтовой пробке. Зато с каждой минутой все больше трещин образовывалось на слабом западном склоне.

Человек в белом шлеме и огнеупорном скафандре снимал

данные, записанные с помощью зондов. Другой вулканолог принимал сообщения наблюдателей. Новости не сулили ничего хорошего.

Димов протянул Геворкяну записку с цифрами давления и температур в жерле.

— На самом пределе, — добавил он. — На самом пределе.

Он знал, что Драч все равно уйдет в вулкан, и в голосе его слышалась печальная отрешенность.

Заряды были готовы.

Толстый вулканолог принес шлемы для Геворкяна и Димова.

— Час назад они запускали к кратеру мобиль, — проговорил он виновато, — хотели приземлить его у трещины. Он разбился, и взрыв ничего не дал.

— Вас Куваевск вызывает, — обратился к нему радист. — Они начали демонтаж завода, но еще надеются.

— Ответьте им, чтобы подождали час. На мою ответственность.

Толстый вулканолог посмотрел на Драча. Будто ожидал поддержки.

— Пошли, — сказал Драч.

Геворкян надел шлем и стал похож на старого рыцаря, который во главе горстки храбрецов должен защищать страну от нашествия вражеских армий. Таким его и запомнил Драч.

Драча подняли на мобиле к кромке старого кратера. Усталый вулканолог в грязном шлеме — он за последние три дня пытался пройти к жерлу — повторил инструкции, которые Драч уже знал наизусть:

— Трещину видно отсюда. Конечно, когда рассеивается дым. Вы спускаетесь по ней восемьдесят метров. Там свободно. Мы зондировали. И укладываете заряды. Потом выбираетесь, и мы взрываем их дистанционно. Там уклон до шестидесяти градусов. Сможете?

Вулканолог с трудом заставлял себя обращаться на «вы» к свинцовой черепахе. Он столько раз сталкивался с автозондами, стройботами и прочими машинами, схожими чем-то с этой черепахой, и ему все время приходилось уговаривать себя, что перед ним человек, биоформ. И еще он смертельно устал из-за этого проклятого вулкана.

— Смогу, — ответил Драч. — Шестьдесят градусов мне по зубам.

Перед тем как снять маску и передать ее вулканологу, он сказал:

— Маску не потеряйте. Она мне еще пригодится. Без нее я глух и нем.

— А как вы будете дышать?

— Не буду дышать. Почти не буду. Кислород мне противопоказан.

— Я жду вас здесь, — сказал вулканолог.

Драч не услышал его слов.

Он скатился по отлогому склону в кратер и на секунду задержался у трещины... Сверху сыпался пепел и мелкие камешки. В стороне над самой кромкой кратера реяли два мобиля. В одном — вулканологи, в другом — Геворкян с Димовым.

Трещина оказалась куда шире, чем Драч ожидал. Он стал быстро спускаться, привычно регистрируя состав газов. Температура повышалась, но была ниже предельной. Потом склон пошел вниз круче, и Драчу пришлось идти зигзагами, повисая порой на двух щупальцах. Второй парой щупалец он прижимал к панцирю заряды. Гора вздохнула, и Драч прижался к стене трещины, чтобы не улететь вверх с фонтанами газов. Надо было спешить. Драч ощутил, как раскрываются трещины на западном склоне. Спуск становился все сложнее. Стены почти смыкались, и Драчу приходилось протискиваться между живыми, колышущимися камнями. Он уже спустился на семьдесят метров. Температура газов достигала четырехсот градусов. Он припомнил диаграмму. Для того чтобы пробка разлетелась наверняка, надо пройти еще метров пять. Можно, конечно, в соответствии с инструкцией оставить заряд здесь, но пять метров желательны. Отверстие под собой он заметил, вернее, угадал по рвущейся оттуда струе пара. Температура поднялась скачком градусов на сто. Он уже ощущал тепло. Сопка затряслась, как в припадке кашля. Он взглянул наверх. Путь назад еще был. Драч скользнул в горячую щель.

Щель расширялась книзу, образуя мешок, а дно мешка было словно сито. Такую жару Драч испытал лишь однажды, на второй планете. Там он мог уйти. И ушел.

Драч прикрепил заряд к самой надежной плите. Но и эту самую надежную плиту трясло. А западный склон, должно быть, уже рвался сейчас, как полотно.

Драч подтянулся на одном щупальце к верхнему отверстию. Газы, выбивавшиеся снизу, обжигали, гора дернулась, и щупальце оборвалось, как веревка. Драчу удалось удержаться, присосавшись мгновенно остальными тремя к вертикальной стенке. В тот же момент воздушная волна — видно, вверху произошел обвал — швырнула Драча на пол каменного мешка.

Страха не было. Некогда было. Драч чувствовал, как спекаются внутренности. Давление газов в каменной полости росло, и двигаться становилось все труднее. Виноваты были лишние пять метров. На секунду Драчу показалось, что он уже выползает из трещины и видит серое небо. Он рванулся наверх, отчаянно и

зло, потому что Кристина завтра придет к той скамейке, потому что у Геворкяна, который ждет его наверху, плохое сердце.

Он выбрался из каменного мешка, но оказалось, что трещину уже завалило обломками базальта. Он попытался раздвинуть куски породы, однако понял, что не хватает на это сил. Надо отдохнуть, чуть-чуть отдохнуть. В обожженном теле распространялась непомерная усталость, что начала его преследовать в последние дни на той планете и не отпускала на Земле.

Драч стоял, вжавшись в щель между глыбами базальта. Ему предстояло теперь найти слабое место в этом завале, отыскать обломок, который слабее других загнан в трещину, и вырвать его так, чтобы не обвалить на себя всю пробку. И пока его щупальца вяло и медленно обшаривали глыбы, разыскивая слабину, в мозгу мелькнула мысль. Сначала она прошла где-то на периферии мозга, затем, вернувшись, зазвенела, как сигнал тревоги. Он понял, что все может пойти насмарку. Пока он не выйдет отсюда, они не станут взрывать снаряды. Они будут ждать, надеяться на чудо. Они даже не станут бомбить пробку с воздуха. Они попытаются спасти его, хотя это невозможно, и оттого могут погибнуть люди, и наверняка погибнет все, что находится на западном склоне и дальше, на равнине.

Драч действовал осторожно и осмотрительно, стараясь не потерять сознания. Это было главным — не потерять сознания. Он вернулся к отверстию, из которого только что выбрался с таким трудом, прыгнул вниз и очутился рядом с плоской плитой, на которой лежали заряды. Плита словно собралась пуститься в пляс. Драч подумал: как хорошо, что у него нет нервных окончаний на внешней оболочке — он бы умер от боли. Обожженные щупальца были неловки. Прошло минуты полторы, прежде чем Драчу удалось развинтить один из зарядов, чтобы превратить его во взрыватель. Драч отлично знал эту систему. Такие заряды были у него на тех планетах. Заряд включался лишь от сигнала, но если ты знаком с системой, то можно включить цепь самому.

Драч подумал, что когда он кончит работу, то прежде, чем замкнуть цепь, он позволит себе несколько секунд, чтобы вспомнить что-то, как полагается напоследок.

Но когда закончил, оказалось, что этих секунд у него нет.

Взрыв раздался неожиданно для всех, кроме усталого вулканолога, который лежал за камнями и думал так же, как Драч. Сопка содрогнулась и взревела. Вулканолог прижался к камням. Два мобиля, которые кружились у кратера, отбросило, как сухие листья, — пилотам еле удалось взять машины под контроль.

Оранжевая лава хлынула в старое жерло и апельсиновым соком начала наполнять кратер.

Вулканолог бросился бежать вниз по склону: он знал, что поток лавы через несколько минут пробьется в его сторону...

* * *

Кристина пришла на ту скамейку у речки; было совсем тепло. Она выкупалась в ожидании Драча. Потом почитала. А он не шел. Кристина ждала до сумерек. На обратном пути она остановилась у ворот института и увидела, что с посадочной площадки поднимается большой мобиль. Кристина сказала себе, что в этом мобиле Драч улетает на какое-то задание. Поэтому он и не смог прийти. Но когда он вернется, то обязательно придет к скамейке. И она решила приходить к скамейке каждый день, пока живет здесь.

В большом мобиле в Москву увозили Геворкяна. У сопки он как-то держался, а вернулся — и сдал. У него было слабое сердце, и спасти его могли только в Москве.

Глава 2

ГУСАР И ЗОЛУШКА

Гусар Павлыш в синем картонном кивере с коротким плюмажем из медной проволоки, белом ментике и сверкающих театральных эполетах, которых гусарам не было положено, выглядел глупо, с грустью сознавал это, но не мог ничего поделать. Чужой монастырь...

Он шел опустевшим центральным туннелем.

На эстраде оркестранты под водительством шумного суетливого толстяка с черными мышиными глазками устанавливали рояль. У двери в зал толпились те, кому не досталось места. Павлыш заглянул поверх их голов.

На сцене под белым щитом с надписью «Селенопорту 50 лет», обвитым венком из синтетических еловых веток, стоял, не зная, куда деть руки, знаменитый профессор из Сорбонны. Он запутался в торжественной речи, и многочисленные создания карнавальной фантазии, заполнившие зал, лишь с большим трудом сохраняли относительную тишину. Глубоко укоренившееся чувство долга заставляло профессора подробно информировать собравшихся о достижениях в селенологии и смежных науках и

существенном вкладе лунных баз в освоение космического пространства.

Павлыш оглядел зал. Больше всего там оказалось мушкетеров. Человек сто. Они поглядывали друг на друга недоброжелательно, как случайно встретившиеся на улице женщины в одинаковых платьях, ибо до последнего момента каждый из них полагал, что столь светлая идея пришла в голову лишь ему. Между мушкетерами покачивались высокие колпаки алхимиков, мешая смотреть на сцену, редкие чалмы турецких султанов и квадратные скерли марсиан. Правда, полной уверенности в том, что это карнавальные марсиане, а не сотрудники лунных лабораторий с Короны или П-9, не было.

Павлыш протиснулся сквозь толпу арлекинов и гномов, которым не хватило места в зале. С белого потолка туннеля свисали бусы фонариков и гирлянды бумажных цветов. Оркестр на эстраде уже пробовал инструменты. Нестройные звуки катились по пустому коридору. В такт дроби ударника задрожали цветы над головой. Две цыганки прошли мимо, кутаясь в шали.

— Ты не учла аннигиляционный фактор, — сказала строго цыганка в черной шали с красными цветами.

— И ты меня этим упрекаешь? — возмутилась цыганка в красной шали с зелеными огурцами.

Толстяк, который руководил установкой рояля, догнал Павлыша и сказал ему:

— Галаган, ты несешь полную ответственность.

— За что? — спросил Павлыш.

— Спиро! — позвал с эстрады саксофонист. — Почему не включен микрофон? Гелий не может петь без микрофона.

Павлышу захотелось курить. Он дошел до лестницы на нижний ярус, спустился на один марш. На площадке стоял диванчик, и над ним, в нише, была вытяжка для курильщиков. На диване сидела Золушка в хрустальных башмачках и горько плакала. Золушку обидели: не взяли на бал.

Когда человек плачет, это еще не означает, что его надо немедленно утешать. Плач — дело интимное.

— Здравствуйте, — сказал Павлыш, — я из дворца. Принц сбился с ног, разыскивая вас.

На площадке было полутемно, лампа рядом с диванчиком, схожая со старинным уличным фонарем, не горела. Девушка замерла, замолчала, словно хотела дотерпеть, пока Павлыш уйдет.

— Если вас обидели злые сестры и мачеха, — Павлыша несло, он не мог остановиться, — то достаточно одного вашего слова, даже кивка, и мы тут же отправим их на Землю. На Луне не место обидчикам и клеветникам.

— Меня никто не обижал, — ответила девушка, не оборачиваясь.

— Тогда возвращайтесь во дворец, — предложил Павлыш, — и признайтесь во всем принцу.

— В чем?

— В том, что вы уже помолвлены с бедным, но честным пастухом и не нужны вам бриллиантовые палаты и шелковые альковы...

— У вас плохое настроение? — спросила девушка.

Она могла спросить что угодно, потребовать, чтобы гусар ушел, отстал. Она спросила неожиданное.

— Я весел и доволен жизнью.

— Тогда почему вы со мной заговорили?

— Мне обидно. Вы сидите здесь совсем одна, когда из зала доносятся торжественные речи, а оркестр настраивает трубы. Здесь можно курить?

— Курите, — ответила девушка. Голос ее был настолько ровным и спокойным, будто и не плакала.

Павлыш присел на диванчик, достал зажигалку. Ему хотелось взглянуть на лицо девушки. У нее был странный голос, глуховатый, бедный интонациями, и в то же время внутри его что-то звенело, будто он мог становиться другим и девушка сдерживала его нарочно, чтобы звучал приглушенно. Павлыш щелкнул зажигалкой так, чтобы огонек вспыхнул между ним и девушкой. На секунду высветились профиль, щека, глаз, мочка уха из-под белого парика.

Девушка протянула руку и включила лампу, похожую на уличный фонарь.

— Если вам так интересно поглядеть на меня, — сказала она, — зачем хитрить? К тому же огонек у зажигалки слабенький.

Она повернула лицо к Павлышу и смотрела на него не улыбаясь, как ребенок, позирующий фотографу, ожидающий, что из объектива сейчас вылетит птичка. У девушки было скуластое широкое лицо с большими, чуть раскосыми глазами, которым следовало оказаться черными, а они были светло-серыми. Очень полные, почти негритянские губы приподнимались в уголках, готовые улыбнуться. Белый парик с диадемой чуть сдвинулся, и из-под него выбилась прямая черная прядь.

— Теперь здравствуйте еще раз, — произнес Павлыш. — Я очень рад с вами познакомиться. Павлыш.

— Марина Ким.

— Если я в самом деле могу вам чем-нибудь помочь...

— Курите, — напомнила Марина. — Вы забыли достать сигарету.

— Забыл.

— Вы с какого корабля?

— Почему вы решили, что я нездешний?

— Вы из Дальнего флота.

Павлыш промолчал. Он ждал.

— Я услышала, как стучат подковки на ваших каблуках.

— У каждого планетолетчика...

— ...магнитные подковки. Вот и брюки от повседневного мундира вы не сменили на гусарские лосины. И еще перстень. Дань курсантской молодости. Такие изумруды гранит повар на Земле-14. Не помню, как его зовут...

— Ганс.

— Вот видите.

Наконец Марина улыбнулась. Одними губами.

— В конце концов, ничего в этом нет удивительного, — сказал Павлыш. — Здесь каждый десятый из Дальнего флота.

— Только те, кто задержался ради карнавала.

— Их немало.

— И вы к ним не относитесь.

— Почему же, Шерлок Холмс?

— Я чувствую. Когда у тебя плохое настроение, начинаешь чувствовать чужие беды.

— Это не беда, — поправил Павлыш, — это мелкая неприятность. Я летел на Корону, и мне сказали на Земле, что мой корабль стартует с Луны после карнавала, как и все. А он улетел. Теперь неизвестно, как добираться.

— Вы должны были лететь на «Аристотеле»?

— Вы и это знаете?

— Единственный корабль, который ушел в день карнавала, — объяснила Марина. — Я тоже к нему торопилась. И тоже опоздала.

— Там вас кто-то... ждал? — Вот уж не думал Павлыш, что так расстроится картинкой, подсказанной воображением: Марина бежит к трапу, у которого раскрывает ей объятия могучий капитан... или штурман?

— Он мог бы остаться, — сказала Марина. — Никто бы его не осудил. Он не хотел меня видеть. Он поднял корабль точно по графику. Наверное, команда была недовольна. Так что я виновата в том, что вы не попали на Корону.

— Боюсь, что вы преувеличиваете. — Павлыш пытался побороть в себе атавистические, недостойные цивилизованного человека чувства.

— Я не кажусь вам роковой женщиной?

— Ни в коем случае.

— И все-таки я преступница.

Павлыш погасил сигарету и задал самый глупый из возможных вопросов:

— Вы его любите?

— Надеюсь, что и он меня тоже любит, — отозвалась Марина, — хотя сейчас я начала сомневаться.

— Бывает, — произнес Павлыш пустым голосом.

— Почему вы расстроились? — спросила Марина. — Вы увидели меня впервые в жизни десять минут назад и уже готовы устроить мне сцену ревности. Нелепо, правда?

— Нелепо.

— Вы смешной человек. Сейчас я сниму парик, и наваждение пропадет.

Но Золушка не успела снять парик.

— Ты что здесь делаешь? — театрально возопил римский патриций в белой трагической маске. — Это просто чудо, что я пошел по лестнице.

— Познакомьтесь, — Павлыш поднялся, — мой старый друг Салиас. Он меня пригрел здесь и даже снабдил карнавальным костюмом.

— Не я, а мои добрые медсестры, — поправил Салиас, протягивая руку. — Я работаю эскулапом.

— Марина, — сказала девушка.

— Мне ваше лицо знакомо.

Марина медленно подняла руку и стянула с головы белый курчавый парик. Прямые короткие черные волосы сразу преобразили ее лицо, но внесли в него гармонию. Марина тряхнула головой.

— Мы с вами виделись, доктор Салиас, — напомнила она. — И вы все знаете.

— Парик вам идет, — проговорил добрый, мягкотелый Салиас.

— Хотите сказать, что меня в нем труднее узнать?

— Тактично ли мне вмешиваться в чужие дела?

— Чудесно! — засмеялась Марина. — Я вас успокою. Мое приключение подходит к концу. Кстати, мы уже давно беседуем с вашим другом, но я о нем почти ничего не знаю. Кроме того, что он смешной человек.

— Смешной? Я скорее сказал бы, что он плохо воспитан, — явно обрадовался перемене темы Салиас.

— Да, хорошо воспитанный гусар не будет выдавать себя за прекрасного принца.

— Он даже не гусар. Он просто доктор Слава Павлыш из Дальнего флота, судовой врач, несостоявшийся гений биологии, банальная личность.

— Я была права, — кивнула Марина.

— Я с вами не спорил, — произнес Павлыш, откровенно любуясь Мариной.

Салиас кашлянул.

— Вам надо идти, — сказала Марина.

— А вы?

— Мне пора. Бьет двенадцать.

— Я спрашиваю серьезно, — настаивал Павлыш. — Хотя я понимаю...

— Вы ровным счетом ничего не понимаете, — отрезала Марина. — Я постараюсь прийти к эстраде, где оркестр, только сначала возьму в комнате маску.

Марина подобрала подол длинного белого платья и побежала вниз по лестнице. В другой руке, как живой пушистый зверек, дергался белый парик.

— Я буду ждать! — крикнул ей вслед Павлыш. — Я вас найду даже в другом обличии, даже у плиты в бедной избушке.

Она ничего не ответила.

Салиас потянул Павлыша за рукав.

— Послушай, — сказал Павлыш, когда они пошли наверх, — ты в самом деле с ней знаком?

— Нет, не знаком. Лучше забудь о ней.

— Еще чего не хватало! Она замужем?

— Нет.

— Ты так уверенно говоришь о незнакомом человеке?

— Я старый, мудрый ворон.

— Но почему я должен о ней забыть?

— Так лучше. Пойми, ты встречаешь человека, тебе хочется увидеть его вновь, но обстоятельства складываются таким образом, что больше ты его никогда не увидишь.

— Ты меня недооцениваешь.

— Может быть.

Они вышли в коридор. В него вливалась толпа из зала. Оркестр встречал карнавал неровным ритмом модной песенки.

— Она придет к эстраде! — кивнул Павлыш.

— Может быть, — ответил Салиас.

Людской поток растекался по широкому туннелю. Прожектора с разноцветными стеклами водили лучами над толпой, и оттого создавалась иллюзия летнего вечера и открытого пространства. Трудно было поверить, что дело происходит на Луне, в тридцати метрах под ее мертвой поверхностью.

Минут через десять, ускользнув от щебетавших медсестер, Павлыш прошел к эстраде. Над его головой круглились ножки рояля, и он видел, как ботинок пианиста мерно нажимает на педали, словно управляет старинным автомобилем.

Марины Ким нигде не было. Не может же быть, чтобы она обещала прийти только для того, чтобы отделаться от Павлыша.

Черный монах в низко надвинутом капюшоне подошел к Павлышу.

— Ты не узнал меня, Слава?

— Бауэр! — воскликнул Павлыш. — Конечно! Глеб Бауэр. Ты чего здесь делаешь, старая перечница? И давно ли ты ушел из мира?

— Не злословь, сын мой, — ответил Глеб. — Хоть бога и нет, я остаюсь его представителем на Луне.

— Вы танцуете, монах? — спросила требовательно женщина в чешуйчатом костюме русалки. — Вы не слышали, что объявлен белый танец?

— С удовольствием принимаю ваше приглашение, — склонил голову Бауэр. — Постарайтесь без нужды не вводить меня в грех.

— Посмотрим, — пообещала русалка.

— Слава, — сказал Бауэр, увлекаемый от эстрады, — не уходи!

— Я подожду, — ответил Павлыш.

Мушкетеры катили бочку с сидром и приглашали желающих пройти к столикам. Голова танцующего Бауэра возвышалась над толпой. Алхимик в халате с наклеенными на него фольговыми звездами вспрыгнул на эстраду и запел. Кто-то зажег рядом бенгальский огонь. Марины все не было.

Павлыш решил ждать до конца. Иногда он бывал очень упрям. Она прилетела сюда, чтобы увидеть капитана «Аристотеля». А тот не захотел ее видеть и даже не позволил команде задержаться на карнавал. Жестокий человек. Или очень обиженный. Надо спросить Бауэра, который всех знает, как зовут капитана. Салиасу что-то известно, но он уходит от разговора. «Ну, ничего, заставим его признаться, когда останемся вдвоем в комнате».

Павлыш решил вернуться к лестнице. Если Марина придет, он ее встретит там. Но, пройдя несколько шагов, Павлыш оглянулся и увидел, что Бауэр вернулся к эстраде и вертит головой, очевидно, разыскивая Павлыша. К Бауэру пробился маленький толстяк с черными мышиными глазками, поднявшись на цыпочки, начал настойчиво и серьезно что-то выговаривать ему. Бауэр наконец увидел Павлыша и поднял руку, призывая его к себе. Павлыш еще раз окинул взглядом танцующих. Золушки не было.

— Он врач? — спросил толстяк Спиро, когда Павлыш подошел к ним. — А я думал, что он Галаган. Даже задание ему дал. Ну ладно, я побежал дальше. Вы его сами поставите в известность. Мне нужно срочно разыскать Сидорова.

— Пойдем, Слава, — предложил Бауэр, — я тебе по дороге расскажу.

Над головой гремел оркестр, и ножки рояля чуть вздрагивали.

Вокруг танцевали. И все же Павлыш уловил в общем веселье какую-то чуждую нотку. Среди масок появилось несколько человек, одетых буднично, деловитых и спешащих. Они разыскивали в этом скопище людей тех, кто был им нужен, шептали им что-то, пары разделялись, и те, с кем они говорили, быстро покидали круг.

— В Шахте взрыв, — проговорил Бауэр тихо. — Говорят, ничего страшного, но есть обожженные. Объявления не будет. Праздник пускай продолжается.

— Это далеко?

— Ты не видел Шахту?

— Я здесь первый день.

У лифта собралось человек пять-шесть. Павлыш сразу понял, что они обо всем знают. Все сняли маски, и с масками исчез беззаботный дух праздника. Мушкетеры, алхимик, неандерталец в синтетической шкуре, прекрасная фрейлина забыли о том, что они на карнавале, забыли, как одеты. Они были врачами, вакуумщиками, механиками, спасателями. А карнавал остался в прошлом... И музыка, которая волнами докатывалась до лифта, и мерный шум зала были не более как фоном в трезвой действительности...

* * *

Уже под утро Павлыш стоял у носилок, вынесенных из медотсека Шахты, и ждал, пока лунобус развернется так, чтобы удобнее было занести в него пострадавших. Сквозь прозрачную стену купола светила полосатая Земля, и Павлыш разглядел циклон, собирающийся над Тихим океаном. Водитель выскочил из кабины и отодвинул заднюю стенку лунобуса. За ночь он осунулся.

— Ну и ночка была, — сказал он. — Троих отправляем?

— Троих.

Носилки были накрыты надутыми чехлами из пластика. Дежурные нижнего яруса Шахты, получившие тяжелые ожоги, спали. Их сегодня же эвакуируют на Землю.

Салиас, щеки которого были покрыты рыжей, выросшей за ночь щетиной, помог Павлышу и водителю погрузить носилки в лунобус. Он оставался в Шахте, а Павлыш сопровождал пострадавших в Селенопорт.

Только через час Павлыш окончательно освободился и смог вернуться в большой туннель города. Прожектора были выключены, и потому воздушные шары, гирлянды цветов и потухших фонариков, свисавших с потолка, казались чужими, непонятно как попавшими туда. Пол был усеян конфетти и обрывками серпантина. Кое-где валялись потерянные бумажные кокошники,

полумаски и смятая мушкетерская шляпа. Одинокий робот-уборщик в растерянности водил раструбом в углу. Ему еще не приходилось видеть такого беспорядка.

Павлыш подошел к эстраде. Несколько часов назад он стоял здесь и ждал Марину Ким. Вокруг было множество людей, а Бауэр в черной сутане танцевал с зеленой русалкой...

К ножке рояля липкой лентой была прикреплена записка. На ней крупными квадратными буквами было написано: «ГУСАРУ ПАВЛЫШУ».

Павлыш потянул записку за уголок. Сердце вдруг сжалось, что он мог сюда и не прийти. На листке наискось бежали торопливые строчки:

«Простите, что не смогла подойти вовремя. Меня обнаружили. Во всем я виновата сама. Прощайте, не ищите меня. Если не забуду, постараюсь отыскать вас через два года. Марина».

Павлыш перечитал записку. Она была словно из какой-то иной, непонятной жизни. Золушка плачет на лестнице. Золушка оставляет записку, в которой сообщает, что ее настигли, и просит ее не искать. Это вписывалось скорее в какой-то старинный, отягощенный тайнами готический роман. За отказом от встречи должна была скрываться безмолвная мольба о помощи, ибо похитители прекрасной незнакомки следили за каждым ее шагом, поэтому, опасаясь за судьбу своего избранника, несчастная девушка под диктовку одноглазого негодяя писала, обливаясь слезами, на клочке бумаги. А в это время избранник...

Павлыш усмехнулся. Романтические тайны произрастают на благодатной почве карнавала. Чепуха, чепуха...

Вернувшись к Салиасу в комнату, Павлыш принял душ и прилег на диван.

Его разбудил трезвон видеофона. Вскочив, Павлыш взглянул на часы. Восемь двадцать, Салиас так и не возвращался. Павлыш включил видеофон. С экрана улыбался Бауэр. В отглаженном мундире штурмана Дальнего флота, свежий, выбритый, деловитый.

— Ты успел поспать, Слава? Я тебя не разбудил?

— Часа три спал.

— Слушай, Павлыш, я говорил с капитаном. Мы идем с грузом к Эпистоле. По судовой роли у нас есть место врача. Можешь полететь с нами. Ну как?

— Когда стартуете?

— Катер уходит на стартовый пункт в десять. Успеешь?

— Да.

— Ну и отлично. Кстати, я уже сообщил диспетчеру, что ты летишь с нами судовым врачом.

— Значит, наш разговор был пустой формальностью?

— Разумеется.

— Спасибо, Глеб.

Павлыш отключил видеофон и сел писать записку Салиасу.

Глава 3

ПРОЕКТ-18

Через полгода, возвращаясь на Землю, Павлыш застрял на планетоиде Аскор. Туда должна была прийти «Прага» с оборудованием для экспедиций, работающих в системе. От Аскора «Прага» делала большой прыжок к Земле.

Павлыш сидел на планетоиде третий день. Он всех уже там знал, и его все знали. Он ходил в гости, пил чай, провел беседу об успехах реанимации и сеанс одновременной игры в шахматы, в котором половину партий, к позору Дальнего флота, проиграл. А «Праги» все не было.

Павлыш заметил за собой странную особенность. Если он приезжал куда-то, где должен был провести месяц, то первые двадцать восемь дней пролетали незаметно, два последних растягивались в тоскливую вечность. Если он попадал куда-нибудь на год, то жил нормально одиннадцать с половиной месяцев. Так и с этим путешествием. Почти полгода он не думал о доме — некогда было. А вот последняя неделя оказалась сплошной пыткой. Глазам надоело смотреть на новые чудеса, ушам — внимать песням дальних миров... Домой, домой, домой!

Павлыш коротал время в буфете, читая бессмертный труд Макиавелли «История Флоренции» — это была самая толстая книга в библиотеке. Геолог Ниночка за стойкой лениво мыла бокалы. В буфете дежурили по очереди.

Планетоид качнуло. Мигнули лампы под потолком.

— Кто прилетел? — с робкой надеждой спросил Павлыш.

— Местный, — ответила Ниночка. — Грузовик четвертого класса.

— Швартоваться не умеют, — бросил механик Ахмет, жевавший за вторым столиком сосиски.

Павлыш вздохнул. Глаза Ниночки горели состраданием.

— Слава, — произнесла она, — вы загадочный странник, которого звездный ветер несет от планеты к планете. Я где-то читала о таком. Вы пленник злой судьбы.

— Чудесно сказано. Я пленник, я скиталец и страдалец.

— Тогда не переживайте. Судьба сама за вас все решит.

Судьба показалась в дверях буфета, приняв образ низенького

плотного человека с пронзительными черными глазками. Человека звали Спиро, и Павлыш его помнил.

— Так, — сказал Спиро голосом героя, только что вернувшегося из соседней галактики, — чем здесь угощают? Чем встретит ваш салун одинокого охотника?

Ниночка поставила на стойку бокал с лимонадом, и Спиро вразвалку подошел к стойке.

— Чего-нибудь основательнее не держите? — спросил он. — Я предпочитаю азотную кислоту.

— Вся вышла, — сообщила Ниночка.

— Только что прилетали космические пираты с Черной Звезды, — вмешался в разговор Павлыш. — Выкрали три бочки рома и взорвали перегонный аппарат. Переходим на сухой паек.

— Что? — встревожился Спиро. — Пираты?

Он замер с бокалом лимонада в руке, но тут же признал Павлыша.

— Слушай! — заявил он. — Я тебя знаю.

В этот момент зашуршало в динамике, и голос диспетчера произнес:

— Павлыш, поднимись ко мне. Доктор Павлыш, ты меня слышишь?

Слова Спиро догоняли Павлыша, толкали в спину:

— Я тебя здесь ждать буду! Никуда ни шагу. Ты мне позарез нужен. Даже не представляешь — как.

Всегда грустный маленький тамил, второй год сидевший здесь диспетчером, сообщил Павлышу, что «Прага» задерживается. Как минимум еще на пять дней.

Павлыш сделал вид, что переживет эту новость, но испугался, что не переживет. Цокая подковами, он спустился в буфет.

Спиро стоял посреди комнаты с пустым бокалом. Его черные глазки метали молнии, словно норовили прожечь пластик буфетной стойки.

— На что это похоже? — допрашивал он Ниночку. — Я им всем поотрываю головы. Сорвать большое дело, подвести товарищей! Нет, это невиданно! Такого еще не было в истории флота. Они попросту забыли, понимаешь, забыли два контейнера на Земле-14. Учти, не один, а два! В документах они есть, а в трюме их нет. Каково?

— Важный груз? — спросил Павлыш.

— Важный? — Голос Спиро дрогнул.

Павлыш испугался, что он сейчас разрыдается. Но Спиро не разрыдался. Он смотрел на Павлыша. Павлыш ощутил себя мышью, которая попалась на глаза голодному коту.

— Галаган! — сказал Спиро. — Ты нас спасешь.

— Я не Галаган, а Павлыш!

— Правильно, Павлыш! Мы с тобой взрыв на лунной шахте ликвидировали. Сотни погибших, бушует вулканическое пламя. Я тебя вынес из огня, правда?

— Почти.

— Так вот, ты мне обязан. На Сентипере во втором пакгаузе лежат запасные контейнеры. Я не знал, что они понадобятся, но никому не отдал. Я предчувствовал, чем все кончится. Ты летишь на Сентиперу, тратишь день, чтобы выбить их у Геленки. Сначала она тебе скажет...

— Не смущай человека, — остановила его Ниночка. — Неужели кому-нибудь не ясно, что это не твои контейнеры?

— Мои!

— Чужие, — подтвердил механик Ахмет.

— Они больше чем мои! — возмутился Спиро. — Без них все погибнет, без них остановится работа всей лаборатории. Замрет научная жизнь на целой планете.

— Вот и лети сам за своими контейнерами, — сказала Ниночка.

— А кто отвезет груз на Проект? Ты?

— Ты знаешь, что здесь все заняты.

— Вот именно это я и говорю.

Спиро подошел к столику, за который сел Павлыш, и бросил перед ним большой тугой тюк.

— Это тебе.

Тюк раскрылся, и из него выпало несколько писем и пакетов. Конверты, микрофильмы, видеокассеты медленно расползались по полированной поверхности и норовили спрыгнуть на пол. Павлыш с буфетчицей кинулись собирать их и запихивать обратно в тюк.

— Всегда он так с почтой обращается, — сказала Ниночка. — Столько шума, а потом бросит все и убежит.

Павлыш укладывал письма. Спиро был забавен. Еще неделю на планетоиде не выдержать. Может, рискнуть и улететь на Сентиперу?

— Вот еще одно упало. — Ниночка передала Павлышу узкий конверт с видеолистом. На конверте было написано: «Проект-18. Центральная лаборатория. Марине Ким».

Павлыш три раза медленно перечитал адрес, потом аккуратно положил конверт в тюк.

— Значит, так, — решил Спиро, — я сейчас схожу на Сентиперу. Без контейнеров мне лучше не возвращаться. Ты не знаешь Димова! И лучше тебе никогда его не узнать. Времени у меня двадцать минут. Сейчас я дам тебе список грузов, покажу, где пришвартована моя шхуна, потом ты получишь овощи у садовника, все погрузишь и отвезешь на Проект. Не беспокойся, грузовик на

автоматике, мимо не провезет. Ясно? Только не сопротивляйся, потому что все уже решено и ты не имеешь права подвести старого друга.

Спиро угрожал, умолял, убеждал, махал руками, бегал по буфету, обрушивал на Павлыша лавины фраз и восклицательных знаков.

— Да послушайте, наконец! — рявкнул Павлыш во всю мощь своего незаурядного голоса. — Я согласен лететь на Проект! Я и без ваших уговоров решил лететь на Проект! В конце концов, я, может быть, давно мечтал полететь на Проект!

Спиро замер. Его черные глазки увлажнились. Он поперхнулся, но тут же совладал со своими чувствами и быстро произнес:

— Тогда пошли. Быстро. У нас каждая минута на счету.

— Правильно сделаете, что полетите, — сказала Ниночка. — Я сама бы полетела, только некогда. Там, говорят, такой океан...

* * *

Грузовик вышел к планете Проект-18 с неосвещенной стороны, и минуло несколько минут, прежде чем солнце, навстречу которому несся грузовик, осветило бесконечный ровный океан. Павлыш погасил перегрузки и перешел на стабильную орбиту. Затем, щелкнув тумблером, вышел на связь со Станцией.

Он знал, что Станция ведет грузовик, и ждал, когда раздастся знакомое шуршание, означающее, что полоса свободна для пилота.

Черные точки возникли на лице океана. Из сетки приемника донесся сухой шум.

— Станция, — позвал Павлыш. — Станция, иду на посадку.

— Что у тебя с голосом, Спиро? — спросили снизу.

— Это не Спиро, — ответил Павлыш. — Спиро ушел на Сентиперу.

— Ясно, — сказала Станция.

— Перехожу на ручное управление, — предупредил Павлыш. — Машина перегружена. Как бы не пролететь мимо.

Справа над пультом на экране медленно поворачивался глобус планеты, и черная точка над глобусом — грузовик — постепенно сближалась с зеленым огоньком Станции.

— И не мечтай, — ответила Станция.

— Не беспокойтесь, — сказал Павлыш. — Я из Дальнего флота. На этих грузовиках налетал больше, чем Спиро.

Группа островов, рассеянных по плоскому лицу океана, прошла внизу. На горизонте в дымке лежала Станция. Грузовик слишком медленно терял высоту, и Павлыш на мгновение отключил автоматику, дал торможение. Его вдавило в кресло.

Павлыш снова щелкнул рубильником на пульте связи.

— Что надевать? — поинтересовался он. — Какая у вас погода?

Он включил видеофон. На экране возникло широкое плоское лицо обритого наголо человека. Глаза его были узки, к тому же прищурены, тонкие брови стояли галочкой, и вообще он являл собой образ Чингисхана, только что узнавшего о поражении его любимых тысяч у стен Самарканда.

— Кто таких присылает? — спросил Чингисхан, очевидно, имея в виду Павлыша.

— Я сэкономил полтонны горючего, — скромно ответил Павлыш. — Я привел корабль на час раньше срока. Полагаю, что не заслужил ваших упреков. Так что же вы надеваете, когда выходите на свежий воздух?

— Там Спиро все свое оставил, — сказал Чингисхан.

— Сомневаюсь, что влезу в его костюм.

— Хорошо, через три минуты я буду у вас.

Павлыш отстегнулся, встал с кресла, достал из боковой ниши тюк с почтой, отряхнул пыль с костюма. Двигаться было легко, притяжение на планете не превышало 0,5. Люк в кабину управления отъехал в сторону, вошел Чингисхан в утепленном комбинезоне, с кислородной маской, закрывавшей пол-лица. Вслед за ним в кабину втиснулся высокий поджарый человек с блеклыми глазами под густыми черными бровями.

— Здравствуйте, — приветствовал их Павлыш. — Я случайно оказался на планетоиде, когда Спиро был вынужден отправиться на Сентиперу. И он попросил ему помочь. Я доктор Павлыш.

— Моя фамилия Димов, — представился худой человек. — Димитр Димов. Я руковожу здешним отделением нашего института. Мы, если позволите, коллеги?

Он указал тонким длинным пальцем пианиста на змею и чашу на груди Павлыша, как раз над планками с названиями кораблей, на которых Павлышу приходилось служить.

— Ванчидорж, — представил Димов Чингисхана. И сразу продолжил: — Вы одевайтесь, одевайтесь. Мы вам очень благодарны. У нас всегда возникают некоторые трудности со Спиро. Он чудесный человек, добрейший, отмечен замечательными деловыми качествами. Его с громадным трудом отпустили к нам с Луны...

Чингисхан, то есть Ванчидорж, хмыкнул, выражая таким образом несогласие со словами своего начальника.

Димов помог Павлышу закрепить кислородную маску.

— Надеюсь, вы у нас задержитесь на несколько дней?

— Спасибо, — ответил Павлыш.

Он включил обогрев в комбинезоне и поправил теплый шлем. Кислород поступал нормально. Костюм Димова был узковат, но

в общем в нем было удобно. Павлышу хотелось спросить о Марине Ким, но он сдержался. Теперь Золушка никуда от него не денется.

Они вышли на гладкую, будто отшлифованную поверхность острова. В ста метрах за долинкой поднимались стеной обрывистые скалы. По другую сторону начинался океан, волны прибоя разбивались о черный берег, взметая столбы белой пыли. Павлыш поправил шлемофон, чтобы усилить шум прибоя, но доносился он глухо, неадекватно мощи волн — звуки гасли в разреженном воздухе. Серое полупрозрачное облачко закрыло на минуту солнце, и тени, резкие и глубокие, стали мягче.

Ванчидорж ушел вперед, закинув на плечо тюк с почтой. Димов отстал. Он закрывал люк грузовика. Ванчидорж вошел в тень от скалы и растворился в ней. Павлыш последовал за ним и оказался перед медленно отползавшей в сторону металлической дверью, которая скрывала вход в пещеру.

— Заходите, — пригласил Ванчидорж, — застудим камеру.

Павлыш оглянулся. Большая белая птица медленно спускалась к Димову, и Павлыш чуть было не крикнул ему: «Осторожно!» Димов видел птицу, но не собирался прятаться.

Птица сделала круг над головой Димова, и тот поднял руку, как бы приветствуя ее.

У птицы были громадные крылья и маленькое пушистое тело.

— Вы их подкармливаете? — спросил Павлыш.

— Разумеется.

У Ванчидоржа была неприятная манера саркастически хмыкать. И непонятно было, смеется он или сердится.

Чуть выше первой показалась вторая птица. Она сложила крылья и мягко спланировала, усевшись на скалу рядом с Димовым. Димов протянул руку и потрепал птицу по шее.

— Пошли, — повторил Ванчидорж.

Внутри Станция была устроена удобно. Залы просторной пещеры были превращены в жилые и рабочие помещения, и Павлыш вспомнил страшные картинки к роману Жюля Верна «Таинственный остров», герои которого любили деловой комфорт. Павлыш подумал, что в его комнате должно быть вырублено в стене окно, в которое будет врываться океанский ветер.

Димов сказал:

— У нас с жильем здесь туго. В прошлом месяце приехала группа физиологов, шесть человек, заняли все свободные помещения. Вам придется пожить в комнате с Ваном. Вы не возражаете?

Павлыш поглядел на Ванчидоржа.

Тот отвернулся к стене.

— Я, разумеется, не возражаю. Но не стесню ли...

— Я редко бываю в комнате, — быстро ответил Ван.

Комната Ванчидоржа была просторна — не чета клетушкам на других станциях. В толще скалы было вырублено высокое узкое окно, сквозь которое врывался солнечный свет.

— Вот ваша кровать, — сказал Ван, указывая на самую настоящую, в меру широкую, удобную кровать, спинкой которой служила изрезанная сложным узором зеленоватая каменная плита.

— А вы? — спросил Павлыш. Второй кровати в комнате не было.

— Принесу. Не успел. Вас никто не ждал.

— Вот я и буду спать на той кровати, которую вы принесете, — решил Павлыш. — Гостеприимство не должно сопровождаться жертвами.

Он отошел от окна. Вдоль стены комнаты тянулся рабочий стол. На столе лежали пластины розового и светло-зеленого прозрачного камня. Нефрит, догадался Павлыш. На одной из пластин был намечен рисунок — птица с широкими крыльями. Нефрит тепло светился в отраженном солнечном свете. Раковина, похожая на половинку гигантского грецкого ореха, бросала на потолок перламутровые радужные блики. Ван раскладывал почту на стопки. Второй стол был придвинут к боковой стене напротив кровати. Над столом было несколько полок. К стопке микрофильмов на второй полке была прислонена фотография Марины Ким в рамке из нефрита. Рамка была вырезана с большим искусством, взгляд запутывался в сложном узоре. Павлыш сразу узнал Марину, хотя в памяти она осталась в белом завитом парике, который придавал чертам лица нелогичность, подчеркивая несоответствие между разрезом глаз, линией скул и пышными белыми локонами. Настоящие волосы Марины были прямыми, черными, короткими.

Павлыш обернулся к Вану и увидел, что тот перестал раскладывать почту и наблюдал за ним.

Дверь отворилась, и вошел человек в голубом халате и хирургической голубой шапочке.

— Ван, — сказал он, — неужели почту привезли?

— Как у вас дела? — спросил Ван. — Лучше ему?

— Ласты есть ласты, — ответил человек в голубом халате. — За один день не вылечишь. Так что же с почтой?

— Сейчас иду. Немного осталось.

— А мне что-нибудь есть?

— Подожди немного.

— Отлично, — произнес хирург. — Иного ответа от тебя и не ждал. — Он пригладил короткие усики, провел ладонью по узкой бородке. — Вы грузовиком прилетели? — повернулся он к Павлышу.

— Да. Вместо Спиро.

— Очень приятно, коллега. Надолго к нам? А то подыщем вам работу.

— Приятно сознавать, — сказал Павлыш, — что, куда я ни попаду, мне сразу предлагают работу, даже не спрашивая, хороший ли я работник.

— Хороший, — убежденно заявил хирург. — Интуиция нас никогда не обманывает. А я Иерихонский. Мой прадед был священником.

— А почему мне об этом надо знать?

— Я всегда говорю так, представляясь, чтобы избежать лишних шуток. Это церковная фамилия.

Павлыш снова взглянул на фотографию Марины Ким, словно хотел убедиться, не растворилась ли она. Скоро он ее увидит. Может, через несколько минут. Удивится ли она? Вспомнит ли гусара Павлыша? Конечно, можно спросить Вана, но не хочется.

— Все, — подвел черту Ван, — пошли. Вы идете с нами, Павлыш?

Они ступили в обширный зал, освещенный рядом вырубленных в скале окон. Пол зала покрыт голубым пластиком. В дальнем конце стояли длинный стол и два ряда стульев, ближе к двери — стол для пинг-понга с провисшей сеткой. Ван поставил сумку на стол и начал последовательно, словно выполняя ритуал, вынимать стопки почты и раскладывать их в ряд.

— Я позову людей, — предложил Иерихонский.

— Сами придут, — ответил Ван. — Не торопись.

Но Иерихонский его не послушался. Он подошел к стене, отодвинул крышку небольшой ниши и включил звонок, звук которого прерывисто понесся по коридорам и залам Станции.

Над пинг-понговым столом в ряд висели портреты, как портреты предков в фамильном замке. И это было необычно. Павлыш принялся разглядывать их.

Мрачный скуластый человек лет сорока, с настойчивыми светлыми глазами. Иван Грунин. За ним старик, глаза которого затенены густыми кустистыми бровями, — Армен Геворкян. Следующий портрет изображал совсем молодого парня с удивительными голубыми глазами и острым подбородком. Драч. Что-то объединяло этих людей и делало близкими, чтимыми на этой Станции. Они сделали что-то важное в том, чем занимаются остальные, может, они были дружны с Димовым или Иерихонским... Сейчас придут люди, которые услышали звон колокольчика. Войдет и Марина. Павлыш отошел подальше от пинг-понгового стола, но не спускал глаз с длинного голубого конверта, который предназначался Марине. Он лежал поверх самой тонкой стопки.

Первыми в зале появились два медика в таких же голубых халатах, как Иерихонский. Павлыш старался не смотреть на дверь и думать о посторонних вещах: например, удобно ли играть в пинг-понг при такой малой силе тяжести? То ли надо утяжелять шарик, то ли привыкать к замедленным прыжкам. Движения у людей на Проекте были куда более плавными и широкими, чем на Земле.

Медики сразу бросились к столу, но Ван остановил их:

— Погодите, пока все соберутся. Вы же знаете...

Ван явно был формалистом и поклонником ритуала.

На мгновение Павлышу показалось, что вошла Марина. Девушка была черноволосой, стройной, смуглой, но на этом ее сходство с Мариной кончалось. У нее были мокрые волосы, а белое сари кое-где прилипло к влажной коже.

— Ты обязательно простудишься, Сандра, — сварливо сказал Иерихонский.

— Здесь тепло, — ответила девушка.

Говорила она медленно, словно вспоминала нужные слова.

Потом глубоко вздохнула, откашлялась и повторила:

— Здесь тепло, — звонче, чем в первый раз.

Зал наполнился народом. Люди были в рабочей одежде, будто на секунду оторвались от дел и тотчас вернутся к ним. Павлыш крутил головой, ему казалось, что он упустил, потерял Марину, что она уже в зале.

Ван священнодействовал. Он подвинул стопку официальной почты Димову, затем принялся брать письма и пакеты из самой большой пачки, читать вслух фамилии адресатов. Эта процедура явно была освящена традицией, никто не роптал, кроме Иерихонского, который оказался записным бунтарем.

Люди подходили, брали письма и посылки для себя и для тех, кто не смог прийти, и толпа, окружавшая Вана, постепенно рассасывалась, люди устраивались поудобнее, чтобы прочесть письмо, или спешили уйти, чтобы в одиночестве прослушать пленку. Стопки подошли к концу. Марины Ким в числе адресатов, имена которых называл Ван, не было. Ван взял предпоследнюю пачку, протянул Сандре.

— Для морской станции, — сказал он. — Там есть и тебе посылка.

Потом он положил руку на последнюю, тонкую пачку писем, на голубой конверт Марины Ким.

— С Вершины никого? — спросил он. И тут же добавил: — Я сам отнесу.

«Конечно, — подумал Павлыш, — ты сделаешь это с удовольствием». Он подумал, что Марина без всяких к тому оснований постепенно превращает его, бравого дальнелетчика, в банального ревнивца.

— Павлыш, вы меня слышите?

Рядом стоял Димов.

— Мне сейчас надо уйти, а когда я вернусь, то уделю вам время для ответов на вопросы. Догадываюсь, что пока вопросов нет. Но советую вам проводить Сандру. Она идет вниз, на морскую станцию.

— Я с вами, — кинул Иерихонский. Потом он обернулся к своим коллегам и добавил: — Некоторые, вместо того чтобы возвращаться на свои рабочие места, направляются к нашему гостю с корыстными намерениями. Я отвечу за него. Он не с Земли. Он меньше нас знает, что творится дома, он не занимается спортом и не собирает марок. Он человек неинтересный и неосведомленный. Все остальное вы узнаете от него за ужином.

Закончив монолог, он шепнул на ухо Павлышу:

— Для вашего же блага, коллега. Вдалеке от дома люди становятся болтливы.

Когда они шли длинным наклонным туннелем, освещенным редкими светильниками под потолком, он развивал свою мысль:

— Если бы наша работа была напряженной, если бы нас на каждом шагу подстерегала опасность, мы бы и не замечали, как идет время. Но работа у нас монотонная, в лабораториях развлечений мало... Вот мы и тянемся к новым лицам.

— Ты не совсем прав, Эрик, — возразила Сандра, — это у вас наверху все спокойно. У других не так.

Винтовая лестница, по которой они начали спускаться, вилась вокруг вертикального столба, в котором находился лифт. Но они шли пешком.

— Я доморощенный философ, — продолжал между тем Иерихонский. — И должен вам сказать, коллега, что обстоятельства моей работы склоняют к абстрактному мышлению. За внешней будничностью нашей сегодняшней жизни скрывается напор будущих катаклизмов и водоворотов. Но, повторяю, это мы воспринимаем лишь как фон, а к любому, даже самому экзотическому фону быстро привыкаешь. Вот Сандра сказала, что у других здесь жизнь не такая спокойная. Может быть... Когда вас ждет Димов?

— Через полчаса.

— Тогда мы вам покажем аквариум, и сразу обратно. Димова очень интересно слушать, но он не выносит, когда опаздывают.

— Странно, — удивился Павлыш, — здесь говорят о Димове как о самодержце. А он производит впечатление очень мягкого, деликатного человека.

— С нами нельзя не быть самодержцем хотя бы в лайковых перчатках. Я на месте Димова давно бы сбежал от этого скопища интеллектуалов. Нужно иметь невероятную выдержку.

— Эрик опять не прав, — заметила Сандра, которой как будто нравилось во всем оспаривать мнение Иерихонского. — Димов и в самом деле милейший и мягкий человек, но мы понимаем, что последнее слово всегда за ним. Он не имеет права ошибаться, потому что тогда может произойти что-нибудь очень плохое. Здесь нет никакой мирной жизни. Это все выдумки Иерихонского.

Шахта кончилась. Павлыш несколько секунд стоял у стены, стараясь переждать головокружение. Иерихонский заметил это и объяснил:

— Мы стараемся как можно больше двигаться. По работе нам не приходится много передвигаться...

— Кому как, — сказала Сандра, к которой Павлыш уже обернулся, ожидая очередного возражения. — Мне приходится много двигаться, другим тоже.

— Но я же не говорю о вашей группе, — ответил Иерихонский. — Ваша группа — другое дело.

— А Марина Ким? — спросила Сандра.

У Павлыша екнуло сердце. Впервые это имя было произнесено здесь просто и буднично, как имя Димова или Вана. По крайней мере, теперь можно быть уверенным, что Марина здесь и ей приходится двигаться. Из этих слов следовало, что Марина не входит в группу, к которой принадлежит Сандра. Но она на Станции, близко, может, именно сейчас Ван передает ей письмо с Земли.

— При чем тут Марина? — удивился Иерихонский. И обратился за поддержкой к Павлышу, видимо, считая его куда более информированным, чем было на самом деле: — Разве можно сравнивать?

Павлыш пожал плечами. Он не знал, можно ли сравнивать Иерихонского и Марину Ким. Хотя это также подтверждало его подозрение, что Иерихонский живет спокойной жизнью, а вот Марина нет. Иерихонский бегает по лестницам, чтобы не потерять форму, а Марине это не грозит.

— Он же не знает Марину, — напомнила Сандра.

— Ах да, я совсем забыл.

— Я ее как-то встречал, — сказал Павлыш. — Давно еще, на Луне, полгода назад.

— Не может быть! — воскликнул Иерихонский. — Вы ошиблись!

— Да? А ты забыл, что творилось в институте? — спросила Сандра. — У тебя дырявая голова.

Иерихонский не стал возражать.

Они вошли в обширное помещение, придавленное низким потолком, укрепленным кое-где столбами. Дальняя стена зала была прозрачной. За ней зеленела толща воды.

— А вот и наш аквариум, — произнес Иерихонский.

— Я вас оставлю, — сказала Сандра. — Мне надо передать письма, а потом на работу.

— Счастливо, — ответил Иерихонский, и голос его дрогнул. — Не переутомляйся.

Павлыш подошел к прозрачной стенке. Мелкая рыбешка стайкой промелькнула совсем рядом, лучи солнца пробивались сквозь воду и растворялись где-то вверху, создавая впечатление громадного, заполненного туманом зала, под потолком которого, невидимые, светят люстры. Покачивались длинные руки водорослей. Дно океана покато уходило вглубь, ну а там, смутно различимые, поднимались зубцы черных скал. Громадная акула появилась из темной глубины и медленно, величественно подплыла к стеклу. За ней последовала вторая, чуть меньше размером.

Откуда-то сбоку, из невидимого Павлышу люка выплыла Сандра. Она была в легком резиновом костюме, ластах и больших очках. Она не видела акул, и Павлыш испугался за нее. Женщина поплыла прямо к акуле.

— Сандра! — крикнул Павлыш, бросаясь к стеклу.

Акула поменьше грациозно повернула к Сандре. В грациозности ее движения чувствовалась страшная первобытная сила.

— Сандра!

— Успокойся, — сказал Иерихонский. Павлыш даже забыл о нем. — Мне тоже иногда бывает страшно.

Акула и Сандра плыли бок о бок. Сандра что-то говорила акуле. Павлыш мог бы поклясться, что видел, как открывается ее рот. Затем Сандра поднялась чуть выше, легла акуле на спину, держась за острый плавник, и акула мгновенно скользнула в глубину. Вторая последовала за ней.

Павлыш поймал себя на том, что стоит в неудобной позе, почти прижавшись лбом к стеклу. Он провел ладонью по виску, ему показалось, что растрепались волосы. Волосы были в порядке. В конце концов, этому было правдоподобное объяснение: здесь дрессировали морских животных.

Павлыш не знал, сколько прошло времени. Потом он обернулся, чтобы спросить Иерихонского, что же все это значит. Но Иерихонского не было.

Павлыш вспомнил, что не договорился, где встретится с Димовым.

Он поднялся наверх на лифте, без труда нашел большой зал с портретами. Но там никого не было. Тогда он вернулся в свою комнату, полагая, что Димову легче будет отыскать его там.

Комната тоже была пуста. Павлыш подошел к портрету Марины. Марина смотрела мимо Павлыша, словно увидала что-то

очень интересное у него за спиной. Уголки полных губ были приподняты: это еще была не улыбка, но начало улыбки. Прошло уже больше сорока минут. Димов не появлялся. Павлыш подошел к окну. За окном гулял ветер. Барашки тянулись до самого горизонта. В комнате было очень тихо — стекло не пропускало звука. Тихо было и в коридоре. И тут послышалось легкое стрекотание, как будто рядом проснулся деловитый сверчок. Павлыш огляделся. На дальнем конце длинного рабочего стола Вана стояла пишущая машинка. Она работала. Край листа показался над кареткой и выскочил на несколько сантиметров, показав напечатанную строчку. Машинка щелкнула, и отрезанная записка выскочила в приемник. Павлыш почему-то решил, что записка может предназначаться ему. Димов его разыскивает и таким способом назначает ему рандеву. Он подошел к машинке и подобрал листок.

«Ван, — было напечатано на листке, — как зовут прилетевшего человека? Если Павлыш, не говори ему обо мне. Марина».

Павлыш стоял, держа в руке записку. Марина не хочет его видеть. Она обижена на него? Но за что? А как ему следует вести себя дальше? Он-то знает, что Марина здесь...

— А, вот вы где, — произнес Димов. — Правильно сделали, что вернулись сюда. Я вас сразу нашел. Ну как, были внизу?

— Был, — ответил Павлыш. Надо было положить записку на место. Он сделал шаг к машинке.

— Что-нибудь случилось? — спросил Димов. — Вы расстроены?

Павлыш протянул уже руку с запиской к машинке, но вернулся. Есть ли смысл таиться? Он передал записку Димову.

— Ага, это их частная переписка. — Димов показал на машинку. — А вы случайно взяли записку, потому что машина заработала, а вы решили, что это я вас разыскиваю, правда?

Павлыш кивнул.

— А прочтя, естественно, расстроились. Ибо каждому из нас неприятно, если его не хотят видеть, даже если к этому есть достаточные основания.

Димов перехватил взгляд Павлыша, брошенный на фотографию в нефритовой рамке.

— Вы с ней были знакомы?

— Да.

— Когда вы познакомились? Поверьте, мною движет не пустое любопытство. И если в этом нет секрета, я хотел бы знать, как и когда это было. Дело в том, что Марина — моя подчиненная...

— Никакой тайны тут нет, — объяснил Павлыш. — Полгода назад я был на Луне, в Селенопорте. Там как раз состоялся кар-

навал. И совершенно случайно во время этого карнавала я познакомился с Мариной.

— Ну, теперь все ясно.

— Знакомство было кратким и странным. Она исчезла...

— Не надо, я все знаю. Все знаю.

Павлыш удивился собственному тону. Он словно оправдывался перед Димовым.

— И вы знали, что она будет здесь?

— Она попросила меня ее не разыскивать.

Павлышу показалось, что он уловил насмешку в глазах Димова.

— А как вы узнали, что она на Проекте?

— Я бы все равно прилетел сюда. Спиро попросил меня перегнать грузовик, а у меня было свободное время. Когда он со мной разговаривал, из тюка с почтой выпало несколько писем. На одном конверте я увидел имя Марины Ким. И мне стало интересно... Очевидно, я должен был с самого начала спросить вас о ней, но я подумал, что она придет за почтой и тогда я ее увижу. К тому же я не считал себя вправе. Ведь я с ней почти не знаком.

— Я видел ее сегодня, — произнес Димов, кладя записку в приемник машинки. — Разговаривал. Но меня она не предупреждала.

— Она вправе не видеть меня.

— Разумеется, коллега. К тому же вы все равно не смогли бы ее сегодня увидеть, она улетела к себе.

— Это далеко?

— Не очень... Значит, она не хочет вас видеть... Да, к этому должны быть веские причины. И мы не имеем права нарушать волю женщины, чем бы это ни было вызвано. Даже если это каприз, правда?

— Я согласен с вами.

— Вот и отлично. Давайте поговорим о Станции. Вам как биологу будет интересно с ней ознакомиться. У вас наверняка уже возникли первые вопросы.

Димов явно не хотел продолжать разговор о Марине.

— Ну что ж, раз Марина — тема запретная...

— Вы слишком категоричны, коллега.

— Я не настаиваю. Тогда я спрошу вас о Сандре. Я там не все понял. Сандра уплыла с акулами. А Иерихонский исчез.

— Ничего удивительного. Иерихонский страшно переживает за Сандру.

— Вы дрессируете местных животных?

— Вы что конкретно имеете в виду?

— Там были акулы. Сандра уплыла на одной из акул.

— Садитесь, — предложил Димов и сам уселся в кресло.

Павлыш последовал его примеру. За что Марина обижена на него? Чем он заслужил такую немилость?

— Начнем с начала. Так всегда лучше, — решил Димов. — Вы курите. Я сам не курю, но люблю, когда курят в моем присутствии. Вам знакомы работы Геворкяна?

Павлыш сразу вспомнил о портрете в большом зале... Кустистые брови над темными глубокими глазницами.

— Только в общих чертах. Я все время на кораблях...

— Ясно. Я тоже не успеваю следить за событиями в смежных науках. Ну а о биоформировании вы слышали?

— Разумеется, — слишком быстро отозвался Павлыш.

— Ясно, — сказал Димов, — в самых общих чертах. И не надо оправдываться. Например, вы сами в чем специализируетесь? Я задаю этот вопрос, почти наверняка зная, что ответ будет положительным. Иначе вы были бы убежденным бездельником, вечным пассажиром, который иногда врачует царапины и умеет включать диагност.

— В прошлом году я стажировался у Сингха по реанимации, — ответил Павлыш. — А сейчас большой отпуск провел на Короне. Они интересно работают. За этим большое будущее.

— Сингх, кажется, в Бомбее?

— В Калькутте.

— Вот видите, мир не так уже велик. Когда-то у него работала Сандра.

— Наверное, после меня.

— А о Короне у меня самое слабое представление. И не потому, что мне это неинтересно. Руки не доходят. Так что не обессудьте, если я буду рассказывать вам о наших делах несколько подробнее, чем вам покажется необходимым. Коли вы что-нибудь из моего рассказа уже знаете, то терпите. Я не выношу, когда меня перебивают.

И Димов смущенно улыбнулся, как бы прося прощения за свой невыносимый характер.

— Когда, — продолжал он, — создавался наш институт, какой-то шутник предложил назвать нашу науку ихтиандрией. А может, и не шутник. Был когда-то такой литературный персонаж — Ихтиандр, человек-рыба, снабженный жабрами. Не читали?

— Читал.

— Конечно, ихтиандрия осталась шуткой. Ученым нужны более научные слова. Это наша слабость. Нас назвали институтом биоформирования... Новые науки создают обычно на гребне волны. Сначала накапливаются какие-то факты, опыты, идеи, и, когда их количество превышает допустимый уровень, на свет является новая наука. Она дремлет в недрах соседних или даже дале-

ких от нее наук, ее идеи витают в воздухе, о ней пишут журналисты, но у нее нет названия. Она удел отдельных энтузиастов и чудаков. То же случилось и с биоформированием. Первыми биоформами были оборотни. Сказочные оборотни, рожденные первобытной фантазией, видевшей в животных своих близких родственников. Человек еще не вычленил себя из природы. Он видел силу в тигре, хитрость в лисе, коварство или мудрость в змее. Он своим воображением переселял в животных людские души и в сказках наделял зверей человеческими чертами. Вершиной этого рода фантазии стали волшебники, колдуны, злые оборотни. Вы слушаете меня?

Павлыш кивнул. Он помнил обещание не перебивать.

— Людям хочется летать, и мы летаем во сне. Людям хочется плавать, как рыбы... Человечество, движимое завистью, стало заимствовать у животных их хитрости. Появился аэроплан, который был похож на птицу, появилась подводная лодка — акула.

— Зависть, пожалуй, не играла роли в этих изобретениях.

— Не перебивайте меня, Павлыш. Вы же обещали. Я хочу лишь показать, что человечество шло по неправильному пути. Наших предков можно оправдать тем, что у них не хватало знаний и возможностей, чтобы избрать путь правильный. Человек копировал отдельные виды деятельности животных, подражал их форме, но самого себя всегда оставлял в неприкосновенности. В определенной степени с развитием науки человек стал слишком рационален. Он отступил на шаг по сравнению со своими первобытными пращурами. Вы меня понимаете?

— Да. — Интересно, эти лекции предназначены только для приезжих или сотрудники Станции тоже проходят через это испытание? И Марина? Какие у нее глаза? Говорят, что уже через несколько лет после смерти Марии Стюарт никто не помнил, какого цвета у нее глаза.

— Но такое положение не могло длиться до бесконечности! — почти крикнул Димов. Он преобразился. Худоба в нем от фанатизма. Это мягкий, деликатный фанатик, подумал Павлыш. — Медицина достигала определенных успехов. Началась пересадка органов, создание органов искусственных. Все большее значение в нашей жизни стали играть генетика, генное конструирование, направленные мутации. Людей научились чинить, реставрировать, даже достраивать...

Нет, он не фанатик, поправил себя мысленно Павлыш. Он природный педагог, а его обстоятельства поставили в окружение людей, которые все знают и без тебя и не будут слушать твоих лекций, даже при всем уважении к начальнику Станции. Марина в опасные моменты попросту выскальзывает из комнаты и бежит к себе на Вершину. Надо будет пройти по Станции и посмотреть, есть ли лестница или лифт наверх. Случайно подняться, случайно зайти к ней в лабораторию... Постой, а что, если она тоже работает с животными? Сандра с акулами, а Марина... Марина с птицами!

Задумавшись, Павлыш пропустил несколько фраз.

— ...Геворкяну судьба предназначила роль собирателя. Он свел воедино все те примеры, о которых я только что рассказывал. Он сформулировал задачи, направление и цели биоформирования. Естественно, что его не приняли всерьез. Одно дело — небольшие частные изменения человеческого тела, другое — коренная его переделка. Но если ученым в прошлом веке приходилось доказывать свою правоту десятилетиями и обогнавший свое время гений получал признание где-то к восьмидесятому году жизни, то Геворкян имел в своем распоряжении океанскую базу Наири, где уже работало двенадцать подводников, снабженных жабрами.

— Сандра — подводник? — догадался Павлыш.

— Разумеется, — сказал Димов, даже удивившись неосведомленности Павлыша. — Разве вы не заметили, что у нее специфический голос?

— Заметил, но не придал значения.

— Сандра перешла к нам недавно. Она когда-то работала на Наири. Но вы опять меня перебиваете, Павлыш. Я рассказывал вам о Геворкяне. Получается парадокс. Люди-рыбы нам нужны. Подводников мы снабжаем жабрами, и им находится множество дел в океане. Журналисты уже легкомысленно пишут о расах морских людей, а мы, ученые, понимаем, что говорить об этом рано, так как двойная система дыхания настолько усложняет организм, что балансирование его затрудняется. Геворкян с самого начала выступал против того, чтобы жабры подводников оставались навсегда частью их организма. Нет, говорил он, пусть новое тело будет лишь оболочкой, которую сочтет нужным принять разум. Оболочкой, которую при нужде можно скинуть и вернуться к нормальной жизни. Теперь вы ощущаете разницу между ныряльщиками и биоформами?

Павлыш промолчал. Димов и не ждал ответа. Он продолжал:

— Биоформ — это человек, телесная структура которого изменена таким образом, чтобы он мог лучше выполнять работу в условиях, в которых нормальный человек работать не в состоянии.

Павлыш впервые услышал эту фамилию — Геворкян — лет пятнадцать назад, в студенческие времена. Потом споры и страсти стихли. А может, Павлыш занялся другими делами...

— Споры концентрировались вокруг проблемы номер один, — говорил Димов. — Зачем менять структуру человеческого тела, что дорого и опасно, если можно придумать машину, которая

выполнит все эти функции? «Вы хотите создать Икара? — спрашивали нас наши оппоненты. — Икара с настоящими крыльями? А мы обгоним его на флаере. Вы хотите создать человека-краба, который мог бы спуститься в Тускарору? Мы спустим туда батискаф». Но...

Тут Димов сделал паузу. И Павлыш испортил весь эффект, продолжив фразу:

— Космос — это не продолжение земного океана!

Димов откашлялся, замолчал, словно переживая обиду, как актер, которому какой-то нахал подсказал из зала: «Быть или не быть!» А ведь он, актер, готовил, репетировал эту фразу несколько месяцев.

— Извините, — понял непростительность своей реплики Павлыш, — я вдруг вспомнил обрывки дискуссий тех времен.

— Тем лучше, — уже справился с собой Димов. — Значит, вы сказали, что космос — это не земной океан. И тогда вам нетрудно догадаться, где Геворкян получил поддержку.

— В Космическом управлении.

— В Дальней разведке. Вы не представляете, сколько мы получили заявок после того, как Геворкян напечатал свой основной доклад! К Геворкяну поспешили хирурги и биологи с разных, порой неожиданных сторон. Однако это были трудные годы. Всем хотелось немедленных результатов, а добровольцев мы пока не брали. Но возникла глубоководная собака. Вернее, краб-собака. Потом еще три года опытов, пока мы смогли сказать со всей уверенностью, что гарантируем биоформу-человеку возвращение его прежнего облика. И восемь лет назад начались опыты с людьми.

— А кто был первым биоформом?

— Их было два. Селвин и Скавронский. Они были глубоководными биоформами. Работали на глубине шести километров. Они не могли бы убедить скептиков, если бы не случай. Вы не помните, как спасли батискаф в Филиппинской впадине? Нет?

— Когда это было?

— Значит, не помните. А для биоформии это эпоха. Батискаф потерял управление. Он попал в трещину и был засыпан подводной лавиной. Связь прервалась. В общем, произошел тот случай, когда любая техника отступает. А наши ребята пошли к нему. У меня где-то хранятся снимки и вырезки тех лет. Если интересно, я вам потом покажу...

Все возит с собой, подумал Павлыш. И говорит о тех событиях, как о древней истории. А прошло всего шесть-семь лет.

— В то время в институте уже готовились несколько добровольцев. Понимаете, даже для сегодняшних возможностей процесс биоформирования чрезвычайно сложен. Допустим, работал у нас Грунин. Доброволец, штурман Дальнего флота. Ему пред-

стояло трудиться на планете с давлением вдесятеро против нашего, где радиация в сто раз выше допустимой нормы, а температура на поверхности плюс триста. К тому же добавляются пыльные бури и непрестанные извержения вулканов. Конечно, можно послать на такую планету робота, которому по плечу такие условия, или даже вездеход, настолько сложный, что человек в нем будет как муха в кибернетическом мозге. И все-таки возможности робота и человека в вездеходе будут ограничены. Грунин считал, что сможет сам пройти ту планету. Собственными пальцами пощупать, собственными глазами поглядеть. Он исследователь, ученый. Значит, мы выясняем, каким условиям должно отвечать новое тело Грунина, какие нагрузки должно оно выдерживать. Мы вычисляем программу такого тела, ищем аналоги в биологических моделях, высчитываем экстремальные допуски. И на основе этих расчетов мы начинаем конструировать Грунина. Мы все это сделали...

Димов замолчал.

— Грунин погиб? — спросил Павлыш.

— Всего предугадать нельзя. И менее всего в этом следует винить Геворкяна. Создавая биоформа на основе конкретного человека, мы должны помнить, что в новом теле остается мозг именно этого человека. Любой биоформ — человек. Не менее, но и не более... Потом был Драч, и Драч тоже погиб.

Павлыш вспомнил портрет Драча в зале Станции. Грунина вспомнить не смог, а Драча вспомнил, потому что тот был очень молод и доверчив.

— Он вернулся, — продолжал после паузы Димов. — Ему предстояла ретрансформация, возвращение в человеческий облик. Все должно было кончиться благополучно. Но на Камчатке, как назло, началось извержение вулкана, и надо было взорвать пробку в жерле, а для этого спуститься в кратер, проникнуть в жерло и взорвать, вы понимаете? Они попросили наш институт помочь. Геворкян отказался наотрез. Но Драч случайно услышал этот разговор. Он пошел, все сделал, а вернуться не успел.

— Не хотел бы я быть биоформом, — сказал Павлыш. — По-моему, это бесчеловечно.

— Почему?

— Трудно ответить. В этом есть что-то неправильное. Человек-каракатица...

— А где предел ваших допусков, коллега? Скажите, в скафандре выходить в космос бесчеловечно?

— Это одежда, которую можно сбросить.

— Черепаховая шкура не отличается принципиально от скафандра. Только панцирь черепахи дольше снимать. Сегодня вы возмущаетесь биоформами, завтра восстанете против пересадок сердца или печени, послезавтра потребуете запретить аборты и

пломбирование зубов? Все это вмешательство в дела высокого Провидения.

В дверь заглянул Иерихонский, и это было кстати, потому что Димов не убедил Павлыша, но аргументов тот найти не смог и не хотел выглядеть ретроградом.

— Вот вы где спрятались! — воскликнул Иерихонский. — А я Павлыша разыскиваю. Мы собрались пойти на катере к Косой горе. Сандра со Стасиком покажут нам Синий грот. Они туда поплыли, завтра утром там будут. Вы отпустите с нами Павлыша?

— Я над ним не властен. Пускай он познакомится со Стасом Фере. Мы тут как раз вели беседу о биоформии. Почти мирную.

— Представляю, как вы его заговорили, — сказал Иерихонский. — Павлыш уже виделся со Стасом.

— Когда? — удивился Павлыш.

— Внизу, когда мы ходили в аквариум с Сандрой.

— Нет, я там не видел Фере.

— Сандра с ним уплыла, — напомнил Иерихонский. — С ним и с Познаньским.

— Акулы? — спросил Павлыш.

— Да, они похожи на акул.

— Так это биоформы?

— Фере уже проработал несколько месяцев в болотах Сиены. Тогда он был сделан для работы в топях Сиены. Там жуткий мир, — добавил Димов.

— Стас говорил мне, — сказал Иерихонский, — что здесь он чувствует себя как на курорте. Ни опасностей, ни соперников. Он сильнее и быстрее всех в этом океане.

— Это же полная перестройка всего организма!

— Сейчас в мире существуют два Фере. Один здесь, в океане, другой на Земле, закодированный клетка за клеткой, молекула за молекулой в памяти Центра.

— Хорошо, — Димов поднялся с кресла, — поговорили, и хватит. А то сюда постепенно соберется вся Станция. Нам бы только не работать. Надеюсь, теперь в самых общих чертах вы имеете представление о том, чем мы занимаемся. А когда уляжется первая реакция, может, поймете больше...

Глава 4

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Катер отвалил от стенки подземного грота, лучи светильников скользнули, отражаясь от выпуклых иллюминаторов. Тут же катер пошел в глубину, и за иллюминаторами стало черно. Ван сидел у рулей, и отсвет приборов зловеще играл на его лице. Катер поднырнул под скалу, закрывавшую выход из грота, некоторое время шел на глубине, затем начал подниматься, и за иллюминаторами вода приобрела синий, а потом зеленоватый, бутылочный цвет.

Катер вырвался на поверхность, стряхнул с себя воду и помчался, срезая верхушки волн. Волны громко и хлестко стучали по днищу, будто бойкий кузнец бил по нему молотом.

Молодой, крепкий, толстый зоолог Пфлюг пересчитывал банки в походном чемоданчике.

— Вы не представляете, — сказал он Павлышу, — сколько там живности. Если бы Димов разрешил, я бы поселился у Косой горы.

— И питался бы моллюсками, — добавил Иерихонский.

— На том острове жить опасно, — произнес Ван. — Это сейсмичный район. Рай для геологов — там рождается континент.

— Для меня тоже рай, — сказал Пфлюг. — Мы здесь присутствуем в сказочный момент: образуются участки суши, и животный мир только-только начинает ее осваивать.

Справа над горизонтом показался черный столб.

— Подводный вулкан, — объяснил Ван. — Там тоже будет остров.

— А почему выбрали эту планету? — спросил Павлыш.

— Она лучше многих других, — ответил Иерихонский. — Условия здесь, скажем, не экстремальные, хотя человеку исследовать ее нелегко. Атмосфера разреженная, температуры низкие, большая часть поверхности покрыта первобытным океаном. Все здесь еще молодо, не устоялось. В общем, удобный полигон. Здесь мы испытываем новые методы, ищем новые формы, по возможности универсальные. Здесь проходят тренировку биоформы, которым предстоит работать в трудных точках. Поживете с нами, поймете, как мы довольны, что нам предоставили эту лужу...

А лужа тем временем катила навстречу пологие зеленые валы, и ее безбрежность подавляла воображение. Сознание того, что, сколько ни плыви, не встретишь ничего, кроме островков и скал, торчащих из воды, что нет здесь материков и даже крупных островов, придавало океану завершенность. На Земле океаны. Здесь Океан.

Солнце клонилось к закату, закат был мирным, смягченным слоями перистых облаков, кисеей прикрывавших солнце. Лишь далеко в стороне толпились черные тучи, еле поднимавшиеся над горизонтом. Вернее всего, там был ад, там трудились вулканы.

Остров Косая гора появился через три часа. От Станции до него было около пятисот километров. Остров представлял собой

кривую гору, которая, казалось, долго и натужно вылезала из океана и ей удалось приподнять над водой одно плечо. Второе осталось под водой. Оттого голова горы была склонена набок, и от нее начинался полукилометровый обрыв в глубину. Зато другой край острова был покат и обрамлен широким пляжем, усеянным камнями и небольшими скалами.

Ван разогнал катер и поднял его в воздух. Тот перепрыгнул через широкую полосу бурунов, кружившихся вокруг рифов, и шлепнулся на мелководье.

Там, где кончалась полоса пляжа и начинался подъем на гору, стоял небольшой серебряный купол.

— Это наша избушка, — показал Иерихонский.

Они надели маски. Дул сильный ветер и нес мелкие колючие снежинки. Вода у берега была покрыта тонкой коркой льда.

— Утром лед будет в руку толщиной, — сказал Ван. — Правда, соленость здесь невысока.

— Теперь ужинать и спать, — заявил Пфлюг.

Он первым спрыгнул на песок с нависшего над берегом острого носа катера, потом протянул руки, и Ван, нагнувшись, передал ему ящик с банками. Щеки резало холодным ветром. Все, кроме Павлыша, опустили прозрачные забрала. У ветра была сила и свежесть молодого мира.

— Обморозитесь с непривычки, — предупредил Иерихонский. Его голос звучал в шлемофоне глухо, будто издалека.

Ван открыл дверь убежища. Внутри купол поддерживали массивные металлические ребра. Домик был рассчитан на любые неожиданности.

— В худшем случае, — объяснил Ван, — его сбросит с берега и выкинет в море. А там мы его подберем.

Иерихонский включил отопление. В домике сразу стало тепло.

Перегородкой убежище было разделено на две части. В передней, общей, стояли рабочие столы, машины, контрольная аппаратура. За перегородкой были склад и спальня.

— Сейчас приготовим ужин, — сказал Пфлюг. — Грешен, обожаю консервы. Всю бы жизнь прожил всухомятку, но жена не разрешает.

— Кто ел моей ложкой, кто спал на моей постельке? — строго спросил Иерихонский, подходя к столу. — Кто был в гостях?

— Ты знаешь, — ответил Ван, — зачем спрашиваешь?

— Но я же просил не трогать мою машинку!

Иерихонский показал на портативный диагност, стоявший в углу. Из диагноста тянулась лента. Груда лент валялась на полу.

— Ох уж эти любители самолечения! — вздохнул Иерихонский.

— Мне дозволено погулять по окрестностям? — спросил Павлыш. — Я все знаю, я не буду далеко отходить от дома, не буду купаться в море и сражаться с драконами. Я только погляжу на закат и вернусь.

— Идите, — разрешил Ван. — Только не занимайтесь самостоятельными исследованиями. Тем более что тут драконов раньше не было.

Павлыш шагнул в переходник.

Солнце прижалось к склону горы, закрывавшей половину неба. Снег усилился, и пришлось опустить забрало. Снежинки с размаху лупили по шлему, отчего мир стал туманным, будто Павлыш пробивался сквозь тучу белых мушек. Он повернулся к ветру плечом и спустился к воде. Лагуна, защищенная грядой рифов, была спокойна, волны медленно наползали на берег, хрустели ледком закраин и уползали назад, оставляя водоросли, мелкие ракушки и кусочки пены. За галечным пляжем торчали черные зубы камней, каменистая осыпь тоже казалась черной оттого, что солнце било в глаза, выше по склону поднимались из черноты светлые струйки пара, и ритмично ухал маленький грязевой кратер, выплевывая сгустки дымящейся грязи. Она стекала к берегу волнистыми, как табачный дым, ручейками, застывая у воды. Если на этом острове и есть какие-нибудь живые существа, они должны быть закованы в броню и приспособлены к тому, чтобы поглощать минеральные соли горячих источников. Или они спускаются к воде и собирают на берегу скудные отбросы моря.

Павлыш пошел вдоль берега. Ветер бил в спину, подталкивал. Купол домика быстро уменьшался и стал почти неразличимым среди скал и камней. Павлыш шел с той же скоростью, с которой скатывалось к склону горы солнце. Он собирался дойти до косы и поглядеть, как светило уйдет за горизонт.

Облака исчезли, словно поспешили за солнцем туда, где тепло и светло. Лед у берега уже не поддавался ослабевшим ударам волн, не ломался и не скапливался длинной грядой осколков вдоль кромки воды, а будто маслом прикрыл лагуну, и лишь кое-где в матовом масле проглядывали открытые пятна цвета закатного неба. Павлыш решил, что пора возвращаться.

Со склона горы сорвался камень и, подпрыгивая, пронесся рядом, влетел в воду, поднял столб воды и крошек ледяного масла. Павлыш взглянул вверх по склону: не мчится ли оттуда лавина? Нет, камень сорвался потому, что с горы медленно спускался местный хозяин. Видно, решил полакомиться ракушками на берегу.

Хозяин был страшноват, но на Павлыша он не обращал внимания.

Павлыш не мог разглядеть его как следует, потому что тот пе-

редвигался по теневому склону. Больше всего он был похож на высокую черепаху с метр ростом. Ног ее не было видно.

Тут Павлыш сообразил, что черепаха движется не просто к берегу, а к убежищу, отрезая Павлышу дорогу домой. Он остановился в нерешительности. Может, это было случайным совпадением и черепаха его не видела, а может, делала вид, что не замечает Павлыша.

Черепаха добралась до двухметрового обрывчика, и тут же из-под панциря змеями вылетели блестящие щупальца, обхватили неровности камней, и черепаха легко спрыгнула, повисая на секунду, покачиваясь на щупальцах, и мягко опустилась на площадку у грязевого кратера. Павлыш понял, что у черепахи несколько ног — толстых, крепких, гибких.

Черепаха оказалась обманщицей. Она была совсем не неуклюжей и не медлительной. Она лишь притворялась такой. Павлыш осторожно, чтобы не привлекать внимания этой твари, пошел вдоль кромки воды, надеясь, что черепаха не успеет перерезать ему путь. Черепаха, словно разгадав намерения человека, быстро покатилась вниз по склону, помогая себе щупальцами и конечностями, и тогда Павлыш, охваченный иррациональным ужасом перед первобытной жестокой силой, исходившей от чудовища, бросился бежать. Ноги разъезжались по гальке, снег полосовал забрало.

Он бежал по кромке берега, под ногами хрустел лед, ему показалось, что в черном иллюминаторе убежища мелькнуло чье-то лицо... Если его увидели, то успеют отворить дверь.

Люк был открыт. Павлыш захлопнул его за собой и прислонился к нему спиной, стараясь перевести дух. Теперь оставалось лишь нажать на кнопку, впустить в переходник воздух, открыть внутренний люк, рассказать обо всем и услышать ровный голос Вана: «Я же предупреждал об осторожности».

Но Павлыш не успел протянуть руку к кнопке воздуходува, как почувствовал, что люк за спиной медленно открывается.

Самым разумным в этот момент было снова закрыть люк. Потянуть за рычаг и закрыть. Но Павлыш потерял присутствие духа. Он увидел, что за край люка держится черное блестящее щупальце. И он кинулся вперед, чтобы открыть внутренний люк и спрятаться в убежище. Он знал, что внутренний люк не откроется, пока переходник не наполнится воздухом, но надеялся на то, что внутри уже знают о происходящем и потому отключат автоматику.

Люк не поддался. В переходнике стало темнее. Черепаха заполнила собой внешний проем. Павлыш обернулся, прижался спиной к внутреннему люку и поднял руки перед грудью, хотя

понимал, что щупальца черепахи куда сильнее его рук. Дело решали секунды. Поняли ли наконец там, внутри, в чем дело?

В переходнике вспыхнул свет. Павлыш увидел, что черепаха вцепилась щупальцем в рычаг внешнего люка, запирает его. Другое щупальце концом лежало на выключателе. Оказывается, свет включила черепаха.

— Я за вами от самого гейзера гнался, — произнесла черепаха. — Вы что, не видели? Или, может, испугались?

Воздух с шуршанием заполнял переходник. Голос черепахи исходил из-под полушария на ее панцире.

— А на улице я кричать не могу, — пояснила черепаха, — у меня говорилка маломощная. Вы здесь новенький?

Внутренний люк пошел в сторону. Павлыш не удержал равновесия, и черепаха поддержала его щупальцем.

— Ну и гнали же вы, — сказал Ван, не скрывая злорадства, — ну и мчались. Местные формы жизни устрашающе действуют на отважный Дальний флот.

— Не бежал, а планомерно отступал, — поправил его Пфлюг. Он был в фартуке. Над кастрюлями поднимался аппетитный дымок. На столе были расставлены тарелки. — Ты будешь ужинать с нами, Нильс?

Биоформ-черепаха ответила глухим механическим голосом:

— Не издевайся, Ганс. Ты что, не догадываешься, как мне иногда хочется нажраться? Или хотя бы сесть по-человечески за стол. Удивительное дело: организму это не требуется, а мозг все помнит, даже вкус черешни или березового сока. Ты когда-нибудь пил березовый сок?

— Разве в Норвегии есть березы? — удивился Иерихонский.

— В Норвегии много чего есть, в том числе березы, — ответил биоформ. Он протянул Павлышу длинное щупальце, дотронулся до руки и добавил: — Считайте, что мы знакомы. Нильс Христиансон. Я не хотел вас испугать.

— У меня дрожат колени, — признался Павлыш.

— У меня тоже бы дрожали. Я виноват, что не рассказал о Нильсе, — сказал Иерихонский. — Когда живешь здесь месяц за месяцем, настолько привыкаешь к обыденности биоформов и вообще всего, что нас окружает... Тем более что я сильно осерчал на тебя, Нильс. Ты зачем гонял диагноста? Беспокоишься о здоровье? Что тебе стоило вызвать меня со Станции? Я бы немедленно прилетел. Кстати, Димов тоже тобой недоволен. Ты уже три дня не выходил на связь.

— Я сидел в кратере вулкана, — объяснил Нильс, — только час назад вернулся. А пользовался диагностом, потому что приходилось испытывать себя при больших температурах. Я тебе все

потом изложу. А теперь вы мне скажите: что нового? Письма с Земли были?

— Письмо у меня, — ответил Пфлюг. — Кончу с обедом, дам.

— Хорошо. А я пока воспользуюсь рацией. — И биоформ быстро подкатился к рации в углу. — Мне нужно поговорить с Димовым и сейсмологами. На Станции сейчас кто из сейсмологов?

— Все там, — сказал Ван. — А что? Будет землетрясение?

— Катастрофическое. Вообще-то весь этот остров может взлететь на воздух. Нет, не сегодня, напряжения еще терпимые. Мне нужно сверить кое-какие цифры с сейсмологами.

Нильс включил передатчик. Он вызвал Димова, потом сейсмологов. Он сыпал цифрами и формулами, словно они лежали у него в мозгу слоями, аккуратно связанные бечевкой, и Павлыш подумал, как быстро исчезает страх. Вот он уже сам себе сказал: «Нильс включил передатчик». А еще пятнадцать минут назад он мчался со всех ног от этого Нильса, чтобы Нильс его не съел.

— Драч был на него похож. И Грунин тоже. Вы помните, Димов вам рассказывал? — проговорил тихо Иерихонский.

— На рассвете придет флаер с сейсмологом, — объявил Нильс, отключая рацию. — Димов просил предупредить подводников.

— Ты можешь их запеленговать? — спросил Ван Иерихонского.

— Нет. Сандра никогда с собой рацию не берет. Ей она, видите ли, мешает. — Иерихонский был встревожен.

— А вы где живете, Нильс? — спросил Павлыш у биоформа.

— Мне нигде не нужно жить, — ответил тот. — Я не сплю. И почти не ем. Я хожу. Работаю. Иногда прихожу сюда, если соскучусь. Завтра, наверное, съезжу с вами на Станцию.

Они быстро поужинали, затем устроились на матах в заднем отсеке убежища. Нильс тоже остался в убежище снаружи у рации. Он читал. Уходя спать, Павлыш взглянул на него. Метровое полушарие, исцарапанное, изъеденное жарой и кислотами, избитое камнями, подкатилось к стене, прижало к ней щупальцами раскрытую книгу и время от времени переворачивало страницы третьим щупальцем, выскакивающим молнией из панциря и исчезающим в нем.

В спальном отсеке было полутемно. Посапывал Пфлюг, Иерихонский спал спокойно, сложив руки на животе. Ван подвинулся, освобождая место Павлышу.

— Спать пора, — сказал из-за загородки Нильс.

— Ты стал заботиться о нашем режиме? — спросил Ван.

— Нет. Мне просто приятно, что я могу кому-то что-то сказать. И не формулы или наблюдения, а что-нибудь будничное.

Например: Маша, передай компот. Или: Ван, спи, завтра рано вставать.

Павлыш промаялся еще несколько минут, потом спросил у Вана:

— А Марина Ким далеко отсюда?

Ван не ответил. Наверное, заснул.

* * *

Павлыш проснулся от подземного толчка. Остальные уже встали. Пфлюг гремел банками, собираясь на охоту.

— Павлыш, ты проснулся? — спросил Иерихонский.

— Иду.

Из-за перегородки тянуло пахучим кофе.

Павлыш подошел к окну, выходившему к морю. Берег странно преобразился за ночь. Он был покрыт снегом. Залив замерз до самых рифов, о которые бились волны, а по пологу снега, укрывавшему ледяной панцирь залива, тянулись черные нитки трещин. Вдоль берега по снегу брел Нильс, оставляя за собой странный след, словно по целине проехала телега.

Позавтракав, Павлыш оделся и вышел наружу. Солнце выбралось из-за туч, и снег начал таять. Над черным, покрытым грязью склоном поднимался легкий пар. Снег похрустывал под подошвами.

Пфлюг сидел на корточках, что-то выковыривая ножом из снега.

— Сегодня мы с вами сделаем по крайней мере три великих открытия, — сказал он Павлышу. Голос в шлемофоне звучал восторженно.

— Почему только три? — спросил Павлыш.

— Я сюда приезжаю восьмой раз и каждый раз нахожу по три незнакомых науке семейства. Разве это не великолепно?

Черной точкой обозначился на небе флаер. Солнце припекало, и Павлыш уменьшил температуру обогрева. Белое облако медленно ползло по небу, и флаер поднырнул под него, спускаясь к убежищу.

Прилетел Димов с сейсмологом Гогией.

— Где Нильс? — спросил он Павлыша, поздоровавшись.

— Наверное, полез в кратер.

— Плохие новости, — произнес Гогия. Он был молод, худ и легко краснел. — Нильс прав. Напряжение в коре растет быстрее, чем мы считали. Эпицентр километрах в ста отсюда. Станцию не затронет.

Гогия показал в сторону солнца. Океан был спокоен, в заливе образовалась полынья, над ней поднимался пар.

— Я попробую связаться с Нильсом. — Гогия пошел в убежище.

Димов с Павлышом последовали за ним.

— Кто мог предположить, — сказал Иерихонский, увидев Димова, — что вы устроите землетрясение именно сегодня?

Он держал в руке чашку с кофе, от которой поднимался пар, как от гейзера.

— Передайте мне, пожалуйста, — попросил Димов. — Ведь вы варили кофе для гостей, не так ли?

Димов выпил кофе залпом, обжегся, несколько секунд сидел, потеряв дыхание. Наконец отдышался и проговорил:

— Вот сейчас бы я погиб, и все вздохнули бы с облегчением.

— Мы бы не дали вам погибнуть, — возразил Павлыш. — Я реаниматор. В крайнем случае заморозили бы вас до Земли.

Гогия отправился на гору и обещал вернуться через час. Димов вышел на связь со Станцией, отдавая повседневные распоряжения, которые не успел оставить, потому что очень рано вылетел оттуда. Иерихонский вновь углубился в изучение лент диагноста. Ван разбирал какой-то прибор. Действия людей, оставшихся в убежище, были будничны, но с каждой минутой под куполом росло напряжение, невысказанное, но ощущавшееся даже Павлышом. Подводников ожидали уже час назад, но их все еще не было...

* * *

Второй толчок землетрясения раздался примерно через час после прилета Димова. Ван, дежуривший у рации, сказал Димову:

— Нильс передает, что увеличилось выделение газов. Эскалация выше расчетной.

— Может, нам эвакуировать убежище? — предложил Иерихонский. — И здесь остались бы только мы с Нильсом.

— Чепуха, — отрезал Димов. — Ван, спроси сейсмологов, каковы перспективы для острова.

Земля под ногами мелко вздрагивала, будто кто-то просился наружу из запертого подвала.

— Если здесь будет извержение, поток должен пойти в другую сторону. Хотя, конечно, гарантировать ничего нельзя.

Вернулся Гогия с пленками, снятыми с самописцев.

— С ума сойти! — воскликнул он, не скрывая восторга. — Мы свидетели катаклизма настоящего масштаба. Какой сброс! Вы не представляете, что творится в океане!

Димов неодобрительно нахмурился.

— Простите, — обернулся он к Павлышу, — следовало бы

дать вам возможность вернуться на Станцию. Здесь может быть опасно. Но мы ограничены в средствах транспорта.

Павлыш даже не успел оскорбиться. Димов уже не смотрел на него.

— Ван, — продолжал Димов так же буднично, — немедленно вызывайте Вершину, пускай летят сюда.

— Зачем? — не сразу понял Ван.

— Искать. Будем их искать. Здесь глубины небольшие.

— Не выношу безделья, — проговорил Иерихонский. — Я пойду на катере им навстречу.

— Катер поведет Ван, — приказал Димов. — Иерихонский пойдет с ним. Вы, Павлыш, останьтесь у рации и, если нужно, вылетите на флаере.

Павлыш подошел к рации и встал за спиной Вана.

Ван произнес, поднимаясь:

— Все позывные тут. Рация стандартна. Знакомы?

— Проходили.

Ван понизил голос и сказал на ухо Павлышу:

— Не спорьте с Димовым. Он сейчас — сплошные нервы. Катаклизм на носу. Иерихонский в истерике, а подводники ищут жемчуг в Синем гроте, не зная, что их ждет, когда они сюда явятся.

— Вы уверены, что тревога не ложная?

— Уверен, — ответил лаконично Ван. Он взял свой комбинезон и маску.

За окном мелькнуло что-то белое, будто там махнули простыней.

— Эй, — обрадовался Ван, выглянув наружу, — на ловца и зверь бежит. Это же Алан!

— Где? — спросил Димов.

— Сам прилетел. Теперь вот доказывайте, что телепатии не существует.

Окно было прямо перед Павлышом. По черному, мокрому от растаявшего снега берегу медленно брела громадная белая птица.

Такая же, как та, что Павлыш видел в день прилета.

Иерихонский уже был одет, он открывал люк. Димов тоже натянул маску.

— Павлыш, оставайтесь здесь. Не отходите от рации. Если что срочное, позовите меня. Я пошел поговорить с Аланом.

Со Станции сообщили, что флаер вылетел на поиски подводников. Спрашивали, что нового в убежище. Павлыш ответил, что пока ничего.

За окном Димов разговаривал с птицей. Птица еле доставала ему до пояса, но ее крылья, даже сложенные, тянулись метра на три, и концы их опирались на широкий хвост. У птицы была не-

большая голова с коротким клювом и неподвижные голубые глаза.

Еще один толчок заставил зазвенеть неубранную посуду.

Подключился Нильс.

— Слушай, Ван, — сказал он своим тихим механическим голосом, — где расположен этот Синий грот?

— Ван ушел на катере. Наверное, туда. А я точно не знаю, где этот грот.

— А, это Павлыш? Тогда запиши точные новые данные.

За окном Димов кутался в куртку. Ему было очень холодно. Птица, покачиваясь, неловко взбежала на длинную, выдающуюся над заливом плиту и расправила крылья. Тут же она превратилась в шестиметровый парус и не успела добежать до края плиты, как встречный ветер поднял ее в воздух, и, чтобы не потерять равновесия, Алан мощно взмахнул крыльями и начал набирать высоту.

Димов возился в переходнике, потом открыл люк, впустил клуб пара. Он старался унять дрожь.

— Думал, помру, — сказал он. — Молодец Алан.

— Почему? — спросил Павлыш.

— Ему не понравились волны в том секторе. У него своя теория — географическая. Характер и место приближающегося землетрясения он рассчитывает по рисунку волн. Ему хорошо — сверху все видно. С сейсмологами он из-за этого жутко спорит. Считает, что его теория — панацея от всех бед, а они полагают, что она сродни гаданию на кофейной гуще. Наверное, они правы, они специалисты... Меня кто-нибудь вызывал?

— Нильс просил передать вам данные по прогнозу.

— Давайте... Нет, что за молодец Алан! Прилетел именно сюда. А знаете, Павлыш, я больше верю птицам, чем нашему катеру. Если бы Алан не прилетел, пришлось бы вас на флаере посылать.

— Говорит Вершина. Вершина вызывает Убежище, — включился приемник. — Кто на связи?

— Убежище слушает, — ответил Павлыш.

Димов подошел поближе.

— Говорит Сен-Венан. Мы вылетаем.

— Добро, — отозвался Димов. — Не забудьте передатчик. Понимаете, — Димов обернулся к Павлышу, — наши передатчики хороши для геологов и других наземных жителей. Приторочил к груди и топай. А биоформам они неудобны. При любом подходящем случае они стараются от них избавиться. А в самом деле, на что летающему биоформу лишние триста граммов веса? Для него каждый грамм лишний.

В убежище вернулся Пфлюг. Он долго возился в переходнике, вздыхал, гремел банками, потом с трудом протиснулся в люк.

— Удивительный день, — произнес он, расставляя на столе свое хозяйство. — Три нормы, три нормы по крайней мере. Редчайшие экземпляры сами лезут на берег.

Он заметил, что Павлыш сидит за рацией, и сказал:

— Я видел, как уходил катер. Только не успел спросить. Что, подводники еще не приплыли?

— На всякий случай подготовьте медпункт, — велел Димов.

— Наверное, лучше это сделаю я, — заметил Павлыш, — а вы пока подежурьте у рации.

— Во-первых, Пфлюг никуда не годный радист, — возразил Димов. — Во-вторых, вы, Павлыш, подозреваю, никуда не годный ветеринар. Вы забываете, что биологически наши друзья и коллеги не относятся к антропоидам.

— Да, — подтвердил Пфлюг, — правильно, как это ни печально. Но я уверен, что ничего плохого не случится.

Он открыл ящик в углу у перегородки, стал перебирать блестящие инструменты и лекарства, поглядывая при этом на банки со своими трофеями.

Поступили сообщения с флаера, который вылетел со Станции. Флаер прошел уже пятьдесят километров. Ничего в океане пока не замечено.

В окно Павлышу было видно, как со склона горы бежит Гогия. За ним, нагруженный контрольными приборами, следовал Нильс.

— Что там на катере? — спросил Димов.

Павлыш вызвал катер.

— Все время подаем сигналы, — отозвался Ван. — Пока ответа нет. А у вас что нового?

— Ничего.

— Убежище! — наложился на эти слова ровный высокий голос одной из птиц. Павлыш еще не научился различать голоса биоформов. Видно, насадки у всех были однотипными. — Убежище! Вижу Сандру!

— Где? — спросил Павлыш.

— Юго-юго-запад от Косой горы. Тридцать миль. Вы меня слышите?

— А что она? — крикнул Иерихонский. — Что с ней?

— Она держится на воде, но меня не замечает.

— Катер, сообщите ваш квадрат, — потребовал Димов.

— 13-778, — ответил Ван. — Северо-запад от острова.

Димов включил экран-карту.

— Семьдесят пять миль, — сказал он. — Даже если точно выйдете в квадрат, вам понадобится полчаса.

— До связи. — Ван отключился.

— Полчаса, — тихо повторил Димов. И тут же вызвал птиц: — Вы сможете оказать ей помощь?

— Нет, — ответил голос. — Я здесь один. Мне ее не поднять. Она, по-моему, без сознания.

Павлыш быстро натягивал комбинезон.

— Где маска?

— Возьми мою, — велел Пфлюг, — вон она лежит.

Димов увидел, что Павлыш почти одет.

— Ты знаешь этот флаер?

— Еще бы.

— Я с ним, — сказал сейсмолог Гогия. — Хорошо, что я не успел раздеться.

Димов повторил:

— Тридцать миль к юго-юго-западу. — Потом повернулся к микрофону. — Через две минуты к вам вылетает флаер. Будет минут через десять. А катер не успеет раньше чем через полчаса.

Когда Павлыш закрыл за собой внешний люк, он успел поразиться тому, как изменилось освещение. Солнце было затянуто красноватой дымкой, и черная гора подсвечена сзади, словно там таился театральный прожектор.

Сейсмолог первым вскочил во флаер. Павлыш поднял ногу, чтобы последовать за ним, но тут дверь в убежище открылась, вылетел Пфлюг, не успевший ни одеться, ни натянуть маску. Он открыл рот, пытаясь вдохнуть воздух, и кинул в их сторону маленький медицинский контейнер.

— Теперь держитесь, — предупредил Павлыш, садясь за пульт и глядя через боковое окно, как Димов помогает Пфлюгу забраться обратно в убежище. — Когда будете рассказывать внукам о сегодняшнем дне, не забудьте упомянуть, что вел машину экс-чемпион Москвы по высшему флаерному пилотажу.

— Не забуду, — ответил сейсмолог, уложив контейнер и вцепляясь в кресло.

Павлыш вышел из виража и пошел на максимальной скорости так, чтобы оставить по левую руку столб розового и бурого дыма, вставший над дальней от убежища стороной острова.

Через семь минут они увидели одинокую белую птицу, ходившую кругами метрах в двухстах над волнами.

Птица, заметив флаер, взмыла выше и замерла в воздухе, словно показывая точку, в которой находилась Сандра, Павлыш бросил флаер вниз и завис метрах в десяти над верхушками волн. Но даже с этой высоты он не сразу разглядел Сандру — ее тело терялось среди брызг, которые ветер срывал с верхушек волн.

— Видите? — спросил сейсмолог, выглядывая наружу.

Ветер сносил флаер, пришлось включить двигатель и маневрировать, чтобы не потерять Сандру из виду. Павлыш выпустил лестницу. Она мягко развернулась и ушла в воду в метре от Сандры.

— Что у тебя, Павлыш? Почему молчишь? — заговорила рация.

— Некогда. Мы ее нашли и будем поднимать.

Птица пролетела совсем рядом с кабиной. На груди у нее была видна черная овальная коробка передатчика. Птица поднялась чуть выше, и ее тень время от времени закрывала от Павлыша солнце.

Сейсмолог, захватив моток троса, спускался к воде, и Павлыш все внимание сосредоточил на том, чтобы не дать ветру снести флаер в сторону. Сандра, раскинув руки, покачивалась на волнах, словно в люльке, и казалось, что ее движения осмысленны.

Гогия вцепился одной рукой в лестницу, другой старался подвести под Сандру петлю. Это ему не удавалось. Павлыш пожалел, что не может оставить управление. Он сделал бы все проще и быстрей. Видно, Гогия никогда не занимался альпинизмом. Трос снова сорвался, Павлышу показалось, что волны отчаяния, охватившие сейсмолога, достигают кабины флаера.

И в этот момент птица-биоформ решилась на рискованный шаг. Она мягко и быстро спланировала против ветра и, улучив момент, когда Сандра скользила по внешней стороне волны и ее тело выступило наружу, схватила клювом петлю троса и мгновенно завела ее за плечи Сандры.

— Тяни! — закричал Павлыш сейсмологу.

Тот с трудом удерживал равновесие на лестнице, но сразу потянул, петля двинулась ниже и охватила Сандру за локти. Птица с трудом умудрилась ускользнуть от следующей волны. Когда она пролетала перед флаером, Павлыш заметил, что передатчик она все же сбросила. Павлыш поднял вверх большой палец, и птица резко пошла в небо.

Вдвоем с Гогией они втянули Сандру в кабину. Прошло двадцать минут после вылета.

— Говорит Павлыш, — включил он передатчик. — Сандру мы подняли на флаер. Она без сознания.

— Слушай, — сказал Димов, — Сандру не трогайте. Наденьте ей кислородную маску и накройте ее чем-нибудь теплым.

Сейсмолог достал запасную маску и баллон. Глаза Сандры были закрыты, лицо казалось голубым. Сейсмолог убрал с лица Сандры мокрые волосы и стал прилаживать кислородную маску. Его руки чуть дрожали. Павлыш шел к убежищу на бреющем полете. Впереди, как маяк, поднимался столб дыма. Птица летела сверху, почти не отставая от флаера. Рация была включена, и Павлыш слышал, как Димов приказывает катеру оставаться в том же районе и к острову не возвращаться.

Пфлюг ждал их на самом берегу залива. Закутанную Сандру

осторожно вынесли из флаера и бегом перенесли к куполу. Люк был открыт, и через минуту Сандра уже лежала на столе. Димов ждал их в хирургическом халате и перчатках. Диагност был включен, и его щупы чуть дрожали, покачиваясь над столом.

— Будете мне ассистировать, — велел Димов Павлышу.

У рации стоял Нильс.

— Все в порядке, — говорил он, — не волнуйся, Эрик, ты же знаешь, если Димов сказал...

Сандра спала. Дыхание ее стало ровнее. Лицо покраснело, капельки пота блестели на висках.

— Что с ней случилось? — спросил Павлыш.

— Сработала предохранительная система. Если организм на пределе и создается опасность для жизни, она впадает в состояние, похожее на летаргический сон. Пока мы можем только предполагать, что подводники попали в землетрясение на глубине. Сандра смогла вырваться наружу, хоть и была ранена. У нее сломаны три ребра, обширное внутреннее кровоизлияние. Она плыла к базе, но ее силы иссякли. Значит, ей оставалось лишь подняться на поверхность. Утонуть Сандра не могла: когда она на жаберном дыхании, легкие служат воздушным пузырем. Метаболизм замедляется в несколько раз. Как только она потеряла сознание, ее вынесло на поверхность океана.

Сандра очнулась сразу, боли она не чувствовала.

— Димов, — произнесла она с трудом, — ребят завалило...

— Спокойно, не волнуйся, девочка, — ответил Димов.

— Мы были в Синем гроте... начало трясти... Я была в стороне... Стас сказал, что ранен... Прости, Димов, Эрик знает?

Павлыш протянул Димову шарик-ампулу. Димов приложил ее к руке Сандры, и жидкость вошла в кожу.

— Ты можешь дать координаты?

— Да, конечно, я спешила... меня, наверное, отнесло в сторону... двадцать миль к юго-западу от острова, группа рифов, два поднимаются над поверхностью...

— Знаю, — сказал Пфлюг, — месяц назад мы с Ваном туда летали.

Сандра уснула.

— Нильс, вызови Вана. Он должен помнить об этих скалах.

Но сначала в динамике возник голос Иерихонского:

— Как Сандра?

— Сандра спит, — ответил Нильс. — Чего ты беспокоишься? Димов сказал, что все в порядке, а ты беспокоишься...

Купол содрогнулся, земля на мгновение ушла из-под ног, и диагност откатился от стола, натянув провода и щупы. Сандра застонала. Димов кинулся к столу, возвращая диагност на место

и прикрывая телом Сандру, будто опасался, что сверху посыплются камни.

— Что? Что там у вас? — крикнул Иерихонский тонким голосом.

— Ничего особенного, землетрясение продолжается, — отозвался Нильс. — Где Ван?

Иерихонский, передавая микрофон Вану, сказал:

— Они не представляют, каково мне здесь, когда ничего не можешь сделать.

И его голос пропал, растворился в тишине купола.

— Ван, — произнес Нильс, — ты знаешь две скалы в двадцати милях к юго-западу от убежища?

— Что-то не припомню. Мы примерно в этом квадрате. Но не помню. На карте их нет?

— Мы же месяц назад туда с тобой летали! — воскликнул Пфлюг.

— Прости, Ганс, — спокойно ответил Ван. — Месяц назад мы с тобой летали к северу от убежища. Ты собирал свои ракушки.

— Но приблизительно ты ту точку представляешь? — спросил Нильс.

— Двадцать миль?.. В пределах десяти миль от нас. Я подниму катер повыше, они должны быть на локаторе... Может, кто из птиц знает?

— Вызови птиц, — предложил Димов. Он освобождал Сандру от приборов.

— Зачем их вызывать, — сказал Нильс, — птицы здесь.

— Они здесь, — подтвердил Павлыш. — Один биоформ со мной прилетел. Тот, который Сандру нашел. А рацию он выкинул.

— Павлыш, вы сейчас свободны? Выйдите наружу, спросите у них про скалы.

Павлыш натянул маску.

Все три птицы сидели на большой плоской скале неподалеку от купола и тихо переговаривались, поворачивая изящные головки. Над ними поднималась черная кривая гора, окутанная дымом и окаймленная оранжевым сиянием. Давно Павлышу не приходилось видеть такого сказочного зрелища. Похоже было на скандинавскую сагу — громадные белые птицы, вулкан и голый холодный берег.

Увидев Павлыша, птицы поспешили навстречу.

— Как Сандра? — спросила одна из них.

— Сандра пришла в сознание, — ответил Павлыш, — и сообщила Димову, что подводников завалило в каком-то гроте в двадцати милях отсюда к юго-западу. Там должны быть скалы. Две из них поднимаются над водой. Но Ван таких скал не помнит.

— Там нет скал, — подтвердила вторая птица. — Мы весь этот район облетали. Ты не видел там скал, Сен-Венан?

— Нет, Алан, — ответила вторая птица. — Никогда не видел.

Алан обернулся к третьей птице.

— А ты?

Третья птица сказала:

— По-моему, я видела там два рифа. Они появляются только в отлив. Самые верхушки между волн.

— Спасибо, Марина, — сказал Алан.

— Марина? — повторил Павлыш. — Марина?

Но птица резко взмахнула крыльями и взмыла вверх к дымовой туче.

— Марина Ким? — спросил Павлыш у Алана.

— Да. Так что же вы теряете время?

...Три белые птицы летели впереди флаера, чуть выше его. От обилия вулканического пепла воздух стал красноватым, зловещим, и крылья птиц отсвечивали пожаром.

Одна из птиц была Золушкой, которая переменила обличье и не хотела, чтобы Павлыш об этом узнал...

— Кто пойдет с аквалангом? — спросил Нильс.

Он занимал середину кабины, а остальные сидели вокруг, словно окружали громадный праздничный пирог. Нильс отмел все возражения Димова, который опасался, что ему будет трудно работать под водой:

— Вы без меня вряд ли сможете разобрать завал и пробиться вглубь. Вы будете взрывать скалы? Вы будете их разбирать голыми руками? Или будете ждать, пока с диспетчерской планетоида вам перекинут подводного робота?

— У нас есть свой. Его можно смонтировать, если нужно, за несколько часов.

— Вот именно. Несколько часов. И привести его туда на катере. И он в результате примется за работу, когда будет уже поздно.

— Ты прав, Нильс, — согласился Димов.

— А Марина давно на станции? — спросил Павлыш через минуту.

— Она новенькая, — сказал Димов. — Месяц как в небе.

Внизу показался катер.

Катер рассекал волны, выставив над ними голову-рубку.

Павлыш сказал Вану по рации:

— Иди на самом малом ходу.

— Зачем?

— Я сяду к тебе на палубу.

— Вряд ли это возможно.

— Другого выхода нет.

Птицы летели высоко, казались белыми точками под пурпурным потолком облаков. Потом пошли вниз и в сторону.

— Павлыш, — сообщил Алан, — две скалы над самой водой в полутора километрах от тебя. Мы идем вниз. Смотри.

— Хорошо, — ответил Павлыш. Он стал постепенно снижаться, чтобы уравнять свой ход со скоростью катера. — Ровнее иди, — предупредил он Вана.

— Как по ниточке, — отозвался Ван.

— Держись!

Флаер опустился на палубу катера за рубкой. Палуба была мокрой и покатой с боков. Павлыш выпустил страховочные ноги флаера, и рубчатые присоски сжали бока катера.

— Некоторое время удержусь, — бросил Павлыш сидящим в кабине. — Откройте нижний люк.

Нильс спрыгнул на палубу первым и, аккуратно переставляя конечности, пошел к рубке. Щупальца свисали по бокам панциря — ими Нильс подстраховывался. Он не умел плавать и пошел бы на дно камнем. А глубина здесь немалая. Катер с сидевшим на нем, словно всадник, флаером не спеша летел над волнами.

Павлыш поднял голову, разыскивая птиц. Но не увидел их.

Гогия замер у люка, не зная, что делать дальше. Пассажиры по очереди скрылись в рубке. Павлыш спросил Вана:

— Все благополучно?

— Да.

— Дай мне Димова.

— Я слушаю тебя, Слава.

— Я хотел бы пойти вниз с Нильсом. Я хороший ныряльщик, сильнее многих. Могу пригодиться.

— Нет, — решил Димов, — оставайся, где ты есть. Может получиться, что ты будешь нужнее как пилот, чем как ныряльщик.

Павлыш включил двигатель. Флаер, присев от напряжения, оторвал ноги от покатой спины катера и резко взмыл вверх.

Катер скрылся под водой.

Поднявшись на сто метров, Павлыш разглядел белые буруны, в центре которых черными точками торчали вершины скал.

Павлыш вызвал Алана. Рация была только у него.

— Скажи спасибо Марине. Она вывела нас точно к месту.

Ему хотелось лишний раз повторить это имя. Он вдруг понял, что никакого шока, ужаса, отвращения, боли — ничего подобного не испытывает. То ли был подготовлен к такому повороту событий за последние сутки, то ли прав все же Димов: биоформ остается человеком, только экзотически одетым. Марину было жалко. Полгода назад... полгода назад она уже начала биоформирование. И почему-то ей надо было обязательно встретить того

человека на Луне, того капитана, который не захотел ее увидеть. Может быть, тот капитан предпочел отказаться от Золушки в хижине. Понятно, что она считала себя преступницей. Сбежала из института... ее вообще могли снять с эксперимента.

Павлыш услышал голос Димова:

— Они здесь, под осыпью.

— Вот видишь, — сказал Гогия, — я в этом не сомневался.

— Слушай, Павлыш, — произнес Димов, — мы сейчас на глубине сорока двух метров. Ван остается в катере. Мы с Нильсом выходим к оползню. Иерихонский будет страховать нас снаружи. На всякий случай включи запись, регистрируй все наши движения.

— Ясно, включаю запись.

— Мы выходим.

— Далеко им идти до завала? — спросил Павлыш Вана.

— Нет, я их отлично вижу.

Павлыш представил себе эту сцену. Катер завис у самого дна над камнями, среди обломков кораллов и перепутанных водорослей. Рядом с катером в нескольких шагах Иерихонский. Луч его шлемового фонаря высвечивает сутулого Димова в облегающем оранжевом скафандре и уверенно шагающую впереди черепаху.

— Мы дошли до осыпи, — продолжал Димов. — Нильс ищет вход. Здесь должна быть трещина, сквозь которую выбралась Сандра.

Наступила длинная пауза.

Павлыш связывался с островом. Там все было по-прежнему. Сандра спала. Пфлюг ответил, что положение в кратере стабилизировалось. Идет вязкая лава. Если скорость истекания сохранится прежней, то к утру площадь острова значительно увеличится. Лет через сколько-то можно будет сажать здесь цитрусовые.

Гогия оторвался от своих приборов, сел рядом с Павлышом.

— Все-таки я не завидую Иерихонскому, — сказал он. — Любить женщину, которая, в сущности, наполовину рыба...

— Но она всегда может вернуться в прежнее состояние.

— Трудно. Она же не совсем биоформ. Подводников готовили еще до Геворкяна. К тому же она и не захочет. Сандре нравится ее жизнь. Она помешана на океане. Когда-нибудь вам наверняка расскажут их историю. Очень романтично. Они познакомились, когда Сандра уже работала на Наири. Она прилетела как-то к нам в Тбилиси на конференцию, там встретила Иерихонского... ну и представляете... Он, когда все узнал, пытался ее отговорить. Безрезультатно. Так что же вы думаете: в результате он сам перешел работать на Проект, чтобы быть рядом.

Гогия вздохнул.

— А вы могли бы полюбить подводницу? — спросил Павлыш.

— Откуда мне знать, если у меня в Кутаиси молодая жена живет? Самая обыкновенная жена. Очень красивая. Я вам в лаборатории фото покажу. Письмо прислала — три килограмма.

— Ну, а вот... — Павлыш показал на реявших в небе птиц.

— Это совсем другое дело, — сказал Гогия. — У Алана у самого дочка в нашем институте работает. Это временно. Это как маска. Пришел домой, снял маску и живи.

— Ага, — раздался голос Димова, — есть щель!

Павлыш держал рацию на приеме, отключив передачу, чтобы его разговор с Гогией не мешал остальным.

— Да что там говорить, — продолжал Гогия, — вы у Вана были?

— Меня там поселили.

— Правильно. Большая комната. Светлая. Там на полке портрет Марины Ким стоит. Не заметили?

Гогия не смотрел на Павлыша и не заметил, как тот покраснел.

— Мы с Нильсом отвалили камень, — известил Димов. — Есть ход. Очень узкий. В глубине еще завал.

— Ну и что? — спросил Павлыш у Гогии. — Вы сказали, что у Вана есть портрет Марины Ким.

— Да. Он в нее смертельно влюблен. Он знал ее еще на Земле, когда она стажировалась в институте. Меня тогда в институте не было, я только здесь к ним присоединился. А тут еще у Марины начались неприятности...

— Есть! — крикнул Димов. — Пошел камень! Осторожнее!

Павлыш замер.

«Раз, — считал он про себя, — два, три, четыре, пять...»

Димов громко вздохнул.

— Ну и силища у тебя, Нильс... Он такую глыбу удержал, просто уму непостижимо.

На связь вышла Станция. Спрашивали, выслать ли второй флаер.

Павлыш велел ждать и пока смонтировать подводного робота. Может, придется его доставлять сюда.

— Правильно, — подтвердил Гогия. Потом продолжал свой рассказ: — Я деталей не знаю. Только все дело в ее отце. Он жуткий педант. Он запретил Марине идти к нам в институт. Сказал, что не захочет ее больше видеть... В общем, боялся за нее, пробовал воздействовать, но на Марину очень трудно влиять. Когда она все-таки не подчинилась, он, как человек слова, сказал, что

больше ее не увидит. Правильно сказал. Отец всегда отец. Надо уважать.

— Трещина открыта, — сообщил Димов, — я остаюсь пока здесь. Нильс попытается до них добраться.

— А дальше? — кинул Павлыш.

— Вам, наверное, неинтересно.

— Ничего, все равно ждем.

— Ван помог Марине убежать из института на один день.

— На Луну? — вырвалось у Павлыша.

— А как вы догадались?

— Это было полгода назад?

— Да, как раз полгода. Она уже прошла курс подготовки, с нее сняли биокопии и начали обработку терапевтическими средствами, чтобы понизить сопротивляемость организма. Не могла она убегать. Не имела права. На месте Геворкяна я бы ее обязательно уволил. А она полетела на Луну. Оттуда должен был стартовать ее отец. Он капитан «Аристотеля».

— Нильс? Это ты, Нильс? — послышался голос Вана.

— Он передает, что нашел их, — сказал Димов, — нашел.

— В каком они состоянии?

— Не знаю. Ждите.

— Ну и чем все кончилось? — спросил Павлыш.

— А? Мы о Марине? Ничем. Простили. Ван всю вину взял на себя. Марина всю вину взяла на себя. Димов всю вину взял на себя. Геворкян посмотрел на них, старый человек, мягкий стал... и простил. Романтическая история. Только отец не простил. Улетел, понимаете? Но простит. Куда денется...

— На какой они глубине? — спросил Павлыш у Вана, включив передачу.

— Двадцать метров ниже меня, — ответил Ван.

На катере заполнили водой грузовой отсек, поместили в него биоформов-акул и пошли к Станции.

Павлыш тем временем вернулся к острову, чтобы эвакуировать оттуда Сандру и Пфлюга и вывезти оборудование.

Поток лавы изменил направление и угрожал заливу и убежищу. Сандра все еще не просыпалась.

Пока Пфлюг с Гогией устраивали в кабине Сандру, Павлыш возвратился в убежище. Он вытащил приборы, отключил питание рации, задраил люк. Теперь убежище будет пустовать до тех пор, пока природа не утихомирится. Гогия выскочил из флаера, взял один из ящиков, побежал обратно. Оставался еще один контейнер — такой тяжелый, что унести его можно было только вдвоем. Павлыш присел на край ящика, дожидаясь, пока кто-нибудь вернется помочь ему.

Все вокруг изменилось. Сутки назад залив был мирным, тихим уголком, даже волны не добирались до берега. Теперь низко над островом висели облака пепла, то и дело сыпал крупный мутный дождь. Вулканчик на склоне горы плевался грязью, поток лавы с вершины, дымясь, достиг уже залива и образовал язык полуострова. Струи пара вырывались сквозь трещины на склоне. Через них пробивались зловещие отблески оранжевых сполохов над вершиной горы.

Одна из птиц вернулась к острову вслед за флаером и кружила над головой. Павлыш помахал ей рукой. На птице не было передатчика, и он не мог спросить, кто это.

Грязевой вулкан вдруг выбросил высоко в небо струю жижи, словно хотел сбить птицу на лету, и та, сложив крылья, пошла в сторону.

Подошел Гогия.

— Давай возьмем контейнер.

Павлыш встал, наклонился, подхватил контейнер, и они потащили его к флаеру. Земля под ногами мелко дрожала.

— У меня такое впечатление, — проговорил Гогия, — что остров в любой момент может взлететь на воздух.

— Не беспокойся, — ответил Павлыш, — должны успеть.

— Алан на всякий случай нас страхует, — сказал Гогия, — он тоже опасается.

— Это Алан? Ты как различаешь?

— Я так думаю, что это Алан. Он настоящий мужчина.

«Конечно, это не Марина; — подумал Павлыш. — Ей же не хочется со мной встречаться».

Шлем заглушал грохот вулкана. До Павлыша доносился лишь ровный, глухой, утробный гул. Но в этот момент в недрах горы зародился такой пронзительный и зловещий звук, что он проник внутрь шлема.

Человек, становящийся свидетелем катастрофы, внезапной и скорой, действует инстинктивно. И представление о том, в какой последовательности происходили события, складывается уже потом, когда все минует и на собственные впечатления накладываются рассказы очевидцев. И если Павлышу показалось, что по склону горы ударил невидимый топор и она, как деревянная колода, начала разваливаться под этим ударом, то Пфлюг, видевший все из открытого люка флаера, мысленно сравнил взрыв с театральным занавесом, раздвигающимся в стороны в момент, когда оркестр гремит последним аккордом увертюры, а сквозь расширяющуюся щель проникает со сцены яркий свет.

Наверно, Павлыш стоял неподвижно не более секунды. Почему-то он даже не упал, не потерял равновесия, и мозг его успел

отметить, что гора распадается слишком медленно. И тут воздушная волна толкнула его и бросила к флаеру. Сейсмолог висел в люке и что-то кричал, но Павлыш не слышал. Он смотрел на разрушающуюся декорацию и видел, как гигантский вихрь подхватил птицу, белое перышко, бросил ее вверх, закружил и понес к воде...

— Скорее! — звал Гогия. — Поднимайся!

Внутри горы была видна желтая раскаленная масса, мягкая и податливая. Она медленно выливалась сквозь зубья скал.

Павлыш не мог оторвать взгляда от комка белых перьев, от пушинки, падающей в воду.

— Куда? — кричал Гогия. — Ты с ума сошел!

Павлыш бежал к воде. Птица, несомая воздушной волной, падала как лист с дерева, бессильно вращаясь в воздухе.

Она должна была упасть метрах в ста от берега, но порыв встречного ветра бросил ее ближе к суше, и Павлыш, даже не подумав, глубоко ли там, побежал, увязая в грязи, скользя и стараясь удержать равновесие, а земля вздрагивала, уходила из-под ног.

Сначала дно понижалось полого, и грязная вода достигла коленей лишь шагов через двадцать.

Птица упала в воду. Одно крыло ее было прижато, другое белой простыней распласталось по воде. В птице чувствовалась какая-то ватность, неодушевленность. Дно уступом ушло вниз, и Павлыш провалился по пояс в воду. Каждый шаг давался с трудом, вода в заливе бурлила и ходила водоворотами, хотя на поверхности вязкий слой пепла сковывал волнение, как пена в кастрюле закипающий суп.

Птицу медленно относило к центру залива, и Павлыш спешил, понимая, что плыть в своем комбинезоне он не сможет, и молил судьбу, чтобы дно больше не понижалось, чтобы хватило сил и времени добраться до белой простыни.

Он дотянулся до края крыла, и в этот момент его ноги потеряли дно. Не выпуская крыла и боясь в то же время, что перья могут не выдержать, Павлыш тянул птицу к себе, все глубже уходя в воду. Неизвестно, чем бы закончилось это акробатическое упражнение, если бы Павлыш не почувствовал вдруг, что кто-то его тянет назад. Несколько секунд он продолжал удерживать неустойчивое равновесие, потом наконец преодолел инерцию, и птица легко заскользила по воде к берегу.

Не отпуская крыла, Павлыш обернулся. Гогия стоял по пояс в воде, вцепившись сзади в комбинезон Павлыша. Глаза у него были бешеные, испуганные, и он несколько раз открывал рот, прежде чем смог произнести:

— Я... вы же могли... не успеть...

Они подхватили легкое, выскальзывающее из рук тело птицы и понесли его к берегу. Голова птицы бессильно поникла, и свободной рукой Павлыш ее поддерживал. Глаза были затянуты полупрозрачной пленкой.

— Ее оглушило, — сказал Павлыш.

Гогия не смотрел на него. Он глядел вперед, на берег.

Павлыш взглянул в ту сторону. Лава, выливавшаяся через расщелину в горе вязким языком, намеревалась отрезать им путь к берегу.

— Бери левее! — крикнул Павлыш.

Флаер находился по ту сторону лавового языка и казался мыльным пузырем на закате.

Им пришлось снова зайти вглубь почти по пояс, чтобы не попасть в закипающую воду, обогнуть стену пара на границе лавы и воды.

Павлыш с трудом потом мог вспомнить, как они добрались до флаера и занесли внутрь птицу — крыло никак не желало складываться и застревало в люке...

Павлыш поднял машину над островом и бросил ее в сторону моря.

— Ну все, — сказал он, — выбрались, теперь как-нибудь доплетемся до дому.

Гогия задраил люк. Пфлюг осматривал птицу.

Павлыш включил рацию.

— Сколько можно! — возмущался кто-то знакомым голосом. — Сколько можно молчать? Мы вызываем вас уже полчаса!

— Некогда было, — объяснил Павлыш, — пришлось задержаться на острове. Димов вернулся?

— Они на подходе, — ответил тот же голос. — Нет, вы мне ответьте, кто вам дал право нарушать правила поддержания радиосвязи? Что за мальчишество! Кто управляет флаером? Это ты, Гогия? Я тебя отстраняю от полетов, и даже Димов не сможет тебя защитить. Стоит на два дня покинуть Станцию, и все летит кувырком!

— Это ты, Спиро? — спросил Павлыш.

— Я, а кто за рулем, я спрашиваю?

— Павлыш.

— А, вот кто! Вас в Дальнем флоте не учат, что нужно поддерживать связь с центром?

— Да погодите вы, Спиро, — сказал Павлыш устало. — Я иду сейчас на малой скорости. Ждите нас через полчаса. Подготовьте операционную.

— Стой, не отключайся! — крикнул Спиро. — Выслать тебе на помощь второй флаер?

— Зачем? Чтобы летел рядом?

— А кто пострадавший?

Павлыш обернулся к Пфлюгу.

— Что там у Алана? Наверное, надо сообщить.

— Это не Алан, — ответил Пфлюг, — это Марина. У нее сломано крыло. Дай-ка мне микрофон...

* * *

Вершиной на Станции назывался большой, вырубленный над основными помещениями зал, специально оборудованный для птиц-биоформов. В зале был бокс для обследования биоформов, запасы пищи для них, здесь стояли их диктофоны и приборы, которыми они пользовались.

Павлыш с Мариной сидели в зале Вершины. Павлыш на стуле, Марина в гнезде из легкой частой сетки, которое соорудил для биоформов Ван.

Павлыш никак не мог привыкнуть к ее механическому голосу. Он понимал, что это не более как приставка — клюв Марины не был приспособлен для артикуляции. Но, слушая ее, он пытался себе представить настоящий голос Золушки, которую встретил на Луне.

Белая птица приподняла крылья, расправила их снова.

— У меня появляются странные рефлексы. Иногда мне кажется, что я всегда была птицей. Ты не представляешь, что это такое — парить над океаном, подниматься к облакам.

— Мне это снилось в детстве.

— Я хотела бы полетать над Землей. Здесь пусто.

— Не останься навсегда птицей.

— Захочу — останусь.

— Нельзя, — ответил Павлыш. — Я тебя буду ждать. Ты разрешила мне искать тебя, когда пройдут два года твоего затворничества.

— Ты нашел ту глупую записку.

— Она не глупая.

— Я чувствовала себя тогда такой одинокой, и мне так хотелось, чтобы кто-нибудь меня ждал.

— Погляди. — Павлыш достал из кармана уже потертую на сгибах записку. — Я перечитываю ее по вечерам.

— Смешно. И нашел меня здесь.

— Ничего не изменилось. Ты не лишена прелести и как птица.

— Значит, если бы я была черепахой, все было бы иначе?

— Наверняка. Я с детства не любил черепах. Они не спешат.

— Я, наверное, все-таки дура. Я была уверена, что любой человек, увидев меня в таком виде, будет... разочарован. Я хотела спрятаться.

— Значит, тебе и мое мнение не было безразлично?

— Не было... я даже не могу стыдливо потупиться.

— Прикройся крылом.

Марина расправила белое крыло и подняла его, закрывая голову.

— Вот и отлично, — сказал Павлыш. — Ты хотела передать со мной письмо твоему отцу?

— Да. Сейчас. Оно уже готово. Я его наговорила. Только жалко, что он не узнает моего голоса.

— Ничего страшного. Я все объясню. Я ему скажу, что передаю письмо, и тут же попрошу официально твоей руки.

— Ты с ума сошел! У меня нет руки!

— Это военная хитрость. Тогда твой отец поверит, что ты к нему вернешься живой и невредимой. Зачем иначе мне, блестящему космонавту из Дальнего флота, просить руки его дочери без уверенности, что эту руку я в конце концов получу.

— Вы самоуверенны, космонавт.

— Нет, я так скрываю свою робость. Мой соперник меня превосходит по всем статьям.

— Ван?

— С первого момента моего появления на Проекте он догадался, зачем я сюда пожаловал. Ты бы слышала, как он накинулся на меня за то, что я шел к Станции на ручном управлении.

— Глупый, он думал о нас. Мы спим на облаках. Ты мог меня убить.

— Тем более он превосходит меня благородством и верностью.

— Он мой друг. Он мой лучший друг. Ты совсем другое. До свидания, гусар Павлыш.

Птица смотрела через плечо Павлыша на дверь.

В дверях стоял Ван. Он, видно, стоял давно, все слышал.

— Грузовик готов, — произнес он, — мы отлетаем.

Повернулся, и его подошвы отбили затихающую вдали дробь по ступенькам каменной лестницы.

— Выздоравливай, — пожелал Павлыш, дотронувшись до мягкого крыла...

Когда грузовик приземлился на планетоиде, Ван сказал:

— Ты иди, там корабль ждет, а я останусь здесь. Надо приглядеть за разгрузкой.

— До свидания, Ван. Наверное, мы с тобой еще увидимся.

— Наверное. Галактика стала тесной.

Павлыш протянул руку.

— Да, — сказал Ван, — я совсем забыл.

Он нагнулся, достал из ящика под пультом завернутый в пластик плоский квадратный пакет.

— Это тебе. На память.

— Что это?

— Посмотришь на корабле.

Когда Павлыш развернул на корабле пакет, оказалось, что это портрет Марины в тонко вырезанной из нефрита рамке.

ПОЛОВИНА ЖИЗНИ

1

Чуть выше Калязина, где Волга течет по широкой, крутой дуге, сдерживаемая высоким левым берегом, есть большой, поросший соснами остров. С трех сторон его огибает Волга, с четвертой — прямая протока, которая образовалась, когда построили плотину в Угличе и уровень воды поднялся. За островом, за протокой, снова начинается сосновый лес. С воды он кажется темным, густым и бескрайним. На самом деле он не так уж велик и даже не густ. Его пересекают дороги и тропинки, проложенные по песку, и потому всегда сухие, даже после дождей.

Одна из таких дорог тянулась по самому краю леса, вдоль ржаного поля, и упиралась в воду, напротив острова. По воскресеньям, летом, если хорошая погода, по ней к протоке приезжал автобус с отдыхающими. Они ловили рыбу и загорали. Часто к берегу у дороги приставали моторки и яхты, и тогда с воды были видны серебряные и оранжевые палатки. Куда больше туристов высаживалось на острове. Им казалось, что там можно найти уединение, и потому они старательно искали щель между поставленными раньше палатками, высадившись, собирали забытые консервные банки и прочий сор, ругали предшественников за беспорядок, убежденные в том, что плохое отношение к природе — варварство, что не мешало им самим, отъезжая, оставлять на берегу пустые банки, бутылки и бумажки. Вечерами туристы разжигали костры и пили чай, но в отличие от пешеходов, ограниченных тем, что могут унести в рюкзаках, они не пели песен и не шумели — чаще всего они прибывали туда семьями, с детьми, собаками, запасом разных продуктов и примусов.

Однорукий лесник с хмурым мятым лицом, который выходил искупаться к концу лесной дороги, привык не обижаться на туристов и не опасался, что они подожгут лес. Он знал, что его туристы — народ обстоятельный и солидный, костры они всегда заливают или затаптывают.

Однорукий лесник скидывал форменную тужурку с дубовыми листьями в петлицах, расстегивал брюки, ловко снимал ботинки и осторожно входил в воду, щупая ногой дно, чтобы не наступить на осколок бутылки или острый камень. Потом останавливался по пояс в воде, глубоко вздыхал и падал в воду. Он плыл на боку, подгребая единственной рукой. Надежда с Оленькой оставались

обычно на берегу. Надежда мыла посуду, потому что в доме лесника на том конце дороги не было колодца, а если кончала мыть раньше, чем лесник вылезал из воды, садилась на камень и ждала его, глядя на воду и на цепочку костров на том берегу протоки, которые напоминали ей почему-то ночную городскую улицу и вызывали желание уехать в Ленинград или в Москву. Когда Надежда видела, что лесник возвращается, она заходила по колено в воду, протягивала ему пустые ведра, и он наполнял их, вернувшись туда, где поглубже и вода чище.

Если поблизости оказывались туристы, лесник накидывал на голое тело форменную тужурку и шел к костру. Он старался людей не пугать и говорил с ними мягко, вежливо и глядел влево, чтобы не виден был шрам на щеке.

На обратном пути он останавливался, подбирал бумажки и всякую труху и сносил к яме, которую каждую весну рыл у дороги и которой никто, кроме него, не пользовался.

Если было некогда или не сезон и берега пусты, однорукий лесник не задерживался у воды. Набирал ведра и спешил домой. Надежда приезжала только по субботам, а Оленька, маленькая еще, боялась оставаться вечером одна.

Он шел по упругой ровной дороге, пролегшей между розовыми, темнеющими к земле стволами сосен, у подножия которых сквозь слой серых игл пробивались кусты черники и росли грибы.

Грибов лесник не ел, не любил и не собирал. Собирала их Оленька, и, чтобы доставить ей удовольствие, лесник научился солить их и сушить на чердаке. А потом они дарили их Надежде. Когда она приезжала.

Оленька была леснику племянницей. Дочкой погибшего три года назад брата-шофера. Они оба, и лесник, которого звали Тимофеем Федоровичем, и брат его Николай, были из этих мест. Тимофей пришел безруким с войны и устроился в лес, а Николай был моложе и на войну не попал. Тимофей остался бобылем, а Николай женился в сорок восьмом на Надежде, у него родилась дочь, и жили они с Надеждой мирно, но Николай попал в аварию и умер в больнице. До смерти Николая лесник редко виделся с братом и его семьей, но, когда настало первое лето после его смерти, лесник как-то был в городе, зашел к Надежде и пригласил ее с дочкой приезжать в лес. Он знал, что у Надежды скудно с деньгами, других родственников у нее нет — работала она медсестрой в больнице. Вот и позвал приезжать к себе, привозить девочку.

С тех пор Надежда каждое лето отвозила Оленьку дяде Тимофею, на месяц, а то и больше, а сама приезжала по субботам, прибирала в доме, подметала, мыла полы и старалась быть полезной, потому что денег за Оленьку Тимофей, конечно, не брал. И то,

что она хлопотала по дому, вместо того чтобы отдыхать, и злило Тимофея, и трогало.

Был уже конец августа, погода портилась, ночи стали холодными и влажными, словно тянуло, как из погреба, от самого Рыбинского моря. Туристы разъехались. Была последняя суббота, через три дня Тимофей обещал привезти Олю к школе, ей пора было идти в первый класс. Была последняя ночь, когда Надежда будет спать в доме Тимофея. И до весны. Может, лесник приедет в Калязин на ноябрьские, а может, и не увидит их до Нового года.

Надежда мыла посуду. На песке лежал кусок хозяйственного мыла. Надежда мыла чашки и тарелки, что накопились с обеда и ужина, проводила тряпкой по мылу и терла ею посуду, зайдя по щиколотки в воду. Потом полоскала каждую чашку. Оля озябла и убежала куда-то в кусты, искала лисички. Лесник сидел на камне, накинув тужурку. Он не собирался купаться, но и дома делать было нечего. Они молчали.

Полоская чашки, Надежда наклонялась, и лесник видел ее загорелые, крепкие и очень еще молодые ноги, и ему было неловко оттого, что он не может поговорить с Надеждой, чтобы она оставалась у него совсем. Ему было бы легче, если бы Николая никогда не существовало, и потому лесник старался смотреть мимо Надежды, на серую сумеречную воду, черный частокол леса на острове и одинокий огонек костра на том берегу. Костер жгли не туристы, а рыбаки, местные.

Но Надежда в тот вечер тоже чувствовала себя неловко, будто ждала чего-то, и, когда взгляд лесника вернулся к ней, она распрямилась и спрятала под белую в красный горошек косынку прядь прямых русых волос. Волосы за лето стали светлее кожи — выгорели, от загара белее казались зубы и белки глаз. Особенно сейчас. Тимофей отвел глаза — Надежда смотрела на него как-то слишком откровенно, как на него смотреть было нельзя, потому что он был некрасив, потому что он был инвалид и еще был старшим братом ее погибшего мужа и потому что он хотел бы, чтобы Надежда осталась здесь.

А она стояла и смотрела на него. И он не мог, даже отводя глаза, не видеть ее. У нее была невысокая грудь, тонкая талия и длинная шея. А вот ноги были крепкими и тяжелыми. И руки были сильные, налитые. В сумерках глаза ее светились — белки казались светло-голубыми. Тимофей нечаянно ответил на ее взгляд, и сладкая боль, зародившись в плече, распространилась на грудь и подошла к горлу ожиданием того, что может и должно случиться сегодня.

Тимофей не мог оторвать взгляда от Надежды. А когда ее губы шевельнулись, он испугался наступающих слов и звука голоса.

Надежда сказала:

— Ты, Тима, иди домой. Оленьку возьми, она замерзла. Я скоро.

Тимофей сразу поднялся, с облегчением, полный благодарности Надежде, что она нашла такие ничего не значащие, но добрые и нужные слова.

Он позвал Олю и пошел к дому. А Надежда осталась домывать посуду.

2

Даг поудобнее уселся в потертом кресле, разложил список на столе и читал его вслух, отчеркивая ногтем строчки. Он чуть щурился — зрение начинало сдавать, хотя он сам об этом не догадывался или, вернее, не позволял себе догадываться.

— А запасную рацию взял?

— Взял, — ответил Павлыш.

— Второй тент взял?

— Ты дочитай сначала. Сато, у тебя нет черных ниток?

— Нет. Кончились.

— Возьми и третий тент, — сказал Даг.

— Не надо.

— И второй генератор возьми.

— Вот он, пункт двадцать три.

— Правильно. Сколько баллонов берешь?

— Хватит.

— Сгущенное молоко? Зубную щетку?

— Ты меня собираешь в туристский поход?

— Возьми компот. Мы обойдемся.

— Я к вам зайду, когда захочется компота.

— К нам не так легко прийти.

— Я шучу, — сказал Павлыш. — Я не собираюсь к вам приходить.

— Как хочешь, — сказал Даг.

Он смотрел на экран. Роботы ползали по тросам, как тли по травинкам.

— Сегодня переберешься? — спросил Даг.

Даг торопился домой. Они потеряли уже два дня, готовя добычу к транспортировке. И еще две недели на торможение и маневры.

На мостик вошел Сато и сказал, что катер готов и загружен.

— По списку? — спросил Даг.

— По списку. Павлыш дал мне копию.

— Это хорошо, — сказал Даг. — Добавь третий тент.

— Я уже добавил, — сказал Сато. — У нас есть запасные тенты. Нам они все равно не пригодятся.

— Я бы на твоем месте, — сказал Даг, — перебирался бы сейчас.

— Я готов, — сказал Павлыш.

Даг был прав. Лучше перебраться сейчас, и если что не так, нетрудно сгонять на корабль и взять забытое. Придется провести несколько недель на потерявшем управление, мертвом судне, брошенном хозяевами неизвестно когда и неизвестно почему, летевшем бесцельно, словно «Летучий голландец», и обреченном, не встреть они его, миллионы лет проваливаться в черную пустоту космоса, пока его не притянет какая-нибудь звезда или планета или пока он не разлетится вдребезги, столкнувшись с метеоритом.

Участок Галактики, через который они возвращались, был пуст, лежал в стороне от изведанных путей, и сюда редко заглядывали корабли. Это была исключительная, почти невероятная находка. Неуправляемый, оставленный экипажем, но не поврежденный корабль.

Даг подсчитал, что, если вести трофей на буксире, горючего до внешних баз хватит. Конечно, если выкинуть за борт груз и отправить в пустоту почти все, ради чего они двадцать месяцев не видели ни одного человеческого лица (собственные не в счет).

И кому-то из троих надо было отправиться на борт трофея, держать связь и смотреть, чтобы он вел себя пристойно. Пошел Павлыш.

— Я пошел, — сказал Павлыш. — Установлю тент. Опробую связь.

— Ты осторожнее, — сказал Даг, вдруг расчувствовавшись. — Чуть что...

— Главное, не потеряйте, — ответил Павлыш.

Павлыш заглянул на минуту к себе в каюту поглядеть, не забыл ли чего-нибудь, а заодно попрощаться с тесным и уже неуютным жилищем, где он провел много месяцев и с которым расставался раньше, чем предполагал. И оттого вдруг ощутил сентиментальную вину перед пустыми, знакомыми до последнего винта стенами.

Сато ловко подогнал катер к грузовому люку мертвого корабля. Нетрудно догадаться, что там когда-то стоял спасательный катер. Его не было. Лишь какое-то механическое устройство маячило в стороне.

Толкая перед собой тюк с тентами и баллонами, Павлыш пошел по широкому коридору к каюте у самого пульта управления. Там он решил обосноваться. Судя по форме и размерам помещения, обитатели его были пониже людей ростом, возможно, мас-

сивнее. В каюте, правда, не было никакой мебели, по которой можно было бы судить, как устроены хозяева корабля. Может, это была и не каюта, а складское помещение. Обследовать корабль толком не успели. Это предстояло сделать Павлышу. Корабль был велик. И путешествие обещало быть нескучным.

Следовало устроить лагерь. Сато помог раскинуть тент. Переходную камеру они устроили у двери и проверили, быстро ли тент наполняется воздухом. Все в порядке. Теперь у Павлыша был дом, где можно жить без скафандра. Скафандр понадобится для прогулок. Пока Павлыш раскладывал в каюте свои вещи, Сато установил освещение и опробовал рацию. Можно было подумать, что он сам намеревается здесь жить...

Разгонялись часов шесть. Даг опасался за прочность буксира. В конце разгона Павлыш вышел на пульт управления корабля и смотрел, как летевшие рядом серебряные цилиндры — выброшенный за борт груз — постепенно отставали, словно провожающие на платформе. Перегрузки были уже терпимые, и он решил заняться делами.

Пульт управления дал мало информации.

Странное зрелище представлял этот пульт. Да и вся рубка. Здесь побывал хулиган. Вернее, не просто хулиган, а малолетний радиолюбитель, которому отдали на растерзание дорогую и сложную машину. Вот он и превратил ее в детекторный приемник, используя транзисторы вместо гвоздей, из печатных схем сделав подставку, а ненужной, на его взгляд, платиновой фольгой оклеил свой чердачок, словно обоями. Можно было предположить — а это предположение уже высказал Даг, когда они попали сюда впервые, — что управление кораблем раньше было полностью автоматическим. Но потом кто-то без особых церемоний сорвал крышки и кожухи, соединил накоротко линии, которые соединять было не положено, — в общем, принял все меры, чтобы превратить хронометр в первобытный будильник. От такой вивисекции осталось множество лишних «винтиков», порой внушительных размеров. Шалун разбросал их по полу, словно спешил завершить разгром и спрятаться раньше, чем вернутся родители.

Удивительно, но нигде не встретилось ни одного стула, кресла или чего-либо близкого к этим предметам. Возможно, хозяева и не знали, что такое стулья. Сидели, скажем, на полу. Или вообще катались, словно перекати-поле. Павлыш таскал за собой камеру и старался заснять все, что можно. На всякий случай. Если что-нибудь стрясется, могут сохраниться пленки. Чуть гудел шлемовый фонарь, и оттого абсолютнее была тишина. Было так тихо, что Павлышу начали чудиться шелестящие шаги и шорохи. Хотелось ходить на цыпочках, будто он мог кого-то разбудить.

Он знал, что будить некого, и хотел было отключить шлемофон, но потом остерегся. Если вдруг в беззвучном корабле возникнет шум, звук, голос, пускай он его услышит.

И от этой невероятной возможности стало совсем неуютно. Павлыш поймал себя на нелепом жесте — положил ладонь на рукоять бластера.

— Атавизм, — сказал он.

Оказалось, сказал вслух. Потому что в шлемофоне возник голос Дага.

— Ты о чем?

— Привык, что мы всегда вместе, — сказал Павлыш. — Неуютно.

Павлыш видел себя со стороны: маленький человек в блестящем скафандре, жучок в громадной банке, набитой трухой.

Коридор, который вел мимо его каюты, заканчивался круглым пустым помещением. Павлыш оттолкнулся от люка и в два прыжка одолел его. За ним начинался такой же коридор. И стены, и пол везде были одинакового голубого цвета, чуть белесого, словно выгоревшего от солнца. Свет шлемового фонаря расходился широким лучом, и стены отражали его. Коридор загибался впереди. Павлыш нанес его на план. Пока план корабля представлял собой эллипс, в передней части которого был обозначен грузовой люк и эллинг для улетевшего катера или спасательной ракеты, пульт управления, коридор, соединяющий пульт с круглым залом, и еще три коридора, отходившие от пульта. Известно было, где находятся двигатели, но их пока не стали обозначать на плане. Времени достаточно, чтобы все осмотреть не спеша.

Шагов через сто коридор уперся в полуоткрытый люк. У люка лежало что-то белое, плоское. Павлыш медленно приблизился к белому. Наклонил голову, чтобы осветить его ярче. Оказалась просто тряпка. Белая тряпка, хрупкая в вакууме. Павлыш занес над ней ногу, чтобы перешагнуть, но, видно, нечаянно дотронулся до нее, и тряпка рассыпалась в пыль.

— Жалко, — сказал он.

— Что случилось? — спросил Даг.

— Занимайся своими делами, — сказал Павлыш. — А то вообще отключусь.

— Попробуй только. Сейчас же прилечу за тобой. План не забудь.

— Не забыл, — сказал Павлыш, отмечая на плане люк.

За люком коридор расширился, в стороны отбегали его ветви. Но Павлыш даже пока не стал отмечать их. Выбрал центральный, самый широкий путь. Он привел его еще к одному люку, закрытому наглухо.

— Вот и все на сегодня, — сказал Павлыш.

Даг молчал.

— Ты чего молчишь? — спросил Павлыш.

— Не мешаю тебе беседовать с самим собой.

— Спасибо. Я дошел до закрытого люка.

— Не спеши открывать, — сказал Даг.

Павлыш осветил стену вокруг люка. Заметил выступающий квадрат и провел по нему перчаткой.

Люк легко отошел в сторону, и Павлыш прижался к стене. Но ничего не произошло.

Вдруг ему показалось, что сзади кто-то стоит. Павлыш резко обернулся, полоснул лучом света по коридору. Пусто. Подвели нервы. Он ничего не стал говорить Дагу и переступил через порог.

Павлыш оказался в обширной камере, вдоль стен шли полки, на некоторых стояли ящики. Он заглянул в один из них. Ящик был на треть наполнен пылью. Что в нем было раньше, угадать невозможно.

В дальнем углу камеры фонарь поймал лучом еще одну белую тряпку. Павлыш решил к ней не подходить. Лучше потом взять консервант, на Земле интересно будет узнать, из чего они делали материю. Но когда Павлыш уже отводил луч фонаря в сторону, ему вдруг показалось, что на тряпке что-то нарисовано. Может, только показалось? Он сделал шаг в том направлении. Черная надпись была видна отчетливо. Павлыш наклонился. Присел на корточки.

«Меня зовут Надежда», — было написано на тряпке. По-русски.

Павлыш потерял равновесие, и рука дотронулась до тряпки. Тряпка рассыпалась. Исчезла. Исчезла и надпись.

— Меня зовут Надежда, — повторил Павлыш.

— Что? — спросил Даг.

— Здесь было написано: «Меня зовут Надежда», — сказал Павлыш.

— Да где же?

— Уже не написано, — сказал Павлыш. — Я дотронулся, и она исчезла.

— Слава, — сказал Даг тихо. — Успокойся.

— Я совершенно спокоен, — сказал Павлыш.

3

До того момента корабль оставался для Павлыша фантомом, реальность которого была условна, словно задана правилами игры. И даже нанося на план — пластиковую пластинку, прикрепленную к кисти левой руки, — сетку коридоров и люки, он за рамки этой условности не выходил. Он был подобен разумной

мыши в лабораторном лабиринте. В отличие от мыши настоящей, Павлыш знал, что лабиринт конечен и определенным образом перемещается в космическом пространстве, приближаясь к Солнечной системе.

Рассыпавшаяся записка нарушала правила, ибо никак, никаким самым сказочным образом оказаться здесь не могла и потому приводила к единственному разумному выводу: ее не было. Так и решил Даг. Так и решил бы Павлыш, оказавшись на его месте. Но Павлыш не мог поменяться местами с Дагом.

— Именно Надежда? — спросил Даг.

— Да, — ответил Павлыш.

— Учти, Слава, — сказал Даг. — Ты сам физиолог. Ты знаешь. Может, лучше мы тебя заменим? Или вообще оставим корабль без присмотра.

— Все нормально, — сказал Павлыш. — Не беспокойся. Я пошел за консервантом.

— Зачем?

— Если встретится еще одна записка, я ее сохраню для тебя.

Совершая недолгое путешествие к своей каюте, извлекая консервант из ящика со всякими разностями, собранными аккуратным Сато, он все время старался возобновить в памяти тряпку или листок бумаги с надписью. Но листок не поддавался. Как лицо любимой женщины: ты стараешься вспомнить его, а память рождает лишь отдельные, мелкие, никак не удовлетворяющие тебя детали — прядь над ухом, морщинку на лбу. К тому времени как Павлыш вернулся в камеру, где его поджидала (он уже начал опасаться, что исчезнет) горстка белой пыли, уверенность в записке пошатнулась.

Разум старался оградить его от чудес.

— Что делаешь? — спросил Даг.

— Ищу люк, — сказал Павлыш. — Чтобы пройти дальше.

— А как это было написано? — спросил Даг.

— По-русски.

— А какой почерк? Какие буквы?

— Буквы? Буквы печатные, большие.

От отыскал люк. Люк открылся легко. Это было странное помещение. Разделенное перегородками на отсеки разного размера, формы. Некоторые из них были застеклены, некоторые отделены от коридора тонкой сеткой. Посреди коридора стояло полушарие, похожее на высокую черепаху, сантиметров шестьдесят в диаметре. Павлыш дотронулся до него, и полушарие с неожиданной легкостью покатилось вдоль коридора, словно под ним скрывались хорошо смазанные ролики, ткнулось в стенку и замерло. Луч фонаря выхватывал из темноты закоулки и ниши. Но все они были пусты. В одной грудой лежали камни, в другой —

обломки дерева. А когда он присмотрелся, обломки показались похожими на останки какого-то большого насекомого. Павлыш продвигался вперед медленно, поминутно докладывая на корабль о своем прогрессе.

— Понимаешь, какая штука, — послышался голос Дага. — Можно утверждать, что корабль оставлен лет сорок назад.

— Может, тридцать?

— Может, и пятьдесят. Мозг дал предварительную сводку.

— Не надо стараться, — сказал Павлыш. — Даже тридцать лет назад мы еще не выходили за пределы системы.

— Знаю, — ответил Даг. — Но я еще проверю. Если только у тебя нет галлюцинаций.

Проверять было нечего. Тем более что они знали — корабль, найденный ими, шел не от Солнца. По крайней мере, много лет он приближался к нему. А перед этим должен был удаляться. А сорок, пятьдесят лет назад люди лишь осваивали Марс и высаживались на Плутоне. А там, за Плутоном, лежал неведомый, как заморские земли для древних, космос. И никто в этом космосе не умел говорить и писать по-русски...

Павлыш перебрался на следующий уровень, попытался распутаться в лабиринтах коридоров, ниш, камер. Через полчаса он сказал:

— Они были барахольщиками.

— А как Надежда?

— Пока никак.

Возможно, он просто не замечал следов Надежды, проходил мимо. Даже на Земле, стоит отойти от стандартного мира аэродромов и больших городов, теряешь возможность и право судить об истинном значении встреченных вещей и явлений. Тем более непонятен был смысл предметов чужого корабля. И полушарий, легко откатывающихся от ног, и ниш, забитых вещами и приборами, назначение которых было неведомо, переплетения проводов и труб, ярких пятен на стенах и решеток на потолке, участков скользкого пола и лопнувших полупрозрачных перепонок. Павлыш так и не мог понять, какими же были хозяева корабля, — то вдруг он попадал в помещение, в котором обитали гиганты, то вдруг оказывался перед каморкой, рассчитанной на гномов, потом выходил к замерзшему бассейну, и чудились продолговатые тела, вмерзшие в мутный лед. Потом он оказался в обширном зале, дальняя стена которого представляла собой машину, усеянную слепыми экранами, и ряды кнопок на ней размещались и у самого пола, и под потолком, метрах в пяти над головой.

Эта нелогичность, непоследовательность окружающего мира раздражала, потому что никак не давала построить хотя бы приблизительно рабочую гипотезу и нанизывать на нее факты —

именно этого требовал мозг, уставший от блуждания по лабиринтам.

За редкой (впору пролезть между прутьями) решеткой лежала черная, высохшая в вакууме масса. Вернее всего, когда-то это было живое существо ростом со слона. Может быть, один из космонавтов? Но решетка отрезала его от коридора. Вряд ли была нужда прятаться за решетки. На секунду возникла версия, не лишенная красочности: этого космонавта наказали. Посадили в тюрьму. Да, на корабле была тюрьма. И когда срочно надо было покинуть корабль, его забыли. Или не захотели взять с собой.

Павлыш сказал об этом Дагу, но тот возразил:

— Спасательный катер был рассчитан на куда меньших существ. Ты же видел эллинг.

Даг был прав.

На полу рядом с черной массой валялся пустой сосуд, круглый, сантиметров пятнадцать в диаметре.

А еще через полчаса, в следующем коридоре, за прикрытым, но не запертым люком Павлыш отыскал каюту, в которой жила Надежда.

Он не стал заходить в каюту. Остановился на пороге, глядя на аккуратно застланную серой материей койку, на брошенную на полу косынку, застиранную, ветхую, в мелкий розовый горошек, на полку, где стояла чашка с отбитой ручкой. Потом, возвращаясь в эту комнату, он с каждым разом замечал все больше вещей, принадлежавших Надежде, находил ее следы и в других помещениях корабля. Но тогда, в первый раз, запомнил лишь розовый горошек на платке и чашку с отбитой ручкой. Ибо это было куда более невероятно, чем тысячи незнакомых машин и приборов.

— Все в порядке, — сказал Павлыш. Он включил распылитель консерванта, чтобы сохранить все в каюте таким, как было в момент его появления.

— Ты о чем? — спросил Даг.

— Нашел Надежду.

— Что?

— Нет, не Надежду. Я нашел, где она жила.

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. Здесь стоит ее чашка. И еще она забыла косынку.

— Знаешь, — сказал Даг, — я верю, что ты не сошел с ума. Но все-таки я не могу поверить.

— И я не верю.

— Ты представь себе, — сказал Даг, — что мы высадились на Луне и видим сидящую там девушку. Сидит и вышивает, например.

— Примерно так, — согласился Павлыш. — Но здесь стоит ее чашка. С отбитой ручкой.

— А где Надежда? — спросил Сато.

— Не знаю, — сказал Павлыш. — Ее давно здесь нет.

— А что еще? — спросил Даг. — Ну скажи что-нибудь. Какая она была?

— Она была красивая, — сказал Сато.

— Конечно, — согласился Павлыш. — Очень красивая.

И тут Павлыш за койкой заметил небольшой ящик, заполненный вещами. Словно Надежда собиралась в дорогу, но что-то заставило ее бросить добро и уйти так, с пустыми руками.

Павлыш опрыскивал вещи консервантом и складывал на койке. Там была юбка, сшитая из пластика толстыми нейлоновыми нитками, мешок с прорезью для головы и рук, шаль или накидка, сплетенная из разноцветных проводов.

— Она здесь долго прожила, — сказал Павлыш.

На самом дне ящика лежала кипа квадратных белых листков, исписанных ровным, сильно наклоненным вправо почерком. И Павлыш заставил себя не читать написанного на них, пока не закрепил их и не убедился, что листки не рассыплются под пальцами. А читать их он стал, только вернувшись в свою каюту, где мог снять скафандр, улечься на надувной матрас и включить на полную мощность освещение.

— Читай вслух, — попросил Даг, но Павлыш отказался. Он очень устал. Он пообещал, что обязательно прочтет им самые интересные места. Но сначала проглядит сам. Молча. И Даг не стал спорить.

4

«Я нашла эту бумагу уже два месяца назад, но никак не могла придумать, чем писать на ней. И только вчера догадалась, что совсем рядом, в комнате, за которой следит глупышка, собраны камни, похожие на графит. Я заточила один из них. И теперь буду писать. (На следующий день в каюте Надежды Павлыш увидел на стене длинные столбцы царапин и догадался, как она вела счет дням.)

Мне давно хотелось писать дневник, потому что я хочу надеяться, что когда-нибудь, даже если я и не доживу до этого светлого дня, меня найдут. Ведь нельзя же жить совсем без надежды. Я иногда жалею, что я неверующая. Я бы смогла надеяться на бога и думать, что это все — испытание свыше».

На этом кончался листок. Павлыш понял, что листки лежали в стопке по порядку, но это не значило, что Надежда вела дневник день за днем. Иногда, наверно, проходили недели, прежде чем она вновь принималась писать.

«Сегодня они суетятся. Стало тяжелее. Я опять кашляла. Воздух здесь все-таки мертвый. Наверно, человек может ко всему привыкнуть. Даже к неволе. Но труднее всего быть совсем одной. Я научилась разговаривать вслух. Сначала стеснялась, неловко было, словно кто-нибудь может меня подслушать. Но теперь даже пою. Мне бы надо записать, как все со мной произошло, потому что не дай бог кому-нибудь оказаться на моем месте. Только сегодня мне тяжело, и когда я пошла в огород, то по дороге так запыхалась, что присела прямо у стенки, и глупышки меня притащили обратно чуть живую».

Дня через два Павлыш нашел то, что Надежда называла огородом. Это оказался большой гидропонный узел. И нечто вроде ботанического сада.

«Я пишу сейчас, потому что все равно пойти никуда не смогу, да глупышки и не пустят. Наверно, надо ждать прибавления нашему семейству. Только не знаю уж, увижу ли я...»

Третий листок был написан куда более мелким почерком, аккуратно. Надежда экономила бумагу.

«Если когда-нибудь попадут сюда люди, пусть знают про меня следующее. Мое имя-отчество-фамилия Сидорова Надежда Матвеевна. Год рождения 1923-й. Место рождения — Ярославская область, село Городище. Я окончила среднюю школу в селе, а затем собиралась поступать в институт, но мой отец, Матвей Степанович, скончался, и матери одной было трудно работать в колхозе и управляться по хозяйству. Поэтому я стала работать в колхозе, хотя и не оставила надежды получить дальнейшее образование. Когда подросли мои сестры Вера и Валентина, я исполнила все-таки свою мечту и поступила в медицинское училище в Ярославле, кончила его в 1942 году, после чего была призвана в действующую армию и провела войну в госпиталях в качестве медсестры. После окончания войны я вернулась в Городище и поступила работать в местную больницу в том же качестве. Я вышла замуж в 1948 году, мы переехали на жительство в Калязин, а на следующий год у меня родилась дочь Оленька, однако мой муж, Николай Иванов, шофер, скончался в 1953 году, попав в аварию. Так мы и остались одни с Оленькой».

Павлыш сидел на полу, в углу каморки, затянутой белым тентом. Автобиографию Надежды он читал вслух. Почерк разбирать было несложно — писала она аккуратно, круглыми, сильно наклоненными вправо буквами, лишь кое-где графит осыпался, и тогда Павлыш наклонял листок, чтобы разобрать буквы по вмятинам, оставленным на листке. Он отложил листок и осторожно поднял следующий, рассчитывая найти на нем продолжение.

— Значит, в пятьдесят третьем году ей уже было тридцать лет, — сказал Сато.

— Читай дальше, — сказал Даг.

— Здесь о другом, — сказал Павлыш. — Сейчас прочту сам.

— Читай сразу, — Даг обижался. И Павлыш подумал вдруг, как давно Даг ему не завидовал и как вообще давно они друг другу не завидовали.

— «Сегодня притащили новых. Они их поместили на нижний этаж, за пустыми клетками. Я не смогла увидеть, сколько всего новеньких. Но, по-моему, несколько. Глупышка закрыл дверь и меня не пустил. Я вдруг поняла, что очень им завидую. Да, завидую несчастным, оторванным навсегда от своих семей и дома, заключенным в тюрьму за грехи, которых они не совершали. Но ведь их много. Может, три, может, пять. А я совсем одна. Время здесь идет одинаково. Если бы я не привыкла работать, то давно б уже померла. И сколько лет я здесь? По-моему, пошел четвертый год. Надо будет проверить, посчитать царапинки. Только я боюсь, что сбилась со счета. Ведь я не записывала, когда болела, и только мысль об Оленьке мне помогла выбраться с того света. Ну что же, займусь делом. Глупышка принес мне ниток и проволоки. Они ведь что-то понимают. А иголку я нашла на третьем этаже. Хоть глупышка и хотел ее у меня отобрать. Испугался, бедненький».

— Ну? — спросил Даг.

— Все я читать все равно не смогу, — ответил Павлыш. — Погодите. Вот тут вроде бы продолжение.

«Я потом разложу листки по порядку. Мне все кажется, что кто-то прочтет эти листки. Меня уже не будет, прах мой разлетится по звездам, а бумажки выживут. Я очень прошу тебя, кто будет это читать, разыщи мою дочку Ольгу. Может, она уже взрослая. Скажи ей, что случилось с матерью. И хоть ей мою могилку никогда не отыскать, все-таки мне легче так думать. Если бы мне когда-нибудь сказали, что я попаду в страшную тюрьму, буду жить, а все будут думать, что меня давно уж нет, я бы умерла от ужаса. А ведь живу. Я очень надеюсь, что Тимофей не подумает, что я бросила девочку ему на руки и убежала искать легкой жизни. Нет, скорее всего, они обыскали всю протоку, решили, что я утонула. А тот вечер у меня до конца дней останется перед глазами, потому что он был необыкновенный. Совсем не из-за беды, а наоборот. Тогда в моей жизни должно было что-то измениться... А изменилось совсем не так». Нет, — сказал Павлыш, откладывая листок. — Тут личное.

— Что личное?

— Здесь о Тимофее. Мы же не знаем, кто такой Тимофей. Какой-то ее знакомый. Может, из больницы. Погодите, поищу дальше.

— Как ты можешь судить! — воскликнул Даг. — Ты в спешке обязательно упустишь что-то главное.

— Главное я не упущу, — ответил Павлыш. — Этим бумажкам много лет. Мы не можем искать ее, не можем спасти. С таким же успехом мы могли бы читать клинопись. Разница не принципиальная.

«После смерти Николая я осталась с Оленькой совсем одна. Если не считать сестер. Но они были далеко, и у них были свои семьи и свои заботы. Жили мы не очень богато, я работала в больнице и была назначена весной 1956 года старшей сестрой. Оленька должна была идти в школу, в первый класс. У меня были предложения выйти замуж, в том числе от одного врача нашей больницы, хорошего, правда, пожилого человека, но я отказала ему, потому что думала, что молодость моя все равно прошла. Нам и вдвоем с Оленькой хорошо. Мне помогал брат мужа Тимофей Иванов, инвалид войны, который работал лесником недалеко от города. Несчастье со мной произошло в конце августа 1956 года. Я не помню теперь числа, но помню, что случилось это в субботу вечером... Обстоятельства к этому были такие. У нас в больнице выдалось много работы, потому что было время летних отпусков и я подменяла других сотрудников. Оленьку, к счастью, как всегда, взял к себе пожить Тимофей в свой домик. А я приезжала туда по субботам на автобусе, потом шла пешком и очень хорошо отдыхала, если выдавалось свободное воскресенье. Его дом расположен в сосновом лесу недалеко от Волги».

Павлыш замолчал.

— Ну, что дальше? — спросил Даг.

— Погодите, ищу листок.

«Я постараюсь описать то, что было дальше, со всеми подробностями, потому что как работник медицины понимаю, какое большое значение имеет правильный диагноз, и кому-нибудь эти все подробности понадобятся. Может быть, мое описание, попади оно в руки к специалисту, поможет разгадать и другие похожие случаи, если они будут. В тот вечер Тимофей и Оленька проводили меня до реки мыть посуду. В том месте дорога, которая идет от дома к Волге, доходит до самой воды. Тимофей хотел меня подождать, но я боялась, что Оленьке будет холодно, потому что вечер был нетеплый, и попросила его вернуться домой, а сама сказала, что скоро приду. Было еще не совсем темно, и минуты через три-четыре после того, как мои родные ушли, я услышала тихое жужжание. Я даже не испугалась сначала, потому что решила, что по Волге, далеко от меня, идет моторка. Но потом

меня охватило неприятное чувство, словно предчувствие чего-то плохого. Я посмотрела на реку, но никакой моторки не увидела...»

Павлыш нашел следующий листок.

— «...но увидела, что по направлению ко мне чуть выше моей головы летит воздушная лодка, похожая на подводную лодку без крыльев. Она показалась мне серебряной. Лодка снижалась прямо передо мной, отрезая меня от дороги. Я очень удивилась. За годы войны я повидала разную военную технику и сначала решила, что это какой-то новый самолет, который делает вынужденную посадку, потому что у него отказал мотор. Я хотела отойти в сторону, спрятаться за сосну, чтобы, если будет взрыв, уцелеть. Но лодка выпустила железные захваты, и из нее посыпались глупышки. Тогда я еще не знала, что это глупышки, но в тот момент сознание у меня помутнело, и я, наверно, упала...»

— Дальше что? — спросил Даг, когда пауза затянулась.

— Дальше все, — ответил Павлыш.

— Ну что же было?

— Она не пишет.

— Так что же она пишет, в конце концов?

Павлыш молчал. Он читал про себя.

«Я знаю дорогу на нижний этаж. Там есть путь из огорода, и глупышки за ним не следят. Мне очень захотелось поглядеть на новеньких. А то все мои соседи неразумные. К дракону в клетку я научилась заходить. Раньше боялась. Но как-то посмотрела, чем его кормят глупышки, и это все были травы с огорода. Тогда я и подумала, что он меня не съест. Может, я долго бы к нему не заходила, но как-то шла мимо и увидела, что он болен. Глупышки суетились, подкладывали ему еду, мерили что-то, трогали. А он лежал на боку и тяжело дышал. Тогда я подошла к самой решетке и присмотрелась. Ведь я медик, и мой долг облегчить страдания. Глупышкам я помочь не смогла бы — они железные. А дракона осмотрела, хоть и через решетку. У него была рана — наверно, хотел выбраться, побился о решетку. Силы в нем много — умом бог обидел. Я тут стала отчаянная — жизнь не дорога. Думаю: он ко мне привык. Ведь он еще раньше меня сюда попал — уже тысячу раз видел. Я глупышкам сказала, чтобы они не мешали, а принесли воды, теплой. Я, конечно, рисковала. Ни анализа ему не сделать, ничего. Но раны загноились, и я их промыла, перевязала как могла. Дракон не сопротивлялся. Даже поворачивался, чтобы мне было удобнее».

Следующий листок, видно, попал сюда снизу пачки и не был связан по смыслу с предыдущими.

«Сегодня села писать, а руки не слушаются. Птица вырвалась наружу. Глупышки носились за ней по коридорам, ловили сетью. Я тоже хотела поймать ее, боялась, что разобьется. Но зря старалась. Птица вылетела в большой зал, ударилась с лету о трубу и упала. Я потом, когда глупышки тащили ее в свой музей, подобрала перо, длинное, тонкое, похожее на ковыль. Я и жалела птицу, и завидовала ей. Вот нашла все-таки в себе силу погибнуть, если уж нельзя вырваться на свободу. Еще год назад такой пример мог бы на меня оказать решающее влияние. Но теперь я занята. Я не могу себя потратить зазря. Пускай моя цель нереальная, но все-таки она есть. И вот, такая расстроенная и задумчивая, я пошла за глупышками, и они забыли закрыть за собой дверь в музей. Туда я не попала — там воздуха нет, — но заглянула через стеклянную стенку. И увидела банки, кубы, сосуды, в которых глупышки хранят тех, кто не выдержал пути: в формалине или в чем-то похожем. Как уродцы в Кунсткамере в Ленинграде. И я поняла, что пройдет еще несколько лет, и меня, мертвую, не сожгут и не похоронят, а поместят в стеклянную банку на любование глупышкам или их хозяевам. И стало горько. Я Балю об этом рассказала. Он только поежился и дал мне понять: того же боится. Сижу над бумагой, а представляю себя в стеклянной банке, заспиртованную».

Потом, уже через несколько дней, Павлыш отыскал музей. Космический холод заморозил жидкость, в которой хранились экспонаты. Павлыш медленно шел от сосуда к сосуду, всматриваясь в лед сосудов покрупнее. Боялся найти тело Надежды. А в ушах перебивали друг друга нетерпеливо Даг и Сато: «Ну как?» Павлыш разделял страх Надежды. Лучше что угодно, чем банка с формалином. Правда, он отыскал банку с птицей — радужным эфемерным созданием с длинным хвостом и большеглазой, без клюва, головой. И еще нашел банку, в которой был Баль. Об этом рассказано в следующих листках.

«Я все сбиваюсь в своем рассказе, потому что происходящее сегодня важнее, чем прошедшие годы. Вот и не могу никак описать мое приключение по порядку.

Очнулась я в каморке. Там горел свет, неяркий и неживой. Это не та комната, где я живу сейчас. В каморке теперь свалены ископаемые ракушки, которые глупышки притащили с год назад. За четыре с лишним года мы раз шестнадцать останавливались, и каждый раз начиналась суматоха, и сюда тащили всякие вещи, а то и живых существ. Так вот, в каморке, кроме меня, оказалась посуда, которую я мыла и которая мне потом очень пригодилась, ветки сосны, трава, камни, разные насекомые. Я только потом поняла, что они хотели узнать, чем меня кормить. А тогда я подумала, что весь этот набор случайный. Я есть ничего не стала: не до того было. Села, постучала по стенке — стенка твердая, и вокруг все время слышится жужжание, словно работают машины на пароходе. И, кроме того, я ощутила большую легкость.

Здесь вообще все легче, чем на Земле. Я читала когда-то, что на Луне сила тяжести тоже меньше и если когда-нибудь люди полетят к звездам, как учил Циолковский, то они совсем ничего не будут весить. Вот эта маленькая сила тяжести и помогла мне скоро понять, что я уже не на Земле, что меня украли, увезли, как кавказского пленника, и никак не могут довезти до места. Я очень надеюсь, что люди, наши, с Земли, когда-нибудь тоже научатся летать в космическое пространство. Но боюсь, что случится это еще не скоро».

Павлыш прочел эти строки вслух. Даг сказал:

— А ведь всего год не дожила до первого спутника.

И Сато поправил его:

— Она была жива, когда летал Гагарин.

— Может быть. Но ей от того не легче.

— Если бы знала, ей было бы легче, — сказал Павлыш.

— Не уверен, — сказал Даг. — Она бы тогда ждала, что ее освободят. А не дождалась бы.

— Не в этом дело, — сказал Павлыш. — Ей важно было знать, что мы тоже можем.

Дальше он читал вслух, пока не устал.

— «Они мне принесли поесть и стояли в дверях, смотрели, буду есть или нет. Я попробовала — странная каша, чуть солоноватая, скучная еда. Но тогда я была голодная и как будто оглушенная. Я все смотрела на глупышек, которые стояли в дверях, как черепахи, и просила, чтобы они позвали их начальника. Я не знала тогда, что их начальник — Машина — во всю стену дальнего зала. А что за настоящие хозяева, какие они из себя, до сих пор не знаю, отправили этот корабль в путь с одними железными автоматами. Потом я думала, как они догадались, какая пища мне не повредит? И ломала себе голову, пока не попала в их лабораторию и не догадалась, что они взяли у меня, пока я была без сознания, кровь и провели полное исследование организма. И поняли, чего и в каких пропорциях мне нужно, чтобы не помереть с голоду. А что такое вкусно, они не знают. Я на глупышек давно не сержусь. Они, как солдаты, выполняют приказ. Только солдаты все-таки думают. Они не могут. Я все первые дни проплакала, просилась на волю и никак не могла понять, что до воли мне лететь и лететь. И никогда не долететь.

...У меня вдруг появилось беспокойство. Это, наверно, из-за того, что я теперь не одна. Такое создается впечатление, что скоро случатся изменения. Не знаю уж, к лучшему ли. Только к худшему изменяться некуда. Сегодня снилась мне Оленька, и я во сне удивлялась, почему она не растет, почему бегает такая маленькая. Ведь ей пора бы и вырасти. А она только смеялась. Я, когда проснулась, очень встревожилась. Не значит ли это, что Оленьки уже нет на свете? Раньше я никогда не верила предчувствиям. Даже на фронте. Насмотрелась на обманчивые предчувствия. А теперь вот весь день не могла себе места найти. Я потом подумала еще вот о чем: а откуда я решила, что я правильно считаю дни? Я ведь царапинку делаю, когда встаю утром? А если не утром? Может, я теперь чаще сплю. Или реже. Ведь не угадаешь. Здесь всегда одинаково. И я подумала, что, может, прошло не четыре года, а только два. Или один. А может, и наоборот — пять, шесть, семь лет? Сколько же лет сейчас Оле? А мне сколько? Может, я уже старуха? Я так переволновалась, что побежала к зеркалам. Это, конечно, не зеркала. Они чуть выпуклые, круглые, похожие на экраны телевизоров. Иногда по ним пробегают зеленые и синие зигзаги. Других зеркал у меня нет. Я долго всматривалась в экраны. Даже глупышки, которые там дежурили, стали сигналить мне — что нужно? Я только отмахнулась. Прошли те времена, когда я их звала палачами, мучителями, фашистами. Теперь я их не боюсь. Я боюсь только Машину. Начальника. Я долго смотрелась в зеркала, переходила от одного к другому, искала то, что посветлее. И ничего решить не смогла. Вроде бы это я — и нос такой же, глаза провалились, и лицо, кажется, синее. Но это, вернее всего, от самого зеркала. Мешки, правда, под глазами. И я вернулась в комнату».

— Это крайне интересно, — сказал Даг. — Ты как, Павлыш, думаешь?

— Что?

— Об этой проблеме. Изолируй человека на несколько лет так, чтобы он не знал о ходе времени вне его помещения. Изменится ли биологический цикл?

— Я сейчас не об этом думаю, — сказал Павлыш.

«Я вдруг вспомнила о котенке. Совсем забыла. А сегодня вспомнила. Они котенка откуда-то достали. С Земли, конечно. Он пищал и мяукал. Это было в первые дни. Пищал он в соседней каморке, и глупышки все туда бегали, никак не могли догадаться, что ему молоко нужно. Я тогда совсем робкая была, и они меня привели к нему, к котенку, думали, что я смогу помочь. Но я же не могла объяснить им, что такое молоко. А, видно, в их искусственной пище чего-то не хватало. Я с котенком возилась три дня. Кашу водой разбавляла, в этой заботе забывала даже о своем горе. Но котенок сдох. Видно, человек куда выносливей зверя, хоть и говорят, что у кошки восемь жизней. Я-то живу. Наверно, котенок тоже у них в музее лежит. Теперь я бы нашла, чем его кормить. Я знаю ход в их лабораторию. И глупышки ко мне по-другому относятся. Привыкли. А дракон совсем плох. Видно, скоро умрет. Я у него вчера просидела долго, снова промыла раны. А он совсем ослаб. Я с ним сделала открытие. Оказывается, дракон

может каким-то образом влиять на мои мысли. Не то чтобы я понимала его, но, когда ему больно, я это чувствую. Я знаю, что он рад моему приходу. И я жалею теперь, что раньше не обращала на него внимания — боялась. Ведь, может быть, он такой же, как я. Тоже пленник. Только еще более несчастный. Его все эти годы держали в клетке. Может, этот дракон — медсестра в больнице на какой-то очень далекой планете. И так же приехала эта дракониха проведать свою дочку. И попалась в наш зоопарк. И прожила в нем много лет в клетке. И все хотела втолковать глупышкам, что она не глупее их. Так и умрет, не втолковав. Я, значит, сначала улыбнулась, а потом расплакалась. Вот и сижу реву, а мне идти пора, ждут.

И все-таки если я думаю о драконе, то думаю, что моя судьба лучше. Я хоть пользуюсь какой-то свободой. И пользовалась ею с самого начала. С тех пор, как помер котенок. Я много думала, почему так получилось, что все остальные пленники — сколько их тут есть (за перегородками на остальных этажах воздух другой — туда мне не пройти, и там тоже, наверно, есть пленники) — сидят взаперти. Лишь я довольно свободно разгуливаю по этажам. Почему-то они решили, что я им не опасна. Может быть, их хозяева на меня похожи. Доверили мне котенка. Пустили в огород и показали, где семена. В лабораторию мне можно ходить. Даже слушаются меня глупышки. Тот, кто эти листки будет читать, наверно, удивится, что за глупышки? Это я железных черепах так называю. Как узнала, что они машинки, что они простых вещей не понимают, так и стала их звать глупышками. Для себя. Но все равно, если задуматься, жизнь моя ненамного лучше тех, кто в клетках. И в камерах. Просто моя тюрьма обширнее, чем у них. Вот и все. Я же пыталась через глупышек объяснить Машине, начальнику, что это чистое преступление — хватать живого человека и держать его так. Я хотела им объяснить, что лучше им связаться с нами, с Землей. Но потом я убедилась, что, кроме машин, здесь никого нет. А машинам дан приказ — летайте по Вселенной, собирайте, что встретится на пути, потом доложите. Только уж очень долог обратный путь. Я еще надеюсь, что доживу, а дожив, встречусь с ними и все им выложу. А может, они и не знают, что где-нибудь, кроме их планеты, есть разумные люди?»

Когда Павлыш кончил читать этот листок, Даг сказал:

— В общем, она рассуждала довольно логично.

— Конечно, это был исследовательский автомат, — сказал Павлыш. — Но есть тут одна загадка. И Надежда ее уловила.

— Загадка? — спросил Сато.

— Мне кажется странным, — сказал Павлыш, — что такой громадный корабль, посланный в дальний поиск, не имеет никакой связи с базой, с планетой. Видно, летит он много лет. И за это время информация устаревает.

— Я не согласен, — сказал Даг. — Представь, что таких кораблей несколько. Каждому выделен сектор Галактики. И пускай они летят много лет. Неважно. Ведь органическую жизнь они обнаружат, дай бог, на одном мире из тысячи. Вот они свозят информацию. Что такое сто лет для цивилизации, которая может рассылать разведчиков? А потом уж они на досуге рассмотрят трофеи и решат, куда посылать экспедицию.

— И они хватают все, что попадется? — спросил Сато, не скрывая неприязни к хозяевам корабля.

— А какие критерии могут быть у автоматов, чтобы определить, разумное ли существо им попалось?

— Ну, Надежда, например, была одета. Они видели наши города.

— Неубедительно, — сказал Павлыш. — И где гарантия, что в мире икс разумные существа не ходят голыми и не одевают в платья своих домашних животных.

— И шансы на то, что они выловят именно разумное существо, столь малы, — добавил Даг, — что ими они, наверно, просто пренебрегают. В любом случае они стремятся сохранить живьем все свои трофеи.

— Разговор пустой, — подытожил Павлыш, поднимая следующий листок. — Мы пока ничего не знаем о тех, кто послал корабль. И не знаем, что они думали при этом. В известной нам части Галактики ничего подобного нет. Значит, они издалека. Мы знаем только, что они были у нас, но по какой-то причине не вернулись домой.

— Может, это и к лучшему, — сказал Даг.

Остальные промолчали.

«Как-нибудь потом, будет время, напишу о моих первых годах в тюрьме. Сейчас многое уже кажется туманным, далеким — и ужас мой, и отчаяние, и то, как я искала выход отсюда, думала даже, что заберусь к ним в центр и поломаю все их машины. Пускай мы разобьемся. Это в то время я так думала, когда боялась, что они снова прилетят к нам на Землю и натворят что-нибудь плохое. Но я поняла, что с их кораблем мне не справиться. Наверно, тут сто инженеров не поймут, что к чему. А сейчас мне пора вернуться к тем событиям, которые произошли уже не так давно, месяцы, недели назад, уже после того, как я раздобыла бумагу и начала писать дневник. Новые пленники, которых подобрали в последний раз, попали на мой этаж, наверно, потому, что у нас с ними одинаковый воздух. Их подержали сначала в карантине, на другом этаже, а потом отправили в камеры недалеко от моих владений. Меня одолела надежда, что вдруг это тоже люди или кто-

нибудь хотя бы похожий. Но когда я их увидела — подсмотрела, как глупышки завозили в камеру еду, поняла, что опять для меня сплошное разочарование. Я как-то видела в Ярославле, в магазине, продавали трепангов. Я тогда подумала: бывает же гадость, и как только люди едят? Другие покупатели в магазине так же реагировали. Новенькие животные оказались похожими на таких трепангов. Было их в камере двое, росточком они с собаку, скользкие и отвратительного вида. Я расстроилась и ушла к себе. Даже записывать ничего в дневник о них не стала. На другой день все рассказала моей драконихе, но она, конечно, ничего не поняла. Если бы я не ждала чего-то, легче было бы перенести такое разочарование. Этих трепангов из камер не выпускали. Я скоро уже поняла, что их всего пятеро — двое в камере, а трое в клетке, за железной дверью. Их пищу я тоже вскоре увидела, потому что глупышки мой огород потеснили, разводили в лоханках какую-то плесень, словно живая, она шевелится, и вонь от нее неприятная. И эту плесень таскали трепангам.

...Что-то опять плохо стало драконихе. Я уж в лаборатории опыты развела. Посмотрел бы на меня Иван Акимович из нашей больницы. Он мне все советовал пойти учиться. Говорил, что из меня получится врач, потому что у меня развита интуиция. Но жизнь меня засосала, я осталась неучем. О чем сильно теперь жалею. Правда, мне не раз приходилось замещать лаборантку, и я умела делать анализы и ассистировать при операциях: маленькая больница — хорошая школа, всем бы молодым медикам советовала через нее пройти. Но разве здесь мои знания могли пригодиться?»

— Ты чего молчишь? — спросил Даг. — Пропускаешь?

— Все сам прочтешь. Я хочу добраться до сути, — ответил Павлыш.

«Хоть я испытывала отвращение к трепангам, но понимала, что отвращение мое несправедливое. Ничего они мне плохого не сделали. И тем более я уже привыкла жить среди таких чудес и уродцев, что и во сне не приснятся. Посчитать мои дни здесь — такая получается бесконечная и одинаковая цепочка, что страшно делается. А вдуматься, то получится, что каждый день узнаю что-нибудь, смотрю, думаю. До чего же человек выносливое существо! Ведь и я кому-то кажусь страшным уродом. Может, даже и моей драконихе.

Наверно, эти трепанги могут думать. Такое решение мне пришло в голову, когда я увидела, что, стоит мне пройти мимо их клетки, они за мной следят и двигаются.

Как-то я шла с огорода с пучком редиски — редиска хилая, вялая, но все-таки витамины. Один трепанг возился у самой решетки. Мне показалось, что он старается сломать замок. Что же,

подумала я, ведь и мне такое приходило в голову. В первые дни, когда я сидела взаперти, и в те дни, когда меня запирали, потому что приближались к другим планетам. Подумала и даже остановилась. Ведь что же это получается? Как я, значит, думают? А трепанг, как увидел меня, зашипел и отполз внутрь. Но не успел, потому что один из глупышек был неподалеку (я-то его не видела, привыкла не замечать) и он ударил трепанга током. Такое у них наказание. Трепанг съежился. Я на глупышку прикрикнула и хотела дальше пойти, но тут и мне досталось. Да так сильно он меня ударил током, что я даже упала и рассыпала редиску. Видно, он хотел мне показать, что с этими, с трепангами, мне делать нечего. Я поднялась кое-как — суставы последнее время побаливают — и ушла к себе. Сколько живу здесь, а не могу привыкнуть, что я для них все-таки как кролик в лаборатории. В любой момент они могут меня убить — и в музей, в банку. И ничего им за это не будет. Я зубы стиснула и ушла.

...Потом-то оказалось, что этот удар током мне даже помог. Трепанги сначала думали, что я одна из их хозяев. Приняли даже меня за главную. И если бы не глупышкино наказание, меня бы считали за врага. А так, прошло дня три, иду я мимо них опять драконихе лечить, вижу, один трепанг возится у решетки и шипит. Тихо так шипит. Осмотрелась я — глупышек не видно. «Чего, — спрашиваю, — несладко тебе, милый?» Я за эти дни и к трепангам уже успела привыкнуть, и они не казались мне такими уродами, как в первый день. А трепанг все шипит и пощелкивает. И тогда я поняла, что он со мной говорит. «Не понимаю», — я ему ответила и хотела было улыбнуться, но решила, что не стоит — может, моя улыбка ему покажется хуже волчьего оскала. Он снова шипит. Я ему говорю: «Ну что ты стараешься? Словаря у меня нету. А если ты не ядовитый, то мы с тобой друг друга обязательно поймем». Он замолчал. Слушает. Тут в коридоре показался большой глупышка, с руками как у кузнечика. Уборщик. Я хоть и знала, что такие током не бьют, но поспешила дальше — не хотела, чтобы меня видели перед клеткой. Но обратно шла, снова задержалась, поговорила. Все есть с кем душу отвести. Потом мне пришло в голову: может, им удобнее со мной объясняться по-письменному? Я написала на листке, что меня зовут Надеждой, принесла ему, показала и при этом, что написала, повторила вслух. Но боюсь, что он не понял. А еще через день случилось столкновение у одного из трепангов с глупышками. Я думаю, что ему удалось открыть замок и его поймали в коридоре. Попал он на уборщиков, и они его сильно помяли, пока других глупышек звали, а он сопротивлялся. Я в коридоре была, услышала шум, побежала туда, но опоздала. Его уже посадили в отдельную камеру, новый замок делали. Вижу — другие трепанги волнуются,

беспокоятся в клетках. Я попыталась тогда пробраться в камеру к трепангу, которого отделили. Глупышки не пускают. Током не бьют, но не пускают. Тогда я решила их переупрямить. Встала около двери и стою. Дождалась, пока они дверь откроют, и успела заглянуть внутрь. Трепанг лежит на полу, весь израненный. Тогда я пошла в лабораторию, собрала там свою медицинскую сумку — ведь не в первый раз приходится здесь выступать неотложной помощью — и пошла прямо в камеру. Когда глупышка хотел меня остановить, показала, что у меня в сумке. Глупышка замер. Я уже знала — они так делают, когда советуются с Машиной. Жду. Прошла минута. Вдруг глупышка откатывается в сторону — иди, мол. Я просидела около трепанга часа три. Гоняла глупышек, словно своих санитарок. Они мне и воду принесли, и подстилку для трепанга, но одного я добиться не смогла — чтобы привели еще одного трепанга. Ведь свои лучше меня знают, что ему нужно. И самое удивительное — в тот момент, когда глупышек в камере не было, трепанг снова зашипел, и в его шипении я разобрала слова: «Ты чего стараешься?» Я поняла, что он запомнил, как я с ним разговаривала, и старается мне подражать. Вот тогда я первый раз за много месяцев по-настоящему обрадовалась. Ведь он не только подражал, он понимал, что делает.

...Меня удивляло, как быстро они запоминали мои слова, и, хоть им трудно было их произносить — рот у них трубочкой, без зубов, — они очень старались. Я все эти дни и недели жила как во сне. В хорошем сне. Я заметила в себе удивительные изменения. Оказалось, что нет на свете существ приятней, чем трепанги. Поняла, что они красивые, научилась их различать, но, честно скажу, ровным счетом ничего в их шипении и пощелкивании я не понимала. Да и сейчас не понимаю. Я их учила, как только была возможность, — мимо прохожу, слово говорю, разные предметы проношу рядом с клеткой, показываю, и они сразу понимают. Они выучили, как зовут меня, и, как завидят (если рядом глупышек нет), сразу шипят: «Нашешда, Нашешда!» Ну как малые дети! А я узнала на огороде, что они любят. И старалась, чтобы их подкормить. Хоть и еда у них вонючая — так и не привыкла к этому запаху. Глупышки по части трепангов имели строгий наказ Машины — на волю их не отпускать, глаз не сводить, беречь и не доверять. Так что я не могла открыто с ними видеться. А то бы и меня заподозрили. И вот тоже удивительно — сколько я провела здесь времени и была для глупышек неопасна. Одна была. А вместе с трепангами мы стали силой. И я это чувствовала. И трепанги мне говорили, когда научились по-русски. И вот наступил такой день, когда я подошла к их клетке и услышала:

— Надежда, надо уходить отсюда.

— Ну куда отсюда уйдешь? — ответила я. — Корабль летит не-

известно куда. Где мы теперь, никому не ясно. Ведь разве мы сможем управлять кораблем?

И тогда трепанг Баль ответил мне:

— Управлять кораблем сможем. Не сейчас. После того, как больше узнаем. И ты нам нужна.

— Смогу ли я? — отвечаю.

Тут они вдвоем заверещали, зашипели на меня, уговаривали. А я только улыбнулась. Я не могла им сказать, что я счастлива. Все равно — вырвемся мы отсюда или нет. Я и трепанги — какой союз! Посмотрела бы Оля на свою старуху-мать, как она идет по синему коридору мимо запертых дверей и клеток и поет песню: «Нам нет преград ни в море, ни на суше!»

— В общем, она нашла единомышленников, — ответил кратко Павлыш на разгневанные требования Дага читать вслух. — Поймите, я же в десять раз быстрее проглядываю эти листки про себя.

— Вот уж... — начал было Даг, но Павлыш уже читал следующий листок.

«Несколько дней я не писала. Некогда было. Это совсем не значит, что я была занята больше, чем всегда, — просто мысли мои были заняты. Я даже постриглась покороче, долго стояла перед темными зеркалами, кромсая скальпелем волосы. За что я отдала бы полжизни — это за утюг. Ведь никто меня не видит, никто не знает здесь, что такое глажка, никто, кроме меня, не знает, что такое одежда. А ведь сколько мне пришлось потратить времени, чтобы придумать, из чего шить и чем шить. Хуже, чем Робинзону на необитаемом острове. И вот я стояла перед темным зеркалом и думала, что никогда не приходилось мне ходить в модницах. А уж теперь, если бы я появилась на Земле, вот бы все удивились — что за ископаемое? Сейчас, по моим расчетам, на Земле идет шестидесятый год. Что там носят женщины? Хотя это где как. В Москве-то, наверно, модниц много. А Калязин — город маленький. Вот я и отвлеклась. Думаю о тряпках. Смешно? А Баль, это мой самый любимый трепанг, ради того, чтобы выучить получше мой язык, пошел на жертву. Порезался чем-то страшно. И глупышки меня на помощь позвали. Я тут у них уже признанная «скорая помощь». Я Баля ругала на чем свет стоит, а не учла, что он памятливый. Вот он теперь все мои ругательства запомнил. Ну, конечно, ругательства не страшные — голова садовая, дурачина-простофиля — такие ругательства. Раз я имею свободу движения по нашей тюрьме, то у меня теперь две задачи — во-первых, держать связь между камерами, в которых сидят трепанги. Во-вторых, проникнуть за линию фронта и разузнать, где что находится. Вот я и вспомнила военные времена».

Следующий листок был коротеньким, написан в спешке, кое-как.

«Дола три раза заставлял меня ходить за перегородку, в большой зал. Я ему рассказывала. Дола главный. Они, видно, решили между собой, что моей помощи им мало. Должен пойти в операторскую Баль. До переборки я его доведу. Дальше у него будет моя бумажка с чертежом. И я останусь у переборки ждать, когда он вернется. Страшно мне за Баля. Глупышки куда шустрее. Пойдет он сейчас — в это время почти все они заняты на других этажах».

Запись на этом обрывалась. Следующая была написана иначе. Буквы были маленькими, строгими.

«Ну вот, случилось ужасное. Я стояла за перегородкой, ждала Баля и считала про себя. Думала, если успеет вернуться прежде, чем я досчитаю до тысячи, — все в порядке. Но он не успел. Задержался. Замигали лампочки, зажужжало — так всегда бывает, если на корабле непорядок. Мимо меня пробежали глупышки. Я пыталась закрыть дверь, их не пускать, но один меня так током ударил, что я чуть сознание не потеряла. А Баля они убили. Теперь он в музее. Мне пришлось скрываться у себя в комнате, пока все не утихло. Я боялась, что меня запрут, но почему-то меня они всерьез не приняли. Когда я часа через два вышла в коридор, поплелась к огороду — пора было витамины моей драконихе давать, — у дверей к трепангам стояли глупышки. Пришлось пройти, не глядя в ту сторону. Тогда я еще не знала, что Баля убили. Только вечером перекинулась парой слов с трепангами. И Дола сказал, что Баля убили. Ночью я переживала, вспомнила, какой Баль был милый, ласковый, красивый. Не притворялась. В самом деле очень переживала. И еще думала, что теперь все погибло — больше никому в операторскую не проникнуть. А сегодня Дола объяснил мне, что не все потеряно. Они, оказывается, могут общаться, даже совсем не видя друг дружку, разговаривать, пользуясь какими-то волнами, и на большом расстоянии. И вот Баль потому и задержался, что своим товарищам передавал все устройство рубки управления нашего корабля и свои по этому поводу соображения. Он даже побывал у самой Машины. Он знал, что, наверно, погибнет — он должен был успеть все передать. И Машина убила его. А может, и не убивала — она ведь только машина, но так и получилось. Каково, думала я, было моим прадедам — они ведь крепостные, совершенно необразованные. Они считали, что Земля — центр всего мира. Они не знали ничего о Джордано Бруно или Копернике. Вот бы их сюда. А в чем разница между мной и дедом? Я ведь хоть и читала в газетах о бесконечности мира, на моей жизни это не отражалось. Все равно я жила в центре мира. И этот центр был в городе Калязине, в

моем доме на Циммермановой улице. А оказалось, моя Земля — глухая окраина...»

Даг что-то говорил Павлышу, но тот не слышал. Хотя отвечал невразумительно, как спящий тому, кто будит его до времени.

«Первый раз за все годы проснулась от холода. Мне показалось, что трудно дышать. Потом обошлось. Согрелась. Но трепанги, когда я к ним пришла, сказали, что с кораблем что-то неладно. Я спросила, не Баль ли виноват. Они ответили — нет. Но сказали, что надо спешить. А я-то думала, что корабль вечный. Как Солнце. Дола сказал, что они теперь много знают об устройстве корабля. И о том, как работает Машина. Сказали, что у них дома есть машины посложнее этой. Но им нелегко бороться с Машиной, потому что глупышки захватили их, как и меня, врасплох. И без меня им не справиться. Готова ли я и дальше им помогать? «Конечно, готова», — ответила я. Но ведь я очень рискую, объяснил мне тогда Дола. Если им удастся повернуть корабль или найти еще какой-нибудь способ вырваться отсюда, они смогут добраться до своего дома. А вот мне они помочь не смогут. «А разве нет на корабле каких-нибудь записей маршрута к Земле?» — спросила я. Но они сказали, что не знают, где их искать, и вернее всего, они спрятаны в памяти Машины. И тогда я им объяснила мою философию. Если они возьмут меня с собой, я согласна куда угодно, только бы отсюда вырваться. Уж лучше буду жить и умру у трепангов, чем в тюрьме. А если мне и не удастся отсюда уйти, хоть спокойна буду, что кому-то помогла. Тогда и умирать легче. И трепанги со мной согласились.

На корабле стало еще холодней. Я потрогала трубы в малом зале. Трубы чуть теплые. Два глупышки возились у них, что-то чинили. С трепангами я договориться смогла, а вот глупышки за все годы ничего мне не сказали. Да и что им сказать? Но мне надо идти, и я совсем не знаю, вернусь ли к моим запискам. Я еще хочу написать — даже не для того, кто будет читать эти строчки, а для себя самой. Если бы мне сказали, что кого-нибудь можно посадить на несколько лет в тюрьму, где он не увидит ни одного человека, даже тюремщика не увидит, я бы сказала, что это наверняка смерть. Или человек озвереет и сойдет с ума. А вот, оказывается, я не сошла. Износилась, постарела, измучилась, но живу. Я сейчас оборачиваюсь на прошлое и думаю — а я ведь всегда, почти всегда была занята. Как и в моей настоящей жизни на Земле. Наверно, моя живучесть и держится на том, что умеешь найти себе дело, найти что-то или кого-то, ради чего стоило бы жить. А у меня сначала была надежда вернуться к Оленьке, на Землю. А потом, когда эта надежда почти угасла, оказалось, что даже и здесь я могу пригодиться».

И последний листок. Он обнаружился в пачке неисписанных

листков, тех, что Надежда заготовила, обрезала, но не успела ничего на них написать.

«Уважаемый Тимофей Федорович!

Примите мой низкий поклон и благодарность за все, что вы сделали для меня и моей дочери Ольги. Как вы там живете, не скучаете ли, вспоминаете ли меня иногда? Как ваше здоровье? Мне без вас порой бывает очень тоскливо, и не думайте, пожалуйста, что меня останавливало то, что вы инвалид...»

Дальше было две строчки, густо зачеркнутых. И нарисована сосна. Или ель. Плохо нарисована, неумело.

5

Потом прошло несколько дней. Павлыш спал и ел под своим тентом и уходил в длинные коридоры корабля, как на работу. На связь он выходил редко и отмалчивался, когда Даг начинал ворчать, потому что его товарищи воспринимали Надежду как сенсацию, удивительный парадокс — для них она оставалась казусом, открытием, явлением (тут можно придумать много слов, которые лишь приблизительно раскроют всю сложность их переживаний, в которых не было одного — отождествления).

Павлыш оставался все время рядом с Надеждой, ходил по ее следам, видел этот корабль — его коридоры, склады, закоулки — именно так, как видела его Надежда, он проникся полностью атмосферой трагической тюрьмы, которая, вернее всего, и не предназначалась для такой роли, которая внесла в жизнь медсестры из калязинской больницы страшную неизбежность, которую та осознала, но с которой в глубине души все-таки не примирилась.

Теперь, зная каждое слово в записках Надежды и расшифровав последовательность передвижений женщины по кораблю, уяснив значение ее маршрутов и дел, побывав и в тех местах, куда Надежда попасть не могла, о существовании которых даже не подозревала, Павлыш уже мог знать, что произошло потом, причем именно знать, а не догадываться.

Обрывки проводов, перевернутый робот-глупышка, темное пятно на белесой стене, странный разгром в рубке управления, следы в отделении корабельного мозга — все это укладывалось в картину последних событий, участником которых была Надежда. И Павлыш даже не искал следы, а знал, что там и там они могут оказаться. А если их не оказывалось, он шел дальше до тех пор, пока уверенность его не подкреплялась новыми доказательствами.

...Надежда спешила дописать последний листок. Она очень жалела теперь, что так мало писала в последние недели. Она всегда не любила писать. Даже сестры корили ее за то, что совсем не

пишет писем. И только сейчас она вдруг представила, что, если улетит с трепангами, может так случиться, что корабль попадет в руки к разумным существам, и даже к таким, которые передадут ее записки на Землю. И вот они будут клясть ее последними словами за то, что не описала свою жизнь подробно, день за днем, не описала ни трепангов, хоть знает их теперь как своих родственников, ни других, с которыми ей пришлось иметь дело на корабле, — одни давно уже погибли, другие попали в музей, третьим, видно, суждено будет погибнуть, потому что трепанги смогли узнать — уж они куда больше Надежды разбираются во всякой технике, — что корабль так долго не возвращался к себе домой из-за того, что в системах его произошли неполадки. Если так дело пойдет дальше, он будет до скончания века носиться по Вселенной, понемногу ломаясь, умирая, как человек.

Все последние дни для Надежды проходили в спешке. Ей приходилось делать множество дел, значения которых она не всегда понимала, но знала, что они важны и нужны для цели, ясной трепангам. Она понимала, что расспрашивать их об этом бессмысленно. Они и не могли ей объяснить, даже если бы хотели. За эти годы Надежда научилась тому, что она не может понять даже самых неразумных обитателей корабля, не говоря уже о трепангах. Ведь сколько они прожили рядом с драконихой, сколько часов Надежда провела рядом с ней, а ведь так ничего она не узнала. Или шарики, жившие в стеклянном кубе. Шариков было много, десятка два. При виде Надежды они часто начинали менять цвет и раскатываться крупными бусинами по дну куба, складываясь в фигуры и круги, словно давали ей знаки, которых она понять не могла. Надежда говорила о шариках трепангам, но они или забывали сразу, или не удосуживались поглядеть на них. Надежда, когда стало ясно, что путешествие подходит к концу, связала из проводков мешок, чтобы захватить шарики с собой. Знала даже, что шарикам нужна вода — больше ничего им не нужно.

Вот и сейчас, как допишет, сложит свое добро, надо бежать открывать три двери, которые нарисовали ей трепанги на плане. Эти двери трепангам не открыть, потому что квадратики слишком высоки для них.

Надежда поняла, что они возьмут с собой ту лодку, которая когда-то захватила ее в плен. На ней и полетят. Но для того чтобы сделать это, надо обязательно вывести из строя главную машину. А то к лодке не пройти, и Машина просто не выпустит их с корабля. Для этого Надежда тоже была нужна.

Надежда не спала уже вторую ночь. И не только потому, что была охвачена возбуждением, но и потому, что трепанги не спали вообще и не понимали, почему ей надо обязательно отключаться и ложиться. И стоило ей улечься, как сразу в мозгу она ощущала толчок — трепанги звали ее.

Складывая листки, Надежда вдруг засомневалась, оставлять ли их здесь. А может, взять с собой на лодку? Может, им лучше будет с ней? Мало ли что случится в пути? Нет, рассудила, сама-то она всегда может рассказать. А на корабле ничего не останется.

Толчок в голове. Надо бежать. Надежде вдруг показалось, что она уже не вернется сюда. Жизнь, тянувшаяся так медленно и монотонно, вдруг набрала страшную скорость и помчалась вперед. И именно сейчас она может оборваться...

— Мы постараемся повернуть сам корабль к нашей планете, — сказали ей трепанги. — Но это очень рискованно. Ведь для этого мы должны заставить мозг корабля подчиниться нам. Если нам это не удастся, то мы постараемся вывести его из строя. Так, чтобы воспользоваться спасательной лодкой. Но прилетит ли она куда надо, сможем ли мы ею управлять — мы тоже не уверены. Поэтому возможно, что нам грозит смерть. И мы должны сказать тебе об этом.

— Знаю, — сказала Надежда. — Я была на войне.

Но это ничего не говорило трепангам, у которых давно не было войн.

Трепанги тоже не теряли времени даром. Они сделали такие палки, которыми надо дотронуться до глупышки — и он выключается. Палку дали Надежде. Она должна была идти впереди и открывать двери.

Два трепанга пошли за ней следом. Два других поспешили, поползли, подпрыгивая, наверх, где тоже было отделение с какими-то машинами, как капитанский мостик на пароходе, только без окон.

— Три двери, — повторял трепанг. — Но за последней дверью, возможно, не будет воздуха. Или будет не такой, как в нашем отделении. Сразу не входи. Подождем, пока наполнится. Ясно?

Трепанги всегда говорили ясно, они очень старались, чтобы Надежда понимала их приказы и просьбы. За первой дверью Надежда как-то была. Помнила, что там широкий проход и по стенам стоят запасные глупышки. Как мертвые. Трепанги сказали ей, что там глупышки подзаряжаются, отдыхают. Почему она туда попала и когда это было — Надежда не помнила. Но коридор с мертвыми глупышками в нишах запомнился отчетливо.

— Они тебя не тронут, — сказал Дола.

— Не успокаивай, — сказала Надежда.

— Только не рискуй. Без тебя нам не выбраться. Помни это.

— Отлично помню. Не волнуйся.

Надежда провела ладонью по квадрату в стене, и дверь отошла в сторону. В том коридоре был странный запах, сладкий и в то же время горелый. Все ниши были заняты.

— Им приходится теперь дольше подзаряжаться, — сказал

Дола, ползший сзади. — Ты видела, что их меньше стало в наших отсеках?

— Да, заметила, — сказала Надежда. — Не забыть бы взять шарики.

— Шарики?

— Я о них говорила.

— Осторожнее!

Один из глупышек вдруг резко выскочил из ниши и поехал к ним, собираясь загородить дорогу и, может, отогнать их обратно. Глупышка спешил устранить непорядок.

— Быстрее, — сказал Дола. — Быстрее.

Надежда побежала вперед и постаралась перепрыгнуть через глупышку, бросившегося к ней под ноги.

Но глупышка — как это она забыла? — тоже подпрыгнул и ударил ее током. К счастью, несильно. Наверно, сам не успел подзарядиться. Надежда упала на колени и выронила палку. Ушиблась больно и даже охнула. Ноги у нее были уже не те, что несколько лет назад. Она ведь в техникуме играла в волейбол. За «Медик». Второе место в Ярославле. Только это было очень давно.

Глупышку остановил Дола, который тоже имел такую же палку, как у Надежды, только покороче.

— Что с тобой? — спросил он. Голос у трепанга шипящий, без всякого выражения, но по ощущению в голове Надежда поняла, как он волнуется.

— Ничего, — сказала Надежда, поднимаясь и заставляя себя забыть о боли. — Пошли дальше.

До следующей двери было шагов двадцать. Еще один глупышка стал вылезать из ниши, но делал он это медленно.

— Машина уже получила сигнал, — сказал Дола. — Они с ней связаны.

Надежда добежала, ковыляя, до двери, но квадрата на нужном месте не оказалось.

— Я не знаю, как открыть, — сказала она.

Сзади было тихо.

Она оглянулась. Дола стоял неподвижно. Второй трепанг отбивался палочкой от трех глупышек сразу.

— Скорее, — сказал наконец Дола.

— Может, есть другой путь? — спросила Надежда, чувствуя, как у нее холодеют руки. — Эту дверь нам не открыть.

— Другого пути нет, — сказал Дола, и голос его шептал, шелестел откуда-то снизу, издалека. Дверь была заперта надежно.

Еще глупышки, другие, вялые, медленные, выползали из ниш, и казалось, что на трепанга надвигается стадо слишком больших божьих коровок.

И в этот момент дверь открылась сама. Распахнулась резко, так что Надежда еле успела отпрыгнуть в сторону, потому что по-

чувствовала, что дверь открывается неспроста. Так вбегает домой хозяин, подозревающий, что к нему забрались воры.

Дола тоже успел отпрыгнуть в сторону. Трепанги умеют иногда прыгать довольно резко.

Из двери выскочил глупышка, которого Надежда никогда раньше не видела. Он был чуть ли не с нее ростом и скорее был похож на шар, а не на черепашку, как прочие. У него было три членистые руки, и он громко, угрожающе жужжал, словно хотел распугать тех, кто осмелился зайти в неположенное место.

Откуда-то вырвалось пламя и пролетело, заполняя коридор, совсем рядом с Надеждой, и она ощутила его обжигающую близость. Она зажмурилась и не увидела, как Дола успел, подобрав палку, остановить глупышку, заставить его замереть. Хоть и было поздно.

Черепашки, толпившиеся в дальнем конце коридора, уже потемнели, словно обуглились, а второй трепанг, который сдерживал их и не успел отскочить, когда открылась дверь, превратился в кучку пепла на полу.

Все это Надежда видела как во сне, словно ее не касались ни опасность, ни смерть. Она понимала, что ее дело — пройти за вторую дверь, потому что дверь может закрыться и тогда все, ради чего погибли Баль и этот трепанг, окажется бессмысленным и ненужным.

За второй дверью оказался круглый зал, словно верхняя половина шара. Они успели вовремя. К двери уже катился второй большой глупышка. Дола успел броситься к нему и обезвредить раньше, чем тот начал действовать.

Перед Надеждой было несколько дверей, совершенно одинаковых, и она обернулась к Доле, чтобы он сказал, куда идти дальше.

Тот уже спешил вперед и быстро, изгибаясь, как испуганная гусеница, высоко поднимая спину, пополз мимо дверей, на какую-то долю секунды останавливаясь перед каждой и словно вынюхивая, что за ней находится.

— Здесь, — сказал он. — Ищи, как войти.

Надежда уже стояла рядом. Эта дверь также была без запора. И какое-то тупое отчаяние овладело Надеждой. Она тогда просто толкнула дверь рукой, и та, словно ждала этого, провалилась вниз.

Они были перед Машиной. Перед хозяином корабля, перед тем, кто отдавал приказы спускаться на чужие планеты и забирать все, что попадется, перед тем, кто поддерживал на корабле порядок, кормил, наказывал и хранил его пленников и добычу.

Машина оказалась просто стеной с множеством окошек и разноцветных лампочек, серых и голубых плиток и рукоятей. Это

была Машина, и ничего более. Она удивила Надежду. Нет, не разочаровала, а удивила, потому что за годы, проведенные здесь, Надежда много раз пыталась представить себе хозяина корабля и наделяла его множеством страшных черт. Но именно безликость Машины ей никогда не приходила в голову.

Маленький глупышка, который сидел где-то высоко на машине, соскользнул вниз и покатился к ним. Надежда хотела ткнуть его палкой, но палка была у Долы, и тот пополз навстречу глупышке и остановил его.

— Что дальше? — спросила Надежда, переводя дух. Ее юбка, сшитая из найденной на корабле материи, похожей на клеенку, распоролась на коленях и замаралась кровью — оказывается, она сильно расшиблась, когда прыгала через глупышку.

Дола не ответил. Он уже стоял перед Машиной и крутил своей червяковой головкой, разглядывая ее.

Что-то щелкнуло, словно от взгляда Долы, и зал наполнился громким прерывистым шипением. Надежда отпрянула, но тут же догадалась, что это голос другого трепанга.

— Все в порядке, — сказал тогда Дола. — Посади меня вот сюда. Я поверну эту ручку.

Надежда посадила его повыше, и он сделал что-то в Машине.

— Наши, — сказал Дола, уже опустившись снова на пол и проползая вдоль Машины, — на центральном пульте. Если все будет в порядке, мы сможем управлять кораблем.

Дола прислушивался к шипению, которое исходило из черного круга — видно, какого-то переговорного устройства, и говорил Надежде, что надо сделать, если сам не мог дотянуться до того или иного рычага или кнопки. И Надежда вдруг поняла, что они находятся в машинном отделении парохода и капитан со своего мостика отдает им приказания: «Тихий ход, полный ход». И скоро они поедут дальше, домой.

И ее охватила странная, сладкая усталость. Ноги отказались ее держать. Она села на пол и сказала Доле:

— Я отдохну немножко.

— Хорошо, — сказал Дола, прислушиваясь к словам своих товарищей с капитанского мостика.

— Я отдохну, а потом буду тебе помогать.

— Они пытаются перевести корабль на ручное управление, — сказал ей Дола через некоторое время, и голос его донесся издалека-издалека.

И тут же Дола вскрикнул. Она никогда не слышала, чтобы трепанги кричали. Что-то случилось такое, что заставило его сильно испугаться.

Огоньки на лице Машины гасли один за другим, перемигиваясь все слабее, будто прощались друг с дружкой.

Шипение из репродуктора превратилось в слабый визг, и Дола выкрикивал какие-то отдельные звуки, которые не могли иметь смысла, но все же имели.

— Быстро, — сказал Дола. — К катеру.

Чего-то они не учли. В Машине, на вид покорившейся восставшим пленникам, сохранились клеточки, которые приказали ей остановиться, умереть, лишь бы не служить другим, чужим.

Надежда поднялась на ноги, чувствуя, как Дола толкает ее, торопит, но никак не могла должным образом испугаться — все ее тело продолжало цепляться за спасительную мысль: «Все кончилось, все хорошо, теперь мы поедем домой».

И даже когда она бежала за Долой по коридору, мимо обожженных глупышек, даже когда они выскочили наружу и Дола велел ей скорее сносить к катеру еду и какие-то круглые, тяжелые предметы вроде морских мин, помогая ей при этом, она продолжала убаюкивать себя мыслью, что все будет в порядке. Ведь они одолели машину.

У люка, который вел к катеру, Надежда сваливала продукты и бежала снова, потому что надо было захватить и воду, и еще этих шаров, в которых, оказывается, был воздух. И Дола все старался объяснить ей, но забывал слова и путался, что теперь Машина перестала вырабатывать воздух и тепло, и скоро корабль умрет, и, если они не успеют погрузить и подготовить к отлету катер, их уже ничто не спасет.

Два других трепанга прибежали с капитанского мостика, притащив какие-то приборы, и стали возиться в катере. Они даже не замечали Надежду — движения их были суматошны, но быстры, словно каждая из их рук — а их у трепангов по два десятка — занималась своим делом.

Сколько продолжалась эта беготня и суматоха, Надежда не могла сказать, но где-то на десятом или двадцатом походе в оранжерею она вдруг поняла, что в корабле стало заметно холодней и труднее дышать. Ее даже удивило, что предсказания Долы сбываются так быстро. Ведь корабль же закрытый. Она не знала, что устройства, поглощавшие воздух, чтобы очистить и согреть его, еще продолжали работать, а те, что должны были этот воздух возвращать на корабль, уже отключились. Корабль погибал медленно, и некоторые его системы, о чем тоже Надежда знать не могла, будут работать еще долго: месяцы, годы.

Надежда хотела было забежать к себе в каюту и забрать вещи, но Дола сказал ей, что придется отбывать через несколько минут, и тогда она решила вместо этого притащить еще один шар с воздухом, потому что он нужен был всем, а без юбки или косынки, без чашек она обойдется.

Когда она тащила шар к катеру, то увидела на полу мешок,

сплетенный из цветных проводов. «Господи, — подумала она, — я же совсем забыла». Она добежала до катера, опустила шар у люка.

— Скорее заходи, — сказал Дола изнутри, вкатывая тяжелый шар.

— Сейчас, — сказала Надежда, — одну минутку.

— Ни в коем случае! — крикнул Дола.

Но Надежда уже бежала по коридору к мешку и с ним к стеклянному кубу, где ждали ее шарики. А может, и не ждали. Может, она все придумала.

Шарики при виде Надежды рассыпались лучами из центра, словно изображали ромашку.

— Скорее, — сказала им Надежда. — А то мы останемся. Поезд уйдет.

Она сунула мешок внутрь, и, к ее удивлению, шарики послушно покатились внутрь. Она была даже благодарна им, что они так быстро управились.

Мешок оказался тяжелым, тяжелее, чем шары с воздухом.

Надежда тащила его по коридору, и, несмотря на стужу в корабле, ей было жарко. И она задыхалась.

И если бы она не была так занята мыслью о том, как добраться до катера, она бы заметила еще одного большого глупышку, который, видно, охранял какое-то другое место на корабле, но, почуяв неладное, когда умерла Машина, покатился по коридорам отыскивать причину беды.

Надежда уже подбегала к катеру, ей оставалось пройти несколько шагов, как глупышка, который тоже увидел катер и направил свой огненный луч прямо в люк, чтобы сжечь все, что было внутри, увидел ее. Неизвестно, что подумал он и думал ли он вообще, но он повернул луч, и Надежда успела лишь отбросить мешок с шариками.

Но этой секунды было Доле достаточно, чтобы захлопнуть люк. И следующий выстрел глупышки лишь заставил почернеть бок катера. Исчерпав свои заряды, глупышка застыл над кучкой пепла. Отключился. Шарики высыпались из мешка и раскатились по полу.

Дола открыл люк и сразу все понял. Но он не мог задерживаться. Может быть, если бы он был человеком, то собрал бы пепел, оставшийся от Надежды, и похоронил его у себя дома. Но трепанги таких обычаев не знают.

Дола завинтил крышку люка, и катер оторвался от умирающего корабля и понесся к звездам, среди которых была одна, нужная трепангам. Они еще не знали, удастся ли им до нее добраться.

Павлыш поднял с пола обгоревший клочок материи — все, что осталось от Надежды. Потом собрал в кучку шарики. История кончилась печально. Хотя оставалась маленькая надежда на то, что ошибся, что Надежда успела все-таки улететь на катере.

Павлыш поднялся и подошел к холодному, пустому, сделавшему все, что от него требовалось, роботу, который так и простоял все эти годы, целясь в пустоту. Робот выполнял свой долг — охранял корабль от возможных неприятностей.

— Ты уже часа два молчишь, — сказал Даг. — Ничего не случилось?

— Потом расскажу, — сказал Павлыш. — Потом.

6

Они сидели с Софьей Петровной у самого окна. Она пила лимонад, Павлыш — пиво. Пиво было хорошее, темное, и сознание того, что его можно пить, что ты находишься в простое и до ближайшей медкомиссии месяца три, не меньше, обостряло сладкое ощущение небольшого, простительного проступка.

— А разве вам можно пить пиво? — спросила Софья Петровна.

— Можно, — сказал коротко Павлыш.

Софья Петровна недоверчиво покачала головой. Она была убеждена, что космонавты не пьют пива. И была права.

Она отвернулась от Павлыша и смотрела на бесконечное поле, на причудливые на фоне оранжевого заката силуэты планетарных машин.

— Долго что-то, — сказала она.

Софья Петровна казалась Павлышу скучным и правильным человеком. Она, наверно, отлично знает свое дело, учит детей русскому языку, но вряд ли дети ее любят, думал Павлыш, разглядывая ее острый, завершенный профиль, гладко причесанные и собранные сзади седые волосы.

— Почему вы меня разглядываете? — спросила Софья Петровна, не оборачиваясь.

— Профессиональная привычка? — ответил вопросом Павлыш.

— Не поняла вас.

— Учитель должен видеть все, что происходит в классе, даже если это происходит у него за спиной.

Софья Петровна улыбнулась одними губами.

— А я решила, что вы ищете сходство.

Павлыш не ответил. Он искал сходство, но не хотел в этом признаваться. Шумная компания курсантов в синих комбинезонах заняла соседний стол. Комбинезоны можно было снять еще в ангаре, но курсантам нравилось в них ходить. Они еще не успели привыкнуть ни к комбинезонам, ни к пилоткам с золотым гербом планетарной службы.

— Что-то они запаздывают, — повторила Софья Петровна.

— Нет, — Павлыш взглянул на часы. — Я же советовал вам подождать дома.

— Дома было не по себе. Создавалось впечатление, что кто-то сейчас войдет и спросит: «А почему вы не едете?»

Софья Петровна говорила правильно и чуть книжно, словно все время мысленно писала фразы и проверяла их с красным карандашом.

— Все эти годы, — продолжала она, приподняв бокал с лимонадом и разглядывая пузырьки на его стеклах, — я жила ожиданием этого дня. Это может показаться странным, так как внешне я старалась ничем не проявлять постоянного нетерпения, владевшего мною. Я ждала, пока расшифруют содержание блоков памяти того корабля. Я ожидала того дня, когда будет отправлена экспедиция к планете существ, которых моя бабушка называла трепангами. Я ждала ее возвращения. И вот дождалась.

— Странно, — сказал Павлыш.

— Я знаю, насколько вы были разочарованы при нашей первой встрече, когда я не проявила ожидавшихся от меня эмоций. Но что я должна была делать? Я же представляла себе бабушку лишь по нескольким любительским фотографиям, по рассказам мамы и по четырем медалям, принадлежавшим бабушке с тех лет, когда она была медицинской сестрой на фронте. Бабушка была для меня абстракцией. Моя мать уже умерла. А ведь она была последним человеком, для которого сочетание слов «Надежда Сидорова» означало не только любительскую фотографию, но и воспоминание о руках, глазах, словах бабушки. Со дня исчезновения бабушки уже прошло почти сто лет... Я ощутила связь с ней лишь потом, когда вы уехали. Нет, виноваты в том не газеты и журналы со статьями о первом человеке, встретившем космос. Причина в дневнике бабушки. Я стала мерить собственные поступки ее терпением, ее одиночеством.

Павлыш наклонил голову, соглашаясь.

— И я не такой сухарь, как вы полагаете, молодой человек, — сказала вдруг Софья Петровна совсем другим голосом. — Я основная исполнительница ролей злых старух в нашем театре. И меня любят ученики.

— Я и не думал иначе, — соврал Павлыш.

И, подняв глаза, встретился с улыбкой Софьи Петровны.

Ее втянутые щеки порозовели. Она сказала, поднимая бокал с лимонадом:

— Выпьем за хорошие вести.

Даг быстро шел между столиков, издали заметив Павлыша и Софью Петровну.

— Летят, — сказал он. — Диспетчерская получила подтверждение.

Они стояли у окна и смотрели, как на горизонте опустился планетарный катер, как к нему понеслись разноцветные под закатом капли флаеров. Они спустились вниз, потому что Даг от-

лично знаком с начальником экспедиции Клапачом и надеялся, что сможет поговорить с ним раньше журналистов.

Клапач вылез из флаера первым. Остановился, оглядывая встречающих. Курносая девочка с очень белыми, как у Клапача, волосами подбежала к нему, и он поднял ее на руки. Но глаза его не переставали искать кого-то в толпе. И когда он подходил к двери, то увидел Дага, Павлыша и Софью Петровну. Он опустил дочку на землю.

— Здравствуйте, — сказал он Софье Петровне. — Я уж боялся, что вы не придете.

Софья Петровна нахмурилась. Ей было не по себе от ощущения, что на нее смотрят телевизионные камеры и фотоаппараты.

Перед лицом Клапача покачивался похожий на шмеля микрофон, и Клапач отмахнулся от него.

— Она долетела? — спросила Софья Петровна.

— Нет, — сказал Клапач. — Она погибла, Павлыш был прав.

— И ничего?..

— Нам не пришлось долго расспрашивать о ней. Посмотрите.

Клапач расстегнул карман парадного мундира. Летный состав всегда переодевается в парадные мундиры на внешних базах. Остальные члены экипажа стояли за спиной Клапача. На площадке перед космопортом было тихо.

Клапач достал фотографию. Объектив телекамеры спустился к его рукам, и фотография заняла экраны телевизоров.

На фотографии был город. Приземистые купола и длинные строения, схожие с валиками и цепочками шаров.

На переднем плане статуя на невысоком круглом постаменте. Худая, гладко причесанная женщина в мешковатой одежде, очень похожая на Софью Петровну, сидит, держа на коленях странное существо, похожее на большого трепанга.

— Пап, — сказала курносая девочка, которой надоело ждать. — Покажи мне картину.

— Возьми, — Клапач отдал ей фотографию.

— Червяк, — сказала девочка разочарованно.

Софья Петровна опустила голову и короткими, четкими шагами пошла к зданию космопорта. Ее никто не останавливал, не окликал. Лишь один из журналистов хотел было кинуться вслед, но Павлыш поймал его за рукав.

Фотографию у девочки взял Даг.

Он смотрел на нее и видел мертвый корабль, проваливающийся в бесконечность космоса.

Через минуту площадь перед космопортом уже гудела от голосов, смеха и той обычной радостной суматохи, которая сопровождает приход в порт корабля или возвращение на Землю космонавтов.

ПОСЕЛОК

Часть I

ПЕРЕВАЛ

Глава 1

В доме было сыро, мошка толклась у светильника, давно надо бы его погасить, мать, конечно, забыла, но на улице дождь, полутьма. Олег валялся на койке — недавно проснулся. Ночью он сторожил поселок: гонял шакалов, они целой стаей лезли к сараю, чуть самого не задрали. В теле были пустота и обыкновенность, хотя сам от себя он ждал волнения, может, страха. Ведь пятьдесят на пятьдесят — вернешься или не вернешься. А если пятьдесят в квадрате? Должна быть закономерность, должны быть таблицы, а то вечно изобретаешь велосипед. Кстати, все собирался спросить старого, что такое велосипед. Парадокс. Велосипеда нет, а Старый укоряет им, не задумываясь о смысле фразы.

На кухне закашляла мать. Она, оказывается, дома.

— Ты чего не пошла? — спросил он.

— Проснулся? Супу хочешь? Я согрела.

— А кто за грибами ушел?

— Марьяна с Диком.

— И все?

— Может, кто из ребят увязался.

Могли бы и разбудить, позвать. Марьяна не обещала, но было бы естественно, если бы позвала.

— Есть не хочется.

— Если дожди не кончатся, — сказала мать, — до холодов огурцы не вызреют. Все плесенью зарастет.

Мать вошла в комнату, разогнала ладонью мошку, задула светильник. Олег смотрел в потолок. Желтое пятно плесени увеличилось, изменило форму. Еще вчера оно было похоже на профиль Вайткуса: нос картошкой. А сегодня нос раздулся, как будто ужалила оса, и лоб выгнулся горбом. Дику в лесу неинтересно. Чего ему грибы собирать? Он охотник, степной человек, сам же всегда говорил.

— Мошки много, — уронила мать, — холодно ей в лесу.

— Нашла кого жалеть.

Дом был поделен пополам, на другой половине жили Старый и близнецы Дуровы. Он их взял к себе, когда старшие умерли. Близнецы всегда хворали: один выздоровеет, другой простудится.

Если бы не их ночное нытье, Олег никогда бы не согласился дежурить по ночам. Вот и сейчас слышно было, как они хором

захныкали. Невнятный, далекий, привычный, как ветер, монолог Старого оборвался, заскрипела скамейка. Старый пошел на кухню, и тут же загалдели его ученики.

— И куда тебе идти? — сказала мать. — Не дойдете же! Хорошо еще, если целыми вернетесь!

Сейчас мать заплачет. Она теперь часто плачет. По ночам бормочет, ворочается, потом начинает тихо плакать — можно догадаться, потому что шмыгает носом. Или начинает шептать, как заклинание: «Я не могу, я больше не могу! Пускай я лучше умру...» Олег, если слышит, замирает: показать, что не спит, стыдно, как будто подсмотрел то, что видеть нельзя. Олегу стыдно сознаваться, но он не жалеет мать. Она плачет о том, чего для Олега нет. Она плачет о странах, которые увидеть нельзя, о людях, которых здесь не было. Олег не помнит мать иной — только такой, как сегодня. Худая, жилистая женщина, пегие прямые волосы собраны сзади в пук, но всегда выбиваются и падают тяжелыми прядями вдоль щек, и мать дует на них, чтобы убрать с лица. Лицо красное, в оспинках от перекатиполя, под глазами темные мешки, а сами глаза слишком светлые, как будто выцвели. Мать сидит за столом, вытянув жесткими ладонями вниз мозолистые руки. Ну плачь же, чего ты? Сейчас достанет фотографию... правильно, подвинула к себе коробку, открывает, достает фотографию.

За стеной Старый уговаривает близнецов поесть. Близнецы хнычут. Ученики гомонят, помогают Старому кормить малышей. Ну как будто самый обыкновенный день, как будто ничего не случилось. А что они делают в лесу? Скоро полдень. С обеда выходить, пора бы им возвращаться. Мало ли что может случиться с людьми в лесу?

Мать разглядывает фотографию. Там она и отец. Олег тысячу раз видел эту фотографию и старался угадать в себе сходство с отцом. И не смог. Отец белокурый, курчавый, губы полные, подбородок раздвоенный вперед. Улыбается. Мать говорит, что он всегда улыбался. Вот Олег с матерью больше похожи, не с сегодняшней, а с той, что на фотографии рядом с отцом. Черные прямые волосы и тонкие губы. Широкие, круглые, дугами брови, под ними ярко-голубые глаза. И белая кожа с сильным румянцем. Олег тоже легко краснеет. И губы у него тонкие, и черные волосы, как у матери на фотографии. Отец с матерью молодые и очень веселые. И яркие. Отец в мундире, а мать в платье без плеч. Называется сарафаном. Тогда, двадцать лет назад, Олега еще не было. А шестнадцать лет назад он уже был.

— Мать, — попросил Олег, — не надо, чего уж.

— Я не пущу тебя, — ответила мать. — Не отпущу, и все. Через мой труп.

— Мать, — Олег сел на койке, — хватит, а? Я лучше супа поем.

— Возьми на кухне. Он еще не остыл.

Глаза мокрые. Она все-таки плакала, словно хоронила Олега. Хотя, может быть, плакала по отцу. Эта фотография была для нее человеком. А Олег отца совершенно не помнил, хотя старался вспомнить.

Он поднялся и пошел на кухню. На кухне был Старый. Он разжигал плиту.

— Я помогу, — предложил Олег. — Воду вскипятить?

— Да, — отозвался Старый, — спасибо. А то у меня урок. Ты ко мне приди потом.

* * *

Марьяна набрала полный мешок грибов. Ей повезло. Правда, пришлось идти далеко, к ущелью. С Олегом она бы никогда не решилась пойти так далеко, а с Диком чувствовала себя спокойно, потому что Дик себя чувствовал спокойно. Везде. Даже в лесу. Хотя больше любил степь. Он был охотник, как будто родился охотником, но на самом деле он родился раньше, чем построили поселок.

— А ты в лесу как дома, — сказал Дик.

Он произнес это громко. Дик шел впереди и чуть сбоку. Куртка мехом наружу сидела на нем, как собственная кожа. Он сам сшил себе куртку. Мало кто из женщин в поселке смог бы так сшить.

Лес был редкий, корявый, деревья вырастали здесь чуть выше человеческого роста и начинали клонить вершины в стороны, словно боялись высунуться из массы соседей. И правильно. Зимние ветры быстро отломают верхушку. С иголок капало. Дождь был холодным, у Марьяны замерзла рука, в которой она несла мешок с грибами. Она переложила мешок в другую руку. Грибы зашевелились в мешке, заскрипели. Болела ладонь. Она занозила ее, когда откапывала грибы. Дик вытащил занозу, чтобы не было заражения. Неизвестно, что за иголка. Марьяна глотнула горького противоядия из бутылочки, что всегда висела на шее.

У белых толстых скользких корней сосны Марьяна заметила фиолетовое пятнышко.

— Погоди, Дик, — сказала она, — там цветок, которого я еще не видела.

— Может, обойдешься без цветов? — спросил Дик. — Домой пора. Мне что-то здесь не нравится. — У Дика был особенный нюх на неприятности.

— Одну секунду, — ответила Марьяна и подбежала к стволу.

Ноздреватая мягкая голубоватая кора сосны чуть пульсирова-

ла, накачивая воду, и корни вздрагивали, вытягивали пальцы, чтобы не упустить ни одной капли дождя.

Это был цветок. Обыкновенный цветок, фиалка. Только куда гуще цветом и крупнее тех, что росли у поселка. И шипы длиннее. Марьяна резко выдернула фиалку из земли, чтобы цветок не успел зацепиться корнем за сосну, и через секунду фиалка уже была в мешке с грибами, которые зашебуршились и заскрипели так, что Марьяна даже засмеялась. И потому не сразу услышала крик Дика:

— Ложись!

Она сообразила, прыгнула вперед, упала, вжалась в теплые пульсирующие корни сосны. Но чуть опоздала. Лицо горело, как будто по нему хлестнули кипятком.

— Глаза! — кричал Дик. — Глаза целы?

Он дернул Марьяну за плечи, оторвал от корней ее судорожно сжатые болью пальцы, посадил.

— Не открывай глаз, — приказал он и быстро принялся вытаскивать из лица маленькие тонкие иголки. И приговаривал сердито: — Дура, тебя в лес пускать нельзя. Слушать надо. Больно, да?

Неожиданно он навалился на Марьяну и прижал к корням.

— Больно же!

— Еще один прилетел, — сказал он, поднимаясь.

Два шарика перекатиполя пролетели метрах в трех. Тугие, сплетенные из иголочек-семян, но легкие как воздух, потому что пустые внутри, они будут летать, пока не ударятся ненароком о дерево или не налетят от порыва ветра на скалу. Миллион шаров погибнет зря, а один найдет своего медведя, утыкает иголками теплую шкуру, и пойдут от иголочек молодые побеги. Они очень опасны, эти шары, и в сезон созревания надо быть осторожным в лесу, а то потом на всю жизнь останутся отметины.

— Ну ничего, — успокоил Дик, — больше иголок не осталось. И в глаз не попало. Это главное — чтобы в глаз не попало.

— А много ранок? — спросила Марьяна тихо.

— Не пропадет твоя красота, — сказал Дик. — Теперь домой скорей, пускай Эгли смажет жиром.

— Да, конечно. — Марьяна провела ладонью по щеке.

Дик заметил, ударил по руке.

— Грибы хватала, цветок брала. Психованная ты какая-то. Инфекцию занесешь.

Грибы тем временем выбрались из мешка, расползлись между корней, и некоторые даже успели до половины закопаться в землю. Дик помог Марьяне собрать их. А фиалку они так и не нашли. Потом Дик отдал Марьяне мешок, он был легкий. Дик не

хотел занимать руки. В лесу решают секунды, и руки охотника должны быть свободны.

— Посмотри, — произнесла Марьяна, принимая мешок. Ее прохладная узкая кисть с обломанными ногтями задержалась на руке Дика. — Я очень изуродована?

— Смешно, — сказал Дик, — у всех на лице точки. И у меня. Я изуродован? Это татуировка нашего племени.

— Татуировка?

— Забыла? Старый учил нас по истории, что дикие племена себя специально так украшали. Как награда.

— Так это дикари, а мне больно.

— Мы тоже дикари.

Дик уже шел вперед. Не оборачивался. Но Марьяна знала, что он все слышит. У него слух охотника. Марьяна перепрыгнула через серый стебель лианы-хищницы.

— Потом чесаться будет, спать невозможно. Главное — не расчесывать. Тогда следов не останется. Только все расчесывают.

— Я не буду, — сказала Марьяна.

— Во сне забудешь и расчешешь.

Дождь пошел сильнее, волосы прилипли к голове, и капли срывались с ресниц, мешали смотреть, но щекам было приятно от холодной воды. Марьяна подумала, что Дика надо подстричь, а то волосы до плеч мешают. Плохо, что он живет один. Все живут семьями, а он один. С тех пор как его отец умер, так и живет. Привык уже.

— Ты что-то чувствуешь? — спросила Марьяна, увидев, что Дик пошел быстрее.

— Да, — бросил он, — звери. Наверное, шакалы. Стая.

Они побежали, но в лесу трудно было бежать. Те, кто бегает не глядя, попадают на обед лиане или дубу. Грибы бились в мешке, но Марьяна не хотела их выкидывать. Уже скоро будет вырубка, а потом поселок. Там, у изгороди, кто-нибудь обязательно дежурит. Она увидела, как Дик достал из-за пояса нож и перехватил удобнее арбалет. Она тоже вытащила нож из-за пояса, но ее нож узкий, тонкий, он хорош, чтобы резать лианы или откапывать грибы. А если тебя догоняет стая шакалов, то нож не поможет, лучше взять палку.

* * *

Олег доел суп, поставил кастрюлю с гущей повыше, на полку. Ученики простучали босыми пятками по глинобитному полу, и сквозь бойницу в стене Олег видел, как они, выскакивая из двери, прыгали в громадную лужу, набравшуюся за последние дни. Брызги во все стороны! Потом кто-то из них крикнул: «Червяк!»

И они сгрудились в кучу, ловя червяка, а его розовый хвост высунулся из воды и хлестал учеников по ногам. Рыжая Рут — дочка Томаса — завопила: видно, червяк угодил ей по голой руке жгучей присоской; ее мать высунулась из дома напротив и кричала:

— Вы с ума сошли! Кто же лезет в воду! Так без рук можно остаться! Немедленно домой!

Но ученики решили вытащить червяка наружу, и Олег знал почему. Тогда червяк меняет цвет, становится то красным, то синим, это очень интересно, только интересно им, а не матерям, которые панически боятся червяков, безвредных и трусливых тварей.

Линда, жена Томаса, стояла на краю лужи и звала дочь, а Олег, предупредив вопрос матери, произнес:

— Сейчас приду.

А сам вышел на улицу и посмотрел в конец ее, к воротам в изгороди, возле которых стоял Томас с арбалетом в руке. В позе Томаса было напряжение. «Неладно, — сказал себе Олег. — Неладно, я же так и думал. Дик ее завел куда-то далеко, и там что-то случилось. Дик не понимает, что она совсем другая, не такая, как он, и ее надо уберечь».

Ребята тащили червяка наружу, он уже стал почти черным, никак не мог приспособиться к плену. Тут рыжую Рут тоже взяли в плен, и Линда потащила ее домой. Олег побежал к изгороди и на бегу сообразил, что не взял арбалета и поэтому пользы от него никакой.

— Что? — спросил он Томаса.

Тот, не оборачиваясь, кинул:

— По-моему, шакалы опять шляются. Стая.

— Та же, что и ночью?

— Не знаю. Раньше они днем не ходили. А ты Марьяну ждешь?

— Они с Диком за грибами пошли.

— Я знаю, я их сам выпускал. Да ты не волнуйся. Если с Диком, то ничего не будет. Он прирожденный охотник.

Олег кивнул. Томас не хотел обижать Олега. Просто так получилось, что Дик надежнее: Дик охотник, а он, Олег, не очень охотник. Как будто быть охотником — высшее достижение человечества.

— Я, конечно, понимаю, — улыбнулся вдруг Томас. Он опустил арбалет и прислонился спиной к столбу ограды. — Но это вопрос приоритета. В небольшом обществе, скажем, подобном нашему, способности, к примеру математические, отступают на шаг по шкале ценностей в сравнении с умением убить медведя, что несправедливо, но объяснимо.

Улыбка у Томаса была вежливая, длинные губы гнулись в углах, словно не помещались на лице. Лицо было темным, все в

глубоких морщинах, а глаза еще темнее лица. И белки желтые. У Томаса больная печень. Может, от этой болезни он стал совсем лысый и часто кашлял. Но Томас был выносливым и лучше всех знал дорогу к перевалу.

Томас вскинул арбалет и, не прицеливаясь, выпустил стрелу. Олег кинул взгляд туда, куда, взвизгнув, метнулась стрела. Шакал не успел увернуться. Он выпал из кустов, словно кусты держали его на весу, а теперь выпустили. Он рухнул на луг и, дернувшись, затих.

— Выстрел мастера, — сказал Олег.

— Спасибо. Надо оттащить, пока воронье не налетело.

— Я притащу, — предложил Олег.

— Нет, он не один. Лучше сбегай за своим арбалетом. Если ребята будут возвращаться, им придется сквозь стаю идти. Сколько шакалов в стае?

— Я шесть штук ночью насчитал.

Черная пасть шакала была разинута, белая шерсть торчала иглами.

Олег повернулся, чтобы бежать за арбалетом, но его задержал свист Томаса. Свист громкий, в любом углу поселка слышно.

Остановиться? Нет, лучше за арбалетом! Это одна минута.

— Что там? — Мать стояла в дверях.

Он оттолкнул ее, схватил со стены арбалет, чуть не вырвал крюк. Где стрелы? Под столом? Близнецы, что ли, утащили?

— Стрелы за плитой, — сказала мать. — Что случилось? Что-нибудь с Марьяной?

Старый выбежал с копьем. Как будешь стрелять из арбалета одной рукой? Олег обогнал Старого, на ходу вытаскивая стрелу из колчана, хотя на ходу этого делать не стоило.

Вся малышня поселка неслась к изгороди.

— Назад! — крикнул Олег грозным голосом, но никто его не послушался.

Рядом с Томасом уже стоял Сергеев, держа в руке большой лук. Мужчины напряженно прислушивались. Сергеев поднял руку без двух пальцев, приказывая тем, кто подбегал сзади, замереть.

И тогда из серой ровной стены леса донесся крик. Человеческий крик. Крик был далекий, короткий, он прервался; и наступила бесконечная тишина, потому что ни одна душа в поселке не смела дышать. Даже младенцы в колыбели замолкли. И Олег представил, нет, увидел, как там, за стеной дождя и белесых стволов, в живом, дышащем, движущемся лесу, прижимаясь спиной к теплой и жгучей коре сосны, стоит Марьяна, а Дик, упав на колено — кровь хлещет из разорванной зубами шакала руки, — старается перехватить копье...

— Старый! — крикнул Томас. — Борис! Останешься у изгороди. Олег, беги за нами.

У леса их догнала тетя Луиза с ее знаменитым тесаком, которым она в прошлом году отогнала медведя. В другой руке она несла головешку. Тетя Луиза была большой, толстой и страшной женщиной — короткие седые космы во все стороны, балахон надулся колоколом. Даже деревья пугливо втягивали ветки и скручивали листья, потому что тетя Луиза была как злой дух, который зимой рычит в ущелье. И когда тетя Луиза споткнулась о лиану-хищницу, та, вместо того чтобы схватить жертву, спряталась за ствол, как трусливая змея.

Томас так неожиданно остановился, что Сергеев чуть не налетел на него, и, сунув два пальца в рот, свистнул. Никто в поселке не умел так оглушительно свистеть.

Когда свист прервался, Олег понял, как затаился, испугался лес человеческого топота, человеческой тревоги и гнева. Только слышно было, как тяжело дышит грузная тетя Луиза.

— Сюда! — крикнула Марьяна.

Голос ее прозвучал совсем близко. Она даже не крикнула, она позвала, как зовут с другого конца поселка. И потом, когда они побежали снова, Олег услышал голос Дика, вернее, рев, как звериный, и бешеное уханье шакала.

Олег метнулся в сторону, чтобы обогнать тетю Луизу, но перед ним возникла спина Сергеева, который не успел даже одеться, бежал в одних кожаных штанах.

Марьяна, как в видении Олега, стояла, прижавшись к мягкому белому стволу старой толстой сосны, который подался внутрь, будто старался оградить девушку. Но Дик не упал. Дик отбивался ножом от большого шакала, который увертывался от ударов, шипя и извиваясь. Еще один шакал корчился сбоку на земле, стрела в боку. И штук пять, не меньше, сидели в ряд в сторонке, будто зрители. У шакалов есть такая странная манера. Они не нападают скопом, а ждут. Если первый не справится с добычей, за дело принимается второй. И так пока не победят. Им друг друга не жалко. Они это не понимают. Сергеев, когда вскрывал одного шакала, с трудом отыскал у него мозг.

Шакалы-зрители, как по команде, повернули морды к людям, которые ворвались на поляну. И Олегу показалось вдруг, что красные точки шакальих глаз смотрят на него с осуждением. Разве можно нападать всем вместе? Это же не по правилам.

Шакал, который все норовил захватить зубами нож, вдруг повалился набок: из основания длинной шеи торчала стрела. Оказывается, Томас успел выстрелить, пока Олег соображал, что к чему. А Дик, словно ждал этого, тут же повернулся к остальным шакалам и бросился на них с копьем. Рядом с ними уже были

Сергеев и тетя Луиза с тесаком и головешкой. Прежде чем шакалы поняли, что произошло, двое из них валялись мертвыми, тогда остальные помчались в чащу. Никто за ними не побежал. А Олег шагнул к Марьяне:

— С тобой ничего?

Марьяна плакала. Прижимала к груди шевелящийся мешок с грибами и горько плакала.

— Ну скажи, скажи! — испугался Олег.

— Меня перекатиполе изжалило, — плакала Марьяна. — Теперь я буду рябая.

— Жаль, что вы так быстро прибежали, — сказал Дик, вытирая кровь со щеки, — я только во вкус вошел.

— Не говори глупостей, — одернула его тетя Луиза.

— Третий или четвертый тебя бы одолел, — добавил Сергеев.

* * *

По дороге к поселку Дика начало трясти, от шакальих зубов никому еще хорошо не бывало.

Все сразу ушли в дом к Вайткусу, сам Вайткус болел, лежал, а его жена Эгли достала из аптечки — ящика в углу — примочки и настой против шакальего яда, потом промыла рану Дика и велела ему спать. Марьяне смазали лицо жиром. Дик ушел. Через часдва лихорадка уляжется, а сейчас ему больно и плохо, он не хотел, чтобы другие это видели.

Эгли поставила на стол миску с сахаром, который вытапливают из корней осоки на болоте. Только они с Марьяной знали, как отличить сладкую осоку от обыкновенной. И еще малыши, которые чутьем знают, какая трава сладкая, а какую нельзя трогать. Потом Эгли разлила по чашкам кипяток, и каждый сам черпал ложкой густой серый сахарный кисель. У Вайткусов просто. К Вайткусам все любят ходить.

— Ничего страшного? — спросил Томас у Эгли. — Дик сможет идти?

— На нем, как на кошке, сразу заживает.

— Ты все-таки сомневаешься? — подал голос Сергеев.

— Я не сомневаюсь, — сказал Томас, — другого выхода нет. Ты предлагаешь ждать еще три года? Мы вымрем от скудности.

— Мы не вымрем, — сказал с койки Вайткус. Борода и копна волос на голове скрывали все лицо. Были видны только красный нос и светлые пятна глаз. — Мы окончательно одичаем.

— Одно и то же, — сказал Томас. — Попался бы мне Даниель Дефо. Жалкий враль.

Вайткус захохотал, словно закашлялся.

Олег уже слышал эти разговоры. Сейчас их вести — совсем уж

пустое дело. Он хотел было пойти в сарай, где Старый с учениками снимал шкуры с убитых шакалов, поговорить со Старым. Просто поговорить. Но потом поглядел на миску с сахаром и решил съесть еще немного. Дома они с матерью доели свою долю еще на позапрошлой неделе. Он зачерпнул сахару так, чтобы ложка была неполной. Ведь он сюда не объедаться пришел.

— Пей, Марьяшка, — сказала Эгли, — ты устала.

— Спасибо, — ответила Марьяна, — я грибы отмачивать положу, а то засохнут.

Олег разглядывал Марьяну, будто впервые увидел, даже ложку забыл поднести ко рту. У Марьяны губы как будто нарисованы — четко, чуть темнее к краям, удивительные губы, таких ни у кого больше нет во всем поселке. Хотя она немножко похожа на Сергеева. Совсем немного. Наверное, тоже похожа на мать, только ее матери Олег не помнил. А может быть, на своего деда. Удивительная вещь — генетика. Старый в теплице — яме за сараем, хозяйстве Марьяны — ставил для учеников опыты с горохом. Ну, правда, не с горохом, а со здешней чечевицей. Все сходилось, только с коррективами. Иные наборы хромосом, разумеется, иные. У Марьяны треугольное лицо, скулы и лоб широкие, а подбородок острый, так что глазам на лице места много, и они заняли все свободное место. И очень длинная шея, сбоку розовый шрам, с детства. К нему Марьяна привыкла, а из-за перекатиполя переживает. Не все ли равно, есть ли у человека точки на лице или нет? У всех есть. А вместо бус у Марьяны, как у всех в поселке, веревка с деревянной бутылочкой противоядия.

— Представь себе, что поход кончится трагически, — сказал Сергеев.

— Не хотел бы, раз я в нем участвую, — отозвался Томас.

Вайткус опять засмеялся, забулькало где-то в середине бороды.

— Парни — Дик с Олегом — надежда нашего поселка, его будущее, — продолжал Сергеев. — Ты же, Томас, один из четырех последних мужчин.

— Приплюсуйте меня, — произнесла басом Луиза и начала громко дуть в чашку, чтобы остудить кипяток.

— Меня ты не убедишь, — покачал головой Томас. — Но если очень боишься, давай оставим Марьяну здесь.

— Я боюсь за дочь, да. Но сейчас разговор идет о более принципиальных вещах.

— Я пойду грибы намочу, — сказала Марьяна и легко поднялась.

— Кожа да кости, — уронила тетя Луиза, глядя на нее.

Проходя мимо отца, Марьяна дотронулась кончиками пальцев до его плеча. Тот поднял трехпалую ладонь, чтобы накрыть ею кисть Марьяны, но она уже убрала руку и быстро прошла к

двери. Дверь открылась, впустив мерный шум дождя, и громко хлопнула. Олег чуть было не сорвался вслед за Марьяной. Но удержался, неудобно как-то.

Из второй комнаты вышел, нетвердо ступая, один из сыновей Вайткуса. Сколько ему? Первый родился той весной, а другой недавно, когда выпал снег. Значит, этому полтора года? А всего у Вайткусов шестеро детей. Мировой рекорд.

— Сахару, — сказал сердито ребенок.

— Я тебе покажу — сахару! — возмутилась Эгли. — А зубы у кого болят? У меня? А босой кто ходит? Я?

Она подхватила мальчишку и унесла его из комнаты.

Олег увидел, что его рука сама по себе снова зачерпнула ложкой сахару из миски. Он рассердился на себя и вылил ложку обратно. Пустую поднес ко рту и облизал.

— Давай я тебе еще кипятку налью, — предложила тетя Луиза. — Жалко мне ребят наших, всегда какие-то недокормленные.

— Сейчас еще ничего, — добавила Эгли, возвращаясь в комнату. *Вслед ей несся басовитый рев Вайткуса-младшего.* — Сейчас грибы пошли. И витамины есть. Хуже с жирами...

— Мы сейчас пойдем, — произнесла тетя Луиза. — Ты бледная совсем.

— Ты же знаешь почему. — Эгли постаралась улыбнуться. Но улыбка получилась гримасой, как будто ей больно.

Эгли месяц назад родила ребенка, девочку, мертвую. Старый сказал, что ей уже поздно рожать. И организм истощен. Но она человек долга. Род должен продолжаться. «Понимаешь?»

— Спасибо за угощение, — сказала тетя Луиза.

— Как ты умудрилась раздаться, непонятно, — пожал плечами Томас, глядя, как громоздкое тело тети Луизы плывет к двери.

— Это я не от хорошей жизни распухла, — кинула Луиза, не оборачиваясь. В дверях она остановилась и сказала Олегу: — Ты от всех треволнений к Кристине забыл зайти. Они тебя ждут. Нехорошо.

Конечно. Как плохо! Он же должен был час назад зайти.

Олег вскочил.

— Я сейчас.

— Ну ладно. Я так, для дисциплины, — махнула рукой тетя Луиза. — Я сама загляну. Своих сирот накормлю и зайду.

— Не надо.

Олег выскочил на улицу следом за тетей Луизой. И тут вспомнил, что забыл поблагодарить Эгли за кипяток с сахаром: стало неловко.

Они пошли рядом, идти недалеко. Весь поселок можно обежать за пять минут по периметру изгороди.

Дома под косыми односкатными крышами теснились, при-

жимались один к другому двумя полосками по обе стороны прямой дорожки, что резала поселок пополам: от ворот в изгороди до общего сарая и склада. Крытые плоскими длинными розовыми листьями водяных тюльпанов крыши блестели под дождем, отражая всегда серое, всегда туманное небо. Четыре дома на одной стороне, шесть домов на другой. Правда, три дома пустых. Это после прошлогодней эпидемии.

Дом Кристины предпоследний, за ним только дом Дика. Тетя Луиза живет напротив.

— Не страшно уходить? — спросила тетя Луиза.

— Надо.

— Ответ, достойный мужчины. — Тетя Луиза почему-то улыбнулась.

— А Сергеев Марьяну отпустит? — спросил Олег.

— Пойдет твоя Марьяна, пойдет.

— Ничего с нами не случится, — успокоил Олег. — Четыре человека. Все вооруженные. Не первый раз в лесу.

— В лесу не первый раз, — согласилась Луиза, — но в горах совсем иначе.

Они остановились на дороге между домами Кристины и Луизы. Дверь к Луизе была приоткрыта, там блестели глаза — приемыш Казик ждал тетю.

— В горах страшно, — сказала Луиза. — Я на всю жизнь запомнила, как мы по горам шли. Люди буквально на глазах замерзали. Утром поднимаемся, а кого-то уже не добудишься.

— Сейчас лето, снега нет.

— Принимаешь желаемое за действительное. В горах всегда снег.

— Но если пройти нельзя, мы вернемся.

— Возвращайтесь. Лучше возвращайтесь.

Луиза повернула к своей двери. Казик выбежал ей навстречу. Олег толкнул дверь к Кристине.

У Кристины душно, пахнет чем-то кислым, плесень уже закрыла стены, как обои, и хоть плесень желтая, оранжевая, яркая, в комнате от этого не светлей. И светильник не горит.

— Привет, — сказал Олег, придерживая дверь, чтобы разглядеть, кто где в этой комнате. — Вы не спите?

— Ох, — отозвалась Кристина, — пришел все-таки, я думала, что не придешь, забудешь. Раз вы в горы собрались, зачем обо мне помнить?

— Ты не слушай ее, Олег, — произнесла тихо, очень тихо, почти шепотом Лиз. — Она всегда ворчит. Она и на меня ворчит. Надоело.

Олег нашел стол, пошарил по нему руками, отыскал светильник, вынул из кошеля на поясе кремень и трут.

— Чего без света сидите? — спросил он.

— Там масло кончилось, — ответила Лиз.

— А где банка?

— Нет у нас масла, — вздохнула Кристина. — Кому мы нужны, две беспомощные женщины? Кто принесет нам масла?

— Масло на полке, справа от тебя, — сказала Лиз. — Вы когда уходите?

— После обеда. Как себя чувствуешь?

— Хорошо. Только слабость.

— Эгли сказала, что дня через три ты уже встанешь. Хочешь, мы тебя к Луизе перенесем?

— Я не оставлю маму.

Кристина не была ей матерью. Но они давно жили вместе. Когда они пришли в поселок, Лиз было меньше года, она была самая маленькая. Ее мать замерзла на перевале, а отец погиб еще раньше. Кристина несла Лиз все те дни. Она тогда была сильная, смелая, у нее еще были глаза. Так и остались они вдвоем. Потом Кристина ослепла. Из-за тех же перекатиполе: не знали еще, что делать. Вот и ослепла. Она редко выходит из дома. Только летом, если нет дождя. Все уже привыкли к дождю, не замечают его. А она не привыкла. Если дождь, ни за что не выйдет. А если сухо, сядет на ступеньку, угадывает по шагам проходящих мимо и жалуется. А раньше она была крупным астрономом. Очень крупным астрономом. Лиз как-то сказала Олегу: «Представь себе трагедию человека, который всю жизнь смотрел на звезды, а потом попал в лес, где звезд не бывает, и к тому же вообще ослеп. Тебе этого не понять».

— Конечно, — сказала Кристина, — перенесите ее куда-нибудь. Зачем ей со мной подыхать?

Олег отыскал на полке банку с маслом, налил в светильник и зажег его. Сразу стало светло. И видна широкая кровать, на которой под шкурой лежали рядом Кристина и Лиз. Олег всегда удивлялся, насколько они похожи, не поверишь, что даже не родственники. Обе белые, с желтыми волосами, с широкими плоскими лицами и мягкими губами. У Лиз зеленые глаза. У Кристины глаза закрыты. Но говорят, что были зелеными.

— Масла еще на неделю хватит, — сказал Олег, — потом Старый принесет. Вы не экономьте. Чего в темноте сидеть?

— Жаль, что я заболела, — произнесла Лиз. — Я хотела бы пойти с тобой.

— В следующий раз.

— Через три года?

— Через год.

— Через этот год, значит, через три наших года. У меня слабые легкие.

— До зимы еще долго, выздоровеешь.

Олег понимал, что говорит не то, чего ждала от него эта девушка с широким лицом. Когда она говорила о походе, она имела в виду совсем другое: чтобы Олег всегда был вместе с ней, потому что ей страшно, она совсем одна. Олег старался быть вежливым, но не всегда удавалось: Лиз раздражала — ее глаза всегда чего-то просили.

Кристина поднялась с постели, подобрала палку, пошла к плите. Она все умела делать сама, но предпочитала, чтобы помогали соседи.

— С ума сойти, — бормотала она. — Я, видный ученый, женщина, некогда известная своей красотой, вынуждена жить в этом хлеву, брошенная всеми, оскорбленная судьбой...

— Олег, — начала Лиз, поднимаясь на локте. Открылась большая белая грудь, и Олег отвернулся. — Олег, не уходи с ними. Ты не вернешься. Я знаю, ты не вернешься. У меня предчувствие...

— Может, воды принести? — спросил Олег.

— Есть вода, — ответила Лиз. — Ты не хочешь меня послушать. Ну хотя бы раз в жизни!

— Я пошел.

— Иди.

В дверях его догнали слова:

— Олежка, ты смотри, может, там есть лекарство от кашля. Для Кристины. Ты не забудешь?

— Не забуду.

— Забудет, — отозвалась Кристина. — И в этом нет ничего удивительного.

— Олег!

— Ну что?

— Ты не сказал мне «до свидания».

— До свидания.

* * *

Старый мылся на кухне над тазом.

— Крупных зверей вы убили, — сказал он. — Шерсть только плохая, летняя.

— Это Дик с Сергеевым.

— Ты сердит? Ты был у Кристины?

— Там все в порядке. Потом принесите им масла. И еще у них картошка кончается.

— Не беспокойся. Заходи ко мне, поговорим напоследок.

— Только недолго! — крикнула мать из-за перегородки.

Старый ухмыльнулся. Олег снял полотенце, протянул ему, чтобы удобнее было вытереть левую руку. Правую старик потерял лет пятнадцать назад, когда они первый раз пытались пройти к перевалу.

Олег прошел в комнату Старого, сел за стол, отполированный локтями учеников, отодвинул самодельные счеты с сушеными орехами вместо костяшек. Сколько раз он сидел за этим столом? Несколько тысяч раз. И почти все, что знает, услышал за этим столом.

— Мне страшнее всего отпускать тебя, — произнес старик, садясь напротив, на учительское место. — Я думал, что через несколько лет ты сменишь меня и будешь учить детей.

— Я вернусь, — ответил Олег. Он подумал: «А что сейчас делает Марьяна? Грибы она уже замочила, потом переложила свой гербарий, она обязательно перекладывает гербарий. Собирается? Говорит с отцом?»

— Ты меня слушаешь?

— Да, конечно, учитель.

— И в то же время я сам настаивал на том, чтобы тебя взяли за перевал. Пожалуй, это тебе нужнее, чем Дику или Марьяне, ты будешь моими глазами, моими руками.

Старый поднял руку и посмотрел на нее с интересом, словно никогда не видел. И задумался. Олег молчал, оглядывая комнату. Старый иногда замолкал так, внезапно, на минуту, на две. У каждого свои слабости. Огонек светильника отражался на отполированном, как всегда, чистом микроскопе. В нем не было главного стекла. Сергеев тысячу раз говорил Старому, что пустая трубка слишком большая роскошь, чтобы держать ее на полке как украшение. «Дай мне в мастерскую, Боря. Я из нее сделаю два чудесных ножа». А Старый не отдавал.

— Прости, — сказал старик. Он моргнул два раза добрыми серыми глазами, погладил аккуратно подрезанную белую бороду, за которую тетка Луиза звала его купцом. — Я размышлял. И знаешь о чем? О том, что в истории Земли уже бывали случаи, когда по несчастливой случайности группа людей оказывалась отрезанной от общего потока цивилизации. И тут мы вступаем в область качественного анализа...

Старик опять замолк и пожевал губами. Ушел в свои мысли. Олег к этому привык. Ему нравилось сидеть рядом со стариком, просто молчать, ему казалось, что знаний в старике так много, что сам воздух комнаты полон ими.

— Да, конечно, надо учитывать временной диапазон. Диапазон — это расстояние. Запомнил?

Старый всегда объяснял слова, которые ученикам не встречались.

— Одному человеку для деградации достаточно нескольких лет. При условии, что он белый лист бумаги. Известно, что дети,

которые попадали в младенчестве к волкам или обезьянам, а такие случаи отмечены в Индии и Африке, через несколько лет безнадежно отставали от своих сверстников. Они становились дебилами. Дебил — это...

— Я помню.

— Прости. Их не удавалось вернуть человечеству. Они даже ходили только на четвереньках.

— А если взрослый?

— Взрослого волки не возьмут.

— А на необитаемый остров?

— Варианты различны, но человек неизбежно деградирует... степень деградации...

Старик взглянул на Олега, тот кивнул. Он знал это слово.

— Степень деградации зависит от уровня, которого человек достиг к моменту изоляции, и от его характера. Но мы не можем ставить исторический эксперимент на одной сложившейся особи. Мы говорим о социуме. Может ли группа людей в условиях изоляции удержаться на уровне культуры, в каковой находилась в момент отчуждения?

— Может, — ответил Олег. — Это мы.

— Не может, — возразил старик. — Но для младенца достаточно пяти лет, для группы, даже если она не вымрет, потребуется два-три поколения. Для племени — несколько поколений... Для народа, может быть, века. Но процесс необратим. Он проверен историей. Возьмем австралийских аборигенов...

Вошла мать Олега, она была причесана, надела выстиранную юбку.

— Я посижу с вами, — сказала она.

— Посиди, Ирочка, — кивнул старик. — Мы беседуем о социальном прогрессе. Вернее, регрессе.

— Я уже слыхала. Ты рассуждаешь, через сколько времени мы начнем ходить на четвереньках? Так я тебе отвечу — раньше мы все передохнем. И слава богу. Надоело.

— А ему не надоело, — не согласился старик. — И моим близнецам не надоело.

— Из-за него и живу, — напомнила мать, — а вы его посылаете на верную смерть.

— Если встать на твою точку зрения, Ира, — сказал Старый, — то здесь смертью грозит каждый день. Здесь лес — смерть, зима — смерть. Наводнение — смерть, ураган — смерть, укус шмеля — смерть. И откуда смерть выползет, какое она примет обличье, мы не знаем.

— Она выползает, когда захочет, и забирает, кого пожелает. Одного за другим.

— Нас больше, чем пять лет назад. Главная проблема — не физическое выживание, а моральное.

— Нас меньше! Нас с тобой меньше! Ты понимаешь, нас совсем не осталось! Что эти щенки могут без нас?

— Можем, — ответил Олег. — Ты в лес одна пошла бы?

— Лучше повеситься. Я порой на улицу боюсь выходить.

— А я хоть сейчас пойду. И вернусь. С добычей.

— То-то сегодня Дика с Марьяшкой еле спасли.

— Это случайность. Ты же знаешь, что шакалы стаями не ходят.

— Ничего не знаю! Пошли все-таки стаей или нет? Пошли?

— Пошли.

— Значит, ходят...

Олег не стал больше возражать. Мать тоже замолчала. Старый вздохнул, дождался паузы и продолжил свой монолог:

— Я почему-то сегодня вспомнил одну историю. Тысячу лет не вспоминал, а сегодня вспомнил. Может, просто к месту пришлось? Случилось это в 1530 году, вскоре после открытия Америки. Немецкое китобойное судно, которое промышляло к югу от Исландии, попало в шторм, и его отнесло на северо-запад, в неизвестные воды. Несколько дней корабль несло по волнам среди айсбергов. Айсберг — это...

— Это ледяная гора, я знаю.

— Правильно. Через несколько дней показались заснеженные гористые берега неизвестной земли. Теперь она называется Гренландией. Корабль бросил якорь, и моряки спустились на берег. И представляете их удивление, когда вскоре они увидели полуразрушенную церковь, потом остатки каменных хижин. В одной из хижин они нашли труп рыжеволосого мужчины в одежде, кое-как сшитой из тюленьих шкур, рядом сточенный, ржавый нож. А вокруг запустение, холод, снег...

— Не пугай, Боря, — прервала его мать. Пальцы ее нервно стучали по столу. — Псевдоисторические сказки...

— Погоди. Это не сказка. Это строго документировано. Тот человек был последним викингом. Ты помнишь, Олег, кто такие викинги?

— Вы рассказывали о викингах.

— Викинги бороздили моря, завоевывали целые страны, они заселили Исландию, высаживались в Америке, которую называли Винланд, даже основали свое царство на Сицилии. И у них была крупная колония в Гренландии. Там было несколько поселков, стояли каменные дома и церкви. Но вот корабли викингов перестали выходить в море. Колонии их перешли к другим народам или были заброшены. Прервалась связь с Гренландией. А тем временем климат там становился все более суровым, скот вымирал, и гренландские поселения приходили в упадок. В первую

очередь потому, что потеряли связь с миром. Гренландцы, некогда смелые моряки, разучились строить морские корабли, их становилось все меньше. Известно, что в середине XV века в Гренландии была сыграна последняя свадьба. Потомки викингов дичали, их было слишком мало, чтобы противостоять стихии, добиться прогресса или хотя бы сохранить старое. Ты представляешь себе трагедию — последняя свадьба в целой стране? — Старый обращался к матери.

— Твои аналогии меня не убеждают. Много ли было викингов, мало ли — ничего бы их не спасло.

— А ведь альтернатива была. Приди тот немецкий корабль тридцатью годами раньше, и все сложилось бы иначе. Эти викинги могли бы уплыть на континент и вернуться в человеческую семью. Или иначе — наладилась бы связь с другими странами, появились бы торговцы, новые поселенцы, хотя бы новые орудия труда, знания... И все было бы иначе.

— К нам никто не приплывет.

— Наше спасение — не вживление в природу, — произнес старик уверенно. На этот раз он обернулся к Олегу. — Нам нужна помощь. Помощь остального человечества. И потому я настаиваю, чтобы твой сын шел за перевал. Мы еще помним. И наш долг — не обрывать нить.

— Пустой разговор, — устало сказала мать. — Водички согреть?

— Согрей, — ответил Старый. — Побалуемся кипятком. Нам грозит забывание. Уже сейчас носителей хотя бы крох человеческой мудрости, знаний становится все меньше. Одни гибнут, умирают, другие слишком поглощены борьбой за выживание... И вот появляется новое поколение, вы с Марьяной еще переходный этап. Вы как бы звено, соединяющее нас с нашим будущим. Каким оно будет, ты представляешь себе?

— Мы не боимся леса. Мы знаем грибы и деревья, мы можем охотиться в степи...

— Я боюсь будущего, в котором господствует новый тип человека — Дик-охотник. Он для меня символ отступления, символ поражения человека в борьбе с природой.

— Ричард — хороший мальчик, — отозвалась мать из кухни. — Ему нелегко приходилось одному.

— Я не о характере, — сказал Старый. — Я о социальном явлении. Когда ты, Ирина, научишься абстрагироваться от мелочей?

— Буду я абстрагироваться или нет, но если бы той зимой Дик не убил медведя, мы бы все перемерли с голоду, — сказала мать.

— Дик уже ощущает себя аборигеном этих мест. Он бросил ходить ко мне пять лет назад. Я не уверен, помнит ли он азбуку.

— Зачем? — спросила мать. — Книг все равно нету. И письма писать некуда. И некому.

— Дик много песен знает, — вступил Олег. — И сам сочиняет. — Олегу стало немного стыдно, что ему приятно ощущать недоброжелательство старика к Дику, и потому он решил Дика защитить.

— Не в песнях дело. Песня — заря цивилизации. А для малышей Дик — кумир. Дик — охотник! А для вас, бабы, он пример. «Посмотри на Дика. Вот хороший мальчик!» А для девочек он рыцарь. Ты не обращала внимания, какими глазами на него глядит Марьяшка?

— Пускай глядит. Замуж выйдет. Для поселка хорошо.

— Мама! — не выдержал Олег.

— А что?

Мать, как всегда, ничего не замечала вокруг, жила в каком-то своем мире, пережевывала древности.

— И тебя радует мир диков? — Старик был зол. Он даже грохнул кулаком по столу. — Мир благополучных быстроногих дикарей?

— А что ты предлагаешь взамен?

— Вот его. — Старик положил тяжелую ладонь на затылок Олегу. — Мир Олега — это мой мир, это твой мир, от которого ты пытаешься отмахнуться. Хотя тебе-то никакого другого не дано.

— Ты не прав, Боря. — Мать пошла на кухню, сняла с огня миску с кипятком и принесла в комнату. — Сахар кончился.

— У меня тоже, — ответил старик. — Сейчас корни худые, несладкие. Эгли говорит, что придется месяц потерпеть. Поедим с хлебом. Ты же интеллигентная женщина и должна понимать, что мы обречены на вырождение, если на смену нам придут дики-охотники.

— Не согласна я с тобой, Боря, — сказала мать. — Нам бы выжить. Я сейчас не о себе конкретно говорю, а о поселке. О детишках. Когда я гляжу на Дика или на Марьянку, у меня появляется надежда. Ты их называешь дикими, а я думаю, что они смогли приспособиться. И если они сейчас погибнут, мы все погибнем. Слишком велик риск.

— А я, значит, не приспособился? — спросил Олег.

— Ты меньше других приспособился.

— Ты просто боишься за меня, — ответил Олег. — И не хочешь, чтобы я шел в горы. А я из арбалета стреляю лучше Дика.

— Я боюсь за тебя, конечно, боюсь. Ты у меня один. Ты все, что у меня осталось. А ты с каждым днем все больше от меня отрываешься, уходишь куда-то, чужим становишься.

Старик мерно шагал по комнате, так бывало, когда он недоволен учениками, если они ленятся. Нагнулся, поднял с табурет-

ки глобус. Он его сделал из гриба-гиганта, который вырос той зимой у сарая. Они тогда с Олегом вместе терли краски, цветную глину, которую Марьяна и Лиз отыскивали у ручья, ту самую, из которой теперь делают мыло. Ее высушили, получилось два цвета — белый и серый. А сам гриб был сиреневым. И Старый по памяти нарисовал все материки и океаны Земли. Глобус получился бледным, а за два года еще больше побледнел и стерся, стал как круглое яблоко.

Олег увидел на столе маленькое пятнышко розовой плесени. Это не желтая, это ядовитая плесень. Он осторожно стер пятнышко рукавом. Глупо, когда родная мать предпочитает тебе другого. В общем, это предательство. Самое настоящее предательство.

— Мы с тобой умрем, — напомнил старик.

— И отлично. Пожили достаточно, — отрезала мать.

— Тем не менее не спешим умирать, цепляемся за эту жизнь.

— Мы трусливы.

— У тебя всегда есть Олег.

— Я жила ради него.

— Мы с тобой умрем, — продолжал старик, — но поселок должен жить. Иначе пропадет смысл нашего с тобой существования.

— Больше шансов выжить у поселка охотников, — настаивала мать.

— Больше шансов выжить у поселка таких, как Олег, — сказал старик. — Если править нашим племенем будут Дик и ему подобные, то через сто лет никто не вспомнит, кто мы такие, откуда пришли. Восторжествует право сильного, законы первобытного племени.

— И будут они плодиться и размножаться. И станет их много. И изобретут они колесо, а еще через тысячу лет — паровую машину. — Мать засмеялась, как будто заплакала.

— Ты шутишь? — спросил Олег.

— Ирина права, — ответил старик. — Борьба за существование в элементарной форме приведет к безнадежному регрессу. Выжить ценой вживания в природу, принятия ее законов — значит сдаться.

— Но все-таки выжить, — стояла на своем мать.

— Она так не думает, — сказал Олег.

— Конечно, она так не думает, — согласился Старик. — Я знаком с Ириной уже двадцать лет. И знаю, что она так не думает.

— Я вообще предпочитаю не думать.

— Врешь, — сказал Старый. — Мы все думаем о будущем, боимся и надеемся. Иначе перестанем быть людьми. Именно груз знаний, которыми не отягощает себя Дик, заменяя их простыми

законами леса, может нас спасти. И пока есть альтернатива, мы можем надеяться.

— Ради этой альтернативы ты гонишь Олежку в горы?

— Ради сохранения знаний, ради нас с тобой. Ради борьбы с бессмыслицей, неужели не ясно?

— Ты всегда был эгоистом.

— Твой материнский слепой эгоизм не в счет?

— Зачем тебе Олег? Он не перенесет путешествия. Он же слабый.

Этого говорить не следовало. Мать поняла сама и взглянула на Олега, глазами умоляя его не обижаться.

— Я не обижаюсь, мам. Но я хочу идти. Может, хочу больше, чем все остальные. Дик бы даже с удовольствием остался. Сейчас олени кочевать начнут. Самая охота в степи.

— Он нужен в походе, — сказал старик. — Как бы я ни возмущался перспективами его власти, сегодня его умение, его сила могут нас спасти.

— Спасти! — Мать оторвала взгляд от Олега. — Ты талдычишь о спасении. А сам в него веришь? Три раза люди ходили в горы, сколько вернулось? С чем?

— Тогда мы были еще неопытны. Мы не знали здешних законов. Мы шли, когда на перевале был снег. Теперь мы знаем, что он тает только в конце лета. За любое знание приходится платить.

— Если бы те не погибли, мы бы жили лучше. Было бы больше кормильцев.

— Но все равно мы оказались бы во власти закона деградации. Или мы часть человечества и бережем его знания, или мы дикари.

— Ты идеалист, Боря, кусок хлеба сегодня нужнее абстрактных ананасов.

— Но ведь ты помнишь вкус ананаса? — Старый повернулся к Олегу и добавил: — Ананас — это тропический плод со специфическим вкусом.

— Я понял, — ответил Олег. — Смешное слово.

Глава 2

— Бумага, — повторил Старый. — Хоть десяток листов.

— Будет тебе бумага, — пообещал Томас.

Те, кому уходить, собрались у ворот в изгороди. Остальные пришли их проводить. Все делали вид, что поход самый обыкновенный, как за корнями к болоту, а прощались — как будто навсегда.

Те, кто уходил, были тепло одеты — одежду собирали по всему поселку. Тетя Луиза сама отбирала, ушивала, подгоняла. Наверное, Олег никогда не был так тепло одет. Только Дик ничего лишнего не взял. Он сам себе все шьет.

Дождь почти перестал, в лужах вокруг столбов плескались, пищали плавунцы. К хорошей погоде.

Томас посмотрел на плавунцов.

— Дождь перестает. Надо бы столбы укрепить.

— Не думай об этом, — ответила тетя Луиза, — без тебя справимся.

— А ты мне что принесешь, пап? — спросила рыжая Рут, дочка Томаса.

— Не надо, — отозвалась его жена Линда. — Не надо даже думать об этом. Главное, чтобы папа вернулся. Закутай горло, ты опять кашляешь.

— С перевала держи правее, — сказал Вайткус Томасу. — Помнишь?

— Помню, — улыбнулся Томас. — Как сейчас помню. Ты бы лег...

Мать держала Олега за руку, и он не смел вырвать руку, хотя ему казалось, что Дик чуть усмехается, глядя на него. Она хотела пойти с ними до кладбища, но Сергеев ее не пустил. Он никого не пустил, кроме Луизы со Старым.

Олег несколько раз оборачивался. Мать стояла, приподняв руку, словно хотела помахать вслед и забыла. Она старалась не плакать.

Над изгородью были видны головы взрослых. Мать, Эгли, Линда, Сергеев, Вайткус, а сквозь колючки, пониже, темнели фигуры ребятишек. Маленькая шеренга людей, за ними — покатые, блестящие под дождем розовые крыши маленькой кучки домиков.

С холма Олег обернулся в последний раз. Все так и стояли у изгороди, только кто-то из малышей отбежал в сторону и возился у лужи. Отсюда, сверху, была видна улица — дорожка между хижинами. И дверь дома Кристины. Какая-то женщина стояла в дверях. Но с холма не разберешь, Кристина или Лиз. А потом вершина холма скрыла поселок из виду.

Кладбище тоже было окружено изгородью. Дик, прежде чем отодвинуть калитку, заглянул внутрь, не таится ли там какой-нибудь зверь. Олег подумал, что он сам, наверное, забыл бы это сделать.

Странно, отметил он, что могил, придавленных плитами мягкого сланца, отломанного от близких скал, куда больше, чем людей в поселке. Хотя поселку всего шестнадцать лет. Отца здесь нет, он остался за перевалом.

Дик остановился перед двумя одинаковыми плитами, обтесанными аккуратнее прочих. Это его отец и мать.

Поднялся ветер, холодный и занудный. Старый медленно шел от могилы к могиле. Он всех их знал. Сколько их было шестнадцать лет назад? Кажется, тридцать шесть человек взрослых и четверо детей. А осталось? Девять взрослых и трое из тех детей, что пришли. Трое. Дик, Лиз и Олег. Марьяна родилась уже здесь. И еще живы двенадцать детей из тех, кто родился в поселке. Значит, семнадцать лет назад здесь было сорок человек, сейчас двадцать с хвостиком. Простая арифметика. Нет, не простая. Могил куда больше, это все малыши, которые умерли или погибли. Здешние.

Над ухом, словно подслушав его мысли, тетя Луиза сказала:

— Большинство умерло в первые пять лет.

— Конечно, — согласился Старый, — мы платили за опыт.

— Чудо, что все в первый год не умерли, — добавил Томас.

Они остановились перед плитами в центре кладбища. Плиты были неотесанные, грубые, кривые, они почти ушли в землю, и цепкие лапки мха заплели их, превратив в округлые холмики.

Олегу захотелось вернуться, чтобы еще раз увидеть поселок, он знал: мать стоит у изгороди и надеется, что он это сделает. Олег даже пошел к калитке в изгороди, но тут Томас сказал:

— Пора идти. Скоро начнет темнеть, а надо дойти до скал.

— Ой! — воскликнула Марьяна. Она быстро перебирала пальцами по мешку, висевшему через плечо.

— Забыла чего? — спросил Дик.

— Нет. Хотя забыла... Я на отца погляжу...

— Пошли, пошли, Марьяшка, — покачал головой Томас. — Чем скорее мы пойдем, тем скорее вернемся.

Олег увидел, что глаза Марьяны полны слез. Еще чуть-чуть — и выльются на щеки.

Марьяна отстала от остальных. Олег подошел к ней и сказал:

— Я тоже хотел вернуться. Ну, хоть бы с холма поглядеть.

Они шли рядом и молчали.

Шагах в тридцати от изгороди, где начинался коварный липкий кустарник, остановились.

Луиза всех поцеловала, Старый попрощался за руку. Последним с Олегом.

— Я очень на тебя надеюсь, — произнес он. — Больше, чем на Томаса. Томас заботится о благе поселка, о сегодняшнем дне. Ты должен думать о будущем. Ты меня понимаешь?

— Хорошо, — кивнул Олег, — а вы за мамой посмотрите, чтобы не скучала. Я принесу микроскоп.

— Спасибо. Возвращайтесь скорей.

Дик первым вошел в кустарник, легко и быстро отбрасывая концом копья легкие щупальца.

— Держитесь ближе ко мне, — велел он. — Пока они не опомнились.

Олег не оборачивался. Некогда было оборачиваться. Обернешься — ветка прилипнет к чеботу, потом не оторвешь, а оторвешь — три недели вонять будет. Отвратительный кустарник.

* * *

К сумеркам добрались до скал. Как Томас и рассчитывал.

Лес не доходил до скал, их алые зубы торчали из голой, покрытой пятнами лишайника долины, клочья облаков пролетали так низко, что острия скал вспарывали им животы и исчезали в сером мареве. Томас сказал, что пещера, в которой он ночевал в прошлый раз, сухая и добраться до нее легко. Все, кроме Дика, устали. А Дик, если и устал, об этом никому не говорил. Только скалил зубы.

— Тогда было холодней, — произнес Томас. — Мы тогда решили, что в холод легче перейти болота. А перевал был закрыт. Я помню, мы шли тут, и под ногами звенело — заморозки.

Между путниками и скалами лежало белесое круглое пятно метров двадцать в диаметре.

— Тут и звенело? — спросил Дик, который шел первым. Он резко остановился на краю пятна. Оно чуть поблескивало, как кора сосны.

— Да. — Томас остановился рядом с Диком.

Олег отстал. Он час назад взял у Марьяны мешок, чтобы не надорвалась. Марьяна не хотела отдавать, а Томас одобрил: «Правильно. Завтра я тебе помогу. Потом Дик». «Зачем помогать? — отозвался Дик. — Вынем ночью лишнее, разберем по мешкам, и всем незаметно, и Марьяшке легче. Надо было раньше подумать. Два месяца собирались, а не подумали».

«Интересно, а кому надо было думать? Ты такой же мыслитель, как и все», — заметил про себя Олег.

А тащить пришлось немало, хоть Дик и говорит, что можно не беспокоиться о еде, он прокормит. Все-таки взяли и вяленого мяса, и корней, и сушеных грибов, а главная тяжесть — сухие дрова, без них ни воды вскипятить, ни зверей отогнать.

— Знаете, на что это похоже? — сказала Марьяна, догнав мужчин. — На верхушку гриба. Громаднейшего гриба.

— Может быть, — ответил Дик. — Лучше мы обойдем его.

— Зачем? — спросил Олег. — По осыпи придется карабкаться.

— Я попробую, ладно? — Марьяна опустилась на колени, вытащила ножик.

— Ты что хочешь делать? — спросил Томас.

— Кусочек отрежу. И понюхаю. Если это съедобный гриб, представляешь, как здорово? Весь поселок накормить можно.

— Не стоит резать, — сказал Дик. — Не нравится мне твой гриб. И не гриб это вовсе.

Но Марьяна уже вогнала нож в край пятна. Отрезать не успела — еле успела подхватить нож. Белое пятно вдруг вспучилось, задергалось, ринувшись валом в сторону Марьяны. Дик резко рванул девушку на себя, и они покатились по камням. Томас отпрыгнул следом и поднял арбалет.

Дик, сидя на камнях, расхохотался:

— Чтобы его убить, надо стрелу с дерево или больше!

— Я же говорила, что гриб, — произнесла Марьяна. — Ты зря испугался, Дик. Он пахнет, как гриб.

Судороги волнами прокатились по белому пятну, зарождаясь в центре и разбегаясь по краям, будто круги по воде от камня. А центр гриба все поднимался и поднимался, словно кто-то хотел вырваться наружу, тыкался головой. Потом от центра побежали в стороны темные трещинки, они расширялись, и получались огромные лепестки остриями к центру. Лепестки стали подниматься вверх и заворачиваться назад, пока не получился цветок.

— Это красиво, — сказала Марьяна, — это просто красиво, правда?

— А ты хотел по нему гулять, — напомнил Дик Олегу голосом старшего, хотя они ровесники.

Томас закинул арбалет на спину, подобрал Марьянин нож.

— Естествоиспытателям полезно сперва думать, а потом испытывать.

— Он ничего не может с нами сделать, — отозвалась Марьяна. — Он показывает, какой он красивый!

— Если только в нем никто не прячется, — добавил Дик. — Ну, пошли? А то стемнеет, пещеры не найдем. Все планы насмарку. Специально же вышли так, чтобы переночевать в знакомом месте.

Они обошли пятно по каменной осыпи. Сверху Олег попытался заглянуть в сердцевину цветка, но там было темно. И пусто. Лепестки постепенно сближались вновь, гриб-гигант успокаивался.

— Как мы его назовем? — спросила Марьяна.

— Мухомор, — предложил Томас.

— А мухомор — это гриб?

— Мухомор наверняка гриб, — кивнул Томас. — Ядовитый и большой. С красной шляпкой, а по красной шляпке белые пятна.

— Не очень похоже, — сказал Дик.

— Но красиво звучит, — произнесла Марьяна.

Давно уже так пошло, что названия неизвестным вещам давал Томас. Давал знакомые, не всегда совпадающие. Зачем придумывать новые? Был бы схожий признак. Грибы растут в земле, и их можно сушить. Значит, круглые оранжевые или синие шары, что закапываются в землю, но которые можно, если как следует вымочишь, сушить, варить, жарить и есть, назовем грибами. Шакалы ходят стаями, питаются падалью, трусливы и жадны. И не важно, что здесь шакалы — пресмыкающиеся. У медведя шерсть длинная, мохнатая, а сам большой... Хоть шерсть его — побеги перекатиполя, схожие с зеленоватыми волосками.

Олег запыхался, пока они пробирались по осыпи. Камни катились из-под ног, Марьянин мешок оттягивал руку, свой давил на плечи. Олег считал шаги. Где же эта чертова пещера? Воздух начал синеть, и без того день был пасмурным, а теперь уже в десятке шагов предметы расплывались, от земли поднимался серый туман, пора прятаться, ночью даже Дик не рискнет пойти в лес. В темноте появляются ночные твари. Если выйдешь ночью за изгородь, не вернешься. А здесь, вдали от поселка... Олег обернулся... Ему показалось, что за ним кто-то идет. Нет, только туман. Он не заметил, что прибавил шагу, — тут же обернулся Томас, негромко прикрикнул:

— На меня не налетай, сшибешь. Держи дистанцию.

И все-таки Олег никак не мог отделаться от ощущения, что кто-то идет сзади.

Спина Томаса исчезла — Томас обогнал Марьяну. Теперь впереди идет Марьяшка. У нее узкая спина, даже в теплой куртке узкая. Марьяна спотыкается, она в сумерках плохо видит. Эгли сказала — куриная слепота, но не стандартная, а эндемичная. «Эндемичная... то есть свойственная данной местности», — прозвучал в ушах голос Старого, как будто тот был рядом.

— Хочешь, тебя за руку возьму? — спросил Олег.

Они вдвоем шли по болоту в тумане, утопая в нем по колени.

— Нет, — ответила Марьяна, — спасибо.

— Стойте! — Голос Дика донесся глухо, издалека. — Скалы.

* * *

Хорошо, что пещеру никто не занял. В ней мог бы прятаться медведь или кто похуже из тех сумеречных и ночных тварей, которые призраками ходят вокруг изгороди и даже иногда шатают ее, тянутся к человеческому жилью и боятся его. Как-то Марьяна притащила из леса козленка, маленького еще, по пояс. У него был занудный голос, хуже, чем у близнецов, зеленая трава волосами свисала до земли, он топотал покрытыми роговыми пластинами ногами и вопил.

«Блеет, — сказал тогда с удовлетворением Вайткус. — Обожаю голоса домашних животных».

«Значит, будет козлом», — решил Томас.

Козел дожил в поселке до зимы, когда ночь тянется почти без перерыва. Он привык к людям, почти не кусался, торчал все время в мастерской Сергеева, там было тепло. В мастерской Сергеев делал мебель и вырезал посуду. Олег любил ему помогать, ему нравилось делать руками вещи. А потом пришли ночные твари. И увели козла с собой. Марьяна нашла несколько клочков зеленой шерсти за кладбищем, но это уже было весной. Она могла ошибиться.

Вайткус тогда произнес: «Развитие животноводства отложим на будущее».

«Тем более, — добавила Эгли, — что от него пользы — как от козла молока».

У пещеры был один недостаток — широкий вход. Поперек входа натянули палатку из рыбьих шкур, зажгли костер — ночные твари не любят огня. В пещере было почти тепло, и Олег с наслаждением растянулся на гладком каменном полу. Марьяна рядом.

— Как я устала, — вздохнула она. — И страшно было.

— Мне тоже, — добавил Олег тихо. — Мне казалось, что кто-то идет сзади.

— Хорошо, что я не знала, — сказала Марьяна.

Дик раскалывал чурбачки. Они взяли с собой самые хорошие дрова — которые медленно горят. Томас раскрыл мешок с сушеными грибами, достал котелок на треноге.

— Олег, — попросил он, — подай воду.

Вода была у Олега в мешке, в сосуде из тыквы. Томасу всего-то надо было сделать два шага и взять воду самому. Олег понял, что Томас говорит в воспитательных целях. Не хочет приказывать Олегу, чтобы тот встал и занялся каким-нибудь делом. А разве он не работал — палатку вместе повесили, костер горит. «В следующий раз, если меньше устану, займусь хозяйством, ведь я Марьянин мешок волочил...»

Но Олег ничего, конечно, вслух не сказал. И не успел подняться, как Дик протянул длинную руку и подвинул мешок Олега Томасу.

— Пускай отдыхает, — произнес он без всякого чувства, равнодушно. — Он уморился. Два мешка тащил.

— Пускай полежит, — согласился Томас.

Олег сел.

— А что нужно делать? — спросил он. — Когда нужно, я всегда делаю.

— Погодите, Томас, — сказала Марьяна, — я сама кипяток заправлю. Вы не знаете, сколько грибов класть.

— У меня было чувство, — бросил Дик, — что за нами кто-то шел.

— И у тебя? — отозвался Олег.

И тут они услышали чьи-то тяжелые шаги у входа. Дик метнулся к арбалету. Томас наклонился к костру, готовый схватить полено. Шаги умолкли. Стало очень тихо. Слышно лишь, как редкие капли дождя срываются с козырька над входом в пещеру.

— Мы вовремя успели, — сказала Марьяна.

— Тише.

Но за блестящим пологом из рыбьих шкур, на котором метались отсветы пламени, ничего не было слышно.

Дик, держа копье наготове, подошел к пологу, осторожно отодвинул угол, выглянул.

Олег смотрел на его широкую напряженную спину и ждал. Надо было взять копье... Но ведь это дело Дика. Несправедливость такой мысли была очевидна Олегу, но можно было утешить себя тем, что его дело в другом. Он должен увидеть то, что неинтересно видеть остальным. Старик надеется на него...

Марьяна возилась у костра, разбирая грибы и сушеные соленые ягоды, она их всегда варила отдельно, а потом смешивала. Она стояла на коленях, рукава куртки закатаны, тонкие руки в ссадинах и шрамах. Олег подумал, что руки Марьяны красивые, а шрамы — это пустяки, у всех шрамы.

Томас тоже смотрел на быстрые руки Марьяны, смотрел, как девушка углубилась в священнодействие, которое для него, пришельца на этой планете, не имело смысла, видел шрамы на ее руках — цену, которую лес взял за учение, и думал о пропасти, что поселок роет между ним и этими подростками, которые сейчас отлично заснут на каменном полу, не прикрывшись и не чувствуя влажного, промозглого холода, а запах этих растительных каракатиц, которые они называют грибами, им не противен, они с этим запахом свыклись... впрочем, здесь дети пахнут иначе, чем дома. Даже свои дети. И Рут в собственные восемь лет, попади в лес, может, и не пропадет, по крайней мере, не умрет с голоду. Лес хоть и опасное, коварное место, но свое. И если он, Томас Хинд, в этом лесу человек, то они оленята, зайцы и даже волчата — не самые сильные, но хитрее многих, не пропадут.

Марьяна надкусила сомнительный гриб, пискнула, отбросила его в угол. А на вид гриб как гриб...

Снова кто-то тяжело прошел, чуть не коснувшись полупрозрачной занавески. «Чертовы призраки тьмы. Ходят слоны, не удивлюсь, если ядовитые... Ребята устали, но у Дика такой вид,

будто он сейчас готов гоняться за шакалами по чаще. Олег, конечно, послабее. Парень неглупый...»

Занавес колыхнулся, ночной гость, видно, решил сорвать его. Томас поднял головешку и опередил Дика, выглянул в сумерки, в туман. Темная тень отплыла вдаль, растворилась в сером тумане, словно шутник утянул к себе воздушный шар.

— Не знаю, — произнес Томас, — я такого раньше не видел.

— Придется дежурить у костра, — решил Дик.

— Я совсем не хочу спать, — сказал Олег.

— Сейчас бы хороший пистолет, — вздохнул Томас.

— Через пять минут будет суп, — предупредила Марьяна. — Вкусный суп. Тетя Луиза нам все лучшие грибы отобрала, постаралась.

Далеко-далеко что-то чавкнуло, ухнуло. Потом раздался легкий топот многочисленных ног и блеяние. В несколько голосов.

Марьяна вскочила на ноги.

— Козлы!

— Твоего уже съели, — бросил Дик. — Кто же их гонит?

— Ядовитый слон, — неожиданно для самого себя сообщил Томас.

— Кто? — удивилась Марьяна.

Дик засмеялся.

— Так и будем звать.

Блеяние перешло в высокий крик, так кричит ребенок. Потом все стихло. И снова топот.

— Я думаю, их выпускает белый гриб, — заметил Олег.

— Кого? — спросил Дик.

— Ядовитых слонов.

— Это злые духи, Кристина рассказывала, — произнесла Марьяна.

— Злых духов нет, — ответил Олег.

— А ты в лес подальше заберись, — предложил Дик.

— Помолчите, — одернул их Томас.

Совсем близко промчались козлы. Следом, мягко и редко ступая, двигался преследователь. Люди отодвинулись за костер, оставив огонь между собой и занавеской. Незнакомые твари страшны, потому что не знаешь их повадок.

Занавеска рванулась в сторону, распоролась наискосок, и в пещеру ворвалось зеленое волосатое существо, ростом с человека, но круглое, на четырех ногах, с костистым гребнем вдоль спины, торчащим из шерсти, как цепь крутых холмов из леса.

Зверь быстро и мелко дрожал. Его маленькие красные глаза смотрели бессмысленно и обреченно.

Дик прицелился из арбалета, стараясь бить наверняка.

— Стой! — закричала Марьяна. — Это же козел!

— Правильно, — прошептал Дик, не двигаясь с места и даже не шевеля губами, — это мясо.

Но Марьяна уже шла к козлу, обходя костер.

— Погоди, — постарался остановить ее Томас.

Марьяна стряхнула его руку.

— Это мой козел, — сказала она.

— Твой давно уже помер, — заверил ее Дик, но его рука с арбалетом опустилась: мясо у них еще было, а убивать просто так Дик не любил. Охотники убивают столько, сколько можно унести.

Козел попятился. И замер. Видно, то, что подстерегало снаружи, было страшнее Марьяны. Марьяна наклонилась, быстро подхватила из мешка вкусный сушеный гриб и протянула козлу. Тот вздохнул, понюхал, распахнул бегемотью пасть и послушно схрупал подарок.

* * *

Первым дежурил Олег. Козел не уходил. Он отступил к стене, будто старался влиться в нее, смотрел одним глазом на Олега и иногда шумно вздыхал. Потом начинал чесаться о стену.

— Блох напустишь, — кинул Олег. — Стой смирно, а то выгоню.

Внимательный, немигающий взгляд козла создавал впечатление, что тот слушает и понимает, но на самом деле козел прислушивался к тому, что происходило снаружи.

Глядя на догорающий костер, Олег незаметно задремал. Ему казалось, что он не спит, а видит, как взлетают над головешками синие искры и танцуют парами, сплетаются в хоровод. Козел ахнул и заблеял, застучал копытами. Олег вскинулся, не сразу сообразил, где он, и только через секунду-другую понял, что козла на старом месте нет — он отпрыгнул в глубь пещеры, а в дыру в занавесе лезет серая пупырчатая масса, медленно, тестом вваливаясь в пещеру. В массе было какое-то тупое любопытство, неспешность, упорство, а козел отчаянно блеял, умоляя его спасти, — видно, решил, что тесто пришло специально за ним. Олег почему-то успел подумать, что для ночного призрака эта масса слишком некрасива, он шарил рукой по камням и никак не мог найти арбалет, а отвести взгляд от надвигающейся близкой массы, которая испускала удушающий кислотный запах, он не мог. И потому видел, как в боку твари вдруг возникла оперенная стрела арбалета и ушла до половины в тесто, провалилась в него, и тут же легко и быстро тесто подобралось, съежилось и исчезло, края разрыва занавески сошлись, и она лениво заколыхалась.

Олег наконец-то смог опустить взгляд. Его арбалет лежал в

двух сантиметрах от растопыренных пальцев. Дик сидел на полу, подтянутый, свежий, будто и не ложился спать. Он опустил арбалет и произнес:

— Может, не стоило мне стрелять. Подождал бы.

— Чего же стрелял? — спросила Марьяна. Она, не вставая, протянула руку, погладила тонкие, покрытые роговыми пластинками ноги козла, который всхлипывал по-детски, жалуясь Марьяне на свой страх.

— Олег окаменел, а эта штука уже к нему подбиралась, — сказал Дик без желания упрекнуть или обидеть Олега, сказал, как думал. Он всегда говорил, как думал. — Не было времени головешку выбирать.

— Задремал? — спросил Томас Олега.

Томас лежал, положив под голову мешок с сушеным мясом и закутавшись в одеяло. Ему было холодно, холоднее всех, он никак не мог привыкнуть к холоду. «Ему будет труднее всех, когда станет холодно в самом деле», — подумал Олег. И признался:

— Задремал. Сам не заметил. Меня козел разбудил.

— Молодец, козлик, — похвалила Марьяна.

— Хорошо, что разбудил, — сказал Дик, укладываясь на бок. Его ладонь лежала на рукояти арбалета, выточенной точно и красиво, сам делал. — Сожрали бы нас...

И он заснул, не кончив фразы.

Томасу не хотелось спать. Он встал, сменил Олега, тот чуть поспорил, но согласился, у него глаза слипались — сразу растянулся на полу. Томас накинул на плечи одеяло. Хорошо бы подкинуть дров, но дрова надо беречь, их не так много, а будет холодно. Он вспомнил, как было холодно, когда они в первый раз шли к перевалу, — смертельно и безнадежно холодно. Дальше всего они прошли во второй раз. Правда, и вернулись из того похода только двое: он и Вайткус.

Томас поглядел на ребят. Почему они не чувствуют, что на камнях спать жестко и холодно? Это естественные дикари, глядящие на него, старика, с вежливым снисхождением аборигенов. Как бы ни пугал их Борис, они с каждым годом все лучше вживаются в этот мир мокрого леса и серых облаков. А Борис прав и не прав. Он прав, что переход в дикость неизбежен. Томас видит его и в собственной дочери, и в других малышах. Но, очевидно, это и есть единственный выход, единственная возможность спастись. А перевал — тот символ, в который уже никто не верит, но от которого трудно отказаться.

Козел переступил ногами, постучал копытами о камень. Дик открыл глаза, не двигаясь, прислушался, снова заснул. Марьяна во сне подкатилась к Олегу под бок и положила голову ему на

плечо. Так уютнее. Далеко в лесу что-то ухнуло, и прокатился медленный затихающий рокот. Томас выбрал полешко потоньше и положил в костер.

* * *

Когда рассвело и в разрыв занавески полился голубой туман, вдали, в лесу, затрещали, приветствуя новый день, попрыгунчики. Дик, который дежурил у погасшего костра и стругал древки для арбалетных стрел, сложил аккуратно древки в мешок и спокойно заснул. Поэтому никто не видел, как козел ушел из пещеры. Марьяна, проснувшись, расстроилась, выскочила наружу, обежала скалы вокруг — нигде никаких следов козла.

— Я его ненавижу, — произнесла она, вернувшись.

— За то, что он не сказал тебе спасибо? — спросил Олег.

— Ему лучше с нами, безопаснее.

— Зря я его на рассвете не пристрелил, — пожалел Дик. — Я думал это сделать, но потом решил, что лучше днем.

— Так нечестно, — сказала Марьяна, — он же нас ночью спас.

— Одно к другому не имеет отношения. Разве непонятно? К тому же козел думал только о собственной шкуре.

Олег взял кожаное ведро, пошел поискать воды.

— Копье не забудь, — напомнила Марьяна.

— И не отходи далеко, — предупредил Томас.

— Не маленький, — отмахнулся Олег, но копье взял.

Туман еще не растаял, прятался в низинах, облака опускались к самой земле, и кое-где между ними и подушками тумана возникали перемычки, будто облака, пролетая, тянули руки к туману, зовя с собой. Но туман хотел спать и не любил летать по небу. Олег подумал, что согласился бы полететь с облаками вместо тумана на юг, к большим лесам, к морю, куда ходили в прошлом году Сергеев с Вайткусом и Диком. С ними еще ходил Познанский, но не вернулся. Они не смогли пройти далеко и моря так и не увидели, потому что леса там велики, полны хищных лиан, зверья и ядовитых гадов, и чем теплее, тем больше там существ, опасных для человека. Но если лететь, то можно промчаться над вершинами деревьев и над морем, как обычные птицы, которые иногда тенями возникают в облаках в хорошую погоду, но никогда не садятся на землю.

Люди умеют летать, разумеется, умеют куда быстрее, чем облака. Но в поселке все приходится начинать сначала. И это нелегко, потому что нет инструментов и времени. Олег хотел сделать воздушный шар, но для воздушного шара нужно очень много рыбьих шкур, и нитей, и иголок, а никто, кроме малышей и старика, не хотел ему помогать.

«Это неплохая абстрактная идея, — оценил тогда Сергеев. — Лет через сто мы с тобой обязательно этим займемся».

А Старый ответил: «Лет через сто мы все об этой идее благополучно забудем. Придумаем себе богов, которые живут в облаках и не велят нам, смертным, к ним приближаться».

С воздушным шаром ничего не вышло.

Олег пошел вниз, под уклон, ему показалось, что там журчит вода. В таких местах могут быть источники, ключи. Потом он вышел к каменной осыпи, за которой из земли торчала верхушка громадного гриба, что вчера вечером раскрывал свой зев. Шапка тумана сползла с белого круга, и Олег увидел, как медленно лепестками раскрывается центр гриба, а из тумана по ту сторону долинки выкатываются один за другим торжественно, держа правильные интервалы, серые, чуть темнее гриба, ноздреватые, мягкие на вид шары. Один, два, три, четыре... Так вот кто был ночным гостем, ядовитым слоном, куском теста...

— Охотники возвращаются домой, — сказал Олег тихо и вдруг понял, что шары катятся в его сторону, и катятся куда быстрее, чем кажется от равномерности их движения.

Олег начал отступать, а шары один за другим вкатились на упругую поверхность гриба и направились к центру, к разверстым лепесткам. Вот первый шар, мягко раздвинув их, ухнул внутрь, за ним второй, третий; четвертый задержался на секунду, словно проверял, все ли в порядке в дневном мире.

И исчез. И лепестки медленно, удовлетворенно сошлись в центре, поверхность гриба разгладилась, и он стал подобен замерзшему озерцу.

Олег поежился. С запада, куда лежал путь, вдруг примчался ледяной ветер, обжег лицо и руки. Напомнил о том, что их ждет. Но не этого вдруг испугался Олег, а того, что они не смогут преодолеть перевал, как не удалось это сделать в прошлых походах. Дик только порадуется — он сможет вернуться в свою любимую степь. Марьяна утешится, найдя новые травы и грибы. Томас привык к несчастьям и не верит в удачу. Плохо будет только Олегу. И Старому.

* * *

Весь день они шли по открытой местности, лишь иногда встречая заросли невысокого кустарника. В этих местах было пустынно, но идти легко, и они даже не очень устали. Томас говорил, что время угадали верно. Лето в этом году было теплое, в прошлый раз здесь уже лежал снег. Дику было скучно, он как попрыгунчик убегал в сторону, появляясь через полчаса без добычи, разочарованный.

Козлу повезло, что он вернулся как раз в одну из отлучек Дика. Иначе, решил Олег, Дик бы его обязательно пристрелил. Это был тот же самый козел. Он с шумом выскочил из зарослей — люди встретили его, ощетинившись арбалетами. Но узнали еще издали. Волосатая громадина, выше Олега в гребне, шумно обрадовалась, что встретила приятелей. Козел пробежал мимо, подкидывая тяжелый зад, гремя пластинами на спине и оглушительно блея.

Больше козел от них не отходил. Он и Дику обрадовался, почуяв его приближение за километр, а потом влез в середину отряда, не желая идти сбоку или последним, и путался под ногами. Олегу все казалось, что козел наступит ему на ногу острым копытом, но зверь оказался деликатнее, чем при первом знакомстве.

Чутье и слух у него были замечательные. Он чувствовал присутствие живых существ за много километров, и к вечеру Марьяна уже уверяла, что понимает смысл его звуков: когда козел утверждает, что впереди поляна со вкусными грибами, а когда надо смотреть под ноги — там ползают хищные лианы.

Остановились на ночлег задолго до темноты. Дальше начинался подъем, и Томас сказал, что надо будет с утра отыскать устье ручья и подниматься по его долине, которая потом сузится, станет ущельем, и вот по этому ущелью придется идти не меньше двух дней.

Никакой пещеры или другого укрытия здесь не было, спали в палатке, что козлу не очень понравилось, и хоть опасности той ночью не было, козел все равно требовал, чтобы его пустили в тепло, и в конце концов навалился на палатку, его все ругали, но терпели, потому что можно было не выставлять охрану — ясно уже было, что, если придет нежелательный гость, козел подымет такой шум, что всех разбудит.

* * *

К утру Олег замерз. Проснуться не было сил, во сне казалось, что его окунают в ледяное болото и выбраться он не может. Его начало колотить. Потом вдруг стало теплее. И Олег заснул спокойней, проснулся оттого, что козел решил забраться повыше на палатку. Олег подтянул ногу, открыл глаза и увидел, что Томас ночью поменялся с ним местами, лег с краю. Томас был бел от холода, он лежал, стиснув зубы, закрыв глаза, и делал вид, что спит. Олегу стало стыдно. Еще в деревне договорились, что, когда станет совсем холодно, Томаса надо беречь. У него слабые легкие, и он плохо переносит мороз, ребятам проще, они здоровые и привыкшие.

— Томас, — тихо позвал Олег, — я согрелся. Давайте меняться.

— Нет, не надо, — прошептал Томас, но губы плохо слушались.

Олег перелез через него. Рыбья кожа палатки пропускала мороз, в эту ночь под одеялами спали все, даже Дик, который утверждает, что может спать и на снегу.

— Спасибо, — произнес Томас. Его била дрожь.

Проснулась Марьяна. Она сразу все поняла.

— Я согрею воды, — решила она и начала шуршать, развязывая мешки.

Козел, сообразив, что люди проснулись, вскочил, затопотал вокруг, призывно заблеял, видно, соскучился за ночь. Дик бросил свое одеяло Томасу и быстро вылез наружу.

— Главное, — крикнул он снаружи, — двигаться! Поглядите, как здорово!

Олег заставил себя вылезти вслед за Диком.

Долина, до края которой они дошли вечером, была покрыта снегом. Снег выпал за ночь. Он был бел и чист, куда светлее облаков, которые по контрасту казались совсем фиолетовыми. Козел стоял неподалеку и выгрызал из шерсти льдинки. Белое пятно долины упиралось в крутой откос плоскогорья. Кусты, росшие на склоне, медленно шевелили ветвями, поднимая вокруг себя облачка снега.

Дик был недоволен тем, что дрова тратятся быстрее, чем рассчитывали, но сказал об этом только Олегу и тихо, когда они отошли подальше от грязного холмика палатки.

— Не надо было Томаса брать, — сказал он. — Будет болеть.

— Без него нам трудно пройти перевал.

— С ним еще труднее, — ответил Дик, пуская стрелу арбалета в темную нишу в скале. Олег ничего там не увидел, но в нише заклубился снег, оттуда вылетел заяц и большими прыжками, закинув хоботок на спину, помчался прочь. В следах его темнели капли крови.

— Я пойду подберу его, — сказал Дик. Он остался при своем мнении.

С Диком трудно спорить, потому что, когда он уверен, спора не продолжает, а просто уходит. А самые нужные слова появляются потом, и получается, что Дик берет верх, даже если не прав.

«Как же мы дойдем без Томаса? — мысленно продолжал разговор с Диком Олег. — Ведь главное даже не дорога, главное — как себя вести дальше. Ведь мы же дикари, которые никогда не видели велосипеда, и поэтому мы не знаем, велосипед это или паровоз. Дику кажется, будто он знает все, что может понадобиться человеку в поселке или в лесу. Может, он боится оказаться в ином мире, где он не сильнее всех, не быстрее всех?»

Марьяна разожгла костер. Козел уже привык к огню и решил,

что огонь ему ничем не угрожает, поэтому тут же полез в костер, и Марьяна крикнула Олегу, чтобы он оттащил это проклятое животное. Оттащить взрослого козла — дело почти невыполнимое, но Олег старался. Он исколотил козла рукоятью ножа, хотя тот, видно, решил, что его гладят, и восторженно взвизгивал.

Томас быстро ходил по снегу, чтобы согреться, он кутался в одеяло и горбился, и Олегу показался старым человеком, хотя он знал, что Томасу сорок лет. Эгли как-то говорила, что процессы старения в поселке почему-то происходят активнее, а тетя Луиза сказала тогда, что на такой диете всем давно пора загнуться. У всех бесконечные гастриты, аллергия, у старшего поколения почки никуда не годятся. Правда, дети были сравнительно здоровы. И поселку повезло, что большинство местных микробов к человеческому метаболизму не приспособилось. Еще не приспособилось, добавила тогда тетя Луиза.

— Жалко, здесь нет болота, — сказала Марьяна. — Я бы вам нарвала травы, я знаю какой.

— А почему не нарвала заранее? — спросил Олег.

Марьяна лучше всех в деревне разбиралась в травах.

— Странный ты, — удивилась Марьяна. — Эту траву надо сразу есть, пока свежая, как ее сохранишь?

Ей всегда казалось странным, что другие не знают того, что знает она.

— Олежка, — позвал Томас, — подойди ко мне.

Томас опустился на палатку и поморщился.

— Опять спина болит, — сообщил он, — прострел.

— Я вам потом потру, — пообещала Марьяна.

— Спасибо, не помогает, — улыбнулся Томас. Он был похож на ворону, как рисовал ее на уроках биологии Старый. Темная птица с крупным заостренным носом. — Слушай, ты помнишь, где я карту прячу? Мало ли что может со мной случиться.

— Ничего не случится, — заверил Олег. — Мы же вместе идем.

— И все-таки рисковать не будем. Ты разберешься в карте?

Карта была нарисована на кусочке бумаги — самой большой ценности в поселке. Олег всегда испытывал к бумаге особенное чувство. Бумага, даже чистый листок, была колдовским образом связана со знанием. Она и была создана, чтобы выразить знание. Бумага была как бы проявлением божества.

Томас, заходясь временами в кашле, заставил Олега показывать по карте путь к перевалу. Маршрут был знаком, они уже мысленно проходили его с Вайткусом и Старым, только, правда, в поселке ощутить суть пути, расстояние, холод было невозможно — в доме тепло, уютно горят светильники, за стеной шелестит дождик...

Дик принес зайца. Козел почему-то испугался безжизненной тушки, умчался к откосу и стоял там, сокрушенно тряся головой.

— Чует, что его ждет, — отметил Дик. Он бросил зайца на камни. — Давайте сейчас его съедим, веселее идти будет. И Томасу полезно. Правда, еще полезней горячей крови напиться, я всегда на охоте так делаю. Но ты ведь, Томас, не будешь?

Томас отрицательно покачал головой.

— Что делаете? Карту смотрите? — спросил Дик.

— Томас просил повторить на случай, если с ним что-то произойдет.

— Чепуха, — отрезал Дик, садясь на корточки и начиная ловко разделывать тушку зайца, — ты еще можешь идти. А плохо будет, вернемся.

Олег понимал, что Дик не хочет обидеть Томаса. Дик с самого начала считал, что Томас может не дойти.

— Ничего, — произнес Томас, который ничем не показал, что ему неприятен равнодушный тон Дика, — лучше подстраховаться.

Когда они пили чай — кипяток с корешками, козел подошел ближе, но не с той стороны, где Дик кинул шкуру зайца, а с другой, как бы отгородившись от шкурки костром и палаткой. Он тяжело вздыхал, и Марьяна кинула ему несколько сушеных грибов.

— Вот это лишнее, — покачал головой Дик. — Грибы нужны нам самим. Может так случиться, что мы ничего не найдем. Как обратно идти?

— Там, за перевалом, есть пища, — напомнил Томас.

— Мы не знаем, есть или уже нет, — ответил Дик. — Глупо погибать от голода. А в морозы лучше много есть.

— В крайнем случае съедим козла, — сказал Олег.

— Почему в крайнем? — спросил Дик. — Мы его обязательно съедим. И скоро. А то еще сбежит.

— И не думай, — велела Марьяна, — не надо.

— Почему? — удивился Дик.

— Потому что козел хороший. Он вернется с нами в поселок. И будет жить. Нам пора иметь своих животных.

— Я тебе таких козлов тысячу притащу, — пообещал Дик.

— Неправда, ты только хвастаешься. Не приведешь. Их не так много в лесу. И если он не захочет, ты его никак не притащишь.

— Возьму тебя с собой, ты умеешь со зверями разговаривать. — И Дик стал резать зайца на равные доли, всем поровну.

— Я не дам убивать, — предупредила Марьяна. — У нее будут маленькие.

— У кого? — спросил Олег.

— У козла, — сказала Марьяна, — у козлихи.

— Так это коза? — спросил Томас.

— Да, козлиха, коза. Я знаю.

— Марьяна права, пускай коза живет, — решил Томас. — Полезно думать о том, что будет завтра.

— И еще надо думать, чтобы не умереть сегодня, — бросил Дик.

— Козу будем подкармливать, — произнесла Марьяна.

— И не вздумай, — отрезал Дик.

— Я свое буду отдавать. — Марьяна упрямо глядела на Дика, острый подбородок вперед.

Дик склонил голову, разглядывая девушку, как незнакомую зверюшку.

Томас поднялся первым и пошел складывать палатку. Его трясло.

— Может, вернешься? — спросил его Дик.

— Поздно. Я пойду.

— Подумай, — рассердилась Марьяна, рассерженная на Дика, — как ты можешь говорить! Томасу одному до поселка не дойти.

— Олег с ним может вернуться.

Это Дик сказал просто так, чтобы оставить за собой последнее слово.

— Пора идти, — закончил спор Томас. — Если сегодня будем идти хорошо, может, выйдем на плоскогорье. В прошлый раз мы увязли в этом ущелье. Снег был по пояс. И метель.

Томас пошел впереди по широкому ложу ручья, который при больших дождях, наверное, превращался в поток, а сейчас лишь чуть-чуть журчал по камням, отламывая наросшие за ночь у берегов льдинки.

Коза сначала бросилась вперед, словно показывала дорогу, а потом раздумала, остановилась. Дик погрозил ей пальцем, но тут коза вздохнула и побрела за людьми, хотя порой останавливалась и занудно вопила, уговаривая вернуться.

Чуть потеплело, снег под ногами начал таять, было скользко, за день пришлось раз десять перейти ручей, который вился по долинке, кидаясь от откоса к откосу, и ноги у всех закоченели.

* * *

Весь следующий день долинка, по которой стекал ручей, постепенно сужалась, каменные темные стены становились круче и сходились все ближе, пряча ручей в вечную тень. Шум его стал мрачным, он отражался от стен, как в бочке. Было неуютно и страшно — никто из них, кроме Томаса, не был раньше в горах, даже Дик потерял всегдашнюю уверенность в себе, не убегал впе-

ред, все время поглядывал вверх, словно боялся, что на голову упадет камень, и часто спрашивал Томаса:

— Ну, скоро? Скоро выйдем?

— К вечеру выйдем, — отвечал Томас.

Томас, как и все, согрелся, даже вспотел, почти не кашлял и шел быстрее, чем вчера. Только иногда хватался за бок.

— Вы узнаете места? — спросила Марьяна.

Она шла сзади, подгоняя козу, которой все это путешествие окончательно надоело и которая часто останавливалась, оглядывалась, будто умоляя Марьяну отпустить ее обратно в лес, на простор.

— Как тебе сказать, — отозвался Томас. — В прошлый раз мы сюда уже не добрались. А когда шли с перевала шестнадцать лет назад, здесь был снег, дни были короткие, и мы почти не смотрели по сторонам. Мы тогда обрели надежду, впервые обрели надежду, но очень устали. Путь отсюда до поселка занял больше недели.

Дик, шедший впереди, вдруг замер, поднял руку.

Все остановились. Даже коза остановилась, будто поняла приказ.

Дик с арбалетом наготове медленно пошел вперед. Нагнулся.

— Глядите! — крикнул он. — Они в самом деле здесь шли.

За большим камнем, поблескивая тускло и отражаясь в бочажке ручья, лежала чудесная вещь. Она была сделана из белого металла и похожа на сплюснутый шар с белым наростом сверху. К этой вещи был прикреплен ремень, так что ее можно было носить через плечо.

Дик поднял вещь и сказал:

— На нее, наверное, упал камень.

— Нет, не камень. Так надо, — произнес Томас, подходя к Дику и забирая у него вещь. — Здесь был привал. И кто-то... Вайткус! Это фляга Вайткуса. Вот он обрадуется, когда мы ему ее принесем!

— Это называется «фляга»? — спросила Марьяна.

Томас поболтал вещью в воздухе, и все услышали, что внутри плещется вода.

— Удобная вещь, — определил Дик.

— Ее специально сделали плоской, — объяснил Томас, осторожно отвинчивая крышку, — чтобы удобнее носить на боку.

— Красивая, — сказала Марьяна.

— Я буду ходить с ней на охоту, — решил Дик. — Вайткусу она не нужна. Он все равно болеет.

Томас поднес флягу к носу и понюхал.

— Черт возьми! — воскликнул он. — С ума можно сойти.

— Что случилось? — спросил Олег. Ему хотелось подержать флягу.

— Ребята, да это же коньяк! Вы понимаете, это коньяк!

Коза отошла в сторону и удивленно заблеяла, подзывая к себе.

Олег подошел к ней. В углублении за каменной россыпью лежали грудой металлические банки — такого сокровища видеть ему не приходилось.

— Томас! — позвал он. — Посмотрите, что вы еще забыли!

— Не забыли, — сказал Томас. — Понимаешь, мы тогда поверили, что выйдем к лесу, и в последний раз поели. Это консервные банки, понимаешь? Это ненужные консервные банки.

— Ненужные?

— Тогда они казались нам ненужными. — Томас снова поднес к носу флягу и принюхался. — Я сойду с ума. Это мне снится.

— Значит, правда, — сказал Дик, — что вы здесь шли. Я иногда думал, что поселок был всегда.

— Знаешь, я сам так иногда думаю, — улыбнулся Томас.

Он отпил немного из фляги. Один глоток, и зажмурился.

— Буду жить, — произнес он. Закашлялся, но не перестал улыбаться.

Марьяна собирала консервные банки и складывала их в мешок. Коза часто вздыхала, охала, ей банки не нравились. Они были чужими.

— Да не надо их тащить, — засмеялся Томас. — Не надо! Это же пустые банки. Если нужно, ты возьмешь их тысячу. Понимаешь?

— Не знаю, — трезво возразила Марьяна. — А если не найдем ничего, они там тоже пригодятся. Не с пустыми руками вернемся. Из этих банок отец много всего сделает.

— Тогда заберешь на обратном пути, — предложил Олег. Ему хотелось попробовать коньяк, который так обрадовал Томаса.

— А если их возьмут? — спросила Марьяна.

— Кто возьмет? — спросил Томас. — За шестнадцать лет никто не взял. Козлам банки не нужны.

Но Марьяна собрала все банки, даже дырявые.

Дик сказал:

— Дай попробовать, Томас. Из фляги.

— Тебе не понравится, — предупредил Томас. — Детям и дикарям коньяк противопоказан.

Но протянул флягу Дику.

«Надо было попросить, — огорчился Олег. — Я всегда только думаю о чем-то, а Дик уже это берет».

— Только осторожно, — велел Томас, — один маленький глоток.

— Не бойся, — ответил Дик. — Если тебе можно, мне тем более. Я сильнее тебя.

Томас ничего не ответил. Олегу показалось, что он улыбается.

Дик запрокинул флягу и сделал большой глоток. Видно, этот коньяк был очень горьким, потому что он выронил флягу и жутко закашлялся, схватившись за горло. Томас еле успел подхватить флягу.

— Я же говорил, — произнес он укоризненно, но без сочувствия.

Марьяна бросилась к покрасневшему, несчастному Дику.

— Все горит... — смог наконец выговорить Дик.

— Вы зачем? — рассердилась Марьяна на Томаса.

Она стала копаться в своем мешке. Олег знал — искала снадобье от ожога.

— Сейчас пройдет, — заверил Томас. — Ты же дикарь, Дик. Ты должен был незнакомую жидкость принимать, как яд, сначала языком...

Дик отмахнулся.

— Я поверил... Понимаешь, поверил! Ты же пил!

Дик был унижен. Унижений он не выносил.

— Вот, — сказала Марьяна, — пожуй траву. Это помогает.

— Не надо, — отказался Дик.

— Все прошло, — отозвался Томас. — Ему теперь уже теплее.

— Нет, — возразил Дик. Но солгал.

— Есть еще желание обжечься? — спросил Томас. — Как, мои смелые единоплеменники? Кстати, индейцы называли это огненной водой.

— А потом спивались и отдавали за бесценок землю белым колонистам, — вспомнил Олег урок истории.

— Вот именно. Только те напитки были пониже качеством.

Томас повесил флягу через плечо. Дик поглядел на нее с тоской. Он бы с удовольствием вылил оттуда проклятый коньяк и налил воды.

Они расселись на камнях передохнуть. Марьяна раздала всем по горсти сушеных грибов и по ломтику вяленого мяса. Козе тоже дала грибов. Дик поглядел неодобрительно, но ничего не сказал. Коза деликатно хрупала грибами, поглядывала на Марьяну, дадут ли еще. Козе в этих местах было трудно добывать пищу, она была голодна.

— И вся ваша еда была в этих банках? — спросил Олег.

— Не только, — сказал Томас. — Еда была в ящиках, коробках, контейнерах, бутылках, тюбиках, пузырьках, мешках и много в чем еще. Еды было, скажу вам, друзья, много. И еще там были сигареты, которые мне часто снятся.

И вдруг Олег понял, что находка фляги, консервных банок,

следов подействовала не только на него или Дика. Больше всех изменился Томас. Словно до этого момента он и сам не очень верил в то, что когда-то был за перевалом, где едят из блестящих банок и во флягах бывает коньяк. И этот чужой, но желанный для Олега, чужой и, в общем, ненужный для Дика мир отдалил Томаса.

— Пошли, — сказал Томас, поднимаясь. — Теперь я почти поверил, что мы дойдем, хоть самая трудная часть пути впереди.

Они пошли дальше. Марьяна держалась ближе к Дику, она беспокоилась, не плохо ли ему. У Марьяны есть это качество — всех жалеть. Иногда Олега оно трогало, а сейчас злило. Ведь видно же, что Дик здоров, только глаза блестят и говорит громче, чем обычно.

— Это дверь, — произнес Томас, который шел рядом с Олегом. — Дверь, за которой начинаются мои воспоминания. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— До этого я мог только представлять, — продолжал Томас. — И я совсем забыл об этом привале. Твоя мать несла тебя на руках. Она совсем выбилась из сил, но никому тебя не отдавала. И ты молчал. Дик орал, понимаешь, как положено голодному и несчастному младенцу. А ты молчал. Эгли все крутилась возле твоей матери, они же были еще совсем девчонками, лет по двадцать пять, не больше, а раньше дружили. У нее ничего не осталось в жизни, только ты.

Томас вдруг закашлялся, его согнуло пополам. Он уперся ладонью о каменную стену, и Олег заметил, какие желтые и тонкие у Томаса пальцы. Дик с Марьяной ушли вперед и скрылись за поворотом.

— Давайте я понесу мешок, — предложил Олег.

— Нет, сейчас пройдет. Сейчас пройдет... — Томас виновато улыбнулся. — Казалось бы, я должен руководить вами, подавать пример подросткам. А тащусь еле-еле... Знаешь, мне показалось, что, если я глотну коньяку, все пройдет. Это наивно...

— А вы выпейте еще, — сказал Олег.

— Не надо. У меня температура. Добраться бы до перевала. Мне бы в больницу — покой и процедуры, а не восхождение и подвиги.

Часа через два ущелье кончилось. Ручей маленьким водопадом слетал с невысокого, метра два, обрыва. Но взобраться на него оказалось непростым делом. Томас так ослаб, что его пришлось втаскивать наверх. Козу поднимали на веревке, и перепуганное животное чудом никого не покалечило, отбиваясь тонкими бронированными ногами.

Было странное ощущение: два дня они поднимались узким

полутемным ущельем, слыша только журчание воды, и вдруг оказались во власти простора, какого Олегу не приходилось видеть.

Покрытое снегом, с редкими каменными проплешинами плоскогорье простиралось на несколько километров, упираясь в стену гор. С другой стороны, скатываясь бесконечным крутым откосом, оно вливалось в широкую долину, сначала голую, каменистую, затем на ней возникали точки кустов и деревьев, а далеко-далеко к горизонту эти точки сливались, густея, в бесконечный лес. Там, в четырех днях пути, был поселок. Правда, его отсюда не разглядишь.

— Вот тут, — сказал, все еще стараясь отдышаться, Томас, — тут мы поняли, что спасены. Мы шли от гор, какой там шли — ползли, волоча больных, замерзая, ни во что не веря, и внезапно вышли к этому плоскогорью. Оно, как видите, чуть поднимается к краю, и потому, пока мы не добрались сюда, мы не знали, что есть надежда. Шел снег, метель... кто же был первым? Кажется, Борис. Ну да, Борис. Он ушел вперед и вдруг остановился. Я помню, как он вдруг замер, но я так устал, что не понял, почему он стоит. Когда я подошел к нему, он плакал, и лицо его обледенело. Видимость в тот день была плохая, но иногда снежная пелена рассеивалась, и мы поняли, что там, внизу, в долине, есть деревья. Значит, есть жизнь...

Дул ветер, к счастью, несильный, коза начала скакать, резвиться, радуясь простору, подбрасывая мохнатый зад, оставляя глубокие треугольные следы на снежной простыне. Остановилась возле бурой проплешины, стала разрывать смерзшуюся землю роговой нашлепкой на носу, вздыхая, ахая и блея, — видно, почуяла что-то съедобное.

— Здесь нет дичи, — произнес Дик с осуждением. Он обращался к Томасу, будто тот был в этом виноват.

— Дня через три, если все будет нормально, дойдем, — заверил Томас. — Или через четыре.

— А говорят, что вы шли две недели.

— Мы шли тринадцать дней. Была зима, много больных и раненых, а сейчас мы налегке. Удивительно, как будто вчера было — мы стоим с Борисом и смотрим вниз...

До темноты удалось достичь гор.

* * *

Ночью похолодало, был мороз. Дик с Олегом положили Марьяну и Томаса посередине. Томас так вымотался за день, что даже не спорил. Он был горячим, но никак не мог согреться, и, когда он начинал заходиться в сухом кашле, Олег обнимал его, а Марь-

яна давала напиться микстуры от кашля, которую она приготовила. Марьяна не спала, и, чтобы скоротать ночь, они шептались с Олегом, а Дик, которому хотелось спать, ворочался. Потом сказал:

— Завтра дневки не будет, ясно?

— Ну и что? — спросил Олег.

— Заставлю идти, как бы вам ни хотелось дрыхнуть.

— Не бойся, из-за нас задержки не будет.

— Из-за кого бы то ни было.

Олег не стал спорить. Он понимал, что Дик имеет в виду Томаса. Он думал, что Томас спит, не слышит. Но Томас услышал.

— По-моему, у меня пневмония, простите, что так неудачно получилось, друзья.

Они разбили палатку в большой нише, тут было теплее, чем на открытом месте, и коза топталась рядом, вздыхая, потом начала шуршать, ковыряться в земле.

— Чего она ищет? — прошептала Марьяна.

— Улиток, — ответил Олег. — Я видел, как она нашла улитку.

— Я думала, им тут холодно.

— Мы же живем, значит, и другие могут.

— Ничего здесь нет, — оборвал Дик, — спите.

Закашлялся Томас. Марьяна опять дала ему напиться. Слышно было, как его зубы стучат о край кружки.

— Надо было тебе вернуться, — произнес Дик.

— Поздно, — сказал Томас, — до поселка мне не дойти.

— Дурак ты, Дик, — кинула Марьяна, — законы забыл.

— Я ничего не забыл, — громко заговорил Дик. — Я знаю, что мы должны заботиться о больных. Я знаю, что такое долг, не хуже тебя знаю. Но мне все твердили одно и то же: если мы сейчас не дойдем до перевала, если мы не принесем железо и инструменты, поселок может погибнуть. Это не я придумал. Я не верю, что поселок погибнет. Мы отлично живем без этих штук. Я из своего арбалета могу свалить медведя за сто шагов.

— Еще бы, — напомнил Олег, — у тебя же железные наконечники на стрелах. Если бы Сергеев их не ковал, как бы ты свалил медведя?

— Я могу сделать наконечник из камня. Тут дело не в материале, а в умении. Теперь нас погнали сюда, в горы...

— Тебя никто не гнал, ты сам пошел.

— Сам. Но вы знаете — вот-вот зарядит снег. И если мы будем тянуться еле-еле, мы можем не вернуться обратно.

— А что ты предлагаешь? — спросил Олег.

Ни Томас, ни Марьяна в их спор не вмешивались, но внимательно слушали его. Олегу казалось, что даже коза затихла, слушая.

— Я предлагаю оставить здесь Марьяну с Томасом. Дать им одеяла и пищу. А мы с тобой налегке добежим до перевала.

Олег не ответил. Он понимал, что Томаса оставить нельзя. Нельзя лишать Томаса цели. Это его убьет. Но вдруг Дик подумает, что он боится идти дальше вдвоем?

— Ты испугался? — спросил Дик.

— Я не о себе, — произнес наконец Олег. — Если Томас будет болен, он не сможет защитить Марьяну. А Марьяна его. А если звери? Если здесь хищники? Как она справится?

— Марьяшка, справишься? — Дик не спросил, а будто приказал, будто имел право приказывать.

— Я дойду, — произнес Томас. — Я дойду, не бойтесь, друзья. Мне надо дойти... я иду туда уже шестнадцать лет.

И голос Томаса был горяч, быстр, словно полон слез.

— Тогда спи, — велел Дик, переждав долгую паузу. Никто не согласился с ним, но никто и не убедил Дика.

А утром спор прекратился сам собой. По очень простой причине. Когда Олег, встав первым — голова болела, ноги как деревянные, спина промерзла до печенки, — выбрался из ниши, он увидел на белой долине плоскогорья цепочку углублений, в которых даже не сразу угадал следы: будто кто-то вдавливал в снег большие бочки.

Олег разбудил Дика, и вместе они осторожно прошли дальше по следам в ту сторону, куда указывали углубления когтей. Следы кончались у крутого откоса — этот зверь мог подниматься и по скалам.

— Какой он? — спросил Олег шепотом.

— Ляжет на дом — раздавит, — сказал Дик. — Вот бы подстрелить.

— Надежды мало, даже с твоим арбалетом. Ты ему шкуру не пробьешь.

— Постараюсь.

— Где вы были? — спросила Марьяна, которая разжигала костер. — У Томаса температура упала. Хорошо, правда?

— Хорошо, — ответил Олег.

Они рассказали про следы, потому что Марьяна их все равно бы увидела. Но она не испугалась. Мало ли какие звери водятся вокруг! Далеко не все злые и опасные. Звери заняты своими делами.

— Садитесь, — предложила Марьяна, — позавтракаем.

Томас вылез из-под палатки. Он был бледен и слаб. В руке держал флягу. Садясь рядом с Олегом, отвинтил и отхлебнул.

— Надо согреться, — объяснил он хрипло. — Когда-то врачи прописывали слабым и больным кагор.

Марьяна достала свой мешок.

Из него выкатился гриб.

Мешок был разорван, изжеван. И пуст.

— А где грибы? — спросила Марьяна у Томаса. Как будто он должен был знать, где грибы.

Дик вскочил.

— Где лежал мешок?

— Я так устала, — сказала Марьяна. — Я думала, что положила под палатку, а он остался снаружи.

— Где эта скотина? — произнес Дик тихо.

— Ты с ума сошел? — закричала Марьяна. — Может, это не коза?

— А кто? Томас? Я? Мы что теперь жрать будем?

— У нас есть еще мясо.

— Покажи. Может, и его нет?

— Зачем коза будет есть мясо?

Дик был прав. От мяса осталось десятка два ломтиков.

— Я не шучу. — Дик подобрал со снега арбалет.

Коза будто сообразила, что ей грозит, резко отскочила за скалу.

— Ты не уйдешь, — бросил Дик.

— Погоди, — остановил его Олег. — Погоди, если нужно, успеешь. Всегда успеешь. Ведь Марьяна хочет разводить их, понимаешь, как это важно для поселка? Значит, у нас всегда будет мясо.

— Для поселка важно, чтобы мы не подохли, — сказал Дик. — Без нас коза в поселок не придет. Ей тоже жрать нечего. Она убежит.

— Нет, Дик, пожалуйста, — попросила Марьяна. — Ведь у козы будут маленькие, понимаешь?

— Тогда пошли назад, — решил Дик. — Кончился наш поход.

— Подожди, — вмешался Томас. — Пока еще решаю я. Если ты хочешь, я разрешаю тебе вернуться назад. Ты доберешься, я не сомневаюсь. Я пойду дальше. И те, кто захочет.

— Я пойду дальше, — отозвался Олег. — Мы не можем ждать еще три года, до следующего лета.

— Я тоже пойду дальше, — сказала Марьяна. — И Дик пойдет. Он не злой, не думайте. Он хочет, чтобы всем лучше.

— Не надо объяснять, — отрезал Дик. — Я все равно ее убью.

— На сегодня пища есть, — напомнила Марьяна.

— Было бы неплохо вернуться вместе с козой. Мы можем даже ее навьючить, — добавил Томас.

Он отхлебнул еще коньяка и поболтал флягой. По звуку было ясно, что огненной воды осталось совсем мало.

— Еще один день, — сказал Дик, — и возвращаться уже будет поздно. А тебя, Томас, это касается больше, чем остальных.

Марьяна засуетилась возле костра, спеша вскипятить воду. У нее еще остались сладкие корешки, горсти две.

Глава 3

Через два часа ходьбы Олег подумал, что прав все-таки был Дик. Они шли без тропинки, по снежной целине, путь вел вверх, к тому же приходилось обходить скалы, пробираться по расщелинам, пересекать ледники, воздух был резким, острым, и дыхание сбивалось. Олег привык к тому, что никогда не наешься досыта, но все-таки голодать не приходилось — в поселке всегда были какие-то запасы. А тут голод, бродивший по соседству, сразу обрушился на Олега, как только стало ясно, что впереди дни без еды. Олег поймал себя на том, что смотрит на козу с вожделением, надеется, что она упадет в расщелину, разобьется, и тогда не надо будет отказываться от своих слов. «Ну, найдем другую, — твердил он беззвучно, — найдем другую».

И, как бы подслушав его мысли, Томас сказал:

— Наше счастье, что мясо идет само. Нам бы его не дотащить.

— Стойте.

Это был голос Дика. Дик подошел к козе, неся в руке крепкую, сплетенную из водорослей веревку, накинул ее козе на шею. Коза покорно и тупо ждала, пока ее привяжут. Потом Дик протянул свободный конец веревки Марьяне.

— Веди. Я не хочу рисковать.

Днем они сделали привал. Долгий, потому что все выбились из сил, а Томас шел и покачивался так, что его хотелось поддерживать. Лицо его побагровело, глаза были полузакрыты, но он упрямо шел и шел вперед, к своему перевалу.

Часа через два после привала Томас забеспокоился.

— Погодите. Как бы не сбиться. Здесь должен быть лагерь. Я помню эту скалу.

Томас сел на камень, развернул трясущимися руками карту и стал водить по ней пальцем. Дику это ничего не говорило, он пошел вперед, надеясь подстрелить добычу.

Карта была нарисована чернилами еще в то время, когда были чернила — густая паста, которой заполнялись ручки. Ручки Олег видел. Только они не писали.

— Мы здесь, — определил Томас. — Уже больше половины дороги. Я и не рассчитывал, что можно так быстро идти.

— Погода хорошая, — произнес Олег.

— Судя по всему, мы здесь ночевали. Должны быть следы, а их нету.

— Сколько лет прошло...

— Вот так... — бормотал Томас, — группа скал... три скалы, нет, четыре. Ах да, чуть не забыл... — Он обернулся к Олегу: — Возьми это. Без этого в корабль ни ногой. Помнишь?

— Это счетчик радиации, да?

— Счетчик радиации, ты же знаешь, почему мы не могли оставаться, там была такая радиация. А мороз — это в придачу.

— Может, поспите? — спросил Олег. — А потом пойдем...

— Нет, оставаться нельзя. Это смерть. Я за вас отвечаю... Где же лагерь, надо глубже выкопать... Мы их похоронили, но сил не было глубоко копать, понимаешь, обязательно надо глубже...

Олег подхватил Томаса, который начал валиться с камня.

Вернулся Дик, глядел, как Олег кутает Томаса в одеяла, а Марьяшка хлопочет, раздувая костер, чтобы согреть микстуру. Дик молчал, но казалось, что он повторяет: «Я же предупреждал».

Олег сам отвинтил крышку фляги, понюхал коньяк — запах был острым, скорее приятным, но пить не хотелось, это было не для питья. Поднес осторожно к спекшимся губам Томаса, который шептал что-то неразборчиво, тот глотнул и сказал почему-то «скооль».

Дальше пойти смогли только в сумерки. Томас пришел в себя, его мешок нес Олег, арбалет взял Дик. Из-за этой остановки шли, вернее, карабкались по откосу, усыпанному громадными неустойчивыми камнями, часа два, не больше, потом стало плохо видно, и пришлось искать ночлег.

Похолодало, небо здесь было совсем другого цвета — не только серым, как в лесу, а приобрело к вечеру краски тревожные — красноватые, и это пугало, потому что в небе не было надежности.

Очень хотелось есть. Олег готов был жевать камни. И еще наглая коза, как только сняли и сложили на снег мешки, подбежала к ним, попыталась разбросать их, будто люди только и занимались, что прятали от нее еду.

— *Иди отсюда! — прикрикнул на нее Олег. Кинул в нее камнем.*

Коза отскочила с блеянием.

— Не надо, — сказала Марьяшка. На ней лица не было, даже почернела за день, стала меньше, тоньше. — Она же не понимает. Она думает, что ей дадут есть. Ей больше надо, чем людям.

В тот вечер Дик ударил Марьяну.

Они жевали последние кусочки мяса, сухие ломтики. Запивали их кипятком, это был обман, а не еда, потому что человеку надо съесть хотя бы горсть ломтиков, чтобы почувствовать сытость.

А Марьяна потихоньку отдала свой ломтик несчастной козе, думала, что никто не заметит, но заметили все, кроме Томаса, который был в полузабытьи. Олег промолчал, он решил потом сказать Марьяне, что глупо кормить козу, когда сами скоро помрут от голода.

Но тут вмешался Дик. Он протянул над костром руку и коротко, наотмашь, ударил Марьяну по щеке. Марьяшка вскрикнула:

— За что?

Олег кинулся на Дика. Дик легко отшвырнул его.

— Идиоты, — бросил он зло, — скопище идиотов. Вы сами себя решили голодом уморить? Вы никогда не дойдете до перевала!

— Это мой кусок мяса, — ответила Марьяна, глаза ее были сухими и злыми, — я не хочу есть.

— Ты хочешь, — отрезал Дик, — а мяса осталось только по два ломтика на завтра. А идти в гору. Зачем только я пошел с вами!

Вдруг он схватил нож и, не оборачиваясь, сильно метнул его в козу. Вырвав клок зеленоватой шерсти, нож ударился о скалу, звякнул. Дик вскочил, коза рванулась, натянула веревку. Дик подобрал нож. Наконечник был обломан.

— Идиоты! — закричал Дик. — Почему вы не понимаете, что мы уже никогда не вернемся!

Он не глядел на заплакавшую Марьяшку, на Олега, который ничего лучшего не придумал, как начать совать Марьяне свой последний ломтик, будто она была маленькой девочкой. Та отталкивала руку, а Дик, быстро развернув свое одеяло, во весь рост растянулся на нем и закрыл глаза. Заснул или делал вид, что спит.

Томас кашлял вяло, словно у него не осталось сил кашлять.

Олег поднялся и закутал его в палатку. Потом они с Марьяшкой легли с двух сторон Томаса, чтобы согреть его.

Пошел снег. Снег был не холодный, он покрыл их толстым слоем. Коза пришла уже в темноте и тоже легла рядом с ними: понимала, что всем вместе теплее.

Олег и в эту ночь почти не спал, или ему казалось, что не спит. Кто-то громадный прошел неподалеку, застилая голубой свет утра. Потом сразу стало холоднее — поднялась коза и пошла искать себе пропитание. А потом Олега укусила блоха. Откуда она взялась, непонятно. Может, пряталась в одежде или в козлиной шерсти.

У снежной блохи особенный укус — ни с чем не спутаешь. Этот укус безнадежен, как смерть. Можно плакать, кричать, звать на помощь, но никто не поможет. Все происходит по часам. Сначала укус — укол, холодный, словно под кожу загнали льдинку, и это ледяное жжение острое, такое, что человек сразу просыпается и замирает в ужасе и бессилии. И потом ничего — целый час ничего. И вдруг человек теряет разум — это происходит оди-

наково со всеми: с умными, глупыми, маленьким, стариком. На полчаса, на час человек оказывается во власти кошмаров. Старый говорил, что, будь у него микроскоп, он бы легко с этой болезнью справился — понял бы, как возбудитель действует на нервную систему... Человек начинает буйствовать, он становится диким, он никого не узнает, он может убить самого близкого и потом ничего не будет помнить. Когда в поселке был первый случай этой болезни, никто не знал, что произошло. И еще было несколько страшных случаев, пока не поняли, что с блошиной лихорадкой не надо бороться — надо связать больного, спрятать его подальше и просто ждать, пока буйство пройдет и он вернется в сознание. Вот и все. Когда-нибудь, когда научатся лихорадку лечить, это будет иначе. А сейчас выход один... И если в поселке случается, что кого-то укусит снежная блоха, он сам спешит к людям и просит — свяжите меня! И в этом есть что-то ужасное. Человек еще здоров, он рассуждает и понимает, как обреченный на смерть, что пройдет еще несколько минут — и он исчезнет, а вместо него возникнет злое, бессмысленное существо. И каждый видел, как это случается с другими. И каждому стыдно думать, что это случится с ним. Потому, когда Олег почувствовал холодный укус блохи, он проснулся сразу и сразу поднял остальных.

— Дик, — сказал он виновато, — прости, у тебя веревка далеко?

— Что? — Дик вскочил, начал шарить руками в темноте.

Рассвет только начинался. Томас прохрипел во сне, но не проснулся.

— Ой, горе какое! — запричитала Марьяна. — Тебя блоха укусила?

— Только что.

Дик зевнул.

— Мог бы не спешить. У тебя час времени, как минимум час.

— Бывает и раньше, — произнес Олег. — Так неудачно получилось.

— Да, еще этого не хватало, — согласился Дик.

— Я тебя накрою одеялом, — предложила Марьяна. — И посижу рядом.

— Эх, — сказал Дик, разыскивая веревку, — опять вовремя не выйдем.

— Ну, это же пройдет, — ответил Олег.

— После припадка часа два лежать, не меньше, по себе знаю, — произнес Дик.

Он не сердился на Олега, он был зол на судьбу, на сплошные неудачи этого похода.

Ощущение холода в бедре, куда укусила эта блоха, не пропадало, Олег все время ощущал укус и представлял, как отравленная крошечной капелькой яда кровь течет, пульсируя, к мозгу, чтобы напасть на него и лишить Олега разума.

Дик не спеша проверил веревку. Марьяна стала разжигать костер.

Рассвет был синим, другим, чем в долине, где день всегда сер.

— Ну что ж, — велел Дик, — подставляйся.

— Только чтобы он себе что-нибудь не сломал, — сказала Марьяна. — Бедный Олежка!

— Не в первый раз мотаю, — успокоил Дик. — Жуткое дело эти блохи. Ты расслабься, Олег, так легче. И думай о другом.

Сначала он связал руки Олега за спиной, потом обмотал грудь и ноги. Веревки туго впивались в тело, но Олег терпел, он знал, что в припадке человек становится сильным, как медведь. Если пожалеешь сейчас, потом всем будет хуже.

Застонал Томас. Его взлохмаченная пегая голова высунулась из-под палатки, он жмурился, не в силах сообразить, где он. Глаза Томаса налились кровью, лицо было красным, распаренным. Наконец он разглядел Дика, который связывал Олега. Олег смущенно улыбался — неприятно доставлять людям такие беспокойства. Старый как-то рассказывал, что в Средние века эпилептичек и других ненормальных женщин называли ведьмами и даже сжигали на кострах.

— Блоха, — понял Томас, — всюду блохи... всюду твари...

— Вы еще поспите, — сказал Олег. — Я не скоро в себя приду, вы же знаете. Отдыхайте!

— Холодно, — произнес Томас, — нельзя спать, мне скоро выходить на вахту, опять барахлит компьютер, в него залезла блоха.

— И зачем только мы пошли, — сказал Дик. — Нельзя было такую компанию в горы пускать.

— Больше некому идти, — отозвалась Марьяна. — Ты же понимаешь.

Холод постепенно распространялся по всему телу, но то был не обычный холод, а свербящий, тянущий жилы, как будто множество маленьких льдинок суетилось, толкалось в груди, в ногах... Голова Томаса начала увеличиваться...

— Ну вот, вроде замотал я тебя сносно. Не тянет?

— Тянет. — Олег постарался улыбнуться, но скулы уже свело судорогой.

— Слушай... — Дик обернулся. — А где коза?

— Коза? Ночью я ее слышала.

— Где коза, я спрашиваю? — Голос Дика поднялся, стал мальчишеским, высоким от злости. — Ты ее привязала?

— Я ее привязывала, — оправдывалась Марьяна, — но она, наверное, развязалась.

— Где коза, я спрашиваю?

Видно, раздражение, копившееся в Дике, должно было найти выход — коза стала символом всех неудач.

— Не сердись, Дикушка, — сказала Марьяна. Она старалась укутать Олега одеялами. — Коза, наверное, ищет, чего поесть.

— Здесь ей нечего искать. Почему ты ее не привязала?

Дик вытащил из-под полога свой арбалет, сунул за пояс нож.

— Ты куда? — спросила Марьяна, хотя отлично знала куда.

Дик внимательно осмотрел снег вокруг, ища следы.

— Она вернется.

— Она вернется, — повторил Дик, — только в виде мертвой туши. Хватит. Я не хочу помирать с голоду из-за твоих глупостей.

Дик рос и рос, скоро он достанет головой до неба, но он может расшибиться об облака, ведь облака стеклянные, твердые... Олег сильно зажмурился и снова открыл глаза, чтобы изгнать видение. Томас сидел на одеяле и раскачивался, словно беззвучно пел.

— Марьяшка, согрей кипятку... — Олегу показалось, что голос его звучит твердо и громко, на самом деле он шептал почти беззвучно. — Для Томаса. Ему плохо.

Марьяна поняла.

— Сейчас, Олежка, конечно.

Но она не отрывала глаз от Дика.

— Я так и думал, — сказал Дик. — Она пошла обратно. Вниз. За ночь она могла пройти километров двадцать.

— Дик, останься здесь, — произнес вдруг Томас внятно и громко. — Марьяшка сама найдет козу. Ты же ее убьешь.

— Можешь не сомневаться, — заверил Дик. — Хватит глупостей.

— Я найду ее. — Марьяна забыла о кипятке. — Тебе, Дик, нельзя сейчас уходить. Томас болен, а за Олегом надо следить.

— Ничего с ними не случится.

Дик запустил пальцы в густую темную гриву волос, рванул их, мотнул головой и, не оборачиваясь, быстро и легко пошел по следам козы вниз, откуда они пришли вчера.

— Я хотел, чтобы ты пошла, — вздохнул Томас, — ты бы привела ее. А он ее убьет.

Олег, хоть мир вокруг него все время менял форму и пропорции и становился все более зыбким и ненадежным, все еще сохранял способность думать. Он уронил:

— Дика можно понять... нам в самом деле не везет.

— Осталось идти совсем немного, — сказал Томас. — Я знаю. Мы идем быстро. Мы будем там послезавтра. Мы дотянем и без мяса. Ведь дотянем? А за перевалом пища. Дик, я обещаю!

Дик поднял руку, чтобы показать, что слышит, — звуки далеко разносились над снежным склоном, но шага не замедлил.

— Козу поймать нужно, — обернулся Томас к Марьяне. — Она нам нужна. Но не надо убивать. В этом нет смысла... Что-то меня жжет. Как жарко... Почему так болит печень? Это нечестно. Мы уже рядом.

— Он убьет ее... — прошептала Марьяна. — Он ее обязательно убьет... Ди-и-ик! — Марьяна обернулась к Олегу и Томасу. — Ну что делать, ну скажите, вы же умные, вы же все знаете! Ну как его остановить?

— Мне его не догнать, — ответил Томас. — К сожалению, я для него уже не авторитет.

— Сейчас... — решился Олег. — Ты только распутай меня. Может, я успею до припадка, может, я успею?

Марьяна только отмахнулась. Она сделала два шага за Диком, вернулась, посмотрела на Томаса, на Олега.

— И вас нельзя оставить.

— Да беги тогда! — вдруг закричал Томас. — Беги скорей!

— Но как же я вас оставлю? А вдруг какой-нибудь зверь.

— Беги же! — повторил Олег. — И возвращайся.

И Марьяна легко, словно не касаясь снега, понеслась вниз по склону, туда, где уже исчез Дик.

— Жалко девчонку, — огорчился Томас, — она привязалась к козе.

— Жалко, — подтвердил Олег. — Как странно, что у вас нет формы. Вы бываете толстый и потом совсем тонкий, как спичка.

— Да, — согласился Томас. — Ты лежи удобнее, почему-то сначала этот яд действует на зрение. Я помню, меня раза три она кусала. Но не бойся, побочных эффектов практически не бывает. Не бойся.

— Я понимаю, но все равно страшно потерять себя, понимаете? Вот сейчас это я, а скоро меня не будет.

Олега тянуло вниз, в синюю воду, и очень трудно было удержаться на поверхности воды, потому что ноги были спутаны водорослями и надо их освободить, надо вырвать их, а то утонешь.

* * *

Одеяло, которым Марьяшка накрыла Олега, слетело. Олег не удержался у стены и упал на снег. Глаза его были закрыты, губы шевелились, лицо потемнело от напряжения, от желания разорвать путы. Томас хотел помочь Олегу, накрыть его или хотя бы положить голову себе на колени. Это полезно делать в таких случаях — держать голову. Томас постарался подняться, но ноги отказывались его держать. Олег выгнул спину и буквально взлетел в воздух, оттолкнулся кулаками от земли и покатился вниз по откосу. Он перевернулся несколько раз, ударился о торчащую из

снега глыбу и замер. Его куртка разорвалась, снег не таял на голой груди.

«Так нельзя, — подумал Томас.— Надо обязательно до него добраться. Чертова коза, чертов Дик с его комплексом сильной личности. А ведь Дик уверен, что прав, и уверен, что им владеет лишь забота обо всех. И с его дикарской точки зрения он прав, с его дикарским неумением посмотреть в будущее... Не слишком ли скоро человек коллективный, гомо цивилизованный, становится дикарем? Может, мы ошиблись, позволяя детям вырасти в волчат, чтобы им легче выжить в лесу? Но у нас не было выбора. За шестнадцать лет мы, взрослые, так и не смогли дойти до перевала. И надежда на это не возникла бы, если бы не выросли Дик и Олег. Сколько у меня сейчас? Наверное, за сорок. Очень больно дышать — двухсторонняя пневмония, для такого диагноза не надо быть врачом. Если я не доберусь до корабля, моя песенка спета. Никакое мясо козы мне не поможет. И идти надо самому — ребятам не дотащить меня до перевала... Что же Олежка? Блоха — это крайняя степень невезения, словно рок, притаившийся в скалах, не хочет отпускать нас к человечеству, словно лес хочет превратить нас в своих детей, в шакалов на двух ногах, он согласен терпеть наш поселок, но только как свое собственное продолжение, а не как отрицание. Там, за глыбой, темнеет обрыв, вроде бы невысокий обрыв, но если Олег сейчас упадет вниз, он разобьется. Где веревка, где вторая веревка, надо примотать его к тому камню...»

Томас полз вниз, хорошо, что вниз ползти легче, и только жжет снег — почему-то умудряется проникать всюду и очень жжет грудь. Когда кашляешь, то тихонько, чтобы не разорвать легкие, а кашель накапливается и рвется из груди, и его ничем не удержишь.

Томас полз вниз, тащил за собой веревку, которая казалась ему невероятно тяжелой, свинцовой, веревка разматывалась и волочилась, как змея. Олег забился по-птичьи, стараясь разорвать путы, затылок его колотился о камень, и Томасу физически передалась боль, владевшая Олегом, владевшая им в кошмаре, но тем не менее реальная, трансформировавшаяся в видение. Олегу в этот момент казалось, что на него упала крыша дома.

До Олега оставалось метров десять, не больше. Томас понимал, что тот его не слышит, но твердил:

— Потерпи, я иду.

А сам старался поднять голову, чтобы увидеть, не возвращаются ли Марьяна с Диком.

Главное было успеть, успеть прежде, чем Олег скатится к обрыву, тогда будет поздно...

«Почему у меня сейчас кружится голова?»

Когда Томас дотянулся до Олега, он на несколько секунд потерял сознание, все силы ушли на то, чтобы доползти. Тело, движимое только этим отчаянным желанием, отказалось далее подчиняться, как бы выполнив все, на что было способно. Томаса привел в себя порыв ледяного ветра, принесший заряд снега, а может, невнятный шепот Олега и его хриплое дыхание. Томасу больше всего на свете хотелось закрыть глаза, потому что вот так лежать, ничего не делать, ни о чем не думать — это и было теплой, уютной сказкой, исполнением желаний. Олег сдвинулся еще на метр, он бился, стараясь освободиться от веревок, отталкивался связанными ногами от глыбы. Томас подтянул к себе веревку, стараясь сообразить, как ему примотать Олега надежнее к скале, и не мог понять, как это делается, а потом оказалось, что его рука пуста — веревку он выпустил, ее конец остался в нескольких метрах сзади и вернуться к нему не было сил. Томас подтянулся, чтобы уцепиться за ноги Олега, но тот дернулся и отбросил Томаса, тело которого не почувствовало боли.

Томас понял, что так ему Олега не удержать и что Олег, даже связанный, куда сильнее его, и потому Томас возобновил свое медленное путешествие к обрыву, чтобы оказаться между ним и Олегом, превратиться в барьер, в препятствие, в неподвижную колоду. Томасу казалось, что он ползет спокойно, и все же, когда ему удалось наконец доползти до узкой полки, отделявшей Олега от обрыва, Олег сполз уже так низко, что Томасу пришлось протискиваться между телом Олега и острыми камнями на краю.

И наверное, Томасу удалось бы оттащить Олега от обрыва наверх, к безопасности, если бы сам он мог удержаться на зыбком краю сознания.

* * *

Марьяна прибежала к лагерю запыхавшись, ей казалось, что она отсутствовала несколько минут, на самом деле ее не было больше часа. Она бежала прямо к палатке и потому не сразу поняла, что произошло. Она увидела только, что лагерь пуст, и сначала даже откинула полог палатки, решив, что Томас с Олегом прячутся там от снега, хотя палатка лежала плоско на земле и спрятаться под ней никто бы не мог.

Марьяна в растерянности оглянулась и увидела след на снегу, который уходил вниз к скале, след такой, будто кто-то тащил по снегу тяжелый груз, и ей сразу почудилась страшная картина: животное, которому принадлежали круглые, как от бочки, следы, тащит обоих мужчин, и виновата в этом только она, потому что побежала спасать козу и забыла о людях, о больных людях в снежной пустыне, чего делать нельзя. И все получилось ужасно и

глупо, потому что она не догнала Дика и не нашла козу, а, оставшись одна среди скал, испугалась, что не найдет пути к лагерю, испугалась за Томаса с Олегом, которые беспомощны, побежала обратно — и вот опоздала.

Марьяна семенила вниз по склону, всхлипывая и повторяя:

— Мамочка, мамочка...

Почему-то на снегу лежала веревка. Олегу удалось распутаться?

Она обогнула серую глыбу и увидела, что на краю обрыва лежит связанный Олег, а Томаса нигде нет.

— Олег! Олежка! — закричала она. — Ты живой?

Олег не ответил. Он спал. Люди всегда засыпают, когда пройдет припадок. Он был один, но след от его тела продолжался вниз, к обрыву, и, когда Марьяна заглянула вниз, она увидела, что там недалеко, метрах в пяти, лежит Томас, очень спокойно и как-то даже удобно, и поэтому Марьяшка не сразу догадалась, что Томас уже мертв. Она спустилась вниз, спеша и обламывая ногти о ледяные камни, долго трясла его, старалась разбудить и вдруг поняла, что Томас умер, разбился. А Олег, который пришел в себя, услышал шум и плач Марьяны и спросил слабым голосом:

— Ты что, Марьяшка, что случилось?

Он совершенно не помнил, как столкнул Томаса вниз, хотя потом по следам и отрывочным кошмарным видениям Олега они смогли понять, как и почему все произошло, и догадались, как умер Томас.

* * *

Дик вернулся в лагерь через два часа. Он не догнал козу и потерял ее следы на большой каменистой осыпи. На обратном пути он встретил следы неизвестного животного и пошел по ним, думая подстрелить, чтобы прийти в лагерь с добычей. Тогда можно объяснить, что он нарочно оставил козу в покое, пожалел Марьяну. И он искренне уже верил, что пожалел Марьяну, потому что не выносил неудач.

Когда он узнал, что случилось в лагере без него, он оказался трезвее и спокойнее остальных и сказал Олегу:

— Не говори глупостей. Никого ты не убивал и ни в чем не виноват. Ты же не знал, что столкнул Томаса. Ты должен быть благодарен ему, что он тебя старался удержать. Может, он ничего и не успел сделать, вернее всего, он ничего не успел сделать, но все равно он хотел тебя спасти. Может, так даже и лучше, потому что Томас был совсем болен, он мог умереть в любую минуту, он хотел идти к перевалу, и потому нам пришлось бы тащить его, и все погибли бы.

— Ты хочешь успокоить Олега, — отвечала Марьяна, раскачиваясь от боли — она отморозила руки и ободрала их в кровь, когда старалась оживить Томаса и когда они вместе с шатавшимся от слабости Олегом тащили его тело к палатке. — Ты хочешь успокоить Олега, а виноваты мы с тобой. Если бы мы не побежали за козой, Томас был бы жив.

— Правильно, — подтвердил Дик, — тебе не надо было бежать за мной. Это глупость, женская глупость.

— Неужели ты не винишь себя? — спросила Марьяна.

Томас лежал между ними, закрытый с головой одеялом, и как будто присутствовал при их разговоре.

— Я не знаю. Я пошел за козой, потому что нам нужно мясо. Нужно всем. Мне меньше других, потому что я сильнее.

— Я не хочу с ним больше говорить, — возмутилась Марьяна. — Он холодный, как этот снег.

— Я хочу быть справедливым, — отрезал Дик. — От того, что мы будем метаться и стонать, никому не лучше. Мы теряем время. День уже перевалил за середину.

— Олег еще слабый, чтобы идти, — сказала Марьяна.

— Нет, ничего, — отозвался Олег, — я пойду. Только надо взять у Томаса карту и счетчик радиации. Он говорил мне, что, если что-нибудь случится, надо взять эти вещи.

— Не надо, — качнул головой Дик.

— Почему?

— Потому что мы идем обратно, — произнес Дик спокойно.

— Ты так решил? — спросил Олег.

— Это единственный путь, чтобы спастись, — ответил Дик. — Через два дня мы будем в лесу. Там я найду добычу. Я вас приведу в поселок, я обещаю.

— Нет, мы пойдем дальше.

— Глупо. У нас нет шансов.

— У нас карта.

— А почему ты веришь ей? Карта старая. Все могло измениться. И никто не знает, сколько еще идти без еды, по голому снегу.

— Томас сказал, что мы шли быстро, что остался один день.

— Томас ошибался. Он сам хотел туда, и он нас обманывал.

— Томас нас не обманывал. Он сказал, что там есть пища и мы будем спасены.

— Ему хотелось в это верить, он был болен, он плохо соображал. Мы останемся живы, только если вернемся обратно.

— Я пойду к перевалу. — Олег сказал это, глядя на тело, покрытое одеялом, он обращался к Томасу.

— Я тоже пойду, — поддержала его Марьяна, — как ты не понимаешь?

— Марьяшка, — начал Дик, постукивая большим кулаком по

камню, отбивая такт словам. — Олегу заморочил голову Старый, всегда твердил ему, что он умнее, лучше нас с тобой, что он особенный. Он не мог быть лучше нас в поселке или в лесу, он всегда уступал мне. Даже тебе в лесу он уступает. Понимаешь, ему нужна эта сказка о перевале и речи о дикарях, которыми мы не имеем права стать. А я не дикарь. Я не глупее его. Пускай Олег идет, если он уверен. А тебя я не пущу — тебя я уведу вниз.

— Глупости, глупости, глупости! — закричала Марьяна. — Нас послал поселок. Нас все ждут и все надеются.

— Мы принесем больше пользы живыми.

— Пошли. — Олег протянул руку к одеялу, чтобы взять у Томаса карту и счетчик, и медленно произнес: — Прости, Томас, что ты не дошел и я беру у тебя такие ценные вещи.

От откинул край одеяла. Томас лежал, закрыв глаза, лицо его побелело, и губы стали тонкими. И Олег не смог заставить себя дотронуться до холодного тела Томаса.

— Погоди, я сама, — предложила Марьяшка. — Погоди.

Дик поднялся, подошел к скале, поднял со снега флягу, поболтал ею — там плеснулся коньяк. Дик отвинтил крышку и вылил коньяк на снег. Острый незнакомый запах повис в воздухе. Дик завинтил крышку и повесил флягу через плечо. Никто ничего не сказал. Марьяна передала Олегу сложенную карту, счетчик радиации и нож Томаса.

— Нам его не закопать, — решил Дик. — Надо отнести его под обрыв и засыпать камнями.

— Нет! — возразил Олег.

Дик удивленно поднял брови.

И глупо было отвечать. Почему нельзя на Томаса класть камни? Ведь Томас мертв, и ему все равно.

Все сделал Дик.

Олег и Марьяна только помогали ему. Больше они ни о чем не говорили. Олег и Марьяна молча собрались, взяли совсем похудевшие мешки (даже дров осталось на один-два костра), разделили на три части последние ломтики вяленого мяса, и Марьяна отнесла Дику его порцию. Тот положил ломтики в карман и ничего не сказал. Потом Олег и Марьяна поднялись и пошли, не оглядываясь, наверх, к перевалу.

Дик догнал их метров через сто. Догнал, потом обогнал и пошел впереди. Олег шел с трудом, еще не прошли последствия припадка. Марьяна хромала — ушибла ногу, когда лазала по обрыву. Они прошли всего километров десять, и пришлось остановиться на ночлег.

Олег свалился на снег и сразу заснул. Он не проснулся, чтобы напиться кипятку со сладкими корешками. И он не увидел того, что увидели Дик и Марьяшка, когда совсем стемнело. Облака вокруг разошлись, и на небе появились звезды, которых никто из них никогда не видел. Потом небо затянуло вновь. Марьяна тоже заснула, и Дик еще долго сидел у погасшего теплого костра, положив в него ноги, смотрел на небо и ждал — может, облака разойдутся вновь? Он слышал о звездах, старшие всегда говорили о звездах, но никогда раньше он не догадывался, какое величие и простор открываются человеку, который видит звезды. Он понимал, что им никогда не вернуться в поселок.

* * *

Они поднялись рано, выпили немного кипятку, растопив снег, и доели сладкие корешки, от которых голод лишь усилился. В тот день они тащились медленнее, чем обычно, даже Дик выбился из сил.

Беда была в том, что они не знали, правильно ли идут. На карте были нарисованы ориентиры, но они не совпадали. Понятно, почему: люди шли здесь в прошлый раз зимой, когда много снега, когда сильные морозы и мгла, и потому сейчас все вокруг выглядело иначе.

Наступило отчаяние, потому что перевал был абстракцией, в которую невозможно поверить, как невозможно представить себе звездное небо, если его не видел и знаешь лишь по рассказам. Олег жалел, что заснул и пропустил небо, но, может быть, оно повторится следующей ночью? Ведь облака на небе стали тоньше, сквозь них иногда проглядывала голубизна, и вокруг было куда светлее, чем внизу, в лесу.

Днем, когда все выбились из сил, Дик приказал остановиться и начать снегом растирать Марьяшке отмороженные щеки. Тогда Олег увидел в стороне, на снегу, синее пятно. Но до него надо было пройти еще шагов сто, а сил не было, и Олег не стал ничего говорить.

Когда наконец Дик сказал, что пора идти, Олег показал на синее пятно. Они пошли к нему, с каждым шагом быстрее.

Это была синяя короткая куртка из прочного и тонкого материала. Она наполовину вмерзла в снег, и один рукав ее, набитый снегом, торчал вверх. Дик окопал снег вокруг, чтобы вытащить куртку, а Олегом вдруг овладело болезненное нетерпение.

— Не надо, — сказал он хрипло, — зачем? Мы скоро придем, ты понимаешь, мы правильно идем!

— Она крепкая, — объяснил Дик, — Марьяшка совсем замерзла.

— Мне не нужно, — отказалась Марьяшка, — лучше пойдем дальше.

— Идите, я вас догоню, — заупрямился Дик. — Идите.

Дик догнал их через пятнадцать минут, неся куртку в руке, но Марьяна надевать ее не стала, сказала, что куртка мокрая и холодная. Но главное было то, что куртка чужая и ее кто-то носил. И если снял и бросил, то, значит, погиб. Всем известно, что с перевала вышло семьдесят шесть человек, а до леса дошло сорок.

Они не добрались в тот день до перевала, хотя Олегу все казалось, что перевал будет вот-вот — сейчас обойдем этот язык ледника, и будет перевал, сейчас минуем осыпь, и будет перевал... И подъем становится все круче, а воздуха все меньше.

Они ночевали, вернее, пережидали, пока кончится темнота, сжавшись в клубок, закутавшись всеми одеялами и накрывшись палаткой. Все равно не заснешь от холода, они только проваливались в забытье и снова просыпались, чтобы поменяться местами. От Марьяны, которая лежала в середине, почти не было тепла — она стала какой-то бестелесной и острой — почти птичьи кости. Они поднялись с рассветом, над ними было синее звездное небо, но они не смотрели на небо.

Потом постепенно рассвело, облака были прозрачные, как туман, и сквозь них светило солнце, холодное, яркое, которого они тоже никогда не видели, но они не смотрели и на солнце. Они брели, обходя трещины в снегу, осыпи и карнизы. Дик упрямо шагал впереди, выбирая дорогу, падая и срываясь чаще других, но ни разу не уступив первенства. И он первым вышел на перевал, не сообразив, что это и есть перевал, потому что склон, по которому они карабкались, незаметно для глаз выровнялся и превратился в плоскогорье, и потом они увидели впереди зубцы хребтов. Хребет за хребтом, цепи снежных гор, сверкающие под солнцем, а еще через час внизу открылась котловина, посреди которой, громадный даже отсюда, с километровой высоты, лежал круглый диск темного металлического цвета. Он накренился и вдавился в снег точно посреди котловины. До этой котловины капитан смог дотянуть корабль, когда после взрыва в двигательном отсеке отказали приборы. Он посадил корабль тут в метель, ночь и туман здешней злой зимы.

Они стояли в ряд. Три оборванных, изможденных дикаря, арбалеты на плечах, мешки из звериных шкур за спинами, оборванные, обожженные морозом и снегом, черные от голода и усталости, три микроскопические фигурки в громадном, пустом, безмолвном мире, и смотрели на мертвый корабль, который шестнадцать лет назад рухнул на эту планету. И никогда уже не поднимется вновь.

Потом они начали спускаться вниз по крутому склону, цепляясь за камни, стараясь не бежать по неверным осыпям, но бежали все скорее, хотя ноги отказывались слушаться.

И через час они уже были на дне котловины.

Глава 4

Шестнадцать лет назад Олегу и Дику было меньше двух лет. Марьяны еще не было на свете. И они не помнили, как опустился здесь, в горах, исследовательский корабль «Полюс». Их первые воспоминания были связаны с поселком, с лесом; повадки шустрых рыжих грибов и хищных лиан они узнали раньше, чем услышали от старших о том, что есть звезды и другой мир. И лес был куда понятнее, чем рассказы о ракетах или домах, в которых может жить по тысяче человек. Законы леса, законы поселка, возникшие от необходимости сохранить кучку людей, не приспособленных к этой жизни, старались вытолкнуть из памяти Землю и вместо памяти возродить лишь абстрактную надежду на то, что когда-то их найдут и все это кончится. Но сколько надо терпеть и ждать? Десять лет? Десять лет уже прошло. Сто лет? Сто лет — значит, что найдут не тебя, а твоего правнука, если у тебя будет правнук и если он, да и весь поселок смогут просуществовать столько лет. Надежда, жившая в старших, для второго поколения не существовала — она бы только мешала жить в лесу, но не передать им надежду было невозможно, потому что даже смерть человеку не так страшна, если он знает о продолжении своего рода. Смерть становится окончательной в тот момент, когда с ней пропадаешь не только ты, но и все, что привязывало тебя к жизни.

Потому и старшие, и учитель — все, каждый как мог — старались воспитать в детях ощущение принадлежности к Земле, мысль о том, что рано или поздно отторженность прервется. А в поддержание связи с миром оставался корабль за перевалом. Он существовал, его можно было достичь если не в этот тысячедневный бесконечный холодный год, то в следующий, когда дети подрастут и смогут дойти до перевала.

Дик, Олег и Марьяна спускались в котловину, к кораблю, он рос, был материален и громаден, но оставался легендой, чашей Грааля, и никто из них не удивился бы, если бы при прикосновении он рассыпался в прах. Они возвращались к дому своих отцов, который пугал тем, что перешел в эту холодную котловину из снов и легенд, рассказанных при тусклом светильнике в хижине, когда за щелью окна, затянутого рыбьей кожей, рычит снежная метель.

Существование корабля возродило сны и легенды, привязав картины, рожденные воображением и потому неточные, к реальности этого гиганта. Подобного противоречия старшие не понимали — ведь для них за повестью о том, как грянула катастрофа, как пришел холод и тьма, за рассказом о пустых коридорах, в которых постепенно гаснет свет и куда прорываются снаружи сухие

снежинки, — за всем этим скрывались зримые образы коридоров и ламп, молчание вспомогательных двигателей и щелканье счетчиков радиации. Для слушателей — Олега и его сверстников — в рассказе понятны были лишь снежинки, а коридоры ассоциировались с чащей леса или темной пещерой — ведь воображение питается лишь тем, что видено и слышано.

Теперь стало понятно, как уходили отсюда люди — тащили детей и раненых, хватали в спешке те вещи, которые должны понадобиться на первое время, в тот момент никто еще не думал, что им придется жить и умирать в этом холодном мире, — гигантские масштабы и невероятная мощь космической цивилизации даже здесь вселяли ложную уверенность, что все случившееся, как бы трагично ни было, лишь временный срыв, случайность, которая будет исправлена, как исправляются случайности всегда.

Вот тот люк.

Уходя, как рассказывал Старый, они закрыли его, а аварийную лестницу, по которой спускались на снег, отнесли в сторону, под нависшую скалу. Это место было отмечено на карте, но искать лестницу не пришлось — снег подтаял, и она лежала на месте, голубая краска кое-где облезла, а когда Дик поднял лестницу, то отпечаток ее остался голубым рисунком на снегу.

Дик пощелкал ногтем по перекладине.

— Легкая, — сообщил он, — надо будет взять.

Никто не ответил ему, Марьяна с Олегом стояли поодаль и, запрокинув головы, разглядывали округлое брюхо корабля. Корабль казался совершенно целым, хоть сейчас лети дальше. И Олег даже представил себе, как он отрывается от котловины, поднимается все быстрее к синему небу и становится черным кружочком, точкой в синеве...

Усталости не было. Тело было легким и послушным, и нетерпение как можно скорее заглянуть внутрь чудовища смешивалось со страхом навсегда исчезнуть в замкнутой сфере корабля.

Олег перевел взгляд на аварийный люк. Сколько раз Старый повторял Олегу: «Аварийный люк не заперт, понимаешь? Мы его только прикрыли. Ты поднимаешься к нему по лесенке и первым делом замеряешь уровень радиации. Ее быть не должно, но обязательно замерь. Тогда радиация была одной из причин, почему нам пришлось так спешно уходить, мороз и радиация. Сорок градусов ниже нуля, системы отопления не функционируют, и высокий радиационный фон — оставаться было нельзя».

Дик бродил вокруг корабля, выковыривая из снега ящики и банки, — многие вещи вытащили из корабля, но их пришлось оставить.

— Ну что, — спросил Олег, — пойдем туда?

— Пойдем. — Дик поднял лестницу и приставил к люку. Потом сам поднялся по ней, сунул в щель нож Томаса, нажал, нож сломался.

— Может, он защелкнулся? — предположила Марьяна.

— Совсем ножей не осталось, — огорчился Дик.

— Старый сказал, что люк открыт, — напомнил Олег.

— Старый все забыл. Нельзя верить старикам.

— Не получается? — спросила Марьяна.

Облака затянули солнце, и сразу стало темнее, привычнее.

— Погоди, — засомневался Олег. — Почему мы тянем крышку на себя, почему толкаем, как дома? А если дверь в корабле открывается иначе?

Дверца была немного утоплена в стене корабля, она уходила под обшивку. А что, если попробовать толкнуть ее вбок? Так не бывает, но если корабль летит, лучше, чтобы дверь сама случайно не открылась. Олег сказал Дику:

— Дай нож.

Тот кинул Олегу сломанный нож, сунул руки под мышки и принялся притопывать: замерз. Даже он замерз.

Пошел сухой снег. Они были одни во всем мире, они умирали от голода и холода, а корабль не хотел пускать их внутрь.

Олег вставил обломок ножа в щель и постарался толкнуть крышку в сторону. Та вдруг щелкнула и легко, словно ожидала этого, отошла вбок и исчезла в стене. Все правильно. Олег даже не стал оборачиваться — все ли видели, какой он умный. Он решил задачу. Пускай задача была несложная, но другие решить не смогли. Олег заткнул нож за пояс и вынул счетчик радиации.

— Ой! — услышал он голос Марьяны. — Олег открыл!

— Это хорошо, — произнес Дик. — Иди, чего стоишь!

Счетчик показал, что опасности нет, все правильно.

— Там темно, — сказал Олег, — дайте факел.

Даже когда было очень холодно в последнюю ночь, они не стали зажигать факелы. Факелы давали мало тепла, зато долго горели.

— Там тепло? — спросила Марьяна.

— Нет. — Олег принюхался. В корабле сохранился чужой опасный запах. Ступить внутрь было боязно. Но Олег вдруг понял, что теперь он главнее Дика, что Дику страшно. Дик щелкал кремнем, разжигая факел. Факел занялся маленьким, почти невидимым в свете дня огнем. Дик поднялся до половины лестницы и передал факел Олегу. Но дальше не пошел. Олег принял факел и протянул руку внутрь. Впереди была темнота, под ногами начинался ровный шероховатый пол.

Олег сказал громко, чтобы заглушить страх:

— Я пошел. Берите факелы. И за мной! Я буду ждать внутри.

Пол под ногами чуть пружинил, как будто кора живых деревь-

ев. Но Олег знал, что пол неживой и что таких деревьев на Земле не бывает. Ему почудилось, что впереди кто-то подстерегает его, и он замер. Но потом понял, что так возвращается к нему эхо собственного дыхания. Олег сделал еще один шаг вперед, и свет факела, ставший ярче, осветил стену, круглящуюся кверху. Блестящую и светлую стену. Он дотронулся до стены. Она была холодной.

«Вот я и дома, — подумал Олег. — У меня есть дом — поселок. А есть дом, который называется космический исследовательский корабль «Полюс». Он мне тысячу раз снился, но снился совсем не таким, каким оказался на самом деле. А я тут был. Я тут даже родился. Где-то в темной глубине корабля есть комната, где я родился».

— Ты где? — спросил Дик.

Олег обернулся. Силуэт Дика заслонил проем люка.

— Иди сюда, — позвал Олег. — Здесь никого нет.

— Был бы, давно замерз. — Голос Дика улетел по коридору.

Олег протянул Дику факел, чтобы он зажег свой, потом подождал, пока Дик, уступив место Марьяне, зажжет ее факел.

С тремя факелами сразу стало светлее, только очень холодно. Куда холоднее, чем снаружи, потому что там был живой воздух, а здесь воздух мертвый. Коридор закончился дверью, но Олег уже знал, как ее открыть. В действиях Олега появилась еще не настоящая уверенность, но большее единство с кораблем, чем у остальных, которым корабль казался страшной пещерой, и, если бы не голод, они бы остались снаружи. Дойди с ними до корабля Томас, все было бы иначе. Олег не мог взять на себя роль проводника и толкователя тайн, но лучше Олег, чем никто.

За дверью был круглый зал, такого они никогда не видели. В нем мог разместиться весь поселок. Несмотря на свет трех факелов, его потолок пропадал в темноте.

— Ангар, — произнес Олег, повторяя заученные слова Старого. — Здесь посадочные катера и другие средства. Но узел питания был выведен из строя при посадке. Это сыграло роковую роль.

— И вынудило команду и пассажиров идти по горам пешком, — добавила Марьяна.

Старый на уроках заставлял их заучивать наизусть историю поселка, начало этой истории, чтобы не забывалось. «Если у людей нет бумаги, они учат историю наизусть, — говорил он. — Без истории люди перестают быть людьми».

— С огромными жертвами... — продолжил Дик, но не договорил, замолчал: здесь нельзя было говорить громко.

Перед ними, преградив путь, лежал цилиндр длиной метров десять.

— Это тот катер, — сказал Олег, — который они вытянули из ангара на руках, но не успели им воспользоваться, надо было уходить.

— Как холодно. — Марьяна поежилась.

— Он в себе держит холод с зимы, — объяснил Дик. — Куда дальше?

Дик признал главенство Олега.

— Здесь должна быть открытая дверь, — проговорил Олег, — которая ведет в двигательный отсек. Только нам туда нельзя. Мы должны найти лестницу наверх.

— Как ты хорошо все выучил, — чуть улыбнулась Марьяна.

Они снова пошли вдоль стены.

— Здесь должно быть много вещей, — сказал Дик. — Но как мы их понесем обратно?

— А вдруг те, кто здесь умер, ходят? — спросила Марьяна.

— Да кончай ты! — оборвал ее Дик.

— Разумеется! — Олег остановился.

— Что? Что ты увидел?

— Я догадался. Если загнуть концы у лестницы, то тогда ее можно нагрузить вещами и тащить за собой. Ну, как на санях, которые сделал Сергеев.

— А я думала, что ты увидел мертвеца, — шепнула Марьяна.

— Я об этом тоже подумал, — сказал Дик.

— Первая дверь, — сообщил Олег. — Туда нам не надо.

— Я загляну, — решил Дик.

— Там наверняка радиация, — сказал Олег. — Старый говорил.

— Ничего она со мной не сделает. Я сильный.

— Радиация невидима, ты же знаешь. Ты же учился. — Олег пошел дальше, неся факел близко к стене.

Томас был инженером. Томас понимал, что значат эти кнопки и какую силу они в себе несут.

— Сколько всего настроили, — сказал Дик, все еще не примирившийся с кораблем, — а разбились.

— Зато они прилетели через небо, — возразила Марьяна.

— Вот эта дверь, — сообщил Олег. — Отсюда мы попадем в жилые помещения и в навигационный отсек.

Как это всегда звучало: «навигационный отсек», «пульт управления»... Как заклинания. И вот он сейчас увидит навигационный отсек.

— А ты помнишь номер своей комнаты? — спросила Марьяна.

— Каюты, — поправил ее Олег. — Конечно, помню. Сорок четыре.

— Меня отец просил зайти и посмотреть, как все там. У нас сто десятая. А ты ведь родился на корабле?

Олег не ответил. Да вопрос и не требовал ответа. Но странно было, что Марьяна думает так же, как и он.

Олег отвел в сторону дверь. И отпрянул. Он забыл, что этого надо было ожидать. Есть такие краски, которые светятся многие годы. Ими покрашены некоторые коридоры и навигационный отсек.

Свет шел отовсюду и ниоткуда. И было светло. Достаточно, чтобы факелы как бы померкли.

— Ой, — прошептала Марьяна, — а может, тут кто-то живет?

— Хорошо, что есть свет, — сказал Олег. — Сбережем факелы.

— Как будто даже теплее, — произнесла Марьяна.

— Это только кажется, — сказал Олег. — Но мы, наверное, найдем теплые вещи. И будем спать в комнате.

— Нет, — отозвался Дик, который немного отстал и еще не вошел в светлый коридор. — Я не буду спать здесь.

— Почему?

— Я буду спать там, на снегу. Там теплее.

Олег понимал, что Дику страшно спать в корабле, но Олегу хотелось остаться здесь. Он не боялся корабля. Испугался сначала, когда было темно, но не сейчас. Это его дом.

— Я тоже не буду здесь спать, — решила Марьяна. — Здесь есть тени тех, кто жил. Я боюсь.

Справа стена коридора отошла вглубь и была забрана прозрачным, как тонкий слой воды, материалом, и Марьяна вспомнила, что он называется стеклом. А за ним были зеленые растения. С зелеными маленькими листьями, таких зеленых листьев в здешнем лесу не бывает.

— Они не схватят? — спросил Олег.

— Нет, — ответила Марьяна, — они замерзли. На Земле растения не кусаются, разве ты забыл, как нам рассказывала тетя Луиза?

— Это не столь важно, — сказал Дик. — Пошли. Не вечно же гулять просто так. А вдруг тут нет еды?

«Странно, — подумал Олег,— мне совсем не хочется есть. Я давно не ел, а есть не хочется. Это нервы».

Через десять шагов они увидели еще одну нишу, но в ней стекло было разбито. Марьяна протянула руку.

— Нельзя, — остановил Дик.

— Я знаю лучше, я их чувствую. А эти мертвые.

Она дотронулась до ветки, и листья рассыпались в пыль.

— Жалко, — проговорила Марьяна. — Жалко, что нет семян, мы бы посадили их у поселка.

— Направо склады, — сказал Олег. — Давайте посмотрим, что там есть.

Они повернули направо. Посреди коридора лежал разорван-

ный полупрозрачный мешок, и из него выкатилось несколько белых банок — видно, когда люди бежали с корабля, мешок разорвался.

* * *

Это было странное, чудесное пиршество. Они вскрывали банки. Дик — ножом, а Олег догадался, что это можно сделать без ножа, если нажать на край банки; они пробовали то, что было в банках и тюбиках. И почти всегда это было вкусно и незнакомо. И банок было не жалко, потому что там были целые комнаты, полные ящиков и контейнеров, там были миллионы банок и всяких других контейнеров. Они пили сгущенное молоко, но не было рядом Томаса, который сказал бы, что это молоко. Они глотали шпроты, но не знали, что это шпроты; они выдавливали из тюбиков варенье, которое казалось им слишком сладким; они жевали муку, не зная, что это мука. Марьяна расстроилась, что они так напакостили и на полу грязно.

Потом их потянуло в сон — глаза слипались, словно вся усталость последних дней навалилась на плечи. Но все же Олегу не удалось уговорить спутников остаться в корабле и спать в нем. Они ушли вдвоем, и Олег, как только шаги стихли в коридоре, вдруг испугался и еле сдержался, чтобы не побежать за ними. Он лег на пол, раздвинув банки, и проспал много часов, но время здесь, в корабле, не двигалось, его ничем нельзя было поймать. Олег спал без снов, без мыслей, глубоко и спокойно, куда спокойнее, чем Марьяна с Диком, потому что Дик даже с такой усталости несколько раз за ночь просыпался и прислушивался — нет ли опасности. И тогда чутко просыпалась Марьяна, прятавшая голову на его груди. Они накрылись всеми одеялами и палаткой, и им было не холодно, потому что вечером пошел густой снег и завалил палатку, превратил в сугроб.

Олег проснулся раньше тех, кто спал снаружи, потому что замерз. Он долго прыгал, чтобы согреться, потом поел. Это было удивительное чувство: не думать, хватит ли пищи, — он давно не испытывал его. Немного болел живот. Мог бы болеть сильнее, подумал Олег. Было стыдно глядеть на остатки пиршества, и Олег отодвинул в угол комнаты пустые и полупустые банки. «Надо идти обратно, — подумал он. — Пойти позвать ребят? Нет, наверное, они еще спят». Олегу казалось, что его сон длился лишь несколько минут.

Он немного оглядится, потом выйдет наружу и разбудит остальных. В корабле никого нет. Давно никого нет, бояться нечего. Надо уходить обратно, перевал скоро завалит снегом. А они тут спят. Разве можно тут спать?

Олег, как настоящий житель леса, везде отлично ориентировался. Даже в корабле. Он не боялся заблудиться и потому спокойно пошел по пандусу, ведущему наверх, в жилые помещения.

Каюту с круглой табличкой «44» он нашел через час. Не потому, что трудно было найти, просто он отвлекался в пути. Сначала он попал в кают-компанию, где увидел длинный стол, и там ему очень понравились установленные посередине забавные солонки и перечницы, и он даже положил их в мешок по штуке, подумал, что мать будет рада, если он принесет ей такие вещи. Потом он долго рассматривал шахматы — видно, при ударе коробка упала на пол и разбилась, а фигуры рассыпались по полу. Ему никто не рассказывал о шахматах, и он решил, что это скульптуры не известных ему земных животных. И конечно, удивителен был ковер — у него не было швов, значит, его выделали из шкуры одного животного. Эгли рассказывала, что самые большие животные обитают в море и называются китами. Олег видел еще много чудесных и непонятных вещей, и к исходу часа, который потребовался, чтобы добраться до каюты сорок четыре, он был переполнен впечатлениями. Впечатления, накапливаясь, вызывали у Олега отчаяние из-за собственной тупости, из-за неспособности разобраться в вещах и из-за того, что Томас не дошел до корабля и не может все объяснить.

Перед дверью сорок четвертой каюты Олег долго стоял, не решаясь открыть ее, хотя знал, что ничего особенного он там не увидит. И он даже понимал почему. Пусть мать говорила много раз, что его отец погиб при крушении корабля, что он был в двигательном отсеке, где раскололся реактор, все равно ему казалось, что отец может быть там. Почему-то Олег никогда не верил в смерть отца, и отец оставался живым на корабле, ожидающим, несчастным. Может, это происходило от внутренней убежденности матери, что отец жив. Это был ее кошмар, ее боль, которую она тщательно скрывала ото всех, даже от сына, но сын об этой болезни знал.

Наконец Олег заставил себя отодвинуть дверь. В каюте было темно. Стены ее были покрыты обычной краской. Пришлось задержаться, зажечь факел, и глаза не сразу привыкли к полутьме. Каюта состояла из двух комнат. В первой стоял стол, диван, здесь ночевал отец, во второй, внутренней комнате жила мать с ним, с Олегом, младенцем.

Каюта была пуста. Отец не вернулся в нее. Мать ошиблась.

Но Олега ждал иной сюрприз, иное потрясение, выражение той паузы, в которой жил корабль с момента, как люди покинули его, и до того дня, когда к нему вернулся Олег.

В маленькой комнате стояла детская кроватка. Он сразу понял, что это сооружение с расстегнутыми и висящими по сторо-

нам ремнями, мягкое, как бы повисшее в воздухе, предназначено для маленького ребенка. И вот почему-то недавно, минуту назад, ребенка унесли отсюда в спешке, даже оставили один маленький розовый носок и разноцветную погремушку. Олег, еще не осознав до конца, что встретился с самим собой в этом заповеднике остановившегося времени, поднял погремушку и взмахнул ею, и именно в этот момент, услышав звук погремушки и, как ни странно, узнав его, он осознал реальность корабля, реальность этого мира, более глубокую и настоящую, чем реальность поселка и леса. В обычной жизни нельзя встретиться с самим собой. Вещи исчезают, а если что-то и остается, то остается как память, как сувенир. А здесь, в петле, прикрепленной к бортику кровати, висела недопитая бутылочка с молоком, молоко замерзло, но его можно было растопить и допить.

И, увидев себя, встретившись с собой, осознав и пережив эту встречу, Олег принялся искать следы двух других людей, бывших здесь по ту сторону остановившегося времени, — отца и матери.

Мать найти было легче. Она бежала отсюда, унося его, Олега, поэтому на ее кровати в глубине каюты валялся скрученный, смятый, сорванный второпях халат, мягкая туфля высовывалась из-под кровати, книга, заложенная листком бумаги, лежала на подушке. Олег поднял книгу, осторожно, боясь, не рассыплется ли она, как то растение в коридоре. Но книга отлично перенесла мороз. Книга называлась «Анна Каренина» и была написана Львом Толстым. Это была толстая книга, а на закладке набросаны формулы — мать была физиком-теоретиком. Олег никогда не видел почерка матери, потому что в деревне не на чем было писать, он никогда не видел книги, потому что книг в тот момент никто не брал с корабля, Олег слышал имя писателя на уроках тети Луизы, но не думал, что писатель может написать такую толстую книгу. Олег взял книгу с собой. И он знал: как бы ни было тяжело идти назад, он книгу донесет. И этот листочек с формулами. И потом, подумав, он положил в мешок туфли матери. Они казались очень узкими для ее разбитых, старых ног, но пускай они у нее будут.

А следы отца, хоть и были вещественны и очевидны, почему-то не произвели на Олега такого впечатления, как встреча с самим собой. Это случилось потому, что отца в тот момент, когда корабль разбился, не было. Он ушел раньше. Он ушел на вахту, убрав за собой, — отец был аккуратным человеком, не терпел беспорядка. Его книги стояли в ряд на полке за стеклом, его вещи висели в стенном шкафу... Олег вынул из шкафа мундир отца. Наверное, он не надевал его на корабле, мундир был совсем новым, синим, плотным, с двумя звездочками на груди, над карманом куртки, с тонким золотым лампасом на узких штанах. Олег вынул мундир из шкафа и приложил к себе — мундир был немно-

го великоват. Тогда Олег надел куртку поверх своей, и она стала впору, только пришлось чуть подогнуть рукава. Потом подвернул штанины. Если бы отец жил в деревне и ходил в этом мундире, он разрешил бы Олегу иногда надевать его.

Теперь корабль окончательно принадлежал Олегу. Даже вернувшись в лес, он всегда будет тосковать по кораблю и стремиться обратно сюда, как стремится Старый и как стремился Томас. И в этом тоже не было ничего плохого, в этом была победа Старого, который не хочет, чтобы те, кто растет в деревне, стали частью леса. Теперь Олег окончательно понял, как и почему думал Старый, и слова его приобрели смысл, осознать который можно было только здесь.

Олег догадался откинуть крышку стола, там с внутренней стороны оказалось зеркало. Олегу приходилось видеть себя отраженным в луже. Но в большом зеркале он не видел себя никогда. И, глядя на себя, он осознавал раздвоение, но это раздвоение не было противоестественным — ведь там, за открытой дверью, только что был он, маленький Олег, он даже не допил молоко. А теперь он стоит перед зеркалом в мундире отца. Конечно, он сейчас совсем не похож на отца, потому что лицо его обветрено, обморожено, обтянуто темной кожей с ранними морщинами от недоедания и жестокого климата, но все-таки это он, Олег, вырос, вернулся, надел мундир и стал членом экипажа корабля «Полюс».

В письменном столе он нашел записную книжку отца, половина страниц в ней была пустой, не меньше ста пустых белых листков, целое сокровище для Старого. Можно будет учить ребят, рисуя на бумаге разные вещи, которых они никогда не видели. Ведь им надо будет, как подрастут, обязательно вернуться к кораблю. И еще он нашел там несколько объемных цветных картинок, фотографий с видами земных городов, и тоже взял с собой. Некоторые другие вещи были непонятны, их Олег трогать пока не стал — он понимал, что возвращение к поселку будет трудным. Но одну вещь он взял, потому что сразу догадался, что это такое, и понял, как будут счастливы Сергеев и Вайткус, который рисовал ему эту вещь на влажной глине и много раз повторял: «Я никогда не прощу себе, что никто из нас не взял бластера. Ни один человек». «Ты зря казнишься, — отвечал Старый, — для этого надо было возвращаться на мостик, а там была смертельная радиация». Оказывается, бластер лежал у отца в столе.

Рукоять надежно легла на ладонь. И чтобы проверить, есть ли в бластере заряд, он направил его на стену и нажал на спуск. Из бластера вылетела молния и опалила стену. Олег зажмурился, но еще с минуту после этого в глазах прыгали искры. И Олег вышел в коридор с бластером в руке: теперь он был не только хозяином

корабля, но еще и получил возможность говорить с лесом не как проситель. Нас не трогайте!

В коридоре Олег остановился в раздумье. Хотелось пойти в навигационный отсек или в узел связи, но разумнее вернуться на склад, потому что если Дик с Марьяной пришли туда, они будут волноваться.

Олег быстро пошел обратно, но склад был пуст. Никто туда не заходил. Ну что ж, разбудим их. К тому же, хоть Олег в этом себе не признавался, хотелось показаться им в мундире космонавта, хотелось сказать: «Вы проспите все на свете. А нам пора улетать к звездам...»

На этот раз он пересек ангар напрямик, путь назад оказался куда короче, чем вчера, он уже привык к кораблю. Впереди показался яркий свет — люк наружу был открыт. Они его забыли закрыть. Хотя это здесь не важно, на такой высоте вряд ли водятся звери, что им тут делать?

Олег зажмурился и постоял так с минуту, пока глаза не привыкли к солнечному свету. Солнце стояло высоко, ночь давно прошла. Олег открыл глаза и испугался.

Никаких следов Дика и Марьяны: снег за ночь все сровнял и сгладил, снег без единого темного пятна.

— Эй! — сказал Олег негромко. Тишь стояла такая, что страшно было ее разбудить.

И тут же Олег заметил, как что-то зашевелилось метрах в двадцати от корабля. Там был невысокий пологий снежный холм. И зверь, белый, почти сливающийся со снегом, какого раньше Олегу не приходилось видеть, похожий на ящерицу, только мохнатую, длиной метра четыре, осторожно, словно боясь спугнуть добычу, разрывал холм. Олег как зачарованный глядел на зверя и ждал, что будет дальше, он не связал белый сугроб с ночевкой Дика и Марьяны. Даже когда лапы зверя разгребли снег и там показалось темное пятно покрывала палатки, он все равно стоял неподвижно.

Но в этот момент проснулся Дик, он сквозь сон услышал, как ворочается над ними зверь, и его нос уловил чужой опасный запах зверя. Дик, выхватив нож, рванулся из-под палатки, но запутался в одеялах. Олегу показалось, что снежный сугроб внезапно ожил, взметнулся вверх столбом снега. Зверь, ничуть не испуганный этим взрывом, а, наоборот, убедившийся в том, что не ошибся, раскапывая добычу, сцапал когтистыми лапами комок шкур и старался придавить его к земле, придушить, рыча и радуясь добыче.

Олег — лесной житель — нащупывал у пояса нож и примеривался для прыжка, глазами уже пытаясь угадать, где у этого белого зверя уязвимое место, куда надо вонзить нож. А Олег — житель

корабля и сын механика — вместо ножа выхватил бластер, но стрелять отсюда, сверху, издали, не стал, а спрыгнул на снег и бросился к зверю, сжимая в руке оружие. Зверь, увидев его, поднял морду и зарычал, отпугивая Олега, видно, приняв его за конкурента, и тогда, уже без опаски попасть в Дика, Олег остановился и всадил в оскаленную морду заряд бластера.

* * *

Пока Дик с Марьяной, пообедав и обойдя корабль, стаскивали ко входу то, что надо взять в поселок, Олег забрался на самый верх, в навигационный отсек. Он звал Дика с собой, но тот не пошел — ему достаточно было добычи. Не могла и Марьяна — Олег показал ей, где находится госпиталь, и она отбирала лекарства и инструменты, которые описала ей Эгли. А надо было спешить, потому что снова пошел снег и заметно похолодало. Еще день, и из гор не выбраться — снег будет идти много дней, и морозы упадут до пятидесяти градусов. Так что Олег оказался в навигационном отсеке один.

Он постоял несколько минут в торжественном окружении приборов в центре погибшего корабля, создание которого было немыслимым подвигом миллионов умов и тысяч лет человеческой цивилизации. Но Олег не испытывал ни ужаса, ни безнадежности. Он знал, что теперь поселок, по крайней мере для него, Олега, превратится из центра вселенной во временное убежище на те годы, пока корабль не станет истинным домом: пока они не поймут его настолько, чтобы с его помощью найти способ сообщить о себе на Землю. Для этого надо — старшие тысячи раз обсуждали это — восстановить аварийную связь.

Олег вошел в радиоотсек, потому что Старый сказал ему, где искать справочник и инструкции по связи, те, которые надо понять прежде, чем умрет Старый и умрет Сергеев: только они могут помочь ему, Олегу, и тем, кто придет вслед за Олегом.

В радиоотсеке Олег не сразу отыскал ящик с инструментами. Он вынул справочники, их оказалось много, и неизвестно, какой нужен. Но Олег знал, что он скорее выкинет туфли матери, чем эти книги. Он рад бы взять с собой какие-нибудь детали, инструменты, которые пригодятся, но понимал, что это придется отложить до следующего раза, когда он будет понимать смысл этих экранов и панелей.

И тут внимание Олега привлекло слабое мерцание в углу панели, полуприкрытой креслом оператора. Олег осторожно, словно к дикому зверю, подошел к тому месту.

На панели равномерно вспыхивал зеленый огонек.

Олег попытался заглянуть за панель, чтобы понять, почему это происходит, но не удалось. Он уселся в кресло оператора и начал нажимать на кнопки перед панелью. Тоже ничего не произошло, огонек все так же мерцал. Что это означает? Почему огонек? Кто оставил его? Кому он нужен?

Рука Олега дотронулась до ручки, которая легко подалась и сдернулась вправо. И тогда из-за тонкой решетки рядом с огоньком донесся тихий человеческий голос:

— Говорит Земля... Говорит Земля... — Затем раздался писк в такт мерцанию огонька, и в писке был какой-то непонятный смысл. Через минуту голос повторил: — Говорит Земля... Говорит Земля...

Олег потерял ощущение времени. Он ждал снова и снова, когда раздастся голос, которому он не мог ответить, но который связывал его с будущим, с тем моментом, когда он ответить сможет.

Его вернул к действительности звоночек наручных часов — их нашел в своей комнате Дик и отдал ему. Часы звенели каждые пятнадцать минут. Может, так было нужно.

Олег поднялся, ответил голосу Земли:

— До свидания.

И пошел к выходу из корабля, волоча кипу справочников, в которых не понимал ни единого слова. Дик с Марьяной уже ждали его внизу.

— Я за тобой собирался, — сказал Дик. — Ты что, хочешь здесь насовсем остаться?

— Я бы остался. Я слышал, как говорит Земля.

— Где? — воскликнула Марьяна.

— В радиоотсеке.

— Ты ей сказал, что мы здесь?

— Они не слышат. Это какой-то автомат. Ведь связь не работает. Разве ты забыла?

— А может, теперь заработала?

— Нет, но обязательно заработает.

— Ты это сделаешь?

— Вот книги. И я их выучу.

Дик скептически хмыкнул.

— Дик, Дикушка, — взмолилась Марьяна, — я только сбегаю туда и послушаю голос. Это быстро. Пойдем вместе, а?

— Кто все это будет тащить? — спросил ворчливо Дик. — Ты знаешь, сколько снега на перевале?

Он уже снова чувствовал себя главным. Из-за пояса у него торчала рукоять бластера. Но арбалет, разумеется, не бросил.

— Дотащим. — Олег бросил мешок на снег. — Пошли, Марь-

яшка, ты послушаешь голос, тем более что я, конечно, забыл самое главное. В госпитале есть небольшой микроскоп?

— Да, даже не один.

— Ладно, — сказал Дик, — тогда я с вами.

* * *

Они втроем впряглись в сани и волокли их сначала вверх по крутому склону котловины, потом по плоскогорью, потом вниз. Шел снег, и идти было очень трудно. Но было не холодно. И было много еды. Пустые банки они не выкидывали.

На четвертый день, когда начали спускаться по ущелью, где тек ручей, они вдруг услышали знакомое блеяние.

Коза лежала под скальным навесом у самой воды.

— Она нас ждала! — закричала Марьяна.

Коза исхудала так, что казалось, вот-вот умрет. Три пушистых козленка возились у ее живота, стараясь добраться до сосков.

Марьяна быстро откинула покрывало на нартах и стала искать в мешках, чем накормить козу.

— Смотри не отрави ее, — предупредил Олег.

Коза показалась ему очень красивой. Он был рад ей. Почти как Марьяна. И даже Дик не сердился, он был справедливым человеком.

— Молодец, что от меня убежала, — похвалил он. — Я бы тебя наверняка убил. А теперь мы тебя запряжем.

Правда, запрячь козу не удалось. Она вопила так, что тряслись скалы, к тому же козлята тоже оказались крикливыми созданиями и переживали за мать.

Так и шли дальше: Дик с Олегом волокли нарты, Марьяна поддерживала их сзади, чтобы не опрокинулись, а последней шла коза с детенышами и канючила — ей вечно хотелось есть. Даже когда спустились к лесу и там были грибы и корешки, она все равно требовала сгущенного молока, хотя так же, как и путешественники, не знала еще, что эта белая сладкая масса называется сгущенным молоком.

Часть II

ЗА ПЕРЕВАЛОМ

Глава 1

Оттепель затянулась на две недели.

Судя по календарю, весне наступать было рано, но все надеялись, что морозы больше не вернутся.

В поселке двойной календарь. Один — местный, он определяется сменой дней, приходом зимы и лета. Второй — земной, формальный. Как закон, которому никто не подчиняется.

Давно, почти девятнадцать лет назад по земному счету и шесть лет по местному, когда остатки тех, кто спасся после гибели «Полюса», достигли леса, Сергеев сделал первую зарубку на столбе, вбитом за крайней хижиной. Одна зарубка — земной день. Тридцать зарубок или тридцать одна — земной месяц.

Постепенно календарь превратился в целый лес столбов с зарубками. Над ними соорудили навес от дождя и снега, зарубки были разные. Одни длинные, другие короткие. Возле некоторых дополнительные знаки. Знаки смерти и знаки рождения. Знаки эпидемии и знаки больших морозов.

Когда Олег был маленьким, эти столбы казались ему живыми и всезнающими. Они всё помнили. Они помнили, что он плохо выучил географию или нагрубил матери. Как-то Марьяна призналась Олегу, что тоже боялась этих столбов. А Дик засмеялся и рассказал, что хотел срезать со столба плохую зарубку, но Старый поймал его и отчитал.

Календарь Сергеева был лживым. Все об этом знали. Он был лживым дважды. Во-первых, сутки здесь на два часа длиннее, чем на Земле. Во-вторых, таких суток в году больше тысячи. Короткое лето, длинная дождливая осень, четыреста дней зимы и холодная, тоже длинная весна. Вся эта тягучая арифметика и стала как бы водоразделом между старшими, пришедшими с корабля, и молодым поколением. Старшие делают вид, что верят столбам под навесом и отсчитывают земные годы. Младшие приняли местный год, как он есть. Иначе как разберешься, если осень — это год и зима — тоже год...

Оттепель затянулась на две недели. Снег съежился, пошел проплешинами. Склон кладбищенского холма, обращенный к поселку, стал бурым — вылезла и зашевелилась, поверив, что наступила весна, молодая поросль лишайника. Единственная улица поселка превратилась в длинную полосу грязи. За домами по-

лоса раздваивалась — узкое русло шло к воротам в изгороди, широкое заканчивалось у мастерской и сараев. Справа от мастерской, перед козлятником, образовалась глубокая зеленая лужа. Утром козлята разбивали в ней ледок острыми когтями и копались в грязи, разыскивая червей. Потом начинали играть, драться, поднимать брызги, падали в жижу, сучили ногами — тоже приветствовали видимость весны. Лишь коза по имени Коза, матриарх этого семейства, отлично понимала, что до весны еще далеко. Она часами торчала возле мастерской, откуда тянуло теплом, а когда ей становилось невтерпеж, принималась тереться панцирем о стенку. Мастерская раскачивалась, Олег выбегал наружу и гнал козу палкой. При виде Олега коза поднималась на задние ноги, суетливо размахивала передними, нависала над Олегом и тонко блеяла от радости. Она была убеждена, что ее любимец шутит. Тогда Олег звал на помощь Сергеева. Его коза побаивалась. «А ну, — грозно говорил Сергеев, — возвращайтесь, мадам, к материнским обязанностям. Ваши дети — беспризорники». Коза не спеша уходила, высоко подкидывая зеленый зад. К беспризорникам она не возвращалась, а брела к изгороди и замирала там, надеясь, что появится ее друг, матерый козел, выше трех метров в холке, украшенной острыми костяными пластинами.

Порой козел возникал на опушке и тонким голосом звал козу гулять. Близко к изгороди он не подходил, опасался людей. Коза бежала к воротам и, если там никого не было, сама открывала засов и пропадала на несколько дней. От этих прогулок уже трижды случались приплоды, и потому в сарае жило семеро козлят разного возраста.

Пользы от козлиного стада было мало, но козы стали частью быта, доказательством живучести поселка, развлечением для ребятишек, которые ездили на них верхом, хотя козлятам это не нравилось и проделки наездников кончались синяками. Можно, конечно, было их зарезать и съесть — убивали же охотники диких коз. В середине зимы, когда стало плохо с пищей, Дик предложил сам все сделать. Но Марьяна воспротивилась, и ее поддержал Старый. Дик пожал плечами, он не любил спорить и ушел в лес, несмотря на метель. Вернулся он поздно вечером, обморозив пальцы на левой руке, но принес небольшого медвежонка.

Одно преимущество от существования козы все же было. Она оказалась изумительной сторожихой. И научила сторожить козлят. Стоило чужому подойти к изгороди, как козлиное семейство поднимало такой шум, что просыпался весь поселок. Правда, потом, если козе мерещилось, что опасность серьезная, она неслась в первый попавшийся дом прятаться. Тут она умудрялась перебить все, что плохо лежит, и опустошить, если вовремя не спохватишься, все миски и кастрюли.

Коза, существо добродушное и общительное, ненавидела только Чистоплюя. Вернее всего, ей в прошлом приходилось с ним встречаться. Близко к его клетке она подходить не решалась, но с почтительного расстояния топотала, угрожающе раскачивала гребнем, блеяла и требовала, чтобы поселок очистили от такого отвратительного жителя.

Первым познакомился с Чистоплюем приемыш большой Луизы, Казик.

К весне Казику исполнилось тринадцать лет, хотя на вид не дашь и десяти. Маленький, сухой, темная кожа вся в синих отметинах перекатиполя, руки в царапинах, шрам через лоб, наискось. Казика прозвали Маугли, потому что лес для него был родным домом. Если другие подростки могли бродить по лесу, если надо — и переночевать, зная, как укрыться от хищников в мягкой развилке белой сосны, Маугли мог жить в лесу неделями. По лесу он шел хозяином. И это знали все. Деревья послушно убирали ветки с его пути, грибы закапывались в землю, лианы-хищницы поджимали хвосты. Его запаха боялись даже шакалы. Маугли никогда не брал в лес арбалета. Он умел метать нож с такой силой и точностью, что мог пригвоздить комара к стволу с расстояния в пятьдесят метров.

В поселке Казик был всегда тих и неразговорчив. Он никогда не плакал и не дрался. И никто не хотел драться с ним, потому что в любой драке Казика охватывала холодная ярость. Он не умел играть.

Сначала Луиза боялась, что Казик — отсталый ребенок. Но в школу он ходил послушно, и, хотя никогда в классе не вызывался отвечать и не задавал вопросов, предпочитая молчать, когда другие шумно обсуждали что-нибудь, он все запоминал. Старый утверждал, что у Казика отличная фотографическая память. «На Земле, — говорил он, — из него бы вырос выдающийся человек. Здесь же не хватает интеллектуальной пищи. Это талантливейший, но вечно голодный мозг». «Дай ему все, что можешь, — отвечала большая Луиза, — а потом мы вернемся на Землю, и другие дадут остальное».

Идолом, покровителем и верным другом Казика был Дик. И потому, что Дик был человеком леса, и потому, что оба они были сиротами. Дик вообще едва помнил своих родителей. Казик потерял их в эпидемию, когда был маленьким. Он никогда не называл Луизу матерью. Фумико, второй приемыш Луизы, звала ее матерью. Казик — только Луизой.

Осенью, после возвращения с гор, где лежал разбитый «Полюс», Казик с Диком были в лесу. Они пошли на дальнюю охоту, к югу, километров за двадцать. Туда осенью откочевывают стада мустангов. Мясо мустангов несъедобно, даже шакал не трогает

мустанга. Но у мустангов есть удивительный воздушный пузырь. Животное раздувает его, когда спасается от погони. Тогда мустанг из сухого, поджарого, чем-то схожего с лошадью насекомого превращается в блестящий шар и поднимается в воздух. Его воздушный пузырь эластичен и крепок. Из него получаются оконные пленки, мешки, сумки, пузыри для воды и зерна и многие другие полезные вещи. А девочки в поселке завели моду — радужные легкие накидки — и бегают в них, как стрекозы.

Охотники вышли на рассвете. Ничего интересного в лесу они не встретили. В те дни все еще жили памятью об удивительном походе к перевалу, и потому немногословный Казик был на себя не похож — он замучил Дика вопросами. Он бесшумно и легко шагал рядом, глядя под ноги, чтобы накрыть жесткой ладошкой сладкий грибок и кинуть, не останавливаясь, в рот, иногда стрелой кидался в сторону, чтобы принюхаться к следу, но тут же возвращался с очередным вопросом:

— Он весь из железа?

— Из сплава.

— И больше нашего поселка?

— Как наша изгородь. Нет, больше.

— И круглый?

— Маугли, ты это уже спрашивал.

Дик не любил говорить в лесу. В лесу далеко слышно. В лесу надо самому слушать. Казика эти соображения не смущали. Он все равно слышал лучше любого зверя.

— Я еще спрошу, — упрямо отвечал Казик. — Мне нравится спрашивать. Будущим летом ты возьмешь меня к «Полюсу»?

— Обязательно. Если ты будешь себя хорошо вести.

Казик фыркнул. Он вел себя так, как считал нужным.

— Я хочу полететь к звездам, — сказал Казик. — Звезды куда больше, чем наш лес, чем вся эта земля. Ты знаешь, куда я поеду, когда мы вернемся на Землю? Я поеду в Индию.

— Почему? — удивился Дик.

— Так... — Казик вдруг смутился. — Хочу.

Некоторое время они шли молча.

— Я бы остался здесь, — вдруг произнес Дик. Он никогда никому не говорил об этом.

Казик молчал. Вдруг он разбежался, прыгнул на низкий горизонтальный сук дерева, дотянулся до орехового гнезда и, сорвав его, кинул себе в мешок.

— Вечером поджарим, — сказал он, спрыгивая на землю.

Дик нахмурился. Он был недоволен собой. Это ему следовало бы увидеть гнездо орехов. Для Дика лес был полем боя, на котором он всегда старался побеждать. В лесу таились опасности, которые надо преодолеть или обойти, в лесу скрывалась добыча,

которую надо настичь, хищники или смертоносные твари, которых надо убить, чтобы они не убили тебя. Казику же лес был домом, может, даже больше домом, чем поселок, потому что само существование поселка было чуждо этому миру, и лес мирился с ним только потому, что люди оказывались умнее и хитрее. Лес Казику был понятен и потому не страшен. Он не боролся с врагами. Если он был сильнее, то гнал противника. И уступал дорогу тому, кто сильнее его. Но и особой любви к лесу он не чувствовал, как не испытывал каких-либо чувств к воздуху или воде. Все его мечты, мысли, надежды были связаны с тем миром, который жил в рассказах взрослых, в памяти Луизы и Старого. Тот мир — обиталище звезд и космических кораблей, мир, в котором его ждала Земля, — был ему формально известен лучше, чем любому другому жителю поселка. Только об этом никто не догадывался. Потому что Казик запомнил все, что говорил о Земле Старый, все, что слышал из разговоров взрослых. Он знал высоту Эвереста и даты жизни Александра Македонского, атомный вес всех элементов и длину Брахмапутры, его мальчишеская голова была напичкана цифрами и сведениями, не имеющими никакого отношения к сумрачному миру поселка. Особенно его пленяла история — бесчисленность поколений, каждое из которых жило, воевало, строило, сменяя друг друга на Земле. Миллиарды людей и миллионы событий, связанные сложным клубком отношений, превращали лес и поселок в некую абстракцию, подобие скучного сна, который надо перетерпеть. «Я целый год буду ходить по музеям, — говорил он себе. — Я знаю, как они называются: Эрмитаж, Лондонский музей, Прадо, Пергамон...» Но об этом он никому не говорил. Зачем говорить?

Когда летом Марьяна, Дик с Олегом и Томас Хинд отправились к перевалу, Казик мысленно прошел с ними весь путь по горам. И задолго до того, как они возвратились, он перестал есть, спать — он слушал. Слушал, когда они вернутся. Именно он встретил их километрах в десяти от поселка, когда они из последних сил тащили по грязной земле самодельные сани, нагруженные сокровищами с корабля.

Он допросил каждого в отдельности, тихо и настойчиво, о том, что они видели на корабле. Он знал, что надо ждать следующего лета, чтобы вернуться к «Полюсу», и три земных года казались ему недолгими. Пройдет зима, Олег с Сергеевым догадаются, как починить связь, настроят радио, и тогда Земля пришлет помощь.

Когда стемнело, а стемнело часа в четыре, Дик с Казиком остановились на ночлег в роще вонючек. Звери леса избегают таких мест, но если потерпеть, то к запаху можно привыкнуть. На следующее утро Дик с Казиком нашли стадо мустангов, подкрались

к нему так, что насекомые их не учуяли, и выборочно убили нескольких старых самцов. Дик стрелял из арбалета, бластер, взятый на корабле, он носил с собой, но не пользовался им — берег заряд. Казик убил только одного мустанга. Его задача на охоте была другой — он гнал самцов к Дику так, чтобы они не могли взлететь. Убил он, метнув нож, который ему выточил Сергеев — тот сделал ножи всем жителям поселка из металлической лестницы. Ее притащили с «Полюса».

Дик остался свежевать мустангов: вырезать пузырь, не повредив его, — кропотливая работа, не для мальчишки. Казику не сиделось на месте, он пошел вниз по берегу ручья, поглядеть, нет ли там улиток. Из их раковин получались отменные скребки и блюдца — женщины в поселке скажут спасибо.

Казик прошел метров триста. Он думал о волшебной стране Индии, где в молодости жила Луиза, он входил в ворота города со сказочным названием Хайдарабад. И вдруг он услышал хлопок, что-то мелькнуло перед глазами, и в следующее мгновение Казик обнаружил, что стоит посреди озерка, которого только что не было.

Озерко было совершенно круглым, метра три в диаметре, глубиной сантиметра два-три, не больше — травинки и камешки выступали из него. Оно было совершенно гладким и отражало затянутое облаками фиолетовое небо. Как будто сверху упала громадная капля.

Казик замер. Как любой обитатель леса, он не любил неожиданностей.

Лес насторожился и молчал, Казик хотел отступить и осторожно начал поднимать ногу. Но жидкость держала его за сапоги, сшитые из толстой рыбьей кожи, на глазах твердела, стеклянела.

Казик встревожился и свистнул, призывая на помощь Дика. Он не сообразил, что ушел далеко и Дик не услышит. Тогда он снова замер, размышляя, что делать. И тут плотная стена листьев зашевелилась, и из них медленно вылезла тварь, схожая с крабом, с которого сняли панцирь и спереди приспособили хобот. Тварь была незнакома Казику и не имела названия. Но от нее исходила опасность. И мальчик назвал ее гадом.

По сторонам хобота, ниже бессмысленных оловянных глаз, у гада были отверстия, затянутые мембранами. Мембраны чуть дрожали, и Казик интуитивно понял, что ему надо опасаться именно их. Поэтому, когда мембраны открылись и из скрытых ими отверстий метнулись две струи клейкой желтой жидкости, Казик был к этому готов и, хоть его ноги были прикованы к затвердевшей луже, извернулся и присел. Жидкость с громким плеском ударилась о лужу и потекла по ней, как вода по льду.

Гад был очень удивлен, что промахнулся. Он не привык к подобному поведению жертвы. Гад повел головой, поднял к небу хобот, затопал тонкими ломкими ногами — он был в гневе.

Казик даже улыбнулся, увидев, как гад прикрыл отверстия мембранами и начал раздуваться, пыжиться, тужиться, затем вновь открыл мембраны, но вместо упругих струй из отверстий вылились две жалкие струйки. Гад осел на задние лапы — видно, собрался ждать и думать, если у него, конечно, было чем думать. Казику же предстояло решить проблему, как выбраться из ловушки.

Клей, ссохшись, сжал ноги. Ясно было, что сапогами придется пожертвовать, Казик стал вытаскивать ноги из сапог. Теперь надо было прыгнуть в сторону, метра на полтора, стараясь не коснуться голыми ступнями клея. Глядя на Казика, гад снова взволновался. Он потрогал когтем передней ноги клей с края и, поняв, что тот еще не засох и жертву голыми руками не взять, отправился, медленно и неуверенно переставляя ноги, вокруг клеевой ловушки, отыскивая место, откуда можно дотянуться до Казика хоботом.

Казик прыгнул в дальнюю от гада сторону так, чтобы приземлиться на руки и подтянуть ноги. Прыжок почти удался, но правая нога голой подушечкой ступни коснулась края клеевого озера, и ее, прихваченную клеем, остро обожгло. Пытаясь оторвать ногу, Казик закричал так, что слышно было, наверное, в поселке, а гад, сообразив наконец, что муха попалась, шустро поспешил к Казику.

Изогнувшись, Казик вытащил нож и хотел было метнуть его в гада, но понял, что важнее сейчас освободить ногу — неизвестно еще, поможет ли нож против этого существа.

Казик быстрым движением попытался срезать слой клея, но нож только скользил по стеклянной поверхности. И тогда, чувствуя, как тянется к нему хобот гада, Казик полоснул себя по ступне, промахнулся и поднял нож, чтобы ударить в хобот, который уже дотянулся до него, обдав холодным кислым запахом.

И в этот момент Дик выстрелил в гада из бластера.

Дик не слышал свиста, но услышал крик о помощи и, когда прибежал, испугался за Казика. Он стрелял, пока рыхлое тело не превратилось в черный дымящийся клубок и ноги не рассыпались, как сучья, обломанные с дерева. Пахло озоном.

Казик с удивлением поглядел на кучу золы, окруженную сухими сучьями, и сказал:

— Зачем же так? Пистолет жалко.

Он никогда еще не видел действия бластера, но знал, что заряд надо беречь.

— Дурак, — бросил Дик. — Он бы тебя высосал. Кто по лесу ходит, задрав нос? В Индию собрался?

Казик промолчал. Ему удалось оторвать ступню от клея. Текла кровь. Он полез в мешок за бальзамом. Потом проговорил:

— Сапоги жалко.

Ногу смазали и перевязали, и Казик доехал до поселка на плечах Дика. Дику было тяжело. Он тащил еще и мешок с пузырями мустангов, но Дик был сильным, и все знали об этом. Поэтому он терпел. Казик тоже молчал, хотя ступня болела, и потом, в поселке, он две недели прыгал на одной ноге.

Приключение с Казиком явилось причиной важных событий. Первым толчком к ним послужили слова Казика. Он тогда сидел на койке и смотрел, как его приемная мать шьет ему сапоги. Еще утром Вайткус принес крой — он вырезал заготовки из рыбьей кожи, и большая Луиза сшивала их.

Работа эта была первобытная, хотя Марьяна и принесла с «Полюса» настоящие иголки. Ниток она там не нашла, и потому в поселке, как и прежде, использовали нитяные стебли водорослей, а они были довольно толстыми, и их все время приходилось связывать — уж очень коротки. Луиза, как всегда, ворчала, потому что ненавидела шитье, на которое в поселке уходило так много времени, Казик смотрел на нее, а потом сказал:

— Как выздоровлю, пойду в лес и притащу этого гада.

— Какого гада? Зачем? — не поняла Луиза.

— Чтобы шить.

— Почему твой гад должен шить?

— Ты не понимаешь, — ответил Казик. — Он не будет шить, он будет клеить.

Луиза пропустила слова Казика мимо ушей, но тот был человеком настойчивым. Как только он смог подняться с постели, он приковылял к Старому и попросил у него ненужную сеть. Старый ловил сетями рыбу в озерках за болотом, сети часто рвались, и Старый, который считал вязанье сетей лучшим транквилизатором и потому накопил их великое множество, выбрал самую большую и крепкую и даже согласился участвовать в экспедиции по поимке гада.

Еще в поход отправились Фумико, сводная сестра Казика, и старший из детей Вайткуса, добряк Пятрас. Ну и, конечно, Дик. Три дня они путешествовали по зарослям, пока не отыскали плюющего клеем гада. Дик раздразнил его, и гад выплюнул весь запас клея. После этого накрыть его сетью и дотащить до поселка было нетрудно. Главное — не обломать ему ноги.

Гаду соорудили клетку, кормили его червями и улитками. Он себя отлично чувствовал, обмотал клетку изнутри паутиной и считал родным домом. Он был туп и медлителен, ну а что до не-

привлекательной внешности — в поселке привыкли к уродам и пострашнее.

Назвали гада Чистоплюем. Можно было бы назвать Чистоплюя пауком или крабом, но эти имена уже достались другим существам.

Старый давно заметил, что постепенно земной язык изменяется, приспосабливается к новой действительности. Словарный запас детей питался лишь из речи небольшой кучки взрослых, остальной мир планеты был безгласен. Поэтому язык неизбежно беднел, несмотря на то что Старый в школе заставлял учеников заучивать наизусть стихи, которые помнил, а если не помнил, то звал других взрослых, и они восстанавливали забытые тексты вместе.

«Хорошо ребенку на Земле, — говорил Старый. — Родители только сетуют — сколько лишних слов он схватывает в школе или на улице, включая визор или путешествия. А ведь земной ребенок — счастливый человек. У него избыток информации, которая льется на него со всех сторон. И вся облечена в слова. А что у нас? Полдюжины взрослых, которые обходятся тысячью слов».

Олег не соглашался со Старым. Он считал, что язык нового поколения не так уж и беднеет. Он просто изменяется. Потому что дети часто должны находить слова для явлений и вещей, которые неизвестны или неинтересны взрослым. Им приходится не только самим придумывать слова, но и вкладывать в старые новое содержание. Однажды Олег слышал через перегородку, как шестилетний Ник Вайткус оправдывается перед Старым, что опоздал на урок.

— Я трех ягодинок принял на ложку, — говорит он, — на ноготь глубже Арниса.

— Иди садись, — ответил Старый, сделав вид, что понял. Но не понял.

А для Олега эта фраза была полна значения. Ее не надо было расшифровывать, достаточно окунуться в мир мальчишек поселка, о котором Старый, что бы он ни говорил, имел только приблизительное представление.

А дело было вот в чем: как-то прошлым летом на яблони, что росли у изгороди, напали «ягодки». Это были ленивые красные жучки, которые висели на ветках, не спеша вгрызаясь в кору. Вайткус старался истребить их, поливая яблони раствором, похожим на известь, даже разбавленным шакальим ядом, но ничего не выходило — они были живучи и упрямы. А потом в один прекрасный день ягодки исчезли. Взрослые ничего не заметили, а Вайткус вздохнул с облегчением — крупные сладкие плоды деревьев были источниками витаминов зимой. Мальчишки же знали, что «ягодки» никуда не делись, а превратились в голубоватые

шипы, которые закопались в землю возле изгороди, чтобы переждать зиму. Ребята называли эти шипы ягодинками, взрослые же никакой генетической связи между ягодами и ягодинками не видели. Эти шипы обладали удивительной способностью. Если какое-нибудь теплокровное существо проходило в том месте близко от изгороди, шипы выскакивали из земли, стремясь вонзиться в кожу, чтобы оставить в ней семечко, микроскопическое и безвредное. Но укол шипа был болезненным. Мальчишки придумали игру. Они снимали сандалии, подошвы которых Сергеев вытачивал из твердой и упругой скорлупы лесных кокосов и которые на детском языке звались ложками, и дразнили ими шипы. Шипы кидались на теплые подошвы и вонзались в них. Выигрывал тот, кто набирал больше шипов и чьи шипы вонзались в подошву глубже. Игра была увлекательной, но небезопасной, потому что шип мог вонзиться и в руку. Следовательно, загадочная фраза Ника означала лишь, что он играл с Арнисом, подставляя подошву, и победил.

...Имя Чистоплюй было придумано Ириной, матерью Олега, и его сразу все приняли. Лишь с одной поправкой. Клей Чистоплюя взрослые называли, как и положено, клеем, а дети, что понятно, плюем.

Появление Чистоплюя и в самом деле облегчило жизнь портных. Тем более после двух открытий Вайткуса, который обнаружил, что клей Чистоплюя затвердевает куда медленней, если его смешать со слюной, которая выделялась из хобота. А Сергеев догадался, как можно из засохшего клея вытачивать на токарном станке чашки и тарелки. Если же подмешать в клей краску, которую можно добыть из цветных глин у болота, то посуда становится разноцветной и очень красивой.

На зиму Чистоплюй задремал и почти ничего не ел, да и клея от него было трудно допроситься. Хорошо еще, что Вайткус догадался запасти клей на зиму в закрытых сосудах. С приходом весенней оттепели Чистоплюй очнулся, начал волноваться, вертеться в клетке и плевать почем зря.

* * *

Бесконечная оттепель принесла насморки, бронхиты, обострения ревматизма. Мать лежала с радикулитом, и Олегу пришлось самому разогревать кашу и похлебку.

Олег уже убедился в том, что лекарства действуют выборочно. Те, кто в них верит, выздоравливают, а кто не верит — продолжают болеть. Правда, он не относил свои выводы к настоящим лекарствам, которые принес с корабля. Но те лекарства были от настоящих болезней, от тех, от которых раньше люди умирали, —

от заражения крови, от воспаления легких. Корабельных лекарств было мало, их берегли. Эгли Вайткус держала их в специальном ящичке.

У матери был целый запас всяких плошек, деревянных баночек и коробочек с сушеными травами и средствами.

Вот и сейчас, хотя Олег был очень голоден, он в первую очередь разогрел воды и настоял в ней жгучую смесь для растираний. В хижине было почти совсем темно, только плошка горела на столе, мать лежала под шкурами. Она сказала:

— Ты ешь, я потерплю. Я весь день терпела. Сидела одна дома и терпела. Я думала, может, ты пораньше придешь.

— Сейчас, мам, — проговорил Олег, — сейчас настоится, и я тебя разотру.

— Нет, ты ешь, — ответила мать. — Ты теперь нужный человек, от тебя все зависит. И вообще, ты побледнел, исхудал. Я потерплю, ты не беспокойся. В самом деле, что может со мной случиться, просто радикулит, от этого еще никто не умирал.

За перегородкой у Старого что-то упало. Давно уже можно было разъехаться, новую хижину построить или Старому переехать в пустую, напротив Вайткусов. Но они привыкли жить вместе: Старый, Ирина и Олег; они не были одной семьей, но ели часто вместе, к тому же Старый с Ириной, когда были одни, подолгу разговаривали. Старый стал очень разговорчив, он почти все время говорил, ему трудно было молчать. Может, и школа была на нем, потому что он так любил говорить. А мать жаловалась и сердилась на жизнь. У нее остался только страх за Олежку, как бы он не упал, не заболел, только бы его не потерять. Олегу уже скоро двадцать, взрослый человек, он целыми днями сидит с Сергеевым в мастерской, они делают нужные для поселка вещи и еще все время учатся с помощью справочников, которые Олег притащил с «Полюса». У них одна идея — наладить связь. Тогда можно будет с «Полюса» сообщить на Землю, где обосновались люди, которые уцелели. Сколько лет поселок живет надеждой возвратиться на Землю, но раньше надежда была робкая и абстрактная, а теперь она стала реальной. Мать Олега повторяла, что если связь не смогли наладить специалисты, инженеры, которые остались живы после крушения корабля, то что могут сделать мальчишка и старый инвалид? На самом деле она боялась, что Олегу придется снова идти к перевалу, где лежит разбитый «Полюс». Один раз Олежке повезло, а во второй раз ему не вернуться.

Но разве лучше всю жизнь прожить в этом вонючем поселке, среди каракатиц и мух, когда рядом нависает страшный лес, полный чудовищ и убийц? Нет, она не знала, что хуже, все было хуже.

Олег принес настой, он все-таки хороший мальчик, добрый,

самый лучший в поселке. Он сильно повзрослел за эту зиму, как бы отец порадовался, что она вырастила такого сына.

Олег растер матери спину. Прикосновение жгучей жидкости было приятно, потому что оно означало жизнь. Тело ее еще живет и чувствует, и у сына жесткие теплые ладони, и он умеет растирать спину, он столько раз это делал за последние годы, это великое счастье, что есть на свете руки, которые могут делать тебе добро. Ирина тихо заплакала от неожиданной радости, а из-за перегородки донесся голос Старого:

— Тебе помочь, Олег?

— Нет, спасибо, — ответил Олег. — Но вы приходите, я уже суп разогрел, мы с вами пообедаем.

— Спасибо, я сыт, — ответил Старый, и Ирина сквозь слезы улыбнулась, потому что услышала — у нее был чуткий слух, — как Старый стал собираться в гости, мыл свою миску, потом начал переодеваться; он ценил понятие «ходить в гости», даже если это была соседняя комната за перегородкой.

Они сели за стол втроем, Ирине стало лучше, потому что у нее исправилось настроение. Она верила в жгучий отвар, и поэтому он ей помогал. Старый принес к похлебке сушеных орехов, сам собирал их и сам сушил на жаровне. Он надел новую куртку, у нее был один рукав. Олег иногда удивлялся, как человек может обходиться без руки; почти все Старый делал так, словно не был инвалидом.

— Когда в следующий раз пойдешь на корабль, — сказал он, глядя, как Олег наливает из лоханки похлебку, — обязательно принеси много бумаги. Это была роковая ошибка, что ты взял так мало бумаги.

— Я знаю. — Этот упрек Олег слышал много раз.

— Пока бумаги у нас не было совсем, — продолжал Старый, — мы отлично без нее перебивались. А тут устроили бумажный пир, я сам виноват, я даже детям в школе давал листки, чтобы они писали сочинения, но можно ли меня за это упрекнуть?

— Нет, нельзя, — успокоила Ирина, — я тебя понимаю.

— А Линда Хинд написала целую поэму о Томасе, — сказал Олег.

— Человечество привыкло передавать бумаге свои мысли, и поэтому микропленки и видеокатушки не смогли заменить бумагу. На Земле у меня есть неплохая библиотека, из настоящих книг. И она ни у кого не вызывает удивления. Так что ты обязательно принеси бумагу. Сила белого листа, на котором человек хочет выразить мысли или образы, наполняющие его, невероятна. Да и дети совсем иначе будут учиться.

— До лета еще жить да жить, — произнесла мать. Она сидела прямо, напряженно, неподвижно, чтобы не нарушить позу, вне

которой ее настигала боль. — Меня удивляет, как вы все, взрослые люди, бегаете теперь к Олежке — об этом не забудь, это принеси...

— Если бы я мог дойти до корабля, — ответил Старый, — я бы лучше Олега сообразил, что надо взять. У меня опыт.

— А у меня интуиция, — ответил Олег лениво.

От горячей похлебки тянуло в сон. Они сегодня закончили вытачивать металлические части для мельницы, чтобы с теплом поставить ее на ручье. Из-за этой мельницы Олег запустил занятия электроникой, только перед сном он успевал прочесть параграф в учебнике и утром до работы ответить его Сергееву.

— В следующий раз, — заверил Олег, — притащим с корабля целый воз добра. Я же не думал, что все так быстро исчезнет.

— Оно не исчезло. Оно рассосалось на нужды поселка, — поправил Старый.

— И почти половина ушла к Эгли и Сергееву, — сказала мать, и непонятно было, довольна она этим или осуждает Эгли и Сергеева.

— Еще бы, — напомнил Олег. — У Сергеева мастерская, он все делает. А Эгли лечит.

— Я ей даже микроскоп отдал. На время, — добавил Старый. Он был горд своей жертвой.

В поселке в принципе все было общее, иначе не проживешь. Но были вещи собственные, довольно много вещей. Зеркало у Марьяны, микроскоп у Старого, книга «Анна Каренина» у матери. Не говоря уже об одежде или посуде. Из-за того, что были собственные вещи, иногда происходили казусы. Например, зеркало было только у Марьяшки. Его нашел на корабле Олег, карманное круглое зеркальце, а потом, уже на обратном пути, подарил Марьяне. Зеркало оказало огромное влияние на жизнь поселка. Раньше люди себя не видели. Других видели, а себя нет. Разве только в луже или в пленке окна. А зеркало сказало людям правду, и чаще всего грустную правду. Ведь взрослые помнили себя с тех времен, когда было много зеркал. А тут они увидели, как изменились, постарели и подурнели. Молодые же вообще себя не видели раньше. А тут надо было сформировать к себе отношение. Марьяна, например, мнение о себе изменила к худшему. Когда она увидела в зеркальце скуластое обветренное лицо со впалыми щеками, с острым подбородком и треснутыми губами, все в синих точках от укусов перекатиполя, и два больших шрама на шее, то поняла, что она урод и никому никогда не сможет понравиться. Она даже не заметила своих больших серых глаз, длинных черных ресниц, пышных и упругих волос, обрезанных коротко и не очень ровно. А вот Лиз, наоборот, решила с помощью зеркала, что она очень красива, почти как Анна Каренина. Она стала но-

сить косу, а потом черной сажей намазала себе ресницы, чтобы быть еще красивее. Именно Лиз украла у Марьяны зеркало. Она просто жить без него не могла. Марьяна давала зеркало другим — а желающих поглядеться в него было много. Лиз сказала, что зеркало потерялось. Все очень расстраивались, а дня через два слепая Кристина, которая жила с Лиз, изощренным слухом уловила, что Лиз прячет зеркало. Она начала бить Лиз сухими кулачками и плакать от обиды, что Лиз такая плохая, а потом заставила ее отнести зеркальце Марьяне и во всем признаться. Лиз зеркало отнесла и сказала, что нашла его в щели, за кроватью. А на следующий день Кристина, сидевшая у своих дверей, окликнула пробегавшую мимо Марьяну:

— Лиз вернула тебе зеркало?

— Спасибо, да.

— И сказала, что она нарочно не хотела его возвращать?

После короткой паузы Марьяна ответила:

— Да, сказала.

Кристина поняла, что Лиз ничего не сказала. Но больше никто об этом не разговаривал...

Олег положил всем каши. Старый посыпал кашу орешками. Олег принес сладкий сироп, в этом году сироп был очень вкусный, потому что Вайткус добавлял в него яблоки.

— Мне хочется верить, — произнес Олег, — что мы починим связь. И тогда не нужно будет тащить оттуда вещи. Я как вспомню сейчас, чего нам стоило эти сани до поселка дотащить, умереть можно.

— Мы должны предусмотреть все варианты, — сказал Старый. — Разумеется, рано или поздно нас найдут. Но мы должны быть готовы к худшему.

— Мы всегда готовы к худшему. Хуже некуда, — бросила Ирина.

— Не зарекайся, — сухо улыбнулся Старый.

— Жалко, что планетарные катера разбились, — проговорил Олег. — А вездеходы по горам не пройдут. Но я думаю, если со связью не получится, мы с Сергеевым запустим планетарный катер.

— Хорошо бы, — вздохнул старик. — Но это потребует нескольких походов к кораблю.

— А может быть — мы с Сергеевым это обсуждали — два или три человека останутся на корабле на зиму.

— Это исключено, — отрезала мать. — Я никогда этого не допущу.

— При условии, что будут отопление и свет.

— Температура у перевала зимой падает градусов до шестидесяти мороза, — напомнил старик. — Не тешься пустыми мечтами. Я конкретен в моих запросах. Кипа бумаги, вот и все.

— Если бы хоть какой-нибудь транспорт, — вздохнул Олег, наливая сироп в кашу. — Хоть маленький самолетик.

— Мы вынуждены идти по тяжкому пути, пройденному человечеством, — ответил серьезно Старый. — Сначала изобретем колесо.

— Колесо нам почти не нужно, — ответил Олег. — В лесу нет дорог. Вот если бы было два поселка...

— Колесо уже было изобретено, и у нас есть телега. Теперь бы паровую машину.

— Мы с Сергеевым сделаем котел. Мы уже придумали. Из клея.

— После парового котла мы изобретем... воздушный шар, — улыбнулся Старый.

— Я думал о воздушном шаре, — признался Олег. — Я много раз думал о воздушном шаре. Почему не сделать воздушный шар?

— В тебе говорит заблуждение человека, который никогда не делал воздушных шаров, — сказал Старый. — Для того чтобы поднять хотя бы одного человека, шар должен быть громадным.

— Ну, насколько громадным?

— Метров тридцать высотой. Это можно подсчитать. И второе — шары наполняются гелием или водородом. Где ты это достанешь?

— Вы же сами рассказывали, что братья Монгол...

— Монгольфье.

— Братья Монгольфье поднимались на шаре, наполненном горячим воздухом.

Олег подошел к печке и подбросил поленце. Оно сразу запылало голубоватым жарким пламенем. Отблески заиграли на лицах.

— У них была специальная горелка. И топливо.

— Какое? — спросил Олег.

— Ну, уж по крайней мере не дрова.

— Я лягу, — сказала мать. — Помоги мне, Олежка.

Старый успел первым, он подвел мать к постели и уложил ее.

— С топливом можно придумать, — проговорил Олег, глядя в огонь. — И горелку мы сделаем.

— Ты всерьез это замыслил?

— Совершенно серьезно. Если подняться к перевалу на воздушном шаре, это будет громадная экономия времени и сил. Хотя бы подняться. А может, и спуститься. Или сделать два шара, три шара. Один для людей, другой грузовой.

— Оставь эти бредни! — испугалась мать. — Еще полетишь и разобьешься.

— Не бойся, Ирина, — ответил Старый. — Это только мечта.

— Сделаем, — сказал Олег.

Он повернулся и быстро вышел из хижины.

— Оденься! — крикнула мать вслед.

Но он не слышал.

На улице похолодало. Пошел мелкий снег, мокрый, крупяной. Крупинки взбивали лужи и катились по скользкой земле. Поднялся ветер, северный, с гор.

Было темно, только тускло, сквозь крупу светил, покачиваясь, фонарь у ворот. Его свет падал на мокрый блестящий гребень козы, которая маячила у изгороди, ждала кавалера.

Олег перепрыгнул через лужу и наискось через дорогу побежал к хижине Сергеева. Сквозь затянутое мустанговой пленкой окошко пробивался слабый свет плошки.

Олег постучал и сразу же вошел, захлопнув за собой дверь, чтобы не выпускать тепло.

— Сергеев, прости, — сказал Олег от порога, — у меня идея.

Сергеев сидел за столом, пил чай — кипяток, подкрашенный сушеной травой. Напротив за столом сидела Линда Хинд, вдова Томаса. Марьяна в торце стола колдовала в полутьме, расставив плошки с сушеными снадобьями.

— Садись, — пригласил Сергеев.

Линда поздоровалась тоже, хотя они, конечно, раз пять за день уже виделись. К тому же Линда приносила Сергееву поесть в мастерскую. Она в последнее время часто приходила к Сергееву, и никто этому не удивлялся. Все думали, что она переедет к Сергееву жить. Мать Олега даже говорила: скорей бы, чего они ждут, Линде совсем тяжко без мужа — она-то знала, что такое женское одиночество.

— Я решил сделать воздушный шар, — произнес Олег.

— Зачем? — спросил Сергеев.

Он был самым сильным и надежным мужчиной в деревне, как бы вожаком этой маленькой человеческой стаи. Еще крепкий и «относительно целый», как сказала мать. У него лишь не хватало двух пальцев на правой руке. С Марьяной у них похожи только глаза — у обоих серые, светлые, в длинных густых ресницах. Но лицо Сергеева квадратное, тяжелое и, наверное, некрасивое, если посмотреть на него чужими глазами. Однако в лице читалось спокойствие, и ему можно было верить. Раньше кумиром Олега был Старый, который обо всем знал, который был Учителем. Но после возвращения с гор Олег все больше привязывался к Сергееву. Тот был не только учителем, он был мастером, и у них с Олегом общее дело.

— Мы сделаем большой воздушный шар, — проговорил Олег. — И на нем полетим к кораблю. Понимаешь?

— Ты все-таки садись. Марьяшка, сделай гостю чай.

— Я уже пил, — сказал Олег, но сел.

Линда поднялась и сказала, что ей пора, а то дети боятся и не спят.

Олегу всегда казалось, что Линда холодна с ним, потому что именно из-за него погиб в горах ее муж. И она не может ему этого простить. Олегу хотелось подойти к ней и сказать, что он не виноват, он ничего не помнит, его укусила снежная блоха. Но Олег так и не решился подойти к Линде, которая в одну ночь поседела, когда узнала, что Томас погиб.

Сергеев смотрел вслед Линде, и Марьяна тоже смотрела ей вслед, и Олег вообразил, что Марьяна не хочет, чтобы вместо ее матери, которая погибла очень давно, здесь жила Линда, хотя все знают, что Линда тихая и добрая.

— Продолжай, — перебил мысли Олега Сергеев.

— Если сделать большой воздушный шар и дождаться, пока будет хороший ветер, можно подняться на нем в горы, даже долететь до «Полюса». Представляешь, какая это экономия?

— Любопытно. — Сергеев никогда не спорил, пока сам для себя не решит проблемы. — Большой воздушный шар. И если дождаться обратного ветра, то можно на нем спуститься обратно.

— И за лето слетать на корабль пять раз. Понимаешь, пять раз.

Сергеев отрывисто засмеялся, будто кашлял.

— Именно пять?

— Именно. — Олегу показалось, что он уже нашел союзника, а если это так, то считай — шар взлетел.

— Можно я буду думать вслух? — спросил Сергеев.

«Не надо», — хотел ответить Олег. Сейчас все рухнет. Сергеев — это не Старый, который мыслит в общих чертах. Сергеев сейчас найдет по-настоящему слабые места.

— Если бы мы сделали шар, — размышлял Сергеев, — и он бы полетел, это было бы полезно. Но, во-первых, шар неуправляем. Допустим, мы поднимаемся в воздух, ветер попутный, и мы летим к горам. Потом ветер меняется, и нас несет к снежным хребтам, где никто из нас не был. Мы разбиваемся и погибаем или садимся, но потом не можем найти пути назад. Как мы прикажем ветру принести нас именно в нужную долину?

Олег взглянул на Марьяну. Она подвинула к нему чашку чая. Марьяна была за него. В прошлом году Старый устраивал им — ему, Марьяне и Дику — экзамены, потому что они стали большими и кончили школу. Это были торжественные экзамены, все жители поселка, даже маленькие дети, собрались под навесом рядом с календарными столбами. Старый задавал вопросы, и другие члены комиссии — Вайткус и большая Луиза — тоже задавали вопросы. Олегу почему-то достались вопросы куда более трудные, чем Марьяне и Дику, и он был немного обижен на Старого

за такую несправедливость, только потом он понял, что в этом и была справедливость — Старый приготовил каждому вопросы, на которые тот мог ответить. Тогда у Олега возникло такое же чувство, как сейчас. Он весь собрался, он был как на охоте, когда на тебя нападает шакал, и все мысли были ясными и точными.

— Если ветер неожиданно изменится, — ответил Олег быстро, — то в шаре нужно сделать такое устройство, чтобы он быстро опускался. И его не успеет унести в сторону. Мы просто опустимся на полпути и дальше пойдем пешком или подождем попутного ветра.

— Разумно, — кивнул Сергеев, — при условии, что спускаться придется на ровном месте, а не над скалами.

— Нам бы только перевалить за плато, дальше скал нет. Там ровно.

— Ты возьмешь меня с собой? — спросила Марьяна, глядя в упор на Олега. Она всегда смотрела в упор на человека, с которым говорила, и потому многие чувствовали себя неловко. Обычно люди не смотрят в глаза, когда говорят с тобой.

— Не знаю.

— Вторая сторона проблемы, — продолжал Сергеев, — заключается в том, как сделать шар. Я пока не знаю, как его сделать.

— Я тоже не знаю. Но придумаю.

— Он должен быть большим. Где мы найдем такое полотно?

— А если связать много пузырей мустангов? — подключилась Марьяна. — Будет гроздь воздушных шаров.

— Нет, — возразил Сергеев, — шары останутся лежать на земле. Ведь мустанг наполняет их горячим воздухом из своего тела, поэтому они его поднимают.

— Правильно, — согласился Олег. — Значит, мы возьмем много мустанговых шаров и сошьем из них большой шар.

— Нитками?

— Клеем. У нас есть Чистоплюй.

— Хорошо, предварительно мы принимаем эту версию. Но как ты подвесишь к шару гондолу?

— Что? — не понял Олег, который не слышал раньше такого слова.

— Люльку, корзину, в которой будут сидеть люди.

— А как это делали на Земле? Наверное, ее можно пришить к нижнему краю шара. Ведь там внизу должно быть отверстие, чтобы входил теплый воздух.

— Нет, — вспомнил Сергеев. — Как сейчас вижу картинку в книжке Жюля Верна — их покрывали сеткой, а к сетке подвешивали корзину.

— Ну, сетку мы сделаем.

— А как будем согревать воздух?

— Как братья Монгольфье. — Олег чувствовал, что побеждает. — Сделаем печку... ну, разве не придумаем?

— Может, и придумаем, — усмехнулся Сергеев.

Тут заблеяла коза у ворот, что-то случилось. Умеренно заблеяла. Если бы угрожала настоящая опасность, коза бы орала втрое сильнее. Так что никто не встревожился. Но все же проверить следовало. Сергеев выжидательно поглядел на Олега. Тот встал:

— Я погляжу.

— Хорошо, а то я устал сегодня. А насчет шара мы завтра с тобой подумаем.

Олег попрощался, направился к воротам. Марьяна пошла за ним.

— Ты хорошо придумал, — сказала она.

Они шли по краю длинной лужи. Небо чуть светилось, и поэтому глаза быстро привыкли к темноте. Окна хижин были желтыми — везде горели плошки. Никто не вышел, хотя коза продолжала голосить. Все знали, что ничего опасного.

Марьяна поскользнулась и взяла Олега за руку. У нее были жесткие пальцы. Олег поглядел на ее профиль, на ее очень точно выточенный нос и полные губы. Олег подумал, красивая ли она? Мать говорит, что Марьяна — гадкий утенок, которому не суждено стать лебедем. Вечный подросток. Мать считает, что в Лиз есть женская прелесть. Может, она так говорит, потому что Лиз совсем не нравится Олегу, а Марьяна нравится. Олег не мог бы объяснить, почему она ему нравится, — он ощущал только негативные следствия этого. Например, если Марьяна уходила в лес с Диком. Наверное, хотя он не смог бы сформулировать эту мысль, это была не ревность, а скорее зависть к Дику. Потому что Дик был выше ростом, смелее, сильнее, великолепный охотник. Олег завидовал умению Дика стрелять из арбалета и метать нож, его способности выследить и убить зверя, даже очень сильного, его холодному безрассудству и, главное, полному равнодушию к достижениям и мечтам Олега. Достижения Олега были Дику недоступны, он и не пытался разобраться в справочниках по связи или в логарифмах. А это несправедливо и обидно. От этого ценность знаний и умений Олега падала, и ему приходилось уговаривать себя, что в один прекрасный день он докажет Дику свое превосходство в знаниях, в мудрости, хотя на самом деле ему хотелось доказать превосходство в схватке с шакалом.

Иногда Олег начинал скучать по Марьяне, ему хотелось услышать ее голос или встретить серый настойчивый взгляд. Но в последние месяцы они почти не бывали вместе, потому что Олег был очень занят и уставал за короткий мутный день. Все в поселке всегда были заняты, даже дети, все всегда уставали, если не

считать слепую Кристину и Лиз, не любившую работать. Олегу надо было понять все написанное о связи в книгах, которые он принес с корабля. Он должен был вернуться туда и сказать Земле, что они здесь.

Коза бегала вдоль изгороди и блеянием пыталась отпугнуть сидевшего по ту сторону одинокого шакала — белая шерсть дыбом, черная пасть нараспашку. Коза справилась бы с шакалом, если бы он перебрался через забор — один шакал козе не страшен, она вдвое больше и вдвое сильней, поэтому шакал только облизывался. А коза топотала, пугая шакала. Это был пустой поединок.

— Молчи, — велел Олег козе, — иди спать.

Марьяна погнала козу к козлятнику и закрыла ее там. А Олег взял камень из кучи, специально для этой цели лежавшей у ворот, и запустил в шакала. Шакал понял, что делать ему тут больше нечего, и двинулся к лесу.

Было очень тихо. Снег сыпал лениво и беззвучно. Олегу стало холодно.

— Спокойной ночи, — сказал он Марьяне, которая запирала козлятник. — А то я замерзну.

— Спокойной ночи, — ответила Марьяна.

Голос ее был грустным, но Олег не прислушивался к интонациям. Скользя по грязи, он побежал к своей хижине изобретать воздухоплавание.

Глава 2

Шар стал яблоком раздора в поселке. Идея казалась безумной и невероятно громоздкой. И она требовала, чтобы все жители поселка жертвовали своим временем, нужным на каждодневные заботы, ради мальчишеской выдумки, из которой ничего не выйдет. Но у Олега были союзники.

Первым стал Сергеев. Он не вмешивался в споры, он согласился придумать и сделать горелку. К счастью, стебли дерева каракатицы, которыми отапливали дома, состояли чуть ли не наполовину из жирной смолы. Они не очень хорошо пахли, когда горели жарким фиолетовым пламенем, сгорая почти без остатка, но этого давно уже никто не замечал. Сергеев сделал пресс, чтобы выжать из стеблей смолу — большая экономия веса. А Старый, хоть и со скрипом, отдал им непригодный микроскоп. У него был новый, который Олег принес с «Полюса», но он берег и прежний, без линзы. Из микроскопа получились трубка для горелки и клапан, чтобы регулировать пламя.

Вторым союзником стал Казик.

Воздушный шар был для него великим приключением. Причем земным. Ведь только на Земле летают на воздушных шарах. Казик попросил, тихо и вежливо, всех взрослых по очереди, чтобы они рассказали ему содержание романа Жюля Верна «Пять недель на воздушном шаре». Казик рассудил, что все читали этот роман, но давно, в детстве, и забыли множество деталей. Однако если поговорить с каждым, если каждый перескажет сюжет романа, то получится более или менее полная картина. Он даже выудил из рассказчиков имена героев и заставил Старого нарисовать воздушный шар. Старый часто рисовал для учеников картинки из жизни Земли. Первое поколение учеников — Дик, Лиз, Марьяна и Олег — было вынуждено довольствоваться грубыми изображениями на земле или углем на сосновой коре. В последний год ребятам повезло — появилась бумага, и Старый, охваченный эйфорией в одну ночь разбогатевшего нищего, потратил немало ценных запасов на картинки, неумелые, наивные, но самые настоящие картинки: Эйфелева башня, Кремль в Москве, Слон, Лунный купол, Первый паровоз, каравелла Колумба. Таких картинок набралось с полсотни, и их можно было рассматривать после каждого урока. И была картинка, сделанная по просьбе Казика и даже с его поправками, потому что он, хоть и не умел рисовать, о воздушном шаре знал куда больше, чем Старый. На этой картинке воздушный шар опускался в африканскую саванну, а за ним бежали слоны и жирафы.

Эту картинку Казик и принес Олегу, когда тот решил делать воздушный шар.

— На, — сказал он, глядя на Олега снизу вверх. — Тут все есть.

Олег взял картинку и долго смотрел на нее. Он заметил, что из корзины свисает канат с якорем на конце, и подумал, что обязательно надо сделать такой якорь.

Если бы не Казик, судьба шара была бы под большим вопросом. Ведь шла весна, и мустанги, не подозревавшие, как нужны Олегу их воздушные пузыри, еще не очнулись от спячки. Найти их гнездовья было нелегко, и Казик с верной Фумико раз двадцать ходили в лес, пока не отыскали зимнюю лежку мустангов. Оказывается, мустанги на зиму забирались в большие норы в сосновом лесу. Мягкие подвижные корни прикрывали их от снега и морозов.

Потом возникла проблема с сеткой, которая должна вместить воздушный шар и держать корзину. Водоросли для нее собирали Марьяна с рыжей Рут. Руки у них распухли от холода, в конце концов Линда запретила дочке лазать по болоту, и Олегу пришлось забросить все дела и заниматься сбором водорослей. Правда, помогали ребятишки, близнецы, которые жили у Старого, и дети

Вайткуса, но это занятие им быстро надоедало, и они куда-то улетучивались.

С утра, как рассветет, Марьяна с Олегом шли за кладбище по проторенной тропинке к болоту. С каждым днем приходилось забираться все дальше, они брели по топкому берегу, по колено в ледяной воде, которая обжигала даже сквозь непромокаемые штаны из рыбьей кожи. Водоросли сидели крепко, приходилось их срезать. Упругие белесые водяные волосы вырывались из рук, а подрезать их надо было под корень, чтобы волокна получались как можно длиннее. Ноги скользили; жадные, но, к счастью, вялые еще пиявки елозили по штанам коготками; в панике бросались в сторону, если наступишь невзначай, глазастые крабы; подплывал, любопытствуя, утюг, и тогда приходилось отступать на берег и ждать, пока он снова уйдет в тину.

Олег старался делать больше, чем Марьяна, но все равно отставал от нее, и ему казалось, что никогда уже не набрать водорослей на эту чертову сетку. А ведь их надо было еще отнести к сараю, там разложить на полу, чтобы сушились, а сушились они плохо — было пока холодно и воздух сырой.

Больше всех противилась мать. Перспектива воздушного путешествия Олега ее пугала до смерти.

— Это самоубийство, — повторяла она Сергееву. — И вы это допускаете так равнодушно.

Слова матери только раздражали Олега.

— Мне скоро двадцать лет, — отвечал он устало.

Он выматывался, как никогда раньше, потому что Сергеев не уменьшил занятий электроникой, да и работы в мастерской было достаточно.

А когда Олега принялся отговаривать Вайткус, он вдруг взорвался:

— Я что, меньше делаю? Я не строю мельницу? Не делаю плуг? Я никого не заставляю. И если мне придется делать этот шар одному, я все равно буду его делать. Наверное, братьям Монгольфье тоже все говорили, что они тратят время даром. А не было бы их, не прилетели бы мы сюда на космическом корабле. Все начинается с чего-нибудь.

Вайткус засмеялся. Смех выбулькивал откуда-то из огромной рыжей бороды.

— Лучше бы не было братьев Монгольфье, — сказал он наконец. — И мы сейчас мирно сидели бы дома.

— А я не шучу, — сказал Олег.

— Жаль. Надо уметь относиться с юмором к самому себе.

— Какой уж тут юмор. Мать кричит. Луиза говорит, что игра не стоит свеч, Старый твердит, что риск слишком велик, а остальным кажется, будто я играю в какую-то игру. Почему никто не понимает?

— В общем, ты играешь, — сказал Вайткус, — в хорошую игру, но уж очень непривычную для нас, простых смертных.

— Но разве вы не хотите улететь отсюда?

— Очень хотим. Мы, старшие, даже больше, чем ты. Мы знаем, что мы потеряли, а ты только догадываешься. Но даже в таком странном социуме, как наш поселок, вырабатываются стереотипы отношения к новому. И они мало отличаются от того, что происходит в очень большом городе. Идти к кораблю — это понятно, это все делали. Убивать зверя — понятно. Без этого не проживешь. Но лезть в горы на воздушном шаре — это безумие. Детский тип риска. Это мечта Казика, а не дело человека, на которого поселок надеется совсем в другом.

— Но пешком тоже опасно.

— Пешком вдесятеро больше шансов дойти. Дорога уже известна. Экипированы вы будете куда лучше, чем год назад. Опыта у вас тоже больше. Нет, я за традиционные пути, даже если традициям всего год от роду. Слишком много поставлено на карту.

Возражения Олега не останавливали. Но, за исключением Сергеева, который в первые же дни подсчитал объем шара и мощность горелки и пришел к выводу, что шар может полететь, остальные надеялись, даже были убеждены, что из затеи с шаром ничего не получится.

Дик, как и раньше, не завидовал Олегу. Ему было достаточно собственного превосходства в тех областях жизни, в которых он был непобедим. Он бы сам полетел на шаре, но не к кораблю, а в другую сторону, к таинственным лесам и рекам, которые скрывались за холмами. Там были его победы и испытания. Дик хотел увидеть мир сверху, как птицы, но об этом не считал нужным говорить. Поэтому Олег удивился, когда Дик тоже разыскал лежку мустангов и принес оттуда целый мешок пузырей.

Совсем уж неожиданно воспротивилась полету Лиз.

Олег избегал ее, как можно избегать человека в маленьком поселке. И если Лиз приходила к ним, он искал предлог уйти в мастерскую или перейти за перегородку к Старому, чтобы там позаниматься, не слушая женских разговоров. Его удивляла мать — с Лиз она начинала говорить, причем с искренним увлечением, о вещах неважных, пустяковых, которые явно не стоили того, чтобы их обсуждать. Ну ладно, пока они обсуждали рецепты всяких скудных блюд, соревнуясь в умении сочетать сладкие клубни с кашей или сушеными орешками, это их дело. Но они взяли за правило судить о других людях. Не желая слушать эти разговоры, но не в состоянии не слушать — голоса доносились даже через

перегородку, — он узнал, например, что Линда плохо воспитывает рыжую Рут, потому что больше думает о том, как заполучить Сергеева, большая Луиза недокармливает Казика, он такой бледный, а Марьяшка все дурнеет — что-то у нее неладно с метаболизмом (это были слова матери, Лиз их не поняла, но сразу согласилась). Какой-то недоразвитый ребенок — восемнадцать лет, а больше похожа на мальчишку-подростка. Олег даже закашлялся, чтобы они поняли, что он все слышит, и почему-то Лиз засмеялась высоким голосом. И он сразу представил себе Лиз, только по голосу, хотя совсем не хотел о ней думать. Лиз была самой толстой из молодого поколения. То есть она не была толстой, а у нее были толстые части тела, другого слова Олег придумать не мог. Толстая грудь и толстые бедра. Лиз часто смеялась, когда с ней разговаривали Олег или Дик, и однажды Олег перехватил взгляд Дика, который глядел на Лиз, как на добычу на охоте. Как-то, когда Лиз ушла, а Олег вернулся от Старого, стал укладываться спать, мать спросила, не пора ли подумать о семье. Олег даже не понял — в каком смысле.

— Жениться, — объяснила мать.

Олег засмеялся.

— Уж не на Лиз ли?

— Жизнь продолжается. Даже в такой дикой обстановке. Смотри, упустишь девушку. Уйдет она к Дику.

— Считай, ему повезло, — ответил Олег.

— У тебя нет выбора.

— Я улечу на Землю и там решу все свои проблемы.

— Дурак, — сказала мать в сердцах. — Ты кончишь тем, что влюбишься в заморыша.

— Марьяна хоть не дура. — Олег отвернулся к стене.

* * *

Весна наступила ранняя и теплая. Сергеев, который ведал не только календарем, но и погодой, сказал, что и лето, по его расчетам, должно быть теплым.

Сначала дожди смыли остатки снега, только в глубине леса он еще держался некоторое время, потом дожди стали реже, и днем воздух прогревался сквозь облака настолько, что ребятишки скинули кухлянки и выбегали по пояс голые. Солнце поднималось уже так высоко, что его можно было различить неясным, но ярким пятном сквозь вечные тучи. Коза пережила очередной медовый месяц и теперь присмирела, паслась за изгородью, ожидала прибавления семейства.

С юга вернулись шакалы, которые откочевывали туда за зверьем, первые птицы опустились на изгороди, громко хлопая перепончатыми крыльями, появился гнус, и, когда ребятишки и женщины во главе с Вайткусом работали в огороде, приходилось зажигать дымные костры. Одного из близнецов Старого укусила снежная блоха, и он прикусил себе до крови язык.

Лето еще только начиналось, но Олег все более ощущал внутреннюю тревогу, нетерпение и даже страх, что времени осталось слишком мало. Он ничего не успеет. Главное, не успеет выучить все, что нужно, чтобы прийти на корабль починить связь. Теперь его часто освобождали от общих дел — он совсем перестал ходить на охоту, и его не звали работать в огород, даже в мастерской Сергеев говорил ему, чтобы он не путался под ногами, а вечерами строго допрашивал, что он выучил, узнал, понял, причем Олег видел и раздражение Сергеева, которое возникало от того, что сам Сергеев далеко не все понимал.

А вместе с тем шар, незаметно преодолевая оппозицию, превращался в объективную реальность. Когда прошли дожди, а Чистоплюй, которого Казик с Фумико до отвала кормили червями, стал плевать так злобно, что вокруг его клетки образовалось стеклянное озеро, под навесом между мастерской и яблонями Олег с Марьяной начали склеивать из пузырей шар. Сначала они с Сергеевым нарисовали на земле выкройку шара, похожую на цветок с острыми лепестками, и она была так велика, что Фумико с трудом докидывала камешек от края до края. Сто двадцать шагов. Затем Марьяна с Олегом начали склеивать сегменты шара — лепестки. Пузырей, которых, казалось, так много, сразу не хватило. Казику с Диком пришлось снова охотиться на мустангов.

Отношение в поселке к шару постепенно изменилось — видно, привыкли. Даже мать перестала кричать. Лиз приходила несколько раз резать и клеить пузыри. А потом вместе с Кристиной, которая вдруг обнаружила талант к сплетению сетей, она вила веревки. Вайткусы делали корзину — ее сплетали из тонких веток.

Но все же так серьезно, как Олег, к шару никто не относился. Даже Марьяна. Оставался, правда, Казик, но он был еще мальчишкой, диким человечком, который в глубине души верил, что на шаре они в конце концов прилетят в Индию. Не раз бывало, что, когда все в поселке еще спали и черное холодное небо чуть начинало сереть, Олег вылезал тихонько на холод, движимый все растущим нетерпением, и шел к разложенным на земле блестящим лепесткам. Казик возникал рядом неслышной тенью, лесным Маугли. Он бежал к клетке, чтобы разбудить Чистоплюя, и молча помогал Олегу.

Потом надо было склеивать лепестки по краям, чтобы получился шар, то есть груша, вытянутая книзу. Как ни старайся, клей попадал на руки, пальцы стекленели и немели. По утрам на-

до было опасаться колючих шаров перекатиполя, которые поднимались в воздух и летели в поисках медведя, чтобы прорасти на нем новыми побегами.

Наконец шар был склеен.

Потом была готова сеть. И даже канат с якорем, чтобы цепляться за землю. И горелку Сергеев закончил вовремя, и топлива заготовили достаточно. И корзина была сделана, упругая крепкая корзина. Можно было собирать шар.

Старый требовал, чтобы сначала шар запустили без человека. Пускай повисит, если поднимется, и опустится обратно. Но Олег воспротивился этому, и его поддержал Сергеев. Ведь испытывать надо не только шар, но и горелку, надо узнать, будет ли шар слушаться человека.

— Канат сделайте покороче, — велела мать.

Олег только улыбнулся. Канат плели Лиз с Кристиной. И он тоже им помогал, хотя времени для этого совсем не было. Олег понимал, что Лиз делает это, чтобы доставить ему радость. Он раза два вечерами приходил в дом, где жили Лиз с Кристиной, слушал Кристину, которая всегда жаловалась и ждала смерти, и они плели этот бесконечный канат. Олегу можно было бы не приходить — какой из него плетун. Лиз смотрела на него, отвлекалась и старалась найти предлог, чтобы коснуться его рукой. Олег терпел-терпел, слушал пустые слова, старался думать о другом, а потом все-таки не выдерживал и убегал к себе или в мастерскую.

Олег знал, что первым на шаре поднимется он, и никто не оспаривал этого — шар был детищем Олега, без его настойчивости ничего бы не вышло. Казик последние дни молча ходил за Олегом и никак не мог примириться с мыслью, что его собственное путешествие откладывается. Он надеялся на чудо, которое заставит взять его в первый полет. Олег оставался непреклонен. В этом были не только доводы разума, но и некоторая доля злорадства: «Никто не верил, что шар будет, но шар есть. И он мой. Нет, конечно, он общий, его сделали вместе, но он мой. И полечу на нем я».

Может, кто-то и догадался о мыслях Олега, но не сказал вслух.

Только Старый сказал. Утром, когда должен был подняться шар.

— Ощущаешь себя Наполеоном? — спросил Старый.

— Почему? Никогда не видел Наполеона. Даже картинки не видел. И не знаю, что он сделал.

— Знаешь, — ответил Старый, любуясь Олегом.

Олег вытянулся за зиму, плечи стали шире, волосы потемнели, но сохранили легкую пышность. Хочется запустить пятерню

и потрепать. А лицо погрубело, потеряло мальчишескую мягкость. Это было умное лицо. Может, недостаточно сильное, но в круглом подбородке и острых скулах была внутренняя настойчивость. Приятное лицо.

— Ну, ладно, знаю, — улыбнулся Олег. — Завоевал половину Европы.

Он натянул сапоги и проверил, надежно ли они прилегают к штанам. Вайткус сказал, что там, наверху, будет холодно. Как в горах.

— Разве этого недостаточно? — спросил Старый.

Вбежали близнецы, воспитанники Старого, существа беззаботные, склонные к взрывам смеха и необдуманным шалостям. Они, как и весь поселок, чувствовали, что сегодня торжественный день, большой праздник. И Олег, очень обыкновенный Олег, который живет за перегородкой и у которого злая мать, сегодня полетит в небо.

— Все это слишком просто, — сказал Олег. — Как будто математическая формула. Александр Македонский завоевал полмира. Наполеон завоевал половину Европы. Гитлер попытался завоевать всю Европу. Юлий Цезарь тоже завоевал. Кажется, Египет. Всех этих людей нет. Для меня даже понятий за ними нет, смысла нет. Вы их видите иначе. Видели их портреты, читали о них книги. Они для вас необыкновенные, а для меня никакие. Я ведь даже Европы не видел.

— Ну уж, никакими их назвать нельзя, — возразил Старый. — Именно необыкновенность привлекает к ним человеческую память, хорошая, дурная, но необыкновенность.

— Для вас — да. Вы по ним могли мерить свое существование. Я не могу. Когда мне было двенадцать, меня вдруг начала мучить эта проблема. Что такое «завоевал»? И я спросил в классе: а был ли другой Наполеон, который завоевал не половину Европы, а четверть? И ты ответил мне, что различие между завоевателями заключается лишь в продолжительности их успехов. Не было ни одного, который бы достиг своей окончательной цели.

— Помню. И я еще сказал, что те, кто потерпел поражение в начале пути, нам известны, потому что в каждом сражении есть проигравшая сторона. И каждый Наполеон дожидается своего Ватерлоо, если не успевает погибнуть раньше. Я помню.

— Ну вот, — заключил Олег, подпрыгивая на месте, чтобы проверить, все ли на нем сидит прилаженно. Потом взял флягу со сладкой водой и повесил через плечо. — Я и говорю. Завоевательство — обычное занятие завоевателей. И все они одинаковы. Но это очень чужое и непонятное занятие. Так же, как торговля. Для меня необыкновенный тот, кто делает что-то в первый раз.

— Объективно ты прав, — согласился Старый. — Но я назвал

тебя Наполеоном не потому, что хотел сравнить с завоевателем. Аналогия была совсем иная. Весь поселок вылез на улицу, потому что ты сегодня запускаешь свой шар.

— Ну, не я один.

— Сегодня действия всех нас подчинены твоей воле, понимаешь ты это или нет? И я представил себе такую картину... Я сам этого не видел, но, в отличие от тебя, могу представить. Раннее утро. Где-то в Австрии или в Пруссии, в начале девятнадцатого века. Наполеон провел ночь в небольшой, пахнущей ванилью, чистенькой гостинице. Он просыпается от шума под окном и, еще не совсем очнувшись, подходит к окну и распахивает его. Вся дорога и площадь городка запружены повозками, фургонами маркитанток, орудийными упряжками. Идут люди, ржут кони — столпотворение. И вдруг Наполеон понимает, что в этом всеобщем движении есть странность — оно кем-то начато, из-за чего-то растет, набирает силу... И эти солдаты ждут завтрака у походной кухни не потому, что любят завтракать именно таким образом, и эти пушки выезжают на площадь совсем не потому, что пушкарям больше нечего делать, — все это движение, все это скопище жизней и судеб происходит по его воле, Наполеона, у которого всю ночь болел зуб и которому вдруг хочется закричать в открытое окно: «Скорее возвращайтесь домой!»

— И он закричал?

— У тебя вырабатывается обязательное качество великого человека... — Старый был недоволен. — Выпадение чувства юмора.

В дом заглянул Казик. Его тонкая гибкая фигура была напряжена. Он никак не мог смириться с тем, что не полетит сегодня на шаре. Но понимал: главнее всего, чтобы шар все-таки полетел, хотя бы и без него. Потому что если он полетит сегодня, то Казика обязательно возьмут в следующий раз.

— Я иду, — сказал Олег. Он был готов.

Они с Казиком вышли из дома. За ними Старый. Он тяжело опирался на палку. Палка была новая, безобидная. Прошлую палку, красивую, серебряного цвета, ему срезал осенью Дик в шипящей роще. Но когда наступила весна, палка в один прекрасный день пустила колючие липкие побеги и попыталась уползти из дома, пока Старый вел урок. За палкой гонялись всем классом, а потом, поймав, отпустили на волю. Палка добралась до изгороди, там пустила корни и превратилась в пышный куст. Старый однажды услышал, как мальчишки собирались на рыбалку и договаривались встретиться «у палки», и догадался, что они имеют в виду.

Олег, уже с поляны, обернулся и поглядел на медленно бредущего старика. Ему вдруг стало его жалко. Старый уже скоро умрет. Он стал хуже ходить, много болеет, даже в школе ему нелегко

вести уроки. Он все забывает. Хорошо еще, что дети подросли и скоро уже улетят на Землю. Старый много сделал. Если бы не его школа, никто бы не смог научить детей всем наукам.

На поле, за сараями, некрасивой грудой лежал воздушный шар. Горелка шипела и нагоняла теплый воздух внутрь шара. Но работала она в четверть мощности. Сергеев, который командовал шаром, не хотел рисковать.

Шар был похож на большого горного слона — бесформенную громаду плоти, чуть шевелящуюся во сне. Еще на рассвете шар был просто большим куском тряпки, отдельно сеткой, отдельно корзиной. Все изменилось. Шар оживал.

Коза с козлятами опасливо замерли в стороне.

Когда Олег подошел, Сергеев, стоявший у корзины, спросил:

— Прибавим пламя?

Он обращался к Олегу, как к равному. Он тоже признавал, что шар — собственность Олега, как зеркальце — собственность Марьяны. Но это не означало, что зеркальце не принадлежит всем. Ведь не могло же Марьяне прийти в голову отказать, если кому-то понадобилось зеркало?

— Мы потом тоже полетим? — спросила рыжая Рут.

Все лица казались очень четкими, словно Олег смотрел на них сквозь увеличительное стекло. Вот бежит Марьяна с банкой клея — она заметила, что где-то шов пропускает воздух.

Вот большая Луиза, громоздкая, толстая женщина с отекшим лицом, поправляет ветку, вылезшую из корзины.

Шар вздрогнул, будто вздохнул, и как-то сразу стал круглее.

Олег нагнулся, проверяя, надежно ли он прикреплен к земле.

К кольям, глубоко вбитым в землю, были привязаны веревки. А близко от корзины в землю был закопан гнутый штырь из железного дерева — якорь. Рядом канат, сложенный аккуратными кольцами.

Шар еще раз вздохнул. Теперь он был почти круглым и касался земли лишь в одном месте.

— Я залезу в корзину? — спросил Олег у Сергеева, и голос его неожиданно сорвался.

Он испугался, что другие заметят его волнение и будут смеяться. Про себя он подумал: «Я не Наполеон. Я хочу необыкновенных дел, а не завоеваний. Я не хочу, чтобы из-за меня люди ели из походных кухонь и стреляли из пушек. Люди движутся не потому, что я того хочу, но, если им будет лучше от моих дел, я буду рад».

— Рано еще, не улетит, — остановил его Сергеев. Он не засмеялся.

Неожиданно шар приподнялся, оторвался от земли, но тут же

опустился вновь. Крупная сетка врезалась в его тело, и тонкая оболочка пузырями вылезла в ячейки.

— Лучше бы материал был пожестче, — сказал Вайткус. — В будущем обратимся к опыту дирижаблей.

— К какому опыту? — Олег вдруг понял, что дирижабль для него — пустое слово.

— Если промазать шар тонким слоем клея, — сообщил Вайткус, почесывая бороду, — то он станет жестким.

— Что же ты раньше не сказал? — До Олега дошла красота этой мысли, и он обиделся на Вайткуса, что тот скрыл от него такую прекрасную мысль.

— Я только сейчас подумал.

— Это увеличило бы вес, — напомнил Сергеев.

Тут шар окончательно оторвался от земли и криво, под углом к корзине, поднялся вверх.

Олег не стал ждать. Он перелез через край корзины и встал в ней, крепко держась руками за борт.

Корзина была невелика, диаметром полтора метра и высотой по пояс. В середине ее умещался еще запас топлива и несколько мешков с песком — в каждом шаре обязательно должен быть балласт.

Шар медленно шевелился над головой, и до нижнего обода, под которым приделана горелка, несложно дотянуться рукой. Олег потрогал канаты, крепившие корзину к ободу. Канаты были крепкими.

Корзина стояла на земле, можно было легко перемахнуть через ее край и встать на мягкую молодую траву, но Олег ощущал некую отчужденность от всех, кто стоял рядом, как будто все остальные люди были уже далеко внизу.

Корзина дернулась, шар натянул канаты, стараясь поднять ее в воздух.

— Полетит, полетит, отвязывайте! — закричала рыжая Рут.

— Молчи, — оборвал ее Сергеев. — Рано.

Олег, запрокинув голову, смотрел на шар. Он был так громаден, что закрывал половину неба. И был некрасив — неровно склеен, пузырист, веревки как-то неудобно и неловко стягивали его, полупрозрачная белесая оболочка отражала траву и кривые домики поселка. И в то же время в этой нелепой громадине чувствовалась странная сила, которая была и в медленных настойчивых попытках вырваться, оторваться от земли, и в том, как натягивались веревки, державшие корзину, и в том, как гудела горелка и ее гудение увеличивалось и гулко растворялось в чреве шара.

Теперь шар был точно над головой, и канаты сильно натянуты. Олег отвлекся, глядя на шар, и не сразу увидел, что по сигналу Сергеева его помощники наклонились над кольями, к которым привязаны веревки.

— Готовься, Олежка, — предупредил Сергеев. — Сейчас будем отпускать. Крепче держись. Может дернуть.

— Держусь, не беспокойся! — крикнул Олег, глядя, как Вайткус склонился совсем близко — можно дотронуться до спины, — отвязывает узел.

Но тут же Олег чуть было не вывалился наружу.

Как ни старался Сергеев, чтобы все веревки отпустить одновременно, силы его помощников были далеко не равны. Вайткус уже отвязал веревку и крепко держал ее. Дик выпрямился, чуть улыбаясь и показывая всем своим видом, что он принимает участие в несерьезной забаве. Свой канат он держал не очень крепко, шар, хоть и большой, не казался ему сильным. С другой стороны корзины Луиза и Эгли чуть замешкались, отвязывая узлы. Шар как будто ждал этого, с одной стороны веревки еще крепко держатся за землю, но с другой-то уже освобождены, дождался легкого порыва ветра, который пришел к нему на помощь, и как следует дернул.

Вайткус почувствовал рывок и, будучи готов к нему, повис всем телом на веревке, но другая веревка резко дернулась вверх, разодрав ладони Дика, и вырвалась, отбросив его на землю. Он тут же по-звериному перевернулся через голову, вскочил и бросился, чтобы подхватить веревку, но было поздно: корзина, которую шар резко накренил, рванувшись в сторону, завалилась набок, Олег упал, ударившись о бак с топливом, на него навалились мешки с балластом. Корзина отбросила в сторону большую Луизу, придавила Эгли, шар еще раз поднатужился, качнулся в сторону, отбросив Вайткуса, вырвал из земли остальные веревки и с кольями, болтающимися в воздухе, резко пошел вверх.

Корзина болталась под ним, как невесомый жучок.

Все это заняло несколько секунд, которые были полны треском, криками, уханьем воздуха.

И тут же наступила тишина, короткий период тишины, в котором был слышен только тихий плач Фумико: она на всякий случай начала плакать еще до этих событий, потому что боялась за Олега.

Молчали все, даже тетя Эгли, которой оцарапало корзиной руку, и Луиза, все еще лежавшая на земле, и Сергеев, и Вайткус, и даже дети. Все смотрели вверх, потому что там, в корзине, был Олег.

Мать Олега, единственная из всех, зажмурилась, потому что с убийственной ясностью представила себе, как тело ее сына падает из корзины и летит, растопырив руки, к земле.

А для Олега все прошло очень быстро: в одно мгновение он

упал внутрь корзины и на него, как душный зверь, навалился мешок с песком. И в следующее мгновение он понял, что летит, что ничего под ним нет, что земля где-то очень далеко, потому что корзина раскачивалась свободно и легко и сквозь щели в прутьях он видел свет.

Он очень осторожно, охваченный страхом высоты, поднялся на четвереньки, ощущая в то же время, что корзина раскачивается все меньше и шар все увереннее тянет ее вверх.

И пока Олег поднимался на ноги, к нему возвращались ощущения, словно органы чувств по очереди включались, сообщая ему, что происходит вокруг. Шипела горелка, гоня внутрь шара горячий воздух, скрипели веревки, елозили по оболочке, поскрипывали ветки корзины, по которым он ступал. И снизу доносился тонкий детский плач.

Наконец Олег смог подняться. Он крепко взялся за край корзины и уже готов был выпрямиться, но, к счастью, не успел, потому что корзину резко дернуло, так, что Олега чуть не выкинуло вверх. И он не сразу догадался, что вытравился весь канат, которым корзина была привязана к якорю.

Движение шара вверх прекратилось, хотя он продолжал попытки вырваться, и от этого корзина вздрагивала и пошатывалась.

Внизу всем казалось, что прошло очень много времени. Почти минуту все смотрели наверх и молчали. Шар поднялся метров на сто — дальше его не пускал канат — и начал медленно двигаться к лесу, словно стараясь обмануть канат, который цепко держал его.

Олега все не было видно.

Но, по крайней мере, он оставался в корзине.

Сергеев, опомнившийся раньше других, уже хотел было крикнуть Вайткусу и Дику, чтобы они помогли ему тянуть шар вниз, потом понял, что сначала надо закрыть горелку, а то подъемная сила шара слишком велика и его не одолеть.

И тут заголосила Ирина.

— Сынок! — кричала она, нарушая этим молчаливую торжественность полета. — Сынок, ты цел? Олежка!

Олег услышал этот крик, и ему стало стыдно, что мать зовет его, как маленького, но потом мелькнула мысль, что и у Наполеона, наверное, была мама, и он, высунувшись из корзины и крепко цепляясь за веревки, заорал вниз:

— Все в порядке!

Совсем маленький темный силуэт Олега — голова и плечи — был виден всем на земле, и все стали кричать, дети запрыгали, а Ирина зарыдала во весь голос.

Шар медленно двигался над головами — это был самый настоящий воздушный корабль, который может полететь в небо.

Старый помог Вайткусу, который так и просидел ту минуту на земле, подняться и сказал ему:

— А потом они изобрели воздухоплавание.

Вайткус улыбнулся.

— Уменьши пламя в горелке! — выкрикнул Сергеев. — Уменьши подъемную силу! Ты меня слышишь?

— Отлично слышу! — откликнулся Олег, и его голова пропала.

Олег обернулся к горелке, осторожно уменьшил пламя, но не сильно. Теперь, когда все обошлось, ему совсем не хотелось спускаться.

Он еще раз поглядел вниз и помахал рукой:

— Все в порядке!

И увидел поселок сверху. Сразу весь. Улицу — грязную речку, вдоль которой тянулись такие жалкие сверху хижины, кривые крыши сараев и мастерской, покосившаяся изгородь. Маленькую россыпь человечков — их пришлось угадывать, потому что некоторые стояли прямо под шаром. Кто-то махал руками, дети прыгали, изображая дикий танец.

Олег увидел, что на пороге своей хижины сидит Кристина. Может, не захотела прийти к шару, а может, о ней забыли в суматохе.

А вон там задрала зеленую морду коза. Она еще не видела летающих слонов.

Взгляд Олега скользил дальше, за ограду — неширокая полоса луга, а потом начинался лес. Никогда он еще не видел его сверху. Сплетение белесых голых ветвей, кое-где бурые и зеленые пятна лишайников и лиан, и это месиво тянется до болота. Сверху болото, такое обширное, кажется совсем небольшим, и за ним начинается кустарник, дальше снова лес, без перерыва и просвета, скрывающийся в туманной дымке.

Олег осторожно перешел на другую сторону корзины. Теперь ему было видно начало пути, которым они прошли к горам, к «Полюсу». Снова лес, за ним пустошь и красные скалы, поднимающиеся из леса.

Еще два шага вправо. Тоже лес. Только он прерывается — там участки степи, куда они ходят охотиться на оленей, и темная стена большого дальнего леса, куда редко добираются охотники и собиратели. Там нет дичи и во влажной полутьме таятся хищные цветы и лианы.

Подул ветер, стараясь унести шар. Корзина задрожала.

Олег понимал, что ему нужно еще уменьшить огонек горелки. Люди внизу ждут, когда он спустится. Но он не мог оторваться от

простора, открывшегося перед ним. Он перестал быть муравьем, ползающим среди ветвей, он взлетел над миром, как птица, и совсем иные масштабы этого мира наполнили Олега свободным и щекотным чувством могущества и уверенности в себе и в тех маленьких человечках, что ждут его внизу. Это чувство было чем-то сродни тому, что посетило его, когда он впервые увидел за перевалом в горной долине на снегу громадную чечевицу космического корабля. Но тот корабль был лишь памятью о могуществе людей. Этот же полет был сотворен им самим. И Олег понял, что более всего он хочет обрезать этот канат и подняться высоко, к самым облакам, чтобы увидеть дальше и полететь над этими лесами, не таясь в них и не опасаясь никого.

Олег подумал, что братья Монгольфье не могли сравниться с ним. Они поднимались над своим родным городом, где никто не грозил им смертью. Им надо было победить только воздух. Олегу надо было победить всю эту планету, которая хотела их убить.

Высота была невелика, вряд ли здесь было намного холоднее, чем на земле, но Олегу стало зябко. Наверное, переволновался. И когда он закрывал горелку, пальцы у него дрожали.

Шар постепенно терял силу и желание умчаться к облакам.

Внизу Сергеев и Дик стали тянуть за канат, чтобы помочь шару плавно спуститься.

Мир вокруг начал уменьшаться, горизонт приближался.

* * *

В начале лета подготовка к походу на корабль несколько замедлилась. Два главных участника этого дела — Олег и Сергеев — часто отвлекались на другие дела. Олег все продолжал возиться с шаром. Что-то изобретал в нем, мастерил, почти каждый день поднимался вверх, чаще вдвоем с кем-нибудь. У Сергеева была другая забота — Линда Хинд переехала все-таки к нему. Свадьбы никакой не было, и праздника, в общем, тоже, если не считать, что взрослые собрались к ним в дом, посидели, помянули Томаса и покойную жену Сергеева, выпили чаю, пожелали Линде с Сергеевым вернуться благополучно на Землю. И разошлись.

Взрослых в поселке осталось очень мало, и некоторые из них были совсем плохи. Сильно сдал Старый, хворала большая Луиза, а слепая Кристина сама о себе говорила, что она не жилец. Олегову мать так замучил радикулит, что она большую часть дня лежала на постели. Поэтому в огороде возились в основном Вайткус с Линдой и Эгли, а Сергеев занимался мастерской. И конечно, все больше дел падало на долю молодых. Охота в эти недели полностью перешла в ведение Дика, который брал с собой Казика, а иногда Пятраса Вайткуса. Их уже трудно было назвать маль-

чиками — это были подростки, умелые, ловкие и быстрые. В школу они теперь не ходили, да Старый и не мог им больше ничего дать. Его прошлое для них было будущим, причем близким и достижимым. Отныне все верили в шар и даже склонны были преувеличивать его возможности. Казалось, что на шаре можно летать к кораблю, когда и как хочешь.

Олег лучше других понимал, что его детище — корабль ненадежный. Он уже научился чувствовать шар и знал, как легко он под действием слабого ветерка готов нестись куда придется.

Во второй свой полет Олег взял с собой Казика. Это было справедливо. Казик добровольно возился с неприятными делами, связанными с шаром. Он без устали таскал дрова для шара и давил прессом масло из них. Он ходил на охоту на мустангов, потому что надо было чинить и латать шар.

Олег заметил, правда не сразу, как проявляется человеческий эгоизм в отношении к шару. Может, люди и не замечали собственного эгоизма, только со стороны ты видишь чужие слабости. Те, кто хотел полететь на шаре, честно помогали его запускать, держа веревки, скатывать его и прятать под навес, когда полет кончался. Но после того как сами поднялись в воздух, интерес их к шару пропадал. Большинство из тех, кто летал с Олегом, полет разочаровал. Был момент страха, когда шар поднимался, потом возникал интерес — увидеть лес и поселок сверху. Вот и все. Так было с Линдой и с Лиз, которая три раза пропускала свою очередь, потому что очень боялась, потом все же забралась в корзину, а когда шар поднимался, визжала от страха так, что ребятишки, смотревшие снизу, чуть не умерли от смеха. Вайткус, поднявшись в воздух, внимательно глядел вокруг, а потом сказал, что надо будет сходить за болото, потому что он видит в чаще за ним яблоневые деревья. Старый молчал, когда они были наверху. Минут двадцать молчал, потом произнес: «Спасибо, можно опускаться». Эгли смотрела на поселок, потом вытерла глаза, может, от ветра, может, соринка попала. И уронила: «С ума сойти, какое убожество».

Мать лететь отказалась, и это было хорошо. Но каждый раз, когда Олег готовился к полету, она выходила на площадку и обязательно проверяла, хорошо ли держит канат.

Казик с Фумико канат нарастили. Еще метров на двадцать. Больше не получалось. Он оказывался таким тяжелым, что тянул шар книзу, к тому же начинал рваться.

Дик поднялся одним из последних. Он несколько дней после первого полета избегал Олега, так как считал себя виноватым в том, что чуть не произошло крушение. Олег сам спросил его, хочет ли он подняться, и Дик согласился.

В тот день шел дождик, и капли срывались с шара, отчего бы-

ло плохо видно. Олег чувствовал, что Дик оробел — он был в чужой обстановке, а Дик всегда терялся в чужой обстановке: Олег помнил, каким был Дик на «Полюсе». Он так и простоял весь полет, держась за канаты со своей стороны корзины, и не решился обойти ее. Дик взял с собой в полет арбалет и даже заткнул за пояс бластер, все это было лишнее, но Олег сделал вид, что не заметил.

Неожиданно Дик сказал:

— Летом надо будет дойти до большой степи. Я думаю, она начинается вон там.

И он показал пальцем к югу, где лес сливался с облаками.

— Там должно быть много оленей, — добавил Дик.

И Олег понял, что Дик все равно остается на земле.

Но он был не прав. Дик чувствовал себя неуверенно в слишком легкой, почти прозрачной плетеной корзине. Однако главное было в другом: впервые в жизни он завидовал Олегу.

Пока Олег занимался хоть и нужными для поселка, но не очень нужными, с точки зрения Дика, делами, Дику было все равно. У него был свой лес и свои победы. И только теперь, глядя на лес и видя, как среди ветвей крадутся шакалы, как ползет по стволу ногастая змея, как пучатся от весенних соков стволы серебряных сосенок, — видя то, что было недоступно не столь тренированному и чуткому взгляду Олега, Дик осознал дополнительную власть и свободу, которые дает обладание шаром. В нем проснулось острое желание лететь по воздуху к новым лесам, гнаться за стаями зверей, опускаться на ночь возле таинственных речек...

Олег с удивлением увидел, как Дик достает бластер.

— Ты что? — удивился он.

— Тихо, — прошептал Дик.

Зеленый нитяной луч протянулся к деревьям у болота — немым и неподвижным. И тут же там, внизу и вдали, возникло движение: крупное животное забилось в чаще, и тяжелая туша вывалилась на поляну.

— Я такого еще не видел, — сказал Дик, пряча бластер. — Давай спускаться. Я хочу посмотреть, кого я убил.

С Марьяной Олег поднимался в тихую теплую погоду.

— Здесь красиво, — проговорила Марьяна. — Не хочется опускаться, правда?

Олег смотрел на нее. Он был точно щедрый хозяин, показывающий гостье свое поместье. И поскольку он знал прелести поместья и был уверен в них, то комплименты воспринимал как должное. И ему было приятно, что именно Марьяна смогла оценить красоту полета.

— И тихо, — сказала Марьяна.

— Спасибо.

— Почему? — Марьяна повернулась к нему и посмотрела на него внимательно, будто увидела в первый раз. — Почему спасибо?

Олег протянул руку и дотронулся до ее пальцев, лежавших на краю корзины. Корзина чуть качнулась, но Марьяна не испугалась.

— Ты все понимаешь, — ответил Олег.

Марьяна оторвала руку от края корзины и вложила пальцы в руку Олега.

Это было так естественно, и его ладонь уже ждала этого прикосновения. Корзина снова качнулась, и Марьяна сделала шаг вперед, чтобы не потерять равновесия. Они оказались совсем рядом, и Олег поцеловал ее в щеку. Он хотел поцеловать в губы, но промахнулся и поцеловал в щеку, возле уголка губ. И уже не было ничего — ни неба, ни шара, — они парили там, где нет никого, кроме них, где так хорошо и понятно.

— Эй! — закричал снизу Казик. — Вы куда пропали?

Марьяна подняла голову — она была на голову ниже Олега — и улыбнулась.

— Что? — не понял Олег.

— Давай подниматься сюда каждый день. — И засмеялась.

— Давай. — Олег тоже засмеялся. — Утром будем подниматься, а вечером спускаться.

— Только Казика жалко. Может, будем его брать с собой?

— Нет, — ответил Олег тихо, он вдруг испугался, что на земле их могут услышать. — Мы никого не будем брать с собой.

— Эй! — кричал Казик. — Спускайтесь! Гроза идет.

У Казика было удивительное чутье на погоду — как у зверя. Он никогда не ошибался. Если он чувствовал, что идет гроза, значит, пора прятаться.

Олег не спеша прикрыл горелку.

И пока шар охлаждался и опускался вниз, он все не отпускал руки Марьяны.

Они успели спуститься в самый последний момент — сильный порыв ветра дергал шар так, что канат трещал. Внизу, кроме Казика, никого не было: после третьего полета решили, что тащить шар за канат не нужно — никуда он не денется. Но в тот раз задержка чуть не кончилась плохо, потому что влекомый порывами ветра шар опустился не на место старта, а на всю длину каната в сторону, у крайнего дома, чуть не задев его. И уже под дождем, борясь с бурей, они прыгали по оболочке, чтобы скорее вышел воздух и можно было бы оттащить шар под навес. К ним на помощь прибежал Дик, потом Сергеев. Все промокли, устали, ругали Олега, что он замешкался со спуском.

— Я же тебе кричал! — повторял Казик. — Ты что, оглох?

Олег не отвечал. Ему хотелось — ну разве в этом признаешься? — снова подняться в воздух, высоко, в грозу, чтобы бешеный ветер нес его — и ничего не страшно, а только весело.

Он ловил взгляд Марьяны. Ему казалось очень важным, чтобы она на него смотрела. И раз или два ему удалось поймать ее взгляд. И тут же его начинали одолевать сомнения: а вдруг она пошутила? Вдруг она не чувствует того, что чувствует он?

Но когда они уже очутились в сарае и шар был надежно спрятан, Марьяна взглянула на Дика и Сергеева, которые стояли возле открытых дверей, пережидая ливень, и прошептала:

— Как хорошо, что мы с тобой летали, правда?

И в ее вопросе тоже слышалась неуверенность, можно ли верить тому, что было. И неуверенность обрадовала Олега.

Он сказал:

— Это замечательно, что мы с тобой летали.

* * *

В тот день, когда впервые решили подняться без каната, с Олегом полетел Сергеев.

Они специально выждали безветренный день.

Шар шел уверенно. Олег уже привык обращаться с ним и знал его маленькие хитрости. Когда шар поднялся до прежней отметки, Олег перегнулся и помахал рукой тем, кто собрался внизу. Там снова был весь поселок, как в день первого полета. Олег отыскал глазами Марьяну. Он махал ей, но никто, кроме Марьяны, об этом не догадывался.

Шар поднимался лениво, но настойчиво, все быстрее, и Олег подсознательно ждал, что сейчас корзина дернется — канат остановит восхождение.

Но полет продолжался, и горизонт медленно и незаметно расширялся — в дымке скрывались края земли. Поселок стал жилищем тлей, а лес — бесконечным морем.

Вдруг стало темнее. Спустившийся сверху язык облака закрыл горизонт. Подъем шара замедлился.

— Может, спустимся? — спросил Сергеев.

— Нет, — ответил Олег.

Его удивил вопрос Сергеева, потому что они ведь с самого начала хотели пройти сквозь облака и увидеть небо. Сергеев молчал.

Было очень тихо. Просто невероятно как тихо. Олегу показалось, что он никогда в жизни не слышал такой тишины.

Непонятно было, поднимается ли шар, но он поднимался, потому что клочья густого облака медленно опускались перед глазами.

Здесь было холоднее, чем на земле. Край корзины стал мокрым.

— По-моему, мы перестали подниматься, — сказал Сергеев.

Олег подошел к горелке и увеличил пламя.

Стало еще темнее. И начал подкрадываться страх. Олег смотрел на Сергеева и думал: «Вот счастливый человек, ему совсем не страшно. А я не знаю, куда мы движемся и выберемся ли мы когда-нибудь из этой мокрой ваты». Он не знал, что Сергееву страшнее, чем ему, потому что Сергеев лишь второй раз поднимался на воздушном шаре, но понимал, что достаточно нечаянного вихря, который мог таиться в облаке, чтобы их бросило в сторону и, может быть, разбило о землю или унесло к горам.

— Я сброшу балласт, можно? — спросил Олег.

Вопрос был риторическим. Командиром шара был он, и Сергеев признавал его старшинство в воздухе. Дополнительные мешки с балластом были взяты именно с этой целью. Даже было уговорено, что после подъема шара все жители поселка отойдут подальше от поляны, чтобы не угодить под мешок с балластом.

Сергеев помог Олегу скидывать мешки вниз. После каждого сброшенного мешка корзина вздрагивала, шар делал рывок вверх, как усталый пловец, который гребет к поверхности воды, чтобы глотнуть свежего воздуха.

И вдруг стало чуть светлее. Свет был странным, другим. И Олег догадался, что скоро они выйдут из облака.

И вот над головой звезды. И Олег увидел, каким неожиданным ударом это зрелище было для Сергеева, который уже много лет не видел звезд.

Сергеев замер, глядя вверх. Шар круглился, отражая облака, но между его боком и облаками была глубокая синева и множество звезд. И при этом было светло, совсем светло: справа ярким раскаленным котлом светило солнце. Было сразу и холодно, как в горах — от свежести простора, — и горячо от солнца.

А шар продолжал незаметно подниматься, оставляя внизу облака, которые казались мягкими, но плотными настолько, что можно шагнуть через борт корзины и идти по ним, чуть проваливаясь в их белый мох.

Сергеев опомнился первым.

— Прикрути горелку. А то унесет.

Олег послушался.

Они молчали и смотрели в небо, на облака. Им не хотелось опускаться вниз, хотя они уже замерзли.

И в этот момент Олег увидел странную вещь.

По небу быстро и настойчиво двигалась черная точка.

Она появилась на периферии его зрения, и Олег сначала увидел не ее, а пышный хвост, белый и прямой, уходящий за горизонт, как будто из тонкой трубки, расширяясь, рвался столб пара.

— Сергеев, — сказал Олег. — Посмотри. Что за зверь?

Сергеев, глядевший в другую сторону, обернулся. Точка приближалась к шару, закрывавшему середину неба, и готова была скрыться.

Сергеев сказал:

— Этого не может быть!

— Что? — Олег уловил невероятное изумление в голосе Сергеева.

— Это... это самолет или ракета... или... Это может быть сделано только человеком.

Черная точка исчезла, и Сергеев поспешил на другую сторону корзины. Корзина накренилась.

Не замечая холода, они дождались, пока черная точка выплывет по ту сторону шара и пойдет дальше, уверенно, прямо, оставляя сначала тонкий, а потом все расширяющийся хвост.

— Как человек? — спросил Олег почти робко. — Здесь же никого нет. Может, это птица?

— Подсчитай скорость, — ответил Сергеев. — И высоту. Я думаю, что это проба.

— Что?

— Исследовательский атмосферный скаут. Он идет со скоростью около двух тысяч километров в час на высоте десяти-пятнадцати километров. Такие бывают в геологических экспедициях.

— Значит, тут кто-то есть?

— Значит, тут кто-то есть, — произнес Сергеев.

Он посмотрел на солнце, чтобы определить направление движения скаута.

Скаут начал снижаться. Им было видно, как он снижается и сбрасывает скорость. Паровой след иссяк недалеко от облачного слоя.

И все. Только размытый пропадающий след в синем небе.

— Спускаемся, — предложил Сергеев.

— Давай, — согласился Олег. — Я сейчас умру от холода.

Опустились они на болоте и потом всем поселком до вечера вытягивали оттуда шар. Все перемазались и промокли.

Но это было не так важно.

На планете были люди. Другие люди.

Глава 3

Планета не имела названия.

У нее был цифровой код. Любой справочный компьютер выдавал о ней сведения, даже не подозревая, что людям приятнее, когда планета имеет название. Привычнее.

Но так случается с планетами, открытыми издали, из космоса, и затем включенными в список исследований.

Планету открыли несколько лет назад. Потом, как и положено, к ней была отправлена станция «Тест». Автоматическая станция, которая вышла на орбиту, выпустила скаутов, сняла ее поверхность, выкинула на поверхность пробы, которые взяли образцы воздуха и почвы. Затем «Тест» собрал всех своих слуг и отправился к трассе, где его подобрал корабль-матка. На корабле-матке младший научный сотрудник Кирейко проглядел материал, сделал квалифицированные выводы, и все материалы по планете отправились в архив, ждать очереди.

Младший научный сотрудник Кирейко мог обнаружить, что планета представляет собой исключительный интерес то ли потому, что на ней есть разумная жизнь, то ли потому, что неразумная жизнь необыкновенная, то ли потому, что там замечательный климат и отличные условия для колонизации, то ли наконец потому, что ее минеральные богатства ошеломляют разнообразием и выбором.

Ничего такого младший научный сотрудник Кирейко не обнаружил.

Планета была лишена разумной жизни. Ее высокие широты были заняты снежными горами, ниже располагались закрытые вечным облачным слоем первобытные леса, а к экваториальной области тянулись на тысячи километров раскаленные пустыни. Угол ее наклона к орбите был невелик, период обращения чуть больше тысячи дней. Ничего особенного.

В принципе, средние широты, туманные области лесов и более жарких прерий были пригодны для человека, но отдаленность планеты от космических трасс и нехватка исследовательских групп в этом неблизком секторе Галактики обрекли планету на частичное забвение.

А раз на планете нет разумной жизни и мало шансов на ее появление в ближайшие тысячелетия, то и в имени планета пока не нуждалась.

«В крайнем случае, — подумал Павлыш, собирая рабочий стол, — мы можем окрестить планету по собственному усмотрению (разведгруппы имели на то право), например, Фиалкой, при условии, что в каталоге галактических тел нет другой Фиалки».

Стол собрать никак не удавалось. В комплекте недоставало нижней трети телескопической ножки, правда, ящиков оказалось на один больше, чем нужно. Ящики Павлыш надул, вдвинул на место, а лишний приспособил под мусорную корзину. С ножкой он поломал голову, пока не догадался приспособить рейку от палатки.

Клавдия видела эту борьбу и была недовольна. Клавдия не выносила беспорядка, от чего бы он ни происходил.

Павлыш поставил стол к иллюминатору так, чтобы серый сумеречный свет падал слева. Он не любил работать лицом к свету.

Клавдия поставила свой столик так, чтобы работать лицом к свету.

В ее комплекте, разумеется, все составные части стола были налицо, и ни одной лишней. Затем Клавдия начала раскладывать на столе приборы, чистые и аккуратные, хотя некоторые из них уже побывали на трех-четырех планетах, куда более сложных, чем эта.

Третий стол, принадлежавший Салли Госк, так и остался пока в плоском ящике. Салли отложила устройство личных дел, пока не устроится вся станция.

Станция должна была быть женской.

Экипаж Клавдии Сун.

Клавдия Сун — начальник группы и геолог. Салли Госк — радист, электронщик и повар. Сребрина Талева — биолог.

Вместе они работали уже на четырех планетах.

Центр Космических исследований предпочитает не создавать в малых разведгруппах бытовых сложностей. Он комплектует такие экипажи либо из семейных пар, либо подбирает однополые группы. Купол станции невелик, душ и туалет отделены от общей рабочей комнаты пластиковыми шторками, а перегородки между спальными отсеками чуть выше человеческого роста.

Но Сребрина Талева умудрилась сломать бедро за день до высадки.

Капитан «Магеллана», старый друг Глеб Бауэр, вызвал Павлыша. Он смотрел на него сочувственно.

— Ты, конечно, понимаешь, — начал он, — что группа Клавдии Сун последняя на борту. Остальные высажены.

— Сребрину можно будет выписать только через месяц, — ответил Павлыш. — Очень сложный перелом.

— Я не об этом. Я хотел спросить, что они будут делать там без биолога?

— Без биолога им трудно, — согласился Павлыш.

— Ты понимаешь, что мы им сорвали высадку?

— Мы-то тут при чем?

— Мы несем ответственность, — сказал Бауэр так, что ясно было — ответственность несет именно Павлыш.

— Отдать ей мою ногу?

— Слава, это не предмет для шуток.

Удивительно, как быстро капитаны начинают ощущать себя капитанами. Можно подумать, что прошло много лет с тех пор,

как Бауэр ходил вторым штурманом на «Сегеже». Правда, Павлыш тогда был судовым врачом и сейчас им остался.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Павлыш. — У капитана должны на все быть рецепты.

Бауэр не хотел услышать иронии.

— Слушай, Слава, — сказал он куда мягче. — Ты же тысячу раз меня просил: пусти в поиск, надоело сидеть в железной банке. Просил?

— Мне стать Сребриной Талевой?

— Я спрашиваю, хочешь помочь разведчикам?

— Не хочу.

— Почему же?

— Не представляю, как буду работать в женской группе.

— В ней будет работать тридцать три процента мужчин.

— Клавдия Сун меня съест. Ты же знаешь, какая у нее репутация.

— Клавдия — милейшая женщина. Я тебе это гарантирую.

— Каждый остается при своем мнении. Я просил тебя отпустить меня, когда уходила группа Сато. Там была интересная планета, и людей я хорошо знал.

— Ты боишься одной женщины или боишься работы?

— Пожалуй, одной женщины. Да и она не согласится.

— Тогда с тобой все ясно. А Сун полетит хоть с самим чертом, только чтобы не сорвалась экспедиция.

Разумеется, Клавдия согласилась лететь с Павлышом. Иначе бы пришлось возвращаться на Землю — больше на борту биологов не было. Правда, настроена она была скептически. И, как часто бывает, Павлыш помимо своей воли начал оправдывать ее самые плохие предчувствия. При погрузке он умудрился разбить инфраскоп, который теоретически можно скинуть с десятого этажа без всякого вреда для прибора. А вот теперь, к примеру, он не может сделать простейшей вещи — собрать рабочий стол.

В любой стае, включая человеческую, обязательно существует табель о рангах. Трех человек для такой системы достаточно. Появление Павлыша нарушило сложившуюся за несколько лет субординацию. Все было бы проще, будь Клавдия Сун пожилой мужеподобной дамой с громовым голосом и резкими манерами. Но Клавдия Сун не производила впечатления космического волка и начальника разведэкипажа. Внешне она была сказочно хрупким и беззащитным созданием с большими, чуть раскосыми вишневыми глазами и упругими, склонными виться, чего им не дозволяли, черными волосами, разделенными на прямой пробор и затянутыми в тугой узел.

Клавдия Сун была из тех женщин, которые безусловно и сразу начинают главенствовать в женской среде, но пасуют перед

большими мужчинами и оттого становятся агрессивны и дерзки. К тому же у Клавдии порой отказывало чувство юмора, у Павлыша же оно не отказывало никогда.

Оробев внутренне перед Павлышом, Клавдия усилила внешнее сопротивление, как только обнаружилось, что в ее организованное женское гнездо подложили кукушонка мужского пола.

По наследству Павлышу следовало бы занять экологическую нишу Сребрины Талевой, женщины романтичной, склонной к неожиданным сменам настроения, открытой, веселой, но невезучей — обыкновенному человеку никогда не сломать бедро на космическом корабле. Но Клавдия сразу начала противопоставлять, даже порой несправедливо, «неловкого и неумного» Павлыша «идеальной работнице и замечательному человеку» — Сребрине. То есть он как бы стал Антисребриной.

Но Павлыш умел находить выгоды в положении, оставлявшем желать лучшего. Ему предстоит провести четыре месяца на совершенно не изученной планете — тысячи ученых мечтают попасть в группы поиска. У него появились шансы оставить след в науке, открыть неизвестное семейство бактерий или новый тип симбиоза. А почему бы и нет? Да и что может быть лучше, чем вырваться из отработанной рутины корабельной жизни и броситься навстречу приключениям? Разве он сам не просил Бауэра отправить его с группой? Конечно, просил. Пускай в справочниках и инструкциях тебя убеждают, что настоящая станция поиска должна обходиться без приключений, что хорошо организованная работа не допускает срывов, а любое приключение не более как досадный срыв... В общем, корабельный врач Владислав Павлыш, сорока лет от роду, в меру способный и любознательный, не слишком тщеславный, не потерявший вкуса к жизни, покинул борт фрегата, бороздившего космические моря, и более или менее добровольно высадился на берегу необитаемого острова в обществе двух прекрасных дам. Одна из них, Салли Госк, была девицей, вторая в разводе. Теперь оставалось лишь выяснить, есть ли на необитаемом острове кокосовые пальмы, тигры и Пятницы.

В этом месте его размышлений рейка от палатки скрипнула, въехала в трубку ножки стола — и стол, ловко избегнув попытки Павлыша его подхватить, улегся посреди комнаты, разбросав по полу все, что Павлыш успел на него поставить.

Клавдия с некоторым раздражением смотрела, как ее новый биолог ползает по полу, собирая свое добро. Салли, выглянув из камбуза, сказала, разрываясь между жалостью к Павлышу и внутренним трепетом перед Клавдией:

— Может, пока подложим под ножку ящик, а потом Слава отрежет от какого-нибудь дерева сучок и сделает ножку?

— Разумеется, — сухо ответила Клавдия, не глядя на подчиненных, а обратя взор к иллюминатору, за которым темнел затянутый туманом лес. — Не хватало еще притащить на станцию местную микрофлору.

— Один мальчик, — произнес Павлыш, возражая не столько против слов Клавдии, сколько против тона, — притащил домой крокодила, и тот откусил пальчик дедушке.

— Мой муж... — проговорила Клавдия неожиданно, закусила губы и замолчала.

— Не надо, Клавдия, — остановила ее Салли.

— Почему не надо? Пускай он знает.

Клавдия смотрела Павлышу в глаза.

«Господи, — подумал Павлыш, — я и не знал, что ее муж погиб на какой-то ужасной планете».

— Мой муж, — повторила Клавдия, — с которым я рассталась шесть лет назад, чуть не погубил экспедицию в системе Коррак, так как легкомысленно притащил на станцию местное животное.

«И после этого я с ним, разумеется, рассталась, — мысленно закончил за нее фразу Павлыш, — потому что не могла перенести столь вопиющего нарушения инструкций».

Вслух же он сказал:

— Я обещаю вам, Клавдия, никогда не приносить на станцию местных животных.

Клавдия с некоторым облегчением вздохнула — видно, решила воспринять это заявление как серьезное обещание.

Павлыш взял ящик из тех, что уже опорожнила Салли, и подложил его под короткую ножку стола.

* * *

Павлыш уселся за стол. Кресло послушно обняло его. Вроде бы удобно. Он поглядел налево. Стекло иллюминатора запотело. Павлыш протер его. Но не успел разглядеть лес, потому что заряд дождя со снегом полоснул по стеклу и серые стволы деревьев задрожали, расплылись, повторяя контуры дождевых струй.

— На окна надо поставить дворники, — сообщил Павлыш Клавдии. — Без дворников плохо любоваться пейзажем.

— Я давно об этом думала, — ответила Клавдия, — еще на прошлом поиске. Но нам самим их не сделать.

Павлыш вздохнул. Ему повезло с серьезной начальницей.

Снег пошел гуще. Снежинки тоскливо скреблись в окно, и деревья окончательно застило мутью.

— Сводку погоды не передавали? — спросил Павлыш.

— Как так? — удивилась Клавдия. И спохватилась: — Не говорите глупостей.

— А то я совершенно не представляю себе, что надеть, когда пойду гулять.

— Наденете скафандр биозащиты, — не желала шутить Клавдия. — И никогда не будете снимать его за пределами станции.

— Значит, сводку не передавали. — Павлыш вдруг поймал себя на том, что ему трудно остановиться. Ему хотелось дразнить Клавдию.

Салли хихикнула. Тут же что-то зашипело.

— Я молоко упустила, — сообщила она.

— У нас с вами, Павлыш, разное мироощущение, — сказала Клавдия. — Потребность постоянно балагурить ведет к браваде. Бравада — к неоправданному риску. Риск здесь крайне опасен. От вашей неудачной шутки может зависеть судьба всей станции.

— Я буду серьезен, — сказал Павлыш.

Зуммер связи прервал эту беседу. Салли попросила Клавдию сменить ее у плиты, а сама поспешила к передатчику. Вызывал «Магеллан». Он уходил дальше по маршруту, и через несколько часов, когда он начнет большой прыжок к следующей планете, связь прервется. Прервется на четыре месяца. Космические станции связи устанавливаются лишь на больших кораблях и на больших станциях.

Разведстанциям космического передатчика не положено. В этом есть элемент риска. С ним приходится мириться. Гравитационный передатчик занял бы весь купол.

На крайний случай в открытом космосе, за пределами активного поля тяготения системы, находится маяк. Если что случится, до него можно долететь на планетарном катере.

С этого момента связь можно поддерживать лишь неспешным старинным образом. В случае необходимости сигнал идет с обычной скоростью радиоволны — до маяка, который находится в открытом космосе в световом месяце от планеты. От него сигнал пойдет на Землю-14. И поэтому раньше чем через шесть недель его никто не услышит.

В конце связи Бауэр передал всем приветы, просил не скучать.

И — до связи!

Еще через несколько часов корабль «Магеллан» исчезнет в этом участке космоса и возникнет в ином, отдаленном многими парсеками.

Павлыш слушал, как Салли завершала связь, принимала последние инструкции. Он подошел поближе к окну и поглядел на небо. Можно было и не глядеть: сплошная муть и серость.

Он знал, что их капсула приземлилась в конце весны в Северном полушарии, в умеренной зоне. Значит, можно рассчитывать, что с каждым днем погода будет улучшаться. Это место было выбрано по данным, собранным раньше автоматами. Здесь был оптимальный климат для исследователей: севернее начинались горные системы, пустые и мрачные, за ними — голая тундра, южнее, за океаном, — пустыня. Пояс, выбранный для работы, был наиболее биологически активным — значительная часть работ будет вестись в окрестностях купола.

Через иллюминатор Павлышу был виден переходник — округлый туннель, ведущий к куполу поменьше — лаборатории биоскаутов. Таких вспомогательных куполов было три. Один, с биоскаутами, принадлежал Павлышу. Второй, с геологическим оборудованием, — Клавдии. Третий был складом и гаражом, в котором хранился вездеход. Капсула, или планетарный катер, доставивший их сюда, стоял поодаль. Он был похож на детский волчок, только вместо острого конца, на котором ему положено вращаться, катер покоился на трех ногах, тонких и вроде бы ненадежных. Хотя они были надежны.

— Если моя помощь не нужна, — произнес Павлыш, — я пошел на склад. Займусь разборкой.

— Идите, — сказала Клавдия. — А после обеда будете готовить биоскаутов. Завтра начинаем выполнять программу.

— Знаю.

Павлыш перешел во второй складской отсек. Контейнеры с оборудованием и припасами были сложены в четком порядке. За разгрузкой следила Клавдия, при виде ее даже роботы дрожали. Здесь было душновато. Павлыш подошел к кондиционеру и перевел его на деление. Тот зашуршал веселее. Павлышу показалось, что он слышит, как движутся, избирательно отсеивая все вредное и чужое для помещения, тончайшие лепестки многочисленных фильтров.

Начиналась самая сложная для Павлыша часть подготовительной работы. Надо было отыскать в этих аккуратных штабелях ящиков именно те двадцать три номера, в которых хранятся разобранные биоскауты, анализаторы, приемные устройства экспресс-лаборатории, диагносты, полевая операционная, прозекторская и что-то еще.

Павлыш с грустью подержал в руке табличку со списком оборудования, понимая, что по крайней мере три из четырех месяцев он проведет в поисках и сборке своего хозяйства.

Но более всего хотелось отыскать контейнер, в котором лежали микрофильмы. Павлыш опасался, что, проверяя при погрузке багаж, Клавдия изъяла заветный ящичек, в котором Павлыш вез запас детективов и фантастических романов. Он понял, что микрофильмы лежат в шестнадцатом контейнере, который благополучно заставлен шестым и тридцать четвертым, самыми тяжелы-

ми из контейнеров. Но ведь не ждать же, пока Салли заактивирует серворобота, чтобы тот таскал тяжести.

Стараясь не шуметь, Павлыш сволок в свободный угол контейнеры, добрался до заветного ящика, открыл его — самые худшие опасения оправдались. И он возненавидел Клавдию. Конечно же, она отыскала коробку с художественной макулатурой и вместо нее засунула свою коробку, крайне ценную для науки. Разочарование, хотя и ожидаемое, было глубоким и болезненным. Павлыш понял, что именно без детективов он не протянет и месяца в обществе этого овода.

Павлыш присел на контейнер и постарался убедить себя, что ему повезло, потому что теперь он сможет больше времени уделять полезному труду и шансы сделать ценный вклад в науку резко увеличатся.

Убедить себя ни в чем не удавалось, и Павлыш начал сочинять патетическое заявление об уходе ввиду садистской жестокости, проявляемой начальством к коллективу станции.

Тут открылась дверь, вошла Салли и присела на соседний контейнер. Она была крепкой, склонной к полноте русоволосой женщиной с умными зелеными глазами и полными, хорошо приспособленными к улыбке губами.

— Я помогу вашему горю. — Салли широко улыбнулась. Она поднялась, подошла к стопкам контейнеров. — Идите сюда, Слава.

Они вытащили второй сверху контейнер с маркировкой 57, это означало, что он относится к геологической группе грузов. Салли открыла его и достала заветную коробку с микрофильмами.

— Это вы сделали? — обрадовался Павлыш, еле удерживаясь, чтобы не обнять очаровательную, добрую, любезную Салли. — Она вынула, а вы положили?

— Все не так просто, — сказала Салли. — Клавдия никогда бы не решилась оставить что-то, принадлежащее не ей, тем более без разрешения. Мы перекладывали вещи, а ее микробур не умещался. Вот мы и поменяли местами.

— *Все равно спасибо.*

— А я больше люблю классику.

— А Клавдия геологический справочник?

— Справочник и «Анну Каренину». Она всюду возит с собой «Анну Каренину». Как только ей плохо — начинает читать. Смотрите, чтобы сегодня она за нее не принялась. Она так переживает из-за вас.

— Из-за меня?

— Ей кажется, что вы над ней все время смеетесь.

— Нет, что вы, далеко не все время, — ответил Павлыш, чем развеселил добрую Салли.

Иллюминатор в складском отсеке был небольшим, и потому, когда к нему подошла образина, сразу стало темнее. И Павлыш и Салли эту перемену в освещении почувствовали.

Образина была почти белой, и если у нее были глаза, то они скрывались под жесткой длинной шерстью. Зато зубы, торчавшие вперед — ими образина хотела испытать крепость стекла, — были коричневыми, и Павлыш подумал, что образина их никогда не чистит. Между зубами, как за частоколом древней крепости, сидели блестящие маленькие существа, похожие на недозрелые лимончики. У лимончиков тоже были зубы. Лимончики выбирались из своей крепости и, неизвестно чем цепляясь за гладкую поверхность, разбегались по стеклу. Двигались они так быстро, что сливались в зеленоватое мерцание. Образина закрыла пасть.

Павлыш сообразил, что Салли держит его за руку.

— Испугались? — спросил Павлыш.

Салли убрала руку.

— Из прогулки ничего не получится, — сказала она. — Я так надеялась, что здесь можно гулять.

— Вот и моя первая статья в «Космозоологию», — проговорил Павлыш. — Особенности симбиотических сообществ на планете... как она называется?

— Вы можете думать о посторонних вещах. Вы очень хладнокровный, Слава. А я сейчас умру от отвращения.

— Вы только задумайтесь, какими отвратительными мы кажемся этим существам...

Белая безглазая морда исчезла. Лимончики засуетились еще больше — видно, испугались, что их дом ушел. Салли вызвала Клавдию.

Клавдия кинула лишь один взгляд на лимончиков и тут же принесла свою камеру, уже распакованную и готовую к работе. Горький упрек в адрес Павлыша.

Черный хлыст ударил по стеклу, распоров одного из лимончиков, и его сок желтыми потеками пополз по стеклу. Остальные лимончики замерли. Хлыст полз медленно, расширяясь, пока не превратился в полосу шириной сантиметров десять. Полоса сложилась в трубку, и лимончики начали послушно в нее проваливаться. Через несколько секунд стекло стало пустым, только остатки желтого пятна напоминали о трагедии, которую они сейчас наблюдали.

— Мы до сих пор не включили внешние камеры, — напомнила Клавдия. — Даже не знаем, что творится снаружи.

— Спасибо, что не забыли мои детективы, — сказал Павлыш.

— Пожалуйста, вспоминайте иногда о своей работе.

— Я помню. Я даже помню латынь. И могу давать страшные названия всем гадам, которых мы увидим за окном. Для этого берутся латинские слова со значением «гадкий, страшный, отвратительный» и добавляется имя открывателя. Нам с вами представляются широкие возможности.

Клавдия вышла.

Салли посмотрела ей вслед.

— Когда решите кого-то назвать моим именем, поищите не очень гадкое латинское слово.

— Вашим именем мы будем называть только мотыльков, — пообещал Павлыш.

В жилом отсеке Клавдия звенела посудой. Накрывала на стол.

— А здесь может быть разумная жизнь? — спросила Салли.

— Вряд ли. Тестовские пробы ничего не обнаружили. Да и общий биологический уровень развития низок.

— А все-таки?

— «Все-таки» мы сможем сказать, когда будем улетать отсюда.

— Я очень люблю новые планеты. Сначала полная темнота. Как будто ты только что родился. А потом начинаешь вживаться в этот мир. И становится светлее.

Павлыш снова подошел к иллюминатору. Мелкие насекомые ползали по стеклу вокруг желтых подтеков. Снег прекратился. Лес был пуст, насторожен.

«До чего мы здесь чужие, — подумал Павлыш. — Маленькие кусочки протоплазмы в пластиковой оболочке. Поймем ли мы этот мир? Отвергнет ли он нас? Или просто не заметит нашего присутствия?»

— Ближайший человек находится в миллиардах километров отсюда.

— Ну вот, — отозвалась Салли. — Зачем угадывать мои мысли?

— Но миллиарды километров не так уж и много, — заверил Павлыш. — Наше существование зарегистрировано везде, где только можно. В космофлоте, на Земле-14, в Дальней разведке, в ЦКИ, нам идет стаж и насчитываются премиальные недели. Если с нами что-то случится, поднимется большая буча — спасательные крейсеры кинутся сюда со всех концов Галактики...

— А если опоздают?

— Для того чтобы не опоздали, — произнес Павлыш назидательно, — мы должны себя хорошо вести и слушаться тетю Клавдию. И ничего плохого не случится. Главное — мыть руки перед едой.

— Я догадалась, — сказала Салли. — Вам одиноко, и вы уже жалеете, что полетели с нами.

— Ни в коем случае.

Павлыш продолжал смотреть на лес. Ему хотелось увидеть в нем хоть какое-нибудь движение, жизнь. И ему показалось, что деревья начали медленно, будто вступая в сомнамбулический танец, покачивать ветвями, изгибать стволы, подчиняясь общему, как бы рожденному отдаленным боем барабанов ритму.

* * *

Станция поиска затаилась на краю большого леса.

После первых двух дней активности, суматохи, установки купола, разгрузки наступила тишина.

Никто не выходил из станции, и ее тонкие двойные стены заглушали любой звук, раздававшийся внутри.

Неподвижное не пугает.

Лес начал привыкать к тому, что рядом с ним живет чужое.

Павлыш, хоть и был очень занят в эти первые дни, с любопытством наблюдал за процессом вживания станции в новый мир. Тем более что уже были включены камеры внешнего наблюдения, работал метеопункт, а буры, установленные под геокуполом, принялись шустро вгрызаться в землю — началось познание леса и земли, объективное, не связанное с органами чувств, потому что приборы немедленно кодировали информацию. А закодированные понятия ведут к обобщениям закономерным, потому что все планеты состоят из одних и тех же элементов, даже чаще всего в тех же сочетаниях, а живая природа подчиняется общим законам генетики и состоит из тех же белков в любом месте Галактики. Разница не в биологической сущности, а во внешних особенностях. Поэтому Павлыш все время ощущал неудовлетворенность от расхождения между накоплением объективных знаний и полным чувственным неведением.

Он понимал, что безумие — выйти наружу, глубоко вдохнуть этот живой, не стерилизованный воздух, размять в руке лист дерева или сорвать травинку и понюхать ее. Он знал, что за спокойствием окружающего мира таятся силы, враждебные человеку, не потому, что они направлены именно против человека, а потому, что они абсолютно чужды ему, не знают его и постараются отторгнуть, как только он попытается войти с ними в контакт.

На третий день утром Павлыш собрался запустить первый биоскаут.

Всего биоскаутов было три — им предстояло обследовать атмосферу, регистрируя химический и биологический состав ее на разных высотах. Подобные же скауты были и у Клавдии, но их задачей было снятие геологической карты планеты. Разница была в том, что, в случае необходимости, Клавдия могла заставить скаут опуститься на землю и даже провести опытное бурение.

Скауты Павлыша — накопители информации, о которой они сообщают по возвращении. Тогда Павлыш проглядывает препарированный скаутом отчет, просматривает снимки, определяет точки, куда следует отправляться самому.

Павлыш прошел низким овальным коридором в свою лабораторию.

Скауты ждали его, лежа на высоких подставках. Павлыш по программе, разработанной давно и для всех стандартных ситуаций, должен был на первом этапе послать скауты ромашкой. Каждый вылет соответствовал лепестку ромашки. Длина «лепестка» — пятьсот километров, высота полета варьируется. Эллипс первого лепестка проходил на высоте тридцати километров, все последующие опускаются ниже. Таким образом исследуется как бы цилиндр атмосферы высотой тридцать километров, диаметром тысячу.

Сама процедура запуска была несложна. Задав скауту программу, Павлыш включал запуск, и дальнейшее происходило без его участия.

Скаут подмигнул ему зеленым огоньком готовности, подставка пришла в движение, поднимая скаут к куполу, в котором открылось отверстие, достаточное для выхода в атмосферу. Павлыш, закинув голову, увидел серое облачное небо. Капля дождя упала на шлем скафандра. Павлыш стер ее перчаткой.

Щелкнул запуск. Скаут медленно поднялся над подставкой и уверенно пошел к отверстию в крыше. Он поднимался, низко жужжа, как толстый жук, вылетающий на охоту.

Отверстие в крыше купола закрылось.

— Ну вот, — подумал вслух Павлыш. — Рабочий день начался.

Он включил интерком.

— Клавдия, я запустил первый скаут. Сейчас выйду наружу.

— Осторожнее, — предупредила Клавдия, ее голос, чуть искаженный в наушниках, казался девичьим и почти ласковым. — Вы анбласт не забыли?

— Нет, мой ангел, к тому же я взял неприкосновенный запас пищи, спальный мешок и большую палку. Заодно информирую вас, что отойду от купола ровно на сто метров.

— Слава, оставьте свои шутки. Это ваш первый выход.

— Ну, скажем, второй. Не забудьте, что когда мы сюда прилетели, нам пришлось побыть около часа на свежем воздухе.

— Под защитой планетарного катера, который нас спустил, — поправила его Клавдия, — и в обществе десяти членов экипажа.

— Спасибо. Я буду осторожен. Не беспокойтесь. Кстати, все равно надо проверить анбласт.

Он достал пистолет из кармана комбинезона. Анбласт был невелик, но тяжел. Рукоять удобно легла на ладонь. С этими бла-

стерами бывали казусы в экспедициях. Цель оружия — иммобилизовать любого агрессора, от змеи до слона, но выборочность его была, разумеется, относительна. К тому же эффект зачастую зависел от метаболизма хищника. Того, что одному было достаточно, чтобы мирно заснуть на неделю, другого лишь повергало в легкую дрему, а третьего могло и убить. Так что в задачу Павлыша входило испробовать оружие на местных тварях, для чего желательно доставить образец в лабораторию и выяснить действие анестезатора. Если, правда, этот образец не будет возражать.

Люк переходника жадно чавкнул, прижимаясь к раме.

Павлыш немного постоял у купола, оглядываясь и ожидая, как будет реагировать на его появление местная фауна.

Фауна никак на него не реагировала.

Павлыш не спеша пошел по редкой траве к вездеходу, погладил его мягкий бок, нависающий над ним. Потом взглянул на иллюминатор геологической лаборатории. Так и есть. Клавдия стоит у иллюминатора и смотрит, умеет ли ее мальчик переходить улицу на зеленый свет.

Павлыш помахал Клавдии, та подняла руку в ответ, но от иллюминатора не отошла.

— Детей тебе надо, — сказал Павлыш, — пятерых как минимум.

Тут же он испугался, не включил ли интерком. Нет, не включил, она не слышала. А то бы обиделась.

Теперь можно не спеша оглядеться.

Крутой купол станции с рукавами коридоров и маленькими куполами-лабораториями стоял метрах в двухстах от края леса. На эту сторону и выходил иллюминатор, за которым стоял стол Павлыша.

Если обойти станцию, что Павлыш и сделал, то окажешься на пологом спуске, ведущем к большому озеру. Склон покрыт травой, а ниже из голой земли вылезали покатые спины камней, возле которых росли кущи кустов.

Само озеро было серым, ровным, да и вообще весь этот мир производил впечатление спокойной серости. Только впечатление. Павлыш понимал, что эта серость скрывает страсти и трагедии, первобытные, но оттого еще более жестокие, что этот мир затаился, приглядываясь к пришельцу.

Павлыш посмотрел вверх. За три дня облака ни разу не разошлись, чтобы хоть на минутку показать солнце. Они были такого же цвета, как и озеро, и такие ровные, что нельзя было понять, движутся они или висят над головой неподвижно.

Впереди что-то блеснуло.

Павлыш осторожно пошел туда вниз по склону и остановился в нескольких шагах от блестящего существа, которое шустро закапывалось в землю. Существо не обращало на него никакого

внимания. Павлыш подошел поближе, держа анбласт наготове. Металлически сверкающая округлая спинка существа уже почти скрылась под землей. Павлыш присел на корточки и начал осторожно разгребать разрыхленную землю вокруг. Потом он подхватил существо и резким движением вытащил его наружу.

Оно не сопротивлялось. Что-то треснуло. Павлыш увидел, что в землю уходит длинный щуп.

Он поднял шар на ладони и понял, что ему удалось поймать редчайшее для этих мест «животное» — бур-мобиль Клавдии, и теперь Клавдия оторвет ему за это голову — и правильно сделает.

Так как бур все равно придется чинить, он взял его с собой, затем вытащил из земли его тонкий щуп и все это сложил в контейнер для образцов. Потом, хоть и очень не хотелось этого делать, он нажал на кнопку интеркома и вызвал Клавдию.

— У вас все буры работают? — спросил он.

— Один только что отключился, — сообщила Клавдия. — Я как раз хотела вас попросить проверить, что с ним случилось.

— Не надо просить. Я устроил на него охоту и только что отловил. Я его принесу Салли, Салли починит.

— Но он металлический! Круглый! Его нельзя ни с чем спутать!

— Как видите, у страха глаза велики, — покаялся Павлыш. — Невежество ведет к роковым ошибкам.

Павлыш отключился. Он был зол на себя. Ни один нормальный биолог не спутает прибор с живым существом. А все полагают, что Павлыш — нормальный человек и даже ученый.

В этом опасность чужого мира и собственной настороженности. Удивительное сочетание — настороженность вкупе с безопасностью. «Ведь я полез за этим шариком, потому что знал: мой скафандр крепок, никаким зубам его не одолеть, мой анбласт может уложить любого хищника, я могу в крайнем случае убежать в купол и даже улететь в космос в капсуле и там ждать, пока меня подберут. У меня нет оснований бояться этой планеты, если она не захочет обрушить на нас какие-нибудь катаклизмы. И в то же время я ей не верю. Я ее опасаюсь и принимаю все меры, чтобы, изучая ее, ни в коем случае с ней не соприкоснуться. А что, если бы я попал сюда просто так, без куполов, скафандров, голеньким? Увидел бы я этот лес и это озеро тем же любопытствующим взором? Или лес таил бы для меня смерть, и озеро таило смерть, и воздух бы угрожал смертью?»

Это были пустые мысли, они ни к чему не вели. Лучше спуститься к озеру и взять пробы воды. Конечно, это может сделать и скаут, даже лучше сделать, чем Павлыш, но нельзя отдавать все на откуп скаутам. У них нет соображения, а у Павлыша оно отлично развито.

Павлыш обходил купы кустов, шел по открытому месту.

Кажется, фауна здесь очень бедна, что неправильно, так как с растительностью здесь все в порядке. Хотя не исключено существование мира, в котором господствует флора.

Тут он увидел насекомое — нечто черное и быстрое мелькнуло под ногами, взмыло черной точкой вверх и улетело к кустам.

«Ну вот, — удовлетворенно подумал Павлыш, — первое знакомство».

Павлыш спустился к самой воде. Постоял на берегу. Вода в озере была чистой, у самого берега покрыта тонким ледком. Ко льду снизу примерзли волоски водорослей. Тонкая змейка в палец длиной юркнула между камней и ушла на глубину.

Дальний берег озера скрывался во мгле, и можно было лишь угадать, что там поднимаются холмы.

Павлыш разбил ледок, набрал в пробирку воды, потом разворошил камешки, надеясь увидеть еще какую-нибудь живность. Но было пусто.

Далеко, метрах в ста от берега, вода вздыбилась, нечто темное, словно панцирь огромной черепахи, поднялось над ней, потом резко опустилось, и вода забурлила, пошла кругами.

Павлыш поднялся, держа пробирку в руке. Вода успокаивалась, озеро молчало. Оно ждало, что сделает Павлыш. Непроизвольно он оглянулся — до куполов было далеко. Вода вновь взволновалась, но иначе: на ней появился бурый след — кто-то, не желая показываться Павлышу, быстро плыл к берегу.

И притом стояла мертвая тишина, даже ветер стих.

В Павлыше начал подниматься необъяснимый, иррациональный страх перед тем невидимым и беззвучным, что стремилось к нему. Он сделал шаг от берега, еще один, не поглядел под ноги, наткнулся на камень, еле удержал равновесие и неожиданно для себя побежал вверх по склону, не оборачиваясь и стараясь делать вид, что ему просто надоело гулять по берегу.

— Павлыш? — услышал он голос Клавдии. — Ничего не случилось?

У этой женщины была интуиция. А может, опыт.

— Ничего, — отозвался Павлыш, стараясь восстановить дыхание.

Он перешел на шаг, кинул взгляд через плечо на озеро.

Озеро было идиллически, безмятежно спокойно.

Лишь издали серой стеной шел снежный заряд, и вода перед ним мелко пузырилась.

— Ничего, — повторил Павлыш. — Иду обратно. Скучное озеро.

Купол был надежным, приятным зрелищем. Там, внутри, бы-

ло тепло, туда нельзя заходить чудовищам, даже если они здесь водятся.

У капсулы стояла Салли Госк. Оранжевый скафандр поблескивал от влаги. Она помахала Павлышу рукой.

— Я узнала, что вы ушли гулять. И решила к вам присоединиться. Если не возражаете.

— А Клавдия не будет сердиться?

— Так даже лучше. По инструкции положено, чтобы в опасных и незнакомых местах разведку совершали группой.

— А где здесь опасное место?

— Далеко не отходите, — раздался голос Клавдии.

— Мы только заглянем в лес — и обратно, — ответила Салли.

Редкая трава, покрывавшая поляну, исчезла за три шага до первых деревьев. Оставалась лишь голая земля с пятнами мха.

Стволы деревьев были белесыми, одни с розоватым, другие с желтоватым отливом. Впрочем, стволами их можно было назвать лишь условно — скорее, они напоминали подземные корни, которые почему-то решили выползти на белый свет. У самой земли корни завивались сложными узлами, словно опасались, что кто-то потянет их обратно под землю, и приняли против этого меры.

Листьев, в обычном понимании, на деревьях не было. Корни истончались, превращаясь в седые волосы, которые свисали бахромой и чуть покачивались от любого движения воздуха, что придавало лесу зловещий, колдовской вид.

Земля под ногами была мокрой, кое-где лежали лепешки снега, перемежаясь с оранжевыми и салатными клочьями лишайников и синими бугорками мха. Она казалась лоскутным одеялом.

— Как в страшной сказке, — проговорила Салли.

Она протянула руку и осторожно дотронулась перчаткой до ствола. Ствол мягко поддался, будто был из каучука, а волосы на голове дерева зашевелились. Салли вскрикнула и отдернула руку. Павлыш даже не улыбнулся. Зловещая атмосфера леса угнетала.

— Что? — резко спросила Клавдия.

— Все в порядке, — ответила Салли. — Привыкнем.

Они прошли еще несколько шагов, стараясь не дотрагиваться до стволов. Остановились.

— Поглядите, — тихо сказала Салли.

Перед ними, в нескольких шагах, из мха высовывались небольшие полушария, как шляпки грибов, прорастающих из земли.

Павлыш хотел взять один из грибов, но Салли остановила его:

— Погодите, у меня щуп.

Она протянула к грибу тонкий щуп, и вдруг гриб от прикосновения металла исчез, провалился сквозь землю.

— Любопытно, — сказала Салли и протянула щуп к другому грибу.

Но в тот момент тонкий корень, отходивший от ствола и лежавший на земле, схожий со стволом цветом и потому на вид безопасный, метнулся к щупу, рванул его к себе, обмотал, и так как Салли не выпустила щуп, а старалась удержать его, то корень чуть не свалил ее — такая была в нем упругая сила.

Павлыш действовал почти инстинктивно. Он выхватил анбласт и ударил по корню зарядом. Корень сразу выпрямился, замер.

Салли стояла, прижав щуп к груди, словно боялась, что еще кто-нибудь захочет его отобрать.

— Извините, — проговорила она.

— Нас здесь не любят, — ответил Павлыш.

В лесу стало сумрачно. Снежный заряд, пришедший с озера, окутал лес суетней мокрых снежинок.

— Пошли домой, — предложила Салли.

— Согласен.

В снегу ничего не было видно за три шага. Наверное, они в короткой схватке с корнем потеряли направление, потому что прошли метров пятьдесят по лесу, но он не кончался. Лишь деревья стали еще теснее, стволы были толще и белее.

— Клавдия, — сказал тогда Павлыш. — Дай нам направление.

— Еще не хватало вам заблудиться.

Зазвучал зуммер наводки.

Они возвращались медленно, обходя кучи мха и лишайники. Один раз, правда, Павлыш наступил на оранжевую слизь, и она приклеилась к башмаку и начала ползти вверх по ноге. Павлыш нагнулся, чтобы стереть лишайник, но он тут же переполз на перчатку.

— Ладно, — произнес Павлыш, — будем считать, что мы несем с собой образец.

— Что несете? — спросила Клавдия.

— Очень неуютный лес, — объяснил Павлыш. — Я не хочу здесь заблудиться.

— Сейчас чаю поставлю, — сказала Клавдия.

— Отличная мысль, — согласился Павлыш.

Сквозь последние деревья были видны перечеркнутые струями дождя и снегопада купола станции.

Но оказалось, что до них не так просто дойти.

Между лесом и куполами их поджидало животное.

Такое могло присниться лишь в босховском кошмаре. Шесть тонких ног несли тяжелое тело, покрытое зеленоватой, длинной, схожей с водорослями шерстью, украшенное по хребту высокими панцирными пластинками. Страшная оскаленная морда медленно открывала и закрывала пасть, словно чудовище примерялось, как бы вгрызться в добычу.

При виде людей животное издало странный, блеющий звук, в

котором Павлышу послышались угроза и вызов, и принялось раскачиваться так, что пластины на спине начали колыхаться, стучать, выбивая грозную боевую дробь.

Не переставая блеять, чудовище кинулось им навстречу.

Павлыш успел закрыть собой Салли и всадил в чудовище заряд анбласта. Взревев высоким голосом, чудовище закрутилось на месте, будто потеряло добычу из вида, маленькие красные глазки горели злобой. Павлыш выстрелил вновь — и снова без эффекта: он лишь напомнил чудовищу, где они стоят.

И неизвестно, чем бы закончился этот бой, если бы не Клавдия. С вершины главного купола ударил зеленый луч. Он полоснул по чудовищу, и оно рухнуло на землю.

— Ну и дела, — выдавил из себя Павлыш, стараясь улыбнуться. Он обернулся к Салли.

Салли молчала. Она пыталась вырваться из объятий дерева. Видно, отступая от чудовища, она прижалась спиной к стволу, и тот обволок ее, словно хотел впитать в себя, высосать из нее соки.

Остаток заряда Павлыш выпустил по дереву. На него это подействовало. Ствол съежился, почернел, и Салли, сделав три шага вперед, упала Павлышу на руки.

— Ты что ж молчала? — спросил Павлыш.

— Не хотела пугать Клавдию, — ответила Салли тихо.

Поддерживая Салли, Павлыш подошел к лежащему во всю свою трехметровую длину телу чудовища.

— Все хотят нами поужинать, — сказал он.

Он взял у Салли щуп и осторожно приоткрыл им пасть чудовища. Вместо зубов в черной яме рта тянулись желтые тупые пластины.

Клавдия выбежала из купола. Остановилась рядом.

— Вывод первый, — проговорила она, — анбласт против крупных хищников здесь не действует. Или действует недостаточно эффективно.

— Это не хищник, — возразил Павлыш. — Такими пластинами лучше перетирать пищу, чем рвать. Хотя, если бы оно нас перетерло, рассуждать было бы поздно. Спасибо, Клавдия.

— Я все время следила за вами.

— У меня коленки дрожат, — отозвалась Салли.

— Я довольна, что так случилось, — продолжала Клавдия. — Это предметный урок.

— Не понял.

— Предметный урок осторожности. Вы решили разгуливать по этой планете, как по Земле. Теперь вы этого делать не будете.

— Может, вы и правы. — Павлыш вздохнул. — Поможете перенести тушу в лабораторию?

— Я задействовала серворобота.

Словно услышав ее слова, из люка выбрался серворобот и мерно зашагал к туше чудовища.

— Что у вас на ноге? — спросила Клавдия.

Оранжевый лишайник покрыл тонким скользким слоем штанину скафандра почти до колена. Прежде чем пройти дезинфекцию, Павлыш соскреб лишайник в пробирку.

Глава 4

Шел дождь со снегом, словно зима решила вернуться, поэтому собрались у Старого, в классной комнате. Еле уместились. Ребята сидели на полу, их хотели выгнать, но никто не ушел, даже самые маленькие. Олегу казалось, что все взрослые задались одной целью — оспорить Сергеева, выставить его лжецом или фантазером. А Олега попросту не принимали во внимание. Олег не понимал, что это происходит из суеверного опасения — всем так хотелось, чтобы Сергеев увидел именно скаут, что аргументы против этого выдвигались самые отчаянные. Даже глупые, с точки зрения Олега.

Например, мать почему-то сказала, что это был автоматический спутник, оставленный еще старыми исследователями.

— В атмосфере? — отвечал Сергеев. — В достаточно густых ее слоях? Да после первого же оборота спутник сгорит.

— А высота? Ты уверен в высоте? — спросил Вайткус. Он раскраснелся, стал темнее своей рыжей бороды.

— Олег, повтори.

Олег повторил, в пятый, наверное, раз, что это был темный предмет, двигался он быстро и оставлял за собой пушистый след.

— Высота до десяти километров, — объяснил Сергеев.

В комнате стало душно, но двери открывать не стали, потому что слепая Кристина была простужена и кашляла.

— Не исключено, — произнесла Луиза, — что у них здесь есть очень быстрые птицы. Сказочно быстрые птицы.

— Со скоростью тысяча километров в час? — терпеливо спросил Сергеев.

Олег удивился его терпению. Ему давно хотелось закричать: никакая это не птица, не спутник, здесь, где-то совсем рядом, есть люди, а мы почему-то сидим и тратим время на пустые разговоры!

— Для планетарного катера, ты думаешь, он мал? — спросил Вайткус.

— Ну, типичный скаут, понимаешь, типичный скаут, — ответил Сергеев. — Я их в жизни навидался — сотни. И сам запускал.

— Значит, они нас сфотографировали? — спросила Марьяна.

— Не думаю, — вставил Старый. — Карту планеты сняли в прошлой экспедиции, когда сюда прилетал «Тест». Это или биоскаут, или геологический...

— Ну, хоть ты веришь... — отозвался Сергеев.

— Мне бы хотелось верить, — ответил Старый.

— Значит, они могут нас и не заметить? — спросила Марьяна.

— Могут и не заметить, — согласился Сергеев. — А могут и заметить.

— Только не надо этого оптимизма, — осадила Кристина. — Никто нас не заметит. Для того чтобы заметить, нас надо искать. Вы что, не представляете себе, какой ничтожной точкой мы кажемся на лице этой планеты? Ничтожной, причем металла в нашем поселке так мало, что при любом анализе он будет казаться порождением леса и продолжением его. Никто нас не найдет.

— Но, может, случайно?

— Скауты берут пробы биосферы, воздуха, грунта, они не составляют карт, — сказал Старый. — Кристина права, шансы найти нас ничтожны. Нельзя забывать и о том, что мы всегда под облаками.

— Но они могут увидеть корабль, — вмешался Олег. — Над ним бывает чистое небо.

— Шанс чуть больше, но тоже невелик, — вздохнул Сергеев.

«Все, — подумал Олег, — они начинают соглашаться. Они дали себя уговорить. Как будто сделали одолжение». Ему вдруг захотелось громко сказать, чтобы все слышали: если бы не его шар, они бы никогда не увидели скаут; может быть, эта экспедиция, которая запускает скауты, сидит здесь уже полгода и даже собирается улетать. И он так явственно представил себе корабль, похожий на «Полюс», но другой, и как там ходят люди, чистые и одетые в красивые мундиры или скафандры, и как они закрывают контейнеры с образцами и говорят друг другу: вот и все, ничего на этой планете интересного, кроме крикливых коз и шакалов.

В комнате было очень тихо.

И тут раздался тихий голос Казика. Казик сидел на полу вместе с детишками, а Фумико лежала животом у него на коленях.

— А может, они уже улетают?

— Кто улетает? — спросила высоким голосом Кристина. — Почему ты решил? Они никуда не улетают.

Порыв ветра бросил о крышу заряд снега, и крыша задрожала.

Свет, проникавший сквозь окошки, затянутые пузырями мустангов, был таким тусклым, что лица людей расплывались в полумраке, и неясно было, что на них написано. Одинаковые серые пятна.

— Надо к ним пойти, — решил Дик. — Если мы будем сидеть, ничего не случится. Надо пойти и сказать им, что мы здесь.

— Молодец, Дикушка, — похвалила Марьяна и положила руку ему на плечо.

«Глупо, — подумал Олег с обидой. — Это должен был произнести я. Почему я ждал, пока скажет Дик?»

— И куда же вы пойдете? — спросила мать. — Может, этот скаут ходит по кругу? Может, он летел направо, а может, налево? Может, он должен сесть в другом полушарии?

— А ты что предлагаешь? — спросил Старый.

— Надо дать какой-то сигнал.

— И какой же мы дадим сигнал?

— Я думал об этом, — отозвался Сергеев. — По-моему, положение не так безнадежно. Мы точно знаем направление движения скаута. А я из своего опыта могу предположить, что скауты редко ходят кругами. Биоскауты ходят ромашкой.

— Если это был биоскаут, — добавила мать.

Олег понял, что мать сопротивляется не потому, что в самом деле не верит Сергееву и считает любую попытку найти экспедицию бессмысленной. Она просто испугалась, что искать экспедицию пошлют Олега. И не говорит об этом, а ищет другие причины.

— Он летел по очень пологой дуге, — вспомнил Сергеев. — И потом ушел в облака.

— Чего же ты раньше не сказал! — воскликнул Старый.

— Вы мне вообще не хотели верить, — ответил Сергеев. — А это частность.

— Ничего себе частность! — Вайткус высоким гулким голосом рассмеялся, и мать закричала, чтобы перекрыть его смех:

— А далеко это? Где эта точка?

— Я могу указать направление, — ответил Сергеев, — в котором находится база этого скаута. — И он поднял руку.

— Юго-восток, — определил Старый.

— Облака однообразны и обманчивы, — продолжал Сергеев. — К тому же я не могу точно сказать, сколько скаут пролетел в облаках и под ними.

— Но порядок, порядок? — уточнила Луиза.

— Несколько десятков километров. Вряд ли более.

— Ну, это уж чистое везение, — вырвалось у Вайткуса.

«Он никогда не ходил в лес, — подумал Олег. — Он не представляет себе, что такое здесь сто километров. Никто из нас еще не ходил так далеко, даже Дик. Нет, мы ходили, но только к кораблю, в горы. А к юго-востоку очень трудный лес. И болота. Както Дик доходил до реки, перед ней болота».

— Можно считать везением, — согласился Сергеев. — По крайней мере, достичь их реально.

— Трудно, — произнес Дик.

— Но ведь реально, правда, реально? — В голосе Вайткуса появились просительные интонации. Он понимал, что ему-то туда не дойти. Идти придется Дику. И Олегу.

— Они уже улетели, — повторяла мать. — Пока вы будете туда добираться, они наверняка улетят.

— Мы не можем потерять этого шанса, — возразил Старый. — Если нужно, я сам пойду.

— Куда уж, — качнул головой Дик. — Дорога трудная.

— Но дойти можно. — Казик вскочил. — Мы сделаем плот.

— А болота? — спросил Дик. — Я туда пробовал сунуться.

— Мы их обойдем. Они же кончатся.

— В конце концов, — напомнил Олег, потому что получалось, будто идти другим, а не ему, — мы ходили к перевалу. И это труднее.

— Пять-шесть дней пути, — вычислил Вайткус. — Я пойду с вами.

— Это более опасная дорога, чем к перевалу, — сказал Сергеев.

За окошком стемнело. Старый зажег плошку, и огонек начал играть на лицах, делая их непохожими и злыми.

Кто-то двинулся сзади Олега, приблизился, мягкая рука коснулась его шеи. Вайткус с Сергеевым спорили о местности, что лежала на юго-востоке, будто они там бывали. Олег обернулся, потому что ему хотелось, чтобы это оказалась рука Марьяны, но он знал, что это не Марьяна: у той сухая и жесткая ладонь. Это была Лиз.

Она приблизила губы к самому уху Олега.

— Не ходи туда, останься, я боюсь за тебя.

Она говорила шепотом, но люди сидели так тесно, что Олегу показалось — все услышали эти слова и будут смеяться. И он отдернул голову, чтобы освободиться от прикосновения, и ничего не сказал. В ушах шумело, и он с трудом понял, что Старый говорил о плоте.

— Для плота нужны бревна. А бревна надо срубить. Топор у нас один, пила — это скорее ножовка. И еще неизвестно, будут ли плавать стволы тех деревьев, что растут там.

— Если бы не река, — сказал Дик, — мы бы дошли за пять дней.

— Можно сделать пузыри, — решил тогда Олег, — пузыри, чтобы плавать. Ребятишки же у нас плавают на пузырях. Как воздушный шар, только поменьше. И мы переплывем.

— Это идея, — оценил Старый.

— Погодите, погодите! — Марьяна вдруг быстро заговорила, как будто боялась, что ее прервут или кто-то догадается, прежде чем она успеет произнести сама. — Олег сказал, что пузыри как

шар. Но нам совсем не надо переплывать реку и идти по болотам. Ведь у нас есть шар!

— Воздушный шар! — услышал свой голос Олег. — А мы все говорим и говорим...

— А как же тогда лететь к кораблю? — спросил Сергеев.

— А зачем? — удивился Олег. — Корабль нам теперь не нужен.

Потом был общий шум, все друг друга перебивали, потому что шар был замечательным выходом из положения и встреча с той неведомой спасительной экспедицией, которая запускает скауты, стала реальной и простой. Сесть в шар и долететь за один день, а то и меньше. Кто-то говорил о том, что ветры здесь дуют непостоянные, если потеплеет к ночи и выпадет роса, то ветер обязательно будет южный. Даже мать вдруг успокоилась и стала говорить Олегу в ухо, чтобы он теплее оделся. Но тут застонала Кристина и сказала, что ей душно, что ей плохо, и попросила отвести ее домой. А Лиз попросила Олега довести Кристину, потому что ей одной не справиться.

Олегу не хотелось уходить, потому что сейчас будут обсуждать самое важное, касающееся именно его.

К счастью, тут же поднялся Сергеев.

— Перерыв, — объявил он. — Все равно дышать нечем. Я предлагаю: все поужинают, а потом мы продолжим разговор. Ребят уложим и еще поговорим. Все ведь очень серьезно.

Олег не понял, почему все серьезно, но был благодарен Сергееву, что тот прервал разговор.

Они вели Кристину к ее дому, Лиз совсем не помогала Олегу, а просто шла рядом. Да и не нужна была Олегу ее помощь, Кристина легкая, совсем бесплотная, ее можно на руках донести.

— Я мечтаю, — говорила Кристина, — я нахожусь словно в сладком кошмаре. Неужели я увижу наконец настоящих людей? Я полагаю, что мою слепоту они вылечат сразу, может, даже здесь, на базе. Это же несложная операция, правда?

— Конечно, вас вылечат, — согласился Олег. Он все время ощущал взгляд Лиз.

— Я без тебя скучаю, — проговорила Лиз. — Ты совсем к нам не заходишь.

— А кому мы нужны? — запела свою печальную песнь Кристина. — Даже если они меня вылечат, мне никто уже не вернет молодости. Никогда. И может быть, лучше и не открывать глаз снова — что за радость увидеть в зеркале урода и развалину.

Но Олег не верил, что она так думает на самом деле. Она, наверное, думает, что ей возвратят и молодость. Ведь может так быть, что за двадцать лет в Галактике уже столько всего изменилось, что люди перестали умирать. Если у людей много места, чтобы жить — ведь столько свободных планет, — то всем хватит

места. Природа, а это он учил еще на уроках Старого, рассчитала жизнь человеку как защиту от гибели вида. В каждом биологическом виде действует один и тот же закон — продолжительность жизни одного существа должна быть такой, чтобы он успел дать потомство и по возможности помочь ему выжить. Рыбы, которые мечут икру, могут погибнуть сразу, потому что икринок очень много. Уже млекопитающим важно выкормить детенышей и, может, даже несколько приплодов выкормить, чтобы вид увеличивался. И люди когда-то жили лет по двадцать, по тридцать. А потом они начали обманывать природу, вот тогда человек и стал цивилизованным. Потом человек избавился от многих болезней и теперь живет до ста лет. Виду не нужно, чтобы человек жил до ста лет, а он живет. Значит, в этом тоже есть какой-то смысл? Старый, когда Олег начал ему как-то развивать эту самую идею, сказал, что Олег — стихийный детерминист. Олег не стал спорить. Он уже твердо решил, что прав. Прав в том, что человек живет сто лет не случайно — так надо Природе. Она хочет заселить человеком Галактику, все те планеты, где нет своей собственной разумной жизни. А для этого нужно много миллиардов людей. И старые люди нужны, потому что они владеют опытом и мудростью. И они нужны на новых планетах, может, больше, чем на Земле. Без Старого и Томаса деревня давно бы умерла или стала дикой. Может быть, люди откроют вечную молодость. И бессмертие. Но это будет означать, что им предстоит совершить еще один прыжок — в другие галактики.

— Ты приходи ко мне, — повторяла Лиз, и Олег понял, что она говорит это все время, одинаково и терпеливо. — Я буду ждать. Когда все лягут спать, ты приходи ко мне. Кристина будет молчать.

— Я не буду молчать, — вмешалась Кристина, — вы мне будете мешать. Вы еще дети, вам рано об этом думать.

— А мы ни о чем не думаем, — ответил Олег.

Они подошли к дому, Олег оставил Кристину.

— Лиз, ты заведи ее, а мне надо идти.

— Я буду ждать, — повторила Лиз. — Я всегда буду тебя ждать.

— Спокойной ночи.

Он не особенно вслушивался в ее слова, и ему было странно, что Лиз может именно сейчас так говорить, он не понимал, что Лиз было очень страшно: вот он сейчас снова уйдет или улетит и опять надо будет ждать его и не знать, вернется он или нет. А она ничего не могла с собой поделать, она все время думала об Олеге и даже ночами выходила из хижины, шла к его дому и стояла за тонкой стенкой, чтобы слушать, как он поздно разговаривает со Старым или с матерью. И потом она слушала, как он спит, и боролась со жгучим желанием войти тихо-тихо в его дом и лечь рядом с ним, обнять его, теплого и послушного.

А Олег вернулся к Сергееву, где уже были Старый и Вайткус. Как бы совет поселка. Олега они не звали, но ведь не выгонят. В поселке как-то так получилось, что каждый сам решал, приходить ему на совет или нет. И сейчас Дик пошел спать, хотя разговор касался и его, Марьяна была в доме и Линда, они там жили, понятно, что им некуда уходить. И еще был Казик, только он не вошел, а стоял на улице, дрожал у стенки, слушал. Олег кинул ему:

— Ты заходи, чего уж.

Но Казик только отмахнулся. Он лучше знал, что можно, а что не надо делать.

— Я посижу? — сказал Олег вопросительно, войдя в комнату.

Никто не ответил, но никто и не возразил. Сергеев как бы подвел итог тому, что говорил раньше:

— Поэтому я остаюсь при своем мнении. Порядок приоритета должен оставаться незыблемым.

Все молчали.

«Какой порядок приоритета?» — подумал Олег. Надо ждать. Кто-то сейчас ответит, и станет понятно.

— Сергеев прав, — заключил Старый. Он подвинул единственной рукой чашку с чаем. Отхлебнул.

Марьяна поставила чашку перед Олегом.

— Извечная проблема, — продолжал Старый. — Журавля и синицы. Мы не можем сказать наверняка, есть ли здесь экспедиция или Сергеев с Олегом стали жертвой оптического обмана.

— Нет, — возразил Олег.

— Не перебивай. Мы не знаем, спускался ли скаут в том направлении для взятия пробы. Мы не знаем, собирается ли улететь экспедиция, ведь не исключено, что это автоматическая станция. Мы ничего не знаем. Значит, у нас журавль в небе. Конечно, соблазнительно встретить здесь людей. Это как светлая мечта. Но боюсь, что арифметика против нас. Зато у нас есть синица в руках — «Полюс». Он достижим. Олег, надеюсь, не зря провел зиму. Я проверял его, да и ты, Сергеев, тоже. Знания его, конечно, недостаточны, но солидны. И есть надежда, что вместе с ним вы сможете что-то сделать с передатчиком. Вот и все.

Старый принялся пить чай, и Олег не понял, к чему же он клонил. Не надо лететь на поиски экспедиции?

— Но это не оптический обман, — вмешался Олег. — Я уверен.

— Есть и другая задача, — произнес Вайткус. — О козе, капусте и волке.

Олег ее знал. Но опять не понял, к чему это сказал Вайткус. Остальные поняли, Сергеев усмехнулся и посмотрел на Олега.

— Объясните, — попросил Олег. — А то вы говорите загадками.

— Это не загадки, но задача, — поправил Сергеев.

Марьяна села рядом с Олегом, и он видел ее четкий профиль. Профиль был очень красивым, и Олег не стал на него смотреть, чтобы не пропустить слов Сергеева.

— Надо лететь к экспедиции, правильно?

— Конечно, надо. И на воздушном шаре, — согласился Олег.

— Пока что мы все согласны. Дальше: кому лететь?

— Я полечу. Могу с Марьяной. Могу с Диком, — ответил Олег. — У нас есть опыт.

— А мы думаем, что тебе лететь не следует.

— Как?

— Да просто. Ты только что слышал о журавле в небе и синице в руках. Наш поселок очень мал, и людей в нем тоже очень мало. И для того чтобы выжить, мы должны по мере сил исключить риск.

— Я не понимаю.

— Тебе предстоит идти к «Полюсу». Это обязательно. И идти скоро. Уже началось лето.

— Мы слетаем и, если там никого нет, вернемся и полетим к «Полюсу». Это так просто.

— Ни черта не просто! — почти закричал Старый и даже стукнул кулаком по столу так, что чашка поехала к краю и Марьяна еле успела ее поймать. — Мы не знаем, сколько продлится полет к экспедиции. Мы не знаем, где она находится, мы ни черта не знаем. В лучшем случае мы можем надеяться на то, что шар перенесет людей через реку и болота. Я не верю, что в этих лесах можно будет садиться на шаре и подниматься вновь. Вернее всего, шар придется бросить. И быть готовым к тому, что поход к людям займет много времени.

Олег услышал движение у двери. Оказывается, Казик тихонько вошел, не мог превозмочь любопытства, а может, замерз на улице. И стоит у двери. Неподвижно, как дерево.

— А до корабля дойти можно, — продолжал Старый. — Мы знаем дорогу, мы лучше одеты, это путешествие трудное, но не экстраординарное. И ты для него нужен. Ты сможешь дойти туда с Сергеевым. Все ясно?

— А кто тогда полетит на моем шаре? — спросил Олег, непроизвольно сделав ударение на слове «моем».

— Это наш общий шар, — поправила Марьяна, будто обиделась.

— На шаре полетят Дик и Марьяна, — ответил Старый. — Они лучше всех могут прожить в лесу.

— И я, — тихо добавил Казик.

— Спать, Казик, — велел Вайткус. — Уже поздно.

Казик остался стоять в дверях, и в его неподвижной позе было столько упрямства, что Вайткус сделал вид, что более не замечает мальчика.

— Что же это получается, — начал Олег гневно, — я испытывал шар, я лучше всех умею на нем летать. Я должен лететь на нем к кораблю, а его у меня отнимают?

— А как бы ты поступил на нашем месте? — спросил Старый. — Если бы думал не только о себе, но и обо всем поселке?

— Я бы отменил этот полет к скауту. Нет там никакого скаута.

— Ну вот, — улыбнулся Сергеев, — явный перебор.

— Тогда я полечу вместе с Марьяной. А к кораблю пойдет Сергеев. Он тоже много знает про рацию.

Олег понял, что не может допустить, чтобы Марьяна с Диком без него полетели в такую даль — к болотам, к реке, — а он будет здесь сидеть и ждать лета. И потому он бросился еще в одно наступление.

— Почему вы думаете, что на шаре нельзя спускаться и снова подниматься? Мы слетаем и вернемся. В крайнем случае без шара вернемся. И сделаем новый. Чистоплюй поможет, и мустангов еще отловим.

— Мустанги до осени откочевывают, — напомнил тихо Казик. — Мустангов больше не будет.

— Ну, это не так важно, — раздраженно отмахнулся Олег. — Мы все равно успеем к кораблю. Лето длинное.

Никто не возразил ему. Все молчали и не смотрели на него. Старый допивал чай, Вайткус крутил бороду, будто завивал косички, а Сергеев вытащил ножик и стал соструживать сучок со столешницы.

Олег замолчал, и ему показалось, что с ним согласны. Молчат, значит, согласны, значит, он их убедил. А потом заговорила Марьяна.

— Они решили правильно, — проговорила она. — Только они боятся произнести вслух то, что надо сказать.

— Что? — Олег удивился тому, как она говорит. Они все знали нечто очевидное, чего он знать не мог. — Что?

— То, что мы — те, кто пойдет за скаутом, — можем не вернуться. Долго не вернуться. Или совсем. И тогда нужно, чтобы ты остался и дошел до корабля.

— Ты с ума сошла! — закричал Олег. — Как ты можешь так говорить!

А взрослые молчали, потому что были согласны с Марьяной и с самого начала допускали злодейскую, непростительную мысль, что Марьяна может не вернуться.

— Это так понятно, — закончила Марьяна. — Ты хочешь чаю?

— Я вообще больше не хочу с вами разговаривать! — крикнул Олег и кинулся к двери.

Казик еле успел отпрыгнуть в сторону.

Олег пробежал несколько шагов по улице, попал ногой в холодную лужу. Он пошел медленнее к изгороди по грязной дороге. Под ногами хрустел тонкий лед. Олег не замечал холода.

Он остановился у изгороди, глядя на темный лес, по которому носились быстрые голубые светлячки, услышал, как скрипнула ступенька перед домом Сергеева, как вышли Вайткус со Старым. Услышал тихий голос Вайткуса:

— Что с ним стряслось? Неужели стало жалко шара?

— Это тоже, — ответил Старый. — Но есть и другая причина.

Но какая причина — Олег не услышал, потому что Старый конец фразы сказал шепотом.

— Странно, — протянул Вайткус, — ты, наверное, прав, а я не замечаю очевидных вещей. Они же выросли, они же почти взрослые. И вещи, очевидные и естественные на Земле, здесь как-то выпадают из поля зрения.

— И мне жалко парня.

— Но другого выхода я не вижу.

— Олег тоже поймет, — повысил голос Старый, и Олег со злостью подумал, что Старый сказал это нарочно, потому что знает, что Олег их слышит, и ему хотелось крикнуть им в ответ: «Ничего подобного! Я не хочу понимать!»

Потом Вайткус со Старым распрощались и ушли.

Скрипнула дверь. Кто-то еще вышел из дома Сергеева. Олег сказал себе, что это сам Сергеев идет его уговаривать, но надеялся, что не Сергеев.

— Олег, — послышался голос Марьяны. Она искала его.

Олег готов был откликнуться, он был рад, что Марьяна ищет его. Но потому-то не откликнулся. Наверно, и сам бы не смог объяснить почему. Нет, смог бы, она сейчас будет уговаривать его, так же как и остальные. Она согласна лететь на его шаре, она согласна на то, чтобы Олег оставался здесь. Но ведь изо всех людей на свете именно она должна понимать, что нельзя слушаться осторожных стариков. Они всегда боятся. Они боятся умереть здесь, они боятся рисковать, им наплевать, что чувствует Олег, чего он хочет, они рады посадить его в яму, если, с их точки зрения, это выгодно поселку. А что такое выгода поселка? Ведь думают они о себе, каждый о себе. Выгода поселка — пустые слова. Наверное, те люди, которые на Земле начинали войну, чтобы покорить других людей, тоже говорили о выгоде своего поселка. Надо плюнуть на все, не обращать внимания. С рассвета подняться самому на шаре, одному, и улететь. Он знает направление.

Он один долетит туда, найдет экспедицию. А в самом деле, что ему мешает улететь на рассвете? Где шар?

Шар сложен под навесом. Одному его не вытащить.

Олег решил попробовать, пока все спят. В этот момент он не думал о ветре, о том, что кто-то должен отвязать шар. Он повернулся и побежал к сараю. У него вся ночь впереди.

Тогда Марьяна, которая так и не ушла, потому что была уверена, что Олег где-то рядом, заметила его. Она не стала его окликать, а подошла к навесу.

— Ты что хочешь делать? — спросила она шепотом.

Олег вздрогнул.

— Ты что? — Он тоже говорил шепотом.

Марьяна не оделась, выбегая на улицу, под мокрым снегом волосы слиплись, повисли короткими прядями.

— Я боялась, куда ты делся.

— Иди спать. Я сам обойдусь.

— Ты хочешь улететь один. Это глупо.

— Я самый глупый в поселке, — кивнул Олег. — Вы все умные, а я дурак. Поэтому я буду сидеть здесь и ждать.

— Ты же всю зиму учился. От тебя так много зависит.

— Если бы я знал, чем это кончится, я бы никогда не учился.

— Я тебя люблю, потому что ты самый умный.

— Меня никто не любит, меня просто хотят использовать как машину. И никому нет дела до того, что я сам думаю.

— Не бойся за меня. Я полечу с Диком. Ты же знаешь, что ничего не случится.

— Если ничего не случится, то надо лететь вместе.

— А вдруг случится?

— Тем более.

— Олежка, не надо. Ты бунтуешь, потому что они правы. И ты знаешь, что они правы. Пока мы будем лететь туда, ты будешь готовиться к походу.

— Если там есть экспедиция, то мой поход никому не нужен. Это обман.

— Нет, это мысли взрослых людей.

— Они думают только о себе.

— Глупо. И странно это слышать от тебя, Олежка. Они думают так, как и я. О ребятишках, которые уже подрастают и которым надо вернуться домой, чтобы учиться. О старых, которым надо жить. И о тебе тоже.

— Тогда ты пойдешь со мной в горы.

— А кто полетит?

— Дик и Казик. Они справятся.

— Ты этого никогда и никому не скажешь. Иначе я с тобой больше не знакома. Как тебе не стыдно привязывать меня, чтобы

я сидела рядом! Зачем? Чтобы глядеть на тебя? У тебя для этого есть мать.

— Они обойдутся без тебя.

— Я знаю все растения и лекарства. Я там нужна.

— Ты нужна мне.

— Почему?

— Ты знаешь. Потому что я люблю тебя.

Скрипнула дверь, как будто рядом.

— Это отец, — сказала Марьяна. — Пошли спать. И если ты любишь меня, как говоришь, ты все поймешь.

Темная фигура Сергеева приближалась, темнела сквозь редкий снежок.

Марьяна потянула Олега за руку, к домам. И он пошел.

В голове была такая каша, что Олег сам не знал, что он думает.

— Я уж стал беспокоиться, — произнес Сергеев.

— Мы разговаривали, отец.

— Ну и хорошо. — Сергеев положил тяжелую руку на плечо Олегу. — *Я бы тоже на твоем месте расстроился. Я понимаю. Но* ты и нас пойми, Олег. Нам очень трудно. Мы живем все эти годы рядом со смертью. Ты слишком молод, чтобы ощущать это так, как ощущаем мы. Ты думаешь, мне не страшно отпускать Марьяшку? И в прошлом году было не страшно? Ты, пожалуйста, подумай.

* * *

На следующий день начали подготовку шара к далекому путешествию. Олег трижды поднимался на шаре с Диком и Марьяной, а один раз с ним поднялся и Казик. Казика никто не хотел отпускать, но потом все смирились с тем, что Казика не остановить. Он все равно полетит. А Дик с Марьяной не возражали. Казик не был обузой.

Они поднимались вдвоем с Диком, и Олег показывал Дику, как стравливать огонь в горелке и как лучше отпускать балласт. Дик был молчалив и послушен, в воздухе он терял свою уверенность. Они почти не разговаривали.

Потом они поднялись над облаками. На этот раз подниматься пришлось куда дольше, казалось, и конца этим облакам не будет, а на шаре начал поблескивать лед. Олег хотел было вернуться обратно, но потом решил еще немного потерпеть, потому что было договорено, что при каждом подъеме он будет стараться поднять шар над облаками, как в первый день, в надежде увидеть скаут.

Но на первых двух подъемах скаута они не увидели.

Олег смотрел на Дика. Он всю свою жизнь привык уступать Дику первенство, в лесу, в поселке. Потому что Дик сильнее и

ловче. Правда, был случай, на корабле, когда Олег оказался сильнее Дика. Однако это произошло давно и забылось. Но сейчас, видя, как судорожно вцепились пальцы Дика в борт корзины, Олег снова почувствовал превосходство. И раздумал опускать шар. Вот если Дик попросит опуститься, тогда он согласится с ним. Но Дик молчал, и костяшки пальцев у него были совсем белыми. То ли от холода, то ли от напряжения.

А облака все не кончались. Вокруг серая муть. Ветра не было и не могло быть, потому что шар двигался вместе с ветром, но холод терзал ужасно.

«Надо опускаться, — повторял про себя Олег, не отводя взгляда от пальцев Дика. — Нас может отнести далеко».

Дик поднял голову, будто надеялся увидеть, что облака кончаются. И внезапно спросил:

— А может, мы не поднимаемся?

— Нет, поднимаемся, — ответил Олег, хотя не был уже в этом уверен, и на всякий случай бросил за борт последний мешок с песком.

Шар дернулся.

Дик снова замолчал.

И тогда Олег протянул руку к горелке, чтобы уменьшить пламя. И в этот момент понял, что облака кончаются и сквозь них просвечивает небо.

Наверху, под небом, они оставались недолго, потому что очень замерзли и прошло много времени со взлета. Но Олег был почти счастлив. Трудно объяснить почему. Может, оттого, что они все же достигли неба.

— Хороший шар ты сделал, — сказал Дик.

И Олег был благодарен Дику за эти слова. Если бы не было этих слов, он не сказал бы:

— Слушай, Дик, мне надо сказать тебе важную вещь.

— Мне?

— Только ты не смейся. Я люблю Марьяну.

— Марьяшку? Любишь? — Дик не сразу понял, что значат эти слова. — В каком смысле?

— По-настоящему, как в романе. Я хочу жениться на ней.

Дик хмыкнул. Он не знал, что сказать.

— Я тебя очень попрошу, ты заботься о ней, хорошо? Все-таки она девушка, ну, понимаешь?

— Дурак, — бросил Дик. — Что изменится? Разве я ее на руках буду носить? В лесу все одинаковые.

— Я понимаю. Но все равно прошу.

— Пускай она останется, — предложил Дик. — Мы с Казиком вдвоем слетаем.

— Нет, она полетит. Ее не отговорить.

Дик ничего не ответил. Он как будто был недоволен словами Олега. По крайней мере, совсем не обрадовался им.

— Наверное, сегодня скаута не будет, — решил Олег. — Я стану опускаться, а то мы замерзнем.

Он уменьшил огонь, и шар погрузился в толщу облаков.

Дик молчал.

Так они и опустились без единого слова. Только когда облака кончились и стало видно землю, Олег сказал:

— Ты никому не говори.

— А кому интересно? — ответил Дик, думая о чем-то своем.

Под ними был редкий лес. Их отнесло довольно далеко, к счастью, к северу, где были широкие пустоши. На пустоши они и приземлились. Когда-то, вечность назад, они шли здесь с Томасом к кораблю.

Поднялся ветер, шар потащило по земле, и они очень устали, пока смогли укротить его.

— Боюсь, что он на один раз, — сказал Дик, когда они сели на землю, отмахиваясь от мошек, усталые как черти. Рядом грудой блестящей ткани лежал шар. — Снова подняться из леса трудно.

— Лучше бы вы вернулись обратно на нем, — сказал Олег. — Я поэтому и просил, чтобы мне разрешили лететь с вами. Я лучше умею им управлять.

— Дело нехитрое, — отозвался Дик. — Ты тоже недавно научился.

Послышались крики — из поселка бежали ребятишки во главе с Казиком. Они видели, как шар отнесло к пустоши.

* * *

Как ни спешили, прошло еще десять дней, прежде чем шар поднялся в небо и полетел на юго-восток. Последние четыре дня ждали ветра.

Аэронавты, так называл их Старый, были одеты очень тепло — им принесли все теплые вещи, потому что наверху холодно.

В эти дни Олег очень уставал — каждый день надо было готовить шар, запускать его, подниматься, потом тащить обратно, чинить, исправлять упущенное, к тому же Сергеев требовал, чтобы Олег продолжал учить радиотехнику. И он учил. Может быть, Сергеев нарочно заставлял Олега учить, чтобы он понимал важность своего дела и меньше думал о том, что его не отпустили в полет. Марьяна тоже была занята. С пищей было плохо, потому что лето только начиналось, еще не везде сошел снег, грибов почти не было, а старые запасы подошли к концу, в поселке и так недоедали. Три раза Марьяна с Казиком и Фумико ходили в лес, по известным ей местам, искали колонии молодых грибов, которые

пока таятся в земле и отыскать их можно только по запаху и по писку мелких жгучих мошек.

В поселке была суматоха, все куда-то спешили, всем находилось дело, и было ощущение, будто улетают не только те трое, но все собирают вещи и готовятся уехать. Может, и в самом деле у всех было такое настроение. Даже коза это почувствовала, она семенила за людьми, чуть не завалила дом Кристины. Козел больше не появлялся, и коза напрасно ходила к изгороди, звала его. Она не знала, да и не узнает никогда, что доброго козла убил Павлыш, но это было далеко отсюда, к тому же никто в поселке не знал Павлыша.

Олег с Марьяной, конечно, виделись и разговаривали, но както получалось, что неловко было уединяться, все время на глазах, Олег даже не смог ни разу пойти с Марьяной в лес. Только в последний вечер перед полетом Олег отыскал Марьяну под навесом, где она перебирала зерна, чтобы взять с собой те, что не подгнили. Он даже удивился, что она одна. Они в тот день поднимались на шаре, но третьим там был Дик, а при Дике они ни о чем не говорили. Марьяна не знала, что Олег сказал Дику о своей любви, а теперь он жалеет об этом и даже не понимает, как мог проговориться.

— Ты не устала? — спросил Олег.

— Нет, — ответила Марьяна. — Тебе труднее приходится.

— Ничего. А ты как ко мне относишься?

— Так же. Точно так же.

Он подошел к Марьяне ближе. Она сидела на корточках и не поднялась, когда он подошел, но перестала перебирать зерна, замерла. Олег протянул руку к ее голове, Марьяна запрокинула голову и внимательно смотрела на него. И рука коснулась ее щеки. Щека была горячей. Это ощущение было как удар — все замерло, стянулось в узел под ребрами.

И тут же Марьяна легонько и незаметно отстранилась. Оказалось, что под навес вошла толстая Луиза, которая волокла корзину сушеных грибов, остаток осеннего урожая. Их тоже надо было перебрать.

* * *

Утром ветер дул с севера. Дождя не было. Олег начал надувать шар. Казик был в корзине, он связывал мешки с песком, чтобы они не мешали — троим в корзине было тесно. Казик предпочитал не отходить от шара, он боялся, что его могут забыть. Потом пришел Дик, приволок мешок с припасами, проверил свой арбалет, попробовал зажигалку.

Сергеев отдал ему свою зажигалку — это была лучшая в по-

селке, она давала искру всегда, даже в самую плохую погоду, у нее была крышка, которая откидывалась.

— Послушай, — спросил Олег Сергеева. — Может, все же я полечу?

Сергеев не ответил. Да Олег и не ждал ответа.

Старый торопил аэронавтов, потому что ветер мог измениться. К тому же, когда торопишься, меньше остается времени для волнений.

К полудню на поляне собрался весь поселок. Только Лиз с Кристиной не пришли. Кристина опять хворала, а Лиз любила сидеть дома.

Олег стоял возле корзины.

Марьяна смотрела на Олега, но она была далеко, с той стороны корзины. Олег обошел корзину вокруг, проверяя, в порядке ли она. Они стояли с Марьяной, разделенные плетеной сеткой. Но не дотрагивались друг до друга. Вокруг было слишком много людей.

— Скорее возвращайтесь, — сказал Олег. — Если через неделю не вернетесь, я пойду вас искать.

— Нет. Ты жди, но никуда не ходи. Мы вернемся. Может, не очень скоро.

— Внимание! — закричал Сергеев. — Где Олег? Пора отчаливать.

Олег не хотел слышать эти слова, но Марьяна велела:

— Иди.

И он побежал к канату — он отвечал за канат.

Остальные стали отвязывать веревки, которые держали шар.

Шар рвался вверх. Он был туго надут, спесив и очень важен. Будто понимал, чего от него ждут.

Потом шар начал подниматься, довольно резко, Вайткус помогал Олегу стравливать канат. Марьяна перебралась на ту сторону корзины, откуда их было видно, глядела на отца и махала ему рукой.

Канат натянулся, якорь вылез из земли, и Олег еле успел присесть, потому что якорь чуть его не задел.

— Тяни! — крикнул он. — Тяни канат!

Якорь пошел вверх.

Шар начал уменьшаться.

— Убавь огонь! — кричал Олег.

Шар, подхваченный ветром, быстро понесся к лесу, он еще никогда не летел так быстро, но над лесом ветер, видно, ослаб, и шар завис, даже начал спускаться. Олегу было видно, как покачиваются черные головы над краем корзины. Дик усилил огонь.

Шар пошел дальше и еще через минуту скрылся над лесом, в той серой полосе, что отделяла вершины деревьев от серых облаков.

— Вот и все, — повернулся Сергеев к Олегу. — Остались мы с тобой сиротами.

* * *

Павлыш проснулся, когда было еще совсем темно. Он не сразу сообразил, где он, и, сообразив и расстроившись из-за этого, постарался понять, отчего проснулся. Потом услышал плач и понял, что это Клавдия. Она иногда плакала или разговаривала во сне, даже кричала. Но потом утром ничего не помнила.

Если бы Павлыш был волен, он бы уже неделю назад перешел жить к себе в лабораторию. И даже пытался заговорить об этом, хотя и опасался, что заденет этим чувства Клавдии, но Клавдия холодным тоном, словно предусмотрела такую возможность заранее и заготовила ответ, объяснила, что лаборатория недостаточно стерилизована. Она буквально забита бактериями и вирусами, которые Павлыш затаскивает снаружи. Вот если бы Павлыш занялся починкой переходника из лаборатории в туннель, это было бы куда лучше и полезней для станции.

Она ни словом не дала ему понять, что просьба об отселении как-то задела ее. Она даже не спросила, почему он хочет жить в лаборатории.

Разумеется, не ночные кошмары Клавдии были причиной такого желания Павлыша. Вернее, были маленькой составной частью этого желания. Если бы планета оказалась менее зловещей и негостеприимной, если бы можно было спокойно ходить по ней, уставать от этой ходьбы, питаться новыми впечатлениями, он бы не ощущал замкнутости и тесноты жилого отсека. Еще недавно Павлыш мечтал вырваться с корабля, который опостылел за месяцы полета, мечтал переместиться под небо нового мира. Теперь же корабль казался просторным, спокойным и уютным. Там можно окунуться в бассейн, посидеть с добрым собеседником в оранжерее, помузицировать в кают-компании...

Здесь же планета не только не допускала к себе, она протягивала злобные пальцы и внутрь станции. Вот та оранжевая плесень, которая прицепилась к штанине скафандра, — вода из душа ее не взяла. Павлыш отскребывал ее, бросив в бой достижения химии. Плесень не только успешно сопротивлялась, но и, когда Павлыш умудрился дотронуться до нее указательным пальцем, обожгла. Теперь обожженный палец был залит пластырем, а Клавдии пришлось соврать, что обрезался, — она бы не простила, и правильно бы сделала, такого легкомыслия.

Впрочем, ничего особенного не происходило. Планета как

планета, экспедиция как экспедиция. Настолько банальная, что можно думать об обожженном пальце. Да и очень агрессивной планету не назовешь — за исключением стычки с чудовищем, окончившейся плохо для чудовища, ни одного серьезного происшествия. И не только потому, что Клавдия блюла порядок. Салли с Павлышом тоже были не детьми и знали, что в Африке гулять без папы и мамы опасно. А с эмоциями можно справиться. Надо устроить большую поездку — и планом исследований она предусмотрена. Сесть в вездеход и поглядеть, чем живет этот мир за пределами поляны. Тем более что этап запусков скаутов уже выполнен, есть кое-какие интересные результаты, хотя ничего экстраординарного найти не удалось. Пока. Все как в археологической экспедиции, где идут во множестве осколки керамики или ржавые гвозди, представляющие большой интерес для науки, но неинтересные обывателю. В музее он равнодушно проходит мимо витрин с наконечниками копий и склеенными глиняными горшками. Ему хочется видеть сказочной красоты статую или золотую диадему. Любой археолог будет вам доказывать, что диадема — не цель археологии, ее цель — отыскать как можно больше черепков и бусинок, чтобы определить пути миграции и уровень материальной культуры. Но можете быть уверены, что археолог лицемерит. В глубине души он мечтает о диадеме, о неожиданном блеске в завале черной земли, о той редчайшей сенсации, презрение к которой — основа основ археологической гордыни.

Биологически активная планета не может не таить в себе диадемы. Но это не означает, что диадема достанется именно Павлышу. Клочок планеты, который постепенно открывался ему, был ничтожно мал по сравнению со всем этим миром, и потребуется еще немало экспедиций и немало Павлышей, чтобы можно было сказать, что эта планета более или менее исследована и понята.

Павлыш признавал, что ни знаний, ни понимания планеты у него нет. Но интуиция все время предостерегала его против этого мира, а Павлыш привык доверять интуиции.

Он готовил вездеход к поездке, когда в служебный купол пришла Салли. Она хотела поехать вместе с Павлышом, но Клавдия ее не отпускала, потому что ей самой понадобилась помощница. Она обещала взять Салли с собой на следующий день к любопытным обнажениям на том берегу озера, открытым геоскаутами.

— Если вам попадутся цветы, — попросила Салли, — настоящие цветы — привезите мне ма-а-аленький букетик.

— А Клавдии?

— Страшнее кошки зверя нет.

— Я постепенно начинаю склоняться к мысли, что она права.

— Вы? Неукротимый бунтарь?

— Это все игра, Салли. А вот у меня вчера разболелся живот...

— Все ясно, можете не продолжать, — сказала Салли. — Три дня назад меня лихорадило, я немного простыла. И я начала подозревать эту коварную планету в том, что она умудрилась пронизать своими бациллами наши непроницаемые стены.

— К сожалению, старинные мечты о том, что где-то встретим невероятные формы жизни, пока не сбылись. Законы природы единообразны. Тот же набор хромосом, и за внешней экзотичностью те же принципы жизни. И почти везде обнаруживаются микроорганизмы, способные отлично существовать на человеческом материале.

— Салли, ты свободна? — раздался голос Клавдии.

Оба услышали.

— Иду, — ответила Салли.

«Можно подумать, — чуть было не произнес вслух Павлыш, — что Клавдия ревнует».

Павлыш вывел вездеход из купола и взял курс по берегу озера, чтобы не углубляться в лес. Он ехал не спеша, поглядывал по сторонам, мирно жужжали камеры, щелкали анализаторы — вездеход честно трудился, не обращая внимания на пассажира. Павлышу хотелось бы найти настоящие цветы, хотя он понимал, что вряд ли они здесь попадутся — высших растений на планете еще было мало, да и насекомых, которые могли бы опылять их, Павлышу тоже не встретилось.

День был теплый, парило, снег остался только в гуще леса. Земля пропиталась водой, и лес вокруг за последние дни заметно ожил — началось длинное, сумрачное лето. Больше снега здесь Павлышу не увидеть — они улетят раньше, чем лето дойдет до середины. Хотя, впрочем, он обязательно слетает в горы, там есть ледники и вечные снега. Жаль, что они выбрали место для работы в этом мрачном краю: южнее, у океана, где пустыня, климат куда суше...

Странное зрелище привлекло внимание Павлыша. Он даже остановил машину, чтобы поглядеть на огромных насекомых, как ни странно, схожих чем-то с лошадьми, стая которых, видно, шла на водопой и неожиданно натолкнулась на вездеход. Насекомые замерли на мгновение, и тут же на спинах у них, сверкая и переливаясь всеми цветами радуги, начали расти прозрачные пузыри. Стая бросилась бежать вдоль берега, а пузыри стали размером больше самих чудовищ, достигая метров трех в диаметре. Каждый шаг беглеца превращался в затяжной прыжок в несколько метров длиной — насекомые как бы парили над землей. В этом противоестественном беге была экзотическая грация. Затем вся стая повернула к озеру и бросилась в воду. Лишь пузыри да узкие

черные головы с белыми, в плошку, глазищами высовывались из воды.

Далеко стая не уплыла. Внезапно вода перед передним насекомым взбурлила, и змеиная голова с разинутой, полной зубов пастью метнулась к сверкающему пузырю, пузырь лопнул, и черная морда ушла под воду, и там же скрылась змеиная голова. Остальные пловцы резко повернули к берегу.

Павлыш проверил, работали ли камеры, — эту сцену стоит прокрутить вечером дома. Клавдия скажет что-нибудь банальное, типа «жестокая борьба за существование». Салли будет поражаться, может, даже сочувствовать этим пузырям, а может, увидит в этом что-нибудь забавное — хотя нет, что забавного в этом лишенном чувства юмора мире?

Павлыш пустил машину дальше по берегу, рассуждая о том, что критерием цивилизованности мира должно служить именно чувство юмора. Порой может засмеяться и обезьяна, но нужна достаточно развитая речь, чтобы рассказать и увидеть хохочущие лица собеседников. Здесь же ничего смешного просто не бывает. Если ты зазеваешься, решишь посмеяться, тебя скушают.

Вскоре пришлось вновь затормозить — к берегу подступали холмы, поросшие кустарником, редким, белесым и каким-то хилым. Но среди кустов виднелись круги разрыхленной земли. Круги были совершенно правильными, проведенными будто циркулем.

Павлыш остановил машину на краю одного из кругов. Постоял. Ничего интересного не происходило. Тогда он включил щуп. Длинный гибкий прут выскочил из тела вездехода и начал ощупывать землю. Конец его медленно продвигался к центру круга. И вдруг, когда Павлыш решил было, что круги безопасны, земля раздалась, нечто белое, подземное и бесформенное вылезло наружу — то ли это был щупалец, то ли мягкое бесформенное продолговатое существо, — обволокло щуп и с такой силой потянуло к себе, в глубину, что щуп не выдержал и оборвался. Щупалец исчез, земля приняла снова ровный вид. Павлыш пожалел, что лишился щупа, и мрачно сказал похитителю:

— Подавишься ты моим щупом. Честное слово, подавишься.

Он повел вездеход стороной, поближе к склонам холмов, продираясь сквозь кусты.

И тут он увидел цветы. Или нечто, очень похожее на цветы.

Алые лепестки размером с ладонь окружали пушистый желтый центр цветка. Это было красиво. Длинные стебли чуть покачивались, сгибаясь под тяжестью лепестков.

Павлыш осмотрелся. Вроде бы ничто ему не грозило. В любом случае его скафандр устоит против любого агрессора.

Он выскочил из вездехода и пошел к цветам. Приятно доставить радость Салли.

Но в момент, когда перчатка Павлыша дотронулась до стебля, цветок отклонился, будто испугавшись прикосновения, и, сложив лепестки, скользнул в землю. Лишь узкая норка указывала на место, где он рос. Со вторым цветком Павлыш решил схитрить. Он ухватил его быстро, словно ловил муху, и дернул.

Цветок затрепетал в руке, стараясь уползти под землю, но Павлыш держал его крепко. Эта борьба продолжалась полминуты, пока цветок не сдался и не повис безжизненно в руке Павлыша. Павлыш попытался открыть лепестки, но это были уже не лепестки, а слизистый комочек красной протоплазмы.

Павлыш отбросил комочек, тот плюхнулся на землю и вдруг снова ожил, стебель, только что мягкий и безвольный, начал настойчиво вертеться, отыскивая в земле щель. После нескольких попыток это ему удалось, и он червяком уполз вниз, втянув и красный комок цветка.

— Живите, как хотите, — не скрывая отвращения, сказал Павлыш. — Цветов мы больше не собираем.

Справа стояла стена кустов куда более ярких, чем остальной кустарник. Листья у кустов были острыми, как иглы, — будто молодая поросль сосенок грелась под теплым ветерком. Павлышу даже показалось, что, если раздвинуть колючие ветки, там, внутри, таятся настоящие крепкие скользкие маслята.

Чтобы отделаться от наваждения, Павлыш подошел к кустам поближе. Но не успел притронуться к ним, как кусты ощетинились длинными иглами, и в следующее мгновение иглы полетели в Павлыша, настолько тонкие, острые и крепкие, что сотни их умудрились вонзиться в непроницаемую ткань скафандра, и Павлыш чуть не потерял равновесия от совместного удара сотен игл.

Он отскочил, проклиная кусты, и потратил несколько минут, прежде чем удалось очистить скафандр от невероятно крепких и острых иголок.

Еще через несколько сот метров вездеходу пришлось снова остановиться. Холмы подошли к самому берегу, из воды здесь торчали острые камни, предупреждая, что плавание по озеру может быть опасным. Тогда Павлыш поднял вездеход в воздух и пошел над вершинами деревьев.

Сквозь тонкие голубые и зеленоватые ветви трудно было увидеть, что происходит в глубине леса, к тому же пошел дождь и все заволокло.

Павлыш пытался уговорить себя, что ему здесь очень интересно, что как биолог и путешественник он сегодня многое увидел, что он первооткрыватель, Колумб этого мира и потому очень

доволен своим первым путешествием. На самом же деле настроение было гадким, и все время возвращалось видение того, как он тянет скользкий живой стебель из земли, как цветок превращается в комок красной слизи.

Может, вернуться? Павлыш представил себе, как войдет сейчас в тесный купол, полный чистых домовитых запахов, как с напускной строгостью посмотрит Клавдия и заявит, что он наверняка плохо прошел дезинфекцию на входе, а Салли начнет хлопотать у плиты, отдавая дань женскому желанию накормить охотника.

Лес оборвался у большой быстрой реки, которая впадала в озеро. Он подходил к реке плотно и густо — ни клочка свободной земли, деревья стояли в воде белыми стволами, как неуверенные в себе купальщики, не знающие, то ли им нырнуть и поплавать, то ли побрызгать на грудь ладошками и брести обратно к расстеленному на берегу полотенцу.

На дальнем берегу Павлыш увидел небольшой мыс, поросший травой и окаймленный полосой гальки. Туда он и направил вездеход, решив, что этот мыс будет крайней точкой его путешествия.

Когда Павлыш вышел из вездехода, вокруг было тихо. Только чуть журчала вода, обтекая камни. Словно он вошел в комнату, где только что кипел непринужденный разговор, но при виде неожиданного гостя все замолкли и смотрят на него враждебно, ожидая, когда тот уйдет.

— Скучно живете, — с вызовом сказал реке Павлыш, но ответом было молчание.

Отмахнувшись от печальных размышлений, Павлыш стал глядеть вдаль. Неподалеку начинался лес, низкорослый и чахлый, дальше от берега он становился выше, вершины были темнее. А еще дальше лес сливался с пеленой дождя, Павлыш заметил колоссальную обрывистую скалу. Впрочем, нет, вернее всего, это не скала, подумал Павлыш. Скорее это похоже на колонны — две, три, четыре... Колонны уходили в облака. «Вот это уже интереснее», — подумал он, и желание возвращаться домой пропало.

Павлыш поднял машину в воздух и полетел дальше. Через пять минут он приблизился к колоннам и мог разглядеть их как следует.

Больше всего, понял Павлыш, это похоже на стволы деревьев. Но стволы диаметром в несколько десятков метров и как бы сплетенные из множества канатов, каждый толще метра. Так как это сплетение было случайным, бессистемным, то в некоторых местах стволы расширялись, затем громадной шишкой, наростом, уходили в сторону, и все это сооружение было к тому же покрыто кустами, лишайниками, небольшими деревцами, выросшими из ствола. А в одном месте Павлыш разглядел даже уместившееся в

развилке небольшое озеро, окруженное густым тростником. Потом он увидел пещеру — дупло, в котором мог бы уместиться трехэтажный дом, и у него даже появился соблазн нырнуть туда на вездеходе, но потом Павлыш представил себе, каким гадким характером могут отличаться его обитатели, и раздумал.

Кружа вокруг ствола, Павлыш медленно поднимал машину, и каждый последующий круг был все больше, потому что на высоте метров ста от ствола начали отходить корявые сучья, а ствол все тянулся вверх, пока не пропал, и только тогда Павлыш понял, что незаметно вошел в низкие облака, скрывавшие от него вершину дерева.

Павлыш включил прожектор. Сильный луч с трудом пробивался сквозь мглу, и Павлыш мог лишь угадывать, что перед ним сплетаются сучья. Когда он приблизился к стволу метров на пять, то увидел, как луч отразился от неподвижных красных глаз какой-то твари, которая наблюдала за вездеходом, ожидая, что он подойдет еще ближе, чтобы можно было его попробовать на зуб.

Вдруг машину дернуло, и Павлыш даже ударился локтем о пульт. Он не сразу понял, хватаясь за ручное управление, что локатор вездехода остановил и увел машину в сторону, чтобы не налететь на огромный горизонтальный сук — десятиметровой ширины эстакаду, уходящую вдаль, к следующему дереву.

Больше ничего увидеть не удалось, надо вернуться сюда, когда погода будет получше, решил Павлыш. Пожалуй, если это не диадема, то, по крайней мере, серебряное ожерелье. Ему удалось найти самые большие деревья в Галактике, а это уже открытие.

И Павлыш повел машину вверх на автопилоте, доверяя ему больше, чем собственным чувствам.

Так как поднимался он медленно, то прошло минут десять, прежде чем вездеход вырвался из облачного слоя.

Стало очень светло. Непривычно светло.

Над головой сверкало синее небо, более темное, чем на Земле, на нем горели редкие звезды. Под самым вездеходом в бесконечность уходила вата облаков. Ничем не нарушаемая, спокойная, белая и чистая.

Значит, вершины деревьев скрываются где-то внутри облака.

«Ничего, дома разберемся — локатор зафиксировал абрис дерева». Павлыш развернул вездеход и задал ему курс к лагерю, но опускаться в облака пока не стал.

Он пожалел, что раньше не догадывался подняться сюда. Запускал в этот чистый простор своих скаутов, а не подумал, какая замечательная психотерапия для удрученного смрадным влажным лесом человека — оказаться в просторе неба над надоевшими облаками.

Тут так хорошо дышалось...

Это тоже было психологическим эффектом — дышал Павлыш тем же воздухом, который был в скафандре.

— Отлично, — произнес он вслух. — Теперь, как станет тошно, буду летать сюда.

— Куда? — спросила Клавдия.

Оказывается, связь была включена, и Клавдия все это время слышала все его вздохи, проклятия и беседы с самим собой.

— Я возвращаюсь, — сказал Павлыш.

— Как полет? — спросила Клавдия.

— Очень интересный полет, — искренне ответил Павлыш. — И очень красивое небо.

* * *

Они неплохо пообедали. К счастью (должны же быть утешения), Салли набрала в экспедицию массу вкусных приправ и снадобий, Клавдия была великим мастером китайской кухни, и както Салли говорила Павлышу, что их группа славится на всю Дальнюю разведку кулинарными изысками. А разнообразие и изысканность в пище в дальней экспедиции — это особый шик, недостижимый даже на большом корабле, потому что обычно повара идут по пути наименьшего сопротивления, подчиняясь инструкциям, написанным на обертке сублимированных, консервированных и прочих полуфабрикатов. Надо иметь желание и воображение, чтобы превратить сухой суп из шампиньонов в сказочный соус к пышному бифштексу. Да и пышность бифштекса достигается лишь при высоко развитой интуиции: мгновением раньше, мгновением позже — и бифштекс превращается в стандартный кусок мяса, одинаковый на любом корабле или базе.

Павлыш лениво отодвинул недоеденный пудинг — больше его душа не принимала — и сказал:

— Теперь я намерен вас угостить, мои прекрасные дамы, сказочным зрелищем, равного которому вы не встречали в Галактике.

Он включил проектор.

На экране медленно летели насекомые, влекомые воздушными пузырями. Вот они поворачиваются к воде и плывут, радужно сверкая, словно мыльные пузыри.

Салли сидела на полу, обхватив колени полными руками.

— Как жалко, что меня с тобой не было, — сказала она тихо.

Павлыш заметил, что впервые она назвала его на «ты».

Клавдия продолжала работать. На столе перед ней лежал разделенный на ячейки плоский ящик с образцами пород. Она перебирала спектрограммы, легонько насвистывала что-то почти неслышное, упрямые волосы выбились из слишком тугой прически.

Лампа очерчивала четкий круг на столе. Павлышу показалось, что, продолжая работать, Клавдия как бы укоряет его за то, что он развлекается любительскими фильмами и отвлекает от нужной работы Салли. Он был не прав. Клавдия поглядывала и на экран, потому что вдруг бросила:

— Интересно, этот змей отлично знает, как обращаться с пузырями. Он прокусывает их. Значит, твои лошадки имеют обыкновение плавать в озере. А он имеет обыкновение на них охотиться.

Павлыш предупредил:

— А сейчас я потеряю щуп.

На экране появились круги взрыхленной земли.

Салли ахнула.

— Очень разумный способ подкарауливать жертву, — оценила Клавдия. — Во всей Вселенной этим занимаются различные хищники.

— Вплоть до женщин, — неудачно пошутил Павлыш.

Он ожидал афронта, но его не последовало. Наоборот, Клавдия вдруг улыбнулась.

— Не бойтесь нас, Павлыш. Но разве приятно, когда к тебе в дом лезут железной палкой?

Наконец подошла очередь гигантских деревьев.

На экране деревья выглядели совсем не так величественно, как в жизни. Павлышу даже захотелось просить зрительниц, чтобы они не верили тому, что видят. Серые расплывчатые стволы, утопающие в тумане, ручищи сучьев, озерко в развилке...

— Камера не может вертеть глазами, как я, — проговорил Павлыш. — Поле ее зрения ограничено, наше воображение питается нелогичностью движения глаз.

— Нет, почему же, — отозвалась Клавдия. — Зрелище впечатляет.

— И много там таких деревьев? — спросила Салли.

— По-моему, три или четыре — в пределах видимости. Может, дальше целый лес.

— Наверное, это не деревья, — предположила Клавдия. — Это мне кажется скорее симбиотическим сообществом — лесом, принявшим такую форму. Вы видите, что каждый ствол сплетен из сотен стволов, как канат из волокон.

— И каждое такое дерево — это целый мир, — добавила Салли. — Ведь там наверняка живут существа, которые и не подозревают, что есть еще что-то за пределами дерева.

— Надо будет как-нибудь совершить специальную экспедицию к этому дереву, — решил Павлыш. — На несколько дней.

— Может, оставим это на долю большой экспедиции? — засомневалась Клавдия.

— Вы хотите лишить меня открытия, которое меня прославит.

— Слава, никогда не надо печься о сенсациях. — Клавдия вдруг снова потеряла чувство юмора. — Вот поглядите, — она протянула ему кусочек темной породы, отшлифованный с одной стороны. Через породу тянулась широкая золотая полоса. — Это жильное золото, — продолжала она. — Мои скауты обнаружили здесь гору, буквально пронизанную золотыми жилами. Редчайший феномен. Романтик, подобный вам, тут же написал бы хлесткую статью, и досужие журналисты расписали бы вас в сотнях интервью — еще бы, человек, отыскавший золотую гору! Но для меня это лишь еще один, и довольно неважный, штрих в общей геологической картине планеты.

Салли положила ладонь на руку Павлыша, будто опасалась, что он скажет какую-нибудь колкость и Клавдия расстроится. Ладонь ее была теплой и мягкой. Клавдия оборвала свой монолог, и Павлыш понял, что ей не понравилось движение Салли, которое не укрылось от ее глаз. Салли тоже поняла это и убрала руку, наступило неловкое молчание, и Салли прервала его:

— Мне хочется чаю. Кто-нибудь составит компанию?

— С удовольствием, — отозвался Павлыш.

Он выключил камеру. Клавдия наклонилась над столом. Она задумчиво вертела в руке кусок породы с золотыми прожилками.

После чая Клавдия вдруг решила заняться уборкой. Она заявила, что за последние дни из-за легкомыслия Павлыша станция потеряла гигиеничность. Павлыш в уборке не участвовал, но так как ничем не займешься, если в доме на ночь глядя устроили уборку, то он отправился в лабораторию. Там он улегся с книгой — работать не хотелось.

За окнами лаборатории уже стемнело, воздух был синим. И можно вообразить, что он сидит в домике на Земле и в любой момент может отправиться на прогулку. Читалось как-то плохо, никак не вживешься в сюжет. Павлыш встал, включил внешний динамик. Лес был тих, но тишина была неполной, она складывалась из множества настороженных звуков. Вот хрустнула ветка, потом что-то прошуршало в траве совсем недалеко от корабля. Издалека донесся утробный звук, низкий, почти неуловимый, но могучий, потом зачавкало, словно рядом бродил кто-то в болотных сапогах, с трудом вытягивая ноги из тины...

«Наша беда в том, — подумал Павлыш, — что в своих путешествиях человек старается все более исключить элемент риска. Каравелла Колумба была игрушкой штормов и ветров, каждый риф таил для нее гибель, каждый шквал грозил перевернуть. Но путешественники снова и снова уходили в море или шли с караванами через негостеприимные горы — ведь не только страсть к наживе влекла их. Проснуться под сенью неведомых гор, услышать шум чужестранного города, увидеть пальмы на берегу еще

не открытого острова... Наверное, мы стали куда как рациональными — мы стараемся приспособить Вселенную к нашим трезвым нуждам, разложить ее по полочкам и даже раздражаемся, если что-то не влезает на полочку, на положенное место. Путешественники древности верили в гипербореев и людей с песьими головами, и это их не пугало. Мы же уверены в том, что генетический код един для Вселенной, и при виде человека с песьей головой не ахаем удивленно и восторженно, а начинаем считать хромосомы.

Еще в детстве мы читаем про Робинзона, и он, как и сто, и двести лет назад, покоряет нас своей наивностью, своим гордым одиночеством и человеческим вызовом, который несет в себе его судьба. Он не мирится с природой, не ждет появления человека с песьей головой, а подсчитывает запасы зерна или шьет себе одежду из козьих шкур. Значит, Робинзона следует запретить — вот он, источник всех наших бед, вот кто — Даниэль Дефо — заложил основы нашего рационализма». Признав это, Павлыш стал искать альтернативу и пришел к выводу, что ему более всего по душе Синдбад-мореход. Хоть тот и был торговцем, но птицу Рух воспринимал как часть естественного в своей сказочности мира. И потому Павлыш стал планировать альпинистский поход на гигантское дерево, который, вернее всего, не оправдает риска и затрат времени, но совершенно необходим Павлышу, чтобы наладить собственные отношения с этой планетой.

Они здесь уже давно, три недели, но кроме взаимной враждебности ничего не добились. Золотая гора безлична и равнодушна. Она может встретиться и на безатмосферном астероиде. Клавдия имеет дело в основном с предметами неодушевленными, поэтому она может провести здесь целый век и остаться чужой на чужой планете. Понимание входит в функции Павлыша. А его не достичь, скрываясь за надежными стенками куполов.

Споря внутренне с Клавдией, Павлыш, как и положено в таком заочном споре, почти не давал ей возможности ответить. Все воображаемые возражения Клавдии были неубедительны, тогда как аргументы Павлыша — несокрушимы.

Дикий высокий визг раздался над самым ухом. Павлыш даже вскочил и лишь через секунду понял, что визг донесся из леса — из того мира, который продолжал жить, словно Павлыша, со всей его техникой и могуществом, не существовало.

Павлыш метнулся к окну. За окном в темноте, разрезанной лучами медленно вращающихся прожекторов, кипел клубок тел. Несколько хищников — и не разберешь в такой суматохе, что за твари, — терзали толстого зеленого неповоротливого зверя, и в этой схватке была такая первобытная жестокость и такой страх смерти, что Павлыш, глядя, как клубок тел катится к лесу, вы-

ключил звук и отошел от окна. И с некоторой печалью подумал, что, вернее всего, он так и улетит с этой планеты, ни черта не узнав и не поняв, хотя формально увезет отсюда солидный груз биологических исследований и образцов флоры и фауны.

Читать совсем расхотелось, но он не спешил возвращаться в жилой отсек. Сейчас женщины в своих конурках укладываются спать, под душем на полчаса застряла чистюля Клавдия, а Салли, что уж совсем не положено отважному разведчику, в пятый раз раскладывает пасьянс. Ему захотелось, чтобы Салли отложила пасьянс и пришла к нему сюда, потому что соскучилась, потому что ей надоело слушать, как Клавдия насвистывает под душем...

— Я не помешала? — спросила Салли.

— Хорошо, что ты пришла.

— Что за шум был? Мне показалось, что кто-то кричал.

— Я включил свой внешний динамик, а там зверье выясняет отношения.

Салли подошла к окну.

— Пусто. Никто здесь не живет. Они только приходят иногда попугать нас. А мы ведь не из пугливых?

— С тобой — да.

— Я серьезно.

— Где только не живут люди! Здесь, по крайней мере, нормальный воздух и нормальный дождь.

Павлыш подошел к Салли и дотронулся пальцами до ее плеча.

— Тебе здесь не нравится, тебе здесь скучно, ты жалеешь, что попал в эту экспедицию. А я — единственное человеческое развлечение, — определила Салли.

Павлыш убрал руку.

— Если бы мы были на Земле...

— На Земле ты бы просто меня не заметил, — вздохнула Салли. — Я не умею кокетничать. Ничего удивительного нет.

Она обернулась и поглядела ему в глаза.

— Может быть, я чувствую то же, что и ты. И я тоже бы не обратила на тебя внимания... Это обидно?

— Нет.

Салли прижалась к Павлышу, взяв ладонями его голову, сжав виски, и поцеловала его в щеку у уголка губ.

— Спасибо, — проговорил Павлыш.

— Глупый ответ, но не худший, — улыбнулась Салли.

Она отступила на шаг, освобождаясь от его рук, и Павлыш увидел, что они не одни — за спиной Салли в окно глядела глупая белая морда.

— Уйди, — велел морде Павлыш.

Салли обернулась и засмеялась.

— Клавдия бы спросила, почему ты не включил камеру.

— Я не давала тебе оснований смеяться за моей спиной! — резко бросила Клавдия.

Она стояла в переходнике у входа в лабораторию. Она была в халате, мокрые волосы забраны полотенцем.

Павлыш почувствовал, что краснеет, как мальчишка, которого застали, когда он тащил конфеты из заветного бабушкиного шкафа.

И неизвестно, давно ли Клавдия стоит здесь.

— Я никогда не смеюсь за твоей спиной, — сказала Салли. — Ты же знаешь.

— Завтра рано вставать, — напомнила Клавдия.

«Детей отправляют по кроваткам». Павлыш не сказал это вслух. Он теперь старался реже говорить вслух то, что могло задеть Клавдию.

— Завтра рано вставать, — согласился он.

Глава 5

Поселок уменьшался на глазах, дома стали игрушечными, такие лепил для малышей Вайткус. Еще он лепил для них коров, коз, собак и всякую земную живность.

Потом поселок заволокло туманом, и человечки, стоявшие на выгоне, и коза, так и не понявшая, куда исчезла ее любимая Марьяшка, и холмик кладбища — все это исчезло; внизу пошел лес, одинаковый и бесконечный.

Воздушный шар летел ровно, как будто его тянули на веревке, движение угадывалось только по тому, как уплывали назад деревья. В корзине стояла тишина, и воздух был неподвижен.

Все трое и раньше поднимались на воздушном шаре и знали, как с ним обращаться, но это был первый настоящий полет шара — не подъем к облакам, а путешествие.

В каждой группе людей по уговору или негласно устанавливается разделение труда и обязанностей. Никто не просил Казика становиться к горелке и определять курс, это случилось само по себе. Летал Казик не больше других, да и вообще был еще подростком, маленьким даже по здешним меркам. Но в корзине шара с ним произошло немедленное превращение, подобное тому, что происходило с ним, когда он попадал в лес. Казик из существа скорее робкого и молчаливого превратился в уверенного в себе человечка, будто он всю жизнь только и делал, что летал на воздушных шарах. И уверенность его была столь очевидна, что и Марьяна, и Дик безо всяких возражений уступили ему первенство в управлении шаром, к которому оба относились с некоторой опаской.

Марьяна до последней возможности вглядывалась во мглу внизу, ей все казалось, что она видит Олега, который так храбрился в последние минуты, скрывая свой страх за Марьяну и зависть к тем, кто улетает. Марьяна не боялась за себя — некогда было об этом думать, да и пустые это мысли — бояться за себя. Она хотела сейчас одного: как можно скорее слетать, не важно даже, найти или не найти ту экспедицию, в которую ей трудно было поверить, как раньше в существование корабля, пока она не дотронулась до него. Но если корабль всегда существовал в разговорах и памяти жителей поселка, то появление на планете научной экспедиции было из области снов. Это была какая-то ненастоящая экспедиция, и ее неумение отыскать поселок и выручить их лишь усугубляло это ощущение. Поэтому Марьяна боялась только, как бы им не заблудиться, не улететь слишком далеко, потому что надо вернуться до того дня, как Олег уйдет в горы к «Полюсу», и пойти вместе с ним.

Для Дика экспедиция, на поиски которой они летели, тоже не была реальностью. Она никак не вписывалась в космогонию его мира. Правда, прошлогодний поход к «Полюсу» эту картину изменил, но не разрушил, — ведь «Полюс» был мертв, он был продолжением поселка и в то же время его истоком. Дик не представлял себе жизни вне планеты, вне леса. Его тщеславие удовлетворялось борьбой с лесом и покорением леса. Он никогда не представлял себе жизни на какой-то другой планете, допустим, на Земле, хотя бы потому, что там другой лес и другие звери.

Лишь Казик жил уже на Земле. Если жители поселка знакомились с воздушным шаром по мере того, как он возникал и принимал форму, то Казик увидел его внутренним взором куда раньше остальных. Интуитивно Казик знал все, что можно было знать о воздушных шарах. Уже в первых полетах с Олегом он постиг характер шара лучше самого Олега, но ничего ему об этом не сказал — Казик и сам не думал, что лучше Олега знает, как управлять шаром. В первые минуты, пользуясь тем, что и Марьяна, и Дик мысленно еще оставались внизу, Казик получше укрепил мешки с балластом и пищей таким образом, чтобы достичь максимального равновесия, или, как он сам себе это объяснил, для того, чтобы шару было удобнее их везти. Он воспринимал шар как нежное живое существо, которому бывает тяжело, легко, весело и даже неудобно, и он помогал шару, чтобы ему было приятнее.

Дик смотрел вниз. Он старался угадать в лесу свои тропы и места привалов, но сверху лес был совсем иным, будто Дик не исходил эти места вдоль и поперек. Вдруг он узнал поляну. На ней год назад он заколол большого медведя, и медведь оставил у него

на руке отметины — три параллельных шрама. Дик взглянул на шрамы, а когда снова посмотрел вниз, поляна уже исчезла.

Ветер стал тише, Казик засуетился возле горелки, увеличивая пламя, потому что почувствовал, что шар начал снижаться. Видимость стала еще хуже, даже деревья внизу заволокло туманом.

— Ниже спускаться? — спросил Казик.

Это были первые слова, сказанные с момента отлета, и потому они показались очень громкими.

— Спускаться? — Дик не сразу осознал причину вопроса. Ведь полет еще не окончен. — А река?

— Не видно, куда летим, — объяснил Казик.

— Мы правильно летим, — подтвердила Марьяна. — Скоро первое болото.

Шар дернулся и завис — заряд дождя ударил сверху, и было слышно, как капли гулко стучат по тонкой оболочке. Корзину закачало. Дик вцепился в ее край, а Марьяна присела — ей показалось, что борт корзины очень низкий и ее может выбросить.

— Я наверх пойду, — решил Казик. — Мы будем искать ветер. А то обратно в поселок принесет.

— Не надо обратно, — сказал Дик. — Они будут смеяться.

Дик не выносил мысли, что над ним можно смеяться.

Казик подтащил к борту мешок с песком и, развязав, высыпал часть песка вниз. Мешок он берег, мешок еще пригодится.

Шар сразу пошел вверх — видно было, как уменьшаются и тонут в тумане деревья.

— Правда здорово? Я высыпал, а он меня слушается, — радостно произнес Казик, но никто не ответил.

Было страшно, потому что шар ненадежен и в нем жило страшное своенравие. И Дику и Марьяне стало ясно, что они — пленники шара, ничтожные игрушки его прихоти. Хочет — унесет в небо, хочет — бросит об землю. Они, в отличие от Казика, не чувствовали шара и не повелевали им.

Через несколько секунд шар скрылся в облаках, и стало еще неприятнее, потому что за пределами корзины, вторгаясь в нее, висел непроницаемый туман, в котором что-то таилось. Может, летающий зверь, может, скала, может, нечто необъяснимое.

— А теперь совсем непонятно, — признался вслух Казик. — То ли мы вверх летим, то ли никуда не летим. Я не знаю.

— Давай поднимемся, — предложил Дик. — Поднимемся наверх, выше облаков, как с Олегом.

— Балласта много, — сообщил Казик, — он может понадобиться.

— Тогда сделай огонь побольше, — сказала Марьяна.

— Олег велел не очень надувать, — ответил Казик. — Если он лопнет — мы как камень вниз грохнемся.

Казик почувствовал свою власть над старшими, он понял, что ничего не боится, что ему увлекательно до щекотки в груди подниматься в облаках или нестись над землей, а им страшно, непривычно.

— Поднимайся, — приказал Дик, который уловил скрытый бунт.

Казик пожал узкими плечами и прибавил огня в горелке.

Стало холоднее, корзина была мокрой, крупные капли стекали по оболочке шара и срывались с нижнего обода.

Казику хотелось выразить торжественное чувство полета, но выразить его можно было только в песне. И если бы он был один, то обязательно запел бы и даже запел бы со словами, которые умел складывать в стихи. Но он стеснялся это делать при остальных. Не посмел и сейчас. Он беззвучно напевал, сжав губы.

Дика охватило отчаяние бессилия. Облако никогда не кончится. Они потерялись. И не надо было вообще этого затевать. Пошли бы пешком, как-нибудь перебрались бы через реку. Ничего особенного. А теперь ни реки, ни поселка не будет...

И тут стало светлее, шар выскочил в промежуток между облаками — над головами был еще слой, и их несло к почти черной громадной туче, которая стеной стояла впереди, словно поджидала шар, чтобы сожрать его. В туче проскальзывали, сверкали молнии, она казалась живой и горячей.

— Ух ты, как красиво! — крикнул Казик. — Как сейчас трахнет!

— Вниз! — велел Дик. — Давай вниз, не понимаешь, что ли?

— Жалко. — Казик протянул руку к горелке, чтобы убавить огонь. — Я такого еще никогда не видел. Снизу это не так интересно.

— Мне неинтересно, — сказала Марьяна.

Шар почему-то не снижался, а продолжал лететь навстречу грозовой туче, и грохот, исходивший от нее, был почти непрерывным, будто кто-то вел огромной палкой по огромной изгороди.

Дик оттолкнул Казика и резким движением потушил горелку.

— Это тебе не игрушки!

Порывы встречного ветра ударяли по шару, он метался между облаками и никак не мог спуститься.

— Нельзя совсем тушить! — закричал Казик. — Вы дураки!

— Молчи, — оборвал Дик. — Надоел.

Грубостью он прикрывал свой страх, потому что даже себе не хотел признаться, что может бояться.

Шар вдруг задрожал, попав в воздушный вихрь, и заскользил вниз.

— Зажигай! — крикнул Казик. — Неужели не понимаешь — сейчас он остынет.

— Успеем. Сначала надо спуститься вниз.

— Нельзя так сразу. Где зажигалка?

Зажигалка была у Дика, и он ее не давал Казику, потому что не верил в то, что шару что-то угрожает внизу. Ему хотелось одного — скорее уйти от грозовой тучи.

— Ты посмотри, он же уменьшается! — Казик показал вверх, но лишь его глаза увидели, что шар теряет упругость и скорость его снижения увеличивается.

— На. — Дик все же встревожился от настойчивого тона Казика и протянул мальчику зажигалку.

Зажигалка хлопала, щелкала и никак не хотела загораться.

Было влажно, сыро, все уже промокли. Трут в зажигалке тоже мог отсыреть. Если бы Казик знал, что Дик потушит огонь, он бы заранее спрятал зажигалку и держал бы ее сухой.

Вокруг снова были облака, опять было полутемно, и грохот, исходивший от грозовой тучи, чуть утих, остался там, наверху, почти над головами.

— Хорошо, что успели, — произнес Дик, оправдываясь. Краем глаза он смотрел, как Казик снова и снова щелкает кресалом.

— Дай-ка я сам. — Дик выдрал зажигалку из напряженных пальцев Казика. Зажигалка не слушалась и его. Казик стоял рядом и глядел на искорки, вылетавшие из кремня. Они казались холодными и маленькими.

— Он меньше стал, — проговорила Марьяна испуганно. Она смотрела вверх и видела, что веревки сетки, которой был обмотан шар, все глубже врезаются в его оболочку.

Дик взял зажигалку в ладони и постарался протереть фитиль.

Теперь всем было ясно, что шар падает все быстрее.

— Может, заткнуть дырку? — спросила Марьяна, но осеклась — она поняла, что дырку внизу шара им закрыть нечем.

— А твоя, твоя зажигалка! — вдруг закричал Казик. — У тебя же должна быть!

— Конечно, — ответила Марьяна, — как же я не вспомнила. У меня она есть.

— Давай!

— А где она?

— В кошельке на шее, — подсказал Казик.

Марьяна быстро развязала лечебную сумочку, которая висела у нее на груди, и достала оттуда зажигалку.

Казик выхватил ее и, оттолкнув Дика, начал высекать огонь.

Но горелка не зажигалась.

— Открути ее! — закричал Казик Дику. — Ты же ее закрутил.

Корзину снова качнуло, Дик потерял равновесие и еле-еле успел ухватиться за борт.

Казик сам, чуть не отломав колесико, открутил горелку и с

наслаждением вдохнул отвратительный запах газа, который выделился из трубки.

Зажигалка, к счастью, не погасла, и на конце трубки вспыхнул лиловый огонек. Казик сразу прибавил огонь, и пламя на секунду исчезло, потом занялось ярко и уверенно.

Казик заглянул в отверстие шара — теплый воздух пошел туда, в полутьму.

И в этот момент они вывалились вниз из облаков.

— Мы все равно падаем, — сказала Марьяна тихо.

Ветер был несильным, но порывистым, шар толчками двигался вниз.

— Поздно, — произнес Дик. — Теперь держись.

Он успокоился. Лес был ему знаком, а поверить в силу удара о деревья, представить то, что никогда не испытывал, он не мог. Ему казалось, что лес примет их и не убьет.

— Мешки! — закричала Марьяна, прерывая наступившую паузу зачарованного ожидания.

Она сама кинулась к мешку, лежащему у ее ног, и с трудом перевалила его через борт корзины, чуть не вывалившись за мешком.

В тот момент шар как раз достиг вершин деревьев — это было мгновение, когда можно было разглядеть каждый листок на деревьях, и Казик, который вспомнил о балласте только после крика Марьяны, смотрел как зачарованный на приближение земли, не боясь за себя, но очень жалея такой красивый шар, которому суждено сейчас разорваться.

Вершины деревьев, такие близкие, вдруг толчком ушли вниз, и земля как бы с сожалением отсрочила встречу с шаром.

И в следующее мгновение все ожили. Дик тоже подхватил мешок. Третий мешок тащил Казик, но не кинул его, как Марьяна, а, быстро придя в себя, высыпал песок из мешка и был очень доволен тем, что подумал об этом даже в такой момент.

— Мешки беречь надо.

Но его никто не слышал. Марьяна и Дик смотрели вниз на вершины деревьев, уплывавшие в туман. Они продолжали смотреть, даже когда Казик спокойно занялся делами. Ведь никому не было нужно, чтобы шар снова умчался в облака, тем более что больше балласта не осталось. Казик подкрутил горелку и смотрел, чтобы шар больше не поднимался. Это было трудно сделать, потому что уже разыгралась гроза и ветер никак не мог успокоиться. Шар продолжал болтаться мыльным пузырем в туманном пространстве между облаками и лесом.

— Ну вот, — сказал Дик, — а вы боялись.

В корзине было трудно стоять. Тем более что она стала легче без балласта и ее кидало из стороны в сторону. Туча выплюнула

из себя короткий шквал, шар понесся, наклонив корзину, словно хотел выбросить из нее людей, и они сжались на полу корзины, вцепившись в прутья и веревки и пережидая, пока шквал не прекратится и не хлынет, как знак окончания безумств, сильный и ровный ливень.

— Не повезло, — заключил Дик, поднимаясь с пола и вглядываясь вниз. — Теперь уж совсем неизвестно, куда нас унесло.

— Сначала мы летели правильно, — заверил Казик. — До того, как поднялся ветер. Мы летели правильно почти час, а потом нас мотало минут десять.

В поселке не было часов, но понятия часа, минуты и даже секунды остались. У Казика было чутье на время. И ему верили.

— Значит, мы в нужной стороне? — спросила Марьяна.

— Только неточно, — ответил Казик.

Они промокли и замерзли. Даже куртки и сапоги из рыбьей кожи не спасали. Но они только теперь поняли, как замерзли, — до этого они думали, как бы не разбиться.

— Будем смотреть вниз, — предложила Марьяна. — Вы охотники.

— Мы должны увидеть реку, — напомнил Казик. — И болота перед ней.

— Если мы не перелетели через нее, когда были наверху, — вмешался Дик. — Нет, такой скорости ветра нет. До реки пять дней пути, если идти по земле.

Шар теперь плыл медленно.

— Дождь кончится, — предупредил Казик, — и мы поднимемся наверх.

— Зачем? — спросил Дик.

— Посмотрим на солнце и узнаем направление. Сейчас теней нет, ничего нет.

— Лучше спуститься и поискать на земле, — ответил Дик неуверенно.

Он понимал, что это не лучшее решение, потому что если они окажутся в незнакомом месте, то с земли найти направление еще трудней. Но подниматься наверх не хотелось.

— Вы голодные? — спросила Марьяна.

— Нет, — качнул головой Казик.

Но Марьяна достала из мешка сухари, намазала их грибным паштетом, и мужчины принялись хрустеть, поглядывая вниз, в надежде увидеть что-нибудь знакомое.

Один раз Дику показалось, что он узнает холм, выдавшийся из леса, но Казик сказал, что это другой холм. Время шло. Дождь все не прекращался, хотя гром гремел издалека и нестрашно. Прошло еще часа полтора. Марьяна, чтобы согреться, приседала в корзине, пока не устала. Но не согрелась, а только запыхалась.

Дик уселся на дне и принялся протирать арбалет. Казик грел руки у горелки, потом он сказал Марьяне, чтобы она тоже погрелась. Все очень устали от неизвестности. Казалось, что они улетели так далеко от поселка, что никогда уже не вернутся обратно.

Дождь прекратился. Сразу стало тише, потому что капли перестали стучать по оболочке. От теплого шара поднимался пар.

Казик долго смотрел вперед, потом вдруг крикнул:

— Смотрите!

В начинающихся ранних сумерках впереди, у горизонта, была видна светлая полоса.

Дик всмотрелся туда и сказал, что это, наверное, река.

— А может, кончается лес, — проговорила Марьяна.

Она стояла с другой стороны корзины и тоже увидела светлую полосу на горизонте. Получалось, что они видят две реки.

Еще через полчаса неспешного полета они убедились, что впереди в самом деле река — возник и другой темный берег. Светлая полоса справа была очень широкой и терялась за горизонтом, а река с ней соединялась.

Дик сказал, что это другая, очень большая река.

А Казик предположил:

— Хорошо бы это было море.

— Море? — Марьяна знала это слово, но не представляла себе, что на этой планете тоже может быть море, и притом так близко.

— Или очень большое озеро, — сказал Казик. — Но все-таки лучше море. Тогда мы построим корабль и уйдем в плавание.

— Только бы шар не унесло в это море, — произнес Дик.

Он все вглядывался вперед, стараясь угадать, та ли это река, что им нужна. Когда-то, кажется, в прошлом году, он доходил до реки, но не смог из-за болот, кишащих всякими гадами, выйти на берег. У него кончилась еда, а охота была плохая. Пришлось вернуться. Он помнил холмы у реки, но здесь таких холмов не было видно.

Они решили подняться повыше, к облакам, в поисках попутного ветра. Шар устал лететь и поднялся еле-еле, лениво и нехотя.

Здесь ветер в самом деле был сильнее, но тоже дул не туда, куда хотелось. К тому же снова пошел дождь. Это всем надоело — ленивый шар, холод, влага, и тем более обидно, когда ты уже у цели, еще немного — и перелетят через реку, а там уже можно спускаться, переночевать и искать людей.

Несколько больших птиц, которые живут высоко в небе и потому их можно увидеть только издали, снизились к шару и с криками, хлопая перепончатыми крыльями, принялись виться вокруг, недовольные тем, что он нарушил границы их владений.

Одна из них даже умудрилась вцепиться когтями в веревки и несколько раз ударила усеянным зубами клювом по оболочке.

— Вот этого я тебе не советую, — сказал Дик, быстро поднимая арбалет.

Стрела пронзила птице грудь, и та мгновенно убрала когти, оторвалась от шара и пролетела совсем рядом с корзиной, кругами планируя вниз. Дик даже протянул руку, надеясь схватить ее, и Марьяна повисла на нем, потому что Дик вывалился бы из корзины.

— Жалко, — огорчился Дик, — у нее вкусное мясо.

Он выстрелил в другую птицу, но промахнулся.

Птицы еще некоторое время преследовали шар, но потом скрылись в завесе дождя.

Реку уже можно было разглядеть. Она была широкой, темно-серой, в цвет облаков, и текла прямо, почти не извиваясь, не то что ручьи, к которым они привыкли.

— Если не перелетим, — предупредил Дик, — то трудно будет перебраться.

— Может, опустимся на ночь? — предложила Марьяна. — А утром подождем ветра и полетим дальше.

— Хорошо бы, — неуверенно ответил Казик. — И балласта еще наберем. Только садиться негде.

Он был прав: внизу не было ни поляны, ни большого открытого места, чтобы посадить шар.

Они замолчали, слушая тишину, царившую над миром. Стук капелек по шару лишь усиливал эту тишину.

И тут впереди возникла серая стена.

Марьяна ахнула, когда первой увидела, что громадная неровная стена поднимается перед шаром. Порыв ветра подхватил шар и понес его быстрее, словно шар нарочно хотел отомстить людям за то, что они заставили его так долго лететь.

— Казик! — закричала Марьяна.

Казик тоже увидел стену, выплывающую из дождя.

Он до отказа открыл горелку.

— Все кидайте! Все кидайте вниз!

Балласта уже почти не оставалось, только маленький мешочек. Дик швырнул его за борт. Марьяна подняла мешок с едой, но колебалась.

— Скорее! — велел Казик, и Дик вырвал у Марьяны мешок и кинул его вниз, потом он подхватывал со дна корзины разные вещи, не думая, что это такое, и швырял за борт.

Шар, поколебавшись несколько секунд, пошел вверх.

В изумлении, замерев, аэронавты смотрели, как уходила вниз серая стена.

Это было дерево, немыслимое, гигантское дерево. Они увидели, как от главного ствола отходит сук толщиной метров в двадцать и тянется почти горизонтально. Шар пролетел рядом с су-

ком, чуть не дотронувшись до него. Выше ветви расходились все чаще, и только чудом шар не наталкивался на них.

Никто не знал, сколько минут продолжался этот подъем, но вдруг стало темно и ствол исчез из глаз — шар вошел в облака.

Дерево было рядом, оно еще не кончилось, оно тянуло к шару свои серые лапы.

Порыв ветра подхватил шар и кинул его в сторону дерева.

— Держись! — крикнул Дик, падая на пол корзины и увлекая за собой Марьяну. Казик упал сверху.

И вовремя.

Раздался очень громкий треск, корзину бросило вперед, потом она налетела на препятствие, заметалась, как птенец, попавший в ловушку, что-то ухнуло с треском над головами, шар сделал несколько судорожных предсмертных движений.

И наступила тишина. Ничего не видно вокруг.

Корзина, круто наклонившись, медленно покачивалась.

— Вот и все, — сказал Казик печально. — Нет больше шара.

— Главное, мы живы, — возразил Дик. — И не разбились. Это главное.

* * *

Они сидели на дне корзины, стараясь не раскачивать ее, чтобы не сорваться вниз. Языки облака ползли через корзину, порой скрывая темное пятно отверстия в шаре, порой рассеиваясь, и тогда можно было заглянуть в загадочную глубь пузыря. Но понять, что с ним случилось, никак не удавалось. Светало так медленно, что казалось, день не наступит никогда. Клочья облаков были светлее воздуха, но постепенно воздух сравнялся с ними цветом, и все стало одинаково серым.

Дрема оставила аэронавтов, тягучая дрема, на грани сна, которая связывает язык и сковывает члены, но не заменяет сна, потому что все время чувствуешь, как холодно и ненадежно.

— Я никогда не думал, что бывают такие деревья, — проговорил Казик.

— Наверное, даже на Земле их нет, — ответила Марьяна.

— На Земле деревья еще больше, — произнес уверенно Казик. — Например, секвойя. Она растет в Скалистых горах.

— Может, это не дерево, — засомневался Дик. — Может, такая скала?

— С сучьями? — спросила Марьяна.

— Разве разглядишь?

— Но мы висим.

— Может быть, висим на выступе. Если это дерево, то еще хуже.

Марьяна осторожно шарила вокруг в надежде, что выбросили не всю пищу, что-нибудь осталось. Но корзина была совсем пуста.

— Зря выбросили топливо, — пожалел Казик.

— Мы больше не полетим, — отозвался Дик. — Хватит. Лучше ходить пешком.

— Надо скорее спуститься вниз, — решила Марьяна. — И отыскать мешки. А то кто-нибудь их найдет раньше и все съест.

— Ну, топливо вряд ли кто съест.

Дик подполз к краю корзины и стал вглядываться в туман.

Марьяна вскрикнула. Она выпрямила ногу, а нога так онемела, что по всему телу прошла иголками боль. Дик вздрогнул, корзина зашаталась.

— Я думаю, — сказал Дик, — что шар зацепился за верх и разорвался. Если мы будем шатать корзину, она может совсем оторваться, а до земли далеко.

Ветерок погнал клочья облака, и в просветах между ними можно было разглядеть ветви дерева, серую с темными проплешинами и провалами стену. Вершина шара все еще скрывалась в тумане.

— Надо выбираться, — предложил Дик неуверенно.

Он вытащил из колчана стрелу с тяжелым наконечником и кинул вниз.

Было тихо. Казик считал про себя. Он досчитал до двадцати.

Ничего они не услышали.

— Может, на дерево упала, — предположил Казик. — Или в мох. Я полезу.

— Куда? — спросила Марьяна.

— По веткам вверх. Чего ждать? А потом вам крикну.

— Давай, — согласился Дик. — Ты самый легкий.

Казик проверил, хорошо ли держится нож. Потом, держась за канат, осторожно вылез на край корзины.

— Совсем не страшно, — сообщил он. — Ничего не видно и поэтому не страшно.

Он ухватился обеими руками за канат и подтянулся так, чтобы ухватить его ногами. Марьяна и Дик замерли с другой стороны корзины. Корзина раскачивалась. Казик пообещал:

— Я вам буду рассказывать, чтобы вы знали.

Он лез быстро — привык лазить по лианам. Через полминуты Казика уже не было видно, только корзина раскачивалась в такт его движениям.

— Ну и как? — спросил Дик.

— Лезу. Шар совсем без воздуха, как тряпка.

Через некоторое время корзина перестала покачиваться.

— Что? Добрался? — спросил Дик.

— Нет, это я отдыхаю. Уже скоро доберусь.

«Ждать всегда плохо, особенно когда не знаешь, чем кончится ожидание, — думала Марьяна, — но почему-то мы всегда чего-то ждем. Даже жить некогда. Вообще-то все ждут, когда мы улетим на Землю, а я жду, когда вернусь к Олегу. Дик ждет, чтобы скорее оказаться в лесу. Теперь мы ждем — оборвется шар или нет. Очень глупо ждать, самое обыкновенное и самое неправильное занятие. Жить надо так, чтобы совсем не ждать...»

Корзина снова начала покачиваться. Послышался треск. Марьяна поняла, что это трещит оболочка шара. Корзина дернулась и опустилась рывком на полметра.

— Осторожнее, — предупредил Дик.

— Сейчас, — ответил Казик. Голос был глухим, как будто его обгрыз туман.

Корзина качнулась сильнее.

— Выбрался! — сообщил Казик. — Вы не бойтесь, шар хорошо зацепился канатами. Здесь большой сук, с меня толщиной. И еще ветки. Так что не бойтесь. Лезьте. Я вас жду.

— Ну, иди, — велел Дик Марьяне. Он поднялся и приторочил к спине арбалет, чтобы не мешал при подъеме. Он верил Казику и больше не боялся, что шар оборвется. — Если устанешь, отдыхай. И вниз не смотри.

— Все равно ничего не увидишь. Не бойся за меня.

— Ты отдыхай, не спеши, — повторил Дик. — Я бы полез сразу за тобой, но канат может двоих не выдержать.

Марьяна встала на борт корзины, крепко держась за канат. Канат был влажным и скользким. Но страшно в самом деле не было. Она тоже умела лазить по деревьям.

Через несколько минут она уже стояла рядом с Казиком на широкой, нависающей над землей дороге — так выглядел сук дерева. Шар зацепился за острые ветви, торчащие из главного сука, запутался в них и в листьях, похожих на ножи, порвался, но канаты держались крепко.

* * *

Уже совсем рассвело, и теперь, когда самое страшное было позади, всем жутко захотелось есть. Но чтобы поесть, надо как можно скорее спуститься на землю и отыскать мешок с едой.

— Пошли, — сказал Дик, беря арбалет на руку, чтобы быть готовым к неожиданностям. — Ты, Марьяш, иди в серединке.

— Нет, — возразил Казик.

— Что еще?

— Ты забыл. Нам же вниз спускаться.

— Ну и что?

— Я веревку возьму.

Дик остановился. Он понял, что Казик прав.

Но тут же возникла проблема: как достать веревку. Они попытались потянуть за одну из веревок, но все они были так крепко переплетены, что ни одна отдельно не поддавалась. Вытащить наверх весь шар тоже не удалось — корзина была слишком тяжелой и ноги скользили по покатой спине громадного сука.

— Ждите, — бросил тогда Казик, и, прежде чем Дик успел возразить, он скользнул вниз по сетке шара, скрылся в тумане и возвратился вновь минут через пять, запыхавшийся, но довольный. Он потянул за канат, по которому спускался, и канат медленно полез наверх.

Канат был крепким и длинным. Казик смотал его в кольцо и повесил через плечо. Ему было тяжело, но он не подал и вида.

За то время, пока Казик спускался, чтобы отрезать канат от корзины, Дик прошел вперед, до того места, где большой сук вливался в главный ствол дерева. Ничего опасного он не встретил. Марьяна тоже не теряла времени даром, она присела на корточки и отрезала кусочек от сука. Это было дерево, настоящее дерево, с твердой толстой корой, скользкой и плотной сверху, но куда более рыхлой, поддающейся ножу в глубине. От этого, если идешь по суку, он чуть пружинит под ногами.

Они пошли к главному стволу. Марьяна посмотрела, как Казик сгибается под тяжестью каната, и поняла, что он никогда не согласится его уступить. Поэтому она сказала:

— Казик, зачем нести канат без пользы? Я думаю, нам лучше связаться этой веревкой, и если кто-то нечаянно упадет, остальные его удержат.

— Здорово! — обрадовался Казик. — Как альпинисты, которые штурмуют Эверест.

Ни Дик, ни Марьяна не помнили, что такое Эверест, и не знали, чем занимаются альпинисты, но спрашивать не стали.

Они обвязались канатом, он был таким длинным, что не мешал идти.

Так они прошли до начала сука, до того места, где он присоединялся к стволу. Тогда стало понятно, что этот сук на самом деле — одна из гигантских лиан, из которых было сплетено дерево. Только она отклонилась почти под прямым углом. Сук не вливался в ствол, как у обыкновенного дерева, а продолжался дальше, внутрь его, раздвинув соседние лианы. Это было как в девичьей косичке, у которой одна прядь выбилась наружу. В том месте над суком образовалась сужающаяся кверху щель, уходившая в туман, как туннель, темный и мрачный, стены которого поросли длинным шевелящимся мхом и лишайниками.

Они остановились перед входом в туннель, не зная, что делать

дальше. То ли забраться в темноту, то ли поискать другой путь вниз.

Марьяна осторожно потрогала мох. Он был ей знаком. Зеленая масса вздрагивала при прикосновении, прижималась к коре. Такой пугливый мох, только поменьше ростом, часто встречался на деревьях в глубине леса, есть его нельзя, он горький. Но порой в нем живут орешки — это вроде болезни мха — крепкие, хрустящие, почти безвкусные. Их обычно едят только ребятишки, потому что сытости от них мало. Но теперь бы и орешки не помешали.

Пока Марьяна безуспешно искала во мху орешки, Дик осторожно, на длину каната, вошел внутрь щели. С каждым шагом гигантская лиана шла все более наклонно, водопадом скатываясь внутрь ствола. Дик поскользнулся и упал на живот, чтобы не съехать вниз, в черную бездну, и не потянуть за собой остальных. Потом он выполз обратно.

— Будем снаружи спускаться, — решил Дик. — Ничего не нашла?

— Нет.

— Пить хочется, — сказал Дик.

Они развязали веревку и замотали ее конец за ветки, которые, как кусты, вылезали у самого основания сука. Казик, укрепив другой конец у пояса, начал спускаться вниз по стволу, цепляясь пальцами за неровности коры и растения, которые гнездились в коре.

Дик все время был настороже. Он не надеялся на то, что ветви надежны, и все время ждал рывка — если ветви оборвутся, ему придется принять на себя вес Казика. И он боялся этого, потому что удержаться на скользкой покатой поверхности нелегко.

А Казик спускался очень медленно, он тоже был осторожен. Он поглядывал вниз, стараясь увидеть в тумане, нет ли там площадки или другого сучка. Чтобы развлечься, он представлял себя земным альпинистом.

Неожиданно он увидел острый сучок, торчавший из ствола чуть в стороне от его пути, и протянул руку, чтобы за него схватиться. Но в то мгновение, когда он дотронулся до сука, тот разделился на два зазубренных ножа, и лишь мгновенная реакция Казика спасла его руку. Он успел отдернуть пальцы, но все же ножи полоснули по ним. Веревка дернулась. Дик подхватил ее сильнее и крикнул сверху:

— Ты чего?

Казик ответил не сразу. Кровь полилась из подушечки ладони, разрезанной ножами, которые оказались челюстями крупного насекомого — оно скрывалось в норе, вырезанной в коре дерева, и подстерегало добычу, сделав вид, что его жвалы — лишь обломанный сучок.

Перевязать руку было нечем. Казик крикнул наверх:

— Ничего, оцарапался. Здесь паршивец сидит, кусается.

— Осторожнее, — ответил Дик. — Не сильно поцарапался?

— Не сильно. Дальше спускаюсь.

Но, видно, запах крови возбудил в паршивце желание позавтракать, и он начал выползать из норки. За челюстями, которые нервно раскрывались и закрывались, будто насекомое норовило примериться к добыче, показалось членистое тело, оно лезло и лезло из норы, и, казалось, конца ему не будет.

— Ого, — произнес Казик.

— Что? — спросил Дик.

— Длинный.

Казик держался здоровой рукой за канат, другой вытащил нож, и, когда паршивец — теперь уже похожий на головастую радужную змею на множестве маленьких цепких ножках — подбежал к нему, Казик полоснул ножом, отрезав голову. Тело змеи продолжало шустро, но бесцельно бегать по стволу, а голова упала вниз, и метрах в трех внизу из ствола мгновенно высунулись другие щипцы, подхватили голову собрата и утянули внутрь.

Руке было больно — наверное, от яда.

Казик предупредил:

— Тут осторожно надо спускаться. Эти паршивцы нор накопали и ждут.

— Может, поднять тебя? — спросил Дик.

— Нет, наоборот, — ответил Казик. — Я буду побыстрее спускаться и ствол трогать не буду. Там внизу что-то есть.

Не обращая внимания на боль, он взялся за веревку обеими руками и соскользнул вниз.

Крышки нор, в которых жили паршивцы, с треском распахивались, и оттуда, как вытолкнутые, выскакивали ножики челюстей, тянулись к Казику, но, к счастью, не успевали.

Внезапно белая вата облака ушла в сторону, и Казик увидел, что конец веревки лежит в воде. Его даже посетила надежда, что дерево оказалось куда ниже, чем они ожидали, и потому он уже видит землю. Но это было лишь озерко, которое уместилось между двух сросшихся лиан. Озерко было длинным и узким, вокруг него росли кусты и даже две небольшие сосенки.

Казик стал спускаться еще быстрее, но когда до поверхности воды осталось метра три, он не выдержал боли и отпустил руки. И ухнул с плеском в озеро, сразу уйдя в него с головой.

Казик выбрался из воды, сел на берегу, поросшем травой, и сразу вернулась боль в руке. Но он не хотел говорить о ней Дику и потому стал спокойно объяснять, что нашел озеро и что, когда

Марьяна и Дик будут спускаться, лучше не дотрагиваться до ствола.

— Я их выжгу, — решил Дик, — у меня бластер.

— Не надо, — ответил Казик. — Бластер нам еще нужен, а этих паршивцев здесь много. Только они не успевают тяпнуть, если быстро спускаться.

* * *

Вода в озерце была темной, гниловатой, в ней жило множество мелких тварей. Когда Марьяна, спустившись, намазала мазью и перевязала распухшую руку Казика, она дала своим спутникам по таблетке из тех, что Олег принес с корабля, потому что от незнакомой плохой воды можно заболеть дизентерией или даже отравиться.

Они напились, но от этого голод стал еще сильнее.

Марьяна поспешила к соснам. Сосны, что росли здесь, были махонькими. Наверно, когда-то их споры занесло сюда ветром, и они укоренились в мягкой коре. Под соснами всегда бывают грибы, только Марьяна не была уверена, что грибы здесь есть, потому что нет земли, чтобы закапываться. Но ей повезло — в трухе у сосенок она поймала несколько грибков, тоже небольших, но самых настоящих. Грибы были незнакомого цвета и могли быть ядовитыми, иногда ядовитые грибы притворяются настоящими. Она надкусила один — он был настоящим, сладковатым; конечно, их лучше бы сварить, а то потом будет щипать рот, но сейчас не до костра, все такие голодные. И Марьяна поймала все грибы, что росли там (их набралось два десятка), принесла мужчинам, их разделили и съели.

А руку Казика разнесло так, что она стала толще ноги. И онемела. Это было неплохо, потому что она меньше болела. И его не знобило, не тошнило, и это тоже было хорошо — значит, яд у челюстей был несильный. Плохо только, что рукой Казик не мог пользоваться и ему было трудно спускаться по веревке, а ведь все равно придется спускаться — до земли еще далеко.

Стало теплее, здесь был нижний край облаков, а облака днем поднимаются выше, поэтому, когда они поели, оказалось, что внизу чисто и можно даже разглядеть землю.

Земля была очень далеко внизу. Как с воздушного шара. Увидеть ее можно было с трудом, потому что ствол в некоторых местах раздувался, когда лианы расходились, образуя лабиринт тунелей. В одном месте, метрах в ста ниже, получалась широкая площадка, с леском и проплешинами болотца.

Путешественников охватило уныние.

— Лучше бы и не видеть, — вздохнула Марьяна. — Когда не видишь, кажется, что уже немного осталось.

— Теперь наш мешок наверняка кто-то съест, — сказал Казик. Он был страшно голоден.

— Здесь какая-нибудь добыча будет, — успокоил Дик. Он держался за ствол сосны, упругий и мягкий, и глядел вниз, рассматривая лесок на развилке. — Только бы туда спуститься.

— Жалко, что Олег не сделал парашют, — произнес Казик. — Я ему советовал сделать парашют и прыгать с воздушного шара, но он сказал, что сделает его потом.

— Олег бы что-нибудь придумал. — В этих словах Марьяны Дику послышался укор.

— Ему хорошо думать там, в поселке, — сказал он. — А здесь надо действовать.

— Олег хотел полететь с нами, — напомнила Марьяна. — Его не пустили.

— Тогда и нечего жалеть.

На самом деле он не сердился на Олега. Это сейчас не играло роли. Главное было — спуститься вниз.

Казик прошел по суку дальше, за озеро, чтобы посмотреть вдаль.

И, увидев эту даль, не выдержал и закричал:

— Скорее сюда! Вы только посмотрите!

Они подбежали к нему.

Казик отодвинул свисавший сверху лист размером больше его самого, и в этом окне стала видна широкая река, отсюда совсем близкая. Можно было даже увидеть, как по ней бежит рябь от ветра. Река делилась дальше на несколько рукавов и вливалась в озеро, было понятно, что это озеро, а не море, потому что за его громадным зеркалом была полоска голубых холмов, отороченных темной каймой леса. В дельте реки, по песчаной косе, брело стадо мустангов. Что-то спугнуло их, и они, надув пузыри, поспешили к воде.

За рекой лес был другой, темнее по цвету, в синь; он поднимался на невысокие сопки и уходил в мягкие долины, казалось, что там застыло пологими волнами голубое море. И это было красиво.

Лагерь экспедиции им не был виден — до него оставалось километров двадцать и он скрывался за волнами сопок. Им очень хотелось его увидеть, и они долго обшаривали взглядами лес за рекой.

— Блестит! — закричал вдруг Казик и показал туда, в лес.

Над лесом поднялась блестящая точка, как огонек на фоне серых облаков, и исчезла.

Остальные не увидели этого огонька, потому что он исчез в

облаках слишком быстро. Но поверили Казику, потому что очень хотелось поверить. Место, откуда поднялся огонек, было недалеко от берега озера, и потому Дик сказал:

— Мы переберемся через реку поближе к озеру, там неширокие рукава, легче переплыть. И пойдем по берегу.

— Правильно, — подтвердил Казик. — У озера и лес не такой густой.

Они еще долго стояли и глядели в то место, надеясь что-нибудь увидеть. Но в то утро Клавдия запустила только один геоскаут. Она хотела запустить и второй, но потом решила, что ей достаточно работы и без этого. У нее было плохое настроение, и она не хотела признаться себе, что причиной было увиденное ею вчера вечером в лаборатории. Вернее, она ничего не увидела, но почувствовала по неловкости Павлыша и Салли, по тому, как близко они стояли друг от друга, что их связывает тайна, которой они не намерены с ней делиться. Это было обидным предательством со стороны Салли.

Павлыш об этом не подозревал. Он задумал полет к горам. Ему надоело препарировать здешних злобных тварей и каталогизировать бесконечные виды бактерий. Ему хотелось оказаться там, где синее небо и чистый снег, где ничто не ползает, не крадется, не подстерегает, где не поднимается вонючая сырость из предательских топей, где можно снять шлем и погулять, не думая о болезнях, — там только чистый снег, мороз и синее небо.

В тот момент, когда ребята с великого дерева вглядывались в лес, окружавший станцию, Павлыш разговаривал с Салли, взявшейся расконсервировать планетарный катер. Он сказал, что хотел бы улететь на целый день в горы. И Салли попросила, чтобы он ее взял, потому что ее также угнетал сырой лес, и она очень обрадовалась, что Павлыш чувствует то же, что и она.

* * *

Следующую ночь путешественники провели в воздушном лесу на большой развилке дерева. Это был настоящий лес, в котором росли не только сосны, но и злобные кустометы. Правда, если ты их увидел вовремя, то они не опасны. Кустометы чувствуют тепло, и если к ним приблизится неосторожный зверь, они мечут в него свои острые длинные иглы. Иглы летят так сильно, что могут пронзить козу или медведя. Бороться с ними научились быстро. Надо было только, не доходя до куста шагов десять, кинуть в него чем-нибудь теплым. Можно даже снять куртку и кинуть, кусты сразу метнут все иглы, а потом уж можно смело подходить. Их иглы идут в хозяйство, а молодые побеги очень сочные.

Увидев кусты, Марьяна обрадовалась. Она наломала ветвей, и

они ели их целый час, пока не надоело. От них во рту оставался приторный привкус. Голод не утолился, он только заглох, и очень захотелось чего-нибудь еще более солидного.

Дик пошел по леску, чтобы поискать добычу, он был убежден: здесь что-нибудь гнездится. Он бродил по леску целый час, однако, кроме несъедобной змеи и птицы, которая улетела, как только его заметила, ничего не нашел.

Но вниз они спускаться не стали. Погода опять испортилась, и, хоть было тепло, даже теплее, чем обычно, снизу поднялся туман. К тому же у Казика болела рука, и его даже в лес спускали, привязав к веревке.

* * *

В тот вечер, пока не стемнело, Павлыш решил поехать на вездеходе по берегу озера, но не в сторону реки, а туда, где раньше еще не был.

Проехав километров десять вдоль озера, он добрался до небольшой быстрой речки, впадавшей в него. По ней поднялся еще на несколько километров. Потом он увидал странное и чем-то привлекательное ленивое существо размером чуть больше собаки. Существо поросло густыми, длинными, до земли, водорослями. Оно брело среди низких кустов, не обращая на вездеход никакого внимания, иногда разгребало землю длинными когтями, выискивая пищу. А дальнейшее случилось так неожиданно, что, только вернувшись в лабораторию и прокрутив пленки, Павлыш понял, что этот зеленый медведь приблизился к невинным на вид кустам, поросшим колючками, к тем самым, что плевались иголками в Павлыша. Куст тут же метнул иглами в медведя, и тот, превратившись в дикобраза, свалился замертво.

Павлышу было непонятно, зачем кусту такая агрессивность. Ведь медведь ничем ему не угрожал. Поэтому он вытащил несколько иголок из шкуры медведя и в лаборатории рассмотрел их под микроскопом. И обнаружил любопытную вещь, которая еще раз подтверждала расхожий неумолимый и вечный закон — в природе нет ничего бессмысленного. Оказалось, что на концах игл находились микроскопические споры. Споры, попавшие в кровь, сразу же проросли.

* * *

Утром Казик проснулся раньше всех. Пожевал молодые побеги и тихонько, чтобы не разбудить старших, пошел к своему наблюдательному пункту. Озеро еще было покрыто туманом, и потому дальний берег скрывался в белесой бесконечности. И легко

было представить, что это Тихий океан, а он — английский капитан Дрейк, который с помощью индейца поднялся на высокое дерево, что растет на Панамском перешейке, и смотрит сверху на простор океана, который намерен покорить на своей «Золотой лани». Там, в просторах Тихого океана, его ждут атоллы, на которых качают пышными головами кокосовые пальмы, встреча с испанским серебряным галеоном, запах муската на островах пряностей и таинственные берега Африки... Мир был светел, романтичен и открыт для него — великого путешественника.

С темно-зеленого листа, которым можно было бы перекрыть целую хижину, вереницей спускались змейки — сверкающие гребни, раздвоенные хвосты, — спешили на утреннюю охоту. Сизые толстые тли, облепившие лист, зашевелились, почуяв опасность; полосатый жук родился из стебля, на глазах превратился в летающий волос и полетел по своим делам, за ним, хлопая крыльями, погналась белая птица; рой мошек вился над головой. Казик почувствовал, что сейчас из ствола ближайшей сосенки выползет ядовитый увалень. Поэтому он, только скосив глаз и не прерывая потока сладких мечтаний, метнул нож в открывающееся в коре отверстие и загнал увальня назад. Теперь до вечера не посмеет высунуть жала.

— Казик, ты здесь? — услышал он голос Марьяны.

— Здесь.

— Рука болит?

— Лучше.

Потянуло дымком. Это Марьяна развела огонь, чтобы поджарить побеги куста и грибы, которые вылезли из мха за ночь.

Казик оторвался от лицезрения «Тихого океана» и велел ожидавшему внизу «индейцу» отвести его обратно к «Золотой лани». По краю сука, по откосу, цепляясь за тонкие лианы, он пробрался к серой стене главного ствола и переполз через мостик из высохшего сука к следующей развилке. Тут ему повезло, удалось высмотреть старую лиану, толщиной в полметра, которая обвивала ствол спиралью, и по ней спуститься метров на тридцать ниже, до входа в дупло размером с мастерскую Сергеева. Казик вытащил нож и осторожно проник в черную пещеру. Постоял, пока глаза привыкали к темноте. Потом кинул вперед шишку. Шишка прокатилась по полу дупла, запрыгала, легко цокая, потом был плеск. Значит, там вода. И если вода, то выхода нет — вода бы его нашла. Потом, как бы в ответ на плеск, послышалось уханье — видно, Казик разбудил жильца этого дуба. Можно было подождать, пока жилец выползет наружу, но еще неизвестно, чего ждать. Как человек леса, Казик предпочел без нужды не рисковать.

Казик вернулся к старшим. Поев, они все вместе спустились к дуплу и, стараясь не шуметь, чтобы не разозлить неизвестного

жильца, стали внимательно рассматривать ствол, надеясь все же отыскать путь вниз. Что же им, помирать на этом дереве?

— В крайнем случае, — сказал наконец Дик, — будем вырезать ступеньки в коре. И по ним спускаться.

— Сколько же ступенек надо вырезать? — ахнула Марьяна. — Это на целый год!

— Попробуем. Раз ничего лучше нет.

* * *

После обеда Павлыш сказал Клавдии, что полетит в поиск и берет с собой Салли, потому что мотор вездехода барахлит и он хочет, чтобы Салли поглядела на него в работе.

— Хорошо, — позволила Клавдия, — только далеко не отлетайте.

— Спасибо, — сказала Салли, когда они поднялись в воздух. — Ты мне покажешь эти деревья?

— Конечно, самому не терпится на них взглянуть снова. Мне даже не верится, что они существуют.

Вездеход перелетел через реку, и, когда Салли увидела сплетенные из гигантских канатов стволы, уходящие в облака, она не смогла сдержать возгласа восхищения.

— Такого не бывает. Такое может только присниться.

— Мне хочется разогнать облака, — произнес Павлыш. — Чтобы снять их во всей красоте.

— Клаву надо сюда свозить, — решила Салли. — Ей понравится.

— Она не выйдет со станции. Удивительное дело — ей больше всех отвратительна планета, которую она изучает. В этом есть что-то неправильное.

— А тебе, Слава, она нравится?

— Очевидно, нельзя подходить к планете с такими мерками.

— Разумеется, нельзя, даже к живому существу нельзя подходить с такими мерками. Субъективизм исследователя опасен... прости, я заговорила словами Клавдии. Но главное не это, главное то, что эта планета нам всем не нравится. В общем, мы избалованы цивилизацией. Мы таскаем с собой наш мир, включая шампиньоновый соус, и глядим на новый мир сквозь надежные иллюминаторы вездеходов. Они для нас как окуляр микроскопа.

— Значит, ты не согласна с Клавдией?

— При чем тут мое согласие или несогласие? Клавдия такая же, как и я, жертва высокой цивилизации. К тому же она человек, у которого очень сильно развито чувство долга. Она превращает в долг и те пункты инструкции, которые придуманы в чистых кабинетах Земли-14, придуманы умными людьми...

— Которые в свое время прошли не одну планету...

— И хотят, чтобы исследование обходилось без случайных жертв. Тем более что контакт с неизвестным первобытным миром часто опаснее для этого мира, чем для нас. Мы-то пока живы-здоровы. А нескольких представителей этого мира мы уже убили.

— С перепугу, — улыбнулся Павлыш.

— В общем-то, мы оба отлично понимаем, что люди, которые пишут инструкции, совершенно правы. Сначала надо узнать, с чем мы имеем дело, а потом уж делать выводы. Ведь ставка — не только мы, ставка — и другие люди, которые придут после нас, и те, с кем мы войдем в контакт, когда вернемся домой. Я не хотела бы занести на Землю какой-нибудь дикий вирус.

— И нам помогает то, что планета нам не нравится, — закончил Павлыш.

— Может быть, — согласилась Салли. — Давай как-нибудь совершим с тобой восхождение на это дерево, как на горы.

— Я об этом второй день мечтаю.

Они поднялись выше, метров на двести, к нижней кромке облаков. Там переплетались ветви, в широкой развилке уместилось озерко воды и даже несколько небольших деревьев.

— Идиллический уголок, место для пикника, — оценил Павлыш.

— Не дразнись. — Салли положила руку на локоть Павлыша. — Ты же знаешь, что я хотела бы устроить пикник. Только не здесь. Здесь водятся скорпионы.

— Мы в скафандрах.

— Что за пикник в скафандрах?

Они поднялись еще выше. С громадного горизонтального сука, протянувшегося по нижней кромке облаков, как виадук забытой цивилизации, свисала огромная рваная тряпка, обмотанная жилами, с тельцем вроде плетеной корзины, достаточно большой, чтобы уместить несколько человек. Павлыш сфотографировал тряпку и сказал:

— Представляешь, природа здесь додумалась до воздушного шара.

— Совсем не похоже.

— А мне кажется, что в живом виде это существо представляло собой громадный пузырь, наполненный воздухом. Я видел здесь подобные существа, только небольшие, они в минуту опасности раздувают пузырь на спине — помнишь, я показывал вам пленку? И вот оно летает где-то в облаках... А когда мы освоим эту планету, то молодые смельчаки будут кататься на них.

Глава 6

Минул третий день, как улетел воздушный шар.

Поселок жил в нервном ожидании.

Стояла теплая погода, как в конце лета.

Они сидели в мастерской — Олег, Старый и Сергеев.

Видно было, как на огороде возятся Вайткус с женой, пропалывают овощи; ребята носят ботву и складывают ее у забора. Там дежурит коза, которая привела к этому месту своих детей, и они копаются в ботве, выискивая вкусные побеги.

— Плохо, — произнес Сергеев, который уже похудел и осунулся за последние три дня. — При нормальных условиях они бы долетели туда за день-два. И сегодня бы мы встретили гостей.

Олег непроизвольно поглядел в сторону ворот. Он уже много раз за последние два дня смотрел в ту сторону, представляя себе, как из леса выйдет, чуть покачиваясь, блестящий обтекаемый экспедиционный вездеход, и как они все побегут к нему, и как из вездехода выйдут настоящие исследователи и будут удивляться: неужели можно выжить на этой планете? И даже развести огород?

Но лес был молчалив, как прежде.

— Не исключено, то есть даже вероятно, — вмешался Старый, — что они спустились на шаре где-то в лесу и не могут найти лагеря экспедиции — в лесу это нелегко сделать.

— Я все эти варианты просчитывал, — ответил Сергеев.

В мастерскую заглянула толстая Луиза, спросила, починил ли Сергеев лопату. Тот отдал ей лопату. Олегу вдруг стало неприятно, что Луиза может думать о лопате, когда неизвестно, что случилось с Марьяной.

Старый перехватил взгляд Олега.

— Как-то Лев Толстой, да, если не ошибаюсь, Лев Толстой, был на холере и вошел в избу, где только что умер мужик, единственный кормилец. И там сидела жена умершего мужчины и ела щи. И кто-то из людей, что пришли с Толстым, стал возмущаться — как это можно, в такой горестный момент есть щи? А старуха ответила: «Не пропадать же пище». Может, я неточно пересказываю, но ты, Олежка, не прав. Луиза переживает не меньше тебя. Только она понимает, что поселку надо жить, нельзя опускать руки. У нас бывали времена и потяжелее, и то мы продолжали работать — иначе бы не выжили.

— Я ничего не думал, — возразил Олег.

— Ну и хорошо, — отозвался Сергеев. — Что же будем делать?

— Наверное, надо идти в лес, — решил Старый. — Если они спустились — мы знаем направление полета. Мы их найдем.

— Правильно, — согласился Олег, — я пойду, можно?

— Нелепо, — ответил Сергеев. — Подумайте. Ветер мог измениться, и их могло унести далеко в сторону. Очень далеко.

— А вдруг они совершили вынужденную посадку?.. — Олегу трудно было выговорить это, но он заставил себя сказать: — И пострадали, разбились, и им нужна помощь.

— Где им нужна помощь? Покажи! — жестко сказал Сергеев.

— Мы пойдем до реки, мы пойдем по тому пути, по которому летел шар. Это четыре-пять дней.

— И кто же пойдет? — спросил Сергеев.

Почему-то голос его был злой. И Олег не понимал, что злость эта происходит от сознания собственного бессилия. Все мысли и предположения Олега Сергеев за последние дни взвесил, просчитал и отверг, хотя он тоже хотел бы уйти сейчас за аэронавтами и искать их в нескончаемом лесу. Только не сидеть и не ждать.

— Я пойду, — предложил Олег. — С вами. И можно взять Фумико. Она хорошо ходит по лесу.

— Это очень большой поход. На столько дней в незнакомый лес не уходил даже Дик. Запасов пищи сейчас почти нет, весь поселок впроголодь сидит.

Олег не любил начала лета, потому что оно всегда было голодным. Звери в это время еще не приходили, грибов было мало, зелень только начиналась. Кристина говорила, что поселок перенял у христианства древний обычай — Великий пост. В древности люди тоже голодали перед летом, когда кончались все запасы, и религия придумала, что этот голод угоден богу — это называлось «пост» и в него нельзя было много есть.

— Значит, взять с собой практически нечего — что было, мы отдали на воздушный шар. Так? — произнес Сергеев.

— Мы убьем что-нибудь в лесу, не пропадем... да и как можно сейчас об этом думать?

— Думать полезно всегда.

Олег поглядел на Старого, ища поддержки. Старый молчал.

— Но речь идет о наших... вдруг им плохо?

— Мы всегда живем рядом со смертью, — сказал Сергеев. — Отправить сейчас тебя и других людей с тобой в лес без надежды на успех, потому что мы тревожимся о судьбе близких, равнозначно трагедии для поселка. А поселок — это в первую очередь не мы с Борисом, и даже не ты, а те ребятишки, которые от нас зависят. Ну хорошо, мы ушли в лес. Кто остался в поселке?

— Много людей, — ответил Олег. — И Старый, и Вайткус, и женщины, и Лиз. Много.

— Вайткус болен и слаб. Старый тоже. В поселке не останется ни одного защитника, ты понимаешь — ни одного защитника!

— Ты не прав, — возразил Старый. — Если нужно, мы еще тряхнем стариной.

— Если в лесу не справятся Дик с Казиком, — продолжал, будто не слыша его, Сергеев, — то у нас с Олегом совсем мало шансов их отыскать. Зато очень много шансов, что мы больше не доберемся до корабля. Об этом вы забыли?

— Корабль подождет, — упрямо проговорил Олег.

— Ты забыл, почему мы не пустили тебя на воздушном шаре? Потому что ты обязан дойти до корабля.

— А если я пойду к кораблю, кто защитит поселок? — Олег отыскал слабое место в аргументах Сергеева и вцепился в него. — Кто? Вы же сами говорили! Теперь что, сидеть и ждать?

— Мы живем в тисках необходимости, — произнес Сергеев. — Мы живем всегда между двух зол, между трех зол, между множества зол. И остаемся людьми, потому что всегда думаем.

— И теперь мы не идем помочь Марьяне!

— Да помолчи ты! — вдруг рассердился Старый. — Ты думаешь, Сергееву легко так рассуждать? Ты уже взрослый, ты наш наследник. Наследник нашего маленького царства, на тебя мы надеемся. А ты споришь с нами как мальчишка. Ты влюблен в Марьяну...

— Что? — Олег искренне возмутился. — Ничего такого нет!

— Это видно, — улыбнулся Старый, — только ты сам об этом долго не догадывался. А теперь, по-моему, догадался, потому и возмущен.

— Ладно, чего спорить, — поднялся Сергеев. — Раскричались на весь поселок.

Олег отвернулся от них. Влюблен или не влюблен — некрасивое слово, глупое — их это не касается. Он знал уже, что убежит ночью из поселка, убежит и сам их найдет. Пускай он будет идти пять дней, десять, пускай все чудовища леса встанут против него, но он найдет Марьяну и Казика. Ну, и Дика тоже. Только надо взять себя в руки и не спорить. На шаре он улететь не мог — не драться же ему с ними. Но уйти в лес — этому никто не помешает.

— Я обращаюсь к твоему разуму, которого у тебя, как оказывается, немного, — говорил Сергеев. Олег не хотел его слушать, но не мог не слушать. — Путь к кораблю известен и относительно, я повторяю, относительно безопасен. И этот путь — твой, Олег. Это и есть твоя судьба и поселка. Если даже случилась трагедия с моей дочерью («Он нарочно сказал «с моей дочерью», чтобы я понял», — подумал Олег)... и если никакой экспедиции нет и никто нас не найдет — будем готовы к худшему, — то остается корабль. И остаешься ты. Понял?

— Понял, — тупо ответил Олег, как на уроке.

— Ни черта он не понял, — сказал Старый. — Он не понима-

ет, что принадлежит не себе. Что бывают моменты в жизни, когда человек не имеет права принадлежать только себе. Это бывает тогда, когда от его действий зависит судьба других людей.

* * *

Вечером, когда стемнело, а мать была у Линды — они с ней шили, — Олег собрал свой небольшой мешок. Он выбрал из коробки на полке всю муку и сладкие корешки — больше дома ничего не оставалось, — поточил нож. Конечно, можно было взять и арбалет, но арбалет будет мешать — ему ведь придется идти очень быстро, а почти от любого хищника в лесу можно убежать. Олег находился во власти упрямства. Он понимал, что прав не он — правы старшие, но в их правоте была холодная жестокость, с которой Олег не мог смириться. Ведь он не отказывается идти к кораблю, он пойдет к нему потом, но сейчас они в лесу ждут помощи, — «а мы здесь разговариваем». Он представил себе, как пойдет: по прямой к болотам, к реке. Ему не было страшно, хотя, если бы ему сказали, чтобы он пошел в лес ночью, неизвестно куда, один, сказали бы в обыкновенной жизни, он бы испугался. Но сейчас важно было только одно: незаметно уйти из поселка и зайти так далеко, чтобы его не догнали и не вернули. Ведь с них станется — догнать и вернуть.

Вечер тянулся очень медленно. Олег зажег светильник, заправил его жиром, раскрыл учебник — он его уже прочел трижды, и Сергеев лепил ему из глины объемные модели пульта, чтобы легче представить, но Олегу сейчас важно было доказать самому себе, что он своим побегом не отказывается от похода к кораблю — просто откладывает его немного.

* * *

— Ты не спишь? — спросила Лиз, входя в хижину.

Олег оторвался от книжки. Оказывается, незаметно для себя он вчитался в текст и мысленно был на корабле, в рубке связи.

— Не сплю.

— Занимаешься? Я тебе помешала?

— Нет, ничего. Матери нет, она у Линды.

— А я к тебе пришла.

— Зачем? (Лиз ему еще не хватало!)

— Я такую травку нашла, — сказала Лиз. — У забора растет. Она чудесно пахнет. Я ею руки намазала. На, понюхай.

Глупо руки нюхать.

Но сказать Олег ничего не успел, потому что Лиз положила ладони ему на лицо, чуть не задушила, хотя положила очень неж-

но. Ладони приятно пахли, но ничего необычного — эту травку Марьяна часто срывала и сушила. Из нее получаются хорошие примочки, когда воспаление.

— Хорошо, правда? Это я сама нашла.

— У Марьяны такой травы целый мешок.

Лиз ничего не ответила. То ли обиделась, то ли думала, что еще сказать. Она села рядом с Олегом на скамью, так что Олег ощущал тепло от нее. Волосы у Лиз были распущены и лежали по плечам. Красивые волосы, таких больше ни у кого в поселке нет, золотистые, тяжелые. Когда Лиз была маленькая, Кристина заплетала ей косы, и Олег дергал ее за них, но это было давно, как в другом мире.

— Ты за них переживаешь? — спросила Лиз.

— А ты нет?

— Я тоже переживаю. Мне всегда за всех страшно, — искренне проговорила Лиз. — Как кто уйдет в лес, я уже боюсь. Меня никогда в лес не затянешь, никакими сладостями.

— Знаю.

— А у тебя волосы длинные отросли, можно заплетать. Хочешь, я тебя постригу?

— Не надо, мать пострижет.

— Я так волнуюсь.

— А чего?

— Не знаю.

— Ну, тогда иди спать, — предложил Олег.

— Еще рано. И потом, так скучно, ты не представляешь, как скучно. У тебя все-таки дела есть, а я все должна с этой сумасшедшей Кристиной сидеть. Мне скучно, я к тебе пришла. И еще я переживаю за Дика. И за Марьяну с Казиком. Они сейчас в лесу, наверное. Или, может, они уже нашли ту экспедицию? А?

— Если бы нашли, сюда бы прилетели.

— А я думаю, что они только сегодня нашли. И их там ужином кормят. Как ты думаешь, они с Земли привезли всякие кушанья, да? Которых мы никогда не ели?

— Может быть. Вряд ли они на охоту ходят.

— А ты, когда на корабле был, что ел?

— Ты разве забыла, мы с собой привезли?

— Вы сгущенное молоко принесли, а его Линда спрятала, только детям, когда болеют, давала, а я почти не болела, одну ложку, может, съела.

— Ты неинтересно живешь. — Он гнал от себя соблазнительную мысль о том, что Марьяна уже в безопасности, что они просто не спешат возвращаться, ведь люди с Земли их допрашивают, все хотят знать.

— А что здесь может быть интересного? — удивилась Лиз. — Ты ведь знаешь, как я скучаю, а совсем со мной не занимаешься.

— Мне с тобой не очень интересно.

— А с ней?

— С ней интересно.

— Мы какой-то детский разговор ведем, — произнесла Лиз.

Она перешла со скамьи на кровать, присела.

— Здесь мягче, — сказала она.

— Почему детский?

— Потому что мы должны думать о будущем. А ты не умеешь. Наверное, оттого, что я старше.

— Ты почти не старше.

— Ты не понимаешь, Олежка, ты еще совсем мальчишка. Бегаешь по лесу, строишь воздушные шарики. Ты ведь уже вырос, а допускаешь, чтобы с тобой обращались как с мальчиком.

— Ты что-нибудь знаешь?

— Я ничего не знаю, но я все чувствую.

— Это твое дело. — Олегу вдруг стало неловко, что она с ним говорит о таких вещах. — Меня это не касается.

— Жаль. — Лиз замолчала.

Они молчали долго. Олег делал вид, что читает, но, конечно, не читал. Оттого, что Лиз сидела, подобрав под себя ноги, на его постели, в комнате все изменилось, и могло что-то случиться, хотя он понимал, что ничего не должно случиться.

— Иди садись сюда, чего я тебе через всю комнату кричу.

— Мне слышно, — ответил Олег. — Комната маленькая. А то еще мать придет.

— Ну и что?

— Ничего, она удивится.

— Ей уже можно не удивляться. Я бы на ее месте удивлялась, что ты до сих пор младенец.

Они снова замолчали. Олег сидел за столом. Ему хотелось, чтобы Лиз поскорее ушла, но Лиз не собиралась уходить.

Наконец Олег проговорил:

— Тебе пора спать.

— Знаю, — ответила Лиз. — Ты хочешь, чтобы я ушла. Почему? Ты боишься меня?

— Я никого не боюсь.

— Тогда иди сюда, я замерзла. Мать твоя не скоро придет. Они с Линдой до полуночи будут сидеть — я заходила. Линда плачет, а мать ее утешает. А Старый тоже не придет, они с Вайткусом в шахматы играют. Я все про всех знаю.

— Мне надо уходить.

— Тебе? Ночью?

Олег не ответил.

— А, я знаю. Господи, что ж я сразу не догадалась! Наш отважный мальчик убегает в лес искать своих несчастных друзей, которые пьют чай и совсем о нем забыли. Я права?

— Помолчи.

— Почему я должна молчать? Я не хочу, чтобы ты уходил в лес. Ты там обязательно погибнешь, а мне без тебя будет плохо. Честное слово... — И вдруг Лиз заплакала, тихо, но глубоко и печально. — Я никому не нужна, — повторяла она шепотом. — И ты тоже хочешь от меня отделаться...

Она съежилась на койке, свернулась в клубок, и ее плечи вздрагивали.

Олегу стало ее жалко. Он подошел к кровати, остановился, протянул руку и погладил Лиз по плечу.

— Ну, не надо. Все к тебе хорошо относятся.

— Мне всех не надо, — сказала Лиз, всхлипывая. — Мне надо только тебя. Ты этого не понимаешь, ты никогда не испытывал настоящей любви и никогда не знал, что это значит, когда ты не нужен.

Она протянула руку и мягко привлекла Олега к себе. Он подчинился — не вырываться же.

Лиз была горячей, как будто у нее была лихорадка и высокая температура. Она сразу обняла Олега и начала гладить и прижимать к себе, но не сильно, а очень нежно. Она была такой беззащитной и нежной, что Олегу было приятно гладить ее по голове и по плечам, и он утешал ее и говорил, что не надо расстраиваться, все еще будет хорошо, и мы полетим на Землю, мы обязательно полетим, и все будет хорошо, вот только страшно, как там ребята, потому что если шар упал, то они могут потеряться в лесу. А Лиз говорила, что она все понимает и понимает, как Олежка все чувствует, потому что он храбрый, и очень добрый, и заботится о других. Она говорила, что это очень правильно — пойти сейчас в лес, только она ни за что не отпустит Олега одного, она пойдет с ним вместе, она будет его защищать, ведь правда в лесу лучше вдвоем, она раньше никогда в лес не ходила, потому что страшно боялась, но с Олежкой ей ничего не страшно, она будет с ним всегда, как сейчас, вот так, в его сильных объятиях. И она как-то незаметно устроилась в его объятиях, вписывалась в его руки и прижималась всем телом. Было почти совсем темно — светильник освещал только стол, и не было видно мешка под столом, и не было видно лица Лиз, только чуть поблескивали ее глаза и волосы...

— Иди ко мне, — шептала горячо Лиз, — иди ко мне, мой милый, мы будем с тобой вместе, всегда вместе, я с тобой пойду куда хочешь, хоть в лес, хоть на край света, ты мне, пожалуйста,

верь, потому что я тебя люблю, ты поцелуй меня, вот так, и еще, пожалуйста, я прошу тебя, нет, не отворачивайся, я тоже хочу тебя целовать...

И уже Олег не понимал, где он, потому что ничего не было, кроме горячей Лиз — она была со всех сторон, и это было сладостно и щекотно...

Дверь заскрипела так, словно пилой провели по железу, — жутко громко. Шаги матери сразу зазвучали рядом.

Олег вырвался из рук Лиз, а может, с трудом оторвал от нее собственные пальцы и вскочил.

А Лиз села на кровати и прижала руки к груди. Олег не столько увидел это в густой полутьме, сколько почувствовал. И увидел все глазами матери.

А мать от неожиданности испугалась.

— Вы что? — воскликнула она. — Вы что здесь делаете? Олег!

Ей показалось, что она увидела Олега, потом она поняла, что это Лиз.

— Я ничего, — произнесла Лиз, сразу она стала очень далекой. — Я пришла, мы с Олегом сидели, разговаривали, я уйду, вы не бойтесь.

— Вот этого я не ожидала, — сказала мать так, словно она ожидала чего-то другого, только вот этого не ожидала.

— А чего этого? — Олег сразу стал агрессивным, потому что ему было очень стыдно.

— Сам понимаешь. И от тебя, Лиз, я не ожидала.

— Простите. Я так переживала за Олежку, он собирался в лес убежать, искать Марьяшку с Диком, совсем один, и я уговаривала...

— Лиз, ты что! — возмутился Олег.

Это было низкое предательство.

— Ты можешь на меня сердиться сколько хочешь, — ответила Лиз, — но я забочусь только о тебе, я знаю, что идти в лес — это чистая смерть. Вы знаете, я его так хотела отвлечь, я даже сама предложила в лес пойти, честное слово.

— Странное отвлечение, — бросила мать и тут же обернулась к Олегу: — Ты в самом деле хотел в лес убежать?

— Врет она, — проговорил Олег тупо.

Он не умел лгать, но сейчас не это было важно, плохо, что Лиз оказалась предательницей. Она испугалась матери и хотела отвлечь ее.

— Нет, Олежка. — Лиз как будто угадала его мысли. — Нет, я не предательница, я тебя очень люблю, и мне не стыдно, что я тебя так люблю, и я лучше умру, чем пущу тебя в лес.

Мать неожиданно нагнулась. Она знала Олега лучше всех на свете. Она вытащила из-под стола мешок.

— А это зачем? — спросила она.

Лиз своего добилась. О ней забыли.

Она поднялась, запахивая куртку, поискала оброненный башмак.

— Это что? Ты меня хочешь убить? Ты меня обязательно хочешь убить! — Мать накачивала себя, вызывала гнев.

— Я пошла, — уронила Лиз, но никто не обратил на нее внимания.

Бурная сцена еще не кончилась, когда на шум заглянул Старый, узнал, в чем дело, и сказал:

— Я подозревал, что ты выкинешь что-нибудь в таком духе. Только у тебя ничего не выйдет, мы с Сергеевым договорились сегодня дежурить у изгороди, а тебя от дежурства освободить. Так что мы бы все равно заметили. Эх, глупость человеческая...

— Это не глупость.

— Это не глупость, это эгоизм, — возразила мать.

— А ты знаешь, Ирина права, это и есть эгоизм.

— Я не для себя...

— Ты для себя хочешь быть героем, ты для себя хочешь принести на руках Марьяну или приволочь на спине Дика.

— Вы ничего не понимаете!

Олег выбежал из дома как был, в одной рубашке. Было холодно, он сидел на бревне, на пустоши, ему не хотелось возвращаться, и он всей шкурой ощущал, как за ним следят — следят из хижин. И Лиз, и мать, и Старый, и Сергеев. И никто ему не верит.

А там, в лесу, они ждут помощи...

Было холодно, очень хотелось укутаться и спрятаться, но не идти же домой. И предательское воображение начало строить картины того, как Марьяна с Диком сидят в гостях у экспедиции, и смеются, и едят всякие вкусные вещи... Это была не его мысль, ее придумала Лиз, но мысль оказалась очень удобной, и было трудно ей не поддаться.

— Олег! — закричала мать от дверей дома. — Иди спать, простудишься!

Пришлось идти, и так весь поселок слушает.

Олег не разговаривал с матерью, она тоже молчала.

Он залез в кровать, и кровать, как назло, пахла Лиз. Ее телом и той травой, которой она намазала ладони.

Олег хотел думать о Марьяне и, засыпая, вызывал в памяти ее образ. Это было сладко, но когда он заснул, ему снилось, что он обнимается с Лиз, и он ничего не мог поделать с собой во сне, хотя понимал, что это неправильно.

* * *

На следующий день Казик начал вырубать ступеньки в коре дерева. Это была утомительная, занудная работа, к тому же Казик и сменявший его Дик были голодны.

Казик за первый день вырезал ступеньки метров на двадцать вниз, до обломка сука, который торчал из ствола. Обломок был крепкий. Казик обрезал канавкой кору вокруг так, что можно было закрепить за обломок веревку.

Следующий день ушел на то, чтобы вырубить ступеньки еще на тридцать метров вниз. Дик мог бы спуститься, как и Казик, по ступенькам, но Марьяну нужно было страховать веревкой, она была слабее их. Марьяна говорила, чтобы они оставили ее на дереве и спускались без нее, а она дождется, пока они сходят за помощью, но Дик отказался так сделать. Он сказал, ведь может получиться, что никакой экспедиции нет или что она улетит. Тогда придется возвращаться домой — а это значит, что Марьяне жить одной на дереве, может быть, десять дней, может, две недели. А за это время, как сказал он, Марьяна превратится в скелетик. Он был прав, Марьяна с ним больше не спорила. Когда она уговаривала ребят оставить ее, она боялась, что они поддадутся на ее горячие уговоры и оставят одну — а она бы умерла от страха и одиночества.

Казик отыскал небольшую дырку в стволе, выгнал из нее ядовитую змею. Получилась еще одна станция — место, где можно укрепить веревку. А требовалось еще три или четыре таких станции до земли: она была очень далеко.

На четвертый день Дик поднялся к остаткам шара, в облако, и принес оттуда еще одну веревку. Заодно ему удалось убить древесного зайца, и они более или менее сытно поели, а так как намаялись от голода, то проспали часов десять. Прошла уже вечность с тех пор, как они покинули поселок, а цель их пути была почти так же далека, как и в первый день.

Когда они проснулись, погода была очень хорошей, и было далеко видно. Казик, прежде чем спускаться вниз, к своей работе, поточил нож, который уменьшился вдвое — так сточился, потом Марьяна помазала ему руки остатками мази — пальцы у Казика кровоточили и распухли, хорошо еще, что прошел укус. Казик пошел на свой наблюдательный пункт смотреть в сторону, где должен был быть лагерь экспедиции. Он сидел там полчаса, но его никто не торопил, все и так понимали, что мальчик трудится больше остальных. Он смотрел, пока не увидел, как поднимается блестящий шарик — это Павлыш летел на вездеходе на тот берег озера. Теперь они не сомневались, что знают, куда идти.

Со второй веревкой у Казика дело пошло быстрее. В тот день он смог проложить дорогу метров на пятьдесят. Работы осталось дня на два.

Те два дня прошли тоскливо и неинтересно. Марьяна часто ходила на наблюдательный пункт и ждала, когда что-нибудь поднимется над берегом озера. Она видела, как Павлыш с Клавдией полетели на тот берег озера — к золотой горе. Это было первое путешествие Клавдии по планете. Она была напряжена и оживилась, только когда увидела самородки, вымытые ручьем у горы, и толстые, как сверкающие канаты, золотые и кварцевые жилы. Павлыш тоже был поражен этим зрелищем. Ему захотелось выковать для Салли золотой браслет, только у него не было инструментов. Когда они вернулись, Клавдия заставила его дважды пройти дезинфекцию — Павлыш ворчал, его утешали только ветвистые самородки, которые он разложил вокруг и любовался ими. Полет в горы снова пришлось отложить, а может быть, Павлыш подсознательно находил дела, чтобы отложить его. Полет в горы был праздником, елкой, вокруг которой можно будет плясать. Но ведь после него снова наступят будни. К тому же он никак не мог остаться наедине с Салли. Клавдия не выпускала их из поля зрения. Салли к этой ситуации относилась с юмором, к тому же она любила Клавдию и не хотела расстраивать ее.

Тут еще подошел день рождения Павлыша. Салли с Клавдией постарались на славу, соорудили такой праздничный стол с пирогом и свечами, что Павлыш был растроган.

* * *

А Казик через два дня наконец-то добрался до того места, где в пятидесяти метрах от земли стволы расходились пирамидой, отсюда уже можно было спуститься без веревки.

Крикнув наверх, чтобы не беспокоились, он сполз на землю. Это было счастьем — иди куда хочешь. Земля мягкая, можно по ней кататься, бегать — и никуда не упадешь. Казик побежал вокруг ствола, чтобы поискать мешок с пищей, сброшенный неделю назад при крушении шара, но не нашел — то ли его кто-то утащил, то ли он потерялся в подлеске. Казик так отвык жить в лесу, что чуть было не попал в когти к шакалу, еле от него убежал. Убегать от шакалов Казик не любил, но что поделаешь, если от ножа остался лишь жалкий огрызок, таким даже шкуру шакалу не пропорешь. Казику удалось набрать грибов, и он принес их наверх, на развилку.

На следующее утро они стали спускаться вниз.

Дик привязал веревку наверху к стволу дерева, потом Марьяна, держась за веревку и упираясь ногами в неглубокие ступень-

ки, спустилась до обломка сука и там остановилась. Казик был уже ниже, на следующей станции. Затем Дик отвязал веревку и спустился по ступенькам к Марьяне. Отдохнув, Марьяна начала спускаться ниже, к Казику. Путешествие было очень медленным; Марьяна уставала, а отдых над пропастью мало помогал. С каждым метром ее руки слабели и ноги все больше дрожали, она не признавалась в этом, но и так было ясно.

И тут еще хлынул ливень. Струи дождя хлестали по рукам и по голове, норовя смыть людей-муравьишек с громадного ствола, и некуда было от них укрыться. Веревка сразу набухла, стала тяжелой, скользкой, ноги хуже держались на ступеньках.

Оставались еще две станции.

Дик сверху кричал, чтобы Марьяна остановилась и не шла вниз, но ей невмочь было стоять, распластавшись под стегающими струями, которые грозили ее смыть, и она стала спускаться дальше. Она миновала предпоследнюю станцию. Оставалось еще метров тридцать-сорок, а там уже ствол расширялся и спускаться стало спокойнее. Казик, пока спускался на землю и снова поднимался, не успел приготовить веревку, и Марьяна сползла без нее, нащупывая ногами ступеньки и прижимаясь исцарапанным животом к скользкой неровной коре.

Казик старался спускаться недалеко от нее, он боялся, что она сорвется, хотя понимал, что, если так случится, ему ее не уберечь. Но все равно он держался поближе и подсказывал ей, куда ставить ногу.

И Марьяна добралась до того места, где ствол начал расширяться, и поняла это, потому что внизу уже была не пропасть, а крутой склон. И Казик тоже перевел дух: все кончилось благополучно. Заслоняя глаза от дождя ладонью, он стал смотреть вверх, как там спускается Дик.

И в тот момент он услышал короткий, совсем негромкий крик — и мимо, задев его и чуть не утащив с собой, пролетела Марьяна. Вернее, она не пролетела, а скатилась по этому крутому склону, который был все же крут настолько, что удержаться на нем не было возможности. Казик в ужасе смотрел, как ее тело летит вниз.

Он не помнил, как спустился сам — вроде бы он даже и не смотрел на ступеньки, а держался, как жучок, за неровности коры. Казик спустился очень быстро и побежал к тому месту, где лежала, раскинув руки, Марьяна. Он стал звать ее, а она не откликалась. Он приложил ухо к ее груди и долго не мог услышать биения сердца.

И тут к нему подбежал Дик. Он отстранил Казика и велел ему держать куртку над головой Марьяны, чтобы дождь не падал на лицо. Казику было холодно, и дождь стегал больно.

— Она живая, — сказал Дик.

Он стал трогать ее руками, чтобы узнать, не сломано ли что-нибудь. И когда дотронулся до неправильно лежащей ноги, Марьяна, не открывая глаз, застонала, и они поняли, что у нее сломана нога, а это очень плохо.

Дик пошел в лес и срезал тонкие палки.

Марьяна была в полузабытьи, видно, она еще ударилась и потому потеряла сознание, но, когда Дик стал прилаживать палки к ноге куском веревки, который принес с собой, она закричала от боли, заплакала и пришла в себя. Дик не слушал ее плача, хотя Казик просил его остановиться и не мучить Марьяну. Но Дик все же сначала замотал ногу так, чтобы она была неподвижна.

Они осторожно отнесли Марьяну в лес, где под густым покровом листвы ливень не так свирепствовал. Она уже совсем очнулась, ей было больно, но она терпела.

— Как глупо, — говорила Марьяна, — как я вас подвела.

— Молчи, — велел Дик. Он старался разжечь костер, а Казика послал найти большой пустой орех, чтобы в нем вскипятить воду. — Ничего, — успокаивал он, — все-таки мы спустились.

Марьяна так устала, что, несмотря на боль, вечером заснула. А Дик и Казик долго еще сидели у костра и думали, что делать дальше, потому что все было очень сложно.

Можно было, конечно, послать Казика обратно в поселок. Но идти в поселок надо дней пять, если не больше, и идти тяжело: болота, густой лес — плохие места. Да и оставаться одному Дику с Марьяной тоже было опасно. Один человек обязательно должен ходить на охоту, за дровами, и тогда Марьяна останется одна, беззащитной. А лес не любит беззащитных. Даже если ей оставить бластер, все равно может подкрасться какой-нибудь гад, его даже не заметишь.

— Ладно, — решил наконец Дик, — значит, мы делаем с тобой носилки и несем Марьяну к реке.

— Правильно, — сразу согласился Казик. — Главное — переправить ее через реку, ну или хоть бы одному из нас переправиться. Правда? Мы доберемся до людей и позовем их.

— Так и сделаем. До реки мы ее дотянем за полдня. Там бы перебраться.

— Только бы они не улетели, только бы они нас подождали, — сказал Казик со страстью, словно молился. — Они не должны улететь. Они должны понять, что без их помощи нам здесь конец. Но они же с Земли, они умные, они все понимают.

— Давай спать. Спи, а я посижу. Потом разбужу тебя. Завтра дойдем до реки.

— Дойдем.

— Нам уже немного осталось.

Дождь стучал по листьям, он утихал, и тяжелые капли срывались и падали на мох.

* * *

В тот день до реки не дошли, хотя она сверху и казалась близкой. По дороге к ней надо было перебираться через болото, к тому же они потратили немало времени, чтобы соорудить для Марьяны носилки.

Дик срезал жерди для них, но тонких лиан, чтобы их связать, не нашлось. Марьяне стало хуже от боли, которая ее не отпускала, и от сотрясения мозга. Правда, они не знали, что у Марьяны сотрясение мозга, но ее тошнило, болела голова — и она с трудом узнавала своих спутников. Синяки на щеке, на груди, на боку стали черными.

Ночью опять поднялась буря, правда, почти без дождя. Молнии били по стволу дерева и скатывались на землю огненными змеями. Дик порадовался, что они успели слезть.

Порывом бури сорвало с верхних ветвей остатки воздушного шара — они увидели его падающим и сначала в темноте не поняли, что это такое: молнии освещали черное блестящее покрывало, которое медленно опускалось с небес.

Утром Казик подкрался к неизвестному существу, которое лежало недалеко от них, и понял, что это их старый шар. Он теперь совсем был не похож на себя, и даже трудно представить, что он мог подниматься в воздух. От оболочки остались лишь громадные рваные клочья, от корзины — жалкие обломки. Но были веревки, была пленка пузырей. Так что Дик с Казиком сделали чудесные носилки для Марьяны и даже сверху соорудили что-то вроде полога, чтобы у реки не мучили мошки, которые там роятся черными тучами.

Весь следующий день ушел на переправу через кишащее гадами болото, и заночевать пришлось на островке, сплетенном из тростника и водорослей. Островок притулился к берегу реки.

Марьяна была в бреду, у нее начался жар, и некому ей дать лекарства, так как в них разбиралась только она сама.

Островок чуть покачивался — под ним катилась река, если сильно наступить, то нога проваливалась. Ночью Казик убил большую змею, которая тоже хотела переждать темноту на островке. Казику казалось, что они улетели из поселка страшно давно — может быть, год назад, и с тех пор куда-то идут, ползут, карабкаются, и никогда это не кончится. Чтобы отвлечься, он представлял себе сладостные картины встречи с настоящими землянами, а потом стал вспоминать названия всех гор на Земле

высотой больше восьми километров. Эти слова мало что значили для Казика — они были заклинаниями, ниточкой, которая связывала его с Землей.

Утром они сварили и съели змею, а потом искали подходящие стволы, чтобы сделать плот, и измучились, пробираясь по болотистому берегу, по песчаным косам и зарослям кустарника.

Марьяну они ни на секунду не оставляли одну. Тем более что места были незнакомые и опасные. Здесь встречались другие болотные звери и гады. В глубине болота, выше по реке, куда они не заходили, было какое-то скопление животных — если забраться на дерево, можно увидеть, как бурлит вода, словно обитатели ее жили в постоянной вражде и драке.

Лишь к вечеру Дик отыскал два поваленных дерева, но лежали они очень неудобно, в топи, и неясно было, как их вытащить и связать. Казик сообразил, что если обрезать корни, которые держали их прибрежный плавучий островок, его можно сплавить к этим деревьям. А потом они притянули деревья к островку, и получился корабль — сырой, ненадежный, почти неуправляемый, но зато он плавал.

Под Марьяну положили много сухой травы и веток, покрыли их кусками пузыря от шара — ей стало сухо. Марьяна все терпела, только стонала иногда. Нога была красная, распухла. И ей трудно было делать все человеческие надобности. Она стыдилась, несмотря на боль, и ничего не хотела есть. Казика она меньше стеснялась, а Дик отходил в сторону. Казик ухаживал за ней, как за большой Луизой, когда та болела, он все умел. А Дику было страшно. Куда страшнее, чем в лесу.

На следующий день Дик сделал длинные шесты, правда, они были не очень твердыми и гнулись.

Казик дал новому «кораблю» имя — «Золотая лань». Они с Диком сильно оттолкнулись шестами, «корабль»-островок нехотя оторвался от берега и поплыл. Его сносило вниз, но эта протока, первая из трех или четырех, которые надо было одолеть, была мелководной и тихой. Они доставали шестами до дна даже на середине.

Путешествие получилось нетрудным, и все развеселились. Марьяна приподнялась на локтях и смотрела, как они плывут.

Они никогда еще не плавали по большой воде, и это было интересно. Если смотреть вниз, то сквозь прозрачную воду видно песчаное дно, водоросли, тянущиеся наверх, и даже иногда рыбы. Над ними кружили незнакомые птицы, маленькие и крикливые, иногда одна из них бросалась в воду и выхватывала из нее рыбешку.

Промежуток между первой и второй протоками был неширок и низок — узкая полоса гальки, обкатанной водой. Им легко уда-

лось перетащить во вторую протоку свой «корабль». Правда, это заняло часа три, и Казик с Диком очень устали, да и островок потрепался. С полосы гальки они увидели широкое и быстрое русло, а за ним — третье, еще более широкое. Между вторым и третьим руслами был длинный холм, поросший травой, и как перетащить через него корабль, было совершенно непонятно. Поэтому они решили, что дадут воде нести «корабль» вниз, ближе к озеру, там протоки сливались.

Заночевать пришлось на том берегу протоки, у самого озера — так далеко их отнесло вниз.

На завтра осталась самая трудная часть переправы.

Казик спал, Марьяна то засыпала, то просыпалась, и Дик, чтобы не будить Казика, сам кипятил воду в пустом орехе над костром, чтобы давать Марьяне пить. Дик был убежден в целебной силе горячей воды. Потом он, хоть и очень хотел спать, лазил по кустам в поисках других стволов или больших сучьев, чтобы укрепить островок.

Ночью опять моросил дождь, но не злой, теплый. Дик накрыл всех пленкой. Марьяна не спала. Нога болела, и казалось, что по ней бьют молотом со скоростью ударов пульса. Ей хотелось оторвать эту проклятую, тяжелую, неподвижную ногу. Сквозь дыру в пленке девушка глядела на черное небо. Было сыро и душно, рядом хрипел во сне Дик, вскрикивал, ссорился с кем-то Казик. Марьяна старалась думать об Олеге, как он там — наверное, уже ушел к кораблю и решил, что она погибла. Он, наверное, очень страдает. Она радовалась, что страдает он зря — она жива и вернется к нему. А потом вдруг заплакала, беззвучно, чтобы не разбудить остальных. Она плакала потому, что представила себе, что ей отрежут ногу, потому что у нее гангрена, и Олег обязательно разлюбит ее и бросит. Тогда пускай он улетает на Землю, а она останется здесь, в поселке. Поселок будет совсем пустым, в нем останутся Марьяна и слепая Кристина, и Марьяна будет заботиться о Кристине и кормить козу...

* * *

Они собрались все вместе, только без ребятишек. Из младших пришла лишь Фумико, сестренка Казика. Она все эти дни ни с кем не играла, но не плакала — они с Казиком никогда не плакали. Она ходила как автомат, не слыша и не видя ничего. Не было и Старого. Старый простудился и третий день не вставал.

В большой комнате Сергеева было свободнее: трое отсутствующих — много для маленького поселка. Сразу чувствуешь, что их нет, что рядом пустые места.

— Мы уходим, — сообщил Сергеев. — Мы уходим с Олегом, потому что ждать нельзя.

— Еще рано, — сказал Вайткус, — у меня ничего не поспело.

— Ребята собрали грибов, — ответил Сергеев. — В этом году лето очень теплое, и нет гарантии, что тепло продержится. Ты помнишь, как два лета назад сначала была жара, а потом пошел снег? Это может повториться. А сейчас уже больше недели стоит тепло, и снег у перевала должен подтаять.

— Мы вдвоем пойдем, — добавил Олег. — Нам много еды не надо.

— Олег прав, — подтвердил Сергеев.

— А что это изменит? — вдруг вмешалась мать.

Олег понимал, что она сейчас будет придумывать аргументы против этого похода, он ждал, что она начнет говорить об этом. Ей казалось, что если она будет говорить умно и убедительно, то ее поймут, послушают, и Олег останется с ней.

— Нет никакой гарантии, что вы сможете хоть как-то наладить связь.

— Мама, я все это уже слышал, — произнес Олег. Остальные молчали, понимая, что именно он должен ответить матери. — Двадцать лет назад не было времени. Корабль был мертв, холоден, оба связиста погибли, ты же знаешь, и капитан погиб — все, кто был на пульте управления, погибли. Тогда надо было выжить, все думали, как уйти, никто не думал, чтобы остаться и замерзнуть на корабле, правда?

— Правда, — подтвердил Вайткус.

— Если наши заблудились, не могут вернуться, наша надежда — корабль.

— Не говори чепухи, — сказала мать. — Корабль в горах.

— Мама, мы долго все обсуждали. Если мы наладим связь, наш сигнал перехватят. Понимаешь? Пока эта экспедиция здесь, есть шанс, что наш сигнал услышат.

— Такого шанса нет, — упрямилась мать. — Сигнал космической связи — гравиграмма. А у них здесь планетарная связь. Радиосигналы. Зачем лелеять несбыточные надежды?

Глаза у Ирины были влажными, она еле сдерживалась, чтобы не заплакать, и оттого лицо ее было злым и напряженным.

— В тот-то и дело, — объяснил Сергеев, — что мы постараемся наладить не космическую связь, а планетарную.

— Вам ее не наладить.

— Ее наладить легче. Потому мы и идем, мама, именно сейчас. Когда мы догадались об этом, я чуть не запрыгал от радости.

— И молчали? — спросила Ирина.

— Вайткус знает, — ответил Сергеев. — И Старый тоже. Но мы не хотели говорить об этом заранее.

— Глупые тайны, — проговорила Линда. — Никому не нужные тайны.

Она тоже не хотела, чтобы Сергеев уходил.

Олег смотрел на старших. Все было решено.

Теперь судьба поселка в его руках. И в руках Сергеева. И надо успеть.

И в этот момент дверь хижины распахнулась, чуть не порвались веревки, которые держали ее.

Старый громоздким силуэтом возник на пороге.

Он не вошел в дом. Он медленно оглядел сидевших за столом.

— Борис, этого еще не хватало! — Появление Старого подарило Ирине возможность сорвать на нем злость, даже ненависть к людям, которые угрожают жизни Олежки. — Ты же болен! Ты сошел с ума. Уйди, уйди!

Старый засмеялся. И это было очень странно. Время не подходило для смеха.

— Идиоты, — сказал он весело. — И я главный идиот.

— Садись, — предложила Линда, поднимаясь, чтобы помочь Старому. Может быть, она подумала, что Старый бредит.

— Да послушайте вы меня, — кивнул Старый. Он подошел к столу, уперся в него единственной рукой, и свет коптилки отразился в его глазах. — Мы говорили, как бы нам починить планетарную связь на «Полюсе». Говорили?

— Конечно, — кивнул Сергеев.

— Только последние идиоты могли тратить на это время, — произнес Старый торжественно. — Потому что планетарную связь не надо чинить.

— Почему? — спросил Вайткус.

— Да потому, что ее надо просто включить!

— Ты что имеешь в виду? — спросил Сергеев, который уже понял, что Старый не бредит. Старый что-то придумал.

— Кто мне ответит, где, кроме узла связи, на корабле есть передатчик?

— Ты прав, — почти сразу отреагировал Сергеев. — Мы самые последние идиоты.

— Что он имеет в виду? — спросил Олег.

— Проще простого, — сказал Сергеев. — Передатчик есть на катере. На спасательном катере, который остался на «Полюсе».

— А насколько мне известно, — добавил Старый, — передатчик катера совершенно цел. И мы не думали о нем, потому что нам не приходило в голову, что можно выйти на связь с кем-то на этой проклятой планете.

Стало очень тихо, словно Старый сказал эти слова на непонятном языке. И каждый для себя переводил их.

— Ого, — пробасила в тишине Луиза. — Это же меняет дело.

«Это меняет дело, — повторил про себя Олег. — Это меняет дело». За минуту до слов Старого путешествие к кораблю было жертвой, подчинением холодной и разумной Необходимости. Каждый шаг к кораблю уводил от Марьяны и отнимал у нее и ребят шанс спасения. Минуту назад уже подчинившийся ненавистной Необходимости Олег проклинал поход и тех, кто заставил его идти к «Полюсу», все были врагами, потому что готовы были примириться с гибелью Марьяны... Идея Сергеева, хоть и дававшая некую тень надежды, не обещала надежды немедленной... Какое хорошее, доброе лицо у Старого. Какой он умный и мудрый. «А почему не я?» И тут же возникло, как удар, как позор, понимание, что о передатчике на планетарном катере должен был вспомнить он, Олег. И не нужно было никакого полета на воздушном шаре к реке. Уже давно, десять дней назад, две недели назад надо было лететь на «Полюс» и вызвать земную экспедицию...

— Я должен был подумать об этом раньше. — Сергеев был мрачен, будто слова Старого его не обрадовали.

И Олег понял почему: он был отцом Марьяны и думал сейчас так же, как Олег. И тогда впервые Олег ощутил свое родство с Сергеевым — они оба любят Марьяну.

— Чего же мы стоим? — Олег сначала услышал этот крик, а потом только понял, что это кричит он сам. — Надо сейчас же идти.

— Сначала соберем все по сусекам, — сказал Вайткус, — чтобы вы не померли с голоду.

* * *

— Ты уходишь с утра? — спросила Лиз, когда все расходились.

Эти дни она к Олегу не подходила, молчала, только смотрела на него издали пристально и жалко. И мать с Олегом тоже не говорили о том вечере. Олег вроде бы понимал, что виноват он сам — не надо было жалеть Лиз и тогда бы он сам не стал обманщиком, ведь трудно даже представить себе подлеца, который целуется с девушкой, когда другая, которую он любит, погибает в диком лесу. И потому он просто старался об этом не думать, а думал о Марьяне и походе к кораблю. И это у него, надо сказать, отлично получалось. Как будто Лиз и не было в поселке. И потому, когда она подошла, Олег сразу вспомнил и ощутил свою вину, и в нем возникло недоброжелательство к Лиз. Даже к тому запаху душистой травы, который вновь исходил от нее. И, наверное, он сказал бы что-нибудь несправедливое и обидное, но в тот момент он уже был в походе, в горах, он уже включал рацию...

— Ухожу. Не надо меня жалеть. У меня все в порядке.

— Да, конечно, я очень рада. Но мне за тебя страшно. Ведь мне ничего от тебя не надо, понимаешь, только чтобы ты на меня не сердился и помнил меня.

— Хорошо, — Олег кинул взгляд вокруг, не слышит ли кто-нибудь разговора. — Я буду помнить. Ты не волнуйся.

— Пойдем вечером погуляем, — предложила Лиз очень тихо, одними губами. — Погуляем? За изгородь, недалеко.

— Да ты что? — искренне удивился Олег. — Я всю ночь буду собираться, мы с рассветом выходим.

— На немного, — попросила Лиз. — И ты вернешься.

— Посмотрим.

Олегу опять было жалко эту девушку, и в его руках и губах жила стыдная, но неизгладимая память о ее коже и ее губах, он понимал, что нельзя никуда с ней ходить, и не хочется, ведь в самом деле не хочется.

И он убежал в мастерскую, чтобы помочь Сергееву сделать кошки — железные крючья, с которыми легче лазить по ледяным склонам. А потом он забыл о Лиз.

А она долго стояла у изгороди, подальше от ворот, в тени, ждала, хоть и сама не верила, что он придет. Потом замерзла и побрела спать, а Олег вернулся к себе еще позже, когда Сергеев выгнал его, чтобы выспался перед выходом.

И только когда ложился, Олег вспомнил о Лиз и подумал с облегчением: «Ну и хорошо, что я забыл».

Глава 7

На этот раз торжественных проводов не было. Не то настроение, да и не тот поход.

Было совсем рано, ребятишки еще спали, у ворот собрались только старшие, и прибежала Фумико, она до последнего момента надеялась, что ее возьмут. Она подслушала, что Олег будет разговаривать по радио с теми, кто спасет Казика, и хотела слышать, как это все будет происходить. Но, конечно, и речи не могло быть о том, чтобы ее взять в горы: она слабенькая, будет обузой.

От свой хижины спешила Лиз. Она несла мешочек. Лиз не проспала, но задержалась, отыскивая, что бы вкусное дать с собой Олежке. Она была как мышка — всегда прятала вкусные вещи, но порой забывала о них. А теперь перекопала все и нашла сладкие корешки, ком сахара, еще прошлогоднего, и жалкие остатки своей зимней попытки испечь пирог. Лиз хотела завернуть все покрасивее, но спешила, и не получилось — пересыпала все в обыкновенный мешочек, с которым ходят по грибы, и побежала к изгороди.

Олег взял мешочек, ему казалось, что все смеются. Лиз стояла в двух шагах и смотрела на него так, словно хотела втащить к себе в глаза.

Мать подвинулась, чтобы встать между Лиз и Олегом, и стала поправлять ему воротник куртки. Олег не сопротивлялся.

— Ладно, — бросил Старый, — времени тратить не будем.

— Сегодня все на прополку пойдут, — сказал Вайткус.

Голос у него дрогнул, и Олег догадался, что Вайткусу плохо — все уходят, а его оставляют с женщинами и детьми. Ему нельзя далеко ходить. И он очень много делал — на нем были огород и все хозяйство.

Заплакала Линда. Она ни слова не сказала, но плакала. Еще недавно она провожала Томаса, и Томас не вернулся. А теперь она с Сергеевым, и вот он тоже уходит.

Олег с Сергеевым поправили мешки и быстро пошли к горам. По земле стлался туман, чуть парило, день обещал быть теплым. Олег спешил, он угадывал вехи их прошлогоднего пути. Сергеев во всем слушался его — он верил памяти Олега. Они почти не разговаривали, только по делу.

Гриб-гигант был на прежнем месте, он даже подрос за зиму. Они не задерживались возле него — уже темнело, и Олег хотел дойти до пещеры, а может, если удастся, и дальше. Каждый день они должны были проходить больше, чем в прошлом году.

* * *

Они собирались начать переправу через широкий рукав с рассветом, но, пока укрепляли расползшийся за ночь островок, Марьяна заснула. Она ночью не выспалась, а тут пригрелась и заснула. Дик с Казиком не стали ее будить, они отошли подальше по берегу и ждали, пока она проснется.

— Устал? — спросил Дик.

Казик удивился. Дик никогда не спрашивал о таких вещах. Если мужчина устал, это его дело. Если ты сильно устал, то Дик возьмет у тебя мешок или добычу. Ничего не скажет, просто возьмет. «Может, он тоже устал?» — подумал Казик. А вслух ответил:

— Ничего, немного осталось.

Дик стукнул его по плечу ладонью, не больно, но чувствительно. Казик думал: «Вот мы сидим рядом с Диком, и он не знает, как я его люблю. Я его люблю больше всех, даже больше Марьяны и тетки Луизы, потому что я хочу быть таким, как он — сильным и молчаливым. Хорошо бы, мы дружили с ним и на Земле. Я ведь быстро вырасту и тоже стану взрослым, а он еще будет довольно молодой. Мы можем вместе отправиться в далекое путешествие».

— А может, поднимемся на Эверест, — произнес Казик вслух.

— Дался тебе этот Эверест, — сказал Дик, который понял, что Казик опять думает о Земле.

— Ну, на охоту.

— На охоту там нельзя. Я спрашивал Старого. На Земле не охотятся. Не хочу я на Землю.

— И не хочешь посмотреть?

— Посмотреть можно. Только оставаться там не хочу. Мне скучно. Там этого нельзя, этого нельзя... Они все сильные, красивые, как на фотографии. А мы для них грязные.

Казик не стал спорить, потому что понимал, почему Дик так говорит. Это не уменьшало его любви к Дику: так понимание слабостей любимого человека даже делает его ближе. Дик боялся людей с Земли, потому что завидовал им.

— Мы там тоже будем не последними, — сказал Казик.

— Где?

— На Земле. Там наши таланты понадобятся. Мы будем следопытами. В Дальнем космическом флоте.

— Возьмут нас... они с пеленок учатся, — выдал себя Дик.

— Мальчики, — позвала Марьяна. — Мы почему не плывем?

— Проснулась? — Дик поднялся. — А мы решили немножко отдохнуть, потому что трудно плыть будет. Как нога, болит?

— Лучше, — соврала Марьяна.

— Пить хочешь?

— Дай.

Дик принес ей воды в скорлупе. Он подержал ей голову, чтобы удобнее было пить, затылок Марьяны был очень горячим. Дик боялся за Марьяну — у них совсем не было лекарств. Дику всегда нравилась Марьяна, больше всех в поселке. Но он все понимал про Марьяну и Олега и чувствовал в этом несправедливость... Впрочем, не обижался. Раз так хотят, пускай.

Они столкнули в воду островок и начали отталкиваться шестами от мягкого дна. Шесты застревали, и толкать было трудно, потом их все больше стало сносить вниз. Берег удалялся, но тот, другой берег тоже удалялся, потому что река становилась все шире, готовясь влиться в озеро. Шесты перестали доставать дно, и Дик с Казиком принялись грести широкими жесткими листьями, которые утром отыскали на берегу. Течение было сильным, и неясно было, помогает ли гребля. Вроде бы и не помогала.

Они вспотели и устали. Марьяна расстраивалась, что не могла помочь. Одно из бревен отвязалось, и пришлось потерять немало времени, прежде чем связали разорвавшуюся веревку и примотали бревно на место. За это время их унесло еще ниже, справа было озеро — серое и гладкое, по нему были рассеяны темными

пятнами островки, образовавшиеся в дельте, за ними серая мгла, дальний берег с воды не был виден.

Их пронесло над мелью, но они не успели за нее зацепиться, потому что Дик слишком сильно нажал на свой шест, шест обломился, и Дик чуть не свалился в воду. К тому же островок — основа плота — весь как-то расползался, и только бревна удерживали вместе массу грязи и корней; за «кораблем» по реке плыл хвост веток и водорослей.

Берега резко разошлись в разные стороны, подул ветер — совсем другой, чем в лесу, свежий, — их качнуло, и ход «корабля» замедлился, река была позади.

— Что случилось? — спросила Марьяна.

— Ничего, — ответил Дик. — Плывем.

— Так даже лучше, — сказал Казик. — Здесь течение медленное. Выгребем.

Но течение все же было, и их тянуло все дальше от берегов, пока они не наткнулись на мель, которая впереди высовывалась из воды плоским, чуть ли не вровень с водой, песчаным островком.

Если не смотреть на ничтожную полоску песка, отделявшую их от простора воды, ощущалось, что они продолжают плыть по озеру. Устье реки, которая вынесла их наружу, было таким широким, что низкая поросль по берегам речных рукавов казалась лишь меховой оторочкой на серой ткани. И была очень далеко. А так как они начали переправу поздно, во второй половине дня, то уже начало темнеть. Они развели на островке костер — хорошо еще, что огня хватило, чтобы согреть воды для Марьяны. Дик и Казик напились прямо из озера, они пили много, нарочно пили много, потому что, если напьешься воды, это помогает против голода. Правда, им не помогло.

Вечером Дик попытался ловить рыбу — у него еще оставалось несколько стрел. Но он никогда раньше не стрелял в рыбу из арбалета и потому промахивался. А бластер он жалел — он не знал, много ли в нем осталось зарядов, и боялся, что тот скоро перестанет стрелять.

Ночь выдалась трудная, потому что ветер усилился и волны начали перекатываться через островок. «Кораблик» покачивался, и приходилось все время подталкивать его шестом на мелководье. А когда волны стали совсем большими, Дик и Казик слезли в холодную воду и удерживали так плот. Марьяна тоже не спала.

* * *

Олег с Сергеевым шли налегке, шли быстро и, главное, шли иначе. Изменилось их отношение к дороге. В прошлом году это было путешествие почти невероятное, на которое можно ре-

шиться лишь от отчаяния. Смерть Томаса была естественной платой за достижение несбыточной цели, и сам «Полюс» казался таинственным, далеким воспоминанием, реальность которого была сомнительна.

Сейчас они шли по трудной дороге к определенной цели с конкретными намерениями. Главное — дойти как можно скорее и связаться с экспедицией.

Сергеев обыденно и спокойно признавал в пути главенство Олега, и оттого, что старший не старался ничем подчеркивать разницу в годах и опыте, Олег так же спокойно признавал эту разницу. Это было путешествие двух взрослых мужчин.

Они как раз миновали гигантский гриб и шли среди скал, когда Сергеев спросил:

— Ты в самом деле любишь мою Марьяну?

— Мне так кажется, — ответил Олег. Он подумал, что более категоричный ответ будет Сергееву неприятен.

Сергеев словно не заметил дипломатичности ответа.

— Никто из нас не мог подумать, что мы доживем до свадьбы, до свадьбы следующего поколения.

— Мы об этом с ней не говорили, — смутился Олег.

Он вспомнил о Лиз, и ему захотелось спрятать эту мысль поглубже, чтобы Сергеев не увидел ее.

— Если все обойдется, — сказал Сергеев, — поселок этой свадьбы не увидит. Поселка не будет. Его сожрет лес.

Олег обернулся. Ему показалось, что сзади идет слон. Уже начало темнеть, и из-за снежных струй мир был закован в серую мглу. Сергеев шел спокойно. Он полагался на чутье Олега.

— Мне его не жалко, — произнес Олег.

— А мне жалко. Это почти половина моей жизни и большая часть жизни сознательной.

— Ты не хочешь домой?

— Не в том дело. Мы прожили долгие годы в нищете и бессилии, человек с Земли, увидевший нас с тобой, решил бы, что лицезреет обезьян. А я убежден: если мы вернемся домой, то в воспоминаниях останутся победы и моменты торжества, которых ты и не заметил.

— Я был маленький?

— Для тебя было естественно, что мы остаемся людьми, что ты ходишь в школу и ешь ложкой. А знаешь, какой праздник был, когда я сделал первую ложку?

Олег резко дернул Сергеева за рукав, свалил с ног, тот только крякнул от боли.

Над головами пронеслась черная стая. «Как всадники Апокалипсиса», — подумал Сергеев, глядя на стремительное и стройное движение черных теней.

— Что это было? — спросил он Олега.

— Не знаю. Я их как-то видел, давно еще, но не знаю, кто они. Ты говорил про ложку?

— А еще было много смешного. Мы часто смеялись. Раньше чаще, чем теперь, — теперь мы устали.

Они миновали пещеру, где в прошлый раз Олег провел тревожную ночь. Может, стоило остаться на ночь в ней — все же укрытие, но еще не совсем стемнело, и неизвестно, какая погода завтра. Упорство, с которым мокрый снег устилал землю, было тревожным. Сергеев не спорил с Олегом, хотя устал куда больше, чем тот. Уже через полчаса Олег пожалел, что они не остановились в пещере. Снег повалил гуще, Олег испугался, что они заблудятся. Они разбили палатку, забрались в нее, обнялись. Ночью похолодало. Сергеев, пока не уснул, рассказывал, что мать Марьяны его не любила. И даже хотела уйти от него, но осталась из-за Марьяшки. Это было странно: как можно уйти от человека в поселке?

Поднялся ветер и кидал горстями снег на маленькую палатку.

Они поднялись, когда рассвело настолько, что можно было разглядеть землю под ногами. Вернее, драное одеяло мокрого снега, сквозь которое торчали камни и редкие кусты.

Снег утих, но ветер выл с прежней силой, он был мокрый и злой. Олег глядел, как ежится под ветром Сергеев, какие у него темные корявые пальцы, которыми он резко отводил со лба прядь длинных пегих волос. И тут Олег понял, что боится. Боится, потому что в прошлом путешествии он не нес ответственности. Дик лучше охотился и находил дорогу, Томас помнил прежний путь, Марьяна умела лечить и знала травы. От Олега требовалось одно — идти. А если они теперь сбились с дороги? Если они не найдут ущелья, в котором течет холодный ручей? Возвращаться обратно? Это самое худшее, что может случиться. Только не возвращаться.

— У тебя кипит, — сказал Сергеев.

Олег высыпал в банку горстку сухих грибов. Они быстро набухли и всплыли. Сергеев и Олег по очереди, обжигаясь, вытаскивали из банки скользкие мягкие шарики, дули на них, потом жевали. Олегу есть не хотелось, это была необходимость, которую надо выполнить, иначе не хватит сил. В поселке всегда было плохо с солью. Раньше ее вообще не было, а теперь Вайткус отыскал за болотом солоноватый источник, и вокруг него можно было наскрести соли. Правда, она была скорее горькая, чем соленая, и Вайткус хитроумно выпаривал ее. Грибы, которые они жевали, были лишь чуть подсолены, но недостаточно, чтобы отбить противный, надоевший привкус.

— Пошли? — спросил Сергеев.

Олег и не заметил, как он поднялся и начал сворачивать палатку — полотнище из рыбьей кожи.

Олег проверил арбалет. Тетива отсырела, и ее пришлось подтянуть.

Они пошли дальше, вверх по склону. Олег не узнавал мест и со злостью на себя подумал: как глупо было не оставить знаков, ведь два раза прошли этим путем.

— Может быть, мое настроение, — как бы продолжил Сергеев, когда они прошли с километр, — вызвано еще и тем, что моя деятельность, моя ценность там, на Земле, теперь равна нулю. Мне предложат отдыхать.

— Почему? Ты еще не старый и сильный.

— Мне уже не вписаться в мир, который изменился, в котором я в лучшем случае стану экзотическим Робинзоном, вызывающим сочувствие. Придется писать воспоминания.

— Воспоминания? О чем?

— О нас... Я пошутил. Я не буду писать воспоминаний, я буду нянчить внуков. Вам с Марьяшкой тоже будет нелегко. Ты представляешь, сколько всего знают ваши сверстники?

— Я буду учиться.

— Разумеется. Тебе будет трудно.

Сергеев не понимал, что для Олега проблемы земные не подкреплялись зрительными образами, предыдущим опытом — Земля оставалась пока краем обетованным. Если нужно учиться — выучимся. Это потом придут разочарования.

Олега все более беспокоила неузнаваемость мест, по которым они шли. Давно уже должен был появиться ручей, ущелье, но скалы вокруг были чужими, незнакомыми.

Сергеев ощутил беспокойство Олега.

— Мы что, заблудились? — спросил он.

— Все иначе, чем тогда. Это из-за снега.

— Не беспокойся, — сказал Сергеев, — мы не можем сильно сбиться. Пока мы знаем общее направление, пока мы идем вверх, ничего страшного.

— Погоди. — Олег услышал журчание воды.

Снова зарядил снег. Они вышли к ручью через несколько минут и дальше пошли вверх по нему, хотя это было ненадежно. В прошлый раз к ручью они вышли уже из ущелья. А сколько здесь течет ручьев?

Они шли до вечера, почти не останавливаясь. Никаких приключений с ними не было. Олег стрелял по зайцу, но промахнулся. Снег не прекращался. Он липнул к одежде, но было не холодно, только с каждым шагом труднее вытаскивать ноги из снега.

Когда стемнело, они вошли в ущелье. Но это было совсем другое ущелье. Скорее широкая промоина. Там и остались ночевать. Оба понимали, что сбились с пути, но возвращаться было поздно. Если там, наверху, снега не так много, то остается надежда выйти к перевалу. Но говорить об этом не хотелось. Олег разделил оставшиеся грибы на три части. Дрова они экономили и, как только вода в банке согрелась, сразу потушили огонь, а головешки сложили в сумку.

Они спали под обрывом, ночью был мороз, и ветер скатывался по промоине, как поток весенней воды.

* * *

Утром Павлыш собрался в горы.

Он позвал с собой Салли, как и договаривались, но воспротивилась Клавдия, потому что подошел день профилактики и Салли должна была проверять аппаратуру — это ее обязанность. Павлыш стал уговаривать Клавдию перенести профилактику на другой день, но начальница была непреклонна. Она глубоко убеждена в том, что ею правит чувство долга, и только чувство долга. И никаких других чувств она не знает.

— Бог с вами, Клавдия, — сказал Павлыш. — Если вы не хотите, чтобы со мной летела Салли, полетим с вами.

Ему показалось, что Салли, слышавшая это предложение, улыбнулась, но он не посмел посмотреть в ту сторону.

— Вы с ума сошли, — произнесла Клавдия, неожиданно покраснев. Павлыш даже не подозревал, что Клавдия умеет краснеть. — Вы полагаете, что именно я и есть главная бездельница на нашей станции?

— Я ничего дурного не имел в виду. Я только думал, что и вам рано или поздно придется лететь в горы. Это же ваша стихия.

— Моя стихия — вся планета. Горы уже обследованы скаутами. Система, находящаяся к северу от леса, сравнительно молодая, без активного выветривания. Если там и есть что-либо не банальное, то потребуется глубокое бурение...

— Мое дело пригласить. Место в вездеходе найдется.

— Спасибо за приглашение, в другой раз...

Салли завернула Павлышу несколько бутербродов на дорогу и дала термос с кофе.

— Не расстраивайся, — сказала она, когда Клавдия удалилась к себе в лабораторию. — Мне в самом деле сегодня надо работать. Мы слетаем с тобой в следующий раз.

— Не знаю, когда он будет, — ответил Павлыш. — Завтра возникнет еще миллион дел.

— Придумаем что-нибудь. Сегодня ты найдешь какие-нибудь особенно красивые места. Хорошо?

Салли поднялась на цыпочки и легонько поцеловала Павлыша в висок. Она была высока ростом.

— Я знаю, что сделаю. Я уже все обдумал.

— Что?

— Я переселяюсь в лабораторию. Вместе с тобой.

— Со мной?

— Да. У нас будет свой домик, мы сможем закрыть за собой дверь. Почему нам нужно притворяться и делать вид, что мы не нравимся друг другу?

— Ты не умеешь делать вид.

— Тем более Клавдия все равно недовольна.

— Разумеется. Это крушение принятых норм. Она отлично знает, откуда берутся дети, не считай ее лиловым чулком. Но в экспедиции она привыкла, что на твоем месте находится Сребрина Талева. Наши отношения неправильны, неожиданны, и она никак не может к ним приспособиться, а нас всегда раздражает то, к чему мы не можем приспособиться. Например, нас раздражает эта планета.

— Не надо философствовать. Поставим ее перед фактом.

— Ничего не выйдет — лаборатория недостаточно стерилизована. Клавдия скорее умрет, чем позволит кому-нибудь жить там.

Закончить этот разговор они не успели, потому что вернулась Клавдия. Она принесла желтый листок.

— Третьего дня, — сказала она, — один из моих скаутов зарегистрировал металлическую аномалию вот в этом квадрате. Причем его сообщение сбивчиво — я не смогла понять, что там за выход. Если тебе все равно куда лететь, погляди в этой долине. Аномалия поверхностная, и это тем более странно.

— С удовольствием, — проговорил Павлыш.

* * *

Павлыш сделал круг над станцией, погода была хорошая, видно далеко. Туманной скалой поднимались, исчезая в облаках, стволы гигантских деревьев. По озеру шли некрутые волны, дальше, на глубине, они курчавились барашками. На Земле Павлыш давно бы вышел в озеро на надувной лодке и порыбачил или понырял бы в свое удовольствие. Впрочем, надо будет совершить экскурсию по дну озера. На той неделе.

Затем Павлыш поднял вездеход выше, прорезав облака.

Из облаков вылетела стая птиц — таких Павлыш уже видел, это были странные создания, наверное, пресмыкающиеся, — надо будет отловить экземпляр для исследования; они устроили в воздухе отчаянную драку: сплетались клубком, разлетались снова, бросались друг на друга.

Вершины гор, еще далекие, высились над облаками. Ближе — черные, бесснежные; дальше — покрытые снегом, массивные, спокойные и знакомые — горы везде одинаковы, на любой планете.

Вездеход снизился к горам. Теперь можно было понять схему расположения горной системы. Горы поднимались уступами от долины, переходя в первый, сравнительно невысокий и пологий хребет. За ним тянулись высокогорные долины, в которых даже сейчас, летом, не таял снег. За долинами цепью возвышались горы повыше — уже настоящие великаны, высотой более пяти километров. Дальше — Павлыш знал об этом, но издали было трудно увидеть — располагался могучий узор вершин, самых высоких на планете, и наивысшая гора высотой больше одиннадцати километров, которой еще предстоит получить достаточно красивое и гордое название.

Туда Павлыш пока не полетел.

Он опустил машину на пологом склоне второго хребта. Посидел немного, не открывая люка.

Было очень тихо. И тишина эта была чистой и торжественной. Тишина, которую никогда и никто еще не нарушал звуком голоса.

Затем Павлыш вышел на связь и спросил, как дела на станции.

Клавдия ответила, что все в порядке, и попросила не опаздывать к обеду. Она была настроена мирно, напомнила Павлышу, чтобы он заглянул в ту долину, где замечена аномалия.

— Обязательно, — заверил Павлыш. — Только чуть попозже.

Он открыл люк и вышел наружу. Ветра не было. Ноги сразу уплыли в снег — почти по колено, снег был покрыт блестящей твердой коркой: за длинный день летнее солнце растапливало его. Но внутри он оказался сухим, рассыпчатым и слишком белым — здесь еще Павлышу не приходилось видеть такого яркого белого снега.

Павлыш взял пригоршню снега и сжал перчаткой. Снег рассыпался и пудрой потек вниз.

Потом Павлыш совершил преступление против инструкций, но как биолог он понимал, что здесь ему ничто не грозит. Он снял шлем.

Холодный воздух обжег лицо, на секунду Павлыш даже удержал дыхание, чтобы не пустить в легкие мороз. Когда он все же вдохнул, то все ожидания сбылись — это был хрустальный, первозданный, замечательный воздух.

Держа шлем в руке, Павлыш пошел, проваливаясь по колено в снег. Он не спешил, был только один звук — звук хрустящего снега. Здесь, на высоте, с непривычки сбивалось дыхание — а всего километра четыре, не больше.

Белая птица пролетела вдали. Значит, и здесь есть какая-то жизнь. А почему ей не быть — воздух нормальный.

Замерзли уши. Павлыш пожалел, что не взял теплой шапки — у него была с собой старая вязаная шапка.

Павлыш надел шлем, включил отопление.

Ему не хотелось уходить. Он стоял, медленно поворачивая голову, и разглядывал поочередно вершины, столь схожие и столь величественно разные — это была особенная, торжественная и совершенная архитектура, которая свойственна лишь большим горам. Яркое белое солнце плыло над вершинами, и небо было куда темнее, чем на Земле, и были видны звезды.

Павлыш вернулся к вездеходу, поднял его вновь и прошел к дальнему большому хребту. Он летел вдоль горной цепи, вглядываясь в детали великанов: в скальный обрыв километровой высоты, в узкий гребень, над которым навис снежный карниз, в трещину в леднике, уходящую в голубую бесконечность... Одни любят смотреть на огонь, другие — на море. Павлыш больше всего любил смотреть на горы.

Он почувствовал, что устал и проголодался. Достал бутерброды, выпил кофе, снова поговорил со станцией и снова услышал напоминание Клавдии заглянуть в ту долину.

Поэтому Павлыш перед возвращением взял курс туда. В полете он мирно прихлебывал кофе, нежась в умиротворенном состоянии человека, который не обманулся в высоких ожиданиях.

Вездеход опустился на склоне долины, схожей с огромным цирком.

— Ну, где здесь у нас аномалия? — сказал вслух Павлыш и выглянул в иллюминатор.

С той стороны ничего не было — белый склон. Он поглядел в другую сторону, вниз.

Потом произнес:

— Так. Именно так.

Из всех невозможных зрелищ, которые выпадают на долю человека, ему выпало самое невероятное.

Внизу, в долине, на арене снежного цирка, маленький отсюда, сверху, лежал космический корабль.

В первое мгновение он показался Павлышу совершенно целым, и он даже подумал на мгновение: может, это другая экспедиция... А потом понял, что корабль погиб.

Диск стоял склонившись, касаясь краем снежного поля, снежная ледяная шапка прикрывала его вершину.

Павлыш резко поднял вездеход и бросил его к кораблю.

Выскочив из вездехода, он вспомнил, что не сообщил об от-

крытии на станцию, чем еще раз непростительно нарушил инструкции, но потом выкинул эту мысль из головы.

На боку корабля поблескивала надпись: «Полюс».

* * *

Корабль не хотел пускать Павлыша внутрь.

Пассажирский люк был приоткрыт, но добраться до него не было возможности — он оказался на высоте трех метров. Трап не смогли или некому было опустить. Грузовой люк был заклинен при падении. Обойдя корабль и поняв, что находится в положении кота, которому предлагают напиться из кувшина с узким горлом, Павлыш, проваливаясь в снег, медленно брел вокруг «Полюса» и вдруг поймал себя на мысли, что не спешит проникнуть в корабль, боится встречи со зрелищем внезапной, давно замерзшей смерти.

В то же время хотелось надеяться... На что? И тут же Павлыш придумал ответ: на то, что кто-то остался жив, смог поднять планетарный катер и уйти в космос.

Нелепость этой мысли заставила досадно поморщиться. Ведь Павлыш отлично знал, что это за корабль, знал, что он давно пропал без вести. Последняя связь с ним была, когда он уходил в большой прыжок совсем в другом секторе. Что-то произошло во время прыжка. Корабль из него не вышел. И сгинул бесследно, что бывает крайне редко, может, раз в десятилетие.

Оказывается, корабль вышел из прыжка только для того, чтобы бессильно рухнуть в этих холодных горах. И, разумеется, никто с него не спасся. По той причине, что если бы они запустили спасательный катер, то могли бы добраться до обитаемой планеты. Этого не произошло.

Павлыш вернулся к себе в вездеход, вспомнил, что Клавдия, наверное, сходит с ума — так давно он молчит.

Если Клавдия и сходила с ума, то она отлично держала себя в руках.

— Что-нибудь случилось? — спросила она ледяным голосом, когда услышала Павлыша.

— Как тебе сказать...

Клавдия молчала. Связь работала отлично, Павлышу было слышно ее быстрое дыхание.

— Я нашел «Полюс», — сказал Павлыш.

— Какой полюс?

— Помнишь, ты мне говорила об аномалии? Это не аномалия. Это космический корабль «Полюс». Может, ты слышала, что он исчез двадцать лет назад?

— Ой! — раздался голос Салли. Видно, она стояла рядом с

Клавдией. Может, тоже беспокоилась, куда пропал Павлыш. — А люки?

— Он погиб. Разбился. Сейчас я постараюсь проникнуть в него.

— Подожди, — остановила его Клавдия. — Мы не знаем причины гибели.

— Он разбился, — повторил Павлыш. — Прошло двадцать лет.

— Тогда нечего спешить. Мы прилетим туда вместе. По инструкции нельзя идти одному.

— Я в скафандре.

— Конечно, Слава пойдет, — проговорила Салли. — Я бы тоже пошла.

— Я категорически против, — отрезала Клавдия.

— Прости, — ответил Павлыш и отключил связь.

Это было открытой революцией, мятежом на борту.

Павлыш открыл ящик с экспедиционным снаряжением. В экспедиционном катере должны быть первобытные вещи — веревки, крючья. Обстоятельства бывают столь неожиданными, что вся технология космического века оказывается бессильной без куска троса.

Павлыш сразу же отыскал идеальное приспособление, чтобы проникнуть на корабль, — реактивный ранец.

* * *

Внутри корабль сохранился замечательно. Он был как бы заспиртован ледяным воздухом.

Павлыш медленно шел коридорами корабля, заглядывая в каюты. Его целью был пульт управления. Там должен сохраниться судовой журнал.

Каюты были пусты. Это было странно: даже если большая часть команды находилась в анабиозном отсеке, вахтенных на таком корабле должно было быть не менее десяти человек.

В каютах все оставалось таким же или почти таким же, как в момент гибели судна, вещи на местах, но ни одного трупа.

На корабле летели семьями. В одной каюте — Павлыш запомнил ее номер: 44 — его вдруг тронула картина запечатленного мгновения, там стояла детская колыбель, возле нее початая бутылочка детского молока. Игрушки в колыбели...

Павлыш был уже убежден, что после аварии на корабле оставались живые люди. И ему предстояло понять, что с ними случилось потом.

Павлыш отыскал пульт управления. Он сильно пострадал, приборы управления были разбиты. В мертвом хаосе чудом казалось зеленое мерцание сигнала автоматической наводки на Зем-

лю. Павлыш выключил его — мерцание зеленого огонька в столь окончательно погибшем корабле было зловещим.

В узле управления и в других служебных помещениях «Полюса» Павлыш никого не нашел. Не было и судового журнала. Не было людей и в двигательном отсеке, пострадавшем более всего. Наконец Павлыш добрался до анабиозного отсека. Дверь в него была заперта. Но Павлыш был готов к этому. Он захватил с катера резак.

Замок поддался довольно легко.

В анабиозном отсеке было темно — стены здесь, в отличие от других помещений, не были покрыты светящимся составом. Павлыш включил шлемовый фонарь.

И тогда все понял.

Люди в анабиозных ваннах погибли вместе с кораблем. Вернее всего, при аварии сразу отключился энергоблок, и оставшиеся в живых обитатели корабля не могли оживить систему реанимации. Хотя, судя по всему, пытались. Некоторые из ванн были открыты, но старания оказались тщетными.

А потом растворы в ваннах замерзли, и те, кто спал в момент гибели корабля «Полюс», оказались закованными в прозрачные ледяные глыбы.

И тут же, в проходах между ваннами, Павлыш нашел тех, кто погиб вне отсека. У кого-то хватило сил перетащить их тела сюда.

Павлыш не стал задерживаться в анабиозном отсеке. Ему было там страшно. Можно быть сколь угодно рациональным, трезвым и даже отважным человеком и все равно внутренне сжаться, услышав за спиной, в ледяной тишине, воображаемые шаги и увидев вдруг в неверном луче шлемового фонаря, как под стеклом анабиозной ванны дрогнет веко или дернется в усмешке рот человека, погибшего двадцать лет назад.

Павлыш отступил к выходу, не в силах обернуться спиной к кладбищу «Полюса». А когда закрыл за собой дверь отсека, то прижался спиной к стене коридора и простоял так несколько минут, чтобы прошла проклятая слабость в ногах.

Затем он пошел к выходу, который оказался очень далеко. Павлыш шел все быстрее и задержался только раз, заглянув в распахнутую дверь какого-то складского помещения, потому что его удивил разгром, царивший там, — словно какие-то дикари или животные добрались до ящиков и пакетов, разбросав по полу, раскрыв кое-как, будто камнями и когтями, банки и пакеты, пробуя и бросая их, если не понравились. Этого не могли сделать обитатели корабля, даже в момент крайней нужды, хотя бы потому, что знали, как открывать банки... Значит, в корабле кто-то побывал после того, как последние люди погибли или оставили его. Объяснения этому не было, объяснение требовало существо-

вания на планете достаточно высокоорганизованных животных или даже первобытных людей. А Павлыш как биолог был совершенно убежден, что высших животных на планете нет. И лишь когда он отошел на несколько десятков метров от разгромленного склада, простая и убедительная мысль пришла в голову. Подсознательно он раньше гнал ее от себя: люди умирали на погибшем корабле постепенно, один за другим, и последние, или последний, раздавленные безнадежностью и ужасом, сошли с ума. И умирающий безумец, не сознавая, что делает, приполз в этот склад, потому что смерть была немилостива к нему...

Скорей на волю! Чтобы было солнце и свежий воздух. Скорее вырваться из безмолвной гробницы, населенной ледяными тенями давней, но законсервированной стужей трагедии!

* * *

Они так уморились и промокли за ночь, что к рассвету, когда волнение стихло и островок перестало заливать, свалились и заснули как убитые.

Дик и Казик обняли Марьяну и прижались к ней с двух сторон. Они думали, что так теплее, и даже во сне старались не шевелиться, чтобы не сделать ей больно, а Марьяна, которая все время просыпалась, не могла согреться, ее бил озноб, и надо было сдерживаться, но Олег все не шел, он уходил куда-то, она звала его, бежала за ним, тут отказывала больная нога — у нее и не было вовсе ноги, — и Олег не оборачивался, и догнать его не удавалось... Земля качалась, потому что было землетрясение и сверху на нее падала крыша...

Марьяна очнулась — пленка закрыла лицо и мешала дышать, Марьяна отодвинула ее. Дик и Казик лежали по обе стороны, и она вспомнила, как в прошлом году они лежали на снегу и замерзали, и ребята тоже клали ее в середину, чтобы согреть. И тогда она не знала, что снова придется замерзать так далеко от дома, но в двух шагах от Земли — ведь правда в двух шагах?

Островок укачивал ее, хотя не должен был этого делать.

— Дик, — произнесла Марьяна. — Мы плывем?

— Что? — спросил он во сне, но через несколько секунд проснулся, сел, откинул пленку и сказал: — Этого еще не хватало.

Зашевелился, застонал, никак не мог проснуться Казик. Кожа да кости, в чем душа держится — о нем всегда так говорили женщины в поселке, сейчас бы им на него поглядеть.

Марьяна попыталась сесть. Локти проваливались в подстилку, а нога сегодня почти не болела.

Вокруг была только вода — ничего больше. Их унесло, пока они спали.

Дик встал, ухнул по колено в воду; опершись ладонями, вытащил ногу и стал осматриваться. Проснулся Казик.

— Нам повезло, — проговорил Дик, — могло быть хуже.

Пока они спали, «корабль» стянуло течением с острова. Но ветер дул удачно, и потому они оказались ближе к дальнему берегу реки.

Они стали грести к берегу, пользуясь попутным ветром, гребли ладонями, даже Марьяна подползла к краю, свесилась через бревно и подгребала.

Казик стянул с себя рваные штаны и куртку, от которой остались только клочья, и прыгнул в воду. Он плыл за плотом и бултыхал ногами, толкая его перед собой. А потом, когда берег уже стал ближе и их всех охватило нетерпение, за ним прыгнул Дик и тоже толкал плот, даже не чувствуя, какая холодная вода.

Они толкали, задыхаясь, этот проклятый тяжелый плот, который, как живой, сопротивлялся им. И вдруг Дик ударил ногой дно. Он сильно толкнул плот вперед. Казик потерял равновесие, чуть не захлебнулся, потому что для него там еще было глубоко. Дик вытащил его из глубины, и они пошли к берегу за плывущим плотом. Они шли не спеша, лишь подталкивая его, когда он замедлял движение, и через несколько минут вынесли Марьяну на низкий пологий берег, под сень невысоких белесых сосен.

Под соснами пахло грибами, во мху бегали насекомые, шуршали кусты, принюхиваясь к пришельцам.

До конца пути оставалось совсем немного.

* * *

На обратном пути Павлышу пришлось отвечать на бесконечные вопросы Клавдии и Салли. Ни одной экспедиции не приходилось еще отыскивать погибший космический корабль. Причем корабль, исчезновение которого было у всех на памяти.

— Его не должно быть в этом секторе, — говорила Клавдия, словно Павлыш нарочно, чтобы ее позлить, привел сюда «Полюс».

— Если авария случилась во время прыжка, — возразил Павлыш, — они могли выйти и здесь.

— Да, но комиссия решила, что они так и не вышли.

— Ты уверен, что никто не выжил? — спросила Салли.

— Я ни в чем не уверен, — сказал Павлыш. — Но думаю, что некоторые умерли сразу.

— Если кто-нибудь и остался, они бы не выжили здесь и дня, — решила Клавдия.

— Когда это было? — спросила Салли.

— Я не нашел судового журнала. Но даже летом там мороз. Ночью опускается до сорока. В другие времена года хуже.

— Им некуда было идти, — произнесла Клавдия.

— Мы обследуем окружающие горы, — предложил Павлыш.

— Там было много людей, — припомнила Клавдия.

— И дети, — добавила Салли. — Экспедиция и колонисты.

Женщины разогрели ужин к прилету Павлыша, но есть ему не хотелось. Он сразу начал прокручивать пленки.

...Корабль в снежном цирке.

Он же — ближе, нависает блестящий бок. Крупный план — тусклая, исцарапанная ветрами и снегом поверхность борта. Коридор корабля. Яркий свет от шлемового фонаря Павлыша. Пульт управления, осколки приборов... Следы взрыва в двигательном отсеке... холодное запустение смерти.

Они пили кофе, они сидели в маленькой, теплой и чистой гостиной станции, и каждый представлял себе мертвый холод космоса, продолжением которого были те горы, где нашел смерть корабль «Полюс».

— Посмотрим остальные пленки? — спросил Павлыш.

— Не надо, — сказала Клавдия. — Завтра. Надо выяснить, что положено делать.

— А что положено? — Павлыш понял, что никогда не встречался с такой ситуацией. А ведь есть правила на все — на выход в открытый космос и на поведение при встрече с аборигенами. Даже самые немыслимые ситуации — и те имеют соответствующее правило.

— Что мы можем использовать? — спросила Клавдия.

— Как использовать? — не поняла Салли.

— Планетарные катера целы?

— Катер поврежден. Точка удара пришлась на транспортный отсек.

Клавдия включила информаторий. Он выдал текст на экран, буквы были строгими, четкими, не допускающими возражений. Клавдия повторяла текст вслух:

— «При эвакуации с исследуемой планеты экспедиция должна убедиться в том, что на планете не остается ни одного предмета земного происхождения, за исключением приборов, оставление которых предусмотрено с целью их дальнейшего извлечения...»

— Это не совсем тот случай, — сказал Павлыш. — Пожалуй, тут имеется в виду моя зубная щетка.

— Зубная щетка?

— Три дня не могу отыскать, — объяснил Павлыш. — Может, она завалилась в какую-нибудь щель, и через миллионы лет, когда здесь возникнет цивилизация, они откопают щетку и поймут, что на их планете побывали пришельцы.

— Не время для шуток, — оборвала Клавдия, склоняясь к дисплею. — Здесь должно быть что-нибудь еще. Я точно помню. Вот.

Снова зажегся экран информатория: «В случае обнаружения на исследуемой планете попавших туда в результате небрежности предыдущей экспедиции либо в результате несчастного случая предметов земного происхождения экспедиция обязана забрать их с собой, а в случае невозможности этого сделать — уничтожить».

— Я же говорила. — Клавдия была рада, что память ее не подвела.

— Ну как же так, — возразила Салли. — Там же люди...

— Люди погибли двадцать лет назад.

— Можно не спешить, — проговорил Павлыш. — Мы еще не улетаем.

— Надо спешить, — сказала Клавдия.

Она опять копалась в индексе.

Павлыш не понял, что Клавдия ведет с ним войну. Он начисто забыл о своем бунте, о том, что пошел на «Полюс», открыто не подчинившись Клавдии, и она вынуждена для самой себя утверждаться в главенстве.

— Это где-то в примечаниях, — припомнила она. — Там должны быть примечания.

— Я не понимаю, — произнесла Салли. — Что может случиться?

— Я могу ошибиться в точных формулировках, — сказала Клавдия, — но смысл мне понятен. Как должен быть понятен и вам. Корабль, потерпевший крушение, — источник земных микроорганизмов. По нашей вине может произойти экологическое бедствие.

— Микробы вымерзли, — возразил Павлыш.

— Ты можешь гарантировать? Как биолог?

— Нет, не могу, — согласился Павлыш.

Он понимал, что хочет сказать Клавдия. Павлыш заходил в корабль. И если что-то из чужого этому миру, а может, и вредных для него микроорганизмов или вирусов оставалось там, Павлыш предоставил им шанс вырваться наружу. И сейчас не так уж холодно — даже высоко в горах. И неизвестно, случится что-либо или нет. Вернее всего, не случится. Но инструкции составляли очень умные и предусмотрительные люди.

— Однако нельзя же... — начала Салли. — Он сейчас как памятник... — Она осеклась.

— Люди вышли в космос не для того, чтобы оставлять памят-

ники, могущие погубить чужую жизнь. Мы — не источники заразы, — произнесла Клавдия. — Смысл настоящей цивилизации — гуманизм.

Высокие слова зажгли глаза Клавдии светом подвижника.

«Тебя бы на костер, — подумал Павлыш, — пламя бы отступило».

Салли поднялась и вышла из комнаты поставить чай.

Остановилась в дверях.

— Ты так всегда уверена в своей правоте...

Клавдия не ответила.

* * *

Когда они отдохнули немного, Казик собрался идти к станции.

Марьяна предложила ему:

— Ты подожди, обогреешься, обсохнешь.

— Я обсохну по дороге. Я быстро хожу.

Дик отдал ему свой нож — нож Казика никуда не годился — и хотел отдать бластер, но Казик не взял. Он не доверял бластеру. Он сказал:

— Тебе нужнее. Я буду идти, а тебе надо сидеть и ждать.

Казик шел до темноты, но на пути ему встретилась речка, она была очень быстрой, и он пошел вверх по ней в поисках места, чтобы перебраться, однако забрел в болото.

И уже в темноте вернулся обратно.

Он увидел костер, который разжег Дик.

— Это я! — крикнул он издали.

— Не нашел? — спросил, поднимаясь, Дик.

— Завтра найду. Теперь я знаю.

Марьяна лежала с открытыми глазами и молчала. Ей было больно, но не в ноге, а во всем теле — тупая медленная боль.

* * *

...Они поднялись, когда рассеялся утренний туман. Туман уходил, стекая, как кисель, в озеро и прячась в лесу. Среди клочьев тумана был и дымок костра, на котором Дик кипятил воду. Павлыш, улетавший с Салли к «Полюсу», не заметил дыма. А если бы и заметил, то принял бы его за стелящийся туман, но Казик посмотрел на небо как раз в тот момент, когда катер мелькнул над вершинами деревьев.

— Вон они! Улетают! — закричал он.

— Ты видел? — спросила Марьяна.

— Да, маленький корабль.

— Наверное, они полетели на разведку, — решил Дик.

— Хорошо бы не все полетели, — отозвался Казик. — Как ты думаешь, их много?

— Не все ли равно?

— Если много, у них есть другой корабль, чтобы забрать Марьяну, — сказал Казик. — Я пошел, хорошо?

Он был взвинчен — свидание с Землей было таким близким.

— Подожди, выпей чаю, — напомнил Дик.

Дик мог бы оставить Казика и пойти к станции сам, но он ничего больше не произнес. В лесу одинаково опасно. Человек, который движется, находится не в большей опасности, чем тот, кто охраняет беспомощную девушку. Он понимал, какое это счастье для Казика — увидеть настоящих землян.

А сам этого чувства не испытывал. Он только беспокоился за Марьяну: она была сегодня совсем плохая. Он заставил Казика выпить горячей воды и сказал:

— Ну, беги.

Он знал, что никто на планете не ходит по лесу быстрее, чем Маугли.

* * *

Клавдия плохо спала в ту ночь.

Вечером снова вспыхнул спор с Павлышом: Клавдия настаивала, чтобы с утра он принял меры к ликвидации корабля. Слово «ликвидация», которое она употребляла по отношению к «Полюсу», как бы обезличивая действия Павлыша, помогало ей не видеть за «Полюсом» того, что видел Павлыш. Существовал предмет, который представлял собой угрозу для планеты. Существовали инструкции, которые предусматривали ликвидацию опасного предмета. Корабля «Полюс» не существовало давно. Разумный акт ликвидации, который она навязывала Павлышу, как бы подводил черту под событием, имевшим место двадцать лет назад.

Клавдия сама вскрыла контейнер с имплозивом — взрывчатым устройством, не распространяющим взрывных волн и не нарушающим природного баланса, перетащила тяжелый ящик в кают-компанию и безапелляционным тоном приказала Павлышу во исполнение инструкции завтра с утра ликвидировать корабль «Полюс», сделав голограмму его внутренних помещений для отчета в Звездной комиссии. Если нужно, согласилась она с требованием Салли, Павлыш может изъять из «Полюса» все предметы и материалы, могущие представлять ценность для исследований или сентиментальное значение для родственников тех, кто погиб.

После этого Клавдия выдержала бурный, неорганизованный

и слишком эмоциональный напор Павлыша, который категорически отказывался взрывать корабль.

— Мы находимся, — проговорила она спокойно и размеренно, — в дальней разведке. Когда вы, Павлыш, соглашались лететь в эту экспедицию, вы отлично знали, что в чрезвычайных обстоятельствах решение остается лишь за начальником экспедиции. В случае неподчинения член экспедиции, виновный в этом, навсегда, я повторяю, навсегда лишается права работы в космосе. Вы можете оспаривать мое решение, вы можете считать его неразумным. За это решение ответственность несу только я. Вы же обязаны ему подчиниться. Правило это, как вы знаете, не имеет исключений. Не раз оно спасало экспедиции.

— Клава, — возразила Салли. — Это не тот случай. Нашей экспедиции ничто не угрожает. Мы можем отложить это решение до отлета. Время еще есть.

— Мы не можем отложить решение до отлета. С каждой секундой повышается опасность заражения этой планеты.

Павлыш молчал.

Логика и железная уверенность Клавдии обладали неким гипнотическим эффектом. Возможно, он бы продолжал спорить и находить аргументы, не будь он воспитан на Дальнем флоте, где авторитет капитана, начальника экспедиции — обязательный и чуть ли не главный элемент воспитания. Клавдия была права — в решающий момент командир корабля или начальник экспедиции имеет право и даже должен принять решение, которое не обсуждается. Элемент ошибки, который заключается в этом, всегда меньше, чем риск возникновения анархии. Человечество может достичь звезд, всеобщего благополучия, люди могут путешествовать во времени и покорять дальние галактики. Но они остаются теми же людьми, какими были тысячу лет назад. Самый гуманный и талантливый человек будет бояться смерти и стремиться к любви. Одни буду жаждать славы, другие покоя, люди буду выбирать себе друзей и спутников жизни, но будут встречать и врагов и соперников, идеального человека, идеального общества, к счастью, быть не может — иначе бы человечество замерло в нирване и сгинуло бы в благостной неподвижности. Поэтому в космосе должен властвовать Закон, придуманный людьми, недостаточно совершенный, чреватый ошибкой, но единый для всех и нерушимый.

Этот закон олицетворяла сейчас Клавдия Сун, маленькая упрямая женщина, уверенная в своей правоте так же, как был убежден в своей Павлыш. И правота Павлыша должна была отступить.

— Лучше бы я не находил его, — такими были последние слова Павлыша.

Он вдруг понял, что смертельно устал за день и никого не хо-

чет видеть. Ни правильную Клавдию, ни добрую Салли. Они чужды ему, если, подчиняясь закону, человек продолжает осознавать свою неправоту перед силами высшими, нежели закон.

Клавдия не спала всю ночь, потому что ей было страшно спать. Она не была на корабле, но видела пленки, снятые Павлышом. Ее воображение было достаточно развито, чтобы представить себя на мертвом корабле.

Стоило ей заснуть, как мертвый корабль оживал и люди, которых она обрекла на вторую смерть, сходились к ней, приближались вплотную и что-то пытались сказать. С ними надо было спорить, доказывать, что она лишь выполняет свой долг, а те не понимали и грозили, хотя лиц их она не видела, старалась увидеть, но не было лиц... Клавдия в ужасе просыпалась и старалась не заснуть снова. Ей казалось, что она не спит, и лишь новый приход тех людей доказывал, что она снова заснула...

К утру эта бесконечная борьба с людьми с «Полюса» истощила ее настолько, что она поняла — убедить их не удастся и придется оставить их в покое. И эта мысль принесла такое облегчение, что Клавдия тут же заснула глубоко и без сновидений. Когда она проснулась, было около десяти часов утра — станция была пуста. Павлыш с Салли улетели, не стали ее будить.

Клавдия поднялась, голову ломило, она старалась восстановить в памяти кошмар, но он был бесформенным и каким-то глупым. Она поняла, что не приказывала Салли лететь с Павлышом, хотя, разумеется, лететь вдвоем было правильнее...

Клавдия умылась ледяной водой, сделала гимнастику, выпила чашку крепкого кофе — эти действия не исправили тягучего, отвратительного настроения, но полностью изгнали из памяти кошмары. И она представила себе, как Павлыш летит, сидя рядом с Салли, и они посмеиваются, вспоминая о вчерашних спорах, может, даже говорят о ней с усмешкой. Разумеется, с усмешкой, а Салли с готовностью кивает, соглашаясь... Клавдия не стала вызывать катер. Приказ отдан. Он должен быть выполнен, иначе завтра на станции воцарится анархия.

В конце концов, это эпизод, не более как эпизод. Давно погибший корабль, давно погибшие люди... Освоение космоса не обходится без жертв. И если не подчиняться дисциплине, то жертвы утроятся.

И Клавдия попыталась заняться делами.

* * *

Казик спешил, он теперь знал, как надо идти, — болото обогнуть повыше, через гряду холмов, а потом резко взять по лощине к тому месту, где речка растекается по камням и становится мелкой.

У реки он задержался, отыскал место поспокойнее, где вода была как зеркало. Не такое, конечно, как то, что Марьяна оставила в поселке, но все же можно поглядеться. Он даже удивился — лицо стало таким узким и темным, что только белки глаз не испачканы. И волосы кажутся застывшей кашей.

Причесаться было нечем, но мылся Казик минут пять — и просто водой, и илом. Он понимал, конечно, что земляне будут им недовольны — Казик совершенно за собой не следит, не зря его всегда ругает тетя Луиза.

Он перешел через реку вброд, в одном месте было почти по пояс, и замерз он страшно, так что по лесу он побежал. Лес был негустой, сосняк, светлые голубоватые стволы отклонялись от него, боялись шума, хищные лианы он срезал на бегу ножом — хороший нож, может, Дик его потом подарит, а то Казик остался без ножа... Он обязательно попросит у земных людей книгу по географии. Первым делом, когда все кончится, он попросит у них книгу по географии с цветными картинками. Старый говорил, что бывают книги с объемными и движущимися картинками. Что еще нужно человеку?

* * *

Олегу не было холодно. Снег, сыпавшийся густо и упрямо, сначала срывал палатку жесткими струями, а потом, превратив ее в холмик и затихнув, словно довольный тем, что восстановил чистоту и белизну горной долины, стал тяжелым, душным и теплым.

Олег устал, ему хотелось спать, мысли двигались лениво и безвольно. Вчера они шли весь день, они старались идти так, чтобы все время подниматься. Они уже знали, что заблудились, но не переставали надеяться, что все же выйдут к перевалу, пускай не в нужном месте, это не так важно — только бы вырваться из облака, наверх, где нет бесконечной пурги.

Они упали — сил не было даже на то, чтобы согреть воды, — не дождавшись темноты. В серой мгле, молча, будто совершали уговоренный ритуал, они расстелили палатку, удерживая ее, чтобы не унесло вьюгой, потом закутались в нее и покорно лежали, чувствуя, как полог тяжелеет, заваленный снегом.

Ночью Олег проснулся — а может, ему показалось, что он проснулся, — от жалости к матери. Он уже догадался — именно тогда, ночью, во сне, — что никогда больше не увидит мать. И ему стало бесконечно жалко ее, потому что теперь мать, даже если их найдут и привезут на Землю, всеми мыслями останется здесь, на планете, у нее ничего больше нет. И ему стало стыдно, как часто

он грубил ей, не слушался ее и не хотел слушать рассказы об отце и прежней жизни. Олег заплакал и беззвучно, чтобы не разбудить тяжело дышавшего Сергеева, просил у матери прощения.

* * *

Клавдия села за стол поработать. И ничего у нее не получалось.

Через несколько минут она поймала себя на том, что тупо глядит в окно. Лес за эти недели изменился: лето заставило распуститься листья на деревьях — маленькие зеленые листочки на длинных волосах ветвей; мох выпустил свежие побеги, которые вздрагивали, когда близко пролетало насекомое, стараясь схватить добычу; лишайники вспучились и медленно дышали; в чаще появилось куда больше животных — то ли пришли с юга, то ли проснулись от зимней спячки. Лес вызывал в Клавдии отвращение, но и притягивал ее. Это было странное желание, которое овладело Клавдией, как жажда, — выйти в этот лес и пойти по нему, просто так, без скафандра, ничего не опасаясь.

Нет, так не пойдет, спохватилась Клавдия и заставила себя думать о работе...

Не хватало еще этого корабля! Гробница Тутанхамона!

Клавдия была легко ранима и впечатлительна, но старалась скрыть это от окружающих, потому что в ином случае ей нет места в Дальней разведке. Она привыкла за последние годы подавлять чувства, которых стыдилась, и поддержание репутации вычислительной машины, вызывавшей к ней уважение, но редко — симпатию, казалось целью ее жизни. Удивительно, но Клавдия не догадывалась, что Сребрина и Салли работают с ней уже не в первой экспедиции совсем не потому, что Клавдия методична, работоспособна и пунктуальна. Наоборот, они любили другую Клавдию, которую та скрывала даже от себя самой. Видели, понимали ее и привычно игнорировали сухую оболочку начальницы. Обе они опекали Клавдию, как неловкого сына, которого не любят соученики по классу, отличника и занудного зубрилу, потому что знают: дома, когда никто не видит, он совсем другой и часами возится с больным котенком, рисует цветы или выпиливает из дерева рыцарский замок.

Клавдия влюбилась в шумного и неправильного Павлыша еще на корабле, когда и речи не было о том, чтобы взять его в экспедицию. И, влюбившись, стала относиться к нему резко, холодно и подчеркнуто враждебно. Ей на этот раз удалось обмануть не только себя, но и проницательную Салли. Когда же оказалось, что волей случая Павлыш летит именно с ней, ее охватила такая бешеная радость, что она сама привычно, умея бороться с собой

и не понимая себя, истолковала ее как волнение, потому что именно такой человек, как Павлыш, — опасность для налаженной экспедиции. Но так как Клавдия была человеком дела, она тут же доказала себе, что задачи экспедиции важнее всего и следует пойти на жертвы, чтобы экспедиция не сорвалась. Стиснув зубы, изнывая от любви к Павлышу, она приняла его на станцию. Когда же обнаружилось, что Павлыш и Салли, два больших, веселых и добрых человека, тянутся друг к другу и их сближение — лишь дело времени, потому что оно естественно, Клавдия нашла массу аргументов, заставляющих ее как человека, ответственного за экспедицию, воспрепятствовать этому сближению.

Может, из-за того, что Клавдия находилась в постоянном возбуждении, не давая себе возможности разобраться в его действительных причинах, она прониклась таким активным отвращением к планете. Тем более что планета и в самом деле была первобытной, опасной и враждебной человеку. Впервые в жизни Клавдия хотела одного — чтобы экспедиция закончилась и можно было вернуться в обычный мир камеральных работ и деловой суматохи, мир, в котором ее никто не понимал, но все считали, что ее понимают.

И в то же время, как бы ей ни была отвратительна планета, как бы ни возмущала она ее праведную и мятущуюся душу, этот мир ее притягивал и тревожил.

...Клавдия поднялась. Ею владела тревога, неумолимое желание действий. Она не могла больше работать. Она даже не могла думать о работе.

Она подошла к плите, хотела поставить кофе, налила воды, но включать плиту не стала.

Потом прошла в переходник и надела скафандр.

«Я выйду, — повторяла она себе, — я выйду на минуту, дойду до леса. В конце концов, почему я должна неделями сидеть в этой тюрьме?»

Будь на станции кто-нибудь, кроме нее, она никогда бы не позволила себе выйти. Сейчас никого рядом не было. И никто не увидит ее. А потому можно представить себе, что не увидит и непреклонная Клавдия Сун. Нет ее, Клавдии, улетела тоже в горы. И выходила в лес не она, а то нелегальное, неосознанное и формально не существующее естество Клавдии, над которым она не имеет никакой власти.

Клавдия проверила, герметичен ли переходник — все пункты инструкции выхода она соблюдала точно, — и шагнула в лес.

До того она бывала снаружи, разумеется, бывала — по делу. То надо было помочь скауту выгрузить пробы, то сходить в планетарный катер. Но она ни разу не была в лесу. И когда Павлыш полушутя и весьма осторожно уговаривал ее отправиться туда

вместе с ним, она сухо отказывалась, давая понять, что необязательными вещами она заниматься не намерена.

Клавдия пересекла поляну, оглянулась. Купола станции и лаборатории смотрели вслед, не одобряя ее поступка.

Ей казалось, что ветер, колеблющий листву, овевает и ее лицо. Она даже провела перчаткой по забралу шлема, проверяя, герметичен ли он. Все было в порядке.

Она вступила в лес, она шла широкой прогалиной медленно, глядя под ноги, чтобы не ошибиться и не наступить на какую-нибудь гадость, потому что ее путешествие по лесу совсем не означало примирения с ним. Это было испытание для себя — если бы вместо леса перед ней был кратер вулкана, возможно, она в таком душевном состоянии спустилась бы и в кратер.

К собственному удивлению, Клавдия с каждым шагом обнаруживала в лесу нечто — то сухой лист, то причудливо изогнутый корень, то пышное движение лишайника, — что ее привлекало своей первозданной красотой и естественностью, всплесками красок, необычностью форм... Клавдия останавливалась, разок даже нагнулась, разглядывая смешного полосатого жучка на длинных ногах.

Жучок при виде Клавдии поднялся на задние лапки и подпрыгнул, и Клавдия не испугалась — она подумала, что он похож на ластящегося щенка, который хочет лизнуть в губы.

Милый жучок промахнулся и обиженно загудел, улетая.

К счастью для Клавдии, она не знала, что яд этого полосатика хотя и не смертелен, но вызывает глубокие незаживающие язвы и, встретив его в лесу, надо бежать без оглядки. Впрочем, она была в скафандре, и ей ничего не грозило.

Улыбаясь смешному жучку, Клавдия проводила его взглядом и хотела было возвращаться, но тут увидела впереди цветы.

Цветы редки на планете — здесь царство простых растений. И чаще всего цветы — это лишь кажущиеся цветами иные существа, даже не обязательно растения.

Клавдия остановилась на небольшой поляне. Центр ее был занят кружком изумрудной травы — травинки блестели, словно намазанные жиром; ближе к деревьям, под нависающим сверху сплетением ветвей, ютились беспомощные нежные комочки — одуванчики, только куда меньше земных и нежнее.

Когда Клавдия приблизилась к одуванчикам, они заколыхались на тонких стеблях, отклоняясь от ветра. Это были одуванчики для Дюймовочки.

Клавдии страшно захотелось дунуть. Дунуть, чтобы они полетели белыми пушинками.

Этого делать было нельзя.

Клавдия даже оглянулась — не подглядывает ли кто-нибудь, не видит ли он преступления?

Лес был тих и безмятежен.

Клавдия немного, на несколько сантиметров, все еще улыбаясь, приподняла забрало шлема и дунула.

Белым облачком пушинки взвились в воздух, закрутились, кидаясь во все стороны.

Несколько невесомых пушинок коснулись ее лица, и Клавдия отмахнулась от этого холодного, щекочущего прикосновения.

И тут же закрыла забрало.

Прикосновение, хоть и было нежным и безвредным, испугало и отрезвило ее. Она быстро выпрямилась.

Зеленые стебельки, на которых только что были одуванчики, спрятались, как живые, под землю.

«Идиотка», — сказала себе Клавдия.

В носу свербило — она успела вдохнуть запах леса, гнилостный, тяжелый, чужой.

Очарование пропало.

Клавдия оглянулась. Лес стоял со всех сторон, неподвижный, настороженный, враждебный чужому.

Она не сразу сообразила, куда ей идти, — было неприятное мгновение нерешительности. Потом сквозь прогалины блеснула крыша купола — она же отошла всего на пятьдесят метров.

Она добежала до купола, сорвала скафандр, бросила его в дезинкамеру и сама тут же перешла в душ.

Горячая, пахнущая лекарственными травами вода хлестала ее. Она мыла лицо, еще и еще раз, все более проникаясь презрением к себе самой. И ей все казалось, что нежное прикосновение пушинок ничем не смыть.

Даже маленький ребенок в поселке не приблизился бы к одуванчикам и, если бы увидел их издали, сразу рассказал бы об этом старшим, потому что нет ничего хуже, чем натолкнуться в лесу на гнездо снежных блох. И взрослые сразу стали бы наблюдать за человеком, увидевшим в лесу гнездо снежных блох, — вернее всего, он заражен и обречен через полчаса или через час потерять рассудок в бешеном припадке... Почти все в поселке прошли через это несчастье, многие по нескольку раз. Из-за этого, когда в прошлом году припадок случился с Олегом, погиб Томас Хинд.

* * *

Что-то Казику в лесу не нравилось. Он был оживлен, кипел жизнью и звуками — это бывает летом, но впереди, куда лежал путь, было куда тише. Может, потому, что там станция, люди распугали зверей? Казик принял эту версию и поспешил дальше.

Пришлось пробираться сквозь завал — видно, здесь была большая буря и на возвышенности лес повалило. Нож Казик держал наготове, двигался бесшумно, стараясь быть незаметным и проскальзывать как тень. Но он задержался в этом завале, все равно здесь не побежишь, да и в трухлявых деревьях любят прятаться всякие гады.

Издали Казик заметил обтянутое паутиной жилище Чистоплюя и обежал его стороной. И тут же учуял стаю шакалов.

От них далеко пахнет в лесу — они никого не боятся и гонят добычу. Чаще они нападают в одиночку, они неутомимы и злы, но иногда собираются в стаю — такая стая напала в прошлом году на Дика с Марьяной. Вот почему в лесу так тихо.

«Ничего, — сказал себе Казик, — от вас мы убежим».

Шакалы тоже почуяли Казика. Первого шакала он углядел, когда пробирался через лощину, и пришлось идти медленнее.

Шакал показался сверху, справа, он смотрел спокойно, будто Казик его не интересовал, будто он просто из любопытства выглянул из кустов и даже удивился: кто это шумит в лощинке?

Но Казик знал, что теперь шакал не успокоится — он или погибнет, или убьет Казика.

Хорошо бы шакал был один.

...Второй шакал поджидал Казика на пути. Как только он выбежал из лощины на плоское место, шакал уже ждал там, присев на задние лапы, — белая шерсть дыбом, черная пасть нараспашку. Словно улыбается.

— С дороги! — крикнул Казик.

Он знал, что шакалов не испугаешь, но так самому было менее страшно.

Казик кинулся на шакала, преградившего ему путь, но тот не шелохнулся, равнодушно поджидая сумасшедшую добычу, которая сама несется в глотку. Ростом он был выше Казика, а когда поднимался на задние лапы, то вдвое выше.

В последний момент, перед самым носом шакала, Казик вильнул в сторону и успел проскочить в нескольких сантиметрах от рванувшейся к нему оскаленной морды.

Казик перепрыгнул через живой корень и побежал дальше. Сзади стучали когти — шакал бежал по следу, и бежал, конечно, быстрее Казика. И как назло, вокруг только сосны с мягкими прямыми стволами — не влезешь, чтобы отсидеться. Впрочем, от шакала трудно отсидеться. Он может ждать целые сутки.

Казик на бегу обернулся, и ему стало обидно от невезения: шакалов уже было трое. Он стал забирать правее, к берегу озера, — может, удастся уйти в воду. Казик не знал, умеют ли шакалы плавать, но все же надеялся: а вдруг нет? Ведь до станции бежать еще километр или два — обязательно догонят.

Впереди высился крутой холм. Казик из последних сил бросился к камням и вскарабкался наверх. Шакалы, все трое, окружили это убежище.

Казик дышал глубоко и часто — он ослаб за последние дни. Может, будь это около поселка, он смог бы убежать, но сейчас не убежишь...

Первый из шакалов начал подниматься наверх, отшвыривая когтями камни. Он поднимался медленно и спокойно. Шакалы все делают медленно и спокойно.

Когда шакалья морда была уже у ног Казика, тот ударил его ножом в горло. Горло — самое слабое место у шакала. Нож наткнулся на кость. Шакал отпрянул, будто не ожидал удара, но тут же полез вновь. Казик успел нанести еще один удар, удачный, прежде чем ему пришлось спрыгнуть с холма и бежать снова, потому что остальные шакалы тоже полезли на холм.

Теперь у Казика было только два врага. А он был цел, ни царапины.

Казик продолжал бежать вперед, и шакалы вновь настигли его у большого мягкого голубого дерева. Он прыгнул на ствол, но поскользнулся, потому что его дернула за руку жгучая хищная лиана.

И в это мгновение зубы первого шакала рванули кожу на плече. Было очень больно.

Казик обернулся и начал бить шакала ножом, прячась за ствол, который изгибался, пытаясь посторониться, и шакалу удалось еще раз укусить Казика. Казик понял, хотя от боли и отчаяния он соображал плохо, что ему не устоять, надо бежать, надо спасаться.

И он побежал, виляя между стволами...

И вдруг выбежал на поляну.

На поляне спокойно, уверенно и гордо стояли настоящие земные купола — блестящие, серебряные и непобедимые.

* * *

Прошло около часа с неудачной вылазки в лес, а Клавдия все не могла успокоиться. Почему-то начала протирать приборы, потом включила стиральную машину и сложила в нее постельное белье. Ей не хотелось, чтобы возвращались Павлыш с Салли, словно она еще не была готова их увидеть. Потом она убедила себя, что проголодалась, открыла экспресс-обед, но есть не стала, а спустила его в мусорокамеру.

Она старалась не смотреть в окна, но они, как назло, встречались на каждом шагу, и лес, враждебный и хитрый, подглядывал за каждым ее движением.

Начало знобить. Клавдия не знала, что это — первый признак укуса снежной блохи, но инстинктивно чувствовала, что с ней творится неладное и это неладное связано с выходом в лес.

Все собирался пойти дождь, стемнело не ко времени, темные тучи нависли над станцией. Ее пораженному болезнью воображению казалось, что деревья шевелятся и собираются все ближе и ближе к дому, чтобы ворваться внутрь.

И когда из леса выскочила окровавленная обезьяна и бросилась к куполу, ведя за собой страшных белых взъерошенных чудовищ — именно такими она увидела Казика и шакалов, — она восприняла это как попытку леса напасть на нее.

Клавдия тут же распахнула шкаф, выхватила анбласт, и все это заняло секунду — она действовала по инструкции, предусматривавшей оборону станции от нападения диких зверей. Делала она все это быстро, механически, преодолевая страх и отвращение.

Звери, напавшие на станцию, сплелись в клубок, и она даже с некоторым облегчением поняла, что у них свои дела: они выясняют свои отношения — это продолжение извечной борьбы за существование, в которой обезьяне придется погибнуть...

Так как свет внутри станции был включен, детали яростного сражения у станции Клавдия не могла разглядеть. Она подумала, что надо включить камеры, и, может, включила бы их, но дурнота и озноб все более овладевали ею, и она не могла бы сказать, почудилось ей или в самом деле в какой-то момент она увидела большие, отчаянные, разумные глаза обезьяны, которая прижалась к стеклу окна. Темная, исцарапанная, окровавленная морда отчаянно двигала губами, словно призывая на помощь.

Устрашась этого зрелища, устрашась морды белого зверя, возникшей рядом с мордой обезьяны — все это заняло доли секунды, — Клавдия подняла анбласт, чтобы выстрелить, защищаясь, в этих чудовищ, но ее остановило сознание, что выстрелом она нарушит герметичность купола и впустит в него инопланетную микрофауну. Обезьяноподобное существо увидело движение Клавдии и метнулось в сторону.

Клавдии показалось, что в лапе у него нож или, может, это был длинный коготь. Существо упало, звери накинулись на него. Зрелище было отвратительным, кровавым, типичным для этой планеты, и Клавдия не хотела смотреть, но смотрела, как в предгрозовой мгле, при свете молний это существо — такое впечатление, что у него не шерсть, а клочья меховой одежды, — ну и шутки играет с ней воображение! — умудрилось вырваться из когтей белых зверей и побежало, падая и поднимаясь вновь, огрызаясь из предсмертных сил, вниз, к озеру...

* * *

Скатываясь по склону к озеру и теряя последние силы, Казик все видел перед собой испуганные глаза земной женщины, прекрасной, чистой, окруженной сверканием земных, совершенных вещей, которая целилась в него из бластера, хотя этого не могло быть никогда, и руки его, сквозь всеобщую боль, болели от отчаянной силы, с которой он колотил кулаком в окно этого прекрасного дома...

А шакалы, терзая и словно играя, гнали добычу к серой воде озера...

* * *

В корабле Салли старалась не отходить от Павлыша.

Он был мрачен, почти не разговаривал, даже лицо осунулось.

«Как странно, — думала Салли, — типичный сангвиник, сама смотрела в карточку, склонен к компромиссам, отступает перед авторитарным мнением, ищет компенсации во второстепенных проблемах... Милый человек, который никогда не станет лидером».

Интуитивно Салли поняла, что окончательное, последнее решение убить «Полюс» зависит не от непреклонной Клавдии и не от бунтующего Павлыша — от нее, обстоятельствами поставленной в роль третейского судьи, что не выражалось вслух и даже не формулировалось мысленно.

Поэтому она встала первой, с рассветом, приготовила завтрак, и Павлыш, поднявшийся следом и заглянувший в камбуз, где хлопотала Салли, ничуть не удивился, увидев, что она одета к походу: в обтягивающей старенькой куртке и узких брюках — под скафандр. Обычно же на станции Салли ходила в сарафанах или открытых платьях, немодных, но уютных, домашних. Клавдия уверяла, что Салли — единственный сотрудник Дальней разведки, которая одевается столь странно.

Салли сказала Павлышу, что не надо будить Клавдию. Она наверняка ночь не спала, только теперь забылась. Павлыш подчинился. Он понял, что самой Салли руководила не только жалость к начальнице экспедиции, но и нежелание объяснять, почему она, не спросив разрешения, летит в горы с Павлышом.

Павлыш мрачно молчал, завтракать не стал, молча перетащил в катер контейнер с имплозивом. Он совершал все действия, словно и не сомневался в том, что взорвет «Полюс». Он был обречен взорвать «Полюс», только Салли совсем не была в том уверена, но подозревала, что бунту Павлыша потребуется катализатор — ее союзничество. Однако она сама еще не знала, что перевесит в ее решении.

А на корабле она оробела. Салли приходилось бывать во многих экспедициях, она видела, как погибают люди, она знала мощь злобных стихий и ничтожество человека перед лицом этих стихий. Она знала, что корабль мертв, и давно.

Но все это было неправдой. Корабль был тяжело болен, он был в коме, но жизнь оставила в нем настолько явственные следы, что изгнать их не смог и многолетний мороз этих гор.

Салли помогла Павлышу перетащить в корабль контейнер со взрывчаткой, но когда Павлыш, вместо того чтобы распределить заряды по инструкции, велел ей оставить контейнер у входа, она с облегчением подчинилась.

Они налегке обошли корабль. Побывали на пульте управления, в отсеке управления, заглянули в анабиозные камеры, потом Павлыш отвел Салли в каюту 44, где стояла детская колыбель. Устроив эту экскурсию по кораблю, Павлыш не старался склонить Салли на свою сторону. Он был занят чем-то иным. Салли понимала: Павлыш все время что-то ищет, настороженный, как охотничий пес.

Он высвечивал ярким лучом фонаря пол неподалеку от входа, потом долго осматривал помятые, вскрытые банки и разорванные пакеты в разгромленном складе, спустился в «гараж», где стоял поврежденный планетарный катер, забрался в его кабину, там пробыл несколько минут. Салли даже не выдержала и позвала его:

— Слава, там что-нибудь есть?

— Иду.

Потом они вновь вышли к открытому люку.

Только вершины гор поднимались над толстым серым облачным одеялом, туго закрывшим долины и пропасти. Одеяло дергалось, шевелилось, сдвигалось к западу, словно капризный гигант тянул его в свою сторону. Салли представила себе, какая там, под одеялом, вьюга, и даже поежилась. Но здесь, над облаками, ветер дул ровно, вольно, и Павлыш откинул забрало шлема. Салли последовала его примеру. Щеки сразу обожгло морозом, и холодный воздух рванулся в легкие — Салли от неожиданности закашлялась и прикрыла рот перчаткой. Даже глазам было холодно. Но закрывать забрало она не стала. Воздух, хоть и разреженный, нес в себе свежесть и чистоту, по который так истосковались легкие.

Павлыш отстегнул от скафандра плоский матовый прибор, который Салли раньше не приходилось видеть.

— Я захватил с собой биоискатель, — сказал он. — Мы осмотрим с тобой долину.

Он почему-то не сомневался, что Салли охотно будет его сопровождать.

— А... приказ? — Салли хотела было произнести «взрыв», но язык не повернулся.

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что нам не надо спешить.

— Ни черта я не буду взрывать, — бросил Павлыш, насупившись, словно мальчишка, который не отдаст никому пойманного жука.

Салли сразу увидела, каким он был мальчишкой. И непроизвольно улыбнулась.

Павлыш удивился:

— Что?

— Я так... ты понимаешь, что Клавдия, хотя бы из уважения к самой себе, сообщит о невыполнении приказа.

— Я и ей не дам взрывать.

— Я не о том. Она закроет тебе космос.

— Знаю, знаю!

Павлыш резко поднялся. Прибор матово поблескивал в руке.

— Ты не ответил, готов ли ты отказаться от космоса?

— Салли, милая, не говори глупостей. Вопрос не в отказе или согласии. Что бы ты сделала?

— Я спрашивала тебя, а ты отвечаешь вопросом.

— Вот контейнер. Действуй.

— Я бы сделала то же, что и ты.

— Тогда мы вместе не полетим. Остаток дней проведем на Земле. Ничего страшного.

— Ты дурак, и я тебя люблю, — произнесла Салли.

Павлыш спустился по трапу, что они привезли с собой, снег вокруг корабля был истоптан ими, но ветер быстро заметал следы.

— Закрой шлем! — крикнул Павлыш снизу. — Простудишься.

Салли спрыгнула. С трех метров она ударила по насту так, что провалилась почти по пояс. Пришлось выбираться.

Ей стало весело. Потому что была ясность. Ясность не только мгновения, но и окончательного решения.

— Если они шли, — сказал Павлыш, держа прибор в перчатке на руке, вытянутой вперед, — если они покинули корабль, а я в этом почти не сомневаюсь, они должны были постараться выбраться из гор. В долину, к лесу. Зимой эта задача невыполнима. Но у них не было другого выхода. Если я прав, то мы найдем кого-то из них. Под снегом.

Веселье Салли исчезло.

— Не надо.

Но Павлыш уже вел вокруг себя биоискателем, внимательно глядя на стрелку. Он словно не слышал ее.

— Потом, — попросила Салли. — Не сегодня. Оставь их в покое.

— Ты не поняла, — объяснил Павлыш. — Мне важно узнать, в какую сторону они пошли.

— Почему?

Павлыш заметил, как дрогнула стрелка, и медленно пошел по жесткому насту в ту сторону.

Салли шла рядом.

— Потому что они могли выйти отсюда.

— Это наивно. Так быть не могло.

— Салли, милая, ты накладываешь на других людей собственные ощущения. Тебе эта планета кажется смертельной. Ты убеждена, что на ней нельзя прожить и минуты без скафандра. Ты думаешь так, потому что живешь в комфортабельном помещении, дышишь стерилизованным воздухом, пьешь дистиллированную воду. Представь себе, что у тебя нет выхода. Или смерть, или приспособление.

— Тогда лучше смерть, — сказала Салли убежденно.

— Смерть никогда не лучше.

Стрелка дрогнула. И пошла влево.

— Это как детская игра, — проговорила вдруг Салли. — Холодно, тепло, еще теплее...

— У него небольшой радиус действия, — ответил Павлыш. — Это сделано для того, чтобы не сбивать картины при множественности объектов. Ты знаешь — биоискатель придумали альпинисты, спасатели. Сначала с его помощью искали тех, кого завалило лавиной... Здесь!

Павлыш остановился перед пологим возвышением.

— Подержи. — Он передал биоискатель Салли, а сам принялся перчатками разбивать наст, чтобы пробиться к более мягкому снегу.

Салли заставляла себя смотреть на руки Павлыша, но потом отвернулась. Она не хотела увидеть то, что должна была сейчас увидеть.

— Странно, — произнес Павлыш.

Голос его был только удивленным, не более. Салли обернулась.

Под снегом она увидела желтоватую белую шерсть. Там было погребено какое-то крупное животное, словно белый медведь.

— Когда вернемся в следующий раз, — решил Павлыш, — мы раскопаем его целиком.

— Зачем?

— По двум очевидным причинам, мой ангел, — сказал Павлыш. — Во-первых, это животное неизвестно науке. Во-вторых, мне важно узнать, почему оно погибло. Но потребуется лопата.

Расширяющимися кругами они шли вокруг корабля, все более удаляясь от него. Салли устала, наст держал не везде, иногда она проваливалась в снег. Ветер дул все сильнее и мешал идти, он

срывал поверхностный слой снега, и порой было трудно увидеть что-либо в трех шагах.

За два часа поисков они ничего не нашли.

Наконец Павлыш остановился. Посмотрел на Салли и спросил:

— Устала?

— Да.

— Прости, я увлекся. — Он виновато улыбнулся.

— Я не сержусь.

— Полетели на станцию. После обеда я вернусь сюда и продолжу поиски.

— Почему ты убежден, что кто-то мог остаться в живых?

— На корабле нет ни одного трупа, кроме тех, что спрятаны в анабиозном отсеке.

— Но даже если они ушли, то погибли в горах...

— А если дошли до леса?

— Ты же знаешь, что представляет собой лес.

— Знаю. Но кто-то побывал на корабле сравнительно недавно. Помнишь разгром в кладовой?

— Это были не люди.

— Не люди поднялись к люку, открыли его, прошли по коридору до склада, а уходя, закрыли люк за собой?

— Это твое предположение.

— Достаточно серьезное, чтобы бросить ради него все дела и искать!

Они подошли к катеру.

— Клавдия, наверное, с ума сходит. Мы ее забыли.

— Ничего страшного, — упрямо сказал Павлыш.

Салли вызвала станцию.

Клавдия не отвечала.

Павлыш задраил люк катера, прошел к пилотскому креслу.

— Она молчит, — удивилась Салли.

— Она могла отойти от связи, — предположил Павлыш. — Мало ли куда человек может пойти на станции.

Павлыш поднял катер наверх. «Полюс» превратился в черную пуговицу на белом халате долины. Салли продолжала вызывать Клавдию, но безуспешно.

* * *

Павлыш заложил крутой вираж и, набирая скорость над озером, рванул в облака так, чтобы спуститься вертикально к станции.

Под облаками хлестал ливень и было сумрачно.

Павлыш поставил вездеход у купола лаборатории и, выключив двигатель, поднял большую сумку с вещами, взятыми с «Полюса».

— Ничего не забыла? — спросил он.

Салли отрицательно покачала головой.

Они прошли прямо ко входу. Внутри горел свет, и окна на станции, круглые, в ряд, приятно и уютно светили, кидая теплый свет на серые косые струи ливня.

Станция была закрыта. Клавдия не открыла дверь, когда спустился катер.

Салли нажала на кнопку у двери. Слышно было, как звон разносится по станции.

Павлыш заглянул в люк.

Струи воды текли по нему, мешали смотреть.

Салли набрала код. Дверь в переходник отодвинулась. Они вошли.

— Там неладно, — произнес Павлыш.

Струи дезинфектанта ударили по скафандрам. Салли выключила душ, сорвала шлем. Она первой бросилась в кают-компанию.

Павлыш начал вылезать из скафандра и в этот момент услышал крик Салли.

Он вбежал в комнату. Комната была ярко освещена. При ярком свете картина показалась особенно невероятной.

Все в кают-компании было перевернуто. Словно здесь буйствовал целый полк. Следы боя видны были во всем: в перевернутой мебели, в разбитой посуде, в разгромленных приборах. И среди всего этого хаоса на полу лежала, откинув руку с анбластом, Клавдия.

Салли склонилась над ней, слушая сердце.

— Погоди. — Павлыш отстранил Салли.

Он приподнял веко Клавдии, реакция была.

— Жива, — проговорил он, — но в глубоком шоке.

Павлыш быстро провел руками вдоль ее тела, стараясь понять, есть ли раны, но серьезных повреждений не нашел.

— Она отстреливалась, — сказала Салли.

Павлыш тоже заметил следы выстрелов на мебели и на стенах. Руки Клавдии были окровавлены — все в царапинах и ссадинах. Павлыш не мог знать, что в припадке безумия, вызванного укусом снежной блохи, Клавдия сражалась с невидимыми врагами. Павлыш решил, что враги были настоящими, что кто-то ворвался внутрь станции и чуть не убил Клавдию.

Павлыш перенес Клавдию на диван, потом собрал портативный диагност, который, к сожалению, ничем помочь ему не смог — он дал лишь общую картину глубокого беспамятства, нервного истощения, но ни перспектив, ни лечения дать не мог, потому что даже по аналогии с подобным явлением не сталкивался.

Все попытки Павлыша вывести Клавдию из беспамятства оказались бесплодными.

Время шло. Уже двадцать минут, как они на станции.

— По-моему, пульс слабеет, — прошептала Салли.

Павлыш взглянул на приборы и отрицательно покачал головой.

— Я должна была почувствовать, — сокрушалась Салли.

— Непонятно, — сказал Павлыш, — словно тайна запертой комнаты. Дверь была закрыта, замок в порядке, ничьих чужих следов внутри станции не вижу. И в то же время кто-то проник...

— Что мы знаем! — с горечью ответила Салли. — Мы чуть царапнули поверхность планеты и оставили нетронутым ее нутро.

— Уж если кто был осторожен, так это Клавдия!

— Ты лучше скажи, что делать. Я так больше не могу.

— Очевидно, выход один. Поднимаем планетарный катер.

— Идти к маяку?

— Да, на максимальной скорости через три часа мы будем у маяка.

Маяк был в открытом космосе, за пределами поля тяготения планеты, которое препятствовало космической связи.

— Наверное, ты прав, — решила Салли.

С маяка можно было выйти на связь с Галактическим центром и подключиться к диагностическому пункту, который даст рекомендации, что делать.

Они перенесли Клавдию в катер.

Потом Павлыш бегом вернулся под купол. Может случиться так, что придется идти на рандеву с проходящим мимо кораблем, и они не скоро вернутся сюда. А может, и не вернутся.

Павлыш включил камеру — у него было полминуты, пока Салли задавала катеру программу полета, — и снял картину разгрома. Снимок может помочь, когда в Галактическом центре будут анализировать причины драмы. Причина может оказаться достаточно серьезной, и тогда планету закроют для исследований, переведя в разряд опасных миров.

Последнее, что сделал Павлыш, уходя со станции, — он включил программу консервации. Станция сама соберет себя в контейнеры, сложит, запакует, подготовит к возможной эвакуации.

Все. Павлыш бегом побежал в катер.

Салли сидела на полу, поддерживая голову Клавдии.

Павлыш осторожно поднял катер.

* * *

— Дик, — позвала Марьяна. — Дикушка.

Дик наклонился над ней.

Собиралась гроза — вот-вот хлынет ливень. Дик как раз хотел накрыть Марьяну остатками пленки.

— Я думал, ты спишь.

— Я не сплю. Я плыла... я была далеко... Где Казик?

— Сам беспокоюсь. Давно нет.

— Иди к нему, с Казиком беда, понимаешь?

— Ты откуда знаешь?

— Я ничего не знаю, мне плохо, потому что с ним беда.

— Нет, не могу тебя оставить.

— Со мной ничего... со мной ничего. Иди.

Марьяна говорила настойчиво, будто колдовала, будто и не видела ни Дика, ни предгрозового леса — ничего; она смотрела куда-то вдаль, внутрь пространства, в ее голосе был приказ.

— Дождь, — сказал Дик, размышляя вслух, — он быстро смывает следы. Если идти, то сейчас.

— Скорей, — торопила Марьяна, — будет поздно, может, уже сейчас поздно.

Дик подчинился. Но сначала он согнул вершины трех небольших сосенок, связал их веревкой и поднял туда Марьяну. Это была не очень надежная постель, да и над землей она возвышалась чуть больше чем на метр, зато наземные гады не смогут добраться до Марьяны. Марьяна терпела, только повторяла: «Иди».

— Я тебе оставлю бластер.

— Не надо, я буду лежать тихо, затаюсь. — Марьяне было трудно говорить.

— Здесь легкая кнопка, почти не надо давить. А у меня есть арбалет, это привычнее.

Он вложил бластер в руку Марьяне.

Та ничего не возразила.

— Я побежал, — сказал Дик.

— Скорее.

Дик бежал по следам.

Хоть туча нависла низко, шел дождь и было темно, Дик замечал то сломанную ветку, то перевернутый камень. Земля была мокрой. Но кое-где Дик угадывал отпечатки ступней Казика — сапоги тот потерял еще в озере и бежал босиком.

Вдруг Дик замер. Он почуял запах шакалов. Не свежий, но шакалы проходили здесь.

А вот здесь останавливался Казик. Настороженно — приподнимался на цыпочки, — значит, тоже почуял шакалов, но для него тот запах был куда более близким и свежим.

Дик еще более встревожился. Если шакал был не один, Казику надо было скорее спешить к дому землян — с ножом мальчишке не справиться даже с одним шакалом.

Дик миновал узкую лощину и понял, что шакал был не один. Их было по крайней мере три.

Холм, груда камней. Кровь, туша шакала...

Вот они и настигли Маугли.

Запах крови шакалов. Запах крови Казика.

Дик побежал еще быстрее. Он был страшен, и лес съеживался,

прятался при виде его. Лес чувствовал, что бежит зверь, охваченный яростью, в которой страшна даже беззащитная коза, если она спешит на помощь своему козленку.

И так же, как Казик, неожиданно для себя Дик вылетел на поляну перед станцией.

Станция была слабо освещена, она была сказочным зрелищем — несколько куполов, связанных туннелями, и круглые окошки — свет. Станция была из того же мира, к которому принадлежал «Полюс». Но в этот момент Дику некогда было сравнивать и рассуждать.

Он увидел, как темное округлое тело поднимается в воздух, и это могучее беззвучное ускоряющееся движение заставило его замереть.

Он смотрел, как несется вверх, превращаясь в светящуюся точку, планетарный катер, не зная, конечно, что это планетарный катер, и не понимал, кто и почему улетает со станции.

Он побежал к двери.

Воздух был тяжелым, но дождь почти перестал.

Он толкнул дверь — она не поддалась.

Он заглянул внутрь. Там было пусто.

— Эй! — закричал Дик. — Откройте!

Никто не отозвался. Дик протер стекло.

Через окно было видно, что внутри большой светлой комнаты был бой — все перевернуто, вещи валяются на полу, сломаны... Следы крови на мягком ковре. Бластер, не такой, как у Дика, — длиннее и больше — тоже валяется на полу.

Дик ударил в дверь кулаком. Где же Казик?

Вдруг догадался: Казика взяли с собой и повезли наверх, в небо, где у них есть корабль. Конечно же, Казик был ранен, когда на него напали шакалы, и они взяли его на корабль.

Эта мысль была большим облегчением.

Дик перевел дух. Теперь надо возвращаться за Марьяной...

Но что-то смущало его. Что-то было неправильно. Запах шакалов? Да, но это не свежий запах. Запах Казика? Дик посмотрел в сторону озера — запах Казика вел туда.

Дик поглядел под ноги и увидел следы Казика, перекрытые следами двух шакалов. Это было странно.

Дик медленно пошел по следам, и с каждым шагом запах Казика и запах шакалов становился свежее. Почему же Казик не вошел в дом? Ведь они здесь были. Они поднялись в небо на глазах Дика.

Казик, видно, бежал из последних сил, останавливался, огрызался, отмахивался ножом — все это можно видеть по отпечаткам ступней, — рвался дальше к воде. Дик на его месте тоже бы попробовал прорваться к воде.

Идти Дику пришлось недалеко.

Казик успел вбежать в воду. К камням у берега.

Он забежал еще шагов на двадцать и упал там. Шакалы не посмели войти в воду. И ушли.

Дик увидел тело Казика, наполовину погруженное в воду, в несколько прыжков достиг его и подхватил на руки.

И в этот момент в блеске молний и оглушительном грохоте словно прорвалось небо, вновь хлынул ливень.

Голова Казика бессильно свисала, и Дик старался поддерживать ее.

— Ты живой? — спрашивал он. — Ну скажи, ты живой?

Он положил Казика на берегу и наклонился, прикрывая собой от водяных струй.

— Жалко, — произнес вдруг тихо, но явственно Казик. — Я так просил, а она не пустила.

— Что? — не понял Дик.

— Они нас не пускают, — сказал спокойно Казик. — Они боятся. Мы дикие...

И он замолчал.

И Дик понял, что Казик умер.

Он подхватил его и побежал вверх по берегу. Ему казалось, что еще можно что-то сделать.

Он стал бить по стеклу окна, чтобы войти в станцию. Но стекло равнодушно и упруго отражало удары Дика.

— Сволочи! — кричал Дик. — Вы его убили! Пустите же, не прячьтесь!

Он понимал, что никого на станции нет, что в доме пусто, но продолжал биться в дверь.

Он обернулся в отчаянии, отбежал, поднял здоровый камень. Такой ему никогда бы не поднять в обычном состоянии. Обняв его, метнулся обратно к двери и изо всей силы ударил по окну.

И стекло, и сам купол рассчитаны на большие нагрузки. Но слабым звеном оказалась металлическая рама. Удар был так резок и силен, что стекло, не разбившись, вылетело из нее.

Со звоном упало внутрь и, подпрыгивая, покатилось прочь.

Дик нырнул в окно, потом втащил внутрь Казика и попытался расшевелить мальчика. Но тот не отзывался.

Дик побежал в другую комнату, он распахивал шкафы — хотел найти лекарство, но не знал, где искать, да и какое нужно лекарство? И как дать лекарство человеку, который уже мертвый?

— Я вас убью, — повторял он. — Вы только мне попадитесь, я вас всех убью!

Станция была пуста. И не отзывалась.

В дальнем коридоре Дик вдруг заметил движение: странный металлический прибор — небольшая плоская платформа медленно тащила блестящий ящик. Дик в ярости, оттого что в пер-

вое мгновение испугался и оттого что надо сорвать на ком-то гнев, ударил ногой по платформочке — та остановилась. Он схватил ящик (ящик был тяжелым) и ударил им по платформе, она покосилась и замерла.

— Так тебе! — закричал он.

И тут он вспомнил о Марьяне. Марьяна в лесу. Одна. На нее тоже могут напасть.

Он выскочил под дождь и помчался в темноту мокрого леса.

* * *

Салли вела планетарный катер на пределе возможностей двигателя. Шла так, чтобы уложиться меньше чем за три часа.

Клавдия не приходила в сознание, но Павлыш, наблюдая за ней, убедился, что состояние ее не ухудшается.

Все было странно. Странности складывались как в калейдоскопе, казалось бы, нелогичным узором, когда все кусочки стекла разного цвета, но виден ритм и симметрия, только непонятен смысл, который несет в себе узор.

У Павлыша было время рассуждать.

Перебирая все события и образы планеты в поисках странного, нелогичного, он вспомнил громадное дерево, уходящее вершиной в облака, и свисающую с сука тряпку...

Павлыш достал контейнер с пленками — его он взял со станции.

Индикатор мгновенно нашел нужную пленку, и Павлыш включил проектор. На экранчике возник гигантский сук, кусты на нем и обвисшая пленка, под которой покачивался на ветру комок... нет, не комок, это не тело животного, как заставил себя в свое время поверить Павлыш, — это корзина. Павлыш остановил пленку и постарался дать увеличение, конечно, в эту корзину можно заглянуть, она пустая. И веревки. Как же он с самого начала не увидел, что там веревки...

— Салли, посмотри.

— Что это?

— Мне кажется, воздушный шар.

— Похоже, — сказала Салли равнодушно. Она вся была в заботах о Клавдии, в беспокойстве о ней.

«Что еще? — думал Павлыш, не выключая изображение шара. — Что-то есть еще. Ага, разоренный склад на корабле... Надо найти и эту пленку... На полу разбросаны открытые банки и коробки. Рваный пакет, смятый клок фольги... Он не просто смят. На нем отпечатки пальцев, вся пятерня».

— Салли!

— Тише! Ты меня испугал. Что это?

— Неужели ты не видишь?

— Рука. Откуда?

— Они были на складе. Помнишь?

— Мне кажется, что эта рука обезьяны.

— Поверь уж мне, — произнес Павлыш твердо. — Вон след большого пальца. Видишь, как он стоит? Ни у одной обезьяны ты не найдешь этого — только у человека.

— Тогда все ясно, — догадалась Салли. — Они умирали на корабле, но спасали детей. Взрослых уже не осталось, только дети. Потому и разгром на складе.

— А воздушный шар?

— Воздушный шар — это очень вольное допущение.

* * *

Дик ничего не сказал Марьяне, отыскав ее и волоча на одеяле из пленки через лес к куполу, к Казику. Никаких сил не оставалось, но надо было это сделать. Он не мог оставить Казика, не мог оставить Марьяну, он был самый старший, самый сильный из них, и потому он должен был терпеть.

Марьяна была тяжелой, она была в горячем беспамятстве.

Дик приволок Марьяну к куполу и втащил внутрь.

Казик так же лежал на диване.

Только свет в куполе стал тусклее, будто догорала свеча. И что странно — куда-то исчезли, сложились, свернулись в рулоны два из малых куполов и меньше стало вещей в большом куполе.

Дик положил Марьяну на постель, которую нашел за перегородкой.

Постель была покрыта очень белыми простынями, но Дику не было жалко простыней.

Он сел на диван в ногах у Казика.

Он сидел так минут пять и ничего не делал, потому что был обессилен, да и не знал, что делать.

Еще один железный уродец въехал в комнату и начал скатывать ковер с пола.

Дик, не вставая, достал бластер и врезал заряд в уродца.

Тот съежился, обуглился и замер.

— Если кто еще войдет... — произнес Дик. — Только войди!

Он сидел на диване, рядом с мертвым Казиком и умиравшей Марьяной, и ничего не мог сделать, и лишь клялся себе, что посвятит всю свою жизнь, сколько бы ее ни осталось, чтобы отомстить этим землянам, которые убили Казика и убежали, чтобы Марьяна умерла.

Он найдет их, он найдет их, куда бы они ни спрятались, чтобы убить, как жалких шакалов.

* * *

— Слава, — сказала Салли, — смотри.

Она склонилась к Клавдии. Клавдия глубоко вздохнула. Приборы на медицинском пульте показали, что пульс немного участился, дыхание стало глубже. Она приходила в себя.

Шел второй час полета.

Павлыш ввел стимулятор сердечной деятельности. Судя по показаниям приборов, состояние Клавдии было почти нормальным. Павлыш еще раз проглядел анализ крови. В крови были следы токсического воздействия. Какого — сложно определить в полевых условиях. Нужна настоящая лаборатория.

Клавдия открыла глаза.

— Салли, — удивилась она, — почему мы здесь?

Она сразу поняла, что они в катере.

— Не двигайся, тебе вредно, — велела Салли. — Все будет хорошо.

— Но что было? — Клавдия нахмурилась, стараясь вспомнить. — Был лес, да? Одуванчики. Очень красивые одуванчики. И эта обезьяна. Я ее отогнала — все это зверье так и лезет в окна... А что потом?

— Мы не знаем, — сказал Павлыш. — Мы думали, что ты помнишь. — Павлыш неожиданно для себя перешел с Клавдией на «ты».

— Я не помню. Я помню, какие страшные звери лезли в окна. И потом были кошмары...

— Скажи, какие звери? Они тебя напугали? — спросил Павлыш.

— Нет, просто противно. Все так противно. Гадкий мир. Они всегда дерутся в лесу, все дерутся... Нет, я их не боялась. А потом не помню.

— Постарайся вспомнить все по порядку. Что случилось?

— Я была в лесу.

— Ты вышла в лес?

— Я вышла в лес. Немного прошлась. Там были одуванчики... Наверное, я открыла шлем, мне хотелось на них дунуть.

— Ты сняла шлем?

— Не помню. Кажется, приподняла забрало.

— А что потом?

— Потом было гадкое настроение, плохо себя чувствовала, а в окно лезла эта обезьяна, и она дралась с другими зверьми.

— А потом?

— Она убежала, они все убежали, а мне стало совсем худо... Простите. Я вам доставила... беспокойство. Почему мы в катере?

— Мы летим к маяку. Подключиться к диагносту центра. Может быть, эвакуировать станцию?

— Тогда возвращаемся.

— Все же я хочу подключиться к диагносту — пускай тебя проверят. А вдруг потенциальная инфекция.

— Я не хочу. — Клавдия с трудом села. Она была бледна. — Я не потерплю, чтобы из-за моих... недомоганий срывалась работа экспедиции.

И Павлыш понял, что для Клавдии отступить — непростительный позор.

— Погоди, — произнес он, — ты хорошо разглядела эту... обезьяну?

— Нет, я не вглядывалась.

— Понимаешь, — объяснил Павлыш, — на этой планете не должно быть никаких обезьян... Это мог быть человек?

— Дикарь? Но если не может быть обезьян, откуда взяться дикарю?

— Я сейчас думаю о людях.

— О каких? Откуда им здесь взяться?

— О людях с «Полюса». Допустим, что кто-то смог выжить.

— Это немыслимо. Этот мир погубит любого.

— Одного погубит. А если это был не один человек? Если тут есть колония людей, которые стараются выжить, дождаться нас, людей с Земли, ждут спасения, понимаешь?

— Не верю.

— Тогда погляди.

И Павлыш прокрутил еще раз пленку с воздушным шаром.

* * *

Олег никуда не хотел идти. Ему было все равно.

Но Сергеев, когда совсем рассвело и вьюга немного стихла, заставил себя подняться. Он никогда бы не поднялся, если бы не дети. Марьяшка и Олег. Он знал, что если он не сможет подняться, то Олег с Марьяшкой никогда не найдут друг друга, не увидят, не прикоснутся. Его жизнь не имела ценности без продолжения в Марьяшке и Олеге. Сергеев смог уговорить себя поднять голову, на это усилие только его и хватило. К счастью, в резком, судорожном движении Сергеев ударился головой о снежную крышу их убежища, в этом месте довольно тонкую. Крыша рухнула, впустив ледяной воздух, Сергееву холодом обожгло лицо и плечи — и он сразу очнулся.

Он выкарабкался наружу и долго сидел на корточках, пока совсем не окоченел. Затем приказал себе выкопать из снега мешок с дровами и разжечь огонь. Когда вода согрелась, он растолкал Олега и влил в него, открывая грязными, корявыми пальцами рот, горячую воду. Олег вяло сопротивлялся, сонно бормотал, что хочет спать. Потом Сергеев растирал его, тряс, совсем устал и

не заметил, как в этой возне опрокинул банку с горячей водой, которая тут же пролилась в снег, оставив на поверхности лишь дыру с оплавленным серым льдом вокруг.

Но тогда пришел в себя и Олег. Он пришел в себя настолько, что смог снова разжечь огонь, снова вскипятить воду и напоить Сергеева. Теперь роли поменялись. Сергеев, правда, не сопротивлялся и все отлично осознавал — просто у него не осталось сил.

А потом они пошли дальше, вверх, сквозь облако, в тумане, влекомые лишь несбыточной надеждой на то, что милостивое чудо выведет их именно к той котловине, где лежит «Полюс».

Часа через два они упали в снег. Им казалось, что они прошли очень много. На самом деле они одолели меньше километра. Они собрали последние дрова и снова пили горячую воду как лекарство. Они уже не говорили, оба были обморожены, пальцы на ногах и руках онемели. И все же они снова поднялись, правда, на этот раз им пришлось обняться и идти рядом, поддерживая друг друга, отчего продвижение вперед стало совсем уж малым. Но им казалось, что они идут. И они ждали, что вот-вот разойдутся облака — и над ними откроется синее небо...

* * *

Дик видел, как опустился катер. В первое мгновение им овладела радость — они все-таки вернулись!

Но тут же вспомнил, что должен им отомстить.

Он должен убить их, потому что они виноваты в смерти Казика и в том, что умирает Марьяна. Они могли их спасти. Могли все сделать. Но не захотели.

Никогда раньше Дику не приходило в голову, что можно убить человека. Людей на свете мало. Люди помогают друг другу. Без этого люди погибнут, потому что лес сильнее каждого из людей.

Но эти, из чистого купола, не могут быть людьми.

«И если вы все такие, то не нужна нам ваша Земля, ваши белые простыни и гладкие столы. Я знаю, — лихорадочно думал он, — вы вернулись, потому что забыли взять свои вещи. Вы хотите отобрать у нас все, потому что мы грязные и некрасивые, потому что вам стыдно думать, что мы с вами прилетели с одной и той же Земли. Вы нам не нужны! Уходите. Но я не отдам вам этих вещей — эти вещи останутся здесь. Мы все придем сюда, мы будем сами жить здесь. И никогда не полетим на Землю!»

Ярость к людям, которые хотят отнять у поселка станцию, как добычу, которую Дик преследовал столько дней, как добычу, ради которой погибли его друзья, заслонила в его сознании разумную, казалось бы, мысль: если люди вернулись, надо попросить их вылечить Марьяну.

Измученный, доведенный до предела душевных сил, почти обезумевший, Дик не мог рассуждать логично. Он был дикарем, порождением леса, шакалом, приподнявшимся на задних лапах над добычей... Но, в отличие от шакала, у Дика был бластер.

Павлыш, посадив катер, первым выскочил из него. Они уже договорились, как будут действовать: сначала женщины запустят все скауты, но не на обычную высокую орбиту, а под облаками. Площадь, которую надо было исследовать, была относительно невелика. Она ограничивалась с севера хребтом, у которого лежал «Полюс», а с юга большим озером, на берегу которого стояла станция. Любое человеческое поселение, оказавшееся в этих пределах, будет найдено скаутами в течение часа.

А пока Павлыш, взяв на станции анбласт, обыщет ближние окрестности станции. Человек, дикарь, которого видела Клавдия, не мог уйти далеко.

Открыв люк и выскочив на мокрую траву, Павлыш увидел, что малые купола уже свернуты — станция начала самоконсервацию. Правда, эту работу станции положено производить куда быстрее. Павлыш не знал, что виной задержки Дик — он перестрелял половину роботов. Впрочем, о консервации Павлыш не думал. Думал только о том, как все сделать скорее. Не забыть бы взять в аптечке перевязочные материалы. Захватить в камбузе глюкозу и шоколад...

Он не успел сделать и двух шагов от катера — женщины еще оставались внутри, — как увидел в окне темный силуэт человека.

По инерции Павлыш продолжал идти, понимая уже, что надо что-то сказать, правильное, соответствующее моменту. «Как хорошо, — успел он подумать, — что они тоже нас искали и мы догадались вернуться...»

И тут он услышал хриплый низкий голос:

— Уходи!

— Что? — Павлыш не понял. Он продолжал идти.

— Уходи. — Голос сорвался. — Уходи, я убью!

— Постойте, — проговорил Павлыш.

Он остановился. Свет внутри станции был ярче, чем полумрак снаружи, и он мог разглядеть лицо человека. Голова казалась слишком большой — наверное, из-за гривы волос. Сознание отмечало пустяки, детали. Павлыш не мог понять, что происходит.

Где он видел эту картинку? Давно, в детстве. Да, в «Робинзоне Крузо». Робинзон на острове — волосы до пояса, одежда из шкур. Хорошо, что они еще не разучились говорить.

— Уйди, — повторил Дик. — Уйди.

Оттого, что он говорил и ему отвечали, он не в силах был выстрелить. Он видел этого человека, высокого, выше, чем Старый, в скафандре. Дик знал, что такое скафандр. Шлем был прозрачным шаром, не мешал разглядеть лицо. Лицо было чистым, про-

стым, обыкновенным лицом. Оно было бритым, а так как Дик никогда еще не видел взрослого бритого человека, то ему вдруг показалось, что перед ним очень большой подросток. Ведь даже у Дика уже была борода, короткая, он обрезал ее. Только у Олега борода еще не росла.

— Уйди, — повторял Дик как заклинание. Он уже не хотел, чтобы тот человек ушел, но других слов не было. Была инерция и страшная тупость, как в приступе лихорадки.

Рядом с тем большим человеком уже стояли две женщины. Одна была большая, почти как мужчина, вторая маленькая, худая, как Марьяшка. Обе были в скафандрах. На их лицах было удивление и даже страх. Они увидели в руке Дика бластер.

— Не надо! — закричала вдруг маленькая женщина. — Это я во всем виновата. Я не поняла! Когда вы прибежали, я не поняла!

Она быстро пошла к станции.

Мужчина хотел задержать ее, но маленькая женщина вырвалась. Она шла частыми, неверными шагами, словно больная.

И тогда Дик уронил на пол бластер и отступил к дальней стенке, к дивану, на котором лежал мертвый Казик. Он стоял, опустив сильные руки, и ждал, что будет дальше, потому что теперь он уже ничего не решал и совсем не думал.

Клавдия мгновенными движениями набрала код на двери, чтобы ходить по-человечески, а не через иллюминатор — несмотря на слабость, ее руки действовали четко. Эта ситуация, несмотря на всю неординарность, подходила под категорию чрезвычайных обстоятельств, а Клавдия недаром уже столько лет работала в экспедициях. Если ситуация имеет объяснение, если ей существует аналог — люди терпят бедствие, нуждаются в немедленной помощи, — Клавдия могла и умела действовать быстрее, чем любой другой человек в Галактике.

Павлыш и Салли еще стаскивали с себя шлемы, а Клавдия уже знала, что на станции не один человек — изможденный, дикого вида косматый юноша в звериной шкуре. Кроме него еще двое. Мальчик, лежавший на диване в кают-компании, и очень худая девушка, без сознания, в бреду, со страшно распухшей ногой.

Спокойно и строго Клавдия сказал Дику:

— Садись и отдыхай. Не вмешивайся.

Павлыш входил в кают-компанию, когда Дик уже послушно опустился в кресло.

— Сначала мальчик, — велела Клавдия Павлышу. — Может быть, он еще жив.

— Нет, — хрипло сказал Дик.

— Салли! — Клавдия не обратила внимания на слова Дика. — Горячую воду. Много горячей воды. И немедленно набери приказ станции, чтобы прекратить консервацию.

К счастью, роботы не успели добраться до стенного медицинского шкафа, и, пока Павлыш шел через кают-компанию к Казику — десять быстрых шагов, — она успела открыть шкаф, выхватить диагност и кинуть его Павлышу, уверенная, что тот догадается протянуть руку и схватить прибор.

Разумеется, она была права.

Дик не помогал им. Он смотрел, как быстро и деловито двигаются люди с Земли, и ему с каждой минутой становилось все более стыдно, что он вел себя как дикарь, как животное. Люди хотели помочь. Люди могли сначала ошибиться — каждый может ошибиться, если увидит такое чудище, как житель поселка. Они, наверное, и не ждали, что здесь кто-то живет, ну как им догадаться! Ведь Сергеев говорил, что поселок отыскать очень нелегко, даже с самыми современными приборами — он как часть леса.

Дику хотелось подняться и посмотреть, что люди с Земли делают с Казиком и Марьяной. Они негромко переговаривались, и из слов нельзя было понять, помогут они ребятам или уже поздно. Но Дик знал, что если сидеть тихо и внимательно слушать, то обязательно поймешь. Главное — не вмешиваться, потому что они и так, наверное, принимают его за обезьяну. «Может, они даже думают, что нас на планете всего трое. Трое дикарей. Они, наверное, удивились, услышав, как я им крикнул». И Дик продолжал сидеть неподвижно, стараясь уловить смысл слов. Ему страшно хотелось пить, но он не просил.

Павлыш и женщины говорили очень мало. Пульс Казика почти не прощупывался. Он потерял столько крови, что непонятно было, почему в нем еще теплится жизнь. Некоторые из его ран были глубокими. Разорвана брюшина, сломаны ребра... Эти данные выдавал диагност, а они молча считывали их. Салли приготовила воду, собрала прибор для переливания крови, отыскала сухую универсальную плазму, приготовила ее. Заживляющего пластыря не хватило бы на все раны этого парнишки, и Салли на несколько минут сменила Павлыша, пока он запускал синтезатор. На Дика не обращали внимания. Правда, раза два, входя в кают-компанию, Салли бросала на него настороженный взгляд, но дикарь сидел, окаменев, — вспышка агрессивности миновала. Все же Салли улучила минутку и накапала в стакан с водой транквилизатор. Она дала его Дику. Тот послушно взял стакан, но не выпил, пока Салли не велела ему пить. Вода была странная, горьковатая, но Дик допил до конца. Он должен был вести себя как цивилизованный человек.

Девушкой занималась Клавдия. Павлыш, оторвавшись на минуту от Казика, заглянул к ней. За Марьяну он не беспокоился — случай был тяжелый, но он знал, что они вытащат девушку в несколько часов. Гангренозное воспаление, крайнее истощение — неприятно, но ничего страшного.

Марьяну раздели, Клавдия обтерла ее губкой. Тело девушки

было таким худым — все кости наружу, таким грязным, так густо покрыто шрамами и царапинами, что трудно было определить ее возраст. Ей могло быть пятнадцать лет, могло быть больше.

Когда освободился аппарат для переливания плазмы, Салли перенесла его в лабораторию и передала Клавдии. К тому времени Клавдия уже приготовила и ввела Марьяне питательный раствор. Все было бы проще, окажись в экспедиции два реанимационных аппарата. Но аппарат был один, и он был нужнее мальчику. Он уже окутал мальчика датчиками и осторожно ввел в основные его сосуды свои питательные нити. Микрощупы проникали в грудную клетку, массируя сердце, поддерживая его ритм. Павлыша беспокоило, нет ли изменений в мозгу — все же мальчика вытаскивали из клинической смерти. Он вновь и вновь заставлял диагноста сообщать, как функционирует мозг.

Дик услышал, как мужчина и большая женщина разговаривают в той комнате, возле Марьяшки. Они говорили очень тихо, думали, что он не услышит. Они не знали, что Дик — дитя леса и слух его втрое чутче, чем у них.

Сначала были фразы, полные медицинских слов. Дик понимал, что это медицинские слова. По тону он уже догадался, что Марьяну они вылечат. Голоса их становились тревожнее, когда они смотрели на Казика. К своему удивлению и суеверной робости, Дик понял, что Казик не мертв. Или эти люди обладают способностью оживлять мертвых? Дик не слышал о таком от Старого, только в сказках, которые ему когда-то рассказывала мать.

— Надо накормить его, — тихо сказала большая женщина в соседней комнате.

Маленькая женщина куда-то вышла.

Дик понял, что слова относятся к нему.

— Не укусит? — еще тише, с усмешкой в голосе, произнес большой мужчина, которого они между собой называли Славой.

— Проблемы только начинаются, — ответила женщина.

— Феномен Маугли?

Дик удивился — откуда они знают о Маугли, но тут же догадался, что они имеют в виду другого Маугли, который жил в лесу и которого воспитывали волки. А что за феномен — он не знал. Но знакомое имя услышать было так странно, что он даже не обиделся на слова женщины.

— Интересно, он видел когда-нибудь тарелку? — задала вопрос женщина.

— Видел, — вырвалось у Дика. — И ложку видел.

— Но он внятно говорит, — сказал мужчина. — Хоть они прожили здесь двадцать лет.

— Это какая-то невероятная тайна, — проговорила большая женщина. — Сколько их, как они существуют, где? Как они умудряются сохранить человеческий облик... одежду, наконец?

— Воздушный шар, — напомнил мужчина.

— И разгром на складе.

— Слава, — сказала женщина громче. — Она приходит в себя.

— Дик, — услышал Дик слабый голос Марьяны. — Дикушка...

И тут его словно выбросило из кресла. Он забыл о гордости, о том, что надо молчать.

Дик вбежал в комнату. Марьяна лежала на диване. Лицо было бледным, они, оказывается, раздели ее и накрыли простыней.

— Марьяшка, — произнес Дик, наклоняясь над ней. — Ты как?

— Все хорошо. — Марьяна открыла глаза. — Казик живой?

Взгляд ее остановился на мгновение на лице Дика, потом скользнул к Павлышу, замер, встретившись с улыбкой Салли.

— Спасибо, — сказала Марьяна. — Мы так боялись, что не найдем вас.

— Девочка... — Салли вдруг заплакала. — Бедная моя! Твой Казик будет жить, обязательно. Все будет хорошо.

Клавдия появилась в дверях. Она молчала.

— Дик вам рассказал? — спросила Марьяна.

— Нет, — ответил Дик. — Некогда было. И они не спрашивали.

— Небольшое недоразумение, — отозвался Павлыш. — Но последнее.

— У вас есть корабль, чтобы лететь в поселок? — спросила Марьяна. — Наши вас так ждут.

* * *

С Диком в поселок полетела Салли. Павлыш и Клавдия остались с ранеными.

Дик был сыт, впервые сыт за много дней, и его мутило. Но жаловаться было нельзя, потому что Салли очень спешила в поселок. И Марьяшка, прежде чем заснуть — Павлыш дал ей снотворное, чтобы снять возбуждение, — тоже попросила:

— Дикушка, пожалуйста, они же так волнуются...

Дик подумал: она боится, что Олег, не дождавшись их, ушел к кораблю. Она боится за Олега.

Если бы не так мутило, Дик, конечно, воображал бы, как спустится над поселком катер, как все выбегут из домов, как он выйдет первым и скажет: вот эта женщина с Земли, ее зовут Салли. Но теперь ему было все равно. Катер летел низко, под облаками, чуть не касаясь вершин деревьев. Дик точно знал направление и был уверен, что они не промахнутся. Лес сверху казался сплошным серо-зеленым морем.

Они перелетели через реку. Трудно было даже представить, что переправа через нее заняла у них три дня — это была совсем

не широкая река. Слева пронеслись, стеной врезаясь в облака, стволы гигантских деревьев.

— Мы там были, — показал Дик. — Наверху.

— Да, — отозвалась Салли, — мы видели воздушный шар. Но не сразу догадались. А я не поверила. Это Слава сообразил.

— Жалко, — сказал Дик. — Надо было раньше сообразить.

Он смотрел на ее руки. Руки были такие белые и гладкие, что невероятно было — может, она никогда не снимает перчаток? Руки лежали на пульте и легкими движениями пальцев заставляли катер наклоняться, подниматься выше. Дику захотелось попросить Салли, чтобы она разрешила ему сесть на ее место и управлять катером. Но, конечно, он промолчал.

Салли увеличила скорость, зелень внизу слилась в неясную ровную массу. И Салли первой, раньше, чем Дик, увидела прогалину в лесу и поселок.

Она сбросила скорость, но все же катер пролетел над поселком, и пришлось сделать круг, снижаясь у изгороди. Старый дежурил у ворот в изгороди, набросив на голову накидку из рыбьей кожи, потому что снова зарядил дождь, а Старого мучила простуда. Но какое-то шестое чувство заставило его сбросить накидку в тот момент, когда катер выскочил над вершинами деревьев, совсем низко, и начал делать круг над поселком.

Старый дико закричал и начал бить колотушкой тревогу, словно из леса лезло целое полчище шакалов. Люди выскакивали из домов и ничего не понимали, потому что Старый колотил, кричал и при этом почему-то прыгал на месте, словно укушенный змеей.

Салли разглядела сверху обширную пустошь, огороженную покосившейся длинной изгородью. На пустоши кое-где росли невысокие кусты, видны были неровные грядки, пятна луж, отражавших сизые облака.

И еще Салли увидела дома, в которых жили люди. Кривые, жалкие, покосившиеся хижины тянулись в два ряда вдоль грязной полосы улицы. Полоса загибалась к проходу в изгороди и ветвилась, протягиваясь к двум косым навесам, над одним из которых поднимался серый дымок. Если нарочно изображать бедность и ничтожество, до которого может докатиться человек, то, наверное, ни один художник не придумал бы столь грустной картины.

Катер опустился на пустоши, возле крайнего дома.

Салли выключила двигатель и посмотрела на Дика.

Но Дик молчал. Салли посмотрела на него, ощущая вину за то, что она в скафандре, что она не смеет снять его. Дик медленно повернулся к ней и посмотрел в упор. Глаза возбужденно горели, но рот был сжат и казался злым. «Господи, — подумала Салли, — тебя бы под душ, тебя бы отмыть». Голубоватая бледность кожи лишь угадывалась под слоем копоти и грязи. Длин-

ные черные волосы прилипли к щекам. Дику было жарко в кабине вездехода, ему было очень плохо, и он из последних сил старался не показать этой чистой женщине, как ему плохо. Салли его поняла.

Дик начал дергать люк со своей стороны, Салли наклонилась и помогла ему открыть люк.

Дик выскочил из вездехода. Салли вышла за ним.

И тут она увидела ребятишек. Они бежали по грязи, по лужам, голые, лохматые, босые. Они кричали и махали руками.

А следом бежали взрослые. Три или четыре женщины, потом мужчина с широкой дремучей рыжей бородой, которая скрывала все лицо, лишь красный нос наружу, красный нос и голубые глаза. Одна из женщин, в кожаном балахоне, была толстой, и Салли успела удивиться тому, что женщина толстая. Потом она увидела высокого сутулого однорукого старика, который хромал, опираясь на палку. Открылась дверь крайнего дома, и оттуда светловолосая девушка вывела слепую женщину — Салли сразу поняла, что женщина слепая: она ощупывала свободной рукой воздух перед собой, опасаясь натолкнуться на препятствие.

Салли стояла, ожидая, пока все подбегут, и ей было страшно думать, что они могли улететь и оставить этих людей здесь.

Люди остановились в нескольких шагах от Салли. Было тихо.

Молчание растянулось на целую минуту.

Салли увидела, как плачет грузная женщина. Она плакала беззвучно, глотая слезы, и ее пальцы елозили по груди, словно искали пуговицу.

Салли смотрела на детей. Детей оказалось много, ей как-то и в голову не пришло, что люди здесь, в этой грязной пропасти, могут плодить детей. В этом было что-то животное, унизительное. Салли видела в поселке не продолжение Земли, а умирающую горстку бедствующих погорельцев.

Тягостную тишину нарушила слепая женщина.

— Где они? — спросила она громко. — Они в самом деле прилетели?

— Здравствуйте, — сказала тогда Салли. Труднее всего было произнести первые слова. Первое слово.

— Где Казик? — проговорила грузная женщина. — С ним ничего не случилось?

— Они остались там, тетя Луиза, — ответил Дик. — Их вылечат, они обещали.

— Их жизнь вне опасности, — подтвердила Салли.

— А Олежка? Где Олежка? Он пошел в горы! — закричала вдруг худая старая женщина. — Его надо догнать. Пожалуйста!

— Погоди, Ирина, — остановил однорукий старик с палкой. — Меня зовут Борис, — продолжал он. — Я тут как бы старейшина. И от имени всех нас я хотел бы сказать вам спасибо...

Дик отбежал в сторону, за дом. Его вырвало. Но на него никто не смотрел.

Салли здоровалась со всеми по очереди, каждый протягивал руку и представлялся ей, даже маленькие дети. И в этой церемонности встречи было нечто, разрушавшее образ погорельцев. Салли была рада, что не надела перчаток, когда улетала со станции.

Внимание Салли отвлекло страшное животное — она узнала в нем чудовище, которое убил Павлыш. Окруженное целой стаей таких же, только поменьше, чудовище тяжело и угрожающе неслось к группе людей вокруг катера. Салли хотела крикнуть, чтобы люди бежали, но один из ребятишек смело двинулся навстречу чудовищу, пронзительно крича:

— Уйди, коза, не мешай, к нам люди прилетели! Уйди, глупая.

Чудовище, у которого было такое странное имя, вдруг остановилось и попятилось. А одного из козлят, который никак не понимал, почему он не должен мешать, маленькая хромая девочка оттащила за длинные уши. Козленок блеял, вырывался, но коза не посмела прийти к нему на выручку.

«Ну, разумеется, — вдруг поняла Салли, — если они живут, живут трудно, но остаются людьми, они должны приручать животных, ходить в лес, вскапывать огород. А чего же я ждала?»

— Если вы не очень утомились, — произнес однорукий старик, — мы попросили бы вас полететь в горы. Там Олег и Сергеев. Они пошли к «Полюсу», чтобы наладить связь и вызвать вас по рации. Но в горах очень плохая погода.

* * *

Через двадцать минут — терять время было нельзя — катер поднялся вновь. Дику стало лучше, он полетел с Салли. Он знал дорогу от поселка к «Полюсу», которой они шли в прошлый раз.

Многие хотели полететь в горы за Сергеевым и Олегом, особенно дети, мать Олега даже рвалась в катер, но Старый сказал:

— Ирина, нельзя. Они обойдутся без тебя. — Он обернулся к Салли и попросил: — Возвращайтесь скорее.

Но он сказал эти обыкновенные слова очень серьезно, стараясь сохранить не только свое достоинство, но и достоинство поселка. Он стоял очень прямо, Дик никогда раньше не видел, чтобы Старый стоял так прямо. Единственной рукой он упирался в набалдашник палки. Ребятишки перестали гомонить и прыгать вокруг катера. И мать Олега медленно отступила назад.

— Хорошо, Борис, — ответила Салли, — мы постараемся поскорее их найти.

А когда катер поднялся, Дик сказал:

— Ты видишь эти красные скалы? Нам туда. За ними пещера. Мы там ночевали в первый раз. Не спеши, а то я потеряю путь.

Катер летел медленно. Он поднялся над ущельем, в котором бурлил в ледяных закраинах ручей. По ущелью тянулись клочья тумана, оно было завалено снегом, и Дик подумал, как трудно пришлось здесь Олегу.

Катер поднялся над плато. Дик узнал место, где он нашел флягу с коньяком, потом место, где погиб Томас.

— Здесь Томас разбился, — указал он. — Олега укусила снежная блоха, Томас его не пускал, а сам разбился.

Салли кивнула, хотя впервые услышала имя Томаса. Она знала, что не раз еще услышит эту историю и Томас станет для нее знакомым, как и живые.

Катер шел метрах в ста над снегом, потом Салли опустила его еще ниже и совсем снизила скорость: катер вошел в толстый слой облаков, и она боялась пропустить людей.

— Они дальше должны быть, — сказал Дик. — Они уже к «Полюсу» подходят. Если до «Полюса» дошли, тогда не страшно, они там отсидятся.

Салли чуть не призналась Дику: «А мы хотели «Полюс» взорвать». Как объяснить человеку, который вырос в лесу, существование инструкций?

Еще через несколько минут они вышли из облаков. Здесь царило синее небо, сияли звезды. Было видно далеко вокруг.

Дик был пока спокоен. Он ждал, когда появится «Полюс».

«Полюс» лежал в котловине, такой же точно, как год назад.

Катер сделал над ним круг. Следов Сергеева и Олега нигде не было видно.

— Может, они в корабле? — сказал Дик. — Холодно ведь.

Салли опустила катер рядом с люком. Из люка свисал трап, который оставил здесь легкомысленный Павлыш. «Хорошо, что он легкомысленный», — подумала Салли.

Они с Диком обежали корабль, заглянули в отсек управления и на склад, потом спустились к отсеку, где стоял планетарный катер, потому что Сергеев с Олегом могли быть в нем, стараясь наладить связь.

Но они никого не нашли.

Они вышли из «Полюса». Дик был мрачен. Вокруг стояла зловещая космическая тишина.

— Будем искать дальше? — спросил Дик, боясь, что Салли скажет: она устала, надо возвращаться. Ведь Олег и Сергеев чужие для нее.

— Погоди. Сначала выйдем на связь.

Салли вызвала станцию и сказала Павлышу, что была в поселке, а теперь полетела к «Полюсу». Но не нашла людей. Потом она спросила, как себя чувствуют дети. Дик чуть усмехнулся — Марьяну нельзя было называть ребенком. Смешно.

Павлыш сказал, что все в порядке, и потом добавил:

— Летите быстрее сюда. Я тебя сменю.

— Я не устала.

— У меня есть биоискатель. Ты забыла. Без него вам их не найти. Их могло занести снегом, они могли заблудиться.

— Ты прав, — согласилась Салли.

— Что у него есть? — спросил Дик с надеждой.

— Прибор, который может найти органику.

Салли сообразила, что Дик никогда не слышал слова «органика», и стала искать другое, взамен. Но Дик сказал:

— Я понял.

Он и в самом деле понял. Вайткус преподавал им химию.

Катер резко поднялся над котловиной.

— Только я тебя попрошу, — произнес Дик, — полетим не прямо, а сначала сделаем круг над горами.

— Павлыш прав, с биоискателем легче.

— Я знаю.

— Хорошо, — кивнула Салли.

Она была согласна с Диком. Никто из них не сказал вслух, но оба понимали, что если люди заблудились, то в этом морозе каждая минута может оказаться роковой. Конечно, если бы на месте Салли была Клавдия, она бы никогда не согласилась терять время, кружась над снежными долинами. Она бы доказала, что для блага заблудившихся лучше потерять полчаса — долететь до станции, а потом воспользоваться биоискателем. Но Салли была не так рассудительна. И они полетели вниз, делая большие зигзаги, прочесывая широкую, в несколько километров полосу.

И оказались правы.

Когда они уже опустились до верхней границы облаков и поняли, что придется прервать поиски, остроглазый Дик увидел далеко справа черную точку на снегу.

— Поверни! — закричал он.

Точка была неподвижна. Салли тоже увидела ее и так резко развернула катер, что Дик еле удержался в кресле.

Точка быстро росла, и тут они увидели, как точка шевельнулась. Это был странный бесформенный комок, который рос и увеличивался. Уже опускаясь к нему, они поняли, что комок — два человека, которые, падая и снова поднимаясь, вцепились друг в друга и потому были как одно существо.

Когда катер опустился на снег в двадцати метрах перед Сергеевым и Олегом, те не увидели его — они ослепли от снежного сияния. На глазах Дика и Салли, которые выскочили из катера, они вновь упали и с трудом, глухо рыча, начали подниматься на колени.

— Олег! — закричал Дик, кидаясь к медленно ворочающемуся клубку тел. — Олег, я здесь! Ты меня слышишь? Олег, это я! Это мы! Мы прилетели!

ГОРОД НАВЕРХУ

ПРОЛОГ

Зал Совета директоров много лет не ремонтировали, священные фрески, которыми был расписан потолок, почти выцвели, пошли замысловатыми пятнами сырости, придававшими загадочность батальным сценам.

Господин директор Спел разглядывал потолок, словно стараясь угадать смысл в изображениях. Он не хотел показывать, что интересуется происходящим.

Господин директор Мекиль, начальник полиции, уже заканчивал свою разгромную речь, и до слуха Спела долетали лишь отрывки фраз: «...преступно нарушив Порядок, инженер Лемень... опорочив честное имя одного из самых уважаемых семейств, инженер Лемень...»

Мекиль, по прозвищу Мокрица, имел в виду семейство Спелов. Инженер Лемень вознамерился жениться на дочери Спела.

Шестнадцать директоров, сидевших в жестких деревянных креслах вокруг массивного, отполированного локтями стола, слушали внимательно, и каждый из них старался понять, какую угрозу для них таит гневная речь Мокрицы. Тощий, мрачный, похожий на летучую мышь, Первый директор Калгар задумчиво крутил пальцами колокольчик. Его не устраивало усиление позиции начальника полиции.

Калгар покосился на Спела. Тот разглядывал фрески на потолке. Он не посмел пойти против Мокрицы и теперь делает вид, что слова Мекиля его не касаются.

Мокрица кончил говорить. Директора зашевелились. Кто-то кашлянул. Калгар поднялся. Он был Первым директором, и ему проводить голосование.

— Господин Спел, — сказал Калгар. — Согласны ли вы, что нарушитель Порядка инженер Лемень заслуживает смерти в Огненной Бездне?

Спел наклонил голову.

— Господин генерал-директор?

Сверкающая нашивками туша колыхнулась.

— Без сомнения.

— Господин директор шахт?

Директор шахт долго жевал губами, изображая работу мысли. Калгар подумал, что Мокрица заплатил ему, но недостаточно.

— Полагаю, что поступки инженера Леменя выходят, так сказать, за рамки... А его идеи о существовании Города Наверху?

— Мы судим Леменя не за идеи, а за нарушение Порядка, — перебил его Мекиль.

— Да, — сказал директор шахт быстро. — Да, да.

— Господин директор коммуникаций?

У директора коммуникаций болит печень. Он морщится, прислушиваясь к боли, достает флакон с лекарством и машет свободной рукой — конечно, что там обсуждать...

Когда последний из директоров проголосовал за смерть Леменю, Калгар отцепил висящий на нагрудной цепи небольшой ключ от Переговорной.

— Тогда, — сказал он, — в согласии с традициями и Порядком мы должны сделать Всеобщее оповещение. Господин директор Спел!

Хранитель ключа от Переговорной, директор Спел, медленно поднялся.

Мокрица смотрел на директоров. Это был час его торжества.

У двери Спел обернулся. У черной портьеры, скрывающей вход в зал заседаний, среди чиновников, жрецов, лакеев и охраны стоял его сын в форме офицера тайной стражи. Спел-старший встретился с ним взглядом. Спел-младший незаметно кивнул.

Глава 1

ТЕМНЫЕ КОРИДОРЫ

Крони проснулся раньше обычного. За порогом шуршали шаги, скрипели голоса, слышались вздохи и тяжелый кашель — ночная смена шла с асбестовой фабрики. Обычно он просыпался, когда шаги затихали. Просыпался от тишины. Крони вспомнил, что будет сегодня. Он пойдет вниз.

Крони сбросил рваное одеяло и ступил босиком на пол. Лампада перед дешевой статуэткой бога Реда совсем погасла. Поджимая пальцы сухих мускулистых ног, чтобы не так обжигало холодом камня, Крони подошел к столу, нащупал банку с земляным маслом и подлил в лампаду. Стало светлее и как будто теплее. Прозрачные пауки кинулись прочь из круга света, попрятались по темным углам.

Крони поглядел в осколок зеркала, прислоненный к ногам статуэтки. Осколок редко удостаивался такой чести. Лицо не уместилось в нем, — Крони увидел лишь светлый глаз, клок рано

поседевших жестких волос, тонкий нос, тень которого скрывала запавшую щеку и глубокую морщину, спускающуюся к углу бледных губ. Со вчерашнего дня на лице остались полосы сажи. Крони решил умыться.

Он собрался, взял сундучок с инструментами, завернул в тряпку и сунул в карман липкий холодный кусок вчерашней каши. Башмаки стояли у порога. Крони задул лампаду.

У ручейка, наполнявшего круглый бассейн, уже собрались женщины. Некоторые стирали, другие пришли за водой, но не торопились уйти.

— Иди отсюда, — зашумели они, когда увидели, что Крони раздевается у края бассейна. — Ты нам всю воду испортишь, вонючий трубарь.

Крони не стал с ними разговаривать. Он сел на край бассейна и опустил ноги в холодную мыльную воду.

— Сейчас мужа позову, — пригрозила Ратни, жена квартального стражника.

— Позови, — *поддержали ее женщины.* — Пускай моется в луже.

Крони достал из сундучка кусок мыла.

— Зачем тебе столько мыла? — спросила старуха, которая жила над Крони. — Оставь мне.

— Не бери, — сердилась Ратни. — У него мыло поганое.

— Такое же, как у всех, — сказал Крони.

— От него плохо пахнет, — сказала незнакомая девушка.

— Ты-то сама здесь не по праву! — крикнула старуха, которая надеялась, что Крони отломит ей мыла.

— Дура, — сказала Ратни. — Не знает, что мой племянник женился.

Женщины засмеялись и стали издеваться над старухой, потому что племянник Ратни женился очень выгодно и его жена пришла сверху, из семьи мастера.

Крони решил не окунаться. Он нагнулся и намылил шею и голову.

Какая-то из женщин, он не видел кто, чтобы выслужиться перед Ратни, подкралась сзади и вылила на него ушат с мыльной водой. Крони от неожиданности съежился, свалился в воду, и его штаны промокли. Женщины потешались над ним. Одна хотела сбросить в воду и его сундучок, но старуха села на него. Она еще надеялась, что Крони отдаст ей мыло.

Крони, чертыхаясь, вылез из воды и отошел в черную нишу, чтобы выжать штаны. В нише воняло испражнениями. Когда он вернулся к бассейну, старуха слезла с сундучка и, ничего не говоря, протянула корявую руку. Крони отдал ей кусок мыла, кото-

рый не выпустил, когда упал в бассейн. Он подобрал сундучок и пошел, приглаживая мокрые волосы. Сзади женщины кричали старухе, чтобы она отдала им мыло.

— Тебе все равно подыхать скоро.

Старуха отругивалась.

В другой день Крони взбесился бы от такой неудачи, но сегодня было иначе. Он дождался грузового лифта и поклонился стражнику. Стражник отвернулся. Здороваться с трубарем он не хотел. Но знал его уже лет шесть и не обижал. Лифт пошел вниз.

Крони ехал раньше, чем обычно, и потому в лифте оказались не те, с кем он ездил всегда. Крони вдруг подумал, что в своей жизни он встречал очень немного людей. Одних и тех же. С кем работает, с кем ездит и кое-кого из соседей. Некоторых еще не видел, о некоторых только слышал. А еще есть люди, которых трудно считать людьми, потому что они подобны наводнению или обвалу. Это сборщик или те, кто приходит с месячным обыском. Или человек от ростовщика. Крони знал, что почти все на уровне живут так же. Только у старухи меньше знакомых, а у господина Ратни больше.

Лифт останавливался. В него входили новые люди. Он уже был переполнен, и Крони слышал, как трещали старые тросы. Стражник не имел права впускать столько людей, но ему не хотелось гонять лифт лишний раз.

— Когда-нибудь мы оборвемся, — сказал тихо седой техник.

Техник был старый, но, видно, хотел жить. Раньше Крони было все равно, жить или умереть. Наверно, потому, что он был молод.

Крони ничего не ответил, он боялся, что стражник услышит. Те, кто стояли рядом и слышали, тоже молчали. Лифт проехал без остановки следующий уровень, кто-то крикнул через решетку:

— Вы куда? Мы опоздаем.

— Надо раньше вставать! — ухмыльнулся стражник.

Крони через головы соседей смотрел на разноцветные потеки на стенах шахты лифта. Поверх других тянулась узкая красная полоса. Прорвало трубу в красильной мастерской, подумал трубарь.

Увидев двух торговок с корзинами, стражник остановил лифт.

— Некуда, нам и так тесно, — проворчал кто-то сзади.

Торговки сунули стражнику по монете, но ему этого было мало. Он взял у них из корзин по белому сладкому корню. Торговки попробовали втиснуться в лифт, но корзины мешали. Стражник схватил ближних пассажиров и вышвырнул их из лифта.

— На следующем захвачу, — сказал он.

— Ты чего так рано? — спросил мастер.

Мастер сидел за столиком и чиркал куском графита по плану какого-то сектора.

— Я вымыться хотел, а меня женщины не пустили.

Мастер был неплохой, добрый, с ним можно было говорить.

— В квартальном бассейне купаться задумал? — спросил он. — Грязная твоя рожа.

— А вы как догадались?

— Чего тут догадываться. Мало у тебя луж на участке?

— Вы правы, мастер, — сказал Крони. — В лифте я видел красный подтек. Наверно, в красильной мастерской труба течет.

— Знаю, — сказал мастер. — Ты пятый, кто мне говорит об этом. Даже сам управляющий звонил.

Мастер показал измазанным графитом пальцем на крышку переговорной трубы.

— Я туда уже послал людей. Сегодня пройди немного за участок, посмотри, нельзя ли отключить восьмую или девятую линии. Они все равно почти не тянут.

— Как же? А если основная отключится?

Мастер пожал плечами:

— Приказ господина Калгара.

Вошли обходчики ночной смены. Они были в грязи и злы как черти.

— Запаяли? — спросил мастер.

— Завтра снова лопнет, — сказал старший обходчик.

Они сели на корточки у стены, и старший сразу задремал.

— Я пошел, — сказал Крони.

Он взял в углу моток проволоки.

— Напарника ждать не будешь?

— Нам все равно в разные отсеки.

— Верно.

— Башмаки бы залатал, — сказал ночной обходчик.

— Они еще крепкие, — сказал Крони.

— Спину ломит, — сказал другой обходчик.

— Пожалуйся директору Калгару, — сказал мастер.

Обходчик выругался. У стены было темно, и он казался кучей тряпья.

Крони вышел из конторы и закрыл за собой дверь. За матовым стеклом, заклеенным серой лентой, покачивались темные силуэты. Обходчики поднялись и докладывали мастеру о поломках.

Все люди работают вместе. На фабриках или в конторе, в казарме или на теплостанции. Только трубари и крысоловы проводят дни, не видя ни одного человека. Трубарей можно презирать и не пускать в общий бассейн, но без них мир давно бы погиб.

Если посчитать, сколько труб залатал Крони, сколько прорывов нашел, сколько намотал изоляции и сколько прочистил пробок, то можно сказать, что Крони нужнее, чем сам господин директор Калгар.

В прошлом году ему в голову не пришло бы подумать о том, что его можно сравнивать с кем-нибудь из чистых. Мир, в котором он жил, был в незапамятные времена разумно и строго устроен богом Редом, вышедшим из красной тьмы, чтобы научить людей одеваться и освещать себе путь. Бог передал свой волшебный светильник чистым, и они, движимые благими мыслями, поделились светом со своими младшими братьями. Они кормили и одевали грязных, давали им работу и наказывали строго, но любя. Так устроен мир, таким он был вечно и пребудет до того дня, когда Огненная Бездна заберет к себе своих детей.

Крони остановился на площадке, дальше которой простые люди не ходили. Там могли бывать только техники и трубари. Ступив за ржавую решетку, Крони становился выше квартального и даже выше господина офицера. Никто из них не бывал в бесконечных улицах служебного города. Крони положил сундучок на пол, снял с плеча проволоку и присел перед статуей бога Реда, освещенной электрической лампой. Колени бога блестели от масла — его задабривали трубари, уходившие на дежурство.

Крони открыл решетку своим ключом. Длинный служебный туннель, чуть загибаясь влево, уходил вдаль. Под потолком через каждые сто шагов висели тусклые лампы. Провисая, тянулись по стенам кабели и трубы. Трубы потолще шли по полу. Крони стоял и прислушивался к их голосам. Он привык на слух определять, как идут дела. Вроде бы все в порядке.

Только вздыхает труба, по которой течет горячая вода к грибницам.

Крони задержался, чтобы сменить изоляцию на кабеле № 1. Похоже, его грызли крысы. Кабель № 1 должен всегда быть в порядке. Это линия связи между главным уровнем и станцией. И что крысам здесь нужно? Крони вытащил из ниши в стене банку и посыпал отравой вдоль стены. Отрава покрывала весь пол в туннеле белесым слоем, но крысы не обращали на нее внимания.

Крони задержался у вертикальной шахты и внимательно осмотрел те места, где кабели и трубы расходились вверх и вниз. На сгибах чаще всего бывали утечки.

Дальше Крони следовало идти вперед, до третьего поворота, где кончался его участок, и там спуститься вниз. Но Крони миновал лестницу и прошел еще шагов триста, за пределы служебного участка. Это уже было проступком. Трубарям не положено в одиночку ходить в дальние коридоры.

Раньше в шахте ходил лифт, теперь он висел между уровнями,

о нем давно забыли, и кто-то давным-давно пробил в его крыше и днище дыры, чтобы можно было пробираться на нижний ярус.

В шахте было совсем темно, и Крони зажег фонарь и, чтобы освободить руки, прикрепил его на лоб. Протискиваясь сквозь ржавый скелет лифта, Крони разодрал куртку и огорчился, потому что новую ему получать только через восемьдесят дней.

Крони наклонился над дырой и сбросил сундучок вниз, ближе к стенке. Сундучок звякнул. Тогда Крони повис на руках и прыгнул следом. Он стоял на широком карнизе, образованном бетонной плитой, обвалившейся со стены шахты и так застрявшей. Крони прислушивался. Стояла тишина, невыносимая для обычного горожанина, тишина, понятная и привычная трубарю. Где-то далеко с потолка сорвалась капля воды и щелкнула о мокрый пол. Этот сектор был давно покинут, и там жили лишь привидения.

Обходчики, которые бывали на этих ярусах несколько лет назад, говорили еще, что крысы там ходят стаями и не дай бог попасться — загрызут. Но инженер Рази сказал, что, кроме трубаря, никому не найти библиотеки. Трубари привыкли ходить в одиночку по пустым коридорам, у них не было страха перед пустой темнотой. Крони был трубарем. У Крони был служебный ключ к решетке.

Крони лег на край плиты и нагнул голову, чтобы свет фонаря падал вниз. Ему показалось, что на дне колодца мелькнула светлая тень.

Крони прикрепил конец провода к краю плиты. Он подумал, не оставить ли здесь сундучок, но побоялся расстаться с ним.

Он прислушивался. Там, внизу, раздавался шорох, будто стая крыс бежала по туннелю. Можно вернуться и сказать инженеру Рази, что путь к нижним ярусам закрыт. Инженер не сможет проверить. Но трубарем двигало большее, чем желание угодить инженеру.

Крони подергал за провод и начал спускаться, повесив сундучок через плечо и наклоняя голову так, чтобы луч света был все время обращен вниз.

Подошвы башмаков гулко ударились о пол. По дну туннеля тек ручеек, и правая нога сразу промокла — подошва ее сильно отставала и шлепала при ходьбе. Крони отступил на шаг, прижался к стене и повел головой. Луч света скользнул по стенам с обрывками кабелей и растворился в глубине туннеля. Идти надо было налево, до большого зала.

Позавчера, после Чтения, они сидели с инженером и инвалидом с асбестовой фабрики. Инвалиду рассказывал о библиотеке его отец, который молодым участвовал в большой облаве на крыс и заблудился в туннелях нижних ярусов. Он блуждал там три дня

и видел много странных вещей, о которых даже не смел вспоминать. И он видел ход в библиотеку за домами Предков.

— Мало шансов, — говорил тогда инженер, — что от нее что-нибудь сохранилось. Крысы — раз. Влага — два. Непредвиденные обстоятельства — три.

Рази говорил четко, негромко, как положено инженеру, которого слушаются, не возражая.

— Внимательно осмотри помещения, которые тебе встретятся, — говорил ему инженер. — Они нам могут пригодиться.

Уточнять инженер не стал. А Крони не спрашивал, потому что его незнание было велико.

Крони шел по туннелю. Вода под ногами была холодна, от нее поднимались запахи, и трубарь угадывал по ним, откуда собирался ручеек. Пахло стиральным мылом от квартальных бассейнов, кислотой, отработанным маслом, помоями. Крони представил себе, как ручеек собирается по каплям, сочащимся из трещин в трубах, и, спускаясь с яруса на ярус, находит путь к Бездне.

Сзади послышался шорох, словно капля воды скатилась по стене. Для другого — ничего не значащий звук в туннеле, наполненном шорохами и стуком капель. Но слух Крони сразу выделил его из сотни других шепотов города, и он прыжком развернулся, стараясь в то же время прижаться к стене.

За ним шла большая крыса. Она не спешила и, когда луч фонаря достиг ее, присела и стала ждать, пока Крони пойдет дальше. В движениях крысы была неприятная осмысленность.

Он пошел быстрее, он должен дойти до домов Предков. Крони не знал, что такое дома Предков, а инженер Рази сказал лишь, что центр города когда-то, наверное, был именно там. Сравнительно близко от теплостанции и на надежной глубине. Рази подозревал, что город строился наоборот, не так, как сейчас. Грязные жили выше. Это было странно и даже нелепо, но Крони уже понимал, что странности города создавались людьми и если ты решил поверить кому-то, то все, что знал раньше, можешь подвергнуть сомнению.

Маленький оборванный человек спешил по черному туннелю, луч фонаря делал его видимым в темноте, но отказаться от света было еще страшнее. Крысы, мокрицы, жуки, черви и привидения умели видеть без глаз. Крони, хоть и был куда лучше приспособлен к такому путешествию, чем другие, в полной темноте становился бессильным и беззащитным.

Крыса семенила сзади. Присаживалась и ждала, если Крони оборачивался. Крони кинул в нее камнем. Камень не долетел, и крыса только наклонила голову, словно догадалась, что камень не долетит. Так они и шли. Может, час, может, немного меньше.

И тут впереди забрезжил свет. Зеленый, тусклый, словно отражение в глубокой воде. Крони пошел медленней. Света в этих местах не должно быть. Теперь он жалел, что взял с собой сундучок. Пользы от него никакой, а бежать мешает. Крони положил ладонь на рукоять ножа, чтобы успокоиться, хотя понимал, что нож не спасет его от крыс. Впереди не только дома Предков. Там могли остаться души Предков, а тот, кто встретился с умершей душой, никогда не вернется назад. И Крони понял, как удивительно уютен его дом, и он уже не чувствовал раздражения против госпожи Ратни, которая защищала Порядок и не желала ему зла. Крони понял, что дальше идти нельзя. Никакой библиотеки нет. Инженер заманил его сюда, инженер обманул его, инженер просто сумасшедший. В мире нет ничего, кроме Города и Бездны...

Крони обернулся, размышляя, как вернуться назад, чтобы крыса в него не вцепилась.

Но крыса была не одна. Их было уже три, и они вели себя как загонщики. Только в отличие от загонщиков они не суетились, не кричали и не били в жестянки. Они ждали. И когда Крони сделал несколько быстрых шагов им навстречу, не дрогнули, а присели на задние лапы, голые хвосты их были напряжены и приподняты, как перед прыжком.

И Крони не осмелился идти дальше. Вместо этого он повернулся и, наклонив голову, чтобы светить фонарем под ноги и не поскользнуться на мокрице, побежал к зеленому свету. Это было неразумно, но Крони не в силах был преодолеть страх и отвращение перед крысами.

Туннель оборвался неожиданно. Крони казалось, что еще долго бежать к зеленому свету, но свет обманул его. Свет был тусклым. Зеленым изнутри отсвечивала и мерцала стена. Стена была изъедена миллионами ходов, и зеленые светящиеся гусеницы, переползая по ходам, вылезая на поверхность стены, складывались в общее мерцание, настолько яркое, что в его свете были видны дома на улице и высокий потолок ее, со свисающими оттуда давно потухшими разбитыми светильниками. Потолок был покрашен когда-то голубой краской, лоскуты которой, падая вниз, устилали землю, словно маленькие озера.

Здесь можно было обойтись и без фонаря. К Крони вернулось спокойствие. Крысы куда-то исчезли, видно, остались в туннеле.

Значит, инженер Рази был прав. Крони добрался до домов Предков. Дома, углубленные в скалу, выступали наружу облупленными фасадами. В некоторых окнах сохранились куски стекла. Стекло ценилось в городе дорого, и Крони решил, что на обратном пути возьмет несколько осколков: из них делали зеркала.

Крони подошел к двери ближайшего из домов и заглянул внутрь. Когда-то пол дома был покрыт толстым слоем пластика,

но, уходя, хозяева сорвали его, и осталась ржавая металлическая решетка. Передняя комната была велика. Крони никогда не приходилось бывать в такой большой комнате. По стене, стараясь скрыться от луча света, ползла мокрица. Крони знал: если люди жили где-то, то, как бы тщательно они ни собирали свои вещи, уезжая, как бы ни жгли и ни разоряли их жилище враги, в нем всегда найдутся следы человеческого жилья. И если Крони сталкивался в своих обходах с местами, где жили люди, он осматривал их внимательно, потому что забытое или ненужное много лет назад могло сегодня дорого стоить. Когда-то было больше металлов и стекла, когда-то умели делать хороший, крепкий пластик. И не ценили этих вещей.

Осторожно ступая по решетке, чтобы не провалиться в подпол, и светя время от времени вниз, Крони пересек комнату и вошел в следующую, вырубленную в скале. В углу под решеткой что-то блеснуло. Крони нагнулся. Посыпанный ржавой трухой, скалился череп. Когда-то здесь случился взрыв, проломивший решетку, и человек упал внутрь. Крони откатил череп в сторону и поднял стальную каску. Она почти не проржавела. Посередине ее был гребень с насечками и впереди длинный прямой козырек. Крони напялил каску. Она была чуть велика, и из остатков подкладки торчали острые винты. Крони вытащил из чемоданчика молоток, загнул им винты, потом подложил в каску тряпок. Так надежней.

Он посветил вниз, но ничего больше, кроме горстки костей и обрывков изгрызенного тряпья, не увидел. На всякий случай он присел, спустил ногу и разгреб носком кости и тряпье. И не зря. Там лежал большой широкий нож. Такой нож должен стоить бешеных денег. Крони никогда не расстанется с таким ножом. Его надо спрятать в надежном месте, чтобы не увидели агенты.

Крони почувствовал, что в спину ему кто-то смотрит. Он обернулся. В дверях стояло привидение. Высокое, голубое, светящееся безликое привидение. Крони охнул, потерял равновесие и упал, ударившись локтем о череп. Крони знал, что умрет, потому что его отыскал бывший хозяин пустого дома, злой дух, видеть который нельзя.

Но ничего не произошло. Темно. Тихо, фонарь погас. Хорошо, если выключился, а не разбился. Без фонаря не выберешься отсюда.

Нога болела. Прихрамывая, Крони пересек по решетке переднюю комнату и выглянул из дверного проема. Улица была все так же освещена мерцанием, привидения нигде не было, но зато Крони увидел, что поперек улицы, отрезая ему возвращение к туннелю, в ряд сидели крысы. Крони погрозил им ножом. Крысы не

пошевелились. Они ждали. Крони щелкнул выключателем фонаря, фонарь загорелся.

С потолка сорвалась капля и гулко разбилась о каску. Крони ступил на голубой лоскут краски, упавший с потолка улицы, поскользнулся, удержался на ногах и пошел дальше вдоль ряда пустых домов, глядевших на него черными дырами дверных проемов. Его догнал топот ножек. Крони успел полоснуть лучом света и увидел, что одна из крыс метнулась к нему, словно ее послали вперед спугнуть его, заставить побежать туда, куда его гнала стая. Крони взмахнул ножом, и крыса отскочила.

Крысы вновь уселись в ряд.

Но как только он двинулся вперед, сразу три кинулись вслед, и, зная уже о смертоносной силе ножа, они не приближались к Крони, а скалили зубы, прыгали совсем рядом, увертывались от взмахов лезвия и через минуту или две добились своего — Крони бросился бежать. Он велел себе, приказывал не бежать, потому что именно этого хотели от него крысы. Но ноги бежали сами, и ему пришлось слушаться их, чтобы не упасть. Сундучок бил по боку, каска стала тяжелой и съехала набок, башмаки скользили по голубым лоскутам... Одна из крыс вцепилась в ногу и сразу отпрыгнула. Она лишь подгоняла его.

И тут Крони понял, куда его гнала стая. Впереди, поперек узкого прохода, куда он забежал, цепью сидели белые крысы. Такие же, как его преследователи. Загонщики добились своего...

Трубарь огляделся. Сзади был вход в дом. Крони поднялся на две каменные ступеньки и остановился в проеме. Если на него не нападут сзади, он сможет отбиваться.

И тут крысы бросились на него всей стаей. Они, видно, были озлоблены оттого, что он не попался в ловушку. Они прыгали на него, как пауки-охотники, и он рубил не глядя, не обращая внимания на то, как они кусают его, рвут одежду, выхватывают клочья из куртки. Но каждый толчок, каждый новый натиск стаи заставлял Крони отступать на шаг, чтобы крысы не успели забежать сзади.

Крони позволил себе кинуть взгляд назад. Коридор был достаточно узок, по нему можно было отступать, не опасаясь, что крысы тебя окружат. И он стал пятиться.

Спина его уперлась во что-то твердое. Свободной рукой Крони ощупал стенку, еще не понимая, что она — конец всем его надеждам. Стена была сложена из неровных камней и уходила вверх. Тогда Крони снова бросился на крыс.

Они были готовы к его атаке. Давя друг дружку, шипя и скалясь, крысы быстро откатились в глубь коридора, но, когда Крони вернулся к завалу, тут же бросились вперед.

Им овладело тупое отчаяние, когда хочется только одного —

сесть, закрыть глаза, а там будь что будет. И стая ощутила, что противник сдал...

Но тут Крони сообразил, что не сможет сесть, крысы все равно не дадут передохнуть. И стремление добиться у крыс права присесть, отдохнуть, для чего надо было расшвырять стаю, испугать ее, придало Крони отчаянную силу. Он рубил, топтал, расшвыривал крыс ногами — он не мог испугать их — крысы в стае лишены страха, но выросший между ним и стаей барьер из мертвых тел на какую-то минуту замедлил наступление. Тогда Крони обернулся к стене и стал искать в ней щель. Он бил по камням, толкал их и вдруг почувствовал, что одна из глыб поддается, кренится, проваливается внутрь. А когда, скользя по глыбам подошвами, цепляясь одеждой, отбиваясь от вновь ринувшихся на него крыс, он подтянулся, то провалился в следующее помещение. Он почти не почувствовал удара о каменный пол. Хотелось лежать и не двигаться... Как будто в полусне, Крони встал, нашарил руками глыбу, вывалившуюся из завала, поднял ее и затолкал в черное отверстие.

А потом он опустился на пол, вытянул ноги и забылся. Невыключенный фонарь светил вверх, высвечивал над головой желтый круг. И, может, из-за того, что глаза ощущали этот свет сквозь сомкнутые веки, Крони чудилось, что он идет по другому, светлому, теплому городу, над которым всегда горит яркий огонь.

Крони открыл глаза. Он увидел золотой круг над головой и сначала не мог понять, почему над ним столько золота. Он попытался повернуть голову, и круг метнулся в сторону, скользнул, вытянувшись по стене, и Крони сразу все вспомнил.

Он прислушался. Сначала был шорох, попискивание — шорох был понятен и утешителен. Крысы не могли отказаться от добычи и скреблись в каменную преграду. Потом он услышал вздох. Совсем рядом. Крони замер. Какое еще чудовище подстерегает его в темноте? И почему оно не бросилось до сих пор? Крони провел руками по холодному полу. Пальцы натолкнулись на гладкую поверхность лезвия. Крони нащупал рукоять. Так было надежнее. Потом подтянул локти и приподнял голову. Луч света уперся в дальнюю стену. Крони сел. Тогда он увидел кучу тряпья в углу каменного мешка. Куча шевельнулась, замерла, и снова раздался длинный, прерывистый вздох. Крони встал на четвереньки и, держа нож перед собой, приблизился к куче тряпья.

Из тряпок выглядывала часть лица — серые волосы, острый, будто выпиленный из мела нос. Дрогнуло голубое веко, и открылся блестящий, горячий, безумный глаз. Худая, дрожащая рука приподнялась в оборонительном жесте, длинные ногти целились в лицо Крони, но рука была бессильна и упала, будто растаяла в ветхой рвани.

Открылся рот, беззубый и черный. Человек хотел сказать что-то, но получился лишь хрип. И Крони не сразу разобрал слова:

— Уйди... солдат...

— Я не солдат, — сказал Крони. — Я трубарь.

— Трубарь... — прохрипел человек. — Пить...

Крони понял, что и сам хочет пить. Смертельно хочется пить.

— Где здесь вода? — спросил он.

— Дальше, там...

Человек смог показать глазами в глубь комнаты. Крони поднялся с колен и, держась за стену, пошел, пока не услышал журчание тонкой струйки воды, текущей в трещине. Крони подставил каску и долго ждал, пока на дне наберется немного воды, и тут же выпил ее. Потом снова подставил каску под струйку и стал думать. Здесь живет человек. Это странно, потому что человек не может жить в этих местах.

Человек ждал Крони. Свет фонаря отразился в его зрачках.

— Вот, принес, — сказал Крони, чтобы разогнать тишину.

Он наклонился и приподнял легкую, горячую голову человека. Тот пил долго. Вода стекала из углов губ, и Крони подумал, что лишь малая часть воды попадает человеку в горло. Но много он выпить и не мог. Человек закрыл глаза, устал, голова его вяло откинулась, и Крони испугался, что он умер.

— Погоди, — сказал он, будто хотел остановить его, удержать, чтобы не уходил во мрак, из которого никто не возвращается.

— Я здесь, — сказал человек неожиданно ясным и твердым голосом. — Я давно не пил. Я не знаю, когда я пил.

Из-под сомкнутых век выкатились маленькие слезы, и мокрые дорожки протянулись до впадин щек.

— Ты, наверно, голоден, — сказал Крони. — У меня есть еда.

— Спасибо, — сказал человек, не открывая глаз. — Мне уже не нужно. Я устал. Я умер.

— Ты живой, — сказал Крони и тут же понял свою неправду. Конечно, человек уже переступил грань, за которой нет жизни.

— Я счастлив, — повторил человек. — Я напился. И напился из рук человека. Ты не поймешь, как страшно умереть одному и знать, что они обязательно доберутся до тебя...

— Ты слышал, как я пришел сюда? — спросил Крони.

— Да. Только я не знал, что это человек. Я думал, что они прорвались. Я ждал, что они нападут.

— Я давно пришел? — спросил Крони, боясь, что в ответ услышит «три дня».

— Недавно, — сказал человек. — Ты лежал минут десять.

— Мне снился сон, — сказал Крони. — Мне снилось, что я нашел другой город.

— Другого города нет. Я тоже мечтал о городе, в котором не надо дрожать и ждать смерти.

— Ты думаешь, что наш город один на свете?

— Да, — сказал человек убежденно. — Наш город один. Я прошел до самой Бездны. Я видел, как пляшут привидения, и видел Белого Паука. Я знаю червей, которые прожигают стены, и знаю путь к Огненному Озеру. Но города нет.

— Ты знаешь путь к библиотеке? — спросил Крони. Он хотел спросить путь обратно, к людям, по которому можно пройти, не встретив крыс. Но спросил про библиотеку.

— Дай мне еще воды, — сказал человек. — У меня все внутри горит.

Крони поднес к его губам каску. Человек пил долго, и Крони тоже захотелось пить.

— Библиотека — это место, где лежат старые книги, — сказал Крони. — В книгах сказано о Городе Наверху.

— Кому нужны книги? — сказал человек и замолчал. Тишина была долгой, и Крони снова услышал, как за стенкой царапаются крысы. Потом человек спросил: — Ты ищешь путь к библиотеке?

— Да.

— Зачем тебе книги? Ты трубарь. Ты не учился.

Крони не учился. Год он провел в подмастерьях. Он немного умел читать, разбирался в схемах подземных переходов и знал ровно столько, сколько нужно, чтобы стать хорошим трубарем. Потом, за годы работы, он выучился слышать трубы и узнал о том, как электричество идет по кабелям от станции к городу.

— А я учился, — сказал человек и снова замолчал, ему с каждой минутой труднее было говорить. — Книги... их читают крысы.

Человек засмеялся, забулькал, дыхание прервалось, и тут же, словно боясь не успеть, он заговорил быстро и настойчиво:

— Я был инженером. Я нарушил Порядок. Я любил дочь господина Спела. Мокрица выследил нас. Меня должны были отдать Бездне... Я жил здесь, я все видел, я знаю, где кипящее озеро...

Он вдруг приподнял голову и спросил громко и строго:

— Как она живет? Как здоровье уважаемой юной госпожи Геры Спел? Она счастлива?

Крони не успел подхватить человека, и голова его гулко, словно пустая, ударилась о тонкий слой тряпья. Крони понял, что человек сейчас умрет.

— Как пройти к библиотеке? — наклонился он к нему. Дышит? Дышит ли еще? — Как пройти к библиотеке?

Губы человека шевельнулись:

— Иди к привидениям... иди дальше, за дверь...

И все.

Крысы скреблись в завал. Человек жил здесь без света, крался по коридорам, прятался, боялся, хотел жить. Смерть шла к нему, и он не знал, куда деться от смерти.

Крони разгреб тряпье и нащупал на груди человека железку — опознавательный знак, с его номером и именем. Когда человек умирает, с него снимают знак. Так принято. Трубарь сунул знак в карман. Потом посветил по углам комнаты — черепки, кучка камней, сложенных кругом и черных изнутри, наверно, очаг, железный штырь — оружие. Крони увидел свой сундучок. Он совсем забыл о нем, а увидев, обрадовался, как старому знакомому. Крони проверил, надежно ли держится глыба, — не хотел, чтобы крысы добрались до того человека. И ушел не оглядываясь.

За ручейком, где Крони набирал воду, он натолкнулся на дверь. Он сначала даже не понял, что дверь стальная. Надо было случиться чуду, чтобы кто-то забыл, уходя отсюда, дверь из настоящей стали.

За дверью было пусто. В лицо чуть тянуло холодным воздухом, и Крони понял, что впереди большое открытое пространство.

...Это был странный зал. Такого Крони никогда не видел. Он был высок, и три стены его были гладкими, словно отполированными. А четвертую занимал блестящий, не потускневший от времени щит. В щите было много отверстий, там когда-то находились приборы, механизмы, и все это было вынуто, выдернуто, выхвачено, вырезано, отовсюду торчали концы проводов, гнутые стержни — когда уходили отсюда, то не заботились о чистоте и порядке — хватали, сваливали на тележки и увозили. И Крони знал, что увозили на тележках, потому что одна, у которой отломилось колесо, стояла неподалеку от щита, и на ней были навалены круглые приборы со стрелками и цифрами, блестящие ящички и коробки, стеклянные трубки, мотки разноцветных проводов и лампы.

Такое богатство потрясло Крони. Каждая металлическая коробочка, если выбросить из нее начинку, стоит больше, чем Крони зарабатывает за месяц. Другим вещам Крони просто не представлял цены... Из-под груды приборов выглядывал угол материи. Крони потянул на себя. Материя была тонкой, как паутина, мягкой и удивительно крепкой. Жаль, что кусок невелик. Крони раскрыл сундучок и положил сложенную ткань внутрь. Потом не удержался и подобрал несколько коробочек с торчащими из них проводами. Оставил сундучок, заглянул в тележку. И тут его постигло разочарование человека, который только что сытно, но просто, без претензий пообедал и ему несут на стол громадное блюдо с лакомствами. Ткани в тележке оказался целый рулон.

Там был и ящик с инструментами, тонкими, как у зубного врача, там были мотки проволоки в мягкой изоляции... Крони вытряхнул из сундучка свое добро, отмотал локтей десять ткани и отрезал ножом. Высыпал инструменты. Он кидал в сундучок вещи, стараясь, чтобы они были невелики, новы и блестели. Сундучок не закрывался. Крони выбрасывал вещи оттуда и рассовывал по карманам. Ему трудно было оторваться, трудно уйти. Он забыл о библиотеке, забыл о том, как будет возвращаться наверх. Он «обжирался» блестящими вещами.

...Крони перевел дух. Ему повезло. Он богат на всю жизнь. Он мог забыть о другом городе и библиотеке, потому что богатому человеку не нужно мечтать о том, чего нет...

Привидение стояло рядом и смотрело на то, как богатый трубарь рассовывает добычу по карманам. Привидение не угрожало ему, но сделало то, чего от привидения никак нельзя было ожидать. Оно наклонилось и подобрало с пола оброненный Крони кусок каши. Самой обыкновенной каши, которую варят из плесени и лишайников и добавляют для вкуса мелких орешков, растущих на стенках. Привидение крутило кусок каши, обнюхивало его. У привидения были руки, не похожие на руки людей, голова без глаз и рта. Рот раскрывался на груди, и Крони был потрясен. Привидение ело его кашу. Привидение могло есть, и это означало, что светящийся столб, означающий верную смерть для того, кто увидит его, не был духом. Духи не могут есть.

Трубарь вспомнил о последних словах умирающего человека, которые счел бредом. Тот сказал: «Иди к привидениям».

И Крони спросил тогда:

— Где библиотека?

Привидение стало отступать и положило на камень остаток каши, будто опомнилось и испугалось. Крони подумал, что оно должно понимать язык людей.

— Ешь, мне не жалко, — повторил Крони. Он не стал подниматься. Он сидел на корточках, и руки оглаживали карманы, набитые барахлом.

И тогда привидение сделало шаг обратно, подобрало остаток каши, и комок исчез в открывшейся в груди дыре. Крони мог поклясться, что только что рот привидения был совсем в другом месте. Пяди на две ниже. Но способность человека удивляться тоже имеет предел. Привидение, которое слушается человека, уже не потрясало.

— Я тебе еще дам, — сказал Крони, не доверяя привидению и желая задобрить его. Может, это все-таки ловушка? Может, оно приставлено к этим вещам, чтобы охранять их? — Дорогу к библиотеке показать можешь?

Привидение поняло. Поплыло перед Крони, который подобрал сундучок, нож и пошел следом. В луче фонаря привидение казалось совсем бледным, будто сделанным из пара. Ног у него не было. Ничего у него не было, что положено иметь нормальному человеку. Но кашу оно ело. Крони нащупал в кармане еще кусок. Подумал: «Отдам. Они, наверное, кашу редко видят».

Они снова углубились в коридор, по потолку которого тянулась проволока, а под ногами секции труб. Сундучок оттягивал руку. Крони нахмурился. Только что думал об одном — вернуться скорей домой, стать богатым. И вот уже снова идет к библиотеке, хотя с каждым шагом, с каждой минутой возвращение становится более опасным. Далась ему эта библиотека! Не нужна она никому. Крони ругал себя, уговаривал, а сам послушно шел за столбом голубого дыма, опускаясь все глубже, внутрь городских подземелий, все ближе к Огненной Бездне. «Нет, из таких, как ты, Крони, — услышал он голос старшего мастера, — из таких, как ты, инженеров не получается. Нет в твоем мозгу к этому устойчивости».

Они стояли в тупике. Под ногами пол из квадратных плит.

— Куда ты привел меня? — испугался Крони.

Привидение съежилось в шар, опустилось над одним из квадратов.

Крони подошел поближе. Привидение отодвинулось. Плита отозвалась под ногой гулко. Там было пусто.

— Понял, — сказал Крони. Чуть было не добавил «подержи сундучок». Попытался сунуть пальцы в щель между плитами, но щель была узкой. — Палку бы, — сказал Крони привидению.

Оно не двинулось с места.

Крони вспомнил, что какие-то стержни валялись в последнем коридоре, которым они сюда шли.

— Я сейчас, — сказал он.

Он сунул стержень в щель, и плита поддалась почти сразу. Крони изловчился, подхватил ее за край и откинул.

— Здесь глубоко? — спросил Крони.

Он и не ждал ответа, лег на край. Луч достиг дна. Изнутри веяло сухим теплом, о котором так мечтаешь, вернувшись с работы. Пол был недалеко. Обычный этаж, локтей десять. Привидение скользнуло рядом, провалилось вниз и отошло от дыры. Лишь по голубому отблеску Крони мог угадать, что оно его поджидает.

Крони спрыгнул вниз. Пол больно ударил по пяткам. Луч метнулся по стенам коридора. Какого за сегодняшний день? Пол был теплым.

Привидение уже двинулось по коридору, и тут же Крони сделал еще одно удивительное открытие. Более удивительное, чем встреча с привидением или спасение от стаи крыс.

Стены коридора несли следы огня, будто кто-то пробежал по

ним с горящим дымным факелом в руке. Но в остальном здесь все оставалось таким, как если бы люди ушли отсюда только вчера. Здесь было сухо и все сохранилось. И пластик на стенах, и пластиковый ковер под ногами, и двери, настоящие двери разных цветов, большие и маленькие, и лампы под потолком, закрытые стеклянными колпаками. Сундучок, который только что был сокровищем, сразу потерял ценность. Надо было бежать отсюда, надо было договориться с нужными людьми — устроить сюда поход, приучить привидений, чтобы отгоняли крыс. Они любят кашу? Ради Реда, они получат столько каши, что обожрутся ею. И Крони будет жить не в каморке нижнего города, у него будет дом на верхнем уровне. Сам господин директор Калгар будет кланяться ему и позовет в свой личный лифт. Крони будет объедаться сладкими грибами и женится на какой-нибудь прекрасной юной благородной девушке, и никто не посмеет его выгнать или казнить. Госпожа Ратни будет выходить утром из своего домика и кланяться господину Крони и сама будет приглашать его купаться в квартальном бассейне... Тут Крони подивился тому, как глупо бредет его мысль. Ведь если у него будет дом наверху, на уровне чистых, зачем ему купаться в квартальном бассейне и встречаться по утрам с госпожой Ратни? Он забудет о ее ничтожном существовании. Ведь, говорят, сам Калгар когда-то был беден. И отец его работал на фабрике. Калгар стоял во главе шайки, которая воровала медь с рудника... хотя, наверно, это ложь. Это из зависти говорили трубари. Господин Калгар родился на уровне чистых. Поглядели бы вы на его руки. А может, скоро будут так же говорить и о Крони: «Поглядите на его руки, разве он когда-нибудь мог быть трубарем?»

Крони шел, мечтал, но в глубине души знал, что никогда не станет чистым. План его был невыполним — ему никогда не обмануть жуликов. Им все и достанется. К тому же он не был уверен, что хочет быть господином Калгаром и жить в доме господина Калгара. Великая тайна, овладевшая Крони, сказочная до начала путешествия, сейчас уже была куда реальнее и важнее, чем все старые, поломанные сокровища, лежавшие в этих коридорах. Сокровищ было слишком много. Крони мог легко осознать свое богатство, пока оно умещалось в сундучке. Но такое богатство...

И Крони не стал заглядывать в комнаты и в боковые коридоры. Он спешил за голубым столбом. Тот двигался уверенно мимо открытых и притворенных дверей, мимо брошенных касок и портьер, сотканных из блестящих тканей, мимо открытых ящиков, в которых хранились какие-то приборы, мимо брошенных кучей винтовок и длинных ящиков с патронами к ним, мимо опрокинутых металлических стульев и зеленых бутылей...

Привидение остановилось у закрытой двери. Оно ждало, когда Крони догонит его.

— Здесь? — спросил Крони.

Привидение стояло неподвижно.

Крони толкнул дверь и оказался в библиотеке.

Здесь было так жарко, что сразу высохли губы. Луч фонаря блуждал между высокими рамами, на которых покоились металлические полки. Книги стояли, лежали на полках, грудами громоздились на полу. Крони знал, какими должны быть книги, потому что видел книгу Порядка и клялся на книге Закона, когда его принимали на работу.

Крони взял с полки одну из книг и увидел, что она обгорела. Поэтому был черным переплет и обрез страниц. Крони держал книгу, и он был горд собой, потому что он прошел там, где не проходил еще никто, и нашел библиотеку. Теперь он держит в руках книгу.

Крони раскрыл ее, и страницы рассыпались в пыль. Черное облако трухи медленно осыпалось на пол. Другая книга рассыпалась даже раньше, чем он успел поднять ее с полки. Она стала кучкой серого пепла, в котором чернели обгорелые клочки бумаги.

Когда-то в библиотеке был страшный жар. Огонь почему-то не вспыхнул, но все здесь обуглилось, распалось, разрушилась связь в вещах, и бумага потеряла прочность.

Крони шел между полок, не обращая внимания на жару и духоту, и привидение отступало перед ним. Он дотрагивался до книг, иногда пытался поднять книгу с полки. Но если книга не распадалась в руке, она гибла, стоило ее открыть.

Надо же идти так долго и найти пепелище! В отчаянии Крони смахнул с полки целый ряд книг, рука завязла в трухе, и привидение вытянулось к нему голубым червем и обожгло электричеством. Не больно, но обожгло. Привидение не хотело, чтобы человек убивал книги.

Крони не обиделся на привидение.

— Прости, — сказал он. — Книги умерли.

Привидение успокоилось.

Трубарь достал из груды трухи три странички, обгорелые по краям, положил их в карман. Пусть будет хоть какое-то доказательство, что в библиотеке он был.

Другой на месте Крони не стал бы расстраиваться. Разве можно сравнить какие-то книги с настоящей добычей.

Но Крони бесцельно брел по жаркому коридору, удаляясь от библиотеки, и не видел разбросанных вокруг богатств.

Привидение обогнало Крони, чуть коснувшись его, и по все-

му телу пробежал холодный озноб. К привидению Крони привык. И даже к странностям его.

Крони нащупал в кармане кусок каши. Маленький кусок, последний. Но есть Крони не хотелось. Он выпил бы воды.

Крони протянул кусок привидению.

— Хоть бы ты говорить мог, — сказал Крони. — Может, другая библиотека была?

Но сам уже знал, что вряд ли была вторая.

— Устал я, — сказал Крони. — Ты не подскажешь, как выбраться отсюда?

Когда все кончилось, возбуждение не сразу оставило Крони. Он возвращался к действительности толчками, будто прорывал одну за другой бумажные перегородки.

Сундучок с каждым шагом становился все тяжелее.

Привидение вновь поплыло вперед, но через несколько минут замерло у стены и начало вливаться в нее, расплющившись, расползшись по ней, и постепенно исчезло в стене, как вода, пролившаяся в трещину.

Когда Крони дошел до того места, он и в самом деле увидел трещину. В глубине ее голубел след привидения.

— Эй! — крикнул Крони, прижимая каску к трещине. — Ты куда? Я же здесь не пройду.

Но голубой отсвет уже растворился в темноте. Луч фонаря, ослабевший без подзарядки, желтый и неверный, терялся в захламленном коридоре, и от его желтого света тишина еще напряженнее и беспросветней мрак. Человек устал, он отдал бы все сокровища своего сундучка за то, чтобы увидеть, как тусклой цепочкой горят лампы в служебном коридоре. И он уже не верит, что когда-нибудь увидит их, потому что за день он спускался так долго и так далеко ушел от известных ему мест, что отыскать путь обратно не сможет. А если следовать по собственным же следам, то препятствий не одолеть. Ему не взобраться наверх там, где квадратная плита, ему страшно вернуться в камеру, где лежит мертвец, и разобрать завал. Что же остается человеку в таком случае? Он должен идти вперед.

У Крони разболелась спина, сводило мышцы ног. Он решил отдохнуть. Прошло столько времени, что, часом раньше, часом позже, возвращаться все равно поздно. В коридоре он останавливаться не хотел — тут в любую минуту могла пробежать случайная крыса. Надо отыскать комнату. С дверью.

Такая комната нашлась шагов через сто. Крони проверил, надежно ли закрывается дверь, потом посмотрел, не прячется ли кто-нибудь внутри. В комнате стоял стол, несколько стульев.

Крони прикрыл дверь и сел на стул. Стул скрипнул, но выдержал. Стул был удобный, такой бы принести домой. Стала мучить

жара и жажда. И чем дольше сидел Крони в безделье, тем больше хотелось пить.

Он решил было вздремнуть, но ничего из этого не вышло — во рту было сухо и язык в нем не помещался. Он старался думать о другом, а перед глазами стоял ручеек и слышно было, как струйка льется в каску.

«Кто был здесь последним? — думал Крони. — Кто сидел за этим столом и, уходя, бросил под стол пистолет?» Крони, не вставая, протянул руку и подобрал его. Пистолет был небольшой, ладно скроенный, рукоять вливалась в ладонь. Крони никогда не держал в руке пистолет, но, конечно, знал, как он действует. Каждый мальчишка знал об этом. Пистолет есть у квартального стражника. Раз Крони видел, как квартальный застрелил жулика. Человек прибежал с другого этажа, и за ним гнались агенты. А квартальный застрелил его.

Крони вытянул руку с пистолетом, прицелился в угол комнаты и нажал на спуск. Он не ожидал, что пистолет выстрелит: ведь он валялся здесь много лет. Пистолет дернулся в руке, комнату осветило яркой вспышкой, что-то рухнуло, и в ноздри ворвался едкий запах огня и пыли. Первым движением было отделаться от пистолета, выбросить его, но рука не хотела расставаться с оружием, пальцы крепко держали рукоять.

Крони поднялся и подошел к стене, куда был направлен выстрел. Пуля пробила пластиковую обшивку, разорвала сетку, которой пластик крепился к камню, и в самом камне образовалось углубление с расплавленными краями. Удивительна была сила, заключенная в маленькой и удобной машинке, спавшая столько лет, чтобы проснуться по первому приказу.

Крони посмотрел вокруг, не осталось ли где еще патронов для пистолета. Он обошел стол, отодвинул стулья. Две обоймы с патронами отыскались в среднем ящике. В нижнем были бумаги, книжка планов — Крони подумал, что если это старые планы города, то они очень нужны, и взял книжку. Странная вещь — везение. В библиотеке тысячи книг, и все они погибли. Здесь всего одна, но целая.

Уходя, Крони еще раз пробежал лучом фонаря по стенам и увидел картину. Она была небольшой, цветной. Крони приблизился, уперев в нее луч фонаря.

На картине был изображен Город.

Тот Город, о котором говорил инженер Рази, в который трубарь Крони поверил настолько, что пошел разыскивать библиотеку.

Вчера Крони был просто трубарем. Он, правда, бывал на Чтениях и слышал о Запретном. Но сегодня Крони знал, как выгля-

дит Город. И он покажет его другим. Крони снял картину со стены. Он быстро шел по коридору, будто знал, куда идти.

Лифтовая шахта попалась скоро. Но она была пуста и уходила черным колодцем вниз и вверх. Трубарь оглянулся. Недалеко от лифтового колодца всегда бывает аварийная лестница.

Нашлась и лестница. Она была вырублена в скале. Через несколько ступенек обнаружилось, что она завалена на уровне того же этажа, где была потайная плита. Но Крони решил, что завал не должен быть непреодолимым. Скоро он отыскал прут, которым расшатал обломки бетонных плит. Он еще успел отскочить в сторону. Бетонная крошка и куски плит обрушились на лестницу, и Крони, когда осела пыль, пошел выше. Все у него получалось, и спина больше не болела, и ноги не ломило.

Крони поднялся еще на два этажа и заметил в отдалении тусклый свет.

Идти к свету пришлось долго. В туннеле когда-то ходили поезда. Теперь он был набит пустыми вагонетками, сошедшими с рельсов. Пришлось протискиваться между ними и стеной, а потом ползти в узкой щели под самым потолком. А когда Крони преодолел и это препятствие, оказалось, что свет пробивается сквозь круглое отверстие в конце туннеля, которое горело, словно открытая дверца печи.

Было так жарко, что Крони провел пальцами по щеке — не потрескалась ли кожа. И все-таки Крони дошел до красного круга, из которого доносился неровный пыхтящий шум.

Отверстие на уровне головы было затянуто обгорелой, черной решеткой. Прикрывая рукавом лицо, Крони заглянул в отверстие и успел разглядеть огромную полость, на дне которой пузырилось, волновалось, высовывало горячие языки, пыхтело, рычало и вздыхало огненное варево. Отсветы огня полыхали на стенах, которые уходили вверх и смыкались где-то в невидимой высоте. Туда поднимались клубы серого дыма и вытягивались, как в печную трубу. Кое-где в стенах полости виднелись отверстия — входы в туннели и коридоры. Когда-то здесь тоже был город, но часть его обрушилась внутрь, или, наоборот, языки Огненной Бездны пробили, просверлили толщу города и расплавили ее. И масштабы катастрофы преисполнили Крони благоговением перед мощью Бездны, от гнева которой не укрыться и не вымолить прощения.

Больше стоять у Бездны было нельзя. Крони боялся, что загорится одежда и вытекут глаза.

Он поспешил обратно, прополз через вагонетки и нашел лестницу. Через несколько пролетов лестница кончилась. На этот раз завал был основателен, не приходилось и мечтать о том, чтобы разобрать его. Крони опустился на этаж ниже и попал в бес-

конечный лабиринт пустых ходов, залов, покинутых комнат. Как-то невдалеке мелькнула тень крысы, и Крони выстрелил в ту сторону, мстя за тот страх, который заставила его испытать крысиная стая. Он не стал смотреть, попал ли, и поспешил дальше, движимый лишь одной целью — выбраться наверх. Через час ему повезло — он натолкнулся на лужу стоячей, вонючей воды и напился. Вскоре попался кабель, бегущий вверх по узкой шахте. Кабель был под током — значит, наверху окраины города, внизу — этажи теплостанции...

Глава 2

ЗНАК ИНЖЕНЕРА ЛЕМЕНЯ

Выйдя из лифта, Крони с минуту стоял в нерешительности. То ли идти домой, спрятать вещи, то ли отметиться у мастера — ведь пропал без вести трубарь, могут искать. А потом понял — все равно придется говорить, что заблудился или напали крысы. Потащат в участок, будут допрашивать, еще изобьют. Так лучше, чтобы ничего с собой не было. И домой опасно заходить. Надо прямо идти на Чтение. Там он отдаст все инженеру, расскажет и вместе решат. Всегда важно знать, куда пойти, кому довериться. Раньше, пока он не бывал на Чтении, трубарь жил совсем один. Как многие.

Крони шел по еле освещенным улицам к дому, в котором проходило Чтение. Он очень устал, и запахи улицы, тяжелые, надоевшие запахи человеческого жилья и помоев, хлорированной воды, подгоревшей каши и грибов, звуки женской перебранки, вой детишек — обычная жизнь, о которой он так мечтал, блуждая по темным коридорам, казалась скучной и жалкой. Даже странно, что он стремился к ней недавно. И голода не было. Только тупая боль в животе.

Каменные ступени вели вверх между сложенных из мелких обломков стенок, и за этой щелью скрывался темный туннель — переулок. Крони остановился. Никого сзади нет. Он переложил сундучок в левую руку.

Крони три раза стукнул в дверь. Подождал и стукнул еще два раза.

Худая девочка со спутанными волосами открыла дверь на два пальца и спросила:

— Чего надо?

— Я к лифтовому мастеру Кгеду, — сказал Крони. — Зубы лечить.

— Ты сегодня поздно, дяденька, — сказала девчонка. — Чего мне принес?

— Ничего нету, — сказал Крони. — Даже кашу отдал.

— Кому отдал кашу?

— Привидению. Оно тебе привет передавало.

Девчонка тоненько взвизгнула. Крони отстранил ее и прошел в низкий, узкий коридор. Через пять шагов справа дверь. Крони толкнул ее.

Чтение было в самом разгаре.

Инженер Рази увидел Крони, но не прервал своей речи. Остальные оборачивались. Крони тихонько сел рядом с парнишкой из рудничной школы, который всегда сторонился трубаря, потому что был чистенький.

— Нам твердят... — продолжал между тем Рази, и Крони постарался не отвлекаться, прислушаться к его словам, хотя знал, что его новости куда важнее слов самого инженера Рази. Это было приятно сознавать, но Крони не спешил. Куда спешить, когда ты среди своих и сундучок лежит на коленях.

— Нас уверяют, — словно издалека донесся голос инженера, — что такой Порядок установлен издавна. Нас уверяют, что не кто иной, как бог Ред и другие боги, велели одним людям жить в вечной полутьме, в грязи, в страхе потерять кусок каши, умирать от болезней и смотреть, как умирают их дети. Да и много ли детей в наших черных катакомбах? С каждым годом их становится все меньше...

В комнате было человек пятнадцать. Крони всех их знал или видел раньше. Лампа под черным колпаком висела прямо над узкой головой Рази, и оттого его одутловатое лицо казалось резким, рубленым, решительным.

Когда Крони в первый раз говорил с Рази, он старался не смотреть на него. Ему страшно было подумать о том, что настоящий инженер, который живет на верхнем ярусе и одевается так чисто, может сидеть рядом с трубарем. Инженер был врагом Порядка, и каждый из пятнадцати, собравшихся здесь, мог пойти в участок, сказать об этом и получить новую комнату или даже подняться на ярус. Но этого не случалось, и Крони знал, что будет первым, кто бросится защищать своего инженера. Потому что в городе, может, сто, может, и больше инженеров, но Рази один.

Вообще-то лицо у Рази доброе. Только маленькое. Крони никогда еще не видел такого маленького инженера. Инженеры хорошо едят, и у них не бывает нарывов. Они не кашляют и не слепнут. Поэтому инженеры всегда выше ростом и крепче, чем трубари, ткачи или рудокопы. Но инженер Рази был тщедушным, как ткач. У него была прозрачная кожа, и под ней видны вены. Он

рано облысел, и оттого не поймешь, сколько ему лет, старый он или молодой. Говорил он всегда тихо и медленно, будто каждое слово сначала повторял про себя. Но иногда он заводился, и голос его становился громким и четким — голосом другого человека, большого и сильного, руки казались длиннее, и пальцы подчеркивали слова, ставили точки в конце фраз или взметались восклицательными знаками.

— Детей слишком много, — сказал шахтер, похожий на кусок угля, такой же крепкий и бесформенный, — только мрут они.

Но инженер не слышал его.

— Нам твердят, что люди созданы для жизни в темноте. Так зачем им глаза?

— Чтобы видеть, — ответил кто-то из темноты. — Не будет глаз, как мы вас увидим?

— А в темноте наши глаза не видят, — сказал инженер. — Крысы обходятся без глаз. Мокрицы обходятся без глаз.

— Привидения тоже, — сказал Крони.

— Ну, привидения здесь ни при чем, Крони. Это выдумка, чтобы люди не совали свой нос в пустые коридоры.

— Привидения есть, — сказал Крони. — Я кормил одного.

Все рассмеялись. Даже инженер Рази улыбнулся. Девчонка сунула растрепанную голову в дверь и спросила сердито:

— Хотите, чтобы на улице услыхали?

— Чем кормил? — спросил шахтер.

— Чем? Кашей, конечно, — сказал Крони.

— Кашей! — захлебывался молоденький ученик рудничной школы.

А Крони подумал, что коридоры, в которых он провел день, лежат совсем рядом. Любой может туда попасть. Нетрудно. Правда, неизвестно, останешься ли в живых. Но попасть можно. Просто никто не интересуется.

— Успокойтесь, — сказал Рази. — Я продолжаю. Почему у некоторых людей кожа темнее, у других светлее, зачем у одних темные глаза, а у других — светлые? Почему у меня были светлые волосы, а у Крони волосы темные? Кому нужны в темноте эти цвета и оттенки? Вы говорите, что бог дал глаза людям, чтобы они видели, а они в темноте видеть не умеют. Значит, бог придумал и электрические лампы, и масляные светильники? И сразу дал людям?

— Огонь пришел из Бездны, — сказал парикмахер Беги, который был очень образованным, умел читать, учился в школе и должен был стать чиновником, но почему-то не стал.

— А до этого? — спросил инженер. — До этого люди бродили по коридорам и тыкались носами друг в друга? Нет, люди раньше жили в другом месте. Давно, так давно, что все забыли об этом.

Мы живем в домах, вырубленных в скалах, ходим по улицам, переделанным из пещер. Но что было раньше? До того, как появился город? Где жили люди раньше?

Крони уже слышал об этом. За годы скитаний по служебным туннелям он сам додумался до многого из того, о чем говорил инженер. Он знал, что город раньше был обширнее, чем сейчас. Что людей в нем было больше и больше всяких вещей.

— Посмотрите, как плохо работают системы снабжения в нашем городе. Трубарь скажет вам, что все время приходится заменять трубы и кабели. Что с каждым днем все труднее находить замену, и мы все время посылаем специальные отряды в заброшенные уровни, чтобы отыскать там оборудование и вещи, забытые когда-то давно. А что это значит? Во-первых, город когда-то был больше, чем сейчас. Во-вторых, вещи, которых нам не хватает и которые мы не можем делать, например кабели или изоляцию для них, были изготовлены или не в городе, или секрет их изготовления потерян и забыт.

— Правильно, — сказал шахтер. — Мы в прошлом месяце вышли в сектор, о котором никто не знал. Сразу инженер агентов вызвал и нас выгнали. Мы еще удивлялись, откуда за шахтой улица.

— Я утверждаю, что люди раньше жили в другом месте. Много лет назад они пришли сюда и построили город. Их было больше, чем сейчас, и жили они лучше. Но человек не может всегда жить в таком месте, как наш город. Люди постепенно вымирают. Люди обязаны вернуться к себе домой. Куда?

— В Город Наверху, — сказал Крони.

— Да. И я верю, что раньше был Город Наверху. Там, где светло, где не узкие и темные коридоры, а обширные пространства, где от земли до потолка тысячи локтей...

— Ой, — сказала в восторге девчонка, которая подслушивала.

— Я привел сегодня к нам ученого человека, уважаемого Рал-Родди, который знает больше, чем все чистые, вместе взятые. Он вычислил время, когда мы попали сюда, и знает, где и какой был наш город раньше.

Этого старика Крони раньше не замечал. Он сидел в темноте, за спиной Рази, слушал, сгорбившись на стуле, и лицо его было таким серым, что сливалось со стеной.

Рази сел, и старик вышел вперед, наклонился над столом так, чтобы упереть в стол широкие кисти. Глаза старика были спрятаны глубоко под бровями и казались темными ямами.

— Я давно не говорил с людьми, — сказал старик.

Все, кто был в комнате, затаили дух. К инженеру Рази уже привыкли, он был почти свой. С инженером можно было не соглашаться и даже спорить.

А в старике было что-то окончательное. То, что он скажет, окажется правдой. И в нее надо будет поверить, хочешь ты или нет.

— Люди нашли меня, и я благодарен судьбе за то, что перед смертью могу еще раз сказать правду.

Слова старика были тяжелыми, их можно было держать в руках и ощущать вес.

— Человек был рожден там.

Старик оторвал одну руку от стола и показал ею вверх, и все глазами проследили за движением руки.

— Вам лгут, что мир создан богом Редом и был такой всегда. Мир был другой. Если подняться до последних уровней и пробить землю, то можно выйти к колыбели человечества. Мы обитаем, как крысы, в подполье мира. Настоящий мир в тысячу раз больше нашего. Чтобы добраться до его потолка, надо подниматься целый день по лестнице. В том, верхнем мире никогда не бывает темно. Раскаленный огонь находится на потолке. Но это не тяжелый огонь. Он бесплотен и ярок, и оттого там всегда потолок светится золотом.

Старик опустил руку, закашлялся. Все молчали.

— Но почему этот мир, громадный и прекрасный, был оставлен людьми? Потому что люди оказались недостойны его. Они ссорились, воевали друг с другом. Они убивали детей и женщин, они грабили слабых. И слабые убегали от власти сильных. И тогда сильные поняли, что им нужно загнать людей в клетки, откуда нет выхода. И слабые будут послушны. Сильные ушли вниз, под землю, и увели за собой всех. И живут внизу, и забыли о том, что есть другой мир, и есть свет, и деревья, и реки, золотые от верхнего света. Так я сказал. Я знаю.

Старик медленно опустился на стул и как будто растворился в тени. Только его дыхание, глубокое, как дыхание машины, заполняло комнату.

— А что такое деревья? — тихо спросил юный школяр.

— Это громадные сухие лишайники, — сказал старик. — Они вырастают на много локтей в вышину и закрывают от яркого света людей, если им пришла пора отдохнуть.

— Это не совсем лишайники, — сказал тихо Крони, у которого в чемодане лежала картина. — Они как столб и расширяются кверху.

— Молчи, — оборвал Крони инженер. — Ты опять фантазируешь.

Он не захотел, чтобы старик обиделся.

— Я не фантазирую, — сказал Крони. — И потолок там не золотой. Он голубого цвета с белыми пятнами.

— Крони сегодня в ударе, — сказал веселый Трукоз, писарь с ткацкой фабрики. — Он не трубарь, а сказочник.

Старик ничего не сказал. Он привык, что ему не верят. А Крони не спешил показывать картину. Он покажет ее только инженеру. Только ему, а потом уже они решат, что делать. Есть дела общие, которые касаются всех. Есть дела свои, которыми опасно делиться с другими. Люди с трудом верят в новое. Крони верил легко, и все считали его фантазером. Даже Рази.

Поднялся очень худой, сухорукий человек с желтыми глазами, кипящий подавляемой яростью. Он латал миски и чашки в мастерской на тринадцатом ярусе.

— Мы тратим понапрасну время! — крикнул он. — Всегда тратим время, болтаем, болтаем, скоро старые будем. Дайте мне бомбу, и я взорву всю эту тюрьму.

— Подожди, — пытался остановить его Рази.

— Я уже второй год жду. И Мроки ждет. И второй бородач ждет. А чего ждем? Новых сказок о верхнем городе? Да мне плевать на золотой потолок. Ты мне дай оружие, и я перестреляю всех чистых.

— Тебя раньше перестреляют, — сказал писарь.

Голоса переплетались клубком. Голова Крони гудела от усталости.

— Успокойтесь, — уговаривал инженер Рази. — Вы думаете, что не было раньше горячих голов, которые хватали камень или палку?

— Были, — прогудел из темноты старик. — Я тоже был одним из них. Только давно, очень давно. Мы шли по лифтовым шахтам, а они бросали вниз гранаты с газом. А потом кинули зачинщиков в Огненную Бездну. Они опускали их туда на стальных тросах медленно, чтобы подольше слышать их крики...

— У нас нет оружия, — сказал Рази. — Мы не уверены в том, что за нами пойдут. Многие ли поддержат нас даже на бедных уровнях?

— Нет, — сказал Крони. — В нашем квартале мало кто пойдет.

— Можно послать верных людей, и они доберутся до директоров.

— Убьют их, и что дальше? Будут новые директора.

— И их убить, — настаивал Сухорукий.

— Мы должны учить людей, объяснять им, что так дальше жить нельзя. Мы должны собирать оружие... — твердил Рази.

— Оружие достать можно, — сказал Крони.

— Фантазер Крони, — засмеялся писарь.

Терпение Крони лопнуло. Он выхватил из кармана пистолет.

— Я знаю, где оружие, я знаю, где ящики с патронами! Вы привыкли к тому, что трубарь необразованный, трубарь дурак, от трубаря можно ждать только сказок! Так слушайте мои сказки...

И он вдруг увидел себя со стороны. Оборванный, грязный человек машет пистолетом в полутемной комнате. Люди отшатнулись от него, растерялись, может, не поняли даже, что у него в руке, но испугались крика и жестов.

— И я знаю... — сказал он тихо.

Инженер Рази уже был рядом. Он протянул руку и сказал:

— Дай сюда. Это не игрушка.

— Пусть скажет, где оружие, — сказал Сухорукий. — Это армейский пистолет. Я знаю.

Рази думал. Потом поднял руку.

— Погодите, — сказал он. — Надо поговорить. Я не хочу сказать, что не доверяю вам. Но оружие — это очень важно. А вдруг среди нас окажется человек слабый и Власть узнает об этом? Склад оружия может изменить все. Судьбу всего города. Я прошу разрешения уйти в заднюю комнату. Вместе с трубарем. Пусть он расскажет мне одному.

Рази взял Крони за локоть тонкими несильными пальцами и повел за перегородку. Он включил лампочку. Инженер сел на ящик и показал Крони на второй.

— Ты был сегодня внизу? — спросил он.

— Да. Я не хотел говорить раньше, но так получилось.

— Поздно жалеть, — сказал Рази.

За перегородку зашел старик.

— Мне можно, — сказал он. — Считается, что меня давно нет в живых. А я могу пригодиться.

— Конечно, — сказал инженер. — Говори, Крони. Только коротко.

— Может, подождем, пока все разойдутся?

— Нет. Люди будут ждать, что мы им скажем.

Крони положил на стол сундучок. Открыл его. Сверху лежала картинка. Он выложил ее на стол.

— Там был голубой потолок, — сказал Крони.

Старик наклонился над картиной так, что седые космы почти касались высоких домов и зеленых деревьев.

— Это может быть условность, — сказал старик. — Художнику казалось, что голубой лучше сочетается с белыми домами. Условность.

— Это разве нарисовано? — спросил инженер. — Мне кажется, что это скопировано с действительности каким-то механическим способом.

— Это Город Наверху, — сказал старик. — В нем люди жили раньше.

Старик гладил картину дрожащей ладонью, а Крони захотелось остановить его, потому что ладонь была грязной, почти черной, и картина могла испачкаться.

— Ты нашел библиотеку? — спросил инженер Рази.

— Я нашел библиотеку, но там очень жарко. Книги рассыпаются. Но одну я принес...

Он достал книгу.

— Вот все, что я смог оттуда принести.

Рази быстро листал страницы.

— Это старая книга, — сказал старик. — Настоящая старая книга. Ее печатали наверху...

— Очень интересно, — сказал Рази. — Здесь есть планы секторов. Надо смотреть. Рассказывай дальше.

— Я был в городе Предков и в заброшенных секторах. Привидение показало мне путь туда, где не было раньше людей.

— Опять привидение, — отмахнулся Рази.

— Ладно, — сказал Крони. — Я знаю, что привидений нет, но я его кашей кормил. Оружие лежит недалеко от библиотеки.

Крони попытался объяснить, но объяснения получились бестолковыми. Рази слушал минуты две, потом сказал:

— Сложно. И крысы, и мертвец, и Огненная Бездна...

— Там были сектора. Я слышал, — сказал старик. — Часть города провалилась в Бездну...

За перегородкой послышался грохот, словно свалили целый ряд стульев.

— А-а-а! — крикнул кто-то коротко.

Крик оборвался, и вместо него возник шум борьбы, ругательства и голос:

— Лампу!

Звон. Удары. Голос:

— Ни с места. Будем стрелять!

Кто-то тут же вломился за перегородку и спросил отрывисто:

— Здесь? Кто здесь?

Рази уже тянул Крони за руку вглубь, опрокидывая ящики. Сзади был топот и треск.

Рази, падая вперед, протащил Крони в какую-то щель, сундучок застревал, и казалось, что кто-то его держит. Они бежали по узким каменным ходам, свалились по темной скользкой лестнице, отсчитывая ребрами и локтями ступеньки, и оказались в переулке, за углом большого дома, обитого ржавыми железными листами.

— Беги домой, — прошептал Рази. — Завтра в это же время у лавки Мосили.

— Стой, — сказал Крони. — Я...

— До завтра. Беги, — инженер мелькнул под тусклым фонарем и пропал между домами.

Крони остался стоять. Он понимал, что нужно бежать дальше отсюда, что здесь опасно, что в любую секунду преследователи могут найти тот ход, которым они убежали из дома. Но беда в том, что Крони не знал, куда бежать. Он не успел сказать Рази, что опоздал вернуться со смены, что его уже ищут, что он не может идти домой, потому что дома уже, наверно, побывал квартальный.

Судьба в течение считаных минут переворачивала жизнь Крони вверх ногами, выкручивала наизнанку. Он пережил окончательное одиночество, когда боролся с крысиной стаей, он познал общение с привидением, в существование которого не верит ни один разумный человек, он вернулся к людям и ощутил свою значимость среди других и тут же вновь оказался один, совершенно один. Нужно отыскать убежище. До завтра. А завтра инженер Рази что-нибудь придумает.

На улице тихо. Горожане угомонились, заснули дети, и перестали ругаться хозяйки. Скоро погасят верхние лампы, и тогда лишь воры и стражники будут бродить по переулкам, и простому человеку лучше не высовывать носа наружу.

Крони подхватил сундучок и вышел на улицу. Фонари, которые всегда казались такими тусклыми, светили ослепительно. Он старался идти не спеша, как усталый трубарь, возвращающийся с обхода. Хотя сам не мог бы сказать, устал или нет. Он был по ту сторону усталости.

— Стой, — сказали ему в спину.

Сказали негромко, с уверенностью, что он не убежит. И Крони смог преодолеть стремление к рывку, родившееся в ногах, желание прыгнуть в сторону и бежать по узким переулкам, спрятаться в темном углу.

Крони стоял и молил бога, чтобы это оказались грабители. Он знал, что грабители не нападают на трубарей. Что взять в сундучке у трубаря? И грабители не говорят «стой» так уверенно, словно никто не посмеет им сопротивляться.

— Лицом к стене, — сказал тот же голос. — Упрись руками.

Крони не хотел выпускать из рук сундучок. Он поднял его.

— Сундук на землю.

Крони подчинился. Он стоял в неудобной позе, отставив ноги от стены и упираясь в нее ладонями. И он видел, как к сундучку протянулась рука. На рукаве были нашивки стражника.

Крони был прав. Воры не нападают на трубарей.

Его привели в участок. Квартальный Ратни, толстая свинья с худой маленькой головкой, при виде его покачал укоризненно головой, потому что всегда изображал из себя строгого, ворчливого, но справедливого отца всего квартала.

— Ай-ай, — сказал он, — трубарь Крони. А ты что делал в та-

кой плохой компании? Нет, не зря моя жена еще сегодня утром просила тебя наказать. Наказал бы я тебя и спас от тяжкого преступления.

— Куда его? — спросил стражник.

— Пускай пока посидит в камере, — сказал Ратни. — Потом за ним придут...

Полицейский толкнул Крони в спину, и тот рухнул на каменный пол камеры, полной стонов, вздохов, приглушенных голосов. Кто-то знакомый Крони, но никак не угадать кто, кричал:

— Это ошибка! Выпустите меня немедленно! Я буду жаловаться!

Решетка взвизгнула, возвращаясь на место. Шаги стражников угасли за ярким четырехугольником двери в переднюю дежурку.

— Кто здесь? — спросил Крони, стоя на коленях.

— А ты кто?

— Это ты, Сухорукий? — прошептал Крони. — Это я, трубарь.

— Не знаю трубаря, — ответил голос Сухорукого. Сухорукий говорил громко и зло.

И навстречу поднялся глухой голос, словно из пещеры:

— Правильно, здесь никто друг друга не знает. Странно, что вас не научили этому раньше.

Говорил старик. Крони узнал его. Значит, и старик попался. Старик был прав. «Если кто-нибудь попадается, — учил инженер Рази, — помните, что вы оказались здесь случайно, что не знаете ни о каком Чтении. Это в ваших интересах. Чистосердечное раскаяние всегда усугубляет вину. Признайтесь, что вы вор, и вас продержат неделю и вышвырнут наружу — кому охота кормить вора? Признайтесь, что вы были на Чтении, и вы окажетесь в нижнем руднике, где человек выдерживает месяц. А может, вас и не доведут до рудника».

— Я никого не знаю, — сказал Крони.

— Правильно. Они наверняка подсадили сюда свою птичку. Мы ее не видим, а она слушает, — сказал старик. — Спокойной ночи, молодые люди. До утра никого не вызовут. Сейчас они сами пойдут отдыхать. Не забывайте, что стражник тоже человек. У него жена и дети, и он спешит домой. Премия, которую он получит за поимку кучки бездельников, которая планировала ограбление служебного туннеля, ничтожна. Ее не хватит и на неделю безбедной жизни.

Никто не ответил старику, но Крони понял то, что поняли и остальные. Они собрались, чтобы ограбить служебный туннель.

— И я ничего не знаю, — раздался голос. Крони узнал школяра. — Я шел к знакомой девушке и потерял дорогу. Я спросил, как идти, в первом же доме, и тут ворвались стражники. Меня

ждут дома. Мой папа начальник шахты. Тут все могут подтвердить, что я только что пришел.

— Он ко мне шел, — отозвалась растрепанная девчонка, что открывала дверь. — Он меня любит.

Она захихикала. Потом вдруг заревела в голос.

— Молчи, — сказал сонно старик. — Ты мне мешаешь спать.

Крони решил, что и ему следует поспать. Укладываясь, он сказал негромко, зная, что все его слышат:

— А я трубарь. Я шел по улице, а меня вдруг остановили. Даже не знаю, почему остановили. Облава, что ли, была?

— И я не знаю, — сказал старик. — Никто не знает.

Ярким светом брызнул в лицо открывшийся проем двери, и черный силуэт стражника появился на пороге.

— Кто здесь трубарь? — спросил стражник.

Крони не ответил. Он уже начал задремывать, пригрелся у кого-то под боком.

— Трубарь Крони, выходи.

Фонарь начал шарить по лицам.

— Эй, квартальный, — позвал стражник. — Покажи нам своего трубаря. Что-то он стесняется выйти.

Ратни хмыкнул, и его толстая туша заслонила дверь.

Тогда Крони поднялся и сказал:

— Я трубарь. Заснул я. Простите, господин квартальный.

— Он не простой трубарь, — сказал Ратни. — Я давно обратил на него пристальное внимание. Если вы заглянете в число черных отметок, которыми я отмечаю его имя в регистре, вы познаете всю глубину моих подозрений.

Крони подумал, что, пока он дремал в камере, квартальный высыпал в регистр весь свой запас черных отметок.

— Ясно, квартальный, — сказал стражник. Он отступил в сторону, чтобы Крони мог пройти, и оказалось, что он высок, одного роста с трубарем, правда, поуже в плечах, зато у него была хорошо отмытая голубая кожа и длинное, узкое лицо с маленьким мягким ртом. Иногда дети чистых идут в стражу, чтобы сохранять Порядок.

— Ну вот, трубарь, ты и попался, — сказал стражник совсем весело и показал белые, хорошие зубы.

— Не понимаю я, — сказал Крони, — шел по улице, домой шел.

— Придется нам, трубарь, прогуляться, — сказал стражник. — Вместе с сундучком. А в сундучке у тебя такое, что даже квартальный никогда не видал. Чудеса, да и только.

— Если вы о сундучке, то все это я нашел в туннеле. На меня напали крысы.

— Поторапливайся, — обрезал стражник.

Идти было недалеко. Почти напротив квартального участка в

скале была замаскирована стальная дверь. Трубарь знал о ней и даже как-то выходил к шахте специального лифта, когда там была поломка. Но обычно простых трубарей туда не пускали. У тайной стражи были свои ремонтники. Спел открыл лифт ключом, висевшим у него на шее. Этим лифтом пользовались, если надо быстро перебросить стражу с уровня на уровень.

Спел не глядя нажал на третью сверху кнопку.

«Хоть не по своей воле, но побываю там», — подумал Крони, и, будто угадав его мысли, Спел сказал:

— Так бы никогда тебе наверх не попасть, трубарь вонючий. Благодари тайную стражу.

Крони сказал:

— Благодарю нижайше.

За что получил по шее.

Лифт несся вверх быстро, почти не скрипел, и дверь в нем отворилась тоже без скрипа, столь привычного, если часто ездишь на лифте.

У выхода уже ждал еще один стражник. В чистой форме и блестящих башмаках. Он поклонился господину Спелу. Тот заломил за спину руку Крони, и они быстро, почти бегом поспешили вдоль пустынной улицы, устланной квадратными плитками — белыми и голубыми. Улица была подметена, двери домов темнели на фоне покрашенных в светлую краску гладких фасадов, далеко выступающих из скалы. Потолок улицы тоже был высок, вдвое выше, чем внизу, и покрашен голубым.

Крони провели в третий дом от лифта, в котором было много света, даже больше, чем в квартальном участке, и лампы были прикрыты матовыми колпаками. Правда, один или два колпака были разбиты и склеены — глаз трубаря всегда наметан, когда дело касается поломок.

Крони ввели в белое пустое помещение и велели ждать. Господин Спел ушел за белую дверь, а когда вернулся — улыбнулся широко и почти дружески.

— Давай, — сказал он, — иди, трубарь. Будет тебе мытье.

Крони понял его неправильно. Сжался, думал, будут бить. Но следующая комната была жаркой, влажной, с длинной низкой скамьей. В другом конце — трубы с расширениями на конце, нависшие под потолком. Крони нерешительно оглянулся на Спела. Тот был злой, но веселый.

— Раздевайся, — сказал Спел. — Мыться будешь. Что я тебе сказал? Думал, будем бить? Не надейся. Ты сам не понимаешь, какая ты большая птица. Ну, раздевайся, сколько говорить надо?

И Спел влепил Крони в ухо. Это был понятный разговор стражника с трубарем. Без злобы влепил, но больно.

Крони потряс головой и стал послушно раздеваться.

— Все снимай, — сказал Спел. — Ты когда-нибудь душ видел?

— Что?

— Вот трубочист немытый. Сколько в тебе насекомых!

— Не такой уж я грязный, ваша милость, — сказал Крони.

— Я бы сам вымылся, — сказал Спел. — У вас побываешь, неделю чешешься.

Когда Крони разделся, Спел концом палки осторожно подтолкнул его к трубам.

— Смотреть страшно, какие бывают грязные люди, — сказал Спел весело. — И как вас только Бездна не заберет?

Крони было неудобно стоять голым перед стражником. Спел палкой загнал Крони в кабину, включил воду, и она хлынула сверху острыми тонкими струями, как из проржавевшей трубы. Спел отступил и задернул пластиковую шторку.

— Если горячо, — сказал он, — поверни правый кран налево.

— Хорошо, — сказал Крони. Вода сбивала, срывала с тела слой грязи и пыли. — А мыла нету?

— Он обнаглел, — сказал Спел. — Он думает, что его пригласили на Совет директоров.

Кусок мыла шлепнулся в стенку и скользнул на пол. Крони подобрал его. Горячая вода смывала усталость. Крони открыл рот и напился — вода была чистая, сладковатая. Куда лучше, чем в бассейне.

— Выключаю воду, — сказал Спел. — Твое барахло принесли.

— А куда его носили?

— Его через паровую камеру пропустили. Считай, что в чистое переоденешься.

Спел выключил воду, хорошо, Крони успел смыть мыло. Спел кинул ему свернутое в рулон полотенце. Женщине на целое платье.

Куртка, штаны, башмаки Крони — все лежало здесь, пахнущее паром, жалкое, неприглядное в этой светлой комнате.

— А ты ничего, здоровый, — сказал Спел. — Тебе бы в тайной страже служить, а не бунтовать.

— А я не бунтую, господин, — сказал покорно Крони.

Он одевался не спеша. Вещи были как чужие.

— Смотри-ка, напялил свои тряпки, — сказал Спел с искренним удивлением, — и нет человека. Трубарь, и все тут.

— Тебя в эти тряпки одень, тоже станешь трубарем, — сказал Крони.

— Бить не буду, — засмеялся Спел, увидев, что рука Крони поднялась к голове, защищая ее от неминуемого удара. — Интересный ты человек. Знаешь, что будут бить, а говоришь.

— Я всегда так, — сказал Крони. — Меня фантазером зовут.

— Кто зовет? — невинно спросил Спел.

— А... — и Крони замолчал.

— Ну и молчи, — сказал Спел. — Мы и без тебя все знаем. На Чтении тебя так зовут. Потому что ты особо опасный преступник. Ты хочешь всех нас взорвать. И других подбиваешь.

— Я? Вы ошибаетесь, господин стражник!

— Ты, крыса. Иди!

Спел втолкнул Крони в приемную и остановил перед большой, высокой двустворчатой дверью.

— Можно? — спросил он, заглядывая туда.

— Вводи, — ответил низкий голос, и Крони представил себе толстого мужчину, похожего на квартального Ратни, только с массивной головой и бровями, как у старика.

За обширным, с комнату Крони, столом сидел маленький, но очень широкий человек. Главной чертой его лица был выпуклый, нависающий лоб, который, казалось, выдавил наружу глаза, и они, голубые и очень светлые, совсем без ресниц, были приклеены снаружи. От черного мундира, простого, как тога жреца, до редких волос, расчесанных посередине, человек олицетворял Порядок.

— А вот и мы, — сказал он ласково. — Трубарь Крони. Рад. Очень рад. А меня зовут Мекилем, а прозвище у меня Мокрица. Непохоже, правда? Казалось бы, обидное прозвище, а непохоже.

— Непохоже, — согласился Крони.

— А ты, я вижу, наивен и оттого нагл, — сказал Мекиль. — Ты знаешь, кто я такой?

— Господин Мекиль по прозвищу Мокрица, — сказал Крони.

Спел ткнул ему в шею кулаком.

— Они меня всегда бьют, — сказал Крони. — Что скажу, сразу бьют.

— Кто они? — Голос стал совсем ласковым.

— Господин стражник Спел.

— А зачем ты на него жалуешься? Тебе разве никогда не говорили, что господин Мокрица не знает жалости?

— Я с вами не встречался раньше, господин Мекиль, — сказал Крони.

— Ты сообразителен. Если бы назвал меня сейчас Мокрицей, я бы приказал Спелу вышибить из тебя дух.

— Так точно, господин Мокрица. — Какой-то черт тянул Крони за язык. Ведь все могло обойтись, если бы не это слово.

Спел колотил его палкой и рукой одновременно.

Будто взбесился. Крони скорчился, закрыл голову.

— Хватит, — сказал Мекиль. — Иди к столу.

Крони с трудом выпрямился, в глазах круги.

— Не надо было тебе, Спел, так стараться. Я верю, что ты хороший мальчик и далеко пойдешь. А этот Крони мне нравится.

— Мне тоже, господин Мекиль, — сказал Спел. — Его учить надо.

— Ой, как ты прав, как ты прав! Он ведь по незнанию попался в лапы агитаторов, врагов, нечестивцев, которые не верят во всемогущего бога Реда и которым он носит оружие.

— Какое оружие? — удивился Крони.

— Которое ты нашел сегодня утром и забыл сообщить мастеру. Подвел ты его. Он, наивный, полагал, что делает хорошо, скрыв от нас, что ты не вернулся со смены. Сам послал трубарей тебя искать, а нам не сообщил. И его пришлось наказать. Очень плохо. Он сидит в темнице, а его дети голодают.

Мокрица был искренне расстроен. Ну прямо до слез.

— Отпустите его, — сказал Крони.

— Каждый, кто имеет секрет, — виноват. Каждый, кто не проявляет послушания, — виноват. Откуда это?

— Из книги Закона, — сказал Крони.

— Значит, мастер виноват. И мы с тобой ничего не можем поделать. Ясно?

Крони молчал. Как тут мастеру поможешь?

— А теперь расскажи нам, дорогой, кто послал тебя искать библиотеку и что ты там нашел?

— Но я же совершенно случайно, — начал Крони.

— Погоди. И еще меня интересует, какого цвета небо в Городе Наверху. Я очень любопытен, мой мальчик.

Значит, на Чтении был человек Мекиля. Или кто-то сознался. Но об инженере Рази они пока не спрашивают. Может, его и не поймали.

— Я был в подземелье, — сказал Крони. Что скрывать? Об этом он говорил при всех. — Я заблудился, и на меня напала стая крыс.

— Ай-ай, как страшно, — сказал Мокрица. — Стая крыс. Что-то раньше они не нападали, да еще стаей.

— А на меня напали, — сказал Крони. — Я бежал от них и заблудился. Я блуждал целый день и выбрался наружу только вечером. И вот когда я шел домой...

— И не отметился на службе? Прямо домой пошел? Никогда не поверю, что хороший трубарь пойдет домой и не отметится на работе. Продолжай, мой мальчик.

— Значит, я заблудился под землей, — сказал Крони. — И выбрался только к вечеру. И когда я шел...

— Хватит, — сказал Мокрица устало. — Какой ты все-таки скучный человек. Без всякого воображения. Я бы на твоем месте придумал замечательную историю, которую нам пришлось бы распутывать долго.

Он перегнулся через стол и нажал кнопку на сером пульте.

Получилась короткая пауза. Крони огляделся. Раньше его внимание было полностью занято Мокрицей. Теперь можно было рассмотреть логово Мокрицы.

Кабинет был почти пуст. Стены были гладкие, светло-коричневые, но трубарь заметил в углах потеки. Видно, где-то и здесь труба была не в порядке. Стена за столом была затянута шторой, и Крони решил, что там еще одна дверь.

Мокрица подошел к задней стене и резким движением поднял штору. Крони ошибся. Там была не дверь. Там было большое окно, за которым пещера с низким потолком. В пещере горел открытый огонь. К железному стулу был привязан Сухорукий. То, что осталось от Сухорукого. Окровавленный обрубок открывал беззвучно рот и рвался со стула. Огонь горел под стулом, и Крони начало мутить. Ему показалось, что он чувствует запах паленого мяса, хотя стекло было толстым.

Мокрица отпустил штору, и она мягко упала обратно. Но Крони не мог оторвать от нее взгляда.

— Там камера пыток, — сказал Мокрица. — Там будешь и ты. А пока мне хочется поговорить с тобой мирно.

Вторая дверь оказалась совсем не там, где Крони ожидал ее увидеть. Мокрица нажал на кнопку, и часть стены отодвинулась.

— Не бойся, — сказал Мокрица. — Идем. А ты, Спел... впрочем, иди и ты, а то этот трубарь может на меня напасть. Ему от этого никакой пользы, а мне обидно.

Следующая комната была невелика, но так же ярко освещена. Посреди нее низкий стол, на нем — сундучок Крони, отдельно — вещи, найденные в нем, наконец, то, что было у трубаря в карманах.

Крони даже удивился такому богатству. Он о многом просто забыл.

Мокрица ткнул пальцем в картину.

— Откуда это? — спросил он. — И что это такое?

— Случайно нашел, когда от крыс убегал.

— Опять ложь, опять обман. Ну а что здесь нарисовано?

— Это Город Наверху, — сказал Крони.

— Что это значит?

— Раньше люди жили наверху, — сказал Крони. — Где светло и где потолок во много раз выше, чем здесь. Там растут деревья. Вот эти штуки называются деревья.

— А потом? — Мекиль вроде бы заинтересовался.

— А потом чистые, такие, как ваша милость, заставили людей уйти внутрь, сюда, чтобы заставлять их работать. Если много пустого места, каждый может уйти куда захочет.

— И ты веришь, что так и было? — спросил Мекиль, склонив голову набок и разглядывая Крони, будто его увидел впервые.

— Верю, — сказал Крони. — Вот картина.

— Это — выдумка художника, — сказал Мокрица. — Только выдумка. Нет Города Наверху. И не было. Теперь расскажи мне, трубарь, об этом.

Мокрица поддел пальцем обойму от пистолета. Запасную обойму, которая осталась в кармане у Крони.

— Ума не приложу, — сказал Крони. — Никогда не видел, ваша милость.

Мекиль рассуждал вслух, будто ни Крони, ни Спела не было рядом.

— Обойма от армейского пистолета. От старой модели. Трубарь дурак, но не последний. Я верю, что там было оружие. Почему там не быть оружию? Когда эвакуировали сектора, была спешка, кое-что и позабыли. Но даже дурак-трубарь сначала берет пистолет, а потом уж запасную обойму. Он может забыть о запасной обойме и взять пистолет, но не может забыть о пистолете и взять к нему запасную обойму. А куда он дел пистолет?

Вопрос не был обращен прямо к Крони, и потому он не ответил.

Мокрица дотронулся до его руки мягкой, скользкой холодной ладонью:

— Ты плохо слышишь? Где пистолет?

Мокрица поглядел Крони в глаза, и тот на всякий случай зажмурился. Мокрица засмеялся.

Крони открыл глаза. Его никто не бил. Мокрица задумался. И тут Крони удивился. Стражник Спел протянул за спиной Мекиля руку и снял что-то со стола. Снял и спрятал. Что это могло быть?

Стражник ударил Крони палкой по плечу, и удар был слабым. Нарочно слабым, будто Спел и не хотел бить трубаря.

— Не жалей, — сказал Мокрица.

И тогда Крони понял, что утащил со стола полицейский. Это был опознавательный знак того человека, что умер в подземелье.

Спел сказал Крони:

— Ну держись, грязная скотина!

Замахнулся, но удар опять несильный.

Крони на всякий случай взвыл.

— Не убей, — сказал Мокрица. — Что-то тут еще должно было лежать. Вот забыл. — Мокрица разглядывал куски проводов, коробочки, барахло, набранное Крони в подземелье, картину, связку ключей...

Крони почувствовал, как напрягся, замер Спел.

Крони Мокрице не поверил. Опознавательные знаки должны тут же передаваться в квартал. Если у тебя чужой знак, значит, ты

убил того человека. Или нашел труп. Мокрица о знаке забыть не мог. Но ведь забыл!

— Итак, — сказал Мокрица, — если ты обещаешь вести себя хорошо, мы не будем тебя сегодня мучить. Все устали. Пора спать. Правда?

— Правда, — сказал с облегчением Крони.

— Ой, ты, оказывается, шутник, — удивился Мокрица. — Ты и в самом деле думаешь, что мы отпустим тебя отдыхать, не спросив, кто тебя затянул на Чтение, кто послал искать оружие.

— Честное слово, я не искал оружия.

— А что?

— Я заблудился.

— Я верю, что ты не искал оружия. Тем хуже — нам придется узнать, что ты искал. И кстати, когда будешь рассказывать, не забудь вспомнить, кому отдал пистолет. Или там было два пистолета? Пойми меня правильно: я отвечаю за спокойствие и безопасность нашего вечного города. И не могу допустить, чтобы пистолетами владели люди, которые могут иметь вредные замыслы. Отведи его, Спел. Там, у старшего, есть список вопросов, ну, как обычно. Только не до смерти. На твою ответственность. Потом он пойдет вниз, покажет, где оружие. Это очень важно. Да, совсем забыл, — догнал их голос у двери. — Ты не подскажешь мне, Спел, чего не хватает из предметов, изъятых у государственного преступника трубаря Крони?

— Не знаю, Мекиль, — сказал Спел беззаботно. — Я же не чистил его карманов.

— Ну конечно, конечно, прости меня, мальчик.

Для того чтобы попасть в камеру пыток, им пришлось пройти длинным коридором. Крони старался ни о чем не думать и не вызывать в воображении комнату и тело Сухорукого.

Спел шел совсем близко.

— Не оборачивайся, — заговорил стражник быстро. — Делай, как я тебе скажу, но ни слова Мокрице. Меня погубишь и себя не спасешь. Как войдешь в комнату, падай на колени, кричи, что все расскажешь!

— Но я не расскажу.

— От тебя и не потребуется. Это уж моя забота. Только разыграй ужас. Он будет следить за тобой. Да и испугаться тебе нетрудно.

— Нетрудно, — согласился Крони. — А куда ты дел...

— Заткнись.

Охранник распахнул низкую дверь, и из камеры сладко пахнуло горелым.

Спел ткнул Крони в спину чем-то острым.

Крони ввалился в камеру. Сухорукого не было. Вместо стекла

между камерой и кабинетом Мокрицы было темное глубокое зеркало.

Крони и не надо было разыгрывать ужас.

Палачи надвигались с двух сторон, и длинные мокрые веревки волочились за ними по пятнистому полу.

— Не надо! — закричал Крони.

Палачи приближались не спеша, куда им спешить?

Крони рухнул на колени. Все равно не держали ноги.

— Я все скажу, — бормотал он, хотя ему казалось, что кричал. — Я все скажу!

Стало темно, он полетел куда-то в пропасть, к Огненной Бездне, и темнота кружилась, словно огоньки внутри привидения, и Крони пытался ухватиться за что-то, и сквозь толщу камня он услышал чей-то знакомый голос:

— Готов.

И другой голос, гулкий, отражающийся от стен пропасти, спросил:

— Придет в себя?

И первый голос ответил:

— Безнадежно. Он глубоко ушел.

«Глубоко, — думал Крони, — я глубоко улетел».

— Если не очнется, — сказал гулкий голос, — отнесите в камеру.

— Он сломался, — сказал первый голос. — Утром он будет мягкий.

«Да, я буду мягким, как паутина», — хотел подтвердить Крони, но наступила полная тьма.

— Мне нужно к нему, — сказал далекий гулкий голос.

— Он все еще отключенный, — ответил другой. — Я только что проверял. Господин директор Мекиль очень беспокоится.

— Знаю, я по поручению его милости. Ты меня знаешь.

— Как же не знать.

Оба голоса знакомы. А кто такой господин директор Мекиль? А, ведь это Мокрица. Конечно, это смешная мокрица... Скрежет. Наверно, открывается решетка в служебный туннель. И он вспомнил, что он — трубарь. Как его зовут — не важно. Он трубарь.

Голос был совсем рядом:

— Ты слышишь меня, Крони?

«Правильно, — подумал он. — Меня зовут Крони. Именно так. Трубарь Крони. Очень жалко трубаря Крони. Почему? Он попался. Его убьют».

— Крони! Это я, Спел.

Что-то прохладное дотронулось до носа Крони и взорвалось едким и отвратительным запахом.

Его хотят задушить!

Он рванулся куда-то, но его держали.

— Спокойно, — сказал Спел. — Потерпи. Сейчас ты придешь в себя.

Крони открыл глаза. Спел убрал влажную тряпку. Крони закашлялся.

— Что случи... — попытался спросить он, но закашлялся.

— Молчи, — прошептал Спел. И тут же вслух: — Бредишь, голубчик. Ну мы тебя быстро в норму приведем.

Крони молчал. Память вернулась к нему.

Спел наклонился к самому уху:

— У Мокрицы сюда идет слуховая труба.

Спел вынул из верхнего кармана опознавательный знак. Что-то вертелось в голове, что-то связывающее стражника и того мертвеца. Но что?

— Ты где это нашел? — прошептал Спел. — Ты убил его?

Крони отрицательно покачал головой, и в голову словно вонзились тупые иголки.

— Он был мертвый?

— Нет.

— Господин, — позвал из-за двери стражник, — он очнулся? Его милость велели сразу сообщить.

— Не очнулся, — сказал Спел и ладонью закрыл Крони глаза. — Плох совсем. Бредит.

— Жидкий народ, — сказал с чувством стражник из-за двери.

— Я пошел, — прошептал Спел. — Не открывай глаза. Никто не должен знать, что ты пришел в себя. Как Мекиль уйдет, я вернусь.

Крони было трудно лежать, закрыв глаза, потому что в голове мерно крутилось тяжелое колесо, затягивая в пропасть... Он заснул незаметно и так крепко, что Спелу пришлось долго пинать и расталкивать его.

— Хватит, — огрызнулся Крони, поднимаясь. — Все вы драться мастера.

— А ты разве человек? Тебя только и колотить. Знаем мы, как вас, клопов, на Чтение заманивают. «Ах, все люди равны, и трубарь не виноват, что он трубарь. Это директора виноваты». А вам лестно. И на ваших вонючих спинах кое-кто из инженеров хочет наверх забраться. Так что особенно не надейся. Был ты трубарем вонючим, им и останешься.

— Плевал я на твои слова, — сказал Крони. — Кому я верю, во что верю, кому спину подставляю — мое дело.

— Говорить ты умеешь, — засмеялся Спел. — Научили. Вставай.

Крони поднялся на ноги. Ноги были вялыми.

— Пошли.

— Куда?

— Хуже не будет.

— А с чего я тебе верить должен?

— Ты уже на Мокрицу насмотрелся. Он тебя живым не отпустит.

— А ты отпустишь?

— Не знаю еще.

— Так я здесь останусь.

— Ну и оставайся. Я пошел.

— А я Мокрице скажу, что ты знак взял и ко мне ходил.

Крони не успел мигнуть, как Спел завернул ему руку за спину, так что трубарю пришлось согнуться вдвое, и толкнул к двери.

— Ты думаешь, буду с тобой церемониться? В любой момент могут войти. Мне будет плохо. Тебе — наверняка конец.

— Я сам пойду, — сказал Крони. — Ладно, отпусти.

— Нет, номер не выйдет. Ты мне не веришь — я тебе и подавно. Если кто встретится — я тебя веду на допрос.

У двери валялся мертвый охранник. Он был задушен — лицо синее, голова свернута набок.

— Это ты? — спросил Крони. Смерть была такой жуткой, что начинала кружиться голова.

— Нет, — сказал Спел. — Это ты его задушил. Ты задушил и удрал. И теперь, что бы ты ни говорил Мокрице, никто тебе не поверит. Не я же его задушил. Зачем мне?

— А потом ты меня так же, как этого, да?

— Все может быть. А ну, шевелись!

Они оказались на большой улице. Навстречу шел уборщик. Уборщик отвернулся, опустил голову, чтобы не увидеть лишнего. Спел затолкнул Крони в узкий проход между двумя домами, довел до двери. За ней была лестница в скале. Такая узкая, что двоим не разминуться. Она вертелась спирально. Один оборот, второй...

Спел закрыл дверь на засов, отпустил Крони.

— Считай, что ты спасся, — сказал Спел. — Здесь тебя искать не должны.

— Я у тебя дома? — спросил Крони.

— Нет. Ко мне он может заглянуть.

— Может, — согласился Крони. — Он знает, что ты взял опознавательный знак.

— Ты уверен?

— Да.

— Я — дурак, — сказал Спел. — Как увидел имя — не удержался.

Спел зажег свет. Комната была невелика, но такой Крони еще не приходилось видеть. Он не подозревал, что так может быть. Стены комнаты были обтянуты материей с узорами. Если ее разрезать на платья, то хватило бы всему кварталу. Толстая материя с торчащим ворсом устилала пол.

— Присаживайся, — сказал Спел.

Крони не решался. Сиденья были тоже покрыты материей.

Спел ушел. Было очень тихо, портьера, за которой скрылся молодой офицер, чуть покачивалась. Потом оттуда донеслись приглушенные голоса.

«Если когда-нибудь выберусь и расскажу об этом, — подумал Крони, — никто не поверит. А кому расскажешь? Наверно, только инженер в таких домах бывал».

Портьера отодвинулась, и в комнату вошла высокая девушка.

Девушка была красива, и не с кем было ее сравнить. Такой он раньше не видел. Женщины внизу не бывают молодыми и красивыми. Грань, отделяющая детство, голенастое, крикливое, вечно голодное, от старости — узловатых рук, обтянутых дряблой кожей, пронзительных голосов, корявых, изъеденных стиркой или работой пальцев, шрамов от жестоких побоев мужа, — эта грань внизу незаметна.

Девчонки росли, потом неожиданно переезжали в соседнюю конуру, а если повезет, в конуру уровнем выше, и становились старыми женщинами. Они были всегда немыты, оборваны, потому что жили в темноте, а мыла человеку положено один кусок в сорок дней.

Крони мельком видел дочерей и жен торговцев и мастеров. Но, может, не повезло, может, не приглядывался. Не было среди них такой, кого Крони захотел бы увидеть еще раз. Он знал, конечно, что пройдет еще год, может, три, квартальный или мастер скажут: пора тебе взять женщину, трубарь. Но трубарю не просто найти женщину, потому что трубарь беден и грязен.

На вошедшей девушке было длинное платье, ниже колен — внизу платья короткие — так меньше материи уйдет. У нее были длинные волосы — внизу все коротко стриглись — длинные волосы не промоешь и не выгонишь из них насекомых. На руке у девушки был блестящий золотой браслет. И если он был и в самом деле золотой, то столько золота зараз Крони видеть не приходилось — внизу девчонки таскали маленькие медные украшения, которые ловкачи делали из старых гильз или меди, украденной на руднике. Девушка была в сандалиях белого цвета — женщины внизу ходили босиком, и ноги их опухали от сырости и ревматизма. Башмаки были роскошью, и их давали лишь мужчинам, ко-

торым надо много ходить. Конечно, у госпожи Ратни есть сандалии, но она их надевает, лишь когда идет в гости, наверх, к новым родственникам или к соседнему квартальному.

Крони выпрямился и стоял в оцепенении. Удивительно, но сначала он увидел одежду, а лишь потом лицо. Это было лучезарное лицо, необыкновенное, доброе и прекрасное. Крони знал, что, будь это Дева Бездны, лицезреть которую — значит встретиться со смертью, он согласен на смерть — только посмотреть сначала.

Голос у девушки был глубокий и спокойный. Она, наверно, вообще не умела визжать. И где ей визжать? У квартального бассейна? Девушка была печальна и не сразу заметила трубаря, она смотрела сквозь него, глаза ее блестели, полные слез.

— Я так и знала, — сказала она словно сама себе, — я так и знала, что он умер. Это странно, что я живу и ты живешь...

— Гера, — громко сказал Спел, — это тот трубарь, который был с Леменем.

— Да? — Девушка словно проснулась. — Как тебе удалось?

— Я ему велел каяться и незаметно вколол снотворное. Получилось, будто он упал в обморок при виде орудий пыток. Даже Мокрица поверил.

— Поверил? Мокрица никому не верит.

— Я все ловко сделал.

— И что он еще тебе рассказал? — Девушка не смотрела на трубаря.

— Сама спроси, Гера.

Гера уселась во второе кресло. Крони остался стоять.

— Расскажи о Лемене. О том, у кого ты взял знак.

И тогда Крони вспомнил.

— Вы — Гера Спел? — спросил он.

— Только сейчас догадался, темнота, — ухмыльнулся Спел.

Гера закашлялась, вынула из широкого рукава белый платок, приложила к губам.

— Значит, он говорил тебе о моей сестре? — спросил Спел.

— Говорил.

— Если говорил, был еще жив, — сказал Спел. — Ты слышишь, сестра?

— Он потом умер, — сказал Крони. — Он умирал, и я принес ему воды. Он мне рассказывал. Потом умер.

— Когда это было?

— Вчера. Конечно, вчера.

— Где?

Гера поднялась с кресла и подошла совсем близко к трубарю. От нее приятно пахло. Наверно, мылом. И глаза у нее были си-

ние, а на платке, который она все еще держала у рта, — красные пятна.

— Глубоко, внизу.

— В заброшенных секторах?

— Рядом с Огненной Бездной. У города Предков.

— Ты там был? — удивился Спел. — Врешь.

— А ваш Мокрица мне поверил.

— Он был жив вчера? — спросила Гера, словно не могла поверить.

— Он умирал, — сказал трубарь. — Я напоил его водой.

— Что он тебе сказал?

— Он мне показал путь дальше.

— Куда?

— Дальше, к привидениям. Привидения помогли мне найти библиотеку.

— Он говорил обо мне? — спросила Гера.

— Говорил.

— Почему он умер? — спросил Спел. — Ты его убил?

— Я никого не убивал.

— Врет, — сказал Спел своей сестре. — Он только что убил стражника.

— Неправда, — сказал Крони. — Стражника убил Спел. Задушил. Я никого не убивал.

— Он сомневается в правдивости слов благородного офицера стражи, — сказал Спел, глядя в потолок. — Мне придется вернуть его в камеру пыток.

— Погоди, брат, — сказала Гера. — А почему он умер?

— Он был худой и больной. Вы не были в нижних ярусах. Там нельзя прожить и одного дня.

— А ты знаешь, когда он ушел отсюда? — спросила Гера.

— Нет.

— Больше трех десятков дней назад.

— А чего же вы его не выручили?

— Директора решили, что он должен умереть, потому что нарушил закон, — сказал Спел, кривя маленький красивый рот.

— Он был инженером, — сказала Гера. — Его бы не тронули, если бы не Мокрица. Мокрица боялся Леменя. Тебе этого не понять.

— Не понять, ваша милость? — удивился Крони. — А меня здесь считают чуть ли не за главного заговорщика.

— Не хвались, трубарь, — сказал Спел. — Ты — скот.

— Мы — скоты, — разозлился Крони, — потому что нас держат взаперти. Мы грязные, вонючие, вшивые, с нами разговаривать не хочется, мы не видели книг, и, если бы нас пустить в вашу прекрасную комнату, госпожа, мы сорвали бы со стен всю эту

материю и разорвали ее на платья нашим женщинам, которых мы бьем и с которыми обращаемся как со зверями. Но виноваты в этом ваши отцы и ваши деды. Это они отняли у нас Город Наверху, где светло, где текут большие реки и можно мыться каждый день. Там мы ничем бы не отличались от вас.

— Чепуха, — сказала прекрасная Гера Спел. — Мы родились от разных предков. Ваши предки были как черви, копались в грязи. Мы не можем стать одинаковыми.

— Постой-ка, — произнес вдруг Спел, выпрыгивая из кресла. — Погоди, как, ты сказал, зовут твоего инженера, который вбил тебе в голову эти мысли?

— Инженер... Зачем тебе знать, стражник? Ты его не поймал. И не поймаешь.

— Рази, — подсказала Гера. — Конечно, это чудак Рази. Ты помнишь его? Он приходил с Леменем. Ты знаком с Рази, трубарь?

Крони не ответил.

— Вот кому он отдал пистолет! — воскликнул Спел. — Мокрица дорого бы дал за эту весть.

— Забудь о своем Мокрице, — прервала его Гера. — Ты как маятник часов. Ты всегда был такой. Ты бежал к отцу выпрашивать сладости за то, что подсмотрел у нас с покойной сестрой, а потом бежал к нам и говорил, что отец обо всем знает.

— Не обвиняй меня в детских грехах, сестра, — улыбнулся Спел. — Ты хочешь, чтобы я рассказал трубарю о твоих? Он и так слишком ученый. Когда все трубари станут такими, нам с тобой придется вместо них чистить нужники. Твоим ручкам это вредно.

— Когда меня мучил Мокрица, когда отец забыл обо мне, ты мне помог? Ты меня спас? Ты трепетал за свою драгоценную шкуру.

— А кто вытащил Леменя и помог ему убежать?

— Помог, потому что Лемень тоже кое-что знал о тебе.

— И этого трубаря я спас. И привел сюда, — маленький рот Спела дергался как от боли.

— Ваша милость, — вмешался в спор Крони. — Если случится, как мы хотим, то не будет грязных и уродливых людей.

— Ах, перестань, — отмахнулась Гера. — Всегда кто-то остается наверху. И если вы гнилые снаружи, то мы — внутри. Вот и вся разница.

Спел молчал, ему было невесело. Он был зол и не мог оторвать взгляда от красных пятен на платке сестры.

— Да, мы гнилые, — повторил Крони упрямо. — Но как только мы найдем путь наверх, все изменится. Я вам точно говорю.

— Какой еще путь наверх?

Гера снова закашлялась, и мужчины ждали, пока припадок

пройдет, не знали, как помочь, и когда Спел все-таки сделал движение к ней, девушка вытянула перед собой руку, останавливая его.

— Туда, где всегда светло. Где потолок высоко и растут деревья, — сказал наконец Крони.

— Где он наслышался такой чепухи? — спросила Гера тихо, садясь и скручивая платок.

— У него есть картинка, — сказал Спел. — Какая-то фантазия. Когда он искал оружие, он...

— Я не искал оружие, — сказал Крони, — я искал библиотеку, я искал книги о Городе Наверху. Я верю в Город Наверху. И я слышал ученого человека, старого, который знает об этом городе. Его держали в темнице...

— Сумасшедший Рал-Родди, — сказал Спел сестре, и она кивнула, будто никакого другого имени не ожидала услышать. — Он давно умер.

— Нет, он жив.

— Еще очко в пользу Мокрицы, — сказал Спел. — Если я приду к нему с такими вестями, он меня простит. И за Леменя, и за украденный знак.

— Мокрица никогда никого не прощает. Ты знаешь, — сказала сестра. — Продолжай, трубарь.

Крони стало грустно. Он вдруг понял, что Гера не знает его имени: он для нее — безликий трубарь. Таким и останется.

— Что говорить? — сказал Крони. — Есть картина, она осталась у Мокрицы. Есть город. И если даже меня убьют и инженера Рази убьют, как вашего Леменя, госпожа, все равно будут другие люди. Главное — успеть выйти туда, пока мы не перемерли здесь. Вам, госпожа, тоже плохо под землей.

— Что ты сказал? — вздрогнула Гера, словно Крони задел ее грязной рукой.

— Я трубарь, госпожа, и чувствую влажность воздуха и знаю, сколько воды и откуда в каждой комнате, хоть завяжите мне глаза. Если сорвать эти красивые ткани и поднять ковер с пола, там мокрые пятна и плесень. Вы кашляете, госпожа, как кашляют женщины внизу. Вы сделаны из такой же плоти, что и они. Хоть вы очень красивая, красивее всех женщин в городе, если вы не уйдете наверх, то умрете.

— И к лучшему, — сказала Гера и улыбнулась, глядя прямо в глаза трубарю, как будто увидела его впервые. — Как тебя зовут, трубарь? — спросила она.

— Крони, — сказал он. — Мой отец тоже был трубарь.

— Мы его поймали на улице, — сказал Спел. — И у него было много опасных вещей. Даже обойма от пистолета.

— Мокрица мог подсадить его на Чтение. Особенно если он

следил за Рази и знал о его дружбе с Леменем. А через Леменя он хотел добраться до нас.

— Не думаю, — сказал Спел, похлопывая себя по бедру, по кобуре. — Я не позавидовал бы агенту Мокрицы у тебя в доме.

Крони молчал. Слова девушки были обидны. Если бы его обвинил в предательстве Спел, он бы не обиделся — мужчина должен быть подозрительным. Без этого не проживешь. Но девушка не должна так обижать его.

— Не слушай ее, Крони, — засмеялся вдруг Спел. — Мы все немножко рехнулись. Она не знает, каким ты был грязным, когда я отправил тебя под душ. Никакой агент не мог так измазаться. Трубари наживают эту грязь годами.

И хоть ничего лестного в словах Спела не было, Крони не удержался от улыбки и сказал:

— Теперь я чище и могу пойти в агенты.

— А теперь тебя Мокрица не возьмет. Ты слишком много знаешь. Если ты покажешь ему, где оружие, тебя убьют рядом с оружием. А если не покажешь, оружие найдут без тебя, а тебя задушат здесь.

— Крони, — сказала Гера без злобы. — Ты недавно узнал много такого, о чем твои соседи и другие трубари не знают. И не узнают никогда, потому что нельзя давать знания всем. От знаний получается беспокойство, а от беспокойства — вражда и неутоленность. Так говорят ученые люди. Ты узнал много, и голова твоя не готова для этого. Ты вообразил себя всезнающим. Инженер Рази, которому бы следовало знать больше, не остановил тебя, а, наоборот, подогревал твое беспокойство, в чем его великое преступление перед Порядком. Пойми, что есть знание для всех, есть знание для инженера, а есть знание для чистых. Есть еще и высшее знание — знание для директоров. На этом держится Порядок.

— Вы, госпожа, обвиняли меня в том, что я говорю не своими словами. Вы говорили мне, что я повторяю слова инженера Рази. А вы повторяете слова своего учителя.

— Конечно, Крони, — согласилась девушка. — Мы все повторяем чужие слова. Но мои учителя знали больше, чем Рази.

— Почему? — спросил Крони. — Рази говорил, что есть Город Наверху. И Город Наверху есть. Старик говорил, что благородные загнали людей под землю, чтобы легче управлять ими. И это, наверно, правда. У инженера своя правда, у вашего учителя своя правда. Мы с инженером...

Крони заметил, как переглянулись брат с сестрой.

— Мы с инженером, — повторил он упрямо, — не верим в то, что этот Порядок — правильный и хороший, потому что он сделан только для вас.

Спел сказал, подождав, пока выговорится трубарь:

— Мы тут сидим, а Крони уже ищут. Нам надо подумать, как нам от него избавиться.

— Нет, — сказала Гера. — Он же не рассказал всего о Лемене.

— А вы не рассказали мне о Городе Наверху, — сказал Крони. — Вы знаете о нем. Все чистые знают о нем и скрывают.

— Расскажи о Лемене. Мне это очень важно. Я думала, что он давно умер. А я расскажу тебе все о Городе Наверху.

Крони постарался вспомнить разговор с Леменем во всех деталях, каждое его слово.

— И это все? — спросила Гера чуть разочарованно. — Он ничего не просил передать мне?

— Только сказал: «Если увидишь Геру Спел...» И умер.

— Но ты можешь поклясться Бездной, что дал ему воды?

— Я клянусь Огненной Бездной и именем бога Реда. Я напоил его и хотел накормить, но он не принял пищи. И он тоже помог мне.

В комнате было тихо. Спел посмотрел на часы.

— Слушай о городе, — сказала Гера.

— Может, обойдемся без этого, сестра? — спросил Спел.

— Я обещала, — сказала Гера. — То, что я тебе скажу, — страшная тайна. Ее могут знать лишь директора, главные жрецы и дети директоров. Даже инженеры не знают об этом.

Спел вытянул ноги в блестящих башмаках и уставился в потолок.

— Этот город был, Крони, — сказала Гера. — Наверху было два города, и они враждовали. Люди в нашем городе были мирными, имели вдоволь пищи и знали Порядок. А жители второго города не знали Порядка, и у них было мало пищи. И они напали на наш город. Это была долгая и страшная война, от дыма и ядов воздух в городе стал плохой. И когда директора поняли, что жить наверху больше нельзя, они решили спасти людей. Они перешли в нижние ярусы и спасли людей. А жители второго города умерли.

— Города нет? — тупо спросил Крони.

— Города нет. И это не ложь. Я скажу тебе больше.

Спел болтал ногой и рассматривал кончик башмака. Ему было скучно, он слушал это как надоевший урок.

— Были смельчаки, которые поднимались наверх. Об этом тоже известно. Сначала даже директора посылали гонцов проверить, как там. Но гонцы не возвращались или умирали от болезни, которой нет имени. Говорят, что последний человек поднимался много лет назад. И тоже вернулся, чтобы умереть. А потом путь наверх был забыт. Теперь тебе понятно, почему Порядок устроен так? Если бы директора не заботились о людях, не кормили

бы их, не давали бы им работу и свет, воду и тепло, все бы давно умерли. Наш мир не всем кажется хорошим. Но он лучше, чем мир наверху. У каждого есть комната, работа и каши досыта.

— И от города ничего не осталось? — повторил Крони, и вопрос его не был обращен к девушке.

— Города нет, — сказала девушка. — И чем меньше людей знают о нем, тем лучше. Пока ты не знал о городе, то был спокоен и доволен. Когда узнал о городе, то потерял счастье и обречен на смерть.

— Лемень пытался выбраться, — сказал Спел. — Ты думаешь, почему Мокрица им заинтересовался? Он говорил, что надо искать город.

— Господин Лемень ходил наверх?

— Дурак ты, трубарь, — сказал Спел. — Не только города нет, но и пути к нему нет. Лемень искал путь и понял, что пройти наверх нельзя.

— Он знал, где искать? — спросил Крони.

Ответа не было.

— Почему вы не хотите ответить?

— Потому что не твоего ума дело, — сказал Спел.

Было тихо. Где-то в трубе журчала вода. Трубарь на слух определил диаметр трубы и напор в ней.

— Ну что будем делать? — спросил Спел у Геры.

— Ты лучше знаешь, — сказала девушка. — Ты стражник.

— Я выведу его и пристрелю. Скажу, что он прятался на улице, а я его нашел.

— А нельзя его не убивать? — спросила девушка.

Крони слушал это, словно к нему слова не относились. Да и они разговаривали, будто его не было в комнате.

— Если твой трубарь попадется, то он все сразу расскажет Мокрице. Себя не спасет и нас погубит. Мокрица давно подбирается к нашей семье. Не столько к тебе или ко мне, как к отцу. Понимаешь, какая для него находка трубарь?

— От меня они ничего не добьются, — сказал Крони.

— Говоришь, потому что не знаешь. Он из тебя выжмет все, что захочет, и ты умрешь в мучениях. Лучше умереть от моей пули и сразу, чем в камере пыток.

— Убивать меня нельзя, — сказал Крони. — Потому что заподозрят тебя, господин. Как я попал на этот уровень? Только с твоей помощью.

— А что ты предлагаешь? — спросил Спел деловито.

— Как будто обсуждают экскурсию за пещерными грибами, — поморщилась Гера. — Мужчины всегда остаются детьми.

— Я знаю, что делать, — сказал Крони. — Раз мне все равно погибать, покажи мне, как выйти наверх.

— Нет, — возразил Спел. — Лемень не смог. Ты тоже не сможешь. Ты же глупее.

— Может, я глупее, — сказал Крони. — Но я трубарь. Я могу пройти там, где не пройдет никто из вас. Я всю жизнь провел в туннелях. Я за один день нашел и библиотеку, и оружие, и видел Огненную Бездну. И вернулся. Если я уйду наверх, то обещаю не возвращаться назад. Мне и не нужно. Я лучше умру там. Я думаю, что вы знаете путь наверх, где хотел пройти Лемень.

— Мы знаем, — сказала Гера. — Мы показали Леменю. Но этого пути нет.

— Вы мне дадите нож, — сказал Крони. — И если меня поймают, я себя убью.

Спел посмотрел на Геру.

— Пускай идет, — сказала она. — Лемень тоже хотел пройти. Отпусти трубаря ради твоей сестры.

— Мы рискуем, — сказал Спел.

— Не больше, чем убивая его.

Глава 3

ПАЛАТКИ НА ХОЛМЕ

— Ты слышал, — спросила Наташа, — как ночью кто-то скребся?

В палатке было тепло, сухо и пахло озоном. Стенд с прикрепленной к нему бронзовой фигуркой медленно поворачивался, и фигурка будто шевелилась под меняющимся светом ламп.

— Вот, — сказал Такаси, нажал кнопку и остановил медленное и сложное движение стенда. Защелкала камера, снимки с прерывистым шорохом выползали из автомата и со звуком, почти неразличимым, подобно тому, что издает, лопаясь, мыльный пузырь, падали в стопку уже готовых отпечатков.

— Вот и хорошо, — сказал Такаси, поднимая верхний отпечаток и протягивая Наташе. — Правда, даже лучше, чем в натуре?

Наташа рассеянно сравнила снимок и оригинал, но разницы не увидела.

— Это был не кто-то, — сказали Такаси, начиная новую серию сложных манипуляций с подсветкой. — Это был тигр, но не знаю, как он прорвался через загородку.

— Ты с ума сошел, — сказала Наташа. — Опять розыгрыш?

— Я видел следы, — сказал Такаси. — И Круминьш их видел.

— Я не пойду на раскоп, — сказала Наташа. — Ничего себе мужчины, которые не могут одолеть паршивого тигра.

— Если он паршивый, тебе нечего бояться, — сказал Такаси.

Наташа любовалась точностью, быстротой и кажущейся неторопливостью движений Такаси.

— Когда он меня съест, — сказала она, — мне будет все равно. А Кирочка Ткаченко видела привидение.

— А почему здесь не быть привидениям? — сказал Такаси. — Здесь обязательно должны быть привидения. Очень подходящая для них обстановка.

— Привидение голубое, — сказала Наташа, — и довольно быстро ходит.

— Я думаю, — сказал Такаси, снимая со стенда фигурку и укрепляя на ее место стеклянный сосудик на пяти коротких ножках, — что ночью духи этого города наглеют. Здесь когда-то скопилось столько боли и смерти, что всякая нечисть купается в поле страдания, как в теплом бассейне.

— Не пойму, — сказала Наташа, — когда ты говоришь серьезно?

— Я всегда говорю серьезно с глубокоуважаемой аспиранткой.

— Я в тебе разочаруюсь, Така, — сказала Наташа.

— Лучше сейчас, чем потом, когда мы проживем вместе десять лет и у нас будет десяток детишек.

— Для тебя нет ничего святого, — возмутилась Наташа. — Я пошла на раскоп. Я бы тебя возненавидела, но ты недостоин моей ненависти.

— Жаль, — сказал Такаси, и стенд вновь пришел в движение.

Кончив работу, Такаси взглянул на пленку, которой была затянута дверь. Пленка была матовой, но цвет ее говорил о том, что с гор опять налетел осенний ветер, принес сизые грозовые тучи, которые проплывают над городом, пугая ливнем. Такаси накинул куртку, прорвал пленку и вышел наружу. Пленка затянулась снова, защищая от пыли палатку и лабораторное оборудование. Остальные палатки стояли в ряд на жухлой траве и казались яблоками, выступающими над водой оранжевыми боками.

Ветер с гор дул порывами. Такаси опустил очки и подумал, что все на свете несет в себе одновременно добро и зло. Археологи мечтали о дожде все лето, а теперь, когда дожди должны были вот-вот начаться, хотелось, чтобы осень еще задержалась. Раскоп превратится в рыжее болото, и сезон окончится. Следопыты уйдут на Южные острова, остальным предстоит укладка, упаковка, перевозка трофеев на корабль — дела обычные и скучные.

От палаток тянулась разбитая вездеходами дорога, исчезала в кустарнике, снова появлялась узкой светлой полосой на пустыре и окончательно пропадала среди ржавых холмов, из которых, как иглы морского ежа, высовывались проржавевшие фермы и балки — остатки домов.

— Ты на раскоп, Така? — спросил Станчо Киров, который сидел на песке перед вездеходом, обложившись запасными частями, инструментами и опутавшись проводами, будто попал в паутину. Киров привез сюда новые модели вездеходов и испытывал их. Машины были очень прогрессивными и остроумными, но часто ломались, за что Станчо ругал их, как непослушных детей, и, разбирая, поражался их зловредности.

— На раскоп, — сказал Такаси.

— Подожди полчаса. Я тебя подброшу.

— Спасибо. Я хочу пройтись пешком.

Киров удивился, он был уверен в том, что машины создаются специально для того, чтобы никто не ходил пешком. Хождение, говорил он, возвращает человека к первобытным временам. Не для того человек стал царем природы, чтобы утруждать свои ноги.

С холма Такаси сбежал, высоко поднимая колени. Он взглянул на цепочку генераторов защиты, которые пирамидками высовывались из-под земли. Генератор в том секторе, сквозь который пробрался ночью тигр, ничем не отличался от остальных. Следы тигра уже засыпало песком. Когда Такаси пересекал линию защиты, он почувствовал, как по лицу и рукам скользнуло что-то легкое, словно прикосновение шелка. Где-то на пульте защиты мигнул зеленый огонек, регистрируя выход человека из зоны.

Кустарник, начавшийся в ста метрах от холма, был колючим, в нем гнездились злые осы, и он скрывал под собой жилые кварталы, до которых очередь дойдет не скоро. Иногда из кустарника выдувало ветром мелкие предметы: монеты, пули, осколки посуды — подъемный материал, и кто-нибудь из аспирантов обязан был проходить с коробкой вдоль дороги и по пустырю и собирать эту мелочь.

Посреди пустыря была громадная воронка. В дожди ее заливало водой, и она превращалась в круглое озерцо. К концу сухого сезона вода испарялась, но воронку не засыпало пылью, потому что она была ограждена валом земли, на котором росли густые прямые копья тростника. На дне воронки даже к осени сохранялся слой грязи, в которую зарывались рыбы и моллюски. Такаси пробился сквозь тростник, чтобы посмотреть, достаточно ли подсохла корка грязи, потому что собирался завтра с Наташей отправиться на охоту.

Охотиться на рыб они намеревались с лопатами, и это было местью рыбам за то, что они не хотели брать наживку летом, когда воды в озере-воронке было достаточно. Но если корка еще непрочная, то от охоты придется отказаться — грязь была глубокая, метра два-три в середине.

Такаси остановился на земляном валу. Корка грязи была по-

крыта сеткой радиальных трещин. Кто-то опередил Такаси и уже испытывал ее крепость. Следы шли от края, потом они прерывались в темном пятне жидкой трясины. Грязь была разбрызгана по корке и уже засохла комками. Там было неглубоко, но испытатель наверняка провалился по пояс. «Поделом ему», — подумал Такаси, потому что идея охоты на спящую рыбу в воронке принадлежала ему, и он объявил об этом во всеуслышание за ужином. Оказывается, в экспедиции нашелся коварный завистник, который решил опередить Такаси с Наташей и крепко поплатился за это. Неудивительно, что он никому не признался.

Дорога привела к центру города. Такаси шел медленно и рассматривал развалины, будто видел их впервые. Он никак не мог привыкнуть к ним. В покореженных фермах и грудах бетона, поросших травой и сглаженных за двести лет пылью, таился первобытный ужас безжалостной и всеобщей смерти. За двести лет обвалились торчавшие когда-то из развалин стены домов с дырами окон, сровнялись с землей воронки, рассеялась смертельная радиация, и планета вроде бы залечила самые глубокие из ран. Выжили кое-какие рыбы в океанах, спрятались, приспособились или изменились некоторые насекомые, животные. Мир планеты был во много раз беднее, чем полагалось бы ему быть, но он существовал, заполнялись экологические ниши, и создавались новые законы взаимозависимости. Эволюция, разгромленная атомной войной, и в осколках своих, подстегнутая вспышкой радиации, пошла дальше. Не было на планете лишь приматов.

Люди здесь перебили друг друга в длительной войне на взаимное уничтожение, которая разрасталась, поглощая все новые районы и континенты, погубила и тех, кто в войне не участвовал, потому что нельзя было дышать воздухом, пить воду и собирать плоды с деревьев.

Где-то в пещерах и на дальних островах некоторое время еще скрывались люди, может, жизнь была отмерена им месяцами или годами. Но одиночки и маленькие группы были обречены на смерть — они были бесплодны и бессильны перед враждебным отравленным миром.

Человек в ходе своей эволюции показал себя самым хитрым, выносливым и конкурентоспособным из всех живых существ, но, как видно, он не смог пережить рукотворной катастрофы, потому что был животным общественным и, когда рухнуло общество, вымер.

Археологи — оптимисты. Они копаются в древних могилах и исследуют следы пожарищ. Они присутствуют при конце жизни — племени, города, человека. Но они почти всегда могут найти ниточку, которая, не оборвавшись, тянется в будущее, и ощу-

щают жестокую целесообразность истории. Здесь же не было продолжения.

Навстречу попался вездеход. Одна из опытных моделей Кирова. Вездеход ковылял на пяти ногах, прижав шестую к брюху. Кирочка Ткаченко, понукавшая машину, обрадовалась, увидев Такаси, потому что он был идеальным собеседником, а именно собеседника ей не хватало.

— Как ты думаешь, Така, — спросила она с высоты, — они посылают эти опытные образцы телег к геофизикам или астрономам? Нет, геофизики им голову бы оторвали. Они сбросили бы в пропасти эти вездеходы. А мы должны терпеть.

— Они правы, Кирочка, — сказал Такаси. — Они знают, что археологи — люди изысканной, интеллигентной профессии и благородное терпение — одно из их очевидных достоинств.

— Ты все знаешь, — сказала Кирочка. — С тобой даже скучно разговаривать. Я не хочу быть интеллигентным археологом и вернусь в Космофлот. Там все ясно и просто.

— Ты этого не сделаешь, — возразил Такаси и пошел дальше.

Его смущал рыболов, который забрался ночью в грязь и никому не сказал об этом. Он решил на обратном пути поглядеть на его следы. Ведь когда тот браконьер выбрался из грязи, он волок пуды вещественных доказательств. И брызги, комья, лепешки глины должны явственно отмечать его путь до самой палатки.

Впереди показался раскоп. Он мог быть раскопом на любой другой планете, на Земле, наконец, если бы не фон — мертвый лес металла и бетона. На Земле археологам, к счастью, не приходится копать атомный век.

Такаси миновал заборчик, предохраняющий раскоп от пыли и набегов мелкой живности, и уселся на пустой контейнер рядом с транспортером. На минутку выглянуло солнце. Такаси видел, как солнечное пятно скользнуло по барашкам большого озера, протянувшегося между городом и отрогами хребта, и, как в театре, высветило по очереди, все ближе и ближе, железные кости города, потом залило ослепительным сиянием лабиринт раскопа, и люди внизу поднимали голову, глядя, надолго ли солнце, и, увидев лишь маленькое голубое окно в сплошном сизом покрывале туч, возвращались к своим делам.

Такаси разыскал Наташу. Ее раскоп был глубже соседних — она искала истоки города, но культурный слой был сильно перемешан не только позднейшими коммуникациями и подвалами домов, но и линией подземки, в которой прятались и погибли тысячи жителей города. Наташа повязала голову белой косынкой и стояла рядом с автоматом, вынимавшим породу, не доверяя ему, и в любой момент готовая отогнать его в сторону. В руке у нее была кисточка, и Такаси захотелось спуститься вниз и раздели ее радость в тот момент, когда совершится находка. Ведь работа здесь и сложна, и полна неожиданностей тем, что никогда не знаешь, что откроется через пять минут. На Земле открытия всегда остаются в рамках вероятного. А здесь — что вероятно? Что может быть вероятно в инопланетной цивилизации?

Подняв облако пыли, Такаси съехал в раскоп.

— Мы с тобой сегодня уже виделись, — сказала Наташа, не глядя в его сторону.

— Я пришел сфотографировать твою находку, — сказал Такаси.

— Ее еще нет, — сказала Наташа.

— Я подожду, — сказал Такаси.

— Зачем? Тебе нечего делать?

— Человеку всегда есть что делать, — возразил Такаси.

— Тогда почему ты здесь?

— Я пришел любоваться тобой, — сказал Такаси.

— Бездельник, — сказала Наташа, и ее щеки покраснели. — Почему ты надо мной смеешься?

— Наташа, — сказал Такаси, — я никогда над тобой не смеюсь. Даже когда мне бывает смешно. Ты, как это случается с молодыми девушками, предпочитаешь правде недомолвки. Тебе приятно слышать, что такой красивый, сильный и талантливый мужчина, как я, пришел любоваться тобой. Ты даже покраснела от удовольствия. У тебя даже пальцы покраснели от удовольствия. И в то же время ты делаешь вид, что возмущена.

Тогда Наташа повернулась к нему и подняла кисточку, как меч.

— Слушай, — сказала она, — Такаси-сан. До тех пор пока я не познакомилась с тобой, я была уверена, что японцы — деликатный народ, народ такой древней и изысканной культуры, что воспитанность вошла ему в кровь и плоть. Но ты меня разочаровал.

— Это очень прискорбно, Наташа, — сказал Такаси. — Я не хотел тебя разочаровывать. Ты спутала невоспитанность с правдивостью. Когда я прихожу, чтобы любоваться тобой, я не могу этого скрыть. И если я этого не сделаю, то появится кто-то другой и вскружит тебе голову недомолвками, столь милыми девичьему сердцу.

— Кто угодно! — воскликнула в сердцах Наташа. — Только не юнец с преувеличенными мышцами, который сосет сгущенное молоко, как теленок, и в свободное время поднимает камни.

— Одни собирают марки, — сказал Такаси, — другие бабочек. А третьи изобретают вечный двигатель. Мне интересно поглядеть, что я могу изобрести из себя самого.

— Ты все равно не станешь сильнее лошади, — сказала Наташа. — И я тебя скоро возненавижу.

— Опять недомолвка, — сказал грустно Такаси. — Вместо того чтобы сказать правду...

— Какую правду? — быстро спросила Наташа.

— Что ты меня скоро полюбишь. У тебя нет другого выхода. Я хорош собой, я умен и талантлив. У меня очень добрые старики, которые живут на Хоккайдо и ждут, когда их сын привезет домой прекрасную и послушную жену...

— Уйди!

В этот момент раздался треск, обломки ржавого сосуда вывалились из породы и рассыпались по земле. Автомат, оставленный без присмотра, перестарался.

— Это все ты! — закричала Наташа. — Все ты виноват! Это был такой изумительный сосуд! И зачем ты только сюда пришел, когда тебя никто не звал?

— Извини, — сказал Такаси и, поднявшись на руках, вспрыгнул на стенку раскопа. — Тебе принести клей? — спросил он оттуда.

— Ничего мне не надо.

Такаси пошел по узким перегородкам, оставленным между котлованами. Он совсем не был так уверен в себе, как казалось Наташе. Больше того, он был сейчас зол на себя и согласен с Наташей, что более самоуверенного нахала не найти во всей экспедиции.

Над ним повис маленький везделетик. Кирочка Ткаченко выглянула из него, и везделетик накренился.

— Така, — сказала Кирочка, — Станчо дал мне эту машинку, потому что ты вчера обещал Круминьшу слетать к следопытам за искателем. Мне они его не отдадут.

Везделетик опустился на перемычку, и Кирочка протянула руку, чтобы Такаси помог ей выбраться.

— Чем ты красишь волосы? — спросил Такаси. — Где ты нашла столько золота? Тебе их, наверно, тяжело таскать на голове?

— Така, милый, — сказала Кирочка. Она подняла руки, прижимая волосы к голове, чтобы их меньше трепал ветер. — Ты мне этот вопрос задаешь каждые два часа. Тебе не надоело?

— Нет, — ответил Такаси, забираясь в кабину везделета. — Это приятный для тебя вопрос. Вот я его и задаю.

— Така, у тебя плохое настроение, — заметила Кирочка. — Ты поссорился с Наташкой, и она наговорила тебе грубостей. Но вы все равно помиритесь к вечеру.

— Спасибо, — сказал Такаси и поднял машину.

Ветер усилился и сбивал везделетик с курса. Лабораторным лабиринтом с заблудившимися внутри людьми-мышками уплыл назад раскоп. Везделет пошел над большим озером, к тому берегу, где следопыты собирались осматривать бомбоубежище. Их

палатка была отлично видна с высоты, но Такаси не полетел к ней прямо, а спустился на островок поглядеть, не вышли ли черепахи класть яйца. Островок был покрыт крупным белым песком, летом археологи летали туда купаться, черепашьих следов еще не было. Потом Такаси сделал круг над корпусом затонувшего корабля. Он давно собирался, как выпадет свободный день, спуститься к кораблю и найти там судовой журнал с последней записью капитана. Напоследок Такаси прошел на бреющем полете над косяком рыб, идущим в устье реки.

Громоздкий рыжий бородатый человек Гюнтер Янц стоял на берегу и смотрел, как везделет спускается к палатке.

— Така, — сказал он, — ты страшно любопытен.

— Я не любопытен, а любознателен, — сказал Такаси.

— Круминьш послал тебя к нам за искателем, так как думает, что никто, кроме тебя, не сможет его у нас выманить. Но ты не спешишь. Ты летишь сначала на остров поживиться черепашьими яйцами, потом долго кружишь над затопленной баржей, и наконец, когда больше придумать нечего, ты отправляешься к устью реки.

— А ты, Гюнтер, слишком проницателен и логичен, — сказал Такаси. — А вот не догадался, что я шел за косяком рыбы. Если они пошли нереститься, то мы устроим большую охоту.

— Устроим, — согласился Гюнтер, — если разрешит эколог.

— Эколог здесь я, — отозвался от входа в палатку Макс Белый. — И никакого массового убийства я не допущу. Здесь надо питомники устраивать, а не охоту. Это касается и черепах, Така.

— В умеренных дозах, — сказал Такаси. — Мы выступим в роли естественного отбора, потому что Макс соскучился по свежей рыбе.

— Ты за искателем? — спросил Макс. — Он нам самим нужен.

— Поэтому Круминьш меня и послал, — скромно ответил Такаси.

— Нет, — сказал Макс. — Не выйдет.

— Хорошо, — Такаси вздохнул, как человек, вынужденный обращаться к крайним мерам. — Кто на той неделе сидел всю ночь, не думая об усталости и борясь со сном, потому что следопытам надо было срочно к утру размножить какие-то скучные снимки? Кто консервировал, задыхаясь от химикалиев, рассыпавшиеся в прах бумажки? С сегодняшнего дня вы будете заниматься этой неприятной работой сами.

— Хватит, — сказал Макс. — Мы ненавидим шантажистов, но поделать с ними ничего не можем, потому что шантажисты хитры и безжалостны. Пошли в пещеру, будешь налаживать этот проклятый искатель.

— Следопыты не любят признаваться в слабостях, свойственных обыкновенным людям, — позволил себе съязвить Такаси и направился к палатке.

Когда Такаси вернулся к Круминьшу и отдал ему искатель, приближалось уже время обеда. Такаси хотел еще кое-что сделать в лаборатории, но пошел пешком — ему хотелось разоблачить ночного рыболова.

На обратном пути в лагерь задержался у воронки. Через пять минут он обнаружил следы человека, выходящие из воронки. Грязь засохла, но она была темнее земли, и следы были видны отчетливо. Такаси перебрался через вал, окружавший воронку, продрался сквозь тростник, измазанный глиной и помятый там, где сквозь него ломился ночной авантюрист, и выбрался на пустырь.

И тут сильно удивился. Следы вели не к лагерю, а поворачивали к городу.

— Чепуха какая-то, — сказал вслух Такаси и пошел дальше.

Следы были маленькие, меньше чем следы Такаси, и, возможно, принадлежали кому-то из девушек. Шли они не ровно, а зигзагами, и расстояние между следами было разным, будто владелец их был пьян или смертельно устал.

Следы обогнули небольшой холм, из которого торчали ржавые зубья, и завернули за бетонный куб, разорванный пополам трещиной.

Такаси ощутил тревожный укол в груди. Что-то неладно. Он передвигался медленно, осторожно, беззвучно ставя подошвы, и прислушиваясь после каждого шага. В поведении человека, который купался в грязи, была явная ненормальность.

Вскоре Такаси потерял след. Видно, за то время, пока человек бесцельно блуждал в развалинах, грязь обсохла.

В обломках города гудел ветер, облака неслись совсем низко над головой и были такими темными, что, наверно, в долине за лагерем бушевал страшный ливень.

И вдруг Такаси увидел впереди рыжее пятно. Он замер. Пятно было неподвижно. Такаси сосчитал до десяти. Никакого оружия у него с собой не было, а там мог оказаться спящий тигр. По цвету пятно было похоже на тигра.

Такаси снял с плеча фотокамеру и сжал ее в кулаке — все-таки какое-то оружие.

Такаси оказался прав. На площадке, ограниченной грудами битого кирпича, лежал тигр, дохлый тигр — неприятного вида зверь размером побольше волка с длинными клыками и рыжей, в неровных пятнах и полосах шерстью. Макс полагал, что эти тигры были мутантами каких-то одичавших домашних животных. Анатомически они не имели ничего общего с кошками.

Тигр лежал в луже черной запекшейся крови, и над ним жужжали мухи.

Такаси огляделся.

У огрызка каменной стены скорчился маленький, исхудавший человек с иссиня-белым исцарапанным и грязным лицом, увенчанным копной жестких, темных с проседью волос, в разодранной серой куртке и бурых, заляпанных высохшей глиной штанах.

Между человеком и тигром лежал измазанный высохшей кровью кинжал.

Такаси подошел, нагнулся, отвел с лица незнакомца спутанные волосы. Человек дышал, но был в беспамятстве.

Такаси измучился, пока дотащил человека до дороги. Все было бы не так плохо, если бы спасенный не пришел в себя. Этот момент Такаси упустил, потому что тащил человека, перекинув его через плечо. Очнувшись, человек, видно, вообразил, что его тащат в берлогу, чтобы сожрать, и потому не нашел ничего лучше, как вцепиться зубами в шею Такаси.

От неожиданности Такаси сбросил человека, и тот больно грохнулся о камни. Но тут же вскочил и, прихрамывая, бросился наутек. Такаси не сразу последовал за ним. Он провел рукой по шее, ладонь была в крови.

— Эй! — крикнул он вслед человеку. — Погоди.

Человек должен был услышать. Он бежал медленно, спотыкался, один раз упал и с трудом поднялся. Наконец, углядев какую-то щель в бетонной плите, он попытался забиться в нее, но щель оказалась слишком узкой.

Такаси подошел к нему. Человек лежал, уткнув лицо в землю. Он опять потерял сознание, и на этот раз, памятуя о его злобном нраве, Такаси взял человека под мышки и потащил к дороге, пятясь и спотыкаясь о кирпичи.

Начался дождь. Он шел нерешительно, редкими, крупными каплями, капли утопали в пыли и щелкали по бетону. Спина Такаси была теплой и мокрой от собственной крови. Вот в таком виде его и обнаружил Станчо Киров, который решил погонять по развалинам починенный вездеход.

Вместо того чтобы соскочить с вездехода и помочь, Станчо начал задавать вопросы.

— Это кто такой? — спросил он. — Это не наш.

Такаси осторожно положил человека на землю и сказал:

— Наверно, туземец. Отвезешь нас, потом съездишь к тем раз-

валинам и подберешь мертвого тигра. Кирочка, если не ошибаюсь, умоляла тебя раздобыть ей шкуру.

— Ты убил? — удивился Станчо.

Они вместе положили человека на сиденье вездехода.

— Нет, — сказал Такаси. — Его убил этот витязь.

— Не может быть, — сказал Станчо. — Я бы на тигра с голыми руками не пошел.

— У него был нож.

Станчо завел двигатель, и вездеход поплыл над щебнем и репейниками.

— Все равно бы не пошел, — сказал убежденно Станчо.

— У него не было другого выхода, — сказал Такаси. Помолчал, глядя на человека, распластанного на заднем сиденье, и добавил: — Он и со мной пытался разделаться, как с тигром.

Он предоставил Станчо возможность взглянуть на свою шею.

— Ты с ума сошел, — сказал Станчо, увеличивая скорость. — Непонятно, на чем у тебя голова держится.

— Голова держится на мышцах. У меня их много.

Все еще обедали, и никто не вышел к вездеходу.

— Не спеши, — сказал Такаси, поняв, что Станчо хочет поднять весь лагерь. — Ты лучше загляни внутрь и позови Соломко.

Они положили человека на койку в палатке Соломко, в госпитале, который никому еще, к счастью, не понадобился. Станчо понесся в столовую, а Такаси снял куртку и рубашку. Спина рубашки промокла от крови, шею пощипывало.

— Вы, надеюсь, не ядовиты? — спросил Такаси у человека.

Тот дышал слабо, но ровно.

В палатку ворвалась Соломко. Это была статная женщина с крупным невыразительным лицом, за которым, как за греческой маской, бушевали страсти. Всю жизнь Анита Соломко мечтала стать археологом, но рассудила, что сможет принести больше пользы человечеству, став врачом. С тех пор в течение многих лет разрывалась между любовью и долгом. Разрывалась она и в экспедиции, где ничего трагичнее царапин лечить ей не приходилось и она могла полностью отдаться археологии. Но сознание того, что она как врач никому не приносит пользы, отравляло ее в остальном безоблачное и счастливое существование. И чем безоблачнее была жизнь, тем несчастнее становилась Анита. Но оторви ее сейчас от раскопок и заставь заниматься профилактикой кори на Марсе, она будет чувствовать себя несчастной, потому что вдали от археологии жить не могла. Анита была обречена на вечные муки.

Станчо объяснил ей все по дороге, и она, разумеется, ничего не поняла, потому что и сам Станчо ничего не понял.

— Где больной? — спросила она с порога и, так как ей сначала

бросился в глаза окровавленный, обнаженный по пояс Такаси, держащий в руке алую рубашку, сказала ему:

— Я всегда вас предупреждала, Така, что избыток физических упражнений ведет к переоценке своих возможностей. Вот и допрыгались. Признавайтесь, откуда вы упали?

Лицо Соломко было освещено радостным внутренним светом. Ее длительный медицинский простой закончился.

«О ужас! — успел подумать Такаси. — Она же будет меня лечить недели две!»

— У меня царапина, Анита, — поспешил с ответом Такаси. — Поверхностный укус...

— Они убили тигра, — не вовремя вмешался Станчо. — И по-моему, голыми руками.

— Что?! — воскликнула Анита и рванулась к медицинскому шкафчику. И тут ее взгляд упал на койку. — Так, — сказала она осуждающе и приковала к месту Станчо суровым взглядом.

В этот момент прибежали Круминьш и Наташа.

И тут человек пришел в себя. Он открыл глаза и тут же зажмурился.

— Убавьте свет, — сказала Соломко. Она сама этого сделать не могла, потому что готовилась к экзекуции над Такаси. Круминьш убавил свет.

Человек вновь открыл глаза и тихо сказал что-то.

Они боялись истерики, попытки убежать, насторожились, а человек говорил. Вдруг замолчал, увидев Наташу.

Путешествие, столь долгое и трудное, закончилось чудесным образом. Он нашел верхних людей.

Он увидел Геру Спел. Изменившуюся, правда, потерявшую голубую бесплотность подземелья, загорелую, смуглую, встревоженную.

Гера Спел сказала ему что-то на непонятном языке верхних людей. Гера смотрела на другого, черноглазого богатыря с могучими руками и такой широкой грудью, что ее не обхватишь руками.

И Крони ощутил печаль. Это было не то чувство, которое настигло его, когда, выбравшись из подземелья и дойдя после целого дня блужданий до Города Наверху, он понял, что города уже нет. Он верил в мираж, в прошлое, погубленное когда-то очень давно. Тогда была не печаль — было горе, был конец пути, было окончательное одиночество. Потом он встретился со страхом. Страх настиг его ночью, когда он, из последних сил бредя по развалинам, разыскивая место, где можно было бы спрятаться и выспаться, попал в грязь и чуть не утонул в ней, когда на него бро-

сился страшный зверь и он лишь чудом успел дотянуться до выроненного ножа. Был страх, когда чуждо одетый человек потащил его куда-то, и был страх, когда, вырвавшись, он понял, что убежать не в силах.

Но потом он очнулся вновь и понял, что жив и лежит на мягком, и люди, окружившие его, чисты, велики ростом, сильны, и они улыбаются ему, трубарю, потому что они живут там, где есть большой свет и до потолка не добраться, даже если составить все лестницы мира. Значит, люди наверху построили себе другой город и живут среди деревьев.

И тут вошла Гера Спел. Нет, не настоящая Гера Спел, другая, верхняя. Она пришла сюда из-за того мужчины, который принес Крони, и беспокоилась из-за его раны...

А так как никто из присутствовавших не знал Геру Спел и не мог понять мыслей Крони, то все решили, что он устал и ему надо отдохнуть.

Соломко оставила только Станчо Кирова, чтобы он помог ей раздеть, обмыть и уложить пациента как следует, а остальных выгнала. И они покорно ушли, потому что после первого шока наступило время думать. На пустой планете, где уже двести лет назад умер последний человек, обнаружился мужчина, изможденный и слабый, но вполне реальный. Это не укладывалось ни в какие рамки, и этого быть не могло. Тем интереснее было выяснить, почему это случилось.

Крони уже заснул, облепленный пластырем и отмытый до неузнаваемости, заснул между двумя белыми простынями, такими тонкими и нежными на ощупь, что любой директор отдал бы за кусок этой материи половину своих богатств, а в столовой — общей палатке, которая служила заодно и складом, отчаянно спорили археологи и прилетевшие к вечеру следопыты.

Было уже темно, облака улеглись на вершинах гор, и стих ветер, когда они сошлись на рабочей гипотезе: на планете скрываются остатки людей. Их немного, и они влачат жалкое существование где-то в пещерах или в горах. У них нет ни городов, ни крупных поселений — иначе бы их заметили. Гипотеза не объясняла башмаков и куртки человека. Куртка была асбестовой и соткана на станке. Гипотеза не объясняла многого, но лучшей гипотезы не нашлось.

А ночью Гюнтеру Янцу пришлось подвергнуться сложной и неприятной операции, которую провела Анита Соломко. Гюнтеру сделали пункцию мозга — речевого центра и центра памяти. Раньше Аните не приходилось делать такой операции в полевых условиях, и через год, когда отчет о ней будет напечатан в «Вестнике хирургии», появление заметки совпадет с публикацией статьи археолога А. Соломко в «Вопросах космоархеологии», которая называлась «Некоторые закономерности эволюции лощеной керамики в 5—8-м слоях Верхнего Города». И это будет счастливый день для Аниты.

Обработанный экстракт мозгового вещества Гюнтера был той же ночью введен Крони, но действие его скажется на третий день.

На третий день Крони проснулся со странным ощущением знания. Он знал что-то, неуловимое с первых мгновений, но реальное и значительное. Он подумал сначала, нежась под прикосновением простыни, что он хорошо выспался. Перестук капель воды по оранжевой крыше означает, что идет дождь, а не лопнула ржавая труба и не протекла изоляция. Может быть, причина заключалась в успокаивающей надежности вещей в Городе Наверху, за исключением, правда — и тут Крони улыбнулся, — хозяйства Станчо Кирова, который, наверно, с рассветом чинит гравитолет. И память сразу подарила ему образ насупившегося в решении неразрешимой технической задачи загорелого, голубоглазого, наполненного неисчерпаемым доброжелательством Станчо.

В госпитальный отсек заглянула Анита Соломко и сказала:

— Доброе утро, Крони.

— Здравствуйте, Анита, — сказал Крони. — Пора вставать?

У Аниты было гладкое лицо, которому чужды были сильные эмоции. Потому Крони не уловил ликования, овладевшего Анитой при звуке его голоса.

— Можете понежиться, Крони, — сказала Анита. — Но завтракать будете в столовой. Как желудок, не беспокоит?

— Нет, — Крони покраснел, потому что такие вопросы женщина не должна задавать мужчине.

— Ничего удивительного, — сказала Анита. — Такая резкая перемена диеты не может пройти безболезненно.

И Анита поспешила наружу, где ходил, мучаясь головной болью, Гюнтер, заранее решивший, что ничего не вышло и все его мучения оказались напрасными. Анита выдержала паузу. Нет, не преднамеренно. Просто перед тем как обратиться к Гюнтеру, она попыталась подавить в себе тягучее чувство нежности к этому грузному, не очень молодому человеку. Анита сосчитала до двадцати и сказала:

— Гюнтер.

Голос дрогнул, и получилось не так просто, по-товарищески, как ей хотелось сказать.

— Спит? — спросил Гюнтер, стараясь не двигать головой, чтобы не вызвать приступа боли.

— Он проснулся. Говорит, что желудок его больше не беспокоит.

— Да? — сказал Гюнтер. — Я пойду тогда завтракать.

— Выпей сначала вот это. От головной боли.

Гюнтер протянул ладонь, тронутый догадливостью Соломко.

Крони спрыгнул с койки и поднял руки, чтобы поглубже вдохнуть. Ему нравилось, как пахнет здесь воздух. И на улице, и даже в палатке. Легкие запахи лекарств, жившие в воздухе, лишь подчеркивали его свежесть.

Крони отодвинул шторку умывальника и включил воду похолодней. Почистил зубы и причесался. Надо бы постричься, как Такаси. Потом вернулся в комнату и, перед тем как одеться, застелил койку. Он подошел к столику и нашел там записку: «Для Крони. По таблетке три раза в день». Проглотил таблетку, не запивая. И тут ноги его стали слабыми, и он опустился на койку, сжимая в руке записку.

Он зажмурился, ударил ребром ладони по ноге. Снова прочел: «Для Крони. По таблетке три раза в день».

Крони не умел читать. Ни на каком языке. Ни на своем, ни на верхнем.

Он появился здесь два дня назад. И все попытки общения за прошедшие два дня ограничились примитивными действиями. Он бил себя в грудь и говорил: «Крони». Такаси бил себя в грудь и говорил: «Такаси». И оба смеялись и повторяли эти имена, потому что имена уже обещали на будущее какой-то сдвиг в отчаянном и обидном непонимании.

— Гера? — спрашивал Крони и показывал на Наташу.

— Наташа, — отвечал Такаси.

Круминьш обводил руками город и спрашивал что-то. Крони показывал в сторону леса, к пещерам. Потом Крони обводил руками вокруг, и Круминьш показывал на потолок, по которому крутилось, показываясь порой из-за сизых пятен, освещая землю, текучее Озеро Легкой Лавы.

«Какой потолок? — подумал Крони с легким чувством снисхождения к себе, вчерашнему. — Потолок бывает в пещерах. А над палатками — небо, бесконечное небо, по которому плывут облака и которое тянется в звездный мир, приславший сюда археологов, потому что на планете никого нет в живых».

Информация, перешедшая к Крони и принадлежавшая ранее Гюнтеру, не подавляла то, что было известно Крони ранее, она добавилась к его знаниям и опыту, и убежденность мозга в том, что новые знания и язык, которым он владеет, свойственны ему искони, помешали Крони осознать свое перерождение сразу. Он говорил с Анитой, не чувствуя, что говорит на чужом языке, он прочел записку и послушно выпил таблетку, не поняв сначала,

что не умеет читать. Он рассуждал о характере Станчо, забыв, что до той минуты не выделял Станчо из других членов экспедиции и это звукосочетание ничего ему не говорило.

Надо идти завтракать. А то они будут волноваться. Крони натянул еще вчера ушитый Кирочкой комбинезон и сунул записку в карман. Ему жаль было расставаться со свидетельством причастности к миру, перед которым бессильны и Мокрица, и все директора, и — как его звали? — квартальный Ратни, грязная жаба с лицом голодного паука.

Он вошел в столовую и сразу догадался, что они уже обо всем знают.

— Доброе утро, — сказал он. — Куда садиться?

— На свое место, — ответил Круминьш, не поднимая глаз от тарелки, потому что ему хотелось смеяться.

— Макароны будешь? — спросил Петерсон, обладавший удивительным свойством переходить на «ты» на второй час знакомства.

— Буду, — сказал Крони.

— Как спалось? — спросил Такаси.

— Хорошо, спасибо.

Петерсон подвинул к Крони тарелку с макаронами, молоко, сок.

— Можно подумать, что я именинник, — сказал Крони. — Все молчат и слушают.

Он резко подвинул к себе стакан с соком, сок выплеснулся из стакана и брызнул на брюки.

— Доннерветтер! — вырвалось у Крони.

И хохот, как наводнение, захлестнул столовую.

И когда стало потише, Анита сказала рассудительно:

— Гюнтер переборщил со словарным запасом.

— Надо было лучше фильтровать, — сказал Станчо.

— Правильно, — согласился Такаси. — Умоляю тебя, Крони, не произноси слов, которые тебе приходят в голову в моменты стресса. Родители не обращали должного внимания на воспитание Гюнтера.

— Не обижай моих родителей, — сказал Гюнтер почти серьезно. — Они пытались сделать все, что могли, и даже послали меня в школу.

— Наташа, — сказал Крони, — передай мне, пожалуйста, соль.

— Почему вы так смотрели на меня? — спросила Наташа, когда они после завтрака вышли из палатки. — Как будто вы со мной знакомы.

— Я знаю одну девушку, там, у нас. Она очень на вас похожа.

— Она вам нравится?

— Она не может мне нравиться. Она чистая, а я — вонючий трубарь.

— Кто?

— Трубарь, который чинит трубы в туннелях.

— Крони, — сказал Круминьш. — Если вы готовы к разговору, мы вас ждем.

Крони кивнул.

— Я тоже останусь, — сказала Наташа.

— Неволить никого не буду, — сказал Круминьш. — Только подумайте, что работать нам осталось несколько дней. А может, и того меньше. Зарядят дожди, и все. Я сам постараюсь успеть на раскоп.

Все выслушали его, не возражая, как упрямые школьники, давно решившие уйти в кино со скучного урока. И остались. Уехали только Анита, ценившая каждую минуту археологического счастья, и Петерсон, который вышел на совершенно неповрежденную жилую комнату и не хотел рисковать, откладывая работу на день.

— Вернемся в столовую? — спросил трубарь.

Пресс-конференция выглядела буднично, совсем не так, как положено встречаться представителям столь далеких цивилизаций. Единственная трудность заключалась в том, что Крони не знал, как начать. И потому сказал:

— Я, если позволите, расскажу вам о вонючем трубаре, о Чтении и путешествии к Огненной Бездне, о том, что узнал от Спелов и как пошел искать Город Наверху и светлую пещеру с голубым потолком. А потом вы расскажете о том, что мне самому еще неясно...

Гюнтер, Макс Белый и Крони вернулись от входа в подземелье на три часа позже, чем обещали. Виноват был гравитолет, который сломался, и Станчо пришлось выручать их на обычном вездеходе.

Правда, искатель работал надежно — должно же хоть что-то работать надежно, — и им удалось проследить расположение верхних, покинутых, уровней подземного города.

Когда ехали обратно, Гюнтер говорил:

— Нам бы раньше его засечь. Ведь совсем рядом. Пять километров. Но меня смущает другое. Здесь зона активного вулканизма. И выражение «жить как на вулкане» имеет к городу прямое отношение.

Крони молчал. Он понимал, что с каждым часом приближается тот момент, когда он скажет им «до свидания» и протиснется в узкую дыру под скалой, откуда начинается спуск к городу. Он

должен был вернуться, а это было так близко к смерти, с которой он был не в ладах и раньше. Теперь же она казалась зловещей гадиной, во снах принимавшей образ ласково говорящего Мокрицы или старухи у квартального бассейна, которой он отдал кусок мыла. Крони начинало казаться, что он не сможет дышать тем воздухом, что его будет рвать, выворачивать наизнанку от тех запахов, и он начинал испытывать недоброжелательность к Гюнтеру, сидевшему за рулем вездехода, за то, что тот поделился с ним своим разумом. Крони было жалко себя. Мозг, накормленный новыми знаниями, протестовал против того, что ему предстояло, и из жалости к себе возникало ощущение одиночества, отстраненности, подобное тому, что может испытывать человек, всходящий на эшафот и не желающий разыскивать в толпе лица избежавших ареста товарищей, единомышленников, потому что они останутся живы.

Город остался справа, они подъезжали к лагерю той же дорогой, которой четыре дня назад брел Крони. Солнце распласталось над лесом и было багровым.

— Завтра будет ветер, — сказал Гюнтер.

— Да, — сказал Макс.

— Мне теперь есть с кем говорить по-немецки, — сказал Гюнтер, подгоняя вездеход к ряду машин, стоявших у большой палатки мастерской. — Мою сентиментальность не выразишь на терра-лингве. Это язык для бездушного Макса.

Крони разыскал Круминьша в лаборатории у Такаси.

— Вилис, — сказал Крони. — Я хочу с вами поговорить.

— Ты будешь говорить здесь? — спросил Круминьш.

Такаси составлял консервант и был похож на мясника в блестящем фартуке и длинных, с раструбами, перчатках.

— Да. У меня нет секретов, — сказал Крони. — Мне надо вернуться в город.

Круминьш молчал. Крони было бы приятнее, если бы он сказал что-нибудь вроде: «Тебе надо отдохнуть, набраться сил, не спеши». Ничего такого Круминьш не сказал. Он смотрел на Крони, чуть склонив голову, всем своим видом изображая внимание.

— Я вернусь в город и скажу людям, что наверху можно жить. Что их проклятый мир не ограничивается каменными стенами и мокрыми туннелями. Я выведу людей наверх, чего бы это мне ни стоило.

Круминьш ответил не сразу. Как будто ждал продолжения. Потом спросил:

— И к кому вы пойдете, Крони?

— К людям. Я скажу...

— Вы, очевидно, имеете более конкретный план, — сказал Круминьш. — Я надеюсь, что вы его имеете.

— Я не задумывался, — сказал Крони, охваченный идиотским чувством ученика, не выучившего урока и стоящего перед доской с непонятными уравнениями, а учитель следит за тобой со снисходительной жалостью. Это было чужое воспоминание, потому что трубарь никогда не ходил в школу.

— Я думал о том, как вам, Крони, действовать в дальнейшем, — сказал Круминьш. — Конечно, вы правы. Надо найти какой-то по возможности безболезненный путь, чтобы вернуть планету вашим людям. Но вы понимаете, что столкнетесь с оппозицией? Есть инерция, убеждение людей в единственности их мира. Вы попадете в положение сумасшедшего для большинства и опасного человека для тех, кто хочет сохранить власть. Они сделают все, чтобы вас убрать, чтобы стереть саму память о вашем появлении. Со временем они проверят, так ли все обстоит, как вы сказали. Они вышлют разведку наверх, и можно представить, что лет через двадцать-тридцать в подземном городе будет все как прежде, зато на поверхности появятся тайные дома для сильных, сады, в которых они будут держать своих детей, потому что подземный климат плохо отражается на их здоровье. Остальные останутся в неведении, и бунты их будут подавляться. Восстание вообще трудно устроить в мире, разделенном на этажи.

— Но ведь так не может продолжаться вечно, — сказал Такаси. — Так не должно быть. Будет другой Крони... третий.

— Но когда? И в истории Земли бывали периоды, когда миллионы людей находились в условиях никак не лучших, чем жители подземного города.

— Нет, — сказал Крони. — Не может быть. — Но память Гюнтера подсказала — могло.

— Я полагаю, — продолжал Круминьш, — что после того, как первый из директоров побывает наверху, круг посвященных будет непрерывно расширяться. Нельзя допустить, что лишь маленькая кучка людей будет выползать погреться на солнышке. Кто-то должен обслуживать их, строить наземный дом, разводить наземный огород. Об этом узнают стражники, доверенные инженеры, и ваш мир постепенно начнет изменяться. Но пройдет много лет и прольется немало крови, прежде чем подземный город будет окончательно покинут.

Крони слушал его и за сухими словами Круминьша видел тунели, по которым ползут и погибают люди. Он видел умирающего Леменя и крыс, выходящих на улицы.

— Я все равно пойду, — сказал Крони. — Мне, правда, хотелось пожить здесь еще, но я пойду.

Крони попытался улыбнуться, но улыбки не получилось.

— Подожди, — сказал Круминьш. — Мы понимаем тебя, Крони. И пожалуйста, не воображай, что ты отправишься туда сам по себе. Тебе одному не справиться.

— Я пойду с тобой, — сказал Такаси.

Такаси позвал Крони и Наташу в воронку, охотиться на рыбу. «Туда, где ты проваливался», — сказал Такаси. Он выпросил у Станчо высокие сапоги и большой ковш. Крони согласился. «Странно, — подумал он, — Наташа не так уж и похожа на Геру, что прячется в увешанной старыми тряпками норе, которая казалась верхом роскоши бедному трубарю».

Такаси отдал Крони бадью, в которой собирался тащить обратно добычу. Сам взял все остальное. Наташа утонула в высоких сапогах, и идти ей было неудобно.

— Я лучше надену скафандр, — сказала она. — Без шлема.

— Вы наивны, принцесса, — ответил Такаси. — Кто будет отмывать скафандр от грязи? Спроси у Крони, он уже там купался.

— За мной погнался тигр, как только я вылез, — сказал Крони.

— Станчо подарил шкуру Кирочке, — сказал Такаси. — Тебе не жалко?

— Он спросил моего разрешения, — сказал Крони. — Мне не жалко. Мне удивительно, что я одолел тигра.

— Ты хотел бы отнести шкуру Гере? — спросила Наташа.

— Она бы не приняла ничего из рук трубаря, — сказал Крони. — Ты забыла, что она — дочь директора.

— Это мне ни о чем не говорит, — засмеялась Наташа. — Но открою тебе тайну. Мой отец очень важный директор. На Земле. А дедушка очень важный писатель. А родители вот этого японца никогда в жизни не покидали своего городка на Хоккайдо.

— Ну, вы — другое дело, — сказал Крони.

— Наташа, — сказал Такаси, — можно я остаток пути понесу тебя на руках? Я преклоняюсь перед твоей родословной.

— Неси свои лопаты. Большего ты не заслуживаешь, — сказала Наташа. — А мне вашу Геру жалко, — добавила она без всякой связи с предыдущим. — Когда она выйдет, я буду о ней заботиться.

Часа за три они вытащили из грязи трех рыбин, уморились, измазались и уселись отдохнуть на валу, что окружал воронку. Такаси с Наташей все шутили и спорили. Крони улыбался и поддерживал разговор, но порой так углублялся в мысли, что переставал слышать спутников.

Неожиданно из тростников вышло привидение.

Они не заметили, что опустились глубокие синие сумерки и привидение вобрало в себя синь этих сумерек и зажгло его изнутри. Что-то привлекло его к воронке. Может быть, шум и чавканье

грязи. И теперь оно остановилось в нерешительности на краю тростников, и казалось, что стебли прорастают сквозь него.

— Ой, — прошептала Наташа.

Крони, уже знакомый с привидениями, удивился ее испугу. Как она могла бояться привидений?

Такаси приподнялся, прикрывая девушку, а Крони шепнул:

— Не пугай его. У нас ничего нет съедобного? Оно голодное.

Привидение увидело людей и скользнуло в тростники. Было видно, как голубым облачком оно растворяется в зарослях.

— Оно голодное, — повторил Крони. — Я думаю, что оно выбралось из подземелья вслед за мной и заблудилось.

— Что это такое? — спросил Такаси.

— Привидение, — сказал Крони. — Когда я искал библиотеку, встретил одно. Привидения понимают человеческий язык. Но они не говорят.

Ночью, когда следопыты, Круминьш и Крони обсуждали план действий на завтра, а Такаси с Анитой проверяли, насколько успешно электронный мозг усвоил язык подземелья, Наташа взяла кусок хлеба и ведро с супом и вынесла на склон холма, за зону защиты.

Утром оказалось, что суп съеден, а хлеб пропал.

Утром все собрались у скалы, под которой был лаз.

Возникла некоторая суета, словно Крони собирался поставить рекорд и его окружали болельщики, тренеры, секунданты и судьи.

— Ты похож на рождественскую елку, — сказал Гюнтер.

Внешне Крони выглядел нормально. Правда, одежду трубаря пришлось выкинуть — от нее остались лишь лохмотья. Девушки перешили рабочий костюм археолога так, что издали он мог сойти за одежду инженера. Спереди комбинезон был на «молнии», и достаточно было двух секунд, чтобы извлечь подвешенный под мышкой парализующий бластер — плоский и легкий. На ручке бластера было выгравировано: «Гюнтеру от признательной Греты». Смысл надписи Гюнтер объяснить отказался, но настоял, чтобы Крони взял именно его бластер, а не стандартный экспедиционный. В воротник вшили микрофон, и поэтому любое слово, сказанное Крони или произнесенное в его присутствии, становилось немедленно известным наверху. Телевизионный глаз передатчика помещался над левым верхним карманом комбинезона, а второй, страхующий, на поясе, который сам по себе был чудом изобретательности следопытов. В нем отлично размещались медикаменты, включая достаточное количество дезинфицирующего пластыря, чтобы обклеить Крони с ног до головы,

неприкосновенный запас пиши, спрессованной в таблетки и могущей прокормить группу из десяти прожорливых мужчин в течение двух недель. Там же умещался гибкий кинжал и набор инструментов, который мог пригодиться как профессиональному взломщику, так и самодеятельному строителю вездехода. В ухо была вставлена горошина динамика связи, а в карманах лежали всяческие разности вроде очков, позволяющих видеть в полной темноте. Крони был экипирован на славу.

Он был польщен таким вниманием. Хорошо, если знаешь, что друзья слышат каждый твой вздох, каждое твое слово, а если будет плохо, ты можешь их позвать на помощь.

— Ну, трубарь, — сказал Такаси, — пошли?

Он спускался с Крони на два яруса вниз, где устроили промежуточную базу. Такаси был в скафандре и шлем держал в руке, словно запасную голову. Он должен был выступать в роли резерва.

— Я вас поцелую, — сказала Наташа.

Наташа сначала поцеловала Крони. Она была с ним одного роста, и поцелуй попал в угол губ, и это было странное и острое ощущение. Последними словами Крони, перед тем как он шагнул вниз, были:

— Меня еще никто в жизни не целовал.

Глава 4

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТРУБАРЯ

Госпожа Гера Спел, милостью бога Реда дочь директора Спела, горько плакала. Она плакала, потому что жизнь ее завершалась бессмысленно и мучительно.

Она лежала в постели, было зябко, и она никак не могла решиться скинуть с себя одеяло, сшитое из крысиных шкур. От одеяла дурно пахло, но когда она сказала об этом отцу, тот поморщился, как будто она упомянула о чем-то неприличном, и заметил:

— Тебе мерещатся глупости. Это от болезни.

Господин директор Спел свыкся с болезнью и неизбежной скорой смертью дочери. Ее мать тоже кашляла кровью и умерла от этого, и доктор сказал, что медицина не знает никаких средств против этой болезни, которая гнездится в груди и недоступна мазям и примочкам. Директору Спелу было горько сознавать, что дочь его не родила ребенка, что так нелепо и позорно для доброго имени древнего рода Спелов кончилась история с ее женихом, дело которого, состряпанное Мокрицей, не удалось замять. И оно показало всем, что Спел уже не самый сильный человек в городе.

Гера лежала под крысиным одеялом и разглядывала знакомые замысловатые подтеки и трещины на потолке спальни. Гера никак не могла примириться со смертью, и в кошмарах, которые ей теперь снились каждую ночь, она видела, как карабкается по туннелям, потому что впереди должен быть свежий воздух и много света, и Город Наверху. Виноват был тот трубарь. Трубарь Крони. Она почему-то запомнила его имя, хотя никто не запоминает имен трубарей. Он был странный человек, этот Крони, и ей было жалко, что он умер в туннелях.

Надо было вставать и начинать новый бесконечный день. Гера разрывалась между ожиданием, что наступающий день может оказаться последним, и страхом перед бесконечностью этого дня, который надо пережить. Она отсчитывала, задерживала минуты и как-то даже разбила водяные часы, смутно подозревая их в злонамеренности. Но день все равно кончился, и, укладываясь спать и дрожа перед жестокостью ночи, Гера каждый раз испытывала благодарность к собственному телу, одолевшему еще один день.

Она иногда пыталась призвать себе на помощь образ рассудительного и язвительного Леменя, которого она не заметила бы, если бы он был знатным, и не полюбила бы, если бы ему не грозила смерть. Но появление трубаря, который принес железный знак, поставило точку на существовании инженера Леменя. Лемень растворился в прошлом, и хотя Гера могла заставить себя вспомнить черты его лица или манеру говорить, вызвать в памяти Леменя целиком она была уже не в состоянии: потерялись какие-то ниточки-пружинки, объединяющие голос, улыбку, манеру хмуриться, походку человека, которого она любила и из-за которого сказала отцу, что уйдет в Бездну с ним вместе, и отцу пришлось запереть Геру в подвале и поставить у подвала стражу. Тогда у нее и обострилась болезнь.

Гера поднялась. Ей было холодно, и голова закружилась так, что она еле успела сделать шаг к ледяной стене и опереться о нее. Она вынула из стенного шкафа — каменной ниши, обшитой ошметками пластика, — длинное платье. Она выбрала светлое, чтобы не так бросалась в глаза ее бледность. Теперь надо было набраться сил, чтобы причесаться, вымыть лицо. Все это требовало усилий, но придавало жизни какую-то значимость.

В умывальне было тепло, и руке было приятно дотрагиваться до горячих труб. Раньше у Геры была служанка, старая уже женщина, которая когда-то ходила и за ее матерью. Но служанка умерла как раз в те дни, когда разыгралась история с Леменем. А новой отец брать не стал: все равно дочь скоро умрет и не может быть выдана замуж. Гера, привыкшая соглашаться с неумолимой логикой отца, поняла его и не обижалась, хотя порой ей бывало трудно и хотелось, чтобы рядом кто-то был... Кто-то живой. Оставался брат, непутевый, не верящий никому и не вызывающий доверия. Брат любил ее. Но мог забыть о Гере и не появляться месяц, особенно теперь, когда обстановка была, по его словам, напряженной и офицеры тайной стражи часто оставались в казармах. Но в конце концов он приходил, и тогда Гера старалась делать вид, что ей лучше, и говорила с ним о пустяках — брат боялся говорить о чем-либо еще.

Послышался стук. Кто-то стучал в заднюю дверь, выходящую в переулок. Этой дверью пользовался только брат, но у брата был свой ключ. Может, он потерял ключ? Гера хотела открыть дверь, но вдруг испугалась. Это могли быть бандиты. Хоть отец и говорил, что им не проникнуть на верхние уровни, страх не проходил.

Гера стояла в нерешительности. Она могла подойти к переговорной трубке и вызвать отца или брата. Но какой глупой будет выглядеть она, если окажется, что это всего-навсего Спел.

И потому Гера выбрала третий путь. Она села в кресло и решила подождать, что будет дальше. Решение ничего не делать успокоило. Это было все-таки решение.

Стук прекратился. Гера ждала. Она вдруг поняла, что хочет, чтобы кто-нибудь пришел к ней. Хоть кто-нибудь, хоть бандит. Она уже три дня не видела ни одного человека. И испугавшись, что тот, за дверью, уйдет, она вскочила с кресла и побежала к задней двери. Но не успела добежать.

Как только она переступила порог маленькой гостиной, портьеры, ведущие в переднюю, раскрылись и с другой стороны в гостиную вошел человек.

Человек был ей знаком.

— Здравствуйте, милостивая госпожа, — сказал человек. — Да хранит вас бог Ред.

— Как вы сюда попали?

— Через дверь, — сказал человек, и тогда она поняла, что это — трубарь Крони.

— Ты — трубарь? — спросила она, потому что перемена, происшедшая с ним, была настолько разительна, что разрушала установленный порядок вещей, при котором трубарь всегда остается трубарем.

И дело было не только в том, что Крони был пострижен, изысканно и богато одет и лицо его, в морщинах и складках которого, как ни отмывай, должна оставаться впитавшаяся в кожу грязь и сажа, стало гладким и чистым. Крони был другим человеком, потому что вел себя как другой человек.

— Я трубарь, — сказал Крони. — Ты позволишь мне сесть?

— Садись, — сказала Гера. — Но ты ведь мертв.

— Почему? — удивился Крони, усаживаясь в кресло, правда, не раньше, чем в кресло опустилась Гера. — Я жив.

— Но Спел сказал...

— Спел не верил, что я дойду. А я дошел и вернулся.

— Зачем?

— Чтобы помочь другим и тебе. Мне жалко тебя.

Гера подняла брови. Это было оскорбление. Грязный не может жалеть госпожу, ибо лишен этого чувства.

— Как ты смеешь, — сказала она размеренно, наслаждаясь давно забытым ощущением власти над людьми. — Как ты смеешь испытывать благородное чувство...

— Сейчас вы скажете, Гера, — перебил ее Крони, выставив перед собой ладонь и словно закрываясь от ее слов, — что я — вонючий трубарь. Что вы позовете стражу и пожалуетесь отцу. Не надо. Вы же видите, что я вернулся оттуда, и там, — Крони показал вверх, — никто ни разу не назвал меня вонючим трубарем. И поверьте мне, госпожа, что люди наверху богаче, сильнее и вашего отца, и Мокрицы, и всех директоров, вместе взятых.

— Ты в самом деле был там?

— А откуда у меня все это?

— Ты кого-то ограбил, ты украл все это. Я знаю, ты украл.

Правда была невероятна, и Гера защищалась от нее.

— Послушайте, Гера, — сказал Крони. — Вы же образованная девушка...

— Не тебе судить о моем уме!

Гера испугалась трубаря. Она сама придумала, что он ограбил кого-то, что он убийца — ведь все трубари лживые, — и теперь Крони на глазах превращался в бандита, черты лица его складывались в злую гримасу, и он грозил ей...

Не выдержав встречи с невероятным, Гера проваливалась в тошнотворное озеро обморока, который не дарит благодатного небытия, а держит между действительностью и беспамятством.

Крони смотрел на нее в растерянности. Он видел, что с девушкой что-то неладно. Такой встречи он не ожидал. Он не подумал, что за тонкой маской знатной госпожи скрывается боль, растерянность и страх смерти, и ложно истолковал ее слова и действия.

Девушка еще смотрела на него, но глаза ее уже не видели трубаря, а замыкались на внутреннем мире кошмаров и неминуемой боли. Кисти ее рук лежали и казались голубыми.

С того момента, как Крони, потеряв терпение, открыл дверь отмычкой и встретил Геру, он был поражен ее видом. И виной тому была не столько болезнь, которая успела многое сделать за прошедшие дни, а то, что образ Геры оторвался от самой девушки и воспоминание смешалось с улыбкой Наташи, родился новый, скорее идеальный образ, которому Гера не соответствовала. Она оказалась и меньше ростом, и худее, и бледнее, чем должна

была быть. Одежды ее, показавшиеся трубарю столь роскошными, были ветхи, и застиранные пятна на них были видны даже при том скудном освещении, которое казалось ослепительным неделю назад. И лицо Геры было не голубым, а землистым и не очень чистым — это было лицо подземного жителя. Реальный облик Геры, хоть был неожиданным и горьким, не привел к разочарованию, лишь вызвал жалость и желание прижать ее к груди и успокоить. Он не удержался и сказал об этой жалости вслух, а реакция на его слова была холодной и презрительной. Крони ожидал какой угодно встречи, но не такой. И растерянность, желание спрятаться в раковину показались ему врожденной спесью, к которой не подберешь ключа.

И вдруг Крони понял, что Гере плохо, что она теряет сознание, и когда голова ее упала, запрокинувшись на спинку кресла, и на углах губ показалась розовая пена, он бросился к Гере, опустился перед ней на колени, и рука его замерла в воздухе, потому что надо было что-то срочно предпринять, а Крони забыл о том, что он не один. И неизвестно, сколько бы он стоял на коленях, ощущая, как замерло вокруг время и он как бы подвешен внутри прочной и глухой сферы.

— Крони, — защекотало в ухе, и трубарю понадобилась секунда или две, прежде чем он понял, чей это голос. — Мы здесь, — сказал Круминьш. — Не бойся, мы все слышим и видим! Я передаю микрофон Аните.

— Крони, милый, — сказала Анита, вздохнула в микрофон, и Крони представил ее широкое, доброе лицо, на котором кружками нарисованы карие зрачки. — Не волнуйся. Как только мы поднимем ее наверх, мы ее вылечим. Я ручаюсь.

— Спасибо, — сказал Крони. И он был благодарен Аните не столько за слова, сколько за то, как они были сказаны.

— А пока, — сказала Анита, — сделай следующее. Гюнтер говорит, что прямо под правой рукой в твоем поясе есть карман. Вынь три красные пилюли и растворите их в воде.

Для того чтобы Гера выпила лекарство, ему пришлось приподнять ее голову. Волосы на затылке были мягкими и теплыми, и голова послушно поднялась.

Гера стискивала зубы, и Крони уговаривал ее шепотом:

— Пей, пожалуйста, пей. Это не горько. Это тебе поможет.

Губы шевельнулись. Гера глотнула и поперхнулась.

— Ну что ты, — сказал Крони. — Не спеши. Это вкусно.

Гера балансировала на неустойчивой планочке, протянутой между забытьем и реальностью. Голос Крони, рука, поддерживающая ее затылок, и вкус напитка сливались в умиротворяющую картину, сродни доброму сну. И когда, выпив напиток и ощущая, как он наполняет ее ласковым теплом, она открыла гла-

за, то близко, совсем рядом увидела глаза Крони и не испугалась, потому что они были добрыми.

И они замерли оба. Как будто боялись спугнуть это мгновение.

Крони услышал, как в ухе пискнул голос Аниты:

— Теперь ей будет лучше.

Но голос Аниты был чужим, он только мешал сейчас, и Анита поняла и замолчала.

— Что это было? — спросила Гера, не открывая глаз.

— Лекарство, — сказал Крони.

Гера чуть кивнула.

— Гера, — сказал Крони.

— Что?

— Я поднялся наверх, — сказал Крони. — И дошел до города.

Гера молчала. Впервые за много дней ей было тепло.

— Города нет, — сказал Крони. — Город разрушен.

— Я знала. Нам говорил учитель. И отец.

— Города нет. Он разрушен. В самом деле была война. Но главное не в этом. Все остальное, к счастью, ложь.

— Что ложь?

— Ложь то, что наверху такая же пещера, как и здесь, только обширней. На самом деле там нет пещеры. Там поверхность.

— Поверхность?

— Ну как объяснить это тебе? Поверхность — это когда нет потолка.

— А где потолок?

— Потолка вообще нет. Представь себе шар. Сейчас мы с тобой внутри шара. А поверхность — это то, что снаружи.

Гера не стала спорить.

— Как хочешь, — сказала она сонно.

— Дай ей одну желтую пилюлю, — сказала Анита. — Мне не нравится ее голос.

— Что это?

— Проглоти, — Крони протянул Гере пилюлю.

Гера подчинилась.

— Говори, — сказала она.

— Там не осталось людей. Твой учитель прав. Но жить наверху можно.

— Город разрушен, — сказала Гера. — И если выйти туда, заболеешь смертельной болезнью.

— Скорее заболеешь здесь, — возразил Крони. — В норе. Посмотри на себя. Там лес, солнце, ветер, деревья, озера, и эти слова ничего тебе не говорят?

— Почему? — сказала Гера. — Я знаю слово «озеро», и слово «ветер», и слово «лес». И слово «солнце». Эти слова я слышала. Ведь говорят же: яркий, как солнце. И говорят: густой, как лес.

— А что значит — густой, как лес?

— Это значит — очень тесный, — сказала Гера.

— Слова потеряли свое значение. Но у слов память длиннее, чем у людей. Так слушай: солнце — это раскаленный шар, вокруг которого вращается все — и ты, и я, и наш город, и Город Наверху. Лес — это когда рядами стоят деревья. Озеро — это столько воды, что предметы на том берегу еле можно различить. А ветер — это такая масса воздуха, что она может сбить человека с ног и сорвать крышу с дома. Ветер несет с собой небесный дождь...

И Крони понял, что куда лучше смог бы объяснить это на другом языке. В его родном и на самом деле не хватало слов. А те, что были, изменили свой смысл.

— А кто же дал тебе одежду?

— Люди. Но другие люди. Они прилетели сюда со своей Земли, потому что думали, что здесь никто не живет.

— Они захватили Город Наверху?

Беспокойство, которое прозвучало в голосе Геры, было абстрактным. Она как будто слушала увлекательную сказку, действие которой никак ее не касалось. В ней говорилось о людях, что прилетели откуда-то. Наверно, на крыльях, как летучие мыши. Летучие мыши редки в подземном городе, но у отца в кабинете есть одна, высушенная. Крони побывал в сказке и вернулся, как сказочный герой, переродившийся в Огненной Бездне и ставший прекрасным директором.

— Им не нужен наш город, — сказал Крони. — У них есть свой. Они ищут старые вещи. Потому что им нужно знание. Они хотели узнать, какими мы были и что случилось с нами.

— Им нас жалко?

— Гера, ты не веришь мне?

— Я стараюсь. Продолжай.

— Они готовы нам помочь выйти наружу, жить, как положено людям. Как мы жили когда-то. И они поделятся с нами своими знаниями и помогут. Я верю им.

— А зачем они это сделают? Зачем мы им?

— Потому что они хотят нам помочь.

Порой труднее растолковать очевидное. То, что у самого тебя не вызывает сомнений.

— Но что мы дадим им взамен?

— Ничего, — сказал Крони.

Гера склонила голову с видом умудренной жизнью старухи. Трубарь оставался ребенком. Все простые похожи на детей. Они доверчивы и непостоянны.

— Они ждут, пока я поговорю с тобой и с твоим братом и найду инженера Рази.

— Почему они не пришли сами?

— Потому что сначала должен прийти я. Ведь люди испугаются, если увидят чужих.

— А они страшные?

— Нет, они такие же. Среди них есть девушка, похожая на тебя.

— И как ее зовут?

— Ее зовут Наташа.

— Наташа, — с трудом выговорила слово Гера. — Некрасивое имя.

— Нет, — сказал он. — Очень красивое имя.

Это имя услышал Такаси, сидевший в темном туннеле верхнего яруса, у заваленного лифтового колодца. Он непроизвольно улыбнулся, потому что ему тоже нравилось это имя.

Анита, стоявшая наверху, под импровизированным тентом, тоже улыбнулась, потому что уловила неприязнь в голосе Геры, которую не отметил динамик электронного мозга, тщательно, но без интонаций переводивший диалог трубаря с Герой. А Станчо, чинивший экскаватор, который должен был расширить лаз, но сломался, громко засмеялся и сказал:

— Наташа, меняй имя. Красивое имя Снежана. Тебе нравится?

— Нет, — сказала Наташа, — это тебе нравится.

— Конечно, — сказал Станчо. — Я с ней знаком. Она моя невеста.

— Иди к моему отцу, — сказала наконец Гера. — Он старый человек, и он скажет, что тебе делать.

— Ты не веришь в то, что наверху.

— Я хотела бы верить. Может, ты и прав. Вот переговорная трубка. Вызови отца.

— А ты уверена, что он согласится, чтобы люди вышли наверх?

— Все?

— Конечно, все.

— И те, кто внизу? И шахтеры, и ткачи, и трубари?

— Ну конечно же, им хуже, чем прочим.

— А кто будет работать?

— Мы все будем работать. Наверху.

— Не знаю, — сказала Гера. — Наверно, отец не согласится.

— И я так думаю. И он прикажет меня убить.

— Может быть, — сказала Гера. — Я об этом не подумала.

— И ты будешь вызывать отца?

— Нет, — сказала Гера. — Не буду. Я позову брата.

Телевизионный объектив смотрел вперед, и все наверху видели, как Гера поднялась с кресла, чтобы подойти к спрятанной в стенной нише переговорной трубке.

— Бледная, — сказал о Гере Гюнтер, который был из тех больших, добрых, сентиментальных людей, кто подбирает на улице брошенных щенят и перевязывает крылья птенцам, выпавшим из гнезда.

— Очень далеко зашла болезнь, — сказала Соломко. — Девушку нужно срочно госпитализировать.

— Удивительное сочетание археологии с медициной, — заметил Макс Белый. — Вам повезло, Анита.

— Не шутите, — сказала Анита. — Не время для шуток.

— Для шуток всегда есть время, — не согласился с ней Макс и пошел помочь Станчо запустить экскаватор.

Гера сказала в переговорную трубку:

— Тайная стража? Господина Спела-младшего.

Она ждала, пока ее соединят, чувствовала взгляд Крони и постаралась представить себе поверхность, на которой бушует большой ветер и раскачивается лес, схожий со сталактитами.

— Господин Спел просил сказать, что крайне занят, — послышался голос в трубке.

— Передайте ему, что это важно. Слышите, важно. Его вызывают из дома.

Она прикрыла трубку ладонью и спросила Крони:

— Сказать ему, что у нас гость?

— Не надо, — ответил Крони. — Люди Мокрицы могут подслушать.

— Это ты, Гера? — послышался голос Спела. — Что стряслось?

— Послушай, брат. У меня к тебе срочное и очень важное дело. Ты должен немедленно прийти.

— Ох, — вздохнул брат. — Тебе опять плохо?

— Мне хорошо. Я себя отлично чувствую.

— Гера, я сейчас ухожу на задание. На очень важное задание. У меня нет времени с тобой разговаривать. Я вернусь вечером, и поговорим. Ладно?

Спел старался не ссориться с сестрой.

— Как я зла на тебя, — сказала Гера. — Когда я в последний раз просила, чтобы ты пришел? Вспомни.

— Ну, когда накрыли твоего Леменя. А что, он ожил?

— Спел, приходи немедленно. Немедленно. Забудь обо всем!

— Погоди... — Спел был встревожен.

Гера швырнула трубку и закрыла переговорную нишу.

— Он сейчас придет, — сказала она.

На щеках у нее появились красные пятна, и она кашлянула, будто поперхнулась.

Спел стукнул три раза, и Крони услышал, как лязгнул замок.

Гера пошла встретить брата.

— Что с тобой? — Спел был зол. — Мне Мокрица голову оторвет. Он и так смотрит на меня крысой, с тех пор как мы украли трубаря.

— Проходи, — сказала Гера. — Есть дела поважнее, чем твой Мокрица. Я хочу, чтобы ты встретил нашего общего знакомого.

Спел отмахнулся, не вслушиваясь. Он продолжал, входя за сестрой в гостиную:

— Пойми же, сейчас мы уходим. Мы нашли инженера Рази. Помнишь, того, что с Леменем был? То и есть наш человек...

И в этот момент Спел увидел Крони.

— Ты! — сказал он.

И рука потянулась к поясу.

— Не сходи с ума, — сказала Гера. — Ты сам привел когда-то этого трубаря. Ты сам увел его отсюда. Чего удивляешься? Это же привидение.

— Привидение, — Спел попытался улыбнуться, но ничего из этого не вышло.

— Красавчик, — сказала с осуждением Анита, глядя на лицо Спела, занявшее весь экран телевизора.

Спел приблизился к Крони. На шаг. И остановился.

— Где ты был? — зло спросил он, будто Крони его в чем-то ослушался.

Что произошло? — старался понять Спел. Вдруг весь этот маскарад — дело рук Мокрицы, который решил погубить Спелов? Но одежда была чужой — видно, трубарь все же побывал наверху. Значит, наверху живут люди и все, чему учили Спела раньше, — ложь. А что, если те люди — давние враги города и прислали Крони, чтобы отомстить за прошлое? В любом случае Крони был опасен. А раз так, лучше иметь его в друзьях. Если Крони пришел мстить, он будет сначала мстить Мокрице. Иначе зачем он доверился Гере? И, перебрав все эти варианты, Спел улыбнулся открытой мальчишеской улыбкой.

— Рассказывай, трубарь, — сказал он. — Где был, что видел?

— Я не трубарь. Не называй меня так, — ответил Крони.

В общем, ему было все равно, как его называют. Быть трубарем никак не хуже, чем стражником. По крайней мере, честный кусок каши. Но Спела надо было поставить на место. Он никогда не будет доверять Крони, но пойдет за ним, если почувствует силу. Об этом говорили еще вчера, на совещании в палатке.

— Не сердись, — дружески улыбнулся Спел.

— Тогда слушай, — сказал Крони. — Я был наверху.

Крони был краток. Ему помогают те, кто наверху. Он выведет людей наверх, к солнцу, но он хочет сделать это так, чтобы не было ненужного страха. Нельзя гнать людей наверх как перепуганное стадо. Нужно объяснить людям, нужно обезвредить Мокрицу и тех, кто хочет удержать людей в своей власти.

— А тебе никто не поверит. Я тоже не верю, — сказал Спел.

— Поверишь, — ответил Крони. — Где инженер Рази?

Археологи наверху, сгрудившись под тентом, замерли перед экраном. Дождь молотил по тенту. Станчо прикрыл экскаватор пластиковым чехлом, и тот казался синим неуклюжим зверем, подстерегающим кого-то над черной дырой.

— Мы его поймаем сегодня, — сказал Спел.

— А старик? — спросил Крони.

— Помер.

— Сам?

Спел удивился.

— У Мокрицы сами не умирают. Он этого не любит.

— Это был хороший старик, — сказал Крони. — Он имел убеждения. И не отрекался от них.

— Ага, — согласился Спел равнодушно. — Мы его потом опознали. А Мокрица не поверил, что ты стражника задушил. И сейчас не верит.

— Он прав, — сказал Крони.

— Кто тебя знает? Каждый человек может убить другого. Если нужно. Мокрица думал, что я украл опознавательный знак Леменя. Но я все свалил на тебя. Ты не в обиде?

— Чего же обижаться? Если бы ты не заметил знака, мне бы от Мокрицы не уйти.

Спел подумал, что это справедливо и выгодно ему.

— Ты мне жизнью обязан, — сказал он. — Я твой спаситель.

— Ты обо мне тогда не думал. О себе думал и о сестре. Не хотел, чтобы у Мокрицы оказался в руках человек, который знаком с Леменем.

Гера ходила по комнате, как будто не догадываясь сесть. Она почувствовала возбуждение и бодрость, чего с ней не было давно, и ей хотелось перемен, которые разрушат ее темную нору.

— Ушел твой Рази и, видно, добрался до оружия. Нам одноглазый рассказал.

— Кто?

— У Мокрицы везде есть люди.

— Как зовут одноглазого?

— Откуда мне знать? Мокрица устроил большую облаву в городе. Поднял всю стражу. Всех квартальных.

— И чем кончилась облава?

— Ничем. Мы окружили дом. Все шло по плану. Крысоловка захлопнулась. А в ней пусто. Ни души. Кто-то их предупредил.

Спел находился в странном положении, хотя сам этого не

сознавал. Борьба с бандитами, чтецами, бунтовщиками была, на его взгляд, справедлива. Жалости к бунтовщикам он не испытывал. Того же, кто руководил этой борьбой, он ненавидел. А рассказывал об этом Крони, который был врагом не только Мокрице, но и Порядку, а значит, и Спелу.

— Дальше, — сказал Крони, как человек, который имеет право спрашивать.

— Мокрица догадался, что ты успел передать инженеру Рази план города Предков. И инженер с его людьми спрятался там. Сегодня мы идем к ним. И Рази от нас не уйдет.

— Ты хочешь, — сказала Гера, становясь перед братом и глядя ему прямо в глаза, — и дальше быть на побегушках у Мокрицы, пока он не решит от тебя отделаться?

— Мне у него неплохо, — буркнул Спел. — Не тронет он меня.

— Как пойдет облава? — спросил Крони.

— С двух сторон. Один отряд спускается через служебные туннели. Второй идет от рудников. Над теплостанцией будет засада, в которую они попадут, когда будут бежать. Больше я ничего не знаю.

— Уже кое-что, — сказал Крони. — И на том спасибо.

— Я должен идти, — сказал Спел. — Вы же не хотите, чтобы Мокрица что-то почуял? И не советую тебе, Крони, идти вниз. Ты их не спасешь. А сам попадешь в ловушку.

— Когда начало облавы?

— Через три часа... теперь уже меньше.

— Счастливого пути, Спел. Не суйся под пули.

— Какие пули?

— Ты забыл, что в городе Предков есть оружие?

— Оружие... Да они и стрелять не умеют.

Спел не хотел показывать, что обеспокоен. Он погладил сестру по плечу и сказал: «Не болей».

Этот жест вызвал у Крони нечто вроде симпатии к стражнику.

— Что ты будешь делать? — спросила Гера, когда за Спелом хлопнула дверь. — Пойдешь вниз? Даже если я скажу тебе остаться, ты все равно пойдешь вниз?

— Да, — сказал Крони.

— Я бы не хотела, — сказала Гера.

У нее была привычка смотреть людям в глаза, будто она могла читать, что в них написано.

— Я бы хотел, чтобы так смотрели на меня, — сказал Станчо.

— Просто у нее такая манера, — сказала Анита Соломко, которая разливала кофе из термоса по чашкам. — Она, наверно, очень близорукая, но не догадывается. У них же нет очков.

— Ты не хочешь, чтобы я уходил? — спросил Крони.

— Да. Люди уходят от меня и никогда не возвращаются. Их съедает тьма.

— Я вернусь, — сказал Крони.

Гера остановила его жестом.

— У тебя друзья, — сказала она. — Они сильные. Пусть идут они.

— И что тебе за дело до трубаря? — Крони был не совсем искренен. Ему хотелось, чтобы Гера возразила.

— Не в тебе дело, Крони, — ответила она серьезно. — Ты живой. А вокруг все мертвые. И Лемень был живой. Мертвые остаются и существуют вокруг. А живые умирают и не возвращаются. Когда тебя не было, я привыкла к тому, что и меня скоро не будет. Но ты вернулся и изменил мою жизнь. Мне не хочется умирать и не хочется, чтобы ты исчез в Бездне. Наверно, дело не в тебе, а во мне самой.

— Я вернусь, — повторил Крони.

И они услышали шаги. Твердые, уверенные шаги, которые уже приближались к спальне.

Гера замерла, оцепенела. Прошептала: «Отец».

Крони быстро отступил к двери, нырнул за портьеру и прижался к простенку со стороны прихожей.

— У тебя кто-то был, Гера? — услышал он низкий, уверенный в себе голос директора.

— Доброе утро, отец. Брат заходил ко мне.

— Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

— Да, отец. Спасибо.

— Странно, что брат приходил к тебе, — сказал господин Спел. — Он не должен был приходить.

— Я его звала.

Отец Геры мерно шагал по ковру, и Крони считал шаги.

— Ты хорошо выглядишь.

Крони непонятно было, осуждает он ее за это или радуется, что дочери лучше. Скорее всего, он просто отмечал этот факт, как отмечал перегоревшую лампу или сломанный лифт. Равнодушно, хоть и с некоторым раздражением, которому не позволял вылиться наружу.

— Отец, зачем ты пришел? Мне стало хуже, и я хочу лечь...

— Ты права. Мне тоже надо спешить. Какие бы ни были между нами размолвки в прошлом, ты — моя дочь и я твой отец. И надеюсь, что могу тебе доверять.

— Я тебе тоже доверяла, но ты предал меня.

— Я бы его не спас, зато погубил бы себя. Когда мы решаем в качестве примера остальным наказать кого-то, пути назад нет.

И окончательность последних слов ставила точку на прошлом. Господин Спел не намеревался к нему возвращаться.

— Полагаю, что скоро могут произойти неожиданные перемены.

— Я тоже так думаю, — сказала Гера.

— Ты? Тебе что-нибудь сказал брат?

— У меня предчувствие.

— Больных людей иногда посещают оправданные предчувствия, — серьезно сказал господин Спел. — Это свидетельствует о том, что они ближе к богу Реду, чем мы, здоровые.

— Но мое предчувствие говорит о Городе Наверху.

— Что? — отец не понял.

— Оно говорит о том, что пришло время уйти отсюда наверх.

— У тебя начинается бред. Ты же знаешь, что наверху нельзя жить. Мои опасения куда более реальны. Сегодня ранним утром состоялся Совет директоров. Его созвал Мекиль, хотя он не имеет права это делать. На совете он сказал, что внизу возникла опасность для всего города. Бунтовщики нашли склад с оружием, и в интересах города он потребовал контроля над рудниками, фабриками и станцией, контроля над жизнью всех. Включая директоров. Ты не удивлена?

— Нет, я же знаю Мокрицу.

— Я тоже знаю его, — сказал Спел. — И знаю, что его сказка о бунтовщиках рассчитана на то, чтобы испугать стариков, которых в совете большинство, и изолировать людей энергичных и влиятельных, тех, кто стоит на его пути, — меня, Калгара и некоторых других. И я боюсь. Потому что, если он добьется полной власти, мое будущее под угрозой.

— И ты пришел для того, чтобы рассказать мне об этом?

— И попросить твоей помощи. Есть еще одна вещь, до которой Мокрица хочет добраться.

— Я знаю.

— Тем лучше. Мокрица будет искать наши фамильные драгоценности. Он будет искать их у меня. Но он не знает о нише за твоей кроватью. Сегодня ночью, когда ты спала, я спрятал туда шкатулку. Я не хотел говорить тебе об этом. Но потом подумал, что придут ищейки Мокрицы и спросят, нет ли укромного места в твоих покоях. И ты, думая, что ниша пуста, покажешь ее. И тогда все погибнет.

Гера почему-то коротко засмеялась.

— Ты чего?

— Я бы им ничего не сказала. Там лежит прядь волос матери. И письмо от Леменя.

— Да? Я не заметил.

— У меня тоже просьба к тебе, отец. Когда я умру, положи эти вещи мне на грудь. Прядь и письмо. Пусть они сгорят вместе со мной.

— Я обещаю, — сказал господин Спел. — Если я не умру раньше.

— Нет, ты не умрешь.

— Я тоже так думаю, — сказал отец, не стараясь быть деликатным.

— Мы еще посмотрим, — подумал вслух Крони.

Он забыл о том, что лишь портьера отделяет его от той комнаты. И услышал грохот, рычание в соседней гостиной, словно дикий зверь бросился в его сторону. Крони отпрянул, прижался к стене.

Портьеры взметнулись, будто под порывом бури, низенький и очень толстый человек возник перед Крони. И удивительно было, что Крони увидел его не сразу, — он смотрел выше, туда, где, по его расчетам, должна была находиться голова человека, обладающего столь высоким титулом и таким глубоким голосом.

— Не стреляй! — Гера бросилась к трубарю, заслоняя его.

— Отойди! Ты всегда была развратницей, а теперь твоя похоть погубит нас всех!

— Господин Спел! — крикнул Крони. — Мне плевать на ваши драгоценности!

Ответом была пуля, пробившая портьеру и разбившая что-то в соседней комнате.

Анита, увидев черный зрачок пистолета, закрыла лицо руками. Остальные молчали. Любое слово, любой звук могли сбить с толку Крони, оказаться для него гибельными.

Но Крони спасла Гера. В тот момент, когда раздался выстрел и господин Спел замер, сам пораженный грохотом старого пистолета, она ударила его по руке, и следующий выстрел пришелся в потолок. Рухнула штукатурка. Белый туман окутал комнату.

Крони бросился на директора. Тугая кисть поддалась под нажимом, и пистолет выпал.

— На помощь! — крикнул Спел и закашлялся от пыли. Он бился, как огромный откормленный ребенок.

— Ударь его! — закричала вдруг Гера высоким, чужим голосом. — Ударь его! Пусть замолчит. Он хочет, чтобы прибежал Мокрица.

Но Крони не мог заставить себя ударить жирный и скользкий шар, который почему-то был отцом этой девушки, и не мог понять, откуда в Гере столь яростная ненависть к господину Спелу. А эта ненависть копилась давно, и в ней Гера не могла признаться даже самой себе. Сейчас она поднялась против отца, потому что он, лишивший ее столького, хотел убить последнюю ее надежду.

Вдруг господин Спел сдался. Он обвис на руках Крони, будто мешок с чем-то мягким и теплым.

— Плохо мне, — простонал он. — Больно. Сердце болит...

— Не верь ему, Крони, — сказала Гера.

Глаза ее были большими и горячими.

Крони подтащил Спела к дивану в гостиной, тот упал на диван, и его затылок глухо стукнулся о стену.

— Дай воды, — стонал он. — Я умру. Я обязательно умру...

Он очень боялся умереть — самый богатый человек в крысиной норе.

— Лежите спокойно, — сказал Крони и передал пистолет Гере. — Только не вздумай стрелять.

— Отнимите у нее, — молил Спел. — Отнимите. Она меня ненавидит!

— Он убил мою мать, он убил Леменя, он хотел убить тебя, — голос Геры был ровным и глухим.

— Отними, в самом деле натворит чего-нибудь, — услышал Крони голос Круминьша.

— Верни пистолет, — сказал Крони.

И Гера подчинилась. Она протянула пистолет на раскрытой ладони. И как только Крони взял его, ладонь бессильно упала.

— Спасибо, господин, — сказал Спел. — Спасибо.

Может быть, появление Спела было удачей. Возникла возможность поговорить с одним из хозяев подземелья, когда тот напуган Мокрицей.

Крони сел в кресло и положил пистолет на колени.

— Я не причиню вам вреда, — сказал он. — Но должен сказать, что я вам не доверяю.

И вдруг Спел усмехнулся. Поняв, что его не убьют, он сразу ожил.

— Неудивительно, — сказал Спел. — Ваше счастье, что я давно не стрелял. Что вы мне можете предложить?

— Новости, — сказал Крони.

— Это самое ценное, что есть в нашем мире. Я вас раньше не видел. Это странно. Вы любовник моей дочери?

— Это не имеет отношения к делу.

— Простите, имеет. От вашего отношения к моей дочери и к семье Спелов в целом зависит очень многое. Например, судьба моих драгоценностей. Я не верю в то, что вы настолько богаты, что можете отвергнуть наши деньги. Но если вы намереваетесь войти в нашу семью...

Спел замер посреди фразы, ожидая реакции собеседника. Потом перевел взгляд на Геру. Гера отвернулась.

— Я пришел сверху, — сказал Крони. — Вам достаточно поглядеть на меня внимательнее, чтобы убедиться в этом.

— Не вижу оснований...

И Спел осекся. Его глаза, уютно устроившиеся на сизых по-

душках щек, совершили быстрое путешествие по Крони, и это путешествие внесло разброд в мысли господина директора.

— Но наверху жить нельзя! — возразил Спел, ничуть не убежденный словами Крони. — Я не знаю, кому и зачем нужны ваши новости, но они вредные. Человек наверху умирает. Я знаю. Я читал секретные бумаги.

— Когда последний раз кто-нибудь поднимался наверх?

— Разве это важно?

— Да. С тех пор прошло много лет. И наверху можно жить. Куда лучше, чем здесь.

«Что ж, третий слушатель, — подумал Крони. — Я третий раз говорю те же слова. А скольких еще людей мне предстоит убеждать?»

— Если даже так, об этом лучше не знать.

Значит, Спел все-таки допускает, что Город Наверху есть. Но какие выводы он сделает?

— Я раньше жил здесь. Иначе как я познакомился с вашей дочерью?

— Может быть. Дочь моя всегда стремилась к знакомствам вне своего круга. Наверно, это наследственное. Ее мать была взята мною снизу. Она была дочерью инженера...

Спел добродушно развел руками. При этом он покосился на Геру и добавил:

— Это, разумеется, к вам не относится.

— Это относится ко мне в полной мере, — возразил Крони. — Раньше я был трубарем.

— Зачем ты ему это говоришь? — вмешалась Гера. — Он не поймет.

— Что же, — сказал Спел, игнорируя слова дочери. — Я был прав в отношении ее. Но должен вам сказать со всей искренностью, что и среди трубарей встречаются приличные люди. Трубарь тоже человек.

Речь Спела текла, как ручеек по гладкому полу. Слова выскакивали свободно, а мыслей за ними не было. Мозг был занят другим. Спел лихорадочно думал, какие выгоды извлечь из того, что узнал.

— Я знаю, что будущее наверху, — перебил его Крони. — И надеюсь, что вы, господин Спел, достаточно разумны, чтобы стать на мою сторону.

— Разумеется, — с готовностью согласился господин Спел. — Если жизнь наверху такова, как вы утверждаете — а вы действительно тот, за кого себя выдаете, — в будущем можно обсудить вопрос о постепенном переводе части населения в иные условия. Но это непросто. Вам приходилось встречаться с господином Мекилем?

— Послушайте меня, господин Спел. Вы похожи на вашего

сына. Страшнее Мокрицы зверя нет. Вы же сами отдали власть Мокрице, чтобы он защитил вас от бунтовщиков. А теперь страшно.

— Я предусмотрителен. Это не раз мне помогало.

— Вы надеетесь перехитрить вашего друга?

— Как только его выдумка с заговором лопнет, он проиграл. Если вас прислал он, можете так ему и сказать.

— Тогда я должен вас огорчить. Заговор существует.

— У бунтовщиков нет оружия.

— У них есть оружие.

— Вы уверены?

— Уверен. Сейчас мы с вами, господин Спел, расстанемся. Я пришел сюда, чтобы показать людям дорогу наверх...

— Вам никто не поверит.

— Уже верит ваша дочь. Уже верите и вы сами. И внизу у меня есть друзья, которые мне поверят быстрее, чем вы. Потому что вам в это верить не хочется. А они верили в это и раньше.

— Но я должен подумать, — сказал Спел. — Я не могу ничего предпринимать, пока не подумаю.

— Я не требую от вас никаких решений.

— Спасибо и на этом. Как вы меня найдете?

— Наверно, через Геру.

— Тогда я могу предложить другой вариант. Как вас зовут?

— Крони.

— Так вот, Крони. Запомните мой личный номер: 888. Если вы скажете его в переговорную трубку, вас соединят со мной. Но учтите, что разговор может подслушивать Мокрица.

Спел поднялся и с некоторой опаской взглянул на пистолет на коленях у Крони.

— Вы не вернете?.. — спросил он без особой уверенности.

— Нет, — сказал Крони.

— Я и не ждал. Ну что же, до свидания, трубарь. — Спел подмигнул Крони, показывая, что поддерживает его игру.

Спел прошел в спальню дочери, и там его шаги замерли. Крони встал, но Гера прижала палец к губам: слушай.

Послышалось подавленное сопение, шорох. Через минуту раздался щелчок, и Спел в той комнате вздохнул. Шаги возобновились. Они были мягкими, редкими, словно он сначала ступал на носок и каждый раз замирал, прежде чем перенести вес тела на пятку.

— Он утащил свою шкатулку, — шепнула Гера, приблизив губы к уху Крони.

Крони сказал:

— Мне пора идти.

Глава 5

ВОССТАНИЕ В ТЕМНОТЕ

Крони стоял за углом переулка, ведущего к задней двери в дом Спелов. Улица была хорошо освещена — это был район знати. Мокрица не посмел оставить ее без охраны. Широкоплечий субъект, с серым лицом, серыми волосами и синими губами, лениво вышагивал по той стороне. Может, Мокрица его специально приставил к дому Спелов?

Как только субъект скрылся из глаз, появилась няня с двумя худосочными, коротконогими детишками. Дети были одеты как маленькие солдатики и норовили по очереди подставить няне ножку. Няня привычно перескакивала через преграды, что не вязалось с ее солидным возрастом и седыми волосами, собранными в маленький пучок на затылке.

Крони проводил эту компанию взглядом и уже собрался шагнуть к лифту, как пришлось нырнуть в темноту. По улице спешил разносчик, волоча на горбу бак с чистой водой. Кинув взгляд назад, чтобы убедиться, что никто за ним не следит, Крони пошел вслед за разносчиком, соизмеряя шаги с его шажками. Вода плескала через край и мокрыми звездами темнела на камне мостовой.

Крони старался выглядеть бездельником, но вряд ли его вид был достаточно убедителен. Две богато одетые девушки в модных тяжелых тиарах из аметиста захихикали, увидев его, и о чем-то зашептались, остановившись сзади. Крони не стал оглядываться.

Вот и малый лифт верхних уровней. Крони на ходу нажал кнопку вызова и, пройдя еще несколько метров, остановился. Девушки скрылись за поворотом. Этим лифтом пользовались для хозяйственных надобностей, он останавливался внизу, в складах магазина директора Калгара.

Кабина выплыла снизу и остановилась. Крони небрежно отодвинул решетку в сторону и вошел. Но не успел закрыть дверь.

— Эй, постой! — крикнул кто-то достаточно громко, чтобы не было сомнений в том, что человек в лифте его услышит.

Рука Крони метнулась к кнопке, чтобы закрыть решетку.

— Не спеши, — сказал Круминьш. — Он может сообщить вниз, и ты окажешься в западне.

Крони отодвинулся к задней стене кабины.

— Боялся, что не услышишь, — сказал, вбегая в лифт, стражник в поношенном мундире. — Тебе куда?

Стражник глядел на панель с кнопками. У него была манера человека, привыкшего командовать. Такая манера бывала у страж-

ников нижних кварталов, где господин квартальный — бог, а стражники — карающие ангелы.

— Вниз, — сказал Крони. — В магазин.

— И мне туда же, — сказал стражник, будто своим признанием Крони обрадовал его. Он нажал на кнопку, лифт пополз вниз. — Ты где служишь? — спросил стражник, обернувшись. Он еще не подозревал дурного. Так спросил, для порядка.

— У господина Калгара, — сказал Крони.

За решеткой следующего уровня белело чье-то лицо.

— Подождет, — сказал стражник весело. — Люблю, когда холуи ждут.

— Но вдруг у его господина срочное дело?

— У господина? — Эта мысль стражника позабавила. — Скоро у этих господ срочных дел не будет. Мы их...

И стражник жестом показал, что случится с господами. Глаза у него были без ресниц, белые и сумасшедшие.

«Даже рядовые стражники уже знают, — отметил про себя Крони».

— А кто же тогда будет?

— Тебя не касается. — И тут у стражника мелькнуло подозрение. В лифте было темновато — его освещала слабая лампочка на потолке. Полицейский вгляделся в лицо Крони.

— Покажи знак, — сказал он, ткнув кривым пальцем в грудь Крони.

— Зачем вам, господин стражник? — спросил Крони удивленно. — Я ничего плохого не делаю.

— Знак.

Ладонь повернулась горизонтально, ожидая. Вторая рука стражника потянулась к поясу.

— Стреляй! — приказал Круминьш.

За решеткой поблескивала каменная стена. Крони сунул руку за «молнию» куртки, выхватил бластер, и стражник замер, оторопело глядя на оружие.

Крони выстрелил. Стражник сразу осел. Крони, не теряя ни секунды, нажал на кнопку, и лифт скрипнул, останавливаясь.

— Он не умрет? — спросил Крони.

— Нет, он временно парализован, не бойся, — сказал Круминьш. — Очнется через полчаса.

Нежданная беда обернулась удачей.

Крони снял со стражника шапку. Труднее было снять куртку. Белая лампочка вызова в лифте мигала уже на трех разных уровнях. Куртка с трудом налезла на комбинезон.

— Скорее, — торопил его Круминьш.

— Сам знаю, — огрызнулся Крони.

Лифт поехал снова.

Крони встал перед решеткой и сурово смотрел на желающих войти внутрь.

— Потом! — повторял он громко. — Подождете.

В углу лифта сидел, уронив голову на грудь, человек в рубахе, и те, кто успевал заметить, понимали, что господин стражник везет арестованного, лучше в лифт не соваться.

Лифт остановился в складе магазина. Крони резко отодвинул в сторону решетку и сказал одному из ожидающих:

— Помоги его вытащить.

Люди испуганно раздались. Пожилой техник с готовностью вбежал в лифт и подхватил бесчувственного стражника. Тащить было тяжело, но больше помощников в толпе не нашлось, а Крони уж тем более помогать технику не стал. Вокруг шептались.

— Сюда, — показал Крони, и техник привалил стражника к стене, рядом с длинным рядом бочек. — А теперь, — Крони поднял руку и указал на открытую дверь лифта, в который никто не смел войти, — теперь сматывайтесь, чтобы я вас не видел.

И через минуту он остался один.

Рядом стояли пустые бочки. Крони заглянул в ближайшую. Бочка была черная, не мытая внутри, и от нее воняло. Крони поднатужился — стражник был тяжел — и перекинул его в бочку. Потом нашел кусок жести и прикрыл бочку сверху.

Крони оправил мундир и широкими шагами направился в торговый зал — большое помещение, уставленное ящиками и коробками. Шла распродажа бракованной ткани, и длинная очередь тянулась через весь зал.

Крони прошел к ближайшему выходу. Местный стражник отдал ему честь, и Крони чуть ухмыльнулся, возвращая приветствие. Путь к служебному туннелю был открыт...

Отомкнув решетку служебного туннеля, Крони оказался в знакомом полутемном мире коридоров, кабелей и труб, правда, не на своем уровне, а на несколько ярусов выше.

Крысолов был маленький, бледный, какой-то полупрозрачный, похожий на привидение. Он возник перед Крони неожиданно, словно прошел сквозь стену. Через плечо у него висели две убитые крысы, и в руке было короткое копье с широким лезвием. Он издали поклонился стражнику, спешившему вдоль туннеля, и Крони подумал, что опасности он не представляет, потому что, если его и спросят, не видел ли чего подозрительного, он ответит, что встретил стражника.

— Доброе утро, господин, — сказал охотник, когда Крони поравнялся с ним. Крысы были крупные, седые, хвосты их доставали до пола, и крысоловы неплохо бы зарабатывали, если бы кры-

синая охота не была монополией господина Штури, директора отдыха и развлечений. Ему сдавали шкурки, и он выдавал процент охотникам — маленькой замкнутой касте, сохранившейся с давних времен, когда знать еще устраивала охоты на крыс, теперь уже с вымершими гончими и десятками загонщиков. Крысоловы знали о туннелях даже больше, чем трубари, и с трубарями были в друзьях — сообщали о поломках и авариях в дальних туннелях, отгоняли крыс, а трубари делились с ними едой. Почему-то у крысоловов всегда не хватало еды.

И только сейчас, проходя мимо крысолова, Крони подумал: а не подкармливают ли они привидений?

— Крысолов, ты не видел здесь бунтовщиков?

— Никак нет, господин, — удивился крысолов, и Крони ему не поверил. — Какие могут быть здесь люди? Никто сюда не ходит. Даже трубари сюда не забираются.

— Врешь ты, крысолов, — сказал Крони. — Палка по тебе плачет.

— Нет, разве я посмел бы? Ни один трубарь сюда не забирается. И даже такой отважный и ловкий трубарь, как Крони.

Крысолов смотрел на Крони преданно и невинно.

— Ты его знаешь? — спросил Крони.

— Я его видел, — сказал охотник. — Как вас, господин стражник. И если бы я не опасался вызвать ваш справедливый гнев, то сказал бы, что он похож на вас.

— Это любопытно, — сказал Крони, потому что ничего лучшего не придумал.

— И еще я бы осмелился сказать, — закончил крысолов, — что у шахты за поворотом сидят в засаде три агента, господин стражник. И вы, без сомнения, будете рады их встретить.

— А если нет?

— Если нет, то господину лучше следовать за мной.

Через пять минут быстрой ходьбы крысолов остановился у стены, раздвинул кабели, и за ними обнаружился закрытый люк. Люк вел в заброшенный вентиляционный колодец, к стене которого были прикреплены скобы.

— Шестой ярус отсюда, господин, — сказал охотник. — Я посоветовал бы вам снять шапку, потому что бунтовщики могут выстрелить без предупреждения. Эти люди совершенно не выносят вида форменной шапки, да поразит их своим гневом справедливый бог Ред.

— Спасибо, — сказал Крони, ставя ногу на первую скобу. Он снял шапку и протянул охотнику: — Возьми, может, пригодится.

— Может быть, — сказал равнодушно охотник и спрятал шапку в мешок. Он подождал, пока голова Крони скроется в колодце, и закрыл люк.

Шестью ярусами ниже Крони обнаружил в стене такой же люк. Люк не открывался. Видно, был закрыт на задвижку. Крони решился постучать в него. Он надеялся, что обогнал стражников.

Крышка люка отозвалась гулко, будто была дном пустого бака.

Крони на всякий случай прижался к стене и положил руку на бластер.

— Кто там? — Голос прозвучал близко и унесся вверх по колодцу.

— Свои, — ответил Крони.

— Свои все здесь, — сказал голос.

— Мне нужен инженер Рази, — сказал Крони.

— А ты кто?

— Трубарь Крони.

— Погоди, спрошу.

Колодец уходил еще ниже. Надо будет спросить Рази, проверили ли они, где он кончается. Если на теплостанции, по нему могут проникнуть и стражники.

По ту сторону люка возникли голоса. Слов Крони разобрать не смог. Потом крышка распахнулась, и внутрь проник слабый свет переносного фонаря. Крони сразу выключил свой фонарь.

— Выходи, — произнес тот же голос. — Только без шуток. Стрелять буду сразу.

Крони схватился за край люка, подтянулся и спрыгнул в коридор. Переносной фонарь был подвешен за крюк к потолку, и оттого, что свет падал сверху, лица встречавших показались зловещими. Особенно внушительно выглядело это зрелище на телевизионном экране, и Круминьш прикрыл микрофон ладонью, чтобы Крони не услышал, как ахнет Анита. Но Анита не ахнула, только закусила губу.

— Здравствуйте, — сказал Крони. — К вам нелегко добраться.

— А ты добрался? Помог кто-нибудь?

Спрашивал приземистый горбун с черным лицом шахтера. В руке у него был широкий тесак, глаз не видно — тень от бровей падала на скулы.

— Помогли. Ну, веди меня к инженеру Рази. У меня важные сведения.

Вместо ответа горбун двумя пальцами попробовал материал на куртке и сказал укоризненно:

— Чего ж не переоделся?

— Она мне больше не пригодится, — сказал Крони и начал снимать мундир. — Возьми себе. Это я на время надел, чтобы пройти легче.

— Чистый ты, гладкий, — горбун как будто жалел Крони.

— Где инженер Рази? Мне некогда.

— Ах, он спешит, — горбун обратился к напарнику, тонкому высокому юноше.

— Кричал он громко. Наверно, и вправду спешит, — сказал юноша, который оказался обладателем гулкого голоса. Голос не помещался в его тонком горле, и, говоря, юноша запрокидывал голову.

— Не спеши, друг, — посоветовал шахтер. — Попался, молчи. Я очень таких, как ты, не люблю. Гладких. Что, заблудился, от своих оторвался?

В глубине туннеля загорелся огонек. Он покачивался, приближаясь. К ним кто-то шел. Крони сделал еще одну попытку убедить горбуна.

— Я же трубарь, — сказал он. — Всю жизнь трубарил.

Горбун сплюнул, слов у него не нашлось.

Крони не мог разглядеть лица того, кто подошел, — луч фонаря светил в глаза.

— Что происходит? — спросил вновь пришедший. Голос у него был чуть надтреснутый и высокий.

— Поймали одного, — сказал горбун.

— Мне нужно к инженеру Рази, — сказал Крони. — Срочно. У меня важные сведения.

— Можешь передать сведения мне.

— Нет, только ему. Сведения особой важности.

— Инженера Рази у нас нет, — сказал тогда человек с фонарем.

— Неправда, — сказал Крони. — Если вы мне не доверяете, то передайте ему, что пришел трубарь Крони. Он меня знает. Я подожду.

— Он такой же трубарь, как я Мокрица, — сказал горбун. — Не верь ему, техник Джинь. Он мундир забыл снять.

— Подожди, — остановил его человек с фонарем. — Ты говоришь, тебя зовут Крони? А откуда ты знаешь инженера Рази?

— Я был на его Чтении.

— Та-ак, — сказал человек с фонарем, не выпуская глаз Крони из луча света. — А известно тебе, что группу инженера целиком поймали? Только сам инженер ушел.

— Известно, — сказал Крони. — Я там был. И меня взяли. Только я потом ушел.

— От Мокрицы ушел?

— Да что ты его слушаешь, техник! — возмутился горбун. — Он сейчас тебе скажет, что летать умеет или сквозь стенки проходить.

— Некогда инженеру заниматься с лазутчиками, — отрезал техник. — Заприте его.

Луч фонаря отпустил глаза Крони, и перед глазами пошли радужные круги. Техник уходил.

— Погодите! — закричал вслед Крони. — Будет поздно! Через час начнется общая облава!

— Что? — Луч фонаря вернулся, на расстоянии отыскал лицо Крони. — Что? Ты откуда это знаешь?

— Мои сведения верные. Вызывайте Рази!

— Он нас запугивать пришел! — озлился, возвращаясь, техник. — Я-то думал, что ты отсидишься в камере, сыскная сволочь! Бросьте его в шахту! Только сначала свяжите ему руки, как он просил, чтобы за скобы не уцепился!

Лицо техника приблизилось, и единственный глаз, обрамленный прядями прямых черных волос, горел гневно.

Крони осекся. Дальше говорить не имело смысла.

Он попытался выхватить из-под куртки бластер, но горбун оказался проворнее. Он повис на локтях Крони, а юноша выхватил оружие из схваченных в тиски рук.

— Он еще и вооружен, — сказал с облегчением юноша, словно до этого его мучили сомнения.

Крони набрал воздуху в легкие и отчаянно закричал:

— Ра-а-зи!! Ра-а-а-а-зи!

— Заткни ему рот! — Одноглазый бросился на Крони.

Эхо перекатывалось по подземным туннелям: «Ра-а-ази... »

Они навалились на Крони втроем и, к счастью, совсем забыли о бластере. К тому же они были очень злы на Крони, дали выход своему возмущению и оттого мешали друг другу, путались в руках и ногах, пыхтели, ругались, рычали, и Крони не только успешно оборонялся, но и умудрился крикнуть еще раз.

Шагов он не услышал, но крик «Прекратить!» услышали все.

Груда тел распалась, и Крони поднялся последним, придерживая оторванный рукав и пытаясь на ощупь понять, осталось ли что-либо в целости в поясе.

В ухе Крони послышался глубокий вздох. Он попытался угадать, кто же наверху перевел дух. Но лишь улыбнулся.

— Он улыбается, — осуждающе сказал басом тонкий юноша, у которого из носа текла кровь.

— Что здесь происходит? — спросил инженер Рази. За его спиной стояло несколько человек, грязных и всклокоченных. Видно, эти люди только что таскали камни. У некоторых в руках остались ломы.

— Лазутчика поймали. Техник Джинь велел его в шахту кинуть, а он не хочет, — доложил горбун.

Техник Джинь держался за грудь и пытался вдохнуть поглубже.

— Где лазутчик?

Рази близоруко оглянулся и только сейчас увидел Крони.

— Ты? — спросил он.

— Я. Меня не хотели пускать к тебе, инженер.

— Я рад, что ты пришел, — сказал инженер. — Я не думал, что ты остался жив.

— Инженер, мне нужно срочно с тобой поговорить. Один на один.

Юноша сказал инженеру:

— Он был вооружен.

— Пойдем ко мне, — сказал Рази. Он взял у юноши бластер и передал трубарю.

— Я бы на твоем месте не доверял ему, — обрел наконец дыхание одноглазый. — Откуда он узнал об этом пути?

— Я встретил крысолова, — сказал Крони. — И он показал, куда идти.

— Откуда тебя знает крысолов?

— Когда я был трубарем, он видел меня.

— И все-таки лучше бросить его в шахту, — сказал горбун. — Никакой он не трубарь.

Инженер Рази занимал одну из комнат в коридоре, где когда-то Крони нашел книгу с планами подземелий. Рази прошел первым, сел за стол. Сказал:

— Сначала я должен поблагодарить тебя, трубарь, за книгу планов и пистолет. Я уж не говорю об остальном.

В комнату набилось человек двадцать.

— Ты давно оттуда? — спросил кто-то.

— Часа полтора как начал спускаться.

— А мы уже четвертый день, — сказал человек с узким лицом, на котором было мало места для двух глаз и потому переносица казалась толщиной с бумажный лист.

— Мой заместитель, — сказал инженер. — Сапожник Лоди.

— Очень рад, — сказал Лоди. — Мне Рази говорил о тебе. Мы делали завалы, чтобы обороняться, когда придет полиция.

— Я предлагаю всем вернуться к своим делам, — сказал Рази. — Останемся мы — Лоди, Джинь и я.

— Теперь будешь говорить? — спросил Рази, когда остальные нехотя покинули комнату.

— В твоем отряде есть чужие уши, — сказал Крони. — Я буду говорить только с тобой. А ты — с кем сочтешь нужным.

— У нас нет агентов Мокрицы, — возмутился одноглазый Джинь. — Это тебя подослали.

— Мое дело не терпит, — сказал Крони.

— Я тебя с ним не оставлю, — сказал одноглазый.

Крони вынул бластер и положил на стол.

— Это останется у инженера, — сказал он.

— Крони прав, — сказал вдруг Лоди. — Ты нам потом расскажешь, Рази. У нас есть дела. — Он обнял одноглазого за плечи и повел к двери.

— Ну вот мы и вдвоем, Крони, — сказал инженер. — Ты сильно изменился. Где ты был?

— Я расскажу тебе обо всем, но сначала главное. Я знаю точно от молодого Спела, что примерно через час Мокрица начнет облаву. У тебя есть карта этого уровня?

Рази, не говоря ни слова, достал план.

— Я позову Джиня. Он был взрывником в шахте.

— Позови лучше Лоди.

— Почему? — Инженер поднял голову и, близоруко сощурившись, заглянул Крони в глаза.

— В вашем отряде агент Мокрицы. Спел сказал, что он одноглазый.

— Не может быть!

— Я бы тоже хотел ошибиться, инженер. Но лучше не рисковать. И еще: пока я просил провести к тебе, он хотел меня запереть. Но как только я сказал, что Мокрица начинает облаву, он решил меня убить. Можешь спросить у часовых...

— Хорошо, — сказал Рази. — Лучше не рисковать.

Рази выглянул в коридор и позвал Лоди. Потом в двух словах передал ему разговор с трубарем.

Лоди ничем не показал, что взволнован или не верит.

— Я скажу одному из моих мальчишек пристроиться к Джиню, как хвост к крысе. А что касается облавы, то надо поднять часть людей на уровень выше и зайти сзади. А мы пока будем держаться здесь.

Лоди вышел.

— Мне следует быть там, — сказал Рази.

— Погоди. То, что я скажу, важнее. Дай мне десять минут.

Крони уложился в восемь.

Рази ни разу не перебил его, лишь постукивал карандашом по столу. Иногда за дверью топали быстрые шаги, потом протащили что-то тяжелое. Где-то вдали вспыхнули крики, выстрел, и все снова замолкло.

— Ты счастливый человек, Крони, — сказал Рази, когда рассказ трубаря подошел к концу. — Я хотел бы побывать на твоем месте.

Лоди распахнул дверь, остановился на пороге:

— Джинь сбежал. Оглоушил моего мальчишку и сбежал. Наши побежали за ним по коридору, но боюсь, что поздно.

— Поздно, — согласился Рази. — Он много знает.

— Да, — сказал Лоди. — Он знает, где расставлены наши люди.

— Твой человек с фабрики вернулся?

— Нет еще. Ткачей загнали в цех и заперли там.

— Нас очень мало, — сказал Рази Крони. — И оружия меньше, чем у полиции.

— Зато теперь нам есть куда уходить, — сказал Крони.

— Лоди, — обернулся к своему заместителю инженер. — Крони был в Городе Наверху. Там можно жить. Там есть растения и свежий воздух, вода и свет.

— Я там был, — сказал Крони. — И там остались мои друзья. Они помогут нам, если мы поднимемся наверх.

— А почему они не могут спуститься вниз? Почему они не перебьют полицейских и не освободят нас?

— Они здесь чужие, — сказал Крони. — И они не знают нашего города. Если бы все было как прежде, мы могли бы не спешить. Но теперь поздно. У нас нет времени объяснять.

— Я скажу своим людям, — сказал Лоди. — Им будет легче драться, если они будут знать. Мы сидим здесь пятый день и ждем, когда нас передушат. Потому что нам некуда было уйти.

— Лоди сказал, что направит часть людей наверх, чтобы ударить по стражникам сзади. А что, если всем уйти тем же путем? — спросил Крони.

— Зови всех старших групп сюда, Лоди. Мы посоветуемся.

Но сделать этого не удалось.

Накатываясь из темноты дальних коридоров, заполняя узкие трубы туннелей, рассыпаясь по площадям, загремели выстрелы. Стража пошла на штурм города Предков.

Крони спрятался за низкой баррикадой и старался стрелять по вспышкам выстрелов.

За поворотом слышны были крики. Блики света выплескивались из-за угла, словно из открытой дверцы печи. Там стража устанавливала прожектор. Знакомая Крони растрепанная девчонка подбежала к нему, пригибаясь, чтобы не высовываться из-за баррикады.

— Здравствуй, — узнал ее Крони. — Ты тоже сбежала?

— Они решили, что я дурочка, — сказала она с гордостью.

С первых минут боя выяснилось преимущество стражников — они были обучены владеть оружием и знали, как вести себя в облавах. Восставшие стреляли плохо и легко впадали в панику.

Баррикаду в боковом проходе закончить не успели — гряда каменных глыб не доставала до пояса и в ней зияли бреши. Прожектор полосовал по камням, слепя растерянных защитников. Лоди сидел, скорчившись в нише и придерживая левой рукой окровавленную правую.

Он сморщился под светом фонарика Крони.

— Тебя перевязать надо, — сказал Крони.

— Некогда. Да и нечем. Слышишь?

Кто-то заунывно стонал в темноте, словно пел молитву.

— Ты не можешь разбить прожектор?

— Мой бластер не поможет, — сказал Крони. — У вас есть что-нибудь покрупнее?

— Погляди там.

Лоди показал на открытую дверь в комнату. Крони заглянул туда. В комнате было свалено найденное оружие. Стояли ящики с патронами. Горбун возвышался над арсеналом, примеряя по руке тесак.

— А, трубарь, — сказал он, ухмыльнувшись при виде Крони. — Ты такой же трубарь, как я...

— Погоди, — сказал Крони. — Лучше помоги мне отыскать что нужно. Сними светильник с полки.

Горбун подчинился.

— Значит, пожалели тебя? — спросил он, приближая светильник к груде оружия.

— Это я жалею, что не пристрелил твоего техника.

— Ты техника не тронь, — сказал горбун. — Он из моего квартала.

— Сбежал твой техник. Он человек Мокрицы. Крепче светильник держи. Не веришь, спроси у Лоди. Или у инженера.

— Еще неизвестно, кто чей человек, — сказал горбун. — Я техника знаю. Он давно с нами. А ты только пришел. — Горбуну не хотелось верить. Поверить — значило усомниться в собственном умении оценивать людей.

Крони отыскал ружье большого калибра. Оно было заряжено. Может, подойдет.

— Помоги тащить, — приказал Крони.

Горбун подчинился, подхватил ружье за тяжелые сошники.

Прожектор светил в глаза, как солнце. Но здесь никто, кроме Крони, не видел солнца.

Крони выстрелил в самый центр солнца, и оно вспыхнуло еще ярче, разлетаясь осколками по стенам туннеля, и центр его еще несколько мгновений светился красным тускнеющим светом, будто там умирал короткий огненный червь.

Крони стрелял еще и еще. И откуда-то из-за камней появились другие защитники баррикады — по вспышкам выстрелов понятно было, что их не меньше десяти. Потом стражники перестали стрелять.

Крони оставил тяжелое ружье у баррикады, а сам отполз к Лоди.

— Это ты? — спросил Лоди. — Рука болит. Удивительно, сначала только горячо было, а теперь болит.

— Он потерял много крови, — сказала Анита, увидев на экране выхваченное фонариком из темноты потное и бледное лицо Лоди.

Лоди продолжал:

— Мои люди должны уже давно подняться и зайти сзади. Если с ними что-то случилось, нам не выбраться отсюда. Стражники прижимают нас к засаде. Тут мы еще держимся, но от Рази прибегал человек, говорит, что им приходится отходить.

— Тогда я потащу ружье туда, — сказал Крони. — Может, оно там нужнее?

— Подожди немного. У инженера больше людей. И у него шахтеры, они лучше обращаются с оружием. Где наши?

В туннеле было тихо. Только трудно дышать от дыма и пыли. Кто-то надрывно кашлял в темноте.

— Не нравится мне эта тишина, — сказал Круминьш. — Погляди, Крони.

Крони понял, что неприятное предчувствие, владевшее им, беспокоило и Круминьша.

Крони пригнулся за баррикадой, отставил на вытянутую руку фонарь и зажег его. Луч фонаря был яркий и почти не рассеивался.

Круминьш был прав. Совсем рядом — можно разглядеть оскаленные в напряжении зубы — луч натолкнулся на лицо стражника.

— Стреляйте! — закричал Крони. — Стреляйте!

И попытался нашарить на земле тяжелое ружье. Но не нашел. А пока вытаскивал бластер, стражники уже достигли баррикады.

Потом была свалка, выстрелы. Тяжелое тело навалилось, душа, Крони отбивался, успел раз выстрелить из бластера и вырвался из цепких рук, но забыл, где же его фонарь, оказался бессилен и прижался к стене, стараясь сообразить, где свои, а где чужие, но по хрипу, крикам и ударам ничего нельзя было понять.

— Крони! — окликнул его Круминьш. — Очки!

— Какие очки?

— У тебя есть очки, через которые ты можешь видеть в темноте. Они в поясе. Если ты не потерял их.

Крони нащупал очки. Кто-то проскочил рядом, грохнулся на пол, взвыл. Очки были целы. Крони натянул их на голову, упругая лента обхватила затылок. Темнота превратилась в сумеречный ад, в котором покачивались тени, из клубка тел вырывался кто-нибудь и падал или бросался обратно, и непонятно было, как люди находят врагов.

Крони поднял бластер. Он не спешил. В темноте стражники потеряли преимущество в числе.

И тут Крони заметил, как на баррикаду взобрались два стражника в высоких касках, волоча небольшой прожектор. Крони выстрелил. Один из стражников упал. Второй не удержал прожектора и рухнул за баррикаду. Грохот перекрыл шум боя.

И в этот момент Крони услышал впереди, за баррикадой, выстрелы. И крик:

— Нас окружили!

Стражники, отбиваясь, отступали к баррикаде. Удивительное дело: ткачи, техники, которые только что готовы были убежать, уже гнали стражников на неровную цепочку фонарей.

...Троих стражников взяли в плен. Их связали и посадили у стены, там, где лежало тело Лоди. Лицо сапожника было рассечено тесаком, один глаз был открыт и смотрел на окружавших его товарищей с укоризной. Горбун, выйдя из толпы, наклонился и закрыл глаз.

Почти все, кто сражался по эту сторону баррикады, были ранены. Крони послал горбуна к Рази, чтобы узнать, как там дела, а остальным приказал проверить и зарядить оружие.

Жива была и встрепанная девчонка.

— Дяденька, — сказала она Крони, вцепившись в рукав. — Можно, я башмаки со стражника сниму?

— Они же тебе велики будут! — удивился Крони, взглянув на ее босые маленькие ноги, никогда еще не знавшие обуви. — Снимай, снимай, — сказал он. Башмаки были для нее символом.

Минут через десять вернулся горбун. Он тяжело дышал.

При звуке его шагов все замерли. Ждали.

— Все в порядке, — сказал горбун, моргая под лучами нескольких фонарей. — Рази зовет трубаря Крони. Если ты, конечно, трубарь...

На этот раз горбун широко улыбнулся, показывая редкие черные зубы.

— Останешься за меня, — сказал Крони горбуну. — Не забудь поставить человек пять к баррикаде. И пусть попробуют установить прожектор. Электрики есть?

— Я электрик, — отозвался кто-то из темноты.

— Пусть прожектор светит вдоль туннеля. Они могут снова пойти.

С Крони увязалась девчонка, которая громко шаркала башмаками, чтобы не потерять их.

Рази встретил Крони у двери своего штаба:

— Ты как думаешь, они пойдут снова с твоей стороны?

— Сейчас нет. Мокрица может и не знать, что случилось. Ведь никто из того отряда не ушел. Оружие вам не нужно? У нас много лишнего.

— Нет, оружия хватает. У нас здесь прочные завалы, не то что с той стороны.

— А сверху? Снизу?

— Они пытались. Был взрыв. Но перекрытие — метров пять камня.

Крысолов вышел из стены рядом с ними. Он был так мал и тих, что Рази и Крони не сразу поняли, что он стоит рядом.

— Мы проведем вас, — сказал он. — Туда, где сидит Мокрица.

— Ты как здесь очутился?

— Наши пути — древняя тайна, — коротко ответил крысолов. — Я рад, что ты, Крони, дошел благополучно.

— Спасибо за доброе пожелание, — сказал Крони. — Сколько мне взять людей?

— Возьми тех, кто защищал завал, — сказал Рази.

Крони и Рази положили друг другу руки на плечи, прощаясь.

— Если не выйдет, — сказал Рази, — выводи людей наверх.

Крони вернулся к своей баррикаде. За ним шел маленький крысолов. Девчонка топала сзади.

— Ты возьмешь меня с собой? — спросила она Крони.

— Нет, — сказал Крони. — У тебя башмаки очень стучат. А нам надо идти тихо.

Крони отобрал шестерых, с ним напросился и горбун.

Они стояли под лучом прожектора, освещающим туннель на сотню шагов.

— Я хочу сказать вам, — начал он, — что я был наверху. Там много места, там хороший воздух и хорошая вода. Там светло...

Крысолов провел их тайным ходом, мимо черных ниш, где поблескивали зеленые светлячки, сквозь белый сталактитовый лес. Потом они оказались в освещенном служебном туннеле, где был штаб стражников.

Поступки определяются прошлым опытом, и хоть Мокрица ощущал некоторое внутреннее беспокойство оттого, что бунтовщики добыли оружие, он не допускал и мысли о поражении. Наоборот, все складывалось удачно. Мекиль давно считал, что пора разделаться со старыми сморчками в Совете директоров. А для этого их сначала надо было припугнуть так, чтобы они сами умоляли его взять власть. Вот они и перепугались.

У Мокрицы было отличное чутье, подобное чутью крысы, знающей заранее, что в туннель прорвется вода или лава. Только что он сидел спокойно, закрыв глаза и запрокинув голову, вычисляя свои последующие шаги, и вот он на ногах...

Неладно. Что-то неладно.

Ничто не предвещало беды. Издали доносились редкие глухие удары — подрывники били ниши для зарядов, чтобы проломить потолок над городом Предков, капала вода из трещины в

потолке, в передней комнате Спел о чем-то спорил с дежурным офицером.

Мокрица быстро прошел к двери, выглянул в щель. Все тихо.

Но хотелось бежать. Мокрица распахнул дверь и в ответ на взгляды офицеров сказал:

— Дойду до подрывников. Что-то они тянут. Надо поторапливаться.

В коридоре стоял одноглазый Джинь. Он уже раздобыл защитный шлем с фонарем.

— Джинь, — сказал ему Мокрица, — спустись к вспомогательному отряду. Что-то давно нет от них вестей.

— Слушаюсь, господин Мекиль.

Мокрица не стал ждать, пока Джинь скроется в глубине коридора. Он поспешил в боковой ход, ведущий к подрывникам.

И Крони с его отрядом опоздал на какие-то пять минут.

— Здесь, — сказал крысолов.

Крони жестом остановил остальных. Распахнул дверь и вошел в штаб Мекиля.

Стражник в углу, бубнивший что-то в переговорную трубку, лишь взглянул на него и отвернулся. Спел и второй офицер, колдовавшие над планом подземелья, увидели Крони не сразу.

— Где Мокрица? — спросил Крони.

— Вышел, — ответил Спел, прежде чем догадался, что никто не смеет назвать директора обидным прозвищем. — Крони?

Второй офицер старался вытащить пистолет.

— Не надо этого делать, — сказал Крони. — Нас больше. Кто-нибудь, возьмите у них оружие.

Горбун подошел к офицерам, и те безропотно передали ему пистолеты. Спел обернулся к Крони.

— Послушай, трубарь, — сказал он.

— Он такой же трубарь, как ты, красавчик, — сказал горбун.

— Господин Крони, — сказал Спел. Ему было тяжело перенести такое унижение. — Крони, я тебя умоляю, именем сестры умоляю. Не отбирай мой пистолет. Это пистолет моего деда. Я не могу без него.

— А я не могу тебе его оставить, — сказал Крони и смутился, потому что его голос звучал виновато. — Нельзя. Ты стражник.

— Лучше убейте меня.

— Нельзя, — отрезал Крони.

Его слушали все, кто находился в комнате и стоял в коридоре.

Горбун тем временем заглянул в заднюю комнату.

— Сбежал, — сказал он.

— Куда пошел Мокрица? — спросил Крони у офицера.

— Сказал, что к подрывникам.

— Кто проведет нас туда?

— Я, — неожиданно сказал стражник, сидевший у переговорной трубки.

— Оставь мне двух-трех человек, — сказал Крони горбуну, — и беги к подрывникам. Их много?

— Нет, — стражник был рад, что его не убьют. — Там только трое полицейских, а остальные — техники с шахты.

— Офицеров отведите в комнату Мокрицы. Там нет запасного хода?

— Там нет хода, — сказал крысолов, стоявший за спиной Крони.

— Крони, я умоляю тебя. Два слова, — сказал Спел.

Второй офицер беспрекословно прошел в заднюю комнату.

— Крони, я хочу говорить с тобой один на один. Ты же знаешь, как много мы с Герой сделали для тебя. Без моей помощи ты бы давно был мертв. Я тебе не враг.

Крони не считал его врагом. Спел был чем-то вроде родственника, если, конечно, трубарь имеет право смотреть так на директорского сына. Спел был младшим братом, глупым и неверным...

— Я рад бы, — сказал Крони. Он был искренен. — Но оружия оставить тебе не могу. И не верю тебе. Если мы не победим, ты вернешься к Мокрице. Ты всегда будешь с тем, кто сильнее.

— Ты отказываешься от друга, — сказал Спел. — И от победы. И ты обрекаешь на смерть нас обоих.

Спел резко повернулся и четко, как на параде, поднимая колени, направился к задней двери.

«Мальчишка, — подумал Крони. — Он играет в войну».

Тон Спела встревожил Макса Белого.

— О чем он говорил?

Крони повторил слова Спела.

— Может, это не пустая угроза, — сказал Белый Круминьшу.

Круминьш пожал плечами.

Мокрица успел убежать от горбуна и его людей. Его, как тревожный звонок, гнал страх, предчувствие беды, непонятной, неожиданной, таящейся в темных закоулках коридоров.

Мокрица провел у подрывников от силы три-четыре минуты. Работа продвигалась медленнее, чем хотелось бы, и старший техник сказал ему, что взрыв будет минут через двадцать. Здесь было мирно, пыльно, и Мокрица велел торопиться.

Предчувствие гнало его дальше, он поспешил из тупика назад, но не к штабу, а задержался на развилке, размышляя, куда идти. И эта заминка спасла его: он услышал шаги, приглушенные голоса и успел вжаться в нишу — отряд горбуна прошел мимо. Мекиль понял, что, если он сейчас не выстрелит, не поднимет

тревоги, подрывники будут захвачены врасплох. Он даже поднял пистолет, прицелился в последнего из бунтовщиков, но не выстрелил. Ему не убежать, когда бунтовщики погонятся за ним. Надо сделать иначе — надо успеть к вспомогательному отряду. И, стараясь не звенеть высокими каблуками о камни, Мекиль свернул налево, туда, куда послал Джиня.

Отряд горбуна и в самом деле застиг подрывников врасплох. Стражники даже не стреляли.

— Мекиль только что был, — сказал один из техников, пока люди горбуна разоружали стражу. — Велел спешить.

— И не сказал, куда побежит?

— Разве у него спросишь?

Горбун связал пленным руки, вооружил техников и повел людей к баррикаде Рази, чтобы напасть на стражников сзади.

А Мокрица брел по туннелю, не смея зажечь фонарь и чувствуя, как опасность подстерегает его. Когда он увидел впереди огонек, то присел у стены и выставил вперед руку с пистолетом.

Огонек приближался медленно, и луч фонаря шарил по стенам, словно владелец фонаря был напуган и не уверен.

— Кто ты? — спросил Мокрица. — Если не ответишь, стреляю!

— Господин Мекиль! — донесся голос. — Это вы, господин Мекиль?

— Я.

Мокрица вышел на середину прохода. Шел Джинь. Нельзя показывать страха. Они все послушны, пока тебя боятся.

— Ну что там?

Мокрица не ждал добрых вестей.

— Их нет.

Джинь как-то обмяк, ослабел.

— Я не думал, что увижу вас, — сказал он. — Я боялся, что вас уже нет.

— Не пори чепуху, — оборвал его Мекиль. — Объясни толком. Они побили бунтовщиков?

— На баррикаде стоит прожектор и светит вдоль туннеля. Не подойти. Я сначала думал, что наши там. Ведь прожектора только у нас. Я пошел по туннелю, а они стали в меня стрелять. Я стал кричать, что я свой, что я от вас. А они стали смеяться и кинули мне вот это. И сказали, чтобы я отнес вам, господин Мекиль. Они оскорбляли и меня и вас, господин Мекиль.

За словами Джиня слышалась мольба: «Разубедите меня, всемогущий господин Мекиль. Этого же не может быть!»

— Дай то, что тебе передали для меня.

Джинь достал из кармана мешочек и протянул Мокрице, рука дрожала. Мешочек был увесистый. Мокрица развязал его, и на ладонь ему высыпалась кучка блестящих опознавательных зна-

ков погибших стражников. Мокрица отшвырнул горсть знаков в сторону, и они дробью простучали по стене туннеля.

— Все ясно, — сказал Мокрица. — Измена. — Он не был уверен, что в самом деле была измена. Но так надо было сказать. — И мы их жестоко покараем.

Слова и, главное, тон успокоили Джиня.

— Так точно, господин Мекиль.

Джинь не задумывался, почему директор в одиночестве разгуливает по темным туннелям. Наверно, в этом был смысл, недоступный пониманию агента.

Мокрица пошел вместе с Джинем обратно к штабу.

— Они идиоты, — сказал он. — Они проникли с помощью измены в наши ряды и смогли заманить один из наших отрядов. Но вместо того чтобы наступать, они сидят за баррикадой.

Джинь послушно кивнул.

— Они не знают правил войны, — продолжал Мокрица. — Их никто не учил этому. Главное — быстрота, и мы их обгоним.

Важно было предупредить засаду, которая не принимала участия в бою и ждала, когда убегающие бунтовщики попадутся в ловушку. Если Мокрица сумеет вывести стражников оттуда, не все проиграно. А здесь бой кончился. Мокрица не верил в возможность поражения, но, когда оно стало реальным, он мысленно поблагодарил судьбу, спасшую его, и стал планировать снова. Он был человеком действия.

— Джинь, — сказал он тихо, когда голоса затихли вдали. — Если ты сможешь сделать, что я тебя попрошу, то будешь жить на верхнем ярусе и станешь богаче Калгара.

— Слушаюсь, господин Мекиль.

— Возьми этот ключ. У нижнего лифта стоит преданный мне человек. Когда он увидит ключ и услышит от тебя слова: «Посланник бога Реда», он поможет тебе подняться на Главный ярус. Там у входа в лифт ждет инженер. Он тоже знает про ключ. Ты передашь ему, что Мекиль сказал: «Пора». Ясно ли тебе?

— Мне все ясно, господин Мекиль. Я скажу патрулю: «Посланник бога Реда», а инженеру на Главном ярусе скажу: «Пора».

— Беги. И помни, что я караю обманщиков смертью. А преданных мне людей награждаю так, как не сможет наградить Совет директоров.

Джинь повернул обратно и затрусил по коридору.

Мокрица думал о Спеле-младшем. Спел знал о плане. Спел был жив. И Спел был замешан в деле с Крони — сбежавшим трубарем. Сейчас он вернется в штаб и уберет Спела.

Мокрица выключил фонарь, чтобы его не заметили. Бунтовщики могли просочиться и сюда, но Крони с одним из ткачей

вышли из-за угла так неожиданно, что Мекиль на секунду ослеп от лучей их фонарей.

— Да это же сам господин главный стражник! — в восторге сказал ткач. — Это же сам Мокрица.

На этот раз инстинкт обманул Мокрицу. Он трижды испытывал судьбу и исчерпал свое счастье.

Мокрицу заперли с офицерами. Оставив охотника у запертой двери, Крони с ткачом побежали к Рази. Крони спешил. Чем скорее Рази узнает о взятии штаба, тем лучше. Хватит защищаться. Пора идти вперед.

Когда Крони добежал до завала, он увидел, что там все кончено. Стражники, попавшие в ловушку, сдались, сбились в кучку посреди зала, а на баррикаде отплясывала лохматая старуха с ружьем в руке и пела старую детскую песенку:

Я не прост, и ты не прост.
Оторвали крысе хвост.

Стражники молчали, даже не огрызались.

— Крони! — закричал инженер Рази. — Мы победили, и это чудесно. Путь наверх открыт для всех.

— У меня новость еще почище, — сказал Крони. — Мы поймали Мокрицу.

— Как?

— Он сам попался. Он хотел убежать, но налетел на нас.

— Мокрицу поймали, — услышал кто-то и повторил громко.

— Слышите, поймали вашего Мокрицу, — сказал горбун пленным. — И раздавим его. Вот так...

— Вернемся туда, — сказал Рази. — Своими глазами хочу убедиться. Переговорное устройство там работает?

— Да.

— Тогда сообщим на электростанцию, чтобы наши ждали. Мы пошлем туда тебя с отрядом. Это важно.

— Я с вами, дяденька, — заявила растрепанная девчонка, которая успела уже оказаться здесь.

— А башмаки? — Крони посмотрел на ее ноги. Башмаки были примотаны к ногам проволокой.

...Дверь в штаб была открыта.

— Крысолов, — позвал Крони.

Он вошел во внешнюю комнату. Она была пуста.

Дверь во внутреннюю распахнута.

Охотник лежал у самого порога. Он был мертв.

Уронив голову на стол, раскидав распростертыми руками бумаги и планы, лежал Спел.

Крони подбежал к Спелу. Выстрел пришелся в спину. С близкого расстояния, так что вокруг входного отверстия мундир по-

чернел, обуглился. Крони дотронулся до затылка Спела. Ему показалось, что Спел чуть шевельнулся. Он осторожно положил Спела на пол.

— Ушел-таки, вот хитер, — сокрушался горбун. — Как же он охотника заманил внутрь? Охотник такой осторожный...

— Я виноват, — сказал Крони мрачно, опуская Спела на пол и садясь рядом так, чтобы положить голову Спела на колени. — Я не обыскал его.

— Эх, трубарь, — сказал горбун. — Всегда от тебя приходится ждать какой-нибудь глупости.

Крони боялся, что там, наверху, на него сердятся. Но они молчали.

Спел открыл глаза. Он открыл их с трудом, нехотя, как человек, разбуженный среди ночи.

Он увидел Крони, но узнал его не сразу. Потом закрыл глаза снова и сказал:

— Я же тебя просил...

Говорить ему было больно. Он захрипел, закашлялся. Горбун сказал:

— Я сейчас воды принесу. У них в той комнате вода была.

— Я быстрее, — сказала встрепанная девчонка. — А то мне здесь страшно. Они все померли.

— Крони, — сказал Спел. — Он выстрелил мне в спину. Ты не взял у него пистолет. А у меня взял... Крони...

— Почему он стрелял в тебя?

— Потому что я знаю... я знаю...

Спел замолчал.

— Ты ему не поможешь, — сказала Анита, — его надо поднять наверх.

Девчонка принесла воды, но Спел не стал пить.

— Я боюсь, — сказал он. — Я умру. Ты меня не бросишь здесь? Ты не бросишь... Геру?

— Мы вынесем тебя наверх, — сказал Крони. — Там есть врач и лекарства. Мы не оставим тебя.

Спел старался что-то вспомнить. Он наморщил лоб, не от боли, какая-то мысль беспокоила его, не давалась, но была очень важна.

— Мне нельзя умереть, — сказал он. — Мне нужно успеть наверх. Ты не обманешь меня снова?

— Нет, — сказал Крони.

— Скорее, скорее неси меня наверх... Он в меня стрелял, потому что я знаю о плане. Он взорвет стену на шестом ярусе. Он взорвет...

Спел опустил голову и сразу отключился, будто заснул. Лишь

билась жилка на шее. И Крони понял, что Спел еще совсем мальчишка. Глупый мальчишка, который никогда не видел солнца.

— Что здесь произошло? Он ушел?

В дверях стоял Рази.

— Спел сказал мне, что Мокрица имеет какой-то план. Он должен взорвать стену на шестом ярусе. Что это значит?

— На шестом? Ты говоришь — на шестом?

— Там нет разработок? — спросил Крони у горбуна.

— Там никогда не копали.

— Спел, — пытался вернуть его к жизни Крони. — В чем план Мокрицы?

Спел старался ответить.

— Вода... — сказал он наконец, — вода.

— Я дурак! — воскликнул Крони. — Какой я дурак! Я же был трубарем. Там есть старый водозаборник. Оттуда когда-то шла вода. Спел, там озеро?

Спел был мертв.

— Что же делать? — спросил растерянно инженер Рази.

— Что делать? — повторил Крони на языке Земли, осторожно опуская голову Спела.

— Ты можешь связаться со старшим Спелом? — спросил Круминьш.

— Я знаю его номер.

— Скажи ему о взрыве. И скажи, что Мокрица побежден.

— Хорошо, — сказал Крони и вышел в переднюю комнату, к переговорной трубке. — 888, — сказал он оператору. — Мне нужен директор Спел...

Пока он ждал, инженер Рази дотронулся до его локтя.

— Я попробую подняться на шестой ярус, — сказал он.

Мокрице все время казалось, что его бегство обнаружено и по следу уже спешат преследователи. Собственные шаги отдавались в голове как чужие. Надо добраться до засады раньше, чем туда донесутся слухи о разгроме. Армия Мекиля, никогда раньше не встречавшая реального сопротивления, к войне оказалась не готовой. И он сам был не готов. Самоуверен. И думал весь день не о бунтовщиках, а о том, что скажет, когда вернется наверх и войдет в зал заседаний, о том, какие рожи скорчат директора. Если доживут до этого часа...

Мокрица остановился. Стало жарче. Хотелось пить. Он постарался представить план этого уровня. За Зеленым залом — город Предков. Там засада. Там прожектора, которые должны ослепить бегущих как стадо бунтовщиков. Но бунтовщики сюда не побегут. Сюда бежит только диктатор подземного города.

Предусмотрительный человек.

Уверенный в победе, он предусмотрел поражение. В этом величие Мокрицы. Если Джинь доберется до верхних ярусов, найдет техника, то через полчаса будет взорвана перемычка, отделяющая шестой ярус от подземного озера. Он давно уже нашел бумаги об этом озере — когда-то его хотели использовать для снабжения города водой. Масса воды обрушится вниз, на нижние уровни, на город Предков. Бунтовщики погибнут. Или как мокрые крысы поползут наверх, где Мокрица, собрав квартальных и жреческую охрану, уничтожит их. Уничтожит. Это крайний случай, самый крайний. Он погубит и теплостанцию, погибнут люди на нижних бедных ярусах. Но ведь не все! По крайней мере, половина города останется. Достаточно для Мекиля. А теперь скорей, к засаде, вывести стражу наверх, поставить у лифтовых шахт...

Из-за угла выплыло голубое сияние, и сначала Мокрица не различал его формы. Сияние замерло. И тогда Мокрица понял, что видит привидение.

Мокрица знал, каждый мальчишка знает, что привидение предвещает смерть. Но ему никогда не приходило в голову проверять эти сказки, как не проверяют существование самой смерти.

Из всех жителей города лишь крысоловы и Крони знали, что привидения голодны и выпрашивают у людей пищу. Мокрица видел, что призрак смерти загородил ему дорогу, но Мокрица еще верил в счастливую звезду и надеялся уйти от гибели. Он выстрелил в привидение и увидел, как содрогнулся пронзенный пулей голубой столб. Содрогнулся, но не упал, не рассыпался. Привидение могло испытывать боль, и это не удивило Мокрицу, потому что боли подвластно все.

Мокрица всаживал в привидение пулю за пулей, оно отступало, корчась, и пули, пронизывая его тело, отбивали осколки от каменной стены туннеля.

Пистолет щелкнул. Он был пуст.

Мекиль метнулся, обходя дрожащее привидение, и побежал дальше. Он бежал медленно, он устал, он не привык бегать и с отвращением ощущал, как колышется его живот и дрожат щеки, — никогда раньше ему не приходилось злиться на свое тело. Тело было дано богом, и оно было не хуже других, молодых и стройных. Красивые тела так же страдали от боли, как уродливые.

Мокрице казалось, что он узнал туннель, который приведет его в Зеленый зал. Туннель был шире других, и кое-где по потолку висели разбитые или перегоревшие лампы.

И тут перед ним показалось сразу несколько привидений. Может, их было пять, может, десять — они сливались, соединялись в светящиеся шары, вновь превращались в столбы... Привидения перекрыли туннель, надвигались на Мокрицу, не хотели пропустить Мекиля дальше. Он не знал, что расстрелянное им привидение вскоре упало на пол, сжалось в голубой комочек и сияние его постепенно погасло, потому что пули разорвали тонкую ткань его тела. Привидения очень живучи, но Мокрица вогнал в него все заряды своего пистолета. И предсмертный стон привидения, неслышимый для человеческого уха, донесся до его единоплеменников. Привидения никогда не нападают на людей, потому что встречаются только с охотниками, а охотники не обижают жителей темноты. Но Мокрица принес им смерть.

Мекиль повернул обратно. Он трусил по туннелю, оглядываясь, чтобы проверить, не догоняют ли его привидения. Они не спешили. Вдруг он увидел странное, даже остановился.

Привидения расступились и образовали проход, в котором появилось что-то белое.

Белое существо вылетело из отверстия и бросилось вдогонку за Мокрицей. Тот вытащил кинжал. И тут же вздохнул с облегчением. Это была всего лишь крыса.

— Уйди! — крикнул на нее Мокрица, и крыса остановилась, словно послушалась его.

Дальше шествие двигалось торжественно, как процессия, идущая к Бездне, чтобы казнить преступника. Впереди плелся осужденный. У него уже не было сил бежать. Затем шел палач. Замыкали процессию зрители и судьи...

Над головой образовалось отверстие. Черный четырехугольник.

Мокрица замер. Если забраться туда, преследователи останутся внизу.

Крыса подбежала близко, будто хотела испугать. Оскалилась. Мокрица никогда не встречал такой нахальной крысы. Мокрица ткнул в ее сторону кинжалом, но не достал.

Привидения все ближе...

Мокрица подпрыгнул, вцепился в ржавый крюк, на котором когда-то держались кабели. Крюк выдержал. Мокрица уперся ногами в стену, чтобы схватиться рукой за другой крюк, ближе к потолку. Крыса прыгнула, стараясь вцепиться ему в ногу, но промахнулась и уселась внизу, подняв кверху острую морду, и спокойно, почти разумно, наблюдала за его неловким, отчаянным подъемом.

Секунду Мекиль висел, держась руками за край люка, понимая, что ему не подтянуться, и упал бы обратно, если бы ему случайно не помогло одно из привидений. Оно протянулось к нему и дотронулось до ноги, и в то же мгновение электрический удар пронзил все тело Мокрицы, и оно, в ужасе и боли, рванулось

вверх. Мокрица перевалился через край отверстия и оказался на следующем ярусе.

Он некоторое время лежал на полу и мелко, часто дышал. Но отдыхать нельзя. Одноглазый уже наверху. В любой момент может раздаться взрыв.

Если не успеть, то он не только не выведет стражников, но и сам не доберется до лифта.

Над кромкой люка показалась голубая голова привидения, без глаз, рта. Привидение искало Мокрицу.

— О Бездна! — вырвалось у Мокрицы. — Они меня не оставят!

Глава 6

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ГОРОДА

Когда одноглазый Джинь поднялся на Главный уровень и передал ожидавшему его взрывнику ключ, он не знал, для какой цели этот ключ предназначен. Взрывник имел приказание отправиться в туннель в сопровождении человека с ключом. О том же, что будет, когда первый посланец откроет нишу на шестом уровне, а взрывник нажмет на рычаг, знал лишь сам Мекиль.

Когда Джинь брел за взрывником по длинному, широкому, как улица, туннелю вдоль разрозненных и проржавевших секций труб, он понял, что хочет вернуться и ему все равно, что намерен делать его спутник. Поражение Мекиля, настоящее и окончательное, дошло до сознания Джиня, и с пониманием этого обнаружилась ложь Мокрицы. Он с таким же успехом мог обещать Джиню и пост первого директора.

Когда претендент в диктаторы терпит поражение, он не сразу, не вдруг теряет сторонников и слуг. Особенно в тех случаях, когда в мозгу этих людей надежно внедрена уверенность в его всесилии. И потом, когда карточный домик власти рассыпается, отдельные валеты и девятки еще по инерции продолжают держаться туза и выполнять его безумные приказы, даже если они понимают их бессмысленность. Джинь тоже оставался верен, но верность его, не имевшая достойного вознаграждения, подверглась испытанию. Джинь еще шел, сжимая в потной ладони ключ, но думал лишь о том, как бы спрятаться, куда бежать.

— Долго еще идти? — спросил Джинь хрипло.

— Сейчас придем, — ответил взрывник, не оборачиваясь. — Скоро.

— И что будет? — спросил Джинь.

— Не знаю, — сказал взрывник. — Ты нишу откроешь, а я нажму на рычаг.

— Зачем?

Взрывник не ответил.

Наверно, там тайный архив Мокрицы, который не должен попасть в руки врагам. Или тюрьма с секретными преступниками. И все-таки идея взрыва Джиню не нравилась. Не потому, что жалко было узников. А вдруг взрыв похоронит и его исполнителей?

— Долго еще идти?

— Пришли уже, — сказал взрывник, показывая на квадратный железный люк. — Открывай, — сказал взрывник.

Джинь повернул ключ, и открылась небольшая ниша с серым ящичком посредине. Из ящичка торчала высокая рукоять, в стену убегали провода.

На ящике был еще ряд кнопок.

Джинь взглянул в туннель. Там было пусто. Где пряталась тюрьма или архив — неизвестно. Джинь отступил на шаг.

Взрывник проверил провода, подключил приборчик с круглым циферблатом и посмотрел внимательно, как дрожит на нем стрелка. Потом с натугой опустил рычаг.

И раздался гром. Закачались стены туннеля, мигнули, погасли и снова зажглись лампы. Пол ушел из-под ног, и лишь то, что оба они стояли в нише, спасло их от воздушной волны. Грохот не умолкал, и Джинь, прижавшись к стене, стараясь уйти в нее и ощущая всем телом ее страшную дрожь, ждал одного — чтобы это прекратилось.

Гул не прекратился, но стены перестали трястись. Неминуемая смерть, заглянувшая в единственный глаз Джиня, отступила в темноту и оттуда посмеивалась над ним.

— Теперь, — сказал взрывник, поднимаясь с пола ниши, как будто ничего и не произошло, — еще раз, и все.

— Что? Еще раз?

Джинь возмутился. Он был убежден, что взрыв будет последним.

— Конечно, — ответил взрывник. — Так по инструкции.

— Ты с ума сошел! — крикнул Джинь, стараясь перекрыть растущий гул. — Ты нас погубишь. Разве ты не видишь, что творится?

Взрывник смотрел на Джиня удивленно.— Но ведь приказ, — сказал он.

Джинь понял, что не допустит второго взрыва.

Он потянул взрывника за рукав, тот обернулся и ударил Джиня по кисти. Джинь не почувствовал боли. Он рванул взрывника на себя, и они упали на гудящий пол. Джинь, оказавшись сверху, бил взрывника затылком о камень, пока тот не затих.

Джинь встал, пошатываясь, и побежал по туннелю, подальше от гула и дрожания стен.

Первый взрыв создал в перемычке глубокую трещину. Второй взрыв должен был привести в действие заряды, расположенные по окружности перемычки.

Тогда бы вода из подземного озера хлынула внутрь, как из открытой трубы. Но второго взрыва не было. И потому вода первые минуты лишь сочилась сквозь трещину. Но напор ее был так силен, что с каждой секундой трещина расширялась, и из нее начали бить фонтаны холодной и прозрачной воды.

Зал Совета директоров был стар, его много лет не ремонтировали, чтобы не погубить фрески на потолке. Фрески почти выцвели, пошли сырыми пятнами, придававшими батальным сценам дополнительную динамичность и некоторую загадочность. Поколения директоров, сменявшиеся под сводами зала за тем же поцарапанным, массивным столом и креслами с жесткими деревянными отполированными сиденьями, часто обращали взоры к потолку, стараясь разгадать значение старинных фресок. Но имена торжествующих героев и поверженных врагов давным-давно были забыты — фрески лишь напоминали о славном прошлом, лишенном содержания, как голова каменной статуи, с незапамятных времен лежавшая на задворках дома директоров. Когда-то она была настолько важна для людей, что они перетащили ее вниз. Вот и берегли...

«А почему их надо беречь?» — подумал директор Спел, входя в зал и оглядывая собравшихся здесь директоров.

Избранные, которые правили подземным городом, собирались сюда уже третий раз за день — усилие поистине невиданное. Сначала им угрожал Мокрица, потом Спел сообщил о Городе Наверху. Они игнорировали эту новость. Страх перед Мокрицей был куда реальнее, чем иной мир. Они убеждали друг друга, что Мокрица не посмеет сделать ничего плохого, что Мокрица свой, что его отец был директором, сидел вот здесь... нет, здесь... нет, я как сейчас помню, что он сидел рядом со мной...

Место Мокрицы пустует. Оно почти всегда пустует. Мокрица презирал ритуалы и неспешность заседаний.

Спел-старший остановился во главе стола и сказал громко, чтобы нарушить солидную бесстрастность собрания:

— Я осмелился побеспокоить вас, уважаемые директора, потому что получил важные сведения.

Лица поворачивались к нему. Директора откладывали карандаши и личные колокольчики. Их взгляды сошлись на упругом, толстощеком лице Спела.

— Господин начальник полиции Мекиль потерпел поражение, — сказал Спел. Сделал рассчитанную паузу. — Мне сообщи-

ли, что он скрылся. Власть на нижних ярусах захватили бунтовщики, во главе которых стоят инженер Рази и известный мне Крони, пришедший из Города Наверху.

Спел видел, как медленно проникает сквозь толстые черепа понимание. Директора пытались сообразить, что хуже — власть Мокрицы или жизнь без него.

— А мы? — спросил директор шахт. — Что с нами?

— Но это еще не все, — сказал Спел и навалился животом на край стола, чтобы приблизиться к вопрошающим, ожившим в страхе глазам директоров. — Это еще не все. Я получил другие сведения. Мокрица решил взорвать перемычку между шестым уровнем и подземным озером.

— Как? — вскочил Калгар. — Он же затопит нижние ярусы города!

— Вот именно, — сказал Спел.

— Идиот! — не сдержался Калгар. — Он же погубит людей. Он погубит тысячи людей! Он хочет утопить всех, кто внизу. Он погубит работников! А кто будет добывать руду и ткать? Кто будет убирать, кормить, поить, освещать город? Кто будет покупать в магазинах и чистить трубы... Это безумие!

— Мокрица всегда был безумцем, — сказал директор коммуникаций. — Он совсем не похож на своего отца. Но что мы можем поделать?

— Я говорил с руководителями мятежа, — сказал Спел. — С минуты на минуту они будут здесь.

— Здесь?!

— Вы боитесь их больше, чем Мокрицу, — заметил Спел. — А они сейчас для нас куда менее опасны. Если мы сможем договориться с ними, то сохраним жизнь, состояние и, возможно, власть.

— Он говорит дело, — сказал Калгар. — Они образумятся, как только мы проявим гибкость. А потом мы будем решать.

— Вожди мятежников полагают, что мы должны убедить население нижних ярусов подниматься вверх...

— А если Мокрица ничего не взорвет? — спросил Калгар.

В этот момент раздался взрыв.

Взрыв был значительно ближе к залу заседаний директоров, чем к тем уровням, на которых в тот момент был Мокрица. Казалось, пол ушел из-под ног директоров, мигнул свет, и гул, шедший снизу, был настолько глубоким и сильным, что заложило уши.

— Мы опоздали, — сказал Калгар. — Я до последней минуты надеялся, что он не посмеет.

— Ведь он из хорошей семьи. Его отец был директором, — сказал директор шахт.

— Я советую, — сказал Спел, — немедленно включить опове-

щение. И затем спасаться. Мы не знаем, как прочны здесь стены. А вдруг их размоет водой?

— Я не могу уйти! — воскликнул директор шахт. — Все мои ценности внизу.

Калгар фыркнул, медленно поднялся и направился к задней комнате, неся перед собой ключ, как и положено в отработанной годами редкой церемонии оповещения.

Спел достал второй ключ и пошел вслед за Калгаром.

Остальные директора встали.

Лишь директор шахт, охваченный ужасом при мысли, что не успеет взять ценности из сейфа в конторе, метнулся к выходу. Спел задержал его.

Мекиль с трудом поднялся на ноги.

Он брел по коридорам, заглядывая в ниши, надеясь встретить хоть кого-нибудь, хоть бунтовщика — но человека, а преследователи снова двигались за ним и не пытались догнать. Они не спешили.

Мекиль увидел узкий проход в стене и потрусил туда. Он рисковал, что там может оказаться тупик. Но тупиком мог кончиться любой из туннелей. Он пробежал узким проходом и оказался в комнате, перегороженной каменной стеной из неровных глыб.

Конец.

И в этот момент он услышал, как вздрогнула земля и загудели стены, как глубоко вздохнула каменная толща подземелья.

И понял, что это означает.

Мекиль рванул воротник мундира, и пуговицы посыпались камешками по полу. Это были красивые и очень дорогие пуговицы из хрусталя. Затем выхватил висевший на цепочке на шее сигнализатор. Только бы успеть. Он нажал красную кнопку, и кнопка щелкнула. Мокрица отбросил в сторону ненужный уже аппарат. Он знал, что наверху, где сидят в ожидании приказа четыре агента, загорелся красный сигнал.

— Все, — сказал себе Мокрица.

Привидения не двигались.

Мокрица огляделся. Каково оно, место его последнего успокоения?

В углу черным пятном лежала груда тряпья. Мокрица сделал шаг в ту сторону, направил на кучу тряпья свет фонаря.

Под тряпками лежал мертвец. Неизвестно, когда он умер, но в сухом воздухе подземелья тление не коснулось его. Он лежал спокойно и был похож на статую. Мокрица лихорадочно копался в памяти. Откуда он знает этого человека? Мокрице стало страшно оставаться с этим человеком в одной комнате. Судьба и смерть человека почему-то были связаны с его судьбой...

— Инженер Лемень, — прошептал Мокрица. — Это ты, инженер Лемень?

Калгар включил аппаратуру.

Остальные директора стояли за его спиной и наблюдали за тем, как нагреваются красные волоски ламп.

Калгар отошел в сторону, и Спел вставил ключ в отверстие над рядом кнопок. Из отверстия он вынул микрофон.

Все было готово.

Директор шахт незаметно выскользнул из комнаты и на цыпочках поспешил к двери. И погиб первым.

Четверо агентов Мокрицы, получившие последний приказ начальника, встретили его в дверях.

Остальных директоров они расстреливали в упор в маленькой комнате у передатчика, и каждая пуля настигала цель, потому что спрятаться было негде.

И потому первыми звуками, которые послышались в зашумевших, оживших громкоговорителях, установленных на всех перекрестках, были короткие и частые звуки выстрелов, стоны и крики.

Выполнив приказ, агенты спокойно повернулись и ушли.

— Тебе надо уходить, — сказал Круминьш.

— Я должен остаться, — Крони висел под потолком машинного зала теплостанции и вместе с двумя рабочими задраивал вентиляционные люки. Вообще-то рабочие могли справиться и без него, но лишняя пара умелых рук пригодилась.

— Ты очень нужен наверху, — сказал Круминьш.

— Рази должен был послать людей, чтобы они обеспечили работу лифтов.

— К нему спускается Станчо. Он подсоединит к подъемникам автономное питание от нашей станции. Воды там нет?

— Пока все сухо, — сказал Крони. — О Мокрице не слышали?

— Нет.

— Надеюсь, он сгинул, — сказал Крони, спускаясь по веревочной лестнице вслед за рабочим. Последние люки были задраены, и если вода придет сюда, потребуется немало времени, прежде чем она проникнет в машинный зал.

— Выключаем свет на жилых уровнях, — сказал дежурный инженер. Он говорил утвердительно, но в любом случае это был вопрос, и решить его следовало Крони. Его решения ждали де-

сятки людей, мечтавших о том, чтобы поспешить к лифтам, чтобы вырваться из этой ловушки — машинного отделения тонущего корабля. Но пока Крони не скажет, что так сделать можно, они останутся на своих местах. Работники теплостанции, более чем другие в городе, привыкли к постоянной опасности — они жили на вулкане, и их объединяло чувство товарищества, редкое в других местах разобщенного подземного мира.

— Попроси его подождать, — понял, о чем идет речь, Круминьш. — Если люди начнут уходить из кварталов в темноте, страшно подумать, что случится.

— Сейчас, — сказал Крони инженеру, — наши люди переносят к лифтам прожектора. Их установят минут через пятнадцать. Вы сможете продержаться?

В этот момент зашуршал репродуктор над их головами — репродуктор общего оповещения.

— Это Спел, — сказал Крони с облегчением. — Директора все-таки решились обратиться к людям. Я боялся, что они предпочтут погубить город.

Крони ощущал, как текут секунды, и представил себе, как в городе, не ведающем о событиях последних часов, люди бросают дела и оборачиваются к репродукторам.

И тут шуршание было прервано выстрелами... Крики, стоны, хрипы умирающих и снова выстрелы, как бы ставящие серию точек над страшной и непонятной сценой наверху.

Несколько секунд все стояли неподвижно. Замер весь город, и даже самые неосведомленные связывали выстрелы с далеким гулом взрыва, который услышали только что. Память о землетрясении, погубившем несколько лет назад часть города, просыпалась в подсознании первобытным страхом, стремлением вырваться наружу, но слово «наружу» означало лишь другой уровень.

— Что там произошло? — спросил Крони у Круминьша, но и Круминьш ничего не знал.

И тут шуршание в репродукторах было прервано тихим, срывающимся голосом инженера Рази.

— Сограждане, — сказал он.

Не было времени объяснять, что произошло. Как стражники продолжали исполнять приказы исчезнувшего Мокрицы, так и Рази именем мертвых директоров обращался к людям.

— Совет директоров приказывает: всем без вещей выходить из кварталов...

Рази вспоминал расположение лифтов и лестниц и старался представить самые короткие пути к спасению.

— Кварталы 1, 2, 3, 4 каждого жилого уровня поднимаются вверх по лестницам и служебным лифтам левой стороны. Остальные сектора подходят к главным лифтам. В первую очередь садятся в лифты те, кто живет на самых нижних уровнях. Наблюдение за порядком поручается квартальным. Вещи брать с собой запрещено. Каждый, кто попытается бежать, отталкивать других, будет наказан. Квартальные уходят последними, когда уровень освобожден от людей. Каждый берет с собой зажженный светильник и ставит на улице у своего дома. Сообщение будет повторено.

Рази бросил микрофон. В дверях переговорной стоял пожилой инженер со свитком в руке.

— Кладите планы на стол.

Инженер начал раскладывать листы на столе директоров, где лежали колокольчики и карандаши членов Совета.

— Мне некогда повторять оповещение, — растерянно сказал Рази. — И как назло, никого нет.

— Я буду говорить, — сказала бледная девушка.

Рази не видел, как она вошла в переговорную. Девушка смотрела на труп Спела.

Рази с облегчением протянул ей микрофон. Он не знал, кто она, а потому при первых словах ее вздрогнул.

— Говорит Гера Спел. Я говорю по поручению моего отца. Совет директоров приказывает...

Рази несколько секунд стоял рядом, потом вышел к инженеру.

Мокрица хотел жить. Он метнулся к стене. Стена была сложена из неровных каменных глыб. Ее, видно, соорудил сам Лемень. Мокрица бился о ту же стену, о которую, но с другой стороны, бился недавно трубарь Крони.

Он вытащил глыбу. Для этого пришлось подняться на цыпочки. Глыба была тяжелой, и, толкнув ее, Мокрица покатил ее в сторону придвигавшихся привидений. Они расступились и снова замерли.

Вода может заполнять бесконечные коридоры долго, день, второй, и он успеет наверх и снова обманет всех, он будет жить, потому что он не может умереть. Умирают слабые — умирают лемени и спелы.

Он прополз на животе сквозь дыру в камнях и вывалился на пол следующего помещения, ушиб локти, но фонарь сохранил. И с облегчением поднял голову, потому что ощутил движение воздуха, и это значило, что он уже в городе Предков.

И в луче фонаря он увидел крысиные морды. Десятки крысиных морд располагались полукругом, как будто крысы собрались со всех концов подземелья, чтобы приветствовать его выход из-

за кулис. И если бы Крони мог видеть эту сцену, последнюю в жизни Мокрицы, он подумал бы, что за неделю крысы, проводившие его до той стены, так и не сдвинулись с места. Но крысы пришли сюда недавно, потому что знали: человек закончит свой бег по туннелям именно здесь...

Такаси искал Мокрицу, чтобы остановить его.

Он пришел в опустевший дом стражи, заглянул в кабинет Мокрицы, увидел камеры пыток, зашел в архив, где хранились карточки на каждого жителя города, и даже в спальню директора, где тот обычно ночевал, потому что не любил спать дома. Мокрицы нигде не было. Неизвестно было, что он еще задумал. Об этом Такаси сообщил Круминьшу.

— А мы расширили выход из подземелья, — сказал Круминьш. — Теперь здесь дыра метров в десять. Скоро будем готовы.

— А что еще происходит? — спросил Такаси, направляясь к выходу из логова Мокрицы.

— Что происходит? — Такаси узнал голос Наташи. Наташа старалась говорить весело и беззаботно, чтобы скрыть страх за Такаси, который там, внизу, где с ним может произойти что-то ужасное. — Анита разбивает лазарет.

— А почему ты не там?

— Мы с Кирочкой остались здесь, — сказала Наташа. — Мы должны принимать беженцев и отводить их в безопасное место.

— Понимаю, — сказал Такаси. И он не смел сказать ей, что хочет, чтобы она была подальше от подземелья.

— Гюнтер ушел вниз, на шестой уровень, к прорыву, — сказала Наташа. — И Станчо ушел. Знаешь, все просто проваливаются под землю, а мне страшно за вас.

— Я пойду к Гюнтеру, — сказал Такаси.

— Ой, не надо! Ты ничем не поможешь. Спроси у Круминьша.

— Крони! — перебил ее голос Круминьша. — У вас нет воды?

— По стенам лифтовой шахты текут ручейки. Но это бывает иногда, если прорвет трубу, — услышал Такаси ответ Крони.

В эти минуты Крони поднимался в лифте с энергетиками.

— Мы остановились, — сказал Крони, — тут много детей и женщин. Их не успевают вывозить. Придется выйти.

— Эх, Крони, — сказал Круминьш в сердцах. — Ты так нужен наверху!

Перед ним на экране была сцена, запечатленная телепередатчиком Крони, лифтовая площадка и женские руки, царапающие решетку, чтобы остановить лифт — единственное звено между жизнью и неумолимой загадочной смертью. Решетка отодвинулась, и обнаружилась сумятица тел и поднятых рук — колеблющаяся картина ада, освещенная слишком ярким лучом прожектора. Прожектор покачивался под напором толпы, и два мрачных электрика отталкивали людей, чтобы толпа не опрокинула единственный источник света. Затем Крони повернулся, глазок на его груди взглянул назад — на медленно уползающее наверх, изрезанное вертикальными полосами решетки светлое пятно лифта.

На площадке оставалось еще много людей, подходили новые.

Круминьш понимал, что Крони оказался в западне нижнего, самого бедного, самого набитого народом уровня подземного города.

Крони послал двух рабочих посмотреть, можно ли подняться по служебной лестнице. Неизвестно, удастся ли еще раз лифту прорваться так низко — ведь на пути его другие уровни и на каждом толпы перепуганных людей ждут спасения. Хотя Крони знал, что до шестого яруса далеко и лестницы, которыми редко пользовались, пришли во многих местах в негодность. Пока не вернутся посланные на разведку, он не отпускал людей к лестнице — на улицах стояла кромешная тьма, кое-где разрываемая лишь светильниками, вынесенными из домов. У лифта оставалась какая-то надежда.

Гюнтер шел по шестому ярусу, толкая перед собой тележку с баком, полным ремонтного пласта, и распылителем. Пласт затвердевал почти мгновенно и заполнял пеной любое отверстие. За спиной Гюнтера был ранец со взрывчаткой. Взрыв настиг Гюнтера, швырнул о вагонетку. Он с трудом поднялся. Рвануло впереди. Минут через пять Гюнтер остановился на развилке туннелей.

Наверху Макс склонился над локатором, пытаясь разобраться в тусклой сетке зеленых линий — туннелей.

— Правильно идешь, — сказал он.

— Вижу человека, — сказал Гюнтер.

Человек выбежал из широкого туннеля. Он налетел на тележку, зажмурил от боли единственный глаз, метнулся к стене и, перебирая по ней руками, побежал дальше.

Через сто шагов Гюнтер увидел, как по углублению в центре пола журчит растущий на глазах ручеек воды.

Гюнтер уже понял, что взрыв еще не до конца разрушил перемычку, но вернее всего это случится через несколько минут, и Гюнтер мог, по крайней мере, отсрочить катастрофу.

Воды прибавилось, и Гюнтеру приходилось выше поднимать ноги. Подошвы башмаков скользили по мокрому камню.

Туннель расширился и превратился в зал старого водозабор-

ника. Дальнюю стену зала пересекла трещина, и струи воды забили с такой силой, что пролетали через весь зал, разбивались о противоположную стену и стекали потоком вниз. Вода под ногами бурлила и закручивалась водоворотами. Гюнтер мрачно поглядел на трещины, бороздившие стены, и сказал:

— Боюсь не справиться.

Говоря так, он уже поднимал распылитель. Тележка качнулась, и Гюнтер ее с трудом удержал. Вода доставала до колен.

Гюнтер включил распылитель. Пена встречалась со струями воды и разлеталась клочьями, застывая на лету.

Наконец первые клочья пены приклеились к стене, превращались в светлые комья и вздувались, как пузыри, под напором струй.

Первый лифт застрял у верхних ярусов, и Станчо висел над ним на проводах, рискуя получить смертельный удар током, и пытался надежнее переключить его управление на свою, верхнюю станцию. В лифте плакали дети, и стражник, который управлял клетью, ругал снизу Станчо, которого считал одним из электриков. Макс Белый помогал автоматам растаскивать камни, оставшиеся после взрыва верхнего прохода, и мостить пологий выход. Круминьш дежурил у экранов, поддерживая связь с теми, кто был внизу, и проклинал судьбу, не дающую ему права броситься к темному провалу.

Вернулся один из людей, посланных Крони по лестнице.

— Лестницу можно расчистить, — сказал он. — Только не знаю, на сколько уровней.

Гюнтер упорно держал распылитель, и пена постепенно заваливала зал.

И вдруг распылитель пискнул и дернулся в руке Гюнтера. Пена кончилась.

— Все, — сказал Гюнтер.

Половина зала была набита застывшей пеной, и вода, вытекающая из-под нее, как будто потеряла часть своей злости. Пена плотнела и лишь вздрагивала, как будто кто-то с той стороны размеренно бил по ней тяжелым молотом.

— Маленькая передышка. Пластырь на тонущем фрегате, — сказал Гюнтер. — Надо взрывать туннель.

Гюнтер оставил тележку и побежал по туннелю. Через несколько десятков шагов, в том месте, где потолок туннеля навис, он вытащил заряды, потом начал методично приклеивать их по периметру туннеля, словно впереди у него была вечность.

Круминьш молчаливо молил его: скорей же! Но ничего не сказал вслух, потому что вмешиваться было нельзя. Он только подумал, какое счастье, что Макс Белый крошит вездеходом дорогу к госпиталю и ничего не слышит. Они же с Гюнтером проработали рядом двадцать лет.

И тут раздался грохот: пластырь, лопнув, разорвался на множество клочков.

Гюнтер бросился на землю и в то же мгновение привел все заряды в действие.

Он успел в полной темноте увидеть стену рычащей воды, несущую впереди себя клочья разорванного пластыря. И успел увидеть, как навстречу воде обрушивается потолок туннеля, смыкаются стены, камень и вода ударяются друг о друга с невероятной силой стихий.

И где-то в самом центре этого бешеного столкновения остался и он.

Звук прервался. Во всех динамиках. И нельзя было надеяться на чудо. Крони все смотрел на стену лифта и ждал, пока ручеек либо превратится в поток, либо исчезнет.

Но не случилось ни того, ни другого. Ручеек продолжал литься.

Круминьш думал: хорошо бы Макс еще некоторое время не возвращался. Он видел, что Наташа с Кирочкой вдруг исчезли под землей, будто увидели там что-то важное.

— Пошли первые люди, — сказал Круминьш Крони, а затем переключился на госпиталь и спросил Аниту: — У тебя готово к приему?

— Ты с ума сошел? — воскликнула Анита. — Погоди немного.

— Я не могу остановить людей и попросить их остаться под землей, потому что у тебя не все готово.

— Ты меня неправильно понял, — сказала Анита, — просто я растерялась. Как там дела у других?

— Все нормально, — ответил сухо Круминьш, потому что она спрашивала о Гюнтере, а он не мог сказать ей о нем.

Наташа стояла в широкой яме. Дождь мерно сыпался сверху, и Наташа подумала: хорошо, что нет солнца, оно не будет слепить людей, которые никогда его не видели. А скоро начнет темнеть. В глубине были видны человеческие лица.

Это было странное и жуткое зрелище.

Девушки стояли наверху наклонного хода, который уходил метров на десять вниз, к площадке, туда Станчо провел первую партию беженцев, высвободив их из застрявшей ниже клети. И люди эти — в основном женщины и дети — остановились, как

только увидели над головой светлое пятно, и больше не смогли сделать ни шагу.

Они стояли, сбившись в кучку, и смотрели туда, где был незнакомый, холодный и слишком белый свет.

Эта сцена тянулась бесконечно долго. Может быть, минуту или больше. Никто не двигался. И люди снизу смотрели на две фигурки в обтягивающих гладких комбинезонах, которые силуэтами вырисовывались на фоне слишком светлого пятна.

Капли дождя иногда залетали вглубь, но никто из беженцев не вытирал их, и они казались людям подземного города каплями, падающими с высокого потолка мира наверху.

Тогда, чтобы нарушить эту тишину и оцепенение, Кирочка сбежала вниз, приблизилась к кучке людей и протянула руку к растрепанной и страшно грязной девчонке, истощенной до безумия, в громадных, прикрученных проволокой башмаках и в обрывках серой тряпки на бедрах.

Девчонка смотрела на нее внимательно и серьезно. И затем ее паучья ручка дернулась и начала медленное путешествие длиной в несколько сантиметров.

Рука Кирочки была теплой, и ладонь девочки уютно утонула в ней.

— Пошли, — сказала Кирочка и чуть потянула за руку.

Девочка оглянулась. Все остальные смотрели на нее, как будто от ее следующего шага зависела их жизнь.

Девочка пошла за Кирочкой. Остальные сначала сделали один шаг, как будто общий, — движение прошло по всей группе.

Они не смели обогнать Кирочку с девочкой. И боялись отстать от них. С каждым шагом становилось все светлее, люди стали оглядываться друг на друга и удивляться тому, что видят, потому что они никогда еще не видели своих соседей при свете дня.

Наташа стояла в растерянности и наконец, когда мимо прошла последняя женщина, таща за руку мальчишку и взвалив на спину грязный узел, рванулась к ней, чтобы помочь, но женщина огрызнулась и вцепилась в узел. Наташа не стала пугать ее. И тут же услышала снизу знакомый голос:

— Это ты, Наташа? Не убегай от меня, не оставляй меня на произвол судьбы в этом подземном царстве.

— Ой, — сказала Наташа с облегчением. — Ты опять фиглярничаешь, Така.

Такаси вел следующую группу. Люди шли, держась за руки, длинной цепочкой, словно слепцы, и первым в цепочке был Такаси. Им пришлось пройти несколько верхних, пустых и темных уровней, и лишь фонарь Такаси служил им ориентиром.

— Где здесь возвращают зрение? — спросил Такаси.

Он не знал, что Гюнтер погиб. Но как только цепочка людей вышла наружу, он спросил:

— Наташа, а как Гюнтер?

— Что Гюнтер? — удивилась Наташа, которая не могла оторвать глаз от страшной картины человеческой немощи.

— Гюнтер должен был взорвать туннель, — сказал Такаси.

— Ой! — испугалась Наташа. — А я не знала.

Такаси в два прыжка, обогнав группу, выскочил наверх и побежал к тенту, где у пульта связи сидел Круминьш. Он подумал, подбегая, что Круминьш стал старше с утра, куда старше.

— Как Гюнтер? — спросил Такаси.

Круминьш положил ладонь на выключатель связи.

— Ты пришел, Такаси, это хорошо.

— Я вывел человек тридцать. Это немного, но пришлось расчищать завал. Как Гюнтер?

— Гюнтер погиб. Но перемычка пока держит воду. Сколько это будет продолжаться, я не знаю. Наверно, недолго.

Такаси не мог представить Гюнтера мертвым.

— Слушай, Така, — сказал Круминьш. — Во-первых, об этом еще не знают ни Анита, ни Макс. Во-вторых, времени осталось мало и тебе придется вернуться к выходу. Пускай девушки отводят беженцев по дороге к госпиталю, а потом останутся в помощь Аните.

Такаси побежал обратно, к выходу. Люди из подземелья уже стояли наверху, жмурили глаза и закрывались руками от света, хотя день был сумеречный и клонился к вечеру.

— Девушки! — крикнул на бегу Такаси. — Я остаюсь здесь за вас. Ведите их к Аните.

— А как Гюнтер? — спросила тогда Наташа.

— Скорей, — ответил Такаси. — Там уже идут новые!

И девушки послушно пошли к дороге, пробитой в кустах, как утки, ведущие за собой выводки утят.

Такаси включил связь. И сразу множество звуков зазвенело в наушнике.

Голос Геры:

— Уважаемые сограждане. Не забывайте, что зажженный светильник на улице поможет и вам, и вашим соседям быстрее найти дорогу к лифту и лестнице...

Голос Крони:

— Да, Вилис, я знаю, что Станчо пошел вниз. Но боюсь, что его лифт к нам не прорвется. Ты не представляешь, что творится выше. Мы поднимаемся по лестнице.

Голос Круминьша:

— А как вода?

Голос Крони:

— Опять ее стало больше. Хорошо, что изолирована станция. А то бы взорвались котлы.

Такаси сказал:

— Круминьш, я пойду на шестой ярус.

— Нет, — ответил Круминьш. — Ходьбы туда полчаса. И если бы Гюнтер был жив, он дал бы о себе знать.

— А если он ранен?

— Мы потеряем и тебя.

— Здесь останется Макс.

К Круминьшу пришел Макс.

— С Гюнтером плохо? — спросил он.

— Да, — сказал Круминьш.

— Никакой надежды?

— Никакой. Но я не смог удержать Такаси. Он побежал туда.

— А что с водой?

Макс говорил очень спокойно, но голос его был мертвым.

— Вода пробивается снова. И сколько выдержит завал, неизвестно.

— Жалко, что я не успел, — сказал Макс. — Я бы ушел вместо Такаси. У меня больше шансов.

— Никому не надо было идти.

— Знаю, — сказал Макс. — Знаю, что никому, но кто-то должен был пойти. Теперь мне придется остаться здесь.

— Да, — сказал Круминьш. — Тебе придется остаться.

Когда Такаси добрался до завала, из-под которого, как из-под кромки ледника, вырывался поток, он понял, что путешествие было напрасным. Но его надо было совершить. Если бы он не пришел сюда, на всю жизнь осталась бы боль от сознания, что они не сделали того, что сделал бы ради любого из них следопыт Гюнтер.

— Завал держит, — произнес Такаси.

— Гюнтера нет, — сказал утвердительно Круминьш.

— Нет. Много народу поднялось?

— Много. Но никто не знает, сколько осталось.

— А как дела у Крони?

— Он поднялся только на один уровень. А там и своих беженцев много. Дальше снова камни. Станчо пытается добраться до них.

Такаси в последний раз оглянулся на завал. Поток увеличивался на глазах.

— Времени осталось немного, — сказал Такаси. Он думал, что сказал это про себя, но Круминьш слышал.

— Уходи же оттуда! — крикнул он.

Такаси повернул обратно. Поток толкал сзади и норовил свалить с ног. Приходилось бежать, высоко поднимая ноги.

Такаси отыскал лестницу на уровень выше и выбрался в город. Этот ярус был почти пуст. На улицах у домиков, лишь фасады которых выдавались из скал, стояли светильники. Какие-то темные фигуры метнулись в тень при виде Такаси, волоча мешки, — оказалось, что даже в такие моменты находится место и время для грабителей.

Такаси представлял себе расположение улиц и знал, где находится та лестница, которую он недавно расчищал... Туда он и шел.

Шел и слушал голоса в динамике.

Голос Геры:

— Уважаемые сограждане. Есть места в служебном лифте третьей секции. Те, кто находится вблизи этого яруса, могут пройти к нему...

Голос Круминьша:

— Крони, иди к большому лифту. Туда прорывается Станчо.

Голос Крони:

— На улице, которой мы идем, появилась вода.

Голос Макса, который взял у Круминьша запасной передатчик:

— Вилис, надвигается дождь. Есть запасные тенты?

Голос Круминьша:

— Если они промокнут, это не худшее, что может случиться. Важнее их сейчас накормить.

Голос Аниты:

— Вилис, ты не понимаешь, что уже половина их простужена. Они не приспособлены к свежему воздуху.

Неожиданно перед Такаси упала стена воды. Как занавес. Брызги разлетелись во все стороны. Стена была тонкой — сквозь нее дальше по улице мерцали огоньки светильников.

Такаси поспешил к лестнице, догнал испуганную группу беженцев, которая, если бы Такаси не увидел их, промахнулась мимо поворота и вскоре оказалась в тупике. И Такаси представил, как сотни людей в ужасе мечутся по улицам и туннелям.

В этот момент земля вновь содрогнулась. Прорвало завал Гюнтера.

Такаси успел привести группу беженцев к лестнице и шел сзади. Они успевали. Вначале вода по лифтовым шахтам и вентиляционным люкам рухнула вниз, к теплостанции. И, заполнив уровень теплостанции и шахт, она начала подниматься. Скоро она достигнет туннеля, ведущего к Огненной Бездне.

Такаси казалось, что лестницы между ярусами бесконечны. Все время приходилось останавливаться, толкать, тащить отстающих. Приближение очередного уровня можно было угадать по звуку репродукторов. Хриплый голос Геры, прерываемый тяжелым кашлем, звучал как пульс в умирающем теле.

По другой лестнице на несколько уровней ниже поднимался Крони. Толпа, окружавшая его, была в несколько раз больше и двигалась куда медленнее, чем группа Такаси. И у нее почти не было шансов выбраться наверх, хотя понимал это лишь сам Крони и те, кто следил за продвижением людей сверху. И помочь им было нельзя: Станчо вынужден был трижды возвращаться, потому что на каждой площадке еще были люди, и эти люди не менее других заслуживали спасения.

Такаси вывел очередную партию беженцев на верхний ярус, откуда уже обжитой, наполненный запахами и звуками туннель вел к выходу.

Он остановился, прислушиваясь к звукам умирающего города...

Голос Аниты:

— Вилке, я вынуждена укладывать людей на землю.

Голос Макса:

— Где Станчо?

Голос Круминьша:

— Станчо пошел вниз. И я не слышал его уже минут пять.

Молчание. Все ждут, не возникнет ли голос Станчо. Но вот он отозвался:

— Я поднимаюсь.

Голос Геры:

— Пожалуйста, спешите. Времени осталось мало...

Такаси представил себе тонущий корабль и радиста, который не уходит из рубки, хотя на полу уже бурлит вода.

Голос Круминьша:

— Ты почему задерживаешься, Крони?

Голос Крони:

— Тут больные. И старухи. Я их подгоняю, но мы отстали.

Внимание Такаси было отвлечено странным зрелищем. В отверстии туннеля показались два полуобнаженных человека с факелами в руках. За ними, подождав, пока факелоносцы замрут по обе стороны выхода, выплыл мелкими шажками бритый старец в длинном одеянии, расшитом языками пламени. Он нес, прижав к груди, массивную шкатулку. За ним шествовали еще три или четыре старика — эти были нагружены солиднее. Один сгибался под тяжестью позолоченной статуи в метр высотой, другой волочил мешок с какими-то угловатыми предметами — мешок подпрыгивал по полу, в нем позвякивало. Такаси сделал было несколько шагов, чтобы помочь старикам, но, заметив это, первый старик жестом остановил его. Факелоносцы возобновили движение вперед. Здесь, в вечереющем, влажном воздухе, нужды в факелах не было, и огонь их сразу стал тусклым и незначительным. Налетевший ветерок принялся рвать пламя. В глубине туннеля

видны были лица следующей партии людей, но никто не двигался — они ждали, пока старики пройдут вперед. Жрецы, понял Такаси.

— Я иду вниз, — сказал Такаси. — Надо вывести Геру Спел.

— Такаси... — это был голос Круминьша.

Такаси понял, что Круминьш хотел остановить его. И не посмел.

Земля чуть дрогнула под ногами. Там, в глубине, в темноте, земля старается приспособиться, упрочиться, заполнить пустоты... Жрецы вдруг побежали дальше от входа. Такаси проводил их взглядом и бросился вниз. Туда, где возникал, все слабее и реже, голос Геры Спел.

Дорога была знакома, лестница почти пуста. Лишь изредка встречались отставшие люди, прижимались к стене, услышав топот башмаков Такаси. Он представил себе, сколько ярусов подземелья отделяет его от Крони, подгоняющего стариков и больных в самом хвосте процессии, муравьев, заблудившихся в горе.

Такаси выбежал на Главный ярус. Вода медленно текла, неся сор, она казалась черной и густой под лучом фонаря, лениво закручивалась водоворотами над люками и с занудным звуком всасывалась в щели.

Никто не встретился Такаси на этом ярусе. Навстречу плыла крыса. Белое слепое существо размером с кошку, безглазое, с длинной острой мордой. Такаси шагнул в сторону, чтобы не столкнуться с ней.

В Совете директоров горел свет. Еще работал автономный блок.

Зал заседаний был очень длинным, и стол казался низким — его ножки наполовину ушли в воду. В воде плавал труп толстого человека.

— Гера! — позвал Такаси.

Из дальней комнаты, дверь в которую была приоткрыта, донесся кашель. Такаси добрался до двери. Гера сжимала в руке круглый микрофон, но говорить не могла.

— Крони, — сказал Такаси. — Крони.

И показал пальцем вверх.

Гера смотрела на него, не понимая.

— Крони, ты меня слышишь? — спросил Такаси.

Ответ пришел не сразу.

— Слышу, — ответил Крони.

— Я сейчас дам Гере наушник. Скажи ей, чтобы шла со мной.

Такаси протянул наушники девушке. Та отшатнулась. Наушник тихо верещал. Такаси понял, что церемониться некогда. Он

резко отвел тонкую руку Геры и приложил наушник к ее уху. Она замерла, как испуганный зверек. Потом поняла. Узнала. Кивнула головой. Медленно, с трудом поднялась, сделала шаг к Такаси. Тот взял у нее из руки микрофон.

— Внимание, — сказал он на терра-лингве. Он понимал, что никто из тех, кто остался в городе, его не поймет. — Говорит Накаяма Такаси. Станция заканчивает работу. Она возобновит работу завтра, в Городе Наверху.

Гера шла с трудом. Такаси поднял ее на руки, она была легкой.

Голос Круминьша:

— Такаси, почему не отвечаешь?

— Я иду наверх. Я близко. Не беспокойтесь. Что нового?

Голос Круминьша:

— Напор воды ослаб. Наверное, озеро выплеснулось, но радоваться рано...

Крони ненавидел этих стариков — как только они выжили в городе? И беременную женщину с ребенком на руках, которого она не хотела доверить трубарю. И хромого ткача. Все остальные давно уже ушли вверх по лестницам, может, уже вышли наружу. А Крони должен помирать из-за этих уродов. Он подгонял их, ругал, беженцы огрызались, словно только ему нужно было, чтобы они оказались наверху. Дважды камни начинали дрожать, и тогда, вместо того чтобы спешить наверх, слабосильная команда Крони замирала. Потом к ним присоединился худой, горбатый жрец-отшельник. Он был в рваной хламиде, на шее ожерелье из тяжелых камней. Это ожерелье тянуло его голову вниз, он шел, согнувшись в дугу, и все время кричал о конце света.

Крони знал, что Такаси ведет Геру наверх. И это было хорошо. У следующего пролета старики, как по команде, сели на каменный пол. Крони хотел избить их, чтобы заставить встать. Может, месяц назад и прибил бы. А сейчас уже не мог.

От лестницы шел широкий жилой туннель к лифтовой шахте. По лестнице лилась вода и растекалась по полу. Старики сидели в воде. Младенец вопил. Вода шла все сильнее. Один он бы еще пробился, но со стариками ему не пройти. Старики молились.

Крони включил связь.

— Круминьш, — сказал он. — Наверное, нам не выбраться. Вода.

— Напор ослаб, — повторил Круминьш. — Подождите немного. Макс Белый поехал в лагерь за скафандром высокой защиты. Он пойдет к тебе.

— Поздно, — сказал Крони. — Не надо.

Он пошел по коридору к лифтовой шахте, чтобы поглядеть,

как там. Кружась в воде, перед ним плыла горящая плошка. Это было красиво.

Крони заглянул в шахту. Вода хлестала по ее стенам. Он наклонился. Луч фонаря уперся в воду, бурлившую метрах в десяти. Значит, нижние ярусы уже затоплены и вода пошла к Огненной Бездне.

Крони сказал об этом Круминьшу. Тот ответил, что всех людей отводят от выхода на восток, как можно дальше. Но это трудно.

Крони показалось, что сверху раздается какой-то шум. Он поднял голову и увидел, что на него надвигается грязный, в путанице кабелей, низ лифта. Вода пробивалась в щели и била сильными струями. Крони закричал старикам, чтобы они поднимались, побежал к ним и потащил к лифту беременную бабу, которая отбивалась и стонала. Он успел вернуться к шахте в тот момент, когда лифт поравнялся с уровнем. Мокрый, измученный Станчо крутил ржавую рукоять колеса — лифты в нижнем городе были снабжены такими рукоятями, чтобы можно было добраться до следующего яруса, если нет электричества или что-то сломалось. Но никто еще не гнал вручную лифт на несколько ярусов вниз.

Когда лифт поравнялся с ярусом, Станчо увидел свет фонаря.

— Крони? — спросил он. — Черт тебя побери. Хорошо, что ты здесь.

— Хорошо? — сказал Крони.

— Без тебя бы мне не вытащить эту штуку наверх, — сказал Станчо.

Они втащили в лифт стариков, инвалида и жреца. Станчо буквально валился с ног. Но Крони смог подменить его лишь минут на пять — на один ярус. Потом Станчо взял рукоять. Потом им помог немного хромой ткач.

Они выбрались на верхний уровень последними. Далеко не все жители города успели. А кое-кто и не захотел. Думал, что в городе безопасней. Или думал, что ничего, кроме города, в мире нет. Они вышли из туннеля, и здесь старики окончательно выдохлись.

Прибежали Кирочка с Такаси. Общими усилиями начали поднимать обессилевших беженцев, и это было нелегким делом. Помогла неожиданность. Вдруг беременная баба вскрикнула, подхватила ребенка и побежала прочь от входа, за ней стали подниматься, отползать, бежать старики... Такаси обернулся.

Из черного зева туннеля выскакивали крысы — тысячи крыс. Они давили друг дружку, царапались, кусались — они спасались из обреченного города. Вырвавшись на волю, крысы веером рассыпались по кустам... А когда поток крыс оборвался, в глубине туннеля возникло сияние — светящимися облаками выплывали наверх привидения и сливались с синим вечерним воздухом...

Город взорвался через пятьдесят шесть минут.

Земля на том месте, где был выход из туннеля, начала со скрипом и нутряным гулом вспучиваться, будто наружу рвался громадный зверь. И потом ринулась к небу грозным столбом камней, пыли и пара. И еще не успели долететь до низких облаков мелкие камешки и брызги, как она стала проваливаться внутрь, сминая в ничто упорядоченный и нерушимый мир города... На следующее утро на том месте образовалось глубокое, почти круглое озеро. Порой на его поверхности вспучивался пузырь газа или начинал крутиться водоворот.

Когда с неба перестали сыпаться камни и земля лишь неровно дышала и всхлипывала, люди стали подниматься на ноги. Макс смотрел назад, туда, где остался Гюнтер Янц. Крони не сразу нашел Геру, которая лежала в лазарете у Аниты. Он бестолково, растерянно искал ее в шевелящемся, крикливом, перепуганном скопище людей.

Такаси хотелось побыть одному. Чтобы ничего не слышать и ни о чем не думать. Он спустился с холма и лег на траву. Гул лагеря доносился, как далекое жужжание пчел. Там были тысячи людей, которых надо было накормить, успокоить, разместить, а ведь никто из них не подозревал о существовании Гюнтера Янца, который задержал наводнение на полчаса.

Такаси лежал на траве и глядел на вечернее небо, которое не может обрушиться.

Тут его и отыскала Наташа. Она села рядом и положила ладонь на его исцарапанный, горящий лоб.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ ПУТИ. *Повесть* 5
ВЕЛИКИЙ ДУХ И БЕГЛЕЦЫ. *Повесть* 65
ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА. *Повесть* 163
ЗАКОН ДЛЯ ДРАКОНА. *Повесть* 345
БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ЗОЛУШКИ. *Повесть* 387
ПОЛОВИНА ЖИЗНИ. *Повесть*. 461
ПОСЕЛОК. *Повесть* 501
ГОРОД НАВЕРХУ. *Повесть*. 759